

Евразийский юридический журнал

№ 9 (100) 2016

Редакционный совет журнала

Председатель

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя

БЕКЯШЕВ Камилль Абдулович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

БЫСТРОВ Григорий Ефимович, д.ю.н., профессор (Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К.А. Тимирязева – РГАУ-МСХА)

ВАПЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОРБУТ Людмила Васильевна, ученый секретарь Российской ассоциации международного права

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАПЕЕВ Юрий Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России)

МАУЛЕНОВ Касым Сырбаевич, д.ю.н., профессор (Международный университет информационных технологий, г. Алматы, Республика Казахстан)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

МУХАМЕТШИН Фаим Баязитович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский юридический институт МВД России)

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

САЛИХОВ Гафур Губаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный университет)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМАГУЛОВ Асылбек Айжарыкович, д.ю.н., профессор (Институт законодательства Республики Казахстан)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН)

СТЕПИН Вячеслав Семенович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАТКУДИНОВ Зуфар Максумович, д.ю.н., профессор (Университет управления «ТИСБИ», г. Казань)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ,

Первый вице-президент Российского философского общества)

ШУХАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

С 1 марта 2010 международный научно-практический журнал «Евразийский юридический журнал» был включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам.

С 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям:
12.00.00 Юридические науки
08.00.00 Экономические науки
09.00.00 Философские науки
(список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве.

Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2016

Подписано в печать 15.10.2016
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.

Руководитель интернет-проектов – Фархутдинов Д. И.,
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10,
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasiatlaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
http://www.eurasiatlaw.ru,
www.eurasiatlegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Eurasian Law Journal

Editorial council

Chairman

MATSKEVICH Igor Mikhailovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Vice-Chairman

BEKYASHEV Kamil Abdulovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia)

BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University of M. Akmulla, Ufa)

BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

BYSTROV Grigory Efimovich, Ph.D. in Law, Professor (Russian State Agrarian University – K.A. Timiryazev Moscow Agricultural Academy (RSAU-MAA))

CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation, First Vice-Chairman of the Russian Philosophical Society).

FAKHRTUDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FATKUDINOV Zufar Maksimovich, Ph.D. in Law, Professor (University of Management «TISBI», Kazan)

GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS).

ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg))

KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KORBUT Leudmila Vasilievna, Scientific Secretary of the Russian Association of International Law

KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MALEEY Yury Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) of the MFA of the Russian Federation)

MAULENOV Kasim Syrbaevich, Ph.D. in Law, Professor (International University of Information Technologies, Almaty, Republic of Kazakhstan)

MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

MUKHAMETSHIN Faim Bayazitovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D. in Law, Professor (Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State University, Ufa)

SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

SMAGULOV Asylbek Yarymowich, Ph.D. in Law, Professor (Institute of the legislation of the Republic of Kazakhstan)

SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS)

STEPIN Vyacheslav Semenovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Russian Economic Academy of G.V. Plekhanov (REA))

VALEEY Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia)

ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Nizhny Novgorod State University of N.I. Lobachevsky)

№ 9 (100) 2016

Journal is published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

On December 1, 2015 international scientific and practical journal «Eurasian Law Journal» is included to the list of leading reviewed scientific journals and editions in which the basic scientific results of dissertations for scientific degrees of the Ph.D. have to be published, in the fields of:
12.00.00 Legal sciences
08.00.00 Economic sciences
09.00.00 Philosophical sciences
(a List of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation. No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2016

Signed for printing 15.10.2016
Format 62x84 1/8.
Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.
Head of the Internet projects –
Farkhutdinov D. I.
Desktop publishing – Brylev S. O.
Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<http://www.eurasialaw.ru>,
www.eurasialegal.info
www.eurasia-allnews.ru

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Российская академия наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

литературный редактор:

СОРОКИНА Юлия Викторовна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, к.ю.н., доцент

ГАБРАХМАНОВ Фарит Вадутovich, к.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

КОПЫЛОВ Станислав Михайлович, к.ю.н.

ЛЫСЕНКО Владлена Владимировна, к.ю.н., доцент,

представитель ЕврАзОж в г. Тирасполе

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, к.ю.н., доцент

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, к.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, к.э.н., доцент

ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент

ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович, к.п.н., доцент

руководитель интернет-проектов:

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law
(Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Alexander Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Alexandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolievna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

literary editor:

SOROKINA Yulia Viktorovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor

KOPYLOV Stanislav Mikhailovich, Ph.D. in Law

LYSENKO Vladlena Vladimirovna, Ph.D. in Law, Associate Professor,

representative of ELJ in Tiraspol

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

FAIZULLIN Gaiaz Gabelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

KHARKEVICH Maxim Vladimirovich, Ph.D. in Political Science, Associate Professor

head of the internet-projects:

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV INSUR ZABIROVICH
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Сотый номер ЕвразЮж

Ровно 9 лет назад вышел первый номер

Евразийского юридического журнала 10

PERSONA GRATA

Т. Н. Нешатаева:

Суд Евразийского экономического союза в действии

Интервью с судьей Суда ЕАЭС, доктором юридических наук, профессором, заведующей кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия Нешатаевой Татьяной Николаевной..... 11

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Ягья В. С., Ли М.

G-3 – взаимодействие России, США и Китая в контексте формирования нового миропорядка 15

Батур А. Г.

Становление афганского государства в контексте политической борьбы великих держав за контроль над южной частью Евразии..... 21

Колдунова Е. В.

Партнерство Евразийского экономического союза и АСЕАН: роль дискуссий на втором треке..... 25

Орлов И. В.

Таможенная политика Евразийского экономического союза: обоснование необходимости нормативного правового установления..... 29

Шестерякова И. В.

К вопросу о трудо-правовой геоинтеграции..... 40

Шлыков П. В.

Альтернативные подходы к евразийской интеграции: сравнительный анализ турецкого евразийства 45

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бурьянов С. А.

Принцип неприменения силы или угрозы силой в условиях усиления глобальных процессов..... 52

Бекяшев Д. К., Бекяшев К. А.

Международно-правовые проблемы управления рыболовством в Средиземном и Карибском морях 58

Бахтуридзе З. З.

Политико-правовой статус квазигосударств закавказского региона: нормы международного права и политическая реальность..... 68

Мельшина К. Ю.

Международно-правовые аспекты борьбы с экстремизмом на региональном уровне на примере Совета Европы..... 72

Фролова Ю. Н.

Проблема суверенитета и национального самоопределения в условиях глобализации..... 75

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО

Греченкова О. Ю.

К вопросу о массовости уничтожения растительного и животного мира при совершении актов экоцида 78

Бирюкова О. С.

Вопросы защиты прав пожилых людей: международно-правовые аспекты 81

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРАВО

Шиянов А. В.

Применение тарифных и аналогичных им мер в международных энергетических правоотношениях..... 85

Шляхтин И. С.

Защита потребителей от недобросовестного коммерческого поведения: опыт Европейского союза 89

ПРАВО СТРАН СНГ

Мехдиева У. М.

Роль СМИ в развитии странового пиара (на примере Азербайджанской Республики) 95

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Акчурин Т. Ф.

Рестейтмент права США: природа, понятие и аксиологическое измерение..... 99

ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Доронина Н. Г.

Конкуренция правопорядков и интеграционная политика в Европе..... 107

Юсифова Р. Т.

«Свобода учреждения» компаний в практике Европейского Суда..... 114

Лятифзаде С. А.

Конкурентная политика Европейского Союза 117

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Нгатею Акви Ш. П.

О правовых позициях Африканского суда по правам человека и народов и Межамериканского суда по правам человека по вопросам ограничения государством избирательных прав граждан в связи с беспартийностью 120

Романов Р. В.

К вопросу о влиянии правовых систем мира на международный уголовный процесс 123

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Байниязова З. С.

Консолидация интересов личности, общества и государства в правовой системе России 126

Дидманидзе У. Т.

Формирование предпосылок теории «справедливой войны» и её развитие до Гуго Гроция 133

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Захарченко Г. В., Куанышева В. В.

Война, СССР, мировая революция 136

Кутякин С. А., Курбатова Г. В.

Типологические особенности личности, роль и место профессиональных преступников-бродяг в тюремной общине мест лишения свободы России XIX века 141

Федосеев В. И.

Организационно-правовое обеспечение совхозного строительства в Самарской губернии в 1917-1921 гг..... 144

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Шабанов Х. М.

Развитие региональной законодательной власти России на современном этапе..... 147

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Таранов И. Е.

Саморегулируемые организации в сфере финансового рынка и Банк России как субъекты административной юрисдикции 150

Снеткова Д. Н.

Особенности системы и структуры органов исполнительной власти в сфере управления федеральным имуществом..... 154

Исмагилова А. Р.

Противодействие незаконной деятельности нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера в Европе 157

Василенко М. М.

Административная преюдиция как вид повторности деяния 159

Пашковский П. В.

Проблемы ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе государственно-частного партнерства в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд 164

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Будников Н. А., Плотникова Ю. А.

Понятие и правовая природа государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения 167

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Добронравин Н. А., Ермолина М. А.

Охрана окружающей среды в декларациях о суверенитете и независимости: формирование евразийского эколополитического пространства 170

Емельянова Н. Н.

Проблематика международной экологической безопасности в контексте обеспечения глобальной безопасности 175

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Красноярова Н. И.

Правовые последствия неисполнения должником соглашения об отступном 178

Троценко О. С.

О правовой природе и признаках публичных услуг 180

Васильченко А. В., Лонщакова А. Р.

Судебно-медицинская диагностика умышленного причинения вреда своему здоровью в местах лишения свободы 184

Кондратовская С. Н., Ускова Т. В.

Отдельные аспекты правовой регламентации судебной экспертизы в гражданском процессе 187

Мухтарова Е. А., Баландина С. И., Ядренцев В. Ф.

Конституционный принцип государственной поддержки различных форм образования: особенности его реализации в отношении сотрудников УИС 190

Кожина Ю. А.

Государственная политика в сфере взыскания алиментов 193

Беляев А. А., Кагиров Б. Р.

К вопросу о договорном регулировании отношений с участием спортсменов 196

Курбанов Д. А.

О правовой регламентации статуса лиц, участвующих в деле 199

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Миронов А. В., Избушкина С. И.

Расторжение трудового договора работодателем за прогул работника: спорные вопросы законодательства и судебной практики 201

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Набиев Ф. Ф.

Вопросы совершенствования уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества 204

Насыров Р. Р.

Некоторые вопросы противодействия незаконному обороту наркотиков в современных условиях 207

Сплавская Н. В.

К вопросу о правовой сущности лишения свободы на определенный срок в современном уголовном праве 210

Хисматуллина Е. О.

Исторический аспект уголовной ответственности за вождение транспортным средством в состоянии опьянения 213

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Никурадзе Н. О.

К вопросу о целесообразности мирового соглашения по гражданскому иску в уголовном процессе 216

Салахов С. Б.

Отдельные аспекты правовой регламентации экспертной деятельности в России 219

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Коржикова Т. А.

Особенности альтернативных видов наказаний с обязательным привлечением осужденного к труду 221

Ворожук В. Б.

Определение понятия «оптимальная организационно-штатная структура колоний-поселений» на современном этапе развития уголовно-исполнительной системы: теоретическое исследование 223

Потапов Д. В.

К вопросу об оптимизации уголовно-процессуальных отношений субъектов досудебного уголовного производства 226

ЮВЕНАЛЬНОЕ ПРАВО

Кислицына Н. Ф.

Образовательная программа ABCD de l'égalité во Франции – пропаганда нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних 228

Михайленко И. А., Теплякова О. А.

Защита прав несовершеннолетних граждан России за рубежом: конституционно-правовой механизм 232

КРИМИНАЛИСТИКА

Давлетшина Л. С.

Некоторые особенности фиксации хода и результатов допроса 234

Давыдова С. Р.

Актуальные проблемы обеспечения достоверности материалов аудио- и видеозаписи следственных действий 236

Сидоров А. С.

К вопросу о качестве предварительного следствия 239

Новикова Л. В., Жарко Н. В.

Тактические и методические приемы обнаружения следов при осмотре места происшествия 244

КРИМИНОЛОГИЯ

Трофимцева С. Ю., Илюшин Д. А.

Некоторые аспекты определения места и времени совершения киберпреступлений в Российской Федерации 246

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

Авдеева Е. Ю.

Основные этапы поступления на службу в органы внутренних дел 248

Вичева А. А.

Совместное правотворчество ОВД и органов государственной власти как форма их взаимодействия 250

Евсикова Е. В.

Профилактика правонарушений как одно из основных направлений деятельности полиции по обеспечению общественной безопасности в Российской Федерации 253

Кураков Д. В., Екимцев С. В.

Субъекты административно-надзорной деятельности полиции 256

Фахрисламов Т. Р.

Физическое воспитание курсантов МВД России в современных социально-политических условиях Российской Федерации 259

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Рагимли С. М.

Международные обязательства государств по гражданским (личным) правам 251

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

Валеев А. Х.

Противодействие экстремизму в сети интернет 256

Миронова О. А.

Конфессиональное согласие как основа предотвращения угроз национальной безопасности 268

Обринская Е. К.

Государственная политика Российской Федерации в социокультурной сфере в контексте обеспечения национальной безопасности 271

Сафарьянов И. Ф.

Правовая и социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом 273

АНТИТЕРОРИСТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Шарифзода З.

Противодействие использованию интернета в экстремистских и террористических целях 276

Шарифзода З., Гулахмадов Д.

Угроза международного терроризма в Центральной Азии и национальный подход по борьбе с ним 278

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО

Намсараева О. С.

Содержательные и методические проблемы преподавания гражданского права в ВУЗе 281

Потапова Л. В. Использование активных и интерактивных форм обучения при проведении занятий по гражданско-правовым дисциплинам в высших образовательных учреждениях МВД России.....	285	Рогачева А., Галеева Н. Н., Галиуллина Р. Р. Этапы создания системы мониторинга применения налоговых льгот.....	345
Галушкин А. А. Эффективность оценки финансового состояния предпринимательских структур сферы образования и науки на современном этапе их развития в России.....	287	ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО		Севальников А. Ю. Реальность и причинность в современной физике.....	348
Нурмухаметова И. Ф., Нурмухаметов Э. А. К вопросу о социально-психологическом воздействии на личность деятельности сект и террористических организаций.....	289	Вильданова Г. Б., Вильданов У. С. Религиозность и конформизм.....	352
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО		Вильданов Х. С., Галиев Г. Т. Этническая стратификация и особенности межнациональных отношений в Башкортостане (часть 1).....	355
Капустина М. А. Правовое регулирование в контексте интегративной юриспруденции: нормы, правоотношения, правосознание (евразийское влияние).....	292	Ворохобов А. В. Антропологическое осмысление концепта «природа» в творчестве Райнхольда Нибура.....	358
Королев С. В. Две мета-проблемы теории законодательства.....	297	Поздязева С. М. Культурная модернизация как важнейшее направление социального реформирования в современной России.....	361
ПОЛИТИКА И ПРАВО		Попов В. В., Киселев С. А., Уколов А. О. Социальные трансформации в контексте социальных процессов.....	364
Исхаков М. З. О специфике становления российского гражданского общества.....	300	Валиуллина З. Р., Ханова Р. В. Суфизм в контексте мусульманской культуры.....	367
Русанова С. Ю. Роль референдарной демократии на пути становления государственности в Республике Крым.....	303	Васильева Н. А. Философские основания и современная реализация права на жизнь в постсоветских республиках Центральной Азии.....	370
Степанова М. С. К вопросу об электронном способе конструктивного протестного поведения.....	306	Гулгенова А. Ц. Философское учение йогачары согласно Сиддханте Кунчена.....	375
Завурбеков Ф. З. Доктрина имамата и вопросы верховенства власти в шиитском политико-правовом учении.....	308	Жамьяна Шадпы Канышева О. А. Проблема метафизики любви в постсоветской философии.....	378
Бурханова Е. В. К вопросу о функционировании политических прозвищ.....	310	Ростова А. Т., Мацнев А. А., Гришай В. Н. Символизм коррупции в противоречиях социального воспроизводства.....	382
ЯЗЫК И ПРАВО		Сыпачев С. В., Абрамов М. А., Баштовой В. Ю. Социокультурное измерение проблемы межэтнической конфликтности.....	385
Харина Р. С. Анализ понятия «вариативность» как языковой категории.....	312	Тагиров Ф. В. Преференции пола и вторая бинарность сексуального.....	389
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ		Шугуров М. В. Феномен идеи права: опыт концептуализации.....	393
Барышникова Н. А. Внешние детерминанты финансовой безопасности Российской Федерации в условиях глобализации.....	314	Казанцева М. А. Ксенофобия как социальное явление: сущность, своеобразие и формы проявления.....	399
Гудкова О. В., Ермакова Л. В., Ковалева Н. Н., Мельгуй А. Э. Развитие инновационных технологий на рынке банковских услуг.....	319	Яркеев А. В. Социальное конструирование «опасного индивида» в судебно-медицинском дискурсе.....	401
Зайцева А. О., Руднева Ю. Р., Галеева Н. Н. Эволюция показателей эффективности коммерческого банка.....	322	РЕЦЕНЗИЯ	
Редькина Т. М., Пудовкина О. И. Перспективы развития российского рынка в условиях санкций.....	326	Малеев Ю. Н. Экологические мигранты в международно-правовом контексте. Рецензия – комментарий к монографии: Ivanov D.V., Bekyashev D.K. «Environmental Migration in International Law» (Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2016. – 178 p.).....	404
Редькина Т. М., Сабанчиева Д. Х. Стимулирование иностранных инвестиций в Россию в современных условиях.....	328	ОБЗОРЫ	
Спасская Н. В. SWOT-анализ механизма функционирования инвестиционного фонда Российской Федерации.....	330	Абанина Е. Н., Сорокина Ю. В., Швецова И. В. VII Саратовские правовые чтения «Право, наука, образование: традиции и перспективы», посвященные 85-летию образования Саратовской государственной юридической академии.....	410
Кокушкина И. В. Состояние и правовое регулирование инвестиционных процессов в России: реалии и проблемы XXI века.....	332	Смирнова О. М., Бондаренко А. В. Обзор материалов международной общественно-научной конференции «наука, образование, молодежь в современном мире» (Москва, 26 мая 2016 г.).....	415
Гареева З. А., Червякова К. А. Особенности организации учета производственных затрат геологоразведочного предприятия.....	336	ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	417
Гареева З. А., Галиев А. А. Использования инструментария контроллинга при реализации проектов предприятий нефтяной промышленности.....	340		
Зюзько Ю. А., Бахитова Р. Х. Проблема реформирования учета территориально-сетевых организаций.....	343		

EDITORIAL

Hundredth number of the Eurasian Law Journal

Exactly 9 years ago came the first number of the Eurasian Law Journal 10

PERSONA GRATA

T. N. Neshataeva:

The court of the Eurasian Economic Union in action

Interview with judge of the Court of the EEU, Ph.D. in Law, professor, Head of International Law sub-faculty of the Russian State University of Justice, Neshataeva Tatyana Nikolaevna 11

EURASIAN INTEGRATION

Yagya V. S., Li M.

G-3 – relations of USA, Russia and China in the context of the formation of the new world order 15

Batur A. G.

The formation of the afghan state in the context of the political struggle of great powers for control over the southern part of Eurasia 21

Koldunova E. V.

The partnership of Eurasian Economic Union and ASEAN: the role of the second track dialogue 25

Orlov I. V.

The customs policy of the Eurasian Economic Union: the rationale for the necessity of normative legal establishment 29

Shesteryakova I. V.

The issue of labor and legal geointegration 40

Shlykov P. V.

Alternative approaches to Eurasian integration: comparative analysis of Turkish Eurasianism 45

INTERNATIONAL LAW

Buryanov S. A.

The principle of non-use of force or threat of force in the conditions of strengthening of global processes 52

Bekyashev D. K., Bekyashev K. A.

International legal problems of fisheries management in Mediterranean and Caribbean seas 58

Bakhturidze Z. Z.

The political and legal status of the quasi-states in the Transcaucasian region: rules of international law and political reality 68

Melshina K. Yu.

International legal aspects of combating extremism on the regional level on the example of the Council of Europe 72

Frolova Yu. N.

The issue of sovereignty and national self-determination under the circumstances of globalization 75

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Grechenkova O. Yu.

The matter of the mass destruction of flora and fauna in the commission of acts of ecocide 78

Biryukova O. S.

The protection of human rights of older persons: international legal aspects 81

INTERNATIONAL ECONOMICAL LAW

Shiyanov A. V.

The application of tariff and similar to them measures in the international energy legal relations 85

Shlyakhtin I. S.

Consumer protection from unfair commercial practices: the experience of the European Union 89

LAW OF THE CIS COUNTRIES

Mehdieva U. M.

The role of mass media in the development of public relations in the country (on the example of Azerbaijan) 95

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Akchurin T. F.

Restatement of the law of the United States: nature, notion and axiological measurement 99

EUROPEAN LAW

Doronina N. G.

Competition of legal systems and integration policy in Europe 107

Yusifova R. T.

«Freedom of establishment» of companies in case law of European Court 114

Lyatifzade S. A.

Competition policy of the European Union 117

COMPARATIVE LAW

Ngatheyo Akony C. P.

About the legal positions of the African Court on Human and Peoples Rights and the Inter-American Court of Human Rights on the state restrictions on voting rights of independent candidates 120

Romanov R. V.

To the question about the influence of the world legal systems on the inter-national criminal procedure 123

THEORY OF STATE AND LAW

Bayniyazova Z. S.

Consolidation of personal, social and state interests in the Russian juridical system 126

Didmanidze U. T.

The formation of the prerequisites of the «Just war theory» and its development up to Hugo Grotius 133

HISTORY OF STATE AND LAW

Zakharchenko G. V., Kuanysheva V. V.

War, USSR, world revolution 136

Kutyakin S. A., Kurbatova G. V.

Typological features of the person, role and place professional criminals – drifters in a prison community places of detention Russia XIX century 141

Fedoseev V. I.

Organizational and legal support for state farm construction in samara province in 1917-1921 144

CONSTITUTIONAL LAW

Shabanov H. M.

Development of local legislative power of the Russian federation nowadays 147

ADMINISTRATIVE LAW

Taranov I. E.

Self-regulatory organizations in the field of financial markets and the bank of Russia as subjects of administrative jurisdiction 150

Snetkova D. N.

Features of the system and structure of executive authorities in the sphere of federal property management 154

Ismagilova A. R.

Combating illicit activities of nontraditional religious associations destructive nature in Europe 157

Vasilenko M. M.

Administrative prejudice as a kind of repetition of the acts 159

Pashkovskiy P. V.

Problems of liability for the violation of legislation on contract system of public-private partnership in the field of purchases of goods, works and services for state and municipal needs 164

LAND LAW

Budnikov N. A., Plotnikova Yu. A.

Concept and legal nature of the state monitoring of lands of agricultural purpose 167

ECOLOGICAL LAW

Dobronravin N. A., Ermolina M. A.

Environmental protection in independence and sovereignty declarations: the formation of Eurasian ecopolitical space 170

Emelyanova N. N.

The issue of international environmental security in the context of global security 175

CIVIL LAW

Krasnoyarova N. I.

Legal consequences for non-execution of the agreement on compensation by the debtor..... 178

Trotsenko O. S.

The legal nature and features of public services..... 180

Vasilchenko A. V., Lonshakova A. R.

Forensic medical diagnosis of intentional infliction of harm to health in places of deprivation of liberty..... 184

Kondratovskaya S. N., Uskova T. V.

Some aspects of legal regulation of judicial expertise in civil proceedings..... 187

Mukhtarova E. A., Balandina S. I., Yadrentsev V. F.

The constitutional principle of state support for various forms of education: the peculiarities of its implementation in respect of the prison staff..... 190

Kozhina Yu. A.

State police in the sphere of alimony..... 193

Belyaev A. A., Kagirov B. R.

To the question concerning contractually regulated relations with involvement of athletes..... 196

Kurbanov D. A.

About legal regulation of the status of those involved in the case..... 199

LABOUR LAW

Mironov A. V., Izbushkina S. I.

The termination of the employment contract by the employer for absenteeism of employee: matters of legislation and judicial practice..... 201

CRIMINAL LAW

Nabiev F. F.

The improvement of the criminal law provides for liability for intentional destruction or damage of property..... 204

Nasyrov R. R.

Some questions combating drug trafficking in modern conditions..... 207

Splavskaya N. V.

The issue of the liberty deprivation legal nature for a certain period in the modern criminal law..... 210

Khismatullina E. O.

The historical aspect of the responsibility for driving a vehicle while being intoxicated..... 213

CRIMINAL PROCESS

Nikuradze N. O.

The question of the feasibility of the world agreement on civil suit in criminal procedure..... 215

Salakhov S. B.

Separate aspects of a legal regulation expert activity in Russia..... 219

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW

Korzhihova T. A.

Features of alternative types of punishments with obligatory involvement of the convict to work..... 221

Voroschuk V. B.

The definition of «organizational and staff structure of the colonies-settlements» at the present stage of development of the penal system: theoretical study..... 223

Potapov D. V.

To the question of optimization of criminal procedural relations of subjects of pretrial criminal proceedings..... 226

JUVENILE LAW

Kisilitsyna N. F.

Educational program «ABCD de l'égalité» in France – nontraditional relations' propaganda among juvenile..... 228

Mikhailenko I. A., Teplyakova O. A.

Russian national mechanisms for child protection abroad..... 232

CRIMINALISTICS

Davletshina L. S.

Some features of fixing and results of interrogation..... 234

Davidova S. R.

Actual problems of ensuring the reliability materials audio

and video recordings of investigative actions..... 236

Sidorov A. S.

To the question of preliminary's quality of investigation..... 239

Novikova L. V., Zharko N. V.

Tactical and methodical techniques the identification of traces during the inspection of the scene..... 244

CRIMINOLOGY

Trofimtseva S. Yu., Ilyushin D. A.

Some aspects of identification of the place and time of cybercrime committing in the Russian Federation..... 246

LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Avdeeva E. Yu.

The main stages of entering the service in bodies of internal affairs..... 248

Vicheva A. A.

Joint lawmaking internal affairs and government as a form of interaction..... 250

Evsikova E. V.

Prevention of offences as one of the basic directions of activity of police on providing of public safety in the Russian Federation..... 253

Kurakov D. V., Ekimtsev S. V.

Subjects of administrative-supervisory activities police..... 256

Fakhrislamov T. R.

Physical training of cadets of the MIA of Russia in the modern socio-political environment of the Russian Federation..... 259

HUMAN RIGHTS

Ragimli S. M.

The states international obligations on civil (personality) rights..... 261

SECURITY AND LAW

Valeev A. Kh.

Countering extremism on the Internet..... 266

Mironova O. A.

Confessional consent as a basis of the national security threats prevent..... 268

Obrinskaya E. K.

Russian Federation policy in the sociocultural sphere in the context of national security ensuring..... 271

Safaryanov I. F.

Legal and social protection of persons participating in combating terrorism..... 273

ANTITERRORIST LAW

Sharifzoda Z.

Countering of the use of internet for an extremist and terrorist purposes..... 276

Sharifzoda Z., Gulahmadov D.

The threat of international terrorism in Central Asia and national approach in countering it..... 278

PEDAGOGY AND LAW

Namsaraeva O. S.

Substantial and methodical problems teaching the civil law in higher education institution..... 281

Potapova L.V.

The use of active and interactive forms of learning during lessons on civil-legal disciplines in higher educational institutions of the MIA of Russia..... 285

Galushkin A. A.

Efficacy evaluation of the financial condition of enterprise structures of educators and science at the present stage of their development in Russia..... 287

PSYCHOLOGY AND LAW

- Nurmukhametova I. F., Nurmukhametov E. A.**
To the question of socio-psychological influence on the personality of sects and terrorist organizations 289

STATE AND LAW

- Kapustina M. A.**
Legal regulation in the context of integrative jurisprudence: norms, legal relationships, legal consciousness (Eurasian influence) 292
- Korolev S. V.**
Two meta-problems of legislation theory 297

POLICY AND LAW

- Iskhakov M. Z.**
About the specific origins of Russian civil community 300
- Rusanova S. Yu.**
Role of referendum democracy in the establishment of statehood in the Republic of Crimea 303
- Stepanova M. S.**
Reflections on electronic means of protest activities 306
- Zaurbekov F. S.**
The doctrine of the Imamate and rule of power in Shiite political and legal doctrine 308
- Burkhanova E. V.**
To the problem of functioning of political nicknames 310

LANGUAGE AND LAW

- Kharina R. S.**
The analysis of the concept of "variability" as a language category 312

ECONOMICAL SCIENCES

- Baryshnikova N. A.**
External determinants of financial security of the Russian Federation in the conditions of globalization 314
- Gudkova O. V., Ermakova L. V., Kovaleva N. N., Melgui A. E.**
The development of innovative technologies in the market of banking services 319
- Zaytseva A. O., Rudneva Yu. R., Galeeva N. N.**
Evolution of the performance indicators of the commercial bank 323
- Redkina T. M., Pudovkina O. I.**
Prospects of development of Russian market in terms of sanctions 326
- Redkina T. M., Sabanchieva D. H.**
Encouraging of foreign investment in Russia in modern conditions 328
- Spasskaya N. V.**
SWOT-analysis of mechanisms of functioning of Russian Federation investment fund 330
- Kokyshkina I. V.**
The condition and legal regulation of investment processes in Russia: reality and problems of XXI century 332
- Gareeva Z. A., Chervyakova K. A.**
Peculiarities of organization of accounting of production expenses exploration enterprise 336
- Gareeva Z. A., Galiev A. A.**
Controlling the use of tools in projects of oil industry 340
- Zyuzko Yu. A., Bakhitova R. H.**
The problem of reforming the accounting territorial network organizations 343
- Rogacheva A. M., Galeeva N. N., Galiullina R. R.**
Stages of creation of system of monitoring of application of tax benefits 345

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- Sevalnikov A. Yu.**
Reality and causality in modern physics 348
- Vildanova G. B., Vildanov U. S.**
Religiosity and conformism 352
- Vildanov Kh., Galiev Gh. T.**
Ethnic stratification and features of interethnic relations in Bashkortostan (part 1) 355
- Vorokhobov A. V.**
Anthropological understanding the concept of "nature" in creative work of Reinhold Niebuhr 358

Pozdyaeva S. M.

- The cultural modernization as an important direction social reform in modern Russia* 361

- Popov V. V., Kiselev S. A., Ukolov A. O.**
Social transformation in the context of social processes 364

- Valiullina Z. R., Khanova R. V.**
Sufism in context of Muslim culture 367

- Vasiljeva N. A.**
Philosophical foundations and contemporary realization of the right to life in the former soviet republics of Central Asia 370

- Gulgenova A. Ts.**
The philosophical teachings of yogachara according to the Siddhanta of Kunchen Zhamyan Shadpa 375

- Kanysheva O. A.**
Problem of metaphysics of love in post-soviet philosophy 378

- Rostova A. T., Matsnev A. A., Grishay V. N.**
The symbolism of corruption in contradictions social reproduction 382

- Sypachev S. V., Abramov M. A., Bashtovoy V. Yu.**
Socio-cultural dimension of ethnic conflict 385

- Tagirov F. V.**
Sexual preferences and the second binarity of sexuality 389

- Shugurov M. V.**
Phenomenon of the idea of law: experience of conceptualizing 393

- Kazantseva M. A.**
Xenophobia as a social phenomenon: the nature, identity and forms of manifestation 399

- Yarkeev A. V.**
The social construction of "dangerous individual" in the medico-legal discourse 401

BOOK REVIEW

- Maleev Yu. N.**
Environmental migrants in the international law context. Review – comment to the monograph: Ivanov D. V., Bekyashev D. K. «Environmental Migration in International Law» (Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2016. – 178 p.) 404

REVIEWS

- Abanina E. N., Sorokina Yu. V., Shvetsova I. V.**
VII Saratov legal readings «Right, science, education: traditions and prospects», the formations of the Saratov State Law Academy devoted to the 85 anniversary 410
- Smirnova O. M., Bondarenko A. V.**
Review of materials international socio-scientific conference "science, education, young people in the modern world" (Moscow, 26 may 2016) 415

INFORMATION FOR AUTHORS

Сотый номер ЕврАзЮж Ровно 9 лет назад вышел первый номер Евразийского юридического журнала

Дорогой читатель, у вас в руках, обратите внимание на обложку данного издания, сотый номер «ЕврАзЮж» №9 (100) 2016! Проследим вехи создания и развития «ЕврАзЮж»:

В октябре 2007 года вышел первый номер нового периодического издания, под совершенно необычным тогда названием «**Евразийский юридический журнал**». В подготовительный период в 2006-2007 годах необычное тогда название было поддержано видным ученым, профессором И. И. Лукашук. Через некоторое время по предложению профессора Г. М. Вельяминова мы начали и продолжаем употреблять для удобства аббревиатуру «ЕврАзЮж».

С января 2009 года мы начали выходить в ежемесячном режиме, с июля того же года до сих пор наше периодическое издание выходит под эгидой Московской государственной юридической академии имени О. Е. Кутафина. На суперобложке вышли фото 100 видных ученых, государственных и общественных деятелей, которые выступили в рубрике *Persona Grata* с интервью на различные правовые и общественно-политические темы. С каждым годом журнал набирал сил, его материалы становились более насыщенными и качественными, так, например ректор МГЮА **В. В. Блажеев в своем интервью «Пора собирать камни» от 23 июля 2009 г.** написал: «Перефразируя библейскую поговорку, можно сказать, было время разбрасывать камни (имею в виду распад СССР), пришло время собирать камни – укреплять общее политическое, экономическое, правовое пространство в рамках СНГ. Похвально, что редакционная политика в отношении интеграции в сфере правовой теории и практики стран СНГ основана на твердом желании создать новый, не имеющий аналогов, общероссийский научный и научно-практический журнал в области права, направленный на сплочение передовой научной мысли ученых-правоведов из стран СНГ¹». Думается, мы справляемся с поставленной задачей все девять лет существования журнала и будем и в будущем поддерживать его высокий научный уровень.

Свое признание наш журнал получил также и тем фактом, что с 1 марта 2010 г. наше ежемесячное издание было включено в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим наукам, а с 1 декабря 2015 года «Евразийский юридический журнал» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по трем специальностям: 12.00.00 «Юридические науки», 08.00.00 «Экономические науки», 09.00.00 «Философские науки» (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации).

«ЕврАзЮж», являясь общим юридическим журналом, публикует научные и научно-практические статьи и другие материалы по всем без исключения отраслям, подотраслям права России, государств ЕАЭС, СНГ, права ЕС, а также других стран, а также в журнале публикуются интересные материалы по философии и экономике, во многом, посвященные евразийской тематике.

Особо следует выделить нашу приоритетную постоянно действующую рубрику «Евразийская интеграция», в рамках которой вышло большое количество интересных публикаций Е. Н. Абаниной, Б. К. Азанова, В. Н. Бондаренко, Д. С. Боклан, Е. Т. Байльдинова, Д. В. Винницкого, М. А. Ермолиной, Э. Т. Мехдиева, Д. А. Пашенцева, Е. С. Смирновой и других авторов из России и стран СНГ.

Другой не менее важной рубрикой все эти годы является «Международное право». По-существу, Евразийский юриди-

ческий журнал превратился в научную международно-правовую лабораторию, в которой апробируются различные теоретические взгляды по современным проблемам в обозначенной науке: события на Украине, Сирии, Ираке, Англии и др. Как молодыми, так и широко известными учеными, из их числа постоянными нашими авторами являются: А. Х. Абашидзе, К. А. Бекишев, В. А. Карташкин, Л. В. Корбут, А. И. Кривенький, Ю. Н. Малеев, Ю. В. Мишальченко, О. Н. Хлестов, С. В. Черниченко, В. М. Шумилов и другие.

Вообще следует отметить, что за последние два десятилетия мировая политика и право сильно изменились и порой не в лучшую сторону, здесь можно привести слова Президента нашей страны В. В. Путина, про- изнесенные перед участием в заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в октябре 2016 года. В своей речи Президент отметил, что существующая система глобальной и региональной безопасности серьезно ослаблена, раздроблена и деформирована и что США стремятся создать монополярный мир вопреки основным принципам международного права. Поэтому своей главной задачей наше издание ставит анализ набравших международных проблем и акцентирование внимания научной общественности на выработке наиболее приемлемых путей выхода из сложившихся кризисных глобальных событий.

На страницах журнала вышли интервью с известными политическими деятелями, где давалась оценка острых международных проблем, например, в № 2 за 2015 г. вышло интервью со спикером ГД РФ С. Е. Нарышкиным «Государственный переворот в Киеве в феврале 2014 г. и международное право», в котором была дана объективная оценка событий, связанных с государственным переворотом в Киеве.

Также особо отметим цикл интервью с послами Бразилии (№ 12, 2014), Индии (№ 3, 2015) и Венесуэлы (№ 6, 2015).

В уходящем году Евразийский юридический журнал в № 5 подвел итоги Второго творческого конкурса молодых ученых под названием «Лукашукские чтения - 2016» на лучшие статьи по проблемам, тенденциям и перспективам современного международного права, приуроченные к 90-летию всемирно известного ученого юриста-международника, доктора юридических наук, профессора И. И. Лукашука.

Благодарим наших многочисленных авторов и сотрудников с выходом сотого номера и желаем им творческих успехов на научном поприще!

Фархутдинов И. З.
доктор юридических наук, главный редактор Евразийского юридического журнала

Бондаренко А. В.
кандидат философских наук, заместитель главного редактора Евразийского юридического журнала

1 Блажеев В. В. Пора собирать камни // Евразийский юридический журнал. – 2009. - № 7(14).

Т. Н. НЕШАТАЕВА: СУД ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В ДЕЙСТВИИ

Интервью с Нешатаевой Татьяной Николаевной, судьей Суда ЕАЭС, д.ю.н., профессором, зав. кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия.

T. N. NESHATAEVA: THE COURT OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION IN ACTION

Interview with judge of the Court of the EEU, Ph.D. in Law, professor, Head of International Law sub-faculty of the Russian State University of Justice, Neshataeva Tatyana Nikolaevna.

Нешатаева Т. Н.

Визитная карточка:

Нешатаева Татьяна Николаевна – судья Суда ЕАЭС, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующая кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия.

В 1976 году окончила Пермский государственный университет по специальности «правоведение». С 1982 по 1985 год обучалась в аспирантуре Московского государственного университета и защитила кандидатскую диссертацию.

Работу по специальности начала в 1976 году в органах прокуратуры Пермской области.

С 1985 по 1990 год являлась ассистентом, доцентом кафедры государственного права и советского строительства Пермского государственного университета.

С 1990 по 1993 год – докторант Московской юридической академии, защитила докторскую диссертацию.

В 1995 году назначена судьей Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

С 1998 года руководитель сектора, с 2005 года куратор Управления международного права и сотрудничества Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

С 2012 по 2014 год судья Суда Евразийского экономического сообщества.

С 2013 по 2014 год заместитель Председателя Суда Евразийского экономического сообщества.

С 2015 года судья Суда Евразийского экономического союза.

Автор 12 монографий, учебников и 200 статей.

Имеет высший квалификационный класс судьи. Заслуженный юрист Российской Федерации.

С 2000 года заведует кафедрой международного права Российского государственного университета правосудия. Вице-президент Российской Ассоциации международного права.

Участвовала в подготовке Гаагской конвенции в отношении соглашений о выборе суда, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, реформировании Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и Европейского суда по правам человека.

Имеет государственные и ведомственные награды.

С 1 января 2015 года работает Судьей Суда Евразийского экономического союза от Российской Федерации.

– Уважаемая Татьяна Николаевна, Суд ЕАЭС, фактически являющийся правопреемником Суда ЕвразЭС, функционирует уже более четырех лет. Какие решения оказались наиболее трудными для него, и с чем именно были связаны соответствующие трудности?

– Не было ни одного решения, которое было принято быстро, без трудных дискуссий, а иногда даже споров. Случалось, что судебный процесс заканчивался процессуальным постановлением – компромиссного решения не находилось. И это вполне объяснимо – ведь согласно пункту 2 Статута Суда ЕАЭС целью нашей работы является создание правовой позиции, обеспечивающей единообразное применения норм международного права. Последние зачастую таят в себе пробелы, лакуны, которые Суд разрешает (закрывает) точечным образом путем судебного толкования. Именно по этой причине профессия судьи является чрезвычайно сложной, но очень плодотворной с интеллектуальной точки зрения и порой разрушительной с морально-психологической стороны.

– Одной из функций Суда, предусмотренной в п. 46 его Статута, является консультативная функция (функция толкования международных договоров). Есть ли перспективы для ее развития? Является ли она востребованной? Считаете ли Вы, что консультативное производство должно быть реформировано?

– Вы, наверное, удивитесь, но именно консультативная функция Суда ЕАЭС оказалась крайне востребована. За первые полтора года в Суд ЕАЭС поступило три запроса о вынесении консультативного заключения. Полагаю, нам удалось найти решение проблем, существовавших как в материальном, так и в процессуальном праве.

Консультативная функция Суда ЕАЭС будет развиваться, и не исключая, что за основу может быть взят опыт Суда Евро-

пейского союза, где существует особый механизм связи наднационального и национального правосудия – так называемый «преюдициальный запрос», который позволяет национальному судье спрашивать наднациональный суд в ходе применения норм коммунитарного права. Процедура консультативного заключения позволяет делать это уже сейчас, но через обращение судов к министерствам юстиции.

В будущем, безусловно, нам следует исходить из демократизации данного института. Во-первых, необходимо закрепить, что процедура вынесения консультативного заключения предполагает не только письменную стадию процесса, но и устную, в ходе которой любое заинтересованное лицо может донести свою позицию до Суда в ходе слушания, тем более что для этого есть все предпосылки – консультативное заключение в принципе выносится тогда, когда разные субъекты (зачастую властные и невластные) не могут прийти к единому знаменателю по какому-либо правовому вопросу. Во-вторых, требуется расширение списка органов и лиц, имеющих право на направление запроса о вынесении консультативного заключения напрямую (сейчас право есть лишь у сотрудников органов ЕАЭС).

– Какое влияние оказал Суд на развитие права ЕАЭС? Какие правовые позиции Суда, на Ваш взгляд, носят инновационный характер?

– Должна сказать, что Суд принял важное участие не только в развитии права ЕАЭС, но и в его создании. В частности, при непосредственном участии отдельных представителей Суда проводилась работа по составлению проектов Приложения № 2 к Договору о Евразийском экономическом союзе 2014 года – Статута Суда, Регламента Суда, утвержденного Решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 года. Особенно важным является то, что

Приложение № 32 к Договору о Евразийском экономическом союзе – Положение о социальных гарантиях, привилегиях и иммунитетах в Евразийском экономическом союзе – во многом является результатом работы первого состава Суда Евразийского экономического сообщества. Фактически, именно по его инициативе был принят такой документ, а работа по нему велась с 2012 года. Кроме того, с участием Суда ЕАЭС был принят крайне важный документ, определяющий порядок взаимодействия Суда и Республики Беларусь – Соглашения между Республикой Беларусь и Евразийским экономическим союзом об условиях пребывания Суда Евразийского экономического союза на территории Республики Беларусь. Проекты этих документов создавались в Суде, а затем были переданы в рабочие группы государств-членов, которые и сформировали окончательные тексты.

Если говорить о том, какое влияние оказал Суд на развитие и совершенствование права ЕАЭС, то можно остановиться на следующих примерах. Как Вы, наверное, помните, первым делом в истории Суда ЕвразЭС было решение по делу по заявлению ОАО «Южный Кузбасс». В данном деле заявителем была успешно оспорена одна из норм Решения Комиссии Таможенного союза № 335 от 17 августа 2010 года. Решение Суда ЕвразЭС было исполнено ЕЭК в полном объеме. Отдельно стоит отметить, что в ходе исполнения данного решения также происходило не без помощи Суда – ЕЭК было не ясно, как его исполнять: отменить решение с момента признания его незаконным или с момента его издания. Данная проблема потребовала вынесения Судом ЕвразЭС отдельного постановления, где Суд указал, что по общему правилу решения ЕЭК отменяются с момента издания (*ab initio*), что влечет правовые последствия для всех участников правоотношений (*erga omnes*).

Кроме того, Суд ЕвразЭС в данном деле провозгласил, что досудебный порядок рассмотрения споров в ЕЭК не соответствует одному из основополагающих прав человека – праву на доступ к правосудию: хозяйствующий субъект был обязан обращаться в ЕЭК в досудебном порядке, но ни в каком из актов не был описан процесс обращения и разрешения споров. После ЕЭК приняла Порядок рассмотрения обращений хозяйствующих субъектов об оспаривании решений (актов) Евразийской экономической комиссии, Комиссии Таможенного союза, их отдельных положений или действий (бездействия) Евразийской экономической комиссии, утвержденный Решением Евразийской экономической комиссии №46 от 19 марта 2013 года.

Наверное, наиболее интересным для юристов-международников стало решение Суда ЕвразЭС по делу по заявлению ПАО «Новокраматорский механический завод» против ЕЭК – в нем впервые ставился вопрос о соответствии решения ЕЭК праву Всемирной торговой организации. Как известно, Суд ЕвразЭС принял решение, в котором говорилось о соотношении права Таможенного союза и права Всемирной торговой организации. В результате, было установлено соотношение между нормами права универсального и регионального уровня: поскольку нормы Таможенного союза более конкретно регулируют общественные отношения, они выступают как *lex specialis*, а право универсальной организации – *lex generalis*. Данная позиция имеет, как минимум, два ограничения на сегодняшний день: нормы ВТО не применяются в любом случае с обратной силой, а в случае противоречия норм права Таможенного и Евразийского союзов нормам ВТО, применению подлежат последние.

Кроме того, Суд ЕАЭС выработал правовые позиции о критериях приемлемости жалоб, в частности, о том, что хозяйствующий субъект при обращении в Суд ЕАЭС обязан доказать, что оспариваемый акт затрагивает его права и законные интересы в сфере предпринимательства, а также то, что данный субъект осуществляет предпринимательскую деятельность в сфере, регулируемой ЕЭК.

Таким образом, могу сказать, что к настоящему времени Суд ЕвразЭС и Суд ЕАЭС сделали достаточно для развития права Таможенного союза и ЕАЭС.

– Татьяна Николаевна, Вы довольно часто составляете яркие и убедительные особые мнения. Как Вы считаете, какую роль играют особые мнения в развитии права ЕАЭС и в выполнении Судом своих функций?

– Институт особого мнения судьи имеет особую роль в становлении и развитии права. Если взять, например, практику судей Международного Суда ООН, то мы увидим, что особое мнение судьи С. Швелея сыграло существенную роль

в развитии доктрины «чистых рук» (*clean hands doctrine*) в международном праве, особое мнение судьи Р. Хиггинс анализировала проблему *non-liquet* в международном праве, очень интересными и рекомендуемыми к прочтению являются особые мнения судьи А. А. Кансьядо Триндаде, который зачастую высказывается против подходов большинства.

Однако для постсоветских стран, а также для некоторых европейских (в частности, Франции) институт особых мнений считался чуждым общепринятой практике. Представлялось, что судья не должен иметь права на свое индивидуальное мнение, поскольку он является лишь «винтиком» судебной системы, находящейся на службе у позитивного права. Но в международном праве, которое возникло из естественного права, все строится совершенно по-другому – данный правопорядок с самого начала строится с учетом практики и «доктринальных» идей. Следовательно, институт особого мнения наилучшим образом корреспондирует международному праву и идее создания любого международного органа разрешения споров: все судьи суда равны между собой, они действуют на основании принципа *par in parem non habet imperium*, что в контексте отправления правосудия особенно важно: если один судья приходит к иному выводу, то он может и должен его высказать, исходя из принципов независимости и равенства судей.

Вы знаете, быть может, мною будет высказана неожиданная вещь, но институт особых мнений уже сыграл свою позитивную роль в праве ЕАЭС. В частности на основе подхода из особого мнения по делу по заявлению запросу Министерства экономики и бюджетного планирования Республики Казахстан о разъяснении положений Соглашения о государственных (муниципальных) закупках от 9 декабря 2010 года была принята статья 88 Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 года о неучастии центральных банков в государственных закупках.

Судьи интеграционного суда видят проблемы с разных сторон, а институт особого мнения помогает формализовать различные подходы. Если судьями предлагаются несколько правовых конструкций, то это лучше для будущего развития права – ведь специфика деятельности любого суда и судей заключается в том, что мы точечным образом путем судебного толкования закрываем лакуны в праве. В конкретном деле мы можем лишь предложить модель дальнейшего развития прав, развитие которого – ответственность иных властей. Такое взаимодействие судебной власти с другими ее ветвями существует веками: судья сталкивается не с абстрактными проблемами, а с конкретными, за которыми стоят боль и слезы конкретных людей, а в нашем случае – предпринимателей, реальные слезы и боль которых мы видим в процессах Суда ЕАЭС, но мы разрешаем не коммерческий спор, а оцениваем функционирование правовых норм.

– Полномочия Суда ЕАЭС были существенно ограничены по сравнению с полномочиями Суда ЕвразЭС. С чем это может быть связано: недовольством государств активистскими решениями Суда (прежде всего, решениями по делу «Южный Кузбасс») или неустребованностью соответствующих компетенций Суда?

– Такое утверждение нередко озвучивалось и неоднократно появлялось на страницах Вашего журнала. Могу лишь сказать, что авторы, считающие таким образом занимаются некоторым подобием юридической публицистики, а не серьезным научным анализом, предполагающим установление философско-исторических первопричин какого-либо юридического явления.

Отвечая разом не только на вопрос этого интервью, но и другим комментаторам, хотелось бы отметить, что никаких ограничений не состоялось. Изменилась лишь форма реализации полномочий Суда, которая была приближена к потребностям и традициям современной евразийской интеграции. И совсем не факт, что то, что мы имеем сейчас, не изменится в дальнейшем.

Компетенция, которую имеет Суд в настоящее время, наиболее соответствует нашей евразийской ментальности, одной из составляющих которой является наше постсоветское прошлое. Это самое сложное в ходе нашей интеграции: в рамках одного проекта нам нужно находить подходы, которые, во-первых, будут удовлетворять страны с азиатскими и европейскими ментальными основами и, во-вторых, не затронут национальных основ этих государств. В этом плане Европейскому союзу повезло больше, ведь в их основе лежат морально-этические нормы единой религии. В Суде ЕАЭС я часто сталкиваюсь с ситуацией, когда одни и те же

нормы понимаются по-разному, ибо судьи от государств-членов ЕАЭС исходят из разных, порой диаметрально противоположных морально-этических подходов. Поэтому, бесконечное сравнение компетенции Суда ЕАЭС с компетенцией Суда ЕС – это утопия, не учитывающая различия в наших ментальных основах, ведь на данный момент правовая система Российской Федерации является гибридом советского и континентального права, на Армению повлияла англо-саксонская семья, а на Казахстан – немецкие правовые воззрения. А ментально и традиционно и в прошлые времена мы были очень непохожими. Так что общие стандарты еще предстоит создать. При этом, не следует, как нарушать устоявшиеся стандарты правосудия, так и копировать чужой опыт.

Что касается преюдициального запроса, о котором чаще всего вспоминается, то его заменили консультативным заключением по предложению верховных судов. Безусловно, установление возможности для верховных (и нижестоящих) судов обращаться в Суд ЕАЭС за толкованием было бы позитивным шагом со стороны государств, и я считаю, что мы должны прийти к этому. В настоящее время суды не могут обращаться к нам напрямую во многом из-за позиции верховных судов, и ее тоже нужно уважать, тем более, что верховные суды, в частности, Верховный Суд Российской Федерации создали механизм связи наднационального и национального правосудия через постановление пленума (см., например, пункт 3 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 мая 2016 г. № 18 «О некоторых вопросах применения судами таможенного законодательства»). Следствием этом является то, что единообразия в рамках судебной системы, например, Российской Федерации будет происходить фактически через своего рода коллизионную отсылку к правовой позиции наднационального судебного органа – Суда ЕАЭС. Вполне возможно, что для наших стран это наилучший, ненасильственный способ установления единообразия, признанный верховными судами.

В подтверждение моего вывода о том, что применительно к заключениям полномочия Суда ЕАЭС расширились по сравнению с полномочиями Суда ЕврАзЭС могу упомянуть, что теперь мы уполномочены на дачу консультативных заключений по запросам сотрудников органов ЕАЭС. Ранее такого права у Суда ЕврАзЭС не было. На данный момент первый запрос сотрудников ЕЭК состоялся.

Как мне кажется, такая форма взаимодействия национального и наднационального правосудия на данном этапе – это разумный баланс, учитывающий наши постсоветские традиции, в которых есть уже ставший традиционным акт – постановление пленума верховного суда. Повторюсь, но список субъектов обращений к нам нужно со временем расширить. Так, ЕЭК была необоснованно обижена, лишившись права на обращение в Суд ЕАЭС за заявлениями к государствам, однако я не обладаю информацией о том, почему так произошло. Полагаю, что ЕЭК должно быть возвращено такое право, ведь без него не может существовать властно ориентированный орган. Возможно, и суды потребуют прямого обращения к нам.

– Татьяна Николаевна, какие категории дел Вы считаете наиболее интересными и значимыми?

– В центре каждого дела стоит правовая проблема, подлежащая решению, поэтому каждое дело по-своему интересно и важно, как для конкретного заявителя, так и для развития права в целом.

Однако могу отметить, что после защиты докторской диссертации я никогда не думала, что когда-либо еще мне придется заниматься внутренним правом международных организаций, отраслю, достаточно редко становящейся объектом научного анализа в российской доктрине. Но в Суде ЕАЭС такая возможность представилась: нам пришлось выработать понятие «конфликт интересов» применительно к работе ЕЭК в контексте аттестации сотрудников, а также отвечать на другие интересные вопросы внутреннего права международной организации.

Если говорить о том, какие дела являются наиболее сложными в практике Суда ЕАЭС, то, наверное, это дела, в которых оспаривается введение антидемпинговых пошлин. В этих делах очень много «техники и экономики», что очень сложно для любого юриста: нам приходится сравнивать между собой различные технические приспособления и высчитывать различные математические показатели (например, правильность подсчета объема рынка, маржи, среднерыночной стоимости на конкретный товар). Поэтому я до сих пор вспоминаю дело по заявлению ПАО «НКМЗ», где все считалось юристами. Со-

мневаюсь, что представители моей профессии хорошо к этому приспособлены.

В будущем эти дела, наверное, будет рассматривать легче, ибо появился новый институт экспертов специализированных групп, проводящих экономико-математические расчеты. Поэтому рассчитываю на более эффективную работу в этой части: международное экономическое право очень сложно, а правильность правового вывода зачастую зависит от правильности математических расчетов. Замечу, с этим расчетом мы также можем не соглашаться.

– Эволюционирует ли практика Суда от решения к решению? Например, можно ли наблюдать такую эволюцию в решениях по делам «Вичной-Русь», «OrdaMunaiTrade» и Тарасик, в которых Суд затронул вопросы мониторинга Комиссией актов внутреннего права?

– По моему мнению, изменение формы не должно скрываться на изменении содержания. В том случае, если Суд ЕАЭС согласен поддержать позицию Суда ЕврАзЭС, он добросовестно ее поддерживает, о чем свидетельствуют последние его решения.

Вообще, это один из самых запутанных вопросов. В проектах документов о Суде появились противоречивые нормы. Так, осталась норма о том, что решения Суда ЕврАзЭС сохраняют свою силу. Однако исчезла норма о правопреемстве Суда как органа. Затем главы государств и правительства повели речь о том, что ЕАЭС – это и есть ЕврАзЭС. И с этим трудно не согласиться: материально-правовая основа для правоприменителей осталась прежней – Таможенный союз и Таможенный кодекс. Таким образом, органы – ЕЭК и Суд – расширили состав и поменяли процедуры, но сама интеграция продолжается в тех же формах. Отсюда сложность в понимании взаимозависимости процессов.

– В Вашем особом мнении по делу «Ремдизель» (Постановление Суда от 8 апреля 2016 г.) Вы ссылаетесь на принципы добросовестности, недопустимости злоупотребления правом, правовой определенности и другие. Какую роль принципы права должны играть в деятельности Суда, могут ли они противопоставляться позитивному праву?

– Общепризнанные, как и общие принципы права, имеют естественно-правовое происхождение. Некоторые из принципов стали нормами *jus cogens*. Повторюсь, но международное право по своему генезису – естественное, право практики и обычая.

Данные принципы, опробованные веками, всегда стоят над позитивным правом, которое не может им противоречить – именно из этих соображений проистекают принципы *bona fides*, *public order*, *legal certainty*, *par in parem non habet imperium*. И они стоят над любым правом, включая конституционное. И любой суд, занимающийся нормоконтролем, должен устанавливать, соответствует ли договор, решение, действие или бездействие указанным естественно-правовым основам, закрепленным в международном праве.

При этом, целью работы любого судебного органа является установление баланса публичных и частных интересов: интересы любого публичного органа могут быть нарушены недобросовестным поведением частного субъекта и наоборот. Однако для меня лично еще одним важным стандартом является справедливость, а в отношении слабого – еще и милосердие. Отдаю себе отчет в том, что далеко не все со мной согласятся, ведь это не правовые категории, а скорее морально-этические. Но успешным может быть только справедливый и милосердный суд: совместить право и мораль и есть главная сложность в профессии судьи.

– В решениях по делу Новокраматорского машиностроительного завода от 24 июня 2013 г. и 21 октября 2013 г. Суд сформулировал несколько выводов, касающихся действия права ВТО в правопорядке ЕврАзЭС. Какое место нормы ВТО должны занимать в правопорядке ЕАЭС, могли ли Суд в решениях по делу НКМЗ сформулировать иную позицию?

– ВТО и Таможенный союз (в то время) – это организации, целью работы которых является либерализация торговли в широком смысле, а также минимизация протекционистских действий государств в отношении своих предпринимателей. При этом право ВТО являлось частью правовой системы Таможенного союза, а сейчас является частью права ЕАЭС. Суд нарушать нормы ВТО не может. Однако в том случае, если Суд установит, что право ЕАЭС не соответствует праву ВТО, то следует применять право ВТО. Такого несоответствия в том деле

установлено не было, что подтвердили предприниматели и власти страны-заявителя.

– Некоторые представители отечественной доктрины подвергли критике позиции Суда по ряду дел. Считаете ли Вы данную критику конструктивной, влияет ли она на деятельность Суда?

– Доктрина – основа международного права, и я слежу за научной, обоснованной и конструктивной критикой. Однако пока в большинстве своем российские комментаторы избрали для себя не научный, а скорее публицистический вектор, благодаря чему мы видим тенденциозные или даже недоброжелательные высказывания. В то же время и серьезные работы начинают появляться – например, в журнале «Международное правосудие».

Нас упрекают в том, что наши решения ущербны с точки зрения содержания и формы. Все развивается. Так, нормы Статута и Регламента Суда касательно компетенции специализированных групп при рассмотрении дела, обязанности Суда не выходить за пределы заявленных требований были приняты с подачи Суда – ранее такие нормы не содержались в уставных документах, и пределы последствий рассмотрения дела были не определены. Теперь картина ясна: Суд предлагает модель, ЕЭК или другие органы интеграции создают на ее основе новую норму права. Что касается «поиска» идеальной формы решения (то, как оно будет оформлено), то это самая сложная задача для любого суда. В своей практике мы не копируем ни решения международных, ни решения национальных судов, а пытались найти свой стиль, который будет понятен как юристам-международникам, так и юристам, занимающимся национальным правом, а также, безусловно, судам государств-членов. Полагаю, что нынешняя форма решений является сбалансированной: в ее основе лежит четкое разделение фактов, аргументов и выводов Суда, за что очень благодарна своим высококлассным коллегам-судьям. Кроме того, в нашем Суде установилась практика, согласно которой судья-докладчик полностью составляет проект решения, который затем обсуждается с коллегами, дополняется их предложениями. И форма решений, принятая нами, наилучшим образом отражает индивидуальность судьи-докладчика. Индивидуализация судебных актов – это элемент независимости судей при коллегиальности принятия решений.

Тем более, что некоторым комментаторам кажется, что независимость судей Суда ЕАЭС подвергнута сомнению, поскольку процедура лишения судьи должности излишне проста: президенты на Высшем совете могут прекратить полномочия конкретного судьи, но по основаниям, указанным в статьях Статута Суда ЕАЭС. Однако смею заметить, что независимость судьи – это внутреннее свойство, основанное на его личных качествах, опыте и уровне образования. Судья может быть независим только в том случае, если он обладает моральной твердостью, а также уверен в своем интеллектуальном багаже. Отсюда и проистекают основные критерии для отбора в судьи Суда ЕАЭС – высокие моральные качества и высокая квалификация. Если кандидат в судьи удовлетворяет указанным критериям, есть шанс, что он будет независимым судьей. Отмечаю, однако, что в ходе принятия Договора о Евразийском экономическом союзе 2014 года норма о комиссии, проверяющей качества кандидата, была исключена. И это, на мой взгляд, упущение, которое следует исправить в будущем.

Что же касается применения Статута Высшим Евразийским экономическим советом, то к независимости эти нормы не имеют отношения, ибо рассчитаны на экстраординарные обстоятельства, такие как нарушение этики, преступление, смерть и так далее.

Полагаю, что комментаторам надо учитывать, что судьи не боги, а люди, с ними может случаться всякое. Причем все люди разные, у них разные характеры, разная степень стойкости. Именно об этих случаях говорит Статут. А то, что лишит судей полномочий могут только президенты в строго определенных случаях – это наоборот наша гарантия, евразийская гарантия нашей независимости. Поэтому надеюсь, что отечественная доктрина научится вести диалог, в приемлемых и обезличенных формах, будет анализировать решения Суда не с целью показать собственную гениальность, а для развития права и институтов, в том числе международного права в целом и ЕАЭС в частности.

– Татьяна Николаевна, как Вы относитесь к судебному активизму, т.е. к выходу судов за пределы позитивных норм? Должен ли международный суд, в частности Суд ЕАЭС, проводить активистскую политику?

– Должен быть разумный баланс. Без активизма органов интеграции, развитие интеграции невозможно, но суд не может подменять законодателя и исполнительную власть. Судебным решением суд решает конкретную задачу, развивая право в этом вопросе. Из решения рождается правовая позиция (практика, прецедент), которая должна быть проникнута высоким и глубинным правовым содержанием. Многие из этой позиции войдет в действующее право через обычай, договоры, принципы, решения.

Кстати, упрекать молодой суд в том, что судьи, при написании решений копируют навыки прежней профессии (прокурора, чиновника и так далее) – излишне. Все сбалансировано со временем.

– Суд ЕАЭС довольно часто ссылается на решения других международных судов, в т.ч. Международного суда ООН и Суда ЕС. Какое значение имеют данные ссылки для формирования позиции Суда, можно ли говорить о фактическом следовании концепции судебного прецедента?

– Убедена, что одной из задач любого международного суда, при этом не упомянутой ни в одном из учредительных документов, является преодоление фрагментации международного права. Эта проблема очень активно обсуждается как на уровне ООН, так и на уровне Совета Европы. К этой задаче отношусь крайне ответственно и при рассмотрении дел внимательно отслеживаю развитие судебной практики в других международных судах.

Полагаю, что любой современный международный суд должен учитывать и уважать правовые позиции своих коллег из других международных судебных учреждений, тем самым не создавая ситуации, когда международное право разбалансировано и, как следствие, погублено. Знать об этой особенности могут только юристы-международники, изучившие его на достаточно серьезном уровне. Как мы все знаем, если за дело берется дилетант, то, в любом случае, надежд на позитивный исход – немного. То же самое – с правом.

К чести Суда ЕАЭС могу сказать, что пока данному органу удается проводить анализ работы других органов таким образом, чтобы исключить случаи необоснованной фрагментации, в чем нам помогают специалисты-международники Экспертно-аналитического отдела Секретариата Суда.

– Татьяна Николаевна, Вы долгое время работали судьей ВАС РФ. Отличается ли работа национального судьи от работы международного судьи?

– Работа, конечно, отличается. В ВАС РФ я занималась более международным частным правом, а сейчас – международным частным и публичным в комплексе. Это позволяет видеть и анализировать явления более системно. В ВАС РФ суть работы заключалась в нахождении баланса в сталкивающихся экономических интересах: в непростое время после распада Советского союза данные проблемы приходилось решать зачастую интуитивно, ибо многие международно-правовые стандарты еще не были внедрены в правовую систему Российской Федерации, но сейчас они уже вписаны в позитивное право: добросовестность, estoppel, индемнитет и так далее.

В ЕАЭС основным вызовом в работе является столкновение европейской и азиатской ментальности, различия в религиозных и традиционных основах. Такие коллизии иначе, чем на основе науки разрешить нельзя. Но и опыт разрешения коммерческих конфликтов незаменим, ибо именно в той работе были заложены принципы формирования единообразной практики. Решение таких задач создает сложности, но одновременно очень обогащает, ибо без практики мертво древо науки.

– Татьяна Николаевна, что бы вы пожелали читателям, авторам, редакции Евразийского юридического журнала?

– Хотелось бы пожелать креативного отношения к жизни и подарков от судьбы!

Интервью брал:

Толстых Владислав Леонидович – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права Новосибирского государственного университета; главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии Наук

ЯГЬЯ Ватаняр Саидович

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ЛИ Минфу

кандидат политических наук, КНР

G-3 – ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ США, РОССИИ И КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА

В статье анализируются современные отношения между США, Россией и Китаем, и их основные внешнеполитические, внешнеэкономические курсы и проекты, как на региональном, так и на глобальном уровнях. Опираясь на анализ позиции США, России и Китая о миропорядке, авторы провели попытку обсудить возможный вариант треугольного диалога для США, России и Китая в рамках предполагаемой G-3 в контексте формирования нового миропорядка.

Ключевые слова: G-3, новый миропорядок, Экономический пояс, Шелковый путь, Евразийский экономический союз, США, Россия, Китай.

YAGYA Vatanyar Saidovich

Ph.D. in History, professor of World Politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

LI Mingfu

Ph.D. in political science, China

G-3 – RELATIONS OF USA, RUSSIA AND CHINA IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF THE NEW WORLD ORDER

The article analyzes the modern relations between the U.S., Russia and China, and their external political and economic guidelines and projects at the regional and global levels. Based on the analysis of standpoint of USA, Russia and China on world order, authors tried to discuss possible triangle dialogue for the USA, Russia and China at the context of formation of new world order.

Keywords: G-3, new world order, Economic belt, Silk Road, Eurasian Economic Union.

Ягья В. С.

Ли М.

Современное научно-техническое развитие, несомненно, глубоко сказалось на процессе глобализации, в которой сила эволюционно изменяется как в плане времени, так и пространства. На сегодняшний день стало легче узнать то, что произошло в мире в результате все нарастающего информационного потока, однако во втором десятилетии XXI века наша планета наполнилась конфликтами, хаосом и неопределенностью.

В конце минувшего столетия предполагалось, что предстоящий век станет временем мира без конфликтности, добрососедства и странолюбия. Однако действительность оказалось иной, полной глобальных, региональных и внутривосточных войн, конфликтов, террора и человеческих бедствий.

Думая о реальной мировой политической и экономической ситуации, многие ученые, политики и руководители государств выразили большое опасение за будущее человечества. Так, американский политолог Г. Киссинджер считает, что мы живем в исторический период, когда налицо упорная погоня за ускользающей концепцией мирового порядка. Хаос угрожает нам...¹. Крупные российские ученые М. Титаренко и В. Петровский придерживаются такой же точки зрения. Они отмечают, что обстановка в мире в последние годы претерпевает глубокие потрясения, ведущие к обострению ранее существовавших противоречий и нарастанию напряженности

и различных угроз². Переосмысляя западные политические и экономические системы, и отреагировав на идеи Хантингтона, директор Института исследования политики и развития в Лондоне Нафиз Моссадек Ахмед написал, что глобальный кризис включает в себя почти всю деятельность человечества в политических, общественных, экономических, культурных и психологических сферах. По его мнению, изменение климата, экономический кризис, терроризм и ряд других проблем сейчас проверяют мудрость и ответственность человечества всего мира³.

Чтобы решить эти проблемы на глобальном уровне, необходимо тесное сотрудничество нового типа между ними, особенно ведущими державами. К сожалению, сегодняшнее взаимодействие между странами в решении общих мировых проблем оказалось не столь успешным, если не сказать правильным. Как считает З. Бжезинский, до 2025 года мир еще не принадлежит Китаю. В ближайшие 20 лет порядок мира представляется в форме хаоса без стабильного и надежного миропорядка и глобального лидера⁴.

Проблемы и конфликты, возникающие перед нами, вызвали широкую дискуссию о мировом порядке, как в России,

1 Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с. англ. В. Желнинова, А. Милокова. – М.: АСТ, 2015. – С. 512.

2 Титаренко М., Петровский В. Россия, Китай и новый мировой порядок // Международная жизнь. – 2015. – № 3. – С. 24.

3 Nafeez Mosaddeq Ahmed. A User's Guide to the Crisis of Civilization: And How to Save it. Pluto Press, 2010. P. 3.

4 Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америки и глобальный кризис / Пер. с. англ. М. Н. Десятовой. – М.: АСТ, 2015.

так и в других странах. По мнению Джозефа С. Ная - младшего, мир не является ни однополярным, ни многополярным, ни хаотичным — ему свойственны одновременно все эти три характеристики⁵.

Современный мировой порядок, основанный на вестфальской системе еще в 1648 г., больше не может отвечать требованиям сегодняшнего изменения баланса сил и интересов, развития геополитической реальности. В. Петровский считает, что в настоящее время система международных отношений и существующий мировой порядок проходят «испытание Украиной»⁶. На самом деле, ведущие государства и крупнейшие международные организации уже неоднократно выразили собственное желание формировать новый миропорядок, основанный на многополярности, среди них — Россия, Китай, Индия, Бразилия, Япония и др.

Однако реальные события и тенденции развития вызывают у одних из них опасения (надуманные или реальные — это другое дело) по поводу все увеличивающихся успехов в экономике и политике других и одновременного понижения собственных позиций в мировом сообществе в сравнении с ними. Здесь сказывается приверженность старым, традиционным нормам мирозидания и непонимания происходящих перемен в сущности мировой политики, международных отношениях и росте значимости все большего числа стран на мировой арене. Яркий пример тому — не сходящие со страниц политологических исследований утверждения о растущем противоборстве США — Китай, США — Россия и усиливающемся партнерстве Россия — Китай, хотя кое-кто на Западе, да и в самой России, не исключает конечный антироссийский итог этому стратегическому партнерству. Было бы, конечно, несправедливо отмечать лишь негативные тенденции во взаимоотношениях Россия — США и Китай — США. Определенную позицию предполагает, в частности, китайский проект «Один пояс — Один путь», а также российская евразийская инициатива создания Евразийского экономического союза. Намечилось также сопряжение этих концептуальных партнерств. Следует иметь в виду их геоэкономическую и геостратегическую открытость всему мировому сообществу, в том числе и для подключения США, тем более, что Пекину свойственно движение на Запад, да и Россия вовсе не чурается расширения и углубления контактов с США и их европейскими союзниками.

В глобальной экономике и мировой политике велика роль России, США и Китая. Их совместное взаимодействие в решении актуальных собственных и международных проблем придало бы немалый импульс поступательному бесконфликтному развитию всего мирового сообщества. Однако в условиях современного процесса институционализации политической и экономической интеграции нет ни одного формата диалога между этими тремя крупнейшими державами. Один из авторов этой статьи уже писал в двух работах о необходимости Москве, Пекину и Вашингтону создать G-3 и о перспективах, какие открывает этот формат на политической карте современного мира для трехстороннего диалога между ними⁷.

В настоящее время отношения между США, Россией и Китаем обсуждаются в бумажных и электронных СМИ, в научном сообществе, но мнения расходятся и даже противопоставляются. Вполне понятно, что Соединенные Штаты больше не являются доминирующей силой в мировом масштабе. Это уже признали американская элита, крупные политологи, а также Г. Киссинджер⁸, З. Бжезинский⁹, Джозеф Най¹⁰. Очевидно, что в настоящее время мировой баланс сил переживает глубокие изменения. Однако это вовсе не обязательно ведет к столкновению между ведущими державами, хотя любое серьезное противоречие между США, Россией и Китаем может вызвать серьезную катастрофу на планете.

Чтобы ее предотвратить, на наш взгляд, необходимо совместное соучастие этих трех государств в разрешении образовавшейся конфликтности. Еще Е. Примаков, отмечая ослабление позиций США на мировой арене, убедительно доказывал, что высокий уровень ответственности по сохранению мира на Земле в подобных условиях ложится на других основных актеров мировой политики¹¹. Он имел в виду, прежде всего, то, что после украинского кризиса двусторонние отношения между США и Россией резко ухудшились. Еще в большей степени они обострились из-за войны в Сирии. В последнее время стало даже модным говорить о новой холодной войне. Запад под руководством США исключил Россию из G8 и они намерены решать региональные и глобальные проблемы без участия России. Но это у них плохо получается, например, Вашингтон в Сирии время от времени прибегает к поддержке России.

Запад, пытаясь изолировать Россию, недооценил ее потенциал как великой державы. Исходя из сегодняшней мировой политической и экономической реальности, можно сказать, что противоречия между США и Россией еще будут продолжаться. Российский политолог С.А. Караганов писал, «что в 2015 году уже почти вся российская элита поняла, что противостояние с Западом надолго и неслучайно, что России придется жить в иной реальности, чем предполагали прекраснодушные мечты об интеграции с Западом при сохранении независимости и суверенитета. Они превалировали в российском политическом классе чуть ли не до конца 2000-х годов»¹².

Одна причина такого положения в том, что США и России не удалось понять друг друга в вопросе о собственных национальных интересах. Нет у них и одинаковых подходов ко многим глобальным и региональным проблемам. С точки зрения Президента РСМД Игоря Иванова, между Кремлем и Белым домом — глубокое расхождение в понимании того, что является «законным», «справедливым», «этичным», «ответственным» в мировой политике¹³.

Говоря о китайско-американских отношениях, многие эксперты, ученые, политики и правительственные чиновники убеждены в том, что конфликт между Китаем и Соединенными

5 Най Д. Будущее власти / Пер. с. англ. В. Н. Верченко. — М.: АСТ, 2014. — С. 347.

6 Петровский В. Россия и Восточная Азия в контексте украинского кризиса: «нет» санкциям, «да» новому миропорядку // Международная жизнь. — 2014. — № 10. — С. 52.

7 Ягья В. С. Мир и Россия в начале второго десятилетия XXI века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: Вып. 6 / Гл. ред. В. С. Ягья. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. — С. 63, 69, 70; На повестке дня: G-3 // Международные отношения и диалог культур: Сб. науч. ст.: Вып. 4 (2015) / Гл. ред. С. Н. Погодин. — СПб.: Изд-во Политех. Ун-та, 2016. — С. 26-65.

8 Nafeez Mosaddeq Ahmed. A User's Guide to the Crisis of Civilization: And How to Save it.

9 Zbigniew Brzezinski. Toward a Global Realignment // The American Interest. Published on April 17, 2016. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (дата обращения: 30.09.2016).

10 Най Д. Указ. соч. — С. 347.

11 Примаков Е. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. — М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016. — С. 253.

12 Караганов С. А. Праздновать еще рано // Российская газета. — 2016. — 11 января. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.rg.ru/2016/01/12/karaganov.html> (дата обращения: 30.09.2016).

13 Иванов И. Российско-американские отношения: границы возможного // Независимая газета. — 2016. — 14 марта. [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-03-14/9_ru_usa.html (дата обращения: 30.09.2016).

Штатами неизбежен. Некоторые из них даже договариваются до того, что обязательно будет война между ними. Так, американские политологи-международники З. Бжезинский и Дж. Мирсхаймер считают, что китайско-американский конфликт не может избежать «Ловушки Фукидида». Но в то же самое время многие ученые, в том числе Джозеф С. Най - младший и бывший премьер-министр Австралии К. Радд, полагают, что конфликт между Китаем и США не обязательно неизбежен. Ключом к развитию китайско-американских отношений, по их мнению, является углубление взаимопонимания и взаимодоверия, в достижении чего значительная роль принадлежит мягкой силе. В реальности обе страны пошли по пути разработки своих инициатив по совершенствованию двухсторонних отношений, что одновременно привело бы к росту их значения в мировом сообществе. Вашингтон пригласил Пекин создать коалицию в виде так называемой «G-2» для совместного управления миром. В свою очередь, Китай, отвергнувший это американское предложение, намерен построить отношения нового типа между державами, в связи с чем исчезли бы лидерство и доминанция США, а возросла бы роль Поднебесной, да и Россия оказалась бы в стороне от своих намерений возвысить роль в решении глобальных и региональных проблем.

В контексте серьезного изменения, корректировки и масштабного развития мира Китай и Россия являются не только крупными мировыми державами, но и крупнейшими соседями. Политико-географическое соседство непосредственно влияет на взаимные подходы к вопросам безопасности, стабильности и развития. Китайские и российские СМИ часто используют выражение «лучший период в истории», характеризуя текущие дружественные отношения Поднебесной и России. Так, академики М. Титаренко и В. Петровский убеждены в том, что в сложившейся на мировой арене «противоречивой и сложной обстановке еще больше возрастает значение стратегического партнерства и взаимодействия в решении глобальных проблем России и Китая – двух соседних государств, придерживающихся сходных либо близких позиций по основным вопросам мировой политики»¹⁴.

В последнее время даже появилась своеобразная идеология «Россия поворачивается на Восток, а Китай – на Запад»¹⁵. Взаимодействие России и Китая в Евразийском континенте еще более углубится в ходе сопряжения «Экономического пояса Шелкового пути» и Евразийского экономического союза, о чем договорились президент России В.В. Путин и председатель Китая Си Цзиньпин 8 мая 2015 г. Но, тем не менее, в научном сообществе мнение о перспективах сопряжения ЭПШП и ЕАЭС разделяется в двух аспектах: надежда и сомнение.

Декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ С. Караганов подчеркивает, что поворот Китая на Запад и реализация проекта ЕАЭС могут принести России большой шанс для развития. Он доказательно пишет: об огромных возможностях, открывающихся в случае развития философии и практики сопряжения ЕАЭС и ЭПШП, России, Китая, стран Центральной Азии, Ирана, потенциально Индии, Южной Кореи, ряда других государств»¹⁶. Обстоятельно проанализировав основные тенденции современного разви-

тия, он делает очень оригинальные выводы «Еще большие надежды внушает поворот Китая на Запад. Он объективен. Экономика Китая все больше развивается по модели «Азия для Азии», а не по прежней – «Азия для мира» ... Такая комиссия могла бы сводить воедино диалог ЕАЭС – ЭПШП, ЕАЭС – ЕС, если он начнется. И, наконец, содействовать оживлению крайне многообещающей, но все еще находящейся в полуспящем состоянии ШОС, которая потенциально могла бы стать ключевой организацией строящейся Большой Евразии»¹⁷. Идеи создания Большой Евразии поддержатся и президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме в 2016 г.

Известный китаевед А. Лукин, поддерживая политику «Поворот России к Азии», ссылается на историческую базу ее формирования. Он отдает здесь должное Е.М. Примакову, который еще в 1998 году сформулировал идею координации действий России, Китая и Индии»¹⁸.

Однако, откровенно говоря, возникшая по его инициативе группа «РКИ» (Россия-Китай-Индия) не обладает еще политическим весом, соответствующим огромному международному ресурсу ее участников.

Анализируя причины сближения России и Китая во второй половине десятых годов XXI в., А. Лукин подчеркивает, что коренная мотивация такого небывалого сближения в отношениях России и Китая, особенно на первом этапе, прежде всего, относилась к сфере геополитики, а не экономики»¹⁹.

Однако в российском академическом сообществе имеются и иные точки зрения на развивающееся стратегическое сотрудничество России и Китая. Оно не столь радужно, как у тех, кто безапелляционно считает об успешности, высоком уровне полезности обеих стран и исключительно стабилизирующем значении этого партнерства в созидании и развитии глобальной, региональной и национальной безопасности. В наиболее концентрированном виде эти сомнения отражены в статье В.В. Михеева, В.Г. Швыдко и С.А. Луконина под очень интригующим названием «Китай – Россия: когда эмоции уместны?» В ней рассматриваются сложные проблемы во взаимоотношениях этих государств, многие из которых не решены до сих и продолжают омрачать межгосударственные взаимодействия. Авторы заостряют внимание на том, что Россия, развивая активно партнерство с Китаем и в целом следуя установлению концепции «поворота на Восток», а также поддерживая китайский разворот на Запад, рискует стать основной угрозой США, вместо, как это полагают в Вашингтоне в настоящее время, Китая.

Они также подчеркивают, что «поворот на Восток» не может заменять сотрудничество между Россией и США в таких сферах как стратегическая стабильность, ядерное нераспространение, антитерроризм и климатические изменения. Наступающее большое изменение мировой конфигурации, по их мнению, отодвинет Россию на третьи роли в мире после США и Китая»²⁰. Вместе с тем, они не отрицали роль Китая, России и США в формировании нового миропорядка.

<http://www.rg.ru/2015/10/26/karaganov.html> (дата обращения: 30.09.2016).

17 Там же.

18 Лукин А. Поворот России к Азии: миф или реальность? // Международная жизнь. – 2016. – № 4. – С. 90-107.

19 Там же.

20 Михеев В., Швыдко В., Луконин С. Китай – Россия: когда эмоции уместны? // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 2. – С. 5-13.

14 Титаренко М., Петровский В. Россия, Китай и новый мировой порядок // Международная жизнь. – 2015. – № 3. – С. 27.

15 См., например: Скосырев В. Россия поворачивает на Восток, а Китай – на Запад // Независимая газета. – 2015. – 1 июля.

16 Сергей Караганов. Обещания Евразии: Поворот Китая на Запад крайне выгоден России // Российская газета. – 2015. – 26 октября. Nafeez Mosaddeq Ahmed. A User's Guide to the Crisis of Civilization: And How to Save it. [Электронный ресурс] – Режим доступа:

Китайские ученые, как правило, высоко оценивают отношение между Россией и Китаем. Так, международники Сюй Цинхуа и Ши Иньхун считают, что Россия и Китай, как великие державы Евразии и Азиатско-Тихоокеанского региона, могут решать будущее развитие миропорядка в контексте противоречий сухопутной и морской силы. На фоне современной турбулентности и международной нестабильности обе страны, с их точки зрения, желают иметь стратегических партнеров, имеющих такие же мировоззрение, силы и место, которые по крайней мере могут взаимно обеспечить стабильность и безопасность²¹.

На самом деле сближение Китая и России беспокоит США и их союзников. Вот почему западные СМИ часто пытаются очернить имидж Пекина и Москвы, чтобы вбить клин в их отношения. Директор Инициативы стратегического прогнозирования при Атлантическом совете США М. Берроуз и Старший научный сотрудник Атлантического совета США Р. Мэннинг полагают, что Пекин и Москва достигли такого уровня отношений, которого никогда не было, что дает им возможность изменить мировой порядок по своему усмотрению. Именно в свое время такого поворота событий Генри Киссинджер как раз и боялся большего всего²². М. Берроуз и Р. Мэннинг также убеждены, что успешное российско-китайское партнерство может стать образцом для новой модели развития – авторитарного государственного капитализма, независимого от Запада²³.

Недавно бывший заместитель министра иностранных дел, а ныне председатель Комитета по международным делам ВСНП Фу Ин опубликовала статью в американском журнале «Foreign Affairs», в которой говорит, что «российско-китайские отношения являются стратегическим партнерством и ни в коем случае не браком по расчету: они являются комплексными, крепкими и глубоко укорененными», а «изменения в международных отношениях после конца холодной войны лишь способствовали большему сближению двух стран»²⁴.

В интенсивном развитии российско-китайского партнерства, усиливающегося в результате сопряжения Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, активностью Москвы и Пекина в БРИКС, ШОС и АТЭС нарастают, с распространением с большим усердием в СМИ и научных псевдосочинениях структуры большой биполярности: с одной стороны, Россия и Китай, а с другой – США и Запад в целом. Официально и в Пекине, и в Москве утверждают, что биполярности нет места в современной конфигурации международных отношений, и что мир должен быть многополюсным, полицентричным.

Директор Института международных исследований МГИМО (У) МИД России А. Орлов не исключает, однако, что если многополярность не будет достигнута, то неизбежно возвращение к биполярной модели, но на новом витке одному

полуглобальному блоку будет противостоять другой полуглобальный блок²⁵.

Поэтому Китай и Россия тесно сотрудничают в решении как региональных, так и мировых проблем, их внимание было направлено на формирование нового многополярного миропорядка, а не создания. Академики М. Титаренко и В. Петровский считают, что взаимное уважение выбора друг друга и невмешательство во внутренние дела, поддержание атмосферы доверия, равноправного взаимодействия и сотрудничества стали основой формирования новой платформы отношений России и ее партнеров по нарождающемуся миропорядку. Это не союзнические отношения, но они не направлены против какой-либо третьей державы²⁶. Такой же подход в отношении Китая, и подобными принципами Россия полагает руководствоваться в связях с США.

Относительно мирового порядка, у Китая и России всегда есть собственные идеи и положение. Во время руководства первого поколения КПК тогдашний председатель Мао Цзэдун предложил идею о выделении мира в «три мира», включая и концепцию перестроить мировую конфигурацию, и изменения миропорядка. В 1990 годах Дэн Сяопин говорил, что у нашей внешней политики есть две линии. Первая – это антигегемонизм, антидоминирование, антидиктат и обеспечение мира во всем мире. Вторая же предусматривает создание нового международного экономического и политического порядка. В докладе на XIV съезде КПК в 1992 году Цзян Цзэмин заявил, что важным содержанием внешней политики Китая является создание нового порядка, в котором, в силу исторического опыта и реального положения, будут мир, стабильность, справедливость и разумность, взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, взаимного ненападения, взаимного невмешательства во внутренние дела друг друга, равенство и взаимная выгода и мирное сосуществование, а также установление равенства и взаимовыгодное международное экономическое сотрудничество²⁷. Эти позиции получили положительный отклик в России. Ярким примером служит подписанная Китаем и Россией в 2005 году «Совместная декларация о международном порядке в XXI веке».

После XVIII съезда КПК руководство КНР стало уделять еще больше внимания проблеме нового миропорядка. На заседании внешней связи ЦК КПК председатель Китая Си Цзиньпин подчеркнул, что нужно основательно оценить длительность борьбы за новый миропорядок.

Общей проблемой между США, Россией и Китаем является отсутствие взаимодоверия. Уровень взаимопонимания еще далек от учета интересов друг друга. Тем не менее, сотрудничество между ними очень нужно в настоящее время чтобы избежать серьезной конфронтации между ними, что несомненно, скажется на общемировом развитии. По мнению С. Караганова, в мире формируется новая конфигурация, в основе которой – возникновение двух расширенных центров силы. Один из них уже активно создается – по инициативе США. Он будет включать в себя партнеров и союзников Соединенных Штатов. Большая Евразия объективно может стать противо-

21 许勤华, 时殷弘. 中国对外战略中的俄罗斯——显著意义与潜在负项// 俄罗斯东欧中亚研究. 2016 (2): 1-8 (перевод: Сюй Цинхуа, Ши Иньхун. Россия во внешнеполитической стратегии Китая. Исследование России и Восточной Европы. – 2016. – № 2. – С. 1-8).

22 Мэтью Берроуз, Роберт Мэннинг. Страшный сон Генри Киссинджера: треугольник США – КИТАЙ – РОССИЯ меняет правила игры // Валдайские записки. – 2015. – №33 (ноябрь). – С. 3.

23 Там же. С. 9.

24 Fu Ying. How China Sees Russia: Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies // Foreign Affairs. January / February 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia> (дата обращения: 30.09.2016).

25 Орлов А. Новая парадигма международных отношений // Международная жизнь. – 2014. – № 10. – С. 72.

26 Титаренко М., Петровский В. Россия, Китай и новый мировой порядок // Международная жизнь. – 2015. – № 3. – С. 27.

27 刘建飞. 中国追求什么样的国际秩序// 环球时报01.04.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2016-04/8794823.html> (перевод: Лю Цянфэй. К какому миропорядку Китай стремится. 01.04.2016 (дата обращения: 30.09.2016).

весом, но для этого нужна более активная позиция и России, и Китая²⁸.

Такая тенденция на мировой арене тесно связана с внешней политикой США. Очевидно, что Вашингтон еще не отказался от своих стратегических взглядов, оформленных во время холодной войны. Речь идет об их стереотипе осмысления мировой политики и миропорядка. Ярким примером служат слова главы Пентагона Эштона Картера на церемонии вступления в должность нового главы северного командования ВС США генерала Лори Робинсона: «На мировой арене Соединенным Штатам бросают вызовы. Во-первых, это Россия с ее агрессией, в особенности в Европе, и тайными сговорами. Крупной проблемой является распространение влияния Китая в Тихоокеанском регионе»²⁹.

В этих условиях примечателен вопрос, задаваемый М. Берроузом и Р. Мэннингом: Появится ли у Соединенных Штатов возможность воссоздать систему, похожую на стратегический треугольник Киссинджера?³⁰ Здесь речь идет о том, что США должны объединить силы с Китаем против России, или с Россией против Китая. Кстати, идея союза США и СССР против Китая высказывалась еще в 1963 г. комментатором и общественным деятелем В.Л. Кудрявцевым. Даже З. Бжезинский пытается найти способ сохранить глобальное лидерство Америки за счет России и Китая. По его мнению, поскольку эра мирового господства США заканчивается, им необходимо выступить инициатором изменения баланса сил мировых держав. А чтобы достигнуть разумного, компетентного и эффективного решения этих проблем, необходимо ослабить напряженность и добиться соответствующих международных договоренностей. Эти договоренности, как он полагает, должны основываться на долгосрочной стратегии, признающей безотлагательную необходимость создания новой геополитической архитектуры³¹.

Да, у каждой страны есть собственные интересы, желания и требования в мировом сообществе, и они могут совпадать или различаться, но без сомнения в современной международной обстановке перед США, Россией и Китаем стоит вопрос регулирования отношений между собой и поиска возможного варианта для трехстороннего диалога.

В 25-26 марта 2016 года в Шанхае проводилась конференция «Сотрудничество между Китаем и Россией: процесс и перспективы» при поддержке клуба «Валдай» и Центра по изучению России при Восточно-Китайском педагогическом университете. В ходе сессии неоднократно упоминалась идея трехстороннего сотрудничества Китай-Россия-США. По мнению многих участников, именно участие трех крупнейших держав,

а не деление на двусторонние треки, способно по-настоящему обеспечить интересы каждой из сторон и, на наш взгляд, мира в целом. Учитывая очевидную взаимную выгоду для Китая, США и России, установление подобного партнерства остается, по мнению участников сессии, вопросом времени³².

Полагаем, что идея трехстороннего сотрудничества США – Россия – Китай в формате G-3 имеет глубокое как теоретическое, так и практическое значение для формирования нового миропорядка. Для того чтобы реализовать такую идею, в первую очередь, США должны смотреть на Россию и Китай новым взглядом как на своих партнеров, заинтересованных в мирозидании на земле. В международной организации нужно учесть интересы и намерения других стран. На самом деле, в последние годы Китай, Россия и даже США очень активно продвигают реформы международных организаций: инициативы реформирования уже существующих международных организаций или создания новых. Решающую роль в реализации этих идей могут сыграть намерения этих стран, имеющие огромный потенциал для построения глобальных и региональных систем³³. Джозеф С. Най – младший считает, что страна не может быть великой державой без того, чтобы не иметь по крайней мере значимый голос в ООН, МВФ и Всемирном банке³⁴. Объявление МВФ юаня третьей валютной мира – признание значимости Китая в международной жизни.

В процессе формирования нового миропорядка в центре внимания нужно поставить принципы, на которых основан новый миропорядок. «Ключевой вопрос при построении мирового порядка, – отмечал Г. Киссинджер, – неизбежно затрагивает сущность объединяющих его принципов, в которых и состоит кардинальное различие между западным и незападным подходами к миропорядку»³⁵.

Как полагает заместитель директора института международных отношений университета Цинхуа Чжао Кэцин, исследования о международном порядке не должны игнорировать влияние таких элементов действительности, как мысли, навыки, нормы, ценности³⁶.

После украинского кризиса ведущие державы стали уделять больше внимания поиску путей становления нового миропорядка. Безусловно, в этом процессе велика роль таких держав как США, Россия и Китай. Идея их трехстороннего сотрудничества в формате G-3, конечно, большая, сложная и долгосрочная концепция, но возможность его создания имеется. Как гласит мудрость китайского древнего философа Лаоцзы, путь в тысячу метров начинается с первого шага.

28 Взаимодействие России и Китая поможет стать большой Евразии вторым центром силы // Сайт Клуба «Валдай». - 2016. - 25 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vzaimodeystvie-rossii-i-kitaya-pomozhet-stat-bolshoy-evrazii-vtorym-tsentrom-sily/> (дата обращения: 30.09.2016).

29 Пентагон: РФ и Китай – на первом месте в списке «глобальных вызовов» США // На Сайте ТАСС. 2016. 13 мая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3280559> -/ (дата обращения: 30.09.2016).

30 许勤华, 时殷弘. 中国对外战略中的俄罗斯——显著意义与潜在负项//俄罗斯东欧中亚研究. 2016 (2): 1-8 (перевод: Сюй Цинхуа, Ши Иньхун. Россия во внешнеполитической стратегии Китая. Исследование России и Восточной Европы. - 2016. - № 2. - С. 7).

31 Nafeez Mosaddeq Ahmed. A User's Guide to the Crisis of Civilization: And How to Save it. Zbigniew Brzezinski. Toward a Global Realignment // The American Interest. Published on April 17, 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (дата обращения: 30.09.2016).

32 Установление трехстороннего сотрудничества Китай – Россия – США – вопрос времени – эксперты / Сайт Клуба «Валдай». 2016. 26 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ustanovlenie-trekhstoronnego-sotrudnichestva-kitay-rossiya-ssha-kotoroe-po-nastoyashchemu-obespechit/> (дата обращения: 30.09.2016).

33 Титаренко М. Л., Петровский В. Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика / Институт Дальнего Востока РАН. – М.: Весь мир, 2016.

34 Най Д. Там же. - С. 353.

35 Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с. англ. В. Желнинова, А. Милукова. – М.: АСТ, 2015. - С. 471.

36 赵可金. 从国际秩序到全球秩序:一种思想史的视角. 国际政治研究. 2016 年第01期. P. 9, 78-98 (перевод: Чжао Кэцин. От международного до глобального порядка. Исследование международной политики. - 2016. - № 1. - С. 9, 78-79.

Пристатейный библиографический список

1. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америки и глобальный кризис / Пер. с англ. М.Н. Десятовой. – М.: АСТ, 2015.
2. Взаимодействие России и Китая поможет стать большой Евразии вторым центром силы // Сайт Клуба «Валдай». 2016. 25 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/vzaimodeystvie-rossii-i-kitaya-pomozhet-stat-bolshoy-evrazii-vtorym-tsentrom-sily/> (дата обращения: 30.09.2016).
3. Иванов И. Российско-американские отношения: границы возможного // Независимая газета. 2016. 14 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.ng.ru/dipkurer/2016-03-14/9_ru_usa.html (дата обращения: 30.09.2016).
4. Караганов С. А. Праздновать еще рано // Российская газета. 2016. 11 января. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2016/01/12/karaganov.html> (дата обращения: 30.09.2016).
5. Киссинджер Г. Мировой порядок / Пер. с англ. В. Желнинова, А. Милюкова. – М.: АСТ, 2015.
6. Лукин А. Поворот России к Азии: миф или реальность? // Международная жизнь. – 2016. – № 4.
7. Михеев В., Швыдко В., Луконин С. Китай – Россия: когда эмоции уместны? // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 2.
8. Мэтью Берроуз, Роберт Мэннинг. Страшный сон Генри Киссинджера: треугольник США–КИТАЙ–РОССИЯ меняет правила игры // Валдайские записки. – 2015. – № 33 (ноябрь).
9. Най Д. Будущее власти / Пер. с англ. В.Н. Верченко. – М.: АСТ, 2014.
10. Орлов А. Новая парадигма международных отношений // Международная жизнь. – 2014. – № 10.
11. Пентагон: РФ и Китай – на первом месте в списке «глобальных вызовов» США // На Сайте ТАСС. 2016. 13 мая. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3280559> / (дата обращения: 30.09.2016).
12. Петровский В. Россия и Восточная Азия в контексте украинского кризиса: «нет» санкциям, «да» новому миропорядку // Международная жизнь. – 2014. – № 10.
13. Примаков Е. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. – М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016.
14. Сергей Караганов. Обещание Евразии: Поворот Китая на Запад крайне выгоден России // Российская газета. 26 октября, 2015. Nafeez Mosaddeq Ahmed. A User's Guide to the Crisis of Civilization: And How to Save it. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2015/10/26/karaganov.html> (дата обращения: 30.09.2016).
15. Скосырев В. Россия поворачивает на Восток, а Китай – на Запад // Независимая газета. – 2015. – 1 июля.
16. Титаренко М. Петровский В. Россия, Китай и новый мировой порядок // Международная жизнь. – 2015. – № 3.
17. Титаренко М. Л., Петровский В. Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика / Институт Дальнего Востока РАН. – М.: Весь мир, 2016.
18. Установление трехстороннего сотрудничества Китай – Россия – США – вопрос времени – эксперты / Сайт Клуба «Валдай». 2016. 26 марта. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/ustanovlenie-trekhstoronnego-sotrudnichestva-kitay-rossiya-ssha-kotoroe-po-nastoyashchemu-obespечit/> (дата обращения: 30.09.2016).
19. Ягья В. С. Мир и Россия в начале второго десятилетия XXI века // Актуальные проблемы мировой политики в XXI веке: Вып. 6 / Гл. ред. В. С. Ягья. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.
20. Ягья В. С. На повестке дня: G-3 // Международные отношения и диалог культур: Сб. науч. ст.: Вып. 4 (2015) / Гл. ред. С. Н. Погодин. – СПб.: Изд-во Политех. Унта, 2016.
21. Fu Ying. How China Sees Russia: Beijing and Moscow Are Close, but Not Allies // Foreign Affairs. January / February 2016. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2015-12-14/how-china-sees-russia> (дата обращения: 30.09.2016).
22. Nafeez Mosaddeq Ahmed. A User's Guide to the Crisis of Civilization: And How to Save it. Pluto Press, 2010.
23. Zbigniew Brzezinski. Toward a Global Realignment // The American Interest. Published on April 17, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (дата обращения: 30.09.2016).
24. 建飞. 中国追求什么样的国际秩序 // 环球时报 1 апреля 2016 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://opinion.huanqiu.com/1152/2016-04/8794823.html> (перевод: Лю Цианфэй. К какому миропорядку Китай стремится. 1 апреля 2016 г. (дата обращения: 30.09.2016).
25. 勤华, 时殷弘. 中国对外战略中的俄罗斯——显著意义与潜在负项 // 俄罗斯东欧中亚研究. 2016 (2): 1-8 (перевод: Сюй Цинхуа, Ши Иньхун. Россия во внешнеполитической стратегии Китая. Исследование России и Восточной Европы. – 2016. – № 2).
26. 可金. 从国际秩序到全球秩序: 一种思想史的视角. 国际政治研究. 2016年第01期. P. 9, 78-98 (перевод: Чжао Кэцзин. От международного до глобального порядка. Исследование международной политики. – 2016. – № 1).

БАТУР Абдул Гафар

аспирант кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

СТАНОВЛЕНИЕ АФГАНСКОГО ГОСУДАРСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ ЗА КОНТРОЛЬ НАД ЮЖНОЙ ЧАСТЬЮ ЕВРАЗИИ

В статье раскрываются основные этапы становления современного афганского государства. Акцент делается на роли Великобритании и России во внутренней политике страны, а также в геополитических трансформациях южной части Евразии в XX веке.

Ключевые слова: Евразия, Великобритания, Россия, Афганистан, Пакистан, геополитика, «Линия Дюранда», Центральная Азия, пуштуны.

BATUR Abdul Ghafar

postgraduate student of World politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

THE FORMATION OF THE AFGHAN STATE IN THE CONTEXT OF THE POLITICAL STRUGGLE OF GREAT POWERS FOR CONTROL OVER THE SOUTHERN PART OF EURASIA

This article reveals the main stages of formation of the modern Afghan state. The emphasis is on the role of Britain and Russia in the internal politics of the country as well as in the geopolitical transformations in the South part of Eurasia in the twentieth century.

Keywords: Eurasia, Great Britain, Russia, Afghanistan, Pakistan, geopolitics, Durand Line. Central Asia, Pashtuns.

Батур А. Г.

В современных мирополитических условиях Афганистан представляет собой одну из самых «горячих точек» евразийского континента. Хотя по количественным характеристикам (территория и население) это государство не может быть отнесено к крупным странам, однако его геополитическое значение весьма существенно:

— географическое транзитное местоположение Афганистана для развития торгово-экономических связей большой Евразии от Дальнего и Ближнего Востока до Европы было крайне важным как часть знаменитого Шелкового пути, возрождение которого входит в планы Китая и ряда других стран, даже США;

— находясь в центре южной части Евразии, Афганистан, ввиду своего выгодного стратегического положения, «в древнее время и средние века становился жертвой разного рода нашествий и завоеваний, в новое время — местом столкновения интересов двух колониальных держав — России и Великобритании, а в период «холодной войны» в XX в. — противостояния двух мировых систем»¹.

По мнению многих историков, Афганистан, с одной стороны, относительно недавно сформировавшееся государство (1747 год), а с другой стороны, территория современного Афганистана была в центре борьбы интересов ключевых евразийских держав. Так, уже в XX веке в связи с возросшим интересом Германской империи к колониальным владениям Великобритании на Востоке, последняя была вынуждена пойти на сближение с царской Россией, которая, в свою очередь, нуждалась в займах для ослабленной русско-японской войной и революцией 1905 года экономики. Поэтому 31 августа 1907 г. было подписано соглашение между Россией и Великобританией о разграничении сфер влияния (а именно, Персия, Афганистан, Тибет). Пять статей Соглашения затрагивали Афганистан напрямую:

1) Афганистан — вне интересов России, а также Россия обязалась «пользоваться для всех своих политических сношений с Афганистаном посредничеством правительства Его Британского Величества»;

2) Англия не присоединяет Афганистан, какую-либо его часть, не вмешивается в его внутреннюю политику;

3) русским и афганским пограничникам «не запрещаются непосредственные контакты»;

4) признается принцип торгового равноправия России и Великобритании;

5) от одобрения афганского эмира зависит вступление в силу соглашения².

Однако удержать Афганистан в своем полном подчинении Британии не удалось. Хотя, когда афганский эмир-реформатор Аманулла Хан 28 февраля 1919 года провозгласил независимость Афганистана, то английское правительство сразу же объявило о войне, потому что уход этой территории из-под ее контроля мог стать началом конца колониального господства в Евразии. Однако, «успешные действия афганских войск и начавшиеся волнения в самой Британской Индии вынудили англичан прекратить военные действия и заключить 8 августа в Равальпинди мирный договор с Афганистаном, признавая его независимым государством»³.

Что касается России, то после революционных перемен 1917 года уже советская Россия оказалась в международной изоляции, поэтому афганский эмир сделал смелый дипломатический ход, признав 7 апреля 1919 года независимую Россию и предложив ей установить дружественные отношения. В итоге Афганистан заручился поддержкой своего большого соседа и конкурента Англии в евразийском регионе.

2 Советская историческая энциклопедия. В 16 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. - М.: «Советская энциклопедия», 1961. - Т. 13. - С. 136.

3 Ежов Г. История модернизации Афганистана (начало XX века) <http://afghanistan.ru/doc/14302.html>. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/14302.html> (дата обращения: 19.09.2016).

1 Коргун В. Г. История Афганистана XX век. - М.: Крафт+, 2004. - С. 8.

Получив политическую независимость, Аманулла Хан стал проводить в жизнь реформы. Первая в истории Афганистана Конституция была разработана и принята 30 мая 1923 года. Был утвержден Уголовный кодекс, заменивший шариатские суды, издано положение о браках, которое отменяло получение калыма, запрещало многоженство и передачу жены умершего старшего брата младшему. Укреплялись позиции Афганистана и на международной арене. Афганистан в 1921 году был принят в Лигу Наций и его официально признали уже ряд государств⁴.

Ярким примером борьбы великих держав («Большой игры») за влияние в южной части Евразии стало противоборство Великобритании и уже советской России за приоритеты во внешнеполитическом курсе Афганистана. Когда в 1919-1920 гг. состоялся обмен дипломатическими миссиями между Советской Россией и Афганистаном, а 13 сентября 1920 года был подписан Договор о дружбе⁵, и Великобритании стало известно о договоре, то Лондон занял жесткую позицию: в Афганистан была направлена миссия с целью помешать ратификации советско-афганского договора. Великобритания всячески пыталась помешать развитию советско-афганских отношений: было даже обещано признать независимость Афганистана, при условии, что последний разорвет дипломатические отношения с РСФСР, выдворит советское посольство из Кабула, распорядится открыть доступ на афганскую территорию английским агентам для антисоветской пропаганды. Однако, надо отдать должное руководству тогдашнего Афганистана, английские условия посчитали чрезмерными, и было решено продолжить сотрудничество с советскими посланцами. Эмират выдвинул несколько условий (временный отказ от открытия консульств, безвозмездность обещанной советским правительством помощи и другие) для того, чтобы ратификация договора была осуществлена (Москва уже его ратифицировала). Советские дипломаты были вынуждены пойти на принятие данных условий, и договор был ратифицирован 5 августа 1921 г.

Афганцы демонстративно разорвали переговоры с британцами в связи с описанными выше событиями. Однако, желая сохранить уже выторгованные у Афганистана условия, Великобритания предложила подписать договор, удовлетворяющий обе страны. В результате 22 ноября 1921 года был подписан договор, подтверждающий полную независимость Афганистана, а также устанавливающий обмен дипломатическими представительствами. Кроме этого он содержал еще некоторые условия, а именно:

- 1) «Линия Дюранда» – государственная граница Афганистана;
- 2) открытие нескольких английских консульств на территории Афганистана, афганских – на территории Индии;
- 3) право беспошлинно ввозить товары на территорию Афганистана через Британскую Индию;
- 4) подготовка и подписание торгового соглашения между эмиратом и королевством и другие⁶.

Таким образом, ни РСФСР, ни Великобритания не вышли из дипломатического сражения победителем. Однако Афганистан сумел получить желаемое – стал полноправным членом международных отношений и занял свое стратегически важное место в южной части Евразии. Реализуя множе-

ство внутривнутриполитических реформ, эмир Аманулла также не забывал и об укреплении внешнеполитических позиций государства – Афганистан и Советский союз 31 марта 1926 г. заключили Договор о нейтралитете и взаимном ненападении, «Пагманский пакт» (Пагман – летняя резиденция афганских королей). Договор состоял из семи статей и заключительного протокола. А именно:

1. В случае войны или военных действий между одной из договаривающихся сторон и одной или несколькими третьими державами соблюдать нейтралитет.
2. Стороны обязуются: 1) не участвовать в союзах или соглашениях военного и политического характера, которые были бы направлены против другой стороны; 2) не принимать участия в финансовом или экономическом бойкоте или блокаде; 3) воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела другой стороны.

Договор предусматривал взаимное невмешательство во внутренние дела, недопущение существования на афганской и советской территориях вооруженных отрядов и организаций, враждебных другой стороне. Договор способствовал укреплению советско-афганских связей и затруднил попытки империалистических держав использовать территорию Афганистана для организации антисоветских диверсий (налеты басмачей)⁷ на территории теперешней Центральной Азии.

К сожалению, реформаторские усилия Амануллы-хана не нашли должного отклика в афганском обществе, и в 1929 году произошел переворот, положивший начало целой цепочке дворцовых бунтов. В 1933 году к власти пришел Мухаммед Захир-шах, который обозначил основные цели своей внешней политики на выступлении в 1934 г., а именно: мир во всем мире для того, чтобы была возможность развития страны изнутри. Главным способом осуществления внешней политики было умеренное лавирование между Великобританией и СССР. В 1934 году Афганистан стал членом Лиги Наций, вслед за вступлением в организацию СССР. Так же, как уже было отмечено выше, королевство пролонгировало договор с Советским союзом от 1931 года до 1946 года а в мае 1936 года было подписано Торговое соглашение, по условиям которого Союз разрешал транзит через свою территорию. Для полного исключения вмешательства стран во внутреннюю политику друг друга, были закрыты два консульства: советское в Мазари-Шарифе и афганское в Ташкенте; этот факт не мог не обрадовать Великобританию, которая уже давно выступала против открытия консульств СССР в Афганистане. 24 июня 1936 года в Кабуле был подписан договор о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном, он заменил договор 1926 года, который утратил силу, позднее договор пролонгировался трижды. Он повторял условия договора от 1926 года Рос объем торговли между странами: Афганистан экспортировал шерсть и ковры, импортировал – чай, сахар, нефтепродукты⁸.

Король Афганистана вновь засвидетельствовал свои обязательства перед Великобританией в мае 1930 года, подтвердив англо-афганский договор 1921 года, а также торговое соглашение 1923 года, которое предусматривало транзит афганских товаров через Индию. Наряду с соглашением 1923 года, шах подтвердил и негласную договоренность о запрете для СССР об открытии торговых представительств на территории, граничащей с Британской Индией.

4 Там же.

5 Советская историческая энциклопедия. В 16 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: «Советская энциклопедия», 1961. – Т. 13. – С. 136.

6 Там же. – С. 516.

7 Советская историческая энциклопедия. В 16 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: «Советская энциклопедия», 1961. – Т. 13. – С. 138.

8 Коргун В. Г. История Афганистана XX век. – М.: Крафт+, 2004. – С. 241.

Даже запрещая что-либо, Надир-шах совершал однородные действия, доказывающие его по истине нейтральное положение, по отношению к Великобритании и СССР: выслал советский персонал, находящийся на службе в афганских ВВС, запретил специалистам из Англии работать в Афганистане. Таким образом, можно прийти к выводу, что Афганистан в какой-то степени претендовал на роль «евразийской Швейцарии», то есть страны, сохраняющей нейтралитет в условиях борьбы великих держав за господство в южной части Евразии. Подтверждением этому стал тот факт, что когда в 1939 году началась Вторая мировая война, Афганистан официально объявил о своем нейтралитете, что было достаточно выгодно для Великобритании – северо-западные границы Индии находились в безопасности. Германия стремилась перетянуть Афганистан на свою сторону; германцем удалось зародить зерно сомнений относительно нейтралитета в афганской верхушке – ведь когда были захвачены страны Бенилюкса, Норвегия, пала Франция, казалось, что и Великобритания не выдержит натиска Германии, что означало возможность пересмотра границ Афганистана. Однако после нападения Германии на СССР, объединения СССР и Великобритании, Афганистану стало проще удерживать свой нейтралитет. По требованию союзных правительств из Афганистана были высланы фашистские агенты. Хотя Афганистан и не принимал непосредственного участия в военных действиях, война оказала плачевное влияние на экономику страны – резко упал объем торговли с европейцами и с СССР, зато в регионе активизировались США, которые монополизировали некоторые сферы афганской экономики.

В 1940-50-х гг. Афганистан оказался более, чем раньше, вовлечен в мировое сообщество, традиционная политика балансирования между СССР и Великобританией все еще не потеряла свою актуальность, однако, изменилась обстановка: теперь Москва и Лондон представляли открыто противостоящие друг другу мировые системы не только в регионе Евразии. Огромное влияние на Афганистан оказало крушение в 1947 году Британской империи, теперь на юге королевство соседствовало с двумя независимыми государствами – Пакистаном и Индией.

Проблема самоопределения пуштунских племен, в частности то, что территории их проживания отошли Пакистану при содействии Великобритании, вынудило афганское правительство разорвать с последней соглашения, заключенные до 1947 г., а также заявить о непризнании «линии Дюранда» (граница между Афганистаном и британскими владениями в Индии, установленная в 1893 г.⁹). В это нелегкое для Афганистана время, поддержку ему оказал СССР: в 1946 году было заключено соглашение о демаркации границы¹⁰, а в 1950 году было заключено долгосрочное торговое соглашение¹¹ (ранее коммерческая деятельность велась на основе отдельных договоров).

Можно констатировать, что поскольку Афганистан был объектом интереса Великобритании главным образом из-за непосредственной близости к одной из ее колоний, Индии, а в процессе деколонизации Британская Индия в 1947 году обрела независимость в лице Индии и Пакистана, Афганистан собственно перестал интересовать Великобританию.

После Второй мировой войны и в условиях начавшейся «холодной войны» активно шел процесс становления новых независимых государств, вышедших из колониальной зависимости, в том числе в южной части Евразии (страны Южной Азии). Многие из них встали на путь модернизации своей экономики, что побудило и руководство Афганистана вновь вернуться к реформаторской политике 20-х гг. Принятие новой Конституции (1964) открывало путь к демократическим преобразованиям, снижался уровень влияния религиозных лидеров на политику страны. Однако данная линия развития страны не вызвала всеобщего одобрения. Более того, страна оказалась и в сложной этно-политической ситуации, связанной с последствиями деколонизации Британской Индии: пуштуны (самая многочисленная этническая группа) оказались разделенными между Пакистаном и Афганистаном. Немалую роль в осложнении внутривнутриполитической ситуации играли внешние силы, особенно Пакистан, где пуштунская элита стремилась закрепить господствующие позиции пуштунского этноса в Афганистане вплоть до объединения всех населенных пуштунских земель в «Пуштунхва суба»¹².

К сожалению, не только Пакистан, но и основные участники «холодной войны» стремились полностью подчинить себе Афганистан, находившийся в важном азиатском геостратегическом центре Южной Евразии. Как результат, афганская внутривнутриполитическая ситуация, осложненная межэтническими противоречиями, не поддавалась решению самих афганцев, а потому в Женеве (1982) при посредничестве ООН начались переговоры, длившиеся вплоть до 1988 года, когда было достигнуто компромиссное соглашение, регулирующее афгано-пакистанские отношения и определяющее советско-американские отношения в данном регионе¹³. Если на глобальном уровне в Женевских соглашениях 1988 г. был достигнут компромисс, то на национальном уровне, в рамках афганского государства противоборство продолжалось. Внутривнутриполитическое урегулирование, изложенное в «плане Д. Кордовеса»,¹⁴ было отвергнуто оппозицией, как и другие инициативы ООН.

Важным этапом в развитии афганской государственности стали события конца 1970-х гг., когда в результате череды политических кризисов власти в Афганистане началась гражданская война, и произошел ввод ограниченного контингента советских войск на территорию страны (1979 г.). Как ответная мера со стороны США началась активная подготовка и снабжение оружием и тяжелой техникой оппозиционных сил, вступивших в вооруженную борьбу с советскими военными и поддерживающими их местными политическими силами. Вынужденное завершение советской афганской компании (1989 г.), связанное с внутривнутриполитическими реформами в СССР («перестройка» и «новое мышление» во внешней политике) не привело к установлению мира в Афганистане. Более того, постепенно Афганистан стал превращаться в «большую экономическую пустыню» (Н. Симония) и зону евразийской и мировой нестабильности.

Вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов стали периодом консолидации политического ислама в Афганистане и соседнем Пакистане, где было образовано «переходное прави-

9 Советская историческая энциклопедия. В 16 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: «Советская энциклопедия», 1961. – Т. 5. – С. 436.

10 Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений 1919-1987 гг. – М.: Мысль, 1988. – С. 151.

11 Там же. – С. 156.

12 Кохманд Х. Международные аспекты урегулирования конфликта в Афганистане: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М., 2012.

13 См. Козырев Н. И. Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла»: от «Женевы-88» до наших дней. – М., 2009. – С. 116-203.

14 Cordovez D., Harrison. Out of Afghanistan. The inside story of the Soviet Withdrawal. – W. Y. 1990.

тельство Афганистана»¹⁵, которое при поддержке внешних сил развернуло вооруженную борьбу против законных властей. В середине 90-х гг. XX века на территории Пакистана стало формироваться движение «Талибан» представленное в основном этническими пуштунами, которые стали проникать в южные провинции Афганистана выступая с лозунгами прекращения вооруженной борьбы и создания «подлинно исламского государства». В октябре 1996 года талибы вошли в Кабул. В это время в Кабуле появился Усама Бен Ладен, который установил тесные контакты с лидером талибов муллою Омаром. В Афганистан потянулись наемники из мусульманских стран, сражавшихся против США. На территории Афганистана была создана разветвленная сеть тренировочных центров, где готовились боевики и террористы, и вынашивались обширные планы «перекройки карты региона», создания «халифата» и распространения исламизации на другие районы мира. Подобные планы вызвали озабоченность международного сообщества, что привело к принятию СБ ООН соответствующих резолюций.

Таким образом, подводя итог обзора становления Афганистана как суверенного государства в первой половине XX века, важно отметить, что Афганистан был в центре соперничества Великобритании и России в их стремлении упрочить свои геостратегические позиции в Центральной Азии. Кроме того, необходимо отметить стремление афганских руководителей проводить внешнюю политику в духе нейтралитета, что давало афганскому правительству возможность лавировать между Англией и СССР, а в дальнейшем и в условиях «холод-

ной войны» находить возможность получать выгодные предложения от противоборствующих мировых систем. В дальнейшем не столько Великобритания, сколько уже США и СССР начали проявлять повышенный геополитический интерес к стране, что в итоге привело к целому ряду внутриафганских политических кризисов и вводу советских войск в Афганистан и заложило основы для постепенного раскола афганского общества и превращении его впоследствии в «горячую точку» южной части Евразии.

Пристатейный библиографический список

1. Ежов Г. История модернизации Афганистана (начало XX века). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/14302.html> (дата обращения: 19.09.2016).
2. Козырев Н. И. Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла»: от «Женевы-88» до наших дней. – М., 2009.
3. Коргун В. Г. История Афганистана XX век. – М.: Крафт+, 2004.
4. Лавров А. Ю. Политический ислам в Афганистане. – М., Бишкек, 2010.
5. Советская историческая энциклопедия. В 16 т. / Гл. ред. Е. М. Жуков. – М.: «Советская энциклопедия», 1961. – Т. 5, 13.
6. Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений 1919-1987 гг. – М.: Мысль, 1988.
7. Cordovez D., Harrison. Out of Afghanistan. The inside story of the Soviet Withdrawal. – W.Y. 1990.

15 Лавров А. Ю. Политический ислам в Афганистане. – М., Бишкек, 2010.

Воронцова О.В.

Общественный Экологический Контроль

ВОРОНЦОВА
Оксана Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин,
декан юридического факультета
ГОУ ВО «Юри» республиканская
академия государственной
службы и управления.
Монография представляет собой
первое комплексное исследование
правовых проблем, возникающих в
сфере общественного
экологического контроля.
Автор будет признателен
за любые отзывы:
mar.73@list.ru

КОЛДУНОВА Екатерина Валерьевна

кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, заместитель декана Факультета политологии, ведущий эксперт Центра АСЕАН, Московский государственный институт международных отношений МИД России

ПАРТНЕРСТВО ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И АСЕАН: РОЛЬ ДИСКУССИЙ НА ВТОРОМ ТРЕКЕ*

В статье анализируются проблемы, связанные с появлением значительного количества проектов по организации евразийского пространства при одновременном отсутствии международных политических и экономических инструментов их реального сопряжения или незрелости существующих. Идея партнерства Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) представляет собой плодотворную концептуальную постановку задачи поиска таких инструментов. По мнению автора, вклад в их развитие могут внести, прежде всего, исследовательские центры и университетская наука в случае, если страны ЕАЭС и АСЕАН найдут адекватные формы их сетевого взаимодействия и смогут выстроить эффективный диалог на втором треке.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, АСЕАН, дипломатия второго трека, фабрики мысли, университеты, институты стратегических исследований.

Колдунова Е. В.

KOLDUNOVA Ekaterina Valerjevna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Asian and African Studies sub-faculty, deputy dean at School of Political Affairs, senior expert at ASEAN Centre, Moscow State Institute of International Relations, MFA of Russia

THE PARTNERSHIP OF EURASIAN ECONOMIC UNION AND ASEAN: THE ROLE OF THE SECOND TRACK DIALOGUE

The article focuses on the problems of a rising number of competing projects to organize the Eurasian space. However there are no international political and economic instruments of making these projects interconnected or these instruments are in their infant stage of development at best. The idea of partnership between Eurasian economic union (EAEU) and Association of Southeast Asian nations (ASEAN) is conceptually fruitful in terms of searching for such instruments. The think tanks and university research centers may make a valuable contribution in the development of these instruments in case EAEU and ASEAN find appropriate forms of network communication of their think tanks and universities thus creating an efficient track two diplomacy dialogue.

Keywords: Eurasian Economic Union, ASEAN, track two diplomacy, think tanks, universities, Institutes of Strategic Studies.

Несколько лет назад в исследованиях международных отношений начала бытовать гипотеза о наступающем веке Азии, конкретнее – Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Она подразумевала, что динамика экономической и политической активности будет смещаться из Евро-атлантического региона в АТР. Несмотря на целый ряд восточноазиатских «экономических чудес» (Япония, Южная Корея, Тайвань, Сингапур, новые индустриальные страны второй волны, а затем и подъем Китая) эта гипотеза не полностью подтверждалась практикой современных международных политэкономических процессов. Многие страны АТР (в особенности НИС второй волны) после периода высоких темпов роста оказались в ловушке среднего уровня развития, означающей сохранение показателя ВВП на душу населения на уровне 10-12 тысяч долларов без возможности его дальнейшего увеличения. Эти тенденции – масштабного, но несбалансированного экономического развития были, в частности, отмечены в 2011 г. в докладе Азиатского банка развития «Азия 2050: Претворяя в жизнь азиатский век»¹. После серии публикаций о том, что Китай станет супердержавой но-

вого века, стали появляться более взвешенные и критические оценки будущего этой страны².

Одновременно в последние пять лет характерной чертой современных международных отношений стало серьезное усложнение международно-политической ситуации в Евразии. Оно выразилось в резком росте конкурирующих и разнонаправленных проектов по организации этого пространства, исходящих от стран Запада, России, государств Ближнего Востока, Восточной Азии и даже США. Признаками этой ситуации стали появление в 2013 г. идеи китайского проекта «Один пояс – один путь» (Экономический пояс шелкового пути для Центральной Азии) и морской шелковый путь для Юго-Восточной Азии), расхождения в политике России и ЕС в отношении стран «общего соседства» и последовавший за этим в 2014 г. кризис в отношениях России и Европейского союза, связанный с ситуацией на Украине, запуск в 2015 г. российского интеграционного проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с участием России, Казахстана, Белоруссии, Армении и Киргизии. При этом стали появляться проекты и инициативы, которые можно охарактеризовать как проекты второго

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ: 15-03-00438.

1 Asia 2050: Realizing the Asian Century. – Manila: Asian Development Bank, 2011.

2 Карпов М. В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. – М., СПб.: Нестор-История, 2014; Shambaugh D. China's Future. – Cambridge: Polity Press, 2016.

уровня по сравнению с перечисленными выше, поскольку они касаются либо отдельных географических сегментов макрорегионального пространства Евразии, либо сконцентрировано на функциональном сотрудничестве в каких-либо конкретных сферах. К ним относятся Евразийская инициатива Южной Кореи, новая внешняя политика Турции в отношении соседей по региону Ближнего Востока, различные диалоговые процессы для Евразии (Астанинский диалог, Стамбульский процесс по Афганистану), американский проект «Нового шелкового пути».

При таком повышенном интересе к Евразии, рост взаимозависимости, включая инфраструктурную, на практике пока что не приводит к формированию сферы соразвития. Евразия становится в высокой степени конкурентным и конфликтно-тенным³ пространством и наряду с АТР представляет собой еще один регион, где формируется полицентричная структура международных отношений. Причем в обоих случаях эта полицентричность пока что носит скорее конфликтный, чем кооперационный характер. Приведенные выше примеры демонстрируют также отсутствие реального поиска точек соприкосновения между интересами и проектами различных игроков.

Накануне политического кризиса 2014 г. на Украине Россией была предпринята неудачная попытка договориться с ЕС о сопряжении двух интеграционных проектов – Европейского Союза и Евразийского экономического союза⁴. На восточном направлении в 2015 г. российским президентом В.В. Путиным и председателем КНР Си Цзиньпином было достигнуто соглашение о сопряжении китайского проекта «Один пояс – один путь» с евразийским интеграционным проектом, что послужило основой для дискуссий о смещении фокуса евразийского проекта в направлении Азии⁵. Однако практические результаты этого сопряжения пока что не ясны, а логика китайского видения Экономического пояса шелкового пути, заключающаяся в минимизации времени транспортировки товаров в Европу, входит в противоречия с потребностями развития транспортной и приграничной инфраструктуры России и Казахстана, которым выгодны такие маршруты, которые бы позволяли получать доходы от остановок транспорта на их территории⁶.

Тем не менее, идеи необходимости найти способы сопряжения евразийского интеграционного проекта с политико-экономическими процессами, имеющими место на пространстве Азиатско-Тихоокеанского региона получили дальнейшее развитие в декабре 2015 г., когда в своем послании к Федеральному собранию президент В. В. Путин предложил идею экономического партнерства ЕАЭС, ШОС и АСЕАН⁷. Впоследствии предложение В. В. Путина о формировании партнерства ЕАЭС, ШОС и АСЕАН было включено в документы

третьего саммита Россия-АСЕАН, который проходил в Сочи в мае 2016 г. и был призван отметить двадцатилетие диалогового партнерства России и АСЕАН новыми инициативами, которые бы позволили вывести это партнерство на новый уровень. По итогам саммита были приняты Сочинская декларация «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» и Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии на 2016-2020 гг. В Сочинской декларации стороны отмечали усиливающуюся тенденцию к многополярности и необходимость формировать транспарентную и инклюзивную региональную архитектуру безопасности на принципах международного права. В декларации также было зафиксировано, что стороны будут рассматривать возможности взаимовыгодного сотрудничества между АСЕАН, ЕАЭС и ШОС⁸. Таким образом, к 2016 году диалоговое партнерство России и АСЕАН начало приобретать новое, трансрегиональное измерение, связанное с поисками обоими сторонами способов и возможностей взаимодействия не только на двустороннем уровне, но и в формате региональных блоков, однако по сравнению с посланием В.В. Путина Федеральному собранию формулировки, содержащиеся в документах саммита Россия-АСЕАН носили более смягченный характер. В частности, термин «партнерство» был заменен «взаимовыгодным сотрудничеством».

Политическая и экономическая логика этого предложения понятна – необходим поиск инструментов, которые бы сделали различные региональные интеграционные процессы более взаимосвязанными, а не взаимоисключающими, позволили бы выстраивать взаимодействие как на двустороннем уровне, так и с учетом того, что многие страны сегодня так или иначе задействованы в многосторонних процессах. Однако конкретного практического объяснения того, что же представляет из себя такое партнерство пока что не было предложено.

Представляется, что для конкретизации этой идеи требуется серьезная работа исследовательских центров и университетской науки в странах, входящих в ЕАЭС, ШОС и АСЕАН, поскольку наибольшую выгоду от такого партнерства можно было бы получить, решая совместными усилиями проблемы дисбалансов экономической модернизации, характерных для стран, входящих в ЕАЭС, ШОС и АСЕАН.

В настоящее время научно-техническое лидерство во многом является определяющим для характера современного развития. В ведущих странах мира создана экономика, основанная на знаниях, позволяющая им сохранять структурную мощь (в терминологии известного американского политэкономиста Сьюзан Стрендж⁹). В 1998-1999 году Всемирным банком был подготовлен специальный доклад, в котором отмечалось, что устойчивое экономическое развитие обеспечивается знанием, а не капиталом. При этом в докладе выделялось два типа знания: технологическое (знание о производстве технологий) и процедурное (знание о том, как должны быть организованы социальные процессы и институты). И тот, и другой тип

3 Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором Евразийского юридического журнала Инсуром Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10. – С. 8-15.

4 Буторина О. ЕС и Россия: партнерство без стратегии. 25 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content (дата обращения: 02.10.2016).

5 Дунаева Ю. Г. Азиатский транзит ЕАЭС в концепции «торговля плюс» // Евразийский юридический журнал. – 2016. – №7 (98). – С. 25-28.

6 Коростиков М. Под высоким сопряжением // Власть. – 2016. – №18. – С. 8.

7 Послание Президента России В.В. Путина ФС РФ от 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 02.10.2016).

8 Сочинская декларация юбилейного саммита Россия-АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Сочи, 20 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата посещения - 02.10.2016).

9 Strange S. The persistent myth of lost hegemony/ S. Strange// International Organization. – 1987 (September). – Vol.41, Iss.4. – P.551-574.

знаний, отмечалось в докладе, неравномерно распределены в мире и внутри отдельных стран¹⁰.

Ключевыми для перехода к экономике, основанной на знаниях, являются четыре фактора: соответствующий экономический и институциональный режим, достаточный уровень человеческого капитала, информационная инфраструктура и наличие национальной инновационной системы. Статистические исследования показывают, что повышение качества человеческого капитала на 10% в среднем приводит к увеличению ВВП на 9%. Именно поэтому в большинстве стран Восточной Азии в 1980-1990-е гг. на государственном уровне была поставлена задача по развитию науки и национальных систем образования, в особенности такого компонента этих систем как высшее образование. В результате в период жизни всего лишь одного поколения многим из них удалось реализовать задачу по созданию университетов и исследовательских центров мирового уровня, а в отдельных случаях, рассмотренных ниже, были созданы региональные исследовательские платформы, специально работающие для аналитического обслуживания региональных интеграционных проектов.

В целом поиск форм взаимодействия исследовательских центров ЕАЭС, ШОС и АСЕАН мог бы происходить по трем направлениям. Во-первых, это взаимодействие научных структур ЕАЭС и такой экспертной структуры как Экономический исследовательский институт для АСЕАН и Восточной Азии (Economic Research Institute for ASEAN and East Asia, далее – ERIA). Вторым направлением могло бы стать взаимодействие институтов стратегических исследований стран АСЕАН с аналогичными структурами в России, Казахстане, других членах ЕАЭС. И, наконец, еще одним направлением выстраивания диалога на втором треке могло бы быть взаимодействие университетских исследовательских центров. В совокупности сотрудничество по всем этим направлениям могло бы помочь в конкретизации идеи экономического партнерства и поиске взаимоприемлемых и взаимовыгодных форм такого партнерства. Остановимся чуть подробнее на каждом из них.

ERIA наделена «мандатом» на разработку практических рекомендаций для таких региональных организаций и форумов как Восточноазиатский саммит и АСЕАН¹¹. Исследования ERIA используются как в работе саммита лидеров стран Ассоциации, так и различных министерских встреч. Помимо этого результаты деятельности ERIA доводятся до сведения экспертного и бизнес сообщества посредством организации специализированных семинаров и конференций. В 2010 г. по запросу Восточноазиатского саммита экспертами ERIA был подготовлен документ под названием «Комплексный план азиатского развития» (The Comprehensive Asia Development Plan)¹². В 2015 г. увидела свет его вторая часть¹³. В докладе на основе методов географического моделирования были сформулированы конкретные предложения по развитию инфраструктурно-инду-

стриальных кластеров в странах АСЕАН и Восточной Азии на субрегиональном уровне с использованием механизмов государственно-частного партнерства. Учет выводов доклада и его соотнесение с инфраструктурными планами Китая и ЕАЭС в Евразии вполне мог бы создать основу для обсуждения конкретных направлений экономического партнерства.

ERIA работает в тесном контакте с секретариатом АСЕАН и шестнадцатью исследовательскими институтами из стран региона. В исследовательскую сеть ERIA входят следующие институты: Брунейский институт политических и стратегических исследований (Бруней), Центральный институт экономического менеджмента (Вьетнам), Центр стратегических и международных исследований (Индонезия), Камбоджийский институт сотрудничества и мира (Камбоджа), Национальный экономический исследовательский институт (Лаос), Малазийский институт экономических исследований (Малайзия), Янгонский институт экономики (Мьянма), Сингапурский институт международных отношений (Сингапур), Таиландский институт исследования проблем развития (Таиланд), Филиппинский институт исследований проблем развития (Филиппины), Австралийский национальный университет (Австралия), Китайская академия социальных наук (Китай), Исследовательская и информационная система для развивающихся стран (Индия), Институт исследования развивающихся экономик (Япония), Корейский институт международной экономической политики (Республика Корея), Новозеландский институт экономических исследований (Новая Зеландия). Представители этих институтов принимают участие в деятельности ERIA, а сами институты в свою очередь формируют региональную исследовательскую сеть, которая предоставляет ERIA конкретную страновую информацию.

В задачи ERIA и исследовательской сети институтов входит содействие экономическому сотрудничеству и интеграции за счет исследований в тех областях, которые выходят за рамки традиционных тарифных ограничений в торговле, анализ возможностей инфраструктурного развития, как в области информационно-коммуникационных технологий, так и традиционных сфер дорожного, портового строительства, энергетики и т.д. Три ключевых направления, по которым ведет исследование ERIA, связаны с задачами углубления экономической интеграции в регионе, сокращения разрывов в развитии и разработки мер, способствующих устойчивому развитию. В рамках первого направления проводится комплексный анализ зон свободной торговли в формате АСЕАН+, что особенно важно в связи с тем, что ЕАЭС нацелен на обсуждение соглашений о зонах свободной торговли с целым рядом стран АСЕАН (Сингапур, Камбоджа, Таиланд, Индонезия), а в перспективе и с Ассоциацией в целом. Первое соглашение о зоне свободной торговли, подписанное ЕАЭС с Вьетнамом в мае 2015 г., стало этапным для экономического взаимодействия России и других членов Евразийского экономического союза с АСЕАН. В рамках второго направления исследований ERIA разрабатываются стратегические инициативы для развития группы стран Ассоциации, включающей Вьетнам, Лаос, Мьянму и Камбоджу, и проекты, связанные социальной сферой. Третье направление охватывает исследования экологических и энергетических аспектов развития в регионе, включая энергосберегающие проекты, проекты использования энергии биомассы, проекты интеграции энергетических рынков.

Национальные институты, образующие исследовательскую сеть ERIA, выполняют следующие функции: 1) предоставление практической информации по соответствующим странам, 2) разработка предложений и рекомендаций для ре-

10 World Development Report 1998-1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/EXTWDRS/0,,contentMDK:22293493~pagePK:478093~piPK:477627~theSitePK:477624,00.html#fulltext> (дата обращения: 02.10.2016).

11 Economic Research Institute of ASEAN and East Asia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eria.org/about_eria/basic.html (дата обращения: 02.10.2016).

12 The Comprehensive Asia Development Plan. October 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eria.org/RPR-2009-7-1.pdf> (дата обращения: 02.10.2016).

13 The Comprehensive Asia Development Plan. November 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eria.org/ERIA-RPR-FY2014-04.pdf> (дата обращения: 02.10.2016).

гиональных организаций сотрудничества, 3) доведение результатов работы ERIA до сведения лиц, принимающих политические решения, на уровне своих стран, 4) делегирование своих представителей соответствующей квалификации для работы над проектами ERIA.

Взаимодействие с институтами стратегических исследований АСЕАН является еще одним необходимым элементом обсуждения концептуального и практического наполнения идеи партнерства ЕАЭС, ШОС и АСЕАН. Сеть институтов стратегических исследований АСЕАН была основана в 1988 г. и на данный момент включает Брунейский институт политических и стратегических исследований, Камбоджийский институт сотрудничества и мира, Центр стратегических и международных исследований Индонезии, Институт международных отношений ЛНДР, Институт стратегических и международных исследований Малайзии, Мьянманский институт стратегических и международных исследований, Институт стратегических исследований и проблем развития Филиппин, Сингапурский институт международных отношений, Институт проблем безопасности и международных исследований Таиланда и Дипломатическую академию Вьетнама. Сеть институтов стратегических исследований АСЕАН примечательна тем, что именно благодаря ее усилиям в рамках Ассоциации произошло становление дипломатии второго трека, опыт которой был впоследствии распространен и на Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ) и Азиатско-тихоокеанский совет сотрудничества по безопасности, представляющий собой вторую дорожку АРФ.

Сотрудничество университетов ЕАЭС, ШОС и АСЕАН может также создать дополнительный импульс для выстраивания партнерства трех сторон. Представляется, что для России опыт стран Азии по развитию университетов и фабрик мысли может быть крайне полезным. Существенным для выработки российской внешней политики также является понимание того, какие экспертные структуры обеспечивают аналитическую разработку интеграционных инициатив, например, в рамках таких структур как АСЕАН, АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея), АСЕАН+6 (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия). Налаживание сетевого взаимодействия между российскими и азиатскими следовальскими центрами, включая присоединение России к Экономическому исследовательскому институту для АСЕАН и Восточной Азии, развитие сетевого взаимодействия экспертных структур ЕАЭС с ERIA, сетью институтов стратегических исследований АСЕАН и крупнейшими университетскими центрами стран АСЕАН в этом плане представляется логичным и закономерным шагом.

Пристатейный библиографический список

1. Буторина О. ЕС и Россия: партнерство без стратегии. 25 апреля 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1763#top-content (дата обращения: 02.10.2016).
2. Дунаева Ю. Г. Азиатский транзит ЕАЭС в концепции «торговля плюс» // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98).
3. Карпов М. В. Замкнутый круг «китайского чуда». Рыночные преобразования и проблема реформируемости партийного государства ленинского типа в Китайской Народной Республике. – М., Спб.: Нестор-История, 2014.
4. Коростиков М. Под высоким сопряжением // Власть. – 2016. – № 18.
5. Послание Президента России В. В. Путина ФС РФ от 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 02.10.2016).
6. Сочинская декларация юбилейного саммита Россия-АСЕАН в связи с 20-летием установления диалогового партнерства между Российской Федерацией и АСЕАН «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству». Сочи, 20 мая 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russia-asean20.ru/documents/> (дата обращения: 02.10.2016).
7. Фархутдинов И. З. Обеспечение мира и безопасности в Евразии (международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором Евразийского юридического журнала Инсуrom Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10.
8. Asia 2050: Realizing the Asian Century. Manila: Asian Development Bank, 2011.
9. Economic Research Institute of ASEAN and East Asia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eria.org/about_eria/basic.html (дата обращения: 02.10.2016).
10. Shambaugh D. China's Future. Cambridge: Polity Press, 2016.
11. Strange S. The persistent myth of lost hegemony/ S. Strange// International Organization. 1987 (September). Vol. 41, Iss. 4, P. 551-574.
12. The Comprehensive Asia Development Plan. November 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eria.org/ERIA-RPR-FY2014-04.pdf> (дата обращения: 02.10.2016).
13. The Comprehensive Asia Development Plan. October 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eria.org/RPR-2009-7-1.pdf> (дата обращения: 02.10.2016).
14. World Development Report 1998-1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/EXTDEC/EXTRESEARCH/EXTWDRS/0,,contentMDK:22293493~pagePK:478093~piPK:477627~theSitePK:477624,00.html#fulltext> (дата обращения: 02.10.2016).

ОРЛОВ Игорь Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры муниципального и экологического права Института «Академия права» Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева

ТАМОЖЕННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ОБОСНОВАНИЕ НЕОБХОДИМОСТИ НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО УСТАНОВЛЕНИЯ

В статье проанализировано одно из основных понятий таможенного права – «таможенная политика», рассмотрены ее виды, обоснована необходимость принятия Таможенной доктрины Евразийского экономического союза, на основе которой предложено разработать Стратегию таможенной политики ЕАЭС, в которой установить цели, задачи, принципы и иные основные направления содержания таможенной политики ЕАЭС.

Ключевые слова: таможенная доктрина Евразийского экономического союза, стратегия таможенной политики Евразийского экономического союза, протекционизм, свободная торговля.

ORLOV Igor Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Municipal and Environmental Law of the Institute "Law Academy" of the I. S. Turgenev Orel State University

THE CUSTOMS POLICY OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: THE RATIONALE FOR THE NECESSITY OF NORMATIVE LEGAL ESTABLISHMENT

The article analyzes one of the basic concepts of customs law - "customs policy", examines its kinds, substantiates the necessity of adopting the Customs doctrine of the Eurasian Economic Union, on the basis of which a Strategy for the EAEU customs policy is suggested, according to this strategy the goals, objectives, principles and other main directions of the content of the EAEU customs policy can be set.

Keywords: Customs doctrine of the Eurasian Economic Union, customs policy strategy of the Eurasian Economic Union, protectionism, free trade.

Орлов И. В.

**Таможенную политику государство
всецело монополизует в своих руках,
не может разделять её
ни с какими иными органами.**

И. М. Кулишер

Вопрос формирования и реализации независимой таможенной политики государства представляет собой одну из основ обеспечения государственного суверенитета. В этой связи А. Н. Козырин констатирует: «Государственный суверенитет предполагает, что каждое государство может регулировать таможенные вопросы односторонним путем с помощью внутреннего законодательства»¹.

Проблема создания и реализации таможенной политики государством на протяжении веков представлялась дискуссионной и по поводу ее обоснования и практического применения высказывалось большое количество государственных деятелей и ученых. Вопрос международной торговли и внешнеэкономической политики являлись предметом исследования с давних времен, при этом основной проблемой являлась допустимая возможность и объективная необходимость сочетания политических и экономических интересов при государственном регулировании внешнеэкономической деятельности. Следует отметить, что важность и необходимость правового регулирования в области экономики понималась всегда, так в начале XX века выдающийся правовед А. И. Елистратов отмечал: «В область государственного управления входит обе-

спечение безопасности, охранение народного здоровья, попечение о народном образовании, разнообразные формы вмешательства в экономическую жизнь»². Значимость и роль государства в осуществлении регулирования внешнеэкономической деятельности отмечал в одной из своих работ П. Б. Струве: «Внешнюю торговую политику можно определить как совокупность воздействий государства, направленных на создание особо благоприятных условий для торговых интересов членов данного государственного целого в их отношениях к членам других государственных целых»³. В свою очередь, И. М. Кулишер анализируя вопросы таможенной политики, констатирует: «Таможенную политику государство всецело монополизует в своих руках, не может разделять ее ни с какими иными органами»⁴.

Современные исследователи, отмечая актуальность формирования таможенной политики, подчеркивают, что «... государство, формируя экономическую и, в частности таможенную политику, балансирует между Сциллой и Харибдой,

1 Козырин А. Н. Таможенное право России. Учебное пособие. М.: Фирма «СПАРК», 1995. 134 с.

2 Цит. по Елистратов А. И. Основные начала административного права. Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX века: Хрестоматия / Сост. и вступит. ст. Ю. Н. Стариков. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999. С. 375.

3 Струве П. Б. Торговая политика России. Челябинск: Социум, 2007. С. 3. (Напечатано по изданию: Струве П. Б. Торговая политика России. СПб.: Издание Кассы взаимопомощи студентов Санкт – Петербургского политехнического института, 1913).

4 Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. 5 – е изд., стереотип. Челябинск: Социум, 2008. 479 с.

т. е. между эффективной, но небезопасной и безопасной, но неэффективной экономикой»⁵.

Таможенная политика основывается на одном из двух диаметрально противоположных подходов в осуществлении внешнеэкономической деятельности: протекционизм (покровительство) либо фритредерство (свободная торговля).

Протекционизм - таможенная политика государства, направленная на ограждение национальной экономики от иностранной конкуренции, реализуется посредством финансового поощрения отечественной промышленности путем стимулирования экспорта и ограничения импорта, используя высокие ввозные (импортные) таможенные пошлины и низкие вывозные (экспортные) пошлины.

Основные принципы таможенной политики протекционизма можно сформулировать следующим образом:

1. Протекционизм обеспечивает государственную безопасность и самообеспеченность, за счет динамичного развития основных отраслей экономики;

2. Протекционизм сохраняет определенные социальные классы (обеспечивает занятость населения), либо отдельные отрасли экономики в случае их депрессии или спада, протекционизм сводит к минимуму вероятность социальной напряженности в отрасли экономики при негативных обстоятельствах;

3. Протекционизм решает определенные задачи во взаимоотношениях с другими государствами;

4. Протекционизм позволяет смягчить последствия экономического кризиса в отдельных отраслях экономики;

5. Протекционизм наполняет государственную казну за счет доходов от взимания ввозных таможенных пошлин.

Фритредерство – таможенная политика государства, направленная на недопущение вмешательства государства (в смысле опеки и регламентации) в частную хозяйственную деятельность, как правило, характеризуется отсутствием таможенных пошлин, как при импорте, так и экспорте.

Основные позиции таможенной политики свободной торговли следующие:

1. Свободная торговля улучшает благосостояние торгующих наций за счет международной специализации производства и обмена;

2. Свободная торговля развивает конкуренцию между отдельными государствами при производстве однородных товаров, что в конечном итоге обеспечивает качество продукции;

3. Свободная торговля, как таможенная политика, не зависит от политических взаимоотношений между государствами;

4. Свободная торговля позволяет расширять рынки и создавать новые рынки товаров;

5. Свободная торговля позволяет индивидуализировать возможность выпуска определенных товаров в отдельном государстве для блага других государств.

Дискуссия по вопросу применения того либо иного вида таможенной политики ведется давно, в данном случае совершенно верным является замечание А. П. Джабиева, который отмечает: «Дилемма, что лучше – протекционизм, который дает возможность развиваться национальной промышленности, или свободная торговля, которая позволяет напрямую сравнивать национальные издержки производства с международными, - предмет многовекового спора среди экономистов и политиков»⁶.

Рассматривая вопросы таможенной политики государства нельзя не остановиться на определенных научных трудах, которые определяют понимание и являются весомыми аргументами в пользу того либо иного вида таможенной политики.

Первой школой экономической науки в области внешне-торговой политики был меркантилизм⁷, получивший распространение и занимавший ведущие позиции в экономической мысли многих стран до конца XVII века. Меркантилизм представляет собой систему доктрин, выдвигавшихся авторами экономических трактатов XV—XVII веков, обосновывавших необходимость активного вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Последователи меркантилизма видели богатство народа исключительно в деньгах, накопление которых и должно составлять задачу мероприятий, осуществляемых правительством. К таким мероприятиям относились: запрещение вывоза из страны монеты, покровительство развитию торговли и промышленности с целью приобретения дешевого сырья, продаваемого затем в обработанном виде за более дорогую цену, установление высокого таможенного тарифа, введение монополий и привилегий.

Основные постулаты меркантилизма можно сформулировать следующим образом:

1) сущность богатства выражают драгоценные металлы (золото, серебро);

2) труд производитель лишь в тех отраслях производства, которые работают на экспорт;

3) государство должно поощрять экспорт, обеспечивать монополии отечественным коммерсантам и предотвращать конкуренцию;

4) рост населения необходим для поддержания низкого уровня заработной платы и высокого уровня нормы прибыли.

В основу концепции меркантилизма было положено правовое регулирование внешней торговли, ибо именно в ней меркантилисты видели источник богатств государства.

В историческом разрезе меркантилизм принято разделять на два периода:

– ранний меркантилизм (XV век – первая половина XVI века), который характеризовался всесторонним ограничением импорта товаров, запретом под страхом смертной казни вывоза из страны золота и серебра, установлением высоких цен на экспортируемые товары. В конечном итоге в целях удержания денег в стране запрещался вывоз за границу товаров, а сумму, вырученную за товар, предлагалось использовать на покупку местных товаров;

– поздний меркантилизм (вторая половина XVI века – XVII век), который характеризовался снижением ограничений по импорту товаров и вывозу денежных средств, цены на экспортируемые товары варьировались в соответствии с государственной политикой.

Подводя итог политике меркантилизма, следует признать, что эволюционный путь пройденной этой торговой политикой позволил экономически оценить ее достоинства и недостатки, что в конечном итоге привело к формированию политики протекционизма.

В качестве примера последовательной реализации государственной политики позднего меркантилизма можно привести мероприятия, проводимые французским государственным деятелем Жаном – Батистом Кольбером⁸, который, будучи главным контролером финансов Франции, был сторонником системы покровительства и контроля за промыш-

5 Анисимов Е. Г., Анисимов В. Г., Сауренко Т. Н. Таможенная политика в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. № 1. 2015. С. 16.

6 Джабиев А. П. Государственное регулирование внешней торговли России. Учебное пособие. М.: Международные отношения, 2006. С. 24.

7 Меркантилизм – от итал. il mercante – торговец, купец.

8 Кольбер Жан – Батист (Colbert Jean – Baptiste), (1619 - 1683), французский государственный деятель, главный контролер финансов Франции.

ленностью и торговлей со стороны государства. Основоположающими целями его торговой политики были увеличение экспорта, уменьшение импорта, и в результате этого — увеличение притока денег в страну. Также нельзя не отметить и Навигационный Акт 1651 года, изданный Оливером Кромвелем,⁹ и имеющим ярко выраженный национально – покровительственный характер, реализация данного акта сыграла большую позитивную роль в развитии английской морской торговли. Положительное значение Навигационного Акта не отрицается, а более того признается приверженцами политики свободной торговли. Так, например, Яков Александрович Новиков¹⁰ в своей работе «Протекционизм» (1890 г.)¹¹ указывал, что сторонники политики протекционизма ссылаются на Навигационный Акт Кромвеля и, что его реализация привела к укреплению английской промышленности. Однако, по мнению Я. А. Новикова это не так: «Англичане отказались от протекционизма не в день, когда их земледелие и промышленность достигли совершеннолетия, а день, когда благодаря успехам науки политической экономии и благодаря распространению просвещения, их правительство поняло, наконец, что протекционизм – нелепая и разорительная система»¹². Далее он продолжает: «Тот факт, что английская промышленность добилась гораздо больших успехов после охранительной системы, чем раньше, доказывает, что второе положение (свободная торговля) вернее первого (протекционизм)»¹³. По нашему мнению приведенное выше утверждение более, чем сомнительно, так как на наш взгляд Англия достигла успехов в развитии промышленности и сельского хозяйства именно благодаря политике протекционизма на основе Навигационного Акта, и только лишь в дальнейшем, имея сформированную высокоорганизованную национальную экономическую базу перешла к политике свободной торговли.

В период конца XVIII века по середину XIX века сформировалось ряд теорий, направленных на невмешательство государства в торговую деятельность. Прежде всего, это манчестерство, основным постулатом которого является невмешательство государства в хозяйственную экономическую жизнь, основной лозунг данной торговой политики - «Laissez-faire»¹⁴, собственно обоснование данной торговой политики был развит Адамом Смитом¹⁵ и его последователями. В 1776 году Адамом Смитом был опубликован фундаментальный труд «Исследование о природе и причинах богатства народов», в нем детально описываются последствия экономической свободы, в частности обсуждается и всячески поддерживается концепция «Laissez-faire». В конечном итоге сформулированная доктрина манчестерства, с ее основным принципом «Laissez-faire» сформировалась во внешнеторговую (таможенную) политику свободной торговли. Адам Смит следующим образом доказывает действенность и необходимость проведения политики свободной торговли: основным аргументом хозяйственной деятельности человека является своекорыстный интерес, но преследовать свой интерес человек может, только оказывая

услуги другим людям, предлагая в обмен свой труд и продукты труда. И таким образом происходит разделение труда. Любой отдельный индивид стремится использовать свой труд и свой капитал таким образом, чтобы продукт его обладал наибольшей ценностью, при этом ни он либо и никто другой не думает об общественной пользе и не сознает, насколько содействует ей, но рынок (экономическое отношение) ведет его именно туда, где результат вложения его ресурсов будет оценен обществом выше всего. Далее А. Смит вводит понятие «homo oeconomicus» – экономический человек, который является выражением вечной и естественной человеческой природы, а политика «Laissez-faire» прямо вытекает из его взглядов на человека и общество. После всего изложенного А. Смитом делается фундаментальный вывод, который можно сформулировать следующим образом: «Любая экономическая деятельность каждого индивида направлена на благо общества (на общее дело) то и мешать осуществлению этой деятельности государству нельзя». По мнению А. Смита при свободе передвижения товаров и денег, капитала и труда ресурсы общества будут использоваться наиболее эффективным образом.

Аргументы А. Смита в пользу политики свободной торговли поддерживал в дальнейшем и Давид Рикардо¹⁶, который также считал, что вмешательство государства в экономическую деятельность должно быть ограничено только лишь налогообложением.

Следует отметить, что таможенная политика, направленная на невмешательство государства в частную экономическую деятельность хозяйствующих субъектов зарождалась и получила свое практическое воплощение в Англии. По точному выражению О. Шпенглера «Воззрение на политику и ее соотношение с экономикой определялось во всех экономических теориях островным положением Англии»¹⁷. В упомянутой выше статье из словаря Брокгауза – Ефрона о свободной торговле говорится, об истоках учения о фритредерстве: «В конце XVII в. во всей Западной Европе господствовала строгая запретительная таможенная система, вместе со стеснительной регламентацией внутренних промыслов и торговли. Под охраной таможенных пошлин всюду, особенно в Англии, выросла обрабатывающая промышленность. Возникли крупные фабрики, владельцы которых богатели благодаря возможности пользоваться массами рабочих и увеличивать производительность их труда посредством целесообразного разделения его операций. В XVIII ст. великие изобретения и усовершенствования техники дали новые силы мануфактурному производству; а так как важнейшие изобретения этой эпохи сделаны были англичанами, то Англия первая воспользовалась выгодами от них и сразу приобрела в обрабатывающей промышленности решительное превосходство над остальными странами Европы. При таком положении, система запретительных и строго охранительных пошлин, господствовавшая и на Европейском континенте, могла только препятствовать сбыту английских товаров, в самой же Англии меркантилистическая регламентация различных промыслов затрудняла применение новых способов производства, изобретаемых техникой. Отсюда понятно возникновение именно в Англии политико-экономических учений, проповедовавших необходимость возможно большего простора для промышленности и торговли»¹⁸.

9 Кромвель Оливер (Cromwell Oliver), (1599 – 1658), вожь Английской революции, выдающийся военачальник и государственный деятель, лорд – протектор Англии, Шотландии и Ирландии.

10 Новиков Яков Александрович (1849- 1912), российский социолог и экономист.

11 Здесь и далее цитаты из работы Я. А. Новикова «Протекционизм» будут приведены из сборника «Заблуждения протекционизма» / У. Самнер, Я. А. Новиков. М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

12 См. указ. соч. С. 229.

13 Там же.

14 Laissez-faire - фр. позвольте делать.

15 Смит Адам (Smith Adam) (1723 – 1790), шотландский экономист, философ, один из основоположников современной экономической теории.

16 Рикардо Давид (Ricardo David) (1772-1823), английский экономист, классик политической экономии, последователь учения Адама Смита.

17 О. Закат Европы: в 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2003. С. 500.

18 Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 4 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза – Ефрон. М.: ТЕРРА, 1997. С. 1938.

И настоящее время Великобритания придерживается политики свободной торговли, данное обстоятельство замечено Збигневом Бжезинским, который, анализируя государственно-политический статус Великобритании, как геостратегической фигуры, приводит высказывание британского политика сэра Роя Денмана на конференции в Мессине в 1955 году по вопросу о создании Европейского Союза: «Будущий договор, который вы обсуждаете, не имеет шанса получить общее одобрение; если согласование по нему будет достигнуто, то у него не окажется шанса быть реализованным. А если он будет реализован, то окажется совершенно неприемлемым для Великобритании»¹⁹. Далее, рассматривая взаимоотношения Великобритании с континентальной Европой, З. Бжезинский приводит ряд принципиальных позиций по этому вопросу, сформулированному в Великобритании: «Великобритания отвергает цель политического объединения; Великобритания отдает предпочтение модели экономической интеграции на основе свободной торговли; Великобритания предпочитает координацию внешней политики, безопасности и обороны вне структурных рамок ЕС (Европейского сообщества); Великобритания редко полностью использует свой авторитет в ЕС»²⁰.

Детальный анализ видов таможенной (внешнеторговой) политики в середине XIX века был дан немецким экономистом Фридрихом Листом²¹, в его фундаментальном труде «Национальная система политической экономии» (1841 год)²². Работа Ф. Листа была реакцией на внешнеторговую политику Англии, которая обосновывала и использовала принцип свободной торговли, как указывалось ранее, во взаимоотношениях с другими государствами. Фридрих Лист же в «Национальной системе политической экономии» отмечал, что: «... при современных мировых отношениях молодая, не обеспеченная покровительством промышленность не в состоянии развиваться при свободной конкуренции с промышленностью, давно уже окрепшей, покровительствуемой на своей территории»²³. Данная сентенция появляется у Ф. Листа с его пониманием о необходимости экономического роста Германии, с задачей о преодолении экономической отсталости Германии. Фридрих Лист уверен: «Протекционная система является единственным средством для поднятия отставших стран до уровня опередивших их наций, которые от природы не получили никакой вечной монополии мануфактурной промышленности, а лишь выиграли во времени перед другими нациями»²⁴. В тот исторический период, когда Ф. Лист опубликовал свой труд, существовал Германский союз, состоящий из 38 германских государств, в котором главную роль играла Австрия, Фридрих Лист считал возможное объединение германских государств первым шагом к формированию Германии, как государства

и, соответственно, пытался сформулировать наиболее важные задачи, стоящие перед новым государством. Фридрих Лист позитивно оценивал существовавшую в то время политику свободной торговли во взаимоотношениях между германскими государствами, он полагал, что данное обстоятельство приведет к осознанию необходимости объединения Германии. Но в дальнейшем объединенная Германия, по мнению Ф. Листа, должна была придерживаться политики протекционизма. Так, Э. Аннерс отмечает: «Уникальным и поразительным примером стал германский таможенный союз, действовавший с середины XIX в. как договор германских государств о свободной торговле, который с экономической точки зрения был настолько успешным, что проложил путь к политическому объединению Германии»²⁵. После объединения германских государств и образования Германской империи возникла объективная необходимость защиты отечественных товаропроизводителей, и как следствие в 1879 году был принят протекционистский таможенный тариф.

Главная ценность работы Фридриха Листа состоит в том, что он, защищая протекционизм как единственно возможную политику для каждого государства, убедительно и аргументировано доказывал, что нация имеет право и обязанность, прежде всего, развивать производительные силы своей страны.

В своем труде Ф. Лист ссылался и на мероприятия, проводимые министром финансов Российской империи графом Е. Ф. Канкриним²⁶, который в таможенной политике придерживался протекционистских мер. Касательно того периода развития Российской империи (начало XIX века) Ф. Лист отмечает: «... Россия, решила искать спасения в так осуждаемой теорией протекционной системе, и что же является результатом этого? Благосостояние нации»²⁷.

В указанный исторический период (конец XIX века – начало XX века) адептами политики протекционизма в Российской империи были граф Сергей Юльевич Витте²⁸, Дмитрий Иванович Менделеев²⁹. В статье «Рациональный протекционизм Д. И. Менделеева и таможенно – тарифная политика России в конце XIX – начале XX вв.»³⁰ М. М. Савченко приводит высказывание А. И. Скворцова, касающиеся взглядов в России таможенной политики: «В то время еще у русских ученых – экономистов считалось не либеральным или даже антинаучным признавать законность таможенного обложения: в символ веры большинства наших экономистов входило еще поклонение свободе торговли»³¹.

Деятельность графа С. Ю. Витте на посту министра финансов, связана, прежде всего, в связи с введением винной (водочной) монополии и золотым стандартом. «Между тем при всей важности данных реформ они являлись лишь частью политики, известной как «система Витте». Эта система представляла собой комплекс финансовых, кредитных и налоговых мер, при помощи которых государство стимулировало развитие промышленности. Витте использовал протекционизм, то есть защиту российских производителей от иностранных конкурентов. Однако защита не означала закрытие рынка.

19 Roy Denman Missed Chances. London: Cassel, 1996. Цитируется по Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 57.

20 Robert Skidelsky. Great Britain and the New Europe // From the Atlantic to the Urals / Ed David P. Calleo and Philip H. Gordon. - Arlington, 1992. - P.145. Цитируется по Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999. С. 58.

21 Лист Фридрих (List, Friedrich) (1789–1846 г.г.), немецкий экономист, публицист, политик.

22 Здесь и далее цитаты из работы Ф. Листа «Национальная система политической экономии» будут приведены из сборника Фридрих Лист «Национальная система политической экономии», граф С. Ю. Витте «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист», Д. И. Менделеев «Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года». М. Издательство «Европа». 2005.

23 См. указ. соч. С. 131.

24 См. указ. соч. С. 119.

25 Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.). М.: Наука, 1996. С. 277.

26 Граф Канкрин Егор Францевич (1774-1845 г. г.) министр финансов Российской империи в 1823 - 1844 годах.

27 Лист Ф. Указ. соч. С. 23-24.

28 Граф Витте Сергей Юльевич (1849-1915 г. г.) министр финансов Российской империи в 1892 - 1903 годах.

29 Менделеев Дмитрий Иванович (1834-1907 г. г.) русский учёный и общественный деятель.

30 Савченко М. М. Рациональный протекционизм Д. И. Менделеева и таможенно-тарифная политика России в конце XIX – начале XX вв. // Экономический журнал. № 2 (5). 2002.

31 Там же. Цит. по Скворцов А. И. Менделеев как экономист // Русская мысль. 1917. № 2. Отд. 2. С. 65,66.

«Создание своей собственной промышленности, - подчеркивал министр финансов, - эта и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольный камень нашей протекционной системы». Ограничивая ввоз иностранных товаров в Россию высокими таможенными пошлинами, правительство поощряло экспорт различными налоговыми льготами и премиями. Витте не побоялся начать таможенную войну с Германией, добившись равноправных торговых отношений с этой страной. Варьируя ставки налогов, министерство финансов создавало наиболее благоприятные условия то в одной, то в другой отрасли, направляя поток капиталов в нужное русло»³². С. Ю. Витте был ярким сторонником протекционистской политики, предлагаемой Ф. Листом, характеризуя которого он отмечал: «Лист создал проект для возвеличения своего отечества, но ему было суждено видеть только зародыш этого величия»³³.

Дмитрий Иванович Менделеев в 1891 году совместно с С. Ю. Витте принимал участие в разработке Таможенного тарифа, выступая при этом убежденным сторонником протекционизма и хозяйственной самостоятельности России. В своих работах «Об условиях развития заводского дела в России» (1882 год), «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года» (1891 год), «Оправдание протекционизма» (1897 год) Д. И. Менделеев стоял на позициях защиты русской промышленности от конкуренции со стороны западных стран, связывая развитие промышленности России с общей таможенной политикой. В статье «Об условиях развития заводского дела в России», Д. И. Менделеев писал: «Без первоначального покровительства, конечно, нельзя даже ждать того, чтобы на внутренних рынках свои заводы могли соперничать с готовыми уже западными заводами. Классический пример Американских Штатов с их покровительственной системой - один достаточно убедителен для поучения. А когда заводы вырастут, можно действовать и на английский манер, проповедуя свободную торговлю»³⁴. В декабре 1889 года Д. И. Менделеев представил в министерство финансов Российской империи доклад «Связь частей общего таможенного тарифа», в которой он высказывал свое мнение содержания разрабатываемого таможенного тарифа: «... избрать немногие, но коренные промышленные дела, которые должны, вместе с существующими, составить зерно предстоящего промышленного движения России»³⁵.

Работа «Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года» была написана в мае 1891 года, в связи с введением в действие с 1 июля 1891 года Таможенного тарифа Российской империи, имеющего ярко выраженную протекционистскую направленность, именно в этой статье Д. И. Менделеев сформулировал цель протекционистской таможенной политики для России: «Будущее столетие с помощью нового тарифа и мер, ему долженствующих отвечать, увидит Россию в новом виде - страной нормальной комбинации сельского

труда с заводско-фабричным»³⁶. В упомянутой ранее статье «Рациональный протекционизм Д. И. Менделеева и таможенно-тарифная политика России в конце XIX - начале XX вв.», отмечается: «Менделеев видел сущность протекционизма не в высоте пошлин на ввозимые товары и тем более не в запрете ввоза, а в создании экономических условий для развития промышленности. Ученый пришел к выводу о том, что правильным «толковым» тарифом следует считать только такой, в котором каждый вид и род товаров обособлен в отдельности, а не в какой-либо теоретической абстракции - фритредеров или протекционистов»³⁷. На основе проведенного анализа таможенной политики протекционизма Д. И. Менделеевым были сформулированы и обоснованы основные принципы таможенно-тарифного протекционизма:

- 1) таможенный тариф всегда будет делом времени, условий и обстоятельств страны, к которой прилагается;
- 2) от тарифа можно ждать вполне положительных результатов тогда, когда он стабилен и системно структурирован;
- 3) таможенные пошлины и ставки таможенных пошлин должны быть прозрачны и понятны тем, кто их применяет.

Статья «Оправдание протекционизма» являла собой защиту протекционистских мер, применяемых Россией во внешней торговле, от нападок фритредеров, в ней Д. И. Менделеев определил универсальную формулу соотношения фритредерства и протекционизма: «Фритредерство - юность промышленного строя, протекционизм - его зрелое благоразумие»³⁸.

Протекционистский таможенный тариф 1891 года сыграл свою положительную роль в развитии национальной экономики и позволил России на рубеже веков стать одним из мировых экономических лидеров.

Ранее отмечалось, что в конце XIX века в России преобладали исключительно фритредерские взгляды на таможенную политику, аналогичные суждения доминировали и в других государствах мира, по нашему мнению это было обусловлено тем, что Западная Европа длительное время находилась в умиротворенном состоянии, народы верили в торжество экономического прогресса и мирного сосуществования.

Политика фритредерства в тот исторический период активно пропагандировалась в трудах ряда ученых, прежде всего, это американский экономист и социолог Уильям Грэм Самнер³⁹ и его работа «Протекционизм или теория происхождения богатства от непроизводительного труда» (1885 год)⁴⁰. Следует отметить, что У. Г. Самнер в своих трудах отстаивал стихийность в социальном развитии и выступал против всех форм государственного регулирования социально-экономических отношений. В предисловии к своей работе У. Г. Самнер отмечает: «Я написал эту книгу для народных масс, не помышляя о специалистах - ученых и о профессорах, и старался как можно целесообразнее и скорее исполнить свою задачу по

32 Степанов С. А. С. Ю. Витте (исторический портрет) // Международный исторический журнал. № 3, май-июнь 1999.

33 См. Граф С. Ю. Витте «По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист» в сборнике Фридрих Лист «Национальная система политической экономии», граф С. Ю. Витте «По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист», Д. И. Менделеев «Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года». М.: Издательство «Европа», 2005. С. 281.

34 Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 389.

35 Цит. по Савченко М. М. Рациональный протекционизм Д. И. Менделеева и таможенно-тарифная политика России в конце XIX - начале XX вв. // Экономический журнал. № 2 (5). 2002.

36 См. Менделеев Д. И. «Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года» в сборнике Фридрих Лист «Национальная система политической экономии», граф С. Ю. Витте «По поводу национализма. Национальная экономика и Фридрих Лист», Д. И. Менделеев «Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года». М.: Издательство «Европа», 2005. С. 361.

37 Указ. соч.

38 Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002. С. 474.

39 Самнер Уильям Грэм (Sumner William Graham) (1840-1910), американский социолог, экономист.

40 Здесь и далее цитаты из работы У. Г. Самнера «Протекционизм или теория происхождения богатства от непроизводительного труда» будут приведены из сборника «Заблуждения протекционизма» / У. Самнер, Я. А. Новиков. М. ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

отношению к своим читателям. Я предполагал у них среднее образование, добросовестное отношение к нуждам отечества и желание уразуметь всю суть нашего протекционизма»⁴¹. Приведенная выше сентенция, по нашему мнению, нуждается в некотором уточнении, во-первых, работа У. Г. Самнера посвящена анализу протекционистской таможенной политики, проводимой Северо-американскими Соединенными Штатами на основе закона о применении таможенного тарифа (1890 год), предложенного конгрессменом Уильямом Мак-Кинли, то есть на протекционистскую политику одного государства - Северо-американских Соединенных Штатов. В соответствии с таможенным тарифом 1890 года средний уровень тарифов повышался на 50%, устанавливались высокие пошлины на железо, сталь, стекло, шерсть, хлопок, льняное полотно и другие промышленные изделия. На данное обстоятельство указывает и переводчик работы У. Г. Самнера «Протекционизм или теория происхождения богатства от непроизводительного труда» Я. А. Новиков: «Напоминаю, что речь идет о том бес-совестном протекционизме, который завершился тарифом Маккинли...»⁴². Во-вторых, работа У. Г. Самнера, и он сам это признает, написана для населения, но ни как не для научного сообщества, что, несомненно, не позволяет ее рассматривать с позиций теоретической аргументации. Следует учитывать и то обстоятельство, что У. Г. Самнер, не только экономист, но и социолог, что, вне всякого сомнения, налагает отпечаток на его работу с позиций социологической науки.

Рассматривая взгляды У. Г. Самнера на таможенную политику, следует отметить, что он был противником любых форм государственного регулирования экономических отношений и поддерживал принципы свободной конкуренции для всех форм предпринимательства. Говоря о взаимоотношениях протекционизма и свободной торговли, он писал: «Вечно поэтому наблюдается борьба взаимно сталкивающихся интересов, которая может прекратиться лишь тогда, когда государство откажется от искусственного регулирования этих интересов и будет для всех одинаково справедливым»⁴³. Таким образом, приведенное высказывание подтверждает, что У. Г. Самнер был сторонником политики свободной торговли.

В качестве основных аргументов в пользу политики свободной торговли У. Г. Самнер отмечал следующие:

1) Свободная торговля – это один из видов свободы, в частности свободы экономической деятельности⁴⁴;

2) Свободная торговля развивает все виды промышленности и сельского хозяйства и народ (население) становится богаче⁴⁵.

В работе У. Г. Самнер определял протекционизм как учение о том, что пошлина есть средство, с помощью которого можно создавать народное богатство⁴⁶, далее он отмечал протекционизм «... есть верование, совершенно априористическое. Имеется желание увеличить народное богатство – и на охранительные пошлины указывается как на средство»⁴⁷. И последняя характеристика протекционизма изложенная У. Г. Самнером: «Протекционизм – учение бездоказательное, основанное не на фактах, а на вере; оно силится подкупить нас только предвзятыми идеями или похожими на правду фактами»⁴⁸. Представляется, что, определяя протекционизм как учение, сформированное исключительно на вере, У. Г. Самнер желает увидеть сиюминутный результат протекционистских мер,

противореча себе, так как естественно, что последствия фритредерских мер он так же моментально не увидит.

Рассматривая политику протекционизма и последовательно критикуя его, У. Г. Самнер приводил следующие доводы:

1) Охранительная (протекционистская) пошлина препятствует ввозу и появлению иностранного товара на внутреннем рынке и направлена на задержку роста национальной промышленности⁴⁹;

2) Протекционизм позволяет предпринимателям уменьшать плату своим рабочим, так как производить товар в своей стране невыгодно⁵⁰;

3) Протекционизм – это экономическая и тарифная война; протекционизм уменьшает наше национальное богатство и тем самым ослабляет наше военное могущество⁵¹.

Одним из последователей У. Г. Самнера в России в начале XX века был Яков Александрович Новиков, который в своих сочинениях активно отстаивал политику фритредерства. В 1890 году была опубликована работа Я. А. Новикова «Протекционизм»⁵², в которой как писал автор: «Я пытался сбросить с него (протекционизма – И. О.) маску и прямо назвать его подобающим именем»⁵³. Вне всякого сомнения, что Я. А. Новиков был знаком с трудом У. Г. Самнера «Протекционизм или теория происхождения богатства от непроизводительного труда», так как он являлся официальным переводчиком работы, и как указывалось ранее, он в разделе «От переводчика» работы У. Г. Самнера он характеризовал протекционизм исключительно с негативной стороны⁵⁴. В своей работе Я. А. Новиков использует достаточно резкие суждения в неприятии протекционизма, например: «На самом деле промышленник, охраняемый покровительственной пошлиной, есть не что иное, как монополист, не несущий ни каких обязательств. ... протекционизм есть социальный строй, при котором некоторые лица получают законное право вечно взимать дань со всех потребителей»⁵⁵. Далее он утверждает: «... в материальном отношении протекционизм – злокачественнее воровства; но в нравственном отношении его последствия, быть может, еще хуже»⁵⁶. Внимательное изучение и анализ работы Я. А. Новикова приводит к достаточно парадоксальным результатам, с одной стороны автор категорически не приемлет протекционизм, как государственную внешнеторговую политику, а с другой стороны приводит примеры, прежде всего, Англии, с ее результативными (развитие национальной промышленности – И. О.) протекционистскими пошлинами XVII века. По нашему мнению, автор не может четко и однозначно сформулировать свою позицию по поводу торговой таможенной политики. Более того, он считает, что и фритредерство может быть негативным, в частности Я. А. Новиков пишет: «Но, действительно, есть производства, которые свободная торговля уничтожает беспощадно. Это все те, которые не приспособлены к окружающей среде. ... Свободная торговля уничтожает во всех странах те отрасли промышленности, которые не могли бы возникнуть там без излишней расточительности экономических сил»⁵⁷. Однако в конечном итоге Я. А. Новиков приходит к выводу о единственно возможной экономической политике – о политике фритредерства, утверждая, что

49 См. указ. соч. С. 23, 25.

50 См. указ. соч. С. 75, 76.

51 См. указ. соч. С. 94, 97.

52 Указ. соч.: Заблуждения протекционизма / У. Самнер, Я. А. Новиков М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.

53 См. указ. соч. С. 113.

54 См. указ. соч. С. 5.

55 См. указ. соч. С. 120.

56 См. указ. соч. С. 122.

57 См. указ. соч. С. 145, 147.

41 См. указ. соч. С. 13.

42 Там же.

43 См. указ. соч. С. 109-110.

44 См. указ. соч. С. 19.

45 См. указ. соч. С. 83.

46 См. указ. соч. С. 18.

47 См. указ. соч. С. 20.

48 См. указ. соч. С. 21.

только свободная торговля может установить экономический хаос, ибо формула ее ясна и проста: пусть каждый покупает и продает, что знает и как знает⁵⁸. На наш взгляд, приведенная выше сентенция предопределена точкой зрения Я. А. Новикова на мировые межгосударственные отношения, именно его убежденность в том, что весь земной шар в настоящее время составляет один общий рынок⁵⁹ и заставляет его представлять себе внешнеторговые связи и отношения как идеальное единственное государство, в котором каждый занимается своим делом ради блага других (окружающих). Нельзя ни сказать и еще об одной характерной черте, содержащейся в работе Я. А. Новикова, это его отношение к проблеме войны и мира, как известно Я. А. Новиков был убежденным пацифистом, и это не могло не отразиться на его политических и экономических взглядах. Исходя из своих взглядов, осуждающих любые военные действия, Я. А. Новиков проецирует их и на мировые торговые связи и на взаимоотношения между народами, говоря о том: «... что чем больше будет разделения труда между нациями, тем более они будут нуждаться друг в друге и тем труднее они будут решаться на объявление войны. Когда же, благодаря свободной торговле, отношения будут многочисленнее и теснее, то настанет момент, когда эти нации будут не в состоянии обойтись одна без другой»⁶⁰.

Несомненно, что, рассматривая исторический экскурс в теоретические изыскания о природе и видах таможенной политики, нельзя не сказать о трудах Иосифа Михайловича Кулишера⁶¹, в которых давался подробный анализ международной торговой и таможенной политики России с древних времен до начала XX века⁶². Прежде всего, следует отметить, что И. М. Кулишер являлся сторонником протекционизма и государственного регулирования в торговле, так, в частности, он пишет: «Однако есть случаи, когда и торговля как таковая вынуждена пожертвовать своими интересами ради других, более важных целей, преследуемых государством, - из соображений валютной политики (ограничение импорта ради сохранения монеты в стране), фискальных (пошлины как источник доходов казны, тормозящие импорт или экспорт), из мотивов производства и потребления (запрещение или обложение экспорта для сохранения в стране продовольствия или сырья) и т. д.»⁶³. Отношение к политике свободной торговли у И. М. Кулишера проявляется в характеристике учения А. Смита: «Панегирик⁶⁴ на свободную торговлю и филиппику⁶⁵ против протекционизма пишет впервые Адам Смит»⁶⁶. Отношение к протекционизму у И. М. Кулишера достаточно взвешенное и разумное, оно заключается в продуманных мотивированных решениях по применению таможенных пошлин на отдельные виды товаров в целях развития отечественной промышленности. В подтверждение указанного выше И. М. Кулишер пишет: «Но что значит создать национальную промышленность? Это не значит ограничиваться производством немногих продуктов, в которых страна отличается превосходством перед другими государствами, как бы от природы предназначена выполнять ту или другую операцию как часть мирового производства. Земной шар не есть обширная мастерская, в которой

таким путем используются производительные силы нашей планеты и всего ее населения. Если же каждый народ должен самостоятельно развивать свои производительные силы, то – и тут протекционистская мысль совершает уже скачек – ему нужно поставить свое производство в равные с другими странами условиями, нужно наложить на импортируемые товары уравнительную пошлину, ...»⁶⁷.

Таможенная политика России с 1993 по 2011 годы определялась в соответствующих федеральных Законах, так в Таможенном Кодексе Российской Федерации 1993 года⁶⁸ устанавливалось, что в Российской Федерации осуществляется единая таможенная политика, являющаяся составной частью внутренней и внешней политики Российской Федерации, также были определены цели таможенной политики России. В Таможенном Кодексе Российской Федерации 2003 года⁶⁹ дефиниция «таможенная политика» отсутствовала, однако законодателем были введены два определения – «таможенное регулирование» и «таможенное дело». В 2010 году в связи с формированием Таможенного союза Республика Беларусь – Республика Казахстан – Российская Федерация вышеуказанные федеральные законы прекратили действие.

1 января 2015 года начал функционировать Евразийский экономический союз (далее – Союз, ЕАЭС), который стал правопреемником Таможенного союза Республика Беларусь – Республика Казахстан – Российская Федерация. Основой функционирования ЕАЭС является Договор о Евразийском экономическом союзе⁷⁰, подписанный 29 мая 2014 года в г. Астане, Республика Казахстан. В настоящее время в Союз входят пять государств: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация.

Рассматривая существующий Таможенный союз в рамках ЕАЭС нельзя не остановиться на периоде с 1991 по 2015 годы, когда вышеупомянутые государства осуществляли собственную таможенную политику.

В период существования Союза Советских Социалистических Республик вопрос о таможенной политике не поднимался, в связи с установлением государством монополии внешней торговли, которая заключалась в сосредоточении государством руководства всей внешней торговлей страны, что является объективной необходимостью в связи с установлением социалистической собственности на средства производства и планового ведения хозяйства.

Теоретическое обоснование монополии внешней торговли было дано в трудах В. И. Ленина, который рассматривал такую монополию как важную составную часть социалистических преобразований экономики страны, законодательное закрепление монополии внешней торговли было осуществлено в одном из декретов.

В Декрете Совета народных комиссаров от 22 апреля 1918 года впервые было законодательно закреплено положение о национализации и монополизации внешней торговли государством: «Вся внешняя торговля национализируется. Торговые сделки по покупке и продаже всякого рода продукции с иностранными государствами и отдельными торговыми предприятиями за границей производятся от лица Российской республики специально на то уполномоченными органами. Помимо этих органов всякие торговые сделки с заграницей для

58 См. указ. соч. С. 236.

59 См. указ. соч. С. 180.

60 См. указ. соч. С. 184.

61 Кулишер Иосиф Михайлович (1878-1933), российский экономист, доктор экономики, профессор Петроградского университета.

62 См. например: «Очерки по истории таможенной политики» (СПб. 1903 г.), «Основные вопросы международной торговой политики» (Пг. 1918-1919 г.г.).

63 Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. Челябинск. Социум. 2008. С. 11.

64 Панегирик – неоправданное восхваление

65 Филиппика – гневная обличительная речь

66 Указ. соч. С. 93.

67 Указ. соч. С. 97-98.

68 Ведомости СНД РФ и ВС РФ, 05.08.1993, № 31, Ст. 1224.

69 СЗ РФ. 2003. № 22. Ст. 2066.

70 Договор о Евразийском экономическом союзе // Официальный интернет-портал правовой информации Государственная система правовой информации. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <<http://www.pravo.gov.ru>>. (дата обращения: 08.05.2016).

ввоза и вывоза воспрещаются»⁷¹. Соответственно и теоретические исследования в области таможенной политики и внешней торговли в СССР были неактуальны.

Законодательные нормы о государственной монополии внешней торговли получили свое развитие соответственно и в таможенных кодексах Союза ССР.

В развитие указанных норм в 1924 году был принят Таможенный устав СССР⁷², согласно которому главной задачей таможенных органов стал контроль за экспортно-импортными операциями в рамках государственной монополии внешней торговли. Характерной особенностью указанного кодифицированного акта была детальная регламентация деятельности таможенных органов.

Расширение внешнеэкономических связей СССР с европейскими государствами в период с 1924 года по 1927 год потребовало принятия нового Таможенного кодекса, который был утвержден в декабре 1928 года⁷³. В статье 2 Таможенного кодекса СССР 1928 года было установлено, что главной задачей таможенных органов является «фактический контроль за выполнением постановлений о государственной монополии внешней торговли». Вместе с тем, как отмечает А. Н. Козырин: «Обеспечение фискальных интересов (т. е. взимание таможенных пошлин и сборов) рассматривалось законодателем как дополнительная, второстепенная функция»⁷⁴.

В статье 14 Конституции СССР 1936 года было установлено: «Внешняя торговля на основе государственной монополии находится в ведении Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти и органов государственного управления». Указанная норма вновь подтверждала незыблемость ленинского постулата о государственной монополии внешней торговли. Соответственно и таможенные органы СССР рассматривались как органы, предназначенные для контроля за ввозом и вывозом товаров физическими лицами, въезжающими либо выезжающими с территории СССР, и как следствие как органы, осуществляющие борьбу с контрабандой и иные правонарушения в области таможенного законодательства.

Вопрос определения таможенной политики одними из первых был затронут Д. А. Александровым и С. С. Дмитриевым, работе «Таможенное дело в СССР», вышедшей в 1949 году, они определяют: «Таможенно – тарифная политика имеет своей задачей защиту торговых и экономических интересов соответствующего государства», далее они устанавливают, что: «Таможенно – тарифная политика находит свое отражение в законодательных актах, таможенном тарифе, правительственных распоряжениях, в правилах, издаваемых соответствующими министерствами, а также в торговых договорах и соглашениях, заключаемых с иностранными государствами»⁷⁵. Обратим внимание, что в приведенном тексте речь идет исключительно о таможенно – тарифном регулировании, как о единственном методе проведения и осуществления таможенно-тарифной политики.

Таможенный кодекс СССР 1928 года действовал вплоть до 1964 года с незначительными изменениями. Необходимость принятия нового пакета документов, регулирующих таможенное законодательство, была обусловлена изменениями, произошедшими в мире, в частности разделением государств на два противоборствующих блока: Общий рынок и

Совет экономической взаимопомощи. В 1961 году был принят новый Таможенный тариф СССР, согласно которому ввоз товаров из стран Африки и Латинской Америки в СССР был беспошлинным. В 1964 году был принят Таможенный Кодекс СССР, который устанавливал, что: «Управление таможенным делом на территории СССР относится к ведению Министерства внешней торговли СССР и осуществляется через входящее в его состав Главное таможенное управление. Таможенные учреждения СССР в соответствии с настоящим Кодексом осуществляют контроль за соблюдением государственной монополии внешней торговли, совершают таможенные операции и ведут борьбу с нарушениями таможенных правил и контрабандой»⁷⁶, как видно и в этот период СССР не отказался от монополии внешней торговли.

Статья 73 Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик 1977 года устанавливала, что: «Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти и управления подлежит внешняя торговля и другие виды внешнеэкономической деятельности на основе государственной монополии».

В 1991 году был принят новый Таможенный Кодекс СССР, из которого императив о государственной монополии внешней торговли был исключен и провозглашался принцип рыночной экономики в рамках единого экономического пространства Союза ССР⁷⁷. Характеризуя период начала 90-х годов XX века, О. Ю. Бакаева отмечает: «В условиях тотального дефицита крайне необходимо было наполнить внутренний рынок страны дешевым импортным товаром. Такие цели были достигнуты в течение полутора-двух лет именно благодаря политике свободной торговли»⁷⁸.

В Таможенном кодексе СССР 1991 года законодательно закрепленного определения таможенной политики не было, однако в статье 1 устанавливалось, что: «В СССР осуществляется единая таможенная политика, являющаяся составной частью внешней и внутренней политики Союза ССР»⁷⁹, далее приведенное выше понятие связывалось с термином таможенное дело, и констатировалось, что: «Порядок перемещения через таможенную границу СССР товаров и иных предметов, таможенные обложение, оформление, контроль и другие средства проведения в жизнь таможенной политики составляют таможенное дело. Таможенное дело развивается в направлении гармонизации и унификации с общепринятыми в международной практике нормами и стандартами при активном участии СССР в международном сотрудничестве по вопросам таможенного дела»⁸⁰.

Именно Таможенный Кодекс СССР 1991 года сыграл положительную роль в обеспечении экономической самостоятельности при распаде СССР, также, следует отметить, что отдельные формулировки и определения, содержащиеся в указанном акте, являются более емкими и точными, чем в Таможенном Кодексе Российской Федерации 1993 года.

В 1993 году был принят и вступил в действие первый Таможенный Кодекс Российской Федерации⁸¹, А. Н. Козырин, отмечая основные особенности указанного документа, прежде

71 СУ РСФСР. 1918. № 33. Ст. 432.

72 СЗ СССР. 1925. № 5. Ст. 53.

73 СЗ СССР. 1929. № 1. Ст.1.

74 Козырин А. Н. Таможенное право России. Учебное пособие. М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 128.

75 Александров Д. А., Дмитриев С. С. Таможенное дело в СССР. Краткое учебное пособие для работников таможенных учреждений. М.: В/О «Международная книга», 1949. С. 41.

76 См. Ведомости ВС СССР, 1964, № 29, ст. 349.

77 Таможенный Кодекс СССР, утвержден Верховным Советом СССР 26.03.1991 года, № 2052-1.

78 Бакаева О. Ю. Основные финансово-правовые аспекты статуса таможенных органов Российской Федерации / Под ред. Н. И. Химичевой; Саратовский социально-экономический университет. Саратов, 2002. С. 29.

79 Таможенный Кодекс СССР, утвержден Верховным Советом СССР 26.03.1991 года, № 2052-1.

80 Там же.

81 Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 31. Ст. 1224.

всего, обозначает следующее: «Принципиально новый характер ТК 1993 г. проявляется в том, что им регулируются таможенные отношения, складывающиеся в условиях упразднения монополии внешней торговли»⁸².

Коллектив авторов, в работе «Проектирование таможенной политики»⁸³, в одном из разделов анализирует работу над проектом Таможенного Кодекса Российской Федерации 1993 года, в частности, указывается, что, учитывая важность дефиниции «таможенная политика» их предлагалось несколько (в работе приведено 17 определений). Далее в работе были сформулированы требования к таможенной политике, к которым авторы относили: «Таможенная политика должны быть: относительно стабильна и предсказуема; прозрачна для деловых кругов, понимаема ими; управление ею должно носить государственный характер и быть свободным от амбиций, лоббирования (цивилизованное лоббирование не исключается – оно неизбежно), подчинена обеспечению экономической безопасности»⁸⁴.

В статье 2 Таможенного Кодекса Российской Федерации были определены цели таможенной политики:

- 1) обеспечение наиболее эффективного использования инструментов таможенного контроля и регулирования товарообмена на таможенной территории Российской Федерации;
- 2) участие в реализации торгового - политических задач по:
  - защите российского рынка;
  - стимулированию развития национальной экономики;
  - содействию проведению структурной перестройки.

В этой же статье устанавливалось, что: «В Российской Федерации осуществляется единая таможенная политика, являющаяся составной частью внутренней и внешней политики Российской Федерации»⁸⁵.

Практически аналогичным путем развития и применения таможенной политики свободной торговли пошли все государства ныне входящие в Таможенный союз ЕАЭС, при этом законы о таможенном регулировании в этих государствах практически повторяли нормы, содержащиеся в ТК РФ 1993 года.

В 1997 году Национальным собранием Республики Беларусь был принят Таможенный кодекс Республики Беларусь, который был «фактически аналогичен Таможенному кодексу РФ 1993 г.»⁸⁶. В Республике Беларусь доля денежных средств поступающих в республиканский бюджет от деятельности таможенных органов в 1994 году составляла 4,3 %, в 1995 – 10,6 %⁸⁷. Подобным образом происходило формирования нормативно-правовой базы в области таможенного регулирования и других государствах – членах Таможенного союза ЕАЭС. По нашему мнению, условно генезис правового регулирования в таможенной сфере в государствах – членах ТС ЕАЭС можно разделить на три периода:

- 1) с 1991 по 1997 г. г. Данный период характеризуется распадом СССР и как следствие разрывом всех республиканских экономических связей в Советском Союзе и до формирования собственной таможенной политики. На этом этапе все без исключения государства – бывшие республики СССР применяли политику свободной торговли с целью насыщения внутреннего рынка дешёвыми товарами первой необходимости для обеспечения насущных первоочередных потребностей.

- 2) с 1997 по 2015 г. г. В это период государства – бывшие республики СССР на основе проведенного экономического анализа и мировой экономической конъюнктуры начали развивать отдельные сегменты национальной экономики с применением протекционистских мер в целях обеспечения экономической независимости от иностранной конкуренции.

- 3) с 2015 года по настоящее время, на данном этапе государства – участники Таможенного союза ЕАЭС делегировали вопрос формирования и реализации консолидированной таможенной политики наднациональному органу в рамках Евразийского экономического союза.

Договор о Евразийском экономическом союзе содержит ряд приложений, направленных на развитие и конкретизацию статей, содержащихся непосредственно в Договоре, вместе с тем отдельные положения не нашли своего развития либо должны быть приняты в перспективе. Так, в соответствии со статьей 101 Договора «До вступления в силу Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенное регулирование в Союзе осуществляется в соответствии с Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 года и иными международными договорами государств-членов, регулирующими таможенные правоотношения, заключенными в рамках формирования договорно-правовой базы Таможенного союза и Единого экономического пространства...». В настоящее время государствами-членами Евразийского экономического союза ведется активная работа по подготовке Таможенного кодекса ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС).

Несомненно, что ТК ЕАЭС должен быть документом, учитывающим не только практический опыт правоприменения Таможенного кодекса Таможенного союза, но и заимствовать отдельные нормы таможенного законодательства, содержащиеся в документах Всемирной таможенной организации и других таможенных союзов. Работа над проектом ТК ЕАЭС в настоящее время проводится Департаментом таможенного законодательства и правоприменительной практики Евразийской экономической комиссии, уполномоченными национальными органами государств – членов Евразийского экономического союза, отдельные предложения о содержании ТК ЕАЭС публикуются в научных изданиях⁸⁸ и высказываются при проведении научно-практических конференций.

Исходя из всего вышеизложенного, представляется необходимым и обоснованным постановка вопроса об установлении дефиниции «Таможенная политика Евразийского экономического союза», определении ее цели и задач в основополагающих документах Евразийского экономического союза. Закрепленные в разделе IX «Внешнеторговая политика»⁸⁹ части 2 «Таможенный Союз» Договора о Евразийском экономическом союзе определения целей и принципов внешнеторговой политики Союза по нашему мнению не в полной мере и не конкретно определяют:

- 1) цель таможенной (внешнеторговой) политики ЕАЭС и задачи, которыми она достигается;

На наш взгляд за основу, возможно, взять определение, предложенное О. Ю. Бакаевой, которая определяет таможенную политику как систему экономических, правовых, организационных и иных широкомасштабных мероприятий, проводимых государством и направленных на всестороннее

82 Козырин А. Н. Таможенное право России. Учебное пособие. М.: Фирма «СПАРК», 1995. С. 77.

83 Блинов Н. М., Иванов В. Н., Кухаренко В. Б., Пашинский А. Г. Проектирование таможенной политики. М.: Книга и бизнес. 2001.

84 Указ. соч.

85 Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 31. Ст. 1224.

86 См. Основы таможенной службы: учебно-метод. пособие / И. И. Дубик [и др.]. Минск: Амалфея, 2013. 336 с.

87 См. там же.

88 См. например: Колпаков А. Ф. Таможенная экспертиза в Евразийском экономическом союзе // Таможенная политика на Дальнем Востоке. № 1 (70). 2015; Курбанов Р. А. Евразийское право: процессы формирования // Государство и право. № 9. 2015; Орлов И. В. Таможенные сборы в странах Евразийского экономического союза // Среднерусский вестник общественных наук. Том 10. № 4. 2015.

89 В данном случае термины «внешнеторговая политика» и «таможенная политика» следует рассматривать как тождественные термины.

регулирование таможенных отношений и реализацию внутри – и внешнеэкономических интересов России⁹⁰. Аналогичное определение излагается в «Таможенном юридическом словаре-справочнике»⁹¹, но с учетом членства России в ЕАЭС. Рассматривая формулирование задач таможенной политики, исходя из предложенного определения, их необходимо изложить исходя из задач, которые обеспечиваются таможенными органами государств-участников Союза, ибо они являются государственными органами, на которые возложена обязанность по реализации таможенной политики ЕАЭС.

2) не установлен вид таможенной (внешнеторговой) политики, такое определение представляется более чем актуальным, так как закрепление возможности Союза, как торгово-экономического объединения, так и вида таможенной политики в конкретный временной период, позволит участникам внешнеторговой деятельности формировать свои экономические планы и прогнозы с учетом применения протекционистских либо фритредерских мер.

Структура Таможенного кодекса ЕАЭС включает в себя 9 разделов⁹², раздел 1 именуется «Общие положения», представляется целесообразным изложить отдельной статьей, ввести дефиницию «Внешнеторговая (таможенная) политика Евразийского экономического союза», сформулировать ее содержание, а также указать, что Союз вправе применять политику протекционизма либо фритредерства в зависимости от сложившейся политической и экономической ситуации. Нельзя не учитывать и то, что в законах государств-членов ЕАЭС термин «внешнеторговая политика» отсутствует, а применяется термин «таможенная политика»;

3) определение «внешнеторговой политики ЕАЭС» изложено без учета норм национального таможенного законодательства государств-членов Союза. Система таможенного законодательства Союза состоит, и это общепризнанный факт, из двух частей – наднациональной части (Таможенный кодекс Таможенного союза, международные договоры государств – участников Таможенного союза, решения Евразийской экономической комиссии) и национальной (Конституции государств – участников Таможенного союза, законы государств – участников Таможенного союза, направленные на правовое регулирование в таможенной сфере, решения правительств государств – участников Таможенного союза, нормативные правовые акты таможенных служб государств – участников Таможенного союза). Государства – члены ЕАЭС в своём национальном таможенном законодательстве не применяют словосочетание «внешнеторговая политика», а используют термин «таможенная политика», так, например, часть 3 статьи 1 Закона РБ от 10.01.2014 г. № 129-З «О таможенном регулировании в Республике Беларусь»⁹³ устанавливает: «Президент Республики Беларусь определяет государственную таможенную политику и осуществляет общее руководство таможенным делом», в пункте 1 части 2 статьи 2 Кодекса Республики Ка-

захстан «О таможенном деле в Республике Казахстан»⁹⁴ закреплено: «Уполномоченный орган в сфере таможенного дела в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза и (или) законодательством Республики Казахстан ведет таможенную политику в Республике Казахстан». Дефиниция «таможенная политика» содержится также и в законодательных актах Республики Армения, Киргизской Республики, Российской Федерации, регулирующих правоотношения в таможенной сфере.

Исходя из вышеизложенного, предлагается внести дополнения и изменения в Договор о Евразийском экономическом союзе и в соответствующие приложения к нему следующего содержания:

1. Дополнить Договор о Евразийском экономическом союзе приложением «Доктрина»⁹⁵ таможенной политики Евразийского экономического союза («Таможенная доктрина Евразийского экономического союза»);

1.1. Таможенную доктрину Евразийского экономического союза предопределить как: «Таможенная доктрина Евразийского экономического союза представляет собой совокупность официальных взглядов государств – членов Союза, закрепленных в соответствующих международных документах ЕАЭС, определяющая цели, задачи, принципы, порядок функционирования ЕАЭС, порядок участия и членства в Союзе, порядок применения видов таможенной политики, порядок применения мер таможенно-тарифного и нетарифного таможенного регулирования, а также иные основополагающие позиции необходимые для устойчивого развития торгово-экономического объединения Евразийский экономический союз.

1.2. Таможенная доктрина Евразийского экономического союза реализуется на основе Стратегии таможенной политики ЕАЭС, которая является неотъемлемой частью Таможенной доктрины Евразийского экономического союза. В Стратегии таможенной политики ЕАЭС необходимо установить следующие обязательные положения:

- 1) цель таможенной политики;
- 2) виды таможенной политики и возможности её применения;
- 3) принципы таможенной политики;
- 4) методы таможенной политики;
- 5) процедура полного либо частичного изменения вида таможенной политики.

Стратегия таможенной политики ЕАЭС должна содержать основные направления ее реализации, исходя из совокупности правоотношений, формирующихся в таможенной сфере, к ним следует отнести:

- таможенно-тарифная политика;
- политика мер нетарифного регулирования;
- политика в области унификации и гармонизации таможенных процедур и таможенного контроля;
- информационная таможенная политика;
- лицензионная (разрешительная) таможенная политика;
- правоохранительная таможенная политика.

Таможенную политику Евразийского экономического союза определить как: «Таможенная политика Евразийского экономического союза – это консолидированная (согласованная) политика государств-членов Союза, представляющая

90 Бакаева О. Ю. Правовое регулирование финансовой деятельности таможенных органов Российской Федерации: автореферат дис. ... док. юрид. наук. Саратов. 2005. С. 20.

91 Таможенный юридический словарь-справочник / Под ред. А. В. Малько, О. Ю. Бакаевой. Москва: Проспект, 2016. 304 с.

92 См.: Искокова М. В. Проект Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и его основные новеллы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.customs-academy.net/>. (дата обращения: 08.05.2016); Зубик Н. Проект Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // ВЭД консалтинг. № 1(21). 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://acsexgroup.net/> (дата обращения: 08.05.2016).

93 Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>

94 Закон Республики Казахстан от 30.06.2010 года № 296 - IV // Казахстанская правда. 02.-03.07.2010 года № 169-173 (26230-26234).

95 В данном случае термин «доктрина» следует понимать как политико-правовую концепцию, систему воззрений, руководящий теоретический или политический принцип. (См. например: Малый энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз - И. А. Ефрон. М., 1997. Т. 2. С. 1559; Философия права: Учебник/О. Г. Данильян, Л. Д. Байрачная, С. И. Максимов и др./ под ред. О. Г. Данильяна. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 416 с.).

собой совокупность действий политической, договорно-правовой, экономической направленности, проводимой Евразийским экономическим союзом и направленная на содействие устойчивому экономическому развитию государств-членов, диверсификации экономик, инновационному развитию, повышению объемов и улучшению структуры торговли и инвестиций, ускорению интеграционных процессов, а также дальнейшее развитие Союза как эффективной и конкурентоспособной организации в рамках глобальной экономики».

2. Изменить статью 33 Договора о Евразийском экономическом союзе с учетом предложенных выше дополнений.

Представляется, что изложенные выше предложения следует расценивать как обоснование необходимости проведения научной дискуссии на этапе работы над основополагающим документом в сфере таможенного регулирования – Таможенного кодекса ЕАЭС в целях формирования современной нормативной правовой базы Евразийского экономического союза.

Пристатейный библиографический список

- Александров Д. А., Дмитриев С. С. Таможенное дело в СССР. Краткое учебное пособие для работников таможенных учреждений. М.: В/О «Международная книга», 1949.
- Анисимов Е. Г., Анисимов В. Г., Сауренко Т. Н. Таможенная политика в системе национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. 2015. № 1.
- Аннерс Э. История европейского права (пер. со швед.). М.: Наука, 1996.
- Бакаева О. Ю. Правовое регулирование финансовой деятельности таможенных органов Российской Федерации: автореферат дис. ... док. юрид. наук. Саратов. 2005.
- Бакаева О. Ю. Основные финансово-правовые аспекты статуса таможенных органов Российской Федерации / Под ред. Н. И. Химичевой; Саратовский социально-экономический университет. Саратов, 2002.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1999.
- Блинов Н. М., Иванов В. Н., Кухаренко В. Б., Пашинский А. Г. Проектирование таможенной политики. М.: Книга и бизнес, 2001.
- Джабиев А. П. Государственное регулирование внешней торговли России. Учебное пособие. М.: Международные отношения, 2006.
- Елистратов А. И. Основные начала административного права. Российское полицейское (административное) право: Конец XIX – начало XX века: Хрестоматия / Сост. и вступит. ст. Ю. Н. Стариков. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1999.
- Заблуждения протекционизма / У. Самнер, Я. А. Новиков М.: ООО «Социум», ЗАО «Издательство «Экономика», 2002.
- Зубик Н. Проект Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. Режим доступа [Электронный ресурс] // ВЭД консалтинг. 2015. № 1 (21). Режим доступа: <<http://acsexgroup.net/>> (дата обращения: 08.05.2016).
- Искоскова М. В. Проект Таможенного кодекса Евразийского экономического союза и его основные новеллы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <<http://www.customs-academy.net/>>. (дата обращения: 08.05.2016).
- Козырин А. Н. Таможенное право России. Учебное пособие. М.: Фирма «СПАРК», 1995.
- Колпаков А. Ф. Таможенная экспертиза в Евразийском экономическом союзе // Таможенная политика на Дальнем Востоке. № 1 (70). 2015.
- Кулишер И. М. Основные вопросы международной торговой политики. 5 – е изд., стереотип. Челябинск: Социум, 2008. 479 с.
- Кулишер И. М. Очерки по истории таможенной политики. С.-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1903.
- Курбанов Р. А. Евразийское право: процессы формирования // Государство и право. № 9. 2015.
- Малый энциклопедический словарь: в 4 т. Т. 4 / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза - Ефрон. М.: ТЕРРА, 1997. С. 1938.
- Менделеев Д. И. К познанию России. М.: Айрис-пресс, 2002.
- Орлов И. В. Таможенные сборы в странах Евразийского экономического союза // Среднерусский вестник общественных наук. Том 10. № 4. 2015.
- Основы таможенной службы: учебно-метод. пособие / И. И. Дубик и др. Минск: Амафeya, 2013. 336 с.
- Савченко М. М. Рациональный протекционизм Д. И. Менделеева и таможенно – тарифная политика России в конце XIX – начале XX вв. // Экономический журнал. 2002. № 2 (5).
- Скворцов А. И. Менделеев как экономист // Русская мысль. 1917. № 2. Отд. 2.
- Степанов С. А. С. Ю. Витте (исторический портрет) // Международный исторический журнал. № 3, май-июнь 1999.
- Струве П. Б. Торговая политика России. Челябинск: Социум, 2007. (Напечатано по изданию: Струве П. Б. Торговая политика России. СПб.: Издание Кассы взаимопомощи студентов Санкт – Петербургского политехнического института, 1913).
- Таможенный юридический словарь-справочник / Под ред. А. В. Малько, О. Ю. Бакаевой. Москва: Проспект, 2016. 304 с.
- Философия права: Учебник/О. Г. Данильян, Л. Д. Байрачная, С. И. Максимов и др./ под ред. О. Г. Данильяна. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 416 с.
- Фридрих Лист. Национальная система политической экономии. Граф С. Ю. Витте. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. Д. И. Менделеев. Толковый тариф, или исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года / Сост. В. А. Фадеев. М.: Европа, 2005.
- Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. Т. 2 / Пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2003.
- Robert Skidelsky. Great Britain and the New Europe // From the Athlantic to the Urals / Ed David P. Calleo and Philip H. Gordon. - Arlington, 1992.
- Roy Denman Missed Chances. London: Cassel, 1996.

ШЕСТЕРЯКОВА Ирина Владимировна

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии

К ВОПРОСУ О ТРУДО-ПРАВОВОЙ ГЕОИНТЕГРАЦИИ

В статье рассматриваются возможности трудо-правовой интеграции в рамках международных организаций и партнерских объединений в региональном и международном аспектах. Автором предлагается новая стадия трудо-правовой интеграции – трудо-правовая геоинтеграция. Рассматриваются проблемы трудо-правовой интеграции в рамках ЕАЭС. Автором намечаются перспективы сотрудничества в указанной области.

Ключевые слова: трудовое право, интеграция, международная организация, геоинтеграция, экономический союз, ЕАЭС, СНГ, Транс-Атлантическое партнёрство, торговые соглашения, работники.

SHESTERYAKOVA Irina Vladimirovna

Ph.D. in Law, professor of Labour Law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

Шестерякова И. В.

THE ISSUE OF LABOR AND LEGAL GEOINTEGRATION

The article deals with work opportunities and legal integration into the framework of international organizations and partnerships on a regional and international perspective. The author proposes a new stage of proceedings and legal integration - Labor and legal geointegratsiya. We consider the problems of labor and legal integration within the EEU. The author outlines the prospects for cooperation in this area.

Keywords: labor law, integration, international organization, geointegration, economic union, the Trans-Atlantic partnership, trade agreements, workers.

Интеграция, в переводе с латинского, означает «восстановление», «восполнение». Словарь иностранных слов определяет интеграцию как «объединение в целое каких-либо частей, элементов; процесс взаимного приспособления и объединения национальных хозяйств двух и более государств с однотипным общественным строем»¹.

Интеграция государств является одним из решений проблем глобализации. Как отмечал Президент Всемирного банка Дж. Вульфенсон, «глобализация делает из мира единое глобальное образование, национальное и интернациональное сливаются. Быстрое развитие технологии изменяет наш стиль жизни и стиль ведения бизнеса. В бедных странах происходит быстрая урбанизация, появляется гражданское общество, развивается демократия. Страны, которые могут воспользоваться этими тенденциями, совершат невиданный скачок вперед. Те страны, которые...остаются в стороне от интеграции, деградируют. Их отсталость возрастет, их неравноправное положение по отношению к другим странам усугубится»².

Интеграция не только способствует решению проблем современности, но и выводит государства на новые пути экономического, политического и правового развития. Это касается и трудового законодательства.

Интеграционные процессы предстают в разных аспектах: экономическом; политическом; финансовом, правовом; территориальном и др.

Интеграция в правовой сфере проявляется во взаимодействии:

- во-первых, национальных правовых систем;
- во-вторых, международного и национального права.

В результате возник правовой феномен – унификация права, под которой понимается процесс выработки единообразных (унифицированных) норм. В политико-правовом аспекте цель унификации состоит в стремлении устранить или сгладить различия в национальных правовых системах на основе общепризнанных принципов права. И. С. Перетерский и С. Б. Крылов отмечали, что «основным инструментом унификации был и остается «единообразный закон» (loi uniforme), разрабатываемый экспертами по сравнительному праву. Единообразный закон является неотъемлемой частью многостороннего международного договора, что обязывает страны-участницы этого договора инкорпорировать его в национальное законодательство и применять в качестве национального закона»³.

Ранее нами было предложено понятие «трудо-правовая интеграция»⁴, которую можно подразделить на виды:

1. интеграция в области регулирования труда в мировом масштабе – глобальная интеграция;
2. интеграция в области регулирования труда в региональном масштабе – региональная, то есть европейская, в рамках Союзного государства России и Беларуси, СНГ, ЕАЭС и др.;
3. субрегиональная интеграция в сфере труда (например, Россия и государства Северного форума в области правового регулирования труда работников транспорта).

3 См.: Цвайгерт К., Кёйтц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т.: Основы / Пер. с нем. – М., 1998. – Т. 1. – С. 40; Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Пер. с фр. 2-е изд., перераб. – М., 2010. – С. 58–59.

4 См. подробнее: Шестерякова И. В. Международные трудовые нормы и трудовое право России: их соотношение и коллизии: Автореф. дис...докт. юрид. наук. – М., 2011. – С. 15.

1 См.: Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. – М., 1998. – С. 196.

2 Цит. по: Глобализация мирового хозяйства: Учебное пособие / Под ред. М. Н. Осьмовой, А. В. Бойченко. – М., 2006. – С. 3-4.

В связи с этим, представляется необходимым ввести в трудовое право РФ новое понятие — «трудо-правовая интеграция государств», которая представляет собой процесс взаимного приспособления трудового законодательства государств на основе международных трудовых норм путем сближения, гармонизации и унификации.

Выделяются следующие стадии трудо-правовой интеграции: 1) сближение; 2) гармонизация; 3) унификация.

Сближение определяется как процесс выражения волеизъявления государств о необходимости трудо-правовой интеграции. Гармонизация – это процесс согласования национального трудового законодательства интегрирующихся государств путем принятия модельных, типовых законов. Унификация рассматривается как принятие единообразного нормативного правового акта в сфере труда. Унификация права – движение к гармоничному взаимодействию различных правовых систем⁵. Это характеристика унификации в общем смысле. Унификация права в широком значении заключается не в том, чтобы снять различия в правовом регулировании аналогичных отношений в праве отдельных государств, создав единообразные нормы права, а в том, чтобы снять препятствия на пути международного сотрудничества и связанного с ним развития регулируемых национальным правом отношений. Гармонизация законодательства служит способом международно-договорной унификации права, основанным на обязательстве государства следовать определенному направлению (принципу) правового регулирования при разработке национального законодательства, сформулированному в международном соглашении⁶.

Мировой практике известны несколько способов международно-правового регулирования интеграционных процессов: путем заключения международных соглашений, в рамках которых могут учреждаться межправительственные комиссии по отдельным вопросам сотрудничества; путем создания международных межправительственных организаций (ММПО), основанных на принципах уважения государственного суверенитета и сотрудничества; путем создания международных организаций, основанных на принципе наднациональности. Выбор конкретной модели организационно-правовой основы экономической интеграции зависит от целей, которые ставят перед собой государства-участники интеграционного процесса. В том случае, если ставится задача рыночной поэтапной интеграции и создания единого рынка объединяющихся стран, наиболее оптимальным следует признать выбор в пользу международной организации наднационального характера⁷.

Сегодня, помимо указанных выше трех видов трудо-правовой интеграции, все активнее развивается новый, четвертый вид – геоинтеграция в области правового регулирования труда в рамках экономического блока, партнёрского клуба (БРИКС, АТЭС, Транс-Тихоокеанское партнёрство и др.), когда на смену интеграции в рамках международных организаций приходит интеграция в рамках партнёрских соглашений.

В настоящее время трудо-правовая геоинтеграция в рамках партнёрских клубов активно развивается и видоизменяет-

ся. Это форма воздействия государств, как экономического целого, на глобальные и региональные процессы труда без учета их территориально-пространственных особенностей местоположения. В этом определении существенным является то, что часть государств-партнёров, в том числе БРИКС, не имеют общих границ, тем не менее активно взаимодействуют между собой по трудо-правовым вопросам и вместе (как партнёры) оказывают необходимое им влияние в регионе и мире. Так, страны-участницы БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, ЮАР, Индия) не были ранее странами активного взаимодействия в трудовой миграции (кроме России и Китая). Однако политическая «турбулентность» приводит и к «турбулентности» экономической. На смену мигрантам из бывшего СССР придут граждане стран БРИКС, особенно Индии.

Такие процессы, безусловно, будут развиваться в самое ближайшее время, несмотря на расстояние, как и между Россией и Китаем. Об этом говорит и тот факт, что 8 мая 2015 г. в Москве состоялась рабочая встреча Министра труда и социальной защиты Российской Федерации М. Топилина с Министром трудовых ресурсов и социального обеспечения Китайской Народной Республики В. Инь. М. Топилиным было предложено проработать вопрос создания центра профессиональной подготовки в России, Китае или других странах-партнерах БРИКС. Как пояснил руководитель российского министерства, «центр может быть создан на базе уже существующего, там могли бы обучаться и стажироваться специалисты из стран БРИКС или G20».⁸ 25 января 2016 года в Уфе состоялось встреча министров труда и занятости стран БРИКС, итогом которой стало принятие соответствующей декларации. На встрече обсуждались вопросы обеспечения занятости и соответствия профессиональных квалификаций требованиям рынка труда, мобильности рынка труда, борьбы с неформальной занятостью, социального страхования, страхования от безработицы и пенсионного страхования. На заседании также выступил Генеральный директор МОТ Гай Райдер, который заявил о технической поддержке планов сотрудничества в этой области государств-партнёров⁹.

Таким образом, можно выделить следующие признаки трудо-правовой геоинтеграции:

- 1) вне международных организаций, а все больше в рамках партнёрских образований (пул, клуб и т.д.), не столько политических, сколько экономических;
- 2) вне фактических границ государств (например, Россия не со всеми странами БРИКС имеет сопряженную границу);
- 3) правотворчество, обусловленное торгово-экономической деятельностью партнёрских образований, непосредственно влияет на национальное трудовое право, причем то или иное государство вынуждено изменить свое национальное законодательство, вплоть до Конституции, например, как это вынужден был сделать в 2000 году Свазиленд, чтобы предоставить лучшие гарантии для работников;
- 4) установлены «санкции» (рычаги давления) за нарушение прав работников (так, с 1984 года такие меры были применены к 15 странам-бенефициарам (получателям преференций)¹⁰; США с 2006 по 2011 год приостанавливали ратификацию договора о свободной торговле с Колумбией

5 См.: Доронина Н. Г. Унификация и гармонизация в сфере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2005. – Вып. 1. – С. 57.

6 См.: Доронина Н. Г. Указ. соч. – С. 57.

7 См.: Капустин А. Я. Проблема дальнейшего развития организационно-правовой основы деятельности ЕврАзЭС // Евразийское экономическое сообщество: цели, задачи и перспективы: Материалы «круглого стола» (г. Москва, 8 апреля 2004 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.evrizes.com/files/infopage/2/Diachenko%20VG.doc> (дата обращения: 16.03.2016).

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/labour/cooperation/31/> (дата обращения: 27.03.2016).

9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brics2015.ru/news/20160125/852980.html> (дата обращения: 27.03.2016).

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.usitc.gov/publications/332/journals/trade_law_ftas.pdf (дата обращения: 03.04.2016).

не только под политическим давлением, но и выступлениями профсоюзов и правозащитных групп в связи с нарушениями прав человека и трудовых прав работников в Колумбии¹¹). В 2015 году США применили санкции против Гватемалы (по официальным данным Гватемала, наряду с Колумбией являются самими опасными странами для работников), которая не смогла решить вопрос о реформировании трудового законодательства, соответствующих нормам САФТА (например, за годы действия соглашения были убиты более 70 профсоюзных лидеров страны). Это был первый и единственный раз, когда было возбуждено дело против другой страны за нарушение трудовых норм, содержащихся в соглашении о свободной торговле.¹² По договору о Транс-Тихоокеанском партнёрстве Вьетнам должен внести значительные коррективы с национальное трудовое законодательство, связанные, например, с созданием и деятельностью профсоюзов (независимые профсоюзы в этой стране запрещены), ликвидацией принудительного труда. Если через пять лет такие меры не будут приняты, США в одностороннем порядке может принять мера по приостановлению снижения торговых тарифов. Для решения этих вопросов была создана на трёхсторонней основе специальная группа из представителей США, Вьетнама и МОТ¹³.

5) нормы торговых соглашений становятся модельным законодательством для государств-партнёров;

6) нормы МОТ все чаще и в большем объеме включаются в торговые соглашения, становясь при этом более «исполнимыми».

Правовой базой трудо-правовой интеграции, в том числе и геоинтеграции в области регулирования труда в рамках экономических блоков, составляют международные стандарты МОТ. Представляется, что основу трудо-правовой геоинтеграции составляют не только нормы конвенций МОТ, но и нормы соглашений о свободной торговле (ФТА)¹⁴, включающие правовое регулирование вопросов труда. Сегодня это один из главных «двигателей» интеграции, экономического сотрудничества между странами.

На смену «обычным торговым соглашениям» приходят «многонациональные торговые соглашения». Так, торговое соглашение, в рамках Транс-Тихоокеанского партнёрства (ТЭС) называют многонациональным торговым соглашением XXI века, расширяющим торговый договор НАФТА¹⁵. Это не только новый торговый договор, содержащий нормы трудового права, но и новый шаг на пути интеграции и унификации. Заявлено, что ТЭС будет поддерживать и обеспечивать основные трудовые права. Однако норм, регулирующих вопросы труда, в таких соглашениях, становится все больше. Например, в договоре будут указаны не только принципы, закрепленные в Декларации МОТ 1998 г. «Об основополагающих принципах и правах в сфере труда», но и о минимальном размере оплаты

труда; максимальной продолжительности рабочего времени, стандарты охраны труда и промышленной безопасности и др. Соглашение о создании Транс-Тихоокеанского партнерства было достигнуто 5 октября 2015 года. В его рамках будет создана зона свободной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Участники соглашения — США, Канада, Мексика в Северной Америке, Перу и Чили в Южной, Япония, Малайзия, Бруней, Сингапур и Вьетнам в Азии, а также Австралия и Новая Зеландия.

Так, начиная с 1994 года, Соединенные Штаты обеспечили включение положений, касающиеся правового регулирования труда, во все двусторонние и региональные соглашения о свободной торговле, начиная с Североамериканского соглашения о сотрудничестве в области трудовых отношений (NAALC), которое дополнило Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА) 1992 года. ССТ дали новый импульс после подписания Конгрессом Соединенных Штатов Закона о торговле 2002 года. По соглашению с 2007 г. конкретные трудовые нормы должны быть включены в ССТ и должны охватывать обязательство принять и поддерживать в соответствии с внутренним законодательством стандарты МОТ и основные трудовые права, а также обязательство эффективного обеспечения соблюдения национальных законов о труде, содержащие эти стандарты¹⁶. Разделы, содержащие нормы трудового права включены в ССТ США; заключены с 20 странами¹⁷. Это например: Оман (вступило в силу с 1 января 2009 г.), Перу (вступило в силу с 1 февраля 2009 г.), Корея (подписано 30 июня 2007 г.), Панама (подписано 7 июля 2007 г.), Марокко (вступило в силу 1 января 2006 г.), Бахрейн (вступило в силу в августе 2006 г.), Колумбия (подписано 22 ноября 2006 г.), Австралия (вступило в силу с 1 января 2005 г.), Чили (вступило в силу 1 января 2004 г.), Сингапур (вступило в силу с 1 января 2004 г.), Иордания (вступило в силу 17 декабря 2001 г.), двустороннее соглашение по текстилю с Камбоджой (с 1999 года) и др.

На примере НАФТА, в ССТ включаются трудовые нормы, которые подразделяют на три группы:

1. Первый (высший) уровень. Если эти права нарушаются, то возможно применение санкций (Комитет экспертов по оценке — Evaluation Committee of Experts (ECE)). Это защита трудовых прав детей и молодых людей; минимальные стандарты занятости и заработной платы; профилактика производственного травматизма и профессиональных заболеваний.

2. Второй уровень: запрещение принудительного труда; компенсация в случаях производственного травматизма и профессиональных заболеваний; защита трудовых прав мигрантов; ликвидация дискриминации в сфере занятости; равная оплата за мужчин и женщин.

3. Третий уровень прав: свобода ассоциаций и право на организацию; право на ведение коллективных переговоров; право на забастовку¹⁸.

Таким образом, особенность ССТ в том, что они не только устанавливают связь между торговыми и трудовыми норма-

11 Colombia-United States: Free Trade Agreement and Labor Issues [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/colombia-united-states-free-trade-agreement-and-labor-issues/> (дата обращения: 03.04.2016).

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2016/01/12/qa-trans-pacific-partnership> (дата обращения: 04.04.2016).

13 Подробнее см.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hrw.org/news/2016/01/12/qa-trans-pacific-partnership> (дата обращения: 04.04.2016).

14 Chile/China FTA. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.sice.oas.org/TPD/CHL_CHN/CHL_CHN_e.asp (дата обращения: 01.02.2016).

15 Подробнее см.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ustr.gov/tpp> (дата обращения: 04.04.2016).

16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ilo.org/global/standards/information-resources-and-publications/free-trade-agreements-and-labour-rights/WCMS_115531/lang--en/index.htm (дата обращения: 12.03.2016).

17 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements> (дата обращения: 12.03.2016).

18 TRADING AWAY RIGHTS. The Unfulfilled Promise of NAFTA's Labor Side Agreement. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/reports/2001/nafta/nafta0401.pdf> (дата обращения: 12.03.2016).

ми, но и механизм контроля и применения санкций к государствам, которые их не исполняют.

Полагаем, что многосторонние и двусторонние торговые соглашения содержат нормы трудового права и влияют на положение работников стран, принимающих ТНК. Как справедливо замечает Ф. Алстон, NAALK не единственная возможность соединить торговые и трудовые нормы. Так, в 1919 году при создании ЛИГИ Наций и МОТ отмечалось, что государства-члены должны обеспечить справедливые и гуманные условия труда внутри страны и в других странах, с которыми у них имеются производственные и коммерческие связи¹⁹.

Как известно, Российская Федерация не является участником подобного рода соглашений о свободной торговле²⁰, однако является членом международных организаций и пулов, в которых другие члены организаций – это активные участники соглашений. Таким образом, российское трудовое законодательство пока не испытывает влияния указанных соглашений, тогда как страны-партнёры вынуждены вносить соответствующие изменения. Примером может служить БРИКС и один из важнейших торгово-экономических партнёров России, Китай. Так, Китай является активным участником таких соглашений, например, с Чили (18 ноября 2005 г.); Новой Зеландией (7 апреля 2008 г.)²¹. По данным Министерства торговли Китая²², КНР заключила такие соглашения также с АСЕАН, Пакистаном, Сингапуром, Перу, Коста-Рикой, Исландией, Швейцарией, Кореей, Австралией. В стадии переговоров находятся соглашения с ССАГПЗ (Совет сотрудничества стран Персидского залива), Норвегией, Японией и Кореей, Шри-Ланкой, Мальдивскими островами, Грузией, РСЕР. В стадии рассмотрения соглашения с Индией, Колумбией, Молдовой, Фиджи. Приоритетным считается участие в Азиатско-Тихоокеанском торговом соглашении²³. Таким образом, Китай связан не только двусторонними соглашениями о свободной торговле, но и многосторонними договорами. Как известно, Российская Федерация не входит ни в одно из указанных объединений и договоров. Пока такие соглашения РФ заключила в рамках СНГ, союзного государства России и Беларуси, Таможенного союза. Планировалось создание зоны свободной торговли между Россией и Китаем в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Однако пока эти инициативы остаются нереализованными. А в рамках БРИКС и не обсуждаются, и вряд ли будут обсуждаться в связи с закрытием Goldman Sachs (фонда для инвестирования в страны БРИКС). Пред-

ставляется, что интеграционным объединением БРИКС так и не будет²⁴.

Однако в АТЭС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество) участвуют и Россия, и Китай. Как известно, с юридической точки зрения это не международная организация, а некий форум государств. В Манильской декларации стран АТЭС 2015 года²⁵, одним из направлений совместного развития указаны инвестиции в развитие человеческого капитала: совместная работа над созданием новых рабочих мест, образовательных и учебных программ, мероприятий по содействию занятости, уделяется особое внимание проблемам молодых работников, женщин, инвалидов. В рамках этого форума также планируется принять соглашение о свободной торговле. Предвестником такого соглашения называют соглашение, подписанное между Южной Кореей и США (KORUS FTA)²⁶. Если в рамках АТЭС будет подписано соглашение о торговле, это будет означать и принятие соответствующих трудовых норм, которые так или иначе отразятся на национальном законодательстве государств-партнёров, в том числе России и Китая. Практика реализации подобных соглашений с другими странами показывает, что это приносит как положительный, но в большей степени и отрицательный эффект не только для тех, кто работает по трудовому договору, но и, например, для фермеров. Так, К. Ан, исполнительный директор Института политики Южной Кореи отметил, что предложенная KORUS FTA требует изменения примерно 180 южнокорейских законов. С каждым годом соглашение все больше влияет на внутреннее законодательство страны. По данным корейского правительства, 45% корейских фермеров будут вынуждены свернуть производство, так как не выдержат конкуренции с США. Подобный эффект наблюдается и в Мексике²⁷. Хотя, как известно, первоначально перед торговыми соглашениями стояла задача улучшения трудовых норм и условий труда в развивающихся странах: в 1890 году с принятием Закона Мак-Кинли, ограничивающего ввоз товаров, произведённых с использованием труда заключённых, была введена новая практика в порядок заключения, а точнее в содержание торговых соглашений. С 1984 г. по требованию Конгресса США в торговые соглашения стали включаться нормы: право на объединение; право на организацию и ведение коллективных переговоров; запрет на использование любой формы принудительного или обязательного труда; минимальный возраст приема детей на работу; запрет на наихудшие формы детского труда; приемлемые условия в отношении минимальной заработной платы, максимальных часов работы, безопасности и охраны труда

19 См.: Alston Philip. International Trade as an Instrument of Positive Human Rights Policy// Human Rights Quarterly. – Vol. 4. – № 2. Spring 1982, p. 171.

20 По данным торгово-промышленной палаты Российской Федерации, Россия заключила двусторонние соглашения о свободной торговле, например, с Сербией; в 2011 г. был заключен договор о зоне свободной торговли стран-участниц СНГ (ЗСТ); между ЕАЭС и Вьетнамом в 2015 г. подписано соглашение о создании зоны свободной торговли и др. Однако ни один из этих договоров не содержит подробных и больших разделов о правовом регулировании трудовых отношений.

21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <https://www.mfat.govt.nz/en/trade/free-trade-agreements/free-trade-agreements-in-force/china-fta/text-of-the-new-zealand-china-fta-agreement/> (дата обращения: 01.04.2016).

22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://fta.mofcom.gov.cn/english/fta_qianshu.shtml (дата обращения: 01.04.2016).

23 Regional Comprehensive Economic Partnership (RCEP) – это соглашения со странами АСЕАН плюс еще шесть стран (Австралия, Китай, Индия, Япония, Южная Корея, Новая Зеландия).

24 Подробнее см.: The Brics are dead. Long live the Ticks. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/b1756028-c355-11e5-808f-8231cd71622e.html#axzz3yvHjeXE7> (дата обращения: 01.04.2016).

25 APEC ECONOMIC LEADERS' DECLARATION, Manila 2015 Building Inclusive Economies, Building a Better World: A Vision for an Asia-Pacific Community. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mddb.apec.org/Documents/2015/AELM/15_aelm_dec_o.pdf (дата обращения: 01.04.2016).

26 On February 10, 2011, the United States and South Korea signed two agreements – amendments to the Korea U.S. Free Trade Agreement (KORUS FTA) ratified on June 30, 2007. Подробнее см.: Gerhardt T.// America's Pacific Century? APEC Summit in Hawaii Seeks to Implement Free Trade Agreement of the Asia Pacific Region. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.commondreams.org/views/2011/11/11/americas-pacific-century-apec-summit-hawaii-seeks-implement-free-trade-agreement> (дата обращения: 01.04.2016).

27 Подробнее см. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.commondreams.org/views/2011/11/11/americas-pacific-century-apec-summit-hawaii-seeks-implement-free-trade-agreement> (дата обращения: 03.04.2016).

и здоровья работников²⁸. Позже, торговые соглашения, например, НАФТА стали содержать и другие трудовые нормы: о вопросах занятости, дискриминации по различным критериям, равной оплаты за труд равной ценности, компенсации вреда здоровью в случае производственного травматизма, о гарантиях работникам-мигрантам. Так, в приложении к указанному выше торговому соглашению между Новой Зеландией и Китаем предусмотрен раздел, который касается обязательств Новой Зеландии о временном трудоустройстве граждан Китая по различным профессиям, с требованием к образованию, стажу работы, количеству прибывающих на работу (врачи традиционной китайской медицины, медсестры с которыми заключаются трудовые договоры на три года без права продления (до 200 человек); такие условия установлены и для профессиональных китайских поваров).

Подводя итог сказанному, можно сделать следующие выводы относительно интеграционных процессов, происходящих в современном мире:

– интеграция в рамках международных организаций уступила место глобальным интеграционным процессам в рамках экономических союзов и пулов;

– основным видом трудо-правовой интеграции становится трудо-правовая геоинтеграция, имеющая свои характерные особенности;

– охват государств интеграционными соглашениями становится все шире;

– трудовые нормы становятся «обычными» в торговых соглашениях, и, кроме того, они являются основой многонациональных торговых соглашений;

– несмотря на то, что разделы о правовом регулировании трудовых отношений направлены на улучшение положения работников в странах-участниках, они, как правило, ведут к всеобщей «гонке на дно»;

– на трудовые нормы в рамках экономических союзов оказывают влияние международные глобальные рамочные соглашения (МРС, ГРС);

– торговые соглашения оказывают влияние на трудовое законодательство стран-участников (не всегда это влияние положительное);

– усиление влияния транснациональных корпораций и, как следствие этого, все большее нарушение прав человека в сфере достойного труда (снижение заработной платы, отказ от создания новых рабочих мест, угроза экологии, опасный импорт);

– Международная организация труда оказывает помощь и поддержку государствам, участвующим в таких соглашениях, по изменению национального трудового законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Глобализация мирового хозяйства: Учебное пособие / Под ред. М. Н. Осьмовой, А. В. Бойченко. – М., 2006.
2. Доронина Н. Г. Унификация и гармонизация в сфере правового регулирования иностранных инвестиций // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2005. – Вып. 1.
3. Капустин А. Я. Проблема дальнейшего развития организационно-правовой основы деятельности ЕврАзЭС // Евразийское экономическое сообщество: цели, задачи и перспективы: материалы «круглого стола» (г. Москва, 8 апреля 2004 г.). [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.evrzases.com/files/infopage/2/Diachenko%20VG.doc> (дата обращения: 16.03.2016).
4. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Пер. с фр. 2-е изд., перераб. – М., 2010.
5. Словарь иностранных слов. 15-е изд., испр. – М., 1998.
6. Цвайгерт К., Кейтц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2 т.: Основы / Пер. с нем. – М., 1998. – Т. 1.
7. Шестерякова И. В. Международные трудовые нормы и трудовое право России: их соотношение и коллизии: Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2011.
8. Alston Philip. International Trade as an Instrument of Positive Human Rights Policy // Human Rights Quarterly. – Vol. 4. – № 2. Spring 1982.
9. Colombia-United States: Free Trade Agreement and Labor Issues. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/colombia-united-states-free-trade-agreement-and-labor-issues/> (дата обращения: 03.04.2016).
10. Gerhardt T. America's Pacific Century? APEC Summit in Hawaii Seeks to Implement Free Trade Agreement of the Asia Pacific Region. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.commondreams.org/views/2011/11/11/americas-pacific-century-apec-summit-hawaii-seeks-implement-free-trade-agreement> (дата обращения: 01.04.2016).
11. On February 10, 2011, the United States and South Korea signed two agreements – amendments to the Korea U.S. Free Trade Agreement (KORUS FTA) ratified on June 30, 2007.
12. Rogowsky R. A., Chyn E. US Trade Law and FTAs: A Survey of Labor Requirements. 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.usitc.gov/publications/332/journals/trade_law_ftas.pdf (дата обращения: 03.04.2016).
13. The Brics are dead. Long live the Ticks. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ft.com/intl/cms/s/2/b1756028-c355-11e5-808f-8231cd71622e.html#axzz3yuvHjeXE7> (дата обращения 01.04.2016).
14. TRADING AWAY RIGHTS. The Unfulfilled Promise of NAFTA's Labor Side Agreement. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrw.org/reports/2001/nafta/nafta0401.pdf> (дата обращения: 12.03.2016).

²⁸ Подробнее см.: Rogowsky R. A., Chyn E. US Trade Law and FTAs: A Survey of Labor Requirements. 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.usitc.gov/publications/332/journals/trade_law_ftas.pdf (дата обращения: 03.04.2016).

ШЛЫКОВ Павел Вячеславович

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТУРЕЦКОГО ЕВРАЗИЙСТВА

В статье анализируется трансформация евразийства как геополитического концепта и динамика отношения турецкой политической элиты к идеям евразийской интеграции в 1990-е и 2000-е гг. При наличии таких общих черт с российским евразийством как отсутствие географической доминанты в концепте «Евразии» и «евразийства» – в турецкой общественно-политической мысли евразийство уникальным образом объединило в себе черты разных идеологий – пантюркизма, панисламизма, тюркизма и неоосманизма – каждая из которых предлагала для Турции свой путь к региональному лидерству.

Ключевые слова: Турция, евразийство, пантюркизм, неоосманизм.

SHLYKOV Pavel Vyacheslavovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of the Middle East History sub-faculty, Institute of Asian and African Studies of the M. V. Lomonosov Moscow State University

Шлыков П. В.

ALTERNATIVE APPROACHES TO EURASIAN INTEGRATION: COMPARATIVE ANALYSIS OF TURKISH EURASIANISM

The papers analyses transformations of Turkish Eurasianism as a geopolitical concept and attitudes of Turkish political elite towards ideas of Eurasian integration in the 1990s and first decade of the 2000s. For both Russia and Turkey the geographical dimensions of Eurasia and Eurasianism itself has never been a core characteristic of this concept. In the Turkish socio-political thought Eurasianism combined features of different ideologies (Pan-Turkism, Pan-Islamism, Turkism and Neo-Ottomanism) which offer diverse strategies for Turkey's regional leadership.

Keywords: Turkey, Eurasianism, Pan-Turkism, Neo-Ottomanism.

Несмотря на географические характеристики, позволяющие рассматривать Турцию как евразийское государство, идеи евразийская не были популярны в этой стране вплоть до 1990-х гг. С момента провозглашения республики в 1923 г., кемалистское правительство и его преемники стремились особо подчеркнуть прозападный курс Турции, а провозглашенный М. К. Ататюрком лозунг «Мир в своей стране – мир во всем мире» предполагал отказ от любых реваншистских проектов в отношении советской Средней Азии и Кавказа.

Лишь после распада СССР евразийство как геополитический концепт получил развитие в Турции. Кризис в отношениях с Брюсселем (в 1989 г. заявка Анкары на вступление в ЕЭС была фактически заморожена), появление в 1991 году новых независимых Центрально-азиатских и кавказских республик, близких Турции этнически и в языковом плане (Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Туркменистан, Узбекистан), и стремление определить новые внешнеполитические ориентиры и цели в условиях постбиполярного мира – все это способствовало новому прочтению евразийства в Турции¹. Более того, едва получившие независимость государства Центральной Азии и Кавказа, не успевшие определить свои внешнеполитические приоритеты, представлялись Анкаре хорошим естественным

полигоном для выработки новой внешней политики². Повышенное внимание Анкары к постсоветскому пространству определялся ценностными и прагматическими интересами. К первой категории можно отнести культурно-психологическую предрасположенность: и средства массовой информации, и общественное мнение Турции крайне позитивно восприняли развитие дружбы с тюркскими народами Центральной Азии и Кавказа³. Ко второй – традиционные геополитические расчеты повысить значение Турции в глазах Запада и создать конкретные сферы влияния в регионе на базе тесных связей с независимыми тюркскими республиками.

В начале 1990-х гг., воодушевленная перспективой переноса «турецкой модели» (т.е. опыта социального и политического развития Турции как условного рецепта политического и экономического успеха и процветания)⁴ на дружественные тюркские республики, Турция стала не только первым государством, признавшим независимость постсоветских республик, но и стремилась выступить их главным политическим и экономическим партнером. Идеи евразийства и Евразии стали неотъемлемой частью риторики руководства Турции. Так, премьер-министр Сулейман Демирель говорил о Евразии как «регионе, населенном преимущественно тюрками и про-

1 О политике Турции на постсоветском пространстве см.: Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012 278 с.; Winrow, Gareth M. Turkey in Post-Soviet Central Asia. London: Royal Institute of International Affairs, Russia and CIS Programme, 1995. 53 p.; Robins, Philip. Between Sentiment and Self-Interest: Turkey's Policy Toward Azerbaijan and the Central Asian States // The Middle East Journal, Vol. 47, Issue 4 (1993), pp. 593-610.

2 Kut, Şule. The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s // Turkey in World Politics: An Emerging Multiregional Power. / Edited by Barry Rubin & Kemal Kirişçi. Istanbul: Boğaziçi University Press, 2002, pp. 8-10.

3 См.: Değişen Dünya ve Türkiye // Milliyet, 12/12/1991, s. 12, 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/GununYayinlari/tm2BCwIolnBK62fQPT2F8w_x3D_x3D_

4 Mango, Andrew. Turkish Model // Middle Eastern Studies, Vol. 29, Issue 4 (1993), pp. 726-757.

стирающемся от Адриатического моря до Великой китайской стены»⁵. Президент Тургут Озал провозгласил XXI столетие «веком тюрков», озвучив тем самым надежды, питаемые Турцией по отношению к тюркским республикам Центральной Азии и Кавказа⁶.

Фокусирование евразийского дискурса Турции на постсоветских тюркских республиках неизбежно привело к возрождению и эволюции турецкого тюркизма, вновь ставшего в 1990-е гг. влиятельной национальной идеологией. В отличие от пантюркизма, несущего в себе отчетливый заряд экспансионизма, тюркизм выглядел более мягкой и мирной идеологией, ориентирующейся прежде всего на духовное и культурное единство тюрков и тюркского мира⁷. Сулейман Демирель, занявший пост президента после смерти Тургута Озала и в определенном смысле унаследовавший обозначенный Озалом политический курс, придерживался схожих взглядов на тюркизм как прагматическую политику, нацеленную на подпитывание сотрудничества между государствами региона⁸. В одном из многочисленных интервью Сулейман Демирель даже теоретически развернул свое видение прагматического тюркизма: «Само понятие пантюркизм, – отмечал Демирель, – существует исключительно в словарях и энциклопедиях... Когда мы говорим тюркский мир, это не означает, что все, кто является тюрком по происхождению жаждут стать гражданами одного государства. Они стремятся к сотрудничеству и взаимодействию»⁹.

Обозначенный и сформулированный Демирелем прагматический подход к тюркизму и евразийству оказал большое влияние на турецкий истеблишмент и сместил акценты в официальных трактовках Евразии. Концепт Евразии стал восприниматься как трамплин для вступления Турции в ЕС и новое окно возможностей для повышения политического веса Анкары в глазах Запада. Неслучайно, что в период наращивания контактов с постсоветскими тюркскими государствами в первой половине 1990-х гг. этот тренд никем не рассматривался как альтернатива отношениям Турции с Евросоюзом¹⁰. Даже наоборот, руководители страны – подобно Демирелю, подчеркивали потенциал Турции для Европы и США как «окна в Евразию».

Однако, несмотря на увлечение Анкары «практическим евразийством», достаточно скоро стало очевидно, что политического и экономического потенциала Турции явно недостаточно для помощи тюркским государствам в преодолении их внутренних проблем, а также налаживания тесного политико-экономического сотрудничества.

Очевидная ограниченность потенциала турецкого влияния на регион вызвала переоценку евразийского вектора внешней политики Турции, смещение акцентов в сторону экономики и энергетики – превращение турецкого евразийства в

геоэкономический концепт. Особенно рельефно это проявилось во второй половине 1990-х гг., когда, с одной стороны, Россия, а с другой – Запад озаботились созданием в регионе сети трубопроводов для транспортировки нефти и газа. Примерно в это же время Анкара начала продвигать идею Турции как «мирового энергетического хаба» – инфраструктурного терминала для транспортировки центрально-азиатских и каспийских энергоресурсов на Запад. Президент Сулейман Демирель и его министр иностранных дел Исмаил Джем¹¹ с конца 1990-х гг. стали постоянно повторять тезис о новой геоэкономической роли Турции в Евразии, предусматривающей строительство трубопроводов по территории Турции, для того чтобы республики Центральной Азии и Кавказа смогли обеспечить себе политическую и экономическую независимость от России.

Демирель возлагал большие надежды на потенциальную роль Турции в «Евразийском проекте», одну из главных составляющих которого он видел в выстраивании нового уровня связей между Европой и Азией посредством разветвленной системы нефте- и газопроводов¹². Исмаил Джем, в свою очередь, видел для Турции существенно более сложную роль в Евразии. Джем говорил о «Евразийском миропорядке», для которого Турция должна стать центром за счет «своей двуединой идентичности – уникальной принадлежности одновременно и к Азии, и к Европе»¹³. Следуя этой логике, он не видел никакого противоречия между стремлением Турции к членству в ЕС и ее «осевой и решающей» ролью «центра Евразии», обе эти амбициозные задачи по своей сути дополняли друг друга¹⁴. В определенном смысле Исмаил Джем предвосхитил внешнеполитическую модель и «стратегическое видение» геополитической роли Турции, взятые на вооружение правительством Партии справедливости и развития (ПСР) во второй половине 2000-х гг.

Прагматизм Турции в евразийском проекте отчетливо проявился и в стремлении Анкары преодолеть взаимное отчуждение с Россией. Сближение очевидно приобрело поступательное направление после визита российского премьера Виктор Черномырдина в Турцию в 1997 г. и подписания специального соглашения о прокладке газопровода по дну Черного моря – «Голубой поток», по которому Россия обязалась поставить в Турцию 364,5 млрд куб. м газа в 2000-2025 гг. Российско-турецкое сближение стало еще очевидней с приходом к власти В. Путина в 2000 г. Примечательно, что поступательное развитие российско-турецких отношений непосредственно отразилось на прочтении евразийского проекта в Турции и переоценке концепта Евразии во внешней политике Анкары. Так, в 2001 г. глава турецкого МИДа Исмаил Джем предложил создание стратегического партнерства Москвы и Анкары в Центральной Азии для совместной работы в области региональной безопасности¹⁵. При этом евразийский проект как составляющая внешней политики Турции и российско-турецкого партнерства не нацеливался против Запада, как предполагало прочтение евразийства турецкими националистами.

5 Выдержки из речи Сулеймана Демиреля см.: Cumhuriyet, 24/02/1992. О появлении нового макро-региона Евразии см.: Avrasya sekilleniyor // Milliyet, 1/11/1992, s. 11.

6 Речь Тургута Озала на первом саммите тюркских государств в Анкаре см.: Zirvede sıkıntı // Milliyet, 31/10/1992, s. 1.

7 Özdoğan, Günay Göksu. Turan'dan 'Bozkurt'a: Tek Parti Döneminde Türkçülük (1931-1946). İstanbul: İletişim Yayınları, 2002, s. 26.

8 Выдержки из выступлений и интервью Сулеймана Демиреля (Milliyet, 13/02/1993, 2/09/1994).

9 TBMM'yi yoğun gündem bekliyor // Milliyet, 31/08/1994, s. 17. См.: Landau, Jacob M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London: Hurst & Company, 1995, p. 194.

10 Ersanli, Büşra. Can Eurasia Be an Identity Issue for Turkish Foreign Policy? // Turkish Views on Eurasia / editor İsmail Soysal, assistant editor Sevşen Aslantepe. İstanbul: Foundation for Middle East and Balkan Studies, 2001, p. 122.

11 Исмаил Джем возглавлял турецкий МИД с 1997 по 2002 гг.

12 Подробнее см.: Türkiye'nin Türk dünyasında 'ağabey' değil 'ekonomik partner' olduğu vurgulandı // Milliyet, 6/10/1999, s. 18.

13 Киреев Н. Г. Российско-турецкие отношения в контексте евразийских концепций // Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М.: ИВ РАН, 2003. С. 247-248.

14 Cem, İsmail. Turkey in the New Century: speeches and texts (1995-2001) / İsmail Cem. Rustem: Nicosia, Mersin 2001, p. 60.

15 Acar, Özgen. Ankara-Moskova-Orta Asya Stratejik Üçgeni. // Cumhuriyet, 11/09/2001.

Совсем иное видение евразийства формулировали турецкие ультраправые и ультраправые националисты, стремившиеся привнести в этот концепт свои традиционные ценности и подходы – резко антизападническую риторику и примат конституционных принципов кемализма, особенно тех из «шести стрел», которые с 1980-х гг. стремительно теряли свои позиции – этатизма и лаицизма¹⁶. Доминантой в ультранационалистических трактовках евразийства стала идея объединения стратегической оси Турция – Россия совместно с другими евразийскими странами против Запада в широком смысле (т.е. США и ЕС). В этом отношении турецкие националисты в своих подходах к евразийству были близки российским неоевразийцам, также апеллирующим к необходимости объединения евразийских государств под эгидой борьбы с гегемонией США и Запада.

Во второй половине 1990-х гг. лево-националистическое, антиимпериалистическое и кемалистское прочтение евразийства было характерно для политиков, близких к Демократической левой партии (ДЛП) Бюлента Эджевита – основной партии коалиционных правительств 1999-2002 гг. В 1996-1998 гг. официальный печатный орган ДЛП журнал «Национальный» (“Ulusal”) опубликовал большое количество статей о евразийстве в контексте социалистической, националистической и кемалистской мысли в Турции.

Поиск альтернативных прочтений евразийства в Турции отчасти стал следствием все возраставшего в то время разочарования в «европейском проекте» и неудач на пути интеграции в Европейский союз. Хотя в 1999 г. Брюссель присвоил Турции статус страны-кандидата, переговорный процесс о полноправном вступлении в ЕС долгое время не мог сдвинуться с мертвой точки из-за диаметрально противоположных позиций Анкары и Брюсселя по курдскому урегулированию и кипрскому вопросу. Политические требования Брюсселя оказались настолько неприемлемы для Анкары, что тогдашний генеральный секретарь Совета национальной безопасности Турции генерал Тунджер Кылынч публично выступил с предложением о создании «стратегической оси» России, Турции и Ирана в противовес «неприемлемым требованиям ЕС»¹⁷. И правительство, и Генштаб Турции ожидаемо отвергли подобные инициативы, однако заявления Т.Кылынча очень хорошо показали наличие сильного «евразийского лобби» в среде военной элиты Турции.

В начале 2000-х гг., когда идеи «евразийского союза» с Россией в Турции приобрели популярность и поддержку на самом высоком уровне, конфигурация политической власти в стране резко изменилась – парламентские выборы 2002 г. привели к власти нового игрока, созданную осенью 2001 г. Партию справедливости и развития Р. Т. Эрдогана. Набрав 34,7%, ПСР получила право формировать однопартийное правительство без оглядки на политических конкурентов и потенциальных партнеров. Отсутствие необходимости искать компромиссы с оппонентами и союзниками развязало ПСР руки по многим вопросам политического курса, в том числе и во внешней политике. Архитектором внешнеполитического курса правительства ПСР стал профессор А. Давутоглу – известный специалист по международным отношениям. Внешнеполитическая доктрина, которую выдвинул А. Давутоглу, базировалась на

идее превращения Турции в «центральную державу» мировой политики путем многоходового расширения влияния Турции на глобальном и региональном уровне, а главное – позитивного решения всех проблемных вопросов со странами – непосредственными соседями Турции¹⁸. Свои идеи А. Давутоглу изложил на страницах книги «Стратегическая глубина», в которой попытался пропустить сквозь призму турецких интересов и турецкой общественно-политической мысли традиционные геополитические теории, а также обосновывал необходимость примирения Турции со странами «османского ареала» и развития отношений с мусульманскими государствами¹⁹.

Внимание к территориям и регионам, входившим в состав Османской империи, исламистская идентичность самой ПСР – эти факторы заставили политических обозревателей говорить о «неоосманстве» во внешней политике Турции Р. Т. Эрдогана²⁰. Неоосманство как внешнеполитическая концепция традиционно ассоциировалась с Тургуттом Озалом, именно он впервые в политической истории республиканской Турции открыто заговорил о практическом использовании османского наследия в выстраивании отношений с соседними странами и регионами²¹. Однако ПСР официально отвергала обвинения в неоосманской внешней политике, сам А. Давутоглу также подчеркивал, что в его концепции «стратегической глубины» нет подобного понятия.

Российско-турецкое сближение в 2000-е гг. не сбавило обороты и только усилилось после того как турецкий парламент 1 марта 2003 г. проголосовал против размещения на турецкой территории американских солдат для проведения операций в Ираке. В конце 2004 г. Путин совершил государственный визит в Турцию (визиты подобного уровня не совершались 32 года), по итогам которого было объявлено о выводе двусторонних отношений на «уровень многопланового стратегического партнерства»²². Ощутимые успехи в развитии двусторонних отношений Москвы и Анкары подтолкнули турецкие СМИ к новым интерпретациям «евразийского проекта». Некоторые журналисты стали говорить о том, что российско-турецкие отношения – это пример «формирующегося альянса» против Запада и однополюсной внешней политики Вашингтона²³. Другие – увидели в этом желание Москвы включить Турцию в т. н. «Евразийскую ось», создаваемую Россией, Китаем, Индией и Ираном²⁴. Подтверждением этого отчасти служила информация о желании Анкары получить статус государства

16 Подробнее о периоде подъема ультра-националистов в Турции в 2000-е гг. см.: Uslu, Emrullah. Ulusalçılık: The Neo-nationalist Resurgence in Turkey // Turkish Studies, Vol. 9, Issue 1 (2008), pp. 73-97.

17 Kılınc: AB'den destek yok, Doğu'ya bak // Hürriyet, 07/03/2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hurriyet.com.tr/kilinc-abden-destek-yok-doguya-bak-58353>

18 Davutoğlu, Ahmet. Türkiye Merkez Ülke Olmalı // Radikal, 26/02/2004. Mode of Access: <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581>

19 Davutoğlu, Ahmet. Stratejik Derinlik / Ahmet Davutoğlu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001, s. 52-58.

20 Подробнее см.: Sözen, Ahmet. A Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and Challenges // Turkish Studies, Vol. 11, Issue 1 (2010), pp. 107-108.

21 Подробнее см.: Yavuz, Hakan. Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism // Middle East Critique, Vol. 7, Issue 12 (1998), pp. 19-41.

22 Помимо совместной декларации было подписано еще шесть межгосударственных соглашений по взаимодействию по вопросам безопасности, сотрудничеству в военно-технической сфере и т.д. [Radikal, 6/12/2004].

23 См.: Taşpınar, Ömer. Batı'ya Kızgınlık Büyüyor // Radikal, 27/07/2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.radikal.com.tr/yorum/batiya-kizginlik-buyuyor-753072/>

24 Например, известный политолог Зейно Баран [Baran, Zeyno. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Turkey // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. Front Cover. S. Fredrick Starr, Svante E. Cornell. Central Asia-Caucasus Institute, 2005, pp. 103-118].

наблюдателя в ШОС²⁵. Перечисленные факты способствовали появлению новых трактовок евразийства в Турции, которое стало приобретать все больше антизападное звучание и воспринималось как возможный геополитический проект России и Турции.

В самой Турции в середине 2000-х гг. стали приобретать известность и популярность идеи неоевразийства. В 2003 г. вышел перевод на турецкий язык известной книги А. Г. Дугина «Основы геополитики»²⁶ (на сегодняшний день она выдержала уже восемь изданий в Турции). Возросший интерес к евразийству в Турции позволил ряду исследователей говорить о «турецком евразийстве» как новом геополитическом дискурсе, отличном от российского неоевразийства²⁷. И действительно, внимательный анализ евразийской риторики в России и Турции отчетливо показывает наличие явных расхождений в прочтении «евразийского проекта». Так, если А. Г. Дугин постоянно говорил о «Евразийской империи» во главе с Россией, то в риторике турецких националистов под евразийством подразумевался антизападный проект, главная цель которого – защита турецкого «национального государства». У турецкого евразийства нет исторических и философско-теоретических основ, в отличие от российского евразийства, опирающегося на мощную идеологическую и теоретическую базу, уходящую корнями в начало XX столетия.

Важно также, что турецкая общественно-политическая мысль отнюдь не едина в своих трактовках евразийства. Очевидные различия существуют в подходах к политическому наполнению «актуального евразийства» в Турции. Ультралевые националисты во главе с Д. Перинчеком были более близки к идее союза с неоевразийцами России ради создания антизападного «геополитического блока». В то время как правые националисты выступали с апологией пантюркистского евразийства, антироссийского по своей сути и видящего своей целью восстановление исторического влияния Турции на регион Кавказа и Центральной Азии. Примечательно, что один из лидеров турецких националистов Д. Бахчели постоянно критиковал российские неоевразийские проекты, называя евразийство А. Г. Дугина «евросийством» (*Avrusyaçılık*)²⁸.

Неясность содержания турецкого евразийства подтолкнула отдельных исследователей искать его интерпретации в деятельности международного миссионерского движения Ф. Гюлена, несмотря на секулярный характер турецкого национализма²⁹. Причина, по которой турецкое евразийство нередко связывают с движением Ф. Гюлена состоит в том, что в ряде известных проектов Ф. Гюлена широко использовалась

евразийская риторика. Так, в 1998 г. движение создает «идейно-культурную и интеллектуальную платформу» под названием «Диалог Евразия» (*Diyalog Avrasya Platformu, Uluslararası Düşünce ve Kültür Platformu*), в рамках которой должны были объединиться писатели, журналисты и ученые из России, Турции и постсоветских республик. Однако говорить о том, что «евразийская платформа» Гюлена представляла самостоятельную версию турецкого евразийства было бы преувеличением.

В конце 2000-х гг. с назначением на пост министра иностранных дел А. Давутоглу произошла серьезная коррекция внешнеполитического курса Анкары – как на идеологическом/стратегическом, так и на тактическом уровнях, что должно было отразиться и на подходах к евразийству и евразийской интеграции в Турции. У нового руководителя МИД, по-видимому, не было своей четко сформулированной «евразийской программы», поэтому связанные с евразийством сюжеты не вошли в арсенал авангардных проектов, сам А. Давутоглу нечасто высказывался насчет евразийства, однако идея не исчезла с повестки дня. В 2010 г., выступая на форуме Совета по внешнеэкономическим отношениям Турции (*Diş Ekonomik İlişkiler Kurulu – DEİK*) в Анкаре, А. Давутоглу заявил о необходимости создания союза Евразийских государств.

Однако геополитическая концептуализация Евразии у А. Давутоглу оказалась отличной от распространенной модели. В своих доктринальных текстах А. Давутоглу определил Турцию как «центральную страну», т.е. некую точку отсчета, что предполагает определенную систему геополитических координат, в рамках которой первый концентрический круг охватывает Ближний Восток и Северную Африку, а Центральная Азия отодвигается на второй план. Неслучайно макрорегион, для которого Турция должна считаться центральной, А. Давутоглу обозначает как «Афро-Евразия»³⁰. Налицо расширение традиционного представления о Евразии, характерного для предшествующего поколения турецких политиков в 1980-е и 1990-е гг., включавших в него Кавказ и Центральную Азию, и попытка использовать категории известной концепции харленда английского географа и «отца геополитики» Х. Маккиндера (1861-1947)³¹. Позиционирование Турции как центральной страны региона должно было решить задачу повышения ее статуса на шкале глобальных игроков. Популяризация идей А. Давутоглу – наиболее известная книга которого «Стратегическая глубина» выдержала рекордные 108 изданий³² – превратили его в оракула геополитической роли Турции XXI в. Между тем, концепцию «центральной страны» нельзя в полной мере назвать прорывной и новаторской. Эта метафора часто звучала из уст политиков в 1960-е и 1970-е гг., пользовалась очевидной поддержкой в среде военной элиты³³. Неслучайно «Белая книга» по вопросам обороны, обнародованная в 2000 г. Министерством национальной обороны, характеризует Турцию буквально как страну, расположенную «в центре регионов, соединяющих Европу с Азией, Черным морем, Кавказом,

25 Rusya'dan Çin'e bir örgüt // Radikal, 12/08/2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.radikal.com.tr/ek_haber.php?ek=r2&haberno=7341

26 Dugin, Aleksandr. Rus Jeopolitiği: Avrasyacı Yaklaşım / Aleksandr Dugin. İstanbul: Küre, 2003. 391 s.

27 Küllebi, Ali. The Forgotten Option: Turkish Eurasianism // Hürriyet Daily News, 23/08/2006. Mode of Access/ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hurriyetdailynews.com/the-forgotten-option-turkish-eurasianism.aspx?pageID=438&n=the-forgotten-option-turkish-eurasianism-2006-08-23>.

28 Bu sistem «Yeni Avrasyacılık» değil «Yeni Avrusyaçılık»tır // Zaman, 10/12/2004 (в рамках гонений на оппозиционные и независимые СМИ в Турции 5 марта 2016 г. крупнейшая общенациональная газета «Zaman» и ее англоязычная версия «Today's Zaman2» были переданы во внешнее государственное управление, с этого же дня on-line архив всех публикаций «Zaman2» и «Today's Zaman2», вышедших до 4 марта 2016 г., перестал быть доступен пользователям сети Интернет).

29 İmanov, Vügar. Avrasyacılık: Rusya'nın Kimlik Arayışı. İstanbul: Küre Yayınları, 2008, pp. 328-334.

30 Davutoğlu, Ahmet. Turkey's New Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // Insight Turkey, Vol. 10, Issue 1 (2008), p. 78.

31 Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Полис, 1995, № 4, с. 162-170 [Mackinder, Halford John. Geograficheskaia os' istorii (Geographical Axis of History) // Polis, 1994, No. 4, pp. 162-170]; Mackinder, Halford John. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Middlesex: Penguin Books, 1944.

32 См. данные издательства Küre Yayınları. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kureyayinlari.com/>

33 См.: Bilgin, Pınar. Only Strong States Can Survive in Turkey's Geography: The Uses of "Geopolitical Truths" in Turkey // Political Geography, Vol. 26, Issue 7 (2007), pp. 748-749.

Каспием и т. д.»³⁴. Однако концепт А. Давутоглу все же ощутимо отличался от прежних попыток простой констатации «центрального географического положения» Турции. В формулировках геополитической роли Турции XXI в., в риторике лидеров правящей ПСР, публикациях и выступлениях А. Давутоглу все отчетливее звучала тема ностальгии по османскому прошлому³⁵. Сколь искусственными бы ни были инсинуации на тему неоосманства, факт их появления и тиражирования – следствие очевидного стремления преодолеть ограниченность своего геополитического влияния. Как подчеркивал один из крупных функционеров ПСР, а ныне директор аналитического центра СТРАТИМ С. Кыныклыоглу: «обширная география от Боснии до Крыма, от Карабаха до Ирака – все это составляет османское геополитическое пространство»³⁶. Под влиянием идей неоосманства внешнеполитические амбиции Турции распространились на большую по охвату территорию мусульманского мира, преодолев сконцентрированность на тюркских республиках Центральной Азии и Кавказа, как это было ранее.

Начальный период «арабской весны» оказался крайне показательным для характеристики внешнеполитического курса Анкары. Несмотря на наращивание своего влияния в регионе и важность «турецкой модели» как отправной точки социально-политических реформ, стали очевидными пределы внешнеполитического потенциала Турции, до какого рубежа Анкара может позволить себе дойти, действуя самостоятельно. События в Ливии 2011-2012 гг. продемонстрировали, что повышение эффективности внешней политики требует от Турции кооперации и солидаризации с Западом. Сирийский кризис обнажил пределы эффективности турецкой стратегии «мягкой силы» (как в экономической, так и дипломатической сферах), когда Эрдоган, считавшийся в 2000-е гг. большим другом Башара Асада, не смог убедить сирийского лидера в необходимости реформ. Высокий уровень активности Турции в контексте «арабской весны» – с самого начала драматических событий зимой 2011 г. и вплоть до сегодняшнего дня – укрепил многих наблюдателей в наличии у правительства Эрдогана особого интереса в регионе арабо-мусульманского Ближнего и Среднего Востока³⁷.

Ближневосточный крен во внешней политике Турции и соответствующая доминанта в расширенной трактовке Евразии и евразийской политики ставил развитие отношений Турции с Россией и странами Центральной Азии в прямую зависимость от показательных успехов социально-экономического прогресса страны в 2000-е гг., «имиджевого эффекта»³⁸. При этом сконцентрированность исключительно на арабском Востоке – по сути, представляет собой демонтаж как собственно светской кемалистской Турции с ее внешнеполитическими ориентирами³⁹, так и искажение османского наследия, кото-

рое и в географическом и геополитическом плане существенно шире⁴⁰. В определенном смысле это было выражением «цивилизационной геополитики», реализацией идеи о большом потенциале, заложенном в пограничном положении Турции на стыке христианской и мусульманской цивилизаций⁴¹.

Процесс укоренения модели «цивилизационной геополитики» трансформировал распространенный в Турции концепт Евразии, в котором все большее значение стали обретать страны Ближнего Востока, оттесняя с ведущих позиций постсоветские Кавказ и Центральную Азию. Конечно, активность Турции на постсоветском пространстве впечатляет – регулярные государственные визиты в страны Центральной Азии и Кавказа турецких государственных и политических деятелей, расширение масштабов деятельности Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТИКА), подчиненного в 1999 г. непосредственно премьер-министру; масштабные частные инициативы, подобные форуму «Внешнеторговый мост Турция – Евразия», «Евразийским экономическим саммитам» и др. Однако существует и другая статистика: как подсчитали турецкие исследователи, до прихода на пост министра иностранных дел Давутоглу в 2009 г., главы турецкого МИД в правительствах ПСР (сначала Абдуххак Гюль, затем Али Бабаджан) совершили восемь визитов в Иран и Сирию и лишь один в Азербайджан – страну, являющуюся ключевым союзником Анкары в регионе⁴². Деятельность ТИКА, долгое время прочно ассоциировавшаяся с проектами в тюркских республиках Центральной Азии и Кавказа, стала расширять географию своей активности, включив в ее орбиту необъятный Африканский континент. Главные инструменты «мягкой силы» турецкой внешней политики – телеканал TRT Avaz, созданный в 2009 г. на базе прежнего TRT Avrasya, перестал быть сугубо региональным каналом, вещающим только на Центральную Азию и Кавказ (как это было в случае TRT Avrasya), а выступает полноценным международным каналом с охватом стран Ближнего и Среднего Востока. В перечне этих фактов можно увидеть фрагменты нового видения Евразии, которое оформилось в конце 2000-х гг. с идеями А. Давутоглу о Турции как «центральной стране» не только для тюркских республик на постсоветском пространстве, но и стран Большого Ближнего Востока – Афро-Евразии.

Таким образом, первая половина 1990-х гг. – период, когда активный характер внешней политики Турции по отношению к постсоветским республикам Центральной Азии и Кавказа давал немало поводов утверждать о наличии у Турции своей версии евразийского проекта. Однако динамика становления турецкого понимания Евразии была обратно пропорциональна интенсивности, а скорее даже успешности переговорного процесса с ЕС. Евразия как геополитический проект начинала активно дискутироваться в Турции именно в тот момент, когда перспективы вступления в Евросоюз снизились до крити-

34 Defense White Paper 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/154907/ipublicationdocument_singledocument/8be48d28-5065-40d4-a82c-8f001350113e/en/Turkey_2000eng.pdf

35 См.: Kalin, İbrahim. Turkey and the Middle East: Ideology or Geo-Politics? // Private View, Vol. 13 (2008), p. 26.

36 Kınıklıoğlu, Suat. The Return of Ottomanism // Today's Zaman, 20/03/2007.

37 См., например: Altunışık, Meliha B.; Martin, Lenore G. Making Sense of Turkish Foreign Policy in the Middle East under AKP // Turkish Studies, Vol. 12, Issue 4 (2011), pp. 569-587.

38 См.: Aras, Bülent; Fidan, Hakan. Turkey and Eurasia: Frontiers of a New Geographic Imagination // New Perspectives on Turkey, No. 4 (2009), pp. 202-203.

39 Criss, Nur Bilge. Dismantling Turkey: The Will of the People? // Turkish Studies, Vol. 11, Issue 1 (2010), pp. 45-58.

40 Çağaptay, Soner. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism". // Turkey Analyst, Vol. 2, No. 8 (2009) Mode of access: <http://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/164-the-akps-foreign-policy-the-misnomer-of-neo-ottomanism.html>

41 Bilgin, Pınar. A return to "Civilizational Geopolitics" in the Mediterranean? Changing Geopolitical Images of the European Union and Turkey in the post-Cold War Era // Geopolitics, Vol. 9, No. 2, (2004), pp. 269-291.

42 Çağaptay, Soner. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism". // Turkey Analyst, Vol. 2, No. 8 (2009). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/164-the-akps-foreign-policy-the-misnomer-of-neo-ottomanism.html>

ческого уровня, а Турция оказалась вынужденной искать альтернативные глобальные интеграционные проекты. Поэтому локомотивом развития «турецкого евразийства» стала не идеология, а прагматические интересы.

Внимание к евразийской проблематике сделало ее звучание в Турции полифоничным, разные политические силы формулировали свои подходы и трактовки евразийства. Содержательно оформились два магистральных направления – концепт Евразии как географического мета-пространства и турецкие версии евразийской/неоевразийской идеологии. Географическое понятие Евразии стало использоваться в разных конфигурациях (в частности, Афро-Евразия) политиками и публицистами чаще всего для обозначения особой «центральной» роли Турции в обширном регионе, объединяющем пространство современного Ближнего и Среднего Востока, Балкан, Центральной Азии и Кавказа. Тем самым концепт Евразии стал универсальным инструментом в руках общественных деятелей и политиков, которые стремились доказать «исключительное геополитическое значение» Турции для глобальной мир-системы. Идеология евразийства в этом смысле обрела более ограниченное распространение и применение, став в 2000-е гг. совокупностью идей о необходимости сближения Турции с Россией и дистанцирования от Запада.

При этом в исторической перспективе последних 25 лет – в рамках континуума постбиполярного мира – концепты Евразии и евразийства в Турции динамически менялись, демонстрируя удивительную гибкость. В 1980-е и до середины 1990-х гг. Евразия ассоциировалась практически исключительно с тюркскими республиками Центральной Азии и Кавказа. Это было временем, когда парадоксальной идеологией был тюрко-исламский синтез, и тюркизм использовался Анкарой инструментом продвижения влияния Турции в регионе. Характеризуя этот этап развития евразийских идей в Турции, его можно назвать идеалистическим.

С середины 1990-х гг. примат духовно-культурной и исторической близости Турции с тюркскими республиками Центральной Азии и Кавказа сменился прагматическим подходом с доминантой взаимных экономических интересов. Турция стала позиционировать себя как успешную модель социально-экономического и политического развития, применимую для новых независимых государств Центральной Азии и Кавказа. Для Анкары эта стратегия важна была не только в аспекте развития многоуровневых отношений с постсоветскими республиками, но и с точки зрения повышения своего статуса в иерархии мировых держав, поскольку в случае успеха геополитическое значение Турции в глазах Запада вырастало бы на порядок. Таким образом, турецкое евразийство периода второй половины 1990-х характеризуется тактическим прагматизмом: Турция переформулирует евразийскую повестку своей внешней политики, однако Евразия в ней становится не конечной целью, а всего лишь промежуточной остановкой на пути в Евросоюз.

К концу 1990-х гг. прагматизм подходов к концепту Евразии ощутимо усилился пропорционально повышению геэкономических интересов Турции в регионе. Появление разнообразных проектов энергетических коридоров по транспортировке ресурсов из тюркских республик на внешние рынки через территорию Турции задает условия для пересмотра или коррекции евразийской политики, теперь Евразия становится самостоятельной геэкономической ценностью для Турции, соответственно меняется и характер прагматических стратегий Анкары в Евразии.

В 2000-е гг. с приходом к власти ПСР Реджепа Эрдогана к сугубо экономическим интересам на постсоветском пространстве добавились политико-идеологические смыслы. Причем это был не возврат к пантюркистским идеям прошлого, а вычерчивание новой системы координат и провозглашение новых ценностей. Сближение с Россией и наращивание с ней взаимовыгодного сотрудничества стали одной из важных составляющих этого периода развития концепта Евразии в Турции (на неофициальном уровне ознаменовавшего процессом распространения идей неоевразийства), однако доминантой стала новая стратегия внешней политики с ностальгией по имперскому прошлому и реминисценциями «османского геополитического пространства». При этом идеология не вытеснила геэкономический прагматизм конца 1990-х гг. и нацеленность на максимизацию своих экономических интересов.

Иной регистр звучанию концепта Евразии в 2000-е гг. придала «цивилизационная геополитика», ставшая одной из краеугольных основ политической доктрины «стратегической глубины» Ахмета Давутоглу. Сегодня Евразия и евразийская политика для Турции⁴³ – это уже не только тюркские республики, ранее входившие в состав Советского Союза, а модель мира с Турцией как «центральным государством» макро-региона Афро-Евразии.

Пристатейный библиографический список

1. Добронравин Н. А., Ермолина М. А. В. С. Ягья: Роль Санкт-Петербурга в процессе развития евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9 (88).
2. Киреев Н. Г. Российско-турецкие отношения в контексте евразийских концепций / Российско-турецкие отношения: история, современное состояние и перспективы. М.: ИВ РАН, 2003.
3. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Политис. 1995. № 4. Mackinder, Halford John. Democratic Ideals and Reality: A Study in the Politics of Reconstruction. Middlesex: Penguin Books, 1944.
4. Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2012.
5. Шлыков П. В. Военная элита в политической системе Турецкой Республики // Элиты стран Востока. М.: Ключ-С, 2011.
6. Шлыков П. В. Куда идет Турция: метаморфозы прозападного курса развития // Современная Европа. 2013. №1 (53).
7. Acar, Özgen. Ankara-Moskova-Orta Asya Stratejik Üçgeni. // Cumhuriyet, 11/09/2001.
8. Akçali, Emel; Perinçek, Mehmet. Kemalist Eurasianism: An Emerging Geopolitical Discourse in Turkey // Geopolitics, Vol. 14, Issue 3 (2009).
9. Altunışık, Meliha B.; Martin, Lenore G. Making Sense of Turkish Foreign Policy in the Middle East under AKP // Turkish Studies, Vol. 12, Issue 4 (2011).
10. Avraysa sekilleniyor // Milliyet, 1/11/1992.
11. Aydın M. Turkey and Central Asia: Challenges of Change // Central Asian Survey, Vol. 2, Issue 15 (1996).

43 Интервью с профессором В. С. Ягьей, в котором затронут данный вопрос, см.: Добронравин Н. А., Ермолина М. А. В. С. Ягья: Роль Санкт-Петербурга в процессе развития евразийской интеграции // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9 (88). С. 8-12.

12. Baran, Zeyno. The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Implications for Turkey // The Baku-Tbilisi-Ceyhan Pipeline: Oil Window to the West. Front Cover. S. Frederick Starr, Svante E. Cornell. Central Asia-Caucasus Institute, 2005.
13. Bilgin, Pinar. A return to "Civilizational Geopolitics" in the Mediterranean? Changing Geo-political Images of the European Union and Turkey in the post-Cold War Era // Geopolitics, Vol. 9, No. 2, (2004).
14. Bilgin, Pinar. Only Strong States Can Survive in Turkey's Geography: The Uses of "Geopolitical Truths" in Turkey // Political Geography, Vol. 26, Issue 7 (2007).
15. Bu sistem "Yeni Avrasyacılık" değil "Yeni Avrasyacılık"tır // Zaman, 10/12/2004.
16. Çağaptay, Soner. The AKP's Foreign Policy: The Misnomer of "Neo-Ottomanism". // Turkey Analyst, Vol. 2, No. 8 (2009) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.turkeyanalyst.org/publications/turkey-analyst-articles/item/164-the-akps-foreign-policy-the-misnomer-of-neo-ottomanism.html>
17. Cem, İsmail. Turkey in the New Century: speeches and texts (1995-2001) / İsmail Cem. Rustem: Nicosia, Mersin 2001.
18. Criss, Nur Bilge. Dismantling Turkey: The Will of the People? // Turkish Studies, Vol. 11, Issue 1 (2010), pp. 45-58.
19. Davutoğlu, Ahmet. Stratejik Derinlik / Ahmet Davutoğlu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001, s. 52-58.
20. Davutoglu, Ahmet. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu / Ahmet Davutoglu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.
21. Davutoğlu, Ahmet. Türkiye Merkez Ülke Olmalı // Radikal, 26/02/2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.radikal.com.tr/haber.php?haberno=107581>
22. Defense White Paper 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mercury.ethz.ch/serviceengine/Files/ISN/154907/ipublicationdocument_singledocument/8be48d28-5065-40d4-a82c-8f001350113e/en/Turkey_2000eng.pdf
23. Değişen Dünya ve Türkiye // Milliyet, 12/12/1991, s. 12, 19. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazetearsivi.milliyet.com.tr/GununYayinlari/tm2BC-wIolnBK62fQPT2F8w_x3D_x3D_
24. Dugin, Aleksandr. Rus Jeopolitiği: Avrasyacı Yaklaşım / Aleksandr Dugin. İstanbul: Küre, 2003. 391 s.
25. Dugin: Türkiye ve Avrasya // Zaman, 18/07/2004.
26. Eranlı, Büşra. Can Eurasia Be an Identity Issue for Turkish Foreign Policy? // Turkish Views on Eurasia / editor İsmail Soysal, assistant editor Sevsen Aslantep. İstanbul: Foundation for Middle East and Balkan Studies, 2001.
27. İlhan, Attilâ. Sultan Galiyef: Avrasya'da Dolaşan Hayalet / Attilâ İlhan. İstanbul: Türkiye İş Bankası Kültür Yayınları, 2000. 320 s.
28. İmanov, Vügar. Avrasyacılık: Rusya'nın Kimlik Arayışı. İstanbul: Küre Yayınları, 2008.
29. Journal of Academic Studies – Euro / Asia. Special Issue 6/23 (2004-2005).
30. Kalın, İbrahim. Turkey and the Middle East: Ideology or Geo-Politics? // Private View, Vol. 13 (2008), p. 26.
31. Kılınç: AB'den destek yok, Doğu'ya bak // Hürriyet, 07/03/2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hurriyet.com.tr/kilinc-abden-destek-yok-doguya-bak-58353>
32. Kınıklioğlu, Suat. The Return of Ottomanism // Today's Zaman, 20/03/2007.
33. Külebi, Ali. The Forgotten Option: Turkish Eurasianism // Hürriyet Daily News, 23/08/2006. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hurriyetdailynews.com/the-forgotten-option-turkish-eurasianism.aspx?pageID=438&n=the-forgotten-option-turkish-eurasianism-2006-08-23>
34. Kut, Şule. The Contours of Turkish Foreign Policy in the 1990s // Turkey in World Politics: An Emerging Multiregional Power. / Edited by Barry Rubin & Kemal Kirişçi. İstanbul: Boğaziçi University Press, 2002, pp. 8-10.
35. Landau, Jacob M. Pan-Turkism: From Irredentism to Cooperation. London: Hurst & Company, 1995.
36. Mango, Andrew. Turkish Model // Middle Eastern Studies, Vol. 29, Issue 4 (1993).
37. Özdoğan, Günay Gökse. Turan'dan 'Bozkurt'a: Tek Parti Döneminde Türkçülük (1931-1946). İstanbul: İletişim Yayınları, 2002.
38. Perinçek, Doğu. Avrasya Seçeneği: Türkiye İçin Bağımsız Dış Politika / Doğu Perinçek. İstanbul: Kaynak, 1996. 136 s.
39. Perinçek, Mehmet. Avrasyacılık: Türkiye'deki Teori ve Pratiği / Mehmet Perinçek. Ankara: Bilgi, 2006.
40. Robins, Philip. Between Sentiment and Self-Interest: Turkey's Policy Toward Azerbaijan and the Central Asian States // The Middle East Journal, Vol. 47, Issue 4 (1993).
41. Rusya Federasyonu ile Türkiye Cumhuriyeti arasında Avrasya'da İşbirliği Eylem Planı (İkili İşbirliğinden Çok Boyutlu Ortaklığa) // Rusya Federasyonu'nun Türkiye Büyükelçiliği. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.turkey.mid.ru/relat_2_t.html.
42. Rusya'dan Çin'e bir örgüt // Radikal, 12/08/2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.radikal.com.tr/ek_haber.php?ek=r2&haberno=7341
43. Sözen, Ahmet. A Paradigm Shift in Turkish Foreign Policy: Transition and Challenges // Turkish Studies, Vol. 11, Issue 1 (2010).
44. Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK (Washington DC, 2 June 2009) / Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mfa.gov.tr/minster_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa
45. Taşpınar, Ömer. Batı'ya Kızgınlık Büyüyor // Radikal, 27/07/2005. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.radikal.com.tr/yorum/batiya-kizginlik-buyuyor-753072/>
46. TBMM'yi yoğun gündem bekliyor // Milliyet, 31/08/1994, s. 17.
47. Türkiye'nin Türk dünyasında "ağabey" değil 'ekonomik partner' olduğu vurgulandı // Milliyet, 6/10/1999, s. 18.
48. Uslu, Emrullah. Ulusalçılık: The Neo-nationalist Resurgence in Turkey // Turkish Studies, Vol. 9, Issue 1 (2008).
49. Winrow, Gareth M. Turkey in Post-Soviet Central Asia. London: Royal Institute of International Affairs, Russia and CIS Programme, 1995. 53 p.
50. Yavuz, Hakan. Turkish Identity and Foreign Policy in Flux: The Rise of Neo-Ottomanism // Middle East Critique, Vol. 7, Issue 12 (1998).
51. Zirvede sıkıntı // Milliyet, 31/10/1992.

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права и прав человека Юридического института Московского городского педагогического университета

ПРИНЦИП НЕПРИМЕНЕНИЯ СИЛЫ ИЛИ УГРОЗЫ СИЛОЙ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена продолжению дискуссии на страницах ЕЮЖ по одной из ключевых проблем современных международных отношений и международного права. Рассматриваются теоретико-правовые проблемы неприменения силы или угрозы силой в контексте трансформации мирового правопорядка, а также в условиях усиления глобальных процессов и необходимости перехода к устойчивому развитию.

Делается вывод, что в условиях кардинально изменяющихся общественных отношений необходимо формирование новой несиловой модели международных отношений, исключающей применение государствами силы или угрозы силой. В указанном контексте определяются основные направления прогрессивного развития международного права.

Ключевые слова: глобальные процессы, глобальные проблемы, глобальное управление, устойчивое развитие, модели международных отношений, международное право, неприменение силы или угрозы силой, принудительные меры военного характера, право на самооборону государств, прогрессивное развитие международного права.

BURYANOV Sergey Anatoljevich

Ph.D. in Law, associate professor of International Law and Human Rights sub-faculty of the Law Institute of the Moscow City Pedagogical University

THE PRINCIPLE OF NON-USE OF FORCE OR THREAT OF FORCE IN THE CONDITIONS OF STRENGTHENING OF GLOBAL PROCESSES

The article is devoted to further discussion in the pages of AUG one of the key problems of modern international relations and international law. Deals theoretical-legal problems of non-use of force or threat of force in the context of transformation of the global order, as well as in the conditions of strengthening of global processes and the necessity of transition to sustainable development.

It is concluded that in the context of dramatically changing public relations it is necessary to form a new soft-model of international relations that excludes States' use of force or threat of force. In the context of defined the main directions of progressive development of international law.

Keywords: global processes, global problems, global governance, sustainable development, models of international relations, international law, non-use force or threat of force, coercive measures of a military nature, the right to self-defence States, the progressive development of international law.

Бурьянов С. А.

В XXI в. человечество живет в мире глобальных процессов – непрерывно возрастающего усложнения, взаимопроникновения, взаимозависимости и открытости взаимодействий во всех сферах в планетарном масштабе¹.

Объективно глобальные процессы направлены на формирование единой планетарной социально-природной системы. Однако субъективно человечество оказалось к этому не вполне готовым, что наиболее наглядно проявляется в виде вооруженных конфликтов, количество которых отнюдь не уменьшается. В случае развязывания новой мировой войны с применением ядерного оружия количество жертв может сравниться с числом жителей планеты.

Сегодня становится все более очевидным, что мировая социальная система разбалансирована вследствие неравномерности развития составляющих подсистем, и это лежит в основе глобальных проблем, угрожающих самому существованию человеческой цивилизации.

Наряду с динамичным развитием финансово-экономической², информационной³, культурной⁴, наблюдается отставание в

1 Более подробно см.: Бурьянов С. А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашука // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 63-67.

2 Фархутдинов И. З. Соотношение международного и национально-правового регулирования иностранных инвестиций в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 8-17; Фархутдинов И. З. Доступ и защита иностранных инвестиций в международном праве // Журнал российского права. – 2005. – № 2 (98). – С. 119-130; Фархутдинов И. З. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика: Дис. ... докт. юридич. наук. – М., 2006. – С. 35-44.

3 Семенов Е. Е. Информационная глобализация и ее влияние на трансформацию социальных связей в современном мире // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2010. – Т. 16, № 1. – С. 130-134; Химченко А. И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: Дис. автореф. ... канд. юридич. наук. – М., 2014. – С. 10-12.

4 Залесский С. В. Культурное многообразие человечества в условиях глобализации. Дис. ... канд. культурологии. – М., 2006. – С. 152; Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – С.332.

развитии политической⁵, правовой⁶ и образовательной⁷ подсистем.

Многие исследователи пишут, что современные нормы и управленческие институты безнадежно устарели и оказались не способны к администрированию социальных и социально-природных кризисов в кардинально изменившихся условиях⁸. Более того, есть вероятность, что переход точки сингулярности сделает глобальные процессы окончательно неуправляемыми и необратимыми⁹.

В указанном контексте вновь крайне актуализировалась дискуссия о современном состоянии и перспективах управления глобальными процессами в целях устойчивого развития, решения глобальных проблем, и в конечном итоге – о перспективах выживания цивилизации.

Устойчивое развитие (англ. sustainable development) – процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений¹⁰.

По мнению Д. И. Ромасевича модель устойчивого глобального развития, понимается как поддерживающее, длительное, непрерывное, защищаемое развитие. «Такая модель может быть определена как стратегия социоприродного глобального развития, которая направлена на обеспечение выживания и непрерывный прогресс общества и не разрушающая при этом окружающую природную среду, особенно биосферу»¹¹. А. Д. Урсул связывает необходимость глобального перехода к устойчивому развитию ноосферной ориентации со становлением коэволюционных отношений с природой¹².

Концепция устойчивого развития разрабатывалась основным в 1968 г. Римским клубом, и нашла свое отражение в итоговых документах Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию (ЮНЕД). В сентябре 2015 года на 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН, посвященной устойчивому развитию, была утверждена

итоговая повестка глобального развития на период после 2015 года. Новая повестка предполагает достижение 17 целей и 169 задач¹³.

Однако, формирование адекватной системы управления глобальными процессами в целях устойчивого развития и решения глобальных проблем не может быть оторвано от текущих теоретических и практических проблем международных отношений и современного состояния международного права.

В указанном контексте крайне актуальной представляется дискуссия об эффективности универсальных норм и институтов в ключевых сферах, одной которых является проблема неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях.

Устав Организации Объединенных Наций, наряду с иными нормами, закрепил в качестве основополагающих начал международного права взаимосвязанные принципы: разрешения международных споров мирными средствами; воздержания от угрозы силой и ее применения; обеспечения выполнения этих принципов всеми государствами для поддержания международного мира и безопасности.

К закреплению этих принципов в качестве ядра международной нормативной системы человечество шло через череду кровавых войн и дипломатических ошибок, от права войны (jus ad bellum) XVII в. до принятия Устава ООН в середине XX века¹⁴. И, наконец, сегодня в XXI в. в условиях усиления глобальных процессов и проблем возникла жизненная необходимость их прогрессивного развития.

Трактат «Три книги о праве войны и мира» (De jure belli ac pacis libri tres) Гуго Гроция от 1625 г. стал одной из основ классического международного права.

Нельзя не отметить фундаментальную роль Гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. Итогом работы Гаагской конференции 1899 г. стали три конвенции (о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях сухопутной войны, о применении к морской войне начал Женевской конвенции 10 августа 1864 года) и три декларации (о запрещении на пятилетний срок метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров или при помощи иных подобных новых способов, о неупотреблении снарядов, имеющих единственным назначением распространять удушающие или вредоносные газы, о неупотреблении пуль, легко разворачивающихся или сплюсчивающихся в человеческом теле).

На Гаагской мирной конференции 1907 г. участники приняли тринадцать конвенций (о мирном решении международных столкновений, об ограничении в применении силы при взыскании по договорным долговым обязательствам, об открытии военных действий; о законах и обычаях сухопутной войны, о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны, о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий, об обращении торговых судов в суда военные, о постановке подводных, автоматически взрывающихся от соприкосновения мин, о бомбардировании морскими силами во время войны, о применении к морской войне начал Женевской конвенции, о некоторых ограничениях в пользовании правом захвата в морской войне,

5 Барabanов О. Н., Голицын В. А., Терещенко В. В. Глобальное управление. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – С. 5-17; Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов: Дис. ... докт. полит. наук. – М., 2011. – С. 5-17.

6 Курчев В. С., Болотникова О. В., Герасимов Ю. Е. Теоретические основы систематизации права в условиях глобализации. Новосибирск. 2008. – С. 7-15.

7 Лиферов А. П. Основные тенденции интеграционных процессов в мировом образовании: Дис. ... докт. пед. наук. Рязань, 1997. – С. 7; Мясников В. А., Найденова Н. Н., Тагунова И. А. Образование в глобальном измерении: монография. М., ИТИПРАО, 2009. – С. 20; Урсул А. Д., Урсул Т. А. Образование в интересах устойчивого развития: первые результаты, проблемы и перспективы // Социодинамика. – 2015. – № 1. – С. 11-74. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.1.14001.

8 Бурьянов С. А. IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10 (89). – С. 348-353.

9 Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурнопсихологические предпосылки глобального прогнозирования. – М.: Издательство МБА, 2013. – С. 33.

10 Волков В. В. Философия: основные проблемы, понятия, термины. Учебное пособие. СПб.: Ленанд, 2015. – 136 с. – С. 53.

11 Ромасевич Д. И. Глобальные проблемы современности и экологическая политика России: Дис. ... канд. политич. наук. – М., 2006. – С. 8.

12 Урсул А. Д. В. И. Вернадский и ноосферные перспективы глобального направления науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/41510.html> (дата обращения: 17.09.2016).

13 Бурьянов С. А. IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10 (89). – С. 348-353.

14 Фархутдинов И. З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 34-38.

об учреждении Международной призывной палаты, о правах и обязанностях нейтральных держав в случае морской войны), а также одну декларацию о запрещении метания снарядов и взрывчатых веществ с воздушных шаров.

Так как государства традиционно предпочитали решать споры военными методами, то третья Гагская конференция, намеченная на 1915 г., не состоялась из-за Первой мировой войны.

Лига Наций, основанная в 1919-1920 гг. стремилась к безопасности, разоружению, решению споров мирными средствами, но также не смогла предотвратить очередную мировую войну.

Впервые в истории запрет на применение силы в международных отношениях был юридически закреплен в Уставе ООН уже после завершения Второй мировой войны в 1945 году. Отклонение от данной нормы допускается только на основании решений Совета Безопасности ООН и для самообороны государств.

В дальнейшем некоторое развитие принципа воздержания от угрозы силой и ее применения произошло в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом ООН от 1970 г., в Заключительном акте СБСЕ от 1975 г., в Декларации об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях от 1987 г.

Однако, как показывает практика, воплощение принципа воздержания от угрозы силой и ее применения столкнулось с целым рядом проблем, свидетельствующих о крайне низкой эффективности международных норм и институтов, что, в свою очередь, препятствует формированию системы управления глобальными процессами в целях устойчивого развития.

Прежде всего, проблемы связаны с механизмом вынесения решений Советом Безопасности ООН. СБ по Уставу ООН в случае установления угрозы миру может вынести решение о мерах принуждения к правонарушителю, в т.ч. военные меры. На самом деле данный механизм может работать эффективно только в случае консолидированной позиции постоянных членов СБ ООН (Великобритании, КНР, России, США, Франции). В частности, с этой целью был создан Военно-штабной комитет из числа представителей данных государств.

В силу особенностей устройства Совета Безопасности, среди которых «право вето» постоянных членов, принятие решения о применении принудительных мер военного характера весьма затруднительно. Если 25 сентября 1992 г. СБ ООН была принята резолюция, предусматривающая применение вооруженных сил в связи с агрессией Ирака против Кувейта, то в 1994 г. резолюция по ситуации в Руанде была заблокирована США¹⁵. Понятно, что в условиях прошедшей «холодной войны» и нынешней «международной нестабильности» (новой «холодной войны»?) эффективность данного механизма устремляется к нулю.

Это значит, что концепция международной безопасности, основанная на особых полномочиях «великих держав» (постоянных членов СБ ООН), выступающих в роли «мировых полицейских», и сформированная по результатам Второй мировой войны, нуждается в развитии.

Действительно, после Второй мировой войны была создана всемирная система коллективной безопасности под эгидой Организации Объединенных Наций, которая лишь отчасти справилась с задачей «избавить грядущие поколения от бедствий войны». «Система коллективных мероприятий, предусмотренная Уставом ООН, охватывает: меры по запрещению угрозы силой или ее применения в отношениях между государствами (п. 4 ст. 2); меры мирного разрешения международных споров (гл. VI); меры разоружения (ст. 11, 26, 47); меры по использованию региональных организаций безопасности (гл. VIII); временные меры по пресечению нарушений мира (ст. 40); принудительные меры безопасности без использования вооруженных сил (ст. 41) и с их использованием (ст. 42)»¹⁶.

Право на индивидуальную или коллективную самооборону государств подразумевает возможность применения силы в качестве ответа на вооруженное нападение, при условии соблюдения норм и процедур ООН.

Однако, и здесь на практике возникают проблемы в определении понятия «вооруженное нападение», а также его содержания и его субъектов. Кроме проблем определения четких критериев недоступности применения мирных средств, а также соблюдения принципов необходимости и соразмерности¹⁷, весьма дискуссионным является вопрос о применении упреждающих ударов в качестве превентивной самообороны.

По мнению И. З. Фархутдинова, на смену принципиального запрета войны приходит новая доктрина «превентивной» войны как способа устранения международных угроз. В частности, ««Стратегия национальной безопасности США» 2002 г. (ее обновленный вариант в редакции 2006 г.) предусматривает проведение военных операций за пределами их границ, в том числе без санкции Совета Безопасности ООН»¹⁸.

Фактически данная доктрина «направлена на расширение политики самообороны, основанной на угрозе негосударственных террористических групп и «государств-изгоев», спонсирующих такие группы»¹⁹.

При этом, резолюции Совета Безопасности 1368 (2001) и 1373 (2001) поддерживают позицию, о том, что самозащита уместна при предотвращении масштабных террористических атак, таких как в Нью-Йорке и Вашингтоне 11 сентября 2001 года²⁰. Например, акция в Афганистане была проведена в октябре 2001 года, чтобы упредить нападения со стороны Аль-Каиды²¹.

Комплекс проблем, препятствующих соблюдению принципа неприменения силы, связанных с реализацией права государств на самооборону, среди прочего усугубляется на

15 Лукашук И. И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 31.

16 Бирюков Н. П., Бурьянов С. А. Инсур Фархутдинов: Обеспечение мира и безопасности в Евразии (Международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором Евразийского юридического журнала Инсуром Забировичем Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10 (89). – С. 8-15.

17 Фархутдинов И. З. Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 99.

18 Фархутдинов И. З. Международное право и доктрина США о превентивной самообороне // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 2 (93). – С. 24.

19 Там же. – С. 29.

20 Фархутдинов И.З. Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 99.

21 Фархутдинов И. З. Международное право о применении государством военной силы против негосударственных участников // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 59-76.

личием «антитеррористического» пакета международных документов. Фактически, в силу отсутствия юридически корректного определения понятия «терроризм», упомянутые документы в значительной мере основаны на термине не вполне соответствующим принципу правовой определенности и требованиям современной юридической техники. На практике это означает противоречие принципу верховенства международного права, способствует произволу и насилию в международных отношениях.

Напомним, что Декларация об усилении эффективности принципа отказа от угрозы силой или ее применения в международных отношениях, принятая резолюцией 42/22 Генеральной Ассамблеи 18 ноября 1987 года, подтвердила принцип, «согласно которому государства в своих международных отношениях воздерживаются от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства», а также «каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций». Особо подчеркнуто, что этот принцип является универсальным и «никакие соображения не могут использоваться в качестве оправдания угрозы силой или ее применения в нарушение Устава» - нарушения данного принципа влекут за собой международную ответственность.

При этом, отмечено, что «государства имеют неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение, как это предусмотрено Уставом».

Также государства обязаны: «не побуждать, не поощрять и не оказывать содействие другим государствам в применении силы или угрозы силой», «воздерживаться от организации, подстрекательства, пособничества или участия в полувоенных, террористических или подрывных действиях, включая действия наемников, в других государствах и от потворствования организованной деятельности, направленной на совершение таких действий, в пределах своей территории», «воздерживаться от вооруженного вмешательства и всех других форм вмешательства или попыток угрозы, направленных против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ», «государства обязаны воздерживаться от пропаганды агрессивных войн».

Более того, «ни одно государство не должно применять или поощрять применение экономических, политических или каких-либо других мер с целью добиться подчинения себе другого государства в осуществлении им своих суверенных прав и получения от этого каких бы то ни было преимуществ».

Однако, на практике, в условиях традиционного доминирования национальных интересов над интересами мирового сообщества, комплекс упомянутых выше проблем позволяет некоторым государствам осуществлять соответствующую силовую геополитику, сводя на нет усилия по сохранению мира и безопасности, в конечном итоге делая невозможным переход к устойчивому развитию.

Ссылаясь на ранжирование 192 государств по 13 параметрам в Политическом атласе²², В.В. Шишков отмечает серьезное неравенство возможностей международного влияния. «Лидером являются США, за которыми следует группа государств, претендующих на влияние в глобальном масштабе, – Китай, Япония, ведущие государства Европы (Германия,

Франция, Великобритания), Россия, Индия. Затем государства региональные или отраслевые лидеры (например, финансового, политического и/или идеологического влияния): Саудовская Аравия, КНДР, Турция, Республика Корея, Бразилия, Пакистан, Иран, Мексика, Египет, Индонезия и др.»²³.

В этих реалиях Джованни Арриги предсказывает в качестве наиболее вероятного сценария «необратимый распад системы или системный хаос» международных отношений, который «произойдет, прежде всего, из-за американского нежелания приспособляться к меняющимся условиям»²⁴. По мнению исследователя, «американское приспособление служит важным условием для некатастрофического перехода к новому мировому порядку». Однако, в условиях дефицита доверия, приходится наблюдать нелепую опору на «право силы» в традициях гегемонии, а не на «силу права». При этом очевидно, что в новых условиях глобализации общественных отношений гегемония в принципе не способна решать противоречия современного мира.

В частности, в современном мире наблюдается тенденция, в соответствии с которой за национальными интересами государств фактически стоят интересы узких групп. Соответственно, одним из следствий дисбаланса политической сферы является социальная дифференциация, которая проявляет себя как на мировом, так и на внутригосударственном уровнях.

Прежде всего, речь идет о «золотом миллиарде» людей, живущих в наиболее богатых странах Западной Европы, Северной Америки, некоторых стран Юго-Восточной Азии. Кроме того, имеются данные о значительном имущественном расслоении практически во всех государствах мира.

По данным исследований Всемирного банка, неравенство становится избыточным начиная с уровня 30–40% для коэффициента Джини. Избыточным принято называть неравенство, которое не просто очень глубокое (глубокое неравенство – необязательно синоним избыточного), но которое, начиная с определенного уровня, играет уже не стимулирующую, а дестимулирующую роль в экономике и вызывает негативные социальные и экономические последствия»²⁵.

Кроме того, по данным экспертных организаций к 2016 году разрыв между богатыми и бедными в современном мире еще больше увеличился. На этом фоне не менее впечатляющими являются данные о непрерывной и затратной гонке вооружений. Наука лишь подтверждает известные истины, что социальное неравенство не делает людей счастливыми, а общество стабильным²⁶.

Считаю, что одним из важнейших условий преодоления упомянутых проблем, является необходимость реформирования доминирующей сегодня однополярной модели международных отношений, лежащей в основе формирующейся тупиковой системы глобального управления. А для этого не-

23 Шишков В. В. Анализ предпосылок формирования неоимперских центров в XXI веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. – № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. – С. 199.

24 Арриги Дж. Глобальное правление и гегемония в современной мировой системе // Прогнозис. – 2008. – № 3 (15). – С. 16-17.

25 Салмина А. А. Избыточное неравенство и экономический рост // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л.М. Григорьева и С.Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – С. 87.

26 Федотова И. Социальное неравенство делает людей несчастными. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opes.ru/1712199.html> (дата обращения: 17.09.2016).

22 Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.

обходимо исследование и учет тех процессов, которые в значительной мере предопределяют параметры данной системы. В конечном итоге это значит, что необходимо преодолеть отставание развития научно-образовательной, а затем правовой и политической подсистем общества.

В указанном контексте нельзя не согласиться с мнением о необходимости повышения эффективности норм международного права, в т.ч. с целью возвращения прежнего авторитета ООН, что невозможно без реализации принципа неприменения силы или угрозы силой. Кроме того, представляется крайне важным, что исследователь связывает возможность решения данных проблем с трансформацией общественной модели мироустройства. В частности, он подчеркивает, что «только отказ от тупиковой однополярной модели, навязываемой миру США, может способствовать повышению эффективности принципа неприменения военной силы и угрозы силой»²⁷.

При очевидной неприемлемости однополярной, вопрос о наиболее оптимальной теоретической модели международных отношений, соответствующей нормам международного права и современным реалиям усиления глобальных процессов, остается открытым.

В качестве отправной точки для продолжения дискуссии, можно взять позицию И. И. Лукашук, считающего, что новый мировой порядок²⁸ должен быть основан на принципах демократии, общепризнанных прав человека и верховенстве права²⁹. «Для решения глобальных проблем необходимо обеспечить достаточно высокий уровень управления мировой системой в целом», что означает, с одной стороны «расширение полномочий в международной области территориальных подразделений государства, что дает возможность полнее учитывать их особые интересы и тем самым не только повысить уровень управляемости, но и ослабить центробежные тенденции», а с другой – «углубление международного взаимодействия государств, ведущее к росту роли и расширению полномочий международных организаций»³⁰.

Известный исследователь научно обоснованно полагает, что прогрессивное развитие современного международного права должно следовать в русле коренных изменений мировой системы, где, прежде всего, речь идет о «переходе от военно-политической к политикоэкономической основе мирового порядка»³¹.

27 Фархутдинов И. З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 38.

28 Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С. 115-128; Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век / Лукашук И. И. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.; Лукашук И. И. Глобалистика: новый уровень мышления // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 71; Лукашук И. И. Мировой порядок XXI века. (Глобализация) // Международное публичное и частное право. – 2002. – № 1. – С. 4-10.

29 Бурьянов С. А. Значение и перспективы международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии, в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91). – С. 25-28; Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 152.

30 Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С.23.

31 Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – С. 245.

Заслуживает внимания работа И. А. Умновой, в которой предлагается формирование права мира, как новой отрасли публичного права. За основу автором взяты: «общепризнанные принципы и нормы международного, а также конституционного и других отраслей публичного национального права, направленные на защиту мира как высшей ценности и связанные с реализацией права на мир, механизмом защиты мира и безопасности»³².

В качестве вывода можно отметить, что в условиях кардинально изменяющихся общественных отношений необходимо формирование новой несиловой модели международных отношений, исключающей применение государствами силы или угрозы силой. «На смену балансу сил должен прийти баланс интересов»³³.

В противном случае формирование адекватной системы глобального управления станет невозможным, как и переход к устойчивому развитию.

Пристатейный библиографический список

1. Арриги Дж. Глобальное правление и гегемония в современной мироземле // Прогнозис. – 2008. – № 3 (15). – С. 16-17.
  2. Барабанов О. Н., Голицын В. А., Терещенко В. В. Глобальное управление. – М.: МГИМО-Университет, 2006. – 253 с.
  3. Бурьянов С. А. Будущее международного права в условиях глобализации общественных отношений через призму творческого наследия Игоря Ивановича Лукашук // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 63-67.
  4. Бурьянов С. А. Значение и перспективы международно признанных прав человека, включая свободу мысли, совести и религии, в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 12 (91). – С. 25-28.
  5. Бурьянов С. А. IV Международный научный конгресс «Глобалистика-2015»: перспективы развития международного права в условиях глобализации общественных отношений // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10 (89). – С. 348-353.
  6. Бирюков Н. П., Бурьянов С. А. Инсур Фархутдинов: Обеспечение мира и безопасности в Евразии (Международно-правовая оценка событий в Сирии). Интервью с доктором юридических наук, главным редактором Евразийского юридического журнала Инсуром Забировичем Фархутдиновым // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 10 (89). – С. 8-15.
  7. Волков В. В. Философия: основные проблемы, понятия, термины. Учебное пособие. – СПб.: Ленанд, 2015. – 136 с.
  8. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2014 год / под ред. Л. М. Григорьева и С. Н. Бобылева. – М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2014. – 204 с.
- 32 Умнова И. А. Право мира: философское и юридическое измерения. – М., 2011. – С. 3-8.
- 33 Фархутдинов И. З. Международное право о применении государством военной силы против негосударственных участников // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 75.

9. Залесский С. В. Культурное многообразие человечества в условиях глобализации. Дис. ... канд. культурологии. – М., 2006. – 165 с.
10. Ильин И. В. Глобалистика в контексте политических процессов: Дис. ... докт. полит. наук. – М., 2011. – 428 с.
11. Курчеев В. С., Болотникова О. В., Герасимов Ю. Е. Теоретические основы систематизации права в условиях глобализации. Новосибирск, 2008. – 144 с.
12. Лиферов А. П. Основные тенденции интеграционных процессов в мировом образовании: Дис. ... докт. пед. наук. Рязань, 1997. – 336 с.
13. Лукашук И. И. Взаимодействие международного и внутригосударственного права в условиях глобализации // Журнал российского права. – 2002. – № 3. – С. 115-128.
14. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. – М.: Спарк, 2000. – 279 с.
15. Лукашук И. И. Глобалистика: новый уровень мышления // Российская юстиция. – 2003. – № 5.
16. Лукашук И. И. Международное право. Общая часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клавер, 2005. – 415 с.
17. Лукашук И. И. Международное право: особенная часть: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. Лукашук И. И. – М.: Волтерс Клавер, 2005. – 517 с.
18. Лукашук И.И. Мировой порядок XXI века. (Глобализация) // Международное публичное и частное право. – 2002. – № 1. – С. 4-10.
19. Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
20. Мясников В. А., Найденова Н. Н., Тагунова И. А. Образование в глобальном измерении: монография. – М., ИТИПРАО, 2009. – 512 с.
21. Назаретян А. П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурнопсихологические предпосылки глобального прогнозирования. – М.: Издательство МБА, 2013. – 440 с.
22. Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М.: МГИМО-Университет, 2007. – 272 с.
23. Ромасевич Д. И. Глобальные проблемы современности и экологическая политика России: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2006. – 148 с.
24. Семенов Е. Е. Информационная глобализация и ее влияние на трансформацию социальных связей в современном мире // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2010. – Т. 16. N 1. – С. 130-134.
25. Умнова И. А. Право мира: философское и юридическое измерения. – М., 2011. – 180 с.
26. Урсул А. Д., В. И. Вернадский и ноосферные перспективы глобального направления науки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/41510.html> (дата обращения: 17.09.2016).
27. Урсул А. Д., Урсул Т. А. Образование в интересах устойчивого развития: первые результаты, проблемы и перспективы // Социодинамика. – 2015. – № 1. – С.11-74. DOI: 10.7256/2409-7144.2015.1.14001.
28. Фархутдинов И. З. Доступ и защита иностранных инвестиций в международном праве // Журнал российского права. – 2005. – № 2 (98). – С. 119-130.
29. Фархутдинов И. З. Международное право о применении государством военной силы против негосударственных участников // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 59-76.
30. Фархутдинов И. З. Международное право о принципе неприменения силы или угрозы силой: история и современность // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 11 (90). – С. 34-38.
31. Фархутдинов И. З. Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 91-100.
32. Фархутдинов И. З. Международное право и доктрина США о превентивной самообороне // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 2 (93). – С. 23-31.
33. Фархутдинов И. З. Международно-правовое регулирование инвестиционных отношений: теория и практика: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2006. – 390 с.
34. Фархутдинов И. З. Соотношение международного и национально-правового регулирования иностранных инвестиций в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – 190 с.
35. Федотова И. Социальное неравенство делает людей несчастными [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opes.ru/1712199.html> (дата обращения: 17.09.2016).
36. Химченко А. И. Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: Дис. автореф. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – 23 с.
37. Шишков В. В. Анализ предпосылок формирования неоимперских центров в XXI веке // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. – № 3 (17): в 2-х ч. Ч. I. – С. 196-200.

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД России

БЕКЯШЕВ Камиль Абдулович

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЫБОЛОВСТВОМ В СРЕДИЗЕМНОМ И КАРИБСКОМ МОРЯХ

В статье рассмотрены международно-правовые нормы, закрепленные в региональных договорах, регламентирующих рыболовство в Средиземном и Карибском морях. Выявлены проблемы такого регулирования. Разработаны рекомендации по совершенствованию международно-правового управления рыболовством в этих морях. Подготовлены предложения по защите интересов Российской Федерации в процессах, связанных с развитием международно-правового регулирования рыболовства в замкнутых или полузамкнутых морях.

Ключевые слова: замкнутые или полузамкнутые моря, Средиземное море, Карибское море, международно-правовой режим, рыболовство, управление, региональные международные договоры.

BEKYASHEV Damir Kamilevich

Ph.D. in Law, associate professor of International Law sub-faculty of the MGIMO (U) of the MFA of Russia

BEKYASHEV Kamil Abdulovich

Ph.D. in Law, professor, Head of International Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF FISHERIES MANAGEMENT IN MEDITERRANEAN AND CARIBBEAN SEAS

The article describes the norms of international regional agreements on fisheries in the Mediterranean and Caribbean seas. It was marked by problems such regulation. The recommendations for improving international legal fisheries management in these seas are made. The proposals for the protection of the interests of the Russian Federation in the processes of the development of international legal regulation of fisheries in a closed or semi-enclosed seas are prepared.

Ключевые слова: enclosed or semi-enclosed seas, Mediterranean sea, Caribbean sea, international legal regime, fisheries, control, regional international treaties.

Бекяшев Д. К.

Бекяшев К. А.

Средиземное и Карибское моря являются замкнутыми или полузамкнутыми морями. В статье, опубликованной в «Евразийском юридическом журнале» (№ 8 (99) за 2016 г.) мы рассматриваем понятие и правовой режим замкнутых или полузамкнутых морей¹. В данной статье еще раз подчеркнем, что государства, омываемые этими морями, либо непосредственно либо через соответствующую региональную организацию должны стремиться координировать управление морскими живыми ресурсами, их сохранение и эксплуатацию.

В настоящей статье рассмотрены международно-правовые механизмы управления промыслом живых ресурсов в Средиземном и Карибском морях, а также существующие, на наш взгляд, проблемы такого регулирования.

I. Международно-правовое управление рыболовством в Средиземном море.

По своим географическим характеристикам Средиземное море является межматериковым морем, соединенным с Атлантическим океаном Гибралтарским проливом.

Общая промысловая биомасса Средиземного моря оценивается в объеме более 1,5 млн. т. Основными промысловыми видами являются тунец, кефаль, анчоусы, скумбриевые, сельдевые, моллюски и головоногие.

Соглашение об учреждении Генеральной комиссии по рыболовству в Средиземном море было подписано в 1949 г. и вступило в силу 20 февраля 1952 г.² В последующем в это Соглашение были внесены дополнения: в июле 1976 г.; октябре 1997 г.; мае 2014 г. (далее – Соглашение 1949/2014 гг.).

В Преамбуле Соглашения 1949/2014 гг. выражена общая заинтересованность в развитии и надлежащем использовании морских живых ресурсов в Средиземном и Черном морях (далее – районы применения). Стороны преисполнены решимости обеспечивать долговременное сохранение и устойчивое использование морских живых ресурсов и морских экосистем в районе применения Соглашения. Преамбула напоминает о том, что в соответствии с международным правом государства обязаны сотрудничать в деле сохранения морских живых ресурсов и управления ими, а также защиты экосистем.

Впервые в международном договоре о рыболовстве обращается внимание на важность развития аквакультуры, которая

1 См.: Бекяшев Д. К., Бекяшев К. А. Международно-правовые проблемы управления рыболовством в Балтийском и Черном морях // Евразийский юридический журнал 2016. № 8 (99). С. 70-79.

2 Подробнее см.: Бекяшев К. А. ФАО и правовые вопросы охраны живых ресурсов открытого моря. М., 1976. С. 58-61; Бекяшев К. А., Серебряков В. В. Международные морские организации. М., 1979. С. 249-270; Бекяшев К. А., Бекяшев Д. К. Правовой статус и деятельность Генеральной Комиссии по рыболовству в Средиземном море и рекомендации по сотрудничеству Российской Федерации с этой организацией // Евразийский юридический журнал. 2011. № 9 (10). С. 25-31.

снижает нагрузку на морские живые ресурсы и играет важную роль в развитии и более эффективном их использовании.

Государства-участники Соглашения 1949/2014 г. признали необходимым недопущение негативного воздействия на морскую окружающую среду, сохранение биоразнообразия и минимизацию риска поступления долговременных или необратимых последствий использования и освоения живых морских ресурсов.

Государства признали для себя обязательным принцип предосторожного подхода в рыболовстве.

Согласно ст. 2 целью Соглашения 1949/2014 г. является обеспечение сохранения и устойчивого использования на биологическом, социальном, экономическом и экологическом уровнях морских живых ресурсов, а также устойчивого развития аквакультуры в районе применения.

Для обеспечения выполнения целей и принципов Соглашения 1949/2014 г. создана Генеральная комиссия по рыболовству в Средиземном море (далее - ГФКМ)³. В соответствии со ст. 5 она: а) принимает рекомендации в отношении мер сохранения и управления, направленные на обеспечение в долгосрочной перспективе устойчивой рыбохозяйственной деятельности с целью сохранения морских живых ресурсов, экономической и социальной основ рыболовства и аквакультуры. При этом особое внимание ГФКМ уделяет мерам по предотвращению перелова рыбы и минимизации выбросов уловов; б) обеспечивает применение предосторожного подхода в соответствии с положениями Соглашения о трансграничных рыбных запасах и запасах далеко мигрирующих видов рыб 1995 г. и Кодекса ведения ответственного рыболовства ФАО 1995 г.; в) рассматривает аквакультуру, включая товарное рыбоводство, в качестве одного из средств содействия диверсификации источников дохода, а также повышения разнообразия рационов питания и таким образом обеспечивает ответственное использование живых морских ресурсов, сохранение генетического разнообразия и минимизацию негативных последствий для окружающей среды и местных общин; г) развивает по мере необходимости субрегиональный подход к вопросам управления рыболовством и развития аквакультуры; д) принимает необходимые меры по обеспечению соблюдения рекомендаций ГФКМ по сдерживанию и пресечению деятельности, связанной с незаконным, несообщаемым и нерегулируемым промыслом (далее – ННН промысел); е) содействует достижению прозрачности в процессах принятия решений; ж) выполняет иные соответствующие мероприятия, необходимые для реализации ГФКМ указанных в ст.5 Соглашения 1949/2014 г. принципов.

Статьи 13 и 14 Соглашения 1949/2014 г. определяют порядок принятия ГФКМ решений и выполнения их.

Рекомендации ГФКМ принимаются большинством в 2/3 голосов присутствующих и участвующих в голосовании. Тексты таких рекомендаций доводятся Исполнительным секретарем ГФКМ до сведения всех Договаривающихся сторон, сотрудничающих недоговаривающихся сторон и других государств.

В соответствии со ст. 13 и 8 Соглашения 1949/2014 г. члены ГФКМ обязуются выполнять все ее рекомендации с даты, установленной в самой рекомендации. Однако любая Договаривающаяся сторона вправе в течение 120 дней с даты получения уведомления о рекомендации выступить с возражением в отношении данной рекомендации, что освобождает ее от обязательства выполнять данную рекомендацию.

Основным способом имплементации рекомендации является инкорпорирование ее в национальное законодательство или в соответствующий нормативный правовой акт.

Как было отмечено выше, ГФКМ получила право на принятие рекомендаций по мерам управления и обеспечения выполнения мер по сохранению и управлению ресурсами. Высшим органом ГФКМ является сессия. Очередные сессии созываются один раз в год. За период своей деятельности Комиссия одобрила более 200 рекомендаций по широкому кругу практических вопросов рыболовства, безопасности и условий труда рыбаков, усовершенствованию тралов, координации и развитию исследовательских программ, аквакультуре, контролю за промыслом, усовершенствованию сбора статистических данных и т.д.

Например, на своей 30-й сессии в 2007 г. Комиссия одобрила рекомендацию «Управление некоторыми эксплуатируемыми демерсальными и мелкими пелагическими видами». В этой рекомендации поставлена задача по разработке программы управления рыболовным усилием относительно тралового демерсального (донного) промысла, в частности, таких видов как хек, голубая и красная креветка, норвежский лобстер в соответствующих подрайонах.

На этой сессии Комиссия одобрила рекомендацию «Установление закрытых сезонов для промысла дельфина с использованием усугубляющих приемов».

В рекомендации сказано, что в целях сохранения молодых дельфинов должен быть запрещен промысел рыбы ежегодно с 1 января по 14 августа. Каждое государство должно сообщать в Секретариат о своих уловах дельфинов в процессе промысла рыбы судами, плавающими под его флагом. Каждый член Комиссии должен также расширять соответствующую систему сбора и обработки данных о промысле и рыболовном усилии. Комиссия поручила Научно-консультативному комитету проанализировать к 2010 г. вклад этих мер в увеличение запасов и рекомендовать любые изменения, которые могут быть необходимы для улучшения их эффективности и, возможно, их модификации в целях разработки предложений по принятию дополнительных мер управления.

30-я сессия Комиссии (март 2006 г.) одобрила рекомендацию «Установление районов, ограниченных для рыболовства в целях охраны чувствительной глубоководной среды». В соответствии с этой рекомендацией, запрещается донный промысел тралами в ряде районов Средиземного моря. Члены Комиссии должны обращать внимание своих уполномоченных властей на охрану этих районов от воздействия любой другой деятельности, вредно влияющей на сохранение особенностей хабитата подводного мира.

Также необходимо подробно изложить рекомендацию Комиссии «Учреждение списка судов, в отношении которых имеются предположения, что они осуществляют незаконный, несообщаемый и нерегулируемый промысел в районе деятельности ГФКМ». В этой рекомендации отмечается, что собственники большого количества судов занимаются рефлагированием и, таким образом, эти действия не согласуются с мерами по управлению и сохранению ресурсов, одобренными Комиссией.

В соответствии со статьями III и V Соглашения 1949/2014 г. Комиссия постановила, что в данной рекомендации рыболовные суда, плавающие под флагом недоговаривающихся сторон, будут рассматриваться в качестве тех, которые осуществляют ННН промысел и занимаются нерегулируемой рыболовной деятельностью в районе действия ГФКМ, а также, в том случае, когда Договаривающаяся сторона или сотрудничающая недоговаривающаяся сторона имеют основание полагать, что такие суда:

а) занимаются промыслом морских живых ресурсов в районе действия ГФКМ и не зарегистрированы в списке судов Комиссии, уполномоченных заниматься промыслом видов в этом районе;

б) занимаются промыслом тунца или тунцовых видов в районе действия Соглашения 1949/2014, чьи государства флага не имеют квот;

3 Полноправными членами ГФКМ являются 23 государства и ЕС. Украина и Грузия в 2015 г. получили статус «сотрудничающей не Договаривающейся стороны» и заявили об их активном продвижении к полноправному членству.

в) не представляют отчетов или докладов о своих уловах в районе действия ГФКМ или представляют неверные сведения о том, что:

г) ловят или принимают на борт рыбу, вопреки мерам сохранения, одобренным Комиссией;

д) занимаются промыслом в запретный период или в запретных районах, вопреки мерам сохранения, одобренным Комиссией;

е) используют запрещенные орудия лова;

ж) перегружают рыбу с судов, включенных в список тех, кто занимается ННН промыслом;

з) осуществляют промысел видов рыб в водах, находящихся под национальной юрисдикцией прибрежных государств в районе деятельности ГФКМ, в нарушение законодательства и правил, без нарушения суверенных прав прибрежных государств предпринимать меры против таких судов;

и) эксплуатируют суда без национальности, которые занимаются промыслом в районе действия ГФКМ;

к) осуществляют рыболовную деятельность, вопреки любым другим мерам Комиссии, касающимся сохранения и управления.

Договаривающиеся и сотрудничающие недоговаривающиеся стороны ежегодно до 15 июля должны направлять Исполнительному секретарю список судов, плавающих под флагом недоговаривающейся стороны, которые предположительно могут осуществлять ННН промысел в районе деятельности ГФКМ в текущем и будущем годах.

Список должен базироваться на информации, собранной Договаривающимися сторонами и сотрудничающими недоговаривающимися сторонами.

На основе полученной информации, Исполнительный секретарь ГФКМ составляет такой список и передает его ежегодно до 15 августа всем членам ГФКМ вместе со всеми доказательствами, а также тем недоговаривающимся сторонам, чьи суда включены в него. Договаривающиеся стороны и сотрудничающие Договаривающиеся стороны должны сообщить свои мнения относительно представленных доказательств о том, нарушало или не нарушало конкретное судно меры по сохранению и управлению.

По получении проекта списка судов, предположительно занимающихся ННН промыслом, Договаривающиеся стороны и сотрудничающие недоговаривающиеся стороны должны тщательно наблюдать за этими судами, в целях определения их деятельности и возможного изменения имени, флага и регистрации.

Руководствуясь информацией, полученной от Договаривающихся сторон и сотрудничающих недоговаривающихся сторон, Исполнительный секретарь должен составить предварительный список, который в течении двух недель до начала сессии Комиссии направляет Договаривающимся сторонам и сотрудничающим недоговаривающимся сторонам совместно с доказательственными материалами.

Договаривающиеся стороны и сотрудничающие недоговаривающиеся стороны могут в любое время представить Исполнительному секретарю Комиссии любую дополнительную информацию, которая может быть необходима для составления такого списка. Исполнительный секретарь ГФКМ должен распространить информацию до ежегодной сессии Комиссии Договаривающимся сторонам и сотрудничающим Договаривающимся сторонам, а также – соответствующим недоговаривающимся сторонам.

Комитет по сопоставимости ГФКМ должен ежегодно рассматривать предварительный список и вышеизложенную информацию. Этот комитет уполномочен исключить судно из предварительного списка, если государство флага предоставит сведения, что:

а) суда не занимаются какой-либо деятельностью, связанной с ННН промыслом или

б) предприняты эффективные меры по предотвращению ННН промысла, включая, среди прочего, расследование и применение санкций на адекватной основе.

Комитет по сопоставимости представляет ГФКМ для одобрения предварительный список судов недоговаривающихся сторон, идентифицированных как осуществляющие ННН промысел в районе действия Комиссии.

После утверждения данного списка ГФКМ обращается с просьбой к недоговаривающимся участникам, чьи суда будут включены в список ННН промысла:

– с просьбой сообщить собственнику судна, включенного в список, о том, что его судно находится в списке и о соответствующих последствиях;

– предпринять необходимые меры по прекращению деятельности таких судов, связанной с ННН промыслом и, в случае необходимости, отменить регистрацию или изъять рыболовные лицензии на эти суда, а также проинформировать Комиссию о предпринятых мерах.

Договаривающиеся стороны и сотрудничающие Договаривающиеся стороны должны предпринять все необходимые меры в рамках их законодательства:

а) чтобы рыболовные суда, плавбазы и рыбоперевозочные суда, плавающие под их флагом, не участвовали в передаче уловов судам, включенным в список судов, предположительно занимающихся ННН промыслом;

б) чтобы суда, находящиеся в списке и заходящие в порты, не имели права разгружать уловы или рыбопродукцию или передавать ее;

в) запретить сдавать в аренду суда, включенные в список;

г) уменьшить финансовую поддержку своим судам, включенным в список, за исключением тех судов, которые поменяли собственника, и новый собственник представил существенные доказательства о том, что предыдущий собственник или оператор не имел финансовых интересов и не осуществлял контроля, и что он гарантирует, что данное судно не будет участвовать в ННН промысле;

д) запретить импорт, погрузку и/или перегрузку любых видов морских живых ресурсов с судов, включенных в список;

е) помогать импортерам, перевозчикам и соответствующим другим субъектам отказаться от сделки и передачи любых видов морских живых ресурсов, выловленных судами, включенными в такой список.

Исполнительный секретарь ГФКМ должен предпринять все необходимые меры для обнаружения списка судов, предположительно занимающихся ННН промыслом, с помощью электронной связи и размещения этого списка на сайте Комиссии. Кроме того, Исполнительный секретарь должен направить данный список другим региональным организациям по управлению рыболовством в целях взаимного сотрудничества между ГФКМ и этими организациями в предотвращении и ликвидации ННН промысла.

Изложенные выше рекомендации должны применяться к судам длиной 24 метра и более, плавающим под флагом недоговаривающихся сторон. Комиссия должна на своих будущих ежегодных сессиях пересмотреть данную рекомендацию в плане распространения ее на другие виды ННН деятельности судов недоговаривающихся сторон, а также Договаривающихся сторон и сотрудничающих Договаривающихся сторон.

30-я сессия ГФКМ одобрила и другие важные рекомендации, в частности, рекомендацию № 5 «Критерии для предоставления статуса сотрудничающей недоговаривающейся стороны, расположенной в районе действия ГФКМ», рекомендацию № 6 «Полномочия Комитета ГФКМ по сопоставимости», рекомендацию № 7 «Конфиденциальные данные о политике и процедурах», рекомендацию № 8 «Об избранных рекомендациях ИККАТ».

31-я сессия ГФКМ состоялась 9-12 января 2007 г. и одобрила три рекомендации: «О выполнении программы по исследованию голубого тунца в восточной части Атлантического оке-

ана и Средиземного моря», «О выращивании голубого тунца» и «О создании программы по передаче продукции на суда».

В последнее время стала актуальной проблема рационального промысла тунцов.

17 сентября 2007 г. министры рыболовства государств-членов ЕС проголосовали за то, чтобы разрешить вылов тунца в Средиземном море и восточной части Атлантического океана в объемах, которые по мнению ученых, не приведут к исчезновению его популяции. Великобритания и Ирландия протестовали против такого решения. Всемирный фонд дикой природы охарактеризовал его как «скандальное» и «размывающее принципы» единой политики ЕС в области рыболовства в глазах всего мира.

В 2007 г. в рамках ИККАТ была установлена ежегодная квота на промысел тунца в Средиземном море установлена в объеме 29 тыс. т. Однако ученые-биологи считают, что ее следует сократить до 16 тыс. т. По заключению Всемирного фонда дикой природы для предотвращения исчезновения тунца необходимо прекратить промысел в июне и установить вес особи, разрешенной к вылову, на уровне не менее 30 кг.

33-я сессия ГФКМ, которая состоялась с 23 по 27 марта 2009 г., обсудила вопросы управления рыболовством в районе деятельности Комиссии. Эта сессия одобрила ряд важных рекомендаций.

В частности, Рекомендация № 1 по созданию районов ограниченного рыболовства в Лионском заливе для охраны креветок и подводных видов. Эта рекомендация принята в соответствии с § 1 (b) и (n) ст. III и ст. IV Соглашения о создании ГФКМ. Она призывает отказаться от использования буксирных сетей, донных и резкоглубинных тралов, ставных сетей в восточной части Лионского залива.

Государства-члены и сотрудничающие государства не члены ГФКМ должны сообщить Исполнительному секретарю Комиссии не позже чем к июню 2009 г. список судов, которые использовали в 2008 г. указанные выше запрещенные орудия лова. В этой информации должны быть указаны: название судна и его регистровый номер, коды ГФКМ; предыдущее название судна и предыдущий флаг; международные радиопозывные; тип судна, его размеры, имя и адрес собственника и оператора; основные орудия лова, используемые в ограниченных для промысла районах; сезонные периоды, разрешенные для в ограниченных для промысла районах; количество промысловых дней, выделенных каждому судну в 2008 г. и количество промысловых дней, выделенных в ограниченном для промысла районе.

Члены и сотрудничающие государства, не являющиеся членами ГФКМ, должны сообщить Исполнительному секретарю не позднее чем в сентябре 2009 г. о максимальном количестве дней нахождения судов на промысле.

Также на данной сессии ГФКМ была утверждена рекомендация № 2 о минимальных размерах ячеи в кутке донных тралов. В соответствии с этой рекомендацией государства-члены и сотрудничающие государства установят с 31 января 2010 г. размер ячеи не менее 44 мм.

Кроме того, 33-я сессия ГФКМ одобрила таблицу мер по контролю за рыболовным усилием.

В деятельности Комиссии значительное место занимают вопросы аквакультуры. Так, на 33-й сессии была принята рекомендация № 4 о предоставлении данных и информации об аквакультуре. В соответствии с этой рекомендацией члены ГФКМ должны представлять Секретарю данные по всем параметрам, а именно: состояние окружающей среды при разведении рыб (в морских и пресных водах); культивируемые виды (латинское и общее название); система выращивания (экстенсивное, полуженское, интенсивное); техника выращивания (садки, пруды, рыбоходы, рыбзаводы и т.д.); тип продукции (возрастные стадии, икра, мальки и т.д.); количество (тонн/шт.); стоимость (валюта); производственные центры. Эти данные должны представляться ежегодно к 30 июня.

Далее отметим рекомендацию 33/2009/7 о минимальных стандартах по созданию системы мониторинга судов в районе деятельности ГФКМ. Целью этой рекомендации является вклад в долгосрочное сохранение и управление живыми морскими ресурсами в районе деятельности ГФКМ и создание для этого системы мониторинга судов.

Данная рекомендация применяется к рыболовным судам, которые работают в районе деятельности ГФКМ и в частности, к тем судам, которые включены в список авторизованных судов, созданный в соответствии с рекомендацией ГФКМ М/2005/2. Каждое государство-член Комиссии и сотрудничающие с ней должны имплементировать эту рекомендацию до 31 декабря 2012 г., установить на коммерческих судах длиной 15 м и более систему спутникового слежения.

К рекомендации приложено список основных требований к отчетности по этой системе.

Особо следует остановиться на важной рекомендации № 8, принятой на 33-й сессии, которая касается создания списка судов, ведущих ННН промысел в районе деятельности ГФКМ.

Комиссия ежегодно будет утверждать список судов, занимавшихся ННН промыслом. В соответствии с этой рекомендацией государства-члены и сотрудничающие государства, не являющиеся членами Комиссии, должны принимать меры, чтобы: а) обеспечить, чтобы рыболовные суда, вспомогательные суда, рефрижераторные суда, плавбазы и грузовые суда, плавающие под их флагом не должны заниматься промыслом, переработкой рыбы или участвовать в перегрузе рыбопродукции с судов, включенных в список судов, занимающихся ННН промыслом, за исключением обстоятельств форс мажора; б) запрещать сдавать такие суда в аренду по чартеру; в) осуществлять импорт, перевозку и другие операции с рыбопродукцией, полученной с судов, занесенных в данный лист.

Суда государств, не являющихся участниками ГФКМ, внесенные в список, не должны снабжаться топливом, им не разрешается выгрузка рыбопродукции, а также заходы в порты государств-членов Комиссии.

На 34-й сессии ГФКМ в 2010 г. были одобрены рекомендации, касающиеся ряда вопросов управления рыболовством в Средиземном море.

В частности, сессия констатировала, что 85 % обитаемых запасов эксплуатируются в полном объеме или переэксплуатируются. В этой связи Научный консультативный комитет предложил участникам сессии уменьшить рыболовное усилие в целях сохранения демерсальных (донных) запасов и принять в соответствии со ст. V Соглашения об учреждении ГФКМ обязательную рекомендацию. Кроме того, Научный консультативный комитет рекомендовал разработать региональный план действий по управлению рыболовным усилием в районе деятельности ГФКМ, в котором должно быть предусмотрено принятие специальных мер по уменьшению рыболовного усилия (например, создание системы регистрации судов).

По докладам вспомогательных органов ГФКМ 34-я сессия единогласно одобрила следующие юридически обязательные рекомендации.

– Рекомендация № 1 относительно учреждения судового журнала ГФКМ. В соответствии с этой рекомендацией капитаны судов длиной более 15 метров, имеющие право ловить рыбу в районе деятельности ГФКМ и зарегистрированные в реестре судов ГФКМ, должны иметь судовую журнал, в который записываются все операции с выловленной рыбой, с указанием размеров и веса, видов и типа орудий лова. К рекомендации приложена проформа судового журнала и перечень сведений, заносимых в него.

– Рекомендация № 2 по управлению рыболовным усилием. В ней содержится призыв к государствам-членам ГФКМ присоединиться к Международному плану действий ФАО по управлению промысловыми мощностями 1999 г. Сессия призвала государства к сотрудничеству с региональными органи-

зациями по управлению рыболовством по вопросам выполнения ст. 27 Международного плана⁴.

Далее в рекомендации предлагается разработать План действий по управлению промысловыми мощностями на региональном уровне (региональный план действий), включая действия по мониторингу и управлению рыболовными мощностями и, где это необходимо, по уменьшению их. Все государства-члены ГФКМ обязаны представить Секретариату список судов, в котором должны быть следующие данные: название судна; регистрационный номер; номер регистрации в реестре судов ГФКМ; предыдущий флаг; выписки из других реестров; радиопозывные; тип судна и его водоизмещение; имя и адрес собственника вид промысла; географический район промысла.

На 40-й сессии ГФКМ (июнь 2016 г.) был рассмотрен широкий круг вопросов по регулированию промысла основных видов рыбных ресурсов в Средиземном и Черном морях, программа научных исследований, меры контроля, мониторинга рыболовных судов, а также правовые аспекты и административно-финансовые вопросы.

Особо следует отметить, что в последние годы в рамках ГФКМ периодически обсуждается проблема установления морских охраняемых районов (далее – МОР) для целей более эффективного управления морскими живыми ресурсами.

В Средиземном море был создан 161 МОР, покрывающий 4,6% всей поверхности этого водоема. Большинство МОР – малого размера (66% от общего числа МОР Средиземного моря имеют площадь менее 50 км²), сосредоточены вдоль Западного и Северного побережья. Единственный из таких районов, обладающий большим размером – район по сохранению морских млекопитающих Пелагос охватывает 87,500 км², что составляет 76% от общего охраняемого пространства Средиземного моря (3,5% от общего количества МОР в Средиземном море). Исключая Пелагос, остается под охраной только 1% пространства Средиземного моря и менее 0,1% находится под полной охраной, т.е. исключая все возможности по добыче морских живых ресурсов. По мнению итальянских специалистов, необходимо активизировать усилия по увеличению пространства охраняемых районов в Средиземном море. В этой связи, площадь МОР должна составить к 2020 г. 10% от общей площади Средиземного моря. Данная цель может быть достигнута путем создания одного большого МОР⁵.

В приложении II к Протоколу относительно особо охраняемых районов и биологического разнообразия в Средиземном море к Барселонской конвенции по защите Средиземного моря от загрязнения 1976 г. перечислены подтверждающиеся опасности и угрожаемые виды, в том числе белая акула и гигантская акула. Под понятием «подвергающимся опасности видами» понимаются любые виды, находящиеся под угрозой вымирания в пределах всего ареала их обитания или его части, а под «угрожаемыми» понимаются виды, которые могут исчезнуть в обозримом будущем в пределах всего ареала их обитания или его части и выживание которых маловероятно в случае сохранения факторов вызывающих сокращение численности особей или деградацию среды обитания.

Из всех членов ГФКМ наибольшую активность в плане совершенствования международно-правового механизма управления рыболовством в Средиземном море проявляет ЕС.

На встрече Министров по рыболовству средиземноморского региона на высшем уровне, состоявшейся 27 апреля

2016 г., Европейский комиссар по экологии, морским делам и рыболовству К. Вела выступил с заявлением о начале новой компании по обеспечению устойчивого рыболовства в Средиземном море. Целью этого проекта является обновление существующей стратегии ЕС в средиземноморском регионе.

По словам К. Велы, Стратегия по рыболовству ЕС в большей степени направлена на восстановление рыбных запасов Средиземного моря, в то время как ЕС должен выполнить свои обязательства по восстановлению уровня жизни рыбаков. Европейский комиссар по рыболовству полагает, что для этого необходимо осуществить ряд действий.

Во-первых, необходимо заботиться об основных промысловых запасах рыб и, необходимо принять все меры для их восстановления.

Во-вторых, очень важно действовать согласованно на всех уровнях управления сразу в нескольких временных горизонтах (краткосрочные, среднесрочные долгосрочные и пр.). Деятельность на национальном и двустороннем уровне имеет решающее значение, имея в виду маломасштабное прибрежное рыболовство, в котором занято более 80% всех рыболовных судов.

В-третьих, над чем необходимо работать - это выравнивание потенциала всех прибрежных средиземноморских стран. Сегодня не каждая из этих стран обладает достаточным потенциалом для осуществления эффективного мониторинга и контроля даже в своих водах, не говоря уже об осуществлении эффективного контроля за судами, плавающими под их флагами. Не все государства обладают достаточными возможностями (научными, техническими, организационными и пр.) для повышения качества национального законодательства в области рыболовства. ЕС готов помочь всем странам, которые обратятся за помощью.

В-четвертых, следует очень серьезно относиться к социально-экономическому воздействию принимаемых мер по сохранению рыбных запасов.

Перед тем как принять ту или иную меру, необходимо оценить то экономическое воздействие, которое она повлечет: какие группы профессиональных рыбаков окажутся в сфере воздействия этой меры; есть ли какие-либо альтернативы, которые в ближайшей перспективе смогут снизить негативный эффект; также необходимо четко понимать будут ли в долгосрочной перспективе те группы профессиональных рыбаков, на которых воздействует принятая мера, получателями выгоды от улучшения морской среды, или это уже будут какие-то совсем иные группы представителей этой отрасли или даже представители другой отрасли.

В этой связи, необходимо обратить особое внимание на маломасштабный промысел, так как в нем занято более 65% всех рыбаков и он обеспечивает 25% от общей выгруженной в портах ЕС рыбной продукции. Именно маломасштабный промысел должен стать основой новой модели управления в Средиземном море, так как при правильном управлении он обеспечит максимальные устойчивые экономические выгоды при минимальном экологическом воздействии от рыболовной деятельности.

И, в-пятых, необходимо повысить эффективность использования возможностей Европейского фонда по морским делам и оказывать всемерную поддержку (финансовую) Фонду. Он предоставляет широкие возможности по использованию средств в тех направлениях, которые определены как приоритетные и которые обеспечивают комплексные инвестиции, обеспечивающие переход к Синей экономике⁶.

На 38 сессии ГФКМ в мае 2014 г. подробно рассматривался вопрос о будущем Комиссии. Представитель ЕС М. Да-

4 В этой статье Международного плана говорится о следующем: в необходимых случаях государства должны сотрудничать через региональные рыбохозяйственные организации или путем договоренностей или других форм отношений с целью обеспечения действенного управления промысловыми мощностями.

5 См.: Bastari A., Micheli F., Ferretti F., Pusceddu A., Cerrano C. Large marine protected areas (LMPAs) in the Mediterranean Sea: the opportunity of the Adriatic Sea // Marine Policy Vol. 68. 2016. № 1. P. 165-167.

6 High Level Ministerial meeting with Mediterranean fisheries Ministers. 26 April 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/2014-2019/vella/announcements/high-level-ministerial-meeting-mediterranean-fisheries-ministers_en [дата обращения: 06.07.2016].

манак в своем выступлении «Управление рыболовством в Средиземном и Черном морях: время переходить на следующий уровень», изложила причины повышения статуса ГФКМ. Во-первых, в природоохранной политике ЕС Средиземное и Черное моря выходят на первый план, и ГФКМ поддержит эти усилия; во-вторых, проблемы Черного моря должны приобрести большое значение в рамках ГФКМ. Поэтому необходимо достучаться до тех, кто еще не присоединился к Соглашению об учреждении ГФКМ и вовлечь их во все области своей деятельности. В-третьих, ЕС нуждается в членах ГФКМ для того, чтобы на местах воплотить в жизнь принципы новой системы управления рыболовством в Средиземном и Черном морях⁷.

По мнению некоторых зарубежных авторов, в Средиземном море стратегии ЕС сталкиваются с институциональными проблемами, которые приводят к нестандартным мыслям о том, что действительно необходимо для реализации экосистемного управления морской средой этого моря. Предполагается, что в настоящее время в Средиземном море существует прекрасная возможность для создания региональной платформы сотрудничества не только для реализации Рамочной директивы по морской стратегии, но и для повышения эффективности управления Средиземным морем и изучения его экологического состояния⁸.

По нашему мнению, в ближайшее время в ГФКМ должны быть осуществлены серьезные организационно-правовые мероприятия.

Во-первых, необходимо создать дееспособный механизм мониторинга, контроля и наблюдения, включая схемы использования наблюдателей, использования процедуры высадки инспекторов на суда и осмотра судов-нарушителей, введение системы статистической документации уловов, а также введения системы статистической документации уловов, а также введения ограничений или запретов в отношении переловки в море.

Во-вторых, утвердить список критериев оценки выполнения государствами флага своих обязанностей как это предусмотрено в принятых FAO Добровольных руководящих принципах в отношении действий государства-флага 2014 г.

В-третьих, осуществлять более тесное сотрудничество с другими РФМО в областях, представляющих взаимный интерес, путем заключения меморандумов о взаимопонимании и Соглашений о партнерстве.

В-четвертых, назрела необходимость в имплементации рекомендаций ГФКМ в законодательство государств-членов. Анализ законодательства 15 государств-членов Комиссии показал, что рекомендация ГФКМ № 1 «О многонациональном плане управления рыболовством в Адриатическом море», принятая на 37-й сессии в 2013 г., выполняется только Албанией и частично Монако; рекомендация № 3 2006 г. «О создании рыбоохранных районов» выполняются только Египтом и ЕС; рекомендация № 2 2013 г. «Об охране китообразных в Черном море» - только ЕС.

В заключение целесообразно высказать несколько рекомендаций по сотрудничеству Российской Федерации с ГФКМ.

Средиземное море является важным рыбохозяйственным водоемом. Ежегодно государства-члены ГФКМ вылавливают в нем более 1 млн. т. морских живых ресурсов. Основными промысловыми объектами являются сардинелла, скумбрия, мидии, ставрида, тунец. Мелкие пелагические и донные рыбы составляют 90% суммарного улова.

Кроме прибрежных государств, промысел в Средиземном море ведут Япония (400 т. в год), Республика Корея (1 000 т.), Португалия (400 т.) и другие государства.

На своих ежегодных сессиях Комиссия устанавливает ОДУ на промысел более чем 20 видов. Она разработала уникальную методологию проведения морских научных исследований. В 2006 г. ГФКМ одобрила Правила борьбы с ННН промыслом. В 2003 г. – приняла Стратегию устойчивого развития рыболовства в Средиземном и Черном морях.

Активная и плодотворная деятельность ГФКМ убеждает в необходимости вступления в нее Российской Федерации. Являясь членом FAO, Россия должна и обязана участвовать в формировании рыбохозяйственной политики региональных организаций и органов по управлению рыболовством. Членство в ГФКМ даст право России претендовать на определенный объем квот на промысел ценных видов рыб; Россия сможет блокировать решения Комиссии по управлению рыболовством в Черном море и получит карт-бланш для заключения двусторонних соглашений о сотрудничестве в области рыболовства со средиземноморскими странами.

Для членов FAO установлен упрощенный порядок вступления в ГФКМ. Они по дипломатическим каналам уведомляют Генерального директора FAO о присоединении к Соглашению. Согласно п. 4 ст. XIII Соглашения об учреждении ГФКМ документ о присоединении вступает в силу с момента принятия его Генеральным директором FAO.

Полноправное членство Российской Федерации позволит, во-первых, оказывать влияние на принятие Комиссией рекомендаций по управлению рыболовством в Черном море (в связи с ликвидацией Комиссии по рыболовству в Черном море в управлении рыболовством образовался вакуум); во-вторых, рыбопромысловые компании могут претендовать на получение квот вылова; в-третьих, членство в ГФКМ позволит России более активно бороться с ННН промыслом, в том числе путем использования механизма контроля судов в портах государств-членов Комиссии; в-четвертых, российские рыбопромышленные компании получат возможность изучить опыт искусственного выращивания водных биоресурсов (продукция аквакультуры в 2007 г. составила более 400 тыс. тонн) и применять в Черном море; в-пятых, Российская Федерация будет иметь доступ к результатам океанографических и биологических исследований, в том числе научному фонду Средиземноморской научной комиссии (бывшая Международная комиссия по научному исследованию Средиземного моря); в-шестых, под патронажем ГФКМ Российская Федерация могла бы заключить международные договоры о сотрудничестве в области рыболовства и аквакультуры (например, с Египтом, Францией, Испанией, Италией, Турцией, Грецией, имеющих позитивный опыт выращивания рыб искусственным путем).

Кроме Соглашения об учреждении Генеральной комиссии по рыболовству в Средиземном море 1949 г. к охране морских живых ресурсов Средиземного моря в той или иной степени, имеют отношение также следующие международно-правовые акты и акры рекомендательного характера: Международная Конвенция по регулированию китобойного промысла 1946 г., Конвенция по защите Средиземного моря от загрязнения 1976 г. и протоколы к ней, Конвенция об охране дикой фауны и флоры и природных сред обитания в Европе 1979 г., Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., Конвенция по биологическому разнообразию 1992 г., Конвенция по защите Черного моря от загрязнения 1992 г., Глобальный план действий по сохранению, управлению и использованию морских млекопитающих Программа ООН по окружающей среде 1972 г., решения Международной комиссии по научному исследованию Средиземного моря и ИККАТ.

Однако специализированным международным договором является Соглашение по сохранению китообразных Черного и Средиземного морей и прилегающей Атлантической акватории, принятое 24 ноября 1996 г. (далее Соглашение 1996 г.). В

7 Fisheries management in the Mediterranean and Black Sea: time to go to the next level. Rome. 20 May. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-14-397_en.htm [дата обращения: 06.07.2016].

8 Jouanneau C., Raakjar J. The Hare and the Tortoise: Lessons from Baltic Sea and Mediterranean Sea Governance // Marine Policy Vol. 50 Part B. P. 331-332

Преамбуле этого договора китообразные признаны неотъемлемой частью морской экосистемы, которая должна быть сохранена для блага настоящего и будущего поколений, и что их сохранение является общей заботой. Стороны призывают к разумному сочетанию в мире судоходства, рыболовства, которые регулируются международным правом.

На природоохранный статус китообразных могут неблагоприятно влиять такие факторы, как деградация окружающей морской среды и нарушение местообитания китообразных, загрязнение окружающей среды, сокращение кормовых ресурсов, засорение морской среды неизбежными орудиями лова, а также незаконный и случайный промысел.

Соглашение 1996 г. распространяется на акватории Средиземного и Черного морей, включая заливы и внутренние воды, а также сопряженные с Средиземным морем воды Атлантического океана, расположенные западнее Гибралтарского пролива.

Под «китообразными» в Соглашении 1996 г. понимаются зубатые и усатые киты.

Целью Соглашения 1996 г. является способствование тому, чтобы его Стороны: а) принимали все необходимые меры по прекращению любого преднамеренного уничтожения китообразных; б) сотрудничали в деле создания и поддержания сети специально охраняемых территорий для сохранения китообразных.

Стороны обязуются принимать в своих водах меры по охране, исследованию и управлению запасами. В этих целях Стороны предпринимают необходимые законодательные, регулирующие и административные меры с целью обеспечения полной защиты китообразных в водах, находящихся под юрисдикцией или суверенитетом и за их пределами к любым судам, плавающим под их флагом, или же зарегистрированным на их территории, занимающимся деятельностью, которая может повлиять на сохранение китообразных.

Государства-участники Соглашения 1996 г. должны: а) разрабатывать и проводить в жизнь меры, направленные на минимизирование отрицательного воздействия рыболовства на статус сохранности китообразных. В частности, всем судам запрещается иметь на борту или использовать для рыболовства одну или более наплавных сетей, отдельная или общая длина которых превышает 2,5 км; б) принимать новые или изменять действующие правила с целью предупреждения потерь или оставления в море дрейфующих орудий лова, а также с целью немедленного освобождения китообразных, случайно попавших в орудия лова, таким образом, чтобы обеспечить их выживание; требовать выработки строгих оценок, служащих основанием для разрешения или запрещения продолжения или дальнейшего развития деятельности, влияющих на популяцию китообразных или мест их обитания, включая рыболовство, исследовательские или иные эксплуатационные работы, туризм, рекреация а также определить условия, при которых осуществление таких видов деятельности возможно; в) регулировать любые сбросы в море, а также принимать в рамках иных соответствующих правовых мер для установления более строгих норм для загрязняющих веществ, воздействие которых на китообразных считается отрицательным; г) прилагать усилия по укреплению или созданию национальных институтов с целью выполнения условий Соглашения 1996 г.

Для рассмотрения концептуальных вопросов и одобрения планов действий Секретариат Международной Конвенции по сохранению мигрирующих видов диких животных 1979 г. созывает Встречи государств-участников Соглашения 1996 г. Все решения этого органа принимаются консенсусом.

Секретариат Соглашения 1996 г. обеспечивает выполнение решений Встречи сторон и выполняет любые другие функции, возлагаемые на него Встречей сторон в рамках Соглашения 1996 г.

Важными органами Встречи сторон являются Бюро и Научный комитет, функции которых определены в статьях VI и

VII Соглашения 1996 г. По состоянию на 01 мая 2016 г. состоялось 5 Встреч сторон.

Следует отметить, что Соглашение 1996 г. по своему содержанию не является международным договором по управлению рыболовством. Оно скорее относится к группе так называемых международных экологических договоров и затрагивает все сферы человеческой деятельности в зоне действия Соглашения 1996 г. Его Стороны должны способствовать и принимать для этого все необходимые меры по прекращению любого преднамеренного уничтожения китообразных и будут сотрудничать в деле создания и поддержания сети особо охраняемых районов для сохранения китообразных. Однако участники этого Соглашения до сих пор не достигли цели создания и поддержания особо охраняемых районов, а лишь обозначили их необходимость в резолюции Встречи Сторон № 4.15 от 12 ноября 2010 г.

Одним из негативных моментов является отсутствие в числе участников Соглашения 1996 г. Европейского союза. В свою очередь многие государства-члены ЕС являются прибрежными к Средиземному и Черному морям.

Следующим заметным недостатком применения Соглашения 1996 г. является отсутствие процедуры прямого исполнения его норм. Анализ текста Соглашения 1996 г. показывает, что некоторые из его важных норм не имеют прямого действия. Для имплементации их необходимо принятие специальных законов и иных актов на национальном уровне.

Как показывает практика, национальное законодательство ряда стран не соответствует требованиям Приложения 2 «План сохранения» к Соглашению 1996 г. По нашему мнению, в целях достижения должного уровня соответствия и последовательности национальных режимов необходимо, чтобы государства-участники оценивали, каким образом соответствующие положения Соглашения должны быть имплементированы в их внутреннее законодательство, и чтобы принципы, рекомендованные Встречами Сторон, и принципы законодательства были взаимно увязаны.

Кроме того, в деятельности Встречи Сторон доминируют рекомендательные (добровольные) нормы, что значительно снижает эффективность Соглашения 1996 г.

II. Международно-правовое управление рыболовством в Карибском море.

По своим географическим характеристикам Карибское море представляет собой окраинное море, входящее в состав бассейна Атлантического океана.

Общая промысловая биомасса Карибского моря составляет примерно 600-650 тыс. тонн. Основными промысловыми видами являются головоногие, моллюски, беспозвоночные, скумбрия, корифены, ставриды и др.

В районе Карибского моря расположено большое число государств, основную массу из которых составляют уязвимые в экологическом и экономическом отношении развивающиеся страны и малые островные развивающиеся государства. На их столь плачевное положение сказываются, в частности, ограниченность технических возможностей, узость ресурсной базы, потребность в финансовых ресурсах, социальные проблемы, высокий уровень нищеты и др.

Район Карибского моря, почти полностью отделенный от открытого океана континентом и островными массивами, отличается уникальным биологическим разнообразием и высокоуязвимыми экосистемами, такими, как второй в мире по размеру системой коралловых рифов; высокой степенью зависимости большинства государств, стран и территорий от их прибрежных районов и от морской среды в целом в плане удовлетворения потребностей и достижения целей в области устойчивого развития; большим числом и взаимосвязанным характером морских районов под национальным суверенитетом и юрисдикцией, что требует эффективного управления ресурсами; интенсивным использованием района Карибского моря для морских перевозок и, несмотря на увеличение числа

мер регулирования, угрозой загрязнения судовыми отходами, опасными и ядовитыми веществами, сбрасываемыми в нарушение соответствующих международных норм и стандартов.

Известна уязвимость государств Карибского бассейна от климатических изменений и колебаний, а также сопутствующих явлений, таких, как повышение уровня моря, периодически возникающее в Южном полушарии явление Эль-Ниньо (колебание температуры поверхностного слоя воды в экваториальной части Тихого океана), имеющее заметное влияние на климат и все более частые и разрушительные стихийные бедствия, такие, как ураганы, наводнения и засухи, и, кроме того, в этом регионе нередки такие стихийные бедствия, как извержения вулканов, цунами и землетрясения.

Использование прибрежных районов и морской среды, а также их ресурсов, является основным связующим звеном и предметом конкурирующего спроса в рамках осуществляемой в странах региона социально-экономической деятельности.

В последние десятилетия усилия стран Карибского бассейна направлены на выработку более целостного подхода к решению секторальных вопросов, связанных с использованием Карибского моря, и содействие тем самым комплексному подходу к использованию Карибского моря в контексте устойчивого развития.

Мировое сообщество поощряет усилия стран Карибского бассейна в рамках Ассоциации карибских государств по дальнейшему развитию и обеспечению признания концепции Карибского моря в качестве района особой значимости в контексте устойчивого развития.

Общий объем рыбного промысла в Карибском море, по оценкам экспертов, составляет 500 тыс. тонн, из которых на долю Венесуэлы приходится 53,5 %, Кубы – 16%, Гайаны – 8%, Доминиканской Республики – 3%. Оставшаяся часть вылавливается иными государствами Карибского бассейна, вылов каждого из которых составляет 2% или менее от общего объема рыбного промысла⁹.

Общий объем рыбного промысла 17-и государств-членов Карибского регионального механизма по рыболовству (КРФМ) составляет 175 017 тонн. Наибольший улов (в совокупности 86,3 % от общего объема) осуществляют Гайана (53 093 т. – 30,34 %), Суринам (36 225 т. – 20,7 %), Гаити (17 800 т. – 10,17 %), Багамы (16 557 т. – 9,46 %), Ямайка (14 518 т. – 8,3 %), Тринидад и Тобаго (12 839 т. – 7,34%)¹⁰.

Практически на каждой сессии Генеральной Ассамблеи ООН подробно обсуждаются политико-правовые и экономические проблемы устойчивого развития Карибского моря¹¹. В качестве примера рассмотрим последние две резолюции на указанную тему.

На 67-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 5 марта 2013 г. была принята резолюция 67/205 «На пути к устойчивому развитию Карибского моря в интересах нынешнего и будущих поколений».

В преамбуле Резолюции подтверждаются принципы и обязательства, закрепленные в Рио-де-Жанейрской декларации об окружающей среде и развитию 1992 г.; принципы, закрепленные в Барбадосской декларации принятой на Глобальной конференции по устойчивому развитию малых островных развивающихся государств в 1994 г., Программе действий по обеспечению устойчивого развития малых островных развивающихся государств 1994 г.; Йоханнесбургской декларации по устойчивому развитию, принятой на Всемирной встрече на

высшем уровне по устойчивому развитию 2002 г.; Итоговом документе Конференции ООН по устойчивому развитию под названием «Будущее, которого мы хотим».

Далее в Резолюции отмечается, что биоразнообразие Карибского моря является уникальным, а его экосистема – весьма уязвимой. Карибское море, если сравнить его со всеми другими крупными морскими экосистемами, окружено самым большим числом стран в мире. В резолюции отмечается высокая степень зависимости большинства государств Карибского бассейна от их прибрежных районов и от морской среды в целом в части удовлетворения потребностей достижения целей в области их устойчивого развития.

Интенсивное использование Карибского моря для морских перевозок затрудняет эффективное управление ресурсами. Для морских живых ресурсов значительную опасность представляет загрязнение морской среды, в частности, загрязнение судовыми отходами и сточными водами, а также в результате случайного сброса опасных ядовитых веществ в районе Карибского моря.

Генеральная Ассамблея ООН одобрила усилия стран Карибского бассейна, направленных на выработку более целостного подхода к решению секторальных вопросов, связанных с использованием Большого Карибского района, и на содействие тем самым обеспечению комплексного прибрежного районов и морской среды и их ресурсов, их динамической взаимосвязи и конкуренции между ними.

Генеральная Ассамблея призвала организации системы ООН и международное сообщество оказывать надлежащую помощь странам Карибского бассейна и их региональным организациям в их усилиях по обеспечению защиты Карибского моря от деградации в результате загрязнения с судов, в том числе незаконного сброса нефти и других вредных веществ, и загрязнения посредством незаконного или случайного сброса опасных отходов, включая радиоактивные материалы, ядерные отходы и опасные химические вещества, в нарушение соответствующих международных норм и стандартов, а также в результате загрязнения из наземных источников.

Генеральная Ассамблея ООН призвала все государства стать участниками соответствующих международных соглашений, направленных на повышение безопасности на море и содействие обеспечению защиты морской среды Карибского моря от загрязнения, ущерба и деградации в результате судоходства и сброса судовых отходов.

Генеральная Ассамблея поддержала усилия стран Карибского бассейна по осуществлению программ экологически рационального ведения рыбного хозяйства и соблюдению принципов Кодекса ведения ответственного рыболовства ФАО 1995 г.

Она призвала государства разработать с учетом Конвенции о биологическом разнообразии с 1992 г. национальные, региональные и международные программы для недопущения дальнейшей утраты морского биоразнообразия в Карибском море, в частности, утраты таких уязвимых экосистем, как коралловые рифы и мангровые леса.

Одной из последних резолюций Генеральной Ассамблеи является Резолюция 69/216 «На пути к устойчивому развитию Карибского моря в интересах нынешнего и будущих поколений». В преамбуле резолюции вновь подтверждены принципы и обязательства, закрепленные ранее.

Рассматриваемая резолюция во многом повторяет ключевые положения других резолюций, касающихся Карибского моря и его биоразнообразия (например, об уязвимости и уникальности биоразнообразия Карибского моря, прогрессе в области рациональной деятельности по освоению ресурсов этого океана, успехе в обеспечении устойчивого сохранения и использования прибрежных и морских ресурсов и т.д.).

Генеральная Ассамблея ООН приветствовала неустанные усилия государств-членов Ассоциации карибских государств по разработке и осуществлению региональных инициатив, направленных на содействие обеспечению устойчивого сохране-

9 McManus E., Lacambra C. Fishery Regulations in the Wider Caribbean Region. UNEP, 2012. P. 3.

10 Masters, J. CRFM Statistics and Information Report. 2015. P. 4.

11 Например, см. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН: 54/225 от 22 декабря 1999 г.; 55/203 от 20 декабря 2000 г.; 57/261 от 21 декабря 2004 г.; 59/230 от 22 декабря 2004 г.; 61/197 от 20 декабря 2006 г.; 63/214 от 19 декабря 2008 г.; 65/155 от 20 декабря 2010 г.; 66/205 от 21 декабря 2012 г.

ния и использования прибрежных и морских ресурсов и признавая в этой связи твердую приверженность глав государств и правительств членом Ассоциации принятию мер, необходимых для обеспечения Карибского моря особым районом, в контексте устойчивого развития без ущерба для соответствующих норм международного права.

Генеральная Ассамблея одобрила усилия карибских государств по разработке концепции провозглашения Карибского моря особым районом в контексте устойчивого развития и предложила международному сообществу поддерживать такие усилия.

Отметим еще одно новое по сравнению с другими резолюциями положение о том, чтобы государства-члены, международные и региональные организации рассмотрели вопрос об учебных программах для наращивания кадрового потенциала на различных уровнях и расширять исследования, направленные на повышение продовольственной безопасности стран Карибского бассейна, также на обеспечение неистощимого использования возобновляемых морских и прибрежных ресурсов.

Основным международным институциональным механизмом управления рыболовством в Карибском бассейне является Карибский региональный механизм по рыболовству (далее - КРФМ), являющийся международной межправительственной организацией.

Учредительным документом этой Организации является *Соглашение об учреждении КРФМ 2002 г.* (далее – Соглашение 2002 г.). В преамбуле Соглашения 2002 г. указано, что его целью является обеспечение устойчивого использования морских живых ресурсов и других водных организмов путем их развития, эффективного управления и сохранения; защиты таких ресурсов от загрязнения и инвазивных видов; сотрудничество и консультации среди всех государств – участников Соглашения, третьих государств, заинтересованных международных организаций и органов, заинтересованных в рыболовстве в Карибском море; поощрение намерений государств во взаимопомощи в финансовых, научных и технологических областях в целях эффективного управления рыболовством, его развития, а также сохранения и устойчивого использования ресурсов.

КРФМ создан под эгидой Карибского сообщества государств (далее – КАРИКОМ). Он открыт для всех государств КАРИКОМ. Согласно ст.3 Соглашения 2002 г. допустимо ассоциированное членство территорий Карибского региона, желающих взять на себя обязательства по Соглашению 2002 г.

КРФМ собирается на ежегодные сессии один раз в год. По состоянию на 2016 г. было проведено 14 сессий.

Целью КРФМ является: а) эффективное управление и устойчивое развитие морских и водных ресурсов в пределах юрисдикции государств-членов; б) поощрение сотрудничества среди заинтересованных государств в целях эффективного управления всех видов живых морских и водных ресурсов; в) оказание консультаций по техническим вопросам развития рыболовства, управления и сохранения морских и других видов водных ресурсов.

В соответствии со ст. 6 Соглашения 2002 г. КРФМ состоит из Совета Министров, Карибского форума по рыболовству и Секретариата.

В ст. 9 Соглашения 2002 г. изложены функции КРФМ. В частности, эта Организация осуществляет охрану мест обитания рыб и окружающей среды в целом; создает эффективный механизм по мониторингу, контролю и наблюдению за эксплуатацией живых морских ресурсов; рассматривает и одобряет рекомендации Совета Министров и Секретариата; рассматривает действия государств-членов и третьих государств, которые могут с предрешением относиться к проблемам обеспечения устойчивого управления рыболовством и его развитию; получает доклады о деятельности подкомитетов и рабочих групп КРФМ; периодически пересматривает стратегический план и одобряет его.

На своих сессиях КРФМ обсуждает итоги деятельности за прошедший год; одобряет региональные договоренности по сохранению, управлению и устойчивому использованию отдельных видов морских живых ресурсов; разрабатывает политику, основные направления и проекты программ в области устойчивого развития, управления и сохранения рыбных ресурсов региона, борьбы с ННН промыслом, проведения морских научных исследований. Довольно часто на сессиях Совета Министров принимаются политические заявления по экосистемному подходу в управлении рыболовством. Иногда утверждаются правила по сохранению, управлению, и устойчивому использованию лангустов и других особо ценных видов морских живых ресурсов.

Важно отметить принятую 28 июля 2010 г. Декларацию Кастри по проблемам ННН промысла. В ней отмечается, что ННН промысел практикуется как местными, так и иностранными судами, и признается, что для эффективного предотвращения, сдерживания и ликвидации ННН промысла необходимо сотрудничество на национальном, региональном и глобальном уровнях. В Декларации содержится призыв к государствам-членам КРФМ присоединиться к Соглашению ФАО о мерах государства порта по предупреждению, сдерживанию и ликвидации ННН промысла 2009 г. Кроме того, Совет Министров рекомендовал включить в Стратегический план более эффективные меры, направленные на борьбу с браконьерским промыслом.

Первый Стратегический план КРФМ охватывал период с 2003 по 2011 гг., и был одобрен на первом совещании Форума в 2003 г. Этот план выполнялся в два этапа: 2003 -2007 и 2008-2011 гг.

В 2012 г. КРФМ одобрил третью фазу Стратегического плана на период с 2013 по 2021 гг. В нем детализированы некоторые положения предыдущих этапов Стратегического плана. Он одобрен рядом международных организаций, в том числе ФАО. По мнению Исполнительного директора КРФМ М. Хоугтона, этап Стратегического плана носит междисциплинарный характер и включает такие темы, как экосистемный подход к рыболовству, риски от загрязнения и адаптация к климатическим изменениям. Содержание плана является итогом компромисса между членами КРФМ¹².

В соответствии с этим планом в течение первых 5 лет работа будет, в основном, сосредоточена на следующих направлениях: пропаганда, политика и планирование; статистика и информация по рыболовству; научные исследования в области рыболовства и оценка рыбных ресурсов; управление рыбными ресурсами и их развитие; программы корпоративного обслуживания.

Анализ Стратегического плана на период до 2021 г. позволили определить следующие три цели его реализации: а) обеспечение устойчивого управления и рациональное использование морских живых ресурсов и развитие аквакультуры в Карибском регионе в интересах нынешнего и будущих поколений; б) улучшение благосостояния и устойчивости средств к существованию для работников в рыбохозяйственной сфере в Карибском регионе, путем обеспечения доходов и занятости в секторах рыболовства и аквакультуры; в) гарантирование снабжения населения Карибского региона на протяжении времени безопасной и питательной рыбой, отвечающей диетическим требованиям и необходимой для активного и здорового образа жизни.

В 2014 г. в рамках КАРИКОМ было принято *Соглашение об Общей рыболовной политике Карибского сообщества* (далее Соглашение 2014 г.).

Соглашение было заключено в целях реализации Договора об учреждении Ассоциации карибских государств 1994 г.,

12 CRFM Strategic Plan (2013-2021) // CRFM Administrative Report. Belize and St. Vincente and the Grenadines. 2013. P. 3-4.

Соглашения о создании Карибского регионального механизма по рыболовству 2002 г.

Соглашение 2014 г. охватывает такие сферы, как развитие и управление рыболовством и аквакультурой, сохранение, устойчивое использование и управление рыбными ресурсами и экосистемами; выпуск продукции, хранение, маркетинг и торговля рыбными продуктами.

В основе имплементации этого Соглашения лежат следующие начала:

а) использование наилучшей научной информации при принятии решений в сфере управления рыболовством, с учетом традиционных знаний, касающихся ресурсов и среды их обитания, а также экологических, экономических и социальных факторов;

б) применение признанных на международном уровне стандартов и подходов, в частности предосторожного и экосистемного подходов к управлению рыболовством;

в) промысловое усилие не должно превышать уровня, измеримого с устойчивым использованием рыбных ресурсов;

г) широкое участие, с учетом особых прав и потребностей рыбаков, ведущих традиционный, натуральный, кустарный и мелкомасштабный промысел;

д) надлежащее управление, подотчетность и прозрачность, в том числе справедливое распределение прав, обязанностей, ответственности и благ;

е) субсидиарность, в частности, выполнение компетентными органами только тех задач, которые не могут быть более эффективно выполнены Сторонами в индивидуальном порядке.

В Соглашении 2014 г. определен режим доступа к рыбным ресурсам. Без ущерба юрисдикции и полномочиям Сторон в отношении рыбных ресурсов в районах их национальной юрисдикции, а также существующим обязательствам Стороны могут рассматривать возможность заключения:

а) договоренностей, включая соглашения о доступе, с другими Сторонами в целях обеспечения доступа к ведению промысла в их водах;

б) подобных соглашений или соглашений с третьими государствами или международными организациями; и при этом, при условии соблюдения ограничений, должны принимать во внимание соответствующие положения Конвенции ООН 1982 г. и других документов, в том числе с целью оптимального использования и обеспечения доступа к избыткам рыбных ресурсов.

Участники Соглашения 2014 г. будут расширять возможности и поощрять равноправное участие Сторон, ведущих промысел в открытом море, а также расширять возможности промысла в районах национальной юрисдикции третьих государств, и с этой целью обязуются сотрудничать непосредственно или через собственные компетентные органы и другие компетентные региональные и международные и организации по рыболовству.

В соответствии Соглашением 2014 г. Стороны должны разрабатывать, принимать, внедрять и пересматривать меры по сохранению и управлению и, при необходимости, планы управления и развития рыболовства на основе наилучшей имеющейся информации, включая традиционные знания.

Они должны разрабатывать, принимать и осуществлять меры по сохранению и управлению, а также стратегии развития на основе планов управления и развития рыболовства и других специальных планов, указанных выше; при необходимости других положений Соглашения 2014 г. и других соответствующих международных стандартов рыбохозяйственной деятельности.

Компетентным органом по реализации Общей рыболовной политики Карибского сообщества является КРФМ.

Анализ положений общих и специальных международных договоров, определяющих режим рыболовства в Большом Карибском бассейне, а также деятельности КРФМ позво-

лил выявить немало серьезных политико-правовых проблем общего и специального характера. Отметим некоторые из них.

На наш взгляд требуется усиление деятельности КРФМ, в частности, наделение Совета министров полномочиями в целях побуждения его членов к заключению двусторонних договоров по делимитации морских пространств. Данное требование неоднократно отмечалось в Административных отчетах КРФМ и Среднесрочном плане на 2008-2011 гг., однако на практике никаких действий в этой части предпринято не было.

Необходимо активное использование закрепленного в Соглашении об учреждении КРФМ 2002 г. понятия «ассоциированный член» для привлечения в деятельность Организации других государств, в том числе не входящих в Карибское сообщество.

Кроме того, целесообразно провести некоторую модернизацию полномочий КРФМ. В частности, следует наделить его функциями по контролю за ННН промыслом, по созданию списков судов, замеченных в ННН промысле, по выдаче разрешений на экспорт рыбопродукции государств-членов в другие регионы мира.

Также, представляется важным наделение КРФМ функциями по исследованиям в области маломасштабного рыболовства, учитывая принятые ФАО в 2014 г. Добровольные руководящие принципы по обеспечению устойчивого маломасштабного рыболовства.

Пристатейный библиографический список

1. Бекашев Д. К., Бекашев К. А. Международно-правовые проблемы управления рыболовством в Балтийском и Черном морях // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8 (99). С. 70-79.
2. Бекашев К. А. ФАО и правовые вопросы охраны живых ресурсов открытого моря. М., 1976. 185 с.
3. Бекашев К. А., Серебряков В. В. Международные морские организации. М., 1979. 697 с.
4. Бекашев К. А., Бекашев Д. К. Правовой статус и деятельность Генеральной Комиссии по рыболовству в Средиземном море и рекомендации по сотрудничеству Российской Федерации с этой организацией // Евразийский юридический журнал. 2011. № 9 (10). С. 25-31.
5. Bastari A., Micheli F., Ferretti F., Pusceddu A., Cerrano C. Large marine protected areas (LMPAs) in the Mediterranean Sea: the opportunity of the Adriatic Sea // Marine Policy Vol. 68. 2016. № 1. P. 165-167.
6. High Level Ministerial meeting with Mediterranean fisheries Ministers. 26 April 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/2014-2019/vella/announcements/high-level-ministerial-meeting-mediterranean-fisheries-ministers_en [дата обращения: 06.07.2016].
7. Fisheries management in the Mediterranean and Black Sea: time to go to the next level. Rome. 20 May [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-14-397_en.htm [дата обращения: 06.07.2016].
8. Jouanneau C., Raakjar J. The Hare and the Tortoise: Lessons from Baltic Sea and Mediterranean Sea Governance // Marine Policy Vol.50 Part B. P. 331-332.
9. McManus E., Lacambra C. Fishery Regulations in the Wider Caribbean Region. UNEP, 2012. 120 p.
10. Masters, J. CRFM Statistics and Information Report. 2015. 50 p.
11. CRFM Strategic Plan (2013-2021) // CRFM Administrative Report. Belize and St. Vincente and the Grenadines. 2013. 35 p.

БАХТУРИДЗЕ Зейнаб Зелимхановна

кандидат политических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Института специальной педагогики и психологии, доцент кафедры международных отношений Северо-западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СТАТУС КВАЗИГОСУДАРСТВ ЗАКАВКАЗСКОГО РЕГИОНА: НОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В статье рассматриваются вопросы обретения государственности и формирования нового статуса Абхазии и Южной Осетии. Подчеркивается необходимость разрешения проблемы получения внешней легитимации суверенитета данных политико-территориальных образований не только в рамках правового, но также в рамках политического, социального поля.

Ключевые слова: трансформация, конфликт, квазигосударства, постсоветское пространство, международное право, независимость, Абхазия, Южная Осетия.

BAKHTURIDZE Zeinab Zelimhanovna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Humanities sub-faculty of Institute of Special Education and Special Psychology, associate professor of International Relations sub-faculty of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Бахтуридзе З. З.

THE POLITICAL AND LEGAL STATUS OF THE QUASI-STATES IN THE TRANSCAUCASIAN REGION: RULES OF INTERNATIONAL LAW AND POLITICAL REALITY

The article deals with the statehood acquisition and the formation of a new status of Abkhazia and South Ossetia. It emphasizes the need to resolve the problem of obtaining external legitimization of political sovereignty of these territorial entities not only within the legal, but also within the political and social framework.

Keywords: transformation, conflict, quasi-state, the post-Soviet space, international law, the independence, Abkhazia, South Ossetia.

Центробежные силы, активизировавшиеся в процессе дезинтеграции Советского Союза, спровоцировали целый ряд локальных конфликтов, которые, в свою очередь, привели к «появлению на территории бывших союзных республик государственных образований, полностью или частично непризнанных мировым сообществом»¹. Такого рода государственные образования исследователи называют по-разному: «квазигосударства», «непризнанные территории», «самопровозглашенные государства», «де-факто государства» и т.п.² Однако, во всех случаях, данная группа государств не получает дипломатического признания со стороны большей части мирового сообщества и рассматривается как часть государств-членов ООН.

Нельзя не согласиться с мыслью С. Маркедонова о том, что хотя для мирового сообщества непризнанные образования де-юре не существуют, это не мешает им «быть вполне реальными участниками «Большой игры» на постсоветском пространстве»³.

Поиски решения проблемы непризнанных государств в контексте правовых норм, в рамках социально-философского дискурса (гражданская активность населения, вопросы идентичности и т.д.), в русле проблем безопасности (вооружённые конфликты), не имеют значительных результативных достижений.

Необходимо признать, что потребность в комплексном политологическом анализе феномена непризнанных государств на постсоветском пространстве в последние годы начала реализовываться с появлением ряда экспертных исследований⁴.

Практика показывает, что процессы формирования и развития новых государств затрагивают неоднозначные вопросы формирования наций и интересы других участников мировой политики. Не случайно проблема квазигосударств в последнее время получила большое развитие в политологических работах, анализирующих различные аспекты безопасности и этнических конфликтов⁵.

В международном праве существует широкий спектр интерпретаций процесса обретения независимости, и, по сути, оно вполне терпимо к сепаратизму, если это отвечает интересам акторов мировой политики, обладающих достаточным влиянием для реализации своих целей. Это объясняется тем, что ведущие мировые державы (СССР и США), не желая лишиться себя возможности геополитического маневра, так до конца и не пошли на четкое и однозначное включение императивных антисепаратистских оговорок в ключевые международно-правовые документы⁶.

1 Бахтуридзе З. З., Лагутина М. Л. Особенности формирования системы международных отношений на постсоветском пространстве: непризнанные государства // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/121-18175 (дата обращения: 20.09.2016).

2 См. подробнее: Добронравин Н. А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Препринт М-21/11. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. – 56 с.

3 Маркедонов С. М. СНГ-2: непризнанные государства на постсоветском пространстве (к определению природы феномена) // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005. – № 1. – С. 118.

4 Добронравин Н. А. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX – начале XXI века. – СПб, 2013; Rafał Czachor. Abchazja, Osetia Południowa, Górski Karabach: geneza i funkcjonowanie systemów politycznych. Biblioteka Instytutu Polsko-Rosyjskiego 3. Wrocław, 2014.

5 См.: Пряхин В. Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). – М., 2002.

6 Чемуридзе З. И. Институционально-правовые технологии легитимации непризнанных государств на постсоветском политическом пространстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007. – С. 18.

Проблема непризнанных государств нередко сводится к формально-юридическому формату⁷, между тем, она не может быть разрешена в рамках данного формата. Международно-правовые нормы часто трактуют в рамках сиюминутных конъюнктурных задач. По мнению большинства экспертов⁸, широкому спектру интерпретаций способствует наличие в международно-правовых документах двух взаимоисключающих принципов: права народов на самоопределение и права государств на сохранение территориальной целостности⁹. Применение данных принципов стало результатом волюнтаристских решений. Приоритет отдавался либо праву народов на самоопределение, либо принципу сохранения территориальной целостности. В период биполярного мира территориальная целостность государств обеспечивалась, прежде всего, силовым блоковым механизмом. Принадлежность к одному из двух противостоящих блоков гарантировала стабильность и поддержание статус-кво. Такого рода тенденция неизбежно ведет к эскалации напряженности в мировой политике.

Распад социалистического лагеря, и последовавший за ним «парад наций», привели к открытию шлюзов для свободного плавания «молодых демократий», идеология которых основывалась на принципе этнополитического самоопределения¹⁰, что привело к этнополитическим конфликтам, особенно выраженным на Южном Кавказе. По мнению А. Г. Дугина, применение доктрины «постимперской легитимности» при распаде социалистической системы привело к тому, что её внутренние, административные составляющие получили «полноценный правовой статус независимо от того, удовлетворяет ли данное образование критерию полноценного государства или нет»¹¹. По словам исследователя, в основе такого подхода – светская либеральная идея относительно произвольности любого государственного образования как исторической случайности, где этнический, религиозный, культурный и социальный компоненты являются малозначимыми и несущественными, так как население понимается здесь как простая совокупность экономико-статистических единиц¹². В итоге, фактически игнорируется право на политическое самоопределение народов, проживавших на территории империи, что с высокой степенью вероятности приводит к межэтническим и территориальным конфликтам, которые могут пребывать в состоянии «замороженных», время от времени актуализируясь. В результате реализации императива концепции «постимперской легитимности» впоследствии возникшие на постсоветском пространстве непризнанные государства оказались за рамками международно-правовой легальности. Иначе говоря, суверенитет данных политико-территориальных образований не получил внешней легитимации.

Конструктивный подход к разрешению проблемы непризнанных государств заключается не только в поиске универсальной модели, а в применении целостного интегративного анализа при изучении каждого случая. В данном направлении А. Большаков предлагает выделить ряд основных параметров комплексного рассмотрения феномена непризнанного государства:

- историю возникновения непризнанного государственного образования, описание этнического конфликта и основных этапов его развития;
- эффективность переговорного процесса, посредничества, планов мирного урегулирования;
- формирование государственности и хозяйственного комплекса непризнанных государственных образований;
- особенности политического устройства, степень его демократичности;
- наличие или отсутствие реальных возможностей для возвращения непризнанного государственного образования в состав государства, от которого оно отделилось;
- шансы для существования в качестве независимого государства;
- заинтересованность и возможности внешних сил изменить или законсервировать статус непризнанного государственного образования¹³.

Признание или непризнание по отношению к государственным образованиям на постсоветском пространстве может рассматриваться, с одной стороны, как выражение определенной государственной позиции, связанное с наличием или отсутствием подобного рода ситуации на своей территории, а с другой стороны – как часть политической манипулятивной стратегии, выраженной или в угоду собственным интересам и/или для демонстрации лояльности стратегическим партнерам. Однако, тот факт, что непризнанные государства не отражены на карте мира, не делает их эфемерными, более того, они не просто часть реальности, они формируют новую реальность, воздействуя на политическую, социальную, экономическую и др. сферы.

По мнению С. М. Маркедонова, «собственно процесс американизации и европеизации постсоветского пространства в значительной степени был вызван стремлением новых независимых государств (Грузия, Азербайджан, Молдавия) вернуть военно-политический контроль над утраченными регионами в условиях, когда последние пользуются поддержкой со стороны России»¹⁴.

Остановимся на ситуации с Абхазией и Южной Осетией, как на примере частично признанных государств, получивших признание ряда акторов мировой политики, в том числе и члена ООН – России.

Южная Осетия и Абхазия последовательно и решительно демонстрировали способность отстаивать свою государственность, очевидно, что «от завоеваний, доставшихся им в тяжелейшей борьбе, они не откажутся ни при каких обстоятельствах»¹⁵. В то же время в Тбилиси существует мнение, что Грузия не может состоять как полноценное государство, не вернув утраченный контроль над этими территориями. В сознании грузинской элиты – Абхазия и Южная Осетия – это анклав в рамках суверенного государства и их признание Россией и некоторыми другими государствами ничего не меняет, но «на международном уровне проблема эта концептуально нерешена, что и порождает многочисленные конфликты»¹⁶.

7 См.: Хецуриани Д. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии в контексте международного права: взгляд из Грузии // Кавказ и глобализация. – 2008. – Вып. 4. – Т. 2. – С. 26-36.

8 Маркедонов С. М., Гаджиев К. С., Дугин А. Г., Загладин Н. В. и др.

9 Устав ООН 1945 года, Резолюция № 1541 Генеральной Ассамблеи ООН 1960 года, Декларация ООН «О принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества в соответствии с Уставом ООН» 1970 года, Заключительный акт Хельсинского совещания 1975 года по безопасности и сотрудничеству в Европе и др.

10 Там же. – С. 179.

11 См.: Дугин А. Г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf> (дата обращения: 20.09.2016).

12 Там же.

13 Большаков А. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. – 2008. – № 1(16). Январь – апрель. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/fifteen/008.htm> (дата обращения: 20.09.2016).

14 Маркедонов С. М. Земля и воля / Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – Т. 5. – М., 2012. – С. 175.

15 Федулова Н. Г. «Замороженные» конфликты в СНГ и позиция России / Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – Т. 5. – М., 2012. – С. 193.

16 Литвиненко В. Т. Политические процессы становления государственности Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в контексте обеспечения безопасности граждан России, проживающих в этих республиках: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 27.

Фактически, появление квазигосударств (Абхазия, Южная Осетия), которые при вхождении Грузии в состав ООН официально считались ее частью, лишней раз подтверждает, что Грузия оказалась не в состоянии обеспечить свою территориальную целостность. Для подавляющего большинства стран-участниц ООН Южная Осетия и Абхазия остаются частью грузинского государства, поэтому признание их независимости Россией считается неправомерным, так как является нарушением Устава ООН. При этом следует особо отметить, что «критикуемый мировым сообществом экстремизм властей непризнанных государств опирается на массовую поддержку граждан этих формально несуществующих образований»¹⁷. Любопытным для рассмотрения является экспертное мнение, согласно которому, «...если возникновение квазигосударственных образований Абхазии и Нагорного Карабаха имеет свою предысторию, то государственность Приднестровья и Южной Осетии – прямое следствие дезинтеграции Советского Союза и ранее принятых волюнтаристских решений»¹⁸. Исследователь В. Т. Литвиненко предлагает вспомнить, что «в конституционном порядке территория образованной в 1922 г. Юго-Осетинской автономной области была, без учета мнения ее населения, включена в состав Грузинской ССР, а Северо-Осетинская автономная область, образованная в 1924 г., а затем, в 1936 году преобразованная в Северо-Осетинскую АССР, была включена в состав РСФСР»¹⁹.

Однако, несмотря на то, что Абхазия и Южная Осетия фактически уже давно интегрированы в экономическое пространство России, «их международный статус останется ущербным до тех пор, пока не произойдет полномасштабное мирное урегулирование с Грузией. Пока Сухум и Цхинвали – с помощью Москвы – добились лишь независимости от Грузии»²⁰.

В ожидании международного признания факта своей независимости, непризнанные государства взаимодействуют между собой в социальной, политической сферах общественной жизни. Например, в июне 2006 г. лидеры Южной Осетии, Абхазии и Приднестровья подписали договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи и декларацию о создании Сообщества «За демократию и права народов». Было объявлено, что целью заключенного союза является «завершение политико-правового оформления распада Союза ССР через признание правосубъектности Республики Абхазия, Приднестровской Молдавской Республики, Республики Южная Осетия»²¹. Это объединение непризнанных государств стали называть «Содружеством непризнанных государств» или СНГ-2. Очевидно, что потребность в интеграции в условиях недостаточного адаптационного потенциала и в рамках борьбы за выживание очень высока. Нельзя не согласиться с утверждением о том, что, заявив о создании совместных миротворческих сил и о намерении поддерживать друг друга в случае вооруженной агрессии, непризнанные государства, по сути, заключили между собой военно-политический союз. При этом, как показала история, убежденность экспертов в том, что «миротворческий корпус непризнанных государств не будет признан, как и сами

эти государства»²² оказалась ошибочной. Произошедшие в августе 2008 г. события, получившие название «пятидневной войны», вызвавшие глобальный информационный резонанс, подтолкнули Российскую Федерацию нарушить статус-кво и заявить о признании Абхазии и Южной Осетии. Это эпохальное событие, которое датируется 26 августом 2008 г., изменило, в том числе, и статус республик, переведя их в разряд частично признанных государств, что вполне может трактоваться как определенный результативный этап на пути стремления к обретению международного признания, т.е. «формально-юридическое признание Москвой независимости Абхазии и Южной Осетии» является, пожалуй, самым главным последствием «пятидневной войны»²³. Кроме России Абхазию и Южную Осетию признали Никарагуа, Венесуэла, Науру, а впоследствии – Тувалу²⁴. В январе 2015 года о признании Южной Осетии и Абхазии заявило непризнанное государство – Луганская Народная Республика.

Однако при этом «ни одна страна СНГ не последовала примеру России и не признала независимость Абхазии и Южной Осетии», что очередной раз продемонстрировал «наличие консенсуса между странами Содружества, но консенсуса без России»²⁵. Иначе говоря, стало очевидным, что интеграционные стратегии государств-участников СНГ в силу прагматичных установок тяготеют к многовекторности.

Задаваясь вопросом, каковы же будут судьбы государственности Абхазии и Южной Осетии, отметим, что «не следует рассматривать абхазский и югоосетинский конфликты симметрично, в одной плоскости, игнорируя многочисленные, в том числе фундаментальные различия»²⁶. Вариант присоединения к России рассматривался – и в Абхазии, и в Южной Осетии – как вполне вероятный, но для Южной Осетии, дальнейшее развитие которой «во многом зависит от эффективности использования помощи, поступающей из России»²⁷, он является основным.

В отличие от Южной Осетии, в Абхазии представляется возможным возобновление многоотраслевой экономики, развитие курортного туризма. Более того, в Абхазии существует национальный проект – построение независимого государства абхазов, да и в целом, «абхазская политическая система является, безусловно, более зрелой, самостоятельной и устойчивой, чем юго-осетинская», что «усиливает предрасположенность Абхазии к независимости, а Южной Осетии – к вхождению в состав России»²⁸.

В грузинской экспертной среде есть мнение, что «грузино-абхазский и грузино-южноосетинский конфликт имеют собственную историю, корни, генезис, и даже если российский фактор вдруг исчезнет, то конфликты эти не урегулируются сами собой, немедленно и автоматически», что «все предыдущие грузинские руководители в большей или меньшей степени» приложили руку к углублению конфликтов (или оказались несостоятельными в плане их предотвращения и/или

17 Маркедонов С. М. Земля и воля / Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – Т. 5. – М., 2012. – С. 177.

18 Литвиненко В. Т. Политические процессы становления государственности Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в контексте обеспечения безопасности граждан России, проживающих в этих республиках: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 27.

19 Там же.

20 Тренин Д. В. Отношения России и стран СНГ: перспектива 2020 / Внешняя политика России 2000–2020. – Т. 2. – М., 2012. – С. 248–249.

21 Шакарянц С. Признание непризнанных государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/663614.html> (дата обращения: 20.09.2016).

22 Союз непризнанных республик может обернуться военным союзом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/379849> (дата обращения: 20.09.2016).

23 Маркедонов С. М. Региональные конфликты: перезагрузка / Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – Т. 5. – М., 2012. – С. 203.

24 Тувалу отозвало принятое в 2011 году решение о признании независимости Абхазии и Южной Осетии.

25 Там же.

26 Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. Рабочая тетрадь. – М., 2014. – С. 21.

27 Казин Ф. А. Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе / Россия в глобальном мире. – Т. 5. – М., 2012. – С. 328.

28 Там же. – С. 330.

урегулирования)»²⁹. В этом ключе, появление проекта «Содействие диалогу Россия – Грузия» является правильным и своевременным. Российские и грузинские эксперты, участвующие в проекте, признают, что проблема Абхазии и Южной Осетии пока не нашла своего решения. Большинство участников экспертного диалога отметили, что установление добрососедских отношений между Грузией и Россией позволит вплотную подойти к обсуждению конкретных политико-правовых путей реинтеграции квазигосударств. В этой связи, представляются весьма разумными и логичными рекомендации российских экспертов относительно необходимости подключения к российско-грузинскому экспертному диалогу представителей как Абхазии, так и Южной Осетии. В любом случае, и политика Грузии, и политика России в отношении квазигосударств и в отношении друг к другу должна основываться на примате прагматического реализма.

В одной из своих статей Н. Добронравин в самом широком смысле называет всю совокупность непризнанных государств одним из компонентов «серой зоны» между суверенными государствами и негосударственными акторами мировой политики. По верному замечанию исследователя, большинство политических образований, оказавшихся в «серой зоне», «не имеют шансов выбраться из нее «на свет» без колоссальных собственных усилий и (как правило) внешней помощи», и «чтобы полностью ликвидировать непризнанное государство, также обычно требуются значительные усилия суверенного «владельца» данной территории и помощь извне»³⁰.

Итак, резюмируя вышеизложенное, отметим, что на современном этапе «вопрос о правосубъектности непризнанных государств переходит в более широкое предметное поле, затрагивающее не только юридические, но также и социокультурные, геополитические и военно-стратегические аспекты»³¹. Очевидно, что такие преобразования, происходящие в условиях трансформирующейся системы миропорядка, обладают высоким конфликтным потенциалом, и могут длиться долгое время, сохраняя напряженность, что свойственно так называемым замороженным конфликтам. Абхазия и Южная Осетия позиционируются в грузинской политике как территории Грузии, оккупированные Россией, и их возврат под юрисдикцию Тбилиси является одной из основополагающих установок грузинской власти³², но возможно пришло время пересмотреть позиции и пойти по пути совместного поиска решения этой непростой задачи.

Пристатейный библиографический список

- Бахтуридзе З. З., Лагутина М. Л. Особенности формирования системы международных отношений на постсоветском пространстве: непризнанные государства // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1.
- Большаков А. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья // Международные процессы. – 2008. – № 1 (16). Том 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/fifteen/008.htm> (дата обращения: 20.09.2016).
- Добронравин Н. А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Препринт М-21/11. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.
- Дугин А. Г. Основы геополитики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ratnikjournal.narod.ru/zip/Dugin.Geopolitika.pdf> (дата обращения: 20.09.2016).
- Казин Ф. А. Взаимоотношения России с Южной Осетией и Абхазией в сравнительной перспективе / Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – Т. 5. – М.: Аспект-Пресс, 2012.
- Литвиненко В. Т. Политические процессы становления государственности Абхазии, Южной Осетии и Приднестровья в контексте обеспечения безопасности граждан России, проживающих в этих республиках: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – Ростов-на-Дону, 2010.
- Маркедонов С. М. Земля и воля / Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – Т. 5. – М.: Аспект-Пресс, 2012.
- Маркедонов С. М. Региональные конфликты: перезагрузка / Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – Т. 5. – М.: Аспект-Пресс, 2012.
- Маркедонов С. М. СНГ-2: непризнанные государства на постсоветском пространстве (к определению природы феномена) // Гуманитарная мысль Юга России. – 2005. – № 1.
- Пряхин В. Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). – М.: ООО «Изд-во ГНОМ и Д», 2002.
- Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. Рабочая тетрадь. (на рус. и гр. яз.). – М.: Спецкнига, 2014.
- Союз непризнанных республик может обернуться военным союзом // Известия. 2006. 14 июня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/379849> (дата обращения: 20.09.2016).
- Тренин Д. В. Отношения России и стран СНГ: перспектива 2020 // Внешняя политика России 2000-2020. – Т. 2. – М., 2012.
- Федулова Н. Г. «Замороженные» конфликты в СНГ и позиция России / Россия в глобальном мире. Хрестоматия в 6 томах. – Т. 5. – М., 2012.
- Хецуриани Д. Признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии в контексте международного права: взгляд из Грузии // Кавказ и глобализация. – 2008. – Вып. 4. – Т. 2.
- Чемурзиева З. И. Институционально-правовые технологии легитимации непризнанных государств на постсоветском политическом пространстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2007.
- Шакарянц С. Признанность непризнанных государств // Информационное агентство REGNUM. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/663614.html> (дата обращения: 20.09.2016).
- «ჩართულობა თანამშროლობის გზით»: სახელმწიფო სტრატეგია ოკუპირებული ტერიტორიების მიმართ: დოკუმენტები და მასალები. თბ., 2010.

29 Российско-грузинские отношения: в поисках новых путей развития. – М., 2014. – С. 21.

30 Добронравин Н. А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. Препринт М-21/11. – СПб., 2011. – С. 19.

31 Бахтуридзе З. З., Лагутина М. Л. Особенности формирования системы международных отношений на постсоветском пространстве: непризнанные государства // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/121-18175 (дата обращения: 20.09.2016).

32 «ჩართულობა თანამშროლობის გზით»: სახელმწიფო სტრატეგია ოკუპირებული ტერიტორიების მიმართ: დოკუმენტები და მასალები. თბ., 2010.

МЕЛЬШИНА Ксения Юрьевна

аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ НА ПРИМЕРЕ СОВЕТА ЕВРОПЫ

Настоящая статья содержит анализ нормативно-правовой базы Совета Европы по борьбе с терроризмом и экстремизмом. В статье предпринята попытка проследить появление «экстремизма» в документах и актах организации, в качестве угрозы международной безопасности, и выяснить перспективы развития деятельности Совета Европы в данном направлении.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, насильственный экстремизм (*violentextremism*), радикализация, права человека, Совет Европы, Организация Объединенных Наций.

MELSHINA Kseniya Yurjevna

postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF COMBATING EXTREMISM ON THE REGIONAL LEVEL ON THE EXAMPLE OF THE COUNCIL OF EUROPE

This article provides an analysis of the legal framework of the Council of Europe to combat terrorism and extremism. The article attempts to trace the emergence of "extremism" in the documents and acts of the organization, as a threat to international security, and to find prospects for the development of the Council of Europe's activities in this area.

Keywords: terrorism, extremism, violent extremism, radicalization, human rights, the Council of Europe, United Nations.

Мельшина К. Ю.

В последнее время экстремизм наряду с терроризмом занимает заметное место в повестке дня ООН и региональных организаций¹.

«Терроризм и экстремизм носят глобальный характер и представляют собой растущую угрозу для прав человека, демократии и верховенства права, как в Европе, так и во всем мире. Перед лицом такой угрозы, Совет Европы более чем когда-либо обязан поощрять и отстаивать принципы, которые являются смыслом его существования»².

В повестке дня Совета Европы данный вопрос обозначился лишь в 2015 году, с принятием Плана действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму³.

В этом контексте следует напомнить, что Совет Европы занимается проблемами борьбы с терроризмом с 1977 года, в Страсбурге была принята Конвенция Совета Европы, направ-

ленная на борьбу с терроризмом - «Европейская Конвенция о пресечении терроризма»⁴. Первоначально усилия Совета Европы в борьбе с терроризмом были посвящены вопросам выдачи лиц, совершивших террористические акты, в виде: утона самолета, похищения людей и захвата заложников, применения бомб, гранат, ракет, писем или посылок со вложенными в них взрывными устройствами. В 2003 году был принят «Протокол о внесении изменений в Европейскую конвенцию о пресечении терроризма»⁵, который значительно расширил этот перечень, за счет охвата тех правонарушений, которые определены в конвенциях и протоколах о борьбе с терроризмом, принятых в рамках ООН⁶.

Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма⁷, принятая в 2005 году в Варшаве, расширяет усилия государств-членов по борьбе с терроризмом, предусматривая два дополнительных направления:

- установление уголовной ответственности за некоторые акты, которые могут привести к совершению террористических преступлений, в частности: публичных провокаций, вербовки и подготовки;
- усиление сотрудничества по предупреждению как во внутреннем плане (национальная политика предупрежде-

1 Абашидзе А. Х. Роль международного права и ООН в сфере противодействия терроризму и создания более безопасного, устойчивого и справедливого мироустройства // Противодействие терроризму. Проблемы XXI века. Counter-Terrorism. 2012. № 1. С. 2-13; Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Травников А. И. Укрепление международного сотрудничества в сфере борьбы с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации // Противодействие терроризму.

2 Проблемы XXI века – Counter-Terrorism. 2011. № 1. С. 55-57; Солнцев А. М. К вопросу об экологическом терроризме // Противодействие терроризму - Counter-Terrorism. Проблемы XXI века. М: Современная экономика и право, 2012. №1. С. 17-19.

3 Declaration of the Committee of Ministers of the Council of Europe "United around our principles against violent extremism and radicalisation leading to terrorism" 125th Session of the Committee of Ministers (Brussels, 19 May 2015).

4 План действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CM%282015%2974&Language=lanEnglish&Ver=addfinal&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383>

4 Европейская Конвенция о пресечении терроризма 1977 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/09000016800771b2>

5 Протокол о внесении изменений в Европейскую конвенцию о пресечении терроризма 2003 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008370d>

6 Абашидзе А. Х., Мельшина К. Ю. Борьба с экстремизмом: актуальная проблема повестки дня ООН // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2. С. 32-37.

7 Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008371c>

ния), так и в международном (изменение существующих договоренностей и принятие дополнительных мер в области экстремизма и взаимной помощи).

Новшество данной Конвенции – положения о защите и компенсации в отношении жертв терроризма. В 2015 Конвенция была дополнена новым протоколом⁸, который, как и сама Конвенция не содержит положений, касающихся противодействия экстремизму. Данный Протокол устанавливает уголовную ответственность за ряд деяний, в том числе умышленное участие в террористической группе, обучение терроризму, факт выезда за границу в целях терроризма и финансирование или организацию таких поездок. Протоколом также устанавливается сеть национальных, круглосуточно доступных контактных пунктов оперативного обмена информацией.

В 2015 году был принят План действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму⁹, рассчитанный на период с 2015 по 2017 год.

План действий преследует две цели:

укрепление правовой базы по борьбе с терроризмом и насильственным экстремизмом

предотвращение насильственной радикализации в школах, тюрьмах и Интернете.

План действий предусматривает меры по предотвращению насильственной радикализации, а также меры по повышению потенциала общества в отвержении всех форм экстремизма. В этих усилиях больший акцент делается на предотвращение распространения экстремистских взглядов и вербовки боевиков через новые коммуникационные сети.

В Плате действий Совет Европы призывает государств-членов подписать и ратифицировать соответствующие договоры, такие как Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.¹⁰, Протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2015 г.¹¹, Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма 2005 г.¹², Дополнительный протокол к Конвенции по киберпреступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных систем 2003 г.¹³.

Также будут предприняты усилия по противодействию деструктивным действиям экстремистов в злоупотреблении религией. Такие усилия включают в себя предоставление площадки для переговоров, направленных на улучшение понимания религиозных вопросов, с целью ежегодного обмена мнениями по религиозному измерению.

В 2003 году в рамках Совета Европы был сформирован межправительственный Комитет экспертов по борьбе с терроризмом (КОДЕКСТЕР), а с принятием Плана действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму 2015 г., в сферу его деятельности входят и вопросы по борьбе с экстремизмом. В компетенции КОДЕКСТЕР – разработка рекомендаций государствам-членам Совета Европы по борьбе с терроризмом, рассмотрение проблем радикализации и экстремизма, оценка возможных пробелов в правовой базе в области предупреждения и пресечения терроризма и экстремизма. КОДЕКСТЕР проводит свои пленарные заседания дважды в год, в них участвуют эксперты из государств-членов Совета Европы и государств-наблюдателей, а также представители международных организаций, так как комитет работает в тесном сотрудничестве с Организацией Объединенных Наций (ООН), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейский союз и Глобальный контртеррористический форум.

На данном этапе возникает вопрос, как Совет Европы намерен реализовать План действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму, не имея нормативно-правовой базы по противодействию экстремизму? Данный вопрос возникает из фактического отсутствия в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. и Дополнительном протоколе к Конвенции 2015 упоминаний об экстремизме.

Прежде чем ответить на данный вопрос, хотелось бы напомнить и привести в качестве примера Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), в рамках которой, уже в 2001 году была принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом¹⁴. В документе предпринята попытка государств бороться с такими угрозами, как «терроризм» и «экстремизм», подчеркивается взаимосвязь этих преступлений. Данная конвенция отличается и тем, что в ней даются определения указанных явлений.

Обращает на себя внимание тот факт, что ООН в начале делала акцент на борьбу с экстремизмом в контексте борьбы с терроризмом, примером могут быть Резолюция Генеральной Ассамблеи 49/60 от 9 декабря 1994 г. «Меры по ликвидации международного терроризма», Резолюция ГА 58/174 от 22 декабря 2003 г. «Права человека и терроризм», Резолюция ГА 60/288 от 8 сентября 2006 г. «Глобальная контртеррористическая стратегия ООН».

Резолюции, принятые в последние два года Генеральной Ассамблеей ООН в этой сфере отличаются тем, что в них отдельно выделяется новый вид экстремизма под английским названием «violentextremism»¹⁵. Например, резолюция ГА 68/127, принятая 18 декабря 2013 г., озаглавлена как: «Мир

8 Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism (Adopted by the Committee of Ministers at its 125th Session on 19 May 2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&Ref=CM%282015%2961&Language=lanEnglish&Ver=final&Site=CM&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383&direct=true>

9 План действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CM%282015%2974&Language=lanEnglish&Ver=final&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383>

10 Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. (CETS No.196). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008371c>

11 Протокол к Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2015 г. (CETS No.217). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168047c5ea>

12 Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма 2005 г. (CETS No.198). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008371f>

13 Дополнительный протокол к Конвенции по киберпреступлениям в отношении криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, осуществляемых при помощи компьютерных си-

стем 2003 г. (CETS No.189). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008160f>

14 Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Заклучена в г. Шанхае 15.06.2001). Собрание законодательства РФ. 13 октября 2003 г. N 41. Ст. 3947.

15 В документах ООН дается разный перевод насильственный / воинствующий экстремизм, в английской версии используется термин «violentextremism».

против насилия и насильственного экстремизма»¹⁶. Данная резолюция всецело посвящена насильственному экстремизму, и, таким образом, является первым документом ООН направленным исключительно на борьбу с экстремизмом.

Совет ООН по правам человека (СПЧ), действующий под контролем ГА ООН и 2 октября 2015 года принял резолюцию «Права человека и предупреждение насильственного экстремизма»¹⁷.

В начале этого года, а точнее 15 января 2016 года Генеральной Ассамблеей ООН был одобрен, подготовленный Генеральным секретарем ООН «План действий по предупреждению воинствующего экстремизма»¹⁸. В нем анализируются факторы и условия, способствующие перерастанию воинствующего экстремизма в терроризм. На сегодняшний день экстремизм является отдельным вопросом деятельности ООН.

Отвечая на поставленный вопрос, и учитывая сказанное, целесообразно предположить, что Совет Европы при реализации Плана действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму, будет опираться на нормативно-правовую базу по данному вопросу, разработанную в рамках ООН, а также на потенциал и опыт других международных организаций. Такой подход полностью соответствует положениям, установленным гл. VIII Устава ООН.

Можно прийти к выводу, что деятельность Совета Европы по борьбе с экстремизмом только начинает набирать обороты, Организация наметила широкую программу деятельности по данному вопросу. Однако, дать квалифицированную оценку эффективности Плана действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму 2015 г. возможно только по истечению периода на который он рассчитан.

Пристатейный библиографический список

1. Declaration of the Committee of Ministers of the Council of Europe "United around our principles against violent extremism and radicalisation leading to terrorism" 125th Session of the Committee of Ministers (Brussels, 19 May 2015).
2. План действий по борьбе с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущей к терроризму. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CM%282015%2974&Language=lanEnglish&Ver=addfinal&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383>

16 Резолюция ГА 68/127 от 18 декабря 2013 г. «Мир против насилия и насильственного экстремизма» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/447/09/PDF/N1344709.pdf?OpenElement>

17 Резолюция ГА 30/15, принятая Советом по правам человека от 2 октября 2015 г. «Права человека и предупреждение насильственного экстремизма». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G15/232/06/PDF/G1523206.pdf?OpenElement>

18 «План действий по предупреждению воинствующего экстремизма» представленный Генеральным секретарем ООН 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/24/PDF/N1545624.pdf?OpenElement>

3. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168008371c>
4. Additional Protocol to the Council of Europe Convention on the Prevention of Terrorism (Adopted by the Committee of Ministers at its 125th Session on 19 May 2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?p=&Ref=CM%282015%2961&Language=lanEnglish&Ver=final&Site=CM&BackColorInternet=C3C3C3&BackColorIntranet=EDB021&BackColorLogged=F5D383&direct=true>
5. Резолюция ГА 30/15, принятая Советом по правам человека от 2 октября 2015 г. «Права человека и предупреждение насильственного экстремизма». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G15/232/06/PDF/G1523206.pdf?OpenElement>
6. «План действий по предупреждению воинствующего экстремизма» представленный Генеральным секретарем ООН 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/456/24/PDF/N1545624.pdf?OpenElement>

ФРОЛОВА Юлия Николаевна

аспирант кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ПРОБЛЕМА СУВЕРЕНИТЕТА И НАЦИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассматривается проблема столкновения принципов суверенитета и национального самоопределения в условиях глобализации. Автор описывает различные варианты развития этнотерриториальной автономии. Особое внимание уделено перспективам самоопределения народов, разделенных государственными границами.

Ключевые слова: суверенитет, национальное самоопределение, автономия, государственные границы.

FROLOVA Yuliya Nikolaevna

postgraduate student of World Politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

THE ISSUE OF SOVEREIGNTY AND NATIONAL SELF-DETERMINATION UNDER THE CIRCUMSTANCES OF GLOBALIZATION

The problem of conflict between the principles of sovereignty and national self-determination under the circumstances of globalization is discussed in the article. The author describes various prospects of ethno-territorial autonomy. Special attention is paid to the perspectives of self-determination in the case of the peoples divided by state boundaries.

Keywords: sovereignty, national self-determination, autonomy, state boundaries.

Фролова Ю. Н.

На сегодняшний день проблема столкновения принципов суверенитета и национального самоопределения занимает особое место в международном праве. Эта проблема важна не только для евразийского региона, но и для всего мирового сообщества. К совместимости вышеупомянутых принципов стремятся не только ученые, но и политики в России и за рубежом.

Вестфальская система утвердила в международном праве принцип невмешательства во внутренние дела суверенных государств. В наши дни государства настаивают на сохранении этого принципа, но международные организации все больше «размывают» суверенитет в пользу надгосударственности¹. В связи с таким противоречием (следует отметить, что это не единственная причина) продолжаются споры вокруг самого понятия государственного суверенитета.

Принцип национального самоопределения также оказывается «размытым». Многие исследователи считают, что идея самоопределения наций не вписывается в правовые рамки не только из-за неопределенности связанных с ней дефиниций. По мнению Д. В. Грушкина, «размытость основных дефиниций, противоречивость накопленного опыта, специфика дисциплинарных подходов и политическая ангажированность обуславливают значительное расхождение мнений по целому ряду аспектов. В центре внимания оказываются вопросы, связанные с определением политического статуса территорий»². У политиков и исследователей нет единой позиции по вопро-

су, должно ли в каждом конкретном случае происходить национальное самоопределение, и если да, то в какой ситуации оно не вступает в противоречие с принципом государственного суверенитета³.

На практике имеет место применение двойных стандартов, которое, по мнению ученых, однозначно оценить сложно. Так, например, предлагается деление вновь образованных государств на «удавшиеся» и «неудавшиеся»; по мнению Б. Ф. Мартынова, «страны, неспособные эффективно обеспечивать свой внутренний и внешний суверенитет, не могут эффективно гарантировать и права личности»⁴. Однако не стоит считать, что «двойные стандарты» – это всегда что-то отрицательно влияющее на мировое сообщество. Например, не стоит уравнивать в правах на существование Чечню 1990-х гг., которая доказала свою неспособность к самоуправлению и соблюдению прав человека, и Приднестровье, которое, независимо от того, как дальше пойдет реализация его правосубъектности, способно гарантировать социальное, культурное и экономическое развитие по цивилизованному пути⁵.

На скорость «размывания» принципов суверенитета и национального самоопределения активно влияют процессы глобализации. С одной стороны, глобализация предполагает «стирание» границ и снижение роли суверенных государств, что, как следствие, может привести к бессмысленности борьбы за независимость отдельно взятой территории. С другой стороны, глобализация ведет к процессам регионализации, когда отдельные регионы стремятся сохранить и укрепить свою идентичность в современных реалиях. В этих условиях, по

1 См., например: Фархутдинов И. З. Действует ли надгосударственность в евразийском пространстве? Интервью с А. А. Моисеевым, доктором юридических наук, деканом факультета международного права Дипломатической академии. МИД Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – №8 (51). – С. 5-8.

2 Грушкин Д. В. Право народов на самоопределение: идеология и практика // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. - М.: Звенья, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Index.htm> (дата обращения: 24.02.2013).

3 Государственный суверенитет vs. право наций на самоопределение: Сб. науч. ст. / Гос. Ун-т — Высшая школа экономики / Отв. ред. А. Л. Рябинин / Ред.-сост. Г. В. Лукьянов. — М.: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2011.

4 Мартынов Б. Ф. Мир после Косово: Россия, СНГ, Латинская Америка. — М.: Изд-во Института Латинской Америки РАН, 2000. — С. 66.

5 Там же. — С. 108.

мнению К. С. Даллакяна, «фундаментальные закономерности социальной эволюции не только модифицируют поведение нации-государства, тем более что в нынешних условиях оно безнадежно устарело и подвергается массовой несанкционированной «коррекции», но и объективно подвергают коррозии суверенитет государства»⁶. Он считает, что в современных условиях некоторые этнические общности трансформируются в этнонации. Каждая этнонация опирается на этнополитический миф, связанный с конкретной территорией. По мнению исследователя, «в основе этнополитического мифа лежит также и этнический ареал – «родина предков», представленная на благоприятной почве фантазии в сакральном свете. В этом свете этнополитический миф, во-первых, практически всегда включает посягательство не только на чужое прошлое, чужих предков, но и на чужой этнический ареал. Во-вторых, служит аргументом необходимости контроля над данной территорией и ее природными ресурсами. В-третьих, оправдывает право этнонации на данную территорию, следовательно, право государственности на этой территории. В-четвертых, придает когнитивную обоснованность легитимности экономических претензий и политического суверенитета этнонации»⁷.

Ученые и политики в государствах, которые защищают свой суверенитет, рассматривают «эрозию» государства как угрозу стабильности. Например, азербайджанский юрист К. Шафиев утверждает: «Данная проблема имеет особое значение для Южного Кавказа, поскольку уже на протяжении десятилетий под предлогом обеспечения права народов на самоопределение в Нагорно-Карабахском регионе Азербайджана, в Абхазии и Южной Осетии (Грузия) претворяются в жизнь планы насильственного изменения границ, признанных международным сообществом. Но сепаратизм распространился не только на Южном Кавказе: в Испании — провинция Каталония или область басков, в Канаде — Квебек, во Франции — Корсика, в Великобритании — Ольстер, в Судане — его южные районы и т.д. Основываясь на ложно трактуемом принципе самоопределения, когда каждая этническая общность должна иметь собственное государство, сепаратизм является источником политической и экономической нестабильности, приводит к социальной напряженности, создает угрозу конфронтации и вооруженного противостояния, негативно влияет на эффективное функционирование органов центральной власти»⁸. К. Шафиев выступает за самоопределение при сохранении территориальной целостности государства, например, в форме автономии. На практике, такая автономия не всегда удовлетворяет тех, кто добивается политической независимости. Среди тех территорий, которые перечислил К. Шафиев, уже стал суверенным государством Южный Судан, за независимость активно борется Каталония, получили частичное международное признание Абхазия и Южная Осетия.

Проблема конфликта между принципами суверенитета и национального самоопределения связана с важной темой отношений между «центром» страны и периферией. В советской практике использовалось создание национально-территориальных автономий под лозунгом «национально-государствен-

ного строительства». В этом случае термин «национальный» был больше похож на обозначение «этнический». В западно-европейской трактовке под «национальным» подразумевается нечто общегосударственное. «Национально-государственное строительство» в Советском Союзе закрепило принадлежность всех граждан к каким-либо национальностям, что фиксировалось в переписях и в официальных документах. Особое понимание термина «национальный» российские авторы продолжают применять и по отношению к другим странам. Например, Грузию или Испанию описывают как многонациональные государства с доминирующим этносом (грузины, испанцы) и этносами в статусе национальных меньшинств. Однако, например, в Испании, этносов в российском понимании нет, а историко-культурное и языковое многообразие обитателей этой страны осмысливается в категориях, связанных с территорией, с которой они себя отождествляют. Испанцы всегда отрицали наличие национальных меньшинств в своей стране. Стоит также отметить, что испанские власти (особенно при диктатуре Франко) проводили курс на упрочение единства испанской нации, под которой подразумевали совокупность всех граждан страны. Похожую политику проводят власти Грузии и большинства других постсоветских государств.

Пристальное внимание российских ученых и политиков к «проблемным» регионам, в которых идет борьба за самоопределение, объясняется возможностью создания прецедента в случае отделения какой-либо территории (стоит вспомнить позицию РФ по поводу независимости Косово) и пониманием непредсказуемых последствий такого отделения. Государства, поддержавшие независимость Косово, утверждают, что этот случай не создает прецедента, но «после Косово» принцип национального самоопределения приобрел новое звучание (в ущерб принципу государственного суверенитета, в том числе в постсоветских государствах).

Проблема национального самоопределения имеет свою специфику у народов, разделенных государственными границами. Такие народы есть не только на постсоветском пространстве, но и в странах Европейского Союза. Позиция по отношению к самоопределению зависит от ситуации в разных частях этнического ареала. Например, активная позиция в пользу самоопределения прослеживается только у басков, которые живут на территории Испании, в то время как во Франции ничего подобного не наблюдалось и не наблюдается. Французские баски не только формально являются частью французского государства, они и чувствуют себя французами; во французском политическом дискурсе нет такого понятия, как баскский конфликт⁹. Универсалистское отношение Парижа к регионам не дает им возможности и необходимости организовать движение за независимость. Исключение составляет Корсика, единственный регион Франции, который имеет особый статус. Если предположить, что эта логика верна, становится понятным движение за самоопределение в тех регионах Испании (Каталония, Страна Басков), которые имеют широкую автономию внутри унитарного государства. Это движение включает не только столько защиту национальной самобытности, сколько ее конструирование, например, у басков – начиная с 1960-х гг. (праздники, обряды, игры, танцы и т.д.)¹⁰.

В современных условиях избежать конфликта между принципами суверенитета и национального самоопределения

6 Даллакян К. С. Эрозия суверенитета нации-государства // Национальные интересы. – 2008. – №1 (45). – С. 31-34. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ni-journal.ru/archive/2008/p1_2008/474e3999/2f18e442/index.htm (дата обращения: 03.09.2016).

7 Даллакян К. С. Этнонация и этнополитический миф // Власть. – 2015. – № 5. – С. 83.

8 Шафиев К. Принципы самоопределения народов в условиях глобализации // Кавказ и глобализация. – 2007. – №3. – С. 41.

9 Mansvelt Beck J. Territory and Terror: Conflicting Nationalisms in the Basque Country. – L.: Routledge, 2004. – P. 40.

10 См., например: Кожановский А. Н. «Национальное строительство» в Испании // Современная Европа. – 2011. – № 4. – С. 54-67.

можно только в том случае, если обе стороны уменьшат свои требования и захотят пойти на сближение позиций. Этнотерриториальная автономия может быть удачным вариантом; региональная политика является приоритетной по отношению к «национальной», или этнической. Стремление к национальному самоопределению в каждом регионе, независимо от этнического состава его населения, имеет особый характер, природу и различные предпосылки, именно поэтому каждая ситуация должна рассматриваться отдельно, и не должно возникать каких-то общих образцов для решения проблем подобного характера. Исследователи связывают возникновение все новых и новых противоречий и конфликтов в национальной и региональной сферах с историей, которая трансформируется в этнополитический миф. В условиях глобализации выдвигается все больше требований государственной независимости, суверенитету многих государств угрожают как попытки сецессии, так и деятельность международных организаций.

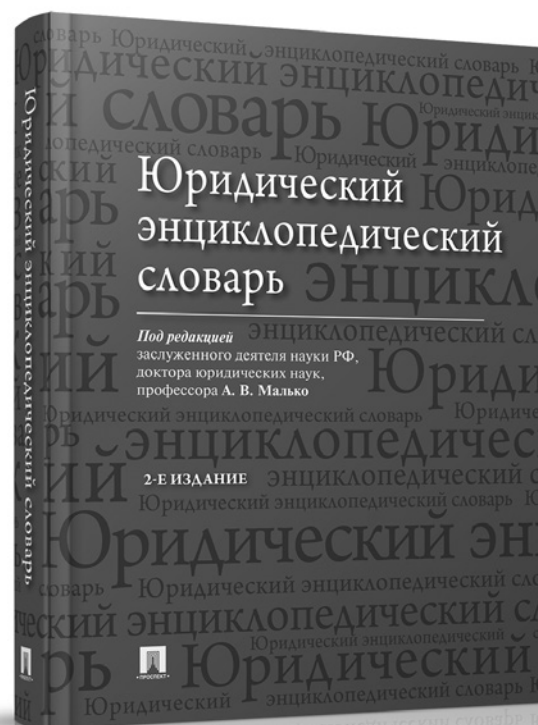
Следует отметить, что усиление значимости этнотерриториальных проблем произошло еще до начала современной глобализации, на рубеже XIX–XX веков. Тогда региональные и этнические общности стали поднимать вопрос о самоопределении, а экстремистские группы в составе национальных элит — о создании самостоятельных государств для своих этнонаций. Во время Первой мировой войны началась реализация планов самоопределения в Восточной Европе, несмотря на осторожную позицию России¹¹. В этот период 28-й президент США Вудро Вильсон поддерживал право наций на самоопределение. Государственный секретарь США Р. Лансинг, напротив, писал, что «применение этого принципа опасно для мира и стабильности»¹².

Р. Лансинг сравнивал данный принцип, который даст нациям нереализуемые надежды, с динамитом. И в условиях глобализации практическое применение принципа национального самоопределения представляет постоянную угрозу для суверенитета государств, но оба эти принципа прочно вошли в систему международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Государственный суверенитет vs. право наций на самоопределение. – М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011.
2. Грушкин Д. В. Право народов на самоопределение: идеология и практика // Право народов на самоопределение: идея и воплощение. – М.: Звенья, 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/hr/referats/selfdet/Index.htm> (дата обращения: 24.02.2013).
3. Даллакян К. С. Эрозия суверенитета нации-государства // Национальные интересы. – 2008. – № 1 (45). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ni-journal.ru/archive/2008/n1_2008/474e3999/2f18e442/index.htm (дата обращения: 03.09.2016).

4. Даллакян К. С. Этнонация и этнополитический миф // Власть. – 2015. – № 5.
5. Добронравин Н. А. Россия и непризнанные государства в период Первой мировой войны. 1914–1916 гг. // Новейшая история России. – 2014. – № 3.
6. Кожановский А. Н. «Национальное строительство» в Испании // Современная Европа. – 2011. – № 4.
7. Мартынов Б. Ф. Мир после Косово: Россия, СНГ, Латинская Америка. – М: Изд-во Института Латинской Америки РАН, 2000.
8. Фархутдинов И. З. Действует ли надгосударственность в евразийском пространстве? Интервью с А. А. Моисеевым, доктором юридических наук, деканом факультета международного права Дипломатической академии. МИД Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 8 (51).
9. Шафиев К. Принципы самоопределения народов в условиях глобализации // Кавказ и глобализация. – 2007. – № 3.
10. Lansing R. The Peace Negotiations: A Personal Narrative. – Boston; New York: Houghton Mifflin Co., 1921.
11. Mansvelt Beck J. Territory and Terror: Conflicting Nationalisms in the Basque Country. – L.: Routledge, 2004.

11 Добронравин Н. А. Россия и непризнанные государства в период Первой мировой войны. 1914–1916 гг. // Новейшая история России. – 2014. – № 3. – С. 60–72.

12 Lansing R. The Peace Negotiations: A Personal Narrative. – Boston; New York: Houghton Mifflin Co., 1921. – P. 97.

ГРЕЧЕНКОВА Оксана Юрьевна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) Донского государственного технического университета в г. Шахты

К ВОПРОСУ О МАССОВОСТИ УНИЧТОЖЕНИЯ РАСТИТЕЛЬНОГО И ЖИВОТНОГО МИРА ПРИ СОВЕРШЕНИИ АКТОВ ЭКОЦИДА

В статье раскрываются последствия массового уничтожения растительного и животного мира на примере операции армии ВВС США «Рэнч Хэнд» на территории южного Вьетнама, взрыва на нефтяной платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе, а также приводятся факты отечественного массового уничтожения природной среды, включая планирование экоцида.

Ключевые слова: экоцид, массовость, растительный мир, животный мир, отравление атмосферы и водных ресурсов.

GRECHENKOVA Oksana Yurjevna

Ph.D. in Law, Head of Civil Law and Process sub-faculty in the Institute of service sector and entrepreneurship (branch) Don State Technical University in the city of Shakhty

Греченкова О. Ю.

THE MATTER OF THE MASS DESTRUCTION OF FLORA AND FAUNA IN THE COMMISSION OF ACTS OF ECOCIDE

The article describes the consequences of the mass destruction of flora and fauna in the example of the operation of the army of the U.S. air force "Ranch Hand" on the territory of South Vietnam, explosion at the Deepwater Horizon oil rig in the Gulf of Mexico, and given the facts of domestic mass destruction of the natural environment, including the planning of ecocide.

Keywords: ecocide, mass, flora, fauna, poisoning the atmosphere and water resources.

Проблема взаимодействия человека и природы стала в последние десятилетия одной из самых актуальных. Потребительское отношение к природе сыграло не последнюю роль в развитии ситуации, приблизившей человечество к глобальному экологическому кризису. Недаром в Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г., главной целью является обеспечение на долговременной основе сохранения и восстановления редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в интересах устойчивого развития Российской Федерации. Достижение указанной цели возможно в результате формирования правовых, социально-экономических и природоохранных условий, обеспечивающих:

– экологическую безопасность, укрепление правопорядка в области охраны окружающей среды, уменьшение уязвимости редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов, а также экосистем, частью которых они являются;

– развитие и внедрение экосистемного подхода к использованию природных ресурсов для достижения устойчивого природопользования во всех секторах хозяйственной и иной деятельности, воздействующих на редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных, растений и грибов и среду их обитания¹.

Последствие в виде массового уничтожения растительного или животного мира состоит в физическом истреблении растительных сообществ и совокупностей живых организмов, постоянно или временно населяющих ту или иную территорию.

В первую очередь, массовое уничтожение животных и растительных организмов осуществимо посредством использования химических реагентов и других неизбирательных способов воздействия на природную среду (источники радиоактивного излучения, суммарное применение взрывчатых веществ и т.п.).

Летом 1961 г. США приступили к реализации «Операции Рэнч Хэнд» (Ranch Hand Operation) на территории Южного Вьетнама, а через три года завершили ее первый этап. Около 2 тыс. тонн гербицидов понадобилось для того, чтобы решить основные задачи первого этапа, связанные с выбором наиболее эффективных рецептур, способов, тактики и стратегии их применения. Осенью 1964 г. ВВС США приступили к систематическому массированному поражению окружающей среды Вьетнама, после чего научной общественности стало ясно, что армия США во Вьетнаме проводит крупномасштабные испытания новых видов оружия массового поражения – оружия экоцида².

В документах международного симпозиума по вопросам отдаленных последствий войны США во Вьетнаме (Хошимин, 1983 год) отмечалось, что в результате применения дефолианта «Оранж эйджент» («Orange Agent») флора, фауна почвы многих районов Южного Вьетнама претерпели сильные изменения. Большую часть тропических лесов война превратила в

1 Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 февраля 2014 г. № 212-р). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70596992/#block>.

2 Ecological Bulletin. 1977. № 28. P. 28.

саванны, территории которых в ряде районов и сейчас расширяются; многие прибрежные мангровые леса полностью уничтожены, и их спонтанное восстановление потребует многих сотен лет; потеряно плодородие на больших массивах пахотных земель.

Двадцать лет в США действовал мораторий на освоение шельфа, который президент США отменил в марте 2010 г. А в апреле этого же года произошел взрыв на нефтяной платформе Deepwater Horizon, который обернулся крупнейшей экологической катастрофой в истории США. Катастрофа произошла 20 апреля, когда новейшая нефтяная платформа Deepwater Horizon занималась бурением исследовательских скважин в Мексиканском заливе на расстоянии 80 км от берега. Как полагают специалисты, во время бурения в скважину попала нефть или газ, который операторы сразу не заметили. По причине человеческого фактора не сработала многоступенчатая система безопасности. Когда вспыхнул пожар, ничего поделать уже было нельзя. За жизнь самой платформы, стоимость которой \$350 млн, спасательные службы боролись 36 часов. Однако все усилия оказались тщетными: 22 апреля Deepwater Horizon затонула. После этого из пробуренной на глубине 1,5 км скважины начался неконтролируемый выброс нефти в океан. Через несколько дней специалисты береговой охраны США зафиксировали нефтяное пятно, суммарный объем которого превышал 2 тыс. тонн нефти. Таким образом, по уточненным оценкам, каждый день в воды Мексиканского залива попадало около 700 тонн нефти. Есть и более пессимистичные прогнозы. Между тем, аварийной команде никак не удавалось закрыть скважину, через которую нефть поступала в воды залива. Чрезвычайное положение было введено в Луизиане, Флориде и Алабаме. Ущерб, который выброс нефти нанес местной экологии и экономике, по словам экспертов, трудно подсчитать. Уничтожена часть прибрежной морской фауны и мангровые леса, где обитают сотни видов редких птиц и животных.

В соответствии с законодательством США ответственность за вред окружающей среде несёт владелец лицензии. В связи с этим большую долю расходов по ликвидации последствий взяла на себя British Petroleum, но другие совладельцы лицензии тоже понесли расходы.

В результате аварии погибли 11 человек, в воды Мексиканского залива вылились 4,9 миллиона баррелей нефти.

Согласно последним исследованиям, на сегодняшний день Мексиканский залив практически полностью оправился от понесённого ущерба. Американские океанологи проследили за ростом рифообразующих кораллов, которые не могут жить в загрязнённой воде, и выяснили, что кораллы размножаются и растут в обычном для них ритме. Биологи же отмечают небольшое повышение средней температуры воды в Мексиканском заливе.

В отечественном применении норм об экоциде, который связан с массовым уничтожением растительного или животного мира, отравлением атмосферы или водных ресурсов, единичны. В качестве исключения можно привести следующий пример.

В январе 2002 г. раскрыто одно из самых громких преступлений Камчатки за последние годы – отравление мальков лосося на рыбноводном заводе «Озерки». Преступление было совершено 6 февраля 2001 г. на лососевом рыбноводном заводе: неизвестные отравили хлоркой, засыпав ее в водозаборный колодец, несколько миллионов мальков лосося. Ущерб соста-

вил 12 миллиардов рублей, а по факту отравы было впервые в отечественной правоприменительной практике возбуждено уголовное дело по статье «Экоцид»³. К сожалению, судьба расследования этого дела неизвестна, скорее всего, дело не было доведено до суда.

Некоторые действия современных разработчиков проектов можно смело отнести к планируемому экоциду.

В Ростовской области ведётся разработка и реализация комплексного проекта реконструкции Азово-Донского бассейна (строительство Багаевского гидроузла на реке Дон в Арпачинском створе). На основании проекта строительства доктором технических наук, В. В. Лагутовым было сделано предварительное экспертное заключение. Согласно заключению в документе отсутствуют возможные проблемы теплового загрязнения поймы и изменения самого климата от энергетического производства в зоне расположения Багаевского гидроузла, который является одной из основных причин невозможности посадки такого сооружения в обоих рассматриваемых створах как у хутора Калинин, так и на острове Арпачин. Также никаких эффективных мер по пропуску через плотину и спасению мигрантов, проектной запиской не предусмотрено. Это означает, что последует тотальное разрушение всех миграционных путей рыб и, как следствие, всего естественного их воспроизводства⁴.

В юридической практике это явление можно описать термином как планируемый экоцид.

Поддерживая мнение В. В. Лагутова, который считает проект явно несостоятельным со стороны возможности сохранения рыбных запасов и эндемичных видов Азово-Донского региона, можно признать его крайне опасным экологическим предприятием. Проект составлен без учета крайне важных местных особенностей. И попытка его реализации может являться преступлением против мира и безопасности человечества и квалифицироваться как «планируемый экоцид» по отношению к животному и растительному миру реки Дон, а также угрозой уничтожения Дона как источника водоснабжения, что является экологической катастрофой.

В соответствии с требованиями ст. 22 Федерального Закона «О животном мире» при размещении, проектировании и строительстве населенных пунктов, предприятий, сооружений и других объектов, должны предусматриваться и проводиться мероприятия по сохранению среды обитания объектов животного мира и условий их размножения, нагула, отдыха и путей миграции, а также по обеспечению неприкосновенности защитных участков территорий и акваторий⁵.

Учитывая тот факт, что проблема качества питьевой воды в Ростовской области крайне актуальна и связана дефицитом хозяйственно-питьевых и технических вод, поскольку этому способствовала массовая ликвидация угольных шахт Ростовской области и Восточного Донбасса. И чем меньше воды в реке, тем больше концентрация токсинов. За этим следует ги-

3 Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6.

4 Предварительное экспертное заключение доктора технических наук, профессора, научного руководителя ЭАНО «Зеленый Дон», Лагутова Владимира Викторовича. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novocherkassk2015.ru/index.php/novosti/44-bagaevskij-gidrouzel>.

5 Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (с изменениями от 3 июля 2016 г. № 349-ФЗ, вступающими в силу с 1 января 2019 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10107800/>.

бель животного и растительного мира дельты Дона и выше по течению. Также загрязнение воды приводит к повышенному цветению сине-зелёных водорослей, что сказывается не только на вкусе и запахе воды, но и может привести к гибели мальков. Сегодня в воде Дона наблюдаются фосфаты, нефтепродукты, всевозможные формы азота и железа, которые делают воду крайне неприятной и опасной для питья. В связи с этим ресурсоснабжающие организации производят гиперхлорирование воды для населения, очищая её от микробиологического загрязнения.

Последствие в виде отравления атмосферы или водных ресурсов как акт экоцида зачастую совершается параллельно массовому уничтожению растительного и животного мира либо является способом такого уничтожения.

Так, бесспорно, что пагубные последствия войны как экологического фактора отрицательно влияют на окружающую среду во многих формах. Это, прежде всего, материальные остатки войны: в почве и море остаются мины, неразорвавшиеся снаряды, авиабомбы и другие боеприпасы. Все это представляет реальную угрозу для человечества, проведения сельскохозяйственных работ, добычи полезных ископаемых, рыбного промысла. Однако, не менее опасны и попытки необдуманного изменения природных объектов с целью призрачной экономической выгоды.

С учетом вышесказанного, а также необходимости законодательного закрепления планирования актов экоцида, представляется возможным предложить редакцию ст. 358 УК РФ, в большей мере соответствующую защите природы:

«Статья 358. ЭКОЦИД

1. Экоцид, то есть массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу, – наказывается ...

2. Планирование или подготовка экоцида – наказывается ...» Сознательно не указываются в предлагаемой редакции ст. 358 УК РФ возможные санкции, так как это прерогатива законодателя. Исходя из принципа дифференциации уголовной ответственности понятно, что криминализованные в качестве самостоятельного состава преступления планирование или подготовка экоцида должны быть наказуемы в меньшей степени по сравнению с реально осуществленными актами экоцида⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Греченкова О. Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Краснодар, 2007.
2. Кибальник А., Соломоненко И. Уголовная ответственность за экоцид // Законность. 2005. № 6.

3. Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17 февраля 2014 г. № 212-р). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70596992/#block>.
4. Предварительное экспертное заключение доктора технических наук, профессора, научного руководителя ЭАНО «Зеленый Дон», Лагутова Владимира Викторовича. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novocherkassk2015.ru/index.php/novosti/44-bagaevskij-gidrouzel>.
5. Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» (с изменениями от 3 июля 2016 г. № 349-ФЗ, вступающими в силу с 1 января 2019 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/10107800/>.
6. Ecological Bulletin. 1977. № 28.

⁶ Греченкова О. Ю. Экоцид как преступление против мира и безопасности человечества: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. Краснодар, 2007.

БИРЮКОВА Ольга Сергеевна

соискатель кафедры международного права МГИМО (У) МИД России

ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Тенденция увеличения доли пожилых людей среди населения влечет за собой рост внимания мирового сообщества к проблемам, связанным со старением. Ввиду отсутствия универсального юридически обязательного документа, посвященного правам пожилых людей, понятие пожилого человека трактуется по-разному. В статье рассматривается терминология, выделяются основные характеристики и анализируются различные подходы к определению пожилого человека как объекта защиты в соответствии с международным правом.

Ключевые слова: международное право, пожилые люди, права человека, старение, региональные системы защиты прав человека, уязвимость.

BIRYUKOVA Olga Sergeevna

competitor of International Law sub-faculty of the MGIMO (U) MFA of Russia

THE PROTECTION OF HUMAN RIGHTS OF OLDER PERSONS: INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS

The tendency to increase the share of the older persons in the population leads to an increase of the international community's attention to the problems associated with ageing. In the absence of the universal, legally binding document on the rights of older persons the notion of older person is interpreted in different ways. The article addresses terminology, highlights basic characteristics and analyses different approaches to the definition of an older person as the object of protection under international law.

Keywords: international law, older persons, human rights, ageing, regional human rights systems, vulnerability.

Бирюкова О. С.

Международное право прав человека находится в постоянном развитии. В ответ на новые вызовы современности разрабатываются нормы, соответствующие этим реалиям, появляются новые объекты защиты. Одной из таких очевидных тенденций современного мира является глобальное старение населения¹.

В настоящее время наблюдается стремительный рост доли лиц старше 60 лет в мировом масштабе. По данным отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, с 1990 года она возросла с 9,2 % до 11,7 % в 2013 году, что приблизительно равно 810 миллионам человек. Согласно прогнозам, это число увеличится до 1 миллиарда менее чем за 10 лет, а в 2050 году достигнет 21,1 % населения планеты, это около двух миллиардов человек. В региональном разрезе наблюдаются существенные различия. Так, в 2012 г. в Африке лица в возрасте 60 лет и старше составляли 6% населения, в странах Латинской Америки и Карибского бассейна — 10%, в Азии — 11%, в Океании — 16%, в Северной Америке — 19%, а в Европе — 22%. Ожидается, что к 2050 году эта пропорция значительно возрастет во всех регионах. В Африке она составит 10%, в Азии — 24%, в Океании — 24%, в Латинской Америке и Карибском бассейне — 25%, в Северной Америке — 27%, а в Европе — 34%².

Такая тенденция требует незамедлительной реакции мирового сообщества, в том числе и в правовой плоскости³. Именно поэтому с конца 20 века в международном праве прав человека стали разрабатываться инструменты защиты прав пожилых людей⁴. Наряду с детьми, женщинами, инвалидами, коренными народами и другими наименее защищенными представителями общества, обладающими специальным набором прав, пожилые люди постепенно заняли свою нишу в международном праве.

Хотя на сегодняшний момент предприняты значительные шаги в формировании этой новой категории прав человека, не существует юридически обязательного универсального документа, закрепляющего основные характеристики пожилого человека как объекта международного права прав человека, а также четкого набора его прав. По этой причине подходы в региональных системах защиты прав человека различаются.

Для целей более подробного изучения проблемы защиты прав пожилых людей в науке, а также для эффективной реализации прав человека на практике необходимо четко представ-

1 Старение в XXI веке: триумф и вызов. Резюме // Фонд ООН в области народонаселения, Нью-Йорк и «Хелпэйдж интернейшнл», Лондон. – 2012; Huenchuan S., Rodríguez-Piñero L. Envejecimiento y derechos humanos: situación y perspectivas de protección // CEPAL. – 2010. – P. 13-73.

2 World population ageing 2013. Report // Population Division of the Department of Economic and Social Affairs. – 2013.

3 See: Doron I. and Spanier B. International Elder Law: The Future of Elder Law // Beyond elder law: new directions in law and aging / Ed. by Israel Doron and Ann M. Soden. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2012. P. 125-148; Doron I. From national to international elder law // Journal of international aging, law & policy. – 2005. – Vol. 1. – P. 45-67.

4 См., напр.: Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Международно-правовые основы защиты прав пожилых людей // Успехи геронтологии. – 2014. – Т. 27. – № 1. – С. 11-17; Попова С. М., Яник А. А. Проблемы глобального старения населения: анализ документов и стратегии ООН // Международное право и международные организации. – 2014. – № 3. – С. 429-443; Солнцев А. М., Кебурия К. О. К вопросу о создании международного договора о правах пожилых людей // Социальное и пенсионное право. – 2013. – № 2. – С. 45-53; De Hert P., Mantovani E. Specific human rights for older people? // European Human Rights Law Review. – 2011. – Issue 4. – P. 398-402.

лять, кого следует считать пожилым человеком. Рассматривая престарелых в качестве объекта специальных прав, следует отметить, что первым встает вопрос о формулировке самого понятия. Как в доктрине, так и в международных документах терминология в значительной мере различается. Этот вопрос, в частности, рассматривается в замечании общего порядка № 6 Комитета по экономическим, социальным и культурным правам (КЭСКП). В мировой практике используются такие понятия, как «пожилые люди», «престарелые лица», «лица старшего возраста», «лица третьей возрастной группы», «лица преклонного возраста», «лица четвертой возрастной группы», т.е. люди в возрасте старше 80 лет. КЭСКП по этому поводу заявил, что предпочитает термин «пожилые люди», который применяется в резолюциях Генеральной Ассамблеи 47/5 (Декларация по проблемам старения) и 48/98 (Осуществление Международного плана действий по проблемам старения). В региональных системах защиты прав человека также поднимался вопрос формулировки этого понятия. Например, в проекте Протокола по правам пожилых людей к Африканской хартии прав человека и народов говорится, что терминология «лица старшего возраста», «престарелые», «лица преклонного возраста», «пожилые люди» одинаково применимы для целей его реализации. Таким образом, ввиду отсутствия четкого закрепления обязательной формулировки, соответствующей этой возрастной категории населения, представляется разумным все эти и другие понятия, используемые международным сообществом, применять для ее обозначения как в доктрине, так и на практике.

Важной характеристикой является определение возраста, с которого человек признается пожилым⁵. Основная сложность заключается в том, что в отличие, например, от детей, в отношении которых уже действует юридически обязательный международный документ, нет единого мнения относительно момента наступления старости. Биологически старение организма может происходить в разное время у разных людей. Однако для понимания правовых последствий этого явления необходимо четкое документальное закрепление этого критерия.

Межамериканская конвенция о защите прав человека пожилых людей – единственный документ как на региональном, так и на универсальном уровне, который дает четкое определение пожилого человека, называя его главным критерием возраст. В понятийном аппарате, заложенном в этом документе, под престарелым подразумевается «лицо 60 лет и старше, за исключением случаев, когда внутреннее законодательство устанавливает возраст выше или ниже, но не более 65 лет». Таким образом, в американском регионе за основу исчисления берется возраст в 60 лет, хотя и допускается возможность увеличения или уменьшения этого параметра.

Установление возрастной отметки в 60 лет берет свое начало из документов ООН. Первый такой крупный международный документ, посвященный престарелым, Венский международный план действий по проблемам старения, принятый на Всемирной ассамблее по проблемам старения в 1982 году, хотя и не закрепляет четкой формулировки, кто является пожилым человеком, однако исходя из текста можно понять, что престарелым признается человек, достигший 60 лет и старше. Основной на сегодняшний день международный документ по правам пожилых людей – Мадридский международный план действий по проблемам старения, принятый уже на второй

Всемирной ассамблее по проблемам старения, также признает началом преклонного возраста рубеж в 60 лет. Такого же мнения придерживаются и статистики ООН.

Следуя заложенной на универсальном уровне практике исчисления возраста, с которого наступает старость, африканская система защиты прав человека устанавливает эту отметку в 60 лет. В частности, это закреплено в Рамочной политике Африканского союза по вопросам старения и Плана действий, а также в готовящемся к принятию проекте Протокола по правам пожилых людей к Африканской хартии прав человека и народов. В азиатских странах тоже принято считать престарелым человека в возрасте 60 лет и старше. Это прослеживается, например, в Арабском плане действий по проблемам старения до 2012 года.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в большинстве своих публикаций так же, как и ООН определяет начало пожилого возраста с 60 лет. Однако в своем глобальном резюме для Всемирного дня здоровья 2012 года ВОЗ пояснила, что «по разным причинам, в некоторых исследованиях рассматриваются другие возрастные группы населения, такие как 50 лет и старше, 65 лет и старше и 80 лет и старше»⁶. Наступление старости во многом зависит от продолжительности жизни в конкретной стране или регионе, поэтому для статистических и практических целей в исследованиях целесообразно использовать другие возрастные границы. Например, исходя из этой позиции, для многих стран африканского региона биологическое старение организма человека может наступать в диапазоне от 50 до 55 лет, поэтому, по мнению ВОЗ, такой возраст уместно использовать при работе с данными по Африке.

Международная организация труда (МОТ) рассматривает начало возраста пожилого человека с момента выхода на пенсию в большинстве стран, то есть с 65 лет. Так, раздел номер пять Конвенции МОТ № 102 «О минимальных нормах социального обеспечения», посвященный пособиям по старости, распространяется на мужчин и женщин, достигших 65 лет, или установленного государством более высокого возрастного предела.

В Евростате, статистической службе Европейского союза, к категории пожилых людей относят лиц в возрасте 65 лет и старше по тем же причинам, что и в МОТ.

Такие разные подходы, с одной стороны, дают возможность учитывать культурные, социальные и экономические особенности разных стран, но, с другой стороны, не обеспечивают единообразия в применении норм международного права и региональных инструментов защиты прав пожилых людей, а также исключают из статистических данных целую группу людей. Представляется, что при наличии международной конвенции, закрепляющей единый возраст наступления старости, удалось бы избежать негативных последствий разногласий в подходах.

Однако возраст не является единственной характерной чертой, определяющей пожилого человека. Анализ документов, посвященных правам лиц старшего возраста, позволяет выделить еще одну характеристику рассматриваемого объекта прав человека – это уязвимость. На нее указывали ряд специалистов в области международного права и видные деятели современности⁷. В частности, Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своем выступлении на второй Всемирной ассамблее

5 См.: Солнцев А. М., Кебурия К. О. Генезис международно-правового регулирования защиты прав пожилых людей // Украинський часопис міжнародного права. – 2013. – №1. – С. 36.

6 Хорошее здоровье прибавляет жизни к годам. Глобальное резюме для Всемирного дня здоровья 2012 г. – Женева: ВОЗ, 2012.

7 См., напр.: Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Проблема защиты прав пожилых лиц на повестке дня мирового сообщества // Вестник РУДН. – 2014. – №2. – С. 343-356; Fox O'Mahony L. Ageing, difference and discrimination: property transactions in the crucible of hu-

по проблемам старения заявил, что пожилые люди нуждаются в особой защите и поддержке⁸. А бывшая Верховный комиссар ООН по правам человека Нави Пиллэй прямо назвала престарелых уязвимой группой и призвала к совершенствованию и улучшению средств их правовой защиты⁹. Уязвимыми пожилые люди признаются также и Специальным докладчиком СПЧ по вопросу о праве каждого человека на наивысший достижимый уровень физического и психического здоровья Анандом Гровером. В своем тематическом исследовании по вопросу реализации права на здоровье пожилых людей он отметил, что пожилые люди зачастую считаются «отжившим» элементом общества, поэтому особо уязвимы к нарушению права на здоровье. Кроме того, он подчеркнул, что необходимо уделить особое внимание защите прав пожилых людей как уязвимой группе от злоупотреблений и нарушения их прав¹⁰.

Кроме престарелых международное сообщество применяет термин «уязвимые группы» также в отношении детей, женщин, инвалидов, трудящихся-мигрантов, беженцев, национальных меньшинств и коренных народов. Такое понятие часто используется в заявлениях, декларациях. Например, в Повестке дня на XXI век глава 6 об охране и укреплении здоровья человека среди программных областей называет защиту уязвимых групп, в частности, детей, молодежи, женщин, коренных народов и беднейших слоев населения, а также пожилых людей и инвалидов.

Для того чтобы понять, что такое уязвимость, необходимо обратиться к доктрине, так как ни один международный договор не дает определения этому понятию и не содержит исчерпывающего перечня лиц, которые подпадают под него. Хотя и в научной среде эта тема не получила широкого освещения, тем не менее наиболее подробную информацию об этом можно найти в работах Е. С. Алисиевич¹¹. Важнейшим признаком, свидетельствующем об уязвимости человека, она называет фактическое ограничение его возможности полностью реализовать свои права. К основным критериям понятия «уязвимая группа» Е. С. Алисиевич относит факторы, ставящие человека в положение незащищенности. Среди них выделяются объективные внешние факторы, которые не зависят от человека, например, вооруженные конфликты или стихийные бедствия, и индивидуальные характеристики, присущие группе лиц, например, возраст, раса, вероисповедание. Таким образом, пожилые люди уже в силу своего возраста являются уязвимыми, а значит нуждаются в особой защите.

В пунктах 12 и 35 замечания общего порядка № 14 «Право на наивысший достижимый уровень здоровья» по статье 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах признается, что пожилые люди являются уязвимой группой лиц, которую государства обязаны защищать, то есть принимать законодательные и иные меры, обеспечивающие доступ к услугам здравоохранения и другим связанным с охраной здоровья услугам.

Основные региональные документы, посвященные правам пожилых людей, включают «уязвимость» в качестве одной из характеристик этой категории населения. Причисление пожилых людей к уязвимым группам встречается в документах Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Так, в одном из заявлений, сделанных в формате АСЕАН плюс три (плюс Китай, Япония и Южная Корея), среди приоритетов были названы меры по защите прав и интересов, а также предоставление равных возможностей и высоких стандартов качества жизни для уязвимых слоев населения, в том числе для пожилых людей¹².

В Рамочной политике Африканского союза по вопросам старения и Плана действий говорится, что лица старшего возраста наряду с детьми являются наиболее уязвимыми к тем проблемам, которые существуют в Африке: бедность, отсутствие продовольственной безопасности, гражданские войны, вооруженные конфликты, насилие, не отвечающие требованиям службы социального обеспечения. Поэтому требуется активизировать усилия по созданию соответствующих механизмов для защиты прав пожилых африканцев. Подобные высказывания содержатся и в Рамочной социальной политике Африканского союза, принятой на первой сессии конференции министров Африканского союза по вопросам социального развития и посвященной, в том числе, проблемам уязвимых групп, среди которых выделяются женщины, дети, инвалиды и пожилые люди. Следует, однако, отметить, что, несмотря на явную приверженность позиции о принадлежности престарелых к уязвимой группе, выраженную в декларативных заявлениях Африканского союза, в готовящемся к принятию первом обязательном юридическом документе Протоколе по правам пожилых людей к Африканской хартии прав человека и народов, нет упоминания об этой характеристике пожилого человека.

Европейская система защиты прав человека также относит пожилых людей к уязвимой группе населения. Это прослеживается, например, в Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы о правах на медицинское обслуживание и социальное обеспечение престарелых, Рекомендации того же органа о борьбе с дискриминацией пожилых людей на рынке труда, в докладе Европарламента ЕС о ситуации с основными правами в Европейском союзе 2003 года.

В Межамериканской конвенции о защите прав человека пожилых людей звучит посыл о необходимости заботиться о пожилых людях как о незащищенной категории населения, что обусловлено, в том числе, и стереотипами, которые существуют в обществе.

Пожилые люди представляют собой неоднородную группу, поэтому для эффективной защиты их прав международное сообщество выделяет среди них наиболее уязвимые слои¹³. Иначе говоря, речь идет о множественной уязвимости.

Так, в Мадридском международном плане действий по проблемам старения выделяются такие группы пожилых, обладающие множественной уязвимостью, как одинокие пожилые люди, инвалиды, мигранты. Среди особо уязвимых пожилых, испытывающих множественную дискриминацию, еще названы пожилые женщины, проживающие в сельской местности, люди преклонного возраста, страдающие серьез-

man rights norms // King'slaw journal. – 2013. – Vol. 24. – № 2. – P. 202-236.

8 See: Second World Assembly on Aging: Report of the Secretary General, 6 July 2009. UN Doc. A/64/127.

9 See: United Nations High Commissioner for Human Rights. Millions of older persons are denied their rights. – 1 October 2010.

10 See: An and Grover. Thematic study on the realization of the right to health of older persons by the Special Rapporteur on the right of everyone to the enjoyment of the highest attainable standard of physical and mental health. – 4 July 2011.

11 См: Алисиевич Е. С. К вопросу об определении понятия «уязвимые группы» в международном праве прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 29-33; Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве: учебное пособие / Алисиевич Е. С. – М.: РУДН, 2012.

12 See: Joint statement of the third ASEAN plus three ministerial meeting for social welfare and development (3rd AMMSWD+3): Strengthening Family Institution: Caring for the Elderly. Bandar Seri Begawan, Brunei Darussalam. – 6 November 2010.

13 See: Martin C., Rodríguez-Pinzón D., Brown B. Human Rights of Older People: Universal and Regional Legal Perspectives. – Netherlands: Springer, 2015. – P. 81-110.

ными заболеваниями, такими как ВИЧ/СПИД и Альцгеймер. Кроме того, отмечаются престарелые, находящиеся в таком уязвимом положении, как стихийное бедствие или иная чрезвычайная ситуация.

Говоря об уязвимости пожилых людей во время вооруженных конфликтов, регулируемых нормами международного гуманитарного права, следует обратить внимание, что в Женевских конвенциях 1949 года и Дополнительных протоколах к ним не говорится об особом отношении к престарелым в связи с указанным фактором. Упоминание о лицах старшего возраста встречается лишь в статье 14 о создании на оккупированной территории санитарных и безопасных зон и местности, чтобы оградить от действий войны таких уязвимых лиц как раненые и больные, инвалиды, дети и беременные, а также престарелые¹⁴.

Более широко этот вопрос рассматривается в документах региональных систем защиты прав человека. Так, Межамериканская конвенция о защите прав человека пожилых людей к лицам, обладающим множественной уязвимостью, относит пожилых женщин, инвалидов преклонного возраста, лиц различных сексуальных ориентаций, мигрантов, нищих, престарелых, принадлежащих к коренным народам, а также африканского происхождения, бездомных, лиц, лишенных свободы, сельских жителей и других. Кроме того, в документе используется понятие «уязвимая ситуация», однако не раскрывается его суть. Как будет трактоваться это понятие, покажет практика. Возможно, оно предусматривает такие случаи, как вооруженные конфликты, стихийные бедствия и другие чрезвычайные ситуации. Лицам, находящимся в таком положении, авторы документа призывают уделять особое внимание.

В Декларации Макао и Плана действий по вопросам старения для Азии и Тихоокеанского региона также отмечается особая уязвимость престарелых во время природных катастроф и чрезвычайных ситуаций. Кроме того, в документе перечислены и категории лиц старшего возраста, обладающие множественной уязвимостью. К ним относятся пожилые, находящиеся без поддержки семьи, перемещенные лица, люди с низким доходом, инвалиды, меньшинства, лица, требующие долгосрочного ухода и прямой гуманитарной помощи, обездоленные и вдовы. Согласно документу, такие люди должны получать особую поддержку и подпадать под действия социальных программ. В Арабском плане действий по проблемам старения до 2012 года так же, как и в Декларации Макао одинокие пожилые признаны наиболее уязвимыми.

В европейской системе защиты прав человека также выделяются отдельные категории, обладающие множественной уязвимостью. Это пожилые инвалиды¹⁵, мигранты, женщины¹⁶ и особенно одинокие женщины¹⁷.

Следуя основным документам по правам человека, в своих национальных законодательствах государства также причисляют пожилых людей к уязвимой категории населения. Это подтверждается в докладе Управления Верховного комиссара по правам человека, где утверждается, что по итогам завершения первого цикла Универсального периодического об-

зора во всех докладах государств, где упоминались пожилые люди, они были названы уязвимыми¹⁸.

Вышеизложенное позволяет понять, какими характеристиками должен обладать человек, чтобы на него распространялись нормы права, разработанные в отношении пожилых людей. Это позволяет лицам старшего возраста рассчитывать на поощрение и соблюдение таких важных для них прав, как право на здоровье, социальное обеспечение, на свободу от злоупотреблений, насилия и жестокого обращения, на участие в жизни общества и другие, а также добиться реализации концепции ООН «общество для всех возрастов»¹⁹.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Маличенко В. С. Международно-правовые основы защиты прав пожилых людей // Успехи геронтологии. – 2014. – Т. 27. – № 1.
2. Абашидзе А. Х., Конева А. Е. Проблема защиты прав пожилых лиц на повестке дня мирового сообщества // Вестник РУДН. – 2014. – № 2.
3. Алисиевич Е. С. К вопросу об определении понятия «уязвимые группы» в международном праве прав человека // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 1.
4. Поощрение и защита прав уязвимых групп в международном праве: учебное пособие / Отв. ред. Е. С. Алисиевич – М.: РУДН, 2012.
5. Михайлова О. Н. 10 лет Международному году пожилого человека: на пути к обществу для всех возрастов // Успехи геронтологии. – 2009. – Т. 22. – № 4.
6. Попова С. М., Яник А. А. Проблемы глобального старения населения: анализ документов и стратегии ООН // Международное право и международные организации. – 2014. – № 3.
7. Солнцев А. М., Кебурия К. О. К вопросу о создании международного договора о правах пожилых людей // Социальное и пенсионное право. – 2013. – № 2.
8. Солнцев А. М., Кебурия К. О. Генезис международно-правового регулирования защиты прав пожилых людей // Украинский часопис міжнародного права. – 2013. – № 1.
9. De Hert P., Mantovani E. Specific human rights for older people? // European Human Rights Law Review. – 2011. – Issue 4.
10. Doron I., Spanier B. International Elder Law: The Future of Elder Law // Beyond elder law: new directions in law and aging / Ed. by Israel Doron and Ann M. Soden. – Berlin, Heidelberg: Springer, 2012.
11. Doron I. From national to international elder law // Journal of international aging, law & policy. – 2005. – Vol. 1.
12. Fox O'Mahony L. Ageing, difference and discrimination: property transactions in the crucible of human rights norms // King's law journal. – 2013. Vol. 24. № 2.
13. Huenchuan S., Rodríguez-Piñero L. Envejecimiento y derechos humanos: situación y perspectivas de protección // CEPAL. – 2010.
14. Martin C., Rodríguez-Pinzón D., Brown B. Human Rights of Older People: Universal and Regional Legal Perspectives. – Netherlands: Springer, 2015.
- 18 Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights on 20 April 2012. E/2012/51.
- 19 Более подробно см.: Михайлова О. Н. 10 лет Международному году пожилого человека: на пути к обществу для всех возрастов // Успехи геронтологии. – 2009. – Т. 22. – № 4. – С. 535-538.

14 См: Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 августа 1949 г.

15 See: European Parliament and Council. Decision No 940/2011/EU on the European Year for Active Ageing and Solidarity between Generations (2012). – 14 September 2011 // OJ L 246. 23.9.2011. – P. 5-10.

16 See: Parliamentary Assembly. Recommendation 1796 (2007): The situation of elderly persons in Europe. – 24 May 2007.

17 See: Committee of Ministers. Recommendation CM/Rec (2011)5 to member states on reducing the risk of vulnerability of elderly migrants and improving their welfare. – 25 May 2011.

ШИЯНОВ Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета

ПРИМЕНЕНИЕ ТАРИФНЫХ И АНАЛОГИЧНЫХ ИМ МЕР В МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

В статье автор развивает тезис о преимущественном значении для регулирования современных международных отношений в сфере экспорта, импорта и транзита энергоносителей и оказания сопутствующих услуг «права ВТО». В контексте энергетического сотрудничества рассматриваются нормы многосторонних торговых соглашений, обеспечивающие режим наиболее благоприятствуемой нации, национальный режим, свободу транзита, запрещающие количественные ограничения и предусматривающие открытый характер регулирования.

Ключевые слова: соглашение, пошлина, налог, электроэнергия, природный газ, обязательство.

Шиянов А. В.

SHIYANOV Alexey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of International Law sub-faculty of the Law Faculty of the Southern Federal University

THE APPLICATION OF TARIFF AND SIMILAR TO THEM MEASURES IN THE INTERNATIONAL ENERGY LEGAL RELATIONS

In article the author develops the thesis about preferential value for regulation of the modern international relations in the sphere of export, import and transit of energy carriers and rendering the accompanying services of "the law of the WTO". In the context of an energy cooperation the regulations of multilateral trade agreements providing regime of the most favored nation, the national treatment, freedom of transit forbidding quantitative restrictions and providing open nature of regulation are considered.

Keywords: agreement, duty, tax, electric power, natural gas, liability.

Современное международное право включает приёмы и средства регулирования отношений, возникающих в сфере трансграничного перемещения товаров и услуг, которые в отсутствие специальных норм, применимы к энергетическому сектору по аналогии. Предлагаемое исследование представляет собой обзор международно-правовых норм, действующих в сфере регулирования экспорта, импорта и транзита энергии и энергоносителей, а также сопутствующих операций, в значительной степени кодифицированных «правом Всемирной торговой организации (ВТО)».

Юридические основы многосторонней торговой системы включают нормы об исключительной таможенной защите, обязывающий отдавать предпочтение ввозным и вывозным таможенным пошлинам и иным обязательным платежам, взимаемым в связи с перемещением товаров через таможенную границу, и запрещающий их повышать в одностороннем порядке. Действует правило «единого пакета», в соответствии с которым неправомерен отказ от соблюдения соглашений по торговле товарами и услугами с общим участием, и разрешено не присоединяться к соглашениям с ограниченным участием. Закреплены нормы о многостороннем правовом взаимодействии, обязывающие заключать обоюдные торговые соглашения и воздерживаться от применения двусторонних соглашений и односторонних мер, нарушающих многосторонние соглашения¹. В торговле услугами многостороннее сотрудничество должно осуществляться на условиях транспарентности, поступательной либерализации, взаимной выгоды, обеспече-

ния баланса прав и обязательств и признания права регулировать поставки услуг, и вводить меры для достижения целей национальной политики.

Данные правила рассматриваются в литературе как составляющие специальных принципов международного торгового права², неотделимых от принципов «права ВТО»³. Общая направленность на либерализацию международной торговли реализуется посредством закрепления недискриминационного режима, на который вправе рассчитывать операторы членов организации. Следовательно, применение тарифных и аналогичных им мер в международных энергетических отношениях осуществляется на основе норм Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ)⁴ и Генерального соглашения по торговле услугами (ГАТС)⁵, толкуемых в ходе разрешения споров⁶. Конкретизация юридических обязательств в энерге-

2 Там же. С. 192.

3 Шумилов В. М. Право Всемирной торговой организации (ВТО). М., 2013. С. 25.

4 Приложение 1А к Соглашению об учреждении ВТО (Марракеш, 15 апреля 1994 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13> (дата обращения: 25 августа 2016 г.).

5 Приложение 1В к Соглашению об учреждении ВТО (Марракеш, 15 апреля 1994 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13> (дата обращения: 25 августа 2016 г.).

6 См., например: Canada – Measures Relating to the Feed-in Tariff Program. Report of the Appellate Body. WT/DS426/AB/R. 6 May 2013. p. 41.

1 Дедусенко А. С. Принципы современного международного торгового права // Московский журнал международного права. 2005. №2. С. 201-212.

тическом секторе многосторонней торговли происходит в документах, подписываемых при вступлении в ВТО⁷.

1. Обязанность предоставлять режим наиболее благоприятствуемой нации по ст. I ГАТТ означает, что всякий раз, когда сторона вводит таможенные пошлины, прочие сборы или любые импортные или экспортные процедуры или правила и внутренние меры, дающие преимущество товарам другой стороны, эта привилегия должна предоставляться подобным товарам третьих сторон на основании обязательств. Недопустима дискриминация импортируемых товаров по признаку их происхождения или экспортных товаров по признаку их назначения. Все товары, являющиеся «подобными», независимо от их происхождения или назначения, должны пользоваться одинаковым режимом, предоставляемым немедленно и безусловно. Согласимся, что «подобие товаров» устанавливается на основе свойств, качества или позиции в тарифной классификации, поэтому, к примеру, к электроэнергии из одной стороны может быть применён иной тариф, чем к природному газу из другой стороны, а нарушение произойдёт при введении разных пошлин для электроэнергии в зависимости от способа генерации. Увязка более низкого тарифа или другой меры доступа к энергетическому рынку со встречными мерами не должна нарушать данный режим, поэтому недопустимо, чтобы одна сторона открыла свой энергетический рынок только для стороны, в которой имеется сходный уровень либерализации, но не для третьей стороны, рынок которой все еще более защищен. Это позволяет избежать положения, при котором только ведущие торговые партнеры согласовывают между собой уступки, а все иные вынуждены к ним присоединиться⁸. Статья II ГАТС предусматривает режим не менее благоприятный, чем тот, который вводится для любой другой стороны, поэтому, к примеру, не могут вводиться льготные пошлины для операторов одной из сторон, учредившей на территории другой компании, без предоставления аналогичного режима операторам третьих сторон.

2. Правила о предоставлении национального режима по ст. III ГАТТ допускает налогообложение или внутреннее регулирование импорта, если такие же меры применяются и к отечественным товарам. Запрещено различное налогообложение подобных, непосредственно конкурирующих или взаимозаменяемых товаров, если тем самым обеспечивается преимущество отечественному производителю. Следует согласиться, что налогообложение электроэнергии, отличающееся от налогов на газ или нефть, нарушением не является, но установление дополнительного налога на электроэнергию, вырабатываемую на основе невозобновляемых источников, представляется дискриминацией. Два вида энергоресурсов, не признанных подобными, как, к примеру, электроэнергия или газ, могут считаться непосредственно конкурирующими, и льготное для внутреннего производства налогообложение может быть признано неправомерным⁹. Иные внутренние меры, к примеру,

минимальные цены, экологические стандарты, сборы за доступ к передающим системам, должны предусматривать для импорта такой же режим, что и для отечественных товаров. Запрещены меры по смешению, переработке или использованию товаров в определенных пропорциях или минимального содержания местных составляющих, например, субсидирование электроэнергии, вырабатываемой с использованием местных источников. Но обложение отечественной и импортной электроэнергии по одинаковым ставкам, за счет которого субсидируется внутренне производство из возобновляемых источников, правомерно. Специфические обязательства по ст. XVII ГАТС, к примеру, в области технического обслуживания энерготранспортных линий могут предоставлять другим сторонам режим налогообложения, не менее благоприятный, чем тот, которым пользуются отечественные компании, при этом недопустимо менять условия конкуренции в пользу отечественных поставщиков по сравнению с поставщиками других сторон.

3. Статья V ГАТТ запрещает препятствовать провозу товаров через территорию одной из сторон в интересах других сторон, начинающемуся и заканчивающемуся за её границами, по путям, наиболее подходящим для перевозок. Транзитные перевозки из территорий других сторон или на их территорию, не должны подвергаться задержкам или ограничениям, не вызванным нарушением таможенных правил. Следует согласиться с тем, что, если, к примеру, природный газ пересекает территорию одной из сторон по трубопроводам, и направляется из другой стороны в третью, то транзитёр не вправе вводить таможенные пошлины и прочие пошлины или сборы за транзит, за исключением сборов за транспортировку, административные процедуры или другие оказанные услуги или в порядке возмещения расходов по ведению статистического учёта или обеспечению безопасности¹⁰. Любые сборы должны быть умеренными и учитывающими фактические издержки, а соблюдение требований в отношении безопасности, уведомлений и лицензирования не должны приводить к излишним задержкам или ограничениям. Транзиту в одну из сторон или из нее должен обеспечиваться режим не менее благоприятный, чем транзиту в любую третью сторону или из нее, без различий, основанных на флаге судов, месте происхождения, отправления, захода, выхода или назначения или каких-либо обстоятельств, относящихся к собственности на товар или транспортное средство. Недопустимо устанавливать на товары, следующие из соседней стороны, более низких сборов, чем на отправленные из этой стороны транзитом через третью сторону.

4. Нормы ст. VIII ГАТТ ограничивают величину всех сборов и платежей, устанавливаемых на ввоз или вывоз товаров, или в связи с ними, кроме подпадающих под обязательства о национальном режиме, приблизительной стоимостью оказанных услуг. Такие меры не должны применяться для косвенной защиты отечественных товаров, обложения импорта или экспорта в фискальных целях, увеличения наказания за совершение незначительных нарушений таможенных правил и для выравнивания внутренних налогов, если соответствующий товар не является объектом связывания тарифов. Соответствующие сборы и платежи должны быть увязаны со стоимостью услуг, настолько тесно связанных с процессами прохождения таможи, что это, при условии предоставления обычной ли-

7 См., например: Перечень тарифных уступок. Перечень специфических обязательств. Приложение к Протоколу от 16 декабря 2011 г. о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132721/ (дата обращения: 25 августа 2016 г.).

8 Selivanova J. The WTO and Energy: WTO Rules and Agreements of Relevance to the Energy Sector. ICTSD Trade and Sustainable Energy Series. Issue Paper №1. Geneva, 2007. P. 11.

9 Nedumpara J. J. Energy Security and the WTO Agreements. Trade, the WTO and Energy Security. Mapping the Linkages for India. Editor S. Mathur. Centre for WTO Studies (CWS), IIFT. New Delhi 2014. P. 18.

10 Azaria D. Energy Transit under the Energy Charter Treaty and the General Agreement on Tariffs and Trade. Journal of Energy & Natural Resources Law. Vol. 27. 2009. №4. P. 560.

цензии, будет преимуществом для конкретного импортера. Сбор или платеж должен быть ограничен приблизительной стоимостью таможенной обработки для ввоза, поэтому недопустима система, основанная не на количестве товара, а на его стоимости. Соответствующие сборы или платежи могут устанавливаться только в том случае, если они компенсируют расходы по оказанию услуги, например, по сертификации или инспекции качества или характеристик товаров энергетического назначения, и не могут быть рассчитаны на основе их стоимости. Сферой применения таких мер являются только сборы или платежи, отличные от внутренних налогов, регулируемых на основании обязательств о национальном режиме. Их введение должно быть надлежащим образом регламентировано, поскольку, к примеру, как указано в литературе, пошлины за статистический учёт иностранных торговых операторов без установления ее минимальной или максимальной суммы будет являться нарушением¹¹.

5. Статья IX ГАТТ разрешает требовать наличия отметок о происхождении товаров энергетического назначения, если при этом обеспечивается их недискриминационное применение для импорта из любой стороны. Соблюдение правил о маркировке не должно повлечь серьезного ущерба товарам или существенного снижения их ценности, или необоснованно увеличивать их стоимость. Никакие специальные пошлины или штрафы не должны налагаться за несоблюдение данных правил до ввоза, если исправление маркировки не будет неоправданно задержано, или не были сделаны ложные маркировки, или требуемая маркировка не была намеренно упущена. Данные предписания касаются только отметок о месте происхождения, к примеру, нефтепродуктов, и не распространяются на ярлыки, информирующие потребителя об иных фактах, таких как, характеристика безопасности или технологического процесса. Дискриминационные требования об этикетировании также считаются нарушением обязательств о национальном режиме¹².

6. Статья XI ГАТТ запрещает количественные ограничения, имеющие характер квот, импортных, экспортных лицензий или других мер на импорт или экспорт товаров. Предписания охватывают случаи запрета импорта или экспорта электроэнергии или природного газа ниже определенной цены, что препятствует более дешёвому импорту, или не допускает экспорт на мировые рынки по конкурентным ценам. Установлено, что нормы о количественных ограничениях применимы только к мерам, дополняющим режим наиболее благоприятствуемой нации, но если все количественные пограничные меры запрещены, то таможенные пошлины разрешены до определённого уровня¹³. Если мера применяется исключительно к импорту, она подпадает под запрет количественных ограничений, а если применяется ко всем товарам, - под обязательства о национальном режиме. Тем не менее, разрешены временные меры по ограничению экспорта, применяемые для предотвращения критического недостатка электроэнергии или нефтепродуктов, имеющих существенное значение для экспортирующей стороны, или необходимые для перехода на новые международные стандарты классификации, сортировки или реализации. На основании ст. XVI ГАТС, к примеру, в сфере доставки и удаления ядерных мате-

риалов и отходов, следует избегать ограничений в форме количественных квот или требовать обоснования экономической целесообразности, численности поставщиков и занятого персонала, стоимости услуг или задействованных активов, ограничивать правовые формы юридических лиц или совместных предприятий, долю иностранного капитала.

7. Статья XIII ГАТТ разрешает количественные ограничения импорта или экспорта с соблюдением режима наиболее благоприятствуемой нации и фиксированные тарифные квоты на общее количество разрешенного импорта. К примеру, если в порядке исключения устанавливается квота на импорт природного газа или нефтепродуктов, то устанавливать одинаковую относительную квоту для всех сторон, с тем, чтобы соблюсти обязательства по режиму наиболее благоприятствуемой нации, будет несправедливо, поскольку не отражает доли, которые импортирующие стороны имели бы при отсутствии таких ограничений¹⁴. Ограничения могут применяться путем выдачи импортных лицензий или разрешений без квоты, стороны не должны требовать, чтобы соответствующие ограничения использовались для импорта из какой-либо определенной страны или источника. В случаях, когда квота распределяется между импортирующими сторонами, сторона, применяющая ограничения, может достичь соглашения с заинтересованными сторонами относительно распределения долей в квоте. Если данный метод не целесообразен, сторона, вводящая ограничения, должна выделить заинтересованным сторонам долю от всего количества или стоимости импорта данного товара, основанную на пропорции предшествовавшего периода. Не должно устанавливаться никаких условий или формальностей, препятствующих сторонам полностью использовать выделенные им доли, при условии, что ввоз будет произведен в предписанный период, к которому может относиться квота.

8. Статья XII ГАТТ допускает ограничения количества или стоимости разрешенных к импорту товаров в целях обеспечения внешнего финансового положения и равновесия платежного баланса. Если в условиях чрезмерного импорта правила, основанные на цене, к примеру, дополнительные сборы в счёт предстоящих операций, не привели к пополнению запасов иностранной валюты, то могут вводиться запреты на импорт, устанавливающие квоты или минимальные цены и иные количественные ограничения¹⁵. Соответствующие меры следует вводить с соблюдением обязательств по режиму наиболее благоприятствуемой нации, и они не должны быть более значительными, чем требуется для предотвращения существенного сокращения валютных резервов. Могут вводиться меры, равноценные ограничению платежей и переводов по текущим международным сделкам, к примеру, кратковременная фиксация курса национальной валюты по расчётам в рамках квоты на поставки энергоносителей, не подрывающая международную систему обменных курсов. Не запрещены недискриминационные меры, имеющие равноценный эффект с ограничениями свободы обменных операций в дефицитной валюте по ст. XIV ГАТТ. Статья XI ГАТС запрещает применять ограничения в отношении международных переводов и платежей по текущим операциям, касающихся его специфических обязательств. Стороны, находящиеся в процессе экономического развития или в условиях переходной экономики, на основании ст. XII ГАТС вправе вводить меры по сохранению финансовых резервов, достаточные для специальных программ, и отдавать

11 Leal-Arcas R., Abu Gosh E. S. Energy Trade as a Special Sector in the WTO: Unique Features, Unprecedented Challenges and Unresolved Issues. Queen Mary University of London. School of Law. Legal Studies. Research Paper № 176. 2014. P. 5.

12 Selivanova J. Ibidem. P. 13.

13 Nedumpara J.J. Ibidem. P. 45.

14 Selivanova J. Ibidem. P. 14.

15 Nedumpara J. J. Ibidem. P. 46.

предпочтение услугам, более важным для соответствующих программ.

9. В ст. XVII ГАТТ закреплены нормы, касающиеся правительственных агентств и правительственных компаний, имеющих монополию на импорт или исключительную лицензию на их поставку потребителям. Действия, совершаемые такими операторами, квалифицируются как правительственные меры, следовательно, монополия, к примеру, в области импорта электроэнергии, не должна приводить к преимуществам для отечественных производителей, поскольку вводимые таким предприятием меры не должны превышать средний уровень, предусмотренный в обязательствах в отношении таможенных пошлин или прочих сборов на импорт электроэнергии¹⁶. Такие операторы не вправе дискриминировать импорт по признаку происхождения, что предполагает режим наиболее благоприятствуемой нации, или между отечественными товарами и импортом, что предусматривает национальный режим. Согласно ст. VIII ГАТС следует обеспечивать, чтобы, к примеру, операторы, монополично оказывающие услуги по сертификации оборудования, не злоупотребляли своим положением.

10. Правила об открытости по ст. X ГАТТ предполагают, что законы, правила, судебные решения и административные распоряжения, относящиеся ко всяким мерам регулирования торговли товарами энергетического назначения должны публиковаться способом, дающим возможность другим сторонам и их операторам ознакомиться с ними, и не могут вступать в силу до официального опубликования. Безусловно, в той мере, в какой сами они являются дискриминационными, такие меры должны рассматриваться не как нарушающие требования открытости, а как противоречащие обязательствам режима наиболее благоприятствуемой нации или о национальном режиме¹⁷. Предписывается учредить беспристрастную национальную систему рассмотрения споров, в органах и по процедурам которой могли бы рассматриваться административные действия, касающиеся таможенных вопросов. Относительно услуг, таких, как, разведка и оценка запасов месторождений природного газа, по ст. III ГАТС следует безотлагательно публиковать законы и правила, а также международные соглашения, регулирующие условия размещения заказов для иностранных фирм, за исключением чрезвычайных обстоятельств, не позднее вступления в силу.

Предпринятое исследование демонстрирует значение «права ВТО» для регулирования международных энергетических отношений, позволяющего их операторам пользоваться недискриминационным доступом на внутренние рынки членов организации. Отметим, что юридические основы многосторонней торговой системы не ограничиваются нормами, применимыми в общих случаях, и в энергетическом секторе нередко вводятся меры, представляющие собой изъятия из режима наиболее благоприятствуемой нации и национально-го режима, что обуславливает необходимость характеристики соответствующих правил.

Пристатейный библиографический список

1. Соглашение об учреждении ВТО (Марракеш, 15 апреля 1994 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wto.ru/documents.asp?f=sogl&t=13> (дата обращения: 25 августа 2016 г.).
2. Протокол от 16 декабря 2011 г. о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_132721/ (дата обращения: 25 августа 2016 г.).
3. Canada – Measures Relating to the Feed-in Tariff Program. Report of the Appellate Body. WT/DS426/AB/R. 6 May 2013.
4. Дедусенко А. С. Принципы современного международного торгового права // Московский журнал международного права. 2005. № 2.
5. Шумилов В. М. Право Всемирной торговой организации (ВТО). М., 2013.
6. Azaria D. Energy Transit under the Energy Charter Treaty and the General Agreement on Tariffs and Trade. Journal of Energy & Natural Resources Law. Vol. 27. 2009. №4.
7. Leal-Arcas R., Abu Gosh E.S. Energy Trade as a Special Sector in the WTO: Unique Features, Unprecedented Challenges and Unresolved Issues. Queen Mary University of London. School of Law. Legal Studies. Research Paper № 176. 2014.
8. Nedumpara J.J. Energy Security and the WTO Agreements. Trade, the WTO and Energy Security. Mapping the Linkages for India. Editor S. Mathur. Centre for WTO Studies (CWS), IIFT. New Delhi 2014.
9. Selivanova J. The WTO and Energy: WTO Rules and Agreements of Relevance to the Energy Sector. ICTSD Trade and Sustainable Energy Series. Issue Paper № 1. Geneva, 2007.

¹⁶ Leal-Arcas R., Abu Gosh E.S. Ibidem. P. 15.

¹⁷ Selivanova J. Ibidem. P. 12.

ШЛЯХТИН Игорь Сергеевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова; юрист общества с ограниченной ответственностью «Ритейл Хотлайн»

ЗАЩИТА ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО КОММЕРЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОПЫТ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В статье рассматривается используемый в Европейском союзе правовой подход к защите потребителей от недобросовестных действий (бездействий) хозяйствующих субъектов в условиях конкурентной борьбы на розничном рынке. Анализируются его доктринальная основа и характерные особенности, в том числе слабые стороны европейского механизма. В свою очередь, учет европейского опыта может быть полезен при разработке механизмов защиты экономических интересов потребителей от обманчивых и агрессивных коммерческих практик в государствах-членах Евразийского экономического союза, стремящихся к формированию единого рынка товаров и услуг.

Ключевые слова: международная интеграция, гармонизация, унификация, единый рынок, обычный потребитель, защита прав, профессиональная этика, обманчивая и агрессивная коммерческие практики, черный список, информационная концепция.

Шляхтин И. С.

SHLYAKHTIN Igor Sergeevich

postgraduate student of Civil Law and Process sub-faculty of the G. V. Plekhanov Russian University of Economics; lawyer of limited liability company "Retail Hotline"

CONSUMER PROTECTION FROM UNFAIR COMMERCIAL PRACTICES: THE EXPERIENCE OF THE EUROPEAN UNION

The article is devoted to the legal approach to consumer protection from unfair actions (omissions) of traders in the competitive retail market of the European Union. The article analyzes the doctrinal basis and characteristics, including weak aspects of the European mechanism. In turn, the European experience can be useful in the process of developing mechanisms to protect the economic interests of consumers from misleading and aggressive commercial practices in the Member States of the Eurasian Economic Union, which are committed to forming a single market of goods and services.

Keywords: international integration, harmonization, unification, single market, average consumer, rights protection, professional diligence, misleading and aggressive commercial practices, black list, information concept.

Введение

В классическом понимании объектом защиты от недобросовестной конкуренции выступает исключительно предприниматель, чьи интересы могут быть ущемлены действиями конкурентов, противоречащими честной коммерческой практике, что нашло отражение в Конвенции по охране промышленной собственности (статья 10.bis)¹. Но развитие потребительского движения привело в зарубежных странах (в частности, в государствах-членах Европейского сообщества) к изменению такого подхода: понимание права о недобросовестных практиках, как средства регулирования отношений между конкурентами, стало менее актуальным. Объект внимания начал смещаться на отношения по защите экономических интересов потребителей от недобросовестных действий предпринимателей – обманчивых рекламных заявлений и описаний продукции².

На универсальном международном уровне требование защиты экономических интересов потребителей провозглашено в Руководящих принципах ООН для защиты интересов потребителей, которые предписывают государствам принимать меры, обеспечивающие добросовестность деловой практики, информативность маркетинга и эффективную защиту

от практик, отрицательно влияющих на экономические интересы потребителей и их выбор на рынке (пункты 3 и 15)³.

На европейском уровне в Хартии Европейского союза о фундаментальных правах закреплено, что политика Союза должна обеспечивать высокий уровень защиты потребителей (статья 38)⁴. В свою очередь, в Договоре о функционировании Европейского союза предусмотрено, что Союз должен способствовать защите потребителей, в том числе защите их экономических интересов, и с этой целью в контексте создания целостного внутреннего рынка органы Союза уполномочены принимать меры по сближению национальных законодательств (статья 169)⁵. В целях содействия надлежащему функционированию внутреннего рынка и достижения высокого уровня защиты потребителей путем сближения национальных законодательств государств-членов о недобросовестных коммерческих практиках, причиняющих ущерб экономическим интересам потребителей, Европейским парламентом и

1 См.: Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883; ред. от 02.10.1979) // Закон. – 1999. – № 7.

2 См.: Micklitz H. W. Unfair Commercial Practices and Misleading Advertising. In: Understanding EU Consumer Law / Edited by H. W. Micklitz, N. Reich, P. Rott. – Oxford: Intersentia, 2009. – P. 64-66.

3 См.: Руководящие принципы для защиты интересов потребителей, принятые 09 апреля 1985 г. Резолюцией 39/248 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН и расширенные в 1999 г. // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 См.: Charter of fundamental rights of the European Union // Official Journal of the European Communities. – 18 December 2000. – Vol. 43. – С 364. – P. 1–22.

5 См.: The Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version) // Official Journal of the European Union. – 26 October 2012. – Vol. 55. – С 326. – P. 47-390.

Советом была принята Директива 2005/29/ЕС о недобросовестных коммерческих практиках⁶.

Общая характеристика директивы

Директива о недобросовестных коммерческих практиках стала одним из первых актов ЕС в области защиты потребителей, основанных на принципе максимальной (полной) гармонизации. Ранее используемый принцип минимальной гармонизации, сохранявший за государствами-членами дискреционные полномочия по установлению на внутригосударственном уровне дополнительных гарантий защиты потребителей, не позволял добиться единообразного режима ведения торговли на всей территории ЕС. Отсутствие идентичных правил вынуждало хозяйствующих субъектов сверять свои действия с национальными требованиями каждой конкретной страны и в связи с этим нести дополнительные издержки⁷. Принятие директивы, не допускающей введение или сохранение на внутригосударственном уровне правил, отличающихся от изложенных в ней, направлено на повышение правовой определенности и устранение препятствий, обусловленных несогласованностью правил о недобросовестных коммерческих практиках (п. 12 преамбулы).

Рассматриваемая директива имеет горизонтальную природу: она охватывает все коммерческие практики предпринимателей в отношении потребителей (business-to-consumer; B2C) и не ограничивается каким-либо отдельным сегментом потребительского рынка⁸. Директива запрещает использование любой недобросовестной коммерческой практики – до, во время и после совершения сделки с потребителем – вне зависимости от того, трансграничный или внутригосударственный характер имеет сделка, заключена ли она онлайн (дистанционно) или оффлайн (в торговом предприятии). Цель наделения директивы столь широкой сферой применения ясна и очевидна – установить единые правила на всем внутреннем рынке ЕС⁹. При этом применение директивы предполагает, помимо прямой защиты экономических интересов потребителей, косвенную защиту интересов предпринимателей от их недобросовестных конкурентов в целях обеспечения честной рыночной конкуренции (п. 8 преамбулы).

Директива воплощает трехуровневую структуру оценки коммерческих практик на предмет их недобросовестности:

1. Первый (верхний) уровень – общее условие отнесения коммерческих практик к категории недобросовестных. Согласно статье 5 Директивы, коммерческая практика является недобросовестной, если она одновременно: (а) противоречит требованиям профессиональной этики¹⁰ и (б) существенно ис-

кажает экономическое поведение¹¹ обычного потребителя, к которому она обращается, или обычного члена группы потребителей, когда коммерческая практика обращается к определенной группе потребителей.

2. Второй уровень – специальные условия отнесения недобросовестных коммерческих практик к двум подкатегориям: обманчивыми агрессивным. Так, согласно статьям 6 и 7 Директивы, коммерческая практика является обманчивой, если она: (а) содержит ложную информацию и в связи с этим является неправдивой или каким-либо способом, включая представление в целом, вводит в заблуждение обычного потребителя, даже если информация фактически корректна, и тем самым приводит к принятию им решения по сделке¹², которое он бы не принял в противном случае (обманчивое действие); либо (б) содержит любое действие с продукцией, включая сравнительную рекламу, которое создает смешение с продукцией, товарным знаком, коммерческим обозначением или иным отличительным обозначением конкурента, или содержит несоблюдение торговцем тех обязательств, которыми он связан кодексом поведения, и тем самым приводит к принятию обычным потребителем решения по сделке, которое он бы не принял в противном случае (обманчивое действие); либо (с) упускает существенную информацию, которая с учетом контекста необходима обычному потребителю для принятия взвешенного решения, и тем самым приводит к принятию им решения по сделке, которое он бы не принял в противном случае (обманчивое бездействие); либо (d) скрывает или предоставляет в неясной, непонятной, неоднозначной или неуместной форме существенную информацию или не выражает свою коммерческую цель и тем самым приводит к принятию обычным потребителем решения по сделке, которое он бы не принял в противном случае (обманчивое бездействие). В свою очередь, согласно статье 8 Директивы, коммерческая практика является агрессивной, если она путем запугивания, принуждения, включая использование физической силы, или ненадлежащего воздействия значительно уменьшает свободу выбора или поведения обычного потребителя и тем самым приводит к принятию им решения по сделке, которое он бы не принял в противном случае.

3. Третий уровень – конкретный перечень коммерческих практик, которые при любых обстоятельствах считаются недобросовестными. Это так называемый «черный список», изложенный в Приложении Iк Директиве, описывающий 23 обманчивых и 8 агрессивных коммерческих практик. Если коммерческая практика входит в этот перечень, то ее дальнейшее оценивание на основании общего и специальных условий не требуется.

Из вышеизложенной структуры видно, что общее и специальные условия признания коммерческой практики недобросовестной сформулированы в директиве с использованием категории «обычный потребитель»¹³. Это означает, что при оценивании коммерческой практики правоприменительным органам следует ориентироваться не на конкретного (реально существующего) потребителя, чьи экономические интересы, как предполагается, были ущемлены, а на типовую абстракт-

6 См.: Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council ('Unfair Commercial Practices Directive') // Official Journal of the European Union. – 11 June 2005. – Vol. 48. – L 149. – P. 22-39.

7 См.: Schlulte-Nolke H. The Brave New World of EU Consumer Law – Without Consumers, or Even Without Law? // Journal of European Consumer and Market Law. – 2015. – № 4. – P. 135-139.

8 См.: Collins H. The Unfair Commercial Practices Directive // European Review of Contract Law. – 2005. – № 1. – P. 417-441.

9 См.: Garde A. Can the UCP Directive Really Be a Vector of Legal Certainty? In: The European Unfair Commercial Practices Directive: Impact, Enforcement Strategies and National Legal Systems / Edited by W. Boom, A. Garde and O. Akseli. – Farnham: Ashgate, 2014. – P. 110-111.

10 «Профессиональная этика» (professional diligence) – стандарты специальных навыков и заботливости, применение которых по отношению к потребителям можно разумно ожидать от торговца, соответствующие честной рыночной практике и (или) общему принципу добросовестности в той области деятельности, которую осуществляет торговец (подп. «h» статьи 2 Директивы).

11 «Существенно искажает экономическое поведение потребителей» (to materially distort the economic behavior of consumers) – использование коммерческой практики, значительно уменьшающей способность потребителя сделать взвешенное решение и, тем самым, приводящей к принятию потребителем решения по сделке, которое он бы не принял в противном случае (подп. «e» статьи 2 Директивы).

12 «Решение по сделке» (transactional decision) – любое решение потребителя, касающееся того, как и на каких условиях совершать покупку, производить оплату полностью или частично, оставлять или отчуждать продукцию, осуществлять ли свои договорные права в отношении продукции, действовать или воздержаться от действий (подп. «k» статьи 2 Директивы).

13 «Average consumer». Варианты перевода: обычный, средний, нормальный потребитель.

ную модель потребителя, имеющую строго определенное ценностно-нормативное содержание. Недобросовестные коммерческие практики из черного списка сформулированы без использования этой категории, поскольку подразумевается, что такие практики всегда искажают экономическое поведение «обычного потребителя».

Использование модели «обычного потребителя» в качестве ориентира при оценке недобросовестности и введение «черного списка» коммерческих практик, которые при любых обстоятельствах считаются недобросовестными, выступают двумя ключевыми моментами, призванными, по задумке разработчиков директивы, обеспечить единообразие и правовую определенность в применении запретительных положений. В последующих двух частях настоящей статьи рассмотрен вопрос о том, способствовало ли использование модели «обычный потребитель» и введение «черного списка» достижению декларируемых целей директивы – гарантировать высокий уровень защиты потребителей и содействовать беспрепятственному функционированию внутреннего рынка интеграционного объединения.

Модель «обычного потребителя»

Фундаментальным постулатом традиционной правовой и экономической доктрины выступает предположение о том, что рынок функционирует эффективнее, когда потребители обеспечены информацией о продукции: обладая информацией, потребители действуют рационально в своих собственных интересах¹⁴. В Европейском союзе эта концепция – идея о том, что потребитель, надлежаще информированный и тем самым защищенный, способен участвовать на рынке эффективно и беспристрастно – приобрела статус руководящего принципа потребительской политики¹⁵.

Информационная концепция потребителя, как ответственного участника рынка, делающего свой экономический выбор на основе информации, предоставленной ему торговцем или полученной им самостоятельно, конструируется Европейским судом правосудия, начиная с дела *Cassis de Dijon*¹⁶. В последующих делах – *Dahlhausen*¹⁷, *Nissan*¹⁸, *Richer*¹⁹, *Clinique*²⁰, *Mars*²¹ – Европейский суд правосудия продолжал развивать эту концепцию. Модель «обычного потребителя» стала финальным шагом в развитии Европейским судом правосудия юридической конструкции, изображающей разумного, внимательного и осторожного потребителя, способного критически анализировать рекламные заявления и коммерческие практики в целом²².

В деле *Gut Springenheide*²³ Европейский суд правосудия изложил позицию, согласно которой для того чтобы определить, приводит ли заявление или описание, призванное содействовать продажам продукции, к обману покупателей, национальный суд должен исходить из предположения о том, что оно обращено к обычному потребителю, который достаточно хорошо информирован и достаточно наблюдателем и осмрителем. В деле *Lloyd*²⁴ Европейский суд правосудия подтвердил свою позицию о том, что для оценки вероятности введения в заблуждение не может быть взят за основу невнимательный покупатель, а должно быть учтено восприятие обычного потребителя. Выработанная Европейским судом правосудия модель представляет обычного потребителя как рационального актора, способного оценивать возможные последствия своих решений и в каждый момент покупки избирающего только те из них, которые максимизируют его благополучие.

Директива о недобросовестных коммерческих практиках придала модели «обычного потребителя» нормативную силу, общеобязательный характер. В преамбуле директивы отмечается, что предпочтительно защищать от недобросовестных коммерческих практик всех потребителей, однако Европейский суд правосудия счел необходимым оценивать их воздействие в отношении условного, типичного потребителя. В связи с этим директива принимает за ориентир обычного потребителя, который является достаточно информированным и достаточно наблюдательным и осмрительным, с учетом социальных, культурных и языковых факторов – как это было истолковано Европейским судом правосудия (п. 18 преамбулы).

Несмотря на то, что информационно-рационалистическая модель «обычного потребителя» приобрела юридическую силу и при этом считается типичной для большинства потребителей, она полностью противоречит эмпирическим и теоретическим выводам когнитивной психологии и бихевиоральной науки. В действительности наличие информации далеко не всегда обеспечивает ее надлежащее понимание и оценивание потребителем. Еще более ошибочно полагать, что информация будет одинаково правильно оценена всеми потребителями или их большинством.

Во-первых, перед тем, как информация будет осмыслена потребителем, она должна, по крайней мере, добиться его внимания. Человек обладает ограниченными познавательными ресурсами и не может воспринимать и оценивать всю поступающую информацию.²⁵ Многочисленность информации может даже привести к «информационной перегрузке», поэтому к поступающей информации потребители чаще всего относятся избирательно²⁶.

Во-вторых, само восприятие, будучи процессом интерпретации, который подчинен индивидуальным особенностям человека, не является объективным и единообразным. Во многом восприятие той или иной информации предопределяется личными убеждениями и ожиданиями человека, а также его прошлым опытом, поэтому одна и та же информация может восприниматься различными потребителями по-разному.²⁷

В-третьих, даже у одного и того же потребителя отношение к информации может в зависимости от обстоятельств значительно варьироваться. Так, согласно эффекту «совпаде-

14 См.: Posner R.A. *Rational Choice, Behavioral Economics, and the Law* // *Stanford Law Review*. – 1997. – № 50. – P. 1551-1575.

15 См.: Howells G., Weatherill S. *Consumer Protection Law*. – Aldershot: Ashgate, 2005. – 2nd ed. – P. 63-65.

16 См.: Judgment of the European Court of Justice of 20 February 1979 in the Case 120/78 *Rewe-Zentral AG v Bundesmonopolverwaltung für Branntwein* // *European Court Reports*. – 1979. – P. 00649.

17 См.: Judgment of the European Court of Justice of 13 December 1990 in the Case C-238/89 *Pall Corp. v P. J. Dahlhausen & Co.* // *European Court Reports*. – 1990. – P. I-04827.

18 См.: Judgment of the European Court of Justice (Fifth Chamber) of 12 January 1992 in the Case C-373/90 *Nissan* // *European Court Reports*. – 1992. – P. I-00146.

19 См.: Judgment of the European Court of Justice of 18 May 1993 in the Case C-126/91 *Schutzverband gegen Unwesen in der Wirtschaft e. V. v Yves Rocher GmbH* // *European Court Reports*. – 1993. – P. I-02361.

20 См.: Judgment of the European Court of Justice (Fifth Chamber) of 2 February 1994 in the Case C-315/92 *Verband Sozialer Wettbewerb eV v Clinique Laboratoires SNC and Estée Lauder Cosmetics GmbH* // *European Court Reports*. – 1994. – P. I-00317.

21 См.: Judgment of the European Court of Justice (Fifth Chamber) of 6 July 1995 in the Case C-470/93 *Vereingegen Unwesen in Handel und Gewerbe Köln e. V. v Mars GmbH* // *European Court Reports*. – 1995. – P. I-01923.

22 См.: Dausen M. A. *Consumer information in the case law of the European Court of Justice: a German view* // *British Food Journal*. – 1998. – № 5. – P. 244-253.

23 См.: Judgment of the European Court of Justice (Fifth Chamber) of 16 July 1998 in the Case C-210/96 *Gut Springenheide GmbH and Rudolf Tusky v Oberkreisdirektor des Kreises Steinfurt* // *European Court Reports*. – 1998. – P. I-04657.

24 См.: Judgment of the European Court of Justice of 22 June 1999 in the Case C-342/97 *Lloyd Schuhfabrik Meyer & Co. GmbH v Klijsen Handel BV* // *European Court Reports*. – 1999. – P. I-03819.

25 См.: *Understanding Consumer Decision Making: The Means-End Approach to Marketing and Advertising Strategy* / Edited by T.J. Reynolds & J.C. Olson. – Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2001 – P. 3-23.

26 См.: Jacoby J. *Perspectives on Information Overload* // *Journal of Consumer Research*. – 1984. – № 4. – P. 432-435.

27 См.: Tellis G. J. *Effective advertising: Understanding when, how, and why advertising works*. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2004. – P. 31-35.

ния настроения», если потребитель находится в хорошем расположении духа, он будет более позитивно оценивать информацию о продукции и с большей долей вероятности примет решение о покупке²⁸. Систематические отклонения от строгой рациональности при оценивании и выборе товаров могут принимать множество форм, затрагивающих различные аспекты поведения потребителя на рынке²⁹.

Тем самым, неправдоподобно ожидать от «обычного потребителя» всестороннего и многопланового анализа преимуществ и недостатков каждой совершаемой им покупки, равно как и допускать возможность «типичного» восприятия информации потребителями. Потребители в своем большинстве не имеют ни времени, ни других ресурсов, чтобы в полной мере осмысливать и надлежащим образом оценивать информацию и на ее основе в каждый момент покупки принимать взвешенные решения, дабы соответствовать предписанной им рационалистической модели. При этом реально существующие, а не абстрактные и умозрительные потребители в своем поведенческом многообразии не формируют однородную группу и не могут подпадать под одну непротиворечивую и неизменную категорию.³⁰

Модель «обычного потребителя», ценностно-нормативное содержание которой выработано Европейским судом правосудия и получило общеобязательный характер в директиве о недобросовестных коммерческих практиках, отражает идеалистическую экономическую парадигму рационального потребителя и возлагает на него чрезмерно требовательные стандарты информированности, наблюдательности и осмотрительности. Исходя такого либерального подхода, за принятые решения в значительной степени ответственны сами потребители, и потенциальная ответственность торговцев существенно сокращается. Данная юридическая конструкция, игнорирующая реальное поведение потребителей, выступает крайне сомнительным ориентиром при оценке добросовестности коммерческих практик и не способствует достижению декларируемой цели – высокому уровню защиты экономических интересов потребителей.

«Черный список» недобросовестных коммерческих практик

Цель введения черного списка коммерческих практик, которые при любых обстоятельствах считаются недобросовестными, – обеспечение большей правовой определенностью потребителей, предпринимателей и правоприменительных органов (п. 17 преамбулы Директивы). В связи с этим применение черного списка основывается на следующих принципах.

Во-первых, все коммерческие практики из черного списка считаются недобросовестными («сами по себе»), то есть без необходимости их оценивания на основании общих условия и специальных условий. В отношении коммерческих практик, описанных в черном списке, действует неопровержимая презумпция, что они всегда противоречат требованиям профессиональной этики и существенно искажают экономическое поведение обычного потребителя.

Во-вторых, во всех государствах-членах должен применяться один и тот же черный список. Национальные законодательства должны содержать прямой запрет на все описанные в черном списке коммерческие практики (31 вид), но не более: то есть недопустимо устанавливать в национальном законодательстве прямой запрет на иные, не описанные в черном спи-

ске, коммерческие практики. Иные коммерческие практики могут быть признаны недобросовестными и запрещены только после их оценивания на основании общего и специальных условий с учетом обстоятельств каждого конкретного случая.³¹

В-третьих, изложенный в Приложении I черный список является полным перечнем коммерческих практик, считающихся недобросовестными при любых обстоятельствах. Исчерпывающий характер черного списка подкрепляется тем, что он может быть изменен (дополнен, уменьшен) только путем пересмотра Директивы, но не каким-либо иным путем. Государства-члены не вправе самостоятельно изменять данный перечень и применять черный список к аналогичным, но не идентичным случаям.³²

В-четвертых, оценивание спорной коммерческой практики проводится, в первую очередь, путем ее сопоставления с теми практиками, которые описаны в черном списке. Если выяснится, что оцениваемая практика не входит в этот список, она проверяется на основе специальных условий отнесения коммерческих практик к обманчивым и агрессивным. Если же практика не может быть отнесена ни к обманчивой, ни к агрессивной, то она, в последнюю очередь, оценивается на основе общего условия отнесения коммерческих практик к категории недобросовестных.

Тем самым, цель введения и принципы применения черного списка предполагают, что в нем изложены ясные и понятные запреты, позволяющие без затруднений определить, входит или не входит та или иная существующая на рынке коммерческая практика в данный перечень. Однако в действительности простота черного списка является ложной: детальное исследование перечисленных в нем запретов раскрывает их неоднозначный характер.³³

Так, к примеру, недобросовестной обманчивой коммерческой практикой считается: описание продукции как «в подарок», «бесплатно», «без оплаты» или аналогичным образом, если при этом потребитель должен уплатить за что-либо, кроме расходов, связанных с ответом, принятием или доставкой вещи (п. 20 Приложения I к Директиве). Исходя из такой формулировки запрета, остается неоднозначным отнесение к категории недобросовестных таких торговых предложений как «покупай одну вещь, вторую получай бесплатно»: с одной стороны, потребитель отдельно не оплачивает вторую вещь, но, с другой стороны, без оплаты первой вещи он не сможет получить вторую.³⁴

Другой пример – недобросовестной агрессивной коммерческой практикой считается: включение в рекламу прямого призыва к детям купить рекламируемую продукцию либо уговорить своих родителей или других взрослых купить им рекламируемую продукцию (п. 28 Приложения I к Директиве). Неоднозначность данного запрета обусловлена тем, что невозможно достоверно определить границу между прямым призывом и непрямым призывом. Очевидно, что призыв будет прямым, если рекламное заявление сформулировано, допустим, следующим образом: «Дети, купите сами или уговорите своих родителей купить нашу компьютерную игру!». Но будет ли призыв прямым, если продукция рекламируется так, чтобы привлечь внимание детей – путем использования мультипликационных изображений, забавных картинок и т.п., – но

28 См.: Bakamitsos G. A., Siomkos G.J. Context effects in marketing practice: The case of mood // *Journal of Consumer Behaviour*. – 2004. – № 3. – P. 304-314.

29 См.: Tor A. Some Challenges Facing a Behaviorally-Informed Approach to the Directive on Unfair Commercial Practices. In: *Unfair Commercial Practices: The Long Road to Harmonized Law Enforcement* / Edited by T. Toth. – Budapest: Pazmany Press, 2013. – P. 9-18.

30 См.: The Regulation of Unfair Commercial Practices under EC Directive 2005/29: New Rules and New Techniques / Edited by S. Weatherill & U. Bernitz. – Oxford: Hart Publishing, 2007. – P. 115-138.

31 См.: Judgment of the European Court of Justice (Grand Chamber) of 09 November 2010 in the Case C-540/08 *Mediaprint Zeitungs- und Zeitschriftenverlag GmbH & Co. KG v "Österreich"-Zeitungsverlag GmbH* // *European Court Reports*. – 2010. – P. I-10909.

32 См.: Howells G., Micklitz H.W., Wilhelmsson T. *European Fair Trading Law: The Unfair Commercial Practices Directive*. – Farnham: Ashgate, 2006. – P. 158-163.

33 См.: Wadlow C. The Emergent European Law of Unfair Competition and Its Consumer Law Origins // *Intellectual Property Quarterly*. – 2012. – № 1. – P. 1-25.

34 См.: Collins H. Harmonisation by Example: European Laws against Unfair Commercial Practices // *Modern Law Review*. – 2010. – № 1. – P. 89-118.

при этом без обращения именно к детям – без использования слов «дети», «ребенок» и их синонимов³⁵

Неоднозначность усиливается тем, что черный список переполнен неясными, неточными и неопределенными понятиями, такими как, к примеру, «разумные основания» (reasonable grounds), «разумный период» (reasonable period), «разумное количество» (reasonable quantity), «достаточная возможность» (sufficient opportunity), «нормальные рыночные условия» (normal market conditions) и др. В черном списке без необходимости используются разнообразные синонимичные выражения, такие как, например, «создавать представление» (create impression), «создавать ложное представление» (create false impression), «дать представление» (give impression), «передача информации» (passing on information), «информирование» (informing), «утверждение» (claiming), «заявление» (stating) и т.д. Кроме того, как известно для каждого государства-члена предусмотрена своя официальная языковая версия черного списка, и в различных языковых версиях используются разные понятия, которые по смыслу неравнозначны понятиям из другой языковой версии.³⁶

Многочисленные неясности и неточности повышают риск неправильной имплементации, противоречивого толкования и неверного применения запретительных положений. В этой связи одна и та же коммерческая практика в одном государстве-члене может считаться недобросовестной, а в другом государстве-члене – таковой считаться не будет.³⁷ Такие последствия, безусловно, не соответствуют целям директивы, основанной на максимальной (полной) гармонизации, и целям черного списка, выступающего ее предельным выражением.

Черный список недобросовестных коммерческих практик был призван обеспечить создание более понятной, прозрачной и предсказуемой системы правовых запретов. Предполагалось, что для участников рынка и правоприменительных органов это позволит повысить правовую определенность в отношении коммерческих действий, которые будут всегда считаться недобросовестными. В этом смысле идея просто и понятно черного списка недобросовестных коммерческих практик достойна одобрения. Однако, как оказалось, эта идея эффективно работала только в упрощенной теории: в действительности введение черного списка не привело к желаемому результату – к большей правовой определенности в применении законодательства о недобросовестных коммерческих практиках. Введение черного списка привело лишь к созданию исключительно строгого, но крайне неоднозначного правового инструмента, который мало чем содействует надлежащему функционированию внутреннего рынка интеграционного объединения.

Заключение

В современных мирохозяйственных условиях права потребителей приобретают статус одних из основных прав человека, а защита этих прав выступает обязательным элементом социальной функции государства и неотъемлемым условием создания макрорегионального интеграционного объединения. В целях содействия надлежащему функционированию внутреннего рынка и достижения высокого уровня защиты

потребителей Европейский союз взял курс на максимальную гармонизацию правового регулирования отношений по защите экономических интересов потребителей от недобросовестных коммерческих практик предпринимателей.

Среди ключевых моментов, призванных обеспечить единообразие и правовую определенность в применении Директивы 2005/29/ЕС, является использование модели «обычного потребителя» в качестве ориентира при оценивании недобросовестности коммерческих практик. Несомненно, использование тех или иных ориентиров имеет большое значение для правоприменения. Однако представление о том, что обычный потребитель рационален, достаточно хорошо информирован, достаточно наблюдателен и осмотрителен, является по своей сути фикцией. В действительности же обычный потребитель скорее ограниченно рационален, зачастую перегружен информацией, достаточно рассеян и нетерпелив³⁸. Кроме того, нельзя не признавать тот факт, что в силу различных индивидуальных особенностей полностью одинаковое восприятие одной и той же коммерческой практики всеми потребителями (или хотя бы их большинством) невозможно. Тем самым, использование жестко детерминированной и одномерной модели, содержание которой оторвано от действительности, не способствует реальному достижению высокого уровня защиты экономических интересов потребителей.

Другим ключевым моментом, призванным придать большую конкретность запретительным положениям Директивы 2005/29/ЕС, стало введение «черного списка» коммерческих практик, которые при любых обстоятельствах считаются недобросовестными. Сама по себе идея введения перечня коммерческих практик, не требующих их оценивания на основе абстрактных критериев (общего и специальных условий недобросовестности), является ценной и полезной. Однако реализация этой идеи не выдерживает критики: черный список, задуманный как четкий перечень простых и понятных запретов, на деле оказался переполнен неоднозначными формулировками и неопределенными терминами. При этом правило о недопустимости внесения каких-либо изменений в этот перечень не позволяет государствам-членам ЕС уточнить соответствующие формулировки, дабы придать им более ясный характер. Введение такого черного списка фактически не привело к значительному повышению правовой определенности. В свою очередь, неоднозначность правовых положений не гарантирует единообразие их толкования и применения в государствах-членах ЕС и, тем самым, не позволяет добиться цели максимальной гармонизации – одинакового режима ведения торговли на всей территории интеграционного объединения.

Нельзя не добавить, что результаты анализа проводимой Европейским союзом политики по защите экономических интересов потребителей от недобросовестных коммерческих практик могут иметь не только и не столько сугубо академический интерес. Подобно Договору о функционировании ЕС, в Договоре о Евразийском экономическом союзе государства-члены провозгласили свое стремление обеспечить добросовестную конкуренцию и сформировать единый рынок товаров и услуг (преамбула и статья 4), а в сфере защиты прав потребителей – проводить согласованную политику по защите интересов граждан от недобросовестной деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе путем гармонизации правового регулирования (статья 61 и Приложение № 13 к Договору о ЕАЭС)³⁹. Поэтому не вызывает сомнений тот факт, что в ходе реализации целей, поставленных перед евразийским интеграционным объединением, и, в частно-

35 См.: Garde A. Can the UCP Directive Really Be a Vector of Legal Certainty? In: The European Unfair Commercial Practices Directive: Impact, Enforcement Strategies and National Legal Systems / Edited by W. Boom, A. Garde and O. Akseli. – Farnham: Ashgate, 2014. – P. 118-120.

36 См.: Namyslowska M. The Blacklist of Unfair Commercial Practices: The Black Sheep, Red Herring or White Elephant on the Unfair Commercial Practices Directive? In: The European Unfair Commercial Practices Directive: Impact, Enforcement Strategies and National Legal Systems / Edited by W. Boom, A. Garde and O. Akseli. – Farnham: Ashgate, 2014. – P. 81-83.

37 См.: Kunkiel-Krynska A. Methods of Harmonization of Consumer Law in the European Union and Their Impact on the Implementation Processes in the Member States. – Warsaw: Wolters Kluwer, 2013. – P. 356.

38 См.: Sibony A. L. Can EU Consumer Law Benefit from Behavioural Insights? An Analysis of the Unfair Practices Directive // European Review of Private Law. – 2014. – № 6. – P. 901-942.

39 См.: Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). // Евразийский экономический союз [Официальный сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/sites/storage/Lists/Documents/a089f4c6-02da-4461-b033-3f5d122e0020/e57db9f2-9589-4b26-be1e-b1a43862c6ed_635375701449140007.pdf (дата обращения: 01.09.2016).

сти, при проведении согласованной потребительской политики должен учитываться опыт Европейского союза – как сильные, так и слабые его стороны.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883; ред. от 02.10.1979) // Закон. – 1999. – № 7.
2. Руководящие принципы для защиты интересов потребителей, принятые 09 апреля 1985 г. Резолюцией 39/248 на 106-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН и расширенные в 1999 г. // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014). // Евразийский экономический союз [Официальный сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaunion.org/sites/storage0/Lists/Documents/a089f4c6-02da-4461-b033-3f5d122e0020/e57db9f2-9589-4b26-be1e-b1a43862c6ed_635375701449140007.pdf (дата обращения: 02.04.2016).
4. Charter of fundamental rights of the European Union // Official Journal of the European Communities. – 18 December 2000. – Vol. 43. – С 364. – P. 1–22.
5. Directive 2005/29/EC of the European Parliament and of the Council of 11 May 2005 concerning unfair business-to-consumer commercial practices in the internal market and amending Council Directive 84/450/EEC, Directives 97/7/EC, 98/27/EC and 2002/65/EC of the European Parliament and of the Council and Regulation (EC) No 2006/2004 of the European Parliament and of the Council ('Unfair Commercial Practices Directive') // Official Journal of the European Union. – 11 June 2005. – Vol. 48. – L 149. – P. 22–39.
6. The Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version) // Official Journal of the European Union. – 26 October 2012. – Vol. 55. – С 326. – P. 47–390.
7. Judgment of the European Court of Justice of 20 February 1979 in the Case 120/78 Rewe-Zentral AG v Bundesmonopolverwaltung für Branntwein // European Court Reports. – 1979. – P. 00649.
8. Judgment of the European Court of Justice of 13 December 1990 in the Case C-238/89 Pall Corp. v P. J. Dahlhausen & Co. // European Court Reports. – 1990. – P. I-04827.
9. Judgment of the European Court of Justice (Fifth Chamber) of 12 January 1992 in the Case C-373/90 Nissan // European Court Reports. – 1992. – P. I-00146.
10. Judgment of the European Court of Justice of 18 May 1993 in the Case C-126/91 Schutzverband gegen Unwesen in der Wirtschaft. V. v Yves Rocher GmbH // European Court Reports. – 1993. – P. I-02361.
11. Judgment of the European Court of Justice (Fifth Chamber) of 2 February 1994 in the Case C-315/92 Verband Sozialer Wettbewerb eV v Clinique Laboratoires SNC and Estée Lauder Cosmetics GmbH // European Court Reports. – 1994. – P. I-00317.
12. Judgment of the European Court of Justice (Fifth Chamber) of 6 July 1995 in the Case C-470/93 Verein gegen Unwesen in Handel und Gewerbe Köln e. V. v Mars GmbH // European Court Reports. – 1995. – P. I-01923.
13. Judgment of the European Court of Justice (Fifth Chamber) of 16 July 1998 in the Case C-210/96 Gut Springenheide GmbH and Rudolf Tusky v Oberkreisdirektor des Kreises Steinfurt // European Court Reports. – 1998. – P. I-04657.
14. Judgment of the European Court of Justice of 22 June 1999 in the Case C-342/97 Lloyd Schuhfabrik Meyer & Co. GmbH v Klijsen Handel BV // European Court Reports. – 1999. – P. I-03819.
15. Judgment of the European Court of Justice (Grand Chamber) of 09 November 2010 in the Case C-540/08 Mediaprint Zeitungs- und Zeitschriftenverlag GmbH & Co. KG v "Österreich"-Zeitungsverlag GmbH // European Court Reports. – 2010. – P. I-10909.
16. Bakamitsos G.A., Siomkos G.J. Context effects in marketing practice: The case of mood // Journal of Consumer Behaviour. – 2004. – № 3. – P. 304–314.
17. Collins H. Harmonisation by Example: European Laws against Unfair Commercial Practices // Modern Law Review. – 2010. – № 1. – P. 89–118.
18. Collins H. The Unfair Commercial Practices Directive // European Review of Contract Law. – 2005. – № 1. – P. 417–441.
19. Dauses M. A. Consumer information in the case law of the European Court of Justice: a German view // British Food Journal. – 1998. – № 5. – P. 244–253.
20. Howells G., Micklitz H.W., Wilhelmsson T. European Fair Trading Law: The Unfair Commercial Practices Directive. – Farnham: Ashgate, 2006. – 312 p.
21. Howells G., Weatherill S. Consumer Protection Law. – Aldershot: Ashgate, 2005. – 2nd ed. – 679 p.
22. Jacoby J. Perspectives on Information Overload // Journal of Consumer Research. – 1984. – № 4. – P. 432–435.
23. Kunkiel-Krynska A. Methods of Harmonization of Consumer Law in the European Union and Their Impact on the Implementation Processes in the Member States. – Warsaw: Wolters Kluwer, 2013. – 444 p.
24. Posner R. A. Rational Choice, Behavioral Economics, and the Law // Stanford Law Review. – 1997. – № 50. – P. 1551–1575.
25. Schulte-Nolke H. The Brave New World of EU Consumer Law – Without Consumers, or Even Without Law? // Journal of European Consumer and Market Law. – 2015. – № 4. – P. 135–139.
26. Sibony A. L. Can EU Consumer Law Benefit from Behavioural Insights? An Analysis of the Unfair Practices Directive // European Review of Private Law. – 2014. – № 6. – P. 901–942.
27. Tellis G. J. Effective advertising: Understanding when, how, and why advertising works. – Thousand Oaks: Sage Publications, 2004. – 203 p.
28. The European Unfair Commercial Practices Directive: Impact, Enforcement Strategies and National Legal Systems / Edited by W. Boom, A. Garde and O. Akseli. – Farnham: Ashgate, 2014. – 284 p.
29. The Regulation of Unfair Commercial Practices under EC Directive 2005/29: New Rules and New Techniques / Edited by S. Weatherill & U. Bernitz. – Oxford: Hart Publishing, 2007. – 290 p.
30. Understanding Consumer Decision Making: The Means-End Approach to Marketing and Advertising Strategy / Edited by T.J. Reynolds & J.C. Olson. – Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. – 466 p.
31. Understanding EU Consumer Law / Edited by H.W. Micklitz, N. Reich, P. Rott. – Oxford: Intersentia, 2009. – 378 p.
32. Unfair Commercial Practices: The Long Road to Harmonized Law Enforcement / Edited by T. Toth. – Budapest: Pazmany Press, 2013. – 192 p.
33. Wadlow C. The Emergent European Law of Unfair Competition and Its Consumer Law Origins // Intellectual Property Quarterly. – 2012. – № 1. – P. 1–25.

МЕХДИЕВА Улькер Мустафа кызы

кандидат исторических наук, преподаватель кафедры государственной службы и кадровой политики Академии государственного управления при президенте Азербайджанской Республики

РОЛЬ СМИ В РАЗВИТИИ СТРАНОВОГО ПИАРА (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Общественное мнение сегодня формируется под воздействием масс-медиа, представляющих собой один из самых эффективных инструментов пиар. В статье проанализирована роль средств массовой информации в формировании имиджа Азербайджана. Рассмотрена история пиар в АР, его современное состояние и перспективы развития.

Ключевые слова: пиар в Азербайджане, Ильхам Алиев, Полад Бюльбюль оглы, журнал «Баку», Фонд Гейдара Алиева.

MEHDIEVA Ulker Mustafa Kyzy

Ph.D. in historical sciences, lecturer of State Service and Personnel Policy sub-faculty of the Academy of Public Administration under the President of Azerbaijan Republic

Мехдиева У. М.

THE ROLE OF MASS MEDIA IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC RELATIONS IN THE COUNTRY (ON THE EXAMPLE OF AZERBAIJAN)

In our days mass media affects public opinion and represents one of the most effective tools of PR. The main issue of the article is the role of media in the formation of Azerbaijan's image. The author analyses PR's history, its current state and prospects of development.

Keywords: PR of Azerbaijan, Ilham Aliyev, Polad Bulbul oglu, the magazine "Baku" Heydar Aliyev Foundation.

В условиях современного глобализующегося мира средства массовой информации все чаще называют «четвертой ветвью власти». Они влияют на принятие политических решений, способствуют налаживанию контактов между странами. Масс-медиа являются важнейшим инструментом установления необходимых связей с общественностью (PR), формируют имидж политика, организации и даже страны.

Поскольку имидж в политике играет решающую роль, каждому государственному деятелю необходимо иметь рядом с собой специалиста по PR, который сможет грамотно выстроить работу пресс-службы и эффективно взаимодействовать с представителями СМИ. Специалисту по PR необходимо знать, какой ресурс воздействия есть у того или иного СМИ, понимать, на какую аудиторию оно рассчитано.

В этом смысле большой интерес представляет работа пресс-службы Посольства Азербайджана в России. В обязанности пресс-секретаря Посольства входит отслеживание публикаций о деятельности Чрезвычайного и Полномочного Посла, тесное взаимодействие с представителями, как российских, так и с азербайджанских СМИ, написание пресс-релизов, организация пресс-конференций и эксклюзивных интервью Посла.

Вряд ли, кто-то поспорит с тем фактом, что наиболее успешным выступлением в российских масс-медиа на тему апрельской эскалации конфликта в Нагорном Карабахе было выступление Полада Бюльбюль оглы в эфире телеканала «Дождь». Несмотря на то, что Посол не смог присутствовать в студии телеканала по причине своего нахождения в другом городе России, он вышел на связь посредством Skype. В ходе эфира ему удалось очень четко и грамотно передать позицию Азербайджанской Республики в данном конфликте и с большим успехом отстоять интересы своей страны на глазах у миллионов телезрителей.

В тот же день ссылка на интервью с соответствующим текстом была разослана пресс-секретарем Посольства в азербайджанские средства массовой информации, благодаря чему широкая азербайджанская аудитория, как из России, так и из самого Азербайджана смогла узнать о произошедшем.

Не менее успешным было выступление Посла в эфире радиостанции «Коммерсант.Fm» в ноябре 2014 года, когда Минобороны Армении сообщило, что азербайджанцы сбили вертолет Ми-24 армии обороны Нагорного Карабаха. В свою очередь, Азербайджан закрыл воздушное пространство над Нагорным Карабахом. Комментируя сложившуюся ситуацию, Посол Полад Бюльбюль оглы отметил, что пострадавшей стороной является Азербайджан, а вовсе не Армения, чей самолет атаковал азербайджанские позиции и был уничтожен ответным огнем.

Примечательно, что в самом начале своей речи, сразу после того, как ведущая задала вопрос, Посол выразил крайнее возмущение тем фактом, что ранее в эфире радиостанции «Коммерсант.Fm» выступал некий представитель Нагорного Карабаха, что является незаконным. «В четверг в 10.40 с удивлением услышал, что вы выводите в эфир представителя Нагорного Карабаха вроде здесь, в Москве. Я хочу вам официально заявить, что никакого представительства Нагорно-Карабахской так называемой республики, исходя из документов российского МИДа, в Москве не существует»¹.

Эти выступления подняли и без того высокий рейтинг Посла в глазах азербайджанской общественности. На данном примере отчетливо видно, как важно политическому и государственному деятелю обладать позитивным имиджем в глазах общественности и как важно ему иметь рядом с собой спе-

1 «Азербайджан будет защищать свою территориальную целостность всеми доступными методами». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2609300> (дата обращения: 12.09.2016).

циалиста в области PR, посредством СМИ способствующего формированию и поддержанию этого имиджа.

К сожалению, на сегодняшний день в Азербайджане довольно много средств массовой информации, на страницах которых распространяются сведения, наносящие вред репутации того или иного чиновника. В связи с этим 1 февраля этого года депутат Милли Меджлиса Афлатун Амашов выступил в Парламенте с инициативой принятия закона «О диффамации».

Проект закона, подготовленного Советом прессы Азербайджана, уже обсужден Венецианской комиссией Совета Европы. Интересен тот факт, что в Азербайджане нет журналистов, лишенных свободы в соответствии со статьями 147.1 и 148 Уголовного кодекса АР, в которых нашло бы отражение осуждение за распространение не соответствующих действительности, порочащих сведений². Президент страны Ильхам Алиев в своих выступлениях также подчеркивал, что в Республике фактически существует мораторий на клевету.

Сторонники закона, призванного стать действующим правовым механизмом в привлечении журналистов к ответственности, считают, что диффамация должна быть полностью декриминализована³. Противники же утверждают, что принятие соответствующего закона только усилит клевету и оскорбления, исходящие от СМИ. Примечательно, что по показателям на 2007 год, в Азербайджане 70 % прессы занимались рэкетом, более 20 % печатных органов были политизированы и только 5 % являлись независимыми⁴.

В апреле 2014 года в одном из своих выступлений член Национального совета радио и телевидения, учредитель газеты «Каспий» Сона Велиева отметила, что в связи с грандиозными международными мероприятиями, проведенными в Азербайджане, на СМИ возлагается огромная ответственность. «Считаю, что азербайджанские СМИ должны координированно бороться против черного пиара некоторых кругов, которые хотят очернить Азербайджан. Мы в свою очередь всегда готовы поддержать те медийные структуры, которые борются с антиазербайджанской пропагандой», - подчеркнула она⁵.

Большое внимание формированию имиджа Республики за рубежом уделяет руководство Азербайджана, осуществляющее широкомасштабную деятельность по развитию странового пиара. Немаловажную роль в этом процессе играет Фонд Гейдара Алиева, благодаря социокультурным проектам которого об Азербайджане узнали во всем мире.

Одним из самых успешных проектов АР в области СМИ можно считать журнал «Баку», главным редактором которого является вице-президент Фонда Гейдара Лейла Алиева. Вне всякого сомнения, удачным пиар-ходом следует считать фотографию президента и первой леди Азербайджана на обложке первого номера журнала. Политическая харизма и реформаторская деятельность Ильхама Алиева, превратившие Азербайджан в успешное, динамично развивающееся государство, получили признание мирового сообщества.

Это подтверждает и тот факт, что Ильхам Алиев в 2014 году вошел в список самых влиятельных мусульман мира. Годом позже президент Азербайджана был назван «Человеком года». По оценкам кампании The Business Year Азербайджан в 2015 году добился значительных успехов в реализации проектов, направленных на обеспечение безопасности Европы, успешно организовал первые в истории Европейские игры, внес существенный вклад в создание международных транспортных коридоров Север-Юг и Восток-Запад, организацию и проведение различных международных гуманитарных форумов⁶. И все эти достижения напрямую связаны с именем Ильхама Алиева.

Мехрибан Алиева, в свою очередь, также широко известна благодаря осуществляемой ею общественной и благотворительной деятельности. В 2013 году статья о ней была опубликована в авторитетном французском издании «Figaro magazine». В статье под заголовком «Мехрибан Алиева – привлекательный посол» были подчеркнуты особые заслуги первой леди в развитии международных связей, в частности, в налаживании тесного сотрудничества с Францией⁷. Статьи про первую леди опубликованы также во вьетнамском журнале «Женщина Вьетнама», пакистанской газете «The daily times», российском еженедельнике «Эхо планеты».

В 2011 году в Москве состоялась презентация англоязычной версии журнала «Баку». Таким образом, издание стало доступным не только бакинской и московской аудитории, но и читателям из Лондона, Парижа, Рима, Берлина, Нью-Йорка и других городов мира.

Обложки журнала «Баку» в разное время украшали фотографии знаменитостей мирового масштаба из мира музыки, спорта, кино, и это неслучайно. Ведь как бы хорошо ни был оформлен печатный текст, он не обладает такой притягательной силой, как хорошая фотография⁸.

Подобный пиар-ход делает журнал интересным для гораздо большего числа людей самых разных возрастов и национальностей. Читателя, скажем так, подкупает форма и он приобретает журнал, на обложке которого испанский тенор Пласидо Доминго, итальянская кинодива Орнелла Мути или легендарный тележурналист Ларри Кинг. Уже впоследствии, перелистывая дома журнал, он открывает для себя богатую азербайджанскую культуру, памятники архитектуры, а также новые имена.

По мнению пиар-директора издания Ровшана Аскерова, для привлечения читателей очень важно проводить разного рода мероприятия, будь то выставки, встречи или концерты. Подобные медийные события создают инфоповод, благодаря чему о журнале знают и говорят⁹.

Журнал «Баку» за годы своего существования превратился в успешный PR-проект, открывающий иностранному читателю Азербайджан. И в этом, конечно же, велика заслуга главного редактора Лейлы Алиевой. По ее словам, каждый номер журнала, начиная с колонки редактора и заканчивая светской

2 Афлатун Амашов: «Русскоязычные СМИ Азербайджана востребованы обществом и довольно популярны». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vakmos.org/news/person/3512/> (дата обращения: 18.06.2016).

3 Там же.

4 Афлатун Амашов: «70 % азербайджанской прессы занимается рэкетом». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.day.az/politics/91143.html> (дата обращения: 12.02.2015).

5 СМИ Азербайджана должны совместно бороться с черным пиаром против Азербайджана – Сона Велиева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.sputnik.az/politics/20150427/302133287.html> (дата обращения: 29.04.2015).

6 Президент Азербайджана назван человеком года в Мире. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azeritoday.com/archives/64924> (дата обращения: 26.05.2016).

7 Авторитетный французский журнал Le Figaro Magazine опубликовал статью о деятельности первой леди Азербайджана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2167179.html> (дата обращения: 27.05.2016).

8 Сэм Блэк. Введение в публик рилейшнз. Ростов н/Д. 1998. с. 121.

9 Ровшан Аскеров: «Умный человек – это тот, кто умеет задавать правильные вопросы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mediafamily.pro/news/r_askerov (дата обращения: 21.09.2016).

хроникой, пронизан духом Баку¹⁰. С каждым номером журнала читатели все больше узнают Азербайджан, путешествуют по стране, готовят по его рецептам, переосмысливают историю, знакомятся с талантливыми бакинцами, живущими в разных уголках мира.

В 2012 году по инициативе Лейлы Алиевой в Московском государственном институте международных отношений прошел круглый стол «Роль СМИ в формировании имиджа Азербайджана», в котором приняли участие азербайджанские журналисты в РФ, а также представители Азербайджанского молодежного объединения России (АМОП).

Выступившая на мероприятии руководитель отдела международных программ и международного сотрудничества службы внешней политики ИТАР-ТАСС Саадат Кадырова, обращаясь к активистам АМОП, сказала следующее: «Все в ваших руках. Дерзайте, становитесь теми, кто делает информацию. Становитесь теми, из-за кого делают информацию. Становитесь теми людьми, ради которых ведущие СМИ мира будут готовы лететь на другой конец планеты. И только тогда мы сможем с уверенностью сказать, что имидж Азербайджана в надежных и профессиональных руках»¹¹.

Безусловно, ведущую роль в формировании имиджа АР играют связи с общественностью. PR для Азербайджана – явление сравнительно новое, уходящее корнями в конец 80-х годов. В 1989 году в аппарате ЦК КП Азербайджана был создан Центр по связям с общественностью, первым директором которого стал Артур Лернер¹².

Целью создания Центра было доведение до общественности, в том числе мировой, оперативной объективной информации о событиях вокруг Нагорного Карабаха. Позже функции Центра были несколько ограничены, и он трансформировался в пресс-центр. Пресс-служба президента АР была создана именно на базе этого центра.

«Контракт века», подписанный в 1994 году, привел в Азербайджан иностранные компании. Они-то и привезли с собой новую систему управления, неотъемлемой частью которой была PR-структура. Так начался качественно новый этап развития PR в Азербайджане.

В 2013 году Министерство туризма и республики Азербайджан заключило контракт со знаменитым испанским футбольным клубом «Атлетико Мадрид». Согласно контракту, на футболках игроков появился слоган «Azerbaijan – land of fire» («Азербайджан – страна огня») ¹³. В ноябре и декабре 2014 года данный слоган был заменен логотипом Европейских игр.

В апреле 2015 года состоялась премьера мирового блокбастера «Форсаж-7», одна из самых драматичных сцен которого была снята в Азербайджане, на склонах Большого кавказского хребта. Задолго до премьеры фильма, актер Вин Дизель разместил на своей личной странице снимки со съемочной пло-

щадки, где отчетливо были видны надписи на азербайджанском языке¹⁴.

В 2003 году в Республике в течение нескольких месяцев для сотрудников государственных структур, работающих в области связей с общественностью, проводились семинары на тему «СМИ и правительство. Доступ к информации», организованные Международным пресс-центром при поддержке Фонда Eurasia¹⁵. В ходе семинаров обсуждались проблемы взаимоотношений СМИ и госструктур, иностранные и местные специалисты выступали с лекциями, разъясняя различные аспекты организации и регулирования отношений с общественностью и СМИ.

27 сентября 2016 года представители азербайджанских масс-медиа приняли участие в Школе молодого журналиста, организованной Политологическим центром «Север - Юг» при поддержке Международного фонда гуманитарного сотрудничества и Российского союза молодежи¹⁶. В течение нескольких дней в Сочи тренинги для молодых журналистов проводили представители Международного агентства «Россия сегодня» и других ведущих информационных площадок РФ.

Неслучайно организаторами Школы молодого журналиста для представителей медиа южно-кавказских стран выступили россияне. Сегодня на постсоветском пространстве специалистов по PR готовят лишь в России и на Украине. И это несмотря на то, что PR как самостоятельная сфера деятельности существует уже более ста лет. В США, Великобритании, Франции, Германии и других западных странах PR преподают как отдельную дисциплину в различных университетах и исследовательских центрах.

Для Азербайджана сфера PR является еще недостаточно изведанной. А потому начинать обучение в этой сфере не так-то просто. Для подготовки PR-специалиста нужна база. Он должен знать не только ту сферу, в которой работает, но и журналистику, политические науки, психологию, социологию и др. Необходимо, в первую очередь, изучить иностранный опыт, приглашать специалистов из-за рубежа, ввести в учебный план, как государственных, так и частных университетов, программы по изучению Public relations.

Азербайджану необходимо уделить большее внимание подготовке специалистов в данной области, поскольку именно эффективная работа в сфере связей с общественностью позволяет ему выиграть информационную войну и донести миру правду о Нагорно-Карабахском конфликте, с болью отзывающуюся в сердце каждого азербайджанца. основополагающую роль в этом процессе, так или иначе, должны будут сыграть СМИ, уже давно ставшие эффективным средством борьбы за справедливость.

10 Лейла Алиева: «Благодаря «Баку» все мы становимся чуть ближе друг к другу». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.day.az/politics/716504.html> (дата обращения: 22.09.2016).

11 Эксперты: главная цель власти – управлять информацией [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/14715/> (дата обращения: 06.03.2015).

12 В Азербайджане нет PR-образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovetnik.ru/press/2003/10/23/press_21104.html (дата обращения: 20.09.2016).

13 Атлетико Мадрид получил спонсора в лице Азербайджана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ojde.biz/atletikomadrid-poluchil-sponsora-v-lice-azerbajdzhana/> (дата обращения: 15.12.2015).

14 Грандиозный пиар Азербайджана в фильме «Форсаж-7». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baku.ws/53633-grandioznuy-piar-azerbaydzhana-v-filme-forsazh-7-video.html> (дата обращения: 12.10.2016).

15 В Азербайджане нет PR-образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovetnik.ru/press/2003/10/23/press_21104.html (дата обращения: 20.09.2016).

16 Журналисты строят Кавказский мост [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novosti.az/society/3587.html> (дата обращения: 29.09.2016).

Пристатейный библиографический список

1. Связи с общественностью в политике и государственном управлении / Под общ. ред. В. С. Комаровского. – М., 2001. – 520 с.
2. Сэм Блэк. Введение в паблик рилейшнз. – Ростов н/Д., 1998. – 320 с.
3. Авторитетный французский журнал Le Figaro Magazine опубликовал статью о деятельности первой леди Азербайджана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.trend.az/azerbaijan/politics/2167179.html> (дата обращения: 27.05.2016).
4. «Азербайджан будет защищать свою территориальную целостность всеми доступными методами» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2609300> (дата обращения: 12.09.2016).
5. Атлетико Мадрид получил спонсора в лице Азербайджана. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ojde.biz/atletiko-madrid-poluchil-sponsora-v-lice-azerbajdzhana/> (дата обращения: 15.12.2015).
6. Афлатун Амашов: «70 % азербайджанской прессы занимается рэкетом». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.day.az/politics/91143.html> (дата обращения: 12.02.2015).
7. Афлатун Амашов: «Русскоязычные СМИ Азербайджана востребованы обществом и довольно популярны» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vakmos.org/news/person/3512/> (дата обращения 18.06.2016).
8. В Азербайджане нет PR-образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovetnik.ru/press/2003/10/23/press_21104.html (дата обращения: 20.09.2016).
9. Грандиозный пиар Азербайджана в фильме «Форсаж-7» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://baku.ws/53633-grandioznuu-piar-azerbaydzhana-v-filme-forsazh-7-video.html> (дата обращения: 12.10.2016).
10. Журналисты строят Кавказский Мост. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://novosti.az/society/3587.html> (дата обращения: 29.09.2016).
11. Лейла Алиева: «Благодаря «Баку» все мы становимся чуть ближе друг к другу». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.day.az/politics/716504.html> (дата обращения: 22.09.2016).
12. Президент Азербайджана назван человеком года в Мире. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://azeritoday.com/archives/64924> (дата обращения: 26.05.2016).
13. Ровшан Аскеров: «Умный человек - это тот, кто умеет задавать правильные вопросы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mediafamily.pro/news/r_askerov (дата обращения: 21.09.2016).
14. СМИ Азербайджана должны совместно бороться с черным пиаром против Азербайджана – Сона Велиева. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.sputnik.az/politics/20150427/302133287.html> (дата обращения: 29.04.2015).
15. Эксперты: главная цель власти – управлять Информацией. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ia-centr.ru/expert/14715/> (дата обращения: 06.03.2015).
16. Гурбанов Т. М., Мехдиев Э. Т., Сафронов К. Ю. Конституционно-правовое регулирование внешней политики Азербайджанской Республики. – Уфа, Аэтерна, 2015. – 170 с.
17. Мехдиев Э. Т. Современная дипломатия: новые вызовы // Актуальные проблемы современной науки. – 2009. – № 5 (49). – С. 136-139.
18. Мехдиев Э. Т. Роль ОБСЕ в регулировании нагорно-карабахского конфликта // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2008. – № 10. – С. 53-63.

АКЧУРИН Тимур Фагмиевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры государства и права Дипломатической Академии МИД РФ, доцент кафедры публичного права Всероссийской Академии Внешней Торговли МЭР РФ

РЕСТЕЙТМЕНТ ПРАВА США: ПРИРОДА, ПОНЯТИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Одним из важнейших вторичных источников права американской правовой системы является рестейтмент права. По своей природе, значению, содержанию и применению он малоизучен отечественной наукой. Понимание места и роли рестейтмента права в правовой системе США позволяют глубже уяснить суть американского права с учетом практики применения правовых норм (в том числе норм международного права) на территории США.

В статье анализируется природа, сущность, роль и место рестейтмента права в американской правовой системе, а также, более подробно Рестейтмент по праву международных отношений США 1987 года (*Restatement of Foreign Relations Law of the United States (Third)*), его роль и значение.

Ключевые слова: американская правовая система, общее право, источники права, вторичные источники американского права, рестейтменты права, дигесты, кодификация, Американский институт права, Рестейтмент по праву международных отношений США 1987 года, международное право, Луис Хенкин.

AKCHURIN Timur Fagmievich

Ph. D. in Law, associate professor of State and Law sub-faculty of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia, associate professor of Public Law sub-faculty of the Russian Foreign Trade Academy of the MED of Russia

RESTATEMENT OF THE LAW OF THE UNITED STATES: NATURE, NOTION AND AXIOLOGICAL MEASUREMENT

One of the most important secondary sources in American legal system is a restatement of law. The nature of this source of law, its significance, contents and application are not studied well in the Russian science. The understanding of the place and role of the restatement of law in the legal system of the United States allows to comprehend in-depths the essence of American law taking into account the practice of application of legal provisions on the territory of the United States (including the international law provisions).

The article analyses the nature, substance, role and place of the restatement of law in the American legal system and considers the *Restatement of Foreign Relations Law of the United States (Third)*, its role and significance in more detail.

Keywords: US legal system, common law, sources of law, secondary sources of American law, Restatements of the law, digests, codification, American Law Institute – ALI, *Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third)*, «black letters», international law, Louis Henkin.

Анализируя основные американские учебники и монографии США по международному праву¹ и общаясь с коллегами из Колумбийского университета по поводу того, откуда лучше всего черпать информацию об американском концептуальном понимании международного права, я слышал каждый раз настоятельную рекомендацию: «Для современного точного и правильного понимания американской концепции международного права необходимо изучить Рестейтмент по праву международных отношений США 1987 года (*Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third)*)». Как утверждали мои коллеги и авторитетные американские юристы - международники в своих книгах, Рестейтмент содержит некую квинтэссенцию понимания и толкования международного права в США, более того, суды в США применяли и применяют международное право в своих решениях, опираясь не только на статутное или прецедентное право, но и на такой необычный для российского права источник, как рестейтмент.

Что же из себя представляет этот вторичный источник американского права, который так рекомендовали для изучения.

Термин *restatement of law* появился в США в результате деятельности Американского института права, как один из итогов его деятельности. Перевод термина рестейтмент права (*restatement of law*) заслуживает особого обсуждения. Англо-русский словарь Мюллера переводит слово *restate* (ri:ˈsteit) - вновь заявить; формулировать иначе, подтвердить, переформулировать². В различных словарях слово *Restatement* переводится как - повторное заявление (подтверждение); новая формулировка, пересмотр, свод норм, свод правил, изложение правовых норм³. Этот термин переводили в наших научных и учебных работах также по - разному, стараясь уловить смысл, содержание термина: свод права, свод норм права, обновленное изложение права и т.д.⁴ Однако ни один из этих переводов

1 International Law: norms, actors, process: a problem-oriented approach / Jeffrey L. Dunoff, Steven R. Rather, David Wippman - Aspen Publishers, 2010; International Law / Barry E. Carter, Philip R. Trimble - Little, Brown and Company Law and Business Education, 1995; International Law: Cases and Materials / Lori Fisler Damrosch, Louis Henkin, Richard Crawford Pugh, Oscar Schacher, Hans Smit - West Group, 2009; Teacher's Manual to International Law: Cases and Materials / Lori Fisler Damrosch, Louis Henkin, Sean D. Murthy, Hans Smit - West, 2010; Stephen C. McCaffrey. Understanding International Law / LexisNexis, 2006; Bradley, Curtis A. International Law in the U.S. Legal System. - Oxford University Press, 2013 и др.

2 Англо-русский словарь Мюллера <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Mueller-term-36133.htm>

3 См. словари на сайте. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://rus-eng.com/anglo_russkiy_ekonomicheskij_slovar/page/restatement.536669/; <http://translate.academic.ru/restatement/en/ru/1>

4 См., например, рестейтмент - свод норм - в книге: Кочемасов А. В. Кодификация уголовного права в США. - М.: ИКД «Зерцало» - М., 2016, с. 128; рестейтмент - специальный закон - перевод Цвайгерта К., Кетца Х. Сравнительное частное право. В 2-х тт. - М.: Международные отношения, 2011; рестейтмент - обновленное изложение права - в книге Скакун О. Ф. Общее сравнительное правоведение: Основные типы (семьи) правовых систем мира. - Киев, 2008, с. 242; рестейтмент - свод права - в переводе книги Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс. Международное частное право и

не передает природу и смысл этого термина, поэтому, как нам кажется необходимо отказаться от попыток дословного перевода и называть его также как называют в американском праве – «рестейтмент».

Рестейтменты (restatements of law)⁵ – представляют собой некие кодификации обобщающих мнений юристов – практиков (адвокатов), действующих судей, ученых – юристов (преподавателей ведущих университетов страны) по определенной правовой сфере или правовому институту общего права США. Обобщение происходит на основе первичных источников права, таких как: статуты, судебные прецеденты, а также правовых доктрин, общих принципов права, максим прецедентного, общего права, которыми руководствуются в своей практике судьи. Выводы комиссий Американского института права, которые работают над подготовкой рестейтментов, строятся на принципе *stare decisis*, т.е. опираются на обязательность юридической силы прецедента. Кроме названных источников права Американский институт права при подготовке новых рестейтментов рекомендует к использованию такие новые источники как: иностранное право, в тех случаях, когда возможно применение аналогии, иные вторичные источники права США⁶, а также предыдущие редакции рестейтментов⁷.

Рестейтменты основаны на наиболее полном и систематизированном всестороннем обзоре и исследовании применяемых как в федеральных судах, так и в судах штатов, норм права, зафиксированных в первую очередь в первичных источниках права. В них, например, цитируются различные доказательства позиций сторон в казусе, анализируются аналогичные решения судов, относящиеся к рассматриваемому вопросу, исследуются судебные решения по подобным вопросам в различных штатах и т.д.⁸ При анализе рестейтментов можно заметить, что его авторы частенько поднимают и исследуют такие правовые проблемы, которые еще не нашли отражение и закрепление в первичных источниках права, вскрывают определенные пробелы в праве и предлагают пути их разрешения.

Рестейтменты, как и большинство вторичных источников права⁹ США не могут обладать обязательной юридической

силой, однако имеют убедительную силу и авторитет, т.е. для большинства практикующих юристов они являются авторитетными и важными, хотя и не обязательными, в их повседневной профессиональной деятельности. Рестейтменты, являясь вторичными источниками права, по своей сути отражают обобщенное мнение юридического сообщества США. Они никак не меняют закон и прецеденты, они концентрируют в одном документе важнейшие нормы общего права, уже существующие в американской правовой системе и всех правовых систем штатов по исследуемым проблемам. Рестейтменты широко используются судьями и другими правоприменителями при принятии решений в случаях, когда закон неясен или отсутствует¹⁰, т.к. представляют из себя концентрированные правила (правовые позиции) общего права и являются ценнейшими ресурсами для нахождения конкретного прецедента. Однако ограничивать функционирование рестейтментов только правоприменительной сферой было бы не совсем правильно, т.к. они могут быть использованы как в правоприменительной, так и правотворческой сфере. Они также помогают быстрее ориентироваться в сложном запутанном общем праве США и помогает уяснить смысл и правовые позиции суда по каждому из представленных обобщений. Нередко судьи в своих решениях прямо ссылаются на правила, которые содержатся в рестейтментах¹¹. Необходимо отметить, что в последнее время в рестейтментах стали появляться некоторые правовые новации и предложения по модернизации правовых норм и актов, однако обязательными они не являются, но штаты могут на основании этих новаций принять в рамках своей правовой системы законодательные акты, закрепляющие их. Новации и предложения, которые принимаются Американским институтом права в рестейтментах являются ответами на те актуальные правовые проблемы, ситуации и пробелы, которые еще не нашли свое отражение и закрепление в первичных источниках права или общем праве США¹². Таким образом рестейтменты, в том числе, нацелены на ознакомление как профессионального юридического сообщества, так и широкой общественности, с тенденциями, направлениями и перспективами развития американского права, с передовыми правовыми идеями и современной правовой доктриной.

Рестейтменты, в силу своей природы, позволяют глубже понять американское право, т.к. в них содержится достаточно широкий, приближенный к американской правовой деятельности доктринальный обзор и исследование применяемых в судах норм общего права и первичных источников права, что является весьма важным, поскольку закрепление в первичных источниках права правовых норм обладает рядом специфических особенностей, а само американское право в большей степени опирается на правоприменение (судебные решения). Рестейтменты же опираются, прежде всего, на практику правоприменения первичных источников права судами в США.

сравнительное правоведение. – М.: Международные отношения, 2001, с. 361и в книге Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. – М.: Волтерс Клувер, 2009, с. 147 и др.

- 5 Поскольку в дальнейшем речь пойдет не о конкретном рестейтменте, а обо всех различных видах этого источника, термин будет употребляться во множественном числе, при переходе к анализу конкретного рестейтмента – он будет назван полностью.
- 6 См. статью Акчурина Т. Ф. Вторичные источники права США: аналитический обзор // Международный правовой курьер. 2016. № 2. С. 19-26
- 7 Capturing the Voice of the American Law Institute: A handbook for ALI Reporters /The American Law Institute, 4025 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2004, P.10
- 8 Farnsworth E. A. An Introduction to the Legal System of the United States. – Oceana Publications, Inc., 1963, pp. 80-82; Lawrence M. Friedman, American Law: An Introduction, N.Y., 1984, p.9-10; Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. – St. Paul, Minn: West Publishing Co, 3d ed., 2002, pp. 157-160; Law of the United States: An overview / by Peter Hay. - Munchen: Beck, 2002 (Juristische Kurz-Lehrbücher), pp.14-15; An Introduction to the Law of the United States / editors and authors. Alain A. Levasseur and John S. Baker. University Press of America, 4720 Boston Way Lanham, Maryland 20706, 1992, pp.29-31
- 9 Н. Н. Алексеев проводит отличие первичных источников права от вторичных: «Если называть источником права все то, что способно устанавливать права и обязанности, то нормативные или нормоустановительные факты можно считать первичными источниками права. Они служат основанием для образования неограниченного количества норм, постановлений, предписаний и т.д. с соответствующими им толкованиями и изъяснениями. Последние во всей своей совокупности составляют содержание данного поло-

жительного права. В последнем, в свою очередь, следует отличать, с одной стороны, те условные установления, которые, основываясь на нормативных фактах, получают способность устанавливать права и обязанности – иными словами, вторичные источники права, - с другой стороны, то, что устанавливается этими источниками в качестве обоснованных правопритязаний и правообязанностей» // Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998. С.155.

- 10 Capturing the Voice of the American Law Institute: A handbook for ALI Reporters /The American Law Institute, 4025 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2004. P. 4.
- 11 Например, в решениях по делам: *Richetta v. Stanley Fastening Systems*, PICS Case No. 09-1561 (E.D. Pa. Aug. 21, 2009) были использованы нормы Restatement (Third) of Torts; *Donovan v. RRL Corp.*, 27 P.3d 702 (Cal. 2001) были использованы нормы Restatement (Second) of Contracts и т.д.
- 12 Blumenwitz. Einführung in das anglo-amerikanische Recht (JuS – Schriftenreihe Heft 2, 5 Aufl. 1994) 53 f., 84 f.

Особый интерес вызывает юридическая природа рестейтмента. Аналога в российском законодательстве найти не представляется возможным, не только потому, что в российской правовой системе отсутствует общее право, но и потому, что этот источник обладает рядом особых характеристик. Кодифицируя и компилируя правовые нормы из различных источников, соединяя их в единый документ – рестейтмент не является кодексом, в романо-германском понимании, и не имеет обязательной юридической силы. В США принято различают следующие виды систематизации права: объединение правовых норм и актов в хронологическом порядке, объединение правовых норм и актов в систематическом порядке и консолидации правовых норм и актов¹³. Термин кодификация (codification) в праве используется и обозначает: «систематизацию статутов штата или федеральных статутов с целью их упорядочения, производимую, как правило, по предмету правового регулирования»¹⁴. Поскольку при написании рестейтмента используют не только статуты, но и иные источники права, а текстовые формулировки норм, зафиксированных в рестейтменте, могут текстуально не совпадать с нормами права, закрепленными в иных источниках права, назвать рестейтмент кодификацией не представляется возможным. Инкорпорацией назвать рестейтмент не представляется по причине того, что нормы в рестейтменте перерабатываются, а не просто формируют новый сборник (тематический или периодический).

Рене Давид писал, что рестейтменты – «это своего рода дигесты, где можно найти решения судебной практики, важные для данного рода дел»¹⁵. Однако в «Особой конституции Юстиниана *«Deo auctore»* от 15. 12. 530 года, Трибониану было приказано начать составление Дигест следующей фразой: «Мы приказываем вам собрать и отделить относящиеся к римскому праву книги древних мудрецов, которым священные принципы предоставляли власть составления и толкования законов, дабы в собранном из всех них материале не было оставлено никаких по возможности повторений и противоречий, но, чтобы из всех книг была составлена одна, достаточная вместо всех»¹⁶. То есть предполагалось, что под руководством Трибониана будет проведен анализ и систематизация мнений известных римских юристов, обязательных для применения, так как они могли противоречить друг другу; вторая причина была в недоступности для рядовых судей и чиновников некоторых сочинений. Компиляторы, как позже стали называть составителей Дигест, должны были постараться найти и систематизировать все правовое наследие знаменитых римских юристов, а также все римские законы (от законов 12 таблиц до сенатусконсультов и императорских конституций); после этого они были обязаны избавить новую систематизацию от устаревших норм¹⁷.

Таким образом мы не можем утверждать, что американские юристы при подготовке рестейтментов полностью скопировали форму или идею дигест Юстиниана.

Юридическая природа рестейтментов характеризуется целым рядом особенностей. Во - первых, подготовка и издание рестейтментов в США является исключительно частным делом Американского института права, государство в работе над ними никакого участия не принимает. Во-вторых, перед юристами, участвующими в написании рестейтмента не ста-

вится задача по упразднению или изменению каких-либо норм, это не входит в их компетенцию. В-третьих, при подготовке рестейтмента обобщается, прежде всего, статутное право, судебная и иная юридическая практика, нормы общего права, а не только мнения известных ученых и действующее законодательство. В-четвертых, рестейтмент не является обязательным актом, которому должны следовать судьи или другие государственные чиновники, он служит вторичным, вспомогательным источником, дополняющим и помогающим в принятии решения по делу, но никак не устанавливающим нормы. В-пятых, рестейтмент может содержать какие-либо новые идеи и предложения по совершенствованию законодательства, но не может формулировать новые правовые нормы, обязательные для исполнения. В-шестых, в силу того, что судебная практика постоянно меняется, Американский институт права ежегодно выпускает дополнение к рестейтменту, где обобщается эта новая практика правоприменения¹⁸. В-седьмых, рестейтмент относительно мобилен и может отзываться на реалии времени: сейчас готовится к выпуску четвертая редакция рестейтментов, которая учитывает современные изменения в политико-правовой сфере не только США, но и международного сообщества. В-восьмых, США являются федеративным государством и рестейтмент оказывает определенную помощь субъектам федерации в систематизации своего внутреннего законодательства, он служит неким модельным документом, который штат может взять за основу при принятии своего законодательного акта по тому вопросу, который был обобщен в рестейтменте. В-девятых, рестейтмент – результат коллективного разума профессиональных юристов (судей, адвокатов и ученых), которые достигли консенсуса при принятии документа, что лишнее раз доказывает его значимость и важность для правовой системы США. И еще одно важное замечание: утверждать, что рестейтмент является источником международного права, конечно, нельзя, но, поскольку Рестейтмент имеет конвенционально-нормативный (договорной) характер, то смело можно констатировать, что он служит вторичным источником внутригосударственного права США в виде согласованного документа американской юридической элиты доктринального характера.

Несомненно, концепция составления некоего подобия дигест лежала в основе составления рестейтментов Американский институт права, так как в основе многих положений общего права в США лежит римское право, но эта идея была творчески переработана и реализована в новых условиях и с новым содержанием американскими юристами.

Возможно сравнить рестейтменты с научно-практическими комментариями какого-либо закона или кодекса, например, комментарием к Уголовному кодексу РФ. Но и в этом случае существует ряд существенных отличий: в отличие от комментариев, которые пишутся какими-либо группами или отдельными учеными, рестейтменты пишут коллективно лучшие юристы всех штатов США, неоднократно публично обсуждая свои идеи и мысли; комментарии пишутся на какой-то уже действующий закон и не вправе как-либо менять данный нормативно-правовой акт, принятый компетентным государственным органом, а рестейтменты представляют из себя некое коллективное нормотворчество лиц, которые не наделены правом принятия нормативно-правового акта, при этом американский судья вправе использовать норму рестейтмента при вынесении решения при определенных обстоятельствах, тогда как комментарии нормативно-правового акта не могут быть использованы судьей при принятии своего решения;

13 См. Боботов С. В. Кодификация и систематизация законодательства в США // США: Экономика, политика, идеология. 1973. № 10. С. 120.

14 West's Encyclopedia of American Law. St. Paul; N.Y.; Los Angeles, 1998. Vol. 3. P. 57

15 Давид Рене, Жоффре-Спинози. Основные правовые системы современности. – М.: Международные отношения, 1997. С. 297.

16 Дернбург Г. Пандекты. - СПб., 1905 - 1911. - Т. I - III; Collinet P. La genèse du Digeste, du Code et des Institutes de Justinien // Études historiques sur le droit de Justinien. - Paris, 1952. - Т. III.

17 Кофанов Л. Л. Введение // Дигесты Юстиниана. - М.: Статут, 2002. - Т. 1., С. 13.

18 См, например, Case citations to the Restatement of the Law. Cumulative Annual Supplement For Use In 2014 Reporting Cases Through June 2013. That Cite Restatement of the Law Second, Foreign Relations Law of the United States and Restatement of the Law Third, The Foreign Relations Law of the United States - St. Paul, Minn. - American Law Institute Publishers, 2014

кроме того комментарии всего лишь являются толкованием существующих правил и не могут содержать новаций с предложениями усовершенствовать нормы права, а рестейтменты могут содержать и некие новации в праве, которые предложили внедрить юристы, которые готовили данный документ; комментарии не могут ложиться в основу принимаемых в субъектах федерации (штатах) правовых норм, а рестейтменты могут и т.д.

Т.е. рестейтменты по своей природе представляют из себя некие новые источники права, аналогов которым не было. Однако американские юридические словари не дают развернутого определения понятия рестейтмента. Так авторитетный юридический словарь Блэка фактически не дает определения термину, а только объясняет его структуру и содержание.¹⁹ Юридический словарь Мериам-Вебстера, также только ссылается на то, что это продукт деятельности Американского института права и перечисляет виды рестейтментов.²⁰ Юридический словарь Вебстера просто констатирует тот факт, что рестейтмент обобщает общее право на основе судебных решений и перечисляет виды рестейтментов²¹. Интернет - юридические словари также не дают определения понятию термина, довольствуясь описанием структуры и перечислением видов²²

Все рестейтменты созданы Американским институтом права (American Law Institute (ALI)), который является частной некоммерческой юридической организацией. Цель этих источников: разъяснить постоянно увеличивающееся количество сложных прецедентов – ясными, точными и краткими объяснениями и толкованиями. Принимаются рестейтменты обязательно всеми членами Американского института права в определенном порядке, в соответствии со своими внутренними уставными правилами.²³

Алгоритм подготовки рестейтментов строится следующим образом: вначале Советом Американского института права назначается Руководитель проекта, который непосредственно организует работу комиссии и ее членов, наблюдает за работой комиссии и оказывает необходимую помощь. При окончании работы комиссии Совет вправе рекомендовать ее ко всеобщему обсуждению, либо к пересмотру комиссией. Для того, чтобы документ стал публичным необходимо полное согласие всех членов Американского института права.²⁴

В самом начале своей деятельности Американского института права в первом докладе Совета 35 в 1923 году были сформулированы общие подходы и принципы написания основных форм (итоговых документов) Американского института права.

Первым требованием была однородность всех по форме, т.е. несмотря на то, что работы делают разные специалисты, они должны жестко следовать форме: «вопросы формы имеют первое значение». В рестейтментах «должно быть разделение, типографским или другим способом, основных принципов правовых норм и анализа текущего состояния правовых норм и причин, объясняющих включение указанных основных

принципов»²⁵. Американские юристы называют первую и самую важную часть параграфа рестейтмента - «black letters» и выделяют этот текст жирным шрифтом, эта часть текста содержит квинтэссенцию основных принципов права, закрепленных в рестейтменте.

Например, в первом параграфе рестейтмента «Права международных отношений США» «black letters» закрепляется следующая позиция: «Право международных отношений Соединенных Штатов, которое описывается в настоящем Рестейтменте, состоит из (а) международного права, применяемого к Соединённым Штатам; и (b) национального права, которое имеет существенное значение для международных отношений Соединённых Штатов или имеет другие существенные международные последствия»²⁶. После «black letters» следуют комментарии авторов (comment), в уже вышеупомянутой статье зафиксированы позиции: «(а) международное право в праве международных отношений США, (b) внутригосударственное право в праве международных отношений США», среди источников которого перечисляются: «Конституция США, федеральные статуты, правила и решения судов, акты федеральных исполнительных органов, которые имеют существенное значение для международных отношений Соединённых Штатов или могут иметь другие существенные международные последствия для США». И (с): «Область применения рестейтмента», - как определено в комментарии, - «не касается всего права международных отношений США, а только отдельных вопросов и институтов, имеющих особое значение».²⁷ В пояснительных заметках (reporters note) приводятся конкретные правовые нормы и решения судов в области применения обсуждаемых правовых норм и институтов на практике, теоретическое пояснение выводов, история появления упомянутой в тексте правовой нормы или позиции, что обозначается уже простым и более мелким шрифтом. В приведенном выше примере в пояснительных заметках содержатся вопросы: (1) о Конгрессе США и международных отношениях, (2) о Президенте США и международных отношениях, (3) разделении властей и международных отношениях, (4) судах и международных отношениях, (5) штатах и международных отношениях, (6) о международных отношениях индивидуальных правах, (7) сравнение с предыдущим рестейтментом. Все названные вопросы насыщены ссылками на статуты и иные первичные источники права, кроме того приводятся примеры из судебной практики, на которые опирается рестейтмент.²⁸ Такова в целом внутренняя структура каждого отдельного параграфа (части) всех рестейтментов. Количество таких параграфов (частей) определяется самой комиссией, которая пишет рестейтмент.

Вторым обязательным требованием было то, что рестейтменты не должны быть жесткими, а должны поддерживать гибкость общего права. По своей природе рестейтменты являются неким рамочным правовым актом в области общего права, основанном на кодифицированном толковании и комментировании доктринально-практического характера. Штаты могут на основе рестейтментов или используя их, принимать определенные правовые акты, соответствующие конкретной

19 Black's Law Dictionary, 10th ed., St. Paul, MN: West, 2014, p.1339

20 Merriam-Webster's Dictionary of Law, Merriam-Webster, Incorporated, Springfield, Massachusetts, 2011, p. 426

21 Webster's New World Law Dictionary, Wiley Publishing, Inc., Hoboken, New Jersey, 2010, 3.

22 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/Restatement+of+Law>; <http://definitions.uslegal.com/r/restatement/>; https://www.law.cornell.edu/wex/restatement_of_the_law;

23 См., например, Capturing the Voice of the American Law Institute: A handbook for ALI Reporters /The American Law Institute, 4025 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2004; Акчурина Т.Ф. Словарь по сравнительному правоведению. – М.: Орбита-М. 2015. С. 203-205

24 Bylaws in American Law Institute. Annual reports. Report of the director. report of the treasurer 70 annual meeting, May 11-14, 1993, Washington, D.C., The American Law Institute. P. 50-58.

25 John P. Frank. The American Law Institute. 1923-1998//Hofstra Law Review, Volume 26, No. 3, Spring 1998 – Symposium on the American Law Institute: process. Partisanship, and the restatements of law. P. 618.

26 Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third). Volume 1 §§ 1 – 488; As Adopted and Promulgated by the American Law Institute at Washington, D.C. May 14, 1986 St. Paul, Minn. - American Law Institute Publishers, 1987. P. 7.

27 Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third). Volume 1 §§ 1 – 488; As Adopted and Promulgated by the American Law Institute at Washington, D.C. May 14, 1986 St. Paul, Minn. - American Law Institute Publishers, 1987. P. 7-8.

28 Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third). Volume 1 §§ 1 – 488; As Adopted and Promulgated by the American Law Institute at Washington, D.C. May 14, 1986 St. Paul, Minn. - American Law Institute Publishers, 1987, p. 8 - 18

теме рестейтмента. Рестейтменты права оказывали и оказывают большое влияние на решения судов, т.к. как суды часто ссылаются в своих решениях на отдельные нормы рестейтментов.

Кроме того, Американский институт права, еще в начале своей деятельности, установил, что рестейтменты должны обладать «аналитическим, критическим и конструктивным характером» одновременно. Рестейтменты должны быть гармоничными и согласованными, где детали должны быть четкими, а «целое единым с деталями».²⁹

Среди наиболее важных и авторитетных рестейтментов в области общего права можно сослаться на Restatement of the Law of Trusts, сыгравший большую роль в урегулировании отношений доверительной собственности и в унификации законодательства штатов в области доверительного управления³⁰. Restatement of the Law of Contracts является важнейшим источником права в области контрактного права, т.к. при его обсуждении и одобрении принимали участие лучшие действующие судьи федеральных судов и судьи всех штатов, практикующие адвокаты, профессора лучших вузов в области контрактного права, документ был подготовлен такого качества, что по сегодняшний день во всех учебниках, научных работах и исследованиях, в решениях судей, в которых рассматриваются вопросы контрактного права ссылаются на этот документ³¹.

Идея подготовки вторичных источников права в виде рестейтментов, как мы говорили раньше, принадлежит Американскому институту права (American Law Institute (ALI))³², который был основан в 1923 для содействия в разъяснении, толковании, применении судами, прежде всего, норм общего права США.³³

В соответствии с уставом Американского института права важнейшая цель этой неправительственной некоммерческой организации: «содействие разъяснению и упрощению общего права и лучшей его адаптации к потребностям общества, для улучшения отправления правосудия, а также для поощрения и ведения научной работы в области юриспруденции»³⁴.

Сейчас Американский институт права параллельно ведет работу над 20 текущими проектами, которые подразумевают подготовку конкретного правового продукта в виде: какого-либо нового рестейтмента (restatement of the law) или обновление старого рестейтмента, принятие принципов права (principles of the law) или принятие нового модельного кодекса или подготовка новой редакции какого-либо модельного кодекса (model code).³⁵

Все члены Американского института права входят в какую-либо комиссию, которая занимается разработкой или новой редакцией какого-либо правового документа из вышеперечисленных.

29 Capturing the Voice of the American Law Institute: A handbook for ALI Reporters / The American Law Institute, 4025 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2004. P.5

30 Arnold, Thurman W., "The Restatement of the Law of Trusts" (1931). Faculty Scholarship Series. Paper 4257. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/4257

31 Charles E. Clark The Restatement of the Law of Contracts, 42 Yale Law Journal 643 (1933). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers

32 Более подробно об Американском Институте права смотрите в статье Акчурин Т. Ф. «Американский институт права и его влияние на развитие современной американской правовой системы» //Евразийский юридический журнал. 2016. № 1. С. 231-240.

33 Официальный сайт Американского института права (American Law Institute (ALI)). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ali.org/about-ali/>

34 Bylaws in American Law Institute. Annual reports. Report of the director. report of the treasurer 70 annual meeting, May 11-14, 1993, Washington, D.C., The American Law Institute. P. 43.

35 См.: проекты Американского института права на официальном сайте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ali.org/projects/>

Первым рестейтментом, подготовленным Американским институтом права был Рестейтмент о праве Контрактов (Restatement of the Law of Contracts), опубликованный в декабре 1932. Подготовка и опубликование этого документа вызвали в американском профессиональном юридическом сообществе массу положительных отзывов, и он получил широкое признание, распространение и применение на всей территории США³⁶. Данная форма получила признание и поддержку практикующих юристов всего США.

За долгие годы существования данной организации были созданы следующие рестейтменты в 17 сферах правового регулирования³⁷:

- Представительство (Agency) (Second)
- Распределение ответственности (Apportionment of Liability) (Third)
- Коллизионное право (Conflict of Laws) (Second)
- Договорное право (Contracts) (Second)
- Международное право и международные отношения (Foreign Relations) (Third)
  - Процесс вынесения решений судьями (Judgments) (Second)
  - Право, регулирующее деятельность юристов (Law Governing Lawyers) (Third)
  - Ответственность за качество и безопасность продукции (Products Liability) (Third)
  - Право на имущество (Property) (Third)
  - Правило благоразумного инвестора (Prudent Investor Rule) (Third)
- Возмещение ущерба (Restitution) (First)
- Обеспечение обязательств (Security) (First)
- Поручительство и гарантии (Suretyship and Guaranty) (Third)
- Деликтное право (Torts) (Second)
- Доверительная собственность (Trusts) (Second)
- Недобросовестная конкуренция (Unfair Competition) (Third)
- Завещания и безвозмездные передачи (Wills and Donative Transfers) (Third)

Любопытно, что некоторые рестейтменты выходили уже в трех редакциях (выпусках), а сейчас ведется подготовка некоторых рестейтментов в четвертой редакции³⁸, в частности, приступили к подготовке новой четвертой редакции Рестейтмента по праву международных отношений США³⁹. Двумя соруководителями этого проекта стали влиятельные и уважаемые американские ученые - юристы: профессор Колумбийского университета, имеющий опыт работы в Государственном Департаменте США, специалист в области международного права и международных отношений Сара Кливленд (Sarah Cleveland)⁴⁰ и юрист - международник, компаративист, специалист по правовым системам социалистических и пост-социалистических стран, профессор Университета Виргинии Пол Стефан (Paul Stephan)⁴¹. Считается, что они представляют два различных взгляда на право международных отношений США: Сара Кливленд считается традиционалистом и ей близки взгляды Луиса Хенкина (Louis Henkin), а Пол Стефан считается ревизионистом, ему ближе определенные новации в праве. Когда Пола Стефана спросили о перспективах успешного написания четвертой редакции Рестейтмента по праву

36 См.: Charles E. Clark The Restatement of the Law of Contracts, 42 Yale Law Journal 643 (1933). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers

37 Все рестейтменты можно посмотреть на портале. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: HeinOnline <http://home.heinonline.org/>

38 См.: официальный сайт АИП <https://www.ali.org/projects/>

39 Hollis Duncan. Breaking News: The Fourth Restatement on the Foreign Relations Law of the United States. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opiniojuris.org/2012/10/23/breaking-news-the-fourth-restatement-on-the-foreign-relations-law-of-the-united-states/>

40 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law.columbia.edu/fac/Sarah_Cleveland

41 См.: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.virginia.edu/lawweb/faculty.nsf/FHPbI/1211911>

международных отношений США, то он ответил, что: «Там будут споры и разногласия, но это жизнь юриста. Моя надежда состоит в том, что, в конце концов, в этой области права будет несколько больше ясности, и немного меньше путаницы, чем есть в настоящее время». Любопытно, что в состав новой комиссии по написанию нового рестейтмента права входят не менее 10 бывших сотрудников Государственного Департамента США⁴².

Рестейтменты подготавливались в течение достаточно долгого времени и выходили тремя редакциями (сериями): 1 редакция (серия) – с 1923 по 1944 гг; вторая редакция (серия) – 1957 по 1981 гг; третья редакция (серия) – с 1986 года по сегодняшний день. В настоящее время ведется подготовка 4 редакции (серии) ряда рестейтментов. Каждая последующая редакция обновляет старую – делает новый, современный анализ, добавляет новые источники, понятия и судебные решения. В каждую новую редакцию обычно добавляется какой-нибудь новый рестейтмент, так, например, в 1952 году началась подготовка Рестейтмента по праву международных отношений (международному праву) США. Первыми были рестейтменты договорному праву (Contracts); по представительству (Agency), коллизионному праву (Conflict of Laws), процессу вынесения решений судьями (Judgments), праву собственности (Property), возмещению ущерба (Restitution), обеспечению обязательств (Security), деликтному праву (Torts), и доверительной собственности (Trusts). Сегодня АИП проводит большую работу по подготовке новых рестейтментов, в частности, подготавливаются рестейтменты в области трудового права, международного коммерческого арбитража и др.

Рестейтмент по праву международных отношений США 1987 года принадлежит к вторичным источникам права США, следовательно, играет в правовой системе США вспомогательную роль. Основная задача рестейтмента права – дополнять первичные источники права (в данном случае: обычное международное право (customary international law), международные договоры (treaties), общепризнанные принципы международного права (general principles of National Law), решения международных судебных органов (judicial decisions and writings), глубоко раскрывая их смысл, интерпретируя, объясняя, толкуя и анализируя международно-правовые нормы.

Иногда высказывают такое мнение, что рестейтменты имеют только доктринальный характер, однако, если среди первичных источников права отсутствует необходимая норма, то судьи в своих решениях ссылаются и опираются на них, доказательством чего служит ежегодное приложение Американского Института Права (American Law Institute (ALI) к каждому выпуску рестейтмента права, где отражается судебная практика, в которой были применены те или иные нормы из него⁴³.

Рестейтмент по праву международных отношений США служит важным примером того, что американское юридическое сообщество, в лице Американского института права, с течением времени откликается на новые вызовы времени и

готово давать рекомендации не только в области общего права США, но и в иных важных областях правового регулирования.

Создание Рестейтмента по праву международных отношений США, отразило необходимость единообразного понимания и применения всеми государственными органами и в особенности правоприменительными органами США международного права на территории страны.

Рестейтмент по праву международных отношений США также помогает координировать и унифицировать применение норм международного права штатами США в лице их правоприменительных органов.

Руководителем комиссии по подготовке Рестейтмента по праву международных отношений США 1987 года (Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third)) был профессор Колумбийского университета Луис Хенкин (Louis Henkin). (11.11.1917 – 14.10.2010), выдающийся американский юрист-международник, специалист в области как государственно-правовых, так и международных правоотношений, основатель Центра изучения прав человека (1978), Института прав человека (1998). В группу руководителей проекта также входили известные американские юристы – международники, имеющие опыт работы в органах ООН и Госдепартаменте США: профессор Нью-Йоркского университета Андреас Ловенфельд (Andreas Lowenfeld), профессор Джоржтаунского университета Луис Сон (Louis B. Sohn), профессор Гарвардского университета Детлев Вагт (Detlev F. Vagts). Кроме них в подготовке Третьей редакции приняли участие 28 профессоров других американских университетов, адвокатов – специалистов в области международного права и международных отношений, а также 6 профессоров и специалистов области международного права, международных отношений, судей международных судов из Уругвая, Франции, Нидерландов, Великобритании, Швейцарии. Подготовка документа шла с 1979 года до 1987 года. Другие члены АИП регулярно принимали участие в рассмотрении проекта на стадии обсуждения на годовых собраниях⁴⁴. Подготовленная редакция была пересмотрена (ревизией) Рестейтмента по праву международных отношений США 1965 года (Restatement of the Foreign Relations Law of the United States (1965)).

В предисловии Рестейтмента права международных отношений США было сделано заявление о том, что он опирается не только на международно-правовые нормы, но также на нормы внутригосударственного федерального права США, которые являются неотъемлемой частью права международных отношений Соединенных Штатов: Конституцию США, нормы принимаемые законодательной, исполнительной и судебной властью США, в части, которая касается применения международного права на территории США⁴⁵.

Сам Рестейтмент по праву международных отношений США 1987 года состоит из двух томов (Volumes); 9 частей; 907 параграфов; алфавитного списка прецедентов, которые упоминались и анализировались при написании рестейтмента; алфавитного списка всех статутов, использованных при написании рестейтмента; алфавитного списка всех международных соглашений, использованных при написании рестейтмента; алфавитного указателя авторов и их работ, использованных при написании рестейтмента; сравнительная таблица Рестейтмента по праву международных отношений США 1965 года и

42 Hollis Duncan. Breaking News: The Fourth Restatement on the Foreign Relations Law of the United States. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opiniojuris.org/2012/10/23/breaking-news-the-fourth-restatement-on-the-foreign-relations-law-of-the-united-states/>

43 См., например, Case citations to the Restatement of the Law Cumulative Annual Supplement. For Use In 2014. Reporting Cases Through June 2013 That Cite (This Supplement contains all citations to the Restatement of the Law Second, Foreign Relations Law of the United States, and the Restatement of the Law Third, The Foreign Relations Law of the United States. For subsequent citations, see also the Interim Case Citations to the Restatements and Principles of the Law pamphlets designated for use with the 2014 Pocket Parts and Supplements)/Publications Director: Marianne McGettigan Walker/The American Law Institute, 4025 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2014.

44 Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third). Volume 1 § 1 - 488 As Adopted and Promulgated by the American Law Institute at Washington, D.C. May 14, 1986 St. Paul, Minn. - American Law Institute Publishers, 1987, pp. V-VII.

45 См. Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third). Volume 1 § 1 – 488; Volume 2 § 501 – End. As Adopted and Promulgated by the American Law Institute at Washington, D.C. May 14, 1986 St. Paul, Minn. - American Law Institute Publishers, 1987.

Рестейтмента по праву международных отношений США 1987 года, алфавитного указателя и иного справочного материала⁴⁶.

Рестейтмент по праву международных отношений США 1987 оказал огромное влияние на правоисполнительную и правоприменительную практику в США, в частности на деятельность сотрудников Государственного Департамента США⁴⁷, а на также на деятельность судов. Для понимания значимости этого документа можно просто обратиться к практике высшего судебного органа США – Верховного суда США. Наиболее известными делами, в которых члены Верховного суда использовали данный Рестейтмент были: *Sanchez-Llamas*, *Sosa*, *Empagran*, *Hartford Fire*, *Saudi Arabia v. Nelson*, *Dames & Moore*, *Sabbatino* и др.⁴⁸

Резюмируя сказанное, необходимо сказать следующее:

Не следует использовать никакой другой термин кроме термина рестейтмент (*Restatement*) по отношению к данному источнику права, так как не существует адекватного полноценного точного перевода смысла этого понятия.

Рестейтмент в США является устойчивым и важным вторичным источником права, который используется как при принятии новых правовых актов в штатах – законодательствами штатов, так и в правоприменительной практике – юристами-теоретиками, юристами – практиками, а также и в правоисполнительной практике, как в случаях с Рестейтментом по праву международных отношений США 1987, политиками и государственными служащими (Госдепартамент США, в том числе). Важно отметить, что Рестейтмент по праву международных отношений США 1987 года (*Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third)*) соединяет в себе как правовые аспекты международного права, но и международных отношений (исходя из названия документа и его смысла), которые учитывает США, т.е. данный документ несет в себе не только правовые, но и содержательные моменты, связанные с пониманием и реализацией международных отношений американским государством.

В силу важности рестейтментов для внутреннего права США, юридическая природа рестейтментов права нуждается в более глубоком изучении и осмыслении, т.к. как американские суды нередко, например, в случаях с международным элементом, опираются на рекомендации и нормы рестейтментов, в частности, на Рестейтмент по праву международных отношений США 1987 года (*Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third)*).

Рестейтмент как правовой инструмент (правовое средство) возник в США в период движения за унификацию и гармонизацию права, в силу наличия в США не только федеральной правовой системы, но и правовых систем штатов, для сближения и координации их правовых норм, т.к. в сфере общего права в США применяются нормы, принятые непосредственно в штатах.

Целью всех рестейтментов права является разрешение проблемы разрозненности и доктринального единства, существующего в системе американского общего права, путем устранения неопределенности, конфликтности и объемности

общего права путем определенной его систематизацией (кодификацией), в частности, в форме рестейтментов.

Рестейтменты имеют единую устоявшуюся форму с определенными, четко прописанными характеристиками, которые соблюдаются при подготовке всех видов рестейтментов.

Подготовка новых редакций рестейтментов и новых рестейтментов осуществляется в том случае, если Американский Институт Права, на основе широкого обсуждения юридической общественностью США, приходит к выводу, что тот или иной рестейтмент нуждается в модернизации или подготовке. С течением времени, в рестейтменты стали предлагаться определенные новации, например, в виде рекомендаций использовать инновационные нормы иностранного права.

Рестейтменты также являются определенным способом решения вопроса о пробелах в американском законодательстве, так как ориентируется на практику правоприменения, которая позволяет быстрее выявить те вопросы, которые нуждаются в более четком правовом урегулировании.

Также не стоит забывать, что рестейтменты, являясь по форме вторичными источниками права, играют в американской правовой системе далеко не второстепенную роль.

Таким образом, изучение рестейтментов помогает глубже понять применение общего права и действующего законодательства в США, т.к. они содержат, в частности, примеры правоприменения судами норм права, а также определенные рекомендации к тому, как лучше применять первичные источники права.

Пристатейный библиографический список

1. Акчурин Т. Ф. «Американский институт права и его влияние на развитие современной американской правовой системы» // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1. С. 231-240.
2. Акчурин Т. Ф. Вторичные источники права США: аналитический обзор / Международный правовой курьер. 2016. № 2. С. 19-26.
3. Акчурин Т. Ф. Словарь по сравнительному правоведению. М.: Орбита-М, 2015. С. 203-205.
4. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1998.
5. Боботов С. В. Кодификация и систематизация законодательства в США // США: Экономика, политика, идеология. 1973. № 10.
6. Давид Рене, Жоффре-Спинози. Основные правовые системы современности. М.: Международные отношения, 1997.
7. Дертбург Г. Пандекты. - СПб., 1905-1911. - Т. I - III; Collinet P. La genèse du Digeste, du Code et des Institutes de Justinien // Études historiques sur le droit de Justinien. Paris, 1952. Т. III.
8. Кофанов Л. Л. Введение // Дигесты Юстиниана. М.: Статут, 2002. Т. 1.
9. Кох Х., Магнус У., Винклер фон Моренфельс. Международное частное право и сравнительное правоведение. – М.: Международные отношения, 2001.
10. Кочемасов А. В. Кодификация уголовного права в США. М.: ИКД «Зерцало – М», 2016.
11. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. М.: Волтерс Клувер, 2009.
12. Скаун О. Ф. Общее сравнительное правоведение: Основные типы (семьи) правовых систем мира. Киев, 2008.
13. Цвайгерт К, Кетц Х. Сравнительное частное право. В 2-х тт. М.: Международные отношения, 2011.
14. An Introduction to the Law of the United States / editors and authors. Alain A. Levasseur and John S. Baker.

46 См. *Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third)*. Volume 1 §§ 1 – 488; Volume 2 §§ 501 – End. As Adopted and Promulgated by the American Law Institute at Washington, D.C. May 14, 1986 St. Paul, Minn. - American Law Institute Publishers, 1987.

47 Hollis Duncan. Breaking News: The Fourth Restatement on the Foreign Relations Law of the United States. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opiniojuris.org/2012/10/23/breaking-news-the-fourth-restatement-on-the-foreign-relations-law-of-the-united-states>

48 См. *Sanchez-Llamas v. Oregon*, 548 U.S. 331 (2006); *Sosa v. Alvarez-Machain*, 542 U.S. 692 (2004); *F. Hoffman-La Roche Ltd. v. Empagran, S.A.* 542 U.S. 155 (2004); *Hartford Fire Insurance Co. v. California*, 113 S.Ct. 2891 (1993); *Saudi Arabia v. Nelson*, 507 U.S. 349 (1993); *Dames & Moore v. Regan*, 453 U.S. 654 (1981); *Banco Nacional de Cuba v. Sabbatino*, 376 U.S. 398 (1964).

- University Press of America, 4720 Boston Way Lanham, Maryland 20706, 1992. P. 29-31.
15. Arnold, Thurman W., "The Restatement of the Law of Trusts" (1931). Faculty Scholarship Series. Paper 4257. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/4257
  16. Black's Law Dictionary, 10th ed., St. Paul, MN: West, 2014.
  17. Bradley, Curtis A. International Law in the U.S. Legal System. Oxford University Press, 2013.
  18. Blumenwitz. Einfuhrung in das anglo-amerikanische Recht (JuS – Schriftenreihe Heft 2, 5 Aufl. 1994) 53 f., 84 f.
  19. Burnham W. Introduction to the Law and Legal System of the United States. – St. Paul, Minn: West Publishing Co, 3d ed., 2002. P. 157-160.
  20. Bylaws in American Law Institute. Annual reports. Report of the director. report of the treasurer 70 annual meeting, May 11-14, 1993, Washington, D.C., The American Law Institute. P. 50-58.
  21. Capturing the Voice of the American Law Institute: A handbook for ALI Reporters /The American Law Institute, 4025 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2004.
  22. Case citations to the Restatement of the Law Cumulative Annual Supplement. For Use In 2014. Reporting Cases Through June 2013 That Cite (This Supplement contains all citations to the Restatement of the Law Second, Foreign Relations Law of the United States, and the Restatement of the Law Third, The Foreign Relations Law of the United States. For subsequent citations, see also the Interim Case Citations to the Restatements and Principles of the Law pamphlets designated for use with the 2014 Pocket Parts and Supplements)/Publications Director: Marianne McGettigan Walker/The American Law Institute, 4025 Chestnut Street, Philadelphia, PA 19104, St. Paul, MN: American Law Institute publishers, 2014.
  23. Charles E. Clark The Restatement of the Law of Contracts, 42 Yale Law Journal 643 (1933). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers
  24. Farnsworth E. A. An Introduction to the Legal System of the United States. – Oceana Publications, Inc., 1963. P. 80-82.
  25. Hollis Duncan. Breaking News: The Fourth Restatement on the Foreign Relations Law of the United States. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://opiniojuris.org/2012/10/23/breaking-news-the-fourth-restatement-on-the-foreign-relations-law-of-the-united-states/>
  26. International Law / Barry E. Carter, Philip R. Trimble – Little, Brown and Company Law and Business Education, 1995.
  27. International Law: Cases and Materials / Lori Fisler Damrosch, Louis Henkin, Richard Crawford Pugh, Oscar Schacher, Hans Smit. West Group, 2009.
  28. International Law: norms, actors, process: a problem-oriented approach / Jeffrey L. Dunoff, Steven R. Rather, David Wippman. Aspen Publishers, 2010.
  29. John P. Frank. The American Law Institute. 1923-1998 // Hofstra Law Review, Volume 26, No. 3, Spring 1998 – Symposium on the American Law Institute: process. Partisanship, and the restatements of law. P. 618.
  30. Law of the United States: An overview / by Peter Hay. – Munchen: Beck, 2002 (Juristische Kurz-Lehrbuecher). P. 14-15.
  31. Lawrence M. Friedman, American Law: An Introduction, N.Y, 1984, p.9-10;
  32. Merriam-Webster's Dictionary of Law, Merriam-Webster, Incorporated, Springfield, Massachusetts, 2011.
  33. Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third). Volume 1 §§ 1 – 488; As Adopted and Promulgated by the American Law Institute at Washington, D.C. May 14, 1986 St. Paul, Minn. – American Law Institute Publishers, 1987.
  34. Restatement Foreign Relations Law of the United States (Third). Volume 1 §§ 1 – 488; Volume 2 §§ 501 – End. As Adopted and Promulgated by the American Law Institute at Washington, D.C. May 14, 1986 St. Paul, Minn. – American Law Institute Publishers, 1987.
  35. Stephen C. Mc Caffrey. Understanding International Law / LexisNexis, 2006.
  36. Teacher's Manual to International Law: Cases and Materials / Lori Fisler Damrosch, Louis Henkin, Sean D. Murthy, Hans Smit - West, 2010.
  37. Webster's New World Law Dictionary, Wiley Publishing, Inc., Hoboken, New Jersey. 2010.
  38. West's Encyclopedia of American Law. St. Paul; N.Y.; Los Angeles, 1998. Vol. 3.
- Интернет ресурсы:**
1. Американские юридические словари. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/wex/restatement_of_the_law/;
  2. Американские юридические словари. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://definitions.uslegal.com/r/restatement/>
  3. Американские юридические словари. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://legal-dictionary.thefreedictionary.com/Restatement+of+Law>
  4. Англо-русские словари. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rus-eng.com/anglo_russkiy_ekonomicheskij_slovar/page/restatement.53669/
  5. Англо-русские словари: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://translate.academic.ru/restatement/en/ru/1>
  6. Все реестры на портале HeinOnline. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://home.heinonline.org/>
  7. Официальный сайт Американского института права (American Law Institute (ALI)). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ali.org/about-ali/>
  8. Официальный сайт Колумбийского университета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law.columbia.edu/fac/Sarah_Cleveland
  9. Официальный сайт университета Виргинии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.law.virginia.edu/lawweb/faculty.nsf/FHPbl/1211911>
  10. Проекты Американского института права на официальном сайте. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ali.org/projects/>
- Судебные прецеденты, использованные в работе:**
1. Banco Nacional de Cuba v. Sabbatino, 376 U.S. 398 (1964).
  2. Dames & Moore v. Regan, 453 U.S. 654 (1981).
  3. Donovan v. RRL Corp., 27 P.3d 702 (Cal. 2001).
  4. F. Hoffman-La Roche Ltd. v. Empagran, S.A. 542 U.S. 155 (2004).
  5. Hartford Fire Insurance Co. v. California, 113 S.Ct. 2891 (1993).
  6. Richetta v. Stanley Fastening Systems, PICS Case No. 09-1561 (E.D. Pa. Aug. 21, 2009).
  7. Sanchez-Llamas v. Oregon, 548 U.S. 331 (2006).
  8. Saudi Arabia v. Nelson, 507 U.S. 349 (1993).
  9. Sosa v. Alvarez-Machain, 542 U.S. 692 (2004).

ДОРОНИНА Наталия Георгиевна

доктор юридических наук, заместитель заведующего отделом экономико-правовых проблем государственного и муниципального управления Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации

КОНКУРЕНЦИЯ ПРАВОПОРЯДКОВ И ИНТЕГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА В ЕВРОПЕ

Статья посвящена исследованию понятия «конкуренция правопорядков». Эта терминология связана с правовым регулированием иностранного юридического лица. Дело «Centros» является подтверждением этому. Гармонизация корпоративного права государств – членов Евросоюза не смогла решить проблему оценки конкурентоспособности участвующих в нем государств. Благодаря интеграционной политике Евросоюза решение о создании и европейской компании стало второй такой попыткой. Типологический спектр разновидностей юридических лиц с ярлыком «made in European Union», включающий в себя Европейское объединение лиц с общей экономической целью (Европейское объединение или EEIG – European Economic Interest Grouping), Европейскую компанию (Societas Europea), Европейскую кооперативную компанию (Societas Cooperativa Europea – SCE), Европейскую частную компанию (European Private Company – EPC). Однако только режим иностранных инвестиций остается критерием оценки конкурентоспособности правовой системы того или иного государства. Регулирование деятельности многонациональных («международных»), транснациональных корпораций, осуществляемое в рамках национальной правовой системы (международного частного права), нуждается в согласованном между государствами регулировании.

Ключевые слова: конкуренция, правовая система, гармонизация права, интеграционная политика, Европейский Союз.

DORONINA Nataliya Georgievna

Ph.D. in Law, Deputy Head of the department of Economic and Legal Problems of State and Municipal Management of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Honored lawyer of the Russian Federation

COMPETITION OF LEGAL SYSTEMS AND INTEGRATION POLICY IN EUROPE

The article is devoted to the analysis of the term «competition of legal systems». This term is connected with the regulation of foreign investments in the form of legal entity abroad. The case of «Centros» confirms that harmonization of corporate law in the States – Members of European Union did not solve the problem of fair competition between the States participating in European integration. Thanks to the integration policy of EU there was an attempt to use potential force of integration. There was adopted the Statute of European Company and community law on other types of business associations: EEIG – European Economic Interest Grouping, Societas Europea, Societas Cooperativa Europea – SCE, European Private Company – EPC. The analysis shows that the main criteria of measuring the effectiveness of legal system is the regime of foreign investments in this or that State of integrated European Union. The regulation of a Transnational Corporation (TNC) is based on the national treatment formulated within the national legal system of each State of the Union. So Private International Law is the sphere where harmonization of national legislation is mostly needed.

Keywords: competition, legal system, harmonization of law, integration policy, European Union.

1. Перемещение компаний: выбор местонахождения компании (теория оседлости) и личный статут компании

Появление конкуренции правопорядков обусловлено тем, что в условиях рыночной экономики у частного лица появляется право выбора места постоянной оседлости – страны для осуществления предпринимательской деятельности и учреждения компании. Конкуренция правопорядков тесно связано с правовым регулированием иностранного юридического лица в международном частном праве¹.

Национальность юридического лица во многих странах определяется в соответствии с коллизионными критериями. Национальность, а точнее государственная принадлежность юридического лица, часто определяется по месту регистрации компании в качестве юридического лица (критерий инкорпорации). Данный критерий обладает тем преимуществом, что характеризуется определенностью, а также тем, что позволяет учредителю компании выбрать правопорядок, сложившийся в том или ином государстве, с наиболее благоприятным режимом деятельности.

Стремление привлечь иностранный капитал заставляет государство обращаться к формированию льготного налогового режима для иностранных инвестиций. Однако не только

налоговые льготы привлекают капитал. Проблемы, связанные с формированием капитала, стоящие перед юридическим лицом, играют основную роль при выборе правопорядка². Нормы международного частного права и следование тем или иным коллизионным критериям при определении национальности юридического лица предоставляют такую возможность и составляют содержание понятия «конкуренция правопорядков». «Несколько решений Европейского суда первой инстанции (European Court of Justice) привлекли внимание юристов в части правового режима осуществления деятельности путем создания компаний в иностранной юрисдикции. Эти решения заставляют по новому взглянуть на действующее в их стране национальное законодательство в сравнении его с иностранным правом»³.

Современные экономические условия, характеризующиеся предоставлением свободы в части движения капитала, при-

1 Armour J., Ringe W-G. European Company Law 1999-2010: Renaissance and Crisis // Common Market Law Review. 2011. V.48. P.125

2 Об этом см. подробнее в работах: Нарышкина Р. Л. Акционерное право США (Правовое положение предпринимательских корпораций США). М. МГИМО. 1978; Доронина Н. Г. Корпоративное право и регулирование инвестиций // Корпоративное управление как фактор повышения инвестиционной привлекательности. М.: МГИМО Университет, 2014.

3 Micheler Eva. Recognition of Companies Incorporated in Other EU Member States // International & Comparative Law Quarterly. V. 52. Part 2. April 2003. P. 521.

менением разнообразных критериев определения места деятельности юридического лица, анализируются в литературе как одна из актуальных проблем правового регулирования иностранных инвестиций. В основе оценки этих условий (инвестиционного климата) лежит объективная реальность – конкуренция правопорядков. Особенно это касается критерия местонахождения компании, по которому можно определить личный статус и, соответственно, национальность юридического лица: по месту нахождения органов управления компании, по месту нахождения основного производства, и по месту инкорпорации юридического лица.

На практике конкуренция правопорядков проявляется в том, что государство при осуществлении внутренней экономической политики, обращается к так называемым «защитным мерам». Обращение к «защитным мерам» обеспечивает интересы участников национального рынка, прежде всего участников национального рынка капиталов. Принимая защитные меры государство не ставит цель ограничить действия того или иного инвестора. В его задачу входит восстановить справедливые условия конкуренции на национальном рынке. Государство, принимая защитные меры, осуществляет регулирование национального рынка, как основного предмета правового воздействия в процессе осуществления внутренней экономической политики⁴.

К защитным мерам может относиться отказ государственного органа в регистрации иностранного юридического лица или его подразделений, как это было, например, в деле «Centros». В деле «Centros» государство отказало в регистрации филиала иностранной компании. Для защиты национального производства в отдельных отраслях экономики государство часто вводит критерий контроля при определении режима деятельности юридического лица, подчиняя их таким способом действию режима предпринимательской деятельности иностранных юридических лиц. Критерий контроля позволяет учитывать происхождение капитала компании при предоставлении им соответствующего режима деятельности. Различие в режиме участвующих в предпринимательской деятельности компаний также является частью экономической политики государства, направленной на развитие национального производства.

Правовой режим предпринимательской деятельности является эффективным инструментом в решении экономических задач. Например, чтобы активизировать национальное производство достаточно ограничить приток иностранных инвестиций в те отрасли экономики, где быстрая оборачиваемость капитала обеспечивает быструю окупаемость затрат и получение прибыли. В торговле и связанной с ней сфере услуг, как, например, первичная обработка сельхозпродукции, пошив одежды, предприятия пищевой промышленности, быстрое обращение капитала приносит и быстрые доходы от предпринимательской деятельности. Соответственно, государственная политика регулирования внутреннего рынка, построенная на знании объективных экономических законов, использует в качестве средства влияния на производителя предоставление ему того или иного режима предпринимательской деятельности. Предоставление правового режима и составляет содержание анализа правовой категории «конкуренция правопорядков».

К наиболее активно применяемым мерам правового воздействия, составляющим часть правового режима, относятся меры налогового регулирования, с помощью которых государство может регулировать направление движения капитала. Подобные меры нередко вызывают возражения со стороны

инвесторов, которые, пользуясь свободой выбора места приложения своего капитала и предоставленным ему в соответствии с международными договорами национальным режимом, могут изменять местонахождение юридического лица. Конфликт интересов инвестора и государства в этих случаях часто становится основанием для возникновения споров и судебного разбирательства.

Большое значение регулятивным мерам придается в интеграционной экономической политике. Среди этих мер должное отдается корпоративному праву. Корпоративное право Европейского Союза, по заявлению специалистов, рассматривается как инструмент внешней политики, используемый для того, чтобы пробить брешь в броне, возведенной государством в форме правовой категории «суверенитет государства»⁵. Формирование нового вида юридических лиц в Евросоюзе стало, по существу, итогом развития конкуренции правопорядков. Так, появление в Евросоюзе европейского объединения с единым экономическим интересом, европейской компании, европейского кооперативного общества и европейской частной компании можно рассматривать и как направление в унификации правового регулирования юридических лиц в Евросоюзе и, одновременно, как способ преодоления негативных последствий конкуренции правопорядков.

Другим способом реализации экономической политики государства является обращение государства к антимонопольному законодательству, или законодательству о защите конкуренции на национальном рынке. Законодательство о конкуренции на региональном рынке (Регламенты Комиссии ЕС, исполняющей функции антимонопольного органа) обладает большой эффективностью в части преодоления негативных последствий конкуренции правопорядков. Практика применения европейского законодательства о защите конкуренции свидетельствует об усилении ответственности в этой сфере. Так, Европейский суд, согласно последним изменениям, не принимает во внимание ни тот факт, что потенциальный нарушитель следовал рекомендациям национального антимонопольного органа, ни то, что в основу действий ответственного лица были положены консультации опытных и авторитетных специалистов в области законодательства о конкуренции, а руководствуется исключительно интересами защиты региональных интересов на интегрированном рынке⁶.

Категория «конкуренция правопорядков» стала активно обсуждаться в юридической литературе, начиная с 1999 г., когда «мотор реформы корпоративного права» заработал в полную силу⁷. Толчком этому послужило дело «Centros»⁸. В деле «Centros» отказ Дании в регистрации филиала иностранного юридического лица обосновывался тем, что компания, учрежденная в Англии датской супружеской парой, не осуществляет в Великобритании хозяйственную деятельность. Действия лиц из Дании рассматривались регулирующими органами Дании как злоупотребление правом. Учреждение ими компании в Великобритании, а затем открытие филиала английской компании в Дании позволило гражданам Дании уйти от требования датского закона о минимальном размере уставного капитала, что, по мнению регулирующего органа, создает угрозу для кредиторов, находящихся на территории Дании. Европейский Суд, рассматривавший дело, связанное

4 Pieter van Cleynenbreugel. Article 101 TFEU and the EU Courts: Adapting Legal Form to the Realities of Modernization? // Common Market Law Review. 2014. V. 51. P. 1381.

5 Holger Fleischer. Supranational Corporate Forms In The European Union: Prolegomina to a Theory On Supranational Forms Of Association // Common Market Law Review. 2010. V. 47. P. 1671.

6 Case Law. A. Ignorantia Legis non excusat...Case C-681/11 Judgement of the Court of Justice (Grand Chamber) of the 18 June 2013/// Common Market Law Review. 2014. V. 51. P. 1497.

7 Armour J., Ringe W-G. European Company Law 1999-2010: Renaissance and Crisis // Common Market Law Review/2011. V. 48.P.125

8 Case C-212/97, CentrosLTD v. Erhvervs – og Selskabsstyrelsen [1999], ECR I-1459.

с отказом в регистрации филиала иностранной компании, не согласился с тем, что действия супружеской пары из Дании следует рассматривать как злоупотребление правом с целью избежать требований датского закона. При этом он руководствовался следующими аргументами.

И в Дании, и в Великобритании принят критерий инкорпорации как критерий, определяющий личный статус юридического лица, или иными словами его государственную принадлежность. Римский договор в ст.ст. 43 и 48 (в старой нумерации 52 и 58) обеспечивает признание иностранных юридических лиц, создаваемых в странах Европейского Союза. Суд признал, что требование датского законодательства о минимальном размере капитала является по своему характеру императивной нормой, применяемой в общественных интересах.⁹

Суд не препятствовал перемещению места фактического нахождения компании из Великобритании в Данию. Он исходил из того, что в Великобритании и в Дании применяется критерий инкорпорации, который обеспечивает свободное перемещение капитала. Однако, следуя действующей в Дании императивной норме относительно требования минимального уставного капитала, он признал отказ органов Дании в регистрации филиала правомерным.

Решение по делу «Centros» было, по существу, воспринято как прецедент при решении последующих споров. Сложность возникла при перемещении капитала в страну, где критерием определения национальности компании признавалось место нахождения компании (теория оседлости). В деле «Üeberseeing» применялось право Германии, где определяющим критерием является критерий реального местонахождения компании. Международное частное право Германии предусматривает, что при определении личного статуса (национальности) компании применяется право страны, где находится центр управления юридического лица. Соответственно, иностранным признается юридическое лицо, если его центр управления располагается за пределами Германии. В названном деле открытие филиала иностранного юридического лица из страны, где критерием определения национальности является критерий инкорпорации, в Германию, где действует теория оседлости, означает перенос места нахождения компании. В соответствии с решением суда после переноса местонахождения компании в Германию иностранная компания прекращает свое существование. В Германии открытие филиала иностранной компанией может рассматриваться лишь как товарищество или как компания, находящаяся в стадии учреждения, т.е. как организация, не обладающая статусом юридического лица¹⁰.

В российской и зарубежной литературе был исследован вопрос о переносе местонахождения компании. При этом признавалось, что обращение к критерию инкорпорации при определении национальности компании предоставляет возможность образования компании в обход законодательства государства, где она впоследствии осуществляет свою деятельность. «При выборе права инкорпорации чаша весов нередко склоняется в пользу права, которое хуже защищает интересы кредиторов, мелких акционеров, работников компании и так далее»¹¹.

Суд Европейского Союза отдельно рассматривал вопрос о том, является ли отказ в регистрации филиала нарушением

положений Договора о Европейском Союзе, которым утвержден принцип свободы учреждения в ст. 48 этого Договора. На вопрос о том, можно ли рассматривать действия государства в качестве защитной меры и как нарушение принципа свободы учреждения, который закреплен в упомянутых выше статьях Договора о Европейском Союзе, суд не давал однозначного ответа.

В Европейском Союзе вопросы теории оседлости (согласно которой местонахождение компании рассматривается в качестве критерия определения ее государственной принадлежности) и соответствия защитных мер принципам регулирования, закрепленным в международном договоре о ЕС, были рассмотрены в Европейском Суде. При этом отмечалось, что впервые вопрос о соответствии теории оседлости принципам правового регулирования, закрепленным в Римском договоре, рассматривалось в деле «Daily Mail», в котором британская холдинговая компания намеревалась перенести свой центр управления в Нидерланды по налоговым соображениям. «Перенеся центр управления компании в Нидерланды, компания, вышла бы из-под действия определенных предписаний британского налогового права»¹². Ограничение, которого желала избежать компания «Daily Mail», касалось всех участников рынка. Оно было связано не с международным частным правом, а с режимом деятельности, как он определен в национальном праве и в международном договоре.

В деле «Daily Mail» как и в деле «Centros» оба государства следовали принципу инкорпорации и теории оседлости не касались. Кроме того, при принятии решения суд не руководствовался национальным МЧП и критериями определения национальности юридического лица, рассматривая их как предпосылку к рассмотрению спора по существу. Специфика проблем, которые рассматривал европейский суд, относилась к корпоративному и налоговому праву. При этом отмечалось, что трудовое право тоже может составлять препятствие для перемещения компаний. Вопрос об участии работников в управлении компаний также имеет значение для решения проблемы, поставленной как проблема перемещения местонахождения компании. В действительности, в решении говорилось не о перемещении местонахождения компании, а о перемещении капитала, который может принимать различную форму. Соответственно, проблемы заключаются не в гармонизации правового регулирования различных отношений (корпоративного, налогового, трудового и иного права), а в достижении единых принципов регулирования движения (перемещения) капитала в рамках интеграционного объединения. Подобного рода принципы были сформулированы в Договоре о ЕС, применение которых затронули упомянутые выше дела.

2. Правовой режим как базис оценки конкурентоспособности государства и его правовой системы

Гармонизация корпоративного права государств-членов Евросоюза не смогла решить проблему оценки конкурентоспособности участвующих в нем государств. По оценке западноевропейских юристов, «на сегодняшний день типологический спектр разновидностей юридических лиц с ярлыком «made in European Union», который включает в себя Европейское объединение лиц с общей экономической целью (Европейское объединение или EEIG – European Economic Interest Grouping), Европейскую компанию (Societas Europea), Европейскую кооперативную компанию (Societas Cooperativa Europea – SCE), Европейскую частную компанию (European Private Company – EPC), заслуживает критического анализа и сравнительно-правового исследования»¹³. Договор о функциониро-

9 Wulf-Henning Roth. From Centros to Ueberseeing: Free Movement of Companies in Private International Law, and Community Law // International & Comparative Law Quarterly. V52. Part 1. 2001. P. 178-179.

10 Там же. С. 182.

11 Дубовицкая Е. Европейское корпоративное право: свобода перемещения компаний в Европейском Сообществе. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 20.

12 Там же. С. 24.

13 Holger Fleischer. Supranational Corporate Forms In The European Union: Prolegomina to a Theory On Supranational Forms Of Associa-

вании Евросоюза (TFEU) и не предполагал эту возможность. Об этом свидетельствует решение Европейского суда по делу «Daily Mail».

Причиной конфликта в споре с компанией «Daily Mail» послужило применение коллизионной привязки, согласно которой личным статутом компании является закон страны места учреждения юридического лица. Учредители, действуя на основании положений Договора, лежащего в основании ЕС (ст. 48 Римского Договора об учреждении Европейского Экономического Сообщества, ст. 101 Договора о функционировании ЕС), относящихся к свободе учреждения юридического лица, воспользовались также и свободой выбора правовой системы, в рамках которой предполагалось действовать учрежденному ими юридическому лицу. Анализируя действия учредителей Европейский суд, с точки зрения их соответствия международным договорам, признал, что Договор о функционировании Евросоюза (TFEU) вряд ли пытался вложить в ст. 48 смысл унифицированной коллизионной нормы. Он также признал, что положение статьи 48 нельзя также воспринимать и как перечень признаков, подтверждающих связь компании с Европейским Союзом. В решении Европейского Суда получила отражение следующая позиция. Приведенное положение – это принцип регулирования. Как принцип регулирования данное положение может получить реализацию в национальном праве государства – члена Союза с учетом экономического интереса соответствующего государства как экспортера или как импортера капитала.

В странах Европейского Союза, в которых, исходя из теории оседлости, принят критерий реального местонахождения компании, выбор правопорядка учредителем компании связан с исполнением определенных требований национального законодательства. Открытие филиала является по существу перемещением капитала уже созданной в иной юрисдикции компании. В судебных делах, связанных якобы с таким явлением как «перемещение компаний», ставится вопрос об изменении статуса иностранной компании и о подчинении этой компании всем требованиям национального регулирования. Подчинение национальному закону не может рассматриваться как нарушение принципа, закрепленного в ст. 48 Римского договора. Соответственно, требование регистрации в связи учреждением компании иностранным лицом не может рассматриваться как нарушение принципа свободы учреждения, закрепленного в Договоре о ЕС и ограничение деятельности иностранного инвестора.

Принцип свободы учреждения, закрепленный в международном договоре, позволяет в равной степени учитывать интерес и государства – экспортера капитала, и государства – импортера, или реципиента иностранного капитала. Интерес государства – экспортера капитала, как правило, выбирающего критерий инкорпорации для определения национальности юридического лица, заключается в том, чтобы предоставить частному лицу – учредителю компании право выбора наиболее оптимального правопорядка с точки зрения получения прибыли при осуществлении капиталовложения. Интерес государства – реципиента иностранного капитала заключается в том, чтобы сохранить национальное производство в условиях усиления конкуренции на национальном рынке за счет появления новых участников. Для государства – реципиента капитала важно обеспечить защиту национального рынка и поэтому введение защитных мер в форме определенных требований ко всем участникам национального рынка является юридически обоснованным решением.

Таким образом, в соответствии с рассмотренными Европейским судом делами перемещение компаний, или перенос

местонахождения компании, подразумевает, что компания может быть исключена из реестра компаний в государстве, где она была учреждена и внесена в реестр государства, принимающего капитал, в качестве организации, не имеющей статус юридического лица. Исполнение этого требования позволяет принимающему капиталу государству быть последовательным в решении поставленных экономических задач. Международный договор решает проблему конкуренции правопорядков путем принятия общего принципа регулирования. Соединение интересов государств, проводящих экстенсивную (государства – экспортеры капитала) и интенсивную (государства – импортеры капитала) экономическую политику в рамках общего принципа регулирования является основным условием обеспечения конкуренции правопорядков в рамках интеграционного объединения. Различия в правовом режиме предпринимательской деятельности не препятствуют, таким образом, единству в достижении общих экономических целей.

В зарубежной литературе отмечалось, что проблема перемещения компаний возникает в государствах, в которых, согласно теории оседлости, филиал становится центром управления деятельности по месту открытия филиала, что, соответственно требует его регистрации. В праве государства места нахождения филиала могут содержаться определенные требования – условия открытия филиала. Эти условия не могут рассматриваться как нарушение принципа свободы учреждения, поскольку принцип свободы учреждения, закрепленный в международном договоре, не ограничивает право государства обеспечивать защиту национального интереса.

Коллизионная норма о личном статуте, содержащаяся в российском законодательстве, носит императивный характер. Государство в императивном порядке определяет, как, т.е. согласно какому критерию, следует определять право (закон, или статут), подлежащее применению к компании. Решение коллизионного вопроса о личном статуте юридического лица иногда связывается с регулированием (определением правового режима) экономической, в частности инвестиционной, деятельности иностранного лица. Однако важно разграничивать коллизионные нормы, направленные на определение личного статута, и нормы материального права, определяющие правовой режим деятельности. На это обращалось внимание в нашей литературе¹⁴.

При определении режима деятельности иностранных юридических лиц в стратегически важных отраслях народного хозяйства Российской Федерации применяется критерий контроля.¹⁵ Федеральный закон от 29 апреля 2008 г. № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства» регулирует отношения, связанные с осуществлением инвестиций в форме приобретения акций (долей) в уставном капитале хозяйственных обществ, имеющих стратегическое значение. Как следует из п.2 ст.3 названного Федерального закона, для целей применения закона понятие «иностранный инвестор» включает в себя, помимо лиц, перечисленных в Федеральном законе «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации», также созданные на территории Российской Федерации организации, находящиеся под контролем иностранных инвесторов.

Федеральный закон № 57-ФЗ регулирует отношения, связанные с совершением сделок, в результате которых устанавливается контроль иностранных инвесторов или группы лиц

14 Международное частное право. Учебник под редакцией Н. И. Марышевой. М.: Норма. 2010. См. также: Асосков А. В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М.: Статут. 2003. С. 42-45.

15 Доронина Н. Г. Комментарий к закону об иностранных инвестициях. М.: Юстицинформ, 2000. С. 12.

над такими хозяйственными обществами (п.1 ст.2). Указанный закон устанавливает запрет на совершение сделок, влекущих за собой установление контроля над хозяйственными обществами стратегического значения, не только для иностранных государств и международных организаций, но также и для организаций, находящихся под их контролем (п.2 ст.2). Названные лица (иностранное государство, международные организации и организации, находящиеся под их контролем) не вправе совершать сделки, влекущие за собой установление контроля. В случае совершения сделок, результатом которых является приобретение 25% голосов в хозяйственном обществе, имеющем стратегическое значение, либо иная возможность блокировать решения органов управления такого хозяйственного общества, эти сделки подлежат согласованию в порядке, предусмотренном законом (п.3 ст.2).

Для цели реализации закона установлены признаки существования контроля над хозяйственным обществом со стороны иностранного инвестора. К ним относятся, например, право распоряжаться более чем 50 % голосов в контролируемом обществе, возможность влиять на решения, принимаемые контролируемым лицом, назначать единоличный орган или более чем 50% коллегиального органа, состава совета директоров, наблюдательного совета (п.п. 1-3 ст.5). Принятие названного Федерального закона от 29 апреля 2008 г. означает применение метода регулирования, характерного для системы рыночных отношений. Этот метод антимонопольного регулирования и ряд понятий («группа лиц», «соглашение», «согласованные действия») взяты из действующего Федерального закона 26 июля 2006 г. №135-ФЗ «О защите конкуренции».

В понятие «режим деятельности» входит не только режим совершения иностранными инвесторами сделок, но также и нормы валютного и налогового законодательства, регулирующие деятельность «нерезидентов». Нормы о нерезидентах в валютном и налоговом законодательстве относятся к характеристике режима деятельности юридических лиц, осуществляющих экономическую деятельность на территории данного государства. Они определяют сферу применения соответственно валютного, налогового или инвестиционного законодательства и по своей природе и назначению не являются коллизионными нормами, т.е. не служат цели определения личного статуса. Нормы о нерезидентах в валютном и налоговом законодательстве относятся к характеристике режима иностранных юридических лиц на территории государства, где они осуществляют деятельность.

В зарубежной литературе всегда разграничиваются коллизионные и материальные критерии, применяемые к иностранным юридическим лицам.

В результате применения критериев, содержащихся в материальном праве, возможно отношение к английским компаниям как к псевдо-иностранным. Примером этого являются английские компании, рассматриваемые в период Первой и Второй мировых войн как «враждебные иностранцы», с которыми было запрещено совершать коммерческие сделки. После Второй мировой войны с появлением новых независимых государств законами (кодексами) об иностранных инвестициях, принятыми этими государствами, к иностранным стали относить не только компании, имеющие «иностраный» статус, но также и находящиеся под контролем иностранных юридических лиц национальные (согласно коллизионным критериям) компании.

3. Транснациональные корпорации и унификация правового регулирования ТНК, как проявление конкуренции правопорядков

Особую актуальность вопрос о конкуренции правопорядков приобретает при рассмотрении проблемы многонацио-

нальных (транснациональных), или «международных» компаний.

Л. А. Лунц, ссылаясь на известного английского юриста К. Шмиттгоффа, выделяет характерную для многонациональных предприятий черту: **экономическое единство при юридической множественности**¹⁶. В современной литературе существуют два подхода к определению так называемых транснациональных корпораций или многонациональных предприятий. Первый основан на определении личного статуса ТНК (entity approach), второй – на понимании ТНК как множества предприятий (enterprise approach), каждое из которых имеет свой личный статут. Первый подход к определению ТНК заключается в том, что личным статутом такой корпорации признается закон страны места ее учреждения. Такой подход был распространен до 80-х гг. прошлого столетия. Он применялся и к ТНК в силу участия в них своим капиталом иностранных юридических лиц, и к ТНК, имеющим разветвленную сеть филиалов, дочерних компаний и представительств в иностранных государствах¹⁷.

В настоящее время к ТНК, состоящим из множества дочерних компаний, применяется enterprise approach. При таком подходе дочерняя компания рассматривается как юридическое лицо, являющееся частью ТНК. В этом случае личный статут определяется в соответствии с национальным правом. Подход к регулированию ТНК на основе entity approach означает, что в действительности подлежит регулированию только часть ТНК. Все остальные юридические лица, входящие в состав ТНК и действующие на территории иных государств, требуют экстерриториального применения к ним законодательства.

Постановка проблемы ТНК свидетельствует о том, что регулирование деятельности многонациональных («международных»), транснациональных корпораций, осуществляемое в рамках национальной правовой системы (международного частного права), нуждается в согласованном между государствами регулировании. Только в этом случае можно гарантировать ответственность ТНК за действие отдельных ее частей, действующих на территории различных государств и обладающих самостоятельной правосубъектностью¹⁸.

В настоящее время экстерриториальное действие законодательства, регулирующего деятельность компаний, становится обычным явлением¹⁹. Это является проблемным проявлением конкуренции правопорядков. Как явление, выходящее за рамки территории отдельного государства, оно требует согласованного на уровне межгосударственного договора регулирования. Попытки создать международно-правовое регулирование деятельности ТНК не увенчались успехом, если не считать создания проекта Кодекса поведения ТНК в рамках ООН, работа над которым, в конечном счете, закончилась

16 Лунц Л. А. Многонациональные предприятия капиталистических государств в аспекте международного частного права // Советское государство и право. 1976. № 5.

17 О классификации ТНК см.: Богуславский М. М. Международное частное право. М., 2004. С. 144.

18 Reuven S. Avi-Yonah. National Regulation of Multinational Enterprises: An Essay on Comity, Extraterritoriality, And Harmonization // Columbia Journal of Transnational Law. 2003. V. 42. P. 7.

19 Экстерриториальное действие закона предусматривается в США в законе 1977 г. о коррупции за рубежом (Foreign Corrupt Practices Act – FCPA), в законе об экспортном контроле 1980г. (Export Control Act – ECA), в законе о требованиях к иностранным счетам для целей налогообложения 2011 г. (Foreign Account Tax Compliance Act – FATCA). См. статью: Семлютина Н. Г. Основные тенденции в регулировании института юридического лица в современном зарубежном праве // Корпоративное управление как фактор повышения инвестиционной привлекательности. М: Издательство «МГИМО-Университет», 2014. С. 257-264.

одобрением глобального торгово-экономического режима деятельности в рамках ВТО.²⁰

Первоначально унификация правового регулирования «международных» компаний велась в двух направлениях: в направлении создания Кодекса поведения ТНК в рамках ООН и в направлении создания единого корпоративного права в странах Европейского Союза. Работа над кодексом поведения предполагала создание единообразного режима деятельности для юридических лиц, имеющих разветвленную сеть филиалов и дочерних компаний в зарубежных странах. Унификация права о компаниях в государствах-членах ЕС велась в направлении создания наднационального регулирования в рамках действия принципа свободного движения капитала.

Принцип свободы перемещения капитала, лежащий в основе Европейского Союза, означает свободу выбора правовой системы для учреждения юридического лица. В этих условиях международному частному праву отводится важная роль в осуществлении контроля за деятельностью многонациональных предприятий. В тех государствах, где принят критерий инкорпорации, наблюдается стремление подчинить своей юрисдикции зарубежную деятельность юридического лица. Критерий же местонахождения компании позволяет государству контролировать деятельность иностранной компании в пределах своей территории. И та, и другая теория, по мнению многих авторов, имеет свои недостатки. Однако эти недостатки позволяют тому или иному государству установить свои приоритеты в осуществлении контроля: либо за деятельностью своих компаний за рубежом либо за деятельностью иностранных юридических лиц на своей территории. В Европейском Союзе гармонизация права о компаниях завершилась принятием Регламента Совета ЕС от 8 октября 2001г. № 2157 о статуте Европейской компании. Однако и ранее имелись многочисленные примеры деятельности иностранных юридических лиц, создаваемых в соответствии с условиями международных договоров.

В 70-е гг. XX в. существовала практика создания международных хозяйственных объединений (МХО), которая предполагала обращение к международному договору как к надлежащей форме правового регулирования иностранных инвестиций из социалистических стран — членов СЭВ; сторонами в отношении являлись государства в лице различных отраслевых министерств и ведомств. Их особенность заключалась в том, что они создавались не по законодательству государства, на территории которого осуществлялась их деятельность, а в соответствии с условиями международного договора. Международные хозяйственные объединения при этом не рассматривались в качестве субъектов международного публичного права.

Обращение к международному праву в практике социалистических государств в сфере регулирования хозяйственной деятельности иностранных юридических лиц не было случайностью. В Центре ООН по транснациональным корпорациям в 70-ые годы 20 века была начата работа над Кодексом поведения транснациональных корпораций, который после его одобрения Генеральной Ассамблеей ООН, мог бы стать международно-правовым документом. Эту работу продолжила Организация по экономическому сотрудничеству и развитию (ОЭСР). В 1976г. ОЭСР приняла Декларацию и Руководство по иностранным инвестициям и многонациональным предприятиям, в котором содержались рекомендации, обращенные непосредственно к транснациональным корпорациям, относительно их поведения на территории государства, где ими осуществляется экономическая деятельность.

Международно-правовые документы являются примером регулирования деятельности многонациональных предприятий с помощью так называемого «мягкого права», основанного на добровольности его применения. Задачей международного права в части регулирования ТНК является устранение конфликта интересов, который существует между государствами инвесторов и государствами, принимающими инвестиции. Руководство ОЭСР по многонациональным предприятиям является действующим документом, который подвергается изменениям по мере того, как меняются условия деятельности многонациональных предприятий. Так, Декларация ОЭСР об иностранных инвестициях и многонациональных предприятиях, принятая в 1976 г., подвергалась ревизии и уточнению в 1979, 1982 и в 1984 годах.

Новая редакция Руководства по многонациональным корпорациям 2000 г., ориентирует государств — членов ОЭСР не на привлечение иностранных инвесторов, а на создание конкурентных условий для местных и зарубежных инвесторов. Об этом свидетельствует появление новой главы, посвященной конкуренции. Согласно положениям этой главы многонациональные предприятия обязаны действовать в рамках добросовестной конкуренции, как ее определяет национальное право страны, где осуществляется деятельность.

Источники международного права рассматривают многонациональные (транснациональные) предприятия (корпорации) в качестве субъектов национально-правовой системы государства. Такой же подход принят и в европейском праве. В 2001 году Совет Европейского Союза принял Регламент о Статуте Европейской компании. В соответствии с этим Регламентом предусматривается введение новой организационно-правовой формы публичной акционерной Европейской компании с ограниченной ответственностью, или Societa Europea (SE). Принятие Регламента о статуте Европейской компании является одним из этапов в работе в области унификации корпоративного права, которое в настоящее время представляет собой блок нормативных актов, принятых органами ЕС.

Создание общеевропейских организационно-правовых форм деятельности не ограничивается Европейской компанией. Регламент Совета ЕС от 25 июля 1985г. №2137 о Европейском объединении лиц с общей экономической целью (далее Европейское объединение) предусматривает создание другой общеевропейской корпоративной формы — Европейского объединения. Порядок учреждения этой организации определяется положениями данного Регламента. Лица, желающие создать Европейское объединение, должны заключить договор и зарегистрировать организацию в порядке, предусмотренном ст. 6 указанного Регламента. В соответствии со ст. 6 регистрация Европейского объединения осуществляется в государстве в соответствии с правилами и на основании документов, перечень которых определяет соответствующее государство.

Регламент о Европейской компании предусматривает порядок создания особой формы акционерной компании, именуемой Европейской акционерной компанией, и порядок управления ею. Указание на правовую форму данной организации должно содержаться в фирменном наименовании. В соответствии со ст.2 данного Регламента учредителями ЕК могут быть акционерные компании, чей капитал формируется путем обращения к широкой публике с предложением о подписке на акции (публичные акционерные компании); имеющие зарегистрированные в государствах-членах ЕС структурные подразделения и головные организации, путем слияния, по крайней мере, двух из них, находящихся в юрисдикции различных государств-членов ЕС. Помимо приведенного способа создания Европейской компании в Регламенте предусмотрены и другие, в том числе, создание холдинга компаниями, находящимися в разных странах-членах ЕС, путем подписки

20 United Nations Conference On Trade And Development (“UNCTAD”). World Investment Report 2002^ Transnational Corporations and Export Competitiveness // U.N.Doc. UNCTAD/ WIR/2002 (2002).

на акции дочерней компании, образованной компаниями из разных государств–членов ЕС. В последнем случае, по крайней мере, две из таких компаний должны подчиняться законам разных государств или не меньше чем в течение двух лет иметь дочерние компании в других государствах.

Как следует из указанных регламентов, Европейское объединение и Европейская компания являются субъектами частного права, созданными в соответствии с национальным законом государства–члена ЕС²¹. Будучи субъектом гражданского права, Европейская компания обладает общей правоспособностью в отличие от Европейского объединения, правоспособность которого ограничена.

Европейский подход к решению проблемы конкуренции правопорядков не является единственно возможным способом обеспечить взаимодействие правовых систем. Альтернативным способом обеспечить гармонизацию национально-правового регулирования является рассмотренный в данной части статьи метод, основанный на применении инструментов международного права при создании совместных предприятий, или так называемых международных хозяйственных объединений. Этот способ привлекателен тем, что позволяет в рамках международного договора урегулировать публично-правовые и частноправовые отношения, которые возникают при создании транснациональных корпораций.

Выводы

1. Конкуренция правопорядков проявляется наиболее ярко в отношениях, связанных с определением понятий «иностранная компания», «иностранный инвестор». Об этом свидетельствует практика Европейского суда, относящаяся к так называемому «перемещению компаний». Практика показывает, что материально-правовое регулирование в сфере корпоративного права и инвестиций имеет большое значение для оценки конкурентоспособности экономики отдельного государства.

2. Материально-правовые нормы инвестиционного законодательства обеспечивают формирование правового режима деятельности в том или ином государстве. Для того чтобы избежать конфликта интересов участвующих в международных экономических отношениях государств, важно использовать имеющиеся международно-правовые инструменты. Не случайно нормы соглашений ВТО в литературе называются образно «международным законодательством о конкуренции». Принципы регулирования межгосударственных отношений обеспечиваются действием национального законодательства о конкуренции.

3. Транснациональные корпорации являются субъектами частного права, регулируемы национальным законодательством. Правовой режим деятельности ТНК определяется в соответствии с коллизионными нормами международного частного права. Конкуренция правопорядков связана с выбором места своей деятельности, который зависит от воли лица – учредителя юридического лица (или его структурного подразделения) в иностранном государстве. Для того чтобы избежать конфликта интересов в межгосударственных отношениях, важно использовать преимущества интеграционных объединений государств, а также международные договоры, являющиеся эффективным инструментом в оказании влияния на поведение частных лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Асосков А. В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М.: Статут, 2003.
2. Богуславский М. М. Международное частное право. М., 2004.
3. Гражданское и торговое право зарубежных государств. Отв. редакторы Е. А. Васильев, А. С. Комаров. – М.: Международные отношения, 2004.
4. Доронина Н. Г. Комментарий к закону об иностранных инвестициях. М.: Юстицинформ, 2000.
5. Доронина Н. Г. Корпоративное право и регулирование инвестиций // Корпоративное управление как фактор повышения инвестиционной привлекательности. М.: МГИМО Университет, 2014.
6. Дубовицкая Е. Европейское корпоративное право: свобода перемещения компаний в Европейском Союестве. – М.: Волтерс Клаувер, 2004.
7. Лунц Л. А. Многонациональные предприятия капиталистических государств в аспекте международного частного права // Советское государство и право. 1976. № 5.
8. Международное частное право. Учебник под редакцией Н. И. Марышевой. – М.: Норма, 2010.
9. Нарышкина Р. Л. Акционерное право США (Правовое положение предпринимательских корпораций США). – М.: МГИМО, 1978.
10. Семилютина Н. Г. Основные тенденции в регулировании института юридического лица в современном зарубежном праве // Корпоративное управление как фактор повышения инвестиционной привлекательности. – М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2014.
11. Armour J., Ringe W-G. European Company Law 1999-2010: Renaissance and Crisis // Common Market Law Review. 2011. V. 48.
12. Case Law. A. Ignorantia Legis non excusat Case C-681/11 Judgement of the Court of Justice (Grand Chamber) of the 18 June 2013 // Common Market Law Review. 2014.
13. Holger Fleischer. Supranational Corporate Forms In The European Union: Prolegomina to a Throry On Supranational Forms Of Association // Common Market Law Review. – 2010.
14. Micheler Eva. Recognition of Companies Incorporated in Other EU Member States// International & Comparative Law Quarterly. V. 52. Part 2. April 2003.
15. Pieter van Cleynenbreugel. Article 101 TFEU and the EU Courts: Adapting Legal Form to the Realities of Modernization? // Common Market Law Review. 2014.
16. Reuven S. Avi-Yonah. National Regulation jf Multinational Enterprises: An Essy on Comity, Extraterritoriality, And Harmonization // Columbia Journal of Transnational Law. – 2003.
17. United Nations Conference On Trade And Development (“UNCTAD”). World Investment Report 2002: Transnational Corporations and Export Competitiveness // U.N.Doc. UNCTAD/ WIR/2002 (2002).
18. Wulf-Henning Roth. From Centros to Ueberseeing: Free Movement of Companies in Private International Law, and Community Law // International & Comparative Law Quarterly. V 52. Part 1. 2001.

21 Гражданское и торговое право зарубежных государств. Отв. редакторы Е. А. Васильев, А. С. Комаров. М.: Международные отношения, 2004. С. 273-276.

ЮСИФОВА Рена Теймуровна

аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

«СВОБОДА УЧРЕЖДЕНИЯ» КОМПАНИЙ В ПРАКТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

В статье исследуется проблема реализации «свободы учреждения», которой наделяются юридические лица Европейского союза. Особое внимание уделяется интерпретации Европейским Судом статей 49 и 54 Договора о функционировании Европейского Союза.

Ключевые слова: Европейский суд, юридические лица, личный статут юридического лица, «свобода учреждения».

YUSIFOVA Rena Teymurovna

postgraduate student of International Private Law sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

«FREEDOM OF ESTABLISHMENT» OF COMPANIES IN CASE LAW OF EUROPEAN COURT.

The article investigates problem of materialization «freedom of establishment» due to companies in the European Union. Crucial attention is given to interpretation articles 49 and 54 of the Treaty on the Functioning of the European Union by Court of Justice.

Keywords: Court of Justice, companies, lex societatis, «freedom of establishment».

Юсифова Р. Т.

Рост значения организованных коллективных структур в форме предприятий привел к изменениям среди элементов регулирования. Ослабление традиционных методов влияния государства на бизнес способствовало появлению новых правовых подходов к регулированию коммерческих отношений, в которые вовлечены юридические лица и индивидуальные предприниматели. Среди множества вопросов, возникающих при осуществлении деятельности юридическими лицами, первостепенными для регулирования представляются возложение ответственности и налоговое регулирование, что подтверждается практикой в этой области.

Для лиц, осуществляющих коммерческую деятельность, большое значение имеет создание благоприятных условий для ее ведения, а именно, минимизация затрат при получении максимальной выгоды. При выборе юрисдикции для осуществления деятельности субъектам важно также чувствовать себя защищенными, то есть необходимы определенные гарантии со стороны государства. Гарантии, которые государства стали закреплять в законодательстве для привлечения субъектов, которые намерены осуществлять бизнес операции, на протяжении последних десятилетий становились для самих же государств проблемным вопросом. Стремление привлечь субъектов к осуществлению деятельности на практике, привело к тому, что закрепленные новые государственные гарантии и принципы сталкиваются с уже существующими, что неизбежно приводит к коллизиям и затруднениям в реализации.

Законодатель порой не успевает за теми шагами, которые предпринимают коммерческие структуры для того, чтобы обойти нормы права. Зачастую происходит толкование норм, таким образом, что в выгодной ситуации оказывается только лицо, ведущее коммерческую деятельность, при этом, государство, где юридическое лицо инкорпорировано, которое, на первый взгляд, имеет устойчивую правовую связь с лицом остается связано с ним лишь формально. Подобного рода ситуации происходят, когда при принятии нормы и провозглашении принципов не учитывается последующая их реализация. Так, в частности случилось с принципом «свободы учреждения»¹ для граждан (freedom of establishment)² государств-участников Европейского Союза (далее – ЕС).

«Свобода учреждения» получила закрепление в статье 49 (бывшая статья 43) Договора о функционировании Европейского Союза³ (далее – ДФЕС). На практике возникает множество вопросов и сложностей в связи с её реализацией, а также злоупотребления правом со стороны субъектов. Данная свобода распространяется на граждан ЕС⁴, включая юридических лиц, которых законодатель с помощью юридической фикции приравнивает в ДФЕС к гражданам – физическим лицам ЕС. Для обладания рассматриваемой свободой юридическому лицу необходимо учреждение в соответствии с законодательством одного из государств-членов ЕС и наличие юридического адреса, центральной администрации или головного предприятия на территории ЕС, а также наличие цели получения прибыли, то есть организация должны быть коммерческой. Рассматриваемая свобода включает в себя как создание компании, так и управление ею.

Статья 49 ДФЕС указывает, что «запрещаются ограничения свободы учреждения граждан одного государства-члена на территории другого. Данный запрет также распространяется на ограничения в отношении создания представительств, филиалов или дочерних предприятий гражданами одного из

1 Существуют разные версии перевода «freedom of establishment», автор использовал перевод Четверикова А. О. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата последнего посещения: 11.10.2016).

2 Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата последнего посещения: 10.10.2016).

3 В прежних редакциях Договора об учреждении европейского экономического сообщества (ЕЭС) 1957 г., Договор об учреждении Европейского Сообщества 1993 г., в настоящее время Договор о функционировании Европейского Союза (Рим, 25 марта 1957 г.) (в редакции Лиссабонского договора 2007 г.)

4 В оригинальном тексте на английском используется «nationals», представляется, что термин «граждане» является наиболее подходящим при переводе.

государств-членов, учредившими собственное дело на территории любого из них», в то же время статья 54 ДФЕС (бывшая статья 48) указывает на возможность государств устанавливать «специальный режим для иностранных граждан и являющихся оправданными по соображениям общественного порядка, общественной безопасности и общественного здоровья».

С одной стороны, «свобода учреждения» направлена на то, чтобы компании в ЕС были мобильны в осуществлении бизнеса, и могли осуществлять операции на территории различных государств-членов ЕС, а не только на территории, где изначально компания была инкорпорирована. Однако, несмотря на провозглашенный принцип и высокий уровень гармонизации законодательства ЕС, многие нормы корпоративного права и по сей день разнятся во внутреннем праве государств-участников ЕС⁵, что дает компаниям возможность, регистрируясь в более выгодной для себя юрисдикции (например, там, где минимальны требования к уставному капиталу), вести бизнес на территории другого государства-участника ЕС, оставляя, тем самым, лишь формальную связь с местом инкорпорации.

Видимо, во избежание таких ситуаций в ДФЕС содержится положение об управлении филиалами, представительствами и дочерними предприятиями на условиях, определенных законодательством страны учреждения (ст. 49). Таким образом, государство, наделяющее правосубъектностью юридическое лицо обладает правом на выдвигание определенных требований и условий к этому лицу. На практике реализация указанных положений сталкивается с предоставленной компаниям «свободой учреждения». Так, общества сталкиваются с затруднениями, когда хотят переместить свой офис из одного государства ЕС в другое, так как при перемещении затрагивается вопрос признания их правосубъектности и ряд других вопросов, традиционно входящих в сферу регулирования личного статуса юридического лица. В своей практике Европейский суд неоднократно сталкивался с проблемами, вытекающими из положений ДФЕС, которые предоставляют рассматриваемую свободу.

Фактическое перемещение компанией головного офиса (административного центра) может повлечь за собой изменения в режиме налогообложения компании, смену личного закона, то есть применимого права к ряду вопросов, среди которых правоспособность компании, права кредиторов и другие. Также могут быть сложности со стороны права государства-реципиента компании, то есть государства, куда перемещается офис компании. Например, требования к уставному капиталу, более строгие, чем в праве государства-учреждения (размер, порядок и сроки оплаты такового). Таким образом, перемещение офиса затрагивает, как вопросы международного частного права, когда речь идет о сфере личного закона юридического лица, а также публично-правовые вопросы.

Применимое право к вопросам, которые охватываются сферой личного статуса компании, определяется в праве государств-участников, как на основе критерия инкорпорации, так и критерия оседлости. В первом случае связь с государством инкорпорации достаточно стабильна и не зависит от перемещений офиса, иначе обстоит дело, когда для применимого права используется критерий оседлости. Так, Е. А. Дубовицкая на основе анализа судебной практики и доктрины западноевропейских государств указывает: «Следует согласиться с мнением критиков, называющих теорию оседлости репрес-

сивной теорией. Она не обладает защитной функцией, которая приписывается ей ее сторонниками»⁶.

Практика по данному вопросу представлена рядом громких дел, где подход Европейского суда был различен, когда дело касалось первичной свободы учреждения и вторичной. Стоит отметить, что в доктрине под «первичной» понимают перемещение уже существующего офиса, а под «вторичной» открытие филиалов и дочерних предприятий⁷. В то же время есть точка зрения, что данное деление не имеет практического смысла⁸.

В свете указанного, заслуживающим внимания является дело от 27 сентября 1988 г. «Daily Mail»⁹, где речь идет именно о «первичной свободе» («primary establishment»), то есть о переносе уже существующего офиса в другое государство-член ЕС: компания «Daily Mail» хотела переместить свой «central management» (головной офис) в Нидерланды из-за более выгодного налогового режима, в то же время компания планировала остаться юридическим лицом Великобритании. Однако Министерство финансов Великобритании отказало в выдаче разрешения для переноса головного офиса, без которого такое перемещение по праву Великобритании невозможно. Компания утверждала, что Статьи 49 и 54 ДФЕС предоставляют право на перемещение без разрешения государства учреждения, при этом не должно ущемляться и право за ними сохранение статуса юридического лица по праву Великобритании. В виду отказа Министерства финансов «Daily Mail» в ее требованиях вопрос должен был разрешить Европейский суд, с тем, чтобы определить являются ли положения статей 43 и 48 ДЕС основанием для государства-члена препятствовать в переносе «головного офиса» из одного государства-члена в другой.

Ссылаясь на внутреннее законодательство, компания утверждала, что, будучи компанией, зарегистрированной по праву Великобритании, где закреплён критерий инкорпорации, и имея на территории Великобритании зарегистрированный офис, она может закрепить за центральной администрацией место за рубежом, и оттуда осуществлять контроль за деятельностью компании, при этом, не утрачивая свою правосубъектность в соответствии с правом Великобритании (п. 3).

Суд ЕС пришел к выводу, что данная проблема выходит за рамки положений ДФЕС, указав в своём решении, что: «в отличие от физических лиц, компании – в своей сущности, являются порождением закона, следовательно, они существуют в силу только этого законодательства, которое определяет их дальнейшее функционирование» (п.19), с этим положением трудно не согласиться. Представляется логичным, что перед учреждением компании в государстве необходимо исследовать внутреннее законодательство с тем, чтобы понимать, как компания может функционировать в дальнейшем.

Суд ЕС также, отметив различия в национальном законодательстве относительно критериев, указал, что вопрос о возможности перемещения переноса формального места нахождения (registered office) или центрального управления (real head office) из одного государства-член в другой, является «проблемой, которую не решает свобода учреждения, но данный вопрос должен

5 Попытка унификации были предприняты в «Конвенции о признании правосубъектности иностранных обществ, ассоциаций и учреждений от 1 июня 1956 года», но она так и не вступила силу.

6 Дубовицкая Е. А. Правоспособность юридических лиц по праву Европейских сообществ (практика Европейского суда) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 12. С. 106.

7 См. подробнее о разграничении на «первичную» и «вторичную» свободу: Opinion of advocate general Poireres Maduro delivered on 22 May 2008 .Case C-210/06 Cartesio Oktató és Szolgáltató bt.

8 См. подробнее: Европейское корпоративное право / Дубовицкая Е. А. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 22-23.

9 Case C- 81/87.The Queen v H. M. Treasury and Commissioners of Inland Revenue, ex parte Daily Mail and General Trust plc. [1988] ECR 5483.

быть разрешен в будущем законодательстве или соглашении» (п. 23.) Таким образом, вопрос различия в использовании критериев инкорпорации и реального места оседлости, а также вопрос сохранения за компаний статуса отечественной компании при перемещении офиса, лежит вне рамок главы 2 договора ЕС, а статьи 49 и 54 ДФЕС не должны интерпретироваться как предоставление компании, включенной в соответствии с законодательством государства-члена и наличия его зарегистрированного офиса там, право на перемещение органов, осуществляющих центрального управление и контроль в другое государство-член ЕС (п.25.).

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что вторая глава договора ЕС не предоставляет право компании на перемещение своего центрального офиса, и возможности при таком перемещении оставаться юридическим лицом государства места инкорпорации. В свою очередь право государств на выдвижение ограничений в таком случае было подтверждено.

Решение «Daily Mail» было впоследствии подтверждено решением «Cartesio»¹⁰. В доктрине зачастую приводится пример данного дела, как доказательство, что «через 20 лет Суд ЕС последовал практике «Daily Mail» в решении по делу C-210/06 Cartesio (2008) (п. 104, 109, 124)»¹¹.

«Cartesio», являясь юридическим лицом Венгрии, намеревалось переместить своей de facto головной офис в Италию, при этом, продолжать осуществлять деятельность в соответствии с венгерским законом о компаниях. В требовании компании было отказано венгерской Регистрационной Палатой. Не соглашаясь с таким исходом, компания обратилась в апелляцию, аргументируя тем, что ограничения по закону Венгрии противоречат 43 и 48 статье ДЕС (статьи 49 и 54 ДФЕС). Заявление было, однако, отклонено на том основании, что инкорпорированная компания не может переместить свой офис за границу, а должна быть ликвидирована в Венгрии и затем повторно инкорпорироваться в соответствии с итальянским законом.

В решении по данному делу Суд ЕС сохранил позицию, принятую по делу «Daily Mail», указав при этом, что «Статьи 43 и 48 Договора должны быть истолкованы как не исключающие такое законодательство государства-члена, согласно которому компания, инкорпорированная по праву этого государства, не вправе перенести место своего нахождения (seat) в другое государство Сообщества, сохранив при этом свой статус компании, управляемой правом государства своей инкорпорации» (п.124); «Договор о функционировании Европейского Сообщества рассматривает... вопросы относительно того, могут ли – и если да, то как – формальное местонахождение (siège statutaire) или реальное место нахождения компании (siège réel), инкорпорированной по национальному праву быть перенесены из одного государства-члена в другое, в качестве проблем, которые не решаются посредством правил о свободе учреждения, а должны регулироваться будущим законодательством или конвенциями» (п. 108).

Таким образом, пока государства члены будут содержать в своем внутреннем законе разные критерии для определения применимого права к вопросам, касающимся деятельности юридических лиц, подобные проблемные случаи могут возникать и в будущем. Во избежание подобных ситуаций с проблемой перенесения офиса на территории ЕС была разработана Четырнадцатая Директива¹², однако она до сих пор не вступила в силу. Резолю-

ция Парламента от 2 февраля 2012 года¹³ содержит аргументы в пользу принятия упомянутой Директивы. В ней подчеркивается, что статьи 49-54 ДФЕС гарантируют «свободу учреждения» для всех компаний и фирм, а «миграция» компаний является одной из основных составляющих для завершения создания внутреннего рынка на территории ЕС. Также необходимым представляется предупреждение созданий компаний-пустышек, которые обходят закон. Предлагается достаточно подробное описание процедуры перенесения офиса с обязательным подтверждением государства, откуда это перемещение происходит.

Вопрос, на сколько «свободны» компании ЕС в предоставленных им правах по-прежнему остается неразрешенным, и свободное перемещение компаний государств-членов на территории ЕС является скорее фикцией, так как на практике и по сей день не получил четкого подтверждения. Европейский Суд многократно указывал на необходимость будущего законодательства или соглашения, которое должно было бы разрешить проблему переноса места нахождения компании, однако точка в этом вопросе до сих пор не поставлена.

Пристатейный библиографический список

1. Договор о функционировании европейского союза. Перевод Четверикова А. О. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата последнего посещения: 11.10.2016).
2. Дубовицкая Е. А. Правоспособность юридических лиц по праву Европейских сообществ (практика Европейского суда) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2000. № 12.
3. Европейское корпоративное право / Дубовицкая Е. А. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 22-23.
4. Экономическое право Европейского Союза: монография / Постникова Е. В., Юмашев Ю. М. - М.: Норма, Инфра-М, 2014.
5. Case C- 81/87 The Queen v H.M. Treasury and Commissioners of Inland. Revenue, ex parte Daily Mail and General Trust plc. [1988] ECR 5483.
6. European Added Value Assessment, EAVA 3/2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/494460/IPOL-JOIN_ET\(2013\)494460_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/494460/IPOL-JOIN_ET(2013)494460_EN.pdf) (дата последнего посещения 9.10.2016).
7. European Parliament resolution of 2 February 2012 with recommendations to the Commission on a 14th company law directive on the cross-border transfer of company seats 2011/2046(INI).
8. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 December 2008. CARTESIO Oktató és Szolgáltató bt. Электронный ресурс: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1476988239315&uri=CELEX:62006CJ0210>. (дата последнего посещения 09.10.2016).
9. Opinion of advocate general Poireres Maduro delivered on 22 May 2008. Case C-210/06 Cartesio Oktató és Szolgáltató bt.
10. Treaty on the Functioning of the European Union (TFEU). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eulaw.ru/treaties/tfeu> (дата последнего посещения: 10.10.2016).
11. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 December 2008. CARTESIO Oktató és Szolgáltató bt. Электронный ресурс: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1476988239315&uri=CELEX:62006CJ0210>. Дата последнего посещения 09.10.2016.
12. См. подробнее: Экономическое право Европейского Союза: монография / Постникова Е. В., Юмашев Ю. М. М.: Норма, Инфра-М, 2014.
13. European Added Value Assessment, EAVA 3/2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/494460/IPOL-JOIN_ET\(2013\)494460_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2013/494460/IPOL-JOIN_ET(2013)494460_EN.pdf) (дата последнего посещения 9.10.2016).
14. European Parliament resolution of 2 February 2012 with recommendations to the Commission on a 14th company law directive on the cross-border transfer of company seats 2011/2046(INI).

ЛЯТИФЗАДЕ Сафура Ариф кызы

магистрант кафедры международного права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

КОНКУРЕНТНАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Как в отдельно взятом государстве, так и в рамках ЕС основной задачей конкуренции является стимулирование компаний предлагать товары и услуги потребителям на самых лучших условиях. Конкуренция стимулирует эффективность, инновации и снижение цен. Для того, чтобы быть эффективным, компании должны действовать независимо друг от друга, но в соответствии с конкурентным давлением других участников рынка.

Ключевые слова: Европейский союз, конкуренция, свободный рынок, конкурентная политика, картель.

LYATIFZADE Safura Arif kyzy

postgraduate of International Law sub-faculty of the Law Faculty of the M. V. Lomonosov Moscow State University

COMPETITION POLICY OF THE EUROPEAN UNION

As in a particular state as within the European Union the main objective of the competition is to encourage companies to offer goods and services for consumers at the best conditions. Competition encourages efficiency, innovation and lower prices. For being really effective ones, companies should act independently from each other however in accordance with the competitive pressure of other market's participants.

Keywords: the European Union, competition, free market, competition policy, cartel.

Европейская антимонопольная политика исходит из двух основных правил, изложенных в Договоре о функционировании Европейского Союза¹:

- Статья 101 вышеуказанного Договора запрещает договоры между двумя и более операторами рынка, которые ограничивают конкуренцию. Это положение касается как горизонтальных договоров (между фактическими или потенциальными конкурентами, конкурирующими на одном и том же уровне поставок товаров) и вертикальные договоры (между фирмами, работающими на разных уровнях, например, между производителем и дистрибьютором его товаров). В этом общем запрете есть только ограниченное количество исключений. Наиболее ярким примером такой незаконной деятельности является нарушение статьи 101 путем создания картеля между конкурентами, который может заключаться в фиксировании цен и/или в разделении рынка.

- Статья 102 вышеуказанного Договора запрещает фирмам, которые занимают доминирующее положение на определенном рынке, злоупотреблять своим положением, таким как установление нечестных цен, ограничением производства продукции, или отказа от инноваций в ущерб потребителям.

Этот Договор дает право Комиссии применять эти правила, и с этой целью, Комиссия наделена правом проводить расследования. Комиссия ЕС может также налагать штрафы на предприятия, которые нарушают антимонопольное законодательство ЕС.

Следственные полномочия Комиссии для обеспечения исполнения статьи 101 подробно описаны в Регламенте Совета (ЕС) 1/2003 по антимонопольной политике. Например, Комиссия наделена полномочиями:

- Отправлять информационные запросы в компании;
- В контексте проверки:
- Входить на территорию помещений компании

- Изучать записи, имеющие отношение к ведению деятельности

- Делать копии данных записей

- Опечатывать хозяйственные объекты и вести записи во время проведения проверки

- Задавать сотрудникам или представителям компании вопросы, относящиеся к предмету и цели проверки и записывать ответы на вопросы²

В конце предварительного этапа расследования Комиссия может принять решение взять дело в производство в приоритетном порядке и провести более глубокое расследование или закрыть его. В делах по картелям, если дело запускается в производство, Комиссия решает – подходит дело или нет для процедуры урегулирования.

Как часть повсеместного внедрения конкурентного законодательства ЕС, Комиссия разработала и внедрила применение норм конкурентного законодательства ЕС при рассмотрении в национальных судах исков о возмещении ущерба. Комиссия также сотрудничает с национальными судами с целью обеспечения единообразного применения конкурентного законодательства ЕС на всей территории ЕС.

Что же такое конкурентная политика? Для ответа на этот вопрос необходимо сначала исследовать значение самой конкуренции.

Конкуренция постоянно заставляет коммерческое предприятие предлагать наибольшее разнообразие товаров по лучшим ценам; если предприятие этого не делает, то покупатели могут приобрести товар в другом месте. На свободном рынке идет соревнование, от которого выигрывают потребители.

Для поддержания нормального функционирования рынка, надгосударственные органы, такие как Европейская комиссия, должны предотвращать или устранять антиконкурентные

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016E/TXT>

2 Council Regulation (EC) No 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty.

действия. Для достижения этого, Комиссия следит за следующими явлениями:

- соглашения между компаниями, которые ограничивают конкуренцию – картели или другие недобросовестные договоренности, на основании которых компании договариваются не конкурировать друг с другом, а установить свои правила на рынке;

- злоупотребление доминирующим положением – когда крупный игрок на определенном рынке пытается выдать с этого рынка своих конкурентов;

- слияния (и другие официальные договоры, по которым компании объединяются временно или постоянно) – являются законными при условии, что они расширяют рынки и приносят пользу потребителям;

- меры по открытию рынка для конкуренции (либерализация) – в таких сферах как транспорт, энергетика, почтовые услуги и телекоммуникации. Многие из этих секторов экономики контролировались государственными монополиями, поэтому важно, чтобы либерализация была проведена таким образом, чтобы не дать ненужного преимущества этим старым монополиям;

- финансовая поддержка (государственная помощь) компаниям от правительств стран ЕС – разрешается при условии, что она не нарушает честную и эффективную конкуренцию между компаниями разных стран ЕС и не вредит экономике;

- сотрудничество с национальными антимонопольными органами в странах ЕС (которые тоже отвечают за внедрение конкурентного законодательства ЕС) – для обеспечения единообразного применения конкурентного законодательства ЕС на всей территории ЕС³.

Становится очевидным, что для самих потребителей наиболее значимо проведение конкурентной политики. Итак, конкурентная политика – это применение правил для того, чтобы предприятия и компании честно конкурировали друг с другом.

Выделяют следующие преимущества конкурентной политики:

- Более низкие цены. Для любой компании самым простым способом занять большую долю рынка является предложение лучшей цены. На конкурентном рынке цены идут вниз. И это хорошо не только для потребителей – если люди могут купить больше товаров, то это стимулирует предпринимателей наращивать производство и улучшает экономику в целом.

- Лучшее качество. Конкуренция также стимулирует коммерческие предприятия улучшать качество товаров и услуг, которые они продают, для того, чтобы привлечь покупателей и расширить свою долю на рынке. Качество может включать много аспектов: продукция может быть более долговечной или может лучше функционировать, это могут быть лучшее послепродажное обслуживание или техническая поддержка, дружеское отношение или лучшие услуги.

- Большой выбор. На конкурентном рынке коммерческие предприятия стараются сделать так, чтобы их продукция отличалась от продукции других. Результатом этого становится большой выбор – так потребители могут выбрать продукцию, имеющей лучшее соотношение цены и качества.

- Инновации. Для того, чтобы предоставить этот выбор и производить лучшие товары, коммерческим предприятиям приходится быть инновационными в производстве их продукции, ее конструкции, производственных технологиях, услугах и т.д.

- Лучшая конкурентоспособность на мировых рынках. Конкуренция внутри ЕС также помогает европейским компаниям почувствовать себя сильнее вне Европейского Союза и отстаивать свои интересы в борьбе с конкурентами на мировом рынке⁴.

Целесообразным считаем также исследования нарушений конкуренции в общеевропейском масштабе.

Иногда нарушение конкурентных правил происходит только в одной стране, и дело может исправить национальное антимонопольное ведомство. Но с ростом внутреннего рынка и глобализации, последствия незаконного поведения на рынке, такого как создание картелей, чувствуются во многих странах ЕС и за его пределами.

Европейской Комиссии часто приходится расследовать эти случаи, которые влияют на весь ЕС. Европейская Комиссия имеет право не только расследовать, но и принимать решения, обязательные к исполнению, и накладывать значительные штрафы. Европейская Комиссия внедряет конкурентное законодательство ЕС вместе с Национальными антимонопольными органами стран ЕС. Эти органы и Европейская Комиссия обмениваются информацией о применении конкурентного законодательства ЕС через Европейскую сеть антимонопольных органов.

Национальные суды тоже имеют право выносить решения о том, соответствует ли определенный договор конкурентному законодательству ЕС или нет. Компании и потребители могут тоже требовать возмещения убытков, которые они понесли в результате действий, ограничивающих конкуренцию.

Что же касается последствий, то Европейская Комиссия расследует случаи, когда компании нарушают или потенциально могут нарушить правила конкуренции. Это означает, что она может принимать меры до того или после того, как эти правила были нарушены, для того, чтобы сохранить конкурентный рынок. По результатам своих расследований Комиссия может принять решение о запрете определенных действий, потребовать устранения нарушения или наложить штраф, – в зависимости от ситуации. Таким образом, Комиссия и предотвращает нарушения конкурентного законодательства в ЕС, и наказывает за такие нарушения. Конкурентное законодательство ЕС прямо применяется во всех странах ЕС. Национальные антимонопольные органы могут применять нормы законодательства ЕС наравне с собственным конкурентным законодательством.

Для того, чтобы Комиссия начала действовать, нужно, чтобы антиконкурентные действия оказали влияние на торговлю между странами ЕС. У Комиссии есть большие полномочия по применению конкурентного законодательства, которые ей предоставлены на основании договоров, заключенных странами ЕС. Решения Комиссии являются обязательными к исполнению, как компаниями, так и национальными органами, которые нарушили эти правила, но ее решения могут быть обжалованы в Генеральном суде ЕС (EU's General Court) и далее (по правовым аспектам) в Суде справедливости (European

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/competition/consumers/what_en.html

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/competition/consumers/why_en.html

Court of Justice). Компании и правительства стран ЕС регулярно обжалуют решения Комиссии и иногда эти жалобы удовлетворяют.

Компании, входящие в картель, которые контролируют цены или делят между собой рынок, защищены от конкуренции, которая вынуждала бы их выпускать новые виды продукции, улучшать ее качество и снижать цены. В результате потребители платят больше за худшее качество товара.

Картели запрещены конкурентным законодательством ЕС, и Европейская комиссия налагает крупные штрафы на компании, вовлеченные в картель. Поскольку картельные сговоры незаконны, они заключаются тайно и их существование трудно доказать.

Политика освобождения от наказания за сотрудничество стимулирует компании передавать Европейской Комиссии инсайдерскую информацию о картеле. Тот участник картеля, который сделает это первым, не будет платить штраф. Такая политика достигла больших успехов в разрушении картелей.

Договор почти всегда будет незаконным, если его участники договорились о следующем:

- зафиксировать цены
- ограничить производство продукции
- разделить между собой рынок или клиентов
- зафиксировать цены розничной продажи (при договоре между производителем и дистрибьютором его продукции).
  - Но договор может быть разрешен, в случае, если:
    - он имеет более позитивных моментов влияния на рынок, чем негативных
    - он заключен не между конкурентами
    - он заключен между компаниями, которые вместе занимают маленькую долю определенного рынка
    - он необходим для того, чтобы улучшить продукцию или услуги, разработать новые виды продукции или найти новые способы доставки товаров потребителям.

Меры, принимаемые против картелей, являются особым видом применения антимонопольного законодательства. Картель – это группа одинаковых, независимых друг от друга компаний, которые договорились о фиксировании цен, ограничении производства продукции или о разделе рынка между ними.

Вместо конкуренции друг с другом члены картеля проводят согласованные действия, которые снижают необходимость предоставления новой лучшей продукции и услуг по конкурирующим ценам. Как следствие, их клиенты (потребители или другие предприятия) платят больше за товары худшего качества.

Вот почему картели запрещены конкурентным законодательством ЕС и Европейская комиссия налагает крупные штрафы на компании, вовлеченные в картель.

Поскольку картели являются незаконными, они заключаются очень секретно и доказательства существования картеля найти сложно. Комиссия призывает компании, участвующие в картеле, выступить с доказательствами, чтобы помочь Комиссии в разоблачении картелей и формировании дела. Первая компания, которая представит достаточные доказательства против картеля, позволяющие Комиссии приступить к производству, может получить полное освобождение от штрафов. Это ведет к разрушению картелей. В последние годы большинство картельных сговоров были раскрыты Европейской Комиссией благодаря именно тому, что один из членов картеля признался в сговоре и попросил об освобождении от на-

казания, как например в недавнем решении Комиссии ЕС по делу производителей фургонов «МАН», «Вольво» / «Рено», «Даймлер», «Ивеко» и «ДАФ», по которому Комиссия наложила рекордную в истории ЕС штраф в размере 2,93 млрд евро, компания «МАН» была освобождена от наказания, поскольку сообщила о наличии картельного сговора Комиссии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что регулирование конкуренции относится к одним из основных функций как современного государства, так и региональной международной организации. Конкурентная политика ЕС обеспечивает конкуренцию в качестве необходимого условия создания и нормального функционирования общего внутреннего рынка государств-членов ЕС⁵, а расследование антиконкурентной политики компаний, а также раскрытие одного такого картеля (например, дело о производителях фургонов) и принятие в отношении его участников огромных штрафных санкций, как минимум, предотвращает образование или влечет за собой саморазрушение двух или нескольких картелей.

Пристатейный библиографический список

1. Немчиков А. В. Конкурентная политика ЕС на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 3.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ec.europa.eu/competition/cartels/leniency/leniency.html>
3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/competition/cartels/overview/index_en.html
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016E/TXT>
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12016E/TXT>
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-2582_en.htm
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/competition/consumers/why_en.html
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/competition/consumers/what_en.html
9. Council Regulation (EC) No 1/2003 of 16 December 2002 on the implementation of the rules on competition laid down in Articles 81 and 82 of the Treaty.

5 Немчиков А. В. Конкурентная политика ЕС на современном этапе // Российский внешнеэкономический вестник. 2011. № 3.

НГАТЕЙО АКОНИ Шани Павел

аспирант, ассистент кафедры административного и международного права юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

О ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ АФРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И НАРОДОВ И МЕЖАМЕРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ПО ВОПРОСАМ ОГРАНИЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВОМ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В СВЯЗИ С БЕСПАРТИЙНОСТЬЮ

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу прецедентной практики Американского суда по правам человека и Африканского суда по правам человека и народов по вопросам о нарушениях избирательных прав.

Ключевые слова: независимые кандидаты, ограничение, беспартийность, правонарушения, решения суда.

NGATHEYO AKONY Chany Pavel

postgraduate student, assistant Administrative and International Law sub-faculty of the Belgorod State National Research University

Нзатейо Акони Ш. П.

ABOUT THE LEGAL POSITIONS OF THE AFRICAN COURT ON HUMAN AND PEOPLES RIGHTS AND THE INTER-AMERICAN COURT OF HUMAN RIGHTS ON THE STATE RESTRICTIONS ON VOTING RIGHTS OF INDEPENDENT CANDIDATES

The article is devoted to comparative-legal analysis of case law practice the American Court of human rights and the African Court on human and peoples' rights on the questions about violations of electoral rights.

Keywords: independent candidates, restriction, non-partisanship, offense, court's decision.

Сегодня вопросы обеспечения прав человека стали выходить за национальные рамки благодаря межгосударственным интеграционным объединениям и практике формирования надгосударственных судебных учреждений. Механизмы защиты прав человека на региональном уровне выступают чаще всего в качестве одного из эффективных средств защиты. В данном случае при условиях исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, заявители, чьи права были нарушены, приобрели возможность обратиться к таким судебным учреждениям для восстановления своих нарушенных прав.

В настоящее время в контексте обеспечения защиты прав человека наиболее активными и действенными правоохранительными судебными органами выступают Европейский, Межамериканский и Африканский суды по правам человека. Данные судебные органы, как правило, создаются на основе межгосударственных договоров отдельных групп государств с близкими историческими, культурными, социальными и религиозными ценностями в пределах определенных географических регионов. Они являются «вторым фронтом» после внутригосударственных средств правовой защиты в борьбе за права человека.

В осуществлении своих деятельности Африканским и Межамериканским судами по защите прав человека были рассмотрены индивидуальные жалобы, связанные с нарушением избирательных прав граждан государствами-участниками, в частности, запрет на участие в выборах для кандидатов несостоявшихся в политической партии. Одни из ярких примеров подобных дел по их аналогичности на наш взгляд являются следующими: дело Кастанеды Гутмана против Мексики (case of Castaneda Gutman v. Mexico) и дело Мтикилы и других против Танзании (case Mtikila and Others v. Tanzania).

Таким образом, в данной статье мы проведем анализ прецедентной практики вышеупомянутых судов по правам человека в сфере реализации государствами-членами Африканского Союза и Организации Американских Государств прав, установленных в положениях Американской конвенции по правам человека и Африканской хартии по правам человека и народов, в частности, «право свободно принимать участие в управлении своей страной либо непосредственно, либо через посредство представителей, свободно избранных в соответствии с положениями закона а также принимать участие во всеобщих выборах, которые должны проводиться на периодической основе путем тайного голосования, быть честными и свободными».

Следует отметить что интерес к сравнительному анализу данных двух дел был вызван тем что, жалоба по нарушению избирательных прав поданная в Африканском суде по правам человека и народов (далее – Африканский суд) во многом совпадает с аналогичной жалобой, сложившейся в прецедентной практике Межамериканского суда по правам человека (Межамериканский суд). Несмотря на их аналогичный характер по предмету иска, Суды пришли к разным позициям, вынося разные решения. Наше внимание обратило тот факт, что в отличие от Межамериканского суда в деле Кастанеды, Африканский суд по правам человека и народов не интерпретировал Хартию в свете своего объекта. Вместо этого он рассмотрел формулировку пункта 1 статьи 13 только в его текстовом виде. Суд пришел к выводу, что Танзания нарушил положения путем введения ограничения на индивидуальное право на участие в государственных делах.

Итак, в первом упомянутом деле, Американский суд по правам человека вынес решение 8 августа 2008 года по делу Кастанеды Гутмана против Мексики утверждая, что ограниче-

ние избирательных прав кандидатам не состоявшимися в политических партиях совместимо с Американской конвенцией по правам человека и, следовательно, Мексика не нарушила положение статьи 23, закрепленных в данной Конвенции.

Данное дело касается отсутствия во внутреннем законодательстве средства правовой защиты против нарушения политических прав, а именно невозможность зарегистрироваться в качестве независимого кандидата на президентских выборах. Представители потерпевшего утверждали, что его право быть избранным было нарушено из-за отказа в регистрации его независимую кандидатуру. Для этого они ссылались на замечание общего порядка № 25 принятое комитетом по правам человека ООН, которое говорит о том, что политические партии не являются единственными средствами, с помощью которых граждане могут баллотироваться на выборах. Представители потерпевшего утверждали также что независимые кандидатуры необходимы поскольку, по их мнению, в условиях отсутствия доверия к политическим партиям, они являются эффективным способом реализации избирательных прав граждан.

Что касается государства-ответчика они аргументировали, в частности, что политические права не являются абсолютными и могут быть ограничены в соответствии с принципами законности, необходимости и соразмерности в демократическом обществе. Для Мексики данное ограничение является следствием исторических и практических причин, направленных на организацию соответствующей избирательной системы в мексиканском социально-экономическом контексте.

Суд отмечает, что помимо определенных характеристик избирательного процесса и принципов избирательного права (например, универсальный или тайный), Американская конвенция не устанавливает конкретного механизма или конкретной избирательной системы, посредством которой должны осуществляться права голосовать и быть избранным. В связи с этой утверждает Суд в своем решении в параграфе 149, что Конвенция «устанавливает лишь определенные стандарты, в рамках которых государства сами могут на законных основаниях регулировать политические права, при условии, что такое регулирование должно быть осуществлено в соответствии с принципами законности, также должно иметь законную цель, и быть необходимым и соразмерным»¹.

В параграфе 157 решения Межамериканского суда по правам человека, Суд отметил, что в дополнение к ограничениям, предусмотренным в пункте 2 статьи 23 Американской конвенции, государства также вправе организовать свои избирательные системы и установить условия и процедуры для осуществления права голосовать и быть избранным. Таким образом в конечном счете Межамериканский суд по правам человека не удовлетворил иск Кастанеды Гутмана и признал правомерным ограничение Мексикой избирательных прав истца².

Во втором деле речь идет о реформе в избирательном законодательстве Республики Танзании согласно которой все кандидаты, баллотирующиеся в местных, парламентских и президентских выборах должны обязательно состояться в зарегистрированной политической партии и тем самым был введен запрет для выдвижения независимых беспартийных

кандидатов. В 2011 году в Африканский суд по правам человека и народов поступило групповое исковое заявление от преподавателя Кристофера Мтикилы и юридической фирмы Танганьики совместно с центром прав человека (Tanganyika Law Society and Human Rights Center) против Объединенной Республики Танзании. Истцы просят Суд признать действия руководства Танзании, нарушающие положения Хартии, а именно статьи 2, 10, 13 Африканской хартии прав человека и народов, а также нормы других инструментов в области прав человека, ратифицированные государством-ответчиком.

Прежде чем перейти к подробному анализу решения Африканского суда относительно данного дела, важно, на наш взгляд представить фактический контекст предполагаемых нарушений.

Преподаватель Кристофер Мтикила является Танзанийским политиком и пастором одной из новых церквей. Он очень активен на политической сцене с 1980 года и это является его главным занятием помимо религиозной миссии.

В ноябре 1992 года решил создать и зарегистрировать свою политическую партию под названием «демократическая партия». Однако местные власти выступили против, и партия была запрещена по той причине, что она имела сепаратистской идеологии в пользу Танганьики. В 1993 году преподаватель Кристофер Мтикила обратился в верховный суд Танзании, чтобы признать поправку №8, учрежденную местной властью о запрете отдельных (независимых) кандидатур на выборах не конституционной. Истец утверждает, что данная поправка противоречит положения Конституции Танзании, в частности, право на свободу ассоциаций.

В октябре 1994 г. верховный суд удовлетворил иск Кристофера Мтикилы, однако через несколько месяцев после решения суда в декабре 1994 г. национальное собрание Танзании приняло законопроект, подтверждающий запрет на выдвижение независимых кандидатур на выборах. Новая редакция конституции под названием «конституционная поправка № 11» вступит в силу в январе 1995 года, незадолго до первых всеобщих выборов. Через десять лет после вступления в силу новой редакции конституции, в 2005 г., Мтикила подал иск в верховном Суде, оспорив конституционную реформу 1995 года. Суд вновь вынес решение в пользу истца, постановив, что введенная поправка нарушает демократические принципы и доктрину о базовых принципах, закрепленных в конституции Танзании. Таким образом, верховный суд признает правомерность участие в выборах в качестве независимого кандидата. Данное решение суда будет оспариваться в апелляционном суде генеральным прокурором и отменен 2009 году. В результате апелляционный суд подтвердит запрет на независимых кандидатов ссылаясь на политический характер данного дела и тем самым установил, что парламент страны является единственным способом решения данного вопроса.

В своем решении от 14 июня 2013 года, Африканский Суд установил нарушение Танзании статьей 2, 3, 10 и 13 п.1 Африканской хартии по правам человека и народов и приказал властям принять в кратчайшие сроки, все необходимые меры, в том числе конституционные или законодательные для устранения этих нарушений.

Например, обсуждение Суда пункта 1 статьи 13 Хартии в частности «право принимать участие в управлении своим государством как непосредственно, так и через свободно избранных представителей в соответствии с положениями закона» занимало значительную часть процесса. Руководства Танзании утверждает, что запрет был оправдан по ряду обстоятельств, связанных с исторической и национальной реальностью стра-

1 См.: Решение Межамериканского суда по делу Кастанеды Гутмана против Мексики / п. 149. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_184_ing.pdf.

2 Кастанеда Гутман против Мексики, Межамериканский суд по правам человека, 6 августа 2008 года, серия C, № 184.

ны. Для этого они ссылаются на принятые местные законы, а также на решение Межамериканского суда по делу Кастанеда Гутман против Мексики. Например, в параграфе 90.1 говорится о необходимости «обеспечение благого управления и единства страны»; в параграфе 102, это упоминается «структура Союза, Объединенной Республики Танзании, поскольку состоит из материковой части Танзании, так и Танзания Занзибар».

В ответ на эти аргументы Суд отмечает что «любой закон, который требует от граждан быть членом политической партии, прежде чем баллотироваться на президентских, парламентских и местных выборах является бесполезной мерой, которая нарушает право граждан непосредственно участвовать в политической жизни, закрепленное в пункте 1 статьи 13 Хартии». Суд также установил нарушение Танзании пункта 1 статьи 10 Африканской хартии, указав что «факт, что ответчик требует от своих граждан присоединиться к политической партии для участия на местных, парламентских или президентских выборах является препятствием на свободу ассоциации, поскольку отдельные лица вынуждены вступать в партию или ее создать прежде чем подать заявку быть кандидатом на выборах».

Затем Суд изучил аргумент стороны ответчика о правомерных ограничениях право на свободу ассоциации согласно статье 27 Африканской хартии по правам человека и народов, однако Суд отклонил этот довод, указав что никакого отношения не имеет и не попадает под действие названного Закона.

Таким образом, позиция Африканского суда по делу Мтикилы выделяются по существенным расхождениям с делом, рассмотренным в Межамериканском суде, в частности дело Кастанеды Гутмана против Мексики. В отличие от юриспруденции Межамериканского Суда по правам человека, согласно которой государства руководствуясь национальными конституционными положениями, вправе самостоятельно выбирать наиболее подходящую модель избирательной системы, Африканский суд по правам человека и народов рас-

сматривает ограничение избирательных прав независимых кандидатов как нарушение положения статьей Африканской хартии по правам человека и народов в частности статьи 10 и 13.

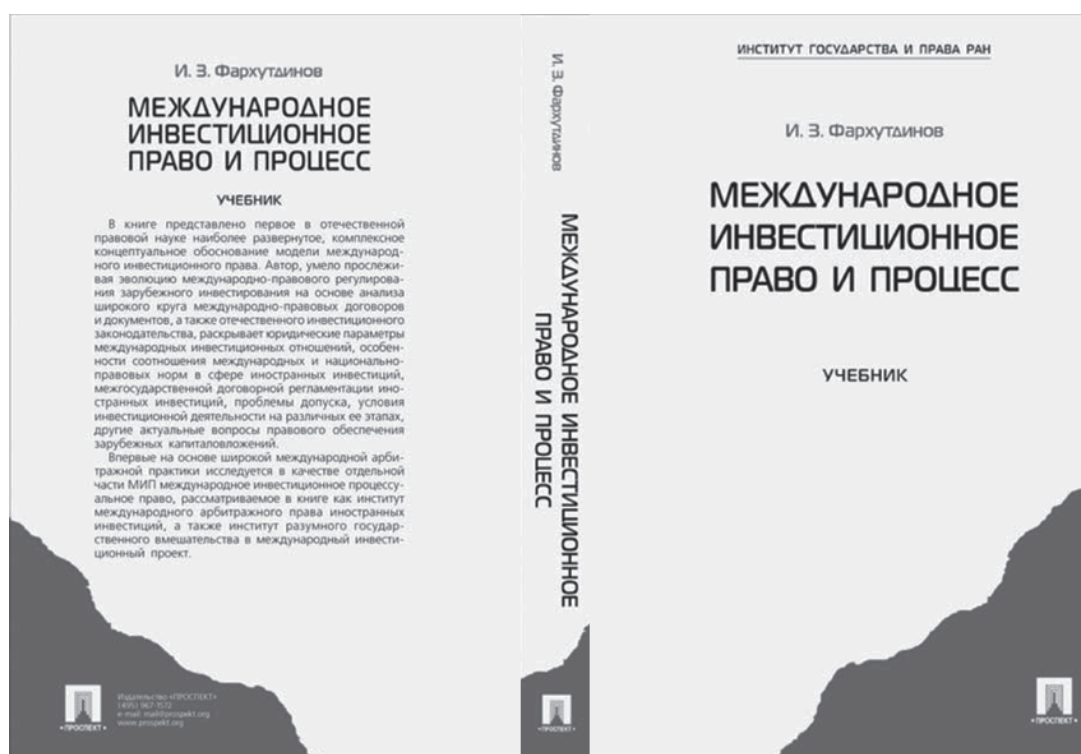
Кроме этого, мы считаем, что Африканский суд осмелился пойти дальше, чем Межамериканский суд в деле Кастанеды, требуя в своем постановлении от руководств Танзании изменить свое законодательство и отметить любые ограничения политических прав, нарушающих Хартии чтобы обеспечить реализации демократических прав.

Учитывая танзанийский контекст и тот факт, что демократические права осуществляются коллективно, возникает вопрос: не обоснован ли требование Республики Танзании требовать от независимого кандидата получить поддержку большинства, чтобы быть избранным? Таким образом Африканский Суд должен был придать значение аргументам стороны государства-ответчика.

Однако в свете вышесказанного, мы считаем, что было бы ошибкой противопоставлять данные решения, поскольку они были приняты в отношении двух разных государств с различными социальными реалиями. Таким образом вопросы о запрете независимых кандидатов принять участие в выборах не всегда имеют общий характер и в противном случае они должны рассматриваться в контексте социальных особенностей каждого государства.

Пристатейный библиографический список

1. Кастанеда Гутман против Мексики, Межамериканский суд по правам человека, 6 августа 2008 года, серия C, № 184.
2. Решение Межамериканского суда по делу Кастанеды Гутмана против Мексики / п. 149. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_184_ing.pdf.

РОМАНОВ Роман Владимирович

аспирант кафедры конституционного и международного права Университета управления «ТИСБИ»

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ МИРА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Данная статья посвящена анализу влияния национальных моделей уголовно-процессуального права на развитие международного уголовно-процессуального права. В статье показано, что на деятельность учреждений международной уголовной юстиции наиболее значительное влияние оказала англо-саксонская процессуальная модель. Это влияние сильно проявляется в общей части уголовно-процессуального права, особенно, в правилах процедуры и доказывания, которые практически целиком были заимствованы из англо-саксонской модели, восприняли элементы не присущие общему международному праву. В частности, были заимствованы такие элементы, как сделка с правосудием, которая освобождает обвинение от обязанности нести бремя доказывания виновности подсудимого, стандарты доказывания «balance of probabilities» и «beyond a reasonable doubt». Современное международное уголовно-процессуальное право находится в процессе формирования, сущностью которого является поиск смешанной («гибридной») модели, прежде всего, на основе романо-германской и англо-саксонской моделей.

Ключевые слова: международный уголовный процесс, международные уголовные суды и трибуналы, принципы международного уголовно-процессуального права, международное уголовное правосудие.

ROMANOV Roman Vladimirovich

postgraduate student of Constitutional and International Law sub-faculty of the University of Management "TISBI"

TO THE QUESTION ABOUT THE INFLUENCE OF THE WORLD LEGAL SYSTEMS ON THE INTERNATIONAL CRIMINAL PROCEDURE

This article is concerned with analysis of impact of national criminal procedure law models on international criminal procedure law development. The article shows strong influence of Anglo-Saxon model of process into activity of international criminal justice. Especially intensively this influence appears in general part of criminal procedure law. Particularly rules of procedure and proving cognized elements not inherent to general international law, they almost entirely were borrowed from Anglo-Saxon model. More specifically, such elements as «plea deal» which releases prosecution from duty to burden the proof of guilty of accused, standards of proof «balance of probabilities» and «beyond a reasonable doubt» were borrowed. Present-day international criminal procedure law be in the process of forming the essence of which is searching mixed (hybrid) model primarily based on Romano-Germanic and Anglo-Saxon models.

Keywords: international criminal procedure; international criminal courts and tribunals; principals of international criminal procedural law; international criminal justice.

Романов Р. В.

Деятельность международных уголовных судов и трибуналов (далее – МУСТ) ставит ряд теоретических и практических вопросов относительно процедуры рассмотрения дел в данных инстанциях, в частности процесса доказывания, исследования, оценки доказательств, а также применения стандартов доказывания. Вопрос о природе международного уголовно-процессуального права (далее – МУПП), является дискуссионным. Ряд ученых считает МУПП сформированной и обособленной подотраслью международного уголовного права¹, другие – подотраслью международного процессуального права². Однако нам важно отметить следующую его черту: оно находится на стыке двух самостоятельных отраслей: международного публичного права и уголовно-процессуального права государств.

Современное МУПП сформировалось на основе общих принципов уголовно-процессуального права государств, а также практики МУСТ. Однако преимущественное влияние на становление МУПП оказала система общего права. Такой дисбаланс неизбежно приводит к серьезным проблемам между сторонами процесса, особенно для представителей романо-

германской правовой системы. Ярким примером столкновения романо-германской и англо-саксонской правовых моделей являются различные цели самого процесса. Если целью судопроизводства в системе романо-германского права является установление истины по делу³, то целью судопроизводства в англо-саксонской правовой модели – определение виновности или невиновности подсудимого. Именно так строился процесс в Международных трибуналах ad hoc, где цель установления истины по делу даже не ставилась. В Международном трибунале по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) единственной целью было определение «выигравшей» стороны.

МТБЮ и Международный уголовный трибунал по Руанде (далее – МТР) были учреждены решениями Совета Безопасности ООН⁴, в резолюциях которого практически не содержалось процессуальных норм. Трибуналы создавали процессуальные нормы непосредственно в ходе своей деятельности, в том числе путем принятия правил процедуры и доказывания (далее – ППД).

При этом трибуналы не формулировали нормы процессуального права с чистого листа, а заимствовали их из национальных законодательств, преимущественно из стран ан-

1 Мезяев А. Б. Защита прав обвиняемых в современном международном уголовном праве: Актуальные вопросы теории и практики. – Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2014. – С. 24.

2 Волова Л. И. Правовое регулирование международных уголовно-процессуальных отношений (на примере деятельности Международного уголовного суда и трибуналов ad hoc) // Российский ежегодник международного права 2011. – СПб., 2012. – С. 104.

3 См.: Мезяев А. Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. – Казань: Издательский дом «Титул-Казань», 2006. – С. 21-22.

4 См.: Документы ООН: S/ Res/ 827 (1993), 25 Мая 1993 г., S/RES/955 (1994), 8 Ноября 1994 г.

ло-саксонской правовой семьи. Следует отметить, что первые версии ППД МТБЮ были практически целиком заимствованы из системы общего права, что ставило судей из романо-германской правовой системы в необычное для них положение, так как им отводилась пассивная роль арбитра, но не активного участника процесса, к чему они привыкли в своей предыдущей профессиональной карьере⁵.

В научной литературе выделяются различные подходы к классификации правовых семей⁶: идеологический, юридико-технический⁷, политический, географический, цивилизационный, религиозный и другие⁸. В соответствии с различными подходами предлагаются различные классификации, при которых выделяются такие системы права, как: континентальная, латиноамериканская, славянская, система общего права, социалистическая, нордическая (скандинавская), африканская, религиозная, плюралистическая и другие⁹. Однако до сих пор в науке сравнительного правоведения не выделяют единого основания классификации правовых систем, и потому все предложенные классификации носят достаточно условный характер. При наличии достаточно большого разнообразия собственно правовых систем в них, тем не менее, можно выделить три основные уголовно-правовые модели судопроизводства: романо-германскую, англо-саксонскую и смешанную.

Базовыми принципами романо-германской модели уголовно-процессуального права является принцип строгого толкования норм, толкования всех разумных сомнений в пользу обвиняемого, стабильной общей части уголовного права «с духом здорового консерватизма», являющегося гарантией правовой определенности для обвиняемых¹⁰. Прокурор является всего лишь стороной в процессе: сторона обвинения представляет независимому, нейтральному и непредвзятому суду подробное обвинительное заключение, а сами судьи довольно активны в ходе разбирательства. Судья осуществляет полномочия, исходя из оценки фактических и правовых обстоятельств дела, в соответствии с внутренним убеждением. Право отделено от религии и политики. Еще со времен Римской империи признается доминирование материального права над процессуальным. Целью процесса является установление истины по делу, поэтому в романо-германской модели не предусмотрена сделка с правосудием, а большее внимание уделяется доказательству виновности на основании закона.

Англо-саксонской модели уголовно-процессуального права характерны прагматичный подход и неполная разработанность общей части процессуального права, что компенсируются детализацией определений в особенной части и процессуальных правилах¹¹, особое уважение к правовым догмам, диспозитивность. Широкое распространение получила практика заключения сделок между обвинением и защитой с целью получения от обвиняемого заявления о признании вины в обмен на менее суровое наказание. В США по статистике сделка с правосудием заключается в рамках более чем 94% уголовных дел, по которым выносится обвинительный приговор¹². Данной модели характерно применение особых стандартов доказывания: «balance of probabilities», «preponderance of the evidence» (баланс вероятностей) и «beyond a reasonable doubt»

(вне разумных сомнений)¹³. В данной системе обвинитель довольно активен в процессе. Это выражается в роли прокурора на этапе сбора доказательств, при допросе свидетелей, подготовке обвинительного заключения, на суде он выстраивает обвинение, представляет доказательства, опровергает доводы защиты. Судья, наоборот, пассивен: он взвешивает доказательства и решает вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Следует отметить особую роль суда, как участника формирования и развития права (принцип «Judge makes law»)¹⁴.

Под воздействием усиливающихся в последние десятилетия процессов правовой интеграции, наблюдаются процессы конвергенции романо-германского и англо-саксонского права¹⁵, в том числе в области уголовного процесса. Взаимопроникновение процессуальных правовых систем привело к появлению смешанной модели уголовно-процессуального права. В государствах, воспринявших эту модель, сочетаются яркие черты, присущие как романо-германской, так и англо-саксонской моделям: право суда по собственной инициативе («proprio motu») вызывать свидетелей, не заявленных ни одной из сторон, отсутствие института следственных судей, распространение и законодательное регулирование практики медиации применительно к ряду уголовных преступлений, признание сделки с правосудием. К государствам этой модели на данном этапе можно отнести Португалию, Испанию, Швецию. По мнению профессора Р. Фрейза, настоящее время характерно ускоряющимся процессом «гибридизации» правовых систем, в таких условиях классические модели можно увидеть только в теории¹⁶.

Симбиоз основных правовых семей и моделей уголовного процесса с заимствованием отдельных элементов каждой из них, должен был бы способствовать прогрессивному развитию МУПП. При этом в практике МУСТ судьи сталкиваются с попытками сторон трактовать общие принципы права с позиции тех или иных правовых систем. В своем особом мнении к решению по делу «Прокурор против Д. Эрдемвича»¹⁷ судья Стефен, подчеркивал, что для определения общих принципов права, международным трибуналом недопустимо самовольно трактовать основы ни одной из систем права. В другом особом мнении по этому делу судьи МакДональда и Вохрах указывали, что их подход к определению общих принципов права включал не прямое сравнение конкретных правил каждой из стран мира в отдельности, а являлся обзором тех систем, чья судебная практика доступна для выявления общих тенденций, политики или принципов, лежащих в основе права государств, которые согласовывались с объектом и целью создания МТБЮ¹⁸.

Наконец судья Кассезе, в своем особом мнении¹⁹ по тому же делу подчеркивал, что большинство судей в основу своего решения положили английское право. Судья Кассезе указывал, что МТБЮ призван применять нормы международного права такие, как Устав и ППД, а также нормы международного гуманитарного права и международного уголовного права, и что право трибунала основано только на международном праве. Кроме того, МТБЮ должен воздерживаться от заимствования понятий, политических или философских постулатов, принятых в странах общего права, без учета стран континентального права и других правовых систем. Что еще более важно, политико-ориентированный подход в области уголовного права, противоречит фундаментальному принципу обычного

5 См.: Tochilovsky V. The Nature and Evolution of the Rules of Procedure and Evidence // Principles of Evidence in International Criminal Justice, 2010; Edited by Karim A. A. Khan, Caroline Buisman, Christopher Gosnell. – Oxford, 2010. – P. 157.

6 См.: Петрова Е. А. Актуальные вопросы теории права и сравнительного правоведения: учебное пособие. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – С. 176-179.

7 Юридико-технический подход включает общность источников права, юридического словаря, методов работы, процесса изучения и применения права.

8 См.: Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). – М., 1967. – С. 37-38.

9 Марченко М. Н. Теория государства и права. 2-е издание. Учебник. – М.: Издательство «Проспект», 2015. – С. 223-241.

10 Международное уголовное правосудие: современные проблемы / Под ред. Г. И. Богуща, Е. Н. Трикоз. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – С. 4.

11 См.: Fletcher G. P. Rethinking Criminal Law. – Oxford, 2000. – P. 393.

12 См.: Ambos K. Treatise on International Criminal Law. Volume III: International Criminal Procedure. – Oxford, 2016. – P. 433-434.

13 См.: Леже Р. Великие правовые системы современности. Сравнительно-правовой подход, 3 издание. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – С. 448.

14 См.: Оксамытний В. В. Юридическая компаративистика. Учебный курс. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – С. 230.

15 См.: Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство «Проспект», 2014. – С. 516-561.

16 Малиновский А. А. Сравнительное уголовное прав: Учебное пособие. – М., 2014. – С. 83-84.

17 Prosecutor v. Drasen Erdemovic, Separate and dissenting opinion of judge Stephen, Case N IT-96-22-A, App. Ch., 7 Oct. 1997, para. 64.

18 Prosecutor v. Drasen Erdemovic, Judgement, Joint Separate Opinion of Judge McDonald and Judge Vohrah, Case N IT-96-22-A, App. Ch., 7 Oct. 1997, para. 57.

19 Prosecutor v. Drasen Erdemovic, Separate and dissenting opinion of judge Cassese, Case N IT-96-22-A, App. Ch., 7 Oct. 1997, para. 11.

права «Nullum crimen sine lege» («Нет преступления, без обязательного указания на него в законе, действующем на момент совершения преступления»).

В рамках дела «Прокурор против Д. Эрдемовича» судьи разошлись во мнении относительно того, насколько можно опираться на национальное законодательство при трактовке процедуры «guilty plea». Вероятно, данное противоречие возникло в силу того, что в составе палаты были судьи, ранее работавшие в рамках разных модели процесса, если МакДональд (США), Вохрах (Малайзия), Стефан (Австралия) являлись представителями англо-саксонской, то Кассезе (Италия) и Ли (Китай) представляли романо-германскую модель. Подобных проблем можно было и следовало бы избежать, если бы при создании МУСТ заложили смешанную модель уголовного процесса, зафиксировав ее основные принципы в Статуте и подробно прописав в ППД.

Однако на создание и развитие МУПП значительное и во многом решающее²⁰ влияние оказали юристы, представляющие англо-саксонскую правовую семью. Наблюдался явный дисбаланс в отношении представителей стран системы англо-саксонского права²¹ как в судебном корпусе, так и в прокуратуре и секретариате трибуналов ad hoc, что стало одной из причин откровенного доминирования норм англо-саксонской модели в процессе МУСТ, когда под видом норм обычного права и общих принципов права применялись принципы и подходы, характерные только для англо-саксонской модели.

Доминирование англо-саксонской правовой модели приводит к системным проблемам в деятельности МУСТ. Некоторые действия прокуратуры в ряде стран романо-германской правовой семьи могли бы быть расценены как отдельный состав уголовного преступления. Например, сделка с правосудием («Plea Agreement Procedure»), предусмотренная в ст. 62-bis и 62-ter ППД МТБЮ, ст. 62-bis ППД МТР, ст. 99 и 100 ППД Специального суда по Сьерра-Леоне, не отражает основных принципов романо-германской модели. Сделка с правосудием состоит в том, что в обмен на обещание прокурора не требовать от суда сурового наказания, обвиняемый признает свою вину и дает показания, обличающие других фигурантов дела, которые впоследствии используются в качестве доказательств. Подобного рода сделки наносят ущерб как цели установления истины по делу, так и правам обвиняемого в МУСТ²². Ярким примером несостоятельности института сделки с правосудием в МУСТ являлись сделки с Д. Эрдемовичем, Б. Плавшич, М. Дероньичем, М. Бабичем.

Процессуальное англо-саксонское влияние проявилось в самостоятельном принятии трибуналами ad hoc Правил процедуры и доказывания. Таким образом, трибуналы стали действовать как правотворцы, что вступает в явное противоречие с понятием суда в романо-германской правовой системе, где законодательная (представительная) власть принимает законы, в том числе процессуальные, а судебная лишь применяет право.

Особенно значимо различие процессуальных моделей наблюдается в вопросах стандартов доказывания, где влияние англо-саксонской модели вылилось в закреплении в ППД таких не характерных для романо-германской процессуальной модели стандартов, как *prima facie* (ст. 28.A – «на первый взгляд»), *beyond reasonable doubts* (ст. 87.A – «вне разумных сомнений») или *balance of probabilities* (ст. 105.D – «баланс вероятностей»). Для романо-германской процессуальной модели характерно, чтобы решение принималось на основании свободной оценки доказательств и внутреннего убеждения судьи, выносящего решение.

Подводя итог, можно сделать вывод, что если в целом МУПП развивается по «гибридному» пути развития между англо-саксонской и романо-германской моделями²³, то до сих

пор наблюдается преимущественное влияние англо-саксонской процессуальной модели. Следует отметить, что ППД Международного уголовного суда (далее – МУС) были приняты не самим трибуналом, а большинством в две трети голосов членов Ассамблеи государств-участников²⁴. В рамках МУС целью Прокурора при проведении расследования²⁵ и Суда при исследовании доказательств²⁶ является установление истины. Сделка с правосудием не нашла выражения в Статуте МУС, вместо нее была воспринята процедура «admission of guilt»²⁷, известная и романо-германской процессуальной модели. В то же время, в Статуте МУС получили закрепление стандарты доказывания, характерные англо-саксонской модели уголовного процесса: разумные основания полагать²⁸ и вне разумных сомнений²⁹.

Пристатейный библиографический список

1. Волова Л. И. Правовое регулирование международных уголовно-процессуальных отношений (на примере деятельности Международного уголовного суда и трибуналов ad hoc) // Российский ежегодник международного права 2011. - СПб., 2012.
2. Давид Р. Основные правовые системы современности (сравнительное право). - М., 1967.
3. Леже Р. Великие правовые системы современности. Сравнительно-правовой подход 3 издание. - М.: Волтерс Клувер, 2010.
4. Малиновский А. А. Сравнительное уголовное прав: Учебное пособие. - М., 2014.
5. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение: учебник. - 2-е изд. перераб. и доп. - М.: Издательство «Проспект», 2014.
6. Марченко М. Н. Теория государства и права. 2-е издание. Учебник. - М.: Издательство «Проспект», 2015.
7. Международное уголовное правосудие: современные проблемы / Под. ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. - М.: Институт права и публичной политики, 2009.
8. Мезяев А. Б. Защита прав обвиняемых в современном международном уголовном праве: Актуальные вопросы теории и практики. - Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2014.
9. Мезяев А. Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. - Казань: Издательский дом «Титул-Казань», 2006.
10. Михайлов Н. О деятельности канцелярии прокурора МТБЮ // Обозреватель. - 2003. - № 12.
11. Оксамытный В. В. Юридическая компаративистика. Учебный курс. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
12. Петрова Е. А. Актуальные вопросы теории права и сравнительного правоведения: учебное пособие. - М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015.
13. Ambos K. Remarks on the General Part of International Criminal Law // Journal of International Criminal Justice. -Vol. 4. - 2006. - No. 4.
14. Ambos K. Treatise on International Criminal Law. Volume III: International Criminal Procedure. - Oxford, 2016.
15. Fletcher G. P. Rethinking Criminal Law. - Oxford, 2000.
16. Robinson D. The Identity Crisis of International Criminal Law // Leiden Journal of International Law. - Vol. 21. - 2008. - No. 4.
17. Tochilovsky V. The Nature and Evolution of the Rules of Procedure and Evidence // Principles of Evidence in International Criminal Justice, 2010; Edited by Karim A. A. Khan, Caroline Buisman, Christopher Gosnell. - Oxford, 2010.

20 См.: Ambos K. Remarks on the General Part of International Criminal Law // Journal of International Criminal Justice. -Vol. 4. - 2006. - No. 4. - P. 661.

21 См.: Михайлов Н. О деятельности канцелярии прокурора МТБЮ // Обозреватель. - 2003. - № 12. - С. 65.

22 См.: Мезяев А. Б. Защита прав обвиняемых в современном международном уголовном праве: Актуальные вопросы теории и практики. -Казань: НОУ ВПО «Акад. управ. «ТИСБИ», 2014. - С. 66-67.

23 Robinson D. The Identity Crisis of International Criminal Law // Leiden Journal of International Law. -Vol. 21. -2008. -No. 4. -P. 925-963.

24 Там же, п. 1, ст. 51.

25 См.: Римский статут Международного Уголовного Суда, пп. а, п. 1, ст. 54. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute\(r\).pdf](http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 30.10.2016).

26 Там же, п. 3, ст. 69.

27 Там же, ст. 65.

28 Там же, ст. 58.

29 Там же, п. 3, ст. 66.

БАЙНИЯЗОВА Зульфия Сулеймановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского

КОНСОЛИДАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В статье анализируется проблема обеспечения адекватного выражения и соотношения личных, общественных и государственных интересов по отношению друг к другу в российской правовой системе. Обосновывается положение о необходимости обеспечения консолидированного соотношения интересов личности, общества и государства, одним из важных аспектов выражения которого является сбалансированность. По мнению автора, консолидация интересов обеспечивает благоприятные возможности для адекватного соотношения отечественной правовой системы с современными вызовами. В статье обосновывается положение о том, что правовая система, отражающая сплоченное единство личных, общественных и государственных интересов, способна намного эффективнее решать различные правовые, социальные и иные задачи, нежели, если она выражает их в отдельности. Автор приходит к выводу о том, что правовая система, основанная на началах консолидированного соотношения интересов, является условием устойчивого общественного, правового и государственного развития, как объективной потребности, необходимой в условиях правовых и социальных изменений, динамично развивающихся общественных отношений. При этом автором подчеркивается важная роль права и правовой политики в придании правовой системе такого функционального выражения, качественной характеристики.

Ключевые слова: консолидация, правовая система, личные, общественные и государственные интересы, право, правовая политика, права личности.

Байниязова З. С.

BAYNIYAZOVA Zulfiya Suleymanovna

Ph.D. in Law, associate professor of State and Law Theory sub-faculty of the Law Faculty of the N. G. Chernyshevskiy Saratov National Research State University

CONSOLIDATION OF PERSONAL, SOCIAL AND STATE INTERESTS IN THE RUSSIAN JURIDICAL SYSTEM

In the article the problem of providing adequate expression and correlation of personal, social, and state interests relative to each other in the Russian juridical system is analyzed. The author proves the necessity of consolidated correlation of personal, social, and state interests. One of the important aspects of its expression is equilibrium. According to the author consolidation of interests gives favorable opportunities for adequate correlation of the Russian juridical system with current challenges. It is substantiated that the juridical system that reflects a consolidated unity of personal, social, and state interests, is able to solve various legal, social, and other objectives more effectively than if it does this separately. The author comes to the conclusion that the juridical system based on consolidated correlation of interests is the condition of sustainable, social, legal, and state development as an objective requirement necessary in the conditions of legal and social changes and dynamically developed social relations. The author also highlights an important role of law and policy of law in giving this system qualitative characteristics.

Keywords: consolidation, juridical system, personal, social, and state interests, law, policy of law, individual rights.

Современное Российское государство стоит перед новыми вызовами в экономике, социальной, правовой и иных сферах, адекватное реагирование на которые невозможно представить без обеспечения системы устойчивых отношений между личностью, обществом и государством, выражающих общие, ключевые направления их совместного существования и развития в соответствии с едиными ценностными установками. При этом речь идет об адекватности становления соответствующих условий, одним из которых, на наш взгляд, является консолидация личных, общественных и государственных интересов. В данном случае необходимо, прежде всего, говорить об обеспечении баланса интересов личности, общества и государства, как одной из форм выражения их консолидации в российской правовой системе. На наш взгляд, сбалансированность индивидуальных, общественных и государственных интересов выражает один из важных аспектов их консолидированного соотношения, проявления именно такого состояния.

Следует подчеркнуть, что в юридической литературе существуют различные научные трактовки понятия интересов. В частности, анализируя роль интересов в законодательстве, Т. Я. Хабриева и Ю. А. Тихомиров отмечают, что они оживляют и одухотворяют правовые процессы и нормы и их гармонизация в контексте обеспечения национальных интересов весьма актуальна¹.

Нормативное закрепление национальных интересов нашло свое выражение в ряде нормативных актов. Например, в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»² «национальные интересы Российской Федерации» определяются как «объективно значимые потребности личности, общества

1 См.: Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Право и интересы // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 17.

2 Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 1, ч. 2. – Ст. 212.

и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития».

На наш взгляд, вопрос консолидации интересов личности, общества и государства в российской правовой системе предполагает, прежде всего, исследование понятий «индивидуальные интересы» и «общесоциальные интересы», определение их соотношения с точки зрения терминологической определенности, что является одним из дискуссионных, неоднозначных вопросов, как в научном аспекте, так и на уровне нормативного выражения.

По нашему мнению, несмотря на существующее многообразие точек зрения по поводу терминологической определенности, понятие «индивидуальные интересы» можно рассматривать, во-первых, как самостоятельный вид интересов, отражающих потребности именно личности, а во-вторых, как составную часть общесоциальных интересов, включающих в себя интересы общества и государства. На второй аспект понимания индивидуальных интересов чаще всего обращает внимание законодатель. В частности, положение о необходимости сбалансированных интересов субъектов нашло свое закрепление в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной 9 сентября 2000 г., в которой подчеркивается: «Под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства»³. В Указе Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» говорится о жизненно важных экономических интересах личности, общества и государства⁴. Закрепленное в ст. 7 Конституции РФ положение о социальном государстве предполагает сбалансированность интересов личности, общества и государства, необходимую для обеспечения оптимальных условий для реализации государством своей деятельности. Очевидно, что интересы личности, общества и государства на нормативном уровне находят свое выражение в различных сферах общественной жизни (экономическая, социальная, культурная, информационная, правовая и др.). Приведенные некоторые нормативные положения о необходимости сбалансированных интересов свидетельствуют о том, что общесоциальные интересы должны рассматриваться как сбалансированные интересы личности, общества и государства. Нельзя интересы человека, которые заключаются в обеспечении безопасности⁵ его жизни, что сейчас является особенно актуальным, повышении уровня социальных гарантий⁶, эффективности защиты прав и

свобод⁷ и т.д., противопоставлять интересам общества и государства, без которых они не могут быть успешно реализованы. Прав был Б. Н. Чичерин, утверждая, что «частные интересы и общественные интересы находятся в такой тесной связи, что точной границы между ними положить невозможно. Общее благосостояние зависит от частного, и наоборот. Отсюда задача государства состоит в заведовании совокупными интересами. Как целое, представляющее собой совокупность свободных, государство заключает в себе противоположные элементы, которые имеют каждый свою сферу, но вместе проникают друг в друга путем взаимодействия»⁸. Аналогичной точки зрения придерживался Г. Ф. Шершеневич, который отмечал, что общество не представляет собой чего-то обособленного от составляющих его индивидов. Интересы общества – это интересы самих индивидов⁹. В этой связи справедливым является выделение некоторыми учеными такого понятия, как «механизм правового обеспечения сбалансированности интересов личности и государства»¹⁰, а также рассмотрение понятия «национальные интересы» с точки зрения взаимосвязи интересов граждан и интересов государства¹¹. Однако, очень важно, чтобы нормативное закрепление общесоциальной значимости баланса интересов находило свое адекватное выражение на правоприменительном уровне в правовой системе. На наш взгляд, вопрос состоит в необходимости соотнести указанные интересы в рамках российской правовой системы. Важно, чтобы правовая система была направлена на сближение частных и публичных интересов, уровень достижения которого влияет на социально-правовое положение личности в обществе. В этой связи весьма важно говорить о консолидации интересов, как наиболее эффективной возможности адекватного соотношения правовой системы с современными вызовами.

Правовая система, отражающая сплоченное единство личных, общественных и государственных интересов, способна намного эффективнее решать различные правовые, социальные и иные задачи, нежели, если она выражает их в отдельности. Эффективность правовой системы во многом определяется степенью консолидации интересов субъектов. Правовая система, основанная на началах консолидированного соотношения интересов, является условием устойчивого общественного, правового и государственного развития, как объективной потребности, необходимой в условиях происходящих социальных и правовых трансформационных процессов, динамично развивающихся общественных отношений. При этом важную роль в придании правовой системе такого функционального

3 Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента РФ от 9 сентября 2000 г. // Российская газета. – 2000. – 28 сентября.

4 Указ Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 18. – Ст. 2117.

5 См.: Рыбаков О. Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства // Правоведение. – 2009. – № 1 (282). – С. 210.

6 См.: Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 8–29; Она же. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 19; Она же. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. – 2014. – № 8. – С. 5–15; Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 29.

7 См., например: Алиев Х. О., Юсупкадиева С. Н. Защита прав и свобод человека и гражданина как одно из приоритетных направлений прокурорского надзора // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6. – С. 293–295; Колобашкина С. С. Способы и средства защиты прав граждан // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 9 (28). – С. 129–132; Комкова Г. Н. Становление системы защиты прав человека в Российской Федерации // Правовая культура. – 2008. – № 2. – С. 6–12; Она же. Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека: Материалы VIII международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2015. – 257 с.

8 Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. – М.: Типография Т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1894. – С. 12–13.

9 См.: Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая: Общая теория права. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910–1912. – Вып. 1. – 1910.

10 См., например: Морозова Л. Я. Механизм правового обеспечения сбалансированности интересов личности и государства // История государства и права. – 2011. – № 17. – С. 27–30.

11 См.: Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Право и интересы // Журнал российского права. – 2005. – № 12. – С. 17.

выражения, качественной характеристики должно выполнять право. Учитывая всю многогранность проблемы консолидации интересов личности, общества и государства в российской правовой системе, необходимым является определение роли права в этом процессе.

Право и правовая система находятся в тесной диалектической взаимосвязанности между собой, их сопряженность взаимообусловлена общими ценностными установками. Отечественная правовая система, которая призвана, как отмечается в литературе, закреплять и поддерживать стабильные отношения в государственно-организованном обществе¹², способна динамично, гибко реагировать на происходящие изменения в обществе, если к этому способно само право, и если оно ориентировано на обеспечение сбалансированных интересов личности, общества и государства. Право, динамично изменяющееся в ответ на общественные потребности, позитивно ориентирует и правовую систему. Не случайно Р. Иеринг считал, что «первейшая задача права – это уравновешивание различных интересов в обществе и нахождение разумного баланса между ними»¹³. Государство должно научиться использовать право как инструмент, сплачивающий личные, общественные и государственные интересы. В этих целях важно, как подчеркивает Н. А. Власенко, обеспечить четкое правовое регулирование¹⁴. В условиях противоречивого, неравномерного правового регулирования невозможно представить сбалансированное сочетание интересов личности, общества и государства. Отечественное право должно быть выражением сбалансированных интересов личности, общества и государства на правотворческом и правоприменительном уровнях. Без согласованной, скоординированной деятельности правотворческих и правоприменительных органов невозможно не только «создать устойчивые и надежные механизмы преодоления препятствий на различных уровнях юридической сферы»¹⁵, но и сложно обеспечить функциональное выражение права по отношению к личности. В данном случае право – это важный инструмент обеспечения баланса личных, общественных и государственных интересов. При этом большую роль в выражении такого ценностного, функционального аспекта права призвана также выполнять правовая политика. Необходимо, чтобы правовая политика, которая, как подчеркивается в литературе, «может быть различной по структуре и содержанию»¹⁶, как «явление политико-правовой действительности, имеющее двойственную природу образования, в котором политическая составляющая формирует целевой характер и направленность осуществляемых действий, а правовая составляющая определяет сферу, методы и средства осуществления данных действий»¹⁷, обеспечивала ценностное упрочение права, ориентировала его на сближение интересов. В данном случае правовая политика должна носить подвиж-

ный характер, учитывая то, что, как отмечается в литературе, «исследование понятия «политика» необходимо не вообще, а применительно к праву, где последнее (то есть право) играет роль определяющего компонента в сочетании «правовая политика»¹⁸; «право, заключающее в себе принципы юридического равенства, свободы и человеческого достоинства, получая свое выражение в публичных законах, цивилизует политику, которая превращается в деятельность по решению общих дел в буквальном смысле этого слова, т.е. политике придается действительное, а не надуманное значение»¹⁹.

Очевидно, что право, правовая политика и правовая система находятся в тесной сопряженности между собой в направлении обеспечения консолидации интересов в правовой системе, как важного фактора, без которого невозможно представить полноценное развитие не только правовой системы, но и общества, государства. Это одна из основных задач, которая требует системного рассмотрения и разрешения с учетом требований времени. Поступательное движение к правовому и социальному государству должно находить адекватное этой важной задаче сопровождение в виде правовой системы, выражающей консолидированное соотношение личных, общественных и государственных интересов.

Личные, общественные и государственные интересы должны совпадать между собой по стратегическим вопросам правового, общественного и государственного развития, в частности по вопросам укрепления правового статуса личности, обеспечения и защиты ее прав и свобод. Примером тому, когда индивидуальные интересы становятся общесоциальными, можно назвать охрану и защиту прав, свобод и интересов²⁰ несовершеннолетних детей. Сегодня для современного Российского государства данный вопрос приобретает общенациональное значение²¹, является одним из приоритетных направлений осуществления его общегосударственной, в том числе правовой политики. Указанное направление совершенно справедливо обозначено в литературе в качестве одного из важнейших направлений правовой стратегии современного Российского государства²². Охрана и защита прав и свобод, интересов несовершеннолетних должны стать одним из основных ориентиров развития права, законодательства, в целом правотворчества, правоприменительной деятельности, правовой системы, правовой политики. В особенности это относится к необходимости усовершенствования законодательства в этой сфере, придания ему регулирующей роли в рамках правовой системы. Как верно подчеркивает О. Ю. Рыбаков: «Законода-

12 См.: Оксамытний В. В. Правовые системы в компаративистском измерении: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 145.

13 Иеринг Р. Борьба за право. – М.: Феникс, 1991. – С. 8.

14 См.: Власенко Н.А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8. – С. 43-54; Он же. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8. – С. 40-45.

15 Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-правовой аспект. 3-е изд. доп. и перераб. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH@Co.KG. 2011. – С. 286.

16 Рыбаков О. Ю. Правовая политика: понятие и приоритеты // Актуальные проблемы правоправедения. – 2004. – № 1. – С. 102.

17 Рыбаков О. Ю. Правовая политика как научная теория в юридических исследованиях // Право. Законодательство. Личность. – 2010. – № 2. – С. 110.

18 Рыбаков О. Ю. Правовая политика: понятие и приоритеты // Актуальные проблемы правоправедения. – 2004. – № 1. – С. 100.

19 Козлихин И. Ю. Право и политика. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет? 1996. – С. 187–188.

20 См.: Ростова О. С. Государственная поддержка материнства в Российской Федерации / в кн. Научная мысль и современный опыт в решении системных проблем развития: Сб. науч. тр. по итогам научно-исследовательской работы ученых Саратовского социально-экономического института (филиала) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова» / Отв. ред. Н. С. Яшин. – Саратов, 2014. – 146 с.

21 Безусловно, это было важным направлением и на более ранних исторических этапах развития государства (см. об этом, например: Ростова О. С. Правовая охрана материнства и детства в России (советский период) / Под ред. О. Ю. Рыбакова. – М., 2009; Она же. Создание основ правовой охраны материнства и детства в первое десятилетие советской власти // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 2(271). – С. 195-202).

22 См.: Бондарь Н. С., Фадеев В. И., Комарова В. В. и др. Стратегия правового развития России: Коллективная монография / Под ред. О. Ю. Рыбакова. – М., 2015. – С. 29.

тельство убедительно для человека, если защищает его права, ежедневно и эффективно»²³.

Проблема защиты прав детей должна решаться совместными усилиями государства и общества; именно на это нацелена Федеральная целевая программа «Россия без сирот» на 2013-2020 годы»²⁴. В достижении данного направления правовой политики во многом выражаются общесоциальные интересы Российского государства. Правовая политика в области правовой защиты прав и интересов детей должна занять одно из важнейших мест в системе общесоциальных, в т.ч. правовых, приоритетов современного Российского государства. Если в обществе встречаются нарушения прав и свобод несовершеннолетних, то это во многом свидетельствует о снижении социальной ценности права, ослаблении регулирующего воздействия права на общественные отношения. Поэтому чрезвычайно важно, чтобы правовая политика в сфере охраны и защиты прав и интересов детей по своей сущности и направленности носила гуманистический характер, на что особенно обращается внимание в литературе²⁵. «Гуманистический характер такой политики предполагает выстраивание форм и приоритетов в таком порядке, которые бы позволяли формировать и проводить эффективную политику в области права, направленную на охрану и защиту прав детей. Охрана и защита прав детей – это осуществляемые государством меры в области сохранения интересов и потребностей детей, закрепленные в законодательстве на основе и с помощью правовых механизмов»²⁶.

Защита прав и свобод детей – один из основных критериев, показателей консолидации правового статуса личности. Правовая система, ориентированная на укрепление правового положения детей, способна обеспечить прочные основы правового статуса личности. Так, в Указе Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы» большое внимание уделяется вопросам защиты прав и интересов детей²⁷. Правовая система, ориентированная на укрепление правового статуса личности, обеспечение и повышение эффективности защиты прав и свобод личности, в частности, прав детей, является одним из условий формирования правового государства и гражданского общества²⁸ в России. Нерешенность проблемы устойчивого развития правовой системы во многом связана с нерешенностью проблем защиты прав и свобод личности. Это, в свою очередь, отражается на состоянии правоприменительной, в частности судебной, практики. К сожалению, отечественная правоприменительная практика, которая, как отмечается в литературе, «традиционно была и до сих пор остается «ахилле-

совой пятой» всей нашей юридической практики»²⁹, далека от совершенства, неспособна пока еще обеспечить единообразие судебной практики по вопросам обеспечения прав и свобод личности. Неконсолидированное состояние законодательства о правах и свободах личности и правоприменительной практики является выражением неконсолидированного развития отечественной правовой системы в целом.

Укрепление и защита правового статуса личности предполагают консолидированный подход к реализации ее прав и свобод на уровне законодательства, правотворчества, правоприменения, правового регулирования, а также, как подчеркивается в литературе, на уровне взаимодействия государства и институтов гражданского общества³⁰. Придание устойчивости правовому статусу личности во многом зависит от степени упрочения личных, политических, социально-экономических, культурных прав и свобод индивидов. В свою очередь, это связано с проблемой укрепления гарантий прав и свобод личности, которая, как отмечается в литературе, «продолжает оставаться предельно актуальной»³¹, поскольку, «по характеру и уровню гарантированности прав можно судить о реальном состоянии правовой системы как таковой и в ее соотношении с политической, экономической, культурной системами»³². В литературе подчеркивается, что «гарантированный правовой статус выступает необходимым условием активной социальной позиции граждан в решении разнообразных социально-политических вопросов, стимулирует их правомерное поведение»³³.

Аксиологическая значимость института прав и свобод человека и гражданина во многом определяется по уровню их гарантирования, по степени регулирующего воздействия права на их осуществление в сфере правовой политики государства. Необходимо не только законодательное признание ценности прав и свобод человека и гражданина, но и их полноценное осуществление посредством укрепления правовых механизмов государства. Поэтому, как отмечает А.П. Семитко, «стратегической целью развития российской политико-правовой системы и государственности сегодня является построение такого государственно-правового механизма, который был бы реально направлен на действительное обеспечение провозглашенного Конституцией РФ положения о правах человека как высшей ценности»³⁴. Следует согласиться с утверждением о том, что «оценка положения дел с правами человека раскрывает состояние всех сфер общества – политической, экономической, социальной, культурной, социально-психологической»³⁵.

23 Бондарь Н. С., Фадеев В. И., Комарова В.В. и др. Стратегии правового развития России: Коллективная монография / Под ред. О. Ю. Рыбакова. – М., 2015. – С. 30.

24 См.: Соблюдение и защита прав, свобод и законных интересов ребенка: «Россия без сирот» // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2013. – № 3 (487).

25 См.: Рыбаков О. Ю., Ситкова О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – С. 71.

26 Там же. – С. 71.

27 См.: Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 23. – Ст. 2994.

28 В литературе исследованию понятия «гражданское общество» уделяется большое внимание (см., например: Саломатин А. Ю. Гражданское общество в условиях постмодернизационного развития // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 1. – С. 2-6.

29 Матузов Н. И. В плену правового идеализма // История. Право. Политика. – 2011. – № 2. – С. 69.

30 См.: Марченко М. Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал российского права. – 2008. – № 10. – С. 52-64.

31 Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. – М.: Норма, 2007. – С. 58.

32 Луковская Д. И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16. – С. 35.

33 Синюкова Т. В. К вопросу о методе гарантирования реализации прав и обязанностей граждан РФ // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – Вып. 4. – С. 92.

34 Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. – С. 285.

35 Лукашева Е. А. Совершенствование деятельности государства – необходимое условие обеспечения прав человека // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 61.

Несмотря на различные сложности, с которыми в настоящее время сталкивается отечественная правовая система, тем не менее, это не должно ее дезориентировать от необходимости реализации приоритета защиты прав и свобод личности, как одного из важнейших конституционных принципов, с учетом социального и юридического значения Конституции, которая «предопределила возложение на законодателя, исполнительную и судебную власть обязанности предусмотреть и обеспечить надежный инструментариум реализации конституционных норм, их охраны и защиты, базовые начала которого установлены в самом Основном Законе»³⁶.

Нередко возникает вопрос о том, каковы должны быть совместные формы взаимодействия государства и институтов гражданского общества в области укрепления и защиты правового статуса личности. В данном случае важна роль правовой системы, которая вместе с правовой политикой призвана обеспечить социальное партнерство государства и институтов гражданского общества по линии реализации прав и свобод личности. Проблема упрочения прав и свобод личности должна решаться путем придания правовой системе консолидированного характера. Права личности, как важная конституционная ценность, «как фактор устойчивого развития общества»³⁷, выражают собой человеческое измерение правовой системы. Приоритет защиты прав и свобод личности предполагает обеспечение консолидированного состояния отечественной правовой системы, выражающегося, в частности, в сбалансированных формах выражения интересов личности, общества и государства. Консолидация личных, общественных и государственных интересов является одним из основных условий эффективного осуществления данного принципа. На наш взгляд, вопросы консолидации интересов находятся в тесной сопряженности с вопросами обеспечения прав и свобод личности, реализации конституционного принципа о высшей ценности человека, его прав и свобод. Несмотря на то, что Конституция РФ в ст. 2 закрепила положение о высшей ценности человека, его прав и свобод, тем не менее, это не исключает необходимости согласования интересов субъектов, что позволит обеспечить условия для реализации принципа, обозначенного в данной статье Конституции РФ. Переход к устойчивому развитию государства – это длительный процесс, предполагающий учет ряда параметров, одним из которых является консолидация интересов личности, общества и государства. Интересным представляется то обстоятельство, что Конституционный Суд РФ неоднократно в своих определениях³⁸ указывал на то, что индивидуальные и государственные интересы тесно взаимосвязаны друг с другом.

Очевидно, что без обеспечения устойчивого равновесия данных интересов невозможно достичь эффективной реализации конституционных принципов, целей, приоритетов,

обозначенных в различных концепциях, стратегиях развития Российского государства. В этой связи консолидация интересов личности, общества и государства представляет собой возможность сближения данных субъектов в правовой системе. Поведение личности, общества и государства взаимосогласуется при условии общности их интересов. Характер взаимовлияния личности, общества и государства во многом определяется по степени консолидированного соотношения, выраженности личных, общественных и государственных интересов, что предполагает начала их системного, сплоченного единства, обеспечение определенной степени их адекватности друг другу, исходя из общих ценностных установок носителей данных интересов.

Изменение ориентиров государственно-правового развития России закономерно влечет за собой необходимость определения сбалансированных форм гармоничного сосуществования личности, общества и государства на уровне сближения их интересов. Несмотря на то, что личность, общество и государство имеют свои приоритеты, тем не менее их должна характеризовать сбалансированность интересов. Как подчеркивается в литературе, «во взаимоотношениях личности, общества и власти важно всякий раз находить и соблюдать разумный баланс интересов и социальных устремлений»³⁹. Интересы субъектов при всей их специфике должны дополнять друг друга. Особенно это относится к интересам личности и государства. В литературе верно высказывается мысль о необходимости обеспечения координирующих начал во взаимодействии личности и государства. В частности, совершенно справедливым является положение о том, что «государственно-властное влияние на личность непременно должно быть изменено в сторону коммуникативного, координирующего характера такого влияния. С другой стороны, необходима активизация влияния личности на государство»⁴⁰. В основе взаимодействия личности и государства должен находиться принцип сбалансированности их интересов, что способствует формированию гражданского общества, в котором, как верно подчеркивается в литературе, «частные интересы аккумулируются и синтезируются в общие, но адекватные частным»⁴¹. При этом приоритеты личности, выражающиеся в обеспечении прав и свобод, также не могут быть поставлены в зависимости от позиции государства, государственного интереса.

В целом следует подчеркнуть многоаспектность вопроса о взаимодействии личности, общества и государства, одним из которых является обеспечение сплоченного единства их интересов. По нашему мнению, должны быть разработаны системные концептуальная и нормативно-правовая основы взаимодействия личности, общества и государства, обеспечивающие и регламентирующие общие начала их совместного развития. В данном случае представляется важным, на наш взгляд, нормативное обоснование консолидации интересов личности, общества и государства для эффективного осуществления правовой политики Российского государства. В решении данной задачи большую роль должна выполнять правовая система, которая с помощью таких правовых средств, как нормы права, правоотношения, правовые акты способна обеспечить

36 Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 5.

37 Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / Отв. ред. Е. А. Лукашева. – М.: Норма, 2000. – С. 20.

38 См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 20 октября 2005 г. № 513-О «По жалобе гражданина Шалота Владимира Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями пункта 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 2; Определение Конституционного Суда РФ от 24 января 2006 г. № 3-О «По жалобе гражданина Коженова Александра Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части первой статьи 134 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2006. – № 4.

39 Публичная власть как объект научного анализа (вместо введения) // Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / Под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. – Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права» 2011. – С. 34.

40 Рыбаков О. Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства // Правоведение. – 2009. – № 1(282). – С. 210.

41 Там же. – С. 211.

прочную правовую основу упроченного, устойчивого единства интересов личности, общества и государства. Особенно это становится актуальным в условиях перехода Российского государства на инновационное развитие, которое в своей основе предполагает создание действенных правовых механизмов взаимодействия личности, общества и государства в соответствии с общими ценностными ориентирами на основе сближения их интересов.

Выбранный сегодня Российским государством курс на инновационное развитие невозможно осуществить без формирования единых основ взаимодействия личности, общества и государства, необходимых для полноценного осуществления стратегий развития государства, в том числе правовых стратегий. Большую роль в решении данного вопроса должны выполнять правовая система и правовая политика, которые в своем системном единстве способны оказать эффективное воздействие на сближение интересов личности, общества и государства, тем самым обеспечить устойчивое государственно-правовое развитие. Интересы личности, общества и государства являются взаимообусловленными и должны быть консолидированы едиными ценностными (экономическими, социальными, культурными, правовыми и т.д.) установками. Указанные интересы определяют ориентиры государственной деятельности. Межсубъектная консолидация на уровне интересов является необходимым условием для консолидации общества, для обеспечения сбалансированного государственно-правового механизма, для улучшения деятельности государства, его совершенствования, при котором «улучшается положение самой личности, укрепляется ее правовой статус, а для этого, необходим баланс интересов»⁴². Данная цель должна стать одной из основных, задающей векторность развития как правовой системе, так и связанной с ней правовой политике. При этом необходимо, чтобы правовая политика, которая, как отмечает О.Ю. Рыбаков, «не может иметь иной ценности в своем основании, чем ценность личности, ее бытия, самоосуществления»⁴³, выражала собой деятельность государства по сближению интересов, по упрочению положений личности в системе государственно-правовых отношений, носила сбалансированный характер, осуществлялась равномерно на всех уровнях (в особенности в сфере правотворчества и правоприменения). При этом важно учитывать роль права, в котором уровень выражения личных, общественных и государственных интересов во многом характеризует состояние правовой системы и правовой политики, и с помощью которого можно установить устойчивое равновесие правовых установлений на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Очевидно, что правовая система в тесной сопряженности с правом и правовой политикой, будучи ориентированными на сближение интересов личности, общества и государства, позволят преодолеть неравномерные позиции в отношениях этих субъектов, будут способствовать их тесному взаимодействию, что является необходимым фактором для равномерного развития общественной жизни, устойчивого развития государства. На наш взгляд, с учетом требований времени важно консолидироваться вокруг тако-

го приоритета, как взаимодействие личности, общества и государства и связанного с ним важного направления обеспечения сплоченного единства их интересов, поскольку от степени реализации данных взаимосвязанных приоритетов во многом зависит общественное устройство, состояние правовой организации общественной жизни, в целом это направлено на осуществление целей социального и правового государства, «как одной из основных целей развития российской государственности»⁴⁴. В данном случае весьма важным представляется становление соответствующих условий, при которых личность, общество и государство будут сосуществовать в сбалансированном состоянии, что необходимо для устойчивого государственно-правового развития страны. Прежде всего, к таким основным условиям следует отнести повышение социальной ценности права, усиление его регулирующей роли, «обеспечение взаимосогласованного и сбалансированного действия правотворческого и правоприменительного механизмов»⁴⁵ в правовой системе.

Таким образом, можно утверждать, что сегодня для современного Российского государства большое значение приобретает вопрос о консолидации интересов личности, общества и государства, как одного из приоритетных направлений осуществления его общегосударственной политики. Консолидация личных, общественных и государственных интересов предполагает адекватное выражение и соотношение указанных интересов по отношению друг к другу в соответствии с общими ценностными установками, которые ориентируют субъектов на их совместное взаимодействие, что, в свою очередь, является одним из основных параметров эффективного развития правовой системы Российского государства. Нельзя от правовой системы, выражающей дисбаланс интересов, ожидать эффективного устойчивого воздействия на общественные отношения. Любой перевес нарушает системные связи между правовой системой и другими правовыми и социальными явлениями, создает сложности в осуществлении задач поступательного и устойчивого развития государства. Консолидация интересов является определенным механизмом, с помощью которого расширяются адаптационные возможности правовой системы, позволяющие ей адекватно реагировать на общественные изменения, а также обеспечивать упорядоченность общественных отношений. Определяя основные параметры перспективного развития российской правовой системы, важно учитывать значение консолидации интересов для формирования полноценного гражданского общества, которое, как отмечается в литературе, «тогда эффективно, когда основано на открытости, разумном сочетании индивидуальных и общественных интересов»⁴⁶. Только сплоченное единство интересов личности, общества и государства в правовой системе позволит осуществлять приоритетные направления общественного, правового и государственного развития.

42 Рыбаков О. Ю. Личность и государство: основные подходы к концепции социального партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 5. – С. 40.

43 Рыбаков О. Ю. Правовая политика: понятие и приоритеты // Актуальные проблемы правоправедения. – 2004. – № 1. – С. 103.

44 См.: Сырых В. М. Правовое государство как идеал развития русской государственности // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 18.

45 Бондарь Н. С., Фадеев В. И., Комарова В. В. и др. Стратегии правового развития России: Коллективная монография / Под ред. О. Ю. Рыбакова. – М., 2015. – С. 36.

46 Рыбаков О. Ю. Личность и государство: основные подходы к концепции социального партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 5. – С. 42.

Пристатейный библиографический список

1. Алиев Х. О., Юсупкадиева С. Н. Защита прав и свобод человека и гражданина как одно из приоритетных направлений прокурорского надзора // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 6.
2. Бондарь Н. С., Фадеев В. И., Комарова В. В. и др. Стратегии правового развития России: Коллективная монография / Под ред. О. Ю. Рыбакова. – М., 2015.
3. Власенко Н. А. Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. – 2013. – № 8.
4. Власенко Н. А. О кризисных тенденциях в праве // Юридическая техника. – 2014. – № 8.
5. Иеринг Р. Борьба за право. – М.: Феникс, 1991.
6. Козлихин И. Ю. Право и политика: Монография. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1996.
7. Колобашкина С. С. Способы и средства защиты прав граждан // Евразийский юридический журнал. – 2010. – № 9 (28).
8. Комкова Г. Н. Взаимодействие институтов власти и общества в сфере защиты прав человека: Материалы VIII международной научно-практической конференции аспирантов, преподавателей, практических работников. – Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2015.
9. Комкова Г. Н. Становление системы защиты прав человека в Российской Федерации // Правовая культура. – 2008. – № 2.
10. Лукашева Е. А. Совершенствование деятельности государства – необходимое условие обеспечения прав человека // Государство и право. – 2005. – № 5.
11. Луковская Д. И. Гарантии прав личности // История государства и права. – 2007. – № 16.
12. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-правовой аспект. 3-е изд. доп. и перераб. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH@ Co.KG, 2011.
13. Марченко М. Н. Соотношение гражданского общества и государства: вопросы теории // Журнал российского права. – 2008. – № 10.
14. Матузов Н. И. В плену правового идеализма // История. Право. Политика. – 2011. – № 2.
15. Морозова Л. Я. Механизм правового обеспечения сбалансированности интересов личности и государства // История государства и права. – 2011. – № 17.
16. Научная мысль и современный опыт в решении системных проблем развития: Сб. науч. трудов по итогам научно-исследовательской работы ученых Саратовского социально-экономического института (филиала) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова» / Отв. ред. Н. С. Яшин. – Саратов, 2014.
17. Оксамытний В. В. Правовые системы в компаративистском измерении: история и современность // Вестник Брянского государственного университета. – 2012. – № 2.
18. Права человека как фактор стратегии устойчивого развития / Отв. ред. Е. А. Лукашева. – М: Норма, 2000.
19. Публичная власть: проблемы реализации и ответственности / Под ред. Н. И. Матузова, О. И. Цыбулевской. – Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2011.
20. Ростова О. С. Правовая охрана материнства и детства в России (советский период) / Под ред. О. Ю. Рыбакова. – М.: Издательство «Компания Спутник +», 2009.
21. Ростова О. С. Создание основ правовой охраны материнства и детства в первое десятилетие советской власти // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2007. – № 2(271).
22. Рыбаков О. Ю. Личность и государство: Основные подходы к концепции социального партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 5.
23. Рыбаков О. Ю. Правовая политика как научная теория в юридических исследованиях // Право. Законодательство. Личность. – 2010. – № 2.
24. Рыбаков О. Ю. Правовая политика: понятие и приоритеты // Актуальные проблемы правоповедения. – 2004. – № 1.
25. Рыбаков О. Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства // Правоведение. – 2009. – № 1 (282).
26. Рыбаков О. Ю., Ситкова О. Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав детей-сирот и детей, лишенных родительского попечения. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009.
27. Саломатин А. Ю. Гражданское общество в условиях постмодернизационного развития // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 1.
28. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс: Монография. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996.
29. Синюкова Т. В. К вопросу о методе гарантирования реализации прав и обязанностей граждан РФ // Актуальные проблемы современной юридической науки и практики: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – Вып. 4.
30. Соблюдение и защита прав, свобод и законных интересов ребенка: «Россия без сирот» // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. – 2013. – № 3 (487).
31. Сырых В. М. Правовое государство как идеал развития русской государственности // Российский юридический журнал. – 2013. – № 2.
32. Хабриева Т. Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. – 2005. – № 12.
33. Хабриева Т. Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. – 2014. – № 8.
34. Хабриева Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция // Журнал российского права. – 2008. – № 12.
35. Хабриева Т. Я., Тихомиров Ю. А. Право и интересы // Журнал российского права. – 2005. – № 12.
36. Чиркин В. Е. Конституция и социальное государство: юридические и фактические индикаторы // Журнал российского права. – 2008. – № 12.
37. Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. Ч. 1. – М.: Типография Т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1894.
38. Шершеневич Г. Ф. Философия права. Т. 1. Часть теоретическая: Общая теория права. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910-1912. – Вып. 1. – 1910.
39. Эбзеев Б. С. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Государство и право. – 2008. – № 7.
40. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности: монография. – М.: Норма, 2007.

ДИДМАНИДЗЕ Улан Темурович

аспирант кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПОСЫЛОК ТЕОРИИ «СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЫ» И ЕЁ РАЗВИТИЕ ДО ГУГО ГРОЦИЯ

В настоящей статье исследуются философские и теологические предпосылки формирования теории «справедливой войны», истоки которой прослеживаются в идеях мыслителей Античности и развиваются в трудах теологов, философов, правоведов и политических мыслителей Средневековья и эпохи Возрождения.

Ключевые слова: война, теория «справедливой войны», Августин Блаженный, Фома Аквинский, Бартоло да Сассоферрато, Франциско де Витория, Франциско Суарес, Бальтазар Айала, Альберико Джентиле.

DIDMANIDZE Ulan Temurovich

postgraduate student of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

THE FORMATION OF THE PREREQUISITES OF THE «JUST WAR THEORY» AND ITS DEVELOPMENT UP TO HUGO GROTIUS

The article is devoted to the research of the philosophical and theological prerequisites of the formation of the theory of «Just war theory». The origins of this theory can be found in the works of ancient notionists and were developed by Medieval and Renaissance theologians, philosophers, jurists and political theorists.

Keywords: war; just war theory; Aurelius Augustinus Hipponensis; Thomas Aquinas; Bartolus de Saxoferrato; Francisco de Vitoria; Francisco Suarez; Balthazar Ayala; Alberico Gentili.

Дидманидзе У. Т.

Традиционно в классической науке международных отношений мир изображался в постоянном «состоянии войны». В теории международных отношений утвердилась концепция, в соответствии с которой вся история человечества представляет собой историю бесконечных войн. Подсчитано, что более чем за 50 веков своего существования человечество находилось в мирном состоянии всего три века¹. Как объясняется такое состояние учёными? Приведём одно из множества объяснений: «В условиях неуправляемой внешней среды основным способом воздействия государств на внешний мир на протяжении тысячелетий была сила. Подобный выбор был обусловлен не только тем, что она представлялась наиболее эффективным (радикальным, оперативным) инструментом достижения внешних целей, но и состоянием самого мира, самих международных отношений, объективно продвигающих силу в качестве основного инструмента мирорегулирования»².

История подтверждает, что в Древние времена применение силы в межобщинных отношениях не ограничивалось ничем. Военные дружины общин создавались как в оборонительных целях, так и для набегов на соседние территории расселения других общин. Исследуя практику древних цивилизаций, таких как Древний Египет, Месопотамия, Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция, Древний Рим, а также государств Средневековья, профессор Ф.Ф. Мартенс писал: «Как в древности, так и в Средние века ... право физической силы действительно является руководящим принципом всех международных отношений»³.

Однако на определённом этапе развития в обществах созревает убежденность о необходимости, с одной стороны, ограничить применение силы, а с другой – наоборот, применять силу в качестве оправданного средства для решения международных проблем. Различные идеи, связанные с войной и её ролью в межгосударственных отношениях, нашли отражение в трудах теологического и философского характера и в проектах по мироустройству регионального масштаба.

Таким образом постепенно стали складываться концептуальные предпосылки для возникновения различных теорий политико-правового характера, среди которых основной была теория так называемой «справедливой войны», сохранявшая в различных модификациях своё значение в международной политике на протяжении многих веков. Данная теория оправдывала войну по справедливым основаниям, войну за справедливое дело, войну, которая ведётся с помощью оправданных средств⁴.

Идея справедливой войны содержалась ещё в трудах Цицерона и отражала представления древних римлян о ведении справедливой войны ради достижения мира⁵. Аристотель также считал, что достижение мира является единственной справедливой причиной для ведения войны⁶.

Епископ Гиппонский Августин Блаженный (лат. – Aurelius Augustinus Hipponensis, 354–430), ставший очевидцем насилия в отношении общин в Северной Африке, где он проповедовал, обосновал теорию о том, что достижение мира оправдывает ведение войны христианами. Он считал, что использование

1 См.: Микрюков В. Ю. И не будет сражениям конца // Независимая газета. Выпуск от 26 сентября 2014 г.

2 Давыдов Ю. П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования (отв. ред. В. А. Кременин). – М.: Наука, 2002. – С. 47.

3 Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – Т. 1. – Изд. пятое, дополненное и исправленное. – СПб., 1904. – С. 88.

4 См.: von Elbe J. The Evolution of the Concept of the Just War in International Law // 33 American Journal of International Law. – 1939. – P. 666.

5 См.: Cicero M. T. On Duties (De officiis) / (bk. 1) M.T. Griffin and E.M. Atkins eds., 1991. – P. 14-18.

6 См.: von Elbe J. The Evolution of the Concept of the Just War in International Law // 33 American Journal of International Law. – 1939. – P. 666.

силы в случае необходимости в ограниченном виде «в качестве средства для сохранения или восстановления мира» морально оправдано, является применяемым деянием для правоверных христиан и не противоречит Святому Писанию⁷. В своём письме Папе римскому Августин писал: «Войну следует вести лишь в случае необходимости; и вести её следует лишь в том случае, когда Господь посредством её может избавить народ от нужды и обеспечить ему мир...»⁸

В широком контексте под восстановлением мира Августин подразумевал восстановление потерянного – будь то территория, население или собственность. Он считал, что противодействие неправедным действиям в целях предотвращения их повторения в будущем является оправданным и справедливым. Война, которая ведётся лишь для установления господства или в качестве реванша за предыдущие поражения, является несправедливой. Августин обозначил границы применения силы – когда и как она может применяться. По мнению исследователей, Августин представил свою теорию в качестве свода правил, заимствованных и базирующихся на принципах римского права, добавив в них основы христианской догматики в области морали⁹.

Несмотря на то, что Августин Блаженный обосновал конкретные ограничения в отношении возможных оснований правомерного ведения войны, на практике имело место множество злоупотреблений: ведение вооружённой борьбы ради усиления церковной власти стало восприниматься как благородное дело¹⁰. В итоге теория о «справедливой войне» подготовила философское обоснование для установления христианской империи. Полагалось, что когда-то весь мир будет обращён в христианство, в мире воцарится всеобщий мир и все войны закончатся. Подобные идеи и прагматические политические амбиции тогдашних европейских монархов послужили идеологическим обоснованием для создания Священной Римской империи, которая берёт своё начало с момента коронации императора Карла Великого в 800 г. и заканчивается подписанием Вестфальского мира в 1648 г.¹¹

Фома Аквинский (лат. – Thomas Aquinas, 1225–1274) систематизировал теорию Августина Блаженного о справедливой войне. Он попытался ответить на вопрос: вправе ли общество прибегнуть к применению силы, и если да, то в каких случаях и в каком объёме? Фома Аквинский считал, что право верховного правителя вести войну должно основываться на высших принципах: по его мнению, ни один монарх не мог развязать войну для достижения политических целей. Для этого монарху требовалось иметь обоснование причины и намерения, а также необходимые полномочия¹². В результате, Фома Аквинский предложил систему правил ведения справедливой войны.

Разработанный Фомой Аквинским свод правил ведения справедливой войны был частью его более широкой теории о праве. Фома Аквинский разделил право на четыре категории: вечное право (известное только Господу и узкому кругу богоизбранных); божественное право (изложенное в Святом Писании); естественное право (законы, действующие в физическом мире); законы, в основу которых положено здравомыслие,

присущее человеку как существу думающему. Он полагал, что естественное право проистекает из природного начала, и в то же время оно может определяться в категориях человеческого разума. Потребность в позитивном праве возникает из-за того, что естественное право само по себе не даёт все ответы на проблемы человеческой жизни, и поэтому возникает «потребность в принуждении, с тем чтобы заставить эгоистичных людей действовать разумным образом»¹³. Для того, чтобы в человеческом обществе царил мир, необходимо обуздать некоторых «либо силой, либо страхом». Сам Фома Аквинский этот тезис сформулировал следующим образом: «воздействие путём страха или наказания и есть именно то воздействие, что предписывается законом. Поэтому, чтобы в мире между людьми царил мир и торжествовали добродетели, необходимы человеческие законы...»¹⁴.

Теория Фомы Аквинского о праве в целом и о применении права¹⁵ в частности была поставлена под вопрос в результате процесса обретения обществом светского характера и «потери веры в авторитет церкви как общественного института, в основе которого лежали божественные законы, а также взглядов реформаторов, считавших, что церковь является общественным институтом, на службе которого состоят небезупречные исполнители»¹⁶. По мере углубления процесса потери авторитета католической церкви и императорской власти феодалы все больше увязали в междоусобицах, не считая при этом, что их праву на подобные действия должны быть положены какие-либо ограничения. Ответные меры и силовые действия, «которые изначально служили в качестве средства для регулирования частных притязаний, стали все чаще использоваться феодалами и целыми народами в качестве актов возмездия в ответ на поправленные права. Это происходило на фоне того, что всевластие императора постепенно ослабевало»¹⁷.

Ситуация в Римской империи переросла фактически в полнейший хаос, вследствие чего видный итальянский юрист Бартоло да Сассоферрато (лат. – Bartolus de Saxoferrato, 1314–1357) пытался внедрить в практику правовые ограничения в отношении ведения междоусобных войн, поскольку ни военные, ни моральные сдерживающие факторы со стороны церкви и императорской власти уже не действовали. Проанализировав Римский свод законов, Бартоло предложил распространить ограничения, действующие в рамках теории справедливой войны, на использование силы в междоусобной борьбе феодалов. Бартоло исходил из того, что любая человеческая деятельность должна быть поставлена в зависимость от некоего высшего закона. Такой подход исключал возможность проведения не регулируемых никакими законами масштабных междоусобных военных действий.

Следует отметить, что наряду с развитием теории «справедливой войны» стала формироваться концепция о верховенстве права. Свой вклад в разработку концепции верховенства права внёс видный итальянский юрист-международник Пиерино Белли (Pierino Belli, 1502–1575). В своём труде «Трактат по военным вопросам и ведению войн», опубликованном в 1536 г., П. Белли отмечал, что правовые нормы могут налагать ограничения и служить сдерживающим фактором даже при отсутствии конкретного распоряжения их соблюдения. При

7 См.: Grewe W. G. The Epochs of International Law. Michael Byers trans., rev. 2000. – P. 108.

8 The Law of War: A Documentary History 7 / Leon Friedman ed. 1972.

9 См.: Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations 35. Rev. ed. 1954.

10 См.: Parker G. Early Modern Europe // The Laws of War, Constraints on Warfare in the Western World / Michael Howard et al. eds. 1994.

11 См.: Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations 35. Rev. ed. 1954. – P. 21.

12 См.: Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. 3rd ed., 2000.

13 Finnis J. Natural Law and Natural Rights. Oxford: Oxford University Press, 1980. – P. 28-29.

14 Aquinas T. I Summa Theologica / Timothy McDermott ed., 1991. – P. 289.

15 См.: Rubin A. Ethics and Authority in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 17.

16 Ibid. – P. 18.

17 Von Elbe J. The Evolution of the Concept of the Just War in International Law // 33 American Journal of International Law. – 1939. – P. 672.

этом оборонительная война может носить законный характер даже в том случае, если власть предержащие не дали своего согласия на ведение такой войны. Он поддерживал требование о необходимости наличия праведного намерения. Из этого следовало, что война за справедливое дело могла превратиться в несправедливую войну в том случае, если она ведётся из соображений мести или для того, чтобы достичь целей, выходящих за пределы праведности, направленной на борьбу с несправедностью¹⁸. Идеи П. Белли имели большое значение, поскольку они предполагали распространение ограничений на ведение войн и означали, что даже те, кто не признавал более авторитет Папы римского и власть императора, должны соблюдать ограничения. Наряду с этим, с падением авторитета центральной римской власти и Ватикана возникали новые проблемы, в том числе в связи с тем, что структуры папского престола и римской власти, вводившие ограничения на ведение войн, ничем не были заменены по мере постепенной утраты последними своей власти и влияния.

Восприятие теологических и философских взглядов на уровне науки международного права начинается в трудах учёных, которые заложили основу науки международного права. В этом отношении следует прежде всего отметить вклад в правовую науку, внесённый крупными испанскими католическими теологами Франциско де Витория (Francisco de Vitoria, 1483–1546) и Франциско Суаресом (Francisco Suarez, 1548–1617) в виде разработки ими теории права, которая противопоставлялась решениям, принимаемым верховными властями¹⁹. Эти мыслители рассматривали право главным образом в качестве критерия для действий людей. Они также выступали в поддержку теории «справедливой войны», с тем чтобы не допускать использования войны как средства решения спорных вопросов между народами. Франциско де Витория отстаивал позицию, согласно которой теория справедливой войны должна распространяться и на нехристианские народы²⁰. Франциско Суарес полагал, что следует ввести светское право, основанное на идеях разума, которое могло бы выступить в качестве посредника между божественными законами и общечеловеческими. В своём сочинении “De legibus ac Deo Legislatore” Франциско Суарес различал *jus gentium* (право народов) от *jus naturae* (естественное право), считая, что христианские государства должны строить свои отношения на основе международных трактатов и обычаев, образующих право (т.е. *jus gentium*), которое отличается от *jus naturae*. В то же время Франциско де Витория выдвинул тезис, который по сути дезавуировал теорию справедливой войны. По его мнению, в международном конфликте каждая из противоборствующих сторон может вести справедливую войну в том случае, если её намерения праведны и справедливы. При этом Франциско де Витория понимал, что несмотря на то, что только одна из сторон международного конфликта объективно может иметь справедливые цели и основания, другая сторона, по его убеждению, может невольно заблуждаться, считая, что она также борется за праведное, справедливое дело. Таким образом получается, что невольное заблуждение освобождает сторону конфликта от любых противоправных действий при ведении объективно несправедливой войны.

Ещё один представитель Испании – Бальтазар Айала (Balthazar Ayala, 1548–1584), юрист и государственный деятель – пошёл дальше. Он утверждал, что при соблюдении всех необходимых формальностей, как следует из теории римского права, причины для развязывания и ведения войны не имеют

отношения к законному характеру самой войны²¹. Франциско Суарес считал утверждение Бальтазара Айалы абсурдным и настаивал на том, что последнее слово в вопросе о том, носят ли те или иные вооружённые действия законный и справедливый характер, должно оставаться за главой католической церкви. Что касается тех, кто отвергал право и полномочия Ватикана решать подобные вопросы, то тут у Франциско Суареса не было вариантов ответа. Однако при этом Ф. Суарес не поддерживал идею других специалистов о светском третейском разбирательстве в вопросах, касающихся международных конфликтов²².

По мнению итальянского юриста и дипломата Альберико Джентиле (Alberico Gentili, 1552–1608), каждая из противоборствующих сторон международного конфликта может сражаться за справедливое дело в рамках одного и того же конфликта. За 15 лет до своей кончины он писал следующее: «Верно, что феодал обязан перед началом военных действий убедиться в том, что он будет бороться за справедливое дело; (при этом) ... результат его решения никак не может повлиять на вопрос о законности его действий, поскольку война является не чем иным, как процедурным решением, к которому можно прибегать даже для того, чтобы исправить ситуацию с возможными противоправными действиями, что ни в коей мере не означает, что какая-либо из сторон действует при этом несправедливо»²³.

По мнению Альберико Джентиле, нашедшего убежище в Англии и преподававшего юриспруденцию в Оксфордском университете, решение о применении или неприменении силы являлось исключительно вопросом личного выбора государя²⁴. Это утверждение А. Джентиле так оправдывал Альфред Рубин: «Джентиле, несомненно, был согласен с тем, что право в Англии было именно таким, каким того желал король. Это означает, что Джентиле хорошо понимал, что король будет действовать в первую очередь в интересах Англии, а не руководствуясь некими абстрактными принципами...»²⁵ Альберико Джентиле в своём сочинении “De jure belli” обосновывал требование, чтобы государства строили свои взаимоотношения не на основе политических соображений, а на основе юридических норм, признанных европейскими народами.

Пристатейный библиографический список

1. Давыдов Ю. П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования (отв. ред. В. А. Кременюк). – М.: Наука, 2002.
2. Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. – Т. 1. – Изд. пятое, дополненное и исправленное. – СПб., 1904.
3. Grewe W. G. The Epochs of International Law. Michael Byers trans., rev. 2000.
4. Parker G. Early Modern Europe // The Laws of War, Constraints on Warfare in the Western World / Michael Howard et al. eds. 1994.
5. Rubin A. Ethics and Authority in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
6. Walzer M. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations. 3rd ed., 2000.

21 См.: Ibid. – P. 84–91.

22 См.: von Elbe J. The Evolution of the Concept of the Just War in International Law // 33 American Journal of International Law. – 1939. – P. 675.

23 Ibid. – P. 678.

24 См.: Rubin A. Ethics and Authority in International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 51.

25 Ibid. – P. 51.

18 Ibid. – P. 673–674.

19 Ibid. – P. 674–675.

20 См.: Nussbaum A. A Concise History of the Law of Nations 35. Rev. ed. 1954. – P. 81.

ЗАХАРЧЕНКО Георгий Всеволодович

кандидат философских наук, доцент, профессор Самарского юридического института ФСИН России

КУАНЫШЕВА Валентина Васильевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель Самарского юридического института ФСИН России

ВОЙНА, СССР, МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Приближается 2017 год, начиная с которого практически до конца столетия пойдет череда юбилеев, которая отразит в себе историческую судьбу Великого советского революционного эксперимента без преувеличения, ставшего важнейшим политическим и социальным событием XX века. Эксперимента не только не изученного во всем многообразии своих событий и проявлений, но даже еще не до конца понятого теми, кто пытается его исследовать и анализировать.

Можно достаточно точно выделить целый комплекс характеристик и свойств, которые общество приобретает при вступлении в революционный этап своего существования. И следует отметить особо, что любое революционное общество всегда приобретает характерные для этого периода военизированные черты.

В статье раскрываются особенности развития Великой Русской революции 1917 года, через войну, которая изначально заняла в ее возникновении и развитии совершенно особое место.

Ключевые слова: первая мировая война, революционное общество, гражданская война, революции 1917 года, трудящиеся массы, ГУЛАГ, СССР, современная цивилизация.

ZAKHARCHENKO Georgiy Vsevlodovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor, professor of the Samara Law Institute of the FSEP of Russia

KUANYSHEVA Valentina Vasiljevna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of the Samara Law Institute of the FSEP of Russia

WAR, USSR, WORLD REVOLUTION

2017 since which practically until the end of century the series of anniversaries which will reflect in itself historical destiny of the Great Soviet revolutionary experiment without exaggeration which became the most important political and social event of the XX century will go comes. An experiment not only not studied in all variety of the events and manifestations, but even yet not until the end of the witness by those who try to investigate it and to analyze.

It is possible to allocate rather precisely the whole complex of characteristics and properties which society gains at the introduction in a revolutionary stage of the existence. Also it should be noted especially that any revolutionary society always gains the characteristic of this period militarized lines.

In article reveals features of development of the Great Russian revolution of 1917, through war which initially occupied absolutely special place in its emergence and development.

Keywords: World War I, revolutionary society, civil war, revolutions of 1917, workers of weight, GULAG, USSR, modern civilization.

Идея о замене государства в ходе революции «контролем и руководством вооруженного пролетариата»¹ - появилась не случайно и никогда не являлась отвлеченным теоретическим положением. Вооруженный народ отстаивал независимость Нидерландов от испанской короны, который сверг королевскую власть в Англии в ходе Великого Мятежа XVII века, добился независимости США и защищал республику в годы Великой французской революции.

Более того, характерной особенностью любой революции было соседство войны и военного насилия в качестве неотъемлемых атрибутов протекания любого революционного процесса как в ходе решения внутренних, так и внешних проблем. Безусловно, далеко не всякая революция непосредственно порождается войной (и тому существует масса исторических примеров). Тем не менее, ни одна революция в какой бы стране и в какой бы период исторического времени не происходи-

ла, не обходится без вооруженных столкновений и, самое главное, без общей военизации самого процесса революционного переустройства общества.

Что касается Великой Русской революции 1917 года, то война изначально заняла в ее возникновении и развитии совершенно особое место. Именно она стала важнейшим источником всего облика не только непосредственно революционного завоевания власти, но и во многом оформила на долгие годы систему методов, приемов, норм и ценностей, определявших сущность порожденного этой революцией советского общества.

Чаще всего это связывают с социально-экономическим и политическим влиянием первой мировой войны на российское общество, с теми тяготами, лишениями и потерями которые породили и оформили конфликт, завершившийся острейшим революционным кризисом.

Однако существует и иной, теоретико-политический аспект, во многом изначально, еще до ее непосредственного

Захарченко Г. В.

Куанышева В. В.

1 Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. В 55 т. - 5-е изд. - М.: Изд-во Политическая литература, 1969. - Т. 33. - С.50.

начала сориентировавший будущую революцию и ее потенциальных лидеров на военные приемы борьбы.

Речь идет об известной ленинской установке на превращение войны империалистической в войну гражданскую. В основе ее лежали представления русских большевиков предельно четко выраженные в ленинских установках относительно отношения к войне российской социал-демократии:

«Европейская и всемирная война имеет ярко определенный характер буржуазной, империалистической, династической войны. Борьба за рынки и грабеж чужих стран, стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран, стремление одурачить, разъединить и перебить пролетариев всех стран, натравив наемных рабов одной нации против наемных рабов другой на пользу буржуазии - таково единственное реальное содержание и значение войны».²

Важнейшим в приведенной политической оценке начавшегося мирового конфликта являлось принципиальное и абсолютное изъятие интересов пролетариата из декларированных европейскими государствами целей и задач войны.

Противоположную позицию заняли представители большинства европейских социал-демократических партий. Если попытаться уйти от излишне острых оценок и выяснить реальные причины расхождений в понимании начавшейся мировой войны, то суть их состояла, прежде всего в том, что практика социальной жизни в большинстве государств Европы сумела в значительной степени привязать определенные интересы трудящихся масс этих стран к интересам государства.

В наибольшей степени подобное положение было характерно для Германии где, сформировались и получили распространение идеи относительно особой миссии германского государства и германской нации в борьбе за социальный прогресс против плутократов Англии и Франции и реакционеров России.

По этому поводу достаточно определенно высказывался Фердинанд фон Хаек, который в качестве особого, германского взгляда на взаимоотношение социализма и мировой войны отмечал достаточно распространенную в среде немецких социалистов позицию, согласно которой война Англии и Германии является, следовательно, войной между двумя противоположными принципами. Это «экономическая мировая война» — третья фаза великой духовной битвы современной истории, стоящая на одном уровне с Реформацией и буржуазной революцией, принесшей идеалы свободы. Исход этой борьбы предрешен: в ней победят новые, восходящие силы, рожденные в горниле экономического прогресса XIX столетия. Это социализм и организация.³

Фердинанд фон Хаек выделял также идеи Иогана Пленге в соответствии, с которыми мировая война являлась третьей фазой великой духовной битвы, стоящая на одном уровне с Реформацией и буржуазной революцией, принесшей идеалы свободы. Исход этой борьбы предрешен: в ней победят новые, восходящие силы, рожденные в горниле экономического прогресса XIX столетия. Это социализм и организация.⁴

Еще более определенно связывал мировую войну с революционным, социалистическим преобразованием мира Пауль Ленш, который вообще отождествлял мировую войну с мировой революцией и считал, что «Германия ступила на

путь революционного развития, то есть стала единственным в мире государством, обладающим столь высокой и прогрессивной экономической системой. Поэтому в происходящей ныне Мировой Революции Германия является представителем революционных сил, а ее главный противник, Англия, — сил контрреволюционных»⁵.

Возникновение подобных идей в качестве принципиальной позиции социал-демократии означало наличие кризиса марксистской теории в вопросе об отношении социальной революции к государству.

Этот вопрос, ни разу практически не подымавшийся со времени поражения Парижской Коммуны в 1871 году, был снова конкретно поставлен в порядок дня мировой войной. Оказалось, что в марксизме не существует единодушного мнения по таким важным проблемам переходного периода и осуществления социализма, как «захват государственной власти пролетариатом», «диктатура пролетариата» и окончательное «отмирание государства» в коммунистическом обществе.⁶

Важно отметить, что резко отрицательно воспринявшая подобные идеи и охарактеризовавшая их как предательские большевистская позиция была ориентирована не на прекращение войны, не на антивоенные действия социалистов, которые В. И. Ленин называл сентиментально-мещанской точкой зрения, которая ограничивалась борьбой с милитаризмом вместо признания необходимости революционной войны пролетариев всех стран против буржуазии всех стран.⁷

Он подчеркивал, что отказ от военной службы, стачка против войны и т. п. есть простая глупость, убогая и трусливая мечта о безоружной борьбе с вооруженной буржуазией, воздыхание об уничтожении капитализма без отчаянной гражданской войны или ряда войн.⁸

Ленин фактически ставил задачу прямого использования сложившейся ситуации европейского межгосударственного вооруженного противоборства в интересах революции. Политический смысл идеи превращения войны империалистической в войну гражданскую состоял в том, чтобы использовать в революционных целях массовый характер войны, вооружение правительствами воюющих стран миллионов рабочих и крестьян которые могли составить потенциальную революционную армию.

Еще в 1914 году им были поставлены конкретные задачи и действия призванные реально практически, осуществить революцию непосредственно из мировой войны.

«Во-первых, — указывал В. И. Ленин, — необходима всесторонняя, распространяющаяся и на войско и на театр военных действий, пропаганда социалистической революции и необходимости направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных и буржуазных правительств и партий всех стран... Беспощадная борьба с шовинизмом и «патриотизмом» мещан и буржуа всех без исключения стран...;

во-вторых, пропаганда, как одного из ближайших лозунгов, республики немецкой, польской, русской и т. д., наряду с превращением всех отдельных государств Европы в республиканские Соединенные Штаты Европы;

5 Там же. С. 38.

6 Карл Корш. Марксизм и философия. 1922. [Оригинал статьи]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.comunist.ru. (дата обращения 15.10.2016).

7 Ленин В.И. Задачи социал-демократии в революционной войне // Поли. собр. соч. В 55 т. -5-е изд. М.: Изд-во Политическая литература, 1969. Т. 26. С.5-6.

8 Там же. С. 41.

2 Ленин В. И. Задачи социал-демократии в революционной войне // Полн. собр. соч. В 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во Политическая литература, 1969. Т. 26. С. 2.

3 Ф. фон Хаек. Дорога к рабству. М., 1990. С. 37.

4 Там же.

в-третьих, в особенности борьба с царской монархией и великорусским, панславистским, шовинизмом и проповедь революции в России, а равно освобождения и самоопределения угнетенных Россией народов, с ближайшими лозунгами демократической республики, конфискации помещичьих земель и 8-часового рабочего дня»⁹.

Важно отметить, что приведенная точка зрения с одной стороны призвана была решить проблему вооружения революционных повстанцев, которая весьма остро стояла в годы революции 1905-1907 годов. Именно острый недостаток оружия был тогда основным препятствием развертывания настоящего массовой революционной войны против самодержавия.

С другой стороны, как показали последующие события, превращение солдата, фронтовика, «человека с ружьем» в ведущего субъекта революции и революционной власти имело своим последствием на долгие годы утвердившийся «военизированный» облик советской власти и советского государства, ориентированность его в течение десятилетий на преимущественно силовые методы решения политических, социальных и экономических проблем как внутри государства, так и в сношениях его с внешним миром.

Ярким примером того, как выстраивалась в ходе начавшейся в 1917 году Великой российской революции система политической организации и управления под непосредственным влиянием ее военизированного характера становится вождистское, командное единоначалие, постепенно и неотвратимо утвердившееся в процессе реализации революционной власти.

Более того, в революционных конфликтах и войнах XX века по образу и подобию российской революции военный вождь, полководец революционных сил занимает ведущее место. Именно он замыкает на себя лично, на свой характер, темперамент, интеллект непосредственный ход политической борьбы и вооруженных противостояний, определяет пространственные, временные, умственные и нравственные их параметры.

В российской революции 1917 года Ленин, Троцкий и другие их единомышленники увидели начало мировой революции и глобальной гражданской войны против капитализма. Громадные пространства страны, разнообразие социальных, политических и экономических условий, сочетание общеперских, военно-революционных процессов с локальными сделали Россию как бы моделью общемирового процесса.

Революционный переворот 1917 года совершенной вооруженной массой российских революционеров, практически в полном соответствии с ленинскими прогнозами, стал действительным началом мировой революции и гражданской войны, которая до настоящего времени, то разгораясь, то затухая, продолжает определять параметры общечивилизационного развития.

Большевизм сумел реально и практически удержать власть только за счет того, что перестроил глобальную логику социального бытия и миропонимания в соответствии с нормами революции – гражданской войны.

Став доминирующей силой революционного переустройства в стране большевики естественно развернули его в соответствии со своими политическими и идеологическими представлениями. Соответственно был организован и военно-репрессивный удар против сил в том или ином качестве противостоящих революционным преобразованиям.

Формулируя основные цели в этой области, В. И. Ленин ставил следующие задачи: «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, туеядцам и хулиганам. Те и другие, первые и последние – родные братья, дети капитализма, сынки барского и буржуазного общества. Общества, в котором кучка грабила народ и издевалась над народом, общества, в котором нужда и нищета выбрасывали тысячи на путь хулиганства, продажности, жульничества, забвения человеческого образа, общества, в котором неизбежно воспитывалось стремление у трудящихся – уйти хоть обманом от эксплуатации, извернуться, избавиться хоть на минуту от постылой работы, урвать хоть кусок хлеба каким угодно путем, какой угодно ценой, чтобы не голодать, чтобы не чувствовать себя и своих близких недоедающими. Богатые и жулики – это две стороны одной медали, это два главных разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сентиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом»¹⁰.

В конечном итоге наиболее законченной и совершенной государственно организованной силой осуществления подобных социальных репрессий стала система все более совершенствовавших свою деятельность карательных органов советской власти, воплотившаяся в системе ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ.

Важнейшим же исполнительным инструментом по организации социальной защиты нового общественного строя от многочисленных вариантов подрывной деятельности стал в конечном итоге ГУЛАГ.

По изначальному замыслу ему предстояло сочетать в себе дело перевоспитания врагов и классово чуждых элементов в духе социализма и трудовое участие всех нарушивших закон в деле социалистического строительства. Так в исправительно-трудовом кодексе РСФСР 1934 года указывалось:

«1. Задачей уголовной политики пролетариата на переходный от капитализма к коммунизму период является защита диктатуры пролетариата и осуществляемого им социалистического строительства от посятельств со стороны классово враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированных элементов, так и неустойчивых элементов из среды трудящихся.

2. Соответственно этому исправительно-трудовая политика преследует цели:

а) ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству, и

б) перевоспитывать и приспособлять их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общепольные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе соцсоревнования и ударничества.

3. Основным типом мест лишения свободы являются трудовые колонии различных видов, куда помещаются осужденные применительно к их трудовым навыкам, в зависимости от их классовой опасности, социального положения, возраста и успешности исправления.

10 Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Поли. собр. соч. В 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во Политическая литература, 1969. Т. 35. С. 203.

9 Там же. С. 4-5.

4. Провозглашенная Конституцией РСФСР обязанность общественно-полезного труда для всех граждан распространяется также и на лишенных свободы, способных к труду.

Среди лишенных свободы обязательно проводится политико-воспитательная работа.

Труд лишенных свободы и проводимая среди них политико-воспитательная работа должны служить перевоспитанию и приучению их к работе и жизни в условиях трудового коллектива и приобщению их к участию в социалистическом строительстве.

5. В отношении всех осужденных, к которым нет необходимости применять изоляцию, основной мерой исправительно-трудового воздействия являются исправительно-трудовые работы без лишения свободы. Задачей этих работ является принудительное трудовое воспитание к дисциплине без ограничений, применяемых к лишенным свободы, соединяемое с политико-воспитательным воздействием.

6. Специальной задачей ссылки с исправительно-трудовыми работами является изоляция осужденных от прежней среды путем удаления их в определенные местности с одновременным воспитанием их к дисциплине путем исправительно-трудовых работ.

7. Труд, политико-воспитательная работа, режим и система льгот во всех исправительно-трудовых учреждениях строятся, исходя из основных задач исправительно-трудовой политики пролетарского государства, и не могут сопровождаться ни причинением физических страданий, ни унижением человеческого достоинства¹¹.

В дополнение к сказанному хотим привести выдержку из лекции начальника ГУЛАГа В. Г. Наседкина, предназначенной для слушателей Высшей школы НКВД СССР. Она была прочитана 5 октября 1945 г.

«ГУЛАГ не хозяйственный трест, а орган НКВД призванный на переходный от капитализма к коммунизму период защищать диктатуру пролетариата и осуществляемое им социалистическое строительство от посягательств со стороны классово-враждебных элементов и нарушений со стороны как деклассированного элемента, так и неустойчивых элементов среди трудящихся (из ИТК РСФСР).

Соответственно этому 2 ст. Исправительно-трудового Кодекса говорит: исправительно-трудовая политика пролетариата проводится две цели:

1. Ставить осужденных в условия, преграждающие им возможность совершения действий, наносящих ущерб социалистическому строительству, и

2. Перевоспитывать и приспосабливать их к условиям трудового общежития путем направления их труда на общепольные цели и организации этого труда на началах постепенного приближения труда принудительного к труду добровольному на основе социалистического соревнования и ударничества.

Провозглашенная в 1936 г. сталинской Конституцией обязанность общественно-полезного труда для всех граждан распространяется также и на лиц, лишенных свободы, способных к труду.

Этим, по существу, и определяются основные задачи ГУЛАГа, сводящиеся к изоляции государственных преступников, осужденных органами Советской власти за различные преступления, исправлению их в процессе труда из социально опасного и уголовно-бандитствующего элемента в честных советских тружеников»¹².

Своеобразие советской системы состояло в том, что именно ему пришлось стать тем фактическим мобилизующим центром, который позволял, реализуя общегосударственную стратегию социального и экономического развития, перебрасывать в течение ограниченного времени значительные ресурсы рабочей силы и концентрировать их деятельность исходя из государственной необходимости. Мобилизационное значение ГУЛАГа стабильно возрастало по мере введения в хозяйственный оборот СССР отдаленных и труднодоступных районов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Примером подобных практических обстоятельств может служить: «Постановление ЦК ВКП(б) о Колыме от 11 ноября 1931 г. Сов. Секретно. Для форсирования разработки золотодобычи в верховьях Колымы образовать специальный трест с непосредственным подчинением ЦК ВКП(б). Наблюдение и контроль за деятельностью треста возложить на тов. Ягоду. Для непосредственного руководства всей работой треста назначить директором треста тов. Берзина с пребыванием его на месте. Предложить тов. Берзину в 3-дневный срок представить на утверждение СТО устав организуемого треста. Установить ориентировочно следующую программу добычи золота: к концу 1931 г. — 2 тонны; 1932 г. — 10 тонн и в 1933 г. — 25 тонн. Обязать ВСНХ, Наркомснаб, Наркомвод, Наркомпочтель, НКПС все заявки Управляющего Колымского треста выполнять вне всякой очереди из любых контингентов и запасов, кроме мобзапаса и запаса Комитета Резервов. Дальневосточному крайкому оказывать Колымскому тресту всяческое содействие в деле проведения настоящего постановления, возложив персональную ответственность на тов. Бергавинова. [Бергавинов С. А. — секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б).] Секретарь ЦК И. СТАЛИН»¹³.

В странах либерального типа основанных на частной собственности и рыночных отношениях мобилизационным центром организующим общество в чрезвычайных обстоятельствах стало в XX веке государство. В СССР, где изначально весь хозяйственно-экономический потенциал был государственным необходимо, было найти мобилизующий центр внутри государства. Известны попытки привлечь к реализации этих задач сначала армию (идея трудовых армий широко обсуждалась в стране в 1920 году), затем попытаться силой госаппарата организовать рыночное хозяйство (НЭП – новая экономическая политика).

Результаты оказались более чем скромными. Чудовищно неорганизованный и непрофессиональный в своей массе госаппарат первых лет советской власти, переполненный случайными людьми и откровенными врагами, оказался фактически недееспособным перед лицом задач масштабной модернизации страны. Нужно было ведомство с особыми, чрезвычайными полномочиями, сочетавшее в себе потенциал созидания, воспитания и перевоспитания реализуемый через организованный не только на добровольной основе, но и по принуждению труд.

История советского государства накануне первых пятилеток ясно показывает, как постепенно органы военизированного государственного принуждения брали на себя все больше ответственности за прямую созидательную работу по развитию страны. Мобилизационные усилия по практическому созданию новой социально-политической системы вступают в решающую фазу в годы первых пятилеток. Тогда и сложился своеобразный советский сплав искреннего трудового энтузиазма и стремления организовать на строительство нового общества обширные слои далекие от искреннего признания нового строя, а иногда и откровенно враждебные ему.

11 Международный фонд «Демократия». Россия. XX век. Документы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/266726/read#t72>. (дата обращения 15.10.2016).

12 Там же.

13 Там же.

Массовость репрессий 30-х годов XX века обусловлена, на наш взгляд, прежде всего тем, что обществу, прошедшему через революцию и гражданскую войну было еще очень далеко не то, что до искреннего социального примирения, но и даже до элементарной гражданской терпимости по социальному и политическому признаку. Как следствие этого не поддавалось реальному учету количество самых разнообразных подлинных и мнимых конспираций против власти¹⁴.

Не патологическая подозрительность Сталина, а трезвое практическое знание им того, каким взрывоопасным является сочетание вынужденных тягот «окопного быта» с безответственной болтовней и эмоционально-демонстративной оппозиционностью интеллигенции. То, чего величественно не замечала и не хотела замечать до последних минут своего существования русская монархия, хорошо было известно советскому вождю.

Именно неясность границ и пределов оппозиционности в сочетании с обоснованными подозрениями относительно всего революционного социума, сплоченного лишь убеждением и принуждением, в самой легкой восприимчивости к «революционной фразе» и откровенной партизанщине и сделали террор массовым способом поддержания устойчивости общества организованного на военно-административной основе. Добавим сюда крайне сложное и нестабильное внешнеполитическое положение страны. Все это вместе взятое требовало особых, чрезвычайных мер по скорейшему развитию экономического потенциала.

Сделав это, советский социально-политический строй, СССР как новый тип государства, фактически совершил мировую революционную дестабилизацию, раскол мир в глубочайшем ценностном, умственном и нравственном противостоянии, породившем вторую мировую войну как глобальную гражданскую, в которой столкнулись в борьбе за мировое господство три ведущие социально-политические системы XX века: коммунизм, национал-социализм и либерализм.

Сложный и противоречивый процесс их прямого противоборства 30 – 40-х годов XX века решительно отверг и уничтожил лишь открыто античеловеческие социально-идеологические альтернативы. Он не исчерпал потенциала революции – гражданской войны, которая переместилась в сферу ожесточенного социокультурного противостояния. Оно оказалось столь глубоким и длительным потому, что воспринималось как попытка овладения историческим процессом в реальных интересах масс.

Людам казалось, что только тоталитаризация общественного блага может реально создать «очеловеченный» социальный строй, подлинный социализм и т.п. Широко распространилась иллюзия, что стоит только физически уничтожить врагов социализма и донести до каждого человека перспективу светлого будущего, как оно немедленно проникнет в душу любого и станет реальной мотивацией его поступков.

В «холодной войне» фактически реализовалось массовое гражданское противоборство носителей двух типов общественной тоталитарности – либеральной (ценности «свободного мира») и коммунистической (социальные завоевания граждан социалистических стран).

Основным средством, при помощи которого предполагалось донесение светлой перспективы, стало насилие, война за идею, то есть фактически гражданская война. Знаменитый лозунг Мао Цзедуня: «Винтовка рождает власть», активно использовался и используется как прямое руководство, к действию начиная с

противостояния в Корее до современных конфликтов в Афганистане, Ираке, на Балканах или Сирии.

Отметим, что, как и в России 1917 – 1922 годов современный этап мировой революции – гражданской войны имеет внешние и внутренние уровни противостояния. Глобальные, конфронтации делят и переделывают мир. Внутрисистемные – отражают различные попытки их внутреннего улучшения на пути к мировому господству.

Эту задачу решали, например, венгерские события 1956 года, «пражская весна» 1968, упорное противостояние между СССР и Китаем.

С противоположной стороны, подобную задачу выполняли стихийные протестные акции 1968 года, альтернативные молодежные движения, левый и правый экстремизм. Интеллектуально-философским отражением подобных процессов стали идеи Жана-Поля Сартра, Альбера Камю, Герберта Маркузе и многих других.

Большая эффективность в вопросе сохранения государственно-политической солидарности западной, евро-американской социально-идеологической модели состояла в том, что она оказалась способной аккумулировать, программировать и реализовывать во властных решениях массовые интересы людей. Там, где коммунизм предлагал как альтернативу традиционализму жертвенность и борьбу, либерализм приносил потребление и наслаждение.

С падением социалистической системы военно-революционное противостояние в мире не завершилось. Новейший этап мировой гражданской войны находится еще в самом начале. Действия ее носят предварительный характер, это всего-навсего «разведка боем», прощупывание противника и определение реального потенциала сторон.

Современная цивилизация продолжает жить в условиях реально присутствующей мировой революции и гражданской войны, стратегия противостояния, в которой изменилась. На карту впервые поставлены не идеологический облик будущего, а сама возможность его осуществления. Сегодня как никогда важно не только выжить в мировом катаклизме, но осознанно пережить его с тем, чтобы из уроков и итогов настоящего и ближайшего будущего вышла, наконец, единая, практически устраивающая всех людей в своих основах социопланетарная общественная система.

Пристатейный библиографический список

1. Карл Корш. Марксизм и философия. 1922. [Оригинал статьи]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.comunist.ru. (дата обращения: 15.10.2016).
2. Ленин В. И. Государство и революция // Полн. собр. соч. В 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во Политическая литература, 1969. Т. 33.
3. Ленин В. И. Задачи социал-демократии в революционной войне // Полн. собр. соч. В 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во Политическая литература, 1969. Т. 26
4. Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. В 55 т. 5-е изд. М.: Изд-во Политическая литература, 1969. Т. 35.
5. Международный фонд «Демократия». Россия. XX век. Документы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/266726/read#t72>. (дата обращения: 15.10.2016).
6. Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005.
7. Ф. фон Хаек. Дорога к рабству. М., 1990.

¹⁴ Минаков С. Сталин и заговор генералов. М., 2005. С. 215.

КУТЯКИН Сергей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии ФСИН России

КУРБАТОВА Галина Васильевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ, РОЛЬ И МЕСТО ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ-БРОДЯГ В ТЮРЕМНОЙ ОБЩИНЕ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ РОССИИ XIX ВЕКА

По мнению авторов статьи, элиту тюремного мира России в XIX в., его правящую верхушку составляли профессиональные преступники, относящиеся к неформальной категории бродяг. Сила духа, несгибаемость воли, чувство собственного достоинства, бесстрашие, отвага, безудержная отчаянность и удаля возвышали их над толпой и делали их бесспорными предводителями среди всей арестантской массы. Создал для себя исключительное положение в тюрьме, бродяги оказывали огромное моральное воздействие на других осужденных. Особенно велико было их влияние на новичков тюремной жизни из числа молодых, неопытных арестантов, которых они вводили в курс тюремной жизни и психологически примиряли с их новым положением. Квинтэссенцией их морали, их жизненным кредо было убеждение в том, что от жизни необходимо брать все, что возможно, невзирая ни на какие запреты. В этой связи, бродяги обладали высокой психологической готовностью к совершению новых преступлений, даже находясь в местах лишения свободы.

Ключевые слова: личность преступника, бродяги, уголовный мир, «воры в законе», тюремная община, арестантская артель, осужденные.

KUTYAKIN Sergey Alexeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law and Process sub-faculty of the Academy of the FSEP of Russia

KURBATOVA Galina Vasiljevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminology and the Organization of Crime Prevention sub-faculty of the Academy of the FSEP of Russia

TYPOLICAL FEATURES OF THE PERSON, ROLE AND PLACE PROFESSIONAL CRIMINALS - DRIFTERS IN A PRISON COMMUNITY PLACES OF DETENTION RUSSIA XIX CENTURY

According to the authors, the elite of Russian prison world in the nineteenth century, its ruling elite were professional criminals, referring to the informal category of vagrants. Fortitude, inflexibility of will, self-esteem, courage, courage, unbridled desperation and daring lift them above the crowd and made them the undisputed leaders of the entire prisoner among the masses. By creating for himself a unique position in the prison, tramps provided great moral influence on the other prisoners. Especially great is their influence on the newcomers prison life among the young, inexperienced prisoners, which they injected into prison life course and psychologically reconciled with their new situation. The quintessence of their morality, their credo was the belief that life should be taken all that is possible, regardless of any restrictions. In this regard, the tramp had high psychological readiness to commit new crimes, even while in prison.

Keywords: identity of the perpetrator, the tramp, the criminal world, "thieves in law", the prison community, the convict gang convicted.

Общеизвестно, что в местах лишения свободы царской России уголовный мир делился на касты-сословия. Одни из них занимали главенствующее положение, другие – подчиненные¹. Существовали также категории арестантов, которые по тем или иным причинам (предательство, доноительство, неисполнение взятых на себя перед другими арестантами обязательств и т. д.) преследовались остальными осужденными, хотя в отдельные касты-сословия не объединялись. Элиту тюремного мира России во второй половине XIX в., его пра-

вляющую верхушку составляли «иваны»². По свидетельству В. М. Дорошевича, они представляли собой нечто вроде «рыцарского ордена»: держались особой компанией, стояли друг за друга и были неограниченными властелинами каторги; распоряжались жизнью и смертью других; были законодателями, судьями и палачами; изрекали и приводили в исполнение приговоры – иногда смертные, всегда непреложные³. Свое прозвище они получили за то, что, не имея постоянного места жительства (или скрывая его при аресте) и уклоняясь от реги-

Кутякин С. А.

Курбатова Г. В.

1 Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2012.

2 Анисимков В. М. Тюремная община: «вехи» истории: историко-публицистическое повествование. М., 1993. С. 17.

3 Дорошевич В. М. «ГУЛАГ» царской России. М., 2001. С. 210–214.

страции, имели возможность не контролируемого полицией передвижения по стране⁴.

Создав для себя исключительное положение в тюрьме, «бродяги» оказывали огромное моральное воздействие на других осужденных⁵. Особенно велико было их влияние на новичков тюремной жизни из числа молодых, неопытных арестантов, которых они вводили в курс тюремной жизни и психологически примиряли с их новым положением. Всекие вопросы арестантской жизни находили с их стороны грамотное и вразумительное толкование. Их философия и богатый жизненный опыт, полученный в местах лишения свободы, успокаивали и привлекали к себе людей, впервые оказавшихся в тюрьме и испытывавших от этого сильное душевное волнение и даже отчаяние. Все эти качества, а также оптимизм «бродяг» во взглядах на будущее внушали вновь прибывшим арестантам чувство уверенности и спокойствия, вызывали уважение к этим людям и стремление подражать им. Необходимо сказать о том, что такие современные самоназвания «воров», как «законники», «законные воры», также берут свое начало из субкультурной среды «бродяг»⁶. Слово сочетание «бродяга-законник» употреблялось С. Максимовым при описании быта и нравов русской тюремной общины XIX в. «Бродяга-законник» хорошо знал не только законы Российской империи, но и способы ухода от них. Не менее квалифицированно он разбирался в законах тюремной общины, толковал их и консультировал по ним других арестантов. С. Максимов писал: «Около законников своих новичок-арестант в весьма непродолжительное время становится тем, чем он должен быть, т. е. арестантом»⁷.

Тюремная община для «бродяг» и иных привычных преступников была суррогатом семьи, заменяла им отца и мать, сестер и братьев. Только в ней «бродяги» и другие профессиональные преступники могли реализовать себя как члены социума. Действительно, эта категория арестантов жила в тюрьме, как у себя дома, потому что за стенами тюремного замка у них не было определенного угла, да они и не питали надежды когда-либо расстаться с тюремной жизнью, смотрели на тюрьму как на свое законное жилище, словно созданное специально для их беспечного существования.

Значительное влияние на формирование тюремной общины оказал традиционный, общинно-патриархальный жизненный уклад российского народа. Большинство тюремного населения тех времен составляло крестьянство. Осужденные к лишению свободы крестьяне везли с собой на поселение, в тюрьму или на каторгу жен, детей и весь свой домашний скраб, продав то, что увезти было невозможно. Те же, кто по каким-либо причинам был лишен возможности забрать с собой семью, вливались в общую тюремную артель. «Арестанты такую артель любят и без нее не только не ходят по этапам, но и не живут в тюрьмах», – писал С. Максимов⁸. Артельные, общинные начала, столь характерные для крестьянской Руси, в условиях мест заключения трансформировались в такое

специфическое явление, как тюремная община. Для простого человека, общества в целом и власти было нормальным, приемлемым и понятным общинное объединение во главе с выборным старостой, будь то в деревне, на прииске, в тюрьме или другом месте. Вот какими словами встречал очередной этап тюремный смотритель (начальник) каторжной тюрьмы второй половины XIX в.: «Арестантская артель признается законом, поэтому и я ее признаю. Выберите же себе общего старосту, четырех парашников, двух поваров и двух хлебопеков. Что же касается камерных старост и больничных служителей, то я сам их назначу»⁹.

В тюрьме при каждой камере имелся свой староста, который, с одной стороны, был обязан блюсти интересы ее обитателей. Кроме того, над всеми камерами назначался общий староста, с которым сносились в случае нужды камерные старосты. Общетюремный староста входил в непосредственные сношения с тюремным начальством, и в такой постановке дела заключалась одна из причин сравнительного порядка в тюрьме. С другой стороны, старосты несли ответственность перед тюремным начальством за происходящее в их камерах, поэтому все арестанты были обязаны слушаться их и следовать их советам. Как правило, старост избирали из числа «бродяг». Такое положение вещей только усиливало их непререкаемый авторитет среди обитателей тюремного мира. Исследуя личные качества предводителей тюремной артели, Н. Г. Брейтман приходит к выводу: «Избираются старосты из числа опытных, умных, обладающих сильными характерами, умеющих влиять на «шпану», разговаривать с ней, понимать ее нужды»¹⁰. Формально артельные старосты-«бродяги» подчинялись администрации, однако, будучи по своей природе людьми хитрыми и изворотливыми, они лишь создавали видимость законопослушного поведения. На самом деле старосты подчинялись прежде всего неформальным правилам арестантского общепития, тюремным законам. Тюремные власти того и более поздних периодов неоднократно пытались использовать общинные, коллективистские начала преступной среды для обеспечения управляемости сообществом осужденных, их исправления и перевоспитания. Однако эти попытки неизменно наткнулись на сопротивление со стороны тюремной общины, которое обуславливалось ее характером, запрещающими своим членам любые виды сотрудничества с администрацией мест лишения свободы. И. Я. Фойницкий пишет: «...для арестанта существует два начальства, с разными запросами, с различными задачами: начальство тюремное и начальство артельное – община. Подчиняясь первому наружным образом, он должен всецело принадлежать второму...»¹¹.

Большинство исследователей мест лишения свободы России XIX в. солидарны в своих выводах о том, что тюремная община является не только средством самоорганизации осужденных, но и активно противодействует тюремным порядкам и самому назначению тюрьмы как карательно-исправительного учреждения. Так, И. Я. Фойницкий полагал, что «...община производит в тюрьме лишь весьма невыгодные для тюремных задач последствия, закрывая собою арестантов и выступая коллективной силой против распоряжений и мер начальства...»¹². Такой же точки зрения о сущности и целях деятельности

4 Кутякин С. А. Лидеры тюремной общины во второй половине XIX века // Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности. Материалы международной научно-практической конференции. Негосударственное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия экономики и права», Рязанский филиал, 2016. С. 106-109.

5 Кутякин С. А. Русская тюремная община дореволюционной России и ее традиционные лидеры // NovaInfo.Ru. 2014. № 26. С. 86-93.

6 Кутякин С. А. «Воры»: история возникновения и развития феномена // Российский научный журнал. 2008. № 3. С. 162-169.

7 Максимов С. Сибирь и каторга: в 3 ч. СПб., 1891. С. 100.

8 Там же. С. 28.

9 Мельшин Л. (Якубович П. Ф.) В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. 4-е изд. СПб., 1907. С. 50.

10 Брейтман Н. Г. Преступный мир / науч. ред. Х. Вальтер, В. М. Макиенко. 2-е изд., испр. СПб., 2005. С. 160.

11 Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889. С. 392.

12 Там же. С. 391.

тюремной общины придерживался и С. Максимов, по мнению которого, для русского человека характерно организованное сопротивление гнету и насилию – неизбежным спутником любой уголовно-исполнительной системы. «Противоборство это, – считает С. Максимов, – заключается в так называемой артели тюремной, в арестантской общине»¹³. Автор полагает, что всем своим составом тюремная община противодействует всяким начинаниям, направленным к благой цели исправления¹⁴. Аналогичной точки зрения на тюремную общину придерживался и Н. М. Ядринцев. Признавая антагонизм между тюремной общиной и администрацией мест лишения свободы, он пишет: «Для ведения заговоров против начальства, для ограждения своих льгот они еще теснее организовались, и демократическая община арестантов во имя общего интереса подчиняет совершенно своих членов своей власти»¹⁵.

Таким образом, почти все исследователи русской тюремной общины того периода сходились во мнении о том, что объединение осужденных в общину имеет массу таких сторон, которые заставляют отрицательно относиться к его существованию за тюремными стенами. Однако общинную модель организации самоуправления среди осужденных поддерживали и одобряли, с одной стороны, администрация тюрем, а с другой – непререкаемый авторитет, которым пользовались ее лидеры в преступном мире. Несмотря на внешнюю привлекательность, ее главный недостаток заключался в психологии самих «бродяг», основанной на нравственных законах преступного мира. Квинтэссенцией их морали, их жизненным кредо было убеждение в том, что от жизни необходимо брать все, что возможно, невзирая ни на какие запреты. Вот как описывает внутренний мир «бродяги» его современник: «Одна красная полоса проходила через все его чувства, думы и вожеления: непримиримая ненависть ко всем существующим традициям и порядкам, начиная с экономических и кончая религиозно-нравственными, ко всему, что клало хоть малейшую узду на его непокорную волю и неудержимую жажду наслаждений... «Наплюю на закон, на веру, на мнение общества, режь, грабь и живи во всю» таков был девиз этого Стеньки Разина наших времен...»¹⁶.

«Бродяги», будучи пожизненными преступниками, и в тюрьме оставались ими же. Обладая большой внутренней силой, они продолжали быть людьми развращенными, не видевшими ничего плохого в совершенных ими преступлениях. Развращены «бродяги» были и той фактической властью, которой их облакали администрация мест лишения свободы и тюремное сообщество. Доходные места тюремных и камерных старост «бродяги» использовали как средство своего личного обогащения и получения всяческих выгод¹⁷. «Бродяги»-«майданщики» наживались на нелегальной торговле продуктами, водкой и организацией азартных игр под интерес. При этом они фактически закабалили своих должников, обирая их до нитки¹⁸.

По сути, тюремные артели рассматриваемого периода представляли собой разбойничьи шайки, во главе которых находились старосты-«бродяги». Ввиду того что эти шайки находились в тюрьме, под присмотром администрации, они не

могли причинить вреда населению Российской империи. Вместе с тем администрация не только не прилагала каких-либо усилий по нейтрализации и пресечению беспредела «бродяг» в отношении остальной каторжной «шпаны», но и часто потакала им. Данный факт подтверждают исследования Сахалинской каторги, проведенные В. М. Дорошевичем: «В силу отчасти чувства самосохранения, отчасти по другим побуждениям эти низко стоящие на нравственном уровне и безграмотные надзиратели являются потатчиками именно для худших элементов каторги: «иванов», майданщиков, шулеров-«игроков», «отцов», и смело можно сказать, что только благодаря надзирателям эти «господа» каторги имеют возможность держать в такой кабале бедную, загнанную “шпанку”».

Пристатейный библиографический список

1. Анисимков В. М. Тюремная община: «вехи» истории: историко-публицистическое повествование. М., 1993.
2. Брейтман Н. Г. Преступный мир / науч. ред. Х. Вальтер, В. М. Макиенко. 2-е изд., испр. СПб., 2005.
3. Гиляровский В. А. Под китайской стеной. Куйбышев, 1965. Т. 2.
4. Дорошевич В. М. «ГУЛАГ» царской России. М., 2001.
5. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома. Рассказы. М., 1983.
6. Кеннан Дж. Русские государственные преступники: пер. с англ. СПб., 1906.
7. Кутякин С. А. «Воры»: история возникновения и развития феномена // Российский научный журнал. 2008. № 3. С. 162-169.
8. Кутякин С. А. Лидеры тюремной общины во второй половине XIX века // Экономика и право: теоретические и практические проблемы современности. Материалы международной научно-практической конференции. Негосударственное образовательное учреждение высшего образования «Московская академия экономики и права», Рязанский филиал, 2016. С. 106-109.
9. Кутякин С. А. Русская тюремная община дореволюционной России и ее традиционные лидеры // NovalInfo.Ru. 2014. № 26. С. 86-93.
10. Кутякин С. А. Организация противодействия криминальной оппозиции в уголовно-исполнительной системе России. Рязань, 2012.
11. Максимов С. Сибирь и каторга: в 3 ч. СПб., 1891.
12. Мельшин Л. (Якубович П. Ф.) В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. 4-е изд. СПб., 1907.
13. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889.
14. Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872.

13 Максимов С. Указ. соч. С. 79.

14 Там же. С. 256.

15 Ядринцев Н. М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 91-92.

16 Мельшин Л. (Якубович П. Ф.) В мире отверженных. Записки бывшего каторжника. 4-е изд. СПб., 1907. С. 166.

17 Там же. С. 16.

18 Дорошевич В. М. «ГУЛАГ» царской России. М., 2001. С. 232-239.

ФЕДОСЕЕВ Владимир Иванович

кандидат исторических наук, доцент, профессор Самарского юридического института ФСИН России

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОВХОЗНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917-1921 ГГ.

В статье исследуются отдельные аспекты организационного и правового обеспечения совхозного строительства в Самарской губернии в 1917-1921 гг.: дается общая характеристика правовых основ и организационной структуры государственных и хозяйственных органов в указанной сфере общественных отношений.

Ключевые слова: организационные основы, правовые основы, советское хозяйство, образцовые имения, землепользование, аграрная политика, гражданская война.

FEDOSEEV Vladimir Ivanovich

Ph.D. in historical sciences, associate professor, professor of the Samara Law Institute of the FSEP of Russia

ORGANIZATIONAL AND LEGAL SUPPORT FOR STATE FARM CONSTRUCTION IN SAMARA PROVINCE IN 1917-1921.

The article examines some aspects of organizational and legal support of state farms in the Samara province in 1917-1921: the General characteristic of a legal framework and organizational structures of state and economic bodies in the given sphere of public relations.

Keywords: institutional framework, legal framework, Soviet agriculture, a model estate, land use, agricultural policy, civil war.

Федосеев В. И.

Для выработки наиболее эффективной модели аграрной политики России на современном этапе важное значение имеют анализ и осмысление предшествующего опыта. С этой точки зрения большой научный и практический интерес представляет изучение истории совхозного строительства в первые годы советской власти (1917-1921 гг.) на примере Самарской губернии.

Идея создания советских хозяйств на базе конфискованных помещичьих имений и других видов частновладельческих хозяйств с целью организации крупного сельскохозяйственного производства была высказана В.И. Лениным еще в апреле 1917 г. в так называемых Апрельских тезисах¹ закреплена в решениях VII (Апрельской) конференции РСДРП (б) и в качестве непосредственной практической задачи отражена в Программе РКП (б), принятой VIII съездом РКП (б)². Совхозы призваны были стать образцовыми государственными предприятиями по производству сельскохозяйственной продукции, опорными пунктами рабочего класса в деле вовлечения крестьянства в процесс социалистического строительства. Главным назначением их наряду с производством сельскохозяйственной продукции являлась агрикультурная роль: они должны были оказывать всестороннюю помощь окружающему крестьянству, служить примером в постановке хозяйства, показывать преимущества общественной обработки земли.

Организационно-правовые основы совхозного строительства были закреплены в основополагающих законодательных актах, основывавшихся, в свою очередь, на общих принципах земельных отношений, установленных Декретом о земле, среди которых был и такой: «...3) Земельные участки с высококультурными хозяйствами: сады, плантации, рассадники,

питомники, оранжереи и т.п. не подлежат разделу, а превращаются в показательные и передаются в исключительное пользование государства или общин...»³. К таким нормативно-правовым актам относятся: Декрет ВЦИК «О социализации земли» от 19 февраля 1918 г.⁴, «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14 февраля 1919 г.⁵, декрет СНК РСФСР «Об организации советских хозяйств учреждениями и объединениями промышленного пролетариата» от 15 февраля 1919 г.⁶, Постановление Наркомата земледелия РСФСР от 11 марта 1919 г. «Инструкция по применению Положения о социалистическом землеустройстве»⁷, Постановление СНК РСФСР «Об управлении советскими хозяйствами (Инструкция)»⁸.

В Самарской губернии, как и в целом по Советской Российской Республике, в условиях формировавшейся однопартийной (большевистской) политической системы советского государства всю работу по организации совхозов возглавили Губернский комитет РКП (б), Исполнительный комитет губернского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Губернский Совет Народного Хозяйства, Губернский земельный отдел. Однако в конечном счете все нити этой работы

1 Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 166.

2 См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Изд. 9-е. – М.: Политиздат, 1983. – Т. 1. – С. 499; Т. 2. – С. 86.

3 Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1 (1917-1927 гг.). – М.: Госполитиздат, 1957. – С. 16.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_235.htm

5 Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. - 1919. - № 4. - Ст. 43. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sssr/18742>.

6 Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. - М., 1943. – С. 133-134. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/35725>.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/sssr/18742>

8 Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. - М., 1943. – С. 635-643. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istmat.info/node/38478>

держал в своих руках Самарский губком РКП (б), действовавший через коммунистов, работавших на различных руководящих постах в советских и хозяйственных органах, а также через своих уполномоченных и организаторов партийной работы в деревне, посылаемых в уезды и волости для разъяснения аграрной политики советского государства и оказания практической помощи в проведении аграрных преобразований.

Самарская губерния была в числе основных аграрных районов России, где создание советских хозяйств началось уже в 1918 г., когда во всех взятых на учет и ставших государственностью бывших частновладельческих имениях и хозяйствах была произведена опись земель, других объектов недвижимого, а также движимого имущества. Однако в ходе нее выяснилось, что многое из вышеуказанного имущества было расхищено окружающим населением и продолжало расхищаться после проведения данного мероприятия либо самовольно роздано местными органами власти во временное пользование крестьянам и различным советским учреждениям. Поэтому Губернский Земотдел (позднее – Губернское Земуправление) и Губернское Управление Совхозами (далее – Губсовхоз) организовали охрану конфискованных частновладельческих имений и попытались собрать у населения и вернуть в создаваемые совхозы расхищенное имущество. Однако несмотря на строгие распоряжения и разъяснительную работу со стороны уездных земотделов местным властям не удалось вернуть даже части похищенного имущества⁹. Более того, с лета 1918 г., когда в России началась Гражданская война, территория Самарской губернии оказалась в зоне боевых действий, и всякая деятельность по созданию совхозов прекратилась.

Более или менее упорядоченная и систематизированная работа по созданию советских хозяйств началась с восстановлением советской власти на территории Самарской губернии и налаживанием механизма управления народным хозяйством. В уездах и волостях губернии прошли съезды Советов и партийные конференции соответствующего уровня, принявшие решения по принципиальным вопросам совхозного строительства. Их участники выразили свою поддержку курса советского правительства по социалистическому преобразованию сельского хозяйства. Например, резолюция V Бузулукской уездной конференции РКП (б), состоявшейся в марте 1919 г., отразила положительную позицию ее делегатов в отношении линии советского правительства на создание крупных земледельческих хозяйств, основанных на коллективном труде¹⁰.

Первоначально создававшиеся советские хозяйства по большей части имели садово-огородное направление производственной деятельности и решали задачи продовольственного снабжения рабочих, но затем основная часть совхозных земель стала заниматься под посевы зерновых культур. Так, весной 1919 г. Отдел Земледельческих Совхозов, созданный в апреле 1919 г., рассмотрел и представил на утверждение в Народный Комиссариат Земледелия РСФСР сметы на посевы различных культур продовольственного назначения по Бузулукекому и Троицкому (В. Ф.: ныне – город Чапаевск) уездным совхозам, заводоуправлениям автотракторных мастерских, Рождественского винокуренного и Рождественского кожевенного заводов, правлению правительственных мельниц¹¹.

В Самарском уезде весной 1919 г. находилось 29 хозяйственных единиц, взятых на учет в результате национализации и пригодных для создания на их базе советских хозяйств¹². К числу образованных в тот период относились совхозы «Зубовский», «Липяговский», «Александровский», «Спасский», «Липяговский», «Екатериновский». Наиболее жизнеспособным и технически оснащенным был совхоз «Зубовский» (бывшее имение Маркова). Здесь наряду с большим количеством ручных и конно-тягловых орудий труда находилась мельница с газогенераторным двигателем и водяной турбиной, ремонтная мастерская, винокуренный завод¹³.

К осени 1919 г. совхозы были созданы практически во всех девяти уездах Самарской губернии. Об этом свидетельствуют сообщения представителей губкома РКП (б), командированных в уезды для изучения состояния дел в совхозном строительстве. Так, в двух докладных записках, датированных октябрем 1919 г., губернский организатор партийной работы в деревне М. Шурыгин сообщал, что в Балаковском уезде (В. Ф.: ныне – Саратовская область) 6 совхозов занимают площадь 4022 десятины, в Пугачевском уезде (В. Ф.: ныне – Саратовская область) создано и функционируют 9 совхозов с 30-ю тысячами десятин земли и числом рабочих от 20 до 80 человек в каждом. Создавались такие хозяйства в Бутульминском, Бузулукском, Мелекесском и других уездах¹⁴.

Были сделаны первые шаги по организации рабочих совхозов и батраков в профессиональный союз. Так, в октябрь-ноябре 1919 г. уполномоченные Самарского губкома РКП (б) в Пугачевском уезде сообщали в губком партии, что в совхозах данного уезда создаются комитеты сельскохозяйственных рабочих (рабочкомы), которых объединяет Уездный Союз Работников Земли¹⁵.

В конце того же года во исполнение предписаний Инструкции СНК РСФСР «Об управлении советскими хозяйствами» Отдел Земледельческих Совхозов Самарского Губернского Совета Народного Хозяйств был преобразован в Губернское Управление Совхозами (Губсовхоз). Практическая реализация вышеуказанной Инструкции ускорила процесс создания совхозов. Организационная работа местных партийных, советских и хозяйственных органов заметно упорядочилась и дала определенные положительные результаты. К началу 1921 г. в Самарской губернии насчитывалось уже 70 совхозов с общей численностью рабочих 9 тыс. чел.¹⁶ 7. Налаживалась не только их производственная, но и агрикультурная деятельность, устанавливались связи с окружающими крестьянскими хозяйствами, развертывалась работа среди батрачества, которое являлось одним из основных источников рабочей силы для совхозов.

Летом 1921 г. по инициативе руководства Приволжского военного округа было создано Управление военных совхозов, которому были переданы 6 советских хозяйств, расположенных в основном на территории Пугачевского уезда и находившихся в полуразрушенном состоянии. По мере их восстановления эти хозяйства наряду с зерновыми культурами производили сено на фураж и выращивали лошадей для военных гарнизонов.

Таким образом, в начальный период совхозного строительства в Самарской губернии, как и в целом по стране, были

9 Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). – Ф. Р-43. Оп. 1. Д. 4. Л. 69; Д. 1. Лл. 58-60.

10 Самарский областной государственный архив социально-политической истории (далее – СОГАСПИ). – Ф. 1. Оп. 1. Д. 272. Л. 2.

11 СОГАСПИ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Л. 31.

12 ГАСО. – Ф. Р-43. Оп. 4. Д. 3. Л. 5.

13 Там же. – Ф. Р-43. – Оп. 4. Д. 3. Л. 6.

14 СОГАСПИ. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Лл. 28, 33-34.

15 Там же. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 4!2. Л. 49.

16 Там же. – Ф. 1. Оп. 1. Д. 147. Лл. 11-12; Д. 696. Л. 42.

образованы совхозы трех типов: 1) советские хозяйства, размещенные на землях государственного земельного фонда и подведомственные Советам Народного Хозяйства; 2) приписные совхозы, т. е. принадлежавшие предприятиям промышленного пролетариата или их объединениям, а также городским Советам рабочих и солдатских депутатов, крупным профессиональным союзам и местным Советам Профессиональных Союзов; 3) военные совхозы.

Этот период характеризовался не только заметными успехами, но и существенными недостатками, трудностями и ошибками. Во-первых, сказывались условия и последствия гражданской войны. Во-вторых, недовольство крестьян советской властью, порождаемое крайне непопулярной политикой продразверстки, проявлялось в определенном недоверии их к создаваемым совхозам, тем более, что при выделении совхозам земельных участков местные власти нередко нарушали права крестьян. В-третьих, организация совхозов часто проходила в спешке, а в отдельных случаях носила стихийный характер, в результате чего среди руководителей совхозов оказывались случайные люди, в отдельных случаях – бывшие помещики или управляющие или вовсе тот или иной совхоз оказывался бесхозным. Совхозное строительство затруднялось самой новизной дела, отсутствием квалифицированных руководящих и организаторских кадров, специалистов сельскохозяйственного производства и даже кадров рядовых рабочих. В итоге многие совхозы Самарской губернии в 1919-1921 гг. не в полной мере выполняли те функции, которые возлагались на них изначально вышеуказанными руководящими документами как на образцовые сельскохозяйственные хозяйства, основанные на коллективном труде.

Положение усугубилось засухой и жестоким голодом 1921-1922 гг. Совхозам, как и всему сельскому Самарской губернии был нанесен огромный урон. Большинство их переста-

ло существовать, и лету 1922 г. во всех уездах губернии насчитывалось лишь 14 совхозов. Вместе с тем на фоне той разрухи, которая царил в деревне после голода, они в сравнении с индивидуальными крестьянскими хозяйствами оказались более жизнеспособными. В июле 1922 г. на X Самарской губернской конференции РКП (б) отмечалось, что сохранившиеся совхозы губернии пережили зиму 1921-1922 гг. «весьма сносно и даже увеличили количество своего скота; ...весною они обработали 5-6 тыс. десятин земли ... причем виды на урожай у них гораздо лучше, чем у крестьян»¹⁷.

Пристатейный библиографический список

1. Богденко М. Л., Зеленин И. Е. Совхозы СССР: краткий ист. очерк (1917-1975) / под ред. И. М. Волкова; АН СССР, Ин-т истории СССР. - М.: Политиздат, 1976. - 279 с.
2. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1 (1917-1927 гг.). - М.: Госполитиздат, 1957.
3. Зеленин И. Е. Совхозы СССР в годы довоенных пятилеток. 1928 - 1941. - М., Наука, 1982. - 289 с.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. - Изд. 9-е. - М.: Политиздат, 1983. - Т. 1.
5. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Полн. собр. соч. в 55 т. - 5-е изд. - Т. 31. - М.: Политиздат, 1971.
6. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. - № 4. - Управление делами Совнаркома СССР. - М., 1943.

17 СОГАСПИ. - Ф. 1. Оп. 1. Д. 696. Л. 42.

Воронцова О.В.

Общественный Экологический Контроль

ВОРОНЦОВА
Оксана Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин,
декан юридического факультета
ГОУ ВО «КамИ республиканская
академия государственной
службы и управления».
Монография представляет собой
первое комплексное исследование
правовых проблем, возникающих в
сфере общественного
экологического контроля.
Автор будет признателен
за любые отзывы:
mar1.73@list.ru

ШАБАНОВ Хабил Магомедрасулович

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и международного права юридического института Дагестанского государственного университета

РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с развитием регионального законодательного органа власти субъекта РФ на современном этапе.

Ключевые слова: федерация, региональный парламент, представительный, субъекты, законотворчество, полномочия.

SHABANOV Habil Magomedrasulovich

Ph.D. in Law, assistant professor of Constitutional and International Law sub-faculty of the Law Institute of the Dagestan State University

DEVELOPMENT OF LOCAL LEGISLATIVE POWER OF THE RUSSIAN FEDERATION NOWADAYS

The article covers problems connected with the development of regional legislative body of the subject of the RF at the modern sta.

Keywords: federation, regional, parliament, representative, subjects, legislative, powers.

Шабанов Х. М.

В настоящее время в России и в мире существует всё возрастающий интерес к проблемам теории и практики федерализма. В этой связи большую актуальность приобретают, в частности, вопросы, связанные с организацией и деятельностью государственной власти субъектов Российской Федерации, в том числе их законодательных (представительных) органов государственной власти.

Становление в стране реального федерализма, как основы территориально-государственного устройства, предопределило разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами; реализация других принципов и признаков федерализма предполагает наличие в государстве двух уровней законодательного регулирования: федерального и уровня субъекта федерации. Законодательная деятельность включает в себя, наряду с федеральным законодательным процессом, процесс принятия законов в субъектах РФ. В конституционном законодательстве сложилась специфическая совокупность правовых норм, регулирующих порядок законотворчества, в том числе и на региональном уровне, поскольку право законодательствовать в субъекте Российской Федерации имеет только законодательный (представительный) орган государственной власти этого субъекта. Дуализация законодательной власти в федеративном государстве является отражением федеративного устройства государства, практическим условием реализации федеративного государственного устройства, провозглашенного основным законом страны¹.

Законодательные (представительные) органы государственной власти субъекта Российской Федерации являются учреждениями парламентского типа, обеспечивающими построение и функционирование федеративного государственного устройства, гарантирующими действие принципов федерализма, народовластия, «разделения властей», признания

человека как высшей социальной ценности, осуществляющими законодательную функцию, контрольные полномочия. Законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации в настоящее время находятся на этапе своего становления как парламентские учреждения. Эффективность установленных федеральным законодательством правовых способов их формирования, организации и деятельности, зависит от степени предметной определенности полномочий, отнесенных к ведению субъекта РФ. Наличие законодательных полномочий, наряду с федеральным парламентом, у региональных органов государственной власти (органов государственной власти субъектов федерации) является важнейшим признаком федеративной формы государственного устройства².

Интересно содержание понятия органов законодательной (представительной) власти субъектов России, которое дается в законодательстве и в научной литературе. Давно не является секретом тот факт, что в российской публицистической и даже научной литературе по отношению к законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта РФ стали широко употребляться термины «региональный парламент», «парламент субъекта Российской Федерации». Для аргументированного суждения о правомерности переноса терминологических обозначений с федерального уровня на уровень субъектов Российской Федерации необходимо охарактеризовать основные черты парламентаризма вообще и сопоставить с ними реальную практику функционирования законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

В юридической литературе можно встретить разнообразные определения понятия «парламент». Парламент определяется как «избираемый населением страны представитель

1 Луценко Е. В. Федеративная природа института законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2008.

2 Лебедев В. А. Проблемы организации и деятельности законодательной и исполнительной властей в субъектах Российской Федерации. – М., 2000.

ный орган, носитель законодательной власти, неотъемлемый институт демократического государственного строя»³; «общенациональное представительное учреждение государства, осуществляющее законодательные функции»⁴; «общегосударственный представительный орган, главная функция которого в системе разделения властей заключается в осуществлении законодательной власти»⁵.

При всем многообразии определений большинство ученых сходятся во мнении, что парламенту присущи следующие обязательные признаки: 1) представительный характер; 2) выборность на альтернативной основе и регулярное переизбрание депутатского корпуса (как правило, через 5 лет); 3) постоянный характер деятельности; 4) коллегиальность; 5) возможность функционирования только в демократических государственных системах, основанных на модели «разделение властей»; 6) определенный круг полномочий, которые производны или от народа, или от самого парламента; 7) законодательная функция (главная, титульная, но не единственная функция парламента); 8) определенные формы, методы и стиль работы, наличие особых парламентских процедур, которые должны строго соблюдаться в процессе деятельности парламента (например, специфической процессуальной формой деятельности парламента является законодательный процесс); 9) многопартийность (наличие в парламенте двух и более партий); 10) особый статус депутатов парламента и осуществление ими своей деятельности на профессиональной постоянной основе⁶.

Анализ регионального законодательства и практической деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации приводит к выводу о том, что типичные характеристики любого парламента, такие, как выборность, представительный характер, осуществление законодательной власти, коллегиальность в принятии решений, постоянный характер деятельности, многопартийность, достаточно полно раскрываются в конституционно-правовом статусе указанных органов. Вместе с тем, нельзя не отметить некоторые особенности региональных законодательных (представительных) органов государственной власти, принципиально отличающие их от парламента классического типа, а именно: не все депутаты законодательных (представительных) органов в субъектах РФ профессионально осуществляют свою деятельность.

По мнению некоторых авторов, если лишь часть депутатов регионального законодательного (представительного) органа осуществляет свои полномочия на постоянной профессиональной основе, а остальные депутаты сочетают депутатские и производственные функции, то такое положение можно рассматривать только как «шаг на пути к парламентаризму», а

сам законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта РФ – как «полупарламент»⁷.

В тексте Конституции РФ можно обнаружить различные названия органов законодательной власти субъектов Российской Федерации. При этом в конституционных нормах в различных комбинациях используются два термина – «представительный» и «законодательный». Как справедливо отмечают И. П. Окулич и П. В. Павлов, двойное употребление указанных терминов «призвано подчеркнуть два основных направления в деятельности данных властных структур и тем самым обозначить максимально широкий диапазон их функционирования, при котором ни одно из двух вышеуказанных направлений не подменяет другое, а, напротив, органично дополняет его»⁸.

По нашему мнению, указанные термины не тождественны. Термин «представительный» шире по содержанию, чем термин «законодательный», поскольку в субъектах Российской Федерации наряду с законодательными представительными органами государственной власти существуют представительные органы местного самоуправления, которые избираются населением соответствующих муниципальных образований для решения вопросов местного значения, действуют от имени населения и в его интересах, при этом не являются законодательными органами и не входят в систему органов государственной власти. Таким образом, главным и принципиальным отличием законодательного органа субъекта Российской Федерации от других выборных представительных органов власти субъекта Российской Федерации является осуществление законодательной функции. Кроме того, законодательные органы осуществляют контрольные функции. Осуществление контрольных полномочий играет важную роль в деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. Возможность контроля со стороны законодательного органа власти делает результативное осуществление законодательных функций, поскольку контроль над практическим соблюдением и исполнением законов позволяет совершенствовать собственную законодательную деятельность. Наличие достаточных контрольных полномочий позволяет значительно укрепить авторитет законодательного органа власти.

По мнению Т. В. Калугиной, законодательный орган, являясь одновременно представительным органом государственной власти, выполняет важную роль в демократическом развитии как отдельного региона, так и страны в целом. Законотворчество, как главная функция этого органа, неразрывно связано именно с его представительностью. Представительный орган, принимая законы, выражает в них волю народа как единственного источника власти в соответствующем субъекте Российской Федерации. Поэтому такой орган является не только законодательным, но и представительным органом государственной власти в каждом субъекте Российской Федерации, и эта сущностная характеристика должна, по нашему мнению, найти обязательное нормативное закрепление в региональном законодательстве⁹.

3 Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. – М., 1998. – С. 300.

4 Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О. Е. Кутафин. – М., 2003. – С. 343; Популярный юридический энциклопедический словарь / Ред. колл.: О. Е. Кутафин, В. А. Туманов, И. В. Шмаров. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000.

5 Страшун Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов. – М., 2007. – С. 510.

6 Авакьян С. А. Федеральное Собрание - парламент России. – М., 1999. – С. 26-29; Козлова Е. И. От Советов к парламенту: задачи науки и суть перемен // Современный российский конституционализм: проблемы теории и практики. – М., 2008. – С. 43; Овсейан Ж. И. Парламент как основа демократического конституционного строя (проблемы и перспективы развития в Российской Федерации) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 2. – С. 10-11.

7 Авакьян С. А. Там же. – С. 26.

8 Окулич И. П., Павлов П. В. Проблемы эффективности деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. – Челябинск, 2004. – С. 20.

9 Калугина Т. В. О конституционно-правовой формуле наименования законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 6. – С. 55-60.

Вопросы соотношения терминов «законодательный» и «представительный» рассматривались и другими учеными, среди которых И. В. Гранкин. Указанный автор считает целесообразным приведение данных терминов в тексте Конституции РФ к единому знаменателю. По его мнению, наиболее точным является термин «законодательный орган». Этот выбор, как считает И. В. Гранкин, обусловлен тем, что конституционное разделение государственной власти в Российской Федерации на законодательную, исполнительную и судебную (ст. 10 Конституции РФ) требует образования соответствующих органов для осуществления конкретной властной функции, а предназначение каждого органа желательнее отражать в его наименовании¹⁰.

Мы согласны с И. В. Гранкиным в том, что в ч. 1 ст. 77 Конституции РФ вместо термина «представительный» более правильным будет употребление термина «законодательный», поскольку это наиболее точным образом соответствовало бы принципу разделения властей на региональном уровне. Но вместе с тем, по нашему мнению, при общей характеристике законодательного органа как федерального, так и регионального уровня нельзя умалять значение термина «представительный», поскольку без него существенная характеристика законодательного органа будет неполной.

Термин «представительный», употребляемый при характеристике законодательного органа, свидетельствует о тесной связи непосредственной и представительной демократии. Отождествлять термины «законодательный» и «представительный» нельзя, поскольку у них разная смысловая нагрузка. Но при этом мы считаем целесообразным и правильным употребление данных терминов вместе, поскольку «в связке» они дают наиболее полную характеристику сущности указанных органов.

Проводя анализ правовых основ формирования, организации и деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации следует отметить, что он занимает важное место в механизме организации государственной власти, выступая элементом системы разделения властей. При этом он в полной мере отражает важнейшие характеристики парламента, но имеет и некоторые специфические особенности, выражающиеся, в частности, в том, что не весь состав регионального парламента осуществляет свои полномочия на постоянной основе. Органы законодательной (представительной) власти субъекта призваны обеспечивать своей деятельностью реализацию конституционно установленных основополагающих принципов разделения властей, верховенства конституции. Без соблюдения таких условий невозможно поступательное развитие страны, становление российского гражданского общества, правового государства.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Федеральное Собрание - парламент России. – М., 1999.
2. Баглай М. В., Туманов В. А. Малая энциклопедия конституционного права. – М., 1998.
3. Гранкин И. В. Законодательные органы власти субъектов Российской Федерации. – М., 1998.
4. Калугина Т. В. О конституционно-правовой формуле наименования законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 6.
5. Козлова Е. И. От Советов к парламенту: задачи науки и суть перемен / Современный российский конституционализм: проблемы теории и практики. – М., 2008.
6. Лебедев В. А. Проблемы организации и деятельности законодательной и исполнительной властей в субъектах Российской Федерации. – М., 2000.
7. Луценко Е. В. Федеративная природа института законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2008.
8. Овсепян Ж. И. Парламент как основа демократического конституционного строя (проблемы и перспективы развития в Российской Федерации) // Сравнительное конституционное обозрение. – 2007. – № 2.
9. Окулич И. П., Павлов П. В. Проблемы эффективности деятельности законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации. – Челябинск, 2004.
10. Популярный юридический энциклопедический словарь / Ред. колл.: О. Е. Кутафин, В. А. Туманов, И. В. Шмаров. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000.
11. Страшун Б. А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Общая часть: Учебник для вузов. – М., 2007.
12. Юридический энциклопедический словарь / Гл. ред. О. Е. Кутафин. – М., 2003.

¹⁰ Гранкин И. В. Законодательные органы власти субъектов Российской Федерации. – М., 1998. – С. 4.

ТАРАНОВ Игорь Евгеньевич

аспирант кафедры административного права и административного процесса Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

САМОРЕГУЛИРУЕМЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СФЕРЕ ФИНАНСОВОГО РЫНКА И БАНК РОССИИ КАК СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ЮРИСДИКЦИИ

В статье на основе исследования в целом норм законодательства о рынке ценных и, в частности, вступившего в силу 11.01.2016 года Федерального закона от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка и о внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предпринята попытка освещения и проведения сравнительно-правового анализа административно-юрисдикционных полномочий саморегулируемых организаций в сфере финансового рынка и Банка России.

Ключевые слова: рынок ценных бумаг, саморегулируемые организации в сфере финансового рынка, Банк России, административная юрисдикция, Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года.

TARANOV Igor Evgenevich

postgraduate student of Administrative Law and Administrative Process sub-faculty of North-West institute of Management is Russian of Presidential Academy of National Economy and Public Administration

SELF-REGULATORY ORGANIZATIONS IN THE FIELD OF FINANCIAL MARKETS AND THE BANK OF RUSSIA AS SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE JURISDICTION

On the basis of research in the whole of the legislation on the securities market and, in particular, came into force on 01.11.2016, the Federal Law of 13/7/2015 number 223-FZ «On self-regulatory organizations in the financial market and on amendments to Article 2 and 6 of the Federal law «On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation,» an attempt illumination and conducting comparative legal analysis of administrative and jurisdictional powers of self-regulating organizations in the field of financial markets and the Bank of Russia.

Keywords: securities market, self-regulatory organizations in the financial market, the Bank of Russia, the administrative jurisdiction, the Strategy of development of the financial market of the Russian Federation for the period until 2020.

Сферой зарождения саморегулируемых организаций в современном их понимании по праву можно назвать рынок ценных бумаг¹. Впервые термин «саморегулируемая организация» (self-regulatory organization), заимствованный из англо-американского права, появился в США в связи с принятием Закона 1934 г. о ценных бумагах и биржах.

Первыми появились в России, так же, как и за рубежом, саморегулируемые организации в сфере рынка ценных бумаг. Эти организации были образованы в середине 1994 г., еще до принятия Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон о РЦБ)². Понятие саморегулируемых организаций на законодательном уровне было впервые закреплено в ст. 48 Закона о РЦБ, согласно которому саморегулируемой организацией профессиональных участников рынка ценных бумаг является добровольное объединение профессиональных участников рынка ценных бумаг, функционирующее на принципах некоммерческой организации.

При создании системы регулирования отечественного фондового рынка были реципированы многие решения и принципы зарубежного законодательства, прежде всего США (также интенсивно использовался опыт Соединённого Королевства³).

На российском рынке ценных бумаг развитие саморегулируемых организаций характеризовалось тем, что роль в упорядочивании соответствующих отношений, отводимое им государством, со времени их создания до настоящего момента постепенно изменялась в сторону снижения. Концепция развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 1 июля 1996 г. № 1008⁴, одним из важнейших принципов государственной политики на рынке ценных бумаг провозглашала принцип минимального государственного вмешательства и максимального саморегулирования. Положения Концепции определяли, что необходимость членства в саморегулируемой организации профессиональных участников фондового рынка является для них одним из лицензионных требований. Кроме того, первоначально саморегулируемые организации привлекались к участию в самой процедуре лицензирования профессиональных участников фондового рынка. Вместе с тем в 2000 г. в Указ Президента РФ от 1 июля 1996 г. № 1008 были внесены изменения, исключившие положения об обязательности членства в саморегулируемой организации в связи с их несоответствием закрепленному в Законе о РЦБ принципу добровольности создания саморегулируемой организации. Лицензирование саморегулируемыми организациями профессиональной деятельности своих участников было отменено в мае 2005 г.⁵

1 Ершова И. В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности // Право и бизнес (Приложение к журналу «Предпринимательское право»). – 2014. – № 3. – С. 4–11
2 Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.
3 Круглый стол о саморегулировании на финансовых рынках // Рынок ценных бумаг. – 2013. – № 5. – С. 13, 14-15, 16, 17

4 Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 28. – Ст. 3356.
5 Шевченко О. М. Саморегулирование в сфере российского рынка ценных бумаг: современное состояние и перспективы // Юрист. –

Направление развития к снижению роли саморегулируемых организаций на российском фондовом рынке было обратным по отношению к общегосударственной политике развития саморегулируемых организаций и усиления их роли в других сферах как части проводившейся в 2000-х гг. административной реформы, одной из задач которой провозглашалось внедрение институтов саморегулирования в профессиональной и предпринимательской сферах, которые взяли бы на себя часть публичных функций. В тот период ослабление саморегулируемых организаций на фондовом рынке можно объяснить осторожностью, в частности в Великобритании, где в начале 2000-х гг. проводилась спровоцированная крупными финансовыми скандалами реформа регулирования фондового рынка, в ходе которой публичные функции саморегулируемых организаций были переданы регулятору, подотчетному Парламенту и Министерству финансов⁶.

Тем не менее, сейчас саморегулируемые организации продолжают играть важную роль в функционировании российского фондового рынка.

В настоящее время совершенствование правового регулирования финансового рынка продолжается. В частности, в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года (далее – Стратегия)⁷ определено, что в связи с количественным ростом и качественным усложнением финансового рынка возникает объективная потребность в развитии функций саморегулирования.

Стратегией предусмотрено, что саморегулируемые организации должны:

- 1) более эффективно взаимодействовать с государственными органами;
- 2) разрабатывать нормы и правила, которые нужны для дополнения и детализации норм государственного регулирования, причем следует стимулировать саморегулируемые организации к установлению более жестких требований к деятельности участников финансового рынка;
- 3) осуществлять контроль на рынке ценных бумаг;
- 4) разрабатывать комплекс мер, направленных на снижение инвестиционных рисков;
- 5) осуществлять сбор и анализ отчетности участников финансового рынка.

Для того чтобы саморегулируемые организации могли эффективно осуществлять предоставляемые им Стратегией полномочия и был принят Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка и о внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ (далее – Федеральный закон № 223-ФЗ).

В процессе принятия Федерального закона № 223-ФЗ было высказано немало замечаний, и даже поднимался вопрос о необходимости его принятия в принципе.

Разработчики Федерального закона № 223-ФЗ, оперируя положениями Стратегии, говорили, что целью закона является как повышение роли саморегулирования в деятельности участников финансового рынка, так и повышение эффективности взаимодействия саморегулируемых организаций в сфере финансовых рынков с регулятором. Предполагается, что совершенствование института саморегулируемых организаций в России должно привести:

- 1) к повышению конкурентоспособности российского финансового рынка;
- 2) к формированию целостной регулятивной системы, отвечающей интересам профессиональных участников различных секторов финансового рынка и обеспечивающей надлежащий уровень контроля их деятельности;
- 3) к повышению уровня защиты прав потребителей финансовых услуг⁹.

Необходимо выделить следующие принципиальные новации для саморегулируемых организаций на рынке ценных бумаг, установленные Федеральным законом № 223-ФЗ.

Во-первых, введение вновь принципа обязательного членства в саморегулируемой организации, но уже не только для одних профессиональных участников рынка ценных бумаг, а для большинства профессиональных субъектов финансового рынка, в том числе для управляющих компаний инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, специализированных депозитариев. При этом сохраняется лицензирование деятельности этих субъектов наряду с обязательным членством их в саморегулируемой организации, что является нетипичным для других сфер экономической деятельности, где обязательное саморегулирование вводилось как альтернатива лицензированию. Такая двойственность контроля, по-видимому, призвана стать специфичной чертой регулирования сферы финансового рынка. К сожалению, авторами данного закона нигде не приводятся ссылки на опыт каких-либо других государств, имеющих успешно функционирующий фондовый рынок, для которого было бы характерно такое же всеобщее обязательное членство в саморегулируемой организации. Представляется, что данный вопрос следует решать только после проведения тщательного исследования иностранной практики всех развитых фондовых рынков. В противном случае неизбежно возникает вопрос: не будет ли это для России очередным «особым путем», заводящим в тупик¹⁰?

Так вице-президент Российского Союза Промышленников и Предпринимателей В. Плескачевский полагает, что лицензирование сочетается с саморегулированием только в ситуации, когда саморегулирование добровольно. Невозможно параллельно осуществлять лицензирование и обязательное саморегулирование¹¹. При этом следует заметить, что в иностранной практике при обязательном членстве в саморегули-

2014. - № 23. - С. 23-28.

6 Герасимов А. А. Саморегулируемые организации как участники гражданских правоотношений в праве зарубежных стран // Вестник финансовой академии. – 2010. - № 2. - С. 60-61.

7 Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2008г. № 2043-р // Собрание законодательства РФ. – 2009. - № 3. - Ст. 423.

8 О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка и о внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 223-ФЗ: принят Государственной Думой 3 июля 2015 г. // «Российская газета» от 20 июля 2015 г. - № 157.

9 Зобова Е. П. Саморегулирование участников финансового рынка: новые правила // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2015. - № 6.

10 Шевченко О. М. Саморегулирование в сфере российского рынка ценных бумаг: современное состояние и перспективы // Юрист. – 2014. - № 23. - С. 23-28.

11 Круглый стол о саморегулировании на финансовых рынках // Рынок ценных бумаг. – 2013. - № 5. - С. 13, 14-15, 16, 17.

руемой организации (например, брокеры в США¹²) лицензирование, как правило, осуществлялось не государством, а самими саморегулируемыми организациями.

Во-вторых, ограничение количества саморегулируемых организаций, действующих на рынке, ведущее к укрупнению существующих саморегулируемых организаций. Частью 4 ст. 3 Федерального закона № 223-ФЗ предусматривается объединение в составе некоммерческой организации в качестве ее членов не менее 26% от общего количества финансовых организаций, осуществляющих соответствующий вид деятельности. Необходимо отметить, что по сравнению с первоначальным вариантом пороговое значение по количеству членов снижено с 34% до 26%, то есть количество саморегулируемых организаций одного вида увеличено до трех. Укрупнение саморегулируемых организаций призвано реализовать принцип добросовестности их поведения, основанного на заслуженной репутации, что позволит избежать создания саморегулируемых организаций – «однодневок» и процесса неуправляемого открытия и закрытия недобросовестных саморегулируемых организаций.

Статус саморегулируемой организации приобретает в отношении одного или нескольких видов деятельности финансовых организаций при условии соблюдения порогового значения 26% в отношении каждого вида деятельности, являющегося предметом саморегулирования для саморегулируемой организации.

В-третьих, установление требования о наличии общих базовых стандартов у всех саморегулируемых организаций, объединяющих субъектов одного вида деятельности. Согласно ст. 5 Федерального закона № 223-ФЗ Банк России устанавливает перечень обязательных для разработки саморегулируемой организацией определенного вида базовых стандартов и требования к их содержанию. Саморегулируемые организации одного вида обязаны направить на согласование в Банк России единый базовый стандарт. Помимо базовых стандартов, статьей 6 Федерального закона № 223-ФЗ предусматривается обязательное наличие внутренних стандартов саморегулируемых организаций на финансовом рынке.

По форме резко, но, по сути, справедливо по данному поводу высказался заместитель председателя совета директоров Профессиональной Ассоциации Регистраторов, Трансфер-Агентов и Депозитариев Петр Лансков: «Авторы, судя по всему, полагают, что в передовых практиках небанковского финансового рынка лучше всего разбирается Центробанк, который и будет устанавливать требования к стандартам, выдавать разрешения на разработку стандартов и согласовывать результат этой разработки», с чем П. Лансков не может согласиться «не потому, что плохо относится к Банку России, а потому, что всеведущих людей и органов, которые знают «лучше тех, кто работает в поле, как им сажать репу», не существует»¹³.

В-четвертых, делегирование Банком России по своему усмотрению контрольных функций определяемым им отдельным саморегулируемым организациям. Так, согласно ст. 7 Федерального закона № 223-ФЗ Банк России на основании обращения саморегулируемой организации вправе передать ей указанные в пункте 1 данной статьи полномочия по полу-

чению от членов саморегулируемой организации отчетности, перечень которой устанавливается Банком России. Также, согласно п. 1 ст. 14 Федерального закона № 223-ФЗ, за саморегулируемой организацией по-прежнему сохраняется функция по контролю за соблюдением их членами законодательства о ценных бумагах, а не только лишь правил самих саморегулируемых организаций.

Так, плановая проверка проводится не реже одного раза в пять лет и не чаще одного раза в год. График плановых проверок своих членов на текущий год саморегулируемая организация направляет в Банк России ежегодно до 1 февраля. Внеплановая – проводится на основании поручения Комитета финансового надзора Банка России, жалобы на члена саморегулируемой организации и иных оснований, предусмотренных внутренними стандартами саморегулируемой организации.

Саморегулируемая организация в отношении своего члена может применять ряд мер, начиная с требования об обязательном устранении выявленных нарушений в установленные сроки, заканчивая наложением штрафа и исключением из членов саморегулируемой организации.

Надзирает за деятельностью саморегулируемых организаций Банк России: во-первых, Банк России ведет реестр саморегулируемых организаций, который размещается в Интернете; во-вторых, Банк России осуществляет надзор за выполнением саморегулируемыми организациями требований действующего законодательства; в-третьих, Центральный банк РФ в случае неисполнения в установленный срок его предписания об устранении нарушений, выявленных в деятельности саморегулируемой организации, согласно ч.4 ст. 28 Федерального закона № 223-ФЗ, имеет право:

- 1) привлечь саморегулируемую организацию и её должностных лиц к административной ответственности;
- 2) направить требование о замене руководителя саморегулируемой организации;
- 3) принять решение о прекращении статуса саморегулируемой организации;
- 4) приостановить исполнение всех или части функций саморегулируемой организации, в том числе приостановить все или часть полномочий, переданных ей Центральным банком РФ, по одному или нескольким видам деятельности, являющимся предметом саморегулирования для саморегулируемой организации.

Саморегулируемая организация совместно с Банком России может участвовать в подготовке проектов нормативных актов Банка России, для чего планируется создавать совместные рабочие группы. Банку России вменено в обязанность выносить проекты нормативных актов на рассмотрение рабочих групп и иных объединений по инициативе саморегулируемых организаций. В качестве одного из вариантов предусмотрено размещение проектов документов на официальном сайте Банка России.

Помимо рассмотренных основных нововведений, определенные изменения коснулись видов членства в саморегулируемой организации, порядка управления саморегулируемой организацией, ужесточения требований к руководителям саморегулируемой организации, взаимодействия саморегулируемых организаций и Банка России в законотворческой сфере и др.

Итак, с 11 января 2016 года вступил в силу Федеральный закон № 223-ФЗ, который меняет существующий механизм

12 Герасимов А. А. Саморегулируемые организации как участники гражданских правоотношений в праве зарубежных стран // Вестник финансовой академии. – 2010. – № 2. – С. 60-61.

13 Круглый стол о саморегулировании на финансовых рынках // Рынок ценных бумаг. – 2013. – № 5. – С. 13, 14-15, 16, 17

института саморегулирования для участников финансового рынка.

Определены общие подходы к построению системы взаимодействия профессионального сообщества различных сегментов финансового рынка с единым регулятором финансового рынка – Банком России, принципы участия профессиональных объединений в осуществлении регулирования, контроля и надзора на финансовом рынке, предоставления саморегулируемым организациям полномочий по разработке стандартов, норм и правил, дополняющих и (или) конкретизирующих нормы государственного регулирования.

Результатом вводимых Федеральным законом № 223-ФЗ изменений финансовая система Российской Федерации должна приобрести признаки прозрачности, целостности, эффективности функционирования и стабильности. Финансовая система Российской Федерации должна соблюдать права и законные интересы розничных инвесторов и создавать условия для снижения рисков индивидуальных инвестиций¹⁴.

Однако вызывает справедливое опасение отсутствие у Банка России опыта взаимодействия с саморегулируемыми организациями как такового. Так, например, независимый эксперт Ю. Данилов утверждает, что вообще в мире нет примеров успешного развития саморегулирования в секторах и на рынках, регулируемых и надзираемых центральными банками¹⁵. В настоящий момент регулятор склонен к формированию на фондовом рынке крупных, подконтрольных ему монополистических структур (центральный депозитарий, единственная крупная биржа – ОАО Московская биржа и др.), к каковым в исследуемой редакции предстоит причислить и саморегулируемые организации (при пороговом значении минимального количества членов в 26% таковых может быть не более трех по одному виду деятельности). Это ставит под сомнение само понятие «саморегулируемая организация» для фондового рынка. В связи с этим следует согласиться с мнением председателя совета директоров Российской Торговой Системы, являющейся крупнейшей электронной торговой площадкой российского рынка корпоративных ценных бумаг, Анатолием Гавриленко о том, что подобную организацию не следует называть саморегулируемой организацией, потому что если она самостоятельно ничего не регулирует, а только исполняет поручения Центробанка, то такая структура является его агентом регулирования и надзора¹⁶.

Как представляется, сочетание обязательного членства в саморегулируемой организации, определения Банком России содержания стандартов саморегулируемой организации и делегирования по усмотрению Банка России отдельным саморегулируемым организациям дополнительных полномочий может привести к чрезмерной административно-юрисдикционной нагрузке на финансовый рынок не только со стороны Банка России, но и со стороны самих саморегулируемых организаций, борющихся за права «избранных», и ляжет тяжелым бременем на профессиональных участников.

Таким образом, с одной стороны, вступление в силу Федерального закона от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка и о внесении изменений в статьи 2 и 6 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» является актуальным, учитывая необходимость приведения в соответствие с существующими реалиями немалое количество устаревших положений законодательства, а с другой, резюмируя отзывы профессионального сообщества по представленному вопросу, необходим пересмотр и уточнение некоторых норм указанного закона с обязательным учетом мнения профессиональных участников в сфере финансового рынка.

Пристатейный библиографический список

1. Герасимов А. А. Саморегулируемые организации как участники гражданских правоотношений в праве зарубежных стран // Вестник финансовой академии. – 2010. – № 2.
2. Данилов Ю. Остановить монстра! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/46/ostanovit-monstrai/> (дата обращения: 20.01.2016)
3. Ершова И. В. Саморегулирование предпринимательской и профессиональной деятельности // Право и бизнес (Приложение к журналу «Предпринимательское право»). – 2014. – № 3.
4. Зобова Е. П. Саморегулирование участников финансового рынка: новые правила // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2015. – № 6.
5. Круглый стол о саморегулировании на финансовых рынках // Рынок ценных бумаг. – 2013. – № 5.
6. Шевченко О. М. Саморегулирование в сфере российского рынка ценных бумаг: современное состояние и перспективы // Юрист. – 2014. – № 23.

14 Зобова Е. П. Саморегулирование участников финансового рынка: новые правила // Страховые организации: бухгалтерский учет и налогообложение. – 2015. – № 6.

15 Данилов Ю. Остановить монстра! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/46/ostanovit-monstrai/> (дата обращения: 20.01.2016)

16 Круглый стол о саморегулировании на финансовых рынках // Рынок ценных бумаг. – 2013. – № 5. – С. 13, 14-15, 16, 17

СНЕТКОВА Дарья Николаевна

соискатель кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ И СТРУКТУРЫ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В СФЕРЕ УПРАВЛЕНИЯ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ИМУЩЕСТВОМ

В статье рассмотрена и проанализирована сложившаяся на сегодняшний день система и структура органов исполнительной власти, осуществляющих управление федеральным имуществом. Дана оценка современному состоянию системы федеральных органов исполнительной власти, выражены предложения о необходимости реформирования органов исполнительной власти, к компетенции которых относится управление федеральным имуществом.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, управление федеральным имуществом, федеральные министерства, федеральные агентства.

SNETKOVA Darya Nikolaevna

competitor of Administrative Law and Process sub-faculty of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

FEATURES OF THE SYSTEM AND STRUCTURE OF EXECUTIVE AUTHORITIES IN THE SPHERE OF FEDERAL PROPERTY MANAGEMENT

The article reviewed and analyzed the current system and structure of executive authorities exercising control in the sphere of federal property. Assessed the current state of the system of federal bodies of executive power, expressed proposals on necessity of reforming of bodies of executive power carrying out the management of federal property

Keywords: executive authorities, federal property management, federal ministry, federal agency.

Основой деятельности любого хозяйствующего субъекта является определенная экономическая составляющая. То есть то, чем данный субъект может распоряжаться для достижения своих целей. В правоотношениях, где субъектом выступает государство, экономической составляющей выступает имущество, принадлежащее государству на праве собственности. Управляя имуществом, государство стремится к достижению поставленных целей: экономических, политических, социальных. Управление государственным имуществом отличается от классического представления о праве собственности, прежде всего тем, что в роли собственника выступает публично-правовое образование – государство. В отличие от иных собственников, в имущественных отношениях от лица государства действуют уполномоченные органы исполнительной власти. Их деятельность четко регламентирована установленными законодательством нормами и осуществляется в рамках полномочий, предоставленных статутными актами. Органы исполнительной власти управляют государственным имуществом в рамках исполнительно-распорядительной деятельности. Действия уполномоченных органов исполнительной власти носят административный характер. Такая позиция присуща не только научной доктрине¹, но и встречается в правоприменительной деятельности². Государство для достижения максимальной эффективности при выполнении возложенных

на него задач должно сформировать такую систему и структуру органов исполнительной власти, которая позволила бы максимально эффективно управлять принадлежащим ему имуществом.

Проведенная в 2004 году административная реформа разделила органы исполнительной власти на федеральном уровне на следующие виды: федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства. Деление было произведено по функциональному признаку, в зависимости от возложенных на эти органы полномочий: а) по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию; б) по осуществлению контроля и надзора; в) по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг. В каждой сфере были образованы федеральные министерства с подведомственными федеральными службами и федеральными агентствами. Следуя такой логике, в системе федеральных органов исполнительной власти в каждой сфере должны были бы появиться федеральные агентства, осуществляющие управление федеральным имуществом, что привело бы к необоснованному увеличению госаппарата. Такое развитие событий законодатель пресек, предусмотрев наделение полномочий по управлению федеральным имуществом иных федеральных органов исполнительной власти. Для этого достаточно закрепить в положении о федеральном министерстве полномочия по управлению федеральным имуществом в установленной сфере деятельности.

На деле же такая свобода в перераспределении полномочий привела к тому, что большинство федеральных агентств не осуществляли тех полномочий, ради которых они были созданы. В результате чего многие имущественные полномочия переданы федеральным министерствам и службам. Если принять во внимание, что сегодня государство на федераль-

1 Винницкий А. В. Публичная собственность. – М.: Статут, 2013. – С. 109.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 30.06.2006 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений части 11 статьи 154 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с запросом Правительства Москвы» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 2006.

Федерации» в связи с запросом Правительства Москвы» // Вестник Конституционного Суда РФ, № 4, 2006.

ном уровне стремится к сокращению федерального имущества³ его состава, то отпадает необходимость в существовании специальных федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих функции по управлению имуществом, в каждой отдельной сфере деятельности. С оставшимся имуществом вполне справится Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество) и некоторые специфические Министерства, такие как Министерство обороны РФ, Министерство культуры РФ и др., и то исключительно до тех пор, пока государство не ушло из определенного сектора в качестве субъекта управления федеральным имуществом. Такой вывод можно сделать, проанализировав отчеты и планы Росимущества, планы приватизации. В плане Росимущества предусмотрена ликвидация ФГУП к 2018 году, передача акций в частную собственность, сокращение организаций с государственным участием⁴. Сегодня актуальным становится участие государства в экономически значимых сферах путем создания таких образований как государственные корпорации, например в РФ созданы государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» и др. Государственные корпорации обладают правом собственности на переданное им имущество, осуществлять управление оставшимся в собственности государства имуществом. Федеральное имущество, попадая в управление государственных корпораций, находится в переходном состоянии и в дальнейшем может быть выведено из состава федерального. Судя по всему, в модели новой административной реформы функции по управлению федеральным имуществом будут сведены к участию государства в органах управления государственных корпораций. Федеральному агентству по управлению государственным имуществом останется осуществлять организационно-координационную деятельность в отношении оставшегося нераспределенного федерального имущества.

Нельзя также забывать, что сокращение федерального имущества осуществляется не только за счет его приватизации и передачи в собственность публичных хозяйствующих субъектов, таких как публичные акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, государственные корпорации, государственные компании, государственные фонды, но и за счет передачи имущества в собственность субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. В некоторых случаях, когда федеральное имущество не подлежит передаче в собственность субъекта или муниципального образования нормативно-правовыми актами может предусматриваться делегирование отдельных полномочий по управлению федеральным имуществом без передачи самого имущества.

Сегодня система органов исполнительной власти, осуществляющих управление федеральным имуществом, выглядит следующим образом:

1. Правительство Российской Федерации;
2. специально уполномоченные органы исполнительной власти, осуществляющие управление федеральным имуществом;
3. федеральные органы исполнительной власти, наделенные имущественными полномочиями в соответствующей сфере;
4. органы исполнительной власти субъектов федерации.

Правительство Российской Федерации, как высший орган исполнительной власти, осуществляет управление федеральным имуществом. В целях реализации своих полномочий Правительство РФ принимает постановления, касающиеся управления федеральным имуществом. К полномочиям Правительства РФ относится рассмотрение вопросов в отношении программ приватизации федерального имущества. В рамках осуществления своих полномочий Правительством РФ утвержден прогнозный план (программа) приватизации федерального имущества и основные направления приватизации федерального имущества на 2014-2016 годы⁵.

В целом, следует отметить, что в большей степени Правительство РФ осуществляет общие координирующие функции в сфере управления федеральным имуществом. Это связано с тем, что свои закрепленные в Конституции РФ и Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации» полномочия, оно реализует путем наделения федеральных органов исполнительной власти полномочиями в соответствующих сферах. При этом Правительство РФ осуществляет руководство, подведомственными ему федеральными органами исполнительной власти, а также утверждает Положения об этих органах, например Постановлением Правительства РФ от 05 июня 2008 № 432 утверждено Положение «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом»⁶.

Таким образом, функции Правительства РФ сводятся к принятию нормативно-правовых актов, устанавливающих основные направления деятельности по управлению федеральным имуществом.

Специально уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим управление федеральным имуществом, является Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом – Росимущество. Оно осуществляет наиболее широкий круг полномочий в рассматриваемой сфере, на его долю приходится основное количество управленческих действий. Росимущество осуществляет функции по управлению федеральным имуществом, функции в области приватизации, осуществляет права акционера и участника общества с ограниченной ответственностью, осуществляет контроль за деятельностью федеральных государственных предприятий и учреждений, проводит проверку использования федерального имущества, осуществляет в установленном порядке учет федерального имущества, ведет реестр федерального имущества, а также иные полномочия собственника федерального имущества. Однако в соответствии с проведенной административной реформой Росимущество лишено права осуществлять нормативно-правовое регулирование в установленной сфере деятельности. Такое регулирование отнесено к полномочиям Министерства экономического развития РФ (Минэкономразвития России), в ведении которого и находится Росимущество. Следовательно, можно говорить о том, что к специально уполномоченным федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим управление федеральным имуществом, относится Министерство экономического развития РФ и подведомственное ему Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Учитывая, что Министерство экономического развития является федеральным органом исполнительной власти, осуществляю-

3 Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47, ст. 5489.

4 Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 327 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Управление федеральным имуществом» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18 (часть III), ст. 2172.

5 Распоряжение Правительства РФ от 01.07.2013 г. № 1111-р «Об утверждении прогнозного плана (программы) приватизации федерального имущества и основных направлений приватизации федерального имущества на 2014 - 2016 годы» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 28, ст. 3842.

6 Постановление Правительства РФ от 05.06.2008 г. № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 23, ст. 2721.

щим основные полномочия в сфере социально-экономического развития нашего государства, а управление федеральным имуществом является одной из наиболее значимых экономических составляющих в деятельности Российской Федерации, такая организационная структура федеральных органов исполнительной власти, где основным органом осуществляющим управление федеральным имуществом – Росимущество – подведомственным Министерству экономического развития РФ (как координатору всех экономических процессов), представляется весьма удачной.

К иным федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим управление федеральным имуществом относятся многочисленные федеральные министерства, федеральные службы и федеральные агентства, к полномочиям которых отнесено управление федеральным имуществом. Все они осуществляют имущественные полномочия в сфере своей деятельности.

Полномочия федеральных органов исполнительной власти можно разделить на три группы.

К первой группе следует отнести полномочия по управлению федеральным имуществом, необходимым для организационного обеспечения деятельности федеральных органов исполнительной власти. Такими полномочиями наделены все без исключения органы исполнительной власти. К полномочиям относятся управление средствами федерального бюджета, управление имуществом, закрепленным на праве оперативного управления за органами исполнительной власти: движимым и недвижимым. К недвижимому имуществу относятся здания, в которых располагаются соответствующие федеральные органы исполнительной власти.

Вторая группа полномочий связана с управлением федеральным имуществом, предоставленным на определенном праве подведомственным федеральным органам исполнительной власти предприятиям и учреждениям и иным организациям, учреждаемым федеральными органами исполнительной власти в своей сфере деятельности.

К третьему блоку относятся полномочия федеральных органов исполнительной власти по управлению целыми группами объектов федерального имущества. Это Министерство обороны РФ, Федеральное агентство по государственным резервам, Министерство культуры РФ, Федеральное казначейство, Федеральное агентство по недропользованию и др. К полномочиям Министерства обороны РФ отнесено управление имуществом Вооруженных Сил, закрепленного за Вооруженными Силами, в том числе землями, лесами, водами и другими природными ресурсами, предоставленными в пользование Вооруженным Силам⁷. Следует отметить, что Минобороны России обладает достаточно широким кругом полномочий в отношении военного имущества: самостоятельно решает вопросы приватизации, передачи военного имущества, управления подведомственными федеральными унитарными предприятиями. В компетенцию Федерального агентства по государственным резервам входит управление объектами материального резерва – группы объектов, которые составляют казну РФ⁸.

Полномочиями по управлению федеральным имуществом обладают не только федеральные агентства, как это было установлено Указом Президента РФ от 9 марта 2004 г. № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти», но и федеральные министерства, федеральные служ-

бы. Имущественные полномочия не являются эксклюзивными для федеральных агентств. В условиях оптимизации количества и повышения эффективности деятельности федеральных органов исполнительной власти, возможно, следует отказаться от функционального выделения, закрепленного указом Президента РФ № 314, федерального агентства как отдельного органа и передать такие функции федеральным министерствам, федеральным службам.

В систему органов исполнительной власти, к полномочиям которых отнесено управление федеральным имуществом входят не только федеральные, но и региональные органы исполнительной власти. Такие полномочия могут возникать у органов исполнительной власти субъектов РФ в результате делегирования федеральными органами исполнительной власти части своих полномочий. Возможность передачи отдельных полномочий по управлению федеральным имуществом может быть напрямую предусмотрена федеральным законодательством. Например, Лесной кодекс РФ предусматривает, что земли лесного фонда находятся в федеральной собственности, однако ст. 83 Лесного кодекса РФ предусмотрена передача отдельных полномочий Российской Федерации в области лесных отношений органам исполнительной власти субъектов РФ⁹. В рамках выполнения возложенных на региональные органы исполнительной власти задач в сфере управления землями лесного фонда в Московской области образован специальный орган – Комитет лесного хозяйства Московской области, который в соответствии с утвержденным положением осуществляет предоставление в пользование лесных участков, находящихся в границах земель лесного фонда, осуществляет ведение государственного лесного реестра в отношении лесов, расположенных в границах территории Московской области, осуществляет организацию использования лесов на землях лесного фонда и другие полномочия в соответствии с утвержденным Постановлением Правительства Московской области № 863/22 положением о Комитете лесного хозяйства Московской области¹⁰.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что на сегодняшний день отпала необходимость в существовании специальных органов по управлению федеральным имуществом – федеральных агентств. Распределение государственных полномочий по осуществлению управления федеральным имуществом должно осуществляться исходя из принципов целесообразности и стремлению к достижению наибольшей эффективности от использования объектов, находящихся в федеральной собственности. Основным органом управления федеральным имуществом должно стать Росимущество, к полномочиям которого следует отнести непосредственное управление объектами федерального имущества, координирующие функции в отношении имущества, управление которым осуществляют иные федеральные органы исполнительной власти в установленной сфере, а также органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в пределах переданной им компетенции по управлению федеральным имуществом.

Пристатейный библиографический список

1. Винницкий А. В. Публичная собственность. – М.: Статут, 2013. – С. 109.

7 Указ Президента РФ от 16.08.2004 г. № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34, ст. 3538.

8 Постановление Правительства РФ от 23.07.2004 г. № 373 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве по государственным резервам» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31, ст. 3263.

9 Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 50, ст. 5278.

10 Постановление Правительства МО от 26.06.2012 № 863/22 «Об установлении штатной численности и утверждении Положения о Комитете лесного хозяйства Московской области» // Ежедневные Новости. Подмосковье. № 114. 04.07.2012.

ИСМАГИЛОВА Алина Равилевна

преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ДЕСТРУКТИВНОГО ХАРАКТЕРА В ЕВРОПЕ

В статье рассматривается терминологический аспект такого правового явления как нетрадиционные религиозные объединения деструктивного характера, а именно: формулируется его авторское понятие, дается криминологический анализ их деятельности, выявляются основные признаки, характеризующие данные объединения, в том числе методы их деятельности, исследуются характерные составы преступлений, которые совершаются религиозными организациями деструктивного характера. Кроме того, в статье представлено авторское определение понятия преступления, совершение которого связано с деятельностью указанных организаций.

Ключевые слова: религиозные объединения, секта, религия, нетрадиционные объединения деструктивного характера, adept.

ISMAGILOVA Alina Ravilevna

lecturer of Administrative-legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

COMBATING ILLICIT ACTIVITIES OF NONTRADITIONAL RELIGIOUS ASSOCIATIONS DESTRUCTIVE NATURE IN EUROPE

The article examines the terminological aspect of such legal phenomenon as nontraditional religious associations destructive nature, namely, the author formulated his concepts, given criminological analysis of their activities, identifies the main features characterizing these associations, including how they operate, it examines the characteristic elements of the crime, committed by religious organizations of a destructive nature. In addition, the article presents the author's definition of the crime, the Commission of which is connected with the activities of these organizations.

Keywords: religious associations, sect, religion, non-traditional Association of a destructive nature, adept.

Исмагилова А. Р.

Интерес к нетрадиционным религиозным объединениям деструктивного характера, а именно к их асоциальной деятельности, в последнее время существенно возрос. И в зарубежном законодательстве к таким сообществам стали уделять заметное внимание. При этом следует иметь в виду те европейские страны, где наиболее последовательно реализован принцип отделения религии от государства и в полном объеме воспринята опасность деструктивных религиозных организаций.

Выступая на одной из конференций, член парламента Бельгии Андре Фредерик сообщил, что в этом европейском государстве действует законодательство, дающее возможность координировать все действия полиции по борьбе с тоталитарными сектами. В нем также дано определение понятия деструктивного культа. Кроме того, в Бельгии имеется специальная Комиссия при парламенте, занимающаяся вопросами сектантства¹.

Ограничения на деятельность нетрадиционных религиозных групп были введены в законодательстве Бельгии еще в 1998 году. По предложению вышеназванной Комиссии в 1999 году в этой стране был образован Центр информации по сектантским организациям (CIOGSN), который стал заниматься сбором соответствующих сведений, а также анализом возможной опасности сект для общества². В результате принятия рекомендации парламентской комиссии с 2005 года ужесточается ответственность деструктивных религиозных групп по критериям «психические манипуляции» и «использования статуса слабого». В результате таких мер правительство Бельгии получило возможность успешно противостоять тоталитарным сектам³.

В Бельгийской правоприменительной практике имеется и уголовно-правовая практика, а именно есть конкретные уголовные дела, возбужденные против нетрадиционных религиозных организаций. Так, в сентябре 2004 года в отношении «Церкви саентологии» Федеральной прокуратурой Королевства Бельгии было выдвинуто обвинение в вымогательстве, мошенничестве, нелегальной медицинской деятельности, нарушениях торгового законодательства, законов о личной жизни, а также в создании преступного сообщества. В результате 11 апреля 2005 г. «Церковь саентологии» как религиозная организация была ликвидирована⁴.

Наиболее активную законодательную деятельность, связанную с обеспечением противодействия незаконной деятельности нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера, проводит Франция. Надо отметить, что ее непримиримая позиция в отношении деятельности сект была подвергнута критике со стороны США. Еще в период президентства Жака Ширака Францией с негодованием был отвергнут призыв президента США Била Клинтона «к терпимости» по отношению к религиозным сектам. Президент Франции неоднократно высказывал озабоченность по поводу «шокирующей поддержки саентологов и мунигов, исходящей из Белого дома»⁵.

«Рансенъеман Женеро» – спецслужба МВД Франции, осуществляющая, в частности, наблюдение за сектами, руководствуется десятью критериями, которые характеризуют тоталитарную секту:

- дестабилизация сознания;
- непомерные финансовые притязания (поборы);
- навязывание разрыва с прежним окружением;
- покушения на физическое здоровье;
- вербовка детей;
- антиобщественные высказывания;
- нарушения общественного порядка;

1 Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ириныя Лионского. Ситуацию с тоталитарными сектами необходимо менять кардинальным образом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iriney.ru/sects/theory/016.htm> (дата обращения: 10.07.2016).

2 Портал «Кредо». В Бельгии ужесточили «антисектантское» законодательство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru> (дата обращения: 10.07.2016).

3 Бельгия прижмет «сектантов» законами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.maranatha.org.ua/news/index.php?id=16422> (дата обращения: 15.08.2016).

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lenta.ru/news/2007/09/05/scient/> (дата обращения: 13.10.2016).

5 Газета. Gardien. 2000. 14 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 13.08.2016).

– привлечение к суду или следствию по серьезным обвинениям;

– нарушение норм экономической деятельности (утаивание средств);

– попытки проникновения во властные структуры.

В числе юридических инициатив Франции по противодействию манипуляций сознанием, имеющим место в сектах в отношении adeptов, стало принятие Закона от 30 мая 2001 г. «О предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека» (далее – Закон)⁶. Целью данного нормативного акта является наделение политических и судебных властей правом распускать религиозные группы после, как минимум, двукратного осуждения – либо их самих, либо их руководящих сотрудников за типичные для сект нарушения и преступления.

Согласно статье 1 Закона суд имеет право выносить решение о ликвидации юридического лица независимо от его формы, когда деятельность такого лица связана с созданием, поддержанием и использованием психологической или физической зависимости лиц, принимающих участие в противоправной деятельности такого лица. При вынесении решения в отношении юридического лица или его руководителей уголовное наказание применяется за совершение одного из следующих деяний:

1) умышленное или неумышленное покушение на жизнь, физическую или психическую целостность человека, подвержение опасности человека, покушение на его свободы, достоинство, подвержение опасности несовершеннолетних и покушение на собственность (наказуемость за такие преступления предусмотрена в ст. 221-1.-221-6, 222-1.-222-40, 223-1.-223-15, 223-15-2, 224-1.-224-4, 225-5.-225-15, 225-17 и 225-18, 226-1.-226-23, 227-1.-227-27, ст. 311-1.- 311-13, 312-1.-312-12, 313-1.-313-3, 314-1.-314-3, 324-1.-324-6 УК Франции);

2) неlegalная медицинская или фармацевтическая практика (ст. 4161-5, 4223-1 Закона о здравоохранении);

3) ложная реклама, мошенничество, фальсификация (ст. 121-6, 213-1, 213-4 Закона о потребителе).

Поддержка или восстановление, в какой бы то ни было форме, ликвидированного юридического лица, является правонарушением, предусмотренным абзацем вторым ст. 434-43 УК Франции.

Законом внесены изменения в ст. 434-43 УК Франции об ответственности за «факт участия физического лица в поддержании или восстановлении в любой форме юридического лица», о ликвидации которого было объявлено в соответствии с законом. Содеянное предполагает наказание в виде лишения свободы на срок три года с применением штрафа.

В ст. 19 Закона «О предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека» предусмотрены крупные штрафы за «распространение, каким бы то ни было способом, посланий, предназначенных для молодежи, и рекламы юридического лица, в какой бы то ни было форме, целями и деятельностью которого являются создание, поддержка или использование психологической или физической зависимости лиц, участвующих в этом».

По ст. 20 Закона в УК Франции введен Раздел 6а «Об обмане и злоупотреблении состоянием незнания или немощности». В ст. 223-15-2 данного раздела установлена ответственность за «обман и злоупотребление состоянием незнания или немощности как несовершеннолетнего, так и взрослого человека, состояние которого объясняется возрастом, болезнью, физическими или психическими недостатками, а также состоянием беременности, если это очевидно и известно, а также человека в состоянии подчинения психологического или физического, являющегося результатом использования серьезного или повторного давления или техники, приводящей этого человека к действию или воздержанию от действия, что нанесет ему огромный вред». В данной норме предусмотрено наказание руководителя объединения в виде лишения свободы сроком на три года и штраф. Если же такие действия совершаются руководителем объединения с целью создания поддержки или использования физического подчинения лиц, участвующих в его деятельности, он подлежит наказанию в виде лишения свободы сроком на 5 лет и штрафу.

Озабоченность противоправной деятельностью тоталитарных сект толкнуло руководство очередной европейской страны – Польши – к созданию Межминистерской группы по

вопросам новых религиозных движений, а также специально-го отдела при МВД республики, который обязан заниматься деструктивными культами. Несмотря на принятие таких решений в Польше не принято специализированных нормативно-правовых актов, направленных на противодействие деятельности деструктивных культов⁷.

Болгария под давлением Европарламента в 2002 году приняла новый закон об отмене запрета на регистрацию религиозных организаций. С этого времени любая псевдорелигиозная группа (кроме мунитов и саентологов, которые в Болгарии запрещены) может свободно регистрироваться в данной стране. Из запрещенных в Болгарии является также деятельность «Свидетелей Иеговы». Последними по этому поводу была подана жалоба в Европейский суд по правам человека. Судом было вынесено решение о незаконности такого запрета и предъявлена угроза в адрес Болгарии об отказе ей в членстве в Евросоюзе. Под давлением властных структур Европейского союза правительство Болгарии вынуждено было разрешить иеговистам свободную деятельность в данной стране⁸.

Таким образом, рассмотрев законодательство ряда европейских государств, отметим, что наиболее активная законодательная работа, призванная регулировать противодействие незаконной деятельности нетрадиционных религиозных объединений деструктивного характера среди развитых стран Европы, проводится в Бельгии и Франции. Принятые к настоящему времени в этих странах соответствующие законодательные акты содержат ряд норм, дающих определение термина «секта» (Бельгия), а также содержащие четкую процедуру ликвидации сектантских групп (Франция). В числе европейских стран, наиболее совершенным в сфере борьбы с преступной деятельностью нетрадиционных религиозных объединений деструктивного толка уголовным законодательством обладает Франция. В уголовном законе этой страны (УК Франции) предусмотрена ответственность как физических, так и юридических лиц за различные общественно опасные деяния, связанные с использованием психологической или физической зависимости adeptов, включая распространение рекламы деструктивных религиозных объединений.

Пристатейный библиографический список

1. Агентство религиозной информации. Противодействие сектам Европа осуществляет эффективнее России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blagovest-info.ru/> (дата обращения: 10.10.2016).
2. Бельгия прижмет «сектантов» законами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.maranatha.org.ua/news/index.php?id=16422> (дата обращения: 15.08.2016).
3. Газета. Gardien. 2000. 14 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 13.08.2016).
4. Закон Франции от 30 мая 2001 года «О предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.is/Rdx8#selection-315.0-315.109> (дата обращения: 13.10.2016).
5. Портал «Кредо». В Бельгии ужесточили «антисектантское» законодательство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.portal-credo.ru> (дата обращения: 10.07.2016).
6. Центр религиозно-философских исследований во имя священномученика Ириния Лионского. Польша предпринимает меры против сект. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iriney.ru/> (дата обращения: 13.09.2016).
7. Центр религиозно-философских исследований во имя священномученика Ириния Лионского. Ситуацию с тоталитарными сектами необходимо менять кардинальным образом. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iriney.ru/sects/theory/016.htm> (дата обращения: 10.07.2016).
8. Центр религиозно-философских исследований во имя священномученика Ириния Лионского. Польша предпринимает меры против сект. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iriney.ru/> (дата обращения: 13.09.2016).
9. Агентство религиозной информации. Противодействие сектам Европа осуществляет эффективнее России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.blagovest-info.ru/> (дата обращения: 10.10.2016).

6 См.: Закон Франции от 30 мая 2001 года «О предупреждении и пресечении сектантских течений, ущемляющих права и основные свободы человека». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://archive.is/Rdx8#selection-315.0-315.109> (дата обращения: 13.10.2016).

ВАСИЛЕНКО Марина Михайловна

кандидат юридических наук, доцент Самарского юридического института ФСИИ России

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ КАК ВИД ПОВТОРНОСТИ ДЕЯНИЯ

В статье рассматриваются разновидности повторности деяния как основания уголовной ответственности; исследуются понятия неоднократности, системности правонарушений, анализируются теоретические проблемы административной преюдиции в уголовном законодательстве России и целесообразности включения административной преюдиции в уголовно-правовые нормы отечественного законодательства

Ключевые слова: эффективность уголовного законодательства; повторность проступка; неоднократность, системность; уголовная ответственность; уголовное законодательство; административная преюдиция; административная ответственность; административное наказание.

VASILENKO Marina Mikhailovna

Ph.D. in Law, associate professor of the Samara Law Institute of the FSEP of Russia

Василенко М. М

ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS A KIND OF REPETITION OF THE ACTS

The article discusses the varieties of repetition acts as the Foundation of criminal responsibility, explores the notion of repeated, systematic violations, analyzes the theoretical problem of administrative prejudice in criminal law of Russia and expediency of inclusion of administrative prejudice in criminal law domestic law

Keywords: the effectiveness of criminal legislation; the repetition of misconduct; repeated, systematic; criminal liability; criminal law; administrative prejudice; administrative responsibility; administrative penalty.

Вопрос о повышении эффективности уголовного законодательства являлся всегда актуальным для уголовно-правовой науки. И одним из методов такого повышения, на наш взгляд, является получение наилучших результатов уголовно-правовой борьбы с преступностью и достижение целей наказания при минимальной затрате карательных мер, материальных и организационных ресурсов. В этой связи одним из важнейших вопросов современной уголовной политики является уточнение границы между репрессивной (карательной) и предупредительной деятельностью государства.

Еще основатели классического направления в теории предупреждения преступлений Ш. Монтескье, И. Бентам в своих трудах сформулировали ряд «очевидных истин», таких, как: жестокость законов препятствует их соблюдению; важно, чтобы ни одно преступление, сделавшееся известным, не осталось безнаказанным; одно из самых действенных средств, сдерживающих преступления, заключается не в жестокости наказаний, а в их неизбежности; чем скорее наказание следует за преступлением, тем оно справедливее. Справедливо отмечал Ч. Беккариа, что «в интересах всего общества не только добиться прекращения совершения преступлений вообще, но и свести к минимуму совершение наиболее тяжких из них. Поэтому эффективность мер, препятствующих совершению преступлений, должна быть тем выше, чем опаснее преступление для общественного блага и чем сильнее побудительные мотивы к совершению преступления. Следовательно, суровость наказания должна зависеть от тяжести преступления»¹.

В своем выступлении с Ежегодным посланием Федеральному Собранию 3 декабря 2015 года Президент России подчеркнул, что «закон должен быть суров к тем, кто сознательно пошел на тяжкое преступление, нанес ущерб жизни людей,

интересам общества и государства. И конечно, закон должен быть гуманен к тем, кто оступился. В связи с чем просил Государственную Думу поддержать предложения Верховного Суда России о декриминализации ряда статей Уголовного Кодекса и перевести преступления, не представляющие большой общественной опасности, в разряд административных правонарушений, но с принципиальной оговоркой: повторное совершение проступка должно квалифицироваться уже как уголовное деяние»².

В качестве условий эффективности уголовного закона следует отметить: 1) закрепление нормы в законодательстве; и 2) правильное применение и исполнение нормы.

Для выполнения первого условия, необходимо совершенствовать уголовное законодательство в соответствии с объективной действительностью. То есть, важно быстро реагировать на изменения, происходящие в обществе, а также адекватно относиться к сложившимся изменениям, к новым потребностям человека и общества³. Несомненно, значимо своевременное изменение и дополнение уголовного законодательства.

Важнейшими же предпосылками для второй составляющей эффективности уголовного закона, на наш взгляд, являются системность и единое понимание терминологии как законодательства в целом, так и уголовного законодательства, в частности.

Можно конечно, дискутировать относительно того, является ли системность важнейшим условием или нет, но то, что данный принцип является важным условием совершенства уголовного законодательства, – бесспорно. Такую по-

1 Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с ит. Ю.М. Юмашева. — М.: Междунар. отношения, 2000. — С. 83.

2 Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 «Послание Президента Российской Федерации» // Российская газета - Федеральный выпуск № 6846 (275)

3 Бавсун М. В. Актуальные проблемы уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4. С. 475.

зицию разделяют большинство специалистов в области отечественного уголовного права, так или иначе затрагивающих проблему системности уголовного законодательства России. В частности, А. И. Рарог полагает, что «важнейшим условием совершенства любой отрасли законодательства является принцип его системности, предполагающий внутреннюю согласованность всех его положений, норм и институтов, отсутствие коллизий и несоответствий между ними»⁴. Л. К. Савюк отмечает, что в идеале уголовное законодательство должно быть логически стройной и законченной, непротиворечивой и последовательной, внутренне единой и цельной системой норм и институтов, построенных и функционирующих на единых принципах и общих положениях⁵. К глубокому сожалению, приходится констатировать, что с точки зрения принципа системности уголовное законодательство России далеко не совершенно. Так, например, Н. А. Лопашенко отмечает, что требование системности довольно часто нарушается в действующем уголовном законодательстве⁶.

При составлении закона, а затем и при его толковании большое значение имеет вопрос о терминологии.

Слово закона должно максимально и с точностью выражать мысль законодателя, оно должно быть простым и общепонятным. Для этого законодатель пользуется термином - словом или выражением, являющимся названием строго определенного понятия. Отдельные слова (термины) должны употребляться в законе, как правило, в их словарном значении. Следует пользоваться единой терминологией не только в одном законе или кодексе, но и во всем законодательстве в целом. По мнению Люблинского, «понятия, создаваемые юриспруденцией на почве постановлений закона, всегда относительны и условны. Один и тот же термин может, например, иметь различное содержание в области уголовного и в области гражданского права»⁷.

Правильное построение системы права требует, чтобы один и тот же термин и одно и то же слово в любом законодательном акте имели одинаковое значение.

Современная уголовная политика в настоящее время требует поиска оптимальных путей предупреждения и борьбы с преступностью не только в рамках уголовного, но и иных отраслей законодательства. Так, Н.Ф. Кузнецова подчеркивает, что «широкая распространенность и массовый характер отдельных деяний делают более разумным применение именно административной, а не уголовной ответственности, в силу того, что последняя медленнее реагирует на факт нарушения закона, а также обладает большей коррупциогенностью»⁸.

В этой связи одной из основных тенденций современного уголовного законодательства является возвращение к институту административной преюдиции.

По мнению М. В. Бавсуна, И. Г. Бавсуна и И. А. Тихона, «административная преюдиция при ее грамотном использовании может стать эффективным средством противодействия

преступности и будет способствовать достижению следующих основных результатов: повысит эффективность практического применения уголовного законодательства, обеспечит реализацию принципа экономии мер уголовной репрессии и исключит случаи объективного вменения»⁹.

В действующем законодательстве предусмотрено несколько составов преступлений с административной преюдицией: ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ст. 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», ст. 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект», ст. 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», ст. 284.1 УК РФ «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности», ст. 314.1 УК РФ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений».

Некоторые авторы в отдельную группу составов преступлений с административной преюдицией включают ст. 154 УК РФ «Незаконное усыновление (удочерение)» и ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)»¹⁰.

Установление преюдиционного характера уголовной ответственности в указанных нормах, в основном, не вызывает возражений. Однако их нормативное оформление ставит перед юридической практикой ряд сложных проблем.

В настоящее время понятие административной преюдиции не имеет четкого правового закрепления.

Слово «преюдиция» происходит от латинского слова *praecedens*, которое в латинском языке означает предшествующее, заранее принятое решение, обстоятельство, позволяющее судить о последствиях¹¹. Большой Юридический словарь трактует данный термин как «обязательность для всех судов, рассматривающих дело, принять без проверки и доказательств факты, ранее установленные вступившим в законную силу судебным решением или приговором»¹².

Таким образом, суть административной преюдиции заключается в том, что повторно совершенное административное правонарушение лицом, которое ранее привлекалось за совершение аналогичного административного правонарушения к административной ответственности, рассматривается как преступление и влечет уголовную ответственность.

Повторность нарушения в таких составах, является тем необходимым условием, которое позволяет рассматривать содеянное как преступление. Иными словами, повторность нарушения в соответствующих составах преступлений является

4 Рарог А. И. Принцип системности права и развитие уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 3-й Междунар. науч.-практ. конф. М., 2006. С. 3.

5 Савюк Л. К. На пути к системности уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007. С. 353.

6 Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009. С. 191–192.

7 Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. / Под ред., с предисл.: Томсинов В. А. М.: Зерцало, 2004. С. 198–199.

8 Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М.: изд-во МГУ, 2007. С.36.

9 Бавсун М. В., Бавсун И. Г. и Тихон И. А. «Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6–9

10 Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения. // Журнал Российского права. 2016. № 6. С. 127.

11 Латино-русский словарь. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. М., 1949. С. 692.

12 Большой юридический словарь / Под. ред. А.Я. Сухарева, 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2009.

тем необходимым элементом, который входит в конструкцию самого состава. Установление в действиях лица признака повторности соответствующего нарушения при наличии других условий позволяет считать, что в деянии нарушителя имеется состав преступления и наоборот. Сказанное позволяет сделать вывод, что повторность правонарушения в соответствующих случаях выступает в качестве конструктивного признака состава преступления.

Конструктивные признаки состава – это такие признаки, которые вводятся законодателем в формулируемый состав преступления в качестве необходимых элементов. При отсутствии таковых совершенное деяние не может рассматриваться как преступление.

Для решения вопроса о наличии или отсутствии в действиях лица состава преступления с конструктивным признаком повторности большое значение имеет уяснение самого понятия повторности правонарушения.

Анализ действующего уголовного законодательства приводит к выводу, что уголовно-правовое понятие повторности деяния является понятием общего характера, которым охватываются возможные комбинации совершения деяния более одного раза. Отдельными видами повторности деяний являются неоднократность (ст.ст. 151.1, 154, 180, 212.1, 215.4, 314.1 УК РФ), систематичность (ст.ст. 117, 151, 232, 241 УК РФ), повторное совершение деяния после применения мер административного воздействия (ст.ст. 116.1, 264.1, 284.1 УК РФ), повторное совершение деяния после осуждения (264.1, 291 УК РФ).

Несмотря на то что в каждой из перечисленных выше норм содержится преюдиционный элемент, они существенно отличаются друг от друга по юридической конструкции. Вследствие отсутствия единообразного понимания значения терминов, нарушается системность построения норм, ставится перед правоприменителем ряд сложных проблем.

По смыслу действующего уголовного законодательства под повторностью правонарушения подразумеваются такие случаи, когда то или иное деяние совершается одним тем же лицом не в первый раз, т.е. не менее двух раз. Закон под повторностью деяния подразумевает случаи совершения лицом во второй и более раз тождественных деяний.

Правило, согласно которому при формулировании составов преступлений с признаком повторности учитываются только тождественные деяния, объясняется тем, что в жизни распространены именно случаи неоднократного совершения одних и тех же нарушений, в связи с чем общественная опасность их повышается. Вместе с тем увеличивается опасность лица, в деянии которого усматривается определенная линия поведения.

Разнородные действия не могут образовать повторность как конструктивный признак состава, ибо разнородные проступки нельзя объединить в одно целое.

Как уже было сказано, отдельными уголовно-правовыми понятиями повторности по действующему уголовному законодательству являются неоднократность, систематичность, повторное совершение деяния после применения мер административного воздействия и повторное совершение деяния после осуждения. Разграничение отдельных видов повторности деяний имеет глубокий практический смысл, поскольку та или иная комбинация совершения деяния не в первый раз по-разному может характеризовать степень общественной опасности личности нарушителя, а также различно отражаться на конечном ущербе.

Неоднократность — это сумма двух или более тождественных деяний, за которые виновный несет ответственность

в целом, чем и объясняется повышенная опасность такого вида повторности. Мы солидарны с позицией В.П. Малкова, который считал, что «неоднократность - есть совокупность тождественных деяний, за которые виновный в целом несет повышенную ответственность в уголовном порядке, вытекает, что лицо ни за одно, из входящих в понятие неоднократности деяний еще не подвергалось каким-либо мерам воздействия»¹³.

Предшествующее применение других мер воздействия за совершенное правонарушение исключает возможность привлечения виновного за те же действия к уголовной ответственности, а, следовательно, исключает возможность их вменения в вину.

Таким образом, правонарушения, за которые виновный подвергался мерам административного воздействия, не могут образовывать неоднократность деяния.

По вопросу о понимании содержания признака систематичности в истории российского уголовного права имелось немало высказываний, иногда существенно отличающихся друг от друга. Впервые понятие этого признака прокомментировал А.А. Жижиленко. По его мнению, совершение деяния «систематически предполагает наличность не простого повторения одного и того же преступного деяния, а ряда таких действий виновного, в которых можно усмотреть проявление известного общего плана его действий или укоренение в виновном известных преступных навыков – все его преступные деяния, неоднократно учиненные, должны быть внутренне связаны друг с другом»¹⁴. А.Н. Трайнин писал, что «системность действий как легальных, так и наказуемых, предполагает их внутреннюю согласованность, предполагает, следовательно, не сумму разрозненных актов, а их логическую цепь»¹⁵. Положительная сторона подобных толкований систематичности заключается в том, что в них подчеркивается качественная характеристика данного понятия. Для практических же работников наиболее доступными в разграничении систематичности от иных видов повторности являются количественные критерии. Так, Пленум Верховного Суда СССР по делу Шарифова конкретно определил количественные критерии систематичности: «присвоение Шарифовым государственных ценностей в два приема не может расцениваться как систематическое хищение. Систематическим хищение признается, когда оно совершено три раза и более»¹⁶. На наш взгляд, вполне справедливо утверждал В. П. Малков, что нельзя говорить о системе действий до тех пор, пока повторяемость их не достигнет определенной степени кратности. Он считал, что минимум трехкратность повторения одних и тех же действий позволяет вообще ставить вопрос о наличии определенной системы поведения виновного. В то же время признавал, что «само по себе наличия трехкратного повторения одного и того же деяния не всегда является бесспорным доказательством наличия системы противоправного поведения виновного. Значительный промежуток времени между отдельными деяниями, совершение их при различных субъективных и объективных условиях и другие обстоятельства могут свидетельствовать о наличии простой неоднократности действий, а не о систематичности их»¹⁷.

13 Малков В. П. Повторность проступка и уголовная ответственность». Казань: Изд-во Казанского университета, 1968. С. 39.

14 Жижиленко А. А. Должностные (служебные) преступления (практический комментарий), 2-е изд., М., 1924. С. 25.

15 Трайнин А. Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Л.: Госуд. Изд-во, 1925. С. 158.

16 Там же. С. 42.

17 Там же. С. 43.

Сходную позицию в данном вопросе занимали и другие видные советские криминалисты, которые считали, что «систематичность означает совершение деяния более двух раз, если при этом противоправные действия являются выражением определенной тенденции в поведении виновного»¹⁸.

Таким образом, о наличии состава преступления с конструктивными признаками систематичности можно говорить лишь в тех случаях, когда в действиях виновного, по крайней мере, установлено трехкратное повторение предусмотренного в законе деяния. Различие неоднократности и систематичности состоит в кратности повторяемых действий. Как неоднократность, так и систематичность предполагают совершение действий до принятия мер судебного воздействия.

Однако в настоящее время, по нашему мнению, понятие систематичности совершения деяния, стало иметь расширительное толкование, что приводит на практике к прямо противоположным решениям по аналогичным вопросам.

Так, в п. 46 Постановления Пленума ВС РФ № 2 от 11 января 2007 г. указывается, что «в соответствии со статьей 74 УК РФ суд вправе по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, принять решение об отмене условного осуждения и исполнении приговора в части наказания, назначенного судом первой инстанции, в случае систематического или злостного неисполнения таким лицом в течение испытательного срока возложенных на него обязанностей, либо если условно осужденный скрылся от контроля. При этом под систематичностью следует понимать совершение запрещенных или невыполнение предписанных условно осужденному действий более двух раз в течение года либо продолжительное (более 30 дней) неисполнение обязанностей, возложенных на него судом...»¹⁹.

Обзор судебной практики позволяет сделать вывод о наличии двух противоположных подходов в принятии решений, что свидетельствует об отсутствии системности в их принятии.

Так, Кемеровский областной суд в справке о причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области, в 2013 г. указал: «Нарушения общественного порядка, совершенные Б. 11.12.2012 и 14.02.2013, за которые он был привлечен к административной ответственности, не являются основанием для отмены ему условного осуждения, поскольку за совершение каждого из указанных нарушений осужденному был продлен испытательный срок...»²⁰. То есть, если за какое-либо нарушение осужденному, например, был продлен испытательный срок, либо были дополнены обязанности, данное нарушение уже не будет учитываться при признании его поведения систематическим нарушением общественного порядка или систематическим неисполнением возложенной обязанности, оно как бы исключается.

Напротив, Свердловский областной суд при признании систематичности нарушений условно осужденного предполагает, что любое нарушение должно учитываться вне зависи-

мости от того, была ли применена к осужденному какая-либо мера воздействия (продление испытательного срока или возложение дополнительных обязанностей), мотивируя свое решение следующим образом: «...суд апелляционной инстанции учитывает, что по отношению к У. были применены все возможные методы воздействия, направленные на достижение цели его исправления без изоляции от общества (неоднократные предупреждения об отмене условного осуждения, возложение по представлению УИИ дополнительных обязанностей), которые положительных результатов не дали. С учетом изложенного суд первой инстанции, принял взвешенное, законное и обоснованное решение об отмене условного осуждения и направлении У., в действиях которого имелся рецидив преступлений, для отбывания назначенного наказания в исправительную колонию строгого режима»²¹.

Следующим видом законодательно закрепленного вида повторности является совершение деяния лицом после применения к нему мер административного воздействия. Как уже говорилось выше, случаи придания уголовно-правового значения предшествующему применению к виновному мер административного воздействия, получили наименование административной преюдиции.

В чистом виде с административной преюдицией в настоящем уголовном законодательстве сформулированы только составы преступлений в ст.ст. 116.1 УК РФ «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию», 264.1 УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» и 284.1 УК РФ, «Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании ее нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности».

Специальное изучение указанных составов преступлений показывает, что в первых двух случаях законодатель при формулировании нормы с административной преюдицией употребляет выражение «подвергнутым административному наказанию», во втором - «ранее привлекалось к административной ответственности». Однако, понятие административной ответственности не тождественно понятию наказания. Так, в соответствии со ст. 2.9. КоАП «при малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности и ограничиться устным замечанием».

Кроме того, в ст.ст. 116.1, 264.1 УК РФ говорится об однократном административном наказании, а в статье 284.1 УК РФ – двукратном привлечении к административной ответственности в течение одного года – как основании уголовной ответственности для виновного лица. Возникает вопрос – чем руководствовался законодатель для признания различной кратности деяния, как основания ответственности? В связи с этим возникает вопрос о моменте, с которого исчисляется годичный срок, необходимый для погашения примененного административного наказания.

К тому же, представляется достаточно спорным указание в ст. 264.1 УК РФ на альтернативность повторных деяний,

18 Куклинов Н., Ефимов М., Фролов Е. Неоднократность, систематичность и совершение преступлений в виде промысла // Советская юстиция. 1961. № 13. С. 21.

19 Постановление Пленума ВС РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ, 2007. № 4. С. 11.

20 Справка Кемеровского областного суда от 14 февраля 2014 г. № 01-07/26-122 «О причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 2013 году» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> Дата обращения 30.10.2016.

21 Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 24 января 2013 г. по делу № 22-500/2014 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> Дата обращения 30.10.2016.

влекущих уголовную ответственность, таких, как: управление транспортным средством в состоянии опьянения, или невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Если учитывать, что закон под повторностью деяния подразумевает случаи совершения лицом во второй и более раз тождественных деяний, то в данном случае в деянии отсутствует не только тождественность, но и само деяние представлено двумя различными вариантами противоправного деяния (действием и бездействием).

И, наконец, вызывает недоумение, объединение в одной диспозиции статьи в качестве субъекта ответственности лица, подвергнутого административному наказанию, и лица, имеющего судимость.

Что касается иных составов преступлений с административной преюдицией, таких, как: ст. 151.1 УК РФ «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», 212.1 УК РФ «Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования», 215.4 УК РФ «Незаконное проникновение на охраняемый объект», 314.1 УК РФ «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений», необходимо отметить, что в них повторность деяний характеризуется признаком неоднократности. А само понятие неоднократности раскрывается в примечаниях к рассматриваемым статьям. В частности, в примечании к ст. 151.1 говорится, что «розничной продажей несовершеннолетнему алкогольной продукции, совершенной лицом неоднократно, признается розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутому административному наказанию».

Как уже говорилось выше, правонарушения, за которые виновный подвергался мерам административного воздействия, не могут образовывать неоднократность деяния.

Таким образом, анализ названных статей свидетельствует о том, что законодателем не выработан универсальный подход к условиям наказуемости деяний, ответственность за которые поставлена в зависимость от повторности их совершения.

Восстановление в уголовном законе анализируемого института, имеющего в целом позитивный характер, в том виде, в каком это было сделано законодателем, представляется спорным, так как он вряд ли будет способствовать разрешению тех задач, ради которых его возрождали.

На основании изложенного полагаем, что в целях выработки указанной позиции необходимо провести глубокий анализ и всестороннее обсуждение проблем, связанных с восстановлением института административной преюдиции в уголовном законе России.

И, прежде всего, вернуться к традиционному пониманию терминов «систематичность», «неоднократность»; привести к единому пониманию и толкованию терминологию преюдиционных норм; восстановить системность в их нормативном оформлении.

Пристатейный библиографический список

1. Апелляционное постановление Свердловского областного суда от 24 января 2013 г. по делу N 22-500/2014 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> Дата обращения 30.10.2016.
2. Бавсун М. В. Актуальные проблемы уголовного права // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4.
3. Бавсун М. В., Бавсун И. Г. и Тихон И. А. «Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с ит. Ю.М. Юмашева. М.: Междунар. отношения, 2000.
5. Большой юридический словарь / Под. ред. А. Я. Сухарева, 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М., 2009.
6. Жижиленко А. А. Должностные (служебные) преступления (практический комментарий), 2-е изд. М., 1924.
7. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений. М.: изд-во МГУ, 2007.
8. Куклинов Н., Ефимов М., Фролов Е. Неоднократность, систематичность и совершение преступлений в виде промысла // Советская юстиция. 1961. № 13.
9. Латино-русский словарь. Гос. изд-во иностранных и национальных словарей. М., 1949.
10. Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М., 2009.
11. Люблинский П. И. Техника, толкование и казуистика уголовного кодекса. / Под ред., с предисл.: Томсинов В. А. М.: Зерцало, 2004.
12. Малков В.П. Повторность проступка и уголовная ответственность». Казань: Изд-во Казанского университета, 1968.
13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 «Послание Президента Российской Федерации» // Российская газета - Федеральный выпуск №6846 (275)
14. Постановление Пленума ВС РФ от 11.01.2007 № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 4.
15. Рарог А. И. Принцип системности права и развитие уголовного законодательства // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 3-й Международ. науч.-практ. конф. М., 2006.
16. Савюк Л. К. На пути к системности уголовного права // Системность в уголовном праве. Материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. М., 2007.
17. Сидоренко Э. Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения. // Журнал Российского права. 2016. № 6.
18. Справка Кемеровского областного суда от 14 февраля 2014 г. № 01-07/26-122 «О причинах отмены и изменения приговоров и других судебных решений по уголовным делам, постановленных районными (городскими) судами Кемеровской области в 2013 году» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> Дата обращения 30.10.2016.
19. Трайнин А. Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Л.: Госуд. Изд-во, 1925.

ПАШКОВСКИЙ Павел Валерьевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры отраслевых юридических дисциплин Таганрогского института имени А. П. Чехова (филиала) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), г. Таганрог

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ И УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД*

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования различных видов юридической ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе государственно-частного партнерства в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Анализируются особенности гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в указанной области. Особое внимание уделяется необходимости совершенствования уголовно-правовых мер противодействия злоупотреблениям при заключении и исполнении государственных контрактов.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд, гражданско-правовая ответственность, административная ответственность, уголовная ответственность, нарушение законодательства о контрактной системе.

PASHKOVSKIY Pavel Valerevich

Ph.D. in Law, associate professor of Sectoral Legal Disciplines sub-faculty of the A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of the Rostov State Economic University (RINE), Taganrog

PROBLEMS OF LIABILITY FOR THE VIOLATION OF LEGISLATION ON CONTRACT SYSTEM OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE FIELD OF PURCHASES OF GOODS, WORKS AND SERVICES FOR STATE AND MUNICIPAL NEEDS

The article discusses the problems of legal regulation of different kinds of juridical liability for the violation of legislation on contract system of public-private partnership in the field of purchases of goods, works and services for state and municipal needs. The author analyzes specifics of civil, administrative and criminal liability in the specified area. Particular attention is paid to the need to improve the criminal-legal measures against abuses in negotiation and execution of public contracts.

Keywords: public-private partnership, purchases for state and municipal needs, civil liability, administrative liability, criminal liability, violation of contract system legislation.

Одной из наиболее распространенных форм государственно-частного партнерства является институт закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд¹. Между тем, именно этот институт является и наиболее уязвимым для всевозможных нарушений и злоупотреблений как со стороны заказчика, так и со стороны поставщика (подрядчика, исполнителя)². В этой связи актуальным представляется рассмотрение вопросов различных видов юридической ответственности за нарушение законодательства в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд.

Статья 12 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-33-0121 «Государственно-частное партнерство в России: проблемы институционального развития и противодействия злоупотреблениям властью».

- 1 Коженко Я. В., Пашковский П. В. Формы и виды государственно-частного партнерства в условиях модернизации системы государственного управления в Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 722.
- 2 Пашковский П. В. Проблемы правового регулирования правоотношений в сфере реализации проектов государственно-частного партнерства в контексте злоупотребления властью // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9 (88). С. 231.

Пашковский П. В.

для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – Закон № 44-ФЗ) закрепляет принцип ответственности за результативность обеспечения государственных и муниципальных нужд, эффективность осуществления закупок. Государственные органы, органы управления государственными внебюджетными фондами, муниципальные органы, казенные учреждения, иные юридические лица в случаях, установленных Законом № 44-ФЗ, при планировании и осуществлении закупок должны исходить из необходимости достижения заданных результатов обеспечения государственных и муниципальных нужд. Устанавливается и персональная ответственность должностных лиц за соблюдение требований законодательства о закупках для государственных и муниципальных нужд. Ст. 117 Закона № 44-ФЗ, в свою очередь, указывает, что лица, виновные в нарушении законодательства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок, несут дисциплинарную, гражданско-правовую, административную, уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Дисциплинарная ответственность носит персонализированный характер. Ее особенности определяются трудовым законодательством и локальными нормативно-правовыми актами участников контрактных правоотношений, а также законодательством о государственной и муниципальной службе (относительно служащих заказчика либо иных участников закупки, в которых законодательством предусмотрена госу-

дарственная или муниципальная служба). Меры дисциплинарной ответственности в соответствии со ст. 192 Трудового кодекса Российской Федерации включают в себя замечание, выговор и увольнение по соответствующим основаниям. Однако федеральные законы, уставы и положения о дисциплине для отдельных категорий работников могут предусматривать и другие дисциплинарные взыскания.

Гражданско-правовая ответственность носит имущественный характер и может распространяться не только на физических, но и на юридических лиц. В ч. 4 ст. 34 Закона № 44-ФЗ устанавливается требование обязательного включения в контракт условия об ответственности заказчика и поставщика (подрядчика, исполнителя) за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, предусмотренных контрактом. Такая ответственность выражается во взыскании неустойки в форме пени или штрафа. Пеня начисляется в случае просрочки исполнения обязательств, оговоренных контрактом, штрафы – в иных случаях неисполнения или ненадлежащего исполнения указанных обязательств.

В случае просрочки исполнения заказчиком обязательств, предусмотренных контрактом, пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения обязательства, начиная со дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства. Такая пеня согласно ч. 5 ст. 34 Закона № 44-ФЗ устанавливается контрактом в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пеней ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от не уплаченной в срок суммы. Размеры штрафов для заказчика, а также пеней и штрафов для поставщика (подрядчика, исполнителя) устанавливаются Постановлением Правительства Российской Федерации от 25.11.2013 г. № 1063 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и размера пеней, начисляемой за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом».

Так, в п. 6 утвержденных указанным постановлением Правительства РФ Правил пени при просрочке исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, устанавливается в размере не менее одной трехсотой действующей на дату уплаты пени ставки рефинансирования Центрального банка Российской Федерации от цены контракта, уменьшенной на сумму, пропорциональную объему обязательств, предусмотренных контрактом и фактически исполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем), и рассчитывается как произведение цены контракта, уменьшенной на стоимость фактически исполненного в установленный срок поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства по контракту, определяемую на основании документа о приемке товаров, результатов выполнения работ, оказания услуг, в том числе отдельных этапов исполнения контрактов, и размера ставки. Последний же рассчитывается как произведение размера ставки рефинансирования, установленной Центральным банком Российской Федерации на дату уплаты пени, определяемого с учетом коэффициента K , и количества дней просрочки. При этом коэффициент K определяется процентным соотношением количества дней просрочки к общему количеству дней, составляющему срок исполнения обязательства по контракту. При K , равном 0-50%, размер ставки определяется за каждый день просрочки и принимается равным 0,01 ставки рефинансирования, установленной Центральным банком Российской Федерации на дату уплаты пени. При K , равном 50-100%, размер ставки принимается равным 0,02 ставки рефинансирования, а при K , равном 100% и более, размер ставки принимается равным 0,03 ставки рефинансирования.

Размер же штрафа устанавливается условиями контракта в виде фиксированной суммы, рассчитываемой как процент цены контракта или ее значения.

Согласно п. 5 Правил за ненадлежащее исполнение заказчиком обязательств по контракту, за исключением просрочки исполнения обязательств, размер штрафа устанавливается в виде фиксированной суммы, определяемой в следующем порядке:

- а) 2,5 процента цены контракта в случае, если цена контракта не превышает 3 млн. рублей;
- б) 2 процента цены контракта в случае, если цена контракта составляет от 3 млн. рублей до 50 млн. рублей;
- в) 1,5 процента цены контракта в случае, если цена контракта составляет от 50 млн. рублей до 100 млн. рублей;
- г) 0,5 процента цены контракта в случае, если цена контракта превышает 100 млн. рублей.

Пунктом 4 Правил оговариваются размеры штрафов в отношении поставщика (подрядчика, исполнителя). Они составляют:

- а) 10 процентов цены контракта в случае, если цена контракта не превышает 3 млн. рублей;
- б) 5 процентов цены контракта в случае, если цена контракта составляет от 3 млн. рублей до 50 млн. рублей;
- в) 1 процент цены контракта в случае, если цена контракта составляет от 50 млн. рублей до 100 млн. рублей;
- г) 0,5 процента цены контракта в случае, если цена контракта превышает 100 млн. рублей.

Следует отметить крайне низкую степень соблюдения требований юридической техники подготовки данных Правил. Как верно подметил Д.В. Змиевский, величина коэффициента K при расчете неустойки в отношении поставщика (подрядчика, исполнителя) равная 50% и 100% попадает сразу в два интервала определения размера ставки рефинансирования за каждый день просрочки. Аналогичная проблема складывается и с определением размеров штрафов как для заказчика, так и для поставщика (подрядчика, исполнителя)³.

Административная ответственность представлена целым рядом специальных составов правонарушений в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст.ст. 7.29-7.32.1, ч. 11 ст. 9.16, ч.ч. 7, 7.1 и 7.3 ст. 19.5, ст. 19.7.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях). Основную их часть формируют 9 составов правонарушений в области охраны собственности:

- несоблюдение требований законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд при принятии решения о способе и об условиях определения поставщика, подрядчика, исполнителя (ст. 7.29 КоАП РФ);
- нарушение порядка определения начальной (максимальной) цены государственного контракта по государственному оборонному заказу или цены государственного контракта при размещении государственного оборонного заказа (ст. 7.29.1 КоАП РФ);
- отказ или уклонение поставщика (исполнителя, подрядчика) от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу, договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа (ст. 7.29.2 КоАП РФ);
- нарушение законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок при планировании закупок (ст. 7.29.3 КоАП РФ);
- нарушение порядка осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (ст. 7.30 КоАП РФ);
- нарушение порядка ведения реестра контрактов, заключенных заказчиками, реестра контрактов, содержащего сведения, составляющие государственную тайну, реестра недобросовестных поставщиков, подрядчиков, исполнителей (ст. 7.31 КоАП РФ);
- нарушение порядка и (или) сроков возврата денежных средств, внесенных в качестве обеспечения заявок на участие

3 Змиевский Д. В. Проблемные аспекты механизма гражданско-правовой ответственности сторон государственного (муниципального) контракта // Право и практика. 2015. № 2. С. 82.

в определении поставщика (подрядчика, исполнителя), порядка и (или) сроков блокирования операций по счету участника закупки, порядка ведения реестра участников электронного аукциона, получивших аккредитацию на электронной площадке, правил документооборота при проведении электронного аукциона, разглашение оператором электронной площадки, должностным лицом оператора электронной площадки информации об участнике закупки до подведения результатов электронного аукциона (ст. 7.31.1 КоАП РФ);

– нарушение порядка заключения, изменения контракта (ст. 7.32 КоАП РФ);

– нарушение срока и порядка оплаты товаров (работ, услуг) для государственных нужд по государственному оборонному заказу (ст. 7.32.1 КоАП РФ).

К иным правонарушениям в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд можно отнести:

– осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, не соответствующих требованиям их энергетической эффективности (ч. 11 ст. 9.16 КоАП РФ);

– невыполнение должностным лицом заказчика, должностным лицом уполномоченного органа, должностным лицом уполномоченного учреждения, членом комиссии по осуществлению закупок, оператором электронной площадки, специализированной организацией в установленный срок законного предписания, требования органа, уполномоченного на осуществление контроля в сфере закупок (ч. 7 и 7.3 ст. 19.5 КоАП РФ);

– невыполнение в установленный срок законного предписания или требования федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере государственного оборонного заказа, либо его территориального органа (ч. 7.1 и 7.3 ст. 19.5 КоАП РФ);

– непредставление информации и документов или представление заведомо недостоверных информации и документов в орган, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере государственного оборонного заказа, орган внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля (ст. 19.7.2 КоАП РФ).

В противоположность административному законодательству ныне действующий Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. не предусматривает специальных составов преступлений в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, ограничиваясь такими общими составами, как мошенничество (ст. 159 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), нецелевое расходование бюджетных средств (ст. 285.1 УК РФ), нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов (ст. 285.2 УК РФ), получение и дача взятки (ст. 290-291 УК РФ) и ряд других. Подобная ситуация заставляет задуматься об эффективности современной уголовно-правовой политики российского государства в рассматриваемой сфере.

Однако нельзя обойти вниманием и некоторые попытки изменить сложившуюся ситуацию. Так, 11 марта 2015 г. инициативной группой депутатов в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями», зарегистрированный за номером 740713-6⁴. Данный законопроект предлагает включение

в Уголовный кодекс РФ статьи 164.1, предусматривающей специальный состав хищения в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Предполагается определить данное преступное деяние как хищение денежных средств или иного имущества, совершенное должностным лицом заказчика, поставщика (подрядчика, исполнителя), субподрядчика и (или) соисполнителя при исполнении государственного или муниципального контракта. Однако подобная формулировка представляется крайне неудачной ввиду того, что охватывает только поставщиков (подрядчиков, исполнителей), субподрядчиков и (или) соисполнителей, являющихся государственными и муниципальными учреждениями, государственными корпорациями, государственными компаниями, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, акционерными обществами, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации. Между тем, в соответствии с ч. 4 ст. 27 Закона № 44-ФЗ преимущества при осуществлении закупок предоставляются организациям инвалидов, субъектам малого предпринимательства, социально ориентированным некоммерческим организациям, а ч. 1 ст. 30 указанного закона прямо обязывает заказчиков осуществлять закупки у субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций в объеме не менее чем пятнадцати процентов совокупного годового объема закупок. Перечисленные организации не могут иметь должностных лиц в своем штате, а только лишь лиц, выполняющих управленческие функции.

Также законопроект № 740713-6 планирует введение таких отягчающих ответственность квалифицирующих признаков, как совершение деяния «при определении поставщиков (подрядчиков, исполнителей) и (или) исполнении государственного либо муниципального контракта» и «при размещении и (или) выполнении государственного оборонного заказа» в составе злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), получения взятки (ст. 290 УК РФ), дачи взятки (ст. 291 УК РФ), посредничества во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ).

Однако с конца марта 2016 г. данный законопроект находится без движения, не пройдя даже первого чтения в Государственной Думе.

Таким образом, проблемы ответственности за нарушение законодательства о контрактной системе государственно-частного партнерства в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд далеки от полного разрешения. Особенно это видно на примерах гражданско-правовой и уголовной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Законопроект № 740713-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/5092CA9DF4627CC043257E0500344B9E/\\$File/740713-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/5092CA9DF4627CC043257E0500344B9E/$File/740713-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 30.10.2016 г.).
2. Змиевский Д. В. Проблемные аспекты механизма гражданско-правовой ответственности сторон государственного (муниципального) контракта // Право и практика. 2015. № 2. С. 77-85.
3. Коженко Я.В., Пашковский П. В. Формы и виды государственно-частного партнерства в условиях модернизации системы государственного управления в Российской Федерации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2. С. 722.
4. Пашковский П. В. Проблемы правового регулирования правоотношений в сфере реализации проектов государственно-частного партнерства в контексте злоупотребления властью // Евразийский юридический журнал. 2015. № 9 (88). С. 231-233.

4 Законопроект № 740713-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями» [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/5092CA9DF4627CC043257E0500344B9E/\\$File/740713-6.PDF?OpenElement](http://asozd2.duma.gov.ru/addwork/scans.nsf/ID/5092CA9DF4627CC043257E0500344B9E/$File/740713-6.PDF?OpenElement) (дата обращения: 30.10.2016 г.).

БУДНИКОВ Николай Алексеевич

доктор юридических наук, профессор кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии

ПЛОТНИКОВА Юлия Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Саратовской государственной юридической академии

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВЕННОГО МОНИТОРИНГА ЗЕМЕЛЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ

В статье в правовом контексте рассматриваются понятие, виды и функции мониторинга земель сельскохозяйственного назначения. Содержатся обобщения теоретических разработок, анализ нормативных правовых актов в данной области.

Ключевые слова: государственный экологический мониторинг, государственный мониторинг земель сельскохозяйственного назначения, мониторинг плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения, функция государственного управления.

BUDNIKOV Nikolay Alekseevich

Ph.D. in Law, professor of Environmental and Land Law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

PLOTNIKOVA Yuliya Anatolyevna

Ph.D. in Law, associate professor of Environmental and Land Law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

CONCEPT AND LEGAL NATURE OF THE STATE MONITORING OF LANDS OF AGRICULTURAL PURPOSE

In article in a legal context the concept, types and functions of monitoring of lands of agricultural purpose are considered. Generalization of theoretical developments, the analysis of regulatory legal acts in the field contain.

Keywords: state environmental monitoring, state monitoring of lands of agricultural purpose, monitoring of fertility of soils of lands of agricultural purpose, function of public administration.

Будников Н. А.

Плотникова Ю. А.

Внешнеполитическая деятельность России в новых условиях геополитической ситуации направлена на обеспечение защиты стратегических интересов страны. Национальная аграрная политика в системе социально-экономической политики государства выступает как одна из приоритетных. Если говорить о сельском хозяйстве в Российской Федерации, то в настоящее время следует отметить экономический рост.

Как известно, Российская Федерация является крупнейшим мировым обладателем сельскохозяйственного потенциала. В России проживает, согласно статистическим данным, около 2% населения Земли в целом, при этом наша страна располагает 9% мировой продуктивной пашни, 20% мировых запасов пресной воды и другими запасами природных «богатств»¹. Однако в настоящее время в большинстве субъектов Российской Федерации, как указано в Распоряжении Правительства РФ от 30 июля 2010 г. № 1292-р «О Концепции развития государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и земель, используемых или предоставленных для ведения сельского хозяйства в составе земельных категорий, и формирования государственных информационных ресурсов об этих землях на период до 2020 года»², отмечается снижение плодородия почв, ухудшение состояние земель, используемых или предоставленных для ведения сель-

ского хозяйства. Почвенный покров, особенно сельскохозяйственных угодий, подвержен деградации и загрязнению, теряет устойчивость к разрушению, способность к восстановлению свойств и воспроизводству плодородия. Можно констатировать, что вопросы государственного управления сельскохозяйственным производством на современном этапе стоят как никогда остро, а эффективное их решение невозможно без осуществления государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения, который представляет собой одну из основных функций управления, а именно - начальную стадию процесса управления.

В научной литературе отмечается, что впервые термин «мониторинг» появился в преддверии проведения Стокгольмской конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде в Стокгольме в 1972 году; его автором признают Р. Менна. Но в России появление системы мониторинга отметили на межправительственном совещании по мониторингу в Найроби в 1974 году Советом управляющих Программы Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей среды (ЮНЕП), хотя при этом необходимо отметить, что Гидрометеорологической службой СССР осуществлялись наблюдения за различными изменениями в биосфере и ранее³.

1 Гордеев А. Крестьяне прокормят себя и страну, а государство им поможет // Финансовый контроль. – 2007. – №12. – С. 34-38.

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.government.ru> (дата обращения: 01.10.2016).

3 Гиниятов И. А. К вопросу о сущности и роли государственного мониторинга земель на современном этапе // Интерэкспо Гео – Сибирь. – 2012. – № 1. – С. 43-46.

Термин «мониторинг» происходит от английского слова *monitoring* и переводится как «отслеживание», а от латинского *monitor* — «напоминающий, надзирающий». Данный термин в настоящее время используется как в области науки, так и в практической деятельности.

Следует сказать, что мониторинг как способ решения глобальных проблем взаимодействия человека с окружающей средой с 70-х годов прошлого столетия до настоящего времени получил «широкое» развитие. Его истоки были отмечены в почвоведении, затем в экологии и других смежных науках⁴.

Определение мониторинга Ю. А. Израэлем было принято в качестве международного; автор полагает, что «мониторинг — это система повторных наблюдений одного или более элементов окружающей природной среды в пространстве и времени с определенными целями»⁵.

В Советском энциклопедическом словаре содержится одно единственное определение мониторинга, который представляет собой «наблюдение, оценку и прогноз состояния окружающей среды в связи с хозяйственной деятельностью человека»⁶.

Трансформация социально-экономических отношений в связи с распадом СССР потребовала в целом развития российского законодательства, и, в частности, в области мониторинга земель сельскохозяйственного назначения. Так, в 2002 году в редакции Федерального закона «Об охране окружающей среды»⁷ (далее Закон об охране окружающей среды) под мониторингом — экологическим мониторингом — ст. 63 предусматривает «государственный экологический мониторинг (государственный мониторинг окружающей среды)», имеющий статус государственного мероприятия, под которым понимается деятельность федеральных и региональных органов исполнительной власти, которая осуществляется в соответствии с их компетенцией, установленной законодательством Российской Федерации в рамках единой системы государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды), посредством создания и обеспечения функционирования наблюдательных сетей и информационных ресурсов в рамках подсистем единой системы государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды), а также создания и эксплуатации уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти государственного фонда данных. В ст. 63.1 Закона об охране окружающей среды сказано, что государственный мониторинг земель входит в единую систему государственного экологического мониторинга (государственного мониторинга окружающей среды) в качестве его подсистемы.

Согласно ст. 67 Земельного кодекса РФ⁸ составляющими государственного мониторинга земель являются не только наблюдение и оценка, но и прогнозирование, которые в целом направлены на получение достоверной информации о состоянии земель, об их количественных и качественных характе-

ристиках, их использовании и о состоянии плодородия почв. Объектами мониторинга являются все земли в Российской Федерации.

Однако специфика учета земель сельскохозяйственного назначения, в том числе сельскохозяйственных угодий, являющимися основным средством производства сельскохозяйственной продукции, безусловно, требует других подходов в осуществлении мониторинга. Так, в п. 3 ст. 67 Земельного кодекса РФ закреплено, что осуществление государственного мониторинга земель в отношении земель сельскохозяйственного назначения и земель иных категорий, используемых или предоставленных для нужд сельского хозяйства, регулируется Федеральным законом от 16 июля 1998 г. № 101-ФЗ «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения»⁹, в ст. 16 которого закреплено, что мониторинг плодородия земель сельскохозяйственного назначения является составной частью государственного мониторинга земель.

Полномочия по осуществлению государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения возложены на Министерство сельского хозяйства РФ и подведомственные ему органы Постановлением Правительства РФ от 12 июня 2008 г. № 450 «О Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации»¹⁰.

Определение государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения и порядка его осуществления с 24 декабря 2015 г. закреплены в Приказе Министерства сельского хозяйства РФ № 664 «Об утверждении Порядка осуществления государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения»¹¹ (далее — приказ об утверждении Порядка осуществления государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения) согласно которому государственный мониторинг земель сельскохозяйственного назначения характеризуется следующими признаками: это деятельность уполномоченных органов государственной власти; она направлена на выявление изменений состояния земель, оценку качественного состояния земель с учетом воздействия природных и антропогенных факторов, оценку и прогнозирование развития негативных процессов, обусловленных природными и антропогенными воздействиями, выработку предложений о предотвращении негативного воздействия на земли, об устранении последствий такого воздействия и обеспечение органов государственной власти, органов местного самоуправления, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан информацией о состоянии окружающей среды, в частности о состоянии земель; данная деятельность представляет собой систему оперативных, периодических и базовых (исходных) наблюдений за изменением качественного и количественного состояния земель сельскохозяйственного назначения, в том числе мониторинг плодородия таких земель.

Объектом государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения являются все земли сельскохозяйственного назначения независимо от форм собственности и форм осуществляемого на них хозяйствования.

Одновременно в приказе об утверждении Порядка осуществления государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения определено, что в настоящее время

4 Ганеева Ж. Г. Определение понятия «мониторинг» в различных сферах его применения // Вестник Челябинского государственного университета. — 2005. — № 1. — С. 30-33.

5 К юбилею Ю. А. Израэля. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.igce.ru/page/izrael80> (дата обращения: 01.10.2016).

6 Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. — М., 1984. — С. 825.

7 Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2, ст. 133; 2016. — № 27, ч. 2, ст. 4291.

8 Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 44, ст. 4147; 2016. — № 27, ч. 2, ст. 4306.

9 Собрание законодательства РФ. — 1998. — № 29, ст. 3399; 2016. — № 15, ст. 2066.

10 Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 25, ст. 2983; 2016. — № 35, ст. 5349.

11 БНА ФОИВ. — 2016. — № 18.

государственный мониторинг земель сельскохозяйственного назначения подразделяется на мониторинг использования земель и мониторинг состояния земель, что является целесообразным в рамках получения информации, необходимой для решения задач, стоящих перед органами государственной власти в сфере эффективного управления агропромышленным комплексом страны, так как в результате проведения мониторинга по каждому объекту полученная информация должна содержать физические и химические показатели свойств почвы, определяющие ее состояние и использование.

Почва является составным компонентом земель сельскохозяйственного назначения, а плодородие почвы при ее характеристике представляется важнейшим свойством, показателем ресурсной ценности почвы, которое изменяется в процессе развития почвы и по отношению к различным сельскохозяйственным культурам. Поэтому Министерство сельского хозяйства Российской Федерации в приказе об утверждении Порядка осуществления государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения учитывает особенности земель сельскохозяйственного назначения при осуществлении мониторинга состояния земель - осуществляется мониторинг плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения и учет показателей состояния плодородия почв, а в рамках мониторинга использования земель - осуществляется наблюдение за использованием земель и земельных участков в соответствии с их целевым назначением.

Необходимо также сказать и том, что действующая Конституция РФ¹² содержит основополагающие принципы, на которых строятся отношения, возникающие в области предоставления информации о состоянии окружающей среды. Так, в соответствии со ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на достоверную информацию о состоянии окружающей среды в целом и, в частности, о состоянии земельных ресурсов. В приказе об утверждении Порядка осуществления государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения этот конституционный принцип получает свое развитие, поскольку обобщенная информация о результатах государственного мониторинга земель сельскохозяйственного назначения на территории Российской Федерации, субъекта Российской Федерации и муниципального образования является общедоступной, которая предоставляется органами государственной власти заинтересованным лицам на безвозмездной основе.

Таким образом, в настоящее время на легальном уровне закреплен государственный мониторинг земель сельскохозяйственного назначения и законодателем четко сформулированы направления деятельности в области мониторинга земель сельскохозяйственного назначения, в том числе к ним относятся наблюдение, оценка и прогнозирование, направленные на получение информации о состоянии земель, об их количественных и качественных характеристиках, их использовании и о состоянии плодородия почв. При этом, мониторинг, являясь одной из функций государственного управления, имеет решающее значение в развитие агропромышленного комплекса нашего государства.

Пристатейный библиографический список

1. Гордеев А. Крестьяне прокормят себя и страну, а государство им поможет // Финансовый контроль. – 2007. – № 12.
2. Гиниятов И. А. К вопросу о сущности и роли государственного мониторинга земель на современном этапе // Интерэкспо Гео – Сибирь. – 2012. – № 1.
3. Ганеева Ж. Г. Определение понятия «мониторинг» в различных сферах его применения // Вестник Челябинского государственного университета. – 2005. – № 1.
4. К юбилею Ю. А. Израэля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.igce.ru/page/izrael80> (дата обращения: 01.10.2016).
5. Советский энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. – М., 1984.

12 Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31, ст. 4398.

ДОБРОНРАВИН Николай Александрович

доктор филологических наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В ДЕКЛАРАЦИЯХ О СУВЕРЕНИТЕТЕ И НЕЗАВИСИМОСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье исследуется экологический аспект деклараций о суверенитете и независимости постсоветских государств. Предлагается рассматривать обращение к нормам об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов в декларациях о суверенитете и независимости, а также в конституциях этих государств в качестве одного из признаков формирования евразийского экополитического пространства.

Ключевые слова: концепция устойчивого развития, экология, право на благоприятную окружающую среду, декларации независимости, суверенитет, евразийское экополитическое пространство.

DOBONRAVIN Nikolay Alexandrovich

Ph.D. in philological sciences, professor of World Politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

ERMOLINA Marina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor of World Politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

ENVIRONMENTAL PROTECTION IN INDEPENDENCE AND SOVEREIGNTY DECLARATIONS: THE FORMATION OF EURASIAN ECOPOLITICAL SPACE

The ecological aspect of independence and sovereignty declarations of post-Soviet states is studied in the article. The authors argue that the appeal to the rules for the protection of the environment and rational use of natural resources in independence and sovereignty declarations, as well as in the constitutions of these states, is to be seen as a sign of the formation of the Eurasian ecopolitical space.

Keywords: sustainable development concept, ecology, right to a healthy environment, declarations of independence, sovereignty, Eurasian ecopolitical space.

Добронравин Н. А.

Ермолина М. А.

Декларации о суверенитете и независимости – политико-правовые акты, характерные для абсолютного большинства постсоветских государств. Одна из особенностей таких документов связана с их двуслойностью. Обычно сначала принимались декларации о суверенитете, а затем о государственной независимости. В ряде случаев декларации о суверенитете модифицировались и дополнялись в соответствии с новым статусом постсоветских государств (Беларусь, Таджикистан)¹. Декларации о государственном суверенитете и независимости принимали также частично признанные и непризнанные государства, декларации о суверенитете – субнациональные образования (прежде всего, бывшие автономные республики).

Четкое разграничение концептов суверенитета и независимости отличает постсоветские декларации от большинства подобных документов в других странах мира. Однако такое разграничение – не единственная особенность политико-правовых актов, принятых в процессе создания новых независимых государств на территории бывшего

СССР. «Типовые» постколониальные декларации независимости обычно включают перечисление трудностей освобождения и восстановления государственности (в мифологизированной форме), отсылки к доколониальной истории (также мифологизированные) и политическую программу будущего государственного строительства. Декларация независимости, принятая от имени народа («мы, народ...»), может быть обращена к народу. Таким образом, оказывается, что народ обращается к самому себе, чтобы сообщить о своей независимости. Постсоветские декларации имеют существенные отличия от документов, принятых в процессе деколонизации в странах Азии, Африки и Латинской Америки.

Как правило, в декларациях о суверенитете провозглашалось право собственности на природные ресурсы и другое национальное достояние. В частности, в Декларации о государственном суверенитете Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 года утверждалось: «В Республике Кыргызстан Земля, ее недра, воздушное пространство, леса, воды, растительный и животный мир – все природные ресурсы, культурные и исторические ценности, а также весь экономический и научно-технический потенциал, созданный народом Республики, являются его национальным достоянием, исключительной собственностью. Никто не вправе: изымать, владеть, пользо-

¹ Подробнее см., например: Добронравин Н. А. Декларации независимости постсоветских государств Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 370-372.

ваться и распоряжаться национальным достоянием без согласия самой Республики»². В Декларации о государственном суверенитете Крыма от 4 сентября 1991 г. провозглашалось: «Народ Крыма имеет исключительное право собственности на землю, её недра, воздушное пространство, водные и другие природные ресурсы, находящиеся в пределах территории и континентального шельфа Крыма»³.

Хотя это и не декларировалось в документах, речь шла о передаче так называемой союзной собственности в подчинение республик и других политических образований. Вероятно, теми же соображениями руководствовались и политические движения, провозглашавших суверенитет от имени «своих» народов. В качестве примера можно привести Декларацию о национальном суверенитете крымско-татарского народа от 28 июня 1991 г. В ней утверждалось: «Земля и природные ресурсы Крыма, включая его оздоровительно-рекреационный потенциал, являются основой национального богатства крымско-татарского народа и источником благосостояния всех жителей Крыма. Они не могут использоваться помимо воли и согласия крымско-татарского народа, любые действия, ухудшающие экологическое состояние и искажающие исторический ландшафт Крыма, включая прилегающие акватории Черного и Азовского морен, должны быть прекращены. Вред наносимый природе и ресурсам Крыма, должен быть возмещен виновными»⁴. Авторы таких политико-правовых актов по-разному представляли себе постсоветскую государственность, но все они фактически следовали положениям Декларации о неотъемлемом суверенитете над природными ресурсами 1962 г.⁵

Одна из наиболее своеобразных черт деклараций о суверенитете и независимости на территории бывшего СССР связана с обращением к экологической проблематике. Проблемы экологической безопасности подробно рассматривались в декларациях о суверенитете, принятых в Казахстане и Белоруссии.

В Декларации о государственном суверенитете Казахской ССР от 25 октября 1990 г. говорилось:

«Казахская ССР самостоятельно устанавливает порядок организации охраны экологической среды Республики, использования природных ресурсов, обеспечивает народу экологическую безопасность и имеет право запретить строительство и прекратить функционирование на своей территории любых предприятий, учреждений, организаций, других объектов, являющихся источником экологической опасности.

На территории Республики запрещаются испытание ядерного оружия, строительство и функционирование испытательных полигонов для иных видов оружия массового уничтожения (химического, бактериологического, биологического и других).

Казахская ССР имеет право на возмещение ущерба, причиненного здоровью населения, природной среде и экономике Республики действиями Союзных органов, союзных республик и иных государств, а также деятельностью на ее территории ядерных и других полигонов, объектов военно-промышленного комплекса»⁶.

Еще более яркими были формулировки декларации о суверенитете Белоруссии, принятой 27 июля 1990 г.:

«Республика Беларусь самостоятельно устанавливает порядок организации на территории республики охраны природы, использования природных ресурсов и обеспечивает наряду республики экологическую безопасность.

Республика Беларусь имеет право на возмещение ущерба, нанесенного ей действиями союзных органов, союзных республик и других государств.

Республика Беларусь требует от Правительства СССР безусловной и срочной компенсации ущерба, связанного с преодолением последствий чернобыльской катастрофы.

Свою свободу и суверенитет Республика Беларусь в первую очередь использует для спасения народа Республики Беларусь от последствий чернобыльской катастрофы»⁷.

В Декларации о государственном суверенитете Украинской ССР от 16 июля 1990 г. экологическая безопасность также рассматривалась в особой статье:

«Украинская ССР самостоятельно устанавливает порядок организации охраны природы на территории Республики и порядок использования природных ресурсов.

Украинская ССР имеет свою национальную комиссию радиационной защиты населения.

Украинская ССР имеет право запретить строительство и прекратить функционирование любых предприятий, учреждений, организаций и других объектов, вызывающих угрозу экологической безопасности.

Украинская ССР заботится об экологической безопасности граждан, о генофонде народа, его молодого поколения.

Украинская ССР имеет право на возмещение ущерба, нанесенного экологии Украины действиями союзных органов»⁸.

Сопоставление текстов деклараций, принятых высшими законодательными органами Казахстана, Белоруссии и Украины позволяет предположить, что в качестве модели использовалась статья об экологической безопасности, вошедшая в украинский документ.

Экологическая безопасность упоминалась также в декларациях о суверенитете Абхазии, Крыма, непризнанных Нагорно-Карабахской, Приднестровской Молдавской, Донецкой и Луганской Народных Республик. Авторы этих деклараций ориентировались на приведенные выше аналогичные полити-

2 Закон Республики Кыргызстан от 15 декабря 1990 г. № 273-ХП. Декларация о государственном суверенитете Республики Кыргызстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Ст. 2. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ky-kg/205081?cl=ru-ru> (дата обращения: 28.09.2016).

3 Декларация о государственном суверенитете Крыма от 4 сентября 1991 г. – Ст. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sevkrimrus.narod.ru/ZAKON/dekl.htm> (дата обращения: 29.09.2016).

4 Декларация о национальном суверенитете крымско-татарского народа от 28 июня 1991 г. – Ст. 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kro-krim.narod.ru/LITERAT/TATARI/tatdekl.htm> (дата обращения: 01.10.2016).

5 Резолюция 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1962 г. «Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/195/59/IMG/NR019559.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.09.2016).

6 Декларация о государственном суверенитете Республики Казахстан (в действующей версии слова «Казахская ССР» заменены на «Республика Казахстан»). – Ст. 11. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adilet.zan.kz/rus/docs/B900001700_#z3 (дата обращения: 28.09.2016).

7 Декларация Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. № 193-ХП (в первоначальной версии – «Белорусской ССР»). – Ст. 8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsby.org/by/2011/07/27/text20625.htm> (дата обращения: 30.09.2016).

8 Декларация о государственном суверенитете Украины от 16 июля 1990 г. № 55-ХП (в первоначальной версии – «Украинской ССР»). – Ст. 7. Экологическая безопасность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aif.ru/archive/1651638> (дата обращения: 30.09.2016).

ко-правовые акты бывших союзных республик, и прежде всего Украины. Так, например, часть положений об экологической безопасности почти без изменений была перенесена из украинской декларации о суверенитете в Декларацию о государственном суверенитете Абхазской ССР от 25 августа 1990 г.: «Абхазская ССР самостоятельно устанавливает порядок организации охраны природы на территории Республики и порядок использования природных ресурсов».

Абхазская ССР имеет право запретить строительство и прекратить функционирование любых предприятий, учреждений, организаций и других объектов, вызывающих угрозу экологической безопасности»⁹.

Обращение к экологической проблематике было связано, прежде всего, с деятельностью политических партий и движений в годы перестройки, а также с техногенными катастрофами, прежде всего, на территории Казахстана, Белоруссии и Украины. Политическая активность имела большее значение, чем собственно экологические проблемы. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие экологической составляющей в декларации о суверенитете Узбекистана. При этом именно экологическим проблемам, общим для всей Центральной Азии, было отведено важнейшее место в выступлении первого президента И. Каримова в день провозглашения независимости: «Узбекистан имеет тысячелетние связи, историческую, культурную общность, переплетение интересов с Казахстаном, Таджикистаном, Кыргызстаном, Туркменистаном [...]. По-прежнему уверены, что только сообща сможем решить те острые экологические, экономические, социальные проблемы, которые в равной мере затрагивают жизнь и благополучие всех народов нашего региона»¹⁰.

Именно экологическая составляющая представляет собой уникальную черту деклараций о суверенитете и независимости новых государств, провозглашенных на постсоветском пространстве. Обращение к экологической проблематике в первых актах постсоветских государств позволяет предполагать, что в ходе распада СССР формировалось единое евразийское экополитическое пространство, независимо от краткосрочных целей отдельных государств. Термин «экополитическое пространство» используется в научной литературе с 1990-х гг. Его содержание определяется по-разному. В частности, Д. В. Афиногенов и В. А. Волков полагают, что «– глобальное экополитическое пространство связано, в первую очередь, с проблемами загрязнения атмосферы и изменения климата; – вокруг крупных водных бассейнов (морей, больших рек) формируются региональные экополитические пространства; – экологические угрозы локального характера стимулируют образование местных экополитических пространств»¹¹.

Более точным представляется определение В. А. Смышляева, согласно которому экополитическое пространство – это «пространство, возникшее вокруг зоны экологического риска [...]». Экополитические пространства могут быть локальными,

региональными и глобальными. На локальном и региональном уровнях вероятно совпадение данного пространства с политическим пространством»¹². Развитие постсоветских государств показывает, что для формирования экополитического пространства недостаточно самого факта существования экологических угроз, но необходима и собственно политическая составляющая, выраженная, в частности, в первых политико-правовых актах новых государств. В рамках единого экополитического пространства государственные границы не являются препятствием для деятельности как суверенных государств, так и негосударственных акторов¹³.

Очевидно, что проведение Второй международной конференции по окружающей среде и развитию в 1992 году (Рио-де-Жанейро, Бразилия) состоялось немногим позже после обретения независимости Россией и бывшими союзными республиками. Будучи участницей данной конференции, Россия, как и другие страны, приняла обязательства по выполнению ее решений. Прежде всего, это касалось имплементации норм международного права, содержащихся в международных правовых актах – Декларации по окружающей среде и развитию, Повестке дня на XXI век, Конвенции по изменению климата и других международных правовых актах.

В принятых впоследствии Основных законах и законодательстве большинства постсоветских стран были закреплены следующие принципы:

- соблюдение права человека на благоприятную окружающую среду;
- охрана, воспроизводство и рациональное использование природных ресурсов как необходимые условия обеспечения благоприятной окружающей среды и экологической безопасности;
- обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности человека;
- научно обоснованное сочетание экологических, экономических и социальных интересов общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды;
- соблюдение прав граждан на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды, а также участие граждан в принятии решений, касающихся их прав на благоприятную окружающую среду, в соответствии с законодательством;
- презумпция потенциальной экологической опасности намечаемой хозяйственной и иной деятельности;
- запрещение хозяйственной деятельности, последствия которой непредсказуемы для окружающей среды;
- сохранение биологического разнообразия;
- ответственность за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды;
- организация и совершенствование системы экологического образования, воспитания и формирования экологической культуры;
- международное сотрудничество в области охраны окружающей среды;

9 Декларация о государственном суверенитете Абхазской ССР от 25 августа 1990 г. – Ст. 14. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apsuara.ru/portal/book/export/html/1013> (дата обращения: 28.09.2016).

10 Каримов И. Государственная политика независимого Узбекистана основывается на принципах нравственности и гуманизма. Доклад на внеочередной шестой сессии Верховного Совета Республики Узбекистан, 31 августа 1991 г. Цит. по: Каримов И. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Ташкент: Узбекистан, 2011. – С. 339-349.

11 Афиногенов Д. В. Волков В. А. Экополитические пространства – новые политические измерения // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3. – С. 66.

12 Смышляев В. А. Экополитическое пространство как сфера геополитического противостояния // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 169.

13 О возможных последствиях такой деятельности см., например: Фархутдинов И. З. Международное право о применении государством военной силы против негосударственных участников // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 59-76.

– иные принципы, закрепленные в международном праве.

Практически во всех конституциях постсоветских государств применительно к охране окружающей среды используются категории «основа жизни и деятельности народов», «общенациональное богатство», «общенациональное достояние» и т.п. (Конституция Российской Федерации, Конституция Республики Узбекистан, Конституция Эстонской Республики, Конституция Киргизской Республики и др.).

Примечательно, что в конституциях ряда государств (Азербайджанская Республика, Армения, Украина, Киргизская Республика и др.) ответственным за состояние окружающей среды является государство в лице органов власти различных уровней.

Обратимся к соответствующим экологическим положениям конституций. Будучи закрепленными на конституционном уровне, данные принципы приобретают характер нормативных принципов права и являются основой для формирования национального законодательства.

Ст. 39 Конституции Азербайджанской Республики (1995): «Государство гарантирует сохранение экологического баланса, защиту определенных законом видов дикорастущих растений и диких животных»¹⁴.

Ст. 10 Конституции Республики Армении (1995): «Государство обеспечивает охрану и воспроизводство окружающей среды, рациональное использование природных ресурсов».

Ст. 46 Конституции Республики Беларусь (1996) предусматривает, что «Государство осуществляет контроль за рациональным использованием природных ресурсов в целях защиты и улучшения условий жизни, а также охраны и восстановления окружающей среды».

Ст. 3 Конституции Грузии (1995): «В целях создания безопасной для здоровья человека среды, в соответствии с экологическими и экономическими интересами общества, в интересах нынешнего и будущих поколений государство обеспечивает охрану окружающей среды и рациональное природопользование».

Ст. 115 Конституции Латвийской Республики (1922 года с последующими поправками): «Государство охраняет право каждого жить в благоприятной окружающей среде, информируя о состоянии окружающей среды и заботясь об ее сохранении и улучшении».

Ст. 53 Конституции Литовской Республики (1992): «Государство и каждое лицо обязаны охранять окружающую среду от вредных воздействий». Ст. 54: «Государство проявляет заботу об охране естественной природной среды, животного и растительного мира, отдельных природных объектов и представляющих особую ценность местностей, осуществляет надзор в целях бережного использования, а также восстановления и преумножения природных ресурсов. Законом запрещается истощать землю, ее недра, воды, загрязнять воды и воздух, оказывать радиационное воздействие на окружающую среду, а также обеднять растительный и животный мир».

Ст. 311 Конституции Республики Казахстан (1995): «Государство ставит целью охрану окружающей среды, благоприятной для жизни и здоровья человека. 2. Соккрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, угрожающих жизни и

здоровью людей, влечет ответственность в соответствии с законом».

Ст.12 Конституции Киргизской Республики (2010): «Земля, ее недра, воздушное пространство, воды, леса, исключительной собственностью Кыргызской Республики, используются в целях сохранения единой экологической системы как основы жизни и деятельности народа Кыргызстана и находятся под особой охраной государства».

Ст. 13 Конституции Республики Таджикистан (1994): «Земля, ее недра, вода, воздушное пространство, животный и растительный мир и другие природные ресурсы являются исключительной собственностью государства, и государство гарантирует эффективное их использование в интересах народа».

Ст. 11 Конституции Туркменистана (1992): «Государство ответственно за сохранность национального историко-культурного наследия, природной среды, обеспечение равенства между социальными и национальными общностями. Государство поощряет научное и художественное творчество и распространение его позитивных результатов, содействует развитию международных связей в области науки, культуры, воспитания и образования, спорта и туризма».

С. 14 Конституции Украины (1996) «Земля является основным национальным богатством, находящимся под охраной государства». С. 16 «Обеспечение экологической безопасности и поддержание экологического равновесия на территории Украины, преодоление последствий Чернобыльской катастрофы – катастрофы планетарного масштаба <...> является обязанностью государства» <...>.

Указанные нормы перекликаются с положением Повестки дня на XXI век о том, что принципиальное значение имеют «национальные стратегии, планы, программы и процессы»¹⁵. При этом подчеркивается, что «международное сотрудничество должно способствовать таким национальным усилиям и дополнять их» (п. 1.3)¹⁶.

Парадокс заключается в том, ни одно государство не может добиться обеспечения устойчивого развития «в одиночку», поскольку это задача планетарного масштаба¹⁷.

Вместе с тем, несмотря на катастрофическое ухудшение качества окружающей среды, концепция устойчивого развития не была воспринята всерьез странами с переходной экономикой. В конце XX века, ввиду нерешенных социально-экономических задач, а также нанесенного прошлой экономической деятельностью экологического ущерба¹⁸ не лучшим образом сложилась ситуация с состоянием окружающей среды на территории России и других стран постсоветского пространства¹⁹.

В условиях мировых интеграционных процессов характерной чертой многих межгосударственных пространствен-

15 Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года). – Новосибирск: СО РАН, 1992. – С. 32-33.

16 Там же.

17 Там же.

18 Кодолова А. В., Чикильдина А. Ю. Охрана трансграничных вод: международно-правовой и внутригосударственно-правовой подходы // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XII ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко: в 2-х частях / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. – М.: Российский университет дружбы народов, 2015. – С. 441.

19 В качестве яркого примера достаточно вспомнить бедственное положение в сфере водообеспечения Ферганской долины, Приаралья и др. – См.: Нестерова И. Е. Основные аспекты регионального управления водными ресурсами // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98). – С. 311-314.

14 Здесь и далее цитируется по: Экологические положения конституций / Под ред. Е.А. Высторобца. – Москва-Уфа: МИРМОС, Центр интерэкоправа ЕвразНИИПП, 2012. – 385 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://miel.narod2.ru/Environmental_provisions_of_the_constitutions_KBS.pd (дата обращения: 28.09.2016).

ных объединений и регионов мира, включая пространство, образовавшееся на постсоветской территории, становится регионализация. В нынешнем году бывшие советские страны отметили свое 25-летие, но многие из них еще далеки от экологически устойчивого социально-экономического развития.

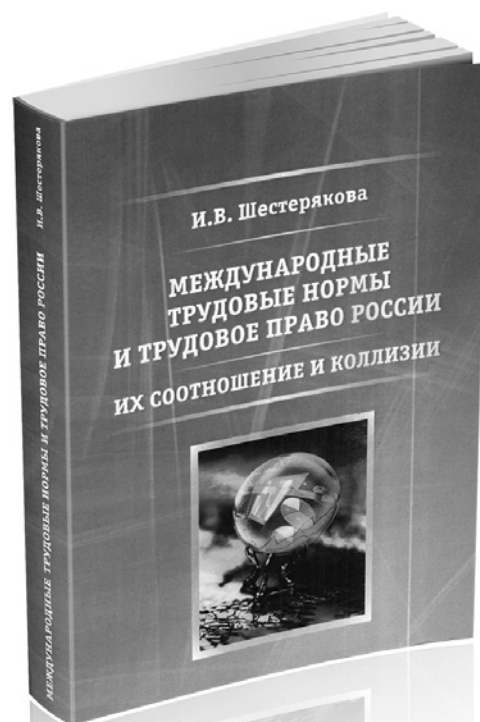
В новой Повестке дня в области устойчивого развития²⁰ (вступила в силу 01.01.2016 года) Организация Объединенных Наций провозгласила 17 и 169 задач, которые носят «комплексный и неделимый характер». В п.18 констатируется буквально следующее: «<...> Вместе мы вступаем на путь, ведущий к устойчивому развитию, сообщая посвящая себя обеспечению глобального развития и взаимовыгодного сотрудничества, которые могут принести огромную пользу всем странам и всем регионам мира. Мы подтверждаем, что каждое государство обладает полным постоянным суверенитетом над всеми своими богатствами, природными ресурсами и экономической деятельностью и вправе свободно осуществлять этот суверенитет <...>».

Исходя из того, что природа не знает границ, данное положение можно рассматривать в качестве своеобразной квинтэссенции формирования глобального и регионального экополитического пространства, где важным компонентом выступает устойчивое развитие с его неперменной экологической составляющей. В связи с этим очевидно, что согласованная политика в области охраны окружающей среды, включая реализацию совместных мероприятий, направленных на рациональное использование природных ресурсов и сохранение природных экосистем, должна рассматриваться в числе приоритетных направлений международного сотрудничества государств на постсоветском пространстве.

Пристатейный библиографический список

1. Афиногенов Д. В., Волков В. А. Экополитические пространства – новые политические измерения // Общественные науки и современность. – 2000. – № 3.
2. Добронравин Н. А. Декларации независимости постсоветских государств Центральной Азии // Евразийский юридический журнал. – 2016. – №1 (92).
3. Каримов И. Узбекистан на пороге достижения независимости. – Ташкент: Узбекистан, 2011.
4. Кодолова А. В., Чикильдина А. Ю. Охрана трансграничных вод: международно-правовой и внутригосударственно-правовой подходы // Актуальные проблемы современного международного права: Материалы XII ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко: в 2-х частях / Отв. ред. А. Х. Абашидзе. – М.: Российский университет дружбы народов, 2015.
5. Коптюг В. А. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, июнь 1992 года). – Новосибирск: СО РАН, 1992.
6. Нестерова И. Е. Основные аспекты регионального управления водными ресурсами // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98).

7. Смышляев В. А. Экополитическое пространство как сфера геополитического противостояния // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2012. – № 1.
8. Фархутдинов И. З. Международное право о применении государством военной силы против негосударственных участников // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 7 (98).
9. Экологические положения конституций / Под ред. Е. А. Высторобца. – Москва-Уфа: МИРМП ОС, Центр интерэкоправа ЕврАзНИИПП, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://miel.narod2.ru/Environmental_provisions_of_the_constitutions_KBS.pd (дата обращения: 28.09.2016).

²⁰ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/291/92/PDF/N1529192.pdf?OpenElement> (дата обращения: 28.09.2016).

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Николаевна

доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ПРОБЛЕМАТИКА МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В рамках настоящей статьи рассматриваются различные международно-правовые аспекты поддержания международной экологической безопасности.

Ключевые слова: международное экологическое право, климатическая безопасность, экологическая безопасность.

EMELYANOVA Natalya Nikolaevna

Ph.D. in Law, professor of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

THE ISSUE OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL SECURITY IN THE CONTEXT OF GLOBAL SECURITY

As part of this article discusses the various international legal aspects of the maintenance of international environmental security.

Keywords: international environmental law, climate security, environmental security.

Емельянова Н. Н.

Ушедший 2015 год запомнится нам как переломный момент для поддержания экологической безопасности. Международное сообщество определило основные направления устойчивого развития, утвердив Повестку дня в области устойчивого развития до 2030 года¹, Парижское соглашение по вопросам изменения климата, Сендайскую рамочную программу по снижению риска бедствий и Аддис-Абебскую программу действий по финансированию развития, продемонстрировав тем самым единство цели, направляющей нас по более твердому курсу к устойчивому будущему. В Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года было определено направление, сфокусированное на устойчивом развитии как развивающихся, так и развитых стран мира. Между тем, приняв Парижское соглашение, страны признали, что изменение климата представляет угрозу для безопасности и процветания всего мира. Важно отметить, что в рамках Целей в области устойчивого развития принципы экологической безопасности и социальной справедливости объединены с экономическим прогрессом. Такого рода интеграция, при условии, что экологическая устойчивость является не препятствием, а стимулом для развития и роста благосостояния человека.

На развитии международного права и международных отношений в XXI в. определяющее воздействие оказывают и будут оказывать три основных фактора: глобализация, научно-технический прогресс и экология. В отношении экологического фактора отмечается, что «он является обстоятельством, влияющим на само существование человечества, его недооценка может вызвать губительные последствия. Действие этого фактора неизбежно приведет к развитию взаимодействия государств, появлению новых, достаточно жестких правил в области охраны окружающей среды»².

Последние десятилетия экологические проблемы громко заявили о себе на международном уровне, они стали источни-

ком международной нестабильности или даже угрозой миру и безопасности. Обеспечение экологической безопасности является одной из главных целей мирового сообщества, которая может быть закреплена в виде совокупности определенных международно-правовых норм. Результатом достижения этой цели является такой уровень окружающей среды, который соответствует необходимому качеству жизни для сохранения здоровья и благополучия людей, а также поддержания устойчивого развития³.

Международная экологическая безопасность составляет сущностное ядро глобальной международной безопасности, именно она одновременно важна для обеспечения безопасности в военной области, политической, экономической и гуманитарной⁴. Как отмечал проф. М. Н. Копылов, экологическая безопасность - это «процесс обеспечения защищенности жизненно важных интересов личности, общества, природы и государства от реальных или потенциальных угроз, создаваемых антропогенным или естественным воздействием на окружающую среду»⁵.

В России понятия «экологическая безопасность» и «обеспечение экологической безопасности», введенные в понятийный аппарат природоохранительной практики, стали достаточно общими, широко употребляемыми. Как отмечает проф. М. М. Бринчук, неоднократно понятие «экологическая безопасность» употребляется в Федеральном законе «Об охране окружающей среды», в других более чем 40 федеральных законах, более чем в 300 указах Президента РФ и постановлениях Правительства РФ, более чем в 500 ведомственных нормативных правовых актах⁶. В России созданы подразделения по экологической безопасности (к примеру, в составе Совета Безопасности при Президенте РФ).

1 Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Киселева Е. В., Конева А. Е., Круглов Д. А. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. – 2016. – № 1. – С. 65–78.

2 См.: Бахин С. В. Перспективы развития международного права на XXI век // Московский журнал международного права. – 2008. – № 1 (69). – С. 303–304.

3 Донченко В. Ю. Роль Организации Объединенных Наций в обеспечении экологической безопасности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 5.

4 Митрофанов М. В. Международная экологическая безопасность в правовой системе обеспечения ВСМБ // Всеобъемлющая система международной безопасности и международное право / ред. кол.: В. С. Верещетин (отв. ред.), М. М. Славин, Р. А. Тузмухамедов. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1987. – С. 67.

5 Копылов М. Н. О правовом содержании понятия экологическая безопасность // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 120.

6 Бринчук М. М. Экологическое право. – М.: Эксмо, 2010. – С. 52.

В Федеральном законе «Об охране окружающей среды»⁷ под экологической безопасностью понимается состояние защищенности природной среды и жизненно важных интересов человека от возможного негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, их последствий (ст. 1). Юридическими средствами защиты перечисленных в определении экологической безопасности интересов являются нормирование, оценка воздействия на окружающую среду, экологическая экспертиза, экологическое лицензирование, сертификация, контроль, применение мер юридической ответственности, а также правовые средства защиты экологических прав и законных интересов человека и гражданина.

В апреле 2012 г. Президентом России были утверждены «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁸. Принятие данного документа было приурочено к проведению крупнейшей Конференции ООН по устойчивому развитию, которая пройдет в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в июне 2012 г. В п. 4 Основ государственной политики указано, что разработка Основ обусловлена необходимостью обеспечения экологической безопасности при модернизации экономики и в процессе инновационного развития. Далее в п. 8 («р») Основ указывается, что реализация этого стратегического документа осуществляется в соответствии с принципом развития международного сотрудничества в решении глобальных экологических проблем и применении международных стандартов в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности. Таким образом, стратегический программный документ, утвержденный Президентом России, подчеркивает необходимость соблюдения и поддержания международной экологической безопасности, а также увязывает понятия «экологическая безопасность» и «экономическая безопасность».

Особенно стоит отметить, что в «Основах государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» среди глобальных экологических проблем на первом месте стоит изменение климата, а уже потом указываются такие экологические проблемы как потеря биологического разнообразия, опустынивание, возрастание экологического ущерба от стихийных бедствий и техногенных катастроф, загрязнение атмосферного воздуха, поверхностных и подземных вод, а также морской среды.

Вопросы изменения климата отнесены сегодня к опаснейшим вызовам современности наряду с такими проблемами как международный терроризм, наркотрафик, организованная преступность, опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, региональные конфликты, демографические проблемы, бедность, нелегальная миграция. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун на заседании Совета Безопасности ООН подчеркнул, что изменение климата реально. Оно ускоряется опасными темпами и представляет реальную угрозу для международного мира и безопасности. Все чаще богатые и бедные страны сталкиваются с экстремальными погодными явлениями, которые уносят жизни людей, разрушают инфраструктуру, нарушают работу учреждений, опустошают бюджеты и создают угрозу безопасности. Пан Ги Мун подчеркнул, что последствия изменения климата угрожают безопасности человека и международному миру в целом. Он обратил внимание на возникающие трения внутри стран и между странами в борьбе за ограниченные ресурсы на планете, особенно воды. Генеральный секретарь предупредил также о росте армии экологических беженцев, отметив, что эта тенденция является результатом опустынивания, выруб-

ки лесов и повышения уровня моря. Вынужденная миграция может спровоцировать социальную и политическую напряженность, которая может свести на нет усилия в направлении миростроительства и постконфликтной стабилизации и стать угрозой для международного мира и безопасности. «Мегакризис вполне может стать новой нормой», – сказал Пан Ги Мун. Он призвал Совет Безопасности мобилизовать национальные и международные меры на борьбу с реальной угрозой изменения климата⁹.

Главный правозащитный орган ООН – Совет по правам человека ООН – с недавних пор изучает проблематику влияния последствий изменения климата на права человека¹⁰. Действительно, изменение климата будет иметь негативные последствия для экономических, социальных и культурных прав, окажет излишний пресс на уязвимость отдельных групп населения. В своей Резолюции 7/23 «Права человека и изменение климата» от 28 марта 2008 г.¹¹ Совет по правам человека признал, что изменение климата создает непосредственную и далеко идущую угрозу для людей и общин во всем мире и имеет последствия для полного осуществления прав человека, в связи с чем попросил Управление Верховного комиссара по правам человека (УВКПЧ) подготовить исследование о взаимосвязи между изменением климата и правами человека. На своей десятой сессии в марте 2009 г. Совет по правам человека рассмотрел подготовленное исследование УВКПЧ¹² и принял Резолюцию 10/4 «Права человека и изменение климата».

Климатическая доктрина России, утвержденная Распоряжением Президента РФ от 17 декабря 2009 г. № 861-рп¹³, представляет собой систему взглядов на цель, принципы, содержание и пути реализации единой государственной политики РФ в отношении изменения климата. Учитывая стратегические ориентиры РФ, Доктрина является основой формирования и реализации политики в области климата (п. 1). В названном документе впервые определены его статус и правовая основа, которую составляют «Конституция РФ, федеральные законы, нормативные правовые акты Президента РФ и Правительства РФ, Рамочная конвенция ООН об изменении климата от 9 мая 1992 г. и другие международные договоры РФ, в том числе по проблемам окружающей среды и устойчивого развития» (п. 2).

Весьма реалистичным представляется положение п. 5 Доктрины: «Доктрина как политический документ признает, что проблемы, связанные с изменениями климата, в частности обеспечение баланса между эффективностью экономики и социальной справедливостью, устранение потенциальных конфликтов интересов в связи с экстремальными проявлениями изменений климата (тепловые волны, наводнения, засухи и другие явления), не могут быть решены при помощи только научных методов. В подобных ситуациях поиск баланса является предметом политического выбора».

Доктриной определены следующие основные принципы политики в области климата: 1) глобальный характер интересов Российской Федерации в отношении изменений климата и их последствий; 2) приоритет национальных интересов при разработке и реализации политики в области климата; 3) ясность и информационная открытость политики в области климата; 4) признание необходимости действий как внутри

7 Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Рос. газ. – 2002. – № 6. – 12 янв.

8 «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Утверждены Президентом РФ 30 апреля 2012 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/15177> (дата обращения: 16.08.2016).

9 Ban Ki-moon – Security Council Meeting 20 July 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unmultimedia.org/tv/webcast/2011/07/ban-ki-moon-security-council-meeting-part-1.html> (дата обращения: 16.08.2016).

10 Подробнее см.: Human Rights and Climate Change / S. Humphreys (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_23.pdf (дата обращения: 16.08.2016).

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www2.ohchr.org/english/issues/climatechange/study.htm> (дата обращения: 16.08.2016).

13 Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 51. – Ст. 6305.

страны, так и в рамках полномочного международного партнерства Российской Федерации в международных исследовательских программах и проектах, касающихся изменений климата; 5) всесторонность учета возможных потерь и выгод, связанных с изменениями климата; 6) предосторожность при планировании и реализации мер по обеспечению защищенности человека, экономики и государства от неблагоприятных последствий изменений климата. Вместе с тем, отмечено, что необходимым условием политики в области климата являются государственная поддержка и обеспечение соответствия мировому уровню: систематических наблюдений за климатом; фундаментальных и прикладных исследований в области климата и смежных областях науки; применения результатов исследований для оценки рисков и выгод, связанных с последствиями изменений климата, а также возможности адаптации к этим последствиям.

Далее в Доктрине раскрыто содержание политики в области климата, в частности отмечается, что «Российская Федерация участвует в выработке коллективных мер международного сообщества по смягчению антропогенного воздействия на климат и оказывает совместно с другими членами международного сообщества содействие развивающимся странам, в том числе наиболее уязвимым по отношению к отрицательным последствиям изменений климата, в реализации мер по адаптации и смягчению негативных последствий изменений климата. При этом Российская Федерация исходит из того, что всеобъемлющее и ориентированное на долгосрочную перспективу решение климатической проблемы возможно лишь при условии обеспечения универсального характера соответствующего международного режима и участия в нем всех основных стран-эмитентов парниковых газов на основе принципов Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата, в том числе принципа общей, но дифференцированной ответственности, подразумевающего справедливую нагрузку на страны с учетом их уровня социально-экономического развития и природно-климатической специфики» (п. 25).

Особый интерес представляет собой разд. IV Доктрины под названием «Особенности Российской Федерации при решении проблемы изменений климата», где зафиксированы плюсы и минусы глобального изменения климата для России. Так, к отрицательным последствиям ожидаемых изменений климата для Российской Федерации относятся: повышение риска для здоровья (увеличение уровня заболеваемости и смертности) некоторых социальных групп населения; рост повторяемости, интенсивности и продолжительности засух в одних регионах, экстремальных осадков, наводнений, опасного для сельского хозяйства переувлажнения почвы – в других; повышение пожароопасности в лесных массивах; деградация вечной мерзлоты в северных регионах с ущербом для строений и коммуникаций; нарушение экологического равновесия, в том числе вытеснение одних биологических видов другими; распространение инфекционных и паразитарных заболеваний; увеличение расходов электроэнергии на кондиционирование воздуха в летний сезон для значительной части населенных пунктов. К возможным положительным для Российской Федерации последствиям ожидаемых изменений климата, с которыми связан значительный потенциал эффективного отраслевого и регионального экономического развития, относятся: сокращение расходов энергии в отопительный период; улучшение ледовой обстановки и, соответственно, условий транспортировки грузов в арктических морях, облегчение доступа к арктическим шельфам и их освоения; улучшение структуры и расширение зоны растениеводства, а также повышение эффективности животноводства (при выполнении ряда дополнительных условий и принятии определенных мер); повышение продуктивности бореальных лесов.

Доктрина не является исключительно теоретическим документом, фиксирующим для мира видение Россией проблематики изменения климата. В анализируемом документе четко определен порядок реализации политики в области климата

(разд. V), а также указаны субъекты-исполнители Доктрины (разд. VI), к которым, в частности, относятся: федеральные органы государственной власти; органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления; организации, включая общественные организации (объединения); средства массовой информации; домашние хозяйства. В целом, реализация политики в области климата предполагает разработку на ее основе федеральных, региональных и отраслевых программ и планов действий.

Полтора года спустя после одобрения Доктрины было принято Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года»¹⁴. В этом документе расписаны поэтапно действия федеральных органов исполнительной власти. Данный План может быть рекомендован органам государственной власти субъектов Российской Федерации при формировании региональных программ социально-экономического развития.

Важной вехой в поддержании экологической безопасности на международном уровне стало принятие уже упомянутого в начале статьи Парижского соглашения. Оно было принято в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата и призвано регулировать меры по снижению углекислого газа в атмосфере с 2020 года. Целью соглашения (согласно статье 2) является «активизировать осуществление» Рамочной конвенции ООН по изменению климата, в частности, удержать рост глобальной средней температуры «намного ниже» 2 °С и «приложить усилия» для ограничения региона температуры величиной 1,5 °С. Страны-участники определяют свои вклады в достижение декларируемой общей цели в индивидуальном порядке, пересматривают их раз в пять лет. В Соглашении говорится о недостаточности предложенных в настоящее время национальных вкладов, а также об «амбициозности» и «прогрессе» по мере их пересмотра. Не предусматривается никакого механизма принуждения, как в отношении декларирования национальных целей, так и в обеспечении обязательности их достижения. Парижское соглашение вступит в силу уже в ноябре 2016 г.

Таким образом, можно констатировать: реализация как среднесрочной, так и долгосрочной цели по сокращению выбросов парниковых газов потребует принятия новых, более жестких мер, которые могли бы повысить энергоэффективность экономик государств мира, и, тем самым, внести вклад в глобальные усилия по смягчению последствий изменения климата, а, следовательно, вклад в поддержание международной экологической безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Киселева Е. В., Конева А. Е., Круглов Д. А. Достижение целей устойчивого развития (2016–2030): международно-правовое измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: юридические науки. – 2016. – N 1. – С. – 65-78.
2. Бринчук М. М. Экологическое право. – М.: Эксмо, 2010.
3. Донченко В. Ю. Роль Организации Объединенных Наций в обеспечении экологической безопасности. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008.
4. Копылов М. Н. О правовом содержании понятия экологическая безопасность // Правоведение. – 2000. – № 1.
5. Human Rights and Climate Change / S. Humphreys (ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 25.04.2011 г. № 730-р «Об утверждении комплексного плана реализации Климатической доктрины Российской Федерации на период до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 18. – Ст. 2680.

КРАСНОЯРОВА Надежда Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и международного права
Институт государства и права Тюменского государственного университета

ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕИСПОЛНЕНИЯ ДОЛЖНИКОМ СОГЛАШЕНИЯ ОБ ОТСТУПНОМ

Отсутствие в ГК РФ норм о последствиях неисполнения соглашения об отступном позволяют должникам уклоняться от реального предоставления суррогатных исполнений. В качестве законодательных новелл предлагается: 1) перенос нормы ст. 409 из главы 26 в главу 29 ГК РФ; 2) дополнение п. 1 ст. 453 ГК РФ нормой о моменте юридического прекращения изменённых в соглашении об отступном обязательств должника; 3) дополнение ст. 450.1 ГК РФ аналогом конструкции германского права (§ 353 ГУГ), квалифицирующей недействительным отказ должника от исполнения основного договора без предоставления исполнения по отступному. Включённая в ГК РФ норма о правовом эстоппеле (п. 5 ст. 166 ГК РФ) без необходимых решений законодателя является лишь недостижимым для кредитора паллиативом.

Ключевые слова: соглашение об отступном, защита прав кредитора, последствия непредоставления отступного.

Красноярская Н. И.

KRASNOYAROVA Nadezhda Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory of State and Law and International Law sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

LEGAL CONSEQUENCES FOR NON-EXECUTION OF THE AGREEMENT ON COMPENSATION BY THE DEBTOR

Absence of consequences for non-execution of the agreement on compensation in Russian Federation Civil Code allow debtors to avoid obligations to perform surrogate execution. Following legislative addendums are proposed: 1) transition of clause 409 section 26 standard to section 29 of Russian Federation Civil Code; 2) populate p.1 clause 453 of RF Civil Code with a standard, regulating the momentum of legal cessation of debtor's obligations listed in the agreement on compensation; 3) opulate clause 450.1 of RF Civil Code with analogue of German law design (§ 353) which voids debtor's refusal on execution of main agreement without provision of execution on the agreement on compensation. Existing standard on legal estoppel (p.5 clause 166 RF Civil Code) with the absence of necessary legislator decisions only acts as unachievable palliative for the creditor.

Keywords: agreement on compensation, protection of creditor rights, consequences of non-provision of compensation.

Нормативная лаконичность конструкции отступного в новой редакции ст. 409 ГК РФ¹, продолжающаяся в российской науке дискуссия по вопросу об особенностях правовой природы отступного и неклассифицированное правовое сопровождение соглашений об отступном на стороне кредитора позволяют должникам не исполнять и основной договор, и соглашение об отступном. Между тем, в научных исследованиях утверждается, что предоставление отступного в варианте конструкции изменения обязательства создаёт для кредитора состояние определённости в отношении правовых последствий совершения сделки по предоставлению отступного². Толкование легального определения соглашения об отступном в российской юридической литературе не может быть ясным и бесспорным, прежде всего, из-за несовершенства абстрактного словосочетания ст. 409 ГК РФ «предоставление отступного». Термин «передача отступного», используемый в ст. 1800 ГК Квебека, ст. 600 ГК Украины закрепляет реальный характер договора об отступном юридически более явным образом, определённо фиксирует направленность воли сторон на прекращение основного договора предоставлением отступного. ГК РФ формулирует возможность согласования отступного, но нормативно не устанавливает недействительность отказа должника от исполнения основного договора при непредоставлении замены исполнения, согласно произведённой в соглашении об отступном, трансформации условий первоначального договора.

«Новая», а по сути, прежняя редакция ст. 409 ГК РФ на руку лишь тем неисправным должникам, которые используют несовер-

шенство и пробелы нормативной конструкции отступного. Её незавершённый характер только усиливает правовую неопределённость в защите прав кредитора, который не получил исполнения по основному договору и не получает его и по отступному соглашению. Должники, в ущерб правам кредитора при юридической непродуманности кредитором договорных текстов об отступном, продолжают отступаться от кредитора путём совершения либо двух безвозмездных сделок, либо сделок с фактически «голым» предоставлением кредитором недвижимого имущества без регистрации на кредитора титула в ЕГРП, или используют другие корыстные схемы по созданию видимости в дальнейшем исполнении трансформационного договора об отступном.

О подобной практике неисполнения должниками соглашений об отступном свидетельствуют судебные акты. Согласно выводу Президиума ВАС РФ «до тех пор, пока переход права собственности на недвижимое имущество, передаваемое в качестве отступного на основании соответствующего соглашения, не зарегистрирован в ЕГРП, собственником этого имущества является сторона, предоставляющая отступное, а не кредитор»³. В Постановлении Президиума ВАС РФ от 17 июня 2014 г. № 2826/14 указывается: «Кредитор, заключивший с должником соглашение об отступном, предусматривающее предоставление в качестве отступного объектов недвижимости, в случае неисполнения этого соглашения в установленный срок не вправе обращаться с требованием о государственной регистрации за ним права собственности на указанные объекты»⁴. Фактически соглашение об отступном расценивается Президиумом ВАС РФ в качестве гражданско-правовой процедуры ожидания кредитором исполнения

1 Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10, ст. 1412.
2 Егорова М. А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института: Монография. – М.: Статут, 2014. – С. 748.

3 Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2014 г. № 2504/14 // Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 10. – С. 166.

4 Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 10. – С. 176.

договорного обязательства по основному договору при юридически некорректном согласовании сторонами процедуры отказа должником от исполнения основного договора. Несмотря на очевидную трансформацию обязанности должника в соглашении об отступном по сравнению с обязанностью должника в основном договоре, поскольку не предусмотрено иное, Президиум ВАС РФ стоит на позиции, что «соглашение об отступном не порождает права требования кредитора предоставить отступное»⁵, не усматривает в указанном соглашении оснований для судебной защиты прав кредитора. В Концепции (раздел V п. 6.4) при непредоставлении отступного предлагалось закрепить за кредитором право выбора передачи ему либо предмета первоначального обязательства либо непосредственно отступного по альтернативному обязательству⁶. В цивилистике соглашение об отступном квалифицируется стилистически сложно либо правоизменяющей, либо факультативной сделкой, «которую по своей природе сближает с выбором, осуществляемым при динамике альтернативного обязательства, только возможность избрания варианта поведения...»⁷.

Из принятых до внесения изменений в ст. 409 ГК РФ судебных актов очевидно, что кредитор отказывают также в приращении отступного суммой санкций за неисполнение соглашения об отступном при фактической передаче объектов недвижимости без титула⁸, но не исключают передачу в качестве отступного права собственности на имущество (титул) без передачи владения имуществом при условии, если передаваемое индивидуально-определённое либо определённое родовыми признаками имущество надлежащим образом индивидуализировано⁹. Следовательно, титул может быть передан кредитором без передачи владения объектом, например, сданным на длительный срок в аренду третьему лицу.

Практика навязывания кредитором должниковых редакций соглашений об отступном и допускаемое новой практикой ст. 409 ГК РФ должниковое применение судами норм о последствиях заключения соглашений об отступном обуславливает справедливо востребованное деловым оборотом изменение законодательной воли. Обобщая сказанное, считаем необходимым ввести три законодательные новеллы.

Во-первых, нормы конструкции отступного следует переместить из главы 26 о прекращении обязательств в главу 29 об изменении и расторжении договора. Это позволит юридическим консультантам квалифицированно подходить к созданию договорных конструкций отступного, которые бы защищали права кредитора и лишит единственного аргумента тех авторов, которые из-за помешания ст. 409 ГК РФ в главу 26 о прекращении договора связывают последствия согласования отступного только с прекращением договора¹⁰, только на этом основании утверждают о формальном противоречии отступного модели реального договора¹¹.

Во-вторых, момент реального исполнения соглашения об отступном должен быть чётко расписан в норме российского закона.

Пункт 1 ст. 453 ГК РФ «Последствия изменения и расторжения договора» следует дополнить следующей нормой: «При изменении договора соглашением об отступном, изменённые обязательства должника прекращаются после:

- зачисления денежных средств на счёт кредитора, либо
- юридического оформления перехода права собственности на переданное недвижимое имущество в ЕГРП на кредитора, или
- оформления должником как продавцом в установленном законом порядке передачи кредитором права собственности на иное имущество одновременно с фактической передачей владения».

5 Постановление Президиума ВАС РФ от 17 июня 2014 г. № 2826/14 // Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 10. – С. 179.

6 О концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – С. 75.

7 Егорова М. А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института: Монография. – М.: Статут, 2014. – С. 748–749.

8 Постановление Президиума ВАС РФ от 10 июня 2014 г. № 25041/14 // Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 10. – С. 169.

9 Постановление Президиума ВАС РФ от 28 мая 2013 г. № 17739/12 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 10. – С. 270–274.

10 Егорова М. А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института: Монография. – М.: Статут, 2014. – С. 220.

11 Бациев В. В. Обязательство, осложнённое условием об отступном (замене исполнения). – М., 2003. – С. 12.

Вопрос о том, распространяется ли конструкция «отступное» только на реальные предоставления, вызывает не просто академический интерес. Его решение в правоприменении имеет далеко идущие последствия для устранения неопределённости и несправедливости в отношении защиты прав кредитора при компенсируемом способе отказа должника от исполнения первоначального договора в соглашении об отступном. Пока идут теоретические споры, умышленно неисполнительные должники активно применяют пробелы в национальной конструкции об отступном для закрепления кабальных для кредитора соглашений о суррогатных предоставлениях взамен согласованного в основном договоре исполнения. И лишь в научных статьях и на правовых семинарах практикующим юристам настоятельно рекомендуют применять отступное только в случаях, когда исполнение должником отступного планируется немедленно или одновременно с заключением кредитором соглашения об отступном¹².

Отказ должника от исполнения основного договора способен приобрести свойства нормативной конструкции внесудебной защиты прав кредитора, если в законе будет закреплена модельная схема исполнения трансформированных договорных обязательств должником не на основе формального соглашения с неопределённой фактической передачей денег, недвижимого и иного имущества, а по реальному трансформационному соглашению об отступном, т.е. при закреплении в ГК РФ не продолжикового, а прокредиторского подхода к её легальному формированию. Действующая продолжиковая юридическая техника императивной нормы ст. 409 ГК РФ и её пробелы препятствуют регулирующим усилиям сторон по созданию договорных конструкций отступного и применению кредитором односторонних юридических актов внесудебной защиты.

В-третьих, практические последствия чрезмерно абстрактной конструкции договора об отступном, по нашему мнению, могут преодолеваться закреплением нормативной конструкции одностороннего отказа кредитора от соглашения об отступном при его неисполнении, поэтому ст. 450.1 ГК РФ предлагается дополнить п. 8 следующего содержания:

«Отказ должника от основного договора, согласованный под условием уплаты кредитором отступного недействителен, если отступное не уплачено должником до или одновременно с заявлением об отказе и кредитор по этой причине незамедлительно отклонит произведённый в соглашении об отступном пересмотр условий первоначального договора. Тем не менее, заявление должника об отказе от первоначального договора считается действительным, если отступное будет без промедления реально предоставлено после отклонения кредитором пересмотра условий первоначального договора».

В результате бремя доказывания юридически состоятельного предоставления отступного императивно будет возложено на должника по первоначальному договору. Предлагаемые изменения позволят увеличить согласованность общих положений о договорах, существенно сориентировать юридических консультантов в правовой работе. Включённая в п. 5 ст. 166 ГК РФ норма о правовом эстопеле сама по себе, без очевидно необходимых решений законодателя, является для кредитора, не получившего исполнения по соглашению об отступном, лишь недостижимым паллиативом.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные вопросы предпринимательского права в деятельности нефтесервисных компаний: теория и практика (обзор правового семинара) // Предпринимательское право. – 2012. – № 1.
2. Бациев В. В. Обязательство, осложнённое условием об отступном (замене исполнения). – М.: Статут, 2003.
3. Егорова М. А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института: Монография. – М.: Статут, 2014.
4. О концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11.
- 12 Актуальные вопросы предпринимательского права в деятельности нефтесервисных компаний: теория и практика (обзор правового семинара) // Предпринимательское право. – 2012. – № 1. – С. 50.

ТРОЦЕНКО Оксана Сергеевна

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой предпринимательского права Уральского государственного экономического университета

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ И ПРИЗНАКАХ ПУБЛИЧНЫХ УСЛУГ

В статье автор рассматривает проблемные вопросы, связанные с определением правовой природы публичных услуг, а также соотношение понятий «публичная услуга» и «государственная услуга». На основе анализа действующего законодательства Российской Федерации и анализа различных доктринальных подходов автором выделяются основные признаки публичных услуг и их виды в зависимости от правовой природы.

Ключевые слова: услуга, публичные услуги, государственные услуги, публичный договор, односторонний акт.

TROTSENKO Oksana Sergeevna

Ph.D. in Law, Head of Business Law sub-faculty of the Ural State University of Economics

THE LEGAL NATURE AND FEATURES OF PUBLIC SERVICES

In the article the author considers the problems connected with the definition of the legal nature of public services, as well as the relationship between the concepts of "public service" and "state service". Based on the analysis of the current legislation of the Russian Federation and the analysis of the different doctrinal approaches the author highlights the main features of public services and their types, depending on legal nature.

Keywords: service, public services, state services, public contract, unilateral act.

Троценко О. С.

Категория услуги изначально использовалась законодателем лишь в сфере частноправового регулирования. При этом отношения по оказанию услуг наряду с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) регулируются федеральными законами и иными правовыми актами, посвященными отдельным видам деятельности по оказанию услуг. Определяя их отраслевую принадлежность, следует учитывать роль государства, выполняющего функции публично-правового характера. Однако, как справедливо отмечает А. В. Винницкий, «на конституционно-правовом уровне, разумеется, не могут быть исчерпывающе закреплены все направления рассматриваемой публично значимой деятельности, а также раскрыты многочисленные компоненты, составляющие правовые режимы отдельных публичных услуг (субъекты предоставления, получатели, основание и юридическая форма предоставления, сроки, оплата, обязательные требования к качеству и т.п.). Это создает предпосылки для интенсивного регулирования сферы публичных услуг на отраслевом уровне, прежде всего в рамках административного, бюджетного, гражданского законодательства, законодательства о социальном обеспечении и т.п. Причем конституционные рамки, как правило, сохраняют за законодателем весьма широкую дискрецию в установлении правового режима тех или иных услуг. К примеру, соответствующая деятельность может быть подчинена либо административно-правовому, либо гражданско-правовому, либо смешанному регулированию»¹.

В последние годы наблюдается тенденция трансформации публично-правовых функций государства в услуги, которые впоследствии приобретают возмездный характер в связи с коммерциализацией деятельности учреждений культуры, образования, науки и др. Выделение договорной формы реализации публичных функций государства, как отмечает В. И. Кресс, связывают со становлением и развитием рыночных от-

ношений². Однако на сегодняшний день в отечественной науке и законодательстве единого понятия публичных услуг не сформировано. Разделяя точку зрения Л. Б. Ситдиковой, заметим, что это связано с тем, что заимствованная из зарубежной практики в российскую правовую систему категория «публичные услуги» у нас по разным причинам толкуется гораздо шире, что является одной из причин негативного восприятия попыток использования категории «услуги» с этой целью. Данное обстоятельство не в последнюю очередь связано и с различным подходом западных доктрин к самому понятию «публичная услуга», которая различает германскую и французскую национальные концепции публичных услуг³.

В действующем законодательстве и судебной практике в настоящее время широко используется как термин «публичные услуги», так и термин «государственные услуги». В ряде нормативных актов федерального, регионального и местного уровней содержится их определение. Так, согласно Указу Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (с изм. от 22 июня 2010 г.)⁴ под функциями по оказанию государственных услуг понимается предоставление федеральными органами исполнительной власти непосредственно или через подведомственные им федеральные государственные учреждения либо иные организации безвозмездно или по регулируемым органами государственной власти ценам услуг гражданам и организациям в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных федеральными законами.

В некоторых федеральных актах, в отличие от вышеуказанного документа, учитывается возможность предоставления

1 Винницкий А. В. Публичные услуги в ЕС и России: Конституционные основы и законодательное регулирование // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 101-114.

2 Кресс В. И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 59.

3 Ситдикова Л. Б. Сфера публичных услуг в гражданском обороте // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 2-5.

4 Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (с изм. от 22 июня 2010 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

подобных услуг также и другими публично-правовыми образованиями. Так, в частности, согласно ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации⁵, государственные (муниципальные) услуги – услуги, оказываемые в соответствии с государственными (муниципальными) заданиями органами государственной власти (органами местного самоуправления), бюджетными учреждениями, иными юридическими лицами. Правовой режим услуг публично-правовых образований установлен также актами ряда субъектов Федерации и муниципальных образований⁶.

Таким образом, из вышеуказанных нормативных актов следует, что услугодателями, при всей условности применения данного термина к публично-правовым действиям, являются только РФ, субъекты РФ и муниципальные образования, именуемые публично-правовыми образованиями. Однако с учетом содержания ст. 7 ГК РФ необходимо включить также межгосударственные организации.

Определенную сложность при анализе правовой природы предмета исследования представляет существующее в праве двойственное понимание публичности услуги. Дело в том, что в публично-правовых актах услуги именуются публичными, если они оказываются вышеуказанными публично-правовыми образованиями, а в гражданском законодательстве существует понятие «публичный договор» имеющее совершенно иное содержание – с точки зрения гражданского права публичными являются услуги, оказываемые потребителям субъектами предпринимательской деятельности (п.1 ст. 426 ГК РФ). Принципиальной особенностью публичных договоров является то, что их условия устанавливаются одинаковыми для всех потребителей, за исключением случаев, когда законодательством предоставлены льготы для отдельных категорий потребителей (п.2 ст. 426 ГК РФ). Например, как это закреплено в Правилах заключения и исполнения публичных договоров о подключении к системам коммунальной инфраструктуры, утвержденных постановлением Правительства РФ от 9 июня 2007 г. № 360 (ред. от 16 июля 2009 г.)⁷.

На данное обстоятельство не всегда обращается внимание в литературе, особенно в неюридической, что вызывает ошибки при толковании нормативных актов.

Характеристика правовой природы публичных услуг, содержащаяся в ряде работ, в том числе и диссертационных, является недостаточно четким или фактически дублирует нормативные акты. Например, по мнению Н. В. Киселевой, «публичная услуга как объект административного права представляет собой целесообразную и требующую в обязательном порядке правового регулирования деятельность органа государственной власти или иного субъекта, которому делегировано право оказывать услуги от имени органа государства, направленную на достижение пользы другого субъекта и заключающуюся в предоставлении потребителю таких материальных и нематериальных благ, в наличии, надлежащем качестве, централизованном предоставлении и сохранности которых имеется всеобщий (публичный) интерес»⁸.

Однако очевидно, что предоставление подобных благ возможно как в рамках частного, так и публичного права. Следует также учитывать, что частноправовые услуги регламентиру-

ются, в том числе и административно-правовыми актами, являясь, например, объектом налогообложения.

Признаки публичных услуг нормативно не определены. В литературе к наиболее важным из них принято относить следующие:

- 1) они обеспечивают деятельность общезначимой направленности;
- 2) неограниченный круг услугополучателей (население);
- 3) они осуществляются органом государственной власти либо другим субъектом⁹.

Однако очевидно, что первый признак является юридически неопределенным и по этой причине не может использоваться в качестве критерия, а второй характерен и для частноправовых сделок. Таким образом, из вышеуказанного перечня остается только последний признак.

Заслуживает внимания следующая характеристика признаков публичной услуги, содержащихся в Генеральном соглашении по торговле услугам от 15 апреля 1994 г. в соответствии с п/п «с» п. 3 ст. 1 указанного документа «услуга, поставляемая при исполнении функций правительственной власти» означает любую услугу, которая поставляется на некоммерческой основе и не на условиях конкуренции с одним или несколькими поставщиками услуг»¹⁰. Достоинством данного определения является указание на некоммерческий, или, по терминологии ГК РФ, непредпринимательский характер данной операции и невозможность конкуренции органов государственного управления при оказании публичных услуг.

По поводу признаков публичных услуг свою позицию высказал также и Конституционный Суд РФ в Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова¹¹. В частности, в указанном документе отмечается, что «использование законодателем в тех же целях индивидуально-возмездных платежей, не являющихся фискальными сборами, как правило, возможно лишь при условии совершения государственными органами в отношении их плательщиков определенных действий (актов), влекущих их последних предоставление конкретных прав или выдачу разрешений, при том что сами эти платежи предназначены для возмещения расходов и дополнительных затрат, понесенных публичной властью. Такие действия (акты) представляют собой разновидность публичных услуг, оказываемых физическим или юридическим лицам, по общему правилу, на основе добровольного обращения этих лиц в целях получения необходимых им благ, обладание которыми зависит от соответствующей деятельности государственных органов, представляющих публичную власть (регистрация прав, сертификация товаров или услуг, аккредитация и пр.)». И далее: «Конституционные принципы финансового обеспечения госу-

5 Бюджетный кодекс Российской Федерации // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

6 Закон Ивановской области от 17 июня 2008 г. «О стандартах качества государственных услуг Ивановской области». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/doc/117083.htm>.

7 Правила заключения и исполнения публичных договоров о подключении к системам коммунальной инфраструктуры, утвержденных постановлением Правительства РФ от 9 июня 2007 г. № 360 (ред. от 16 июля 2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 25. Ст. 3032.

8 Киселева Н. В. Административно-правовое регулирование публичных услуг в сфере природопользования: Современное состояние и перспективы развития / Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. С. 9.

9 Талапина Э., Тихомиров Ю. А. Публичные функции в экономике // Право и экономика. 2002. № 6. С. 5; Терещенко Л. К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 17; Щепачев В. А. Участие местного самоуправления в оказании публичных услуг населению: некоторые проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 3. С. 22.

10 Генеральное соглашение по торговле услугам от 15 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_C7EAC6C3-50D8-4886-81E7-189V002A410.html.

11 Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В. В. Михайлова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 31. Ст. 3763.

дарственной власти распространяются и на государственный контроль, который – как одна из функций государственной власти, имеющий императивный характер, – осуществляется в целях обеспечения конституционно значимых ценностей и должен финансироваться за счет публичных средств через государственно-бюджетный механизм. Исключение могут составлять лишь случаи, когда государственный контроль проводится по инициативе подконтрольного субъекта либо в связи с необходимостью принудительного исполнения подконтрольным субъектом возложенной на него законом обязанности по самостоятельному контролю за соответствием его товаров (работ, услуг) установленным требованиям. В таких случаях (курсив мой – О.Т.) государственный контроль представляет собой своеобразную публичную услугу, оказание которой соответствующим государственным органом предполагает в той или иной форме возмещение подконтрольным субъектом произведенных этим органом затрат».

Таким образом, по мнению Конституционного Суда РФ, наиболее важным признаком публичных услуг является добровольность обращения физических и юридических лиц в целях получения необходимых им благ. Следует также учитывать, что согласно общелексическому толкованию, под услугой понимается «действие, приносящее пользу, помощь другому»¹².

Л. В. Санникова указывает еще на один важный признак: «Публичные услуги опосредуют отношения, основанные на административном или ином властном подчинении одной стороны другой»¹³.

Французский административист Г. Брэбан отмечает, что публичные услуги могут быть принудительными. «Речь идет о мерах, с помощью которых администрация может принудить частное лицо к предоставлению имущества, услуг или работы в одностороннем порядке, не будучи обязанной договариваться с этим частным лицом на основе обоюдного согласия»¹⁴.

Один из отечественных авторов вводит по этой же причине понятие «властные услуги»¹⁵.

Принципиальной особенностью публичных услуг является то, что они регламентируются так называемыми административными регламентами. Как обоснованно полагает Ю. А. Тихомиров, их назначение состоит в ограничении произвольного административного усмотрения и введении легальных критериев действий должностных лиц¹⁶.

Перечень оказываемых публичных услуг является очень широким и нормативно не определен. Так, например, по мнению А. В. Яцкина, данный перечень включает в себя лицензирование, сертификацию, регистрацию, оформление в собственность, выдача справок и т.д.¹⁷.

В ряде актов субъектов РФ услугами именуют пребывание в медвытрезвителе¹⁸.

Очевидно, что все вышеуказанные действия являются не услугами, а односторонними актами публично-правового образования. Данная точка зрения является наиболее распространенной в современной отечественной литературе. Например, по мнению Н. В. Киселевой, «оформление лицензии по смыслу не является услугой, а скорее выступает «навязанной»

властью деятельностью, обязательной для получения заинтересованными лицами»¹⁹.

Ю. А. Тихомиров и М. Д. Чеснокова классифицируют публичные услуги по субъектному составу услугополучателей на следующие группы: (1) услуги для граждан (выдача личных документов, осуществление регистрационных действий, предоставление права пользования публичными библиотеками, образовательные услуги и т.д.), (2) услуги для предпринимателей и юридических лиц (осуществление регистрационных действий, выдача лицензии, разрешения, консультирование по налогообложению и т.д.) и (3) услуги для органов государственной власти и местного самоуправления (услуги информационного характера)²⁰.

Анализ действующего законодательства приводит к выводу о том, что публично-правовые образования и частные лица могут быть также и сторонами равноправных, договорных отношений. Так, согласно п. 1 ст. 124 ГК РФ, Российская Федерация, субъекты Российской Федерации: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа, а также городские, сельские поселения и другие муниципальные образования выступают в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с иными участниками этих отношений гражданами и юридическими лицами. При этом от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации приобретают и осуществляют права органы государственной власти, а от имени муниципального образования – органы местного самоуправления. Из данной нормы следует, что нет запрета для заключения гражданско-правовых договоров публично-правовыми образованиями. А. В. Мадьярова приводит следующие примеры подобных соглашений: договоры аренды или безвозмездного пользования имуществом, заключаемые в целях передачи имущества, необходимого для осуществления делегированных государственных полномочий, договоры безвозмездного пользования имуществом, заключаемые в связи с предоставлением права безвозмездно пользоваться имуществом до его разграничения между Российской Федерацией, субъектами РФ, муниципальными образованиями и договоры бюджетного кредита²¹.

Сюда же следует отнести односторонние сделки публично-правовых образований и, в частности, эмиссию ценных бумаг. Данное мнение подтверждается судебной практикой. В частности, Верховный Суд РФ в решение Верховного Суда РФ от 28 августа 2001 г. № ГКПИ2001-1159 «Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействительным Постановления Правительства РФ от 29.11.1999 N 1306 «О новации облигаций внутреннего государственного валютного облигационного займа III серии»» указал, что «...суд не может согласиться и с доводом представителей Правительства РФ в той части, что на правоотношения, вытекающие из договора облигационного займа III серии, нормы Гражданского кодекса РФ не распространяются»²².

При оценке вышеуказанных точек зрения по поводу правовой природы публичных услуг представляется необходимым учитывать то, что услуга, являясь объективным экономическим

12 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ Ltd», 1992. С. 870.

13 Санникова Л. В. Услуги в гражданском праве России. М., 2006. С. 42.

14 Брэбан Г. Французское административное право. Пер. с фр. М., 1988. С. 147.

15 Нестеров А. В. Методология властных услуг // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3. С. 12.

16 Тихомиров Ю. А. Современное публичное право. М., 2008. С. 341.

17 Яцкин А. В. Правовое регулирование (стандартизация) предоставления государственных услуг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pvlast.ru/archive/index.315.php>.

18 Распоряжение Мэра Москвы от 27 мая 1994 г. № 255-РМ «Об установлении размера платы с граждан за оказанные услуги в медицинских вытрезвителях» // Официально документ опубликован не был. СПБ «Консультант плюс».

19 Киселева Н. В. Административно-правовое регулирование публичных услуг в сфере природопользования: Современное состояние и перспективы развития / Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008. С. 9.

20 Тихомиров Ю. А., Чеснокова М. Д. Совершенствование организации управления и оказания публичных услуг // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 34-35.

21 Мадьярова А. В. Виды публично-правовых договоров в муниципальном праве / Договор в публичном праве. Сб. научн. ст. М., 2009. С. 65.

22 Решение Верховного Суда РФ от 28 августа 2001 г. № ГКПИ2001-1159 «Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействительным Постановления Правительства РФ от 29.11.1999 N 1306 «О новации облигаций внутреннего государственного валютного облигационного займа III серии» // Документ официально опубликован не был. СПБ «Консультант плюс».

явлением, регулируется нормами как частноправовых, так и публично-правовых отраслей. Данное обстоятельство находит отражение в правоприменительных актах юрисдикционных органов. Так, Девятый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 19 февраля 2008 г. № 09АП-786/2008-ГК, 09АП-861/2008-ГК по делу № А40-44094/07-150-375 отметил, что «гражданско-правовая обязанность по оплате ... публичной услуги ... не исключает необходимости применения к отношениям сторон норм публичного законодательства, в котором правовая категория «услуга» трансформируется в правовое понятие «расходы по совершению исполнительных действий (курсив мой – О.Т.)»²³.

Подводя итоги, автор приходит к следующим выводам.

1. Конкретная публичная услуга, в зависимости от правовой природы, может быть, как гражданско-правовым договором, так и односторонним актом публично-правового образования.

2. Частноправовая сделка по возмездному оказанию услуг в случаях, прямо установленных законом, может получить публично-правовую квалификацию. Например, услуга с точки зрения исполнительного законодательства является «расходами по совершению исполнительных действий».

3. Исторически долгое время термин «услуга» применяли исключительно к гражданско-правовым отношениям. В настоящее время его используют также для характеристики отдельных действий публично-правовых образований. Основой такого подхода является так называемая теория общественно-договора, согласно которой государство находится в услужении у общества. Сравнительно-правовой анализ признаков указанных видов услуг, позволяет прийти к выводу о том, что публичная услуга является юридическим фактом *sui generis*. Данное обстоятельство исключает возможность даже субсидиарного применения к ней норм главы 39 «Возмездное оказание услуг» ГК РФ (ст.ст. 779-783).

4. В публично-правовых актах услуги именуются публичными, если они оказываются публично-правовыми образованиями, а в гражданском законодательстве существует понятие «публичный договор» имеющее совершенно иное содержание – с точки зрения гражданского права, публичными являются услуги, оказываемые потребителям субъектами предпринимательской деятельности (п.1 ст. 426 ГК РФ).

5. Представляется, что важнейшими признаками публичной услуги являются добровольность обращения физических и юридических лиц в целях получения необходимых им благ, непредпринимательский характер взаимоотношений и принципиальная невозможность конкуренции со стороны органов государственного управления при ее оказании в силу того, что публичная услуга является односторонним актом публично-правового образования.

Пристатейный библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации // Собрание Законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Генеральное соглашение по торговле услугами от 15 апреля 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vneshmarket.ru/content/document_r_C7EAC6C3-50D8-4886-81E7-189B002A410.html.
3. Указ Президента Российской Федерации от 9 марта 2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» (с изм. от 22 июня 2010 г.) // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2004. Ст. 945.
4. Постановлении Конституционного суда Российской Федерации от 18 июля 2008 г. № 10-П по делу о проверке конституционности положений абзаца четырнадцатого статьи 3 и пункта 3 статьи 10 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при проведении государственного контроля (надзора)» в связи с жалобой гражданина В.В. Михайлова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 31. Ст. 3763.
5. Решение Верховного Суда РФ от 28 августа 2001 г. № ГКПИ2001-1159 «Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействительным Постановления Правительства РФ от 29.11.1999 N 1306 «О новации облигаций внутреннего государственного валютного облигационного займа III серии» // Документ официально опубликован не был. СПБ «Консультант плюс».
6. Правила заключения и исполнения публичных договоров о подключении к системам коммунальной инфраструктуры, утвержденных постановлением Правительства РФ от 9 июня 2007 г. № 360 (ред. от 16 июля 2009 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 25. Ст. 3032.
7. Закон Ивановской области от 17 июня 2008 г. «О стандартах качества государственных услуг Ивановской области». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/hotlaw/doc/117083.htm>.
8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 февраля 2008 г. № 09АП-786/2008-ГК, 09АП-861/2008-ГК по делу № А40-44094/07-150-375 // Документ официально опубликован не был. СПБ «Консультант Плюс».
9. Распоряжение Мэра Москвы от 27 мая 1994 г. № 255-РМ «Об установлении размера платы с граждан за оказанные услуги в медицинских вытрезвителях».
10. Брэбан Г. Французское административное право. Пер. с фр. М., 1988.
11. Винницкий А. В. Публичные услуги в ЕС и России: Конституционные основы и законодательное регулирование // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3. С. 101-114.
12. Киселева Н. В. Административно-правовое регулирование публичных услуг в сфере природопользования: Современное состояние и перспективы развития / Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2008.
13. Крусс В. И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5.
14. Мадьярова А. В. Виды публично-правовых договоров в муниципальном праве / Договор в публичном праве. Сб. научн. ст. М., 2009.
15. Нестеров А. В. Методология властных услуг // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3.
16. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во «Азъ Ltd», 1992.
17. Санникова Л. В. Услуги в гражданском праве России. М., 2006.
18. Ситдикова Л. Б. Сфера публичных услуг в гражданском обороте // Российская юстиция. 2015. № 4. С. 2-5.
19. Талапина Э., Тихомиров Ю. А. Публичные функции в экономике // Право и экономика. 2002. № 6.
20. Терещенко Л.К. Услуги: государственные, публичные, социальные // Журнал российского права. 2004. № 10.
21. Тихомиров Ю. А. Современное публичное право. М., 2008.
22. Тихомиров Ю. А., Чеснокова М. Д. Совершенствование организации управления и оказания публичных услуг // Журнал российского права. 2005. № 3. С. 34-35.
23. Щепачев В. А. Участие местного самоуправления в оказании публичных услуг населению: некоторые проблемы // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 3.
24. Яцкин А. В. Правовое регулирование (стандартизация) предоставления государственных услуг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pvlast.ru/archive/index.315.php>.

23 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19 февраля 2008 г. № 09АП-786/2008-ГК, 09АП-861/2008-ГК по делу № А40-44094/07-150-375 // Документ официально опубликован не был. СПБ «Консультант Плюс».

ВАСИЛЬЧЕНКО Андрей Владимирович

кандидат медицинских наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

ЛОНЩАКОВА Анжелла Рашитовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ДИАГНОСТИКА УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА СВОЕМУ ЗДОРОВЬЮ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В работе рассматривается состояние проблемы несутцидальной агрессии в условиях пенитенциарной изоляции, раскрыта структура членовредительства среди заключенных, факторов, используемых для самоповреждений, проведен анализ версий при причинении вреда своему здоровью, установлена возрастная структура лиц, уклоняющихся от отбытия наказания с применением различных способов членовредительства.

Ключевые слова: умышенный вред своему здоровью, судебно-медицинская диагностика, заключенные.

VASILCHENKO Andrey Vladimirovich

Ph.D. in medical sciences, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Ufa Legal Institute of the MIA of Russia

LONSHAKOVA Anzhella Rashitovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty of the Ufa Legal Institute of the MIA of Russia

FORENSIC MEDICAL DIAGNOSIS OF INTENTIONAL INFLICTION OF HARM TO HEALTH IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

This paper examines the state of the problem of Neuilly aggression in a prison of isolation, the structure of self-harm among inmates, factors used to self harm, the analysis of the versions, when you harm their health, established the age structure of the persons evading from serving of punishment with application of various methods of self-harm.

Keywords: deliberate harm to their health, forensic medical diagnosis concluded.

В последние годы в учреждениях пенитенциарной системы сохраняется высокий уровень умышенного причинения вреда своему здоровью, как среди осужденных, так и среди лиц заключенных под стражу¹. Случаи несутцидальной аутоагрессии среди спецконтингента влекут за собой финансовые потери, приводят к инвалидизации, а иногда смерти членовредителя, способствует распространению негативных явлений в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Это указывает на необходимость разработки мероприятий, направленных на эффективное снижение уровня аутоагрессии несутцидальной направленности среди спецконтингента.

Ситуация пенитенциарной изоляции оказывает стрессовое воздействие на личность, провоцируя развитие или обострение психической патологии. Этому способствуют такие факторы как: негативное социальное окружение, конфликты с администрацией, проблемы в семье.

Разработка диагностики членовредительства в имеющейся литературе отражает общие установки тактики, а не конкретные методики и способы применения современных исследований. Не получили достаточного освещения вопросы разработки объективных критериев и методик диагностики в случаях умышенного причинения вреда своему здоровью у заключенных. Остались не изученными структура, цели, условия, способы и последствия уклонения заключенных от отбытия наказания по состоянию здоровья. Не получили

достаточной оценки факторы стресса от пенитенциарной изоляции, конфликтов с персоналом учреждений исполнения наказания, сокамерниками, негативного влияния социального окружения, семейных проблем. Не изучена в динамике клиническая картина часто встречающихся искусственных заболеланий у заключенных. Не исследованы условия, клиника и последствия использования инородных тел заключенными с целью уклонения от отбытия наказания. До настоящего времени в литературе не нашли своего освещения вопросы разработки дифференциальной диагностики самоповреждений и комплексной методики судебно-медицинского обследования заключенных, уклоняющихся от отбытия наказания по состоянию здоровья. В литературе нет данных о динамике членовредительства, что позволило бы определить приоритеты в изучении этих вопросов при организации планирования профилактической работы.

Проведенными исследованиями установлено, что среди 612 случаев уклонения от отбытия наказания по состоянию здоровья, искусственные болезни составили 29,9% и возникали в результате действия биологических, химических и физических факторов. Биологические агенты применялись местно, из них чаще применялась слюна (41,6%), реже всего кал (19,4%), а в остальных случаях зубной налет (39,0%).

Химические агенты применялись внутрь и местно. Для применения внутрь использовались каустическая сода, теофедрин, щавелевая кислота, астматол, хлорная известь, суррогаты спирта, метиловый спирт, нитролаки и политура. Местно применялись нефтепродукты, грифель химического карандаша, каустическая сода и серная кислота. Из физических факторов для причинения отморожений использовался лед, а ис-

¹ См.: Соломенцев В. В. Коллективное причинение умышенного вреда своему здоровью осужденными как социальный фактор в эскалации противоречий с органами исполнения наказаний // Уральский медицинский журнал. – 2014. – № 1. – С. 108-112.

кусственные ожоги вызывались подставлением части тела под пламя или умышленным поджиганием одежды.

В структуре членовредительства отмечены самоповреждения, искусственные болезни и применение инородных тел. При этом применение инородных тел составляет 44,3%. Среди них чаще вводились инородные тела (64,6%) в желудочно-кишечный тракт, реже в плевральную полость (23,6%), полость брюшины (7,8%) и в мягкие ткани (3,7%). Применение инородных тел в большинстве случаев сопровождалось травмированием внутренних органов. В случаях введения инородных тел в мягкие ткани в 40,0% повреждались внутренние органы.

Установлено, что самоповреждения составляют в структуре членовредительства 26,5% среди всех способов уклонения от отбытия наказания по состоянию здоровья. Из них в большинстве случаев (89,0%) составили повреждения, причиненные острыми орудиями, в остальных случаях (11,0%) применялись тупые предметы. Среди самоповреждений, причиненных острыми орудиями преобладали (45,8%) ранение мягких тканей без повреждения внутренних органов. Раны с повреждениями внутренних органов составили 27,1% наблюдений. В 20,1% наблюдались ранения крупных кровеносных сосудов и в 6,9% отрубы. По характеру среди ран преобладали резаные повреждения (54%), реже всего встретились рваные (8,7%). В остальных случаях раны были колотыми (18,9%), колото-резаными (18,1%), колотые и колото-резаные раны в большинстве случаев проникали в грудную и брюшную полости (соответственно 94,0% и 76,4%). Рваные раны чаще были с повреждением крупных сосудов и мышц. В структуре повреждений, причиненных тупыми орудиями, в 39,9% встретились размятия, переломы в 33,3% и вывихи в 27,8% наблюдений.

Проведенными исследованиями установлена возрастная структура лиц, уклоняющихся от отбытия наказания с применением различных способов членовредительства. Во всех возрастных группах чаще всего для вызывания искусственных болезней применялись химические факторы. В группе 50-59 лет использовался только один повреждающий фактор - химический, в группах 20-29 и 30-39 лет все три фактора, в остальных - только химические и биологические.

Все способы применения инородных тел наблюдались в младших и средних возрастных группах (20-39 лет). В старших возрастных группах встретилось только по два вида применения инородных тел: проглатывание и введение в мягкие ткани (50-59 лет), проглатывание и введение в плевральную полость (40-40 лет), наблюдалось только до 39 лет, а в плевральные полости до 49 лет.

Самоповреждения наблюдались во всех возрастных группах, но в самой старшей группе (50-59 лет) они преобладали среди других способов уклонения от отбытия наказания по состоянию здоровья среди видов самоповреждений преобладали различные раны во всех возрастных группах, причем в старших группах в большей степени, чем в младших.

Умышленные переломы и вывихи причинялись лишь в возрасте 20-49 лет. Отрубы в младшем возрасте применялись чаще, чем в старшем (до 19 лет - 12,5%, а 31-35 лет - 4,5%).

При изучении анатомической локализации поражаемых областей тела установлено, что при членовредительстве в большинстве случаев (77,2%) подвергалась воздействию область живота, реже всего спина (0,1%) и ягодицы (0,5%). Примерно одинаково по частоте повреждались верхние (13,2%), нижние (14,9%) конечности и грудная клетка (13,6%). На голове, шее, грудной клетке и животе применялись все три способа

членовредительства, на конечностях только самоповреждения и искусственные болезни, на спине только самоповреждения, на ягодицах и наружных половых органах - искусственные болезни. Наиболее разнообразная локализация при искусственных болезнях, наименее - при применении инородных тел. Самоповреждения встречались на всех частях тела, кроме ягодиц и промежности. Только в 14,6% наблюдений участки поражений при членовредительстве оказались двусторонними из них 25,0% случаев искусственных болезней на обеих нижних конечностях, в 30,0% - искусственных болезней на верхних конечностях и 30,0% - искусственных болезней глаз. Двусторонняя локализация наблюдалась только при изолированном виде членовредительства. Так, в 25% наблюдений на обеих верхних конечностях были флегмоны, в 15% - резаные раны локтевых вен обеих рук. В 25% случаев на обеих ногах одновременно были вызваны искусственные флегмоны, в 30% - химические ожоги обеих глаз. При самоповреждениях чаще всего поражались верхние конечности (42%), реже всего нижние конечности (4%), голова (2,8%) и половой член (0,6%). Раны встретились на всех участках тела, но чаще всего на верхних конечностях (35,8%), животе (25,6%), грудной клетке (13,1%) и шее (11,9%). Самой разнообразной локализацией отличались резаные раны, а колотые встретились только на груди и животе, в то время как рваные только на верхних конечностях и животе. Переломы и вывихи вызывались только на верхних конечностях, отрубы - на верхних и нижних конечностях. На левых руках и ногах отрубы производились чаще в 4 раза, что указывало на действие правой руки при членовредительстве.

Большое значение для своевременной диагностики факта умышленного причинения вреда своему здоровью имеет сопоставления версии, предложенной заключенным с объективными данными².

При проведении нами анализа версий при различных способах уклонения от отбытия наказания выявлено преобладание: версий бытового характера при искусственных болезнях, частных версий при применении инородных тел и производственных версий при самоповреждениях³.

В структуре производственных версий преобладали падение в производственной зоне и травма деталями, инструментами, механизмами, ожоги при самоповреждениях среди заключенных, занятых выполнением всех видов работ. Переохлаждение, перегревание и производственные отравления преобладали при вызывании искусственных болезней. В случае применения инородных тел производственные версии использовались редко.

В группе бытовых версий простуда, перегревание и заражение при мужеложстве встречались только при искусственных болезнях; ожоги, отморожения, дефекты одежды - при самоповреждениях и искусственных болезнях; ошибочный прием внутрь, недостаточное питание, случайное отравление - при вызывании искусственных болезней и применении инородных тел; падение при самоповреждениях и применении инородных тел.

- 2 См.: Дебой Н. Н. О признаках, указывающих на несоответствие версии об образовании повреждений // Вестник судебной медицины. - 2013. - Т. 2. - № 4. - С. 32-34.
- 3 См.: Васильченко А. В., Гареев А. М., Лонцакова А. Р. Судебно-медицинские аспекты выявления фактов членовредительства в местах лишения свободы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2015. - №4. - С. 60-63.

В частных версиях преваляло применение инородных тел с ложным указанием на наличие внутренних болезней.

В зависимости от способа умышленного причинения вреда своему здоровью частота ложных версий колебалась от 23,8% до 60%.

Так, при проглатывании (введении) инородных тел в желудочно-кишечный тракт через рот заключенные в 23,2% объясняли ухудшение состояния здоровья болезнью, предъявлением ложных жалоб и анамнеза.

При введении инородных тел в плевральные полости чаще в остальных 30,6% случаев обследуемые ухудшение состояния здоровья объясняли болезнью, предъявляя ложный анамнез и жалобы. При ложном анамнезе в 36,8% объясняли обострением туберкулеза легких, в 31,6% – пневмонией, в 15,8% – бронхиальной астмы, в 15,8% – плеврита. Происхождение инородных тел, определяемых рентгенологически, заключенные объясняли в 66,4% производственной травмой в быту.

При введении инородных тел в мягкие ткани, заключенные в 60,0% случаев выдвигали ложный анамнез, объясняя болезненное состояние травмой.

Учитывая вышеизложенное, среди всех способов уклонения заключенных от отбытия наказания по состоянию здоровья можно выделить следующие: проглатывание инородных тел, введение инородных тел в плевральные полости, введение инородных тел в полость брюшины, введение инородных тел в мягкие ткани, эпикутанное и субкутанное применение повреждающих агентов, применение внутрь технических жидкостей и лекарств, нанесение ран, причинение переломов, применение отрубков, применение вывихов.

Следует отметить, что структура способов умышленного причинения вреда своему здоровью среди заключенных отличается от способов членовредительства у военнослужащих

отсутствием огнестрельной и взрывной травмы. Кроме того, заключенные в отличие от военнослужащих применяют инородные тела не только для проглатывания, но и для введения в плевральные и брюшную полости, в мягкие ткани.

Обращает на себя внимание довольно высокая частота ложных версий причинения умышленного вреда своему здоровью, выдвигаемых заключенными, влекущих за собой увеличение сроков диагностики и лечения данного контингента.

Пристатейный библиографический список

1. Васильченко А. В., Гареев А. М., Лонцакова А. Р. Судебно-медицинские аспекты выявления фактов членовредительства в местах лишения свободы // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2015. – №4. – С. 60-63.
2. Дебой Н. Н. О признаках, указывающих на несоответствие версии об образовании повреждений // Вестник судебной медицины. – 2013. – Т. 2. – № 4. – С. 32-34.
3. Соломенцев В. В. Коллективное причинение умышленного вреда своему здоровью осужденными как социальный фактор в эскалации противоречий с органами исполнения наказаний // Уральский медицинский журнал. – 2014. – № 1. – С. 108-112.
4. См.: Милованова М. М. Криминалистическая характеристика преступлений, связанных с уклонением от исполнения обязанностей военной службы путем симуляции болезни или иными способами // Вестник московского государственного университета приборостроения и информатики. Серия: социально-экономические науки. – 2012. – № 39. – С. 252-262.

Воронцова О.В.

Общественный Экологический Контроль

ВОРОНЦОВА
Оксана Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин,
декан юридического факультета
ГОУ ВО «Ками республиканская
академия государственной
службы и управления».
Монография представляет собой
первое комплексное исследование
правовых проблем, возникающих в
сфере общественного
экологического контроля.
Автор будет признателен
за любые отзывы:
marf.73@list.ru

КОНДРАТОВСКАЯ Светлана Николаевна

кандидат юридических наук, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

УСКОВА Татьяна Владимировна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Статья рассматривает некоторые проблемные аспекты правового регулирования экспертизы в гражданском процессе. Авторы делают вывод о необходимости правовой регламентации негосударственной экспертной деятельности.

Ключевые слова: гражданский процесс, экспертиза, эксперт, специалист.

KONDRATOVSKAYA Svetlana Nikolaevna

Ph.D. in Law, head of the Department of civil law disciplines of WIPE of the FSEP of Russia

USKOVA Tatyana Vladimirovna

lecturer of civil law disciplines of WIPE of the FSEP of Russia

SOME ASPECTS OF LEGAL REGULATION OF JUDICIAL EXPERTISE IN CIVIL PROCEEDINGS

The article considers some problematic aspects of legal regulation of the expertise in the civil process. The authors conclude about the necessity of legal regulation of non-state expertise.

Keywords: civil process, expertise, expert, specialist.

В настоящее время специальным актом, регулирующим судебно-экспертную деятельность, является Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – Закон № 73-ФЗ). Данный Федеральный закон определяет правовую основу, принципы организации и основные направления - государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве.

Производство судебной экспертизы с учетом особенностей отдельных видов судопроизводства регулируется соответствующим процессуальным законодательством Российской Федерации, в число которых входит и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации².

Принятый в 2001 году, этот Закон был призван решить многие существовавшие на тот момент проблемы судебно-экспертной деятельности. В нем систематизировались правовые нормы, регулирующие принципы организации судебных экспертиз, определялся правовой статус судебного эксперта, основы его взаимоотношения с государственным судебно-экспертным учреждением и органами, уполномоченными на назначение судебной экспертизы, устанавливались особенности производства отдельных видов экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях.

Закон № 73-ФЗ явился (особенно в свое время) достаточно проработанным нормативным правовым актом. Подтверждением служит то, что он действует уже более 15 лет с незначительными изменениями, последние из которых внесены Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 23-ФЗ, изменения

вступили в силу с 15 сентября 2015 г.³ Вместе с тем, следует признать, что до настоящего времени, несмотря на все внесенные изменения, не все вопросы в сфере судебной экспертизы были разрешены вышеназванным Законом, а также принятыми впоследствии процессуальными кодексами.

В Российской Федерации производство судебных экспертиз осуществляется как в государственных экспертных учреждениях (подразделениях) лицами, являющимися работниками (сотрудниками) данных учреждений, так и иными лицами, обладающими специальными знаниями.

При назначении судебной экспертизы приоритет практически всегда отдается именно ведомственным учреждениям. При этом необходимо отметить, что в последние годы количество негосударственных экспертных организаций, привлекаемых к производству судебных экспертиз, постепенно возрастает. Это обусловлено тем, что при рассмотрении дел могут потребоваться специальные знания в такой специфической области, в которой государственные экспертные организации не работают либо, наоборот, чрезмерно загружены и по срокам предпочтительнее частные организации.

На сегодняшний день государственные экспертные учреждения, как правило, действуют в виде «ведомственных» бюджетных учреждений в определенных органах государственной власти. Финансирование деятельности таких учреждений происходит за счет бюджетных средств. Однако они

Кондратовская С. Н.

Ускова Т. В.

1 СЗ РФ. 2001 г. № 23. Ст. 2291.

2 СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

3 Федеральный закон от 08.03.2015 № 23-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СЗ РФ 2015. № 10. Ст. 1393.

вправе проводить на договорной основе экспертные исследования для физических и юридических лиц, взимать плату за производство судебных экспертиз по гражданским и арбитражным делам (ст. 37 Закона № 73-ФЗ). Государственные судебные эксперты должны иметь высшее профессиональное образование и пройти подготовку по соответствующей экспертной специальности, а также пройти аттестацию на право производства экспертиз в соответствующих ведомствах. Порядок аттестации экспертов устанавливается различными ведомственными актами.

Как уже отмечалось, сегодня распространено производство негосударственных экспертиз, массово создаются организации, предлагающие производство судебных экспертиз по различным направлениям.

Организации, предлагающие услуги по производству экспертиз, и «негосударственные» эксперты зачастую объединяются в некоммерческие организации - ассоциации экспертов, некоммерческие партнерства. Минюст России осуществляет добровольную сертификацию компетентности судебных негосударственных экспертов, работающих в сфере экспертного обслуживания⁴.

Закон № 73-ФЗ не предусматривает квалификационных требований к негосударственным судебным экспертам, критериев оценки их профессиональной подготовки, единого научно-методического подхода к экспертной практике, только отдельные общие положения Закона подлежат применению к экспертной деятельности вне государственных учреждений. Мы полагаем, что отсутствие законодательно установленных требований к негосударственным экспертам и критериев оценки их компетентности является одним из проблемных моментов существующего правового регулирования, а также одной из причин низкого качества экспертиз, проводимых в негосударственных организациях.

По мнению С.И. Комарицкого⁵, законодательного решения в первую очередь требуют вопросы, связанные со статусом негосударственных экспертов:

а) квалификация негосударственного судебного эксперта и доступность судам сведений о ней до назначения экспертизы;

б) дороговизна услуг негосударственного эксперта и направленность таких экспертов на извлечение максимальной выгоды;

в) ангажированность негосударственного эксперта и его стремление представить заключение в пользу предложившего суду его кандидатуру субъекта.

В гражданском судопроизводстве назначение судебных экспертиз и использование заключений экспертов в процессе доказывания систематически практикуется адвокатами и представителями. Необходимость ходатайства о назначении экспертизы может возникать и когда судья не использует экспертизу как вид доказательств по делу, и когда проведенная экспертиза вызывает сомнение как доказательство. В этих случаях адвокат должен не только заявить ходатайство о назначении экспертизы, но и посредством адвокатского запро-

са обсудить со специалистом, какие материалы должны быть представлены в качестве объектов исследования на экспертизу.

Рассматривая фигуры специалиста и эксперта, стоит выяснить различия между ними. Так, О.Г. Дьяконова определяет эксперта как лицо, обладающее специальными знаниями и особым процессуальным статусом⁶. Согласно ст. 13 ФЗ № 73-ФЗ, экспертом является лицо, имеющее высшее образование и получившее дополнительное профессиональное образование по конкретной экспертной специальности, т.е. лицо, обладающее специальными знаниями, квалификацией. При этом под квалификацией понимается степень профессиональной подготовленности к выполнению какого-либо рода работ⁷.

Понятия специалист ни ГПК РФ, ни Закон № 73-ФЗ не дают. Как следует из энциклопедии по управлению персоналом, специалистом является лицо, обладающее комплексом знаний, приобретенных в результате специальной подготовки, умений и навыков, необходимых для определенного вида деятельности в рамках той или иной профессии⁸. Следовательно, специалист – это лицо, выполнение обязанностей которого предусматривает наличие начального, среднего или высшего профессионального (специального) образования.

Вместе с тем, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации⁹ (далее – АПК РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации¹⁰ (далее – КАС РФ) законодательно закрепляют понятие специалиста для соответствующих видов процессов. Так, ст. 55¹ АПК РФ определяет, что специалистом в арбитражном процессе является лицо, обладающее необходимыми знаниями по соответствующей специальности, осуществляющее консультации по касающимся рассматриваемого дела вопросам.

Таким образом, при определении фигуры специалиста мы можем применить в гражданском процессе аналогию права.

Исходя из существующих определений, можно сделать вывод об отличии между специалистом и экспертом. Так, как следует из определения, эксперт должен обладать не только высшим образованием в определенной области, но и иметь специализацию, т.е. более глубокие знания узкой направленности. Специалист же должен обладать знаниями в сфере своей деятельности, т.е. от него не требуется более углубленных знаний – достаточно иметь познания, необходимые для конкретной профессии. Следовательно, эксперт по сравнению со специалистом является лицом, обладающим более глубокими знаниями по сравнению со специалистом, обладает квалификацией. В связи с этим становится понятным и очевидным привлечение в процесс как специалиста, так и эксперта, а также предварительное обращение к специалисту с тем, чтобы проконсультироваться по поводу отбора материалов для экспертизы. Специалист, обладая знаниями в конкретной сфере, способен определить необходимый объект исследования с тем, чтобы эксперт, обладающий более глубокими знаниями, провел исследование предоставленного материала и на основании этого дал заключение.

4 Распоряжение Минюста России от 27.10.2010 № 9105-р «Об организации добровольной сертификации компетентности экспертов в государственных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из системы КонсультантПлюс.

5 См.: Комарицкий С. И. Проект закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и проблема участия в проведении судебной экспертизы негосударственных экспертов // Юрист. 2014. № 17. С. 36.

6 См.: Дьяконова О. Г. Судебная экспертиза в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 5. С. 14.

7 См.: Кибанов А. Я. Управление персоналом. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 130.

8 См.: Там же. С. 467.

9 «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 23.06.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // СЗ РФ 2002. № 30. ст. 3012.

10 «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // СЗ РФ. 2015. №10. ст. 1391.

Между заключением эксперта и пояснением (консультацией) специалиста много общего. И то и другое является доказательством по гражданскому делу, получаемым в процессе применения специальных познаний (научно обоснованных, апробированных практикой знаний, а также навыков, умения, опыта) особых сведущих лиц, предоставляемым в распоряжение суда и участников дела в письменном виде. В качестве необходимого элемента заключений выступают ответы на поставленные судом и (или) сторонами вопросы. В то же время заключение эксперта и консультация специалиста - разные по информационной и достоверительно-правовой природе доказательства.

Однако, справедливое судебное разбирательство подразумевает принятие решения в соответствии со всеми требованиями процессуального права, соблюдение принципа состязательности и равноправия сторон, непредвзятое и беспристрастное отношение суда к сторонам и предоставляемым ими материалам, незаинтересованность суда в исходе дела, возможность каждой стороны донести до суда свою позицию и предоставить свои обоснования. Обеспечение права на справедливое судебное разбирательство одновременно является гарантией защиты любого другого права¹¹.

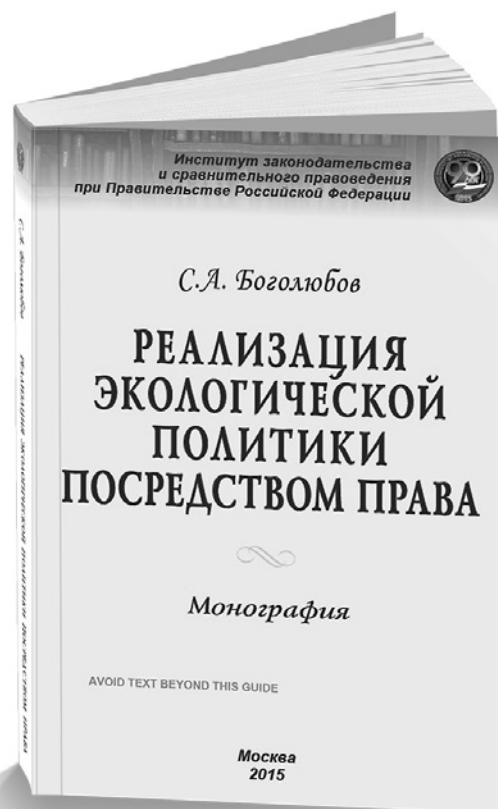
Процессуальные кодексы, в том числе ГПК РФ, провозглашают принцип состязательности, согласно которому каждое лицо, участвующее в деле, должно самостоятельно доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается. Представленные сторонами доказательства оцениваются и исследуются судом в целях разрешения гражданско-правового спора, где стороны процесса имеют равные права по представлению доказательств. В то же время при назначении судебной экспертизы нормы процессуального права отступают от этого правила: согласно закону, стороны равны в возможности заявить ходатайство о назначении экспертизы и в предложении о назначении определенного эксперта¹². Только в ходе рассмотрения такого ходатайства суд решает вопрос о том, подлежит ли такое ходатайство удовлетворению. В то же время судебный процесс в порядке гражданского судопроизводства осуществляется на основании принципа состязательности, поэтому каждая из сторон должна иметь право предложить кандидатуру эксперта по собственному усмотрению.

Таким образом, можно констатировать что, во-первых, действующее гражданское процессуальное законодательство недостаточно регламентирует участие в деле специалиста. Кроме того, требуется законодательное установление квалификационных требований к негосударственным судебным экспертам, критериев оценки их профессиональной подготовки, единого научно-методического подхода к экспертной практике, поскольку только отдельные общие положения Закона № 73-ФЗ подлежат

применению к экспертной деятельности вне государственных учреждений, а отсутствие законодательно установленных требований к негосударственным экспертам и критериев оценки их компетентности является одним из проблемных моментов существующего правового регулирования, и, как следствие, одной из причин низкого качества экспертиз, проводимых в негосударственных организациях.

Пристатейный библиографический список

1. Дьяконова О. Г. Судебная экспертиза в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 5.
2. Кибанов А. Я. Управление персоналом. М.: ИНФРА-М, 2014.
3. Комарицкий С. И. Проект закона о судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации и проблема участия в проведении судебной экспертизы негосударственных экспертов // Юрист. 2014. № 17.

11 См.: Хазиев Ш. Н. Вопросы судебной экспертизы в контексте права на справедливое судебное разбирательство // Государство и право. 2010. № 5. С. 15.

12 См.: Плешаков С. М. О некоторых проблемах реализации принципа состязательности при проведении судебной экспертизы // Юрист. 2010. № 7. С. 56.

МУХТАРОВА Елена Анатольевна

заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России

БАЛАНДИНА Светлана Ивановна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета внебюджетного образования Вологодского института права и экономики ФСИН России

ЯДРЕНЦЕВ Владимир Федорович

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин факультета внебюджетного образования Вологодского института права и экономики ФСИН России

КОНСТИТУЦИОННЫЙ ПРИНЦИП ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМ ОБРАЗОВАНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В ОТНОШЕНИИ СОТРУДНИКОВ УИС

Статья рассматривает конституционный принцип государственной поддержки различных форм образования на примере реализации в отношении сотрудников УИС

Ключевые слова: право на образование, профессиональное образование, профессиональная подготовка, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

MUKHTAROV Elena Anatoljevna

Deputy Head of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Vologda Institute of law and Economics of the FSEP of Russia

BALANDINA Svetlana Ivanovna

lecturer of Civil Law Disciplines sub-faculty of the faculty of extra-budgetary education of the Vologda Institute of law and Economics of the FSEP of Russia

YADRENTSEV Vladimir Fedorovich

lecturer of Civil Law Disciplines sub-faculty of the faculty of extra-budgetary education of the Vologda Institute of law and Economics of the FSEP of Russia

THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF STATE SUPPORT FOR VARIOUS FORMS OF EDUCATION: THE PECULIARITIES OF ITS IMPLEMENTATION IN RESPECT OF THE PRISON STAFF

The article examines the constitutional principle of state support for various forms of education on the example of implementation in respect of employees of UIS

Keywords: right to education, vocational education, professional training, employees of the penal system.

Согласно Конституции Российской Федерации каждый имеет право на образование¹. Под словом «каждый» подразумевается любой человек, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям, возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости.

Профессиональная подготовленность всегда была одним из главных требований, предъявлявшихся к сотрудникам правоохранительных органов.

Исследование проблем профессиональной подготовки на протяжении столетия свидетельствуют о чрезвычайно высокой значимости личностной составляющей эффективной деятельности любого специалиста. В условиях современных социально-экономических отношений в последние два десятилетия значимость этого фактора усилилась многократно, в том числе и для сотрудников уголовно-исполнительной системы. Поввысилась роль внутренних социально-професси-

ональных регуляторов их деятельности, личной ответственности, личностного выбора специалиста в условиях высокого давления недостаточного материального обеспечения труда и обострения криминогенной обстановки в стране.

Подготовка кадров для силовых структур страны представляет собой важную составляющую часть деятельности, направленной на укрепление государства и правопорядка в стране, повышение общей культуры населения и развития правовой науки.

В решение этой задачи включены министерства и ведомства, научные и учебные заведения, а также органы и учреждения, выступающие в качестве главных заказчиков и потребителей специалистов с высшим и средним специальным образованием².

Мухтарова Е. А.

Баландина С. И.

Ядренцев В. Ф.

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрании законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2 Кондрашин О. В. Подготовка, переподготовка и повышение квалификации кадров ФСИН РОССИИ: Организационно-правовые аспекты // Российский следователь. 2007. № 21.

В настоящее время радикальная структурная перестройка всех аспектов деятельности УИС требует существенного изменения и переориентации профессиональной подготовки. На современном этапе ОВД и УИС нуждаются в новом поколении профессионалов, способных эффективно работать в условиях переориентации ФСИН на защиту основных прав и свобод человека и гражданина как приоритетных ценностей правового государства³.

Формирование кадрового корпуса уголовно-исполнительной системы, отвечающего современным требованиям, во многом обусловлено уровнем подготовки сотрудников. В настоящее время именно профессиональная подготовка рассматривается как один из определяющих факторов обеспечения интеллектуальными ресурсами всех сфер деятельности общества, в том числе и правоохранительной.

Совершенствование профессиональной подготовки кадров уголовно-исполнительной системы является одним из приоритетных направлений кадровой политики Федеральной службы исполнения наказаний.

В процессе профессиональной подготовки происходит овладение знаниями, умениями, накапливается профессиональный опыт, знания и умения прямо не предопределяют развитие личности.

Хотелось бы отметить, что подготовка сотрудников уголовно-исполнительной системы базируется на общих педагогических принципах, исходных требованиях, выполнении которых обеспечивает решение основных задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой. Они представляют собой интерактивные, обобщенные выводы из опыта подготовки и результатов ее научных исследований. Однако, как отмечают некоторые ученые, подготовка сотрудников УИС имеет свою специфику, которая обусловлена рядом факторов:

- она проводится с людьми, которые занимаются специфической деятельностью и для участия в занятиях на время отрываются от нее;
- она проводится для людей, как правило, уже имеющих профессиональное образование и нередко обладающих немалым опытом решения профессиональных задач;
- она является именно подготовкой, а не обучением;
- она отличается особыми целями, задачами, организацией, содержанием, формами, методами, условиями и критериями эффективности⁴.

Особую значимость при организации профессиональной подготовки приобретают вопросы, касающиеся отбора кандидатов на учебу в образовательные учреждения ФСИН России, поскольку с учетом специфики деятельности в пенитенциарной системе ее сотрудники должны отвечать особым требованиям.

В условиях радикальной трансформации общества, повлекшей изменение сложившейся структуры всех видов обеспечения правоохранительных органов, изменились требования, предъявляемые к профессиональной подготовке сотрудников, к подбору и выдвижению кадров, прогнозирования кадрового обеспечения, прежде всего с точки зрения направленности их на конечные результаты. С улучшением качества кадрового обеспечения правоохранительных органов непосредственно связано повышение эффективности служебной деятельности.

Происходящие в настоящее время процессы преобразования в социальной, духовной, экономической и политической жизни России существенно сказываются на состоянии государственного управления в целом и содержании государственной кадровой политики в органах и учреждениях ФСИН России в частности. Сейчас происходит активный процесс реформирования уголовно-исполнительной системы с учетом европейских пенитенциарных стандартов. Целью реформирования является изменение государственной политики в сторону либерализации уголовных наказаний, уменьшения

численности спецконтингента в местах лишения свободы, более широкого применения альтернативных видов наказаний.

В пенитенциарной системе кадровая политика имеет свои особенности, обусловленные целью и задачами ее деятельности. Одним из главных направлений кадровой политики уголовно-исполнительной системы является формирование высокопрофессионального, стабильного, оптимально сбалансированного кадрового корпуса органов и учреждений ФСИН России, способного решать задачи, поставленные перед УИС обществом и государством. Важным средством при этом является эффективная система профессиональной подготовки кадров.

Профессиональная подготовка представляет собой непрерывный процесс совершенствования профессиональных навыков, знаний и умений, интеллекта и культурного уровня сотрудника УИС, развития его личностных качеств.

По мере развития уголовно-исполнительной системы возросли требования к уровню профессионализма ее сотрудников. Современное общество доказало необходимость создания и развития систем непрерывного образования. В свою очередь, эта система может быть реализована на практике через организацию многоуровневой структуры подготовки специалистов. На такие подходы совершенствования общего уровня профессиональной подготовки направлены Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»⁵, и другие нормативные акты, предусматривающие интеграцию в международную систему подготовки специалистов.

Отраслевая система подготовки сотрудников в пенитенциарной системе, являясь частью общегосударственной образовательной системы, обязана перестраиваться и корректироваться в соответствии с требованиями вышеуказанных нормативных правовых актов.

Однако не только это обстоятельство, но и изменение экономической и социально-политической ситуации в стране, резкое ухудшение криминогенной обстановки, и в тоже время передача уголовно-исполнительной системы из МВД в ведение Минюста России, создание самостоятельной Федеральной службы исполнения наказаний, интенсивное движение кадров в данной системе, их значительное обновление привели к необходимости создания в УИС полнокровной кадровой службы, подготовке и принятию новых нормативных актов, разработке мер, направленных на поднятие социального статуса сотрудников, их профессионального уровня.

Специфика службы сотрудников уголовно-исполнительной системы накладывает отпечаток и на деятельность образовательных учреждений, осуществляющих подготовку кадров для подразделений ФСИН России. Большое внимание в рамках данного направления уделяется усилению практической направленности учебного процесса, обеспечению непрерывности образования и самообразования сотрудников. Это особенно актуально в связи с тем, что образовательные учреждения ФСИН России выполняют конкретный социальный заказ – готовят специалистов для уголовно-исполнительной системы. Профессиональная подготовка должна обеспечить возможность сотруднику получить образование, позволяющее занимать соответствующие должности, продвигаться по служебной лестнице.

Эти положения обозначили пути и средства реформирования профессиональной образовательной системы в ФСИН России, которая сейчас находится в процессе развития в соответствии с установленными целями.

Система профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы представляет собой совокупность взаимосвязанных организационных и информационно-воспитательных форм распространения и приобретения профессиональных знаний, умений и навыков сотрудниками в период прохождения службы, а также сеть учебных заведений, обеспечивающих, реализацию соответствующих форм (элементов, направлений) процесса профессиональной подготовки⁶.

3 Миронов Р. Г. Пути оптимизации взаимодействия ОВД и УИС по обеспечению безопасности и правопорядка // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2007. № 2

4 См.: Киселев М. В., Кароян В. В., Иваншко Н. Н. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебное пособие. – Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. 52 с.

5 Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2016) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

6 Организация работы с кадрами в органах внутренних дел. Курс лекций. – М: Академия ФСИН России, 1997. – С. 56.

Правовой основой организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы является Приказ Минюста России от 27 августа 2012 г. № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы»⁷.

Основными задачами профессиональной подготовки сотрудников являются:

- обучение сотрудников умелым и эффективным действиям, формирование у них достаточного объема правовых знаний, обеспечивающих успешное выполнение оперативно-служебных и служебно-боевых задач;

- совершенствование правовых знаний, повышение общей правовой культуры сотрудников;

- совершенствование навыков руководящего состава по управлению, обучению и воспитанию подчиненных, внедрению в практику служебной деятельности достижений науки и техники, передовых форм и методов работы, основ научной организации труда;

- формирование профессионального самосознания сотрудников, чувства ответственности за свои действия, стремления к постоянному совершенствованию своего профессионального мастерства;

- обучение сотрудников приемам и способам обеспечения профессиональной и личной безопасности в повседневной деятельности, при чрезвычайных обстоятельствах и в экстремальных условиях служебной деятельности;

- выработка и постоянное совершенствование у сотрудников практических умений и навыков применения мер принуждения с соблюдением норм законодательства Российской Федерации;

- поддержание у сотрудников постоянной готовности решительно и умело пресекать противоправные деяния, а также поддержание у них постоянной готовности к действиям в условиях, связанных с применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия;

- формирование высокой психологической устойчивости личности сотрудников, развитие у них наблюдательности, бдительности, памяти, мышления и других профессионально-психологических качеств и навыков;

- совершенствование навыков обращения со специальной техникой и специальными средствами, эксплуатации транспортных средств и средств связи, электронно-вычислительной техники.

Профессиональная подготовка включает следующие виды обучения:

- подготовка курсантов и слушателей в период обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России;

- специальное первоначальное обучение;

- профессиональная переподготовка, повышение квалификации;

- обучение в процессе служебной деятельности.

Прохождение этих ступени в той или иной последовательности обеспечивает квалифицированное выполнение обязанностей сотрудником УИС и его должностной рост.

Источником кадров для уголовно-исполнительной системы главным образом выступают ведомственные образовательные учреждения, поскольку подготовка специалистов в гражданских образовательных учреждениях не позволяет в полной мере учесть специфику деятельности органов и учреждений УИС, что в свою очередь может стать причиной отсутствия у молодых специалистов многих профессионально значимых качеств, знаний, умений и навыков, без которых они не смогут на должном уровне выполнять свои служебные обязанности.

Резюмируя вышеизложенное можно сделать вывод о том, что центральное место при осуществлении профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы занимают ведомственные образовательные учреждения, так как

они учитывают в образовательном процессе специфику деятельности органов и учреждений ФСИН России.

Задачи и содержание профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы определяются действующим законодательством, нормативными актами Минюста России и конкретно формулируются в учебных, тематических планах и программах. Руководители органов, учреждений и подразделений УИС, образовательных и научно-исследовательских учреждений обязаны создавать необходимую обстановку и условия, стимулирующие у сотрудников потребность к постоянному повышению своих профессиональных знаний и культурного уровня, рассматривая это как одну из главных служебных обязанностей. В тоже время начальники всех степеней несут персональную ответственность за организацию непрерывного обучения сотрудников, поддержание их высокого профессионального мастерства.

Содержание профессиональной подготовки сотрудников конкретизируется по основным видам обучения. По результатам обучения сотрудникам выдаются документы государственного образца, удостоверяющие профессиональный уровень сотрудников. Указанные в них сведения учитываются при продвижении по службе, аттестации и присвоении квалификационных званий.

Организационное и методическое руководство профессиональной подготовкой сотрудников, оказание научно-методической и консультативной помощи, систематический контроль за состоянием обучения осуществляет управление профессионального образования и науки ФСИН России.

Профессиональное мастерство – одно из главных требований, предъявляемых сегодня к сотруднику уголовно-исполнительной системы, так как уровень профессиональной подготовки определяет, в конечном счете, способность эффективно решать поставленные перед ним задачи. В связи с этим трудно переоценить значение планомерного, систематического обучения сотрудников всех служб современным формам и методам работы.

Решение задач профессиональной подготовки сотрудников зависит от четко спланированной и скоординированной работы руководителей учреждений и органов (подразделений) ФСИН России и кадровых аппаратов, включающей систему учебно-методических, организационных и воспитательных мер.

Важным направлением совершенствования профессиональной подготовки является улучшение качества отбора и связанной с ним деятельности по профессиональной ориентации молодежи.

Укрепление кадрового потенциала органов и учреждений ФСИН России является важнейшей гарантией устойчивости и эффективности уголовно-исполнительной системы.

Основными направлениями совершенствования данной работы должны стать:

1. реорганизация системы образовательных учреждений путем слияния, переподчинения территориально обособленных структурных подразделений образовательных учреждений, включение образовательных учреждений среднего профессионального образования в состав ведомственных образовательных учреждений высшего профессионального образования;

2. дальнейшее развитие многоступенчатой системы подготовки кадров, использование современных методик организации учебного процесса, введение эффективного контроля за уровнем знаний обучаемых;

3. совершенствование технологий обучения, интенсификацию учебного процесса, предполагающего оптимально возможное приближение к практической деятельности органов и учреждений УИС;

4. совершенствование специальной, боевой и физической подготовки сотрудников УИС за счет интенсификации и максимального приближения содержания обучения к реальным условиям оперативно-служебной деятельности, улучшения методического обеспечения и условий проведения занятий;

5. реализация принципа подготовки научно-педагогических кадров. Создание новых адъюнктур, расширение номенклатуры научных специальностей.

Таким образом, профессиональная подготовка сотрудников органов и учреждений ФСИН России представляет собой постоянный процесс формирования и совершенствования профессиональных навыков, знаний, умений, развития их личностных качеств на протяжении всего периода службы.

7 Приказ Минюста России от 27.08.2012 № 169 «Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы» (Зарегистрировано в Минюсте России 13.09.2012 № 25452) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. № 41. 08.10.2012.

КОЖИНА Юлия Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Академии ФСИН России

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ

В статье исследуются некоторые проблемы взыскания алиментов. При том что в России создан налаженный механизм взыскания алиментов, тем не менее до сих пор ситуация в этой сфере человеческих отношений далека от совершенства. Основными причинами, порождающими необходимость принудительного исполнения судебных актов о взыскании алиментов и задолженности по алиментным платежам, являются не столько отсутствие возможности выплачивать алименты, сколько нежелание платить. В статье анализируются попытки, предпринятые государством, для устранения подобных причин и защиты нарушенных прав получателей алиментов.

Ключевые слова: алиментная обязанность, плательщик, получатель алиментов, судебные приставы-исполнители, принудительное взыскание, задолженность, защита нарушенных прав, отсутствие заработка, злостное уклонение от уплаты алиментов, меры воздействия.

Кожина Ю. А.

KOZHINA Yuliya Alexeyevna

Ph.D. in Law, associate professor, of Civil Law and Procedure sub-faculty of the Academy of the FSEP of Russia

STATE POLICE IN THE SPHERE OF ALIMONY

В статье исследуются некоторые проблемы взыскания алиментов. При том что в России создан налаженный механизм взыскания алиментов, тем не менее до сих пор ситуация в этой сфере человеческих отношений далека от совершенства. Основными причинами, порождающими необходимость принудительного исполнения судебных актов о взыскании алиментов и задолженности по алиментным платежам, являются не столько отсутствие возможности выплачивать алименты, сколько нежелание платить. В статье анализируются попытки, предпринятые государством, для устранения подобных причин и защиты нарушенных прав получателей алиментов.

Ключевые слова: алиментная обязанность, плательщик, получатель алиментов, судебные приставы-исполнители, принудительное взыскание, задолженность, защита нарушенных прав, отсутствие заработка, злостное уклонение от уплаты алиментов, меры воздействия.

Проблема недобросовестного отношения к выполнению алиментных обязанностей по отношению к детям в последние годы приобрела особую актуальность, поскольку перешла из разряда проблем отдельно взятой семьи и приобрела масштабы общегосударственной. Данные статистики, приведенные Федеральной службой судебных приставов (ФССП России), свидетельствуют о наличии трудностей, связанных с принудительным взысканием алиментов. Согласно официальной статистике, как заметил Уполномоченный по правам ребенка в РФ, от уплаты алиментов уклоняется 800 тыс. граждан, в связи с чем общая сумма задолженности составляет 100 млрд рублей¹. Хотя в последние годы прослеживается положительная динамика исполнительской дисциплины должников по алиментным обязательствам, ситуация далека от совершенства. Казалось бы, в последнее время принят ряд документов, способствующих созданию эффективного механизма взыскания алиментов, на законодательном уровне разработана комплексная система принудительного взыскания алиментов с должников, тем не менее значительная часть нуждающихся в алиментах граждан по-прежнему имеет лишь гипотетическую надежду на их получение.

Российское законодательство предусматривает ряд мер, которые могут быть применены к неплательщику алиментов. Цель применения данных мер заключается не только в защите

нарушенных прав получателей алиментов, но и в наказании недобросовестных плательщиков, поскольку «за отрицательное деяние должно следовать отрицательное воздаяние»².

Существует множество факторов, влияющих на исполнительность должников по алиментам. Как известно, добросовестный плательщик – работающий плательщик. По данным Росстата, при общей численности населения РФ в 146 млн 300 тыс. человек безработных россиян – 3 млн 668 тыс.³ Это свидетельствует о том, что работоспособное население, по уважительным причинам не получая доход, не может фактически выполнять свои обязательства перед другими лицами, в том числе выплачивать своевременно алименты. Закон, учитывая подобную ситуацию исходя из принципа гуманности, допускает возможность освобождения плательщика от уплаты задолженности по алиментам или уменьшения этой задолженности. Согласно п. 2 ст. 114 Семейного кодекса РФ суд вправе по иску лица, обязанного уплачивать алименты, освободить его полностью или частично от уплаты задолженности по алиментам, если установит, что неуплата алиментов имела место в связи с болезнью этого лица или по другим уважительным причинам и его материальное и семейное положение не дает возможности погасить образовавшуюся задолженность по

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rf.deti.ru.

2 Малеин Н. С. Об институте юридической ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Тарту, 1989. С. 84.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru.

алиментам. В случае если задолженность по алиментам возникла в результате недобросовестных действий, а чаще всего, бездействий плательщика, то действующее российское законодательство предусматривает алгоритм принудительного взыскания алиментов с лиц, добровольно их не выплачивающих.

Важным аспектом принудительного исполнения требований об алиментных выплатах является реализация в отношении должника комплекса полномочий, предоставленных действующим законодательством ФССП, одной из основных задач которой является повышение гарантий материального обеспечения детей и иных нетрудоспособных категорий лиц при принудительном исполнении требований о взыскании алиментов, а также своевременность и полнота данных выплат обязанными лицами. Федеральный закон от 2 октября 2007 года «Об исполнительном производстве» предусматривает процедуру обращения взыскания на заработную плату и иные доходы должника, на его имущество, а также его дальнейшую принудительную реализацию. Для получения информации о наличии у должника имущества и доходов судебный пристав-исполнитель должен направить соответствующие запросы. Для того чтобы получить информацию о месте работы должника (о его доходах), судебный пристав направляет запрос в инспекцию Федеральной налоговой службы. Аналогичный запрос отправляется в Пенсионный фонд Российской Федерации. В ГИБДД направляется запрос о том, есть ли у должника автотранспорт; в регистрационную палату – для получения информации о возможных объектах недвижимости, принадлежащих должнику. Кроме того, отправляет запросы в банки для того, чтобы знать, есть ли открытые счета или банковские карты у должника, а также размер денежных средств на них. Таким образом, если известно место нахождения должника и его имущества, то процесс взыскания алиментов несколько упрощается. Но безусловность и эффективность этой работы возможна лишь при скоординированных действиях всех служб, ведомств, организаций, сфера деятельности которых охватывает процесс принудительного взыскания алиментов.

Основной проблемой исполнения судебных решений по-прежнему является невозможность взыскания алиментов в случае отсутствия постоянного или временного заработка у алиментобязанного лица, а также мало-мальски ценного имущества, на которое можно было бы обратить взыскание. Учитывая сложившуюся ситуацию, судебный пристав-исполнитель одновременно с применением мер принудительного исполнения должен направить плательщика алиментов в центр занятости населения для постановки его на учет в качестве безработного или для трудоустройства. В этом случае должнику необходимо предоставлять преимущество перед другими гражданами, поскольку от его трудоустройства зависит дальнейшее благополучие нуждающихся членов его семьи. И российскому законодательству известные аналогичные ситуации. К примеру, ч. 2 ст. 179 Трудового кодекса Российской Федерации предоставляет преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников семейным – при наличии двух или более иждивенцев (нетрудоспособных членов семьи, находящихся на полном содержании работника или получающих от него помощь, которая является для них постоянным и основным источником средств к существованию), а также лицам, в семье которых нет других работников с самостоятельным заработком.

Когда предусмотренные законом меры принудительного исполнения не дают положительного результата, единственным способом воздействовать на должника остается привле-

чение его к уголовной ответственности, предусмотренной ст. 157 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) за злостное уклонение от уплаты средств на содержание. Причем, к уголовной ответственности можно привлечь должника за злостное уклонение от уплаты средств на содержание только в отношении детей или нетрудоспособных родителей. При этом признак злостности проявляется в том, что виновное лицо умышленно не исполняет предписанных решением суда обязательств по выплате алиментов в течение продолжительного времени после предупреждения судебным приставом-исполнителем об уголовной ответственности при наличии у должника реальной возможности выполнить это обязательство; скрывает свои действительные доходы полностью либо в большей части или скрывает имущество, на которое может быть обращено взыскание; изменяет место жительства, не информируя судебного пристава-исполнителя, вносит недостоверные сведения в анкетные данные; изменяет место работы без уведомления судебного пристава-исполнителя; не желает трудоустроиться либо встать на учет в центр занятости населения; представляет ложные сведения о своих доходах и имуществе; продолжает уклоняться от выполнения обязанности выплачивать средства на содержание детей либо нетрудоспособных родителей, несмотря на привлечение к административной ответственности за неисполнение требований судебного пристава-исполнителя (ч. 1 ст. 17.14 КоАП РФ), за воспрепятствование законной деятельности судебного пристава (ст. 17.8 КоАП РФ), непредоставление сведений (ст. 19.7 КоАП РФ), неуплату административного штрафа в срок (ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ).

При этом достаточность перечисленных признаков деяния, указывающих на злостный характер уклонения от уплаты алиментов, определяется во взаимодействии с дознавателем с учетом сложившейся в регионе судебной практики по уголовным делам о злостном уклонении от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей.

Зачастую проблемы принудительного взыскания алиментов объясняются элементарной невозможностью вручения должнику повестки в связи с невозможностью установления его места нахождения, что является основанием для приостановления предварительного следствия (ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса РФ). Для устранения подобных препятствий судебные приставы-исполнители используют любую возможность получения информации о месте нахождения должника. В последнее время актуальна тема с обращением с запросами судебных приставов-исполнителей к администрации социальных сетей, которая может представить информацию о почтовом ящике, указанном должником в качестве учетной записи, номерах телефонов. Данная информация используется приставом для уведомления должника о возбуждении исполнительного производства и необходимости погашения задолженности. Кроме того, выяснив IP-адрес зарегистрированного должника, пристав имеет возможность направить запрос провайдеру с целью установления местонахождения компьютера, с которого должник посещает данные сайты. В целом это способствует результативности розыска должника.

В 2015 году в российском обществе началась дискуссия о необходимости декриминализации ряда статей УК РФ. Поводом к тому стало послание Федеральному собранию, в котором Президент РФ отметил, что закон должен быть суров к тем, кто совершил тяжкие преступления, но гуманен к тем, кто оступился. Верховным Судом РФ было предложено исключить из УК РФ ряд статей, среди которых значилась и ст. 157. Комитет по вопросам семьи, женщин и детей высказался про-

тив исключения данной нормы из УК РФ, ссылаясь на то, что декриминализация ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов противоречит основным задачам государственной семейной политики, что приведет к увеличению количества лиц, злостно уклоняющихся от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей в связи со снижением меры ответственности⁴.

Несмотря на то, что ряд депутатов высказались категорически против, тем не менее, Госдума поддержала предложение Верховного суда не считать уголовными некоторые преступления, среди которых значилось и злостное уклонение от уплаты алиментов. На наш взгляд, данный вопрос представляет собой предмет самостоятельной исследовательской работы в силу своей неоднозначности. Тем не менее считаем, что подобные реформы могут отрицательно сказаться на той немалочисленной части населения страны, которая не получая алиментов годами тем не менее рассчитывает на восстановление социальной справедливости, которая, как известно, является целью уголовного наказания. Оправдан ли такой гуманизм в отношении родителей, дети которых в эпоху нанотехнологий нищенствуют? Считаем, что предложение об исключении уголовной ответственности за злостное уклонение от уплаты алиментов является неоправданным, преждевременным и несправедливым.

Российское государство предпринимало и ранее попытки разрешить проблему взыскания алиментов. Неоднократно рассматривались различные законопроекты, в частности, «Законопроект Мизулиной»⁵ предлагал ввести государственный минимальный стандарт алиментов в размере 25 % от прожиточного уровня ребенка. Однако предложение не нашло поддержки в силу его неэффективности. Члены Правительства РФ предлагали вводить ограничения на покупку-продажу имущества в отношении граждан, имеющих «серьезную» задолженность перед детьми⁶. Самым действенным оказался «законопроект Баталиной»⁷, который предусматривал возможность лишения должников права на управление транспортным средством. Как известно, 15 января 2016 года на территории РФ вступил в силу Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸, который предусмотрел возможность установления временных ограничений на пользование специальным правом в виде управления транспортными средствами лицами, имеющими неисполненные в установленный срок и без уважительных причин требования по взысканию алиментов.

Однако, самой эффективной, на наш взгляд, мерой воздействия на злостных неплательщиков является узаконенный запрет на выезд должников за границу. В соответствии с п.5 ст. 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» право гражданина РФ на выезд может быть ограничено в случае, если он уклоняется от исполнения обязательств, наложенных на него судом. Постановление судебного пристава-исполнителя об ограничении передвижения неплательщика при наличии долга от десяти тысяч рублей и выше, направленное в Пограничную службу ФСБ России, фактически лишает его права на свободу передвижения за границу Российской Федерации.

Несмотря на предпринятые попытки совершенствовать действующее законодательство предусмотренные законом меры приносят взыскателю пока в большей степени лишь моральное, а не материальное удовлетворение. Тем не менее нельзя не признать, что государство озабочено сложившейся в этой сфере человеческих отношений ситуацией и прикладывает все усилия для того, чтобы способствовать защите и восстановлению нарушенных семейных прав.

Пристатейный библиографический список

1. Законопроект от 23 апреля 2012 г. № 61045-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс РФ в целях усиления гарантий прав детей на получение алиментов» // [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(printzp\)](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(printzp))
2. Законопроект от 14 ноября 2012 г. № 171601-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka))
3. Заключение на проект федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // asozd2.duma.gov.ru
4. Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 48 (ч. 1). Ст. 6706.
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rf.deti.ru
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.gks.ru
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/2/17/673002.html>
8. Мален Н. С. Об институте юридической ответственности // Юридическая ответственность: проблемы и перспективы. Тарту, 1989. С. 84.

4 Заключение на проект федерального закона № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.asozd2.duma.gov.ru

5 См.: Законопроект от 23 апреля 2012 г. № 61045-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс РФ в целях усиления гарантий прав детей на получение алиментов». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(printzp\)](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(printzp))

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2014/2/17/673002.html>

7 См.: Законопроект от 14 ноября 2012 г. № 171601-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об исполнительном производстве» и отдельные законодательные акты РФ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka))

8 См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 48 (ч. 1). Ст. 6706.

БЕЛЯЕВ Александр Андреевич

магистр 1-го года обучения Института права Башкирского государственного университета

КАГИРОВ Булат Русланович

магистр 1-го года обучения Уральского государственного юридического университета

К ВОПРОСУ О ДОГОВОРНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ С УЧАСТИЕМ СПОРТСМЕНОВ

Статья посвящена анализу преимуществ и недостатков использования гражданско-правовых и трудово-правовых договорных конструкций в отношениях со спортсменами. Доказывается возможность существования соглашений смешанного характера, что подкреплено позицией судебных органов. После анализа ряда научных концепций, обосновывающих применение гражданского или трудового правового инструментария, авторы обосновали свою позицию, при которой выбор того или иного правового режима должен быть обусловлен комплексными причинами.

Ключевые слова: спорт, спортсмен, федерация, трудовой договор, гражданский договор, смешанный договор.

BELYAEV Aleksandr Andreevich

1st year master's degree student of the Institute of law of the Bashkir State University

KAGIROV Bulat Ruslanovich

1st year master's degree student in Ural State Law University

TO THE QUESTION CONCERNING CONTRACTUALLY REGULATED RELATIONS WITH INVOLVEMENT OF ATHLETES

The article is dedicated to analysis of advantages and failings considering the use of civil and labor law contractual structures in athlete-party relations. The possibility of making mixed agreements is proved and it is corroborated by judicial practice. After analysis of different positions in doctrine concerning the matter authors justified own position. The essence of it is that determination of one or the other legal treatment must be reasonable.

Keywords: sport, athlete, federation, labor contract, civil contract, mixed contract.

Беляев А. А.

Кагиров Б. Р.

Повышенное внимание законодателя к проблеме труда спортсменов в последнее время не подлежит сомнению. Федеральным законом от 28 февраля 2008 г. № 13-ФЗ введена глава 54¹ Трудового кодекса РФ, направленная на специальное регулирование деятельности спортсменов с позиций трудового законодательства. Однако стоит согласиться с мнением О. А. Шевченко, которая указывает, что «несмотря на весомый вклад профессиональных спортсменов в национальные экономики и общества, их труд остается наименее урегулированным и незащищенным»¹. Благодаря образовавшейся проблеме в доктрине, не прекращаются дискуссии о гражданско-правовом регулировании отношений со спортсменами, порождающие целый ряд вопросов. Допустимо ли в принципе применение гражданско-правовых договоров в рассматриваемой области? В чем преимущества и недостатки гражданско-правового подхода?

Не отрицая значение главы 54¹ ТК РФ, отметим, что, согласно п.1 ст.2 Гражданского кодекса РФ, если отношения сторон основаны на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности, они могут быть урегулированы гражданским законодательством. Федеральный закон «О физической культуре и спорте» (далее – Закон о спорте) содержит статью

24, предоставляющую спортсменам право на заключение трудовых договоров в порядке, установленном трудовым законодательством. Мы не можем согласиться с мнением, согласно которому приведенная норма расценивается как «навязывающая трудовой договор»². Согласно п.6 ч.1 ст.24 Закона о спорте, спортсмены имеют право и на осуществление иных прав в соответствии с законодательством Российской Федерации, к которым, на наш взгляд, стоит отнести возможность заключения гражданско-правовых соглашений.

Помимо заключения трудовых и гражданско-правовых договоров, возможно существование смешанных договоров. Так, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров», при наличии в трудовом договоре со спортсменом, с тренером условий, носящих гражданско-правовой характер, споры, возникшие по поводу неисполнения либо ненадлежащего исполнения таких условий, могут передаваться по соглашению сторон в специализированные третейские суды³. Данная позиция подтверждается Обзором практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим

1 Шевченко О. А. Перспективы и направления развития международно-правового обеспечения спортивно-трудовых отношений в области профессионального спорта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 198-207.

2 Никитина Д. П. Роль договоров гражданско-правового характера в сфере профессионального спорта // Спортивное право: перспективы развития: сб. ст. меж. конф. – М., – 2010. – С. 108-111.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2015 г. № 52 «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров» // Российская газета. – 2015. – 30 ноября.

из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров⁴ и нашла свое отражение в доктрине⁵.

Если на уровне федерального законодательства нет препятствий к гражданско-правовому регулированию отношений с участием спортсменов, то они возникают при рассмотрении актов общероссийских спортивных федераций. Так, в частности, ст. 6 Регламента РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов⁶ устанавливает, что футболист-профессионал и профессиональный футбольный клуб заключают трудовой договор в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации в письменной форме на определенный срок. Упоминания о трудовом договоре, заключаемом спортсменами, содержатся и в Положении о регулировании деятельности агентов игроков в РФБ. На наш взгляд, отмеченные ограничительные правила федераций оправданы специфическим принципом - автономностью спорта, который признан Советом Европы⁷ и теоретически проработан⁸. В то же время в деятельности клубов ассоциации «Профессиональная футбольная лига» находит свое применение соглашение о спортивном сотрудничестве, типовую форму которого предлагает сайт ассоциации⁹. Предмет данного договора сформулирован следующим образом: стороны пришли к соглашению о спортивном сотрудничестве, согласно которому Футболист принимает участие в официальных спортивных мероприятиях за команду Клуба в спортивном сезоне 2016-2017 гг., участвует в учебно-тренировочных мероприятиях, организуемых Клубом, а Клуб обеспечивает для Футболиста все необходимые для такого участия условия. Исходя из анализа предмета договора, прав и обязанностей сторон представляется, что соглашение о спортивном сотрудничестве представляет собой непоименованный гражданско-правовой договор, обладающий следующими характеристиками: взаимный, консенсуальный, безвозмездный (в силу любительского статуса футболиста).

Переходя к рассмотрению преимуществ и недостатков гражданско-правового и трудового методов договорного регулирования отношений, возникающих в деятельности спортсменов, отмечаем широкий спектр содержащихся в научной литературе мнений, не все из которых выдерживают критику. Так, Е. С. Мигунова считает, что «договор возмездного оказания услуг, в отличие от трудового договора, позволит решить проблему стабильности заключаемых контрактов»¹⁰. Мы занимаем противоположную позицию, считая, что стабильность, наоборот, является следствием трудового договора. Так, упомянутый Регламент РФС по статусу и переходам фут-

болистов закрепляет, что минимальная продолжительность срока действия трудового договора футболиста-профессионала составляет период с даты его вступления в силу до окончания текущего спортивного сезона. На наш взгляд, данное положение стимулирует стороны не заключать краткосрочные трудовые договоры.

Позитивным аспектом, вытекающим из трудовых договоров спортсменов, является предоставление игроку как слабой стороне широкого объема прав и социальных гарантий, предусмотренных трудовым законодательством. На это указывал и Конституционный Суд РФ в своем определении¹¹. Однако, если говорить про оборотную сторону медали в трудовом отношении, можно упомянуть про неравенство сторон, оформляемое юридически. Для нейтрализации негативных последствий неравенства, обусловленного материальными и организационными возможностями работодателя, уместно воспользоваться вместо трудового договора гражданско-правовым. По мнению Н. В. Кашапова, «применение гражданско-правовой формы договора в сфере физической культуры и спорта может повысить имущественную ответственность как спортивной организации, так и самого спортсмена, позволит более гибко предусматривать условия сотрудничества сторон и распределения доходов»¹². Кроме того, стоит отметить, что применение гражданско-правового договора позволит спортсмену избежать специальных последствий прекращения трудового договора, указанных в ст. 348¹² ТК РФ. Согласно данной статье, в трудовом договоре со спортсменом может быть предусмотрено условие об обязанности спортсмена произвести в пользу работодателя денежную выплату в случае расторжения трудового договора по инициативе спортсмена без уважительных причин. Приведенная норма подвергалась критике в доктрине¹³ и является весьма обременительной на наш взгляд.

В литературе существует интересная позиция по выбору договорных средств регулирования отношений в сфере профессионального спорта в зависимости от цели деятельности спортсмена. Так, Е. С. Мигунова считает, что «предметом гражданско-правового договора, как уже указывалось, является определенный результат труда. В трудовом договоре предметом является сам процесс труда, сама трудовая функция, результат труда носит вторичный характер. Поэтому если целью заключения договора со спортсменом является обеспечение выигрыша соревнований ... логично использовать конструкцию гражданско-правового договора. Если главное – участие в соревнованиях, а не выигрыш, приоритет надо отдавать трудовому договору». Указанная позиция нам видится обоснованной в силу того, что гражданско-правовым договором, заменяющим трудовой договор в сфере спорта, является преимущественно договор о возмездном оказании услуг. Предмет же договора об оказании услуг – деятельность, которая несет полезный эффект сама в себе и часто не выражается в конкретном результате. Результат труда имеет значение в договоре подряда, который сложно представить в качестве инструмента регулирования отношений, связанных с деятельностью спортсменов.

4 Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров от 8 августа 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. – № 1.

5 Васькевич В. П., Мигунова Е. С. Система договоров в сфере профессионального спорта. – Казань: Казан. гос. ун-т. 2009. – 132 с.

6 Регламент РФС по статусу и переходам (трансферу) футболистов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rfs.ru/rfs/documents/founding_docs/

7 Recommendation № CM/Rec (2011) 3 of the Committee of Ministers of member states on the principle of autonomy of sport in Europe / Adopted by the Committee of Ministers on 2 February 2011 at the 1104th meeting of the Ministers Deputies. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.coe.int/t/dg4/epas/source/Ressources/Rec%20_2011_3_Principe_autonomie_sport_en.pdf

8 См.: Chappellet J.-L. *Autonomy of sport in Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2010. 108 p.; Понкина А.И. Автономность спорта: Теоретико-правовое исследование / Ком. по спорт. праву Ассоциации юристов России; Нац. объединение спорт. юристов Российской Федерации. – М., 2013. – 102 с.

9 Сайт ассоциации «Профессиональная футбольная лига». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pfl-russia.com/documents/forms.php>

10 Мигунова Е. С. О применении гражданско-правовых средств при регулировании отношений с участием спортсменов // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 231-233.

11 Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 года № 597-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Равинской Ларисы Вадимовны на нарушение ее конституционных прав статьями 11, 15, 16, 22 и 64 Трудового кодекса Российской Федерации». Текст официально опубликован не был. Доступ из справ.-прав. системы «Гарант».

12 Кашапов Н. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере физической культуры и спорта // Вестник спортивной науки. – 2007. – № 2. – С. 55-57.

13 Макарова В. А., Палий О. И. Особенности правового регулирования труда спортсменов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 115.

Весьма оригинально проблематика соотношения гражданско-правовых средств и трудового договора в регулировании деятельности спортсменов отражена в концепции В.В. Сараева. Автор предлагает в соревнованиях, проходящих по двойной системе (приводя в пример Континентальную хоккейную лигу), использовать гражданские договоры в рамках турнира, «игры на выбывание», а в регулярном чемпионате, проходящем по круговой системе, регламентировать отношения спортсменов трудовым договором¹⁴. В рамках критического подхода к данной концепции хочется поставить несколько вопросов. Чем принципиально отличаются приведенные стадии соревнования, что требуют различного подхода к регулированию? Что делать с трудовыми договорами, заключенными на стадии регулярного чемпионата, после его окончания – расторгать и заменять договорами возмездного оказания услуг? На наш взгляд, дифференциация в договорном регулировании должна зависеть от конкретных условий вида спорта, уровня соревнований, а не проявляться в рамках одного и того же соревнования. Кроме того, выбор договора возмездного оказания услуг или трудового договора может быть обусловлен наличием соответственно равенства или неравенства возможностей сторон, способностью спортивного клуба или федерации предоставить определенный объем прав и гарантий спортсмену.

Говоря о выборе той или иной договорной конструкции при регулировании труда спортсменов, стоит отметить, что последствия выбора касаются и юрисдикционного органа, который будет уполномочен на разрешение возникшего спора. В спортивном сообществе находит широкое распространение практика рассмотрения споров в третейских судах. Согласно Регламенту Спортивного арбитражного суда при Спортивной арбитражной палате, этот суд уполномочен рассматривать любые споры, возникающие в области спорта¹⁵. Помимо третейских судов, широкими юрисдикционными полномочиями обладают органы, созданные в структуре спортивных федераций. В качестве примера можно привести Палату по разрешению споров Российского футбольного союза.

На определенные противоречия федерального законодательства и деятельности третейских судов указывал Верховный Суд РФ. В Обзоре практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров, содержатся предписания, налагающие запрет на рассмотрение индивидуальных трудовых споров третейскими судами в силу того, что они не отнесены ст. 382 ТК РФ к органам, уполномоченным разрешать подобные споры; однако подобная практика есть. Нами были выявлены несоответствующие закону аспекты и в работе юрисдикционных органов спортивных федераций. Так, Регламент РФС по разрешению споров предусматривает, что Палата по разрешению споров рассматривает, в том числе дела, являющиеся по своей сути индивидуальными трудовыми спорами.

Отдельно отметим, что при заключении гражданско-правовых договоров для регулирования отношений со спортсменами указанные коллизии не возникают. В данном случае деятельность третейских судов и юрисдикционных органов спортивных федераций полностью соответствует законодательству, что подтверждает и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2015 г. № 52, приведенное выше.

Делая выводы из вышеизложенного материала, хочется отметить следующие моменты. Во-первых, применение гражданско-правовых договоров в регулировании деятельности

спортсменов наряду с трудовыми договорами не противоречит законодательству и позиции судов высшего звена, хотя иногда ограничивается регламентными нормами спортивных федераций, и распространено на практике. Во-вторых, при выборе того или иного договорного метода, на наш взгляд, следует руководствоваться следующими соображениями: уровнем соревнований (для профессионального спорта более уместен трудовой договор, для любительского – гражданский); характером предполагаемой деятельности спортсмена (в случае эпизодической деятельности разумнее использовать гражданский договор); возможностями клуба или федерации по предоставлению спортсмену надлежащего объема социальных гарантий и трудовых прав. В-третьих, рассмотрение третейскими судами и юрисдикционными органами федераций индивидуальных трудовых споров следует признать деятельностью, противоречащей законодательству, и ограничить. Реализация данных предложений на практике будет способствовать более гармоничному выстраиванию отношений между спортсменами и работодателями, уменьшению количества юридических коллизий и совершенствованию правоприменения в рассматриваемой области.

Пристатейный библиографический список

1. Васькевич В. П., Мигунова Е. С. Система договоров в сфере профессионального спорта. – Казань: Казан. гос. ун-т. 2009. – 132 с.
2. Кашапов Н. В. Гражданско-правовое регулирование отношений в сфере физической культуры и спорта // Вестник спортивной науки. – 2007. – № 2. – С. 55-57.
3. Макарова В. А., Палий О. И. Особенности правового регулирования труда спортсменов // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2016. – № 115.
4. Мигунова Е. С. О применении гражданско-правовых средств при регулировании отношений с участием спортсменов // Пробелы в российском законодательстве. – 2009. – № 2. – С. 231-233.
5. Никитина Д. П. Роль договоров гражданско-правового характера в сфере профессионального спорта // Спортивное право: перспективы развития: сб. ст. между. конф. – М. – 2010. – С. 108-111.
6. Понкина А. И. Автономность спорта: Теоретико-правовое исследование / Ком. по спорт. праву Ассоциации юристов России; Нац. объединение спорт. юристов Российской Федерации. – М., 2013. – 102 с.
7. Сараев В. В. Альтернатива договорных форм при оплачиваемой деятельности спортсменов // Спорт: экономика, управление, право. – 2019. – № 1. – С. 8-11.
8. Шевченко О. А. Перспективы и направления развития международно-правового обеспечения спортивно-трудовых отношений в области профессионального спорта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 198-207.
9. Chappelet J.-L. *Autonomy of sport in Europe*. Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2010. – 108 p.

14 Сараев В. В. Альтернатива договорных форм при оплачиваемой деятельности спортсменов // Спорт: экономика, управление, право. – 2019. – № 1. – С. 8-11.

15 Регламент Спортивного арбитражного суда при Спортивной арбитражной палате. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://law.infosport.ru/xml/t/default.xml?mid=10&pid=8>

КУРБАНОВ Дени Абасович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

О ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ СТАТУСА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ

Статья посвящена исследованию некоторых норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующие правовой статус лиц, участвующих в деле. Автор раскрывает и анализирует права и обязанности не только лиц участвующих в деле, но и содействующих осуществлению правосудия.

Ключевые слова: суд, лица, участвующие в деле, заинтересованные лица, участники процесса, лица, содействующие осуществлению правосудия.

KURBANOV Deni Abasovich

Ph.D. in Law, associate professor of State and Civil-law Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ABOUT LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF THOSE INVOLVED IN THE CASE

The article is devoted to some of the rules of civil procession legislation governing the legal status of the persons involved in the case. The author reveals and analyzes the rights and obligations of not only individuals involved in the case, but in the furtherance of justice.

Keywords: court, the persons participating in business, the stakeholders, actors, individuals in the furtherance of justice.

В гражданском процессе состав лиц, участвующих в деле, не совпадает с составом лиц, участвующих в процессе. Права и охраняемые законом интересы граждан и юридических лиц защищаются благодаря рассмотрению и разрешению в судах гражданских дел по возникшим спорам. Кроме спорящих сторон (истец, ответчик), которые являются носителями своих субъективных прав и обязанностей, и которые имеют как материальный, так и процессуальный интерес в исходе дела, в судебном разбирательстве также могут принимать участие и другие лица, не имеющие самостоятельной юридической заинтересованности в исходе дела.

В юридической литературе выделяют три основные группы участников гражданского процесса: суд, лица, участвующие в деле, участники процесса, содействующие осуществлению правосудия¹.

Понятие «лица, участвующие в деле» в действующем гражданском процессуальном законодательстве Российской Федерации не раскрывается. Однако если сопоставить лиц, участвующих в деле, с остальными участниками процесса и проанализировать ст.ст. 3 и 4 Гражданского процессуального кодекса РФ, то можно сказать о том, что самостоятельная юридическая заинтересованность в исходе дела является критерием отнесения кого-либо из лиц, участвующих в процессе к лицам, участвующим в деле.

Статья 3 ГПК РФ закрепляет правило, согласно которому заинтересованное лицо обладает правом обратиться в суд за защитой оспариваемых или нарушенных прав, свобод, законных интересов, в порядке предусмотренными нормами гражданского судопроизводства. Статья 4 ГПК РФ уточняет, что заинтересованными лицами следует считать как лиц, обращающихся за защитой своих прав, свобод или законных интересов, так и лиц, которые имеют к исходу дела иной (публичный) интерес. Однако ч. 1 ст. 4 ГПК не употребляется понятие «заинтересованный» говоря, кто обращается в суд о защите своих прав, свобод и законных интересов.

Следовательно, в ст.ст. 3 и 4 ГПК законодатель называет в качестве заинтересованных лиц: лиц, вступающих в процессе для защиты своих субъективных прав, свобод, законных интересов; лиц, вступающих от своего имени в защиту прав, свобод либо законных интересов других лиц, неопределенного круга лиц, либо в защиту интересов Российской Федерации, муниципальных образований. Данные лица имеют к исходу дела публичный интерес.

Определяя различный характер заинтересованности лиц, участвующих в деле выделяют личную, субъективную заинтересованность (относится лицам, защищающих свои права, свободы и законные интересы) и государственную, общественную заинтересованность (относится лицам, которые в силу закона защищают «чужие» права и законные интересы)².

Стороны, третьи лица, заявители, заинтересованные лица относят к группе лиц, которые лично (субъективно) заинтересованных в деле.

Публичная заинтересованность в исходе дела служит основанием для участия в гражданском процессе прокурора, органов государственной власти, органов местного самоуправления, органы опеки и попечительства и иных органов, указанных в ГПК РФ.

Юридическая заинтересованность лица, участвующего в деле, побуждает для него определенный процессуальный интерес в положительном результате рассмотрения и разрешения его дела.

Допустим, для истца процессуальный интерес заключается в том, чтоб судебным решением его иск был удовлетворен, ответчик ожидает решение об отказе в иске, прокурор ждет законного, обоснованного судебного решения.

Вследствие этого процессуальный интерес лиц, участвующих в деле различен и будет зависеть от предусмотренных законом задач, для решения которых лица, участвующие в деле, принимают участие в гражданском процессе, а также зависеть от характера связи с предметом судебной защиты. Следовательно, если лицо, участвующее в деле, будучи имеет юридическую заинтересованность в исходе дела, то соответственно имеет и определенный процессуальный интерес к судопроизводству. При этом необходимо обратить внимание на то, что юридический интерес, который является, прежде всего, основанием для вынесения решения судом, который может повлиять на субъективные права и обязанности участника дела, либо удовлетворить публичный интерес, и процессуальный интерес по содержанию не схожи.

Например, судебные представители имеют процессуальный интерес, который не основан на материальном правоотношении, так как они выступают в интересах и от имени сторон, заявителей, заинтересованных или третьих лиц и участвуя в гражданском процессе добиваются определенного результата разрешения дела.

Гражданское процессуальное законодательство РФ (ст. 35 ГПК РФ) наделило лиц, участвующих в деле широким кругом процессуальных прав и обязанностей, выполнение которых воздействует на ход и развитие процесса. При этом все участники процесса также имеют равные права и обязанности. Это необходимо для проверки, подтверждения либо опровержения данных о нарушении гражданских прав, свобод либо законных интересов, указанных истцом, заявителем, жалобщиком. Этим реализуется принцип состязательности и принцип равенства прав участников.

Лица, участвующие в деле имеют следующие права:

- знакомиться со всеми материалами дела. Данное право можно реализовать до начала рассмотрения дела по существу или в ходе начавшегося разбирательства после доклада дела в зале судебного разбирательства. В обязанности суда входит создать необходимые условия для ознакомления с материалами дела. Закон также предписывает совершить суду конкретные действия в отношении некоторых лиц, участвующих в деле, например, суд обязан вручить или направить ответчику копию искового заявления (ч. 3 ст. 114 ГПК РФ);

- делать в любом объеме выписки из них материалов дела. Лицо, участвующее в деле сам определяет объем выписок;

1 Гражданский процесс: Учебник. В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова и др.; под ред. М. К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. с. 79.

2 Гражданский процесс: Учебник. 2-изд., перераб. и доп. / Под ред. М. К. Треушников. М.: ОАО «Издательский Дом «Городец», 2007. С. 50.

• снимать копии с материалов дела можно от руки, либо снимать ксерокопией, либо фотографировать (если есть техническая возможность);

• заявлять отводы. В соответствии со ст.ст. 16-21 ГПК РФ лицо, участвующее в деле, вправе заявлять отводы в отношении членов суда, прокурора, секретаря судебного заседания, эксперта, специалиста, переводчика;

• представлять доказательства и участвовать в их исследовании. Можно представлять письменные, вещественные и т.п. доказательства. Однако в полном объеме действует правило об относимости и допустимости доказательств.

• задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам и специалистам. Вопросы задаются в порядке, которое определено судом, устно и с разрешения председательствующего.

• заявлять ходатайства, в том числе об истребовании доказательств. Ходатайство является устным или письменным «обращением к суду», «с помощью которых лицо, участвующее в деле, стремится полнее реализовать свои права, указать на допускаемые нарушения, «способствовать установлению истины по делу и т.д.»³;

• давать объяснения суду в устной и письменной форме. Это в тех случаях, когда лица, участвующие в деле вправе, а не обязаны давать объяснения по ходу разбирательства дела. Объяснения в письменной форме лиц, участвующих в деле оглашаются председательствующим в случае их неявки;

• представлять свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам;

• возражать относительно ходатайств и доводов других лиц, участвующих в деле. Возражения, поданные в письменной форме подлежат оглашению председательствующим;

• обжаловать судебные постановления: решения суда и определения суд;

Также лица участвующие в деле могут использовать другие процессуальные права предоставленные законодательством о гражданском судопроизводстве. Например, право на договорную подсудность, право истца на выбор подсудности, право вести свои дела лично или через судебных представителей.

Лица, участвующие в деле пользуются равными процессуальными правами. При этом на них возложена обязанность добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, т.е. не злоупотреблять ими, а также исполнять свои обязанности. Злоупотребление правом и (или) неисполнение процессуальных обязанностей, указанных в ч. 2 ст. 35 ГПК, может повлечь применение санкций либо неблагоприятно отразиться на содержании судебного постановления или привести к решению суда об оставлении дела без рассмотрения. В случае если лица, участвующие в деле нарушают эти обязанности, либо систематически создают препятствия для своевременного и правильного разрешения дела, суд в соответствии со ст. 99 ГПК вправе взыскать компенсации за фактическую потерю времени⁴.

Кроме того, Гражданский процессуальный кодекс, другие федеральные законы РФ устанавливают лицам, участвующим в деле, иные процессуальные обязанности, например, «на сторонах, третьих лицах, заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, на прокурора, органах, организациях и гражданах, подавших заявление в защиту иных лиц, лежит обязанность доказывания»⁵.

При их неисполнении наступают последствия, предусмотренные нормами гражданского судопроизводства. Это «не оставляет никаких сомнений в том, что любое неисполнение процессуальных обязанностей должно влечь последствия (очевидно негативные) для нарушителя»⁶.

Таким образом, кроме общих процессуальных прав и процессуальных обязанностей, которыми наделены все лица,

участвующие в деле, стороны, третьи лица и другие лица, участвующие в деле, – наделены рядом специальных, характерных только для них, процессуальных прав и обязанностей.

В данной группе правомочий отсутствует тождество. Одни права принадлежат только истцу, например, право изменить основание иска; право изменить предмет; отказаться от иска; право изменить размер исковых требований. Другие принадлежат только ответчику: право признать или не признать иск; право предъявить встречный иск. А некоторые права могут быть реализованы только совместными действиями сторон: право заключить мировое соглашение.

Таким образом, основными участниками гражданского процесса являются лица, участвующие в деле. Лица, участвующие в деле имеют как общие права, так и отдельные, предназначенные каждому из них. От их процессуальной деятельности зависит движение процесса, его переход из одной стадии в другую. Лица, участвующие в деле имеют юридический интерес в исходе дела. «Неправильное определение состава лиц, участвующих в деле, влечет отмену решения по делу»⁷.

Определяя правовой статус лиц, содействующих суду при рассмотрении дела, то в Гражданском процессуальном кодексе нет главы или статьи посвященной такой группе лиц. Состав участников процесса, содействующих правосудию раскрывается в работах ученых-правоведов, например в учебнике по гражданскому процессу под редакцией М.К. Треушников⁸, а также в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»⁹. К таким лицам относят свидетеля, специалиста, эксперта, переводчика, секретаря судебного заседания и судебного представителя. Однако мало где полно и точно раскрывается и описывается правовой статус лиц, содействующих при рассмотрении гражданского дела. Их общие процессуальные права и обязанности упоминаются в ст. 35 ГПК РФ, а остальные права и обязанности «разбросаны» в других статьях ГПК. Таким образом, исходя из выше сказанного, предлагается на законодательном уровне внести изменения, а именно в ГПК РФ главу, посвященную лицам, участвующим в деле переименовать как «Лица участвующие в процессе» и включить статьи характеризующие состав участников процесса и статью, характеризующую участников процесса, содействующим правосудию, их процессуальные права и обязанности.

Необходимо отметить, что основным отличием каждого из участников гражданского процесса является характер их заинтересованности в исходе дела. Лица, участвующие в деле имеют юридическую заинтересованность в исходе дела. При этом различают личную и процессуально-правовую заинтересованность в исходе дела. А лица, содействующие осуществлению правосудия, характеризуются отсутствием юридической заинтересованности в исходе дела.

Представляется, что реализация на практике этих, а также других предложений, высказываемых в науке и практике, а также рассмотренных в исследуемой статье приведет к повышению гарантий своевременного и правильного рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Пристатейный библиографический список

1. Гальперин М. Л. К вопросу о гражданском процессуальном нарушении // «Законодательство». 2008. № 5. С. 75-81.
2. Гражданский процесс: Учебник. В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова и др.; под ред. М. К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. – С.82.
3. Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. М. К. Треушников. М.: ОАО «Издательский Дом “Городец”», 2007. 784 с.
4. Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 6. С. 10.
5. Некоторые вопросы судебной практики по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 6. С. 10.
6. Гражданский процесс: Учебник. В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Н. С. Бочарова и др.; под ред. М. К. Треушников. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 960 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации - сентябрь 2008 г. № 9. С. 25.
8. Гальперин М. Л. К вопросу о гражданском процессуальном нарушении // «Законодательство». 2008. № 5. С. 77.

3 Гув А. Н. Постатейный комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РФ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 17.09.2016).

4 Определение Конституционного Суда РФ от 16.02.2006 № 49-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Покровского Владимира Викторовича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 16 Федерального закона «О природных лечебных ресурсах, лечебно-оздоровительных местностях и курортах», статей 30, 154, 155, 192 Гражданского процессуального кодекса РСФСР и статей 35, 164, 165 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда. 2000. № 3. С.14.

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации - сентябрь 2008 г. № 9. С. 25.

6 Гальперин М. Л. К вопросу о гражданском процессуальном нарушении // «Законодательство». 2008. № 5. С. 77.

МИРОНОВ Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИИ России

ИЗБУШКИНА Светлана Ивановна

преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИИ России

РАСТОРЖЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА РАБОТОДАТЕЛЕМ ЗА ПРОГУЛ РАБОТНИКА: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются коллизионные вопросы правового регулирования трудовых отношений в части расторжения трудового по инициативе работодателя в связи с прогулом работника. Также проводится анализ судебной практики по разрешению трудовых споров по указанному основанию увольнения. Излагаются некоторые выводы по преодолению обозначенных в статье проблем.

Ключевые слова: прогул, расторжение трудового договора, увольнение за прогул, наличие негативных последствий прогула для работодателя.

MIRONOV Aleksey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the FSEP of Russia

IZBUSHKINA Svetlana Ivanovna

lecturer of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the FSEP of Russia

THE TERMINATION OF THE EMPLOYMENT CONTRACT BY THE EMPLOYER FOR ABSENTEEISM OF EMPLOYEE: MATTERS OF LEGISLATION AND JUDICIAL PRACTICE

The article deals with choice of law problems of legal regulation of labor relations in the termination of employment at the initiative of the employer in connection with the absenteeism of the employee. Also the analysis of judicial practice in the resolution of labor disputes for a specified reason for dismissal. Some conclusions are drawn for overcoming indicated in the article problems.

Key words: absenteeism, termination of the employment contract, dismissal for absenteeism, the presence of negative consequences of absenteeism for the employer.

Миронов А. В.

Избушкина С. И.

Наличие серьезных внешнеполитических и, как следствие, внутрисоциальных вызовов, отражается на всех сферах человеческой жизни. Исключением не является и рынок труда. Общие проблемы и негативные тенденции в данной сфере были озвучены Председателем Правительства РФ Д.А. Медведевым еще в 2014 году: «Ещё один показатель, по которому нужно оценивать текущую ситуацию, – это состояние рынка труда. В нынешних условиях важно не допустить массовой безработицы и поддержать людей, которые уже столкнулись с потерей работы. Это трудная задача. Я напомним, что очень сложное положение было в 2009 году, когда рост безработицы достигал 9% с небольшим»¹.

После таких серьезных социально-экономических испытаний как кризисы 2008 и 2014 годов наряду с исследованиями, посвященными проблеме безработицы в целом², появились

исследования по изучению трудовой занятости и проблем рынка труда в условиях кризисных явлений³.

На фоне этих бесспорно актуальных проблем, связанных с социально-экономическими причинами безработицы, сокращением уровня доходов населения, изменения структуры рынка труда и т.д. заслуживает внимания и вопрос расторжения трудового договора по инициативе работодателя, а именно в связи с прогулом работника.

В современных условиях, когда имевшая место ранее стабильность, достаточный уровень доходов и менее значительный уровень безработицы изменились в худшую сторону, увольнение работника с постоянной работы становится куда

1 Официальный сайт Правительства РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/news/17768/> (Дата обращения 21.04.2015).

2 Давыдова Е. Ю., Безяева О. И. Проблема безработицы в современной России // Территория науки. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-bezrobotitsy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 01.11.2016); Климова Ольга Сергеевна, Егорова Анастасия Евгеньевна Безрабо-

тица в России и в мире: анализ основных тенденций // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/bezrobotitsa-v-rossii-i-v-mire-analiz-osnovnyh-tendentsiy> (дата обращения: 01.11.2016).

3 Галимова С. А., Рущицкая О. А. Меры, предпринимаемые государством, в целях защиты работников в период кризиса // АБУ. 2014. №3 (121). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mery-predprinimaemye-gosudarstvom-v-tselyah-zaschity-rabotnikov-v-period-krizisa> (дата обращения: 02.11.2016).

более «болезненным». Так, например, до введения так называемых «санкций» имела место «незавершенная» безработица. Согласно данным статистики она негативно отразилась на населении в возрасте от 25 до 39 лет, то есть именно на наиболее социально активной ее части⁴. В период с 2011 по 2014 гг. (до введения «санкций») доля лиц, ищущих работу по 12 и более месяцев в общей структуре «незавершенных» безработных составляла около 30%⁵. Несмотря на то, что доля судебных трудовых споров о восстановлении на работе ежегодно не превышает 0,1% от общего числа гражданских дел, обращает на себя внимание размер выплат (с учетом морального вреда). Так за период с 2011 по 2015 гг. сумма присужденных выплат составила в среднем 356 млн рублей⁶.

Исследования, проводимые различными авторами по проблемам расторжения работодателем трудового договора за прогул работника, изучали теоретические вопросы, связанные с понятием прогула, содержанием и измерением степени «злостности» допущенного однократного нарушения, а также с анализом процедурных нарушений при фиксации отсутствия работника на рабочем месте и его увольнении⁷.

Со своей стороны предлагаем рассмотреть ряд спорных моментов, выявленных при анализе действующего гражданско-процессуального и трудового законодательства, а также сложившейся судебной практики, возникающих при решении вопроса о законности и обоснованности расторжения трудового договора в случае допущения работником прогула.

Прежде всего налицо определенная конкуренция норм (пп «а» п. 6 ст. 81 и п. 3 ст. 192 ТК РФ), поскольку в обоих случаях речь идет об увольнении. Проблема заключается в применении юридической терминологии в отношении таких юридических фактов как «увольнение» и «расторжение трудового договора», которые на наш взгляд несут идентичные для работника последствия. Возможно, законодатель, применяя термин «увольнение» в п. 3 ст. 192 ТК РФ подчеркивает противоправность действий работника, а в пп «а» п. 6 ст. 81 ТК РФ «расторжение трудового договора» представляется как единственная мера в случае прогула. Полагаем, что данный вопрос является дискуссионным и требует своего решения, поскольку обозначенная выше неопределенность порождает и проблемы в правоприменительной практике судов. Кроме того, ст. 81 ТК РФ не содержит ни перечня причин, позволяющих оценивать отсутствие на рабочем месте как прогул или критериев, позволяющих оценить причины отсутствия работника на рабочем месте как неуважительные.

В настоящее время сложилась противоречивая судебная практика по делам об обжаловании увольнений по пп «а» п. 6 ст. 81 ТК РФ. Так, например, решения ряда судов признают увольнение за прогул неправомерным и восстанавливают работника на работе. Суды исходят из того, что работодатель при увольнении должен был оценить тяжесть проступка работника, его предшествующее отношение к труду, а также то, как отсутствие работника повлияло на рабочий процесс и повлекло ли для работодателя какие-либо неблагоприятные последствия⁸. В противовес этому существует и другая позиция судов, в соответствии с которой тот факт, что невыход работника на работу не повлек негативных последствий для работодателя, не является юридически значимым обстоятельством. В силу ч. 5 ст. 192 ТК РФ при наложении дисциплинарного взыскания должны учитываться тяжесть проступка и обстоятельства, при которых он был совершен. Следовательно, работодатель не обязан исследовать и учитывать наступление негативных последствий совершенного работником проступка⁹.

Руководящие разъяснения, данные Пленумом Верховного суда РФ¹⁰, с одной стороны говорят о необходимости работодателя лишь представить необходимые доказательства прогула, указанные выше обстоятельства оставлены за рамками судебного разбирательства и, следовательно, не обязательны для судов нижестоящих инстанций. Также применение работодателем меры взыскания в виде увольнения за прогул не может быть отменено судом, так как выбор данной меры - прерогатива работодателя. Однако далее в тексте того же Постановления констатируется: «...работодателю необходимо представить доказательства, свидетельствующие не только о том, что работник совершил дисциплинарный проступок, но и о том, что при наложении взыскания учитывались тяжесть этого проступка и обстоятельства, при которых он был совершен (часть пятая статьи 192 ТК РФ), а также предшествующее поведение работника, его отношение к труду» (курсив авт.)¹¹. Конституционный суд РФ также неоднозначен в оценке правомерности применения увольнения за прогул. С одной стороны увольнение за прогул признается средством защиты нарушенных прав работодателя¹², а с другой - суд «...оценивает всю совокупность

4 Труд и занятость в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_36/IssWWW.exe/Stg/01-76.doc (дата обращения: 02.11.2016).

5 Труд и занятость в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/IssWWW.exe/Stg/01-74.doc (дата обращения: 02.11.2016).

6 Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения 01.11.2016).

7 Филаткина А. П. Теоретические и практические аспекты расторжения трудового договора за прогул // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i-obuxova-g-n-procedura-privlecheniya-rabotnika-k-disciplinarnoy-otvetstvennosti-za-progul> (дата обращения: 02.11.2016).

8 Апелляционное определение Омского областного суда от 19.02.2014 по делу № 33-923/2014, Кассационное определение Санкт-Петербургского городского суда от 08.12.2011 № 33-18188/2011, Определение Московского областного суда от 19.07.2011 по делу № 33-13734. Судебные и нормативные акты РФ. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя - судебная практика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/practice/rastorzhenie-trudovogo-dogovora-po-iniciative-rabo/> (дата обращения: 02.11.2016).

9 Апелляционное определение Верховного суда Республики Тыва от 06.06.2012, Определение Московского городского суда от 28.10.2010 по делу N 33-30782, Определение Московского городского суда от 05.10.2010 по делу N 33-30900. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/practice/rastorzhenie-trudovogo-dogovora-po-iniciative-rabo/> (дата обращения: 02.11.2016).

10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». Бюллетень Верховного Суда РФ. № 6. 2004.

11 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» {КонсультантПлюс}

12 Определение Конституционного Суда РФ от 23.06.2015 N 1243-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ем Юлии Григорьевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171282 (дата обращения 02.11.2016).

обстоятельств конкретного дела, в том числе причины отсутствия работника на работе».

И еще одна спорная (на наш взгляд) позиция Конституционного Суда РФ¹³: отсутствие в оспариваемой норме перечня «неуважительных причин» само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные права граждан, поскольку, осуществляя судебную проверку и разрешая конкретное дело, суд действует не произвольно, а исходит из общих принципов юридической, а следовательно, и дисциплинарной ответственности (таких как законность, справедливость, соразмерность) и, руководствуясь оспариваемыми заявителем нормами ТК РФ во взаимосвязи с другими его положениями, оценивает всю совокупность конкретных обстоятельств дела, в том числе проверяет и оценивает *обстоятельства и мотивы отсутствия работника на работе, предшествующее поведение работника, его отношение к труду и др.* (курсив авт.)

Таким образом, продолжает сохраняться проблемная ситуация, в которой имеются противоречивые (на наш взгляд) разъяснения Верховного и Конституционного судов РФ, не оспоренные и не отмененные решения судов первой и апелляционной инстанций как в пользу работодателей, так и в пользу работников. Как следует из приведенных выше примеров судебная практика неоднозначно регулирует высказанные нами спорные вопросы. Отсутствует четкий ориентир для правоприменителей, работодателей и работников в рамках какого правового поля выстраивать правовые отношения в случае допущения прогула и применения за него дисциплинарного взыскания в виде увольнения.

Полагаем, что для решения данной проблемы необходима более глубокая проработка и обсуждение вопросов о смысле содержания и разграничении понятий «увольнение» и «расторжение трудового договора».

Открытым остается вопрос о социальной и экономической целесообразности такого императивного применения увольнения за прогул работника в современных условиях. Полагаем, что также предметом обсуждения и дискуссии должны стать уже ранее высказывавшиеся предложения о том, что учет основных характерных признаков, закрепленных в существующем определении прогула, соблюдение порядка наложения дисциплинарных взысканий, предусмотренного ТК РФ, а также объективное рассмотрение причин отсутствия работника на работе и признание (либо непризнание) их уважительности в совокупности с учетом предшествующего поведения

работника и его отношения к своим трудовым обязанностям должны способствовать разрешению обозначенных нами проблем и обеспечить защиту не только прав работодателей, но и работников от незаконного увольнения¹⁴.

Пристатейный библиографический список

1. Галимова С. А., Руцицкая О. А. Меры, предпринимаемые государством, в целях защиты работников в период кризиса // АВУ. 2014. №3 (121). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/mery-predprinimaemye-gosudarstvom-v-tselyah-zaschity-rabotnikov-v-period-krizisa> (дата обращения: 02.11.2016).
2. Давыдова Е. Ю., Безяева О. И. Проблема безработицы в современной России // Территория науки. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problema-bezrabotitsy-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 01.11.2016);
3. Климова Ольга Сергеевна, Егорова Анастасия Евгеньевна Безработица в России и в мире: анализ основных тенденций // Общество: политика, экономика, право. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/bezrabotitsa-v-rossii-i-v-mire-analiz-osnovnyh-tendentsiy> (дата обращения: 01.11.2016).
4. Обухова Г.Н. Процедура привлечения работника к дисциплинарной ответственности за прогул // Вестник Омской юридической академии. 2014. № 3 (24). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsedura-privlecheniya-rabotnika-k-distsiplinarnoy-otvetstvennosti-za-progul> (дата обращения: 02.11.2016).
5. Филаткина А.П. Теоретические и практические аспекты расторжения трудового договора за прогул // Актуальные проблемы российского права. 2012. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-i->

13 Определение Конституционного Суда РФ от 17.10.2006 № 381-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашаева Давлятши Дигоншеевича на нарушение его конституционных прав подпунктом «а» пункта 6 части первой статьи 81 и статьей 193 Трудового кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=64093&fld=134&dst=100000001,0&rnd=0.13357882211223804#0>

14 Филаткина А. П. Указ. соч.

НАБИЕВ Фаниль Фанусович

адъюнкт адъюнктуры Уфимского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕГО ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УМЫШЛЕННЫЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

В статье обосновываются предложения по совершенствованию уголовно-правовой регламентации ответственности за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества.

Ключевые слова: предмет умышленных уничтожения или повреждения, чужое имущество, значительный ущерб, юридическое лицо, жилище, поощрительная норма, возмещение ущерба.

NABIEV Fanil Fanusovich

adjunct of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

THE IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL LAW PROVIDES FOR LIABILITY FOR INTENTIONAL DESTRUCTION OR DAMAGE OF PROPERTY

The article substantiates proposals to improve the legal regulation of criminal responsibility for the intentional destruction or damage of property.

Keywords: the subject of deliberate destruction or damage to another's property, significant damage entity, housing, incentive rate, compensation.

Набиев Ф.Ф.

Изучение материалов следственно-судебной практики показало, что статистика уголовных дел по ст. 167 УК РФ в целом по Российской Федерации составляет примерно 2% от общего количества уголовных дел. Несмотря на столь казалось бы незначительный процент, ущерб от указанных преступлений исчисляется сотнями миллионов рублей, который в большинстве случаев не возмещается, или возмещается далеко не в полном объеме. Это обуславливается различными причинами и условиями, к числу которых, на наш взгляд, относятся и пробелы в законодательной регламентации ответственности за умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества.

По смыслу закона предметом умышленных уничтожения или повреждения является любое имущество, как движимое, так и недвижимое и не находящееся в собственности или законном владении виновного. Умышленные уничтожение или повреждение своего собственного имущества не будет образовывать состав уголовно наказуемого деяния. Вместе с тем, действия направленные на уничтожение или повреждение своего имущества, в результате которого уничтожено или повреждено чужое имущество, при наличии прямого или косвенного умысла, по общему правилу следует квалифицировать как умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества.

В науке уголовного права также признается, что в случаях посягательства на общую (долевою или совместную) собственность, совершенного одним из участников таких отношений (сособственником), уголовная ответственность по положениям гл. 21 УК РФ исключается¹. Однако, согласно п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О

судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» (в редакции от 6 февраля 2007 г.) «если в результате поджога собственного имущества причинен значительный ущерб чужому имуществу, либо имуществу, которое являлось совместной собственностью виновника пожара и иных лиц, действия такого лица, желавшего наступление указанных последствий или не желавшего, но сознательно допускаявшего их, либо относившегося к ним безразлично, надлежит квалифицировать как умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества путем поджога (ч. 2 ст. 167 УК РФ)». В постановлении подчеркивается, что в указанных случаях «стоимость имущества, принадлежащего виновнику пожара, должна быть исключена из общего размера ущерба, причиненного в результате уничтожения или повреждения имущества, которое являлось его совместной собственностью с иными лицами»².

Это положение Пленума Верховного Суда расходится с положением статьи 253 ГК РФ, где указано, что: «участники совместной собственности, если иное не предусмотрено соглашением между ними, сообща владеют и пользуются общим имуществом». Распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников. На этом основании, имущество, находящееся в долевою и совместной собственности, является своим для всех собственников, а не чужим. Поэтому уничтожение или повреждение имущества участником совместной собственности, по нашему мнению, не образует предмета преступления, предусмотренного ст. 167 УК РФ. Уничтожение или повреждение имущества может иметь место, только в случае, когда

1 См.: Курс уголовного права. Особенная часть: Учебник для вузов. Т. 3 / Под. Ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: ИКД Зерцало-М, 2002. С. 411; Российское уголовное право: Учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под. Ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С.

Комиссарова, А. И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 77.

2 См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 13-25.

уничтожается (повреждается) имущество, находящееся в общей совместной собственности, лицом, не являющимся одним из ее участников.

В составе ст. 167 УК особого внимания заслуживает такой предмет преступления как жилище, факт посягательства на которое характеризуется повышенной общественно опасностью, поскольку страдает дополнительный объект уголовно-правовой охраны – конституционное право человека на жилище (ст. 40 Конституции РФ). Виновный в таких случаях лишает права на жилище не только себя самого, но и других лиц (членов семьи, которые являются совладельцами этого жилища). Считаем, что следует согласиться с мнением ученых в том, что «жилая недвижимость является наиболее ценным предметом собственности, предметом первой физиолого-социальной потребности человека, в связи с чем общественные отношения по поводу недвижимости в жилищной сфере являются особым объектом уголовно-правовой охраны. Высокая ценность недвижимости и динамика потребительского спроса на жилье обуславливают высокую общественную опасность преступного посягательства на общественные отношения в данной сфере»³.

Законодатель, показывая важность и ценность жилища как предмета посягательства, предусматривает повышенную общественную опасность таких форм хищений как кража, грабеж, разбой, которые совершаются с незаконным проникновением в жилище. Применительно к составу умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества в случае, если это деяние было направлено на повреждение жилища, действия виновного следует квалифицировать по признаку причинения значительного ущерба потерпевшему (ч. 1 ст. 167 УК РФ). Только уничтожение жилища потерпевшего позволяет квалифицировать действия виновного по признаку иных тяжких последствий (ч. 2 ст. 167 УК РФ). Толкование данной оценочной категории в соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» предполагает, в том числе оставление потерпевших без жилья или средств к существованию. Следовательно, совершая это преступление, виновный посягает на дополнительный объект охраны – конституционное право человека на жилище, что характеризует повышенную общественную опасность деяния.

Поэтому, в целях дифференциации уголовной ответственности, представляется целесообразным включить в ст. 167 УК РФ часть 3 с самостоятельным квалифицирующим признаком – «Деяние, повлекшее уничтожение жилища». Повреждение жилища при этом, по нашему мнению, должно оцениваться по фактически причиненному имущественному ущербу и должно рассматриваться по признаку части 2 данной статьи.

Последствия от умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества в виде значительного ущерба являются оценочными. В теории уголовного права и судебной практике значительный ущерб определяется в каждом конкретном случае исходя из стоимости поврежденного или уничтоженного имущества, материального положения и значимости утраченного имущества для физического лица или финансового положения юридического лица, но не может составлять по правилам, предусмотренным в примечании 2 ст.

158 УК РФ, менее 5000 рублей. Следует отметить, что в ст. 167 УК РФ, в отличие от п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ значительный ущерб определяется не только в отношении гражданина, но и юридического лица. Имеющаяся судебная практика свидетельствует о различном подходе к оценке материального и финансового положения потерпевшего, что не способствует защите права собственности от любых преступных посягательств. Кроме того, нет единого подхода к определению соотношения стоимости уничтоженного или поврежденного имущества оставшегося в распоряжении потерпевшего, а также соотношения утраченного имущества и дохода потерпевшего за определенный период. Поэтому в целях единообразного толкования «значительности» причиненного ущерба, считаем, что необходимо определить «рамки», при которых ущерб перестает быть значительным для потерпевшего. В этой связи предлагаем дополнить ст. 167 УК РФ примечанием следующего содержания: «если ежемесячный доход потерпевшего превышает размер ущерба, причиненного в результате умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, в 10 раз, то таковой перестает быть значительным».

Анализ судебной практики свидетельствует, что оценочный характер ущерба вызывает определенные трудности и разноречивую его конкретизацию. В уголовном законодательстве минимальный размер стоимости уничтоженного или поврежденного имущества, который необходим для определения значительного ущерба юридическому лицу, не установлен. Это вызывает определенные трудности при разграничении административного и уголовно наказуемого уничтожения или повреждения имущества, принадлежащего юридическому лицу. Кроме того, возникают вопросы с определением минимального размера такого ущерба, причиненного в результате умышленных уничтожения или повреждения имуществу бюджетных учреждений. Например, повреждение шлагбаума, принадлежащего администрации одного из районов городского округа г. Уфа, на сумму 13000 рублей было признано значительным ущербом в связи с тем, что это бюджетная организация (денежные средства поступают для расходования на конкретные цели)⁴.

В научной литературе по установлению значительного ущерба применительно к умышленным уничтожению или повреждению имущества юридических лиц предлагается использовать минимальный размер уставного капитала, определенного законом, величина которого должна быть не меньше 10 000 рублей⁵. Считаем, что причинение такого ущерба не может признаваться значительным для юридического лица в связи с тем, что данная сумма является минимальным уставным капиталом, который необходим для регистрации такого лица. В связи с этим в целях устранения разнобоя по данному вопросу целесообразно определить критерии и порядок установления размера значительного ущерба, причиняемого при повреждении или уничтожении имущества, принадлежащего юридическим лицам, в соответствии со ст. 14 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», где определена величина указанного уставного капитала. Значительный ущерб должен быть, на наш взгляд, минимально в 5 раз выше этой суммы, что образует сумму (стоимость) не менее 50 000 рублей.

4 См.: Уголовное дело № 5090924. Архив Демского районного суда г. Уфы. 2015 г.

5 См.: Мирончик А. С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, обоснование законодательного описания, квалификация. Дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск. 2009. С. 80-82.

3 См.: Российское уголовное право: Учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под. Ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рарога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. С. 68.

Таблица 1. Сумма ущерба, причиненного в результате умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества (ст. 167 УК РФ) по Республике Башкортостан за 2011-2015 гг.

	2011 год	2012 год	2013 год	2014 год	2015 год
Сумма ущерба, причиненного в результате умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества ст. 167 УК РФ	144648898 руб.	166484202 руб.	134297395 руб.	159032523 руб.	145746591 руб.
Сумма, возмещенная по ущербу от преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ	13098203 руб.	8624572 руб.	4650667 руб.	4725600 руб.	1650486 руб.
Доля возмещенного ущерба от преступлений, предусмотренных ст. 167 УК РФ	9%	4,3%	3,4%	3%	1,1%

В этой связи предлагаем внести дополнение в виде примечания в ст. 167 УК РФ следующего содержания: «Значительный ущерб юридическому лицу настоящей статьи определяется с учетом его финансового положения, но не может составлять менее пятидесяти тысяч рублей».

Квалифицированными видами умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества являются совершение таких действий путем поджога, взрыва, или иным общеопасным способом. Отметим, что в п. 9 указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14 разъясняется, что: «если при уничтожении или повреждении чужого имущества путем поджога или иным общеопасным способом виновный предвидел и желал либо не желал, но сознательно допускал наступление таких последствий своего деяния, как смерть человека либо причинение вреда здоровью потерпевшего, содеянное представляет собой совокупность преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 167 УК РФ и, в зависимости от умысла и наступивших последствий, - пунктом «е» ч. 2 ст. 105 или п. «в» ч. 2 ст. 111 либо статьями 112, 115 УК РФ».

Представляется, что для правильного определения психического отношения виновного к результату своих действий и направленности умысла в данном случае было бы целесообразным дополнить п. 9 данного постановления Пленума следующими уточняющими положениями: «При решении вопроса о направленности умысла виновного, следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, способ, место, время, возможность гибели людей (например, поджог жилого дома в ночное время суток, использование различных зажигательных смесей, легковоспламеняющихся средств и предметов и пр.). Следует учитывать также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения (до поджога были основания, полагать, что дома никого нет, после поджога дома – начал выводить людей из горящего здания, стал спасать из зоны затопления в результате повреждения дамбы и т.д.)».

Последствия от таких преступлений как умышленные уничтожение или повреждение чужого имущества наступают довольно серьезные и исчисляются миллионами рублей. При этом, следует отметить, что цифра, определяющая возмещение материального ущерба в ходе предварительного расследования по таким преступлениям, ежегодно снижается как показано в таблице ниже.

Полагаем, что одной из мер, способствующих возмещению ущерба, причиненного в результате умышленных уничтожения или повреждения чужого имущества, было бы наличие в УК РФ соответствующей поощрительной нормы, предусматривающей обязанность освобождения от уголовной ответственности виновного, при условии возмещения ущерба. Считаем, что это позволит возместить не только материальный, но и моральный

ущерб потерпевшему, а также достичь в определенной мере восстановления социальной справедливости.

Такой подход законодателя был бы вполне оправдан, тем, что виновный будет иметь возможность избежать реального лишения свободы и сохранить заработок для возмещения ущерба и содержания своей семьи. Кроме того, это экономически выгодно, поскольку содержание осужденного к лишению свободы требует от государства определенных затрат. Отметим, что изменения и дополнения, внесенные в УК РФ Федеральным законом от 03 июля 2016 года № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»⁶ свидетельствуют именно о таком направлении уголовной политики.

Пристатейный библиографический список

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 13-25
2. Курс уголовного права. Особенная часть: Учебник для вузов. Т. 3 / Под. Ред. Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М.: ИКД Зерцало-М, 2002.
3. Мирончик А. С. Преступные уничтожение или повреждение чужого имущества: обоснованность криминализации, обоснование законодательного описания, квалификация. Дис... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009.
4. Российское уголовное право: Учебник. В 2 т. Т. 2. Особенная часть / Под. Ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рапога. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006.
5. Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (часть II). Ст. 4256.
6. Уголовное дело № 5090924. Архив Демского районного суда г. Уфы. 2015 г.

6 См.: Собрание законодательства РФ. 04.07.2016. № 27 (часть II). ст. 4256. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420363753>. (дата обращения: 05.10.2016).

НАСЫРОВ Ренат Рабисович

старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел Уфимского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматривается состояние распространения наркотиков на территории Российской Федерации. Преступная деятельность в сфере незаконного оборота наркотиков является наиболее массовым и организованным, поскольку в нелегальное производство и сбыт наркотиков привлечены тысячи преступных элементов, относящихся к различным слоям общества. Показано, какие необходимо осуществить направления меры для осуществления противодействия.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, синтетические наркотики, противодействие наркопреступлениям.

NASYROV Renat Rabisovich

senior lecturer of Operatively-search Activity of Law-enforcement Bodies sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

Насыров Р. Р.

SOME QUESTIONS COMBATING DRUG TRAFFICKING IN MODERN CONDITIONS

The article discusses the current state of drug trafficking in the territory of the Russian Federation. Among the many types of criminal activity of drug trafficking is the most massive and organized, as in the illegal production and sale of drugs attracted thousands of criminals belonging to different strata of society. Displaying what is necessary to implement measures for the implementation of countermeasures.

Keywords: illegal drugs, synthetic drugs, combating drug-related crimes, drug trafficking.

Складывающаяся ситуация в Российской Федерации характеризуется сохранением негативных тенденций в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, представляя реальную угрозу здоровью населения, правопорядку, а также безопасности государства¹. Это обусловлено целым рядом взаимосвязанных факторов.

Одним из них является высокая доходность операций, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, что способствует постоянному расширению нелегального рынка наркотиков². Незаконный оборот наркотиков, совершаемый все чаще на организованном уровне, оказывает существенное влияние на распространение наркомании, тем самым продуцируя связанную с ней преступность. Распространению наркомании и усилению организованного характера сбыта наркотиков способствует организация или содержание притонов для потребления наркотических средств, ответственность за которые предусмотрены статьей 232 УК РФ «Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов». Наличие асоциальной субкультуры, общность низменных интересов лиц, посещающих данные помещения, их взаимная материальная поддержка, наркозависимость помогают лицам, вовлеченным в наркобизнес сохранять определенную автономность, тем самым, обеспечивая конспирацию и высокую латентность их противоправной деятельности. В то же время распространению наркотиков в

России способствует криминализация общества, особенно молодежи, профессионализация и консолидация членов организованных преступных групп, вовлеченных в наркобизнес. Существенным фактором, влияющим на распространение и потребление наркотиков, является безработица, сравнительно низкий жизненный уровень населения, образовательный ценз, постоянное увеличение числа больных наркоманией, расширение видов наркотических средств, в первую очередь за счет синтетических наркотиков, зависимость от которых наступает с первого раза потребления. Популярность наркотиков синтетического происхождения можно объяснить тем, что, во-первых, безопасность от заражения ВИЧ и иными вирусными заболеваниями, во-вторых, относительная доступность и дешевизна, в-третьих, малая дозировка, необходимая для получения стимулирующего эффекта.

Оценка уровня преступности и ее прогноз, необходимый для организации профилактики и пресечения наркопреступности строятся на данных официальной статистики. Поэтому насколько полно официальная уголовная статистика отражает реальную криминальную ситуацию, связанную с незаконным оборотом наркотиков, настолько объективен прогноз и эффективны меры, направленные на его предупреждение. Вместе с тем анализ практики выявления этих правонарушений демонстрирует, что в силу субъективных и объективных причин в настоящее время они являются наиболее латентными. Основная причина высокой латентности незаконного оборота наркотиков обусловлена взаимной незаинтересованностью субъектов таких преступлений в разглашении фактов их совершения, а также низкая эффективность обнаружения и раскрытия незаконного оборота наркотиков связаны с недостаточной технической оснащенностью подразделений, занимающихся противодействием распространением нарко-

1 Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 299 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков».

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.narkotiki.ru/5_5991.htm/.

тических средств и психотропных веществ; несовершенство уголовного и уголовно-процессуального законодательства; отсутствие достаточного количества квалифицированных сотрудников, обусловленной системными изменениями в правоохранительных сфере³.

В настоящее время появился и набирает свою «популярность» новый способ сбыта наркотических средств и психотропных веществ - бесконтактный способ. Обзор судебной практики позволяет раскрыть содержание данного способа. Наркотоорговец и потребитель не встречаются лично, наркотики передаются при помощи тайниковых закладок. Сбытчик наркотиков получает SMS с заказом от потребителя, тот, в свою очередь, отправляет ему номер электронного счета. Как только деньги поступают, наркотоорговец сбрасывает координаты тайника-закладки, где находятся наркотики. Для доказательства участия в «криминальном бизнесе» сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел используют обнаруженные в ходе обыска сотовые телефоны, ноутбуки, сим-карты, планшеты, электронные весы, пластиковые карты электронной платежной системы и др.

Отмечается рост профессионализма и организованности участников, задействованных в незаконном обороте наркотиков. Сбытчики наркотиков используют современные технические средства и программное обеспечение для сохранения инкогнито. Сотрудники правоохранительных органов сталкиваются с организацией торговли наркотиками бесконтактным способом, с использованием тайников-закладок. Оплата происходит посредством различных электронных платежных систем с осуществлением связи через различные интернет-приложения. И если установить и задержать организаторов таких сетей в масштабах одного субъекта правоохранительным органам удастся, то выйти на руководителей межрегиональных поставок наркотиков и изобличить их в преступной деятельности крайне проблематично.

Подобные интернет-магазины выстраиваются по принципу сетевого маркетинга. В системе сбыта наркотиков бесконтактным способом присутствует ступенчатая иерархия, все функции участников преступной деятельности четко распределены, продумана система безопасности. Каждый член такого интернет-магазина имеет свои обязанности, получает заработную плату фиксировано либо в зависимости от количества проданных наркотиков. В такие преступные структуры обычно входят: «закладчики», «вербовщики», «мини-склады», «склады», «курьеры», «операторы», «кураторы», «финансовый директор», «хакер», «старший»⁴.

Общение между собой осуществляют при помощи различных интернет-приложений («Ватсап», «Вибер», «Джабер», «Скайп», «Бросикс», «Айсикью»). Каждый сотрудник получает развернутые инструкции, в которых подробно описано, как правильно фасовать, хранить и перевозить наркотические средства, делать «закладки», общаться с потребителями наркотиков, как безопасно пользоваться электронными счетами и обналачивать их, как пользоваться анонимными средствами передачи информации через сеть Интернет и анонимными иностранными прокси-серверами при посещении интернет-

страниц и в общении между собой, как вести себя в случае задержания сотрудниками правоохранительных органов и т. д.

Таким образом, это высокоорганизованная современная преступность, отличающаяся использованием в своей деятельности новейших технологий. Данная преступная деятельность зачастую не только не ограничивается территорией одного региона, но имеет всероссийский и международный характер. Не случайно именно в отношении организаторов и участников таких интернет-магазинов по продаже синтетических наркотиков возбуждается основная часть уголовных дел по п. «а» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ (сбыт наркотиков в составе организованной группы) и ч. 1 ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества).

Успех работы на данном направлении зависит не только от профессионализма, целеустремленности оперативных сотрудников и наличия технических возможностей, но и от высококвалифицированных следователей, что может быть достигнуто за счет специализации.

Практика показывает, что такой наркобизнес в настоящее время осуществляется во многих регионах России, однако правоохранительным органам о нем становится известно чаще всего случайно ввиду высокого уровня латентности таких преступлений.

Учитывая, что произошла консолидация наркоструктур с устоявшимся рынком сбыта, назрела необходимость в принятии соответствующих мер правового характера, направленных на защиту граждан от вовлечения в наркобизнес.

В процессе системного формирования антинаркотического законодательства Российской Федерации обусловил признание выделения самостоятельного направления правовой политики, получившего наименование «Государственная программа РФ «Противодействие незаконному обороту наркотиков»». Данная программа в качестве одной из задач в борьбе с наркоманией определяет оценку уровня незаконного оборота наркотических средств и связанной с ней преступности.

В Указе Президента РФ «Стратегия государственной политики Российской Федерации» определены система государственных органов, осуществляющих контроль на оборотом наркотиков и противодействие их незаконному обороту; основные направления, цели и средства контроля и воздействия на наркопреступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, административного законодательства, регулирование практики его применения и т. д.

В современных условиях вопросы создания эффективной системы противодействия наркопреступлениям имеют во многом ключевое значение для обеспечения национальной безопасности нашего государства. Например, по данным международных организаций 90 процентов являются наркоманами, которые совершают тяжкие и особо тяжкие преступления общеуголовной направленности с корыстным мотивом.

Считаем, что изменение сложившейся ситуации зависит от успешной реализации следующих направлений:

- централизация управления правоохранительными органами ввиду глобализации многих процессов и явлений наркопреступности, а также в связи с упразднением ФСКН России в реализации единой политики в области защиты прав и свобод граждан, общественной безопасности;
- организация и обеспечение нормативно-правового обслуживания правоохранительной деятельности;
- ведение централизованных учетов оперативной, оперативно-справочной, криминалистической и розыскной информации в системе МВД России;

3 Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков упразднена Указом Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 156 «О совершенствовании государственного управления в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в сфере миграции».

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dagpravda.ru/rubriki/obshchestvo/27459913>.

– совершенствование уголовного законодательства в части ужесточения уголовного наказания за совершение наркопреступлений в составе организованной группы, вплоть до пожизненного лишения свободы. Так, например, достаточно результативными из принятых в разное время, в разных странах законодательных актов по борьбе с организованной преступностью, на наш взгляд, являются, законы «РИКО» (RICO – Racketeer Influenced and Corrupt Organization Act – Закон об организациях, подверженных рэкету и коррупции), принятых в США. Необходимо выработать и принять по аналогии с законами «РИКО» меры, во-первых, это увеличенные сроки заключения, во-вторых, пресечения стимула наживы (конфискация любой прибыли, собственности добытой преступниками в процессе противоправной деятельности, обеспечивая возможность потерпевшим предъявлять иск о возмещении ущерба).

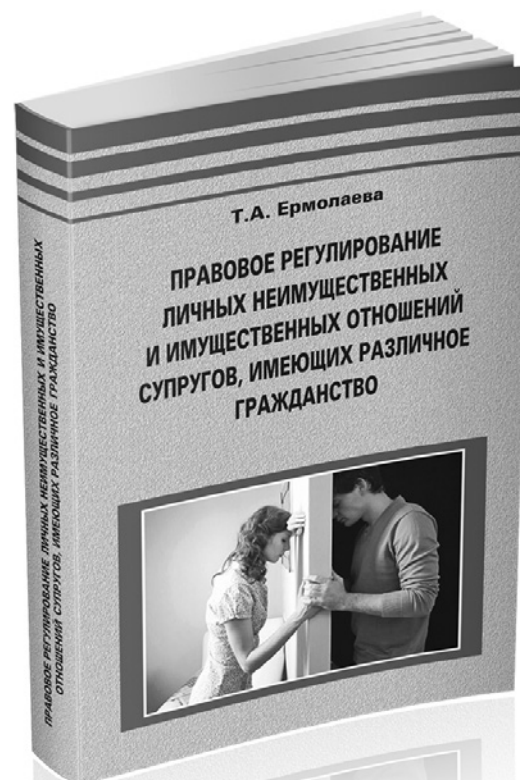
Карательная политика должна не только преследовать цель наказания преступника за совершенное преступление и его перевоспитание, восстанавливая тем самым справедливость, но и преследовать цель защиты общества от угрозы новых посягательств. Привлечение к уголовной ответственности лиц, состоящих в преступных группировках, имеющих какие-либо связи с преступными сообществами, даже если они не совершили преступления. Следовательно, исходя из исторического и современного опыта, можно отмстить, что подобные «репрессивные» методы, возможно адаптировать под современную действительность и демократический строй. Об этом свидетельствует практика борьбы с организованной преступностью в современной Италии, а также США.

Реализация данных мер позволит, по нашему мнению, выставить заслон в распространении наркотиков в нашей стране.

Пристатейный библиографический список

1. Авдеев В. Н., Безруких Е. С., Рытьков А. А. Организация работы органов и подразделений внутренних дел по пресечению, раскрытию и расследованию незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Калининград, 2005.
2. Грошева И. В., Доника А. Д. Токсикологическая характеристика амфетаминовой зависимости // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8.
3. Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 // Рос. газ. 2010. 15 июня.

4. Организация оперативно-розыскных мероприятий по документированию бесконтактного способа сбыта наркотических средств и психотропных веществ. Методические рекомендации. ГУУР МВД России.
5. Пупцева А. В. Актуальные проблемы противодействия незаконному распространению наркотиков в современных условиях // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=11628> (дата обращения: 23.09.2016).
6. Пупцева А. В. Организация расследования незаконной перевозки, пересылки наркотических средств, психотропных веществ: учебное пособие. Волгоград: ВА МВД России, 2013.
7. Соловьев Я. А., Доника А. Д. Амфетамин: исторические аспекты токсикологии // Успехи современного естествознания. – 2011. – № 8.
8. Тонков Е. Е. Государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества. СПб., 2004., М., 2014.

СПЛАВСКАЯ Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Международного инновационного университета г. Сочи

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ СУЩНОСТИ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с одним из самых назначаемых и исполняемых в России видов уголовного наказания. Анализируется доктрина и уголовное законодательство, в части определения сущности и содержания лишения свободы на определенный срок. Дается критический анализ доминирования данного вида наказания в отечественной системе наказаний и предложения по его оптимизации.

Ключевые слова: лишение свободы на определенный срок, лишение свободы, уголовное наказание, наказание, гуманизация наказания, кара, эффективность наказания, исправление осужденного, предупреждение преступлений.

SPLAVSKAYA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law sub-faculty of the International Innovative University, Sochi

Сплавская Н. В.

THE ISSUE OF THE LIBERTY DEPRIVATION LEGAL NATURE FOR A CERTAIN PERIOD IN THE MODERN CRIMINAL LAW

The article deals with the controversial issues connected with one of the most prescribed and performed criminal punishment forms in Russia. It analyses the doctrine and the Criminal Law legislation, in terms of determining the imprisonment nature and content for a certain term. It provides a critical analysis of the dominance of this penalty in the national punishment system and proposals for its optimization.

Keywords: liberty deprivation for a fixed term, imprisonment, criminal penalties, punishment, humanization of punishment, penalty, punishment efficiency, convict reformation, the crimes prevention.

Лишение свободы на определенный срок относится к одному из самых строгих уголовных наказаний, при этом оно является самым назначаемым и исполняемым в судебной практике. По данным ФСИН России, по состоянию на 1 марта 2016 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 650 613 чел. По этому показателю наша страна занимает второе место в мире после США. При численности населения в 2,4% от общемировой, в РФ содержится около 7,5% от общего числа заключенных по всему миру¹.

В теории уголовного и уголовно-исполнительного права этому виду наказания традиционно уделяется достаточно внимания. О понятии лишения свободы писали многие ученые, среди которых можно назвать Г. Алексеева, О. Антонова, З. Астемирова, Л. Воеводина, Р. Галиакбарова, С. Дементьева, А. Дзигаря, М. Ефимова, И. Карпеца, М. Ковалева, А. Маслихина, А. Михлина, В. Мясникова, А. Наташева, Н. Ноя, П. Осипова, А. Ременсона, Н. Сергиевского, Н. Стручкова, Ф. Сундуrowa, Г. Туманова, Р. Файзутдинова, А. Чернова, А. Яковлева, М. Якубовича и других. Если сделать обобщение предлагаемым ими дефинициям, то суть этого наказания сводится к изоляции осужденных от общества.

Так, профессор Н. Д. Сергиевский писал: «Тюремным заключением или лишением свободы в тесном смысле слова называется такая форма лишения свободы, в которой преступник помещается в особое, для того предназначенное, учреждение – тюрьму, с определенным режимом и обязательным

образом жизни»². Профессор М. И. Якубович полагал, что лишение свободы «представляет собой такое наказание, которое наиболее полно сочетает в себе задачи кары и воспитания виновного. Лицо, осужденное к лишению свободы, подвергается изоляции от общества в исправительно-трудовое учреждение». Профессор Ф. Р. Сундуrow писал, что «лишение свободы – это совокупность ограничений отдельных элементов свободы личности. Неотъемлемыми элементами лишения свободы являются надзор за осужденными, ограничение их в ряде прав и возложение дополнительных обязанностей, а также применение особых мер принуждения»³.

При этом до настоящего момента не утихают споры относительно сущности и содержания лишения свободы на определенный срок. Многие ученые обращают внимание на неоднозначность и даже неудачность используемого в уголовном праве термина «лишение свободы». Так, В. Мясников, рассматривая наказание в виде лишения свободы отмечает, что «термин «лишение свободы» вызывает споры среди ученых, когда говорят об отнесении к такому наказанию различного круга мер государственного принуждения (административный арест, заключение под стражу, ограничение свободы, содержание в дисциплинарной воинской части)»⁴.

Действительно, современное право трактует лишение свободы широко и неоднозначно, если брать в учет положение

1 Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах / Аналитический отчет (версия для контролирующих органов); под ред. О. М. Киюциной, ИПСО. СПб., 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://i-pso.ru/2016/04/06/otchet_sud_udo/ (дата обращения: 11.10.2016).

2 Сергиевский Н. Д. Избранные труды / отв. ред. и автор биограф. очерка А. И. Чучаев. М.: Буквоед, 2008. С. 163.

3 Сундуrow Ф. Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности / науч. ред.: Волков Б. С. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980. С. 95.

4 Мясников В. В. Лишение свободы на определенный срок (содержание, цели и средства их достижения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2013. С. 11.

ния отдельных отраслей права, в частности административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного. Сегодня лишение свободы - это не только содержание нескольких видов уголовного наказания, но и меры пресечения в уголовном процессе и вида административного наказания⁵. Ограниченные рамки нашего исследования не позволяют проанализировать все названные грани «лишения свободы», поэтому остановимся на проблеме сущности и содержания лишения свободы, как вида уголовного наказания.

Лишение свободы на определенный срок, как вид уголовного наказания – понятие сложное. Раскрывая его, по мнению Р. М. Файзутдинова, в первую очередь следует исходить из понимания «свободы от запретов»: «Граждане Российской Федерации имеют право свободы выбора места жительства, времяпрепровождения, устройства быта и т.д. Нет сомнения в том, что в таких наказаниях как исправительные работы, запрещение занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и др., а также в такой мере как условное осуждение к лишению свободы, есть элементы лишения свободы»⁶. Например, осужденный к исправительным работам лишается свободы выбора места работы, а осужденный условно к лишению свободы – свободы выбора места жительства, а также свободы времяпрепровождения и некоторых других элементов свободы.

Лица, подвергнутые лишению свободы в порядке уголовного наказания, ограничиваются в свободе пользования гражданскими правами в полном объеме, но это неравнозначно их лишению вообще. Они продолжают пользоваться многими правами, хотя и в специфических условиях, так распоряжение своим имуществом может осуществляться только через доверенных лиц.

Поэтому понятие «лишение свободы» как вид уголовного наказания не может быть полным без четкого уяснения сущности и содержания этого вида наказания. Данные понятия не однозначны, но в юридической литературе часто не проводят различия между ними, хотя это имеет значение. Как отмечает О. А. Антонов в своем автореферате: «Сущность – это «главное, что характеризует предметы, их внутреннюю наиболее важную сторону, их основу, глубинные процессы, протекающие в них». Содержание – это то, что раскрывает сущность, то есть его элементы. Следовательно сущность лишения свободы – это кара, а различные правоограничения и лишения, заложенные в этом наказании, есть ее содержание»⁷.

В этой связи можно согласиться с этим же ученым, в том что «сущность лишения свободы, т.е. кара, выражается не только в определенных законом правоограничениях и в ограничении (но не лишении) осужденного права передвижения и распоряжения собой, а дополняется еще и другими факторами, связанными с лишением осужденного возможности свободно пользоваться гражданскими правами. При этом следует отличать «правоограничения» от «свободы пользоваться гражданскими правами».

Карательные элементы в лишении свободы проявляются также в самом факте осуждения судом от имени государства

лица, совершившего преступление, в продолжительности срока наказания, виде исправительного учреждения в наличии судимости и связанных с ней моральных и правовых ограничений.

Одним из основных элементов объема карательного воздействия, оказываемого лишением свободы на определенный срок, является его продолжительность, которая определяет степень моральных и физических страданий, причиняемых наказанием осужденному.

Результаты исследований в области предупреждения преступности показывают, что уровень эффективности наказания в виде лишения свободы постепенно повышается по мере увеличения срока до восьми-девяти лет, а потом резко падает. К сожалению, на практике часто перевешивает идея ужесточения наказания в виде лишения свободы. К тому же эта идея нашла и законодательное подтверждение, так в ч. 5 ст. 56 Уголовного кодекса Российской Федерации сделано дополнение о том что, «в случае совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211, статьями 277, 278, 279, 353, 356, 357, 358, 360 и 361 настоящего Кодекса, при частичном или полном сложении сроков лишения свободы при назначении наказаний по совокупности преступлений максимальный срок лишения свободы не может быть более тридцати лет, а по совокупности приговоров - более тридцати пяти лет».

Однако увеличение сроков лишения свободы вызывает споры в теории уголовного права и криминологии⁸. Действительно, длительные сроки лишения свободы вполне эффективны в смысле восстановления социальной справедливости, но они совсем не эффективны в вопросе предупреждения совершения новых преступлений. Существенное ужесточение уголовного законодательства вряд ли на практике будет способствовать снижению уровня преступности. Уголовное наказание не только проблема социальная, но и индивидуально-психологическая. Здесь нужно обратить внимание на проблему восприятия осужденным наказания. Практика показывает, что более половины преступников-рецидивистов, считают наказание несправедливым, суровым, но в то же время есть осужденные, которые проводя длительное время в исправительных учреждениях принимают условия в этих учреждениях, как обычные. Лица с жестоким восприятием наказания почти никогда не пытаются стать на правильный путь.

Все споры относительно сущности и содержания лишения свободы могут быть сведены к двум полярным позициям. Одни ученые считают, что человечество еще не в силах отказаться от лишения свободы как вида уголовного наказания, но по возможности нужно ослабить негативные свойства этого наказания и сделать его более эффективным. В современном демократическом государстве наказание в виде лишения свободы следует применять только в ограниченных случаях, в частности к преступникам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, рецидивистам (да и то не всем). Так, в частности, по мнению В. К. Дуюнова: «Во всех остальных случаях надо применять разумную альтернативу. В ряде ведущих государств, например в США, Великобритании, Германии, Швеции, Японии, в качестве альтернативных мер широко применяются не связанные с лишением свободы наказания в виде штрафа. В отношении лиц, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести или совершивших преступле-

5 Ветрила Е. В. К вопросу об определении статуса адвоката свидетеля в уголовном судопроизводстве России // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 3. С. 78.

6 Файзутдинов Р. М. Лишение свободы: его социальное назначение и функции: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08. Казань, 2000. С. 35.

7 Антонов О. А. Правовое регулирование назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 1998. С. 66.

8 Сплавская Н. В. К вопросу об изъянах законодательной техники в уголовном праве // Государство и право в XXI веке. 2015. № 1. С. 35.

ния впервые, либо являющихся второстепенными участниками таких преступлений, как правило, должны применяться освобождение от уголовной ответственности или от наказания и применение административных мер наказания»⁹.

Другие ученые считают, что наметившийся курс на дальнейшую гуманизацию лишения свободы может иметь негативные последствия. При гуманизации роль карательного элемента в содержании лишения свободы будет уменьшаться. Кара, будучи воплощенной в режиме отбывания лишения свободы, по своей сути является главным средством исправления осужденных (ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации). Таким образом, уменьшая кару, т.е. гуманизируя лишение свободы, государство тем самым снижает эффективность главного средства исправления осужденных. А это, в свою очередь, может негативно сказаться на достижении целей уголовного наказания. Поэтому идеи гуманизации следует внедрять вдумчиво, компенсируя снижение роли кары повышением роли других средств исправления. Надо подчеркнуть, что в большинстве стран мира наказание в виде лишения свободы является все же преобладающим.

Подводя итог рассмотренному выше отметим, что наше государство и общество сегодня находятся в активном поиске альтернативных лишению свободы видов наказания, таких же эффективных по сути, но пока лишение свободы остается самым назначаемым и исполняемым видом уголовного наказания. К тому же лишение свободы пока остается и наиболее социально-позитивным инструментом воздействия на преступника. С учетом этого, считаем, что нужно наравне с внедрением в практику применения иных видов уголовных наказаний, понемногу изменять характер исполнения лишения свободы с переносом центра тяжести на индивидуальную профилактическую деятельность в отношении каждого осужденного и максимально скорейшее решение проблем исполнения наказания в виде лишения свободы.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов О. А. Правовое регулирование назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 1998.
2. Ветрила Е. В. К вопросу об определении статуса адвоката свидетеля в уголовном судопроизводстве России // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 3.
3. Дуонов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... докт. юрид. наук 12.00.08. М., 2001.
4. Мясников В. В. Лишение свободы на определенный срок (содержание, цели и средства их достижения): автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ростов-на-Дону, 2013.

5. Практика рассмотрения ходатайств о досрочном освобождении осужденных в российских судах / Аналитический отчет (версия для контролирующих органов); под ред. О.М. Киюциной, ИПСО. СПб., 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://i-pso.ru/2016/04/06/otchet_sud_udo/ (дата обращения: 11.10.2016).
6. Сергиевский Н. Д. Избранные труды / отв. ред. и автор биограф. очерка А. И. Чучаев. М.: Буквоед, 2008.
7. Сплавская Н. В. К вопросу об изъянах законодательной техники в уголовном праве // Государство и право в XXI веке. 2015. № 1.
8. Сундуров Ф. Р. Лишение свободы и социально-психологические предпосылки его эффективности / науч. ред.: Волков Б.С. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980.
9. Файзутдинов Р. М. Лишение свободы: его социальное назначение и функции: дис. ... канд. юрид. наук 12.00.08. Казань, 2000.

⁹ Дуонов В. К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации: дис. ... докт. юрид. наук 12.00.08. М., 2001. С. 201.

ХИСМАТУЛЛИНА Евгения Олеговна

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, старший лейтенант полиции

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЖДЕНИЕ ТРАНСПОРТНЫМ СРЕДСТВОМ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с ответственностью водителей, совершающих ДТП в состоянии опьянения, а также за вождение автомобилем в таком состоянии в историческом аспекте. Дается авторская оценка этой проблемы с определением перспективы развития данного законодательства.

Ключевые слова: уголовная ответственность, безопасность дорожного движения, состояние опьянения, Уголовный кодекс Российской Федерации, уголовное наказание.

KHISMATULLINA Evgeniya Olegovna

adjunct of Criminal Law and Criminology sub-faculty of the Ufa law Institute of MIA of Russia, senior Lieutenant of police

THE HISTORICAL ASPECT OF THE RESPONSIBILITY FOR DRIVING A VEHICLE WHILE BEING INTOXICATED

The article considers the issues related to the responsibility of drivers who commit traffic accidents being intoxicated. Besides, the issues concerning driving the vehicle being intoxicated as dwelt in the historical aspect. The author's assessment of the problem of determining the prospects for the legislation development is given.

Keywords: criminal responsibility, road safety, intoxication, the Criminal Code of the Russian Federation, criminal penalty.

Хисматуллина Е. О.

Повышенное внимание законодателя России к управлению транспортными средствами в состоянии опьянения сегодня вполне обосновано, так как число дорожно-транспортных происшествий по вине «пьяных» водителей значительно возросло. Если по данным Госавтоинспекции МВД России в 2010 году на территории Российской Федерации совершено 14 196 ДТП по вине водителей, находившихся в состоянии опьянения. При этом в 7,1% от общего числа ДТП, в которых погибло 2 075 человек и 20 689 ранено, водители отказались от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. С июня 2014 года по май 2015 года по вине нетрезвых водителей произошло 15 994 ДТП (8,2 % от общего числа аварий), в которых погиб 3 181 человек и ранено 22 468 человек¹.

В одном из своих выступлений Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что повышение безопасности дорожного движения – самостоятельное направление государственной политики, которое требует наличие механизмов управления и взаимодействия с распределением зон ответственности, как по уровням власти, так и по ведомствам. При этом законодательная база требует укрепления, а существующие в ней пробелы – восполнения².

До 1 июля 2015 года за управление транспортным средством в нетрезвом состоянии предусматривалось лишь административное наказание. Объективные потребности общества к снижению количества дорожно-транспортных происшествий и искоренению правового нигилизма участников до-

рожного движения породили новую уголовно-правовую норму, усиливающую ответственность за вождение автомобиля в нетрезвом состоянии – ст. 264¹ УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию». Надо заметить, что в ранее действующих уголовных кодексах нашей страны уже были предусмотрены подобные меры уголовно-правового воздействия за «пьяное» управление транспортным средством. Чтобы понять преемственность и характер развития уголовного законодательства России об ответственности лиц за преступления, совершаемые в состоянии опьянения, обратимся к истории этого вопроса.

Уже в начале советского периода законодатель стремился дать правовую оценку действиям лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года (ст. 14) просматривался социально-правовой аспект противодействия алкоголизму и его влиянию на совершение преступлений. Лица, совершающие деяния в состоянии глубокого опьянения, лишавшего их возможности отдавать отчет своим действиям, признавались невменяемыми и не несли ответственность за содеянное, тем не менее, они могли понести наказание за приведение себя в такое состояние по статье 11 Постановления СНК СССР от 19 декабря 1919 года³.

По УК РСФСР 1926 года лица, совершившие преступления в состоянии невменяемости, освобождались от уголовной ответственности (ст. 11), в примечании к данной статье особо указывалось, что действие настоящей нормы не распространяется на лиц, совершивших преступление в состоянии опьяне-

1 Данные ГИАЦ МВД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru>. (дата обращения: 20.08.2016).

2 Вступительное слово В. В. Путина на заседании президиума Государственного совета «О состоянии безопасности дорожного движения и мерах по совершенствованию государственного управления в области обеспечения безопасности дорожного движения». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archive.kremlin.ru>. (дата обращения: 29.08.2016).

3 Голиков И. Т. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – 59 с.

ния⁴. Таким образом, законодатель уже в то время исключал какие-либо привилегии для лиц, совершивших преступление в состоянии любой степени опьянения, напротив, состояние опьянения признавалосьотягчающим вину обстоятельством.

До середины 1950-х годов водителей, совершивших аварию в состоянии алкогольного опьянения, наказывали на общих основаниях с трезвыми водителями, а в 1956 году Постановлением Совета Министров РСФСР «О мерах борьбы с авариями на автомобильном транспорте и городском электротранспорте» впервые была введена административная ответственность за управление в нетрезвом состоянии автомобильным, мотоциклетным и городским электротранспортом в виде лишения водительского удостоверения на один год. Как видим, тенденция к усилению ответственности за вождение транспортным средством начала проявляться в РСФСР уже в те годы, когда автомобильное движение на улицах городов было далеко не столь большим, как сегодня.

Далее Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1968 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс РСФСР» была установлена уголовная ответственность за управление автотранспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной в состоянии опьянения, лицом, лишенным водительского удостоверения за такое нарушение или управление указанными транспортными средствами в состоянии опьянения, лицом, не имеющим водительских прав, к которому в течение года была применена мера административного взыскания за подобные нарушения. В связи с этим Уголовный Кодекс РСФСР 1960 года был дополнен статьей 211¹. Эта статья предусматривала по сути аналогичную ответственность за совершение вождения автомобиля в состоянии опьянения с административной преюдицией, что предусмотрено сегодня статьей 264¹ УК РФ, введенной в кодекс Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. Думается, данный закон мог быть введен в УК РФ значительно раньше, что могло бы спасти жизнь многим гражданам, погибшим в автокатастрофах с участием пьяных водителей.

До принятия Указа от 19 июня 1968 года управление транспортом лицами, находящимися в состоянии опьянения, признавалось преступлением только в том случае, если оно повлекло определенные вредные последствия, если же таковые не наступали, то деяние лица рассматривалось в качестве административного правонарушения или дисциплинарного проступка. Исключения составляли только уголовные кодексы четырех союзных республик. В уголовных кодексах Узбекской ССР, Грузинской ССР, Литовской ССР и Украинской ССР наказывались случаи нарушения безопасности движения, которые хотя и не понесли наступления каких-либо вредных последствий, но создавали опасность наступления таковых. При этом по УК Украинской ССР уголовная ответственность наступала, если виновный прежде за аналогичные нарушения подвергся мерам административного воздействия, а по УК Узбекской ССР, если к виновному ранее были применены меры административного или общественного воздействия⁵.

Уголовно-правовой анализ ст. 211¹ УК РСФСР проводился с учетом положений, относящихся не только к уголовному, но и к административному праву. Многие существенные вопросы о составе преступления, предусмотренного данной статьей, можно было правильно разрешить лишь на основе сопоставления с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1968 года «Об усилении административной ответственности за нарушение правил движения по улицам городов, населенных пунктов и дорогам и правил пользования транспортными средствами». Тесная связь рассматриваемой уголовно-правовой нормы с положениями административного права была обусловлена в первую очередь тем, что в ней, как уже отмечалось, была установлена административная преюдиция: привлекались к уголовной ответственности те лица, к которым ранее уже было применено административное взыскание за такое же нарушение.

Под управлением транспортом в смысле ст. 211¹ УК РСФСР понималось непосредственное выполнение лицом функций водителя во время движения транспорта. Для состава оконченного преступления не имело принципиального значения, как долго виновный управлял транспортным средством. Состав преступления был налицо уже в тот момент, когда субъект преступления, находясь в состоянии опьянения, привел в движение транспортное средство. Подготовка к движению (ремонт, заправка горючим и т.д.) находилась за пределами ст. 211¹ УК РСФСР, даже если эти действия производились лицом в состоянии опьянения.

Указанное преступление относилось к группе преступлений с формальным составом, то есть для состава оконченного преступления не требовалось наступления каких-либо вредных последствий. В случае, если эти последствия наступали, то вопрос об уголовной ответственности виновного решался в зависимости от характера и тяжести наступивших последствий. При этом, если последствия по своей тяжести были незначительны, то деяние охватывалось диспозицией ст. 211¹ УК РСФСР. Если деяние повлекло тяжкие последствия, квалификация наступала по ст. 211 УК РСФСР и дополнительной квалификации не требовалось.

При решении вопроса об уголовной ответственности по ст. 211¹ УК РСФСР законодательство не придавало существенного значения тому, в какой стадии опьянения был виновный. Это обстоятельство могло быть принято во внимание лишь судом при определении конкретной меры наказания.

Управление транспортными средствами в состоянии наркотического опьянения уже в советское время представляло значительную общественную опасность. Однако в Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1968 года не говорилось о том, следовало ли привлекать к ответственности по ст. 211¹ УК РСФСР лиц, которые управляли транспортным средством в состоянии наркотического опьянения. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 6 октября 1970 года разъяснил, что под опьянением следовало понимать не только алкогольное, но и наркотическое опьянение.

Из ч. 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета от 19 июня 1968 года вытекало, что привлечь лицо к уголовной ответственности за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения можно было только при условии, что оно было совершено в течение того срока, на который виновный был лишен водительских прав, если же правонарушение было совершено по истечению данного срока, то нарушитель подлежал привлечению к административной ответственности.

4 Костюк Н. М. Правовая оценка состояния опьянения при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 Уголовного Кодекса Российской Федерации) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 11 (302). – 78-82 с.

5 Куринов Б. А. Автотранспортные преступления (квалификация и наказание): учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 1970. – 126 с.

Смысл ст. 211¹ УК РСФСР состоял в том, чтобы усилить наказуемость тех лиц, в отношении которых не помогают административные меры. Государство, наказывая в административном порядке лицо, впервые управляющее транспортным средством в состоянии опьянения, фактически предупреждало его о более серьезных последствиях, которые наступали при повторном аналогичном нарушении.

В последующем применение ст. 211¹ УК РСФСР было признано неэффективным и нецелесообразным, и в 1992 г. данное деяние было декриминализовано. Неэффективность ст. 211¹ УК РСФСР, ее чрезвычайно низкая применяемость в судебной практике, по мнению А. И. Коробеева, была обусловлена целым рядом причин. Особое место, по его мнению, занимал такой фактор, как «преимущественная ориентация законодателя на борьбу с «пьяным» вождением главным образом уголовно-правовыми мерами. Регулирование поведения лиц, управляющих транспортными средствами в состоянии опьянения, с помощью уголовной репрессии наталкивалось на серьезные препятствия в виде «чрезмерно широкой распространенности этого деяния, ограниченных возможностей системы уголовной юстиции, дефицитности такой категории работников, как профессиональные водители транспортных средств, сложности установления факта совершения этого преступления и его доказывания, высокой латентности и т.д. Все это как раз и не дало возможности эффективно применять ст. 211¹ УК РСФСР в судебной практике»⁶.

В новом Уголовном кодексе РФ 1996 года усиленная уголовная ответственность за управление транспортным средством в состоянии опьянения предусмотрена не была. Это упущение законодатель попытался исправить в 2009 году Федеральным законом РФ от 13.02.2009 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации». Ст. 264 УК РФ была дополнена частями 2, 4, 6, которые установили уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в состоянии опьянения при определенныхотягчающих обстоятельствах. Однако, это усиление ответственности за данное преступление не только не позволило в должной мере повлиять на состояние аварийности, но и спровоцировало увеличение фактов оставления водителями мест совершения ДТП. Этому способствовало, на наш взгляд, также исключение из уголовного кодекса в 2003 году состава ст. 265 УК РФ об уголовной ответственности за оставление водителем после аварии лица в опасном для жизни состоянии. Перенос ответственности за это деяние на ст. 125 УК РФ значительно снизил эффективность предупредительной роли уголовного закона за названное преступление.

Мы согласны с Л. В. Любимовым в том, что во многом на низкую борьбу с автотранспортными преступлениями, совершаемыми в нетрезвом состоянии, негативно влияет и отсутствие более жесткого закона о запрете отказов от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения⁷. Это позволяет нарушителям правил дорожного движения при их задержании дискутировать с работниками правоохранительных органов, отказываясь проходить положенное освидетельствование на наличие алкогольного опьяне-

ния, и часто дает им возможность уходить от более строгой ответственности. Этот вопрос, на наш взгляд, также требует законодательной доработки.

Пристатейный библиографический список

1. Данные ГИАЦ МВД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gibdd.ru>. (дата обращения: 20.08.2016).
2. Вступительное слово В. В. Путина на заседании президиума Государственного совета «О состоянии безопасности дорожного движения и мерах по совершенствованию государственного управления в области обеспечения безопасности дорожного движения». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archive.kremlin.ru>. (дата обращения: 29.08.2016).
3. Голиков И. Т. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917–1952 гг.). – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1953. – 59 с.
4. Коробеев А. И. Транспортные правонарушения: квалификация и ответственность. Учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 1990. – 80 с.
5. Костюк Н. М. Правовая оценка состояния опьянения при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств (статья 264 Уголовного Кодекса Российской Федерации) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 11 (302). – С. 78-82.
6. Куринов Б. А. Автотранспортные преступления (квалификация и наказание): учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 1970. – 126 с.
7. Любимов Л. В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: монография. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. – 166 с.

6 Коробеев А. И. Транспортные правонарушения: квалификация и ответственность. Учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 1990. – 80 с.

7 Любимов Л. В. Дорожно-транспортные преступления: проблемы законодательного конструирования составов и дифференциации ответственности участников дорожного движения: монография. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2015. – 166 с.

НИКУРАДЗЕ Наталья Олеговна

аспирант кафедры уголовного права и процесса Оренбургского государственного аграрного университета

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ ПО ГРАЖДАНСКОМУ ИСКУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена исследованию вопроса о применении мирового соглашения при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе. Исследуются проблемные аспекты реального возмещения вреда гражданскому истцу, на основе статистических данных, а так же доктринальные подходы к целесообразности мирового соглашения по гражданскому иску в уголовном деле. Предлагаются пути решения выявленных в исследовании проблем.

Ключевые слова: гражданский иск, мировое соглашение, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, доступ к правосудию, моральный и материальный вред.

NIKURADZE Natalya Olegovna

postgraduate student of Criminal Law and Process sub-faculty of the Orenburg State Agrarian University

Никурадзе Н. О.

THE QUESTION OF THE FEASIBILITY OF THE WORLD AGREEMENT ON CIVIL SUIT IN CRIMINAL PROCEDURE

The article is devoted to the application of a settlement agreement in a civil claim in criminal proceedings. We investigate the problematic aspects of the real redress civil plaintiff on the basis of statistical data, as well as doctrinal approaches to the appropriateness of the settlement agreement in a civil lawsuit in the criminal case. The ways of solving the problems identified in the study.

Keywords: a civil lawsuit, a settlement agreement, the victim, civil plaintiff, civil defendant, access to justice, moral and material damage.

Современное российское государство, согласно ст.ст. 1, 2 Конституции Российской Федерации является правовым, что делает для него принципиальным приоритет прав и свобод человека и гражданина¹. При этом обязанностью правового государства является не только признание прав человека высшей ценностью, но и создание всех необходимых условий для их защиты и соблюдения. И как результат, деятельность такого государства направлена на обеспечении законных интересов каждого.

Одним из средств защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, выступает институт гражданского иска, который являясь диспозитивным началом, отвечает всем императивным требованиям уголовного судопроизводства. Его существование в уголовном процессе обусловлено не только исторически – французской идеей «соединенного процесса», но и его особой ролью, гарантирующей исполнение назначения уголовного судопроизводства. В своем исследовании Г. В. Абшилава, отмечает, что процесс сближения, то есть конвергенции, частного и публичного права абсолютно объективен, закономерен и исторически обусловлен. При этом к сочетанию императивных и диспозитивных методов правового регулирования, свойственных частным и публичным отраслям российского права, законодатель обращается, когда приоритетным направлением его правотворческой деятельности становится «забота о правах личности»².

Карательная направленность уголовного процесса говорит о распространенном характере нарушения прав и законных интересов, не только лиц подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, но и лиц от них потерпевших, о чем свидетельствует официальная статистика. Так на Координационном совещании руководителей правоохранительных органов РФ по вопросу состояния законности в сфере соблюдения конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве в Генеральной прокуратуре РФ Ю. Чайка сообщил, что в 2014 году число нарушений уголовно-процессуального закона должностными лицами органов предварительного расследования увеличилось на 22%, в численном выражении до 6 миллионов. Нарушения законности на стадии возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, в том числе оставление значительной части преступлений должностными лицами органов, осуществляющих уголовное преследование, не раскрытыми, приводят к несоблюдению, неисполнению требований ст. 52 Конституции РФ о праве потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию морального и (или) материального вреда³.

При этом малая грамотность населения в области юриспруденции, приводит к тому, что потерпевший зачастую не подозревает о существовании у него указанных прав. О гражданском иске, как способе судебной защиты имущественных и личных неимущественных прав потерпевшему от преступления лицу, как правило, становится известно либо от представителя, если он обратился к нему за юридической помощью,

1 Конституция РФ принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря. В редакции Федерального конституционного закона от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 31. 23 июля. (Далее – Конституция РФ)
2 Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 3-5.

3 Доклад Ю. Я. Чайки о состоянии законности и правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ, 29. 04. 2015 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-723864/> (дата обращения: 05.10.2015).

либо от должностных лиц органов, осуществляющих уголовное преследование. Однако последние не спешат разъяснять право на предъявление гражданского иска в рамках производства по уголовному делу, зная, что бремя доказывания исковых требований законом возложено на них. Облегчая себе предмет доказывания следователь, дознаватель фактически лишают потерпевшего права на возмещение вреда, причиненного преступлением.

Разрешение данной проблемы видится в создании диспозитивного механизма в публичном, по своей правовой природе уголовном процессе, достижения взаимовыгодного компромисса между потерпевшим и обвиняемым относительно компенсации морального и (или) возмещения материального вреда. Поскольку «соединенный процесс» предполагает, что рассмотрение гражданского иска в уголовном процессе, осуществляется с соблюдением также требований и гражданско-процессуального законодательства, введение, по нашему мнению, такого компромисса представляется посредством включения в УПК РФ нормы, представляющей сторонам гражданского иска право на заключение в его части мирового соглашения.

Введение данного института позволит не только освободить должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование от доказывания исковых требований, ввиду достижения сторонами мирового соглашения по вопросам компенсации причиненного преступлением вреда, но и тем самым гарантировать реализацию права потерпевшего, предусмотренного ст. 52 Конституции РФ на ранних стадиях уголовного судопроизводства. Мы разделяем прогрессивные мнения ученых, настаивающих на применении мирового соглашения как согласия сторон гражданского иска посредством взаимных уступок, договоренностей на прекращение спора и определение порядка распределения судебных издержек⁴. Примирительные процедуры являются наиболее благоприятным способом для разрешения криминального конфликта, как в интересах потерпевшего, так и обвиняемого. Это обеспечило бы скорейшее возмещение вреда, причиненного преступлением, в котором потерпевший в большей степени заинтересован, нежели в наказании, особенно по преступлениям против собственности, в сфере экономики и тому подобное.

Применение данного института представляется удобным во всех согласительных процедурах, предусмотренных уголовно-процессуальным законом, а именно: в сокращенном дознании (глава 32¹ УПК РФ), особом порядке судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением (глава 40 УПК РФ) или заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40¹ УПК РФ). Соглашаясь с предъявленным обвинением, обвиняемый признает свою вину в содеянном, а так же характер и размер причиненного вреда. Практика показывает, что при особом порядке судебного разбирательства суды оставляют гражданский иск без рассмотрения, ввиду отсутствия стадии судебного следствия, разъясняя при этом потерпевшему право на обращение с аналогичным иском в порядке гражданского судопроизводства. В результате лицо, потерпевшее от преступления, становится вовлеченным в судебную волокиту. Введение института мирового соглашения в части гражданского иска позволило бы устранить данную проблему. А именно: стороны на основе взаимовыгодных уступок самостоятельно разрешают вопрос о размере

компенсации ущерба, подлежащего взысканию в мировом соглашении, соблюдая при этом все требования законности и справедливости, то есть соразмерности размера компенсации последствиям совершенного преступления; судья в особом порядке в резолютивной части приговора утверждает (или нет, в случае нарушения требований законности и справедливости) мировое соглашение, придавая ему силу судебного веляния, подлежащего обязательному исполнению.

Оставление гражданского иска без рассмотрения не редкость и в других случаях, когда остро встает вопрос о размере исковых требований, расчет которых зачастую невозможен без особого экономического подхода. Проблема сводится к тому, что в федеральных судах некоторые судьи имеют специализацию по отправлению правосудия только по уголовным или гражданским делам. Судьям, осуществляющим производство по уголовным делам, ввиду постоянного изменения экономических формаций, непрерывного развития рыночных отношений, и как следствие гражданского законодательства, направленного на их регламентацию, довольно сложно произвести правильный расчет исковых требований. В результате заявленный по уголовному делу гражданский иск может быть оставлен без рассмотрения, с правом потерпевшего на обращение с ним в порядке гражданского судопроизводства.

Безусловно, теоретически потерпевший в такой ситуации не лишается доступа к правосудию, поскольку вправе предъявить аналогичный иск в гражданский суд. Тем не менее, такое решение суда влечет возникновение судебной волокиты, которая создает моральные неудобства и материальные затраты. Потерпевшее от преступления лицо вынужденно вновь вступать в процесс за защитой своих прав и законных интересов, но уже в порядке гражданского судопроизводства. Доказывать причиненный вред, приглашать свидетелей, обращаться за юридической помощью к представителю, оплачивать государственную пошлину и так далее.

Данные проблемы, возникающие на практике, свидетельствуют о том, что процессуальная роль гражданского иска в уголовном судопроизводстве, как средства судебной защиты прав и законных интересов потерпевшего и восстановления социальной справедливости, утрачивает свою значимость, а его назначение как правового института не выполняется. Эта проблема так же легко разрешима, если сторонам предоставить право самостоятельно произвести расчет размера компенсации за причиненный моральный и (или) материальный вред, тем более что обе стороны, например, при совершении преступления в сфере экономики, могут быть сведущи в данном вопросе. А за судом останется лишь рассмотрение вопроса об утверждении мирового соглашения, при соблюдении принципа законности.

В уголовном процессе Республики Казахстан при рассмотрении гражданского иска сторонам предоставлено право на заключение мирового соглашения, на любой стадии уголовного процесса, однако решение о его утверждении принимается только судом одновременно с разрешением уголовного дела. С процессуальной точки зрения процедура мирового соглашения проста. Посредством взаимных уступок стороны достигают соглашения, о чем составляется заявление и гражданским истцом, и гражданским ответчиком, а так же от каждого из них в письменной форме встречное согласие, и на основании этих документов суд принимает решение⁵.

4 Тарнавкий О. А. Указ. соч. С. 111; Головки Л. В. Мировое соглашение в уголовном процессе и его гражданско-правовая природа // Законодательство. 1999. 310. С. 43-48.

5 Берсугурова Л. Ш. Гражданский иск в уголовном процессе: Пособие для судей. Алматы. 2005. С. 82-84.

Сложно не согласиться с тем, что бесконфликтное разрешение вопроса о размере и сроках возмещения по гражданскому иску имеет большое значение для его реального исполнения. Проведенное нами исследование показало, что потерпевшее от преступления лицо, предъявившее в уголовном деле гражданский иск заинтересованно в реальном возмещении причиненного ущерба. Как показывает практика, достичь этого удается в крайне редких случаях. Поданным УФССП России по Оренбургской области в одном только Отделе судебных приставов Центрального района г. Оренбурга за 2015 год количество должников по исполнению приговора суда в части гражданского иска составляет 82 человека на общую сумму 8 398 728 рублей⁶.

В этой связи полагаем, что именно компромиссное разрешение сторонами вопроса о возмещении вреда, причиненного преступлением, позволит в некоторой степени разрешить данную проблему. Достигнув по собственному усмотрению договоренностей посредством взаимных уступок, субъекты гражданского иска будут заинтересованы в выполнении мирового соглашения, поскольку не только воля каждого из них найдет в нем отражение, но и его последствия будут благоприятными (гражданский истец добьется реального возмещения, а ответчик ввиду надлежащего исполнения обязательств, например, право на отмену условного осуждения и снятие с осужденного судимости до истечения испытательного срока, согласно ст. 74 УК РФ).

Нами был проведен анкетированный опрос о применении мирового соглашения по гражданскому иску в уголовном судопроизводстве, среди респондентов судьи, помощники судей, адвокаты, следователи и дознаватели. Результаты показали, что абсолютное большинство практиков, составляющее 90%, согласны с применением мирового соглашения по гражданскому иску в уголовном процессе, усматривая в нем возможность разрешить ряд проблем возникающих на практике при установлении размера исковых требований. Таким образом, применение мирового соглашения в уголовном судопроизводстве допускается не только с позиции теории уголовного процесса, но и самой практики.

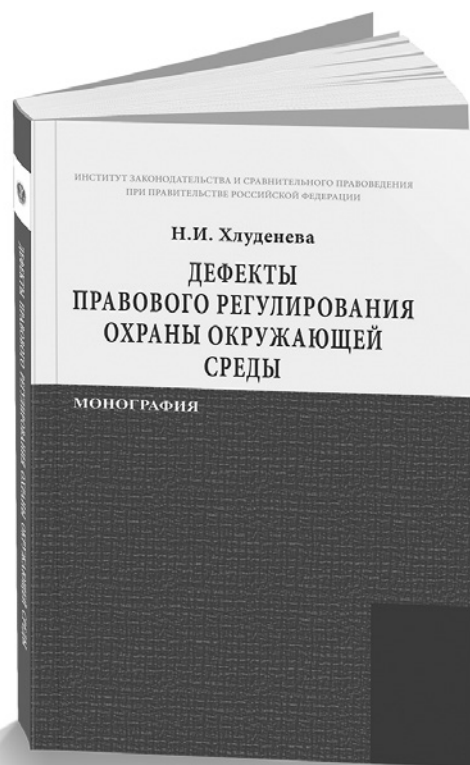
На основании проведенного исследования предлагаем включить в УПК РФ ст. 44², под названием «Мировое соглашение», следующего содержания:

«1. Мировое соглашение – соглашение гражданского истца и гражданского ответчика о прекращении судебного спора в части гражданского иска посредством взаимных уступок, с целью определения характера и размера вреда, подлежащего возмещению.

2. Решение об утверждении мирового соглашения принимается судом в совещательной комнате, при постановлении приговора. Утверждение мирового соглашения влечет за собой прекращение производства в части гражданского иска, повторное обращение в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям не допускается». Изложить п. 10 ст. 299 УПК РФ в следующей редакции: «подлежит ли утверждению мировое соглашение или удовлетворению гражданский иск, в чью пользу и в каком размере».

Пристатейный библиографический список

1. Конституция РФ принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. // Российская газета. 1993. 25 декабря. В редакции Федерального конституционного закона от 21 июля 2014 года № 11-ФКЗ // Российская газета. 2014. № 31. 23 июля.
2. Абшилава Г. В. Согласительные процедуры в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012.
3. Берсутурова Л. Ш. Гражданский иск в уголовном процессе: Пособие для судей. Алматы, 2005. 111 с.
4. Головкин Л. В. Мировое соглашение в уголовном процессе и его гражданско-правовая природа // Законодательство. 1999. 310. С. 43-48.
5. Доклад Ю. Я. Чайки о состоянии законности и правопорядка в 2014 году и о проделанной работе по их укреплению на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ, 29. 04. 2015 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-723864/> (дата обращения: 05.10.2015).
6. Справка о количестве должников по исполнению приговора в части гражданского иска по данным Отдела Судебных приставов Центрального района г. Оренбурга за 2011-2015 гг., I полугодие 2016 г.

⁶ Справка о количестве должников по исполнению приговора в части гражданского иска по данным Отдела Судебных приставов Центрального района г. Оренбурга за 2011-2015 гг., I полугодие 2016 г.

САЛАХОВ Сергей Борисович

кандидат юридических наук, доцент кафедры управления в органах внутренних дел Уфимского юридического института МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Выполненное авторским коллективом научное исследование, представляет собой комплексный анализ актуальных проблем возникающих в институт применения специальных знаний, в частности, как в государственной, так и не государственной судебно-экспертной деятельности. Авторами предложены дополнения в процессуальное законодательство России, в том числе с предложением о внесении изменений в проект федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Ключевые слова: экспертная деятельность, специальные знания, уголовный процесс, правовое регулирование.

SALAKHOV Sergey Borisovich

Ph.D. in Law, associate professor of Management in Law-enforcement Bodies sub-faculty of the Ufa Legal Institute of the MIA of Russia

Салахов С. Б.

SEPARATE ASPECTS OF A LEGAL REGULATION EXPERT ACTIVITY IN RUSSIA

The scientific research executed by group of authors, represents the complex analysis of urgent problems of the special knowledge arising in institute of application, in particular as in the state, not state judicial and expert activity. Authors offered additions in the procedural legislation of Russia, including with the offer on modification of the Federal Law draft No. 306504-6 "About judicial and expert activity in the Russian Federation".

Keywords: expert activity, special knowledge, criminal procedure, legal regulation.

Судебно-экспертная деятельность, является неотъемлемой частью осуществления правосудия, и от качества произведенной экспертизы зачастую зависит всесторонность и полнота проведенного расследования и принятого судом решения.

Одной из самых ярких фигур, обладающих специальными знаниями, является эксперт. Действующее процессуальное законодательство допускает производство судебных экспертиз как в государственных, так и в негосударственных экспертных учреждениях, однако до сих пор отсутствует единый нормативный правовой акт, регламентирующий судебно-экспертную деятельность в России, что не редко вызывает вопросы у правоприменителей, привлекающих экспертов. Много вопросов возникает и при производстве комплексного или комиссионного экспертного исследования с привлечением сведущего лица иностранного государства.

В последние годы институт судебно-экспертной деятельности подвергся существенному реформированию в связи с принятием Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹, разрешившего назначение и производство судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела. Указанная новелла породила ряд вопросов процессуального характера к процедуре ее назначения и реализации прав участников уголовного судопроизводства.

По официальным данным МВД РФ о состоянии преступности на период с января по декабрь 2015 года: зарегистрировано 2352,1 тыс. преступлений, или на 8,6% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 75 субъектах Российской Федерации. Почти половину всех зарегистрированных преступлений (46,0%) составляют хищения чужого имущества, совершенные путем: кражи – 996,5 тыс. (+11,7%), грабежа – 71,1 тыс. (-6,7%), разбоя – 13,4 тыс. (-5,2%). Каждая четвертая кража (25,1%), каждый двадцать второй грабеж (4,6%), и каждое тринадцатое разбойное нападение (7,9%) были сопряжены с незаконным

проникновением в жилище, помещение или иное хранилище².

Процесс доказывания по указанным категориям преступлений невозможен без применения специальных познаний сведущих лиц в процессе осуществления судебно-экспертной деятельности.

Вопросы использования специальных знаний в судебно-экспертной деятельности неоднократно становились предметом исследования отечественных ученых в области уголовно-процессуального права, криминалистики и судебной экспертизы: Т. В. Аверьяновой, Ф. Г. Аминова, Р. С. Белкина, С. Ф. Бычковой, А. И. Винберга, С. М. Даровских, А. М. Зинина, Ю. Г. Корухова, А. В. Кудрявцевой, В. С. Латыпова, Н. П. Майлис, И. А. Макаренко, В. Н. Махова, В. С. Митричева, В. Ф. Орловой, Ю. К. Орлова, Е. Р. Российской, Е. В. Селиной, А. А. Тарасова и многих других, активно способствовавших становлению и развитию института судебной экспертизы в уголовном процессе, формированию общей теории судебной экспертизы, а также применению специальных знаний в уголовном судопроизводстве.

Признавая значительный и неоспоримый вклад названных авторов в развитие теоретических и правовых основ применения специальных знаний в уголовном процессе, следует отметить, что проблема далеко не исчерпала себя в теоретическом и практическом плане. Многие вопросы до настоящего времени остаются дискуссионными³, а некоторые получили противоречивое толкование и требуют новых подходов к их разрешению.

2 Официальный сайт МВД России. Состояние преступности – январь-декабрь 2015 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru/folder/101762/item/7087734/> (дата обращения: 15.10.2016).

3 Латыпов В. С., Салахова Ж. В. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. С. 152.

1 Далее по тексту – «О ГСЭД».

К примеру, в настоящее время принятый Федеральный закон «О ГСЭД» не соответствует существующим реалиям правоприменительной практики, в частности остается не урегулированным целый «пласт» экспертной деятельности, речь идет о негосударственных экспертных учреждениях оказывающих услуги по применению специальных знаний на коммерческих началах. Сложившаяся ситуация приводит к неизбежным нарушениям прав участников уголовного процесса⁴. Следует отметить, что в соответствии со ст. 41 Федерального закона «О ГСЭД» общее требование соблюдения законности при осуществлении судебно-экспертной деятельности, заключающееся в точном исполнении положений нормативных правовых актов, составляющих правовую основу этой экспертной деятельности, не распространяется на негосударственные экспертные учреждения. Более того деятельностью негосударственных экспертов не подлежит обязательному лицензированию, а их компетентность - сертификации, поэтому перед судебно-следственными органами встает проблема определения критериев их выбора, а также оценки качества судебно-экспертного исследования.

Немаловажным значением для сотрудников правоохранительных органов является компетентность эксперта проводящего экспертизу. Федеральный закон «О ГСЭД» в статье 13 содержит четкие требования, предъявляемые к государственному судебному эксперту, включающие в себя уровень образования, наличие аттестации на право самостоятельно производства судебной экспертизы, которое должно подтверждаться соответствующей комиссией каждые пять лет. Однако эти требования не распространяются на негосударственных экспертов, что может вызвать затруднение у органов проводящих расследования и судов при оценке предоставленного ими выводов по проведенному экспертному исследованию⁵.

Отдельным вопросом остается процессуальный статус частного эксперта проводившего экспертное исследование в негосударственном экспертном учреждении, без соблюдения требований норм УПК РФ по уголовному делу (к примеру, по просьбе одного из заинтересованных участников). Безусловно, данное лицо будет являться субъектом уголовно-процессуальных правоотношений, но не экспертом, поскольку не был предупрежден об уголовной ответственности по статьям 307 и 310 Уголовного кодекса Российской Федерации и порядок назначения экспертизы не соответствовал требованиям процессуального закона. Ученые-процессуалисты предлагают такую категорию участников допрашивать в качестве сведущих свидетелей, т.е. тех лиц, которые помимо того что обладают определенной информацией, могут делать выводы, суждения и умозаключения, основанные на специальных познаниях⁶. Противники же подобной позиции ссылаются на то, что свидетель не имеет права делать выводы или умозаключения основанные на своих специальных познаниях⁷.

Вместе с тем, остается не решенным вопрос и о подчиненности сотрудников экспертных учреждений. Несмотря на то что, самостоятельность и независимость эксперта является основополагающим, фундаментальным принципом института судебных экспертиз: «...Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц.

Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации» (ст. 7 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»).

В правоприменительной практике не исключены случаи, когда в нарушение требований ч. 4 ст. 57 УПК РФ одно и то же лицо, являясь специалистом, на первоначальном этапе участвует в осмотре места происшествия и собирает материалы для последующих судебных экспертиз, а затем уже в качестве судебного эксперта осуществляет производство экспертизы по этим же объектам, что не может не ставить под сомнение объективность судебно-экспертных заключений⁸.

Законодатель, выходя из сложившейся ситуации, видит в подготовленном Минюстом России законопроекте⁹, распространяющимся как на государственные экспертные учреждения, так и на частные.

Однако проведенный детальный правовой анализ указанного законопроекта позволяет на сегодняшний день выявить ряд недостатков, устранение которых до введения в действие закона позволило бы избежать в правоприменительной практике казуальных ситуаций:

1) Законопроект не содержит положений, закрепляющих требование об обязательном лицензировании экспертных исследований (речь идет о негосударственных);

2) вопрос независимости эксперта усугубляется позицией законодателя о предоставлении права судебно-экспертной деятельности органам, осуществляющим уголовное преследование.

На наш взгляд, в правовом демократическом государстве, судебно-экспертная деятельность должна основываться помимо национального законодательства еще и на принципах международного права, а из этого следует, что негосударственная судебно-экспертная деятельность должна подлежать обязательному лицензированию, а компетентность лиц, ее осуществляющих, подтверждаться сертификатом уполномоченного государственного органа. Экспертная же деятельность подлежит отделению от криминалистической и окончательному выведению из административного подчинения органам, осуществляющим уголовное преследование.

Пристатейный библиографический список

1. Арсеньев В. Д., Заболотцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986.
2. Латыпов В. С. Актуальные вопросы применения института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: уголовно-процессуальный аспект: монография. М.: Юрлитинформ, 2016.
3. Латыпов В. С. К вопросу о «легализации» негосударственных экспертных учреждений // Правовое государство: теория и практика. 2015. № 3. С. 132-138.
4. Латыпов В. С. К вопросу о применении специальных знаний сведущими лицами в уголовном процессе России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 3 (69). С. 42-46.
5. Латыпов В. С., Салахова Ж. В. Статист как иной субъект (участник) уголовно-процессуальной деятельности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 6. С. 151-153.
6. Сахнова Т. В. Экспертиза в гражданском процессе (Теоретическое исследование): дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 1998. с. 92.
7. Арсеньев В. Д., Заболотцкий В. Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 74.
8. Латыпов В. С. К вопросу о применении специальных знаний сведущими лицами в уголовном процессе России // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2015. № 3 (69). С. 44.
9. О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: проект Федерального закона № 306504-6 (ред., принятая ГД ФС РФ в чтении 20.11.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс] - (дата обращения: 15.10.2016).

КОРЖИКОВА Татьяна Александровна

кандидат юридических наук, сотрудник ФСИН России

ОСОБЕННОСТИ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ С ОБЯЗАТЕЛЬНЫМ ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ОСУЖДЕННОГО К ТРУДУ

В данной статье проводится сравнительный анализ существующих на сегодняшний день альтернативных видов наказаний с обязательным привлечением осужденного к труду: обязательных, исправительных и принудительных работ; исследуется правовое положение осужденных к данным видам наказаний; выявляются проблемы в законодательной регламентации их исполнения и формулируются предложения по совершенствованию. Проанализировав особенности альтернативных наказаний, связанных с обязательным привлечением осужденных к труду, делается вывод, что принудительные работы являются средним звеном между наказаниями, не связанными с лишением свободы и связанными с таковым, так как обладают признаками обеих этих групп.

Ключевые слова: осужденные, правовое положение, исправительные работы, обязательные работы, принудительные работы, уголовное наказание, не связанное с изоляцией от общества, исправительный центр.

KORZHIKOVA Tatyana Alexandrovna

Ph.D. in Law, officer of the FSEP of Russia

FEATURES OF ALTERNATIVE TYPES OF PUNISHMENTS WITH OBLIGATORY INVOLVEMENT OF THE CONVICT TO WORK

In this article the comparative analysis of the alternative types of punishments existing today with obligatory involvement of the convict to work is carried out: obligatory, corrective and forced labor; the legal status of convicts to these types of punishments is investigated; problems in a legislative regulation of their execution come to light and suggestions for improvement are formulated. Having analysed features of the alternative punishments connected with obligatory involvement of convicts to work the conclusion is drawn that forced labor is average a link between the punishments which aren't connected with imprisonment and connected with that as possess signs of both of these groups.

Keywords: convicts, a legal status, corrective works, obligatory works, forced labor, the criminal penalty which isn't connected with isolation from society, the corrective center.

Проводимые в России реформы в сфере исполнения наказаний направлены на сокращение негативных последствий лишения человека свободы. В связи с этим альтернативным наказаниям в нашей стране уделяется повышенное внимание, расширяется круг преступлений, за которые они предусмотрены, а также вводятся новые виды наказаний, не связанные с изоляцией осужденного от общества. Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и отдельные законодательные акты РФ» в систему уголовных наказаний включены принудительные работы (исполнение принудительных работ отсрочено до 1 января 2017 г.).

Итак, альтернативными наказаниями, связанными с обязательным привлечением осужденного к труду, являются обязательные, исправительные и принудительные работы.

В ст. 44 УК РФ, закрепляющей перечень всех существующих видов уголовных наказаний, определено место принудительных работ – между ограничением свободы и арестом. Исходя только из данного факта размещения нового наказания, можно сделать вывод, что принудительные работы являются довольно суровым наказанием.

Согласно ч. 1 ст. 45 УК РФ, принудительные, обязательные и исправительные работы относятся к основному виду наказания. При этом, в ч. 1 ст. 53.1 УК РФ законодатель указывает, что принудительные работы являются альтернативой лишению свободы и применяются в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ, за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а также за совершение впервые тяжкого преступления. Ч. 2 ст. 53.1 УК РФ определяет назначение принудительных работ только в порядке замены лишения свободы, что позволяет сделать вывод о невозможности применения данного вида наказания самостоятельно.

В данном случае следует согласиться с мнением авторов, которые предлагают использовать принудительные работы

Коржикова Т. А.

как основной вид уголовного наказания, принимая во внимание, что все наказания, не связанные с изоляцией от общества, фактически применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных санкциями соответствующих статей УК РФ¹.

Правовой статус осужденных к альтернативным видам наказаний, связанным с обязательным привлечением к труду, можно определить как закрепленную нормами различных отраслей права совокупность прав, законных интересов и обязанностей осужденных во время отбывания наказаний, особенностью которых является не только обязательность труда, но также необходимость материальных ограничений.

Обязательные работы выполняются бесплатно. Исправительные и принудительные работы включают в себя удержания в доход государства от пяти до двадцати процентов от заработной платы осужденного. Кроме того, согласно п. 2 ст. 60.4 УИК РФ, осужденные к принудительным работам обязаны принимать участие в благоустройстве зданий и территории исправительного центра в нерабочее время без оплаты труда.

Ограничение права выбора труда рассматриваемой категории осужденных установлено законом исключительно с целью удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе, как того требует Декларация прав человека 1948 года. Труд таких осужденных производится «под надзором и контролем органов государственной власти», что соответствует требованиям Конвенции международной орга-

1 Голик Ю. Очередная модернизация уголовного кодекса // Уголовное право. – 2012. – № 6. – С. 29-34; Лядов Э. В. Принудительные работы: отдельные вопросы законодательной регламентации // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. матер. науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). – М.; Рязань: НИИ ФСИН России; Академия ФСИН России, 2012. – С. 48-54.

низации труда № 29². То есть, принудительный характер работ, выполняемых осужденными к рассматриваемым видам наказания, не вступает в противоречие с международными актами.

Вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительной инспекцией (ч. 1 ст. 49 УК РФ). Исправительные работы осужденный отбывает по основному месту работы, а не имеющий такового, в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в месте жительства осужденного.

Что касается принудительных работ, то согласно ч. 3 ст. 53.1 УК РФ, осужденные к данному виду наказания отбывают его в местах, определяемых учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы. При этом отличительным признаком принудительных работ является пребывание осужденных в специальных учреждениях – исправительных центрах, где они находятся под надзором.

Данная особенность свидетельствует о наличии в содержании принудительных работ элемента изоляции от общества. Как отмечает А. Г. Антонов, «принудительные работы по репрессивности не уступают лишению свободы и, конечно же, связаны с изоляцией осужденного от общества»³. По мнению А. И. Дроздова и А. В. Орлова, «содержание осужденных под надзором в общежитии исправительного центра, расположенного в пределах территории субъекта РФ, в котором они проживали или были осуждены, с обязательным соблюдением правил внутреннего распорядка исправительного центра свидетельствует о том, что принудительные работы основаны и на частичной изоляции осужденного от общества»⁴. Б. З. Маликов полагает, что принудительные работы, имея одновременно наличие частичной изоляции осужденного от общества и отчислений в доход государства, по своей репрессивности фактически равнозначны лишению свободы или в отдельных аспектах даже превосходят его⁵.

Правовой статус осужденных к принудительным работам во многом схож с правовым статусом осужденных к лишению свободы, содержащихся в колониях-поселениях: содержание под надзором, обязанность являться для регистрации до 4 раз в месяц. Их труд регулируется законодательством Российской Федерации о труде, за исключением правил приема на работу, увольнения с работы, переводе на другую работу⁶.

В связи с этим в научной литературе авторами предлагаются колонии-поселения для осужденных за неосторожные преступления и осужденных, совершивших умышленные преступления небольшой и средней тяжести вывести из системы исправительных учреждений, исполняющих лишение свободы и преобразовать в исправительные центры, а категории осужденных, отбывающих наказания в них, расширить⁷.

УИК РФ предусматривает для осужденных к исправительным, обязательным и принудительным работам меры взыскания за нарушения порядка и условий отбывания наказания. Для осужденных к принудительным работам это: выговор, отмена права проживания вне общежития, водворение в помещение для нарушителей на срок до 15 суток. Осужденных к обязательным и исправительным работам за допущенные нарушения уголовно-исполнительная инспекция предупреждает в письменной форме о замене отбываемого наказания другим видом, а также может обязать осужденного к исправительным работам до двух раз в месяц являться для регистрации.

Меры поощрения за хорошее поведение и добросовестное отношение к труду предусмотрены только для осужденных к принудительным работам. К ним закон относит: благодарность, досрочное снятие ранее наложенного взыскания, предоставление возможности выезда за пределы исправительного центра в выходные и праздничные дни. Следует отметить, что меры поощрения и взыскания дополняют друг друга и стимулируют правопослушное поведение. Если законом устанавливается ответственность за нарушения порядка и условий отбывания наказания, то существует необходимость в мерах поощрения, поэтому они должны быть предусмотрены и для осужденных к обязательным и исправительным работам.

Таким образом, рассмотрев основные особенности альтернативных наказаний, связанных с обязательным привлечением осужденного к труду, можно сделать вывод, что принудительные работы являются средним звеном между наказаниями, не связанными с лишением свободы и наказаниями, связанными с таковым, так как обладают признаками обоих этих групп.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов А. Г. Принудительные работы: понятие, содержание и место в системе уголовных наказаний // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. матер. науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). – М.; Рязань: НИИ ФСИН России; Академия ФСИН России. – 2012. – С. 5-9.
2. Голик Ю. Очередная модернизация уголовного кодекса // Уголовное право. – 2012. – № 6. – С. 29-34.
3. Дроздов А. И., Орлов А. В. Принудительные работы и лишение свободы в колониях-поселениях: сравнительно-правовой анализ // Уголовно-исполнительное право: Академия ФСИН России. – 2015. – № 1. – С. 40-44.
4. Лядов Э. В. Принудительные работы: отдельные вопросы законодательной регламентации // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. матер. науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). – М.; Рязань: НИИ ФСИН России; Академия ФСИН России, 2012. – С. 48-54.
5. Маликов Б. З. Политика либерализации уголовной ответственности и наказания: принудительные работы вместо лишения свободы // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 4. – С. 77-81.
6. Микаелян С. А. Обязательные, исправительные и принудительные работы в свете международных стандартов прав человека и обращения с осужденными // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2004 – № 1. – С. 79.
7. Антонов А. Г. Принудительные работы: понятие, содержание и место в системе уголовных наказаний // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. матер. науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). – М.; Рязань: НИИ ФСИН России; Академия ФСИН России, 2012. – С. 7.
8. Дроздов А. И., Орлов А. В. Принудительные работы и лишение свободы в колониях-поселениях: сравнительно-правовой анализ // Уголовно-исполнительное право: Академия ФСИН России, 2015. – № 1. – С. 42.
9. Маликов Б. З. Политика либерализации уголовной ответственности и наказания: принудительные работы вместо лишения свободы // Человек: преступление и наказание. – 2012. – № 4. – С. 80.
10. Смирнова Ю. А. Правовое регулирование исполнения наказания в виде принудительных работ // Организация исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ: сб. матер. науч.-практ. конф. (Москва, 20 сент. 2012 г.). – М.; Рязань: НИИ ФСИН России; Академия ФСИН России, 2012. – С. 98.
11. Дроздов А. И., Орлов А. В. Указ. соч. С. 43.

ВОРОЩУК Владимир Богданович

преподаватель кафедры организации режима и надзора в уголовно-исполнительной системе Академии ФСИН России

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ОПТИМАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИОННО-ШТАТНАЯ СТРУКТУРА КОЛОНИЙ-ПОСЕЛЕНИЙ» НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье анализируются понятия «оптимальный», «штат», «структура», «организационная структура» и «организационно-штатная структура», содержащиеся как в юридической литературе, так и в нормативных актах ряда федеральных органов государственной власти, а также ФСИН России. Выработано авторское определение оптимальной организационно-штатной структуры колоний-поселений как модели организационного построения рассматриваемого вида исправительных учреждений, оформленной в определенном виде и отражающей перечень подразделений и отдельных должностей, сгруппированных согласно функциям и установленному порядку в определенной последовательности с указанием штатной численности сотрудников, государственных гражданских служащих и работников по подразделениям и общей штатной численности данного учреждения, обеспечивающей наиболее эффективное использование кадровых ресурсов для выполнения возложенных на колонии-поселения задач и функций.

Ключевые слова: оптимальный, организационно-штатная структура, колонии-поселения, уголовно-исполнительная система.

VOROSCHUK Vladimir Bogdanovich

lecturer of Organization and Supervision of the Criminal Executive System sub-faculty of the Academy of the FSEP of Russia

THE DEFINITION OF «ORGANIZATIONAL AND STAFF STRUCTURE OF THE COLONIES-SETTLEMENTS» AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF THE PENAL SYSTEM: THEORETICAL STUDY

The article analyzes the concept of «optimal», «state», «structure», «organizational structure» and «organizational and staff structure» contained in the legal literature and normative acts of some Federal state authorities and the Federal penal service of Russia. Developed the author's definition of optimal organizational and staff structure of colonies-settlements as a model for the organizational structure of this species corrections issued in a certain form, and reflect the list of units and individual positions are grouped according to the functions and the established order in a specific sequence indicating staff number of employees, the state civil workers and employees of departments and a total staff strength of the institution, providing the most effective use of personnel resources for implementation laid on colonies-settlements tasks and functions.

Keywords: optimal, organizational and staff structure, colonies-settlements, penal system.

Ворощук В. Б.

Дальнейшее развитие отечественной пенитенциарной системы предполагает определение нормативов штатной численности работников исправительных учреждений (далее – ИУ), установление оптимальной нагрузки на работников уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), чья работа сопряжена с непосредственным контактом с осужденными, изменение подходов к функционально-структурному построению аппаратов управления УИС, организации работы с персоналом, формам и методам управленческой деятельности, поэтому в этом контексте организационно-штатная работа приобретает особую актуальность. Организационно-штатная работа, безусловно, является составной частью организационного развития любого органа или учреждения УИС, основная цель которой заключается именно в создании и развитии эффективной системы управления персоналом и ее формализованном описании (например, в виде структуры, штатного расписания, положений об отделе и т. п.). Обеспечивать эффективное функционирование организации способна только оптимально спроектированная и внедренная организационно-штатная структура.

Одним из перспективных направлений развития теории управления УИС являются проблема поиска наилучших организационно-штатных структур в УИС, а также вопросы обе-

спечения ее эффективного функционирования¹. Вот почему изучению организационно-штатной структуры колоний-поселений на современном этапе развития УИС следует уделить особое внимание.

Понятие «организационно-штатная структура» в научной литературе как самостоятельный термин, отсутствует. Не содержится его и в ведомственных нормативных актах, действующих в УИС. Представляется необходимым рассмотреть понятийный аппарат исследуемого нами термина, чтобы разобраться с его сущностью и рассмотреть его применительно к колониям-поселениям.

Обратимся к этимологии слов «оптимальный» и «штат». «Оптимальный» (от лат. *optimus* – наилучший) означает наиболее благоприятный, позволяющий достичь наилучших результатов, тогда как «оптимизация» – нахождение наибольшего или наименьшего значения какой-либо функции или выбор наилучшего (оптимального) варианта из множества

1 См.: Аксенов А. А. Проблемы формирования теории управления органами, исполняющими наказания // Проблемы совершенствования управленческой деятельности ИТУ. Рязань, 1974. С. 15; Туманов Г. А. К вопросу о разработке теории управления органами, исполняющими наказания // Проблемы исполнения наказаний и перевоспитания осужденных. М., 1984.

возможных². В Толковом словаре русского языка предложено сходное толкование слова «оптимальный» – наиболее благоприятный. «Оптимизировать» означает: придать (придавать) чему-нибудь оптимальные свойства, показатели; выбрать (выбирать) наилучший из возможных вариантов³.

Наиболее приемлемой трактовкой термина «штат» (от лат. status – состояние, положение) является «постоянный состав сотрудников какого-либо учреждения». Второе значение данного термина – положение о числе сотрудников и должностей учреждения, их функциях и окладах или утвержденный соответствующими органами перечень численного состава сотрудников какого-либо учреждения с указанием должностей и окладов (в значении «штатного расписания»)⁴.

Термин «структура» происходит от лат. structura, что означает строение, расположение, порядок. Приведем существующие в научной литературе доминирующие точки зрения при определении рассматриваемого понятия. Согласно первой из них структуру следует рассматривать как строение и внутреннюю форму организации системы, выступающую в виде единства устойчивых взаимосвязей между ее элементами⁵. Альтернативная точка зрения определяет структуру как совокупность устойчивых связей объекта, обеспечивающих его целостность и тождественность, то есть сохранение основных свойств при различных внешних и внутренних изменениях⁶.

Следует отметить, что в отечественной и зарубежной литературе нередко применяется термин «организационная структура» (либо «организационная структура управления»), под которым разными авторами понимается следующее⁷:

– совокупность взаимосвязанных подразделений системы управления и

должностных лиц⁸;

– установленное (конституированное) формальное разграничение отношений и объективированного профессионального опыта в организации для достижения ее целей⁹;

– основа, которая позволяет организации работать, включающая в себя сеть социальных ролей и взаимосвязей¹⁰;

– целостная совокупность соединенных между собой информационными связями элементов объекта и субъекта управления¹¹.

В теории управления любое ИУ, в том числе, колония-поселение, будучи сложной социальной системой, представляет собой определенным образом организованный коллектив со-

трудников, выполняющий возложенные на него функции и располагающий для этого соответствующей компетенцией и возможностями¹², тогда как организационная структура социальной системы – это совокупность должностей, объединенных с помощью организационных связей¹³.

Рассмотрим теперь нормативные акты, регламентирующие организационно-штатную работу ряда федеральных органов государственной власти, которыми закреплены интересующие нас определения и порядок оформления структуры.

Инструкция по организационно-штатной работе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденная приказом ФСИН России от 21 июня 2010 г. № 276, предлагает определение организационной структуры как графико-текстовой (текстовой) модели организационного построения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, отражающей функциональные связи и подчиненность структурных подразделений или должностей¹⁴.

По мнению А. Ю. Долинина, наиболее приемлемым для целей организационно-штатной работы определением организационной структуры будет следующее: «организационная структура – внутренняя структура организации, определяющая состав, подчиненность, взаимодействие и распределение работ по подразделениям и органам управления, между которыми устанавливаются определенные отношения по поводу реализации властных полномочий, потоков команд и информации»¹⁵.

Дальнейший анализ Инструкции по организационно-штатной работе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы позволяет прийти к выводу о том, что организационная структура учреждений и органов УИС находит свое отражение в таком организационно-штатном документе как штатное расписание, которое утверждается приказом соответствующего руководителя. В данном документе (штатном расписании) определяются наименование, должностной и численный состав, устанавливаются соответствующие должностям начальствующего состава специальные звания, должностям федеральных государственных гражданских служащих – классные чины, должностям работников – категории, должностные оклады в абсолютных числовых значениях (в рублях) и источники финансирования, дающий право на комплектование должностей сотрудниками, федеральными государственными гражданскими служащими, рабочими и служащими УИС в соответствии с квалификационными требованиями¹⁶.

В федеральных судах общей юрисдикции и системе Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации под «структурой» понимается «организационное построение федерального суда, Судебного департамента или его органа, отражающее взаимодействие, подчиненность подразделений и должностей»¹⁷. Указанная структура разрабаты-

2 См.: Васюкова И. А. Словарь иностранных слов. С грамматическими формами, синонимами, примерами употребления / под ред. И. К. Сазоновой. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 438–439; Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М., 1985. С. 348.

3 См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 7-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2005. С. 457.

4 См.: Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М., 1985. С. 567; Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 901.

5 См.: Философский словарь. М., 1975. С. 395.

6 См.: Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1985. С. 1276.

7 См.: Долинин А. Ю. Организация и правовые основы организационно-штатной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань: Академия ФСИН России, 2006. С. 29–30.

8 См.: Управление персоналом: энциклопедический словарь / под ред. А. Я. Кибанова. М., 1998. С. 216.

9 См.: Турчинов А. И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М., 1998. С. 121.

10 См.: Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / пер. с англ.; под ред. С. К. Мордовина. 8-е изд. СПб., 2004. С. 182.

11 См.: Фомичев А. Н. Административный менеджмент: учеб. пособие. М., 2003. С. 175–176.

12 См.: Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебник: в 3 т. / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. – Т. 1: Общая часть. С. 178–179.

13 См.: Теория управления в сфере правоохранительной деятельности: учебник / под ред. В. Д. Малкова. М., 1990. С. 140.

14 См.: Об утверждении Инструкции по организационно-штатной работе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России от 21 июня 2010 г. № 276.

15 Долинин А. Ю. Организация и правовые основы организационно-штатной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань: Академия ФСИН России, 2006. С. 40.

16 См.: Об утверждении Инструкции по организационно-штатной работе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России от 21 июня 2010 г. № 276.

17 См.: Об утверждении Инструкции по организационно-штатной работе в федеральных судах общей юрисдикции и системе Судеб-

вается в виде определенной схемы, утверждаемой соответствующим руководителем в установленном порядке.

Только в таможенных органах приводится определение «организационно-штатной структуры», которого нет ни в одном из проанализированных нами нормативных актов федеральных органов государственной власти. Под организационно-штатной структурой таможенного органа понимается оформленный в виде таблицы перечень подразделений и отдельных должностей, сгруппированных согласно функциям и установленному порядку в определенной последовательности с указанием штатной численности сотрудников, государственных гражданских служащих и работников по подразделениям и общей штатной численности таможенного органа. Более наглядно организационно-штатная структура таможенного органа представлена в таблице 1 (информационно-аналитическая таблица) Приложения № 9 к Положению об организационно-штатной работе в таможенных органах Российской Федерации и в учреждениях, находящихся в ведении Федеральной таможенной службы (далее – ФТС России), утвержденного приказом ФТС России от 18 октября 2005 г. № 970¹⁸.

Упоминание организационно-штатной структуры содержится в рамках Приложения № 1 приказу ФСИН России «Об утверждении примерных структур и расчетов штатной численности начальствующего состава, рабочих и служащих исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и методических рекомендаций по разработке их штатных расписаний» от 17 марта 2008 г. № 154 в примечании к примерной организационной структуре объединения исправительных колоний (далее – ОИК): «организационно-штатная структура ОИК должна быть такой, чтобы максимально исключить возможность дублирования аналогичных функций ИК, входящих в объединение»¹⁹. Больше какого-либо упоминания об организационно-штатной структуре, а равно разъяснения в рамках данного приказа не содержится.

Колонии-поселения выделяются из числа имеющихся исправительных учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы в отношении осужденных, достигших совершеннолетия, поскольку изоляция от общества как обязательный признак лишения свободы присутствует в них номинально, в связи с чем (по аналогии с пенитенциарной системой зарубежных стран) их можно отнести к исправительным учреждениям открытого типа.

Рассматриваемые учреждения отличает их социально-правовое назначение, призванное с одной стороны обеспечивать достижение целей наказания в отношении лиц, не представляющих большой общественной опасности, но совершивших преступления, повлекшие тяжкие последствия, а с другой – закреплять навыки правоупотребительного поведения осужденных, адаптируя их к условиям жизни на свободе. Вот почему особую роль в колониях-поселениях призваны выполнять подразделе-

ния, отвечающие за проведение с осужденными социальной, воспитательной и психологической работы (группа социальной защиты осужденных, психологическая лаборатория и отдел (группа) по воспитательной работе с осужденными), способные оказывать на осужденных требуемое исправительное воздействие, обеспечивая, тем самым, их ресоциализацию.

На основании изложенного, предлагаем под оптимальной организационно-штатной структурой колоний-поселений понимать модель организационного построения рассматриваемого вида исправительных учреждений, оформленную в определенном виде и отражающую перечень подразделений и отдельных должностей, сгруппированных согласно функциям и установленному порядку в определенной последовательности с указанием штатной численности сотрудников, государственных гражданских служащих и работников по подразделениям и общей штатной численности данного учреждения, обеспечивающую наиболее эффективное использование кадровых ресурсов для выполнения возложенных на колонии-поселения задач и функций.

Пристатейный библиографический список

1. Аксенов А. А. Проблемы формирования теории управления органами, исполняющими наказания // Проблемы совершенствования управленческой деятельности ИТУ. Рязань, 1974.
2. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / пер. с англ.; под ред. С. К. Мордовина. 8-е изд. СПб., 2004. – 832 с.
3. Васюкова И. А. Словарь иностранных слов. С грамматическими формами, синонимами, примерами употребления / И. А. Васюкова; под ред. И. К. Сазоновой. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 640 с.
4. Долинин А. Ю. Организация и правовые основы организационно-штатной деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы: дис. ... канд. юрид. наук. – Рязань: Академия ФСИН России, 2006. – 255 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – 7-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 2005. – 944 с.
6. Организация управления в уголовно-исполнительной системе: учебник: в 3 т. / под общ. ред. Ю. Я. Чайки. – Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. – Т. 1: Общая часть. – 532 с.
7. Основы управления в органах внутренних дел: учебник / под ред. А. П. Коренева. М., 2003. – 396 с.
8. Словарь иностранных слов. 12-е изд., стереотип. М., 1985. – 608 с.
9. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1985. – 1600 с.
10. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности: учебник / под ред. В. Д. Малкова. М., 1990.
11. Туманов Г. А. К вопросу о разработке теории управления органами, исполняющими наказания // Проблемы исполнения наказаний и перевоспитания осужденных. М., 1984.
12. Турчинов А. И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. М., 1998. – 272 с.
13. Управление персоналом: энциклопедический словарь / под ред. А. Я. Кибанова. М., 1998. – 638 с.
14. Философский словарь. М., 1975.
15. Фомичев А. Н. Административный менеджмент: учеб. пособие. М., 2003. – 228 с.

ного департамента при Верховном Суде Российской Федерации: приказ Судебного департамента при Верховном Суде Рос. Федерации от 2 апреля 2010 г. № 61 (в ред. от 29 июля 2014 г. № 181).

18 См.: Об утверждении Положения об организационно-штатной работе в таможенных органах Российской Федерации и в учреждениях, находящихся в ведении ФТС России: приказ ФТС России от 18 октября 2005 г. № 970 (в ред. от 18 июля 2011 г. № 1471).

19 Об утверждении примерных структур и расчетов штатной численности начальствующего состава, рабочих и служащих исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы и методических рекомендаций по разработке их штатных расписаний: приказ ФСИН России от 17 марта 2008 г. № 154 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 7–9.

ПОТАПОВ Денис Валерьевич

преподаватель кафедры уголовного права Феодосийской финансово-экономической академии, аспирант Нижегородской правовой академии

К ВОПРОСУ ОБ ОПТИМИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СУБЪЕКТОВ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются проблемы отношений следователя с руководителем следственного органа и прокурором, определяется несовершенство реформ, в сравнительном анализе рассматривается создание единого следственного органа на федеральном уровне.

Ключевые слова: следователь, прокурор, руководитель следственного органа, оптимизация.

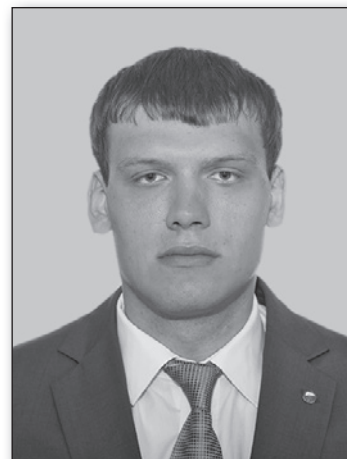
POTAPOV Denis Valerjevich

lecturer of Criminal Law sub-faculty of the Feodosiya financial and economic Academy, postgraduate student of Nizhny Novgorod legal Academy

TO THE QUESTION OF OPTIMIZATION OF CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS OF SUBJECTS OF PRETRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

The article discusses the relationship of the investigator with the head of the investigative body and the Prosecutor, the imperfection is determined reforms, the comparative analysis is the creation of a single investigative body at the Federal level.

Keywords: the investigator, the Prosecutor, the head of the investigative body, optimization.

Потапов Д. В.

В настоящее время следователь, руководитель следственного органа, прокурор - это ключевые участники досудебного производства по уголовному делу в форме предварительного следствия. Следственная форма определяет содержание полномочий компетентных государственных органов, ведущих уголовное дело, и тот предмет, по поводу которого они вступают в отношения друг с другом.

Участие прокурора в досудебном производстве имеет большое значение на мнение сторон, участвующих в деле, но воздействует на распределение сил внутри следственно-распределительных органов, прежде всего, по вопросу получения и формирования доказательств по делу. Прокурор фактически не имеет возможности сам получать доказательства, поскольку лишен права проводить следственные действия и принимать в них участие. При расследовании уголовного дела действия следователя находятся под контролем руководителя следственного органа, суда и под надзором прокурора.

Среди следственных органов достаточно четко осуществляется концепция подчиненности следователя руководителю, что подтверждает не столько самостоятельные действия следователя, сколько следственного органа - в лице его руководителя. Следовательно, в настоящее время ни о какой процессуальной самостоятельности следователя говорить не приходится.

Незавершенность, половинчатость, смешанный тип правовых институтов предварительного расследования откладывает свой (негативный) след на непостоянный, спорный, проблематичный характер правовых отношений прокурора, руководителя следственного органа и следователя. Следственная власть в условиях смешанного уголовного судопроизводства выполняет функцию уголовного преследования, но вместе с тем она призвана восполнить недостаток средств и сил стороны защиты по установлению обстоятельств оправдательного характера.

К настоящему времени вполне выяснилась несостоятельность надежд на то, что освобожденное от надзора прокурора «независимое» следствие в полной мере раскроет себя и качество расследования уголовных дел повысится, эффективность борьбы с преступностью возрастет, а права граждан получат надежные гарантии. Это признал даже А. И. Бастрыкин, в свое время настоявший на реализации в праве концепции самостоятельности следственных органов: «Наш трехлетний опыт, к сожалению, показал, что попытка сократить полномочия прокуроров на стадии предварительного следствия привела к серьезным нарушениям закона»¹.

В дальнейшем законодатель может избрать различные модели предварительного расследования. Одной из них может быть укрепление вертикали следственной власти и монополизация Следственным комитетом подследственности всех уголовных дел, расследуемых в форме предварительного следствия. Но на наш взгляд, имеются весомые аргументы против реализации проекта создания единого вневедомственного следственного органа².

Мы также разделяем мнение о том, что предварительное следствие в его современном виде должно быть ликвидировано. На протяжении десятилетий у нас обсуждаются несколько вариантов реформирования предварительного расследования. Одним из них является создание единого следственного аппарата. Частично этот проект реализовался в связи с созданием Следственного комитета России. Но наша позиция состоит в том, что создание единого следственного органа является ошибочным шагом в реформировании досудебного производства по уголовным делам. Как утверждал А. И. Ба-

1 Бастрыкин А. И. Единый СК создадут не ранее 2012-2013 года // Известия. 2010. 12 октября.

2 Александров А. С. Нужно ли создавать ФСР? // Законность. 2002. № 11

стрыкин функции следствия полностью перейдут к СКР к 2017 году³.

Тезис о независимости следователя влечет за собой утверждение о том, что он является органом предварительного расследования, который обязан установить объективную истину. Суд становится помощником следственных органов в проведении досудебного, многогранного и объективного расследования. Такой ход рассуждений мы считаем порочным, так как создается иллюзия о следствии и следователе, которая не ничего общего не имеет с практической деятельностью, где неконтролируемый следственный аппарат очень скоро превращается в инквизитора. Как заявил недавно генеральный прокурор РФ Ю. Я. Чайка, законодатель наделил прокурора правом требовать от следователя устранить нарушение закона, но ничем не подкрепил это право. В частности, следователи могут совсем игнорировать требования о предоставлении уголовного дела или материалов досудебной проверки прокурором, в результате решения о возбуждении уголовного дела не принимаются следователями годами. «По сути, речь идет о новой форме укрывательства преступлений и ухода виновных от ответственности», – заявил Юрий Чайка, напомнив, что за это время утрачиваются доказательства или истекает срок давности. По словам генерального прокурора, законодатель недостаточно прописал полномочия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства, в результате закон не обязывает следователя направлять прокурору копии решений о продлении сроков следствия⁴.

Некоторые считают причинами нападков на СКР конкуренцию ведомств. Проблема, на наш взгляд, не в конфликте ведомств или их глав, а в системной ошибке, сделанной в 2007 году, когда разделили прокурорский надзор и следствие, когда стали создавать независимую следственную власть в лице единого СКР. Это тупиковый путь уголовно-процессуального развития. СКР как следственный орган консервирует следственную форму, этот институт не позволяет отказаться от следственного формата досудебного производства и перейти на европейский формат полицейского дознания.

Вполне согласны с мнением авторов еще одного проекта, который недавно стал предметом публичного обсуждения на сайте МАСП. Речь идет о «Доктринальной модели уголовно-процессуального доказательства права РФ», разработанная группой нижегородских процессуалистов⁵. В связи с этим можно констатировать, что появилась первая внятная концепция реформы досудебного уголовного производства, а соответственно и всего уголовного судопроизводства. Мы считаем, что оптимальный вариант модернизации досудебного производства состоит в отказе от концепции досудебного производства как одной из составляющей уголовного судопроизводства, т.е. отказе от формы предварительного следствия в его современном виде. Надо проводить системную реформу досудебного производства, коренным образом преобразовать структуру уголовного процесса: обесформить досудебное производство, вывести его за пределы процесса, «настоящего» судопроизводства, т.е. процессуальной деятельности (это означает разрыв со следственной традицией, слом традиционного правосознания).

Таким образом, необходимо законодательно разрешить полиции разными способами, не противоречащими закону, собирать информацию о событии преступления и лице, которое его совершило, т.е. раскрывать преступление. Следовательно, так должна осуществляться досудебная подготовка обвинения следователем, руководителем следственного органа и прокурором. Только после того, как будут установлены все факты для предъявления обвинения в суде, должен начинаться сам «процесс». Официальным обвинением перед судебным органом прокурор переводит отношения обвинительной власти и обвиняемого в уголовно-процессуальную, судебную сферу. И пока это не произойдет, то не должно быть никакого возбуждения уголовного дела, предварительного предъявления обвинения и пр. Все процессуальные действия должны осуществляться с участием суда.

Смеем предположить, что к числу мер по реформированию досудебного производства по уголовным делам, необходимо отнести, во-первых, депроцессуализацию деятельности органов уголовного преследования по получению доказательственной информации; во-вторых, ликвидацию стадии возбуждения уголовного дела и отказ от необходимости вынесения постановления о возбуждении уголовного дела, как условия для начала уголовно-процессуальной деятельности; в-третьих, допущение получения фактического материала относительно обеими сторонами; в-четвертых, превращение органов предварительного расследования (следствия) в полицейские органы уголовного преследования; в-пятых, организацию обвинительной власти во главе с прокуратурой как субъекта досудебного уголовного преследования и расследования.

В досудебном производстве уголовной полиции должны быть объединены оперативно-разыскная, административная и собственно уголовно-процессуальная деятельности. Разумеется, любые следственные действия, связанные с ограничением прав личности, как гласные, так и негласные, должны быть под судебным контролем.

Реформирование порядка досудебного уголовного расследования, должно быть основано на организации предварительного и уголовного производства, на условиях состязательности и равенства сторон в получении доказательств.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9.
2. Александров А. С. Нужно ли создавать ФСП? // Законность. 2002. № 11
3. Бастрыкин А. И. Единый СК создадут не ранее 2012-2013 года // Известия. 12 октября 2010 г.
4. Генпрокурор Ю. Я. Чайка обвинил следователей в укрывательстве преступлений // РБК.Daily. 2013. 19 ноября. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.rambler.ru/22242147/>
5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/1766>

3 Александров А. С. Каким не быть предварительному следствию // Государство и право. 2001. № 9.

4 Генпрокурор Ю. Я. Чайка обвинил следователей в укрывательстве преступлений // РБК.Daily. 2013. 19 ноября. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://news.rambler.ru/22242147/>

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iuaj.net/node/1766>

КИСЛИЦЫНА Наталия Феликсовна

кандидат юридических наук, ассистент кафедры международного права Российского университета дружбы народов

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА ABCD DE L'ÉGALITÉ VO ФРАНЦИИ – ПРОПАГАНДА НЕТРАДИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В данной статье проводится анализ действия правительства Франции, касающееся внедрения образовательной программы «Азбуки равенства» на национальном уровне, на соответствие международно-правовым документам, закрепляющим права человека. На основе представленной информации, обосновывается вывод о нарушении прав родителей воспитывать своих детей в соответствии со своими религиозными, философскими убеждениями. Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-33-01040.

Ключевые слова: традиционные ценности, Азбука равенства, пропаганда, нетрадиционные отношения.

Кислицына Н. Ф

KISLITSYNA Natalia Felixovna

Ph.D. in Law, assistant of International Law sub-faculty of the Peoples' Friendship University of Russia

EDUCATIONAL PROGRAM "ABCD DE L'ÉGALITÉ" IN FRANCE – NONTRADITIONAL RELATIONS' PROPAGANDA AMONG JUVENILE

This article touches upon the problem concerning nontraditional relations' propaganda among juvenile in France. French governmental actions are analyzed. On the basis of the available information author proves that there are violations of parents rights to raise the child in accordance with their religious and philosophical convictions.

Keywords: traditional values; "ABCD DE L'ÉGALITÉ"; propaganda; nontraditional relations.

За последние 15 лет, вопрос, связанный с гендерным равенством или, как говорят, с гендерной идентичностью приобретает все большую популярность среди западноевропейских государств. Все государства в один голос твердят о серьезной дискриминации в отношении представителей ЛГБТ. На законодательном уровне этих государств принимаются законы, легализующие однополые браки: Франция – 10 апреля 2013 г.¹, Шотландия – 5 февраля 2014 г.² и т.д. Причем также законодательно закрепляется право на усыновление и удочерение вновь образовавшимися т.н. «семьями». Вопрос об усыновлении детей представителями ЛГБТ, а также о пагубном влиянии указанного явления на развитие ребенка, подробно рассматривается в докладе «О нарушении прав детей при их «усыновлении» гомосексуальными союзами (однополыми партнерствами)»³, представленном российскими учеными И. В. Понкиным, Н. А. Михалевой и М. Н. Кузнецовым. До сих пор ученые спорят о том, можно ли рассматривать подобные действия государств на национальном законодательном уровне в качестве пропаганды нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних, и противоречит ли это нормам международного публичного права.

Прежде всего, следует отметить, что власти данных государств оправдывают все предпринятые ими меры борьбой с дискриминационным положением представителей ЛГБТ. Более того, различные правозащитные механизмы пытаются критиковать государства, принимающие законы, запрещающие пропаганду ЛГБТ среди детей, а также требуют предпринять меры, препятствующие вступлению таких законов в силу. Классическим примером такого поведения является позиция Управления Верховного комиссара ООН по правам человека по отношению к закону, запрещающему пропаганду нетрадиционных отношений среди несовершеннолетних.⁴ Так, например, на официальном сайте Управления Верховного комиссара ООН по правам человека в феврале 2013 года была опубликована информация следующего характера: представители УВКПЧ призвали Государственную Думу Российской Федерации воспрепятствовать реализации законопроекта, согласно которому назначаются административные штрафы за пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних, несмотря на тот факт, что он уже был одобрен Государственной Думой; указывается, что законопроект может свести на нет осуществление и поощрение прав человека в России, более того люди, представляющие ЛГБТ становятся мишенью санкций и насилия в стране; данный закон может быть ис-

1 Официальный текст закона Франции об однополых браках. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do;jsessionid=?cidTexte=JORFTEXT000027414540&dateTexte=&oldAction=rechJO&categorieLien=id>.

2 Официальный текст закона Шотландии об однополых браках. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/asp/2014/5/pdfs/asp_20140005_en.pdf.

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.state-religion.ru/files/Doklad-17-09-2013.pdf>.

4 Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Российская газета. № 6117 от 2 июля 2013 г.

пользован для чрезмерного ограничения деятельности тех, кто выступает за «права ЛГБТ»; на практике, усугубит и без того сложную ситуацию для ЛГБТ лиц, желающих выразить свою индивидуальность, и будет препятствовать организации культурных мероприятий или распространению художественных произведений, посвященных проблемам ЛГБТ.⁵

Следует также упомянуть в качестве примера ситуацию в Казахстане. Попытка принятия закона, запрещающего пропаганду прав ЛГБТ среди несовершеннолетних, не увенчалась успехом. Более того, со стороны известной неправительственной организации Amnesty International последовали недвусмысленные угрозы в адрес правительства Казахстана, в случае, если закон будет принят.⁶

Таким образом, вышеизложенный материал так или иначе указывает на однозначную позицию отдельных государств, а также различных международных механизмов⁷ по следующим вопросам: следует ли в рамках национального права принимать законы, пропагандирующие представителей ЛГБТ; необходимо ли на международном уровне закреплять и более того расширять т.н. «права ЛГБТ»; нужно ли предпринимать конкретные меры по отношению к государствам, выступающим за сохранение традиционных ценностей? К сожалению, ответ положительный.

На сегодняшний день, на наш взгляд, правительства ряда европейских государств еще больше усугубляют положение своих граждан путем вмешательства в образовательные программы. Возникает вопрос, каким образом происходит такое вмешательство. Ответ, как всегда, лежит на поверхности: с помощью министерств образования в школьные программы для детей вводятся специальные предметы, тематика которых посвящена следующим аспектам: гендерная идентичность, толерантность, пропаганда нетрадиционных отношений и т.д. При этом мало у кого из представителей международного сообщества не возникает подозрения о нарушении норм международного публичного права, прежде всего, прав ребенка. В подтверждение действий со стороны государственных органов, рассмотрим сложившуюся ситуацию во Франции.

Начиная с 2014 года, программа «Азбука равенства» (ABCD de l'égalité)⁸ на добровольных началах осуществлялась в порядке эксперимента в десяти учреждениях: Бордо, Клермон-Ферран, Кретеи, Корсика, Гваделупа, Лион, Монпелье, Нэнси-Мец, Руан, Тулуза. Инициаторами внедрения подобного рода образовательных программ являются министр образования Франции Венсан Пейон и министр по правам женщин Нажат Валло-Белькасем. Принятая образовательная программа распространяется на все возрастные группы, с самого раннего возраста - с 3 лет. Цель данной программы состоит в борьбе за преодоление неравенств в отношениях, школьных

успехах, ориентации и профессиональной карьере между девочками и мальчиками. Действие данной программы рассчитано вплоть до студенческого возраста, с применением практики заинтересованных в области образования структур. Следует отметить, что эта программа опирается на уже готовые гипотезы. Например, педагогическое пособие «Клише во всех жанрах», предназначенное для Академии Клермон-Ферран, утверждает, что «если молодые девушки лучше успевают в школе, то они выбирают часто менее перспективные секторы занятости».⁹ Между тем, по статистике l'INSEE, 61,2% студентов, обучающихся в области медицины в университете, являются женщинами. Женщины составляют и 64,7% служащих права и политических наук.¹⁰

Как показано в исследовании Министерства высшего образования и научных исследований, эти секторы являются наиболее перспективными, так как 92% студентов, получивших степень бакалавра, и 95% получивших диплом врача, трудоустроены.¹¹ Поэтому утверждение, что женщины недостаточно представлены в этих секторах, несколько лет назад, возможно, и соответствовало действительности, сегодня абсолютно не выдерживает критики.

Создается впечатление, что программа «Азбука равенства» ставит целью борьбу с вымышленными стереотипами. Например, в предложенном педагогическом пособии на сайте программы мы находим документ «Равноправные малыши»¹², который предлагает учителям различные мероприятия, такие как «пофантазировать на тему, связанную с рождением ребенка, независимо от гендерных стереотипов». Вроде бы, ничего особенного, хотя можно задаться вопросом о реальной необходимости такой работы. Детям предлагают разрисовать детскую комнату, а учителю выбрать «некоторые рисунки (предпочтительно те, что изображают предметы, нетрадиционные для оформления комнат новорожденных)» и «объяснить детям, что девочки и мальчики, независимо от пола, могут наслаждаться одними и теми же играми: в куклы, автомобили или конструкторы. При этом, они не должны скрывать своих предпочтений», поскольку градация на мальчуковые и девичьи игры - чистая условность. Более того по словам некоторых родителей, учителям предлагается с детьми от 6 до 10 лет на уроках предлагать обсудить книгу «У пингвиненка два папы». На занятиях дети должны научиться употреблять термины «гомосексуалист», «гомосексуальность» и «гей».

Правительство Франции, а также Министерство образования Франции продолжают и в 2016 году продвигать подобного рода программы. При этом само Министерство образования Франции выступает за то, чтобы позволить представителям ЛГБТ-движения давать специальные уроки в школах, на которых у детей будет формироваться положительное отношение к вопросам транссексуальности. Хотелось бы отметить, что на

5 UN rights experts advise Russian Duma to scrap bill on 'homosexuality propaganda' (Geneva, 1 February, 2013). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=12964&LangID=E#sthash.tKJMsYP4.dpuf> (дата обращения: 31.07.2015).

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amnesty.org/en/documents/eur57/1298/2015/en>.

7 См., например: Семенова Н. С. Идеология гендерного равенства в рамках реализации права на образование: международно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 59-62.

8 Образовательная программа «Азбука равенства» (ABCD de l'égalité). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vigi-gender.fr/wp-content/uploads/2014/05/Fiche-ABCD1.pdf> (дата обращения: 31.08.2016).

9 ONISEP, Filles et Garçons, Clichés en tous genres, guide à l'usage de l'équipe éducative, Académie de Clermont-Ferrand, Ministère de l'Éducation nationale, de la jeunesse et de la vie associative.

10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.insee.fr/fr/themes/document.a_sp?ref_id=T10F102 (дата обращения: 13.08.2016).

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://cache.media.enseignementsup-reche.gouv.fr/file/enquete_2012_\(master_2_009\)/64/0/Resultats_nationaux2009_232640.pdf](http://cache.media.enseignementsup-reche.gouv.fr/file/enquete_2012_(master_2_009)/64/0/Resultats_nationaux2009_232640.pdf) (дата обращения: 13.08.2016).

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ac-besancon.fr/IMG/pdf/les_pt_its_egaux_repertoire_enseignant-e-s.pdf (дата обращения 13.08.2016).

сегодняшний день программа «Азбука равенства» (ABCD de l'égalité) официально признана эффективной и востребованной. На официальном сайте Министерства образования Франции представлена табличка, указывающая на дальнейшее распространение во всех школах данной программы и изучать ее будут дети всех возрастов.¹³ Библиография, на которой базируются программы с такими названиями, как «Моя мать – женщина с бородой», «Раздеваемся догола!» или «Маленький мальчик, который любит розовый цвет», ясно демонстрирует готовность правительства внушить детям мысль о том, что нет стандарта, нет нормы, что всё, наконец, является вопросом выбора. Что касается мероприятий, запланированных для учеников, а также учебных программ для учителей, то их центральной идеей является то, что девочка обязательно «жертва системы», и, следовательно, основа идеологии гендера – это борьба за равенство полов. А значит, в вопросах обучения гендерному равенству, способствующему разрушению стереотипов и построению других моделей поведения, мы должны действовать «с самого раннего возраста».

Таким образом, мы видим, что данная образовательная программа не просто используется в качестве экспериментального образца, а конкретно и активно применяется во Франции. Возникает несколько вопросов: во-первых, устраивает ли подобная политика французского государства непосредственно французов? Во-вторых, если не устраивает, то каким образом граждане Франции высказывают свою точку зрения? В-третьих, можно ли подобного рода действия национального правительства рассматривать в качестве нарушающих международные нормы о правах человека?

Сначала нам необходимо определиться с тем, какие конкретно нормы международного права закрепляют право каждого человека на образование, что в себя это право включает. Право на образование закреплено в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Конвенции о правах ребенка 1989 г. (универсальный уровень), Протоколе №1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (региональный уровень), а также ряде других международных договоров.

К статьям Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (Пакт), положения которых закрепляют право на образование, относятся 2, 13 и 14 статьи. Статья 2 Пакта только в общих чертах устанавливает обязанность со стороны государства уважать, закреплять и обеспечивать указанные права в Пакте. Более подробно право на образование рассматривается в 13 и 14 статьях. Статья 14 Пакта устанавливает обязанность государств-участников ввести обязательное начальное образование для своих граждан. Пункт 3 статьи 13, на наш взгляд, является важным для настоящего исследования: «Участвующие в настоящем Пакте государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов, выбирать для своих детей не только учрежденные государственными властями школы, но и другие школы, отвечающие тому минимуму требований для образования, который может быть установлен или утвержден государством, и обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными

убеждениями».¹⁴ Именно в данной статье четко формулируется обязанность со стороны государств-участников уважать право родителей: во-первых, выбирать учреждение для своих детей; во-вторых, обеспечивать нравственное и религиозное воспитание своим детям в соответствии со своими собственными убеждениями. Так как Пакт является международным договором, соответственно, государства, подписавшие его, тем самым берут на себя обязательства выполнять все существующие в нем положения. Это, в свою очередь, означает, что родители – граждане каждого из государств-участников Пакта имеют полное право требовать от правительства выполнение взятых на себя обязательств. По сути, на наш взгляд, введение в качестве общеобязательной образовательной программы «Азбуки равенства» (ABCD l'égalité) прямо нарушает права родителей осуществлять воспитание в соответствии со своими убеждениями, если они не согласны с теми взглядами, которые насаждаются детям в рамках данной программы. В подтверждение негативной реакции со стороны родителей, хотелось бы привести следующие примеры. Во-первых, в апреле 2014 года официально была составлена петиция, адресованная министру образования Франции Венсану Пейону с просьбой остановить внедрение образовательной программы, так как, по мнению родителей, «данная программа направлена на деконструкцию гендерных стереотипов с раннего возраста».¹⁵ Данную петицию на сегодняшний день подписали 360 тысяч граждан Франции. Также следует отметить, что в ответ на внедрение данной образовательной программы Оппозиционный Национальный университетский союз, объединяющий специалистов в области образования, создал специальную организацию под названием «Обсерватория».¹⁶ Она была создана в марте 2013 года, когда член парламента и социалистической партии Франции Жюли Соммаруга, представила министру образования Венсану Пейону проект поправок к закону о школьном образовании, главной целью которого было внедрение в программу начальных классов понятия «равенство полов». По словам президента Национального университетского союза Оливье Виалья, «тогда мы решили действовать, чтобы объяснить французам, в чем смысл гендерной теории и что подразумевается под витиеватыми формулировками «борьба против гендерных стереотипов» и «образование, уважающее равенство полов».¹⁷

В связи с этим важно обратить внимание на статью 29 Конвенции о правах ребенка 1989 г. В ней приводится перечень того, на что собственно должно быть направлено образование по согласованию между государствами-участниками Конвенции. Так, «...образование ребенка должно быть направлено на с) воспитание уважения к родителям ребенка, его культурной самобытности, языку и ценностям, к национальным ценностям страны, в которой ребенок проживает,

13 План действий в отношении равенства между мальчиками и девочками в школе. Министерство образования Франции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.education.gouv.fr/cid80888/plan-d-action-pour-l-egalite-entre-les-filles-et-les-garcons-a-l-ecole.html> (дата обращения: 02.08.2016).

14 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. / Основные международные договоры по правам человека. Издание Организации Объединенных Наций. 2006. С. 51-76.

15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.theoriedugenre.fr/IMG/pdf/petition_tract_bh.pdf (дата обращения: 02.09.2016).

16 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.theoriedugenre.fr> (дата обращения 02.09.2015)

17 Интервью Оливье Виалья, президента Национального университетского союза «Голосу России». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://3rm.info/print:page,1,40102-francuzskih-detey-budut-razvraschat-priamo-v-shkolah.html> (дата обращения: 31.08.2016).

страны его происхождения и к цивилизациям, отличным от его собственной; d) подготовку ребенка к сознательной жизни в свободном обществе в духе понимания, мира, терпимости, равноправия мужчин и женщин и дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами, а также лицами из числа коренного населения».¹⁸ В данной статье, по нашему мнению, установление факта о том, что образование ребенка должно быть направлено не только на уважение к национальным ценностям страны проживания, но и к ценностям страны происхождения. Из этого следует, что если в школе учится ребенок, с рождения проживающий во Франции, но страной происхождения его родителей является, например, Иран, то мы получаем двоякую ситуацию, так как Иран - страна, где граждане преимущественно исповедуют ислам, относящаяся к своим традициям и обрядам достаточно ревностно. Что же мы в итоге получаем – введение в качестве обязательной образовательной программы «Азбуки равенства» (ABCD de l'égalité), правительство Франции в принудительном порядке заставляет детей, обучаемых другим ценностям и традициям, изучать подобного рода предметы. Другое дело, если речь шла о введении такой образовательной программы в качестве факультатива. К сожалению, в Конвенции о правах ребенка 1989 г. отсутствует статья, устанавливающая также как Пакт положение, указывающее на уважение прав родителей со стороны государства воспитывать своих детей в соответствии со своими философскими, религиозными убеждениями. На наш взгляд, действия властей Франции нарушают статью 29 Конвенции о правах ребенка 1989 г, а также п. 3 ст. 13 Пакта. В подтверждение данной позиции можно обратиться к судебной практике Европейского суда по права человека (ЕСПЧ) в отношении статьи 2 Протокола №1 Конвенции о правах человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ), участницей которой является Франция.

Статья 2 Протокола №1 к ЕКПЧ гласит: «никому не может быть отказано в праве на образование. Государство при выполнении любых обязанностей, которое оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать детям такое образование и обучение в соответствии со своими собственными религиозными и философскими убеждениями».¹⁹ Как отмечает в своей работе доцент Н. С. Семенова, данная статья «устанавливает два положения в праве на образование, которое гарантируется государством, а именно: роль государства и роль семьи в воспитании детей. Причем статья сформулирована таким образом, что подтверждает основной тезис о том, что именно родители несут основную ответственность за образование своих детей».²⁰ Наглядным в обсуждаемом контексте представляется дело Кэмпбелл и Козанз от 25 февраля 1982 года.²¹ В вынесенном решении, ЕСПЧ указал, что именно руководствуясь естествен-

ным долгом перед свои детьми (родители несут главную ответственность за «образование и обучение» своих детей), родители могут требовать от государства уважать их религиозные и философские убеждения. Соответственно, если родители имеют такое право, то они обладают правом его защищать и отстаивать всеми законными средствами. Следовательно, те граждане Франции, которые не согласны с введением образовательной программы «Азбуки равенства» (ABCD de l'égalité), могут требовать от государства освобождения своих детей от изучения соответствующих предметов, в частности, по средством составления петиций министру образования Франции, создания специальной организации, призванной противостоять существующим действиям правительства Франции относительно пропаганды «прав ЛГБТ» среди несовершеннолетних. На сегодняшний день, указанные действия являются способом публично и в рамках национального законодательства противостоять разрушению традиционных ценностей в процессе обучения и воспитания детей.

Пристатейный библиографический список

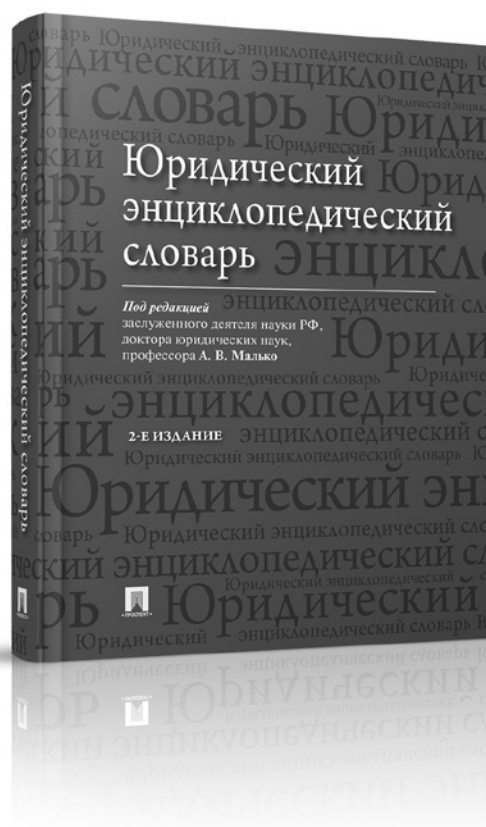
1. Семенова Н. С. Идеология гендерного равенства в рамках реализации права на образование: международно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. 2015. № 6. С. 59-62.
2. Семенова Н. С. Право на образование в международном праве // Международное право – International Law. №3 (43). 2010. С. 35-45.

18 См.: там же. С. 250.

19 Ст. 2 Протокола № 1 Европейской конвенции о правах человека и основных свобод 1950 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.coe.int> (дата обращения: 12.07.2016).

20 Семенова Н. С. Право на образование в международном праве // Международное право –International Law. №3 (43). 2010. С. 35-45.

21 Case of Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Denmark (5095/71; 5920/72; 5926/72). Judgment of the European Court of Human Rights. A23. 07.12.1976. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cmiskp.echr.coe.int/tkp197/portal.asp?sessionId=62716295&skin=hudoc-en&action=request> (дата обращения: 21.09.2016).

МИХАЙЛЕНКО Ирина Александровна

студентка 4 курса направления «Юриспруденция» института государства и права Тюменского государственного университета

ТЕПЛЯКОВА Ольга Андреевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ГРАЖДАН РОССИИ ЗА РУБЕЖОМ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ

Статья подготовлена в рамках гранта РГНФ № 14-03-00524 "Защита прав ребенка в русско-финской семье: международные стандарты, межкультурные различия, конституционно-правовое регулирование". В современном обществе растет число межнациональных браков. В такой семье ребенок воспитывается под влиянием двух разных культур, языков, религий. Авторы обращаются к вопросу: каким образом положения Конституции России защищают права несовершеннолетних граждан России, проживающих в другом государстве. Авторы отмечают ряд недостатков в существующем конституционно-правовом механизме защиты ребенка. Дети имеют равные права со взрослыми, но механизмов реализации и защиты прав их гораздо меньше. Авторы считают, что в этом случае необходимо внести изменения в законодательство, направленное на индивидуализацию данной сферы, обосновывают необходимость позитивной дискриминации в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: межнациональный брак; конституционные права несовершеннолетних; конституционно-правовой механизм защиты прав ребенка; защита несовершеннолетнего, проживающего за границей.

MIKHAILENKO Irina Alexandrovna

4th year student of the direction "Jurisprudence" of the Institute of State and Law of the Tyumen State University

TEPLYAKOVA Olga Andreevna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and Municipal Law sub-faculty of the State and Law Institute of the Tyumen State University

RUSSIAN NATIONAL MECHANISMS FOR CHILD PROTECTION ABROAD

The article is published with the support of the Russian Foundation for Humanities, project № 14-03-00524 "Protecting the rights of children in Russian-Finnish families: international standards, cultural differences, constitutional law foundations". The number of international marriages has increased in modern society. In international family the child is brought up under the influence of two different cultures, languages, and religions. The authors address the question: how does the Constitution protect the rights of Russian minor citizens living in another state. The authors note several shortcomings in the existing constitutional child protection mechanism. Children have equal rights with adults, but they have much less protection mechanisms. The authors believe it is necessary to amend the legislation of Russian Federation, aimed at improving children protection mechanisms and positive discrimination towards children.

Keywords: intermarriage, constitutional child protection mechanism, child protection, children's rights.

Ребенок в силу своего возраста и беспомощного состояния нуждается в особой защите, поскольку является наиболее уязвимым к насилию, зависимым от взрослых субъектом. Сегодня защита несовершеннолетних приобрела характер масштабной международной социально-правовой проблемы.

Конституция провозглашает Российскую Федерацию правовым государством, следовательно, права и свободы человека являются высшей ценностью общества. Часть 2 статьи 7 Конституции России провозглашает, что «в Российской Федерации... обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства...», согласно пункту 1 статьи 38 «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Данные конституционные положения являются основой для принятия государством мер по охране прав и законных интересов несовершеннолетних и закрепления правовых механизмов такой охраны.

Конституционно-правовая защита прав и свобод человека и гражданина являлась объектом исследования многих ученых¹, однако необходимо справедливо отметить, что проблеме механизма защиты прав несовершеннолетних как самостоятельных субъектов прав уделено недостаточно внимания.

В российской науке можно выделить два основных подхода к пониманию конституционного механизма защиты прав несовершеннолетних. Согласно первой концепции, сущность конституционно-правовой защиты ребенка заключается в совокупности норм, регулирующих общественные отношения, связанные с защитой детства, материнства и семьи². Второй

Михайленко И. А.

Теплякова О. А.

- 1 Уваров А. А. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты прав и свобод человека. // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. — 2010. — № 28-1. — С. 291-295.
- 2 Кузнецова О.В. Конституционно-правовая защита семьи, материнства, отцовства и детства в России: дис. ... канд. юрид. наук. —

подход рассматривает конституционно-правовую защиту как деятельность компетентных органов, должностных лиц и граждан³. Мы полагаем, что конституционно-правовая защита прав ребенка имеет нормативную и институциональную подсистемы и включает как конституционно-правовые нормы, направленные на создание условий, обеспечивающих ребенку высокий уровень правовой защищенности, а также устраняющих препятствия в реализации его субъективных прав, так и совокупность органов власти и организаций, обеспечивающих права ребенка.

На фоне развития межгосударственных связей происходит стабильное увеличение числа смешанных (межнациональных) браков, поэтому особый интерес представляют конституционно-правовые механизмы защиты прав ребенка в межнациональной семье.

Межнациональный брак – это супружеская связь, заключенная между лицами разной национальности, процесс социализации которых происходил в разных этнокультурных средах⁴. Такие браки являются сложным социокультурным, психологическим феноменом, в такой семье можно увидеть всю сложность межэтнических отношений. Несоответствие традиций, обычаев, культур, подходов к воспитанию позволяет проявиться различным этнокультурным, этнодемографическим, этносоциальным процессам. Наиболее ярко различие ценностных ориентиров проявляется в браке, где представители относятся к различным цивилизациям (восточной и западной). Если Восток сохраняет систему ценностей традиционно типа с явно выраженным патриархатом, то для Запада характерны свобода личности и равенство супругов. Принадлежность супругов к различным этническим культурам сказывается на особенностях воспитания ребенка в таких семьях.

Нередким явлением сегодня становится переезд ребенка-гражданина Российской Федерации на постоянное место жительства в другое государство-родину одного из своих родителей. В такой ситуации ребенок попадает в чуждую для себя среду. Подходы к воспитанию, уклад жизни может резко измениться, и уменьшение механизмов защиты прав несовершеннолетнего в такой ситуации только ухудшит сложившееся положение. В связи с этим возникает вопрос: как конституционно-правовые механизмы защиты распространяются на несовершеннолетних, проживающих за границей.

Статья 27 Конституции закрепляет право граждан свободно выезжать за пределы Российской Федерации, а также беспрепятственно возвращаться. Граждане, выехавшие в иностранное государство, попадают под его юрисдикцию. Тем не менее, отношения с Российской Федерацией, гражданство которой имеет выехавший, не прерываются. Статья 61 Конституции гарантирует гражданам защиту и покровительство за пределами Российской Федерации. Данные положения в равной степени распространяются как на взрослое население, так и на несовершеннолетних (независимо от возраста).

Содержание защиты и покровительства Российской Федерацией своих граждан, выехавших за границу, можно определить в нескольких аспектах: как конституционный принцип, как обязанность государства по отношению к своим гражда-

нам, как субъективное право гражданина Российской Федерации на защиту и покровительство, как право Российской Федерации по отношению к другим государствам на осуществление защиты и покровительства.

Обязанность обеспечить меры по защите возложена на дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации. Они должны содействовать тому, чтобы гражданам Российской Федерации были гарантированы возможность пользоваться в полном объеме всеми правами, установленными законодательством Российской Федерации, нормами международного права, а также законодательством того государства, в котором проживает либо находится лицо, а также были созданы условия для защиты их прав и законных интересов.

Необходимо отметить, что механизм реализации конституционно-правовой защиты граждан Российской Федерации, находящихся за ее пределами, является слабым звеном из всех элементов защиты конституционных прав граждан.

Говоря о конституционно-правовой защите несовершеннолетних, находящихся за рубежом, необходимо вновь справедливо отметить, что данный институт также не содержит какой-либо индивидуализации в отношении особо незащищенной группы граждан. Несовершеннолетние граждане Российской Федерации обладают за ее пределами теми же правами и гарантиями реализации прав, что и взрослое население, однако фактически оказываются лишенными механизмов реализации данных прав, так как в силу возраста не могут самостоятельно обратиться к компетентным в данной области должностным лицам за защитой своих прав. Это еще раз подчеркивает необходимость применения позитивной дискриминации к данной категории граждан.

Подводя итоги всему вышесказанному, хочется еще раз подчеркнуть несовершенство конституционно правовой защиты несовершеннолетних граждан. На наш взгляд, дальнейшее совершенствование законодательства, направленное на индивидуализацию данного института будет способствовать обеспечению реальной защиты прав и законных интересов детей.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамян С. К., Коперчак К. О., Рязанцева А. А. Правовой статус ребенка в России // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 4. – С. 55-57.
  2. Корнюх А. О. Межнациональный брак в контекст изучения трансформационных изменений института семьи и брака // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 12 (90). – С. 62-64.
  3. Кузнецова О. В. Конституционно-правовая защита семьи, материнства, отцовства и детства в России: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – 160 с.
  4. Лебедев В. А. Конституционные права и свободы. Монография. – М.: Проспект, 2016. – С. 208.
  5. Снежко О. А. Конституционно-правовая защита семьи // Государство и право. – 2008. – № 2. – С. 63-71.
  6. Уваров А. А. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты прав и свобод человека // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2010. – № 28-1. – С. 291-295.
- Челябинск, 2004. – С. 10; Абрамян С. К., Коперчак К. О., Рязанцева А. А. Правовой статус ребенка в России // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 4. – С. 57.
- 3 Снежко О.А. Конституционно-правовая защита семьи // Государство и право. – 2008. – № 2. – С. 63-71.
- 4 Корнюх А. О. Межнациональный брак в контекст изучения трансформационных изменений института семьи и брака // Альманах современной науки и образования. – 2014. – № 12 (90). – С. 62-64.

ДАВЛЕТШИНА Лилия Салиховна

старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФИКСАЦИИ ХОДА И РЕЗУЛЬТАТОВ ДОПРОСА

В статье рассмотрены особенности использования средств аудио-, видеофиксации при производстве допроса.

Ключевые слова: допрос, тактический прием, средства аудиозаписи, средства видеозаписи, протокол.

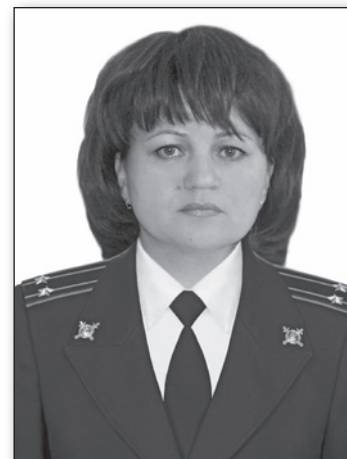
DAVLETSKHINA Liliya Salikhovna

senior lecturer of Constitutional Law sub-faculty of the Ufa Legal Institute of the MIA of Russia

SOME FEATURES OF FIXING AND RESULTS OF INTERROGATION

The article describes the features of use of the sound recording, video fixation in the production of questioning.

Keywords: examination, tactical method, sound recording tool, video fixation tool, protocol.

Давлетишина Л. С.

Как показывают результаты изучения судебно-следственной практики, использование при производстве допроса средств аудио-, видеозаписи является средством увеличения результативности и особенностей этого следственного действия.

Предпосылкой для наиболее эффективного применения средств аудио-, видеозаписи в криминалистической деятельности, стала доступность цифровых аудио- и видеозаписывающих устройств, которые имеют, в свою очередь, небольшие размеры, значительные объемы памяти и довольно высокое качество восприятия и воспроизведения информации, практически полную независимость от постоянного потребления энергии, способность снятия копий аудио-, видеофайлов на другие цифровые носители информации с намерением их последующего применения в раскрытия и расследования преступлений¹.

Как указывает Филиппов А. Г., криминалистический смысл использования средств видеозаписи при производстве допроса очевиден². Применение средств аудио-, видеозаписи в ходе производства допроса необходимо воспринимать в качестве одного из основных тактических приемов проведения данного следственного действия, который позволит следователю получить максимально объемную и необходимую вербальную информацию об обстоятельствах расследуемого уголовного дела.

Проведение допроса с применением аудио-, видеозаписывающих устройств способствует:

1) непредвзятому запечатлению той информации, которая могла быть не воспринята при производстве допроса и составлении протокола, и не запечатлена в нем;

2) устранению необоснованного утверждения допрашиваемого лица о том, что информация в протоколе не соответствует с данными им показаниями;

3) установлению экспансивного и психического состояния допрашиваемого лица, его реакции на какие-либо интересующие следователя вопросы, что представляет собой, тактической точки зрения, необходимость для оценки полученной информации;

4) составлению психологической характеристики лица, дающего показания, которая будет отражать черты его образа действий, и соответственно, высказываний (фразеологических оборотов и выражений, интонационных оттенков, наличия сленговых выражений, жаргона, акцента, и т.д.).

В криминалистической литературе рассмотрены следственные ситуации, когда при производстве допроса рекомендуется применение средств аудио-, видеозаписи. В судебно-следственной практике эти средства применяются чаще всего при допросе подозреваемых, обвиняемых и реже при допросе потерпевших и свидетелей. Наряду с этим, по нашему мнению, использование средств аудио-, видеозаписи при производстве допроса потерпевшего и свидетеля, применительно к которым для создания условий защиты следователь принимает меры для сохранения анонимности их личных сведений – не рекомендуется. В противном случае, в ходе дальнейшего информирования обвиняемого и его адвоката с материалами расследуемого дела, а также с материалами видеозаписи (в соответствии с ч. 1 ст. 217 УПК РФ), вышеуказанные потерпевший и свидетель будут установлены.

Определение тактики допроса с использованием средств аудио-, видеозаписи диагностируется изначально установившейся следственной ситуацией, особенностями расследуемого уголовного дела, процессуальным положением допрашиваемого лица. Применение аудио-, видеозаписывающей техники в ходе производства данного следственного действия требует принятия организационно-тактических решений. В связи с этим результат такого следственного действия в большинстве случаев будет зависеть от первоначальной подготовки к нему. При этом рекомендуется изначально подготовить план допроса, включающий в себя место и время проведения допроса, определение участников допроса, перечень вопросов, которые должны быть выяснены у допрашиваемого лица и т.д.

1 См. например: Имаева Ю. Б. Особенности расследования хищений с использованием банковских карт их реквизитов: монография. – Уфа: УЮИ МВД России, 2015. – С. 55.

2 См.: Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общ. ред. А. Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2014. – С. 277.

Кроме того, примеры из практики свидетельствуют о целесообразности применения средств аудио-, видеозаписи при производстве повторного и дополнительного допроса. Это подтверждается тем, что на повторных и дополнительных допросах устанавливается достоверность полученной информации. Наряду с этим, применение данных средств, при повторных и дополнительных допросах заставляет убедить дающего показания лицо не менять и не отказываться от ранее предоставленной им информации.

Кроме того, использование средств аудио-, видеозаписи обязывает следователя допрашивать лицо наиболее тактично и аккуратно, требовательнее относиться к своей речи. Интересующие следователя вопросы необходимо формулировать как можно с понятнее и доступнее для допрашиваемого, задавать четко и внятно, произнося очередной вопрос исключительно после получения ответа дающего показания лица на заданный. Не рекомендуется одним предложением выяснять сразу ряд интересующих сведений (к примеру, «С кем, когда и при каких обстоятельствах Вы накануне виделись в кафе?»).

Тактически необходимо в течение всего следственного действия с применением средств аудио-, видеозаписи поддерживать коммуникативный процесс. В ходе допроса с применением вышеуказанных технических средств, если лицо предоставляет ложные сведения, можно применить форсированный темп допроса, который обеспечит возможность следователю задать неожиданные, уточняющие или детализирующие вопросы. Нехватка времени на раздумье и подготовку позиции допрашиваемого, позволяет следователю вынудить его в данный период потерять самообладание в определенной манере поведения и, соответственно, погружает допрашиваемого в отказ от дачи недостоверной информации.

Если говорить о тактических приемах, используемых следователем во время проведения допроса, то следователь может специально допустить неточности при постановке некоторых вопросов, надеясь на тот факт, что лицо, дающее показания, само исправит данные неточности, а в последующем, верно ответит на заданный вопрос. В результате этого исключается возможность дальнейшего обращения допрашиваемого со сведениями о том, что он, якобы, излагал информацию под воздействием на него.

По окончании следственного действия аудио-, видеозапись нужно в полном объеме продемонстрировать его участникам, подтвердить ее содержимое пояснительной надписью и подписями участников данного следственного действия, а после чего оформить в виде приложения к протоколу. Протокол допроса целесообразнее оформить по окончании демонстрации аудио-, видеозаписи.

Демонстрация аудио-, видеозаписи помогает наиболее точно анализировать зафиксированные сведения, которые позволяют следователю обнаружить несходства и неточности в показаниях допрашиваемых лиц, и тем самым избавиться при последующих допросах от допущения тактических ошибок.

Аудио-, видеoinформация, которая содержит показания допрашиваемого, говорящего истину, в дальнейшем может использоваться в целях изобличения лица, предоставляющего ложную информацию, путем его воспроизведения, если производство между ними очной ставки неактуально с точки зрения тактики.

Кроме того, аудио-, видеозапись допроса также может обладать первостепенным значением для дальнейшего про-

изводства судебных экспертиз, а именно судебно-психиатрической, судебно-психологической, а так же других экспертиз³.

Таким образом, на наш взгляд, применение средств видеозаписи при производстве допроса позволяет в дальнейшем проанализировать зафиксированные в аудио-, видеофайле сведения, которые позволят следователю обнаружить несходства и неточности в показаниях допрашиваемых лиц, и установить психологическое состояние допрашиваемых лиц на определенном этапе допроса.

Технические достижения на современном этапе позволяют на более высоком уровне решать вопросы организации и деятельности следственного и судебного аппарата, вооружить следователей новыми средствами обнаружения и фиксации доказательств.

В качестве преимущества применения технических средств, в частности средств видеофиксации, хочется отметить, что доказательственная информация, полученная с их помощью, отличается объективностью, наглядностью, отсутствием искажений под воздействием времени и многократного воспроизведения.

Пристатейный библиографический список

1. Имаева Ю. Б. Особенности расследования хищений с использованием банковских карт их реквизитов: монография. – Уфа: УЮИ МВД России, 2015.
2. Криминалистика. Полный курс: учебник для вузов / под общ. ред. А. Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2014.
3. Имаева Ю. Б., Давлетшина Л. С. О некоторых особенностях взаимодействия следователя и специалиста при назначении судебных экономических экспертиз // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 3.

3 См. например: Имаева Ю. Б., Давлетшина Л. С. О некоторых особенностях взаимодействия следователя и специалиста при назначении судебных экономических экспертиз // Эксперт-криминалист. – 2011. – № 3. – С. 31-35.

ДАВЫДОВА Светлана Рамазановна

адъюнкт Уфимского юридического института МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ МАТЕРИАЛОВ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье раскрываются отдельные вопросы, связанные с применением в ходе следственных действий аудио- и видеозаписи. Исследуется проблема обеспечения достоверности полученных аудио- и видеозаписей. Автор формулирует отдельные рекомендации, направленные на обеспечение достоверности материалов аудио- и видеозаписи следственных действий.

Ключевые слова: материалы аудио- и видеозаписи, достоверность доказательств, технические средства фиксации следственных и судебных действий.

DAVYDOVA Svetlana Ramazanovna

adjunct of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ACTUAL PROBLEMS OF ENSURING THE RELIABILITY MATERIALS AUDIO AND VIDEO RECORDINGS OF INVESTIGATIVE ACTIONS

The article describes certain issues associated with the use in the process of investigative actions audio and video recordings. Explores the problem of ensuring the reliability of the obtained audio and video recordings. The author formulates some recommendations aimed at ensuring reliable audio and video recording of investigative actions.

Key words: materials audio and video recordings, the reliability of the evidence, the technical means of fixing of investigative and judicial actions.

Давыдова С. Р.

В современной науке уголовно-процессуального права достоверность доказательств, являясь одним из правил их оценки, рассматривается через призму надежности содержащихся в них сведений.

Ю. Н. Миленин абсолютно обоснованно указывает, что важнейшей проблемой обеспечения достоверности является гарантированность подлинности соответствующих документов. В связи с этим, автор отмечает, что для уголовного процесса важна не техника сама по себе, а результаты ее применения, которые должны отвечать таким принципиальным требованиям, предъявляемым к доказательствам, каковы относимость, допустимость, достоверность¹.

Для решения вопросов, связанных с обеспечением достоверности аудио- и видеодокументов как доказательств по уголовному делу, определим понятие достоверности доказательства².

Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова рассматривает достоверность как надежность, а также как нечто, не вызывающее сомнения³. Мы полагаем, что достоверность доказательств – одно из требований, предъявляемых к доказательствам уголовно-процессуальным законом, означающее соответствие доказательств реальной действительности. Недостоверное доказательство является ненадежным, поскольку устанавливает обстоятельства, относящиеся к предмету доказывания, лишь приблизительно. На основе недостоверных доказательств не может быть сделан однозначный вывод о событии преступления и его обстоятельствах. Таким образом,

достоверность аудио- и видеодокументов, как доказательств по уголовному делу, означает отсутствие сомнений по поводу соответствия содержания аудио- и видеодокумента реальным событиям.

Развитие и совершенствование научно-технических средств постепенно привело к тому, что аналоговая аудио- и видеозапись повсеместно вытесняется цифровой записью сигналов⁴, что, с одной стороны, может стать предпосылкой ее эффективного применения в уголовном процессе, а, с другой стороны, расширяет возможности фальсификации аудио- и видеодокументов. Специалисты отмечают, что при обеспечении достоверности аудио- и видеодокументов возникают проблемы как с их приобщением к материалам уголовных дел, так и при проведении их экспертных исследований⁵. Рассмотрим основные сложности, связанные с обеспечением достоверности аудио- и видеодокументов.

1. Решение вопроса о достоверности аудио- и видеодокументов как доказательств по уголовному делу осложняется распространением и доступностью аппаратно-программных средств, позволяющих их редактировать, монтировать, микшировать (производить смешение, сложение, взаимное наложение нескольких сигналов в системах звукового вещания или звукозаписи), осуществлять перезапись фонограмм и видеозаписей с измененным содержанием на иные носители. При этом для внесения изменений вполне достаточно бывает персонального компьютера с соответствующим программным обеспечением.

2. В современной криминалистической и уголовно-процессуальной литературе неоднократно отмечалось, что экс-

1 Миленин Ю. Н. Аудио и видео документы как доказательства в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2009. С.13.

2 Аминев Ф. Г., Самойлов А. Ю., Еркеев И. Х., Куприянов С. Л. Особенности предварительного исследования следов на месте преступления: методические указания. Уфа, 2012. С. 12.

3 Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2008. С.154.

4 Тульских В. Д. К проблеме использования цифровой аудио и видеозаписи в уголовном процессе // Армия и общество. 2012. №4 (32). С. 84.

5 Хаитжанов А., Глазков А. С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // НиКа. 2011. № 1. С. 221.

пертиза⁶ цифровой аудио- и видеозаписи, в отличие от аналоговой, более сложна, признаки монтажа или редактирования весьма сложно выявить экспертным путем в силу особенностей записи сигнала. Специалисты отмечают, что возможно привнесение в цифровые записи таких изменений, которые вполне могут быть технически не обнаружены⁷. Более того, те же программы дают возможность превращать аналоговые записи в цифровые, проводить их коррекцию, после чего опять приводить к аналоговому виду⁸.

3. Аудио- и видеодокументы могут быть легко изменены или уничтожены в результате некорректного их изъятия либо ошибок в процессе исследования⁹, это означает, что работать с ними и производить любые манипуляции должны только специалисты.

4. И, наконец, цифровые звукозаписывающие устройства конструктивно построены так, что они при оцифровке убирают из речевого сигнала значительное количество информации об индивидуальных свойствах голоса и речи диктора¹⁰, что, бесспорно, затрудняет решение вопроса о ее достоверности.

Нам представляется, что преодоление указанных проблем составляет задачу обеспечения достоверности материалов аудио- и видеозаписи следственных действий. С этой позиции необходимо учитывать, что основной рекомендацией, направленной на обеспечение достоверности материалов аудио- и видеозаписи, является их полнота, когда фиксации подлежат ход и результаты следственного действия или оперативного мероприятия в целом, а не его отдельные этапы или фрагменты, независимо от субъективной оценки лица, осуществляющего запись¹¹. Кроме того, обеспечение достоверности материалов аудио- и видеозаписи предполагает обязательное отражение условий, порядка и результатов их применения в протоколах следственных и судебных действий, заключениях экспертов и иных процессуальных документах. И, наконец, следует предусмотреть хранение носителей аудио- и видеозаписи в условиях, при которых невозможны внесение любых изменений и дополнений в их первоначальное содержание, а также их утрата или порча. В этой связи мы в полне согласны с высказываемым в научной литературе мнением о необходимости разработки научно обоснованных приемов работы с цифровой информацией¹².

А. Хаитжанов и А. Глазков полагают, что для исключения вероятности компьютерного редактирования цифровых записей необходимо соблюдать ряд условий: 1) после использования цифровой видеозаписи необходимо произвести ее прослушивание понятыми и другими участниками следственного действия; 2) произвести немедленное удостоверение получен-

ных цифровых данных участниками следственного действия в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 170 УПК РФ; 3) произвести упаковку и опечатывание носителей цифровой информации как приложения к протоколу следственного действия¹³.

А.В. Ростовцев предлагает использовать для создания аудио- и видеодокументов диски однократной записи (CD-R, DVD-R)¹⁴. Аналогичное предложение неоднократно высказывалось в научной литературе и к настоящему моменту поддерживается многими авторами¹⁵.

Анализ различных видов и типов электронных носителей, проведенный специалистами ФГУП «Научно-исследовательский институт репрографии», показал, что из всех существующих в настоящее время носителей наиболее пригодными для целей долгосрочного сохранения документированной информации являются оптические диски однократной записи, поскольку применяемый в них принцип физического (рельефного) нанесения информации лазерным лучом намного надежнее в плане устойчивости к внешним воздействиям, чем магнитный и полупроводниковый способ записи данных (жесткие диски, SSD-диски, флеш-носители и т.п.)¹⁶. Вместе с этим преимуществом оптические диски однократной записи защищены от повторного воздействия на изображение и (или) звук, поскольку конструктивно не допускают повторной записи, что и делает их использование в уголовном процессе наиболее предпочтительным и целесообразным.

При этом высказывается мнение, что звук или изображение, зафиксированные диктофоном, видеокамерой или другим записывающим устройством на карту памяти, будет выполнять ту же роль, что и негатив в обычной фотографии. Если же в процессе расследования или судебного рассмотрения уголовного дела возникнет вопрос о возможной фальсификации информации, он решается экспертным путем¹⁷.

На основании изложенного сформулируем собственное видение решения поставленной проблемы. Мы полагаем, что обеспечение достоверности аудио- и видеодокументов, созданных в процессе производства следственных действий или оперативных мероприятий возможно посредством соблюдения нескольких правил.

1. Протокол следственного действия должен содержать запись о проведении аудио- и (или) видеозаписи; сведения о

6 Латыпов В. С. Актуальные вопросы применения института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: уголовно-процессуальный аспект: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. С. 89.

7 Галяшина Е. И. Современные проблемы экспертного исследования звуковых следов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. №4. С. 38.

8 Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессах. М.: НОРМА, 2006.

9 Биржанов Б. К. Компьютерная информация в уголовном процессе // Вопросы современной юриспруденции. 2015. №4 (46). С. 18.

10 Хаитжанов А., Глазков А. С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // НиКа. 2011. №1. С. 222.

11 Чебогарев Р. А. Проблемы осмотра места происшествия по делам об убийствах // Общество: политика, экономика, право. 2013. №2. С.81.

12 Кушниренко С. П. Цифровая информация как самостоятельный объект криминалистического исследования // Вестник криминалистики. 2006. № 2. С. 47.

13 Хаитжанов А., Глазков А. С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // НиКа. 2011. №1. С.221.

14 Ростовцев А. В. Техничко-криминалистические методы контроля изменений цифровых изображений в судебной фотографии // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. №1. С.360-361.

15 Талалаев А. К., Евсеев Е. Е., Завалишин П. Е., Проскураков Н. Е. Мировой опыт создания и хранения информационных ресурсов в современных условиях // Известия ТулГУ. Технические науки. 2013. № 3. С. 408-421; Старичков М. В. Тактика осмотра и выемки носителей компьютерной информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. №2 (61). С. 18-26.

16 Чечуга О. В., Евсеев Е. Е., Завалишин П. Е. Современные подходы к обеспечению гарантированной безопасности важнейших видов государственных информационных ресурсов // Известия ТулГУ. Технические науки. 2014. № 3. С. 189-197, 195; Евсеев Е. Е., Завалишин П. Е., Николаев В. И., Сидякин В. И. Единый российский страховой фонд документации. Общие требования к системе хранения электронных носителей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://reprograf.ru/doc/evseev_doc1.pdf (дата обращения 16.08.2016)

17 Ростовцев А. В. Техничко-криминалистические методы контроля изменений цифровых изображений в судебной фотографии // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. №1. С.360.

применяемых технических средствах; сведения об условиях аудио- и (или) видеозаписи.

2. Аудио- и видеозапись должна осуществляться в полном объеме, а не выборочно. Если в процессе записи имели место ее остановки, в том числе и по техническим причинам, необходимо чтобы подобные факты, их причины и длительность были отражены в протоколе следственного действия.

3. Материалы аудио- и видеозаписи по окончании следственного действия и в присутствии всех его участников должны быть скопированы из памяти видеокамеры, диктофона либо иного записывающего устройства на диск однократной записи.

4. Полученные результаты должны быть прослушаны или просмотрены всеми участниками следственного действия, которые по итогам этой процедуры должны иметь право принести свои замечания, в том числе и по вопросам соответствия сведений, которые они содержат, реальным фактам или событиям, полноте и правильности отображения этих сведений. Факт просмотра или прослушивания должен быть отражен в протоколе следственного действия, также, как и замечания, поступившие относительно материалов аудио- и видеозаписи. Протокол должен содержать подписи всех лиц, ознакомившихся с материалами аудио- и видеозаписи.

5. После этого диск однократной записи должен быть упакован и опечатан в присутствии всех участников следственного действия, что должно подтверждаться их подписями на упаковке. Диск должен храниться при уголовном деле с соблюдением всех технических рекомендаций.

Мы полагаем, что выполнение всех указанных требований не позволит сомневаться в достоверности сведений, которые содержат материалы аудио- и видеозаписи следственных действий, что сделает процесс доказывания по уголовному делу более эффективным.

Пристатейный библиографический список

1. Биржанов Б. К. Компьютерная информация в уголовном процессе // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 4 (46).
2. Галяшина Е. И. Современные проблемы экспертного исследования звуковых следов // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2013. № 4.
3. Евсеев Е. Е., Завалишин П. Е., Николаев В. И., Сидякин В. И. Единый российский страховой фонд документации. Общие требования к системе хранения электронных носителей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://reprograf.ru/doc/evseev_doc1.pdf (дата обращения 16.10.2016)
4. Кушниренко С. П. Цифровая информация как самостоятельный объект криминалистического исследования // Вестник криминалистики. 2006. № 2.
5. Латыпов В. С. Актуальные вопросы применения института специальных знаний в уголовном судопроизводстве России: уголовно-процессуальный аспект: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016.
6. Миленин Ю. Н. Аудио и видео документы как доказательства в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2009.
7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2008.
8. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессах. М.: НОРМА, 2006.

9. Ростовцев А. В. Техничко-криминалистические методы контроля изменений цифровых изображений в судебной фотографии // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2010. № 1.
10. Старичков М. В. Тактика осмотра и выемки носителей компьютерной информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 2 (61).
11. Талалаев А. К., Евсеев Е. Е., Завалишин П. Е., Проскуряков Н. Е. Мировой опыт создания и хранения информационных ресурсов в современных условиях // Известия ТулГУ. Технические науки. 2013. № 3.
12. Тульских В. Д. К проблеме использования цифровой аудио и видеозаписи в уголовном процессе // Армия и общество. 2012. № 4 (32).
13. Хаитжанов А., Глазков А. С. Аудиозапись (фонограмма) как доказательство в уголовном процессе // НиКа. 2011. № 1.
14. Чеботарев Р. А. Проблемы осмотра места происшествия по делам об убийствах // Общество: политика, экономика, право. 2013. № 2.
15. Чечуга О. В., Евсеев Е. Е., Завалишин П. Е. Современные подходы к обеспечению гарантированной безопасности важнейших видов государственных информационных ресурсов // Известия ТулГУ. Технические науки. 2014. № 3.

СИДОРОВ Анатолий Станиславович

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса института Государства и права Тюменского государственного университета, адвокат Тюменской межрегиональной коллегии адвокатов

Сидоров А. С.

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ

В статье рассматриваются отдельные «ошибки» и «упущения», которые допускаются следователями в ходе расследования преступлений, и анализируются их причины. Автор приводит доводы в подтверждение позиции о том, что в большинстве случаев основной причиной, способствующей нарушениям действующего законодательства со стороны следователей, является ненадлежащий контроль и надзор за их деятельностью со стороны руководителей следственных органов, прокуроров и судов.

Ключевые слова: следователь, расследование преступлений, следственные ошибки, прокурор, суд.

SIDOROV Anatoliy Stanislavovich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Law and Process sub-faculty of the Institute of State and Law of the Tyumen State University, an advocate of the Tyumen interregional Collegium of advocates

TO THE QUESTION OF PRELIMINARY'S QUALITY OF INVESTIGATION

The paper deals with certain "mistakes" and "inactions" made by investigators during investigative actions in the course of investigation of crimes, and analyzes their causes. The author gives arguments in support of the position that in most cases the main cause of contributing to the breach of law by investigators is improper control over their activities by the heads of investigative bodies, prosecutors and courts.

Keywords: investigator, investigation of crimes, mistakes in investigative proceedings, the Prosecutor, the court.

«Принципиальное и добросовестное исполнение служебных обязанностей позволяют всем работникам следственных органов успешно выполнять поставленные задачи по защите конституционных прав граждан и интересов общества, вести бескомпромиссную борьбу с преступностью»¹.

«Сотрудники Следственного комитета России, как представители силового ведомства, отчетливо осознают свое место и роль в решении государственных задач по поддержанию и укреплению законности и правопорядка»².

«Трудно переоценить значение деятельности Следственных органов. Ваша работа требует мужества, принципиальности и высокой ответственности за принятые решения. Именно благодаря вашему профессионализму повышается качество следственной работы, растет доверие граждан к службе структуры»³.

«Повысилось качество рассмотрения следственными органами Следственного комитета сообщений о преступлениях, значительно сократилось количество необоснованных отказов

в возбуждении уголовного дела. Эта работа продолжается и направлена на неукоснительное обеспечение прав граждан»⁴.

Необходимо признать, что отчасти в этих «бравурных» утверждениях есть доля истины. И, безусловно, тот положительный опыт, который выражается в творческом походе многих следователей к исполнению своих должностных обязанностей, заслуживает пристального внимания, обобщения и распространения.

Однако нельзя игнорировать и противоположную ситуацию, связанную с «примитивным» подходом некоторых «профессионалов следствия» к качеству расследований преступлений, связанным с множеством тактических ошибок и процессуальных нарушений, допущенных при производстве следственных действий. Это объясняется тем, что эти так называемые, «следственные ошибки», «являются существенным препятствием на пути к достижению цели уголовного судопроизводства, создают сложности в эффективном выполнении задач уголовного процесса»⁵.

Стоит отметить, что проблемы, связанные с ошибками в уголовном судопроизводстве давно привлекают внимание ученых и практиков, которые обращают внимание на ряд их причин, условий возникновения, предотвращения и исправления,

1 Поздравление Александра Бастрыкина в связи с празднованием Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации. Следственный комитет Российской Федерации <http://sledcom.ru/news/item/950012> [Электронный ресурс]. – Режим доступа: (дата обращения: 21.10.2016).

2 25 июля - День сотрудника органов следствия РФ. Поздравление руководителя следственного управления СК России по Владимирской области А. В. Еланцева с профессиональным праздником // Новости Следственного комитета РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcomrf.ru/news/247368-25-iyulya---den.html> (дата обращения: 21.10.2016).

3 Г. А. Зюганов поздравляет с Днем работников следственных органов. Коммунистическая партия Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kprf.ru/party-live/cknews/157231.html> (дата обращения: 21.10.2016).

4 Поздравление Александра Бастрыкина в связи с празднованием Дня сотрудника органов следствия Российской Федерации. Следственный комитет Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sledcom.ru/news/item/950012> (дата обращения: 21.10.2016).

5 Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2000. – С. 5.

и достаточно глубоко проанализированы в юридической литературе⁶.

Вместе с тем, как отмечал выдающийся отечественный криминалист Р. С. Белкин, во-первых, «односторонность и неполноту расследования нельзя объяснять исключительно следственными ошибками... В большей своей части это – результат не ошибок, а упущений следователей (неисследованность события преступления, недостаточное исследование виновности обвиняемого, незаконные решения о приостановлении или прекращении уголовного дела и т.п.)»⁷, и, во-вторых, «односторонность и неполнота расследования, не говоря уже о существенном нарушении уголовно-процессуального закона, не являясь специфическими признаками ошибки»⁸.

В ходе осуществления полномочий защитника обвиняемых по уголовным делам автору настоящей статьи неоднократно приходится участвовать в следственных действиях при расследовании различных категорий преступлений, знакомиться с материалами уголовных дел, и дальнейшем их рассмотрении в судах, что позволило сделать следующий вывод.

По нашему мнению, тому, что некоторые недобросовестные следователи «неправильно понимают интересы службы» и свое предназначение в уголовном процессе, во многом способствует ненадлежащая оценка деятельности следователя по уголовным делам и отсутствие какого-либо адекватного реагирования на выявленные нарушения со стороны руководителей следственных органов, прокуроров и судов.

Начнем с того, что наш опыт работы по уголовным делам свидетельствует о том, что в некоторых случаях следователи не только не применяют научно разработанных криминалистических рекомендаций при производстве следственных действий, но к тому же умышленно нарушают требования уголовно-процессуального законодательства. Как правило, результатом такого отношения к делу являются ходатайства защитников обвиняемых о признании полученных доказательств недопустимыми.

Чтобы не быть голословным, приведем несколько примеров, которые подтверждают данные выводы.

Некоторое время назад автору пришлось осуществлять защиту гражданина А., который обвинялся в сбыте наркотических средств. Уголовное дело было возбуждено по результатам проверочной закупки.

Изучая материалы дела, мы обратили внимание на некоторые детали, содержащиеся в оперативно-служебных документах, составленных оперативными сотрудниками в ходе и по результатам данного оперативно-розыскного мероприятия, которые затем были использованы в доказывании.

В деле имелся акт передачи денежных средств покупателю наркотика, который действовал по поручению оперативных сотрудников. Содержание данного документа свидетельствовало о том, что ему были переданы денежные средства для приобретения двух разовых доз героина.

Однако из акта добровольной выдаче наркотических средств, составленного после реализации оперативного замысла, значилось, что покупатель после совершения сделки с продавцом добровольно выдал оперативным сотрудникам лишь одну дозу.

Допрашивая покупателя в качестве свидетеля в суде, мы задали ему вопрос о том, куда он дел вторую дозу. Был получен ответ о том, что он употребил ее внутривенно, пока шел от продавца до того места, где находились ожидавшие его оперативные сотрудники. При этом свидетель также пояснил, что сделал это с согласия оперативных сотрудников взамен на оказание «услуги» по изобличению наркосбытчика.

После этого являвшийся организатором проверочной закупки оперативный работник также был допрошен, и, как не странно, подтвердил, что действительно разрешил покупателю вторую приобретенную дозу героина использовать для собственных нужд.

На наш вопрос о том, кто уполномочил его таким образом распоряжаться бюджетными деньгами, выделенными на оперативно-розыскную деятельность, свидетель возмущенно ответил: «Если бы знали, как трудно раскрывать такие тяжкие преступления, то подобных вопросов не задавали».

По всей видимости, оперативный уполномоченный действительно был уверен в своей правоте, и даже мысли не допускал, что он в вышеуказанном случае сам совершил преступление.

Однако вернемся к результатам допроса покупателя. Отвечая на вопросы по обстоятельствам своего участия в оперативно-розыскном мероприятии, он также пояснил, что употребил приобретенный в ходе проверочной закупки героин внутривенно с помощью шприца, который имел при себе. Между тем, из акта досмотра этого свидетеля, составленного оперативными сотрудниками перед тем, как направить его к продавцу значилось, что при нем ничего нет.

Кому верить - покупателю или оперативным сотрудникам? Даже имея при себе шприц, употребить сухую фракцию смеси, в составе которой находится героин, невозможно. Напрашивался вывод: либо покупатель «употребил наркотик внутривенно» в автомашине оперативных сотрудников в их присутствии, либо они позволили сделать ему в другом месте.

Мы поделились своими сомнениями в достоверности исследуемых доказательств и их допустимости при изложенных обстоятельствах.

Однако суд эти противоречия между имеющимися доказательствами по делу проигнорировал. Не принял суд во внимание и тот факт, что в основу приговора он включил ссылку на показания свидетеля, который во время проведения оперативно-розыскного мероприятия и документировании его результатов находился в состоянии наркотического опьянения и не мог адекватно реагировать на происходящее вокруг и правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела.

Стоит добавить, что возражая против нашего ходатайства о признании недопустимыми доказательств, сформированных представителем прокуратуры – государственный обвинитель ответил, что не усматривает никаких нарушений, оперативные сотрудники действовали в рамках Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

6 См., например: Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – 240 с.; Карагодин В. Н., Морозова Е. В. Криминалистические проблемы обнаружения и устранения следственных ошибок: Учебно-практическое пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. – 22 с.; Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2000. – 256 с.; Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Екатеринбург, 2004. – 174 с. и др.

7 Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – С. 174-175.

8 Там же. – С. 166.

Таким образом, на очевидное нарушение действующего законодательства со стороны работников органа дознания и суд, и прокуратура просто «закрыли глаза»⁹.

Не менее показательны в плане оценки прокурорами и судьями «упущений», допущенных следователями, уголовное дело, участвуя в котором автор защищал в суде первой инстанции подсудимого А., обвиняемого в убийстве одного человека и покушении на убийства еще двух¹⁰.

Поскольку в ходе предварительного следствия в уголовном деле участвовал другой адвокат, наши выводы о качестве расследования и оценка собранных доказательств складывались исключительно по результатам изучения материалов, имевшихся в деле.

В частности, в материалах дела имелись протоколы предъявления обвиняемого А. для опознания двум выжившим потерпевшим (назовем их Б. и Г.).

В отношении обоих протоколов нами были заявлены ходатайства о признании их недопустимыми доказательствами и исключении их из перечня доказательств по следующим основаниям.

В предварительно допрошенный потерпевший Б. с уверенностью заявил, что сможет опознать человека, нанесшего ему удар ножом, «по лицу и волосам». Однако в ходе опознания, вместо обвиняемого А. он, как на человека, совершившего преступление, указал на другое лицо - одного из статистов.

Не смотря на то, что доказательственное значение предъявления для опознания было утеряно, следовательно, очевидно пытаясь «исправить положение», сразу же после неудавшегося опознания еще раз допросил Б., из показаний которого уже следовало: «Я не опознал А., так как раньше у него были длинные волосы».

Но даже если бы Б. и опознал А., как преступника, у стороны защиты также был повод заявить ходатайство о признании протокола предъявления для опознания недопустимым доказательством.

В соответствии со статьей 193 Уголовно-процессуального кодекса РФ опознающие предварительно допрашиваются не только об обстоятельствах, при которых они видели предъявленное для опознания лицо, но и о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Если опознающий указал на одно из представленных ему лиц, то опознающему предлагается объяснить, по каким приметам и особенностям он опознал данное лицо.

Здесь следует заметить, что, говоря о приметах и особенностях опознаваемого, законодатель, вероятнее всего, имел в виду признаки анатомических элементов внешности этого лица (причем, относящиеся согласно терминологии, используемой в криминалистической габитоскопии, к собственным – неотъемлемо принадлежащих человеку) и позволяющих идентифицировать его по этим признакам внешности.

Однако «лицо и волосы», по которым потерпевший изначально намеревался опознать преступника – это не приметы и особенности. Это элементы внешности, которые присущи любому человеку, а не идентифицирующие его признаки.

Конечно, нельзя винить потерпевшего в том, что он не назвал примет и особенностей, по которым мог бы опознать другого человека. Он не изучал криминалистику, не обладает познаниями в такой области криминалистической техники, как габитоскопия, чего не скажешь о следователе, который

по роду своей профессиональной деятельности, в отличие от потерпевшего, просто обязан обладать такими познаниями и применять их на практике. Он должен был в ходе допроса выяснить у потерпевшего, что такого «особенного» ему запомнилось в лице или волосах (прическе) лица, которое он намерен опознать.

Второму потерпевшему Г. по данному уголовному делу обвиняемый А. предъявлялся по фотографии. В этом случае основанием для признания результата опознания недопустимым доказательством явилось то, что Г. вообще предварительно перед опознанием не допрашивался, а протоколе предъявления для познания также нет упоминаний ни о каких приметах и особенностях, по которым он опознал А., как лицо, причинившее ему телесные повреждения.

Возникает вопрос: неужели следователь не знал, что в соответствии со ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса»?

Как показывает практика, нарушения следователями требований, предъявляемых к предъявлению для опознания, установленным законодателем, не единичны. Однако суды исключают результаты таких опознаний из перечня доказательств по делу крайне редко.

О ненадлежащем качестве расследования рассматриваемого уголовного дела и отсутствии реакции государственных обвинителей и судов на допущенные следователями нарушения требований уголовно-процессуального законодательства свидетельствуют и оценка результатов допросов свидетелей по данному делу.

К слову сказать, стороной обвинения к вызову в суд были заявлены свидетели в количестве 31 человека, но ни один из них в судебное заседание не явился. Суд, вопреки мнению стороны защиты огласил их показания, в результате чего выяснилось следующее.

Как оказалось, ни один из свидетелей не был очевидцем преступления. В показаниях одних значилось: «Кто-то сказал, что порезали пассажиров, и я понял, что это мог сделать А.» В связи с невозможностью допроса данных свидетелей источник их осведомленности остался не выясненным. В частности, не было установлено, кто именно им сказал, что порезали пассажиров, и на чем основаны их выводы о том, что это мог сделать именно А.

Здесь следует учесть, что в соответствии с вышеупомянутой ст. 75 УПК РФ «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» относятся к недопустимым доказательствам.

Другие свидетели ссылались лишь на потерпевшего Г., как на источник своей информированности о том, что преступление в отношении него совершил А.

Однако, как следует из материалов дела, сам Г. узнал фамилию обвиняемого А. гораздо позже, чем об этом слышали от него свидетели. Данные противоречия в показаниях также не были судом устранены в связи с невозможностью допроса данных свидетелей в суде.

Как должен в этом случае поступить суд, следуя принципу презумпции невиновности, в соответствии с которым все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, предусмотренном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого? По всей видимости, ответ очевиден.

9 Архив Калининского районного суда г. Тюмени, уг. дело № 02835.

10 Архив Ярковского районного суда Тюменской области, уг. дело №1-2/2015.

И снова возникает вопрос: а неужели следователь еще на стадии досудебного производства не мог устранить эти противоречия или конкретизировать источники информации, имеющейся у свидетелей, допросив их более подробно?

В защитительной речи по данному делу нами было обращено внимание суда и на другие «недоработки» и «просчеты» следователя.

Так, например, в ходе осмотра места происшествия был обнаружен нож, которым, по мнению стороны обвинения, были причинены телесные повреждения потерпевшим. Однако по каким-то неизвестным причинам этот нож не был предъявлен для опознания ни потерпевшим, ни свидетелям. Не была назначена медико-криминалистическая экспертиза с целью ответа на вопрос: «Этим ли ножом причинены телесные повреждения потерпевшим?». Также не была проведена и биологическая экспертиза с целью установления наличия или отсутствия крови потерпевших на указанном ноже.

И, кроме того, обвиняемый А., который, по мнению стороны обвинения, совершил указанное преступление, не был предъявлен для опознания ни одному из свидетелей.

А как должен был оценить суд результаты работы следователя еще по одному из дел¹¹, по которому уже другой гражданин (назовем его Д.) обвинялся в убийстве двух человек?

Следствие по данному делу длилось 8 месяцев. Дважды, заявляя перед судом ходатайства о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, следователь обосновывал их необходимостью назначить дактилоскопическую экспертизу с целью установления наличия или отсутствия следов папиллярных узоров, принадлежавших обвиняемому, на орудии убийства.

Оба раза в судебном заседании на наш вопрос, почему такая судебная экспертиза не была назначена ранее, следователь отвечал, что он «утерял» дактилоскопическую карту обвиняемого. Вот так просто обвиняемый стал заложником «рассеянности» следователя.

А вот еще одно дело, ярко иллюстрирующее существование рассматриваемой проблемы.

В процессе расследования уголовного дела по факту убийства один из обвиняемых (назовем его О.) и я, как его защитник, неоднократно сообщали следователю о применении к нему физических методов воздействия (пытках) со стороны оперативных сотрудников полиции в помещении подразделения уголовного розыска УМВД по Тюменской области, куда он вывезлся из изолятора временного содержания, а в последствии из следственного изолятора, для проведения следственных действий.

Опасаясь за свое здоровье, О. письменно уведомил следователя о том, что отказывается участвовать в следственных действиях, проводимых за пределами места его содержания.

Однако на все ходатайства, заявления и жалобы следователь отвечал, что он является процессуально самостоятельным лицом и сам определяет место проведения следственных действий. В связи с этим решения, действия и бездействие следователя, связанные с игнорированием ходатайств стороны защиты, обжаловались руководителю следственного органа, в органы прокуратуры, а также в суд.

Один из прокуроров, участвующих в судебном заседании по рассмотрению жалобы на незаконные действия следователя и оперативных сотрудников, заявил, что проведение следственных действий в местах содержания лиц под стражей, является нарушением действующего законодательства. Однако

наш встречный вопрос о том, с чем связано нежелание следователя допрашивать подсудимых в своем служебном кабинете и необходимость проведения следственных действий в помещении оперативного подразделения органа внутренних дел, остался без ответа.

В свою очередь, судья, который должен был дать оценку действий следователя, не выполнившего законное требование стороны защиты об обеспечении безопасности обвиняемого, в постановлении об отказе в удовлетворении жалобы констатировал: «...Обеспечение безопасности обвиняемого О., а также предупреждение и пресечение незаконных методов воздействия на него со стороны сотрудников уголовного розыска УМВД России по Тюменской области с целью понуждения к изменению показаний и отказу от адвоката А. С. Сидорова, как от защитника по уголовному делу, - в полномочия следователя не входит...».

То есть можно предположить, что на вопросы о том, «кто виноват, в том, что обвиняемый подвергся незаконным методам ведения следствия?» и «что делать в подобных случаях?» мы получили ответ, что виноватых нет и делать ничего не надо, т.к. бесполезно.

И, наконец, в завершение наших рассуждений приведем еще один, как нам кажется, интересный пример бездействия следователя, оставшегося безнаказанным.

Тобольским районным судом Тюменской области был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, гражданин Т.¹² Поводом для его привлечения к уголовной ответственности явилась дорожная ситуация, связанная с тем, что на автомобильной трассе Тюмень – Сургут потерпевшая П., управляя легковым автомобилем, выехала на полосу встречного движения, и, допустив столкновение своего автомобиля с двумя другими автомобилями, погибла. По мнению стороны обвинения, Т., также управляя легковым автомобилем, в результате обгона грузового автомобиля, двигавшегося в попутном направлении, выехал на полосу движения П., чем создал помеху движению автомобиля потерпевшей.

Вместе с тем, в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства сторона защиты неоднократно настаивала на необходимости проверки следующих версий:

- о нарушении Правил дорожного движения самой потерпевшей или другими участниками дорожного движения;
- о возможности возникновения столкновения автомобиля, которым управляла потерпевшая, с другими автомобилями в связи с технической неисправностью транспортных средств – участников ДТП;
- о том, что дорожно-транспортному происшествию могли способствовать внешние условия на участке ДТП, техническое состояние дороги и т.д.;
- о том, что дорожно-транспортному происшествию могло способствовать неудовлетворительное психофизиологическое состояние водителей транспортных средств – участников дорожно-транспортного происшествия.

Поскольку следователь изначально никаких мер, направленных на проверку данных версий не предпринимал, нами были заявлены ходатайства о назначении судебной экспертизы дорожно-транспортного происшествия, судебной автодорожной экспертизы, судебной экспертизы технического состояния транспортных средств – участников ДТП (автотехническую экспертизу), комплексной судебно-медицинской, психофизиологической и инженерной экспертизы психофизи-

11 Архив Тюменского областного суда, уг. дело № 2-52/13.

12 Архив Тобольского районного суда Тюменской области, уг. дело № 01-39/2013.

зиологического состояния потерпевшей и других участников дорожно-транспортного происшествия.

В соответствии со ст. 159 УПК РФ следователь обязан рассмотреть каждое заявленное по делу ходатайство. При этом обвиняемому и его защитнику не может быть отказано в производстве экспертизы, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, имеют значение для данного уголовного дела.

Не смотря на это, следователь отказал в удовлетворении указанных ходатайств.

Позже, допрашивая следователя в суде, мы пытались выяснить у него, на каком основании он принял решение об отказе в удовлетворении заявленных ходатайств.

В ответ суд услышал следующее: «Я не посчитал нужным этого сделать потому, что я лучше других следователей разбираюсь в автомобилях и поэтому являюсь специалистом в этом вопросе. Именно в связи с этим «меня и поставили» расследовать дела о дорожно-транспортных происшествиях. Осматривая автомобили, столкнувшиеся в результате ДТП, я увидел, что в техническом состоянии все эти автомобили были исправны». И это при том, что по внешнему виду одного только автомобиля потерпевшей было видно – он восстановлению вряд ли подлежит.

В связи с этим возникают новые вопросы: «А может быть действительно, зачем назначать по уголовным делам какие-то там экспертизы, использовать специальные познания в науке, технике искусстве или ремесле, раз сами следователи – специалисты «широкого профиля»?

К сожалению, перечисленные выше случаи не единичны. Практикующие юристы могут вспомнить десятки и даже сотни подобных примеров.

Конечно, можно было бы «списать» все «безобразия», о которых шла речь выше, на неопытность следователей. Но не получается.

Все следователи в период расследования преступлений занимали должности старших следователей (а расследовавшие дела об убийствах – еще имеют приставку «по особо важным делам»), все имеют высшее юридическое образование и стаж работы по специальности более десяти лет.

Иногда можно услышать, что проблема заключается в низком качестве профессионального образования, формализме при отборе кадров для работы в органы следствия, высокой нагрузке на следователей, отсутствии надлежащего стимулирования их труда и т.д.

Конечно же, эти проблемы существуют. Вместе с тем, главная причина низкого качества расследования преступлений, по нашему мнению, заключается совсем в другом.

Как представляется, руководители следственных подразделений, прокуроры и даже судьи, не всегда должным образом контролируют и надзирают за деятельностью следователя. Вместо того чтобы обязывать следователя своевременно исправлять выявленные нарушения, они, наоборот, стараются прикрыть очевидные его недоработки, по всей видимости, преследуя какой-то свой ведомственный интерес. По всей видимости, предположение о том, что «если судьи начнут всерьез разбирать дела и оправдывать обвиняемых, получится, что следствие работает «вхолостую», а кроме того, незаконно обвиненные смогут в массовом порядке требовать компенсаций»¹³, недалеко от истины.

В связи с этим приведем еще одну выдержку из интервью руководителя Следственного комитета А. И. Бастрыкина корреспонденту «Российской газеты»: «Сейчас контроль за следствием практически удвоен, и это хороший фильтр для очистки правосудия от заказных и прочих грязных дел. Во-первых, действуют подразделения собственного процессуального контроля. Далее по Конституции высшим органом надзора за законностью в стране является Генеральная прокуратура. Она активно ведет надзор за следствием, у нее для этого много возможностей. Если прокурор усомнится в «чистоте» какого-либо дела, он может внести представление, и руководитель заподозренного следователя обязан провести соответствующую проверку. Прокурор может не утвердить обвинительное заключение и даже отказаться от обвинения в суде».¹⁴

Многообещающее утверждение. И, возможно, обычный гражданин, не знакомый с «кухней» предварительного расследования, примет его за истину, и даже проникнется уважением к представителям закона. Однако, как показывает наш опыт, небольшая часть которого упомянута в настоящей статье, это утверждение, к сожалению, не соответствует реальному положению дел.

По всей видимости, не случайно Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем послании Федеральному Собранию призвал «шире использовать инструменты контроля за качеством следствия», «активнее использовать» отказ от утверждения обвинительного заключения и от поддержки обвинения в суде¹⁵.

И пока «пожелание» Президента не найдет отклика среди должностных лиц, «надзирающих и контролирующих инстанций», не станет действительностью, заметного улучшения качества расследования преступлений в обозримом будущем, ожидать, по всей видимости, не стоит.

Пристатейный библиографический список

1. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М), 2001. – 240 с.
2. Карагодин В. Н., Морозова Е. В. Криминалистические проблемы обнаружения и устранения следственных ошибок: Учебно-практическое пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского юридического института МВД России, 2003. – 22 с.
3. Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса. Учебное пособие / Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2000. – 256 с.
4. Морозова Е. В. Криминалистические проблемы следственных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Екатеринбург, 2004. – 174 с.

международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» 4 апреля 2012 год. // Экономика, право и доверие Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/50478200.html> (дата обращения: 21.10.2016).

- 14 Следствие с чистого листа: интервью руководитель Следственного комитета России Бастрыкина А. И. «Российской газете». // Российская газета - Федеральный выпуск №4633 (0). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2008/04/09/sledstvie.html> (дата обращения: 21.10.2016).
- 15 Послание Президента Федеральному Собранию // Президент РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 21.10.2016).

13 Из доклада научного руководителя Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге Вадима Волкова на Втором пленарном заседании XIII Апрельской

НОВИКОВА Людмила Владиславовна

кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

ЖАРКО Наталья Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Академии права и управления ФСИН России

ТАКТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОБНАРУЖЕНИЯ СЛЕДОВ ПРИ ОСМОТРЕ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Статья посвящена анализу тактических и методических приемов обнаружения следов преступления в ходе проведения осмотра места происшествия.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, обнаружение следов, орудие преступления, версии.

NOVIKOVA Lyudmila Vladislavovna

Ph.D. in Law, Deputy Head of Criminal Trial and Criminalistics sub-faculty Academies of the right and management of the FSEP of Russia

ZHARKO Natalya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal Trial and Criminalistics sub-faculty Academies of the right and management of the FSEP of Russia

TACTICAL AND METHODOLOGICAL TECHNIQUES THE IDENTIFICATION OF TRACES DURING THE INSPECTION OF THE SCENE

The article is devoted to analysis of tactical and instructional techniques to detect traces of the crime in the course of inspection of the scene.

Keywords: the inspection of the scene, the detection of traces of crime, version.

При раскрытии и расследовании преступлений большое значение имеет сохранность следов. Следы, оставленные на месте преступления, могут стать источником разнообразной информации о лице, совершившем преступление, орудии преступления, механизме преступного события и других обстоятельствах, имеющих важное значение для дела.

Основания и порядок производства осмотра предусмотрены ст.ст. 176 и 177 УПК РФ. Исходя из содержания этих статей осмотр заключается в непосредственном восприятии и исследовании обстановки места происшествия, и производится в целях обнаружения, фиксации и изъятия следов и иных вещественных доказательств, имеющих значение для выяснения характера и обстоятельств происшедшего события и установления виновных лиц.

Осмотру подвергаются места происшествий, местность, жилища, иные помещения, предметы и документы.

Одна из главных задач осмотра места происшествия заключается в том, чтобы найти и выявить относящиеся к происшествию следы. К ним, в зависимости от характера происшествия, могут относиться: следы, оставленные руками, ногами или зубами человека, частями одежды, орудиями и инструментами, оружием, транспортными средствами, животными и различными предметами. Обнаружение всевозможных следов зависит от строгого соблюдения лицами, производящими осмотр места происшествия разработанных криминалистической тактических и методических правил, которые на наш взгляд сводятся к следующему:

1) в целях обнаружения следов, поиск должен проводиться как непосредственно на месте происшествия, так и на прилегающей к нему территории;

2) осмотр места происшествия и прилегающей территории следует производить в строго установленной последовательности; вначале необходимо определить границы пространства, подлежащего осмотру, затем изучаются все строения, здания, помещения, объекты, найденные на месте происшествия¹;

3) осмотру подвергаются пути прихода и ухода преступников, а также места их проникновения в здания, хранилища, склады, отдельные помещения и т. д.; здесь могут быть обнаружены следы ног, рук, транспортных средств и др.;

4) тщательно осматриваются участки места происшествия, где наблюдаются нарушения обычной обстановки (например, взломанная дверь, пролом в стене и т.д.);

5) исходя из обстановки места происшествия строятся версии (предположения) о действиях преступников, использовании ими различных средств (инструментов, огнестрельного оружия, рычагов, отмычек и т. д.); на основе этих версий изучаются соответствующие участки места происшествия, имеющиеся на них объекты и следы;

6) при осмотре в помещении целесообразно применять концентрический способ² – начинать с входа (от двери), затем, двигаясь вдоль стен, изучать все, что встречается на пути;

Новикова Л. В.

Жарко Н. В.

1 Особенности осмотра места происшествия в условиях исправительного учреждения: учебное пособие / Н. В. Жарко, Л. В. Новикова. Рязань, 2016. С. 5.

2 Там же. С. 583.

в помещениях осматриваются также двери, окна, стены, полы, потолки, подсобные комнаты, чердаки и все находящиеся там предметы;

7) нельзя ограничиваться обнаружением следов в одном помещении; исходя из обстановки на месте происшествия, осмотр продолжают в смежных комнатах, коридорах, на лестничных площадках и маршах, во дворах домов, на прилегающих участках улиц, дорог и т. д.;

8) в целях обнаружения максимального количества следов, грамотной и квалифицированной их фиксации и дальнейшего изъятия должностные лица, производящие осмотр должны использовать при осмотре научно-технические средства, используемые для этого, и руководить действиями специалиста, участвующего в осмотре;

9) при обнаружении следов одного вида (например, следов обуви, расположенных рядом с каким-либо предметом) необходимо попытаться найти следы и другого вида (например, следы рук на предмете, около которого обнаружены следы обуви);

10) в отношении выявленных следов необходимо установить обстоятельства, подтверждающие, что эти следы действительно оставлены в момент совершения преступления (нахождение следов рук или ног в подсобном помещении магазина, из которого совершена кража);

11) для определения, не оставлены ли обнаруженные следы потерпевшим, очевидцем либо лицом, оказавшимся на месте происшествия в силу выполнения служебных обязанностей, можно воспользоваться помощью специалиста, опросить потерпевших, очевидцев и т. д., а в дальнейшем назначить, если это будет необходимо, соответствующую экспертизу;

12) для обнаружения потожировых следов рук, а также других поверхностных слабовидимых следов, и следов с незначительным рельефом (неглубоких царапин) поверхности предметов рассматриваются в косопадающих лучах света;

13) объекты осматриваются так, чтобы не повредить имеющиеся и не оставить новых следов, которые по ошибке могут быть приняты за следы преступников;

14) прозрачные предметы рассматриваются как в косопадающих лучах света, так и на просвет;

15) с целью выявления бесцветных следов рук, перчаток и босых ног объекты, на которых они предполагаются, могут обрабатываться окрашивающими веществами – порошками, парами йода и т.п.

16) если осмотр производится в ночное время или в затемненном помещении, то для обнаружения следов должны использоваться фонари, прожекторы, свет автомобильных фар и т.д.;

17) следы зубов можно обнаружить на остатках пищи (сыр, сливочное масло, огрызки яблок, овощи и т. д.), найденных на месте происшествия, а также на некоторых мелких предметах (например, на окурках);

18) для обнаружения следов транспортных средств осматриваются дороги в районе места происшествия, подъездные пути и пути, по которым могли передвигаться транспортные средства;

19) с целью обнаружения следов на месте происшествия осмотру могут подвергаться самые различные объекты – мебель (шкафы, стулья, диваны), телевизоры, посуда и другие предметы домашнего обихода, взломанные двери, окна, полы и потолки, проломанные стены и разрушенные преграды, остатки пищи, овощи, фрукты, взломанные и поврежденные замки, тара (ящики, бочки и т. д.), дорожные покрытия, мел-

кие предметы, брошенные преступниками на месте происшествия, и т.д.

Пристатейный библиографический список

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина. М.: Издательство НОРМА, 2000.
2. Особенности осмотра места происшествия в условиях исправительного учреждения: учебное пособие / Н. В. Жарко, Л. В. Новикова. Рязань, 2016.

ТРОФИМЦЕВА Светлана Юрьевна

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры общегуманитарных дисциплин Самарского юридического института ФСИН России

ИЛЮШИН Денис Анатольевич

кандидат юридических наук, полковник полиции, заместитель начальника БСТМ ГУ МВД по Самарской области

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕСТА И ВРЕМЕНИ СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется специфика конкретизации некоторых обстоятельств совершения киберпреступлений (компьютерных преступлений и преступлений, связанных с компьютерами). Выявляются наиболее сложные моменты, возникающие при расследовании данного вида преступных деяний. Затрагиваются некоторые аспекты зарубежной практики.

Ключевые слова: киберпреступления, компьютерные преступления, преступления, связанные с компьютером, обстоятельства совершения преступления, место совершения преступления, время совершения преступления.

TROFIMTSEVA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in Philosophy, associate professor, professor of Humanities Disciplines sub-faculty of the Samara Law Institute of the FSEP of Russia

ILYUSHIN Denis Anatoljevich

Ph.D. in Law, police Colonel, Deputy Head of the Bureau of Special Technical Measures of the main Department of the MIA in the Samara region

SOME ASPECTS OF IDENTIFICATION OF THE PLACE AND TIME OF CYBERCRIME COMMITTING IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the specifics of certain circumstances of cybercrime (computer crimes as well as crimes related to computers). The most problematic moments that occur when investigating this type of criminal activity are identified. Some aspects of foreign practice are analyzed.

Keywords: cybercrime, computer crime, computer-related crime, circumstances of the crime, a crime scene, time of the crime committing.

Трофимцева С. Ю.

Илюшин Д. А.

В современную эпоху наблюдается устойчивая тенденция проникновения IT-технологий в повседневную жизнь человека, что неминуемо приводит к широкому вовлечению в данную сферу различных групп людей, так или иначе задействованных в виртуальном информационном обмене.

Следующей тенденцией информационной эпохи можно считать глубокое проникновение криминалитета в IT-сферу. Постепенное смещение акцентов с человеческого фактора к фактору принятия решения интеллектуальными системами, трансформация социального статуса информации, приводят к росту IT-квалификации правонарушителя и вовлечению IT-специалистов в киберпреступность в целях посягательства на находящуюся обладании (собственности) компьютерную информацию, а также к росту числа совершённых с использованием IT-технологий злонамеренных деяний, причём их количество и спектр демонстрируют тенденцию в увеличению.

Как показало проведённое исследование, киберпреступления (компьютерные преступления и преступления, связанные с компьютерами – по международной классификации) относятся к наиболее сложным в плане квалификации общественно опасным деяниям, однако они – наиболее сложные и в плане расследования, что снижает процент их раскрываемости (на уровне 10% в 80-90-е гг. на Западе¹), и в начале XXI века указанная негативная динамика позитивной не сменилась, что связано, в том числе, с проблемами, возникшими перед следственными органами и не решёнными до настоящего момента.

Если рассматривать уголовно-процессуальные аспекты киберпреступности, то, как показало проведённое исследование, следующий ряд проблем возникает в процессе доказывания ряда обстоятельств, указанных в ч.1 ст.73 УПК РФ.

Прежде всего, по сравнению с другими преступлениями, сложности вызывает определение места преступления. К примеру, по мнению Н. П. Яблокова и Н. Мамедова, проблема заключается в несовпадении места совершения преступления и места наступления общественно опасных последствий², хотя это, скорее, можно отнести к специфике киберпреступлений. Сложности с определением реального места совершения возникают не при непосредственном доступе в компьютерную систему, а при удалённом.

В некоторых ситуациях место совершения деяния можно условно конкретизировать. К примеру, IP-адрес точки входа в компьютерную систему можно определить: информация часто регистрируется в атакованной компьютерной системе, а в сети Интернет конкретизируется IP-адрес обратившегося к данному ресурсу сетевого устройства. Соответствующий запрос в целях сужения круга подозреваемых следователь может направить провайдеру, обязанному иметь аппаратуру для юридической фиксации сетевой статистики, а после, в соответствии со ст.64 ФЗ «О связи», – оператору связи на предмет установления лица, на которого зарегистрирован IP-адрес. Определённое место жительства физического лица или юридический адрес юридического лица можно считать местом совершения преступления (установить координаты

1 Вехов В. Б. Компьютерные преступления: способы совершения методики расследования. – М., 1996. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.pravo.vuzlib.org/book_z404_page_1.html, свободный. – Язык рус., англ. – Заглавие с экрана.

2 Яблоков Н. П. Криминалистика: Теоретические, методологические и науковедческие основы криминалистики [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.be5.biz/pravo/k012/223.htm>, свободный. – Язык рус., англ. – Заглавие с экрана. Мамедов Н. Криминалистические проблемы расследования преступлений в сфере компьютерной информации // Специализированный ежемесячный журнал «ЮРИСТ». – 2008. – Сентябрь. – № 9. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://journal.zakon.kz/203375-kriminalisticheskie-problemy.html>, свободный. – Язык рус., англ. – Заглавие с экрана.

ты реальной точки входа весьма сложно при использовании ноутбука или смартфона и/или выхода в Интернет по Wi-Fi).

Можно выделить ещё ряд типовых ситуаций, создающих некоторые проблемы в определении места совершения деяния. В случае если злоумышленник использовал программы, скрывающие реальный IP-адрес (так называемые прокси-серверы или анонимайзеры), то реальное местоположение компьютера (телефона и проч.) и злоумышленника на момент окончания преступления установить невозможно.

Исходя из этого, при возникновении подобных ситуаций (и это можно отнести к специфичным чертам именно киберпреступлений) следователь, руководствуясь ст.152 УКП РФ, может считать местом совершения преступления место регистрации (фактического проживания) подозреваемого, или место регистрации (фактического проживания) потерпевшего в случае, если подозреваемый на начальных этапах расследования не установлен, либо место обнаружения потерпевшим факта деяния (к примеру, потерпевший обнаружил исчезновение средств со счёта при обращении к банковскому терминалу или факт несанкционированного доступа к своему интернет-аккаунту, используя сотовый телефон и находясь в общественном месте, в незаселённых зонах и прочее). При необходимости, на основании ст.153 УПК РФ, решение об установлении места преступления может принять руководитель следственного органа.

Следующий ряд возникающих проблем связан с транснациональным характером киберпреступлений: требуется определить, на территории какой страны преступление считается оконченным, и согласно чьим нормам права преступник подлежит ответственности. Показательным в этой связи является дело В. Левина, задержанного в Великобритании. США, а затем РФ пытались добиться его экстрадиции, но по законодательству Великобритании, если один из элементов преступления совершён на её территории, то преступление считается оконченным на её же территории, что сразу снимает рассматриваемую проблему для транснациональных деяний.

Исходя из необходимости решения указанных проблем и в целях гармонизации и интернационализации не только законодательства, но и процесса расследования, Советом Европы была разработана Рекомендация Комитета Министров стран - членов СЕ № R (95)13³ по проблемам уголовно-процессуального права, связанного с компьютерами, а в открытую для подписания в 2001 году Будапештскую Конвенцию СДСЕ № 185 о киберпреступлениях⁴ были внесены рекомендации, касающиеся норм уголовно-процессуального права. Но Конвенция вызвала претензии России⁵, и 22.03.2008 г. Президент РФ подписал соответствующее распоряжение о её ратификации⁶.

Точное время совершения преступления может иметь принципиальное значение только тогда, когда в соответствующие статьи УК РФ будут внесены изменения, влияющие на квалификацию деяния. В ряде случаев время несанкционированного доступа или время модификации конкретных компьютерных данных может быть зафиксировано самой системой, но для выявления точности её настроек необходимо проведение компьютерно-технической экспертизы (КТЭ), определяющей соответствие этих настроек реальному времени. Если был осуществлён несанкционированный доступ к интернет-аккаунту, то вместе с IP-адресом устройства у провайдера фиксируются характеристики задействованной системы, и тогда следователь реализует описанный выше алгоритм.

Ситуация с применением прокси-сервера или анонимайзера аналогична уже рассмотренной. Поскольку вредоносное

программное обеспечение оставляет следы в системе, при проведении КТЭ исследуется содержимое компьютера и точки доступа на предмет установки программ с целью исключения возможности несанкционированного удалённого использования исследованного компьютера неустановленным лицом.

В целом, следует констатировать, что до сих пор российское государство не осознаёт достаточную серьёзность данного вида преступной деятельности. Это выражается, в том числе, в отсутствии чётко выстроенной государственной системы её профилактики, предупреждения и пресечения, в отсутствии интегрированной системы взаимодействия государственных органов на различных этапах правоприменительной практики. «Универсальность» оперативного сотрудника, дознавателя, следователя, прокурора и судьи делает невозможным качественное раскрытие или рассмотрение по существу фактов преступной деятельности данной категории, поскольку понимание специфики использования IT-технологий требует специальных знаний.

Поэтому, в связи с необходимостью «кибер»-специализации правоохранительных органов, рекомендуется на базе ведомственных вузов МВД начать подготовку специалистов по борьбе с киберпреступностью, а в классических университетах – увеличить набор на специальность «Правовая информатика», особенно в свете новых требований уголовно-процессуального законодательства (в частности ст.182 УПК РФ). Кроме этого, рекомендуется ввести соответствующие штатные должности в системе правоохранительных органов РФ, а для действующих сотрудников проводить курсы повышения квалификации в объёме не менее 500 ч.

Кроме этого, в целях повышения эффективности противодействия киберпреступлениям транснационального характера, а также для пресечения злонамеренных деяний в киберсреде, наносящих реальный ущерб субъектам информационных отношений, но не криминализованных в РФ, предлагается возможным согласиться с мнением специалистов, рекомендующих России подписать и ратифицировать Будапештскую Конвенцию о киберпреступлениях, что не только позволит РФ продолжить интеграцию в европейское и мировое правовое пространство, но и поможет создать более надёжную систему по противодействию киберпреступности.

Пристатейный библиографический список

1. Распоряжение Президента РФ «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. №557-рп «О подписании конвенции о киберпреступности» 22 марта 2008 г. №144-рп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=417185;fld=134;dst=100006;rnd=0.6502687247211727>, свободный. – Язык русс., англ. – Заглавие с экрана.
2. Convention on Cybercrime, ETS No 185, Budapest, 23/11/2001 [Electronic resource]. – Mode access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm>, free. – English. – The title from the screen.
3. Recommendation No R (95)13 of the Committee of ministers to member states concerning problems of criminal procedural law connected with information technology [Electronic resource]. – Mode access: [http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/doc/cm/rec\(1995\)013_EN.asp](http://www.coe.int/t/dghl/standardsetting/media/doc/cm/rec(1995)013_EN.asp), free. – English. – The title from the screen.
4. Convention on Cybercrime, ETS No 185, Budapest, 23/11/2001 [Electronic resource]. – Mode access: <http://conventions.coe.int/Treaty/EN/Treaties/Html/185.htm>, free. – English. – The title from the screen.
5. Россия отказалась ратифицировать конвенцию СЕ о киберпреступности: Новости Интерфакса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vz.ru/news/2010/11/9/445958.html>, свободный. – Язык русс., англ. – Заглавие с экрана.
6. Распоряжение Президента РФ «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. №557-рп «О подписании конвенции о киберпреступности» 22 марта 2008 г. №144-рп [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=417185;fld=134;dst=100006;rnd=0.6502687247211727>, свободный. – Язык русс., англ. – Заглавие с экрана.
7. Яблоков, Н.П. Криминалистика: Теоретические, методологические и научные основы криминалистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.be5.biz/pravo/k012/223.htm>, свободный. – Язык русс., англ. – Заглавие с экрана.

АВДЕЕВА Елена Юрьевна

преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимского юридического института МВД России

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПОСТУПЛЕНИЯ НА СЛУЖБУ В ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В представленной статье отражены нормы действующего законодательства, которые регулируют механизм поступления граждан РФ на службу в органы внутренних дел. Рассмотрен порядок основных этапов при выборе будущих кандидатов на замещаемые должности, от момента обращения, до присвоения правового статуса сотрудника органов внутренних дел.

Ключевые слова: поступление на службу, кандидат, оформление документов, сотрудник.

AVDEEVA Elena Yurjevna

lecturer of Administrative-legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE MAIN STAGES OF ENTERING THE SERVICE IN BODIES OF INTERNAL AFFAIRS

The article reflects the current laws that govern the mechanism of admission of citizens of the Russian Federation on service in bodies of internal Affairs. The order of the main stages in the selection of future candidates for substitute positions, from the time of treatment, before assigning legal status of the bodies of internal Affairs.

Keywords: admission to the service, candidate, paperwork, employee.

Авдеева Е. Ю.

Вопросы поступления на службу в органы внутренних дел регламентированы рядом нормативных правовых актов, основными из которых являются: Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», Указ Президента Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. «Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации», Приказ МВД России от 30 ноября 2012 г. № 1065 «О некоторых вопросах назначения на должности в органах внутренних дел Российской Федерации и увольнения со службы сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», Приказ МВД России от 14 марта 2012 г. № 170 «О порядке проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации», Приказ МВД России от 18 апреля 2012 г. № 522 «Об утверждении порядка оформления личного поручительства при поступлении на службу в органы внутренних дел Российской Федерации и категории должностей при назначении на которые оформляется личное поручительство», Приказ МВД России от 30 августа 2012 г. № 827 «Об утверждении Порядка формирования кадровых резервов Министерства внутренних дел Российской Федерации, его территориальных органов и подразделений» и ряд других, нормативных документов, которые непосредственно регулируют различные стороны рассматриваемого вопроса.

Правом поступления на службу в органы внутренних дел имеют граждане Российской Федерации не моложе 18 лет, независимо от пола, расы, национальности, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, владеющие государственным языком Российской Федерации¹.

Основным фактором, который учитывается при поступлении кандидата на службу, является предельный возраст. Так для лиц, впервые поступающих на службу, на замещение должностей начальствующего состава он составляет 35 лет.

Зачисление гражданина Российской Федерации в образовательные учреждения высшего профессионального образования МВД Российской Федерации, для прохождения обучения по очной форме так же является одним из видов поступления на службу в органы внутренних дел. Предельный возраст для поступления в данные образовательные учреждения по очной форме составляет 25 лет. С момента зачисления гражданина в образовательное учреждение МВД Российской Федерации, он заключает контракт и на него распространяются все права и обязанности, которые предусмотрены действующим законодательством, в части регулирования службы в органах внутренних дел.

На первом этапе кандидат при обращении в органы внутренних дел подает заявление о приеме, пишет автобиографию, заполняет анкету и представляет документы, которые подтверждают наличие у него имеющегося образования, стажа работы, гражданства, отношение к воинской обязанности, семейного положения и ряд других документов, перечень которых утвержден законодателем.² Так же законодатель установил четкие требования, в части касающихся документов, которые не предназначены исключительно для поступления на службу в органы внутренних дел. К данному перечню относятся: паспорт гражданина Российской Федерации, документ государственного образца об образовании, документы воинского учета, трудовая книжка, документ о постановке на учет в налоговом органе, которые после заверения их копий специ-

1 Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

2 Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

алистом отдела кадров, возвращаются гражданину.³ Одновременно с этим претендент так же проходит проверку на уровень физической подготовленности и проверку по оперативным учетам, а также проводятся мероприятия на допуск будущего сотрудника к сведениям составляющих государственную тайну, но только в том случае если это предусмотрено предстоящим назначением на соответствующую должность. Данный комплекс мероприятий проходит в течении трех месяцев, в исключительных случаях, по решению уполномоченного руководителя данный срок может быть продлен еще на один месяц с обязательным письменным уведомлением гражданина.

На втором этапе изучения кандидат проходит военно-врачебную комиссию, которая направлена на изучение состояния здоровья претендента, исключения заболеваний, которые могут быть не совместимы с прохождением службы в органах внутренних дел. Важным, также является прохождение тестирования направленного на выявление потребления без назначения врача наркотических средств или психотропных веществ и злоупотребления алкоголем или токсическими веществами. Результаты прохождения медицинского и психофизиологического исследования представляются в кадровое подразделение. Заключение ЦПД о назначении кандидата на предполагаемую должность носят исключительно рекомендательный характер.

Основопологающим документом при приеме на службу является представление кандидатом личного поручительства. Требования к оформлению данного документа заключаются в предоставлении письменного обязательства действующего сотрудника органа внутренних дел, стаж службы которого составляет не менее трех лет, не имеющие дисциплинарных взысканий, наложенных в письменной форме, не состоящие в близком родстве с рекомендуемым им лицом, занимающие равнозначные или вышестоящие должности по отношению к должностному, на которого планируется назначение рекомендуемого лица.⁴

Оформление личного поручительства является мерой, которая направлена на укрепление служебной дисциплины, законности и предупреждения совершения сотрудниками преступлений и правонарушений. Поручитель несет моральную ответственность перед служебным коллективом, в котором проходит службу рекомендованное им лицо. В случае совершения рекомендованным лицом дисциплинарного проступка, правонарушения, преступления, а также расторжения контракта и увольнения в течение двух лет после поступления на службу в органы внутренних дел, поручитель привлекается в установленном порядке к дисциплинарной ответственности.

Поручительство оформляется в письменном виде и визируется руководителем отдела по работе с личным составом того подразделения, в котором проходит службу поручитель, тем самым удостоверяя подпись и сведения о поручителе. Копия поручительства приобщается к личному делу поручителя.

По окончании проведения проверок в отношении кандидата на замещаемую должность принимается одно из решений: о заключении с гражданином трудового договора с условием об испытании, предусмотренном Федеральным законом № 342 ФЗ от 30.11.2011 года; о допуске к участию в конкурсе на замещение должности в ОВД; о заключении с гражданином контракта; о направлении гражданина для поступления в образовательное учреждение высшего профессионального образования в сфере

внутренних дел для обучения по очной форме; об отказе гражданину в приеме на службу в органы внутренних дел или в направлении для поступления в образовательную организацию высшего образования федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел для обучения по очной форме.⁵

После принятия решения о заключении с гражданином контракта о прохождении службы в органах внутренних дел, он назначается стажером по соответствующей должности. При назначении кандидата стажеров в приказе о назначении на должность обязательно прописывается срок его стажировки, который может составлять от трех до шести месяцев, а также обязательно устанавливается наставник.

На период прохождения стажировки стажер выполняет обязанности и пользуется теми правами, которые прописаны в трудовом договоре, на основании которого он исполняет свои должностные обязанности. На данный срок специальное звание не присваивается. В период прохождения стажировки, стажеру категорически запрещено ношение, хранение и использование огнестрельного оружия, его участие в оперативных мероприятиях, в случае возникновения угрозы его жизни или здоровья, а также при условии, если не профессиональные действия молодого сотрудника могут привести к нарушению или ущемлению прав, свобод или законных интересов граждан. В период испытания стажер, помимо выполнения основных обязанностей, которые определены замещаемой им должностью, проходит индивидуальное обучение под руководством своего наставника. Данное обучение оформляется в виде индивидуального плана, в котором отражаются основные этапы и сроки реализации данных этапов, направленные на формирование личности будущего сотрудника. По окончании срока стажировки наставник готовит отчет об итогах наставничества, а также заключение, в котором отражены следующие рекомендации: о признании стажера выдержавшим испытание; о признании стажера не выдержавшим испытание.

На основании данного заключения начальник органа внутренних дел принимает одно из решений: о заключении контракта, либо о расторжении трудового договора, в порядке установленном трудовым законодательством РФ. Решение начальника органа внутренних дел о заключении контракта оформляется приказом, после которого стажер приобретает правовой статус сотрудника органов внутренних дел, с возложением на него прав и обязанностей в полном объеме, которые предусмотрены действующим законодательством.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
2. Приказ МВД РФ от 18 июля 2014 г. № 595 «О некоторых вопросах поступления граждан РФ на службу органы внутренних дел РФ».
3. Приказ от 18 мая 2012 г. № 522 «Об утверждении порядка оформления личного поручительства при поступлении на службу в ОВД РФ и категории должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство».

³ Там же.

⁴ Приказ от 18 мая 2012 г. № 522 «Об утверждении порядка оформления личного поручительства при поступлении на службу в ОВД РФ и категории должностей, при назначении на которые оформляется личное поручительство» // Российская газета. 2012. № 156. 12 июля.

⁵ Приказ МВД РФ от 18 июля 2014 г. № 595 «О некоторых вопросах поступления граждан РФ на службу органы внутренних дел РФ» // Российская газета. 2014. № 223. 10 октября.

ВИЧЕВА Алёна Андреевна

преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

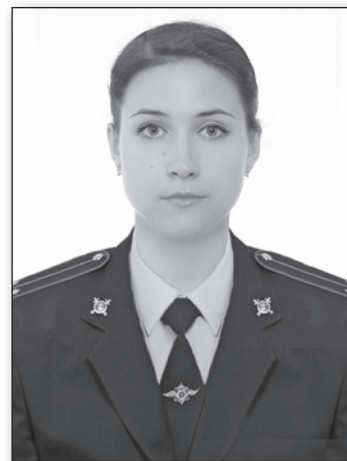
СОВМЕСТНОЕ ПРАВОВОТВОРЧЕСТВО ОВД И ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ФОРМА ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье исследовано совместное правотворчество как форма взаимодействия органов внутренних дел и органов государственной власти. Определено, что субъекты взаимодействуют в форме координации, контроля, совместной деятельности и сотрудничества. Установлено, что совместное правотворчество является первоосновой правового регламентирования каждой из форм их взаимодействия.

Ключевые слова: взаимодействие, сотрудничество, контроль, координация, совместная деятельность, правотворчество, нормотворчество, совместное правотворчество.

VICHEVA Alena Andreevna

senior lecturer of State and Civil-law Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of Russia

Вичева А. А.

JOINT LAWMAKING INTERNAL AFFAIRS AND GOVERNMENT AS A FORM OF INTERACTION

The joint law-making as a form of interaction between law enforcement bodies and public authorities is studied in the work. It has been determined that the actors interact in the form of coordination, control, collaboration and cooperation. It has been specified that the joint law-making is a fundamental principle of legal regulation of each of the forms of their interaction.

Keywords: communication, collaboration, control, coordination, collaboration, law-making, joint law-making.

Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет свою деятельность во взаимодействии с другими федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями и организациями¹. Таким образом, в рамках статьи исследуем особенности взаимодействия органов внутренних дел и органов государственной власти в сфере правотворчества.

Вопросам взаимодействия органов публичной власти в своих научных работах уделяли внимание Бакаева О. Ю., Безруков А. В., Годубев А. Г., Гусенбеков И. И., Кудинов В. В., Лобанов И. В., Пряхина Т. М., Симонова Н. В., Шилина Е. В. и др. Правотворчество как самостоятельное правовое явление и нормотворчество правоохранительных органов как его составная часть являются сферой интересов Арзамасова Ю. Г., Багдасарова В. Ю., Джафаровой Н. Т., Елеонского В. О., Карташева Н. Н., Куртяк И. В., Лапиной М. А., Марченко М. Н., Нерсисянц В. С., Сорокина В. Д., Черникова В. В. и др. Отдельные вопросы деятельности правоохранительных органов и органов государственной власти были рассмотрены Романовой А. А.², Русановой С. Ю.³.

При достаточно большом интересе отечественных исследователей к вопросам как взаимодействия органов власти, так и правотворчеству, не в полном объеме является исследованным аспект определения места правотворчества ОВД в системе форм взаимодействия органов власти.

В отечественной юридической науке существует множество определений понятий «взаимодействие», что обусловлено повышенным интересом исследователей к разработке проблемных вопросов в этой сфере. При этом следует отметить, что не смотря на большое количество научно-исследовательских работ, посвященных данной тематике единого общепринятого определения рассматриваемого понятия нет. Термин «взаимодействие» используется для определения разнообразных отношений субъектов как органов государственной власти, так и частных субъектов права. Его основное назначение проявляется в устранении ошибок и повышении качества деятельности тех субъектов, которые взаимодействуют между собой. В. В. Кудинов отмечает «взаимодействие – это деятельное проявление (в соответствии с нормами действующего законодательства) субъектов (участников) взаимодействия, согласованное по цели, основанное на кооперации, деловом сотрудничестве и взаимопомощи в интересах решения их общих задач»⁴. Данное определение исследуемого явления является,

1 Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации): указ Президента РФ от 01.03.2011 N 248 // Российская газета. – 2011. - № 43. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=186001;fld=134;from=174376-5;rnd=189271.6745378808118403;ts=01892719548655149992555> (дата обращения 27.07.2016).

2 Романова А. А. Защита прав несовершеннолетних органами внутренних дел Республики Крым // Соблюдение прав человека в деятельности сотрудников органов внутренних дел: материалы III Всероссийской заочной конференции (28 ноября 2014г., г. Краснодар). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 97-103.

3 Русанова С. Ю. Особенности конституционно-правового статуса Государственного Совета Республики Крым // Закономерности и тенденции развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (18 ноября 2014 г., г. Уфа). – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 126-128.

4 Лобанов И. В. Формы взаимодействия органов государственной власти в Российском федеративном государстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. - №2 (18). – С. 3.

на наш взгляд, более полным и раскрывающим его характерные черты.

Анализ проблемных вопросов взаимодействия органов публичной власти показал, что в современной юридической науке также нет единства в аспекте определения форм взаимодействия. Так, по мнению А. В. Безрукова, «следует различать такие формы взаимодействия, как взаимодействие при активном Центре (законодательное определение федеративных отношений), паритетное сотрудничество (сотрудничество на равных основаниях), взаимодействие с активной ролью субъектов (участие в федеральном законодательном процессе). Взаимодействие также может быть общим, межотраслевым и отраслевым (в зависимости от органов, осуществляющих взаимодействие), прямым, косвенным и промежуточным (по степени непосредственного воздействия). О. Ю. Бакаева и Е. В. Шилина называют следующие формы взаимодействия: поддержка, сотрудничество, координация усилий, совместная деятельность, взаимопроникновение. А. Г. Голубев и И. И. Гусенбеков выделяют контроль и координацию деятельности взаимодействующих субъектов»⁵. Учитывая специфику нашего исследования, соглашаемся с позицией И. В. Лобанова, который выделяет четыре формы взаимодействия органов публичной власти: контроль, координация, совместная деятельность и сотрудничество. Остановимся более детально на них. Также он отмечает, что «в современной юридической науке под государственным контролем принято понимать проводимую государственными органами проверку соответствия результатов ранее заданным параметрам»⁶. Координация же определяется «как специфический вид государственной властной деятельности, выражающейся в обеспечении единства действий органов исполнительной власти для оптимального достижения определенных целей или осуществления единой направленности в работе какой-либо отрасли или сферы государственного управления». А сотрудничество «реализуется путем заключения соглашений между органами исполнительной власти о сотрудничестве в определенной сфере управления. Совместная деятельность как форма взаимодействия органов власти предполагает выполнение каждым органом власти определенной работы с использованием собственных ресурсов в целях обеспечения функций государства. Такая совместная деятельность может осуществляться как на основе закона, так и на основе договора между ее участниками путем объединения их усилий и материальных средств»⁷. Таким образом, определим место совместного правотворчества ОВД и органов государственной власти в системе форм их взаимодействия. Для этого целесообразно охарактеризовать правотворческие функции органов внутренних дел.

В соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации утвержденным Указом Президента Российской Федерации от 01.03.2011 N 248 одной из задач Министерства внутренних дел Российской Федерации является нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел. Так, Ю. Г. Арзамасов определяет «нормотворчество органов внутренних дел как деятельность компетентных лиц в системе МВД России, представляющая собой исходный компонент механизма ведомственного правового регулирования, осуществляемая на делегированной и компетенционной основе, состоящая в установлении, изменении или отмене нормативных актов органов внутренних

дел, регулирующих как внутренние, так и внешние общественные отношения»⁸.

Отдельно отметим, что п.2 Наставления по организации правовой работы в системе МВД России, утвержденного Приказом МВД России от 05 января 2007 года №6 закрепляет нормотворческую деятельность как одно из основных направлений (видов) правовой работы в системе МВД России. При этом, п. 8 указанного Наставления закрепляет, что это деятельность направлена на разработку, изменение, признание утратившими силу или отмену правовых актов (норм права).

Исследование особенностей, принципов и стадий проведения нормотворческой работы Министерством внутренних дел России, дает возможность сделать вывод, что оно:

- издает собственные нормативные акты, т.е. осуществляет собственное или ведомственное нормотворчество. Данный вид нормотворческой деятельности обеспечивает внутреннюю регуляцию отношений. Например, Приказ МВД РФ 28 марта 2014 г. №192 «Вопросы Министерства внутренних дел по Республике Крым: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации».

- принимает участие с иными субъектами нормотворчества в процессе принятия правовых актов – осуществляет совместное нормотворчество, которое в свою очередь, возможно, разделить на два вида: «межведомственное нормотворчество – издание нормативных актов совместно с другими органами государственной власти (по вопросам пересекающейся компетенции или представляющим взаимный интерес); – участие в нормотворческой деятельности по линии других государственных органов – на стадии разработки проектов нормативных актов, их рецензирования, согласования, подготовки проектов поправок»⁹.

Остановимся более детально на межведомственном совместном нормотворчестве. Так, ярким примером данного вида правотворчества является Приказ МВД по Республике Крым, УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю, Минэкологии Республики Крым, Министерства здравоохранения Республики Крым от 03 июля 2015 г. №598/161/592/951 «О создании комиссии по уничтожению изъятых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, инструментов и оборудования, не требующих технологической обработки». Данный нормативно-правовой акт принят по вопросу пересекающейся компетенции, т.к. конфискованные или изъятые из незаконного оборота наркотиков, инструменты и оборудование, процесс уничтожения которых в соответствии с заключением комиссии, состоящей из представителей органов внутренних дел, здравоохранения и охраны окружающей среды, не требует технологической обработки, могут быть уничтожены органом, обеспечивающим их хранение. Для уничтожения наркотиков, инструментов и оборудования, не требующих технологической обработки, создается комиссия из представителей органа, осуществившего их изъятие или конфискацию, органа, обеспечивающего хранение наркотиков, инструментов и оборудования, а также органов здравоохранения и охраны окружающей среды¹⁰. На основе

5 Там же. С. 4.

6 Там же.

7 Там же. С. 6.

8 Арзамасов Ю. Г. Обеспечение прав человека и гражданина в нормотворческой деятельности органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 13-14.

9 Зокоев В. А., Дзугкоев А. К. МЧС России в механизме нормотворчества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V33/14.pdf> (дата обращения 30.07.2016).

10 Об утверждении Инструкции о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специ-

рассмотренного нормативно-правового акта МВД по Республике Крым и иных органов исполнительной власти данного субъекта Российской Федерации, возможно сделать вывод, что в рамках правотворческого процесса произошло правовое закрепление взаимодействия органов публичной власти в форме сотрудничества.

Также в качестве примера нормативного регулирования взаимодействия ОВД и органов государственной власти возможно привести:

- Приказ МВД РФ №878, ФАС РФ №215 от 30.12.2004 «Об утверждении Положения о порядке взаимодействия Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной антимонопольной службы» - взаимодействие в данной сфере осуществляется в форме контроля.

- Приказ МВД России №495, ФНС России № ММ-7-2-347 от 30.06.2009 «Об утверждении порядка взаимодействия органов внутренних дел и налоговых органов по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых правонарушений и преступлений». Исследование данного акта, показало нам, что формой взаимодействия является координация.

- Приказ МВД РФ N 948, ФНС РФ N ММ-3-6/561 от 31.10.2008 «Об утверждении Положения о взаимодействии подразделений Госавтоинспекции и налоговых органов при представлении сведений о транспортных средствах и лицах, на которых они зарегистрированы». Анализ данного нормативного акта показал, что субъекты взаимодействия осуществляют обмен сведениями о транспортных средствах и лицах, на которых они зарегистрированы в рамках четко очерченных полномочий каждого субъекта и с использованием ими исключительно собственных ресурсов. Таким образом, данный приказ регламентирует совместную деятельность Госавтоинспекции и налоговых органов.

Таким образом, на основании проведенного исследования, мы можем сделать ряд выводов:

1. Органы внутренних дел взаимодействуют с иными органами государственной власти в форме контроля, координации, сотрудничества и совместной деятельности.

2. Правовую основу взаимодействия органов внутренних дел и органов государственной власти составляют совместные нормативно-правовые акты – межведомственные приказы.

3. Совместное правотворчество органов внутренних дел и органов государственной власти является первоосновой правового регулирования каждой формы их взаимодействия.

Пристатейный библиографический список

1. Арзамасов Ю.Г. Обеспечение прав человека и гражданина в нормотворческой деятельности органов внутренних дел: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 21 с.
2. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации»): указ Президента РФ от 01.03.2011 N 248 // Российская газета. – 2011. - № 43. [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=186001;fld=134;from=174376-5;rnd=189271.6745378808118403;;ts=01892719548655149992555> (дата обращения 27.07.2016).

3. Зокоев В. А., Дзукоев А. К. МЧС России в механизме нормотворчества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.igps.ru/wp-content/uploads/V33/14.pdf>
4. Иванько И.В. Взаимодействие органов внутренних дел и органов местного самоуправления в сфере охраны общественного порядка: состояние и перспективы //Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2013. - №2 (24). – С.30-35.
5. Лобанов И.В. Формы взаимодействия органов государственной власти в Российском федеративном государстве // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2011. - №2 (18). – С. 3-8.
6. О создании комиссии по уничтожению изъятых из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ, инструментов и оборудования, не требующих технологической обработки: приказ МВД по Республике Крым, УФСБ России по Республике Крым и г. Севастополю, Минэкологии Республики Крым, Министерства здравоохранения Республики Крым от 03 июля 2015 г. №598/161/592/951. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mzdrav.rk.gov.ru/rus/file/pub/pub_252654.pdf (дата обращения 13.01.2016).
7. Об утверждении Инструкции о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения: приказ МВД РФ N 840, Минюста РФ N 320, Минздрава РФ N 388, Минэкономики РФ N 472, ГТК РФ N 726, ФСБ РФ N 530, ФПС РФ N 585 от 09.11.1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25442/ (дата обращения 29.07.2016).
8. Романова А. А. Защита прав несовершеннолетних органами внутренних дел Республики Крым // Соблюдение прав человека в деятельности сотрудников органов внутренних дел: материалы III Всероссийской заочной конференции (28 ноября 2014г., г. Краснодар). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 97-103.
9. Русанова С. Ю. Особенности конституционно-правового статуса Государственного Совета Республики Крым // Закономерности и тенденции развития науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (18 ноября 2014 г., г. Уфа). – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 126-128.

альным контролем и используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения: приказ МВД РФ N 840, Минюста РФ N 320, Минздрава РФ N 388, Минэкономики РФ N 472, ГТК РФ N 726, ФСБ РФ N 530, ФПС РФ N 585 от 09.11.1999. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25442/ (дата обращения 29.07.2016).

ЕВSIKOVA Елена Витальевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, лейтенант полиции, член Ассоциации юристов Российской Федерации в Республике Крым, член Научного совета по правотворчеству при Председателе Государственного Совета Республики Крым

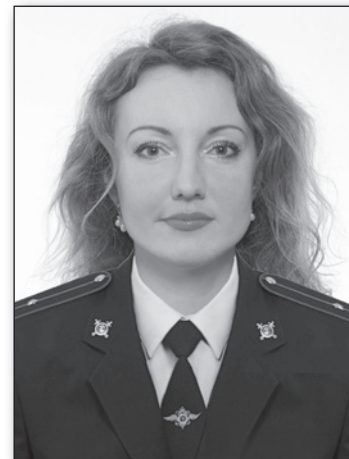
ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье раскрываются понятие и сущность предупреждения и профилактики правонарушений как одного из основных направлений деятельности полиции в Российской Федерации. На основе проведенного анализа действующего законодательства и опыта субъектов Российской Федерации в сфере обеспечения общественной безопасности, автор выделяет приоритетные направления профилактической деятельности полиции и современные подходы в их реализации.

Ключевые слова: предупреждение правонарушений, профилактика правонарушений, общественная безопасность, национальная безопасность, меры профилактики.

EVSIKOVA Elena Vitaljevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of Russia, Lieutenant of police, a member of the Association of Lawyers of the Russian Federation in the Republic of Crimea, member of the Scientific Council on the Lawmaking under the Chairman of the State Council of the Republic of Crimea

Евсикова Е. В.

PREVENTION OF OFFENCES AS ONE OF THE BASIC DIRECTIONS OF ACTIVITY OF POLICE ON PROVIDING OF PUBLIC SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the article a concept and essence of warning and prophylaxis of offences open up as one of basic directions of activity of police in Russian Federation. On the basis of the conducted analysis of current legislation and experience of subjects of Russian Federation in the field of providing of public safety, an author distinguishes priority directions of prophylactic activity of police and modern approaches in their realization.

Keywords: warning of offences, prophylaxis of offences, public safety, national safety, measures of prophylaxis.

В последнее время законодатель все больше внимания уделяет развитию законодательных норм, направленных на профилактику административных деликтов, как наиболее предпочтительное направление борьбы с этим антисоциальным и антиправовым явлением¹.

В то же время, предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений отнесены Федеральным законом «О полиции» к одним из основных направлений деятельности полиции².

Совершенствование правового регулирования предупреждения преступности (в том числе в информационной сфере) является одним из главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности в Российской Федерации согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³.

Следует отметить, что среди элементов системы борьбы с правонарушениями, их предупреждение занимает своё осо-

бое место. При этом оно считается исторически сложившимся явлением, то есть в тех или иных формах присуще любому государству на всех этапах его развития.

Предупреждение административных правонарушений выступает одной из основных задач административно-деликтного законодательства Российской Федерации наряду с защитой и охраной личности, прав и свобод человека и гражданина, здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, общественной нравственности, окружающей среды, общественного порядка и общественной безопасности, установленного порядка осуществления государственной власти, собственности, законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений.

Под предупреждением правонарушений в целом понимается основанная на нормативных правовых актах деятельность государственных органов, а также под их контролем и надзором общественных учреждений, направленная на выявление причин и условий правонарушений, и создание условий, в которых подданные путем правомерного поведения могут удовлетворять свои материальные и духовно-нравственные потребности с учетом их социального положения.

Не следует забывать, что меры административного предупреждения (административно-предупредительные меры) являются одним из видов мер административного принуждения.

- 1 Евсикова Е. В. Правовые основы профилактики административных правонарушений в Республике Крым // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 8 (99). – С. 148-150.
- 2 Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12182530/1/#block_100#ixzz4M8RbtNom.
- 3 Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz4M8TSCuFd>.

Также, следует отметить, что административно-предупредительные меры осуществляются в принудительном порядке в процессе односторонней реализации юридически властных полномочий органов исполнительной власти и их должностных лиц, несмотря на ярко выраженный профилактический характер. Они не связаны с совершением правонарушений, а направлены на их предотвращение и предшествуют применению других мер административного принуждения, реализуемых в случаях совершения административных правонарушений.

Однако, в современных условиях предпочтение отдается профилактике правонарушений как наиболее эффективному способу борьбы с этими деструктивными явлениями.

Так, обеспечение государственной и общественной безопасности осуществляется путем повышения эффективности деятельности правоохранительных органов и специальных служб, органов государственного контроля (надзора), совершенствования единой государственной системы профилактики преступности, в первую очередь среди несовершеннолетних, и иных правонарушений (включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики), разработки и использования специальных мер, направленных на снижение уровня криминализации общественных отношений⁴.

Анализ действующего законодательства Российской Федерации показывает, что законодатель при урегулировании отношений по предупреждению правонарушений применяет термин «профилактика».

Термин «профилактика» перешел из медицины и подразумевал меры, предотвращающие возникновение и распространение болезней, способствующие здоровью населения. В то же время во многих словарях термин «профилактика» рассматривается как «предупреждение», в частности, профилактика представляет собой совокупность превентивных мер, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния правопорядка, так же, как «предотвращение».

Профилактика правонарушений – это предупреждение возможной трансформации каких-то обстоятельств в причинные характеристики возможных правонарушений.

Так, например, федеральный законодатель в Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» определяет профилактику правонарушений как совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения⁵.

В свою очередь законодатель Республики Крым в Законе Республики Крым «О профилактике правонарушений в Республике Крым» определяет профилактику правонарушений как систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на предупреждение, выявление, пресече-

ние и устранение обстоятельств, способствующих их совершению⁶.

По нашему мнению, наиболее удачно содержание профилактической деятельности рассматривает С. О. Сафронов, а именно: 1) предупреждение правонарушения; 2) предотвращение ему; 3) пресечение правонарушения⁷.

Таким образом, предупреждение осуществляется тогда, когда еще не было факта посягательства на объект административно-правовой или уголовно-правовой охраны, то есть отсутствовал сам факт совершения правонарушения. Предотвращение правонарушения – на стадии подготовки к нему. Пресечение правонарушений осуществляется во время совершения незаконных действий.

В соответствии с Концепцией общественной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 14.11.2013г.⁸, основными направлениями деятельности сил обеспечения общественной безопасности, и прежде всего полиции, в пределах их компетенции в области противодействия преступным и иным противоправным посягательствам являются:

1) совершенствование системы профилактики правонарушений, включающей в себя выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также принятие мер по их устранению, реализация федеральных, региональных, муниципальных и отраслевых программ по предупреждению правонарушений, социальных и межнациональных конфликтов, привлечение граждан к участию в охране общественного порядка, развитие правовой грамотности и правосознания населения;

2) выявление лиц, склонных к совершению преступлений (в том числе страдающих заболеваниями наркоманией и алкоголизмом, лиц без определённого места жительства), и применение к ним мер профилактического воздействия в целях недопущения с их стороны преступных посягательств, развитие системы профилактического учёта лиц, склонных к совершению преступлений, и контроля за ними, совершенствование механизмов административного надзора за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы, а также механизмов их социальной адаптации и реабилитации;

3) противодействие организованной преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции, торговлей людьми, незаконным вывозом и ввозом стратегических ресурсов, причинением ущерба материальным и духовным ценностям общества;

4) профилактика дорожно-транспортных происшествий, преступлений и иных правонарушений, совершаемых по неосторожности в быту, на транспорте, при использовании техники в сферах промышленности, строительства, сельского хозяйства, а также в сфере профессиональной деятельности, не связанной с использованием управленческих функций или технических средств;

4 Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 45. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz4M8TSCuFd>.

5 Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ст. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/28/profilaktika-dok.html>.

6 Закон Республики Крым от 01 сентября 2014г. № 60-ЗПК «О профилактике правонарушений в Республике Крым», ст. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/60z.pdf>.

7 Лесько Н. В. К вопросу определения термина «Профилактика правонарушений» // Международно-исследовательский журнал. – 2014. – № 3. – С. 4-5.

8 Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/.

5) предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними, выявление и устранение причин и условий, способствующих этому;

Таким образом, одним из основных направлений деятельности по обеспечению общественной безопасности в Российской Федерации в области противодействия преступным и иным противоправным посягательствам является совершенствование системы профилактики правонарушений. Соответствующий комплекс мер включает в себя выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также принятие мер по их устранению; реализацию федеральных, региональных, муниципальных и отраслевых программ по предупреждению правонарушений; совершенствование механизмов социальной адаптации и реабилитации лиц, склонных к совершению преступлений (в том числе страдающих наркотической и алкогольной зависимостью, лиц без определенного места жительства); предупреждение безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий, совершаемых несовершеннолетними; усовершенствование системы мониторинга принимаемых в субъектах Российской Федерации мер в сфере профилактики правонарушений, включая реализацию соответствующих государственных программ и их финансовое обеспечение.

Анализ накопленного в субъектах Российской Федерации опыта позволяет выделить следующие основные направления профилактической деятельности полиции в 2015 году: 1) профилактика детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; 2) профилактика рецидивной преступности, постпенитенциарная ресоциализация лиц, освобожденных из мест лишения свободы; 3) профилактика алкоголизма и наркомании; 4) привлечение граждан к участию в охране общественного порядка и профилактике правонарушений; 5) использование в обеспечении охраны общественного порядка технических средств аппаратно-программного комплекса «Безопасный город»; 6) разработка и реализация государственных программ профилактики правонарушений, совершенствование работы межведомственных комиссий по профилактике правонарушений⁹.

Таким образом, говоря словами Президента Российской Федерации, который на расширенном заседании Коллегии МВД РФ в марте 2016 г.¹⁰ основное внимание также уделил профилактике правонарушений, следует отметить, что больше внимания необходимо уделить именно профилактике правонарушений, в том числе, среди молодежи. Люди, находящиеся в зоне риска, подверженные криминальному влиянию, должны постоянно находиться в поле зрения полиции, соответствующих структур МВД. В то же время, следует четко определить компетенцию всех субъектов профилактической деятельности: полиции, региональной и местной власти, с тем, чтобы сделать всё необходимое для эффективной реализации Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в Российской Федерации и ее субъектах.

Пристатейный библиографический список

1. Евсикова Е. В. Правовые основы профилактики административных правонарушений в Республике Крым // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 8 (99). – С. 148-150.
2. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изменениями и дополнениями), п. 1 ст.2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12182530/1/#block_100#ixzz4M8RbtHom
3. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz4M8TSCuFd>.
4. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/28/profilaktika-dok.html>.
5. Закон Республики Крым от 01 сентября 2014г. № 60-ЗРК «О профилактике правонарушений в Республике Крым». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://crimea.gov.ru/textdoc/ru/6/act/60z.pdf>.
6. Лесько Н. В. К вопросу определения термина «Профилактика правонарушений» // Международно-исследовательский журнал. – 2014. – № 3. – С. 4-5.
7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 N Пр-2685. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/.
8. Обзор о реализации в субъектах Российской Федерации мероприятий в сфере профилактики правонарушений в 2015 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/document/8109795>.
9. Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел. [15 марта 2016 года; 14:15; Москва]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515>.

9 Обзор о реализации в субъектах Российской Федерации мероприятий в сфере профилактики правонарушений в 2015 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/document/8109795>.

10 Расширенное заседание коллегии МВД. Владимир Путин принял участие в расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел. [15 марта 2016 года; 14:15; Москва]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51515>.

КУРАКОВ Денис Владимирович

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова

ЕКИМЦЕВ Сергей Валерьевич

преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова

СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с распределением полномочий по осуществлению административно-надзорных полномочий среди отдельных подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: административный надзор, участковый уполномоченный полиции, общественный порядок, общественная безопасность.

KURAKOV Denis Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of operative-investigative activity of the V. V. Lukjyanov Orel Law Institute of the MIA of Russia

EKIMTSEV Sergey Valerjevich

lecturer of operative-investigative activity of the V. V. Lukjyanov Orel Law Institute of the MIA of Russia

SUBJECTS OF ADMINISTRATIVE-SUPERVISORY ACTIVITIES POLICE

The article deals with issues related to the distribution of powers by a wasp - mentation of administrative - supervisory powers among individual units of internal affairs bodies.

Keywords: administrative supervision, the district commissioner of police, public order, public safety.

Благодаря своему положению в системе органов исполнительной власти и характеру выполняемых задач, на подразделения полиции возложены функции непосредственного осуществления административного надзора за соблюдением всеми должностными лицами и гражданами установленных правил, нормативов и стандартов, направленных на охрану поднадзорных объектов от неправомерных посягательств и обеспечения эффективности их функционирования.

Для субъектов административно-надзорной деятельности эта группа полномочий является основной в достижении целей системы административного надзора в сфере деятельности различных подразделений полиции. Соотношение всех полномочий административно-надзорных органов стоит рассматривать с той точки зрения, что административный надзор всегда выступает как деятельность по принуждению определенному правому поведению.

С. М. Зырянов считает, объектом административного надзора является частное лицо, поведение которого оценивается на соответствие правовым требованиям¹. Также, по его мнению, объект административного надзора можно соотносить с объектом административного правоотношения (то, на что направлено правоотношение – действия, поведение людей) и в результате такого сопоставления можно сделать вывод о том, что общим объектом административного надзора будет являться не просто поведение людей или организаций, а установление соответствия этого поведения нормативным требованиям (запретам, предписаниям).

Если рассматривать объект административного надзора применительно к деятельности подразделений полиции, то на наш взгляд правоотношения, возникающие между подразделениями полиции при обеспечении общественного поряд-

ка и общественной безопасности в качестве основного объекта административного надзора, а дополнительным объектом будет выступать поведение физических, юридических лиц и организаций, установленное в соответствии с нормативными требованиями законодательства.

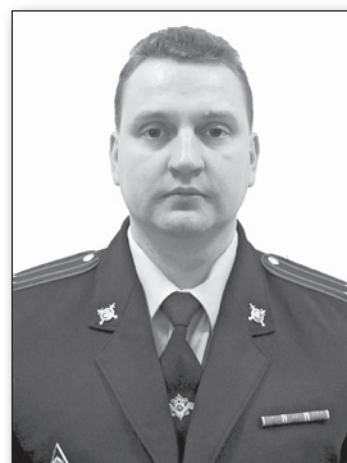
Полномочиями по осуществлению административного надзора наделены такие подразделения полиции как: подразделения государственной инспекции безопасности дорожного движения; подразделения лицензионно-разрешительной системы; подразделения патрульно-постовой службы полиции; подразделения вневедомственной охраны; участковые уполномоченные полиции.

Рассмотрим более детально полномочия указанных подразделений с целью выделения различных видов административного надзора.

В деятельности подразделений ГИБДД административный надзор применяется при осуществлении приема экзаменов по правилам дорожного движения и проверке навыков управления транспортными средствами у лиц, которые претендуют на получение права управления транспортным средством и водительское удостоверение.² При реализации указанных полномочий, подразделения ГИБДД оказывают большое воздействие на уровень аварийности на дорогах, поскольку от уровня профессиональной подготовки водительского состава

Кураков Д. В.

Екимцев С. В.

1 См.: Зырянов С. М. Административный надзор органов исполнительной власти: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010. – С. 83

2 См.: Приказ МВД России от 20 марта 2015 г. № 995 «Об утверждении административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений» / «Российская газета», № 66, 30.03.2016.

в значительной мере зависит одно из основных качеств (условий) дорожного движения – его безопасность.

В круг обязанностей по осуществлению административного надзора подразделений дорожной инспекции и организации движения ГИБДД входит согласование проектов формирования маршрутов движения общественного транспорта, принятие решений по вопросам, связанным со строительством и реконструкцией автомобильных дорог, улиц, дорожных сооружений, железнодорожных переездов, линий городского электрического транспорта, а также согласование проектов формирования маршрутов движения общественного транспорта в пределах своей компетенции, которые относятся к соблюдению требований по обеспечению безопасности дорожного движения.

На подразделения ГИБДД возложены полномочия по осуществлению административного надзора при организации сопровождения в установленном порядке опасных, крупногабаритных грузов, которые перевозятся транспортными средствами; полномочия по организации сопровождения и обеспечения безопасного движения транспортных средств специального назначения и организованных колонн³. Данный вид полномочий подразделений ГИБДД способствует обеспечению своевременного соблюдения норм установленных правилами дорожного движения и требованиями к перевозке указанных категорий грузов. Обеспечительные полномочия административного надзора применяются подразделениями ГИБДД лишь в случаях необходимости.

В сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности реализация полномочий по осуществлению административного надзора, прежде всего, возложена на подразделения Главного управления обеспечения общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подчиненные ему структурные подразделения. Реализация данных полномочий, как правило, осуществляется подразделениями патрульно-постовой службы полиции.

Охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности является важной внутренней функцией государства, выполнение которой возложено законом на полицию и является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, призванных защищать жизнь, здоровье, права и свободы граждан, собственность, интересы общества и государства от преступных и других противоправных посягательств, наделенных правом применения мер принуждения. Важная роль в охране порядка и борьбе с преступностью на улицах, в парках, скверах и в других общественных местах городов и иных населенных пунктов принадлежит патрульно-постовой службе.

Реализация полномочий по осуществлению административного надзора в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности возложена также на участковую уполномоченных полиции и подразделения Службы вневедомственной охраны при МВД России.

Большое значение в охране общественного порядка и общественной безопасности имеет деятельность участковых уполномоченных полиции, в обязанности которых входит и осуществление ряда административно-надзорных полномочий. Они осуществляют надзор за соблюдением нормативных актов, которые регулируют общественный порядок, принимают меры к охране имущества, обеспечивают соблюдение правил паспортной и разрешительных систем (проверка правил

нахождения оружия у граждан и предприятий), осуществляют надзор за безопасностью движения транспорта в пределах своего административного участка⁴.

В соответствии с приказом по организации деятельности участкового уполномоченного и основных нормативных актов, закрепляющих основные обязанности полиции, участковые уполномоченные непосредственно исполняют большинство из них на закрепленном за ним административном участке. Большинство административно-надзорных полномочий, возложенных на участкового уполномоченного реализуются в первую очередь при охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности.

При выполнении своих профессиональных обязанностей участковой уполномоченный полиции осуществляет тесное взаимодействие с различными подразделениями полиции.

Он обязан осуществлять проверки соблюдения должностными лицами и гражданами Российской Федерации установленных правил регистрационного учета. По письменным запросам Федеральной миграционной службы Российской Федерации в отношении лиц, обратившихся по вопросу приобретения гражданства Российской Федерации, проводить проверку фактического проживания данных лиц по месту регистрации, а также подтверждения их трудовой деятельности. О результатах проверки в месячный срок направлять рапорт инициатору запроса.

Совместно с сотрудниками лицензионно-разрешительных подразделений участковый уполномоченный полиции обязан участвовать не реже одного раза в год в проверках соблюдения гражданами и должностными лицами на территории административного участка правил хранения огнестрельного оружия и боеприпасов, а также правил хранения организациями взрывчатых веществ и материалов, законодательства о частной детективной и охранной деятельности. При выявлении фактов нарушений информировать об этом заинтересованные подразделения полиции для принятия мер по их устранению⁵.

При решении поставленных перед ним задач при осуществлении административного надзора, участковый уполномоченный полиции, прежде всего, обеспечивает личную и имущественную безопасность граждан, общественный порядок и общественную безопасность, а также несет ответственность за состояние охраны общественного порядка на закрепленном за ним административном участке.

Основной задачей организации и осуществления административного надзора в сфере обеспечения безопасности дорожного движения является обеспечение безопасного и бесперебойного передвижения лиц участвующих в процессе дорожного движения.

В круг обязанностей сотрудников ГИБДД по осуществлению административного надзора в сфере безопасности дорожного движения входит устранение нарушений установленных требований и принятие мер по восстановлению нормального движения транспорта и пешеходов.

При этом отметим, что обязанность ГИБДД оказывать помощь участникам дорожного движения не стоит рассматривать в виде особых полномочий. По нашему мнению, это организационные разновидности функций административно-надзора, хотя и оказывают достаточное воздействие на результат дорожного движения.

Осуществление анализа условий и состояния дорожного движения является неотъемлемым элементом осуществления административного надзора в деятельности подразделений

3 См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 17.01.2007 № 20 «Об утверждении положения о сопровождении транспортных средств автомобилями Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и Военной автомобильной инспекции». (СЗ РФ 2007. № 4. Ст. 525)

4 См.: Приказ МВД России от 31.12.2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции». «Российская газета», № 65, 27.03.2013 г.

5 См.: Приказ МВД России от 31.12.2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции». «Российская газета», № 65, 27.03.2013 г.

ГИБДД. Анализ и учету подвергаются аварийно-опасные участки дорог и улиц, места концентрации дорожно-транспортных происшествий. На этой основе разрабатываются предложения с целью совершенствования организации дорожного движения, вносятся соответствующим предприятиям, учреждениям и организациям для внедрения, контролирует их выполнение⁶. По результатам аналитической деятельности принимаются меры для устранения выявленных недостатков.

Реализация полномочий по осуществлению административного надзора подразделениями ГИБДД обеспечивает соответствующие условия для нормального процесса дорожного движения.

В процессе реализации вышеназванных полномочий Государственная инспекция безопасности дорожного движения тем самым охраняет условия нормального дорожного движения. На это по существу и направлена их надзорная деятельность.

Большое значение при осуществлении административного надзора в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности играет реализация плана единой дислокации. В соответствии с «Наставлением об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению правопорядка в общественных местах» утвержденным приказом МВД России от 29 января 2008 года № 81 силами органов внутренних дел, силы обеспечивающие правопорядок в общественных местах, подразделяются на:

1. основные (Основными силами являются строевые подразделения патрульно-постовой службы полиции общественной безопасности);

2. дополнительные (Дополнительными силами являются подразделения дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения, строевые подразделения полиции вневедомственной охраны при органах внутренних дел, подразделения органов внутренних дел на воздушном транспорте по досмотру, медицинские вытрезители и иные подразделения органов внутренних дел, задействованные в обеспечении правопорядка в общественных местах);

3. приданные (Приданными силами являются специальные моторизованные соединения и воинские части внутренних войск МВД России, соединения и воинские части оперативного назначения внутренних войск МВД России, курсанты, слушатели, преподаватели и начальствующий состав образовательных учреждений системы МВД России).⁷

Полномочия по осуществлению административного надзора в рамках единой дислокации реализуются в деятельности строевых подразделений полиции, которые принадлежат разным структурным подразделениям – это служба охраны общественного порядка и общественной безопасности и Государственной инспекции дорожного движения.

Введение в действие плана единой дислокации в пределах определенного субъекта влияет на объединение задач субъектов административного надзора по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности. В таких ситуациях, когда это необходимо сотрудники строевых подразделений дорожно-патрульной службы уполномочены осуществлять наблюдение не только за организацией дорожного движения, но и за поддержанием общественного порядка, который подтверждается наличием обязанности ГИБДД при-

нимать участие в охране общественного порядка и борьбе с преступностью.⁸ Сочетание названных задач приводит к тому, что дорожно-патрульная служба, осуществляющая одно из важнейших направлений административного надзора в сфере безопасности дорожного движения, выполняет и функции охраны общественного порядка, берет на себя соответствующие надзорные полномочия других подразделений полиции.

В свою очередь такая сфера надзора как, например, общественный порядок, связанна с общественной и личной безопасностью граждан, которая выступает как совокупная социальная ценность и охраняется не только моралью и правом, но и практической деятельностью специального государственного аппарата.⁹ Потому совершенствование административного надзора, направленного на обеспечение правопорядка в условиях растущей технической оснащенности государства и общества в целом, выражается в качестве социальной проблемы, которая требует оптимального разрешения и относительной стабилизации.

Таким образом, полномочия по осуществлению административного надзора подразделениями полиции присущи только отдельным подразделениям полиции в зависимости от решаемых ими оперативно-служебных задач (охрана общественного порядка и общественной безопасности, обеспечение безопасности дорожного движения и осуществление лицензионно-разрешительной деятельности).

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 «Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России». СЗ РФ. 2002. № 27. Ст. 2679.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 17.01.2007 № 20 «Об утверждении положения о сопровождении транспортных средств автомобилями Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации и Военной автомобильной инспекции». (СЗ РФ 2007. № 4. Ст. 525)
3. Приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 81 «Об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел РФ по обеспечению правопорядка в общественных местах».
4. Приказ МВД России от 31.12.2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции». «Российская газета», № 65, 27.03.2013 г.
5. Приказ МВД России от 20 марта 2015 г. № 995 «Об утверждении административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по проведению экзаменов на право управления транспортными средствами и выдачи водительских удостоверений» / «Российская газета», № 66, 30.03.2016.
6. Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 1 - Г., ВНИИ МВД СССР, 1981.
7. Зырянов С. М. Административный надзор органов исполнительной власти: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2010.

6 См.: Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 «Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России». СЗ РФ. 2002. № 27. Ст. 2679.

7 См.: Приказ МВД России от 29 января 2008 г. № 81 «Об организации комплексного использования сил и средств органов внутренних дел РФ по обеспечению правопорядка в общественных местах».

8 См.: Указ Президента Российской Федерации от 15 июня 1998 г. № 711 «Положение о Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России». СЗ РФ. 2002. № 27. Ст. 2679.

9 См.: Веремеенко И. И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка. Ч. 1 - Г., ВНИИ МВД СССР, 1981. - С 15.

ФАХРИСЛАМОВ Тагир Равилович

преподаватель кафедры специальной подготовки Уфимского юридического института МВД России, майор полиции

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КУРСАНТОВ МВД РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В данной статье рассматривается физическое воспитание и физическая культура курсантов МВД России в современных социально-политических и социально-экономических условиях Российской Федерации.

Ключевые слова: физическое воспитание, физическая культура, курсанты, социально-политические условия.

FAKHRISLAMOV Rustem Raisovich

lecturer of Special Training sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia, police major

PHYSICAL TRAINING OF CADETS OF THE MIA OF RUSSIA IN THE MODERN SOCIO-POLITICAL ENVIRONMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

This article discusses how physical education and physical training of cadets of the MIA of Russia in the modern socio-political and socio-economic conditions of the Russian Federation.

Key words: physical education, physical education, the students, the socio-political conditions.

Фахрисламов Т. Р.

В современной литературе много различных определений термина «физическое воспитание». В одном случае это целенаправленная, четко организованная и планомерно осуществляемая система физкультурной и спортивной деятельности, в другом – педагогический процесс, который содержит в себе две основные его составляющие: обучение и воспитание, целостность которого характеризуют явления, процессы, системы с точки зрения наличия в них основных компонентов, обеспечивающих в единстве и взаимосвязи полноценное его функционирование¹. Под физическим воспитанием курсантов МВД России подразумевается органическая составная часть общего воспитания – учебный, педагогический процесс, направленный на освоение человеком личностных ценностей физической культуры.

В современных социально-политических условиях российской действительности в системе высшего образования учебно-воспитательный процесс, направленный на удовлетворение потребности современного общества в образованных людях, способных решать производственно-экономические, научные, социально-культурные и специальные задачи, к которым относится и деятельность сотрудников органов внутренних дел. Ухудшение криминогенной обстановки в России, рост организованной преступности и преступлений, совершаемых несовершеннолетними гражданами, распространение наркомании и многое другое заставляет критически пересмотреть систему профессиональной подготовки кадров МВД России, способных на высоком профессиональном уровне постепенно ликвидировать преступность. В связи с этим вопрос кадрового обеспечения органов внутренних дел в современных условиях развития и становления российского общества имеет особую актуальность и требует поиска и развития новых подходов и технологий профессионального образования специалистов.

Традиционная система физического воспитания складывалась под влиянием практических потребностей общества. В образовательные системы физическая культура входила как средство формирования двигательных умений и навыков. При этом ее роль в интеллектуальном, нравственном и эстетическом воспитании только декларировалась. В результате произошло снижение потенциала физической культуры как важнейшей составной части сферы общей культуры человека и его самостоятельной деятельности в ней, обеспечивающей физическое самосовершенствование.

Общее содержание требований к физическому воспитанию курсантов образовательных учреждений МВД России и физической подготовке сотрудников ОВД на протяжении многих лет кардинально не изменяется, а лишь дифференцируется в плане предназначения, особенностей и специфики прохождения службы².

Деятельность сотрудника полиции протекает на фоне больших психических нагрузок. Она требует высокой профессиональной подготовленности и развитых морально-волевых качеств. Возможность возникновения экстремальных ситуаций остро ставит вопрос о физической подготовленности каждого сотрудника полиции.

В современных условиях основной целью физического воспитания курсантов образовательных учреждений МВД России является обеспечение такого уровня физической подготовленности, который необходим для выполнения служебных задач в соответствии с их будущим предназначением. Анализ учебно-воспитательного процесса в образовательных учреждениях показал, что традиционная система физического воспитания в целом обеспечивает формирование двигательных навыков и физических качеств, необходимых курсантам в будущей профессиональной деятельности³.

1 Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта: Учебное пособие. М.: Академия, 2001. 480 с.

2 Число А. И. Профессионализм и деятельность сотрудников милиции: научное издание. СПб: СПб университет МВД России, 2001. С. 57.

3 Выдрин В. М. Неспециальное (непрофессиональное) физкультурное образование // Теория и практика физической культуры. 1995.

Физическое воспитание курсантов в образовательных учреждениях организационно проводится согласно руководящим документам в следующих формах: учебные физические занятия, утренняя физическая зарядка, физическая тренировка в процессе вне учебного времени. В современной теории физической культуры классифицируют две характерные формы построения занятия: урочное и неурочное⁴.

Функция приоритетных знаний в области физической культуры, как считают специалисты в данной области, является основой интеллектуальных и психических новообразований личности обучающегося. Этот факт, в свою очередь, является основой активизации и мотивационной сферы личности, обеспечивающей двигательную активность, стремление к ведению здорового образа жизни и, как результат, – эффективную профессиональную деятельность и профессиональный рост⁵.

Анализ состояния физической подготовки будущих сотрудников полиции показал, что, сам процесс физической подготовки обучающихся направлен на решение общих задач учебно-воспитательного процесса в образовательном учреждении и на решение задач в интересах оперативно-служебной деятельности. Занятия по физической подготовке направлены на поддержание высокого уровня умственной и физической работоспособности, а также на развитие профессионально-значимых двигательных умений и навыков. Они восполняют недостаток двигательной активности и физических нагрузок, возникающих у курсантов в образовательном учреждении и у сотрудников органов внутренних дел с гиподинамическим характером профессиональной деятельности.

Занятия по физической подготовке подразделяются на индивидуальные и коллективно-прикладные, которые, в свою очередь, характеризуются выраженной профессиональной направленностью. При этом прикладной аспект физической подготовки имеет тенденцию к нарастанию как на уровне профессионального образования, так и на этапах специализированного обучения. Необходимо обратить внимание и на влияние физической подготовки на повышение уровня готовности курсантов в образовательных учреждениях МВД России к предстоящей профессиональной деятельности⁶.

Результаты проведенного анализа физического воспитания курсантов МВД России и требований к их профессиональным качествам позволили определить следующее:

– учебные программы в образовательных учреждениях МВД России в большей степени ориентированы на решение задач обучения двигательным действиям и развития физических качеств, и – в гораздо меньшей степени – на решение задач воспитания потребностей в ценностях физической культуры для достижения жизненных и профессиональных целей;

– несогласованность нормативных требований для абитуриентов и для курсантов и сотрудников полиции;

– несогласованность нормативных требований для абитуриентов и для курсантов и сотрудников полиции; установка учебных программ должна быть ориентирована не только на

нормативы и показатели, но и на личные интересы личности, в соответствии с их полом и уровнем физического развития;

– наблюдается однообразие форм и методов физического воспитания.

Как юный возраст курсантов образовательных учреждений МВД России, отсутствие жизненного опыта, так и возросший престиж профессии сотрудника полиции, во многом определяют необходимость внедрения принципиально новых педагогических технологий коррекции обучения, учитывающих несоответствие уровня развития психических и физических способностей поступающих в образовательные учреждения требованиям к их будущей профессиональной деятельности. В этой связи немаловажным направлением по совершенствованию системы профессиональной подготовки специалистов для органов внутренних дел является оптимизация такого составляющего компонента, как отбор и комплектование образовательных учреждений с учетом уровня физического развития абитуриентов и будущей специфики их профессиональной деятельности⁷. Таким образом, уровень здоровья, физического развития и подготовленности выпускников общеобразовательных средних школ все еще остается на низком уровне. Все это говорит о значимости процесса физического воспитания школьников и курсантов образовательных учреждений МВД России.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко К. К., Марченко В. З., Ковалева О. Н., Кривошей Н. Н. Актуальные проблемы физического воспитания в вузах на современном этапе // Организация и методика учебного процесса, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы : материалы международной конференции. М.: МГУ, 2002. 224 с.
2. Выдрин В. М. Неспециальное (непрофессиональное) физкультурное образование // Теория и практика физической культуры. 1995. № 5. С. 11-15.
3. Фарфель В. С. Двигательные способности // Теория и практика физической культуры. 2001. № 12. С. 26-28.
4. Хальзов В. И., Кропанов А. С. Физическое воспитание в общей системе профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2. С. 220-223.
5. Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта: Учебное пособие. М.: Академия, 2001. 480 с.
6. Число А. И. Профессионализм и деятельность сотрудников милиции: научное издание. СПб: СПб университет МВД России, 2001. 176 с.
7. Хальзов В. И., Кропанов А. С. Физическое воспитание в общей системе профессиональной подготовки курсантов образовательных учреждений МВД России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2. С. 223.

№ 5. С. 15.

4 Холодов Ж. К., Кузнецов В. С. Теория и методика физического воспитания и спорта: Учебное пособие. М.: Академия, 2001. С. 59.

5 Бондаренко К. К., Марченко В. З., Ковалева О. Н., Кривошей, Н. Н. Актуальные проблемы физического воспитания в вузах на современном этапе // Организация и методика учебного процесса, физкультурно-оздоровительной и спортивной работы: материалы международной конференции. М.: МГУ, 2002. С. 74.

6 Фарфель В. С. Двигательные способности // Теория и практика физической культуры. 2001. № 12. С. 27.

РАГИМЛИ Сафтар Михаил оглы

докторант Научно-исследовательского института по Правам Человека Национальной Академии наук Азербайджана

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ГОСУДАРСТВ ПО ГРАЖДАНСКИМ (ЛИЧНЫМ) ПРАВАМ

Основная идея исследования состоит в том, что международные обязательства в сфере прав человека имеют специфическую природу и поэтому должны рассматриваться в одинаковой плоскости с другими международными обязательствами, построенными на взаимовыгодных условиях. Международные обязательства в сфере прав человека, являются правовыми обязанностями государства не непосредственно против лиц, а в отношении всех соответствующих государств и в пользу абстрактной личности. Международные договоры о правах человека в основном создают объективные обязательства, направленные на защиту признанных на универсальном уровне и позитивных ценностей - основных прав и свобод человека, чем субъективные, взаимные права для соответствующих государств.

Ключевые слова: Комитет по Правам Человека, права человека, международные обязательства, международная защита, гражданские (личные) права, государственная суверенность.

Рагимли С. М.

RAGIMLI Sattar Michail oglou

doctoral student of the Research Institute on Human Rights of the National Academy of Sciences of Azerbaijan

THE STATES INTERNATIONAL OBLIGATIONS ON CIVIL (PERSONALITY) RIGHTS

The basic idea underlying the present research is that human rights obligations of States have a specific character and therefore should not be treated on an equal footing with other State obligations which are essentially predicated on reciprocity. International human rights obligations are to be considered as legal undertakings of States in favor of individual and vis-à-vis all the States bound by an appropriate treaty or customary rule. Human rights treaties create not merely subjective, reciprocal rights for the States concerned, rather objective obligations aimed at protecting and maintaining not mutual benefits, but the universally recognized and positivised value – fundamental human rights and freedoms.

Keywords: Human Rights Committee, Human Rights, International responsibilities, International Protection, civil (personal) rights, State Sovereignty.

1. Гражданские права и их *erga omnes* характер

Начало международных правовых норм, принятых в сфере гражданских (личных) и политических прав совпадает с Уставом ООН (с. 1; 11; 55; 56), Всеобщей Декларацией прав человека, принятого 10 декабря 1948-го года. В продолжение актов определяются стандарты: Конвенция о предотвращении и наказании преступления геноцида (1948); Женевская Конвенция 1949-го года о защите гражданского населения во время войны; Женевская Конвенция об обращении с военнопленными (с. 49.4); Дополнительный Протокол в Женевскую Конвенцию от 12 августа 1949-го года о защите жертв международных военных конфликтов (с. 75.4); Конвенция 1965-го года об отмене любых форм разобщений; Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966-го года, имеющая универсальный характер для государств в сфере прав человека

Принятые международные акты каждый раз с новым содержанием влияли на личные права, играли существенную роль в направлении их превращения в универсальные ценности¹. Эти акты выявили в целом необходимость классификации прав человека, обеспечили, вне зависимости от ситуации, отличие ограничения прав, имеющих обязательное значение

для государств. Приобщение прав личности к общепринятым нормам, нашедших свое проявление в международных договорах, признании их в качестве неограниченных прав, независимо от ситуации, подтверждено также в международных судах и трибуналах². Если мы не дадим конкретный список общепринятых норм в области защиты прав и свобод личности, можно согласиться с тем, что, независимо от участия в соответствующем международном договоре, все государства обязаны обеспечить все права лиц, находящихся под их юрисдикцией: от геноцида, от расового и национального разобщения, от попадания в истязательское и рабское положение. В международной правовой литературе, в Общей Декларации и Пакте о правах личности сказано, о недопущении геноцида, апартеида, расового разобщения, истязательств, обеспечение справедливого суда, имущественного права, демократического права, права равенства полов оцениваются как норма традиционнопроводного происхождения³. В другом источнике этот список ограничивается жизнью, недопущением рабства, истязаний,

1 См.: Кулагин В. М. Современная международная безопасность. М. 2012. С. 32; Международное право: Учебник / Под ред. А.Н. Вылегжанина. М., 2011. С. 655-721.

2 См.: Ледах И. А. Международное гуманитарное право и защита прав человека. М., 2008. С. 231-265; Gea Flinterman. The international Criminal Court: Obstacle or contribution to an effective system of human rights protection? // From Sovereign Impunity to International Accountability / Ed by R. Thakur and P. Malcontent. New-York, 2004. P. 264-271.

3 Henkin L. Human Rights and State "Sovereignty". Georgia Journal of international and Jomparative law. 1995/1996, vol. 25. P. 39.

разобращения, самовольного ареста и задержания, судебным разбирательством и имущественным правом⁴. Наряду с тем, что были утверждены общепринятые права человека, соответствующие международным нормам, они утверждаются и международными договорными нормами. Признание большинством государств (универсальность), как общепринятые критерии, представляющие основные правовые системы мира; наличие традиции или договорной основы; признается как стабильный общий практический характерный случай⁵.

Независимо от участия в договоре по правам человека, подтверждающие общепринятые права личности, все государства обязательно должны соблюдать эти права. На Всемирной конференции по правам человека, прошедшей в 1993 году, государства отметили характер *erga omnes* этих прав⁶. Наряду с систематизацией норм традиционно-правового происхождения, международный Пакт (вступил в силу в 1976 году) о гражданских и политических правах определил также новый этап развития этих норм. С одной стороны, если этот Пакт выявляет новые права о гражданских и политических правах (например, издевательство или поведение, унижающее достоинство или с правом не подвергаться наказанию (ст. 7), Конвенция против истязаний и прочих жестоких и нечеловеческих отношений и наказаний, оскорбляющих достоинство), с другой стороны, учреждается институциональный механизм по осуществлению контроля над правами, указанными в этом Пакте. Международный Пакт о гражданских и политических правах, по своей правовой природе, определяя минимальные стандарты, создает обязательство, которое должно выполняться с момента его признания государствами-участниками. Во 2-й статье Пакта о гражданских и политических правах говорится, что каждое государство-член ООН должно считать важным обеспечение на своей территории прав личности, декларированных в Пакте и в той же 2-й статье Пакта от государств, их полномочных органов требуется обоснование положений этого договора. Права, декларированные в международном Пакте о гражданских и политических правах, являются основными правами⁷. Обязательность соблюдения прав говорит о том, что независимо от акта ратификации, международное соглашение, подтверждающее эти права, имеет правовое значение для всех государств. Суды ряда государств, обосновывая традиционно-правовой характер по «неприменению истязаний», продолжают ссылаться на ратифицированные международные соглашения в этой области на общую Декларацию по правам Человека⁸.

2. Международное правовое регулирование прав человека и принцип взаимности

Основная особенность международного правового регулирования прав человека состоит в том, что государства, наряду с обязательством уважения прав человека, принимают на себя обязательства по обеспечению и защите нормативных и содержательных обязательств в рамках своей юрисдикции в

этой области. А содержание принятого на себя обязательства, в большинстве случаев, определяется международным договором. Так как согласованные обязательства в рамках международной защиты прав человека должны быть обеспечены без взаимности. Наличие естественного правового начала прав человека исключает обязательство, основанное на взаимном интересе между государствами. Международные соглашения по правам человека направлены⁹ на защиту общих интересов – универсальных ценностей (основные права и свободы). В это время появляется объективное обязательство «каждый и все перед каждым и всеми»¹⁰. Например, обязательство по Конвенции о предотвращении и наказании Геноцида (1948), по Конвенции 1984 года против отношения и наказания истязаний и прочих жестоких, нечеловеческих отношений, оскорбляющих достоинство, является обязательством, сформированным не между сторонами, а в целом по отношению к международному сообществу.

Государства, будучи участниками многостороннего договора по правам человека, принимают на себя обязательство обеспечения прав и свобод не только своего или какого-либо государства, но и, независимо от гражданства, права и свободы любого гражданина¹¹. Естественный правовой характер соглашений по правам человека отражен в статье 60 Венской конвенции от 1969 года о правах по Договорам. В этой статье конвенции, в качестве причины, приостановка действия договора или его недействительность, указывается на существенное нарушение. Но в подпункте 5 этой же статьи определены исключения из этого правила по отношению к соглашениям по правам человека. Неприменение общих правил статьи 60 к этим соглашениям связано с их характером *erga omnes* (общий интерес). Й. Кроуфорд отмечает, что в международном праве существуют интересы, соответствующие понятию общие интересы. Защита этих интересов является общей задачей мирового сообщества¹². Так как эти соглашения, в большинстве случаев, являются общепринятыми правами, они должны основываться на системе коллективного обеспечения объективного характера. Каждое государство-участник имеет обязательство перед другим участником, в то же время каждый участник может выступить перед другим участником с требованием исполнения своего обязательства по конвенции. В этом смысле, отраженный в статье 41 Пакта (государство, участвующее в этом Пакте, имеет право получать информацию касательно иска против другого государства-участника, не выполняющего своих обязательств по этому Пакту и декларировать свои полномочия для его рассмотрения. Эта информация, предусмотренная в этой статье, может быть рассмотрена только при их предоставлении государствами-участниками, которые признали полномочия этого Комитета. До тех пор, пока Комитет не объявил такого рода декларацию, не принимается никакая информация касательно государства-участника...) принцип взаимности нельзя считать приемлемым с точки зрения принципа уважения и защиты общепринятых прав человека. Во время принятия этого Пакта, вероятно, можно

4 Hannum H. The Status of the Universal Declaration of Human Rights in National and international law Georgia Journal of international and Comparative law. 1995/1996, vol. 25. P. 343.

5 Карташкин В. А. Права человека в системе международной безопасности / РЕМП 2012. С. 14-26.

6 Annacker J. The legal Regime of Erga Omnes Obligations in international law. Austrian Journal of Public and international law, 1994. vol. 46. P. 136.

7 De Zayas A., Moller J., Orsahl T. Application of the International Covenant on Civil and Political Rights under the Optional Protocol by the Human Rights Committee. – Geneva, 1989. P. 36-37.

8 International Human Rights in Context: Law, Politics, Morals (H. J. Steiner and P. Alston eds.). Oxford. 1996. P. 779.

9 Simma B. International Crimes: Injury and Countermeasures. Comment on Part 2 of the ILC Work on State Responsibility // International Crimes of State: A Critical Analysis of the ILC's Draft Article 19 on State Responsibility / J. H. H. Weiler, A. Cassese, M. Spinedi eds. Berlin-New York, 1989. P. 285.

10 Evans G. The Responsibility to protect. Washington, 2008. P. 79-174.

11 Provost R. Reciprocity in Human Rights and Humanitarian Law // The British Yearbook of International Law. 1994. Vol. 65. P. 453.

12 Crawford J. The International Law Commission's Draft Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 79.

было бы понять это обоснование. Но в настоящее время такое положение не соответствует основным целям государства.

В защите общепринятых интересов, излагая 1-ю статью документа (любое международное противоправное поведение государства создает международную ответственность этого государства) об ответственности за противоправную деятельность Государств, принятого Генеральной Ассамблеей ООН за номером 56/589 в 2001 году в связи с принятием норм ответственности, Й. Кроуфорд оценивает отношения по термину международная ответственность, которая утверждена в этой статье, независимо от отношения государства, обвиняемого в международном противоправном поведении, как отношение, которое охватывает государство, которому нанесен ущерб и другие государства¹³.

При анализе решений, как Международного Суда ООН, так и международных трибуналов, обязательство *erga omnes* по правам человека, как правило, обуславливается случаями международных преступлений¹⁴. Но это не означает, что обязательство соблюдения прав человека в другой сфере не является существенным. Особенно должны быть отмечены права, не ограниченные при чрезвычайной ситуации (*non-derogablerights*). Эти права, как и права личности, носят характер *juscogens*. Справедливо считая, целый ряд авторов выдвигают мысль о том, чтобы все права человека в целом находились бы под обязательством общего интереса (*erga omnes*)¹⁵.

3. *Международные соглашения по правам человека и безусловный институт*

В соответствии с принципом уважения прав человека, государство должно исполнять все без исключения международные правовые обязательства по правам человека. Но в большинстве случаев международное правовое обязательство по различным мотивам старается делать исключения. Одно из этих исключений, безусловно, обеспечивается международными соглашениями по правам человека. Безусловность осуществляется в большинстве случаев под защитой традиции, общественного порядка, национальной безопасности¹⁶. Соответствующее правило, в конечном счете, для оправдания государства, нарушающего закон о правах человека.

Традиционно-правовое происхождение гражданских и политических прав не признает безусловность права не соблюдать эти права или не обеспечивать их в правиле о международном соглашении со стороны какого-либо государства¹⁷. Так как Комитет по правам человека также имеет целый ряд положений традиционно-правового происхождения в Пакте о гражданских и политических правах, высказался о недопустимости безусловности этих норм для государств. Такие права как жить; не подвергаться рабству; недопущение истязательств, негуманное поведение, унижающее достоинство; не подвергаться самовольному аресту или задержанию; свобода слова, совести и религии; презумпция невиновности; запрещение выступлений с национальной, расовой и религиозной

ненавистью; недопустимость исполнения смертного приговора по отношению к беременным женщинам и детям¹⁸ и другие права создают для правовых государств обязательство, как например, право традиции и нереализация этих прав не может обосновываться на внутрисударственной традиции. Комитет по правам человека в одном из своих общих примечаний отметил, что согласно 2-й статье Пакта о гражданских и политических правах, общее обязательство по Пакту направлено не только на уважение прав человека. Государства берут на себя обязательство того, что обеспечат возможность использовать эти права всем индивидуумам, находящимся под их юрисдикцией (статья 2).

Наряду с тем, что международный Пакт о гражданских и политических правах занимает существенное место в системе прочих международных правовых актов, имеющих общие принципы и нормы о правах человека, он предусматривает также непосредственную правовую связь индивидуумов с международной договорной структурой (статья 28). Принятие факультативного Протокола Пакта создает для лиц, права которых нарушены, новую, дополнительную систему обеспечения. С целью обеспечения контроля над государствами в деле исполнения прав, декларированных в международном Пакте о гражданских и политических правах, был учрежден Комитет по Правам Человека.

4. *Влияние международных договоров по правам человека на правовую наследственность государств*

Одним из специфических признаков международных договоров по правам человека состоит в том, что наряду с тем, что эти договора бессрочные, на определенной территории они должны быть направлены на население, на защиту прав лиц, которые формируют это население. Международные договоры по личностным и политическим правам, образующие специальную категорию прав человека, повлияли и на правовую наследственность государств. В отношении международного права (в 1998 году вступило в законную силу), Международных договоров по Конвенции (статья 34.2) от 1978 года правовая наследственность государств вновь созданное государство вступает в международные отношения по принципу «чисто доски» (*tabularasa*). Права и обязанности с международными правовыми субъектами определяются взаимными соглашениями. Но определенные категории договоров, в особенности международные договоры, определяющие режимы территории, границы, исключают принцип «*tabularasa*». Одной из таких категорий договоров являются международные договоры по правам человека.

Если договоры, определяющие территориальный режим, присоединяясь к территории, вместе с территорией переходят государству-наследнику, а договоры о правах человека, присоединяясь к населению, проживающему на соответствующей территории, переходят государству-наследнику и в это время, независимо от того, под чьей юрисдикцией находится население, они не могут быть лишены международной правовой защиты прав и свобод, признанных международным правом¹⁹. Хотя этот вопрос и принимается в международной правовой доктрине и в практике государств неоднозначно, вместе с ростом интереса к правам человека и к их защите, он находит для себя все больше оснований. Беря за основу противоречивый

13 Там же.

14 Van Boven T. Distinguishing Criteria of Human Rights // The International Dimensions of Human Rights. 1982. P. 43-48.

15 См.: Dinstein Y. The Erga Omnes Applicability of Human Rights // Archiv des Völkerrechts. 1992. Band. 30. P. 16-20; Shapira A. Comment: The Erga Omnes Applicability of Human Rights // Archiv des Völkerrechts. 1992, Band. 30. P. 22-26.

16 Фаяд Насер Юсеф. Контрольный механизм по международному пакту о правах человека (сравнительный анализ). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. С. 125-126.

17 Gunning L. Modernizing Customary International Law: The Challenge of Human Rights. Virginia Journal of International Law, 1999. P. 211-247.

18 Щуман Риэштс Жоммитте, Эненал Жоммент. Но. 24(52). УН Дож. ЖЖПР /с. 21/ Рев.1/Адд.6, п. 3.

19 Гусейнов Л. Г. Международные обязательства государств в области прав человека. – Баку: издательство «Hüquq ədəbiyyatı», 1998. С. 39-40.

опыт государств, большинство авторов отмечает, что в вопросе о правовой наследственности международных договоров о правах человека они занимают преимущественное место. В особенности, беря за основу положительную позицию в этой области международных органов, судебных структур на примере Югославии, Чехословакии и т.д., ссылаются на последовательность международных договоров о правах человека²⁰. Еще в 1992 году Комитет по Правам Человека обратился к странам, вновь созданным на территории Югославии – Хорватии, Боснии-Герцоговине (состоящую из Сербии и Черногории) о предоставлении отчетов, связанных с уровнем соблюдения гражданских и политических прав. Комитет, ссылаясь на обязательство, взятого на себя бывшей Югославией по международному Пакту о Гражданских и политических правах, объявил о том, что нет никаких оснований предполагать, что со стороны государств-наследников не будут применяться международные договоры о правах человека, а также то, что население на территории бывшей Югославии не будет пользоваться преимуществами международных соглашений по правам человека²¹.

Затем соответствующие государства, выразив свое положительное отношение к обращению Комитета, дали свое согласие на проведение исследования осуществленных массовых нарушений прав человека. Похожая ситуация была выражена Комитетом по отношению к постсоветским государствам. Комитет отметил, что эти государства с момента провозглашения независимости несут обязательство по положениям Пакта²². Из постсоветских государств Азербайджанская Республика присоединилась к этому Пакту 21 июля 1992 года и в 1994 году, представив Комитету свой первый отчет, заявила, что после приобретения независимости и до присоединения к Пакту готова нести ответственность за все происшедшие события.

Старания Азербайджанской Республики увязать свое законодательство с международными обязательствами были высоко оценены со стороны Комитета. Изменения, сделанные для увязки Национального права с требованиями Пакта, нашли свое отражение во втором отчете, были положительно встречены Факультативным Протоколом № 1 Пакта Комитетом по ратификации Азербайджанской Республики.

На основании статьи 151 Конституции Азербайджанской Республики, если между национальным законодательством и международным договором возникает противоречие, преимущество международного договора было в ряду положительно встреченных аспектов. Если во время увязки законодательства Азербайджанской Республики с требованиями международных договоров возникнут коллизии, отданное предпочтение международному договору доказало решение проблемы, доведенное до Комитета. Таким образом, Азербайджанская Республика, с одной стороны, приняла специфические особенности договоров по правам человека, с другой же стороны, показала эту специфичность, еще не превратившуюся в общую практику (традицию). Как известно, Азербайджанская

Республика стала участником международного Пакта о Гражданских и политических правах и имущества СССР. В статье 4 Акта о Государственном независимости Азербайджанской Республики отмечается, что если международные договоры, в которых СССР был участником, не противоречат ее независимости и суверенитету, могут применяться в Азербайджанской Республике. Но профессор Л. Г. Гусейнов отмечает, что после объявления независимости, до присоединения Азербайджанской Республики к Пакту взятие на себя обязательства по акту за происшедшие события на территории страны может быть расценено больше как признание по умолчанию, чем «наследственность» по Пакту²³. Говоря о последовательности международных договоров о правах человека, следует отметить, что какими бы различными не были позиции в этой области, тенденции развития направлены на принципы уважения прав человека. Государственный суверенитет был принят по отношению к принципу уважения прав человека. Как говорится в статье 12 Конституции Азербайджанской Республики мысль о том, что «Обеспечение прав и свобод человека и граждан, достойного жизненного уровня граждан Азербайджанской Республики является высшей целью государства» (I) показывает цель суверенности.

Во II части этой статьи «Права и свободы человека и граждан, перечисленные в Конституции, применяются в соответствии с международными договорами, сторонником которых является и Азербайджанская Республика» показывает политический курс по отношению Азербайджанской Республики к международным договорам.

4. Заключение

Переход международных договорных обязательств по правам человека осуществляется не на основе наследственного правила, новых взаимных соглашений, а напрямую к государству-наследнику, предусматривает как материально-правовые стандарты, так и процессуальную систему обеспечения. В последнем случае, безусловно, принимаются международные правозащитные механизмы государств, в том числе функции контроля международных судебных, договорных органов, их юрисдикция по защите прав человека. Но в последнем случае, как мы отмечали выше, взаимный метод соглашения остается. Последовательность международных договоров по правам человека превышает „*tabularasa*“. Распад государства, объединение, повторное возрождение не должны наносить ущерб последовательности договоров о правах человека. Международный Пакт по гражданским и политическим правам и контроль, созданный из его Факультативного Протокола, юрисдикция которого превышает институт правовой наследственности, отражает договорную последовательность правовых норм и международной традиции. Этот случай говорит о том, что участник Пакта, как государственный договорный орган, с целью исключения своих полномочий по изменению и применению норм международных договоров, периодического отчета государств-участников Комитета по Правам человека, процедуры индивидуальных и межгосударственных жалоб, должен, безусловно, исполнять Пакт или, не ратифицируя Протокол по индивидуальным жалобам, приведет к понятию нарушения государством-участником международного правового обязательства. Целый ряд государств и сегодня еще не приняли юрисдикцию универсальных договорных механизмов по правам человека. А при их принятии не оказыва-

20 Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia / International and Comparative Law Quarterly. 1993, vol. 42. P. 493; Shaw M.N. State Succession Revisited / Finnish Yearbook of International law. 1994. Vol. 5. P. 84; Simma B. From Bilateralism to Community Interest in International Law / Recueil des Cours, 1994-VI. Vol. 250. P. 357; Mushkat R. Hong Kong and Succession of Treaties / International and Comparative Law Quarterly. 1997. Vol. 46. P. 190-191.

21 CCPR/C/SR.1178/Add.1. P. 3.

22 UN Doc.A/49/40. Para 49.

23 Гусейнов Л. Г. Международные обязательства государств в области прав человека. – Баку: издательство «Hüquq ədəbiyyatı», 1998. 188 с.

ют серьезного отношения к их позициям. Принцип уважения прав человека предусматривает не только материальное право стандартов, но и учреждение национальной и международной процессуальной системы обеспечения. Согласно статьям 55 и 56 Устава ООН – все члены Организации *вместе* (то есть своим участием в новых международных системах обеспечения – *курсив автор*) и по-отдельности для всех, с целью достижения уважения и соблюдения основных общепринятых прав и свобод человека, обязуются сотрудничать с Организацией²⁴. Характер сотрудничества государств, сформированный в рамках Устава ООН, определяется целью ООН. Основными целями ООН наряду с сохранением международного мира и безопасности, руководствуясь принципами равенства народов и самоопределения, развитием дружеских отношений между нациями, осуществлением международного сотрудничества в решении проблем культурного и гуманитарного характера (статья 1.1; 1.2), согласно статье 1.3, на всех членов Организации, *независимо от пола, языка и религии*, накладывается обязательство *пропагандировать и развивать права человека и основные свободы* (курсив – автор). Таким образом, наряду с соблюдением фундаментальных прав человека внутренним законодательством, это возникает также из членства в универсальной международной институциональной системе, из международного обязательства, взятого на себя по этому членству.

Пристатейный библиографический список

1. Алиев А. И. Права Человека. Учебник. Баку, 2013. 506 с.
2. Алиев З. Европейский Суд по Правам Человека. Учебное пособие. Баку: типография «AZSEA», 2012. 232 с.
3. Гусейнов Л. Г. Международные обязательства государств в области прав человека. – Баку: издательство «Hüquq ədəbiyyatı», 1998. 188 с.
4. Карташкин В. А. Права человека в системе международной безопасности / РЕМП 2012. С. 14-26.
5. Кулагин В. М. Современная международная безопасность. М., 2012.
6. Ледах И. А. Международное гуманитарное право и защита прав человека. М., 2008. С. 231-265.
7. Мамедов Р. К. Международное уголовное право и уголовное законодательство Азербайджанской Республики. Баку: ООО “NAT Co, 2012. 312 с.
8. Международное право: Учебник / Под ред. А. Н. Вылегжанина. М., 2011. С. 655-721.
9. Фаяд Насер Юсеф. Контрольный механизм по международному пакту о правах человека (сравнительный анализ). Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1988. 191 с.
10. Шуман Риэцтс Жоммитте, Эенерал Жоммент. Но. 24(52). УН Дож. ЖЖПР /с. 21/ Рев.1/Адд.6, п. 3.
11. Annacker J. The legal Regime of ErgaOmnes Obligations in international law. Austrian Journal of Public and international law, 1994. vol. 46. P. 136-141.
12. Aslan Gündüz. Milletlərarasıhükuk. R. Volkan Günel (Ed.) Güncellenmiş ve geniş letilmiş 6 Baskı, İstanbul: Beta, 2013. 815 с.
13. CCPR/C/SR.1178/Add.1. P. 3.
14. Crawford J. The International Law Commission's Draft Articles on State Responsibility: Introduction, Text and Commentaries. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 387 p.
15. De Zayas A., Moller J., Orsahl T. Application of the International Covenant on Civil and Political Rights under the Optional Protocol by the Human Rights Committee. – Geneva, 1989. P. 36-37.
16. Dinstein Y. The ErgaOmnes Applicability of Human Rights // Archiv des Völkerrechts. 1992. Band. 30. P. 16-20.
17. Evans G. The Responsibility to protect. Washington, 2008. P. 79-174.
18. Gea Flinterman. The international Criminal Court: Obstacle or contribution to an effective system of human rights protection? // From Sovereign Impunity to International Accountability / Ed by R. Thakur and P. Malcontent. New-York, 2004. P. 264-271.
19. Gunning L. Modernizing Customary International law: The Challenge of Human Rights. Virginia Journal of international law, 1999. P. 211-247.
20. Hannum H. The Status of the Universal Declaration of Human Rights in National and international law Georgia Journal of international and Comparative law. 1995/1996, vol. 25. P. 343.
21. Henkin L. Human Rights and State “Sovereignty”. Georgia Journal of international and Comparative law. 1995/1996. Vol. 25. P. 39.
22. Hüseyin Pazarıcı. Uluslararasıhükuk. Ankara, 2012. 675 s.
23. International Human Rights in Context: Law, Politics, Morals (H. J. Steiner and P. Alston eds.). Oxford. 1996. P. 779.
24. Mullerson R. The Continuity and Succession of States, by Reference to the Former USSR and Yugoslavia / International and Comparative Law Quarterly. 1993. Vol. 42. P. 493.
25. Mushkat R. Hong Kong and Succession of Treaties / International and Comparative Law Quarterly. 1997. Vol. 46. P. 190-191.
26. Provost R. Reciprocity in Human Rights and Humanitarian Law // The British Yearbook of International Law. 1994. Vol. 65.
27. Ramcharan O. The Concept and Present Status of International Protection of Human Rights: Forty Years after the Universal Declaration. – Dordrecht, 1989.
28. Shapira A. Comment: The ErgaOmnes Applicability of Human Rights // Archiv des Völkerrechts. 1992. Band. 30. P. 22-26.
29. Shaw M. N. State Succession Revisited / Finnish Yearbook of International law. 1994. Vol. 5.
30. Simma B. From Bilateralism to Community Interest in International Law / Recueil des Cours, 1994-VI. Vol. 250.
31. Simma B. International Crimes: Injury and Countermeasures. Comment on Part 2 of the ILC Work on State Responsibility // International Crimes of State: A Critical Analysis of the ILC's Draft Article 19 on State Responsibility / J. H. H. Weiler, A. Cassese, M. Spinedi eds. Berlin-New York, 1989.
32. Sohn L. B. The New International law: Protection of the Rights of individuals Rather than states. The American University Law Review. 1982. Vol. 32.
33. UN Doc.A/49/40. Para 49.
34. Van Boven T. Distinguishing Criteria of Human Rights // The International Dimensions of Human Rights. 1982.

24 Sohn L. B. The New International law: Protection of the Rights of individuals Rather than states. The American University Law Review. 1982. Vol. 32. P. 17.

ВАЛЕЕВ Азамат Халилевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся проблем противодействия экстремистским проявлениям в сети Интернет. Выделены направления по противодействию экстремизму.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, сеть Интернет, безопасность.

VALEEV Azamat Khalilevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Criminalistics sub-faculty of the Ufa Legal Institute of the MIA of Russia

COUNTERING EXTREMISM ON THE INTERNET

The article deals with issues relating to the problems of counteraction to extremism on the Internet. Allocated areas to counter extremism.

Keywords: extremism, countering extremism, the Internet, security.

Валеев А. Х.

Экстремизм на современном этапе широко использует сеть Интернет для своей деятельности. Интернет дает огромные возможности для перемещения большого количества информации, а так же ее копирования. Экстремистские организации получают возможность выкладывать и выступать с видео обращениями экстремистского толка в Интернет-ресурсах, где численность аудитории измеряется до сотен тысяч человек. Это позволяет под благовидным предлогом вести пропаганду привлекая людей своей оригинальностью, наличием альтернативы и вербовать новых сторонников экстремистских движений. Следует отметить, что в настоящее время пользователи сети оказываются уязвимыми перед подобным воздействием, где данная информация может иметь анонимный характер. Для того чтобы общаться нет необходимости собираться в тайных местах, достаточно иметь любое устройство с возможностью выхода в сеть Интернет.

Приходится констатировать, что в сети Интернет находится больше количество экстремистских материалов. Согласно Федеральному списку экстремистских материалов, по состоянию на август 2016 года их насчитывается около 3800¹. Интернет – глобальная компьютерная сеть, дающая доступ к емким специализированным информационным серверам и обеспечивающая электронную почту. Доступ в Интернет и сервис обеспечивается провайдерами².

Интернет состоит из большого количества правительственных, корпоративных, домашних и иных сетей, являясь только носителем, информационной средой. В такой сети информация доступна не только в виде статических веб-страниц – идет постоянный интерактивный обмен ею в блогах, форумах и иных, в рамках которых можно общаться с экстремистами по всему миру находясь в любой стране.

Сеть Интернет доступна практически любому пользователю, предпосылками этому служит относительно недорогая стоимость ЭВМ и различных мобильных устройств, технологии беспроводного доступа в сеть (например Wi-Fi), а так же распространение мобильного Интернета.

Интернет, в общем виде, можно определить как объединение локальных, национальных и международных компьютерных сетей, организационно не являющихся чем-то единым целым. Сеть Интернет не правовое явление, это объединение сетей не может являться объектом или субъектом права и регулироваться как одно единое целое. В науке устоялось мнение, что в отношении сети Интернет надо говорить лишь о правовом регулировании некоторых вопросов, например таких как: порядка, условий использования сетей и защиты прав и законных интересов различных субъектов при циркулировании информации в сети³.

На современном этапе, Интернет является частью общества, полагаем, что в этой сети должны действовать такие же нормы, как и в обычном обществе. Запрещено проводить деятельность, направленную на подрыв безопасности страны, захват власти, создание незаконных вооруженных формирований, разжигание национальной, религиозной и социальной розни, нарушать чужие права, соответственно так должно быть и в сети Интернет.

На наш взгляд, одной из основных проблем борьбы с проявлениями экстремизма в сети Интернет, являются проблема отсутствия должного законодательного регулирования отношений, возникающих в связи с использованием сети Интернет.

В сети Интернет информация экстремистского содержания может содержаться в виде текстов, рисунков, фотографий, видеоизображений. Зачастую это выглядит в завуалированной форме. Для установления направленности указанной информации на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения,

1 Федеральный список экстремистских материалов. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.ru/extremist-materials> (дата обращения: 25.08.2016).

2 Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/6906.

3 Терещенко Л. К. Правовые проблемы использования Интернета в России // Журнал российского права. 1999. № 7/8. С. 3.

отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе необходимо понять, является данная информация экстремистского толка или нет⁴. В сети Интернет происходит пропаганда целей и ценностей, которые проповедуют экстремистские организации, определяется их «прогрессивность» и «необходимость». Происходит всесторонняя консультативная работа по поводу повседневной жизни, поведении в обществе о запретах и правилах поведения. Затем происходит втягивание в процесс участия в «борьбе» в разных формах.

Данное обстоятельство приводит к тому, что провайдеры в такой ситуации в принципе не могут оценить размещаемую на сайте информацию и в результате допустить размещения экстремистских материалов. Лица, получающие информацию, также не могут оценить ее, тем более, что распространители и создатели информации, сочетают экстремистские призывы с другими (призывами к здоровому образу жизни, приобщением к вере и т.п.). Все это происходит на фоне иллюстраций экстремистского толка, утверждений о целенаправленном геноциде русской нации, «войне против русского народа» и т.п. Таким образом, по своей сути указанные материалы содержат экстремистские призывы. Однако, в виду отсутствия четких критериев, вряд ли будут признаны таковыми. Поэтому целесообразно в целях исследования данных материалов необходимо производить комплексные исследования с привлечением специалистов разных отраслей знаний, в области лингвистики, психологии, фоно- и видеоскопических исследований и т.п. Безусловно, эффективность подобных исследований, как для расследования преступлений экстремистской направленности, так и для их предупреждения, значительно повысится только в случае разработки единой методики производства данных экспертизы.

Так же в свою очередь лица, получающие информацию, также не могут оценить ее, тем более, что распространители и создатели информации, сочетают экстремистские призывы с другими (призывами к здоровому образу жизни, приобщением к вере и т.п.).

Рассматривая сеть Интернет как инструментальный распространения экстремизма, отметим некоторые аспекты, которые так или иначе, оказывают влияние на противодействие распространению экстремизма. Во-первых, у Интернета отсутствует собственник, так как он состоит из многочисленных сетей с обширной географией их места расположения. Во-вторых, сеть Интернет выступает инструментом распространения информации экстремистского содержания. В третьих, имеется возможность анонимности в результате передачи и получении данной информации.

В результате, создаются проблемные ситуации связанные с установлением лица предоставившего в сеть Интернет информацию экстремистского толка, владельца сайта разместившего данные материалы, а так же воздействия на владельца сайта в целях недопущения размещения информации экстремистского содержания и удаления такой информации. Целесообразно предусмотреть возможность аннулирования лицензии и лишения таких провайдеров права в дальнейшем на участие в конкурсе на право оказания подобных услуг и предусмотреть их ответственность.

В целях противодействия экстремизму в сети Интернет необходим комплекс мер, который включает в себя совершенствование существующего законодательства, регулирующего

отношения по размещению и использованию информации в сети Интернет, а также ее контролю.

Существенно затруднен технический контроль содержания информации экстремистского толка. В связи с этим, необходимо совершенствование существующих и разработка новых технических и программных средств, позволяющих контролировать данную информацию.

Одним из направлений является совершенствование взаимодействия правоохранительных органов с провайдерами, организаторами и создателями сайтов и блогов в целях недопущения размещения и своевременного блокирования информации экстремистского содержания. Также представляется необходимым совершенствование взаимодействия с общественностью. Данное взаимодействие должно предусматривать проведение разъяснительной работы с пользователями сети Интернет, а также получение от них информации о сайтах и информации экстремистского содержания. В рамках данного направления представляется необходимым развитие и международного сотрудничества.

Таким образом, в целях решения данных вопросов необходим комплекс мероприятий, который должен включать в себя законодательные методы; методы административного воздействия на провайдеров, владельцев сайта и блогов; технические – по выявлению информации экстремистского толка.

Пристатейный библиографический список

1. Валеев А. Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети интернет // Бизнес в законе. М. 2011. № 6. С. 125.
2. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007. 495 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/6906.
3. Терещенко Л. К. Правовые проблемы использования Интернета в России // Журнал российского права. 1999. № 7/8. С. 3.
4. Федеральный список экстремистских материалов. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minjust.ru/extremist-materials> (дата обращения: 25.08.2016).

4 Валеев А. Х. Борьба с проявлением экстремизма в сети интернет // Бизнес в законе. М. 2011. № 6. С. 125.

МИРОНОВА Оксана Александровна

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

КОНФЕССИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК ОСНОВА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье обосновывается позиция, что этнорелигиозным по содержанию становится терроризм в любом проявлении и любом регионе, если он порождается идеями национально-религиозного превосходства и исключительности, абсолютизацией и сакрализацией этноконфессиональной идентичности, нетерпимостью к любым иноэтническим и инорелигиозным проявлениям. Под его источником понимается - старая межрелигиозная и межконфессиональная вражда, которая маскирует полярные политические интересы; его «священную цель» – стремление защитить якобы осквернены национальные или религиозные ценности. Подчеркивается, что по силе своего влияния на национальные и религиозные чувства, масштабы психологического давления, угрозе национальной безопасности - этнорелигиозный терроризм безусловно сильнее чем политический.

Ключевые слова: терроризм, религиозный конфликт, толерантность, конфессия, вера, государство, политика, право.

MIRONOVA Oksana Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil Law Disciplines sub-faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the FSEP of Russia

CONFESSIONAL CONSENT AS A BASIS OF THE NATIONAL SECURITY THREATS PREVENT

The article highlights the following problem: modern world as production of such dangerous type of terrorist practices, as ethno-religious terrorism. It is grounded, that terrorism acquires ethno-religious content in any occurrence and any region, if it is generated by ideas of national-religious superiority and supremacy, absolutization on and sacralization of ethnic-confessional identity, intolerance to any manifestations of different ethnic and religious manifestations. Its source is - old hostility between religions and confessions, which conceals polar political interests; its "sacred target" – intention to protect the allegedly desecrated national or religious values. It is emphasized that the strength of ethno-religious terrorism impact on the national and religious feelings, the scale of psychological pressure, threats to national security - is certainly more powerful than the political one.

Keywords: terrorism, religious conflict, tolerance, confession, belief, state, policy, law.

Миронова О. А.

Человечество сталкивается с проблемой терроризма в течение многих десятилетий, но только в последнее время наблюдается исключительное обострение и опасность этого социального явления. В конце двадцатого века, терроризм стал стабильным фактором в мировой политике. Свою силу, он не потерял и на рубеже тысячелетий. Процесс формирования этого фактора основывается на ряде предпосылок, имеющих политический, национальный и религиозный характер. Совершенно очевидно, что терроризм относится к одному из самых опасных явлений нашего времени, он приобретает все более разнообразные формы и угрожающие масштабы.

Основными чертами международного терроризма является глобализация, профессионализация и опора на экстремистскую идеологию.

Международный терроризм представляет особую опасность в связи с тем, что угрожает международному правопорядку и межгосударственным отношениям. Любая акция международного терроризма затрагивает интересы нескольких (как минимум двух) государств и для пресечения либо предупреждения таких акций необходимо широкое межгосударственное сотрудничество

Очевидно, что терроризм — это деятельность, осуществляемая с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения, либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, т.е. средство, используемое экс-

тремистами, а не обособленное явление. Терроризм принято рассматривать как одну из форм экстремизма.

Термин «экстремизм» еще несколько десятилетий назад употреблялся только в специальной литературе, а сейчас не сходит со страниц газет и журналов, звучит по радио и телевидению. Как справедливо отмечается в юридической литературе «за последние 20 лет для многонациональной и поликонфессиональной России экстремизм, паразитирующий на религиозных и этнических основаниях, стал особенно опасен». Опасность экстремизма отметил, и Президент РФ в своем выступлении на заседании коллегии МВД России 04 марта 2015 года.

Демократизация общества, которая происходит в России с начала 90-х годов XX в., обусловила рост духовной свободы человека, следствием которого стало естественное повышение уровня религиозности населения, увеличение количества действующих в стране религиозных организаций, усиление влияния религиозных структур на государственно-правовые процессы. Свобода мировоззрения и вероисповедания является одним из важнейших общественных феноменов.

В соответствии с Конституцией – Россия социальное государство, что выражается в обеспечении каждому гражданину достойных условий существования, приблизительно одинаковых жизненных шансов, возможностей для самореализации личности. Реально на практике мы не всегда наблюдаем действие данного конституционного принципа, и как результат

– порождение недоверия к государству, ее закону, представителям власти. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что за частую некорректная политическая деятельность официальных властей, которая в последующем вызывает недоверие народа к ним же самим, подталкивает людей на поиск других форм существования в государстве, которые обеспечат им внутреннее спокойствие, удовлетворение, свободу и комфортное существование. В большинстве случаев человек обращается к вере.

Религия, религиозная вера — это то, что лежит в основе консолидации наций. На уровне нации религия вполне может играть совершенно кодировщика для сохранения ценностного поля, но в вопросах экспансии и саморазвития она бесцельна. Религия является важным фактором существования национального самосознания, но нельзя к ней все сводить и все из нее выводить. Очевидно, если в племени религиозные верования играют чуть ли не конституирующую роль для него, в народности религия становится практически самым эффективным способом воспроизводства её культурной специфики, то в нации она, оставаясь одним из самых системных способов сохранения культурных смыслов того или иного народа, не может быть тем, через что национальный дух может распространяться и развиваться. Данное обстоятельство говорит о том, что в нации религия становится только одним из множества других факторов, обеспечивающих её существование, и каждый сам определяет значимое для себя основание для этнической самоидентификации.

Верующий (религиозный) человек – есть инструмент религии, которая дала ему эту веру! Он идет туда, куда укажет перст религии. И потихоньку его можно завести совсем не туда, куда он себе представлял.

Как показывают исследования, большая часть членов религиозных экстремистских организаций пришла туда в целях удовлетворения духовных потребностей в получении знаний по определенной религии, не подозревая об экстремистском характере их деятельности. В материалах судебных решений по уголовным делам содержатся сведения о том, что при вовлечении людей в деятельность экстремистских организаций их руководители первоначально скрывают наименование и цели организации, от имени которой они проповедуют экстремистские идеи, прикрывая свою деятельность изучением «настоящего» ислама¹.

Вопрос о религиозном терроризме приобретает актуальность для России в следствие поликонфессиональности ее народа, которая, независимо от ее исторической природы приводит к более или менее выразительной регионализации страны по конфессиональному признаку. Объективным следствием этноконфессиональной регионализации становится формирование территорий сильного доминирования одной из церквей не только в духовном, культурном, но и в политико-правовом смысле, зато другие церковные структуры занимают место второстепенных, дискриминируемых, а то и откровенно гонимых. Поддержка и протекторат доминирующей конфессии со стороны местных властей, содействие ей в решении хозяйственных, имущественных, финансовых, юридических и других проблем не только порождает реальную дискриминацию меньшинства, но и провоцирует серьезные конфликты на этой почве. Именно такого рода конфликты способны втяги-

вать в свою орбиту многочисленные массы рядовых верующих, превращая населенные пункты на очередные «горячие точки»²

Следует отметить, что современный мир порождает и такой опасный тип террористических практик как этнорелигиозный терроризм, который по своему содержанию становится терроризмом в любом проявлении и любом регионе, если он порождается идеями национально-религиозного превосходства и исключительности, абсолютизацией и сакрализацией этноконфессиональной идентичности, нетерпимостью к любым иноэтническим и иносрелигиозным проявлениям. Его источник – былая межрелигиозная и межконфессиональная вражда, которая маскирует полярные политические интересы; его «священная цель» – стремление защитить якобы оскверненные национальные или религиозные ценности. По силе своего влияния на национальные и религиозные чувства, масштабы психологического давления, угрозе национальной безопасности – этнорелигиозный терроризм безусловно сильнее, чем терроризм политический или уголовный.

По мнению Халиуллыной Л. И., в настоящее время фактически произошел перенос ксенофобного стереотипа в процесс социально-культурной коммуникации внутри самого коренного населения России, что привело к усложнению видового разнообразия экстремистских проявлений и их дальнейшему воспроизводству в обществе. Укоренился стереотип о неразрывной взаимосвязи национальности с исповедуемой религией (русский – православный, татарин – мусульманин, еврей – иудей и т.д.), поэтому проявления ненависти и вражды в большинстве случаев носят комплексный – национально-религиозный характер.

Активно осуществляют деятельность на территории субъектов Российской Федерации, традиционно населенных представителями народов, исповедующих Ислам: Чеченская республика, Ингушетия, Дагестан, Республика Татарстан, Республика Башкортостан и т.д.³

В 2014 году в состав Российской Федерации были включены еще два субъекта Республика Крым и г. Севастополь со своим неоднородным конфессиональным составом. На полуострове существуют общины 52-х конфессий, 67% организаций принадлежат к православию и исламу (505 и 410 соответственно). Более 20% от общего количества организаций – протестантские. Это религиозное направление представлено на полуострове 16-ю течениями. Также в Крыму действуют приходы Римско-католической (13), Украинской греко-католической (9), украинской автокефальной православной церковью (10). В Крыму существуют украинская, немецкая, караимские и иудейские общины. Есть на полуострове, и представители свидетелей Иеговы, мормонов и даже «Общества сознания Кришны»⁴. Сегодня безопасность в Крыму – это безопасность во всей России.

Положение Крыма на цивилизационном рубеже между христианским и мусульманским мирами во многом объясняет специфику существовавших ранее проявлений социокультурной конфликтности не только в сфере этнических, но и кон-

1 Халиуллыной Л. И. Преступления экстремистской направленности: новые угрозы обществу и российской государственности (на основе анализа материалов правоприменительной практики) // Евразийский юридический журнал. 2013. № 5 (60). С. 117.

2 Миронова О. А. Религиозный и этнорелигиозный терроризм как один из видов современных угроз национальной безопасности государства // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 4. С. 29-31.

3 Халиуллыной Л. И. Преступления экстремистской направленности: новые угрозы обществу и российской государственности (на основе анализа материалов правоприменительной практики) // Евразийский юридический журнал. – № 5 (60). С. 115-116.

4 Количество религиозный объединений в Крыму выросло... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.allcrimea.net/news/2015/2/9/>. – (дата обращения 01.03.2015)

фессиональных идентичностей. Пик обострения контактов религиозных лидеров православия и ислама, спровоцировавшее в Крыму конфликтность в межконфессиональных отношениях пришелся на начало 2000-х годов. Акты конфликтности проявились в сносе крымскими мусульманами придорожных православных крестов, установленных жителями некоторых населенных пунктов Крыма в качестве почтения одного из символов православной веры. Возникали споры вокруг реконструкции старых и строительства новых церквей и мечетей в местах, куда возвращались из депортации крымские татары, наблюдались акты вандализма над памятниками, представляющими культурно-историческую ценность для русского и крымскотатарского населения полуострова. Отдельно возникали конфликты вокруг территорий, представляющих культурную, историческую, религиозную ценность для крымской общности.

Сегодня в Республике Крым этих проблем не существует, установлен межконфессиональный мир и согласие. Но как известно в вопросах религии грань между миром и враждой очень тонкая. Профилактика возможных правонарушений на почве религии ведется постоянно.

Не вызывает сомнений очевидный факт, что одной из наиболее уязвимых для экстремизма социальных групп являются молодежь и социально не адаптированные люди. Следует отметить, что на современном историческом этапе определенная часть общества находится в поисках смысла жизни, ввиду возможной своей дезорганизации или утери жизненных ценностей, идеалов. Очевидно, что такой человек подвержен влиянию экстремистской идеологии, разрушающей традиционные ценности русской национальной культуры и национальных культур других народов России. Все это создает благоприятные условия идеологам экстремизма для одурманивания людей, находящихся в так называемом поиске, и вовлечение их в антиобщественную практику экстремистской направленности.

Всем понятно – чтобы этим опасным тенденциям противостоять, необходима эффективная стратегия. И начинать надо с главного: идеалов, ценностей, идей, идеологий, мировоззрений, принципов. Другими словами- речь идет о сфере духовности.

Большое внимание в решении проблемы укрепления духовности нации должны уделять представители традиционных религиозных конфессий, ибо как известно религия по многим направлениям вносит весомый вклад в ее решение. В связи с чем необходимо определить основные направления социального взаимодействия религиозных конфессий с гражданским обществом, государством, органами государственной власти и местного самоуправления.

В сфере взаимодействия традиционных конфессий и гражданского общества одним из важных направлений является противодействие экстремизму в молодежной среде. Экстремизм всегда делает ставку на молодежь и на духовную мотивацию. Экстремизм основан на сверхмотивациях и сверхзадачах, которые извращают систему человеческих ценностей. При экстремизме свобода превращается в рабскую подчиненность каким-либо противоестественным установкам. Экстремизм – это болезнь сознания, психики и духовности. Типичны для экстремизма пренебрежение к созидательному опыту поколений и государственным институтам, цинизм, инфантилизм, десоциализация. Экстремизм приводит к деформации духовно-нравственных основ жизни человека, семьи, общества. При противодействии экстремизму всегда требуются меры по укреплению духовной безопасности.

Пристойный библиографический список

1. Халиуллина Л. И. Преступления экстремистской направленности: новые угрозы обществу и российской государственности (на основе анализа материалов правоприменительной практики) // Евразийский юридический журнал. 2013. № 5 (60). С. 115-118
2. Миронова О. А. Религиозный и этнорелигиозный терроризм как один из видов современных угроз национальной безопасности государства // Общество: политика, экономика, право. 2015. № 4. С. 29-31.
3. Количество религиозных объединений в Крыму выросло... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://news.allcrimea.net/news/2015/2/9/>. – (дата обращения 01.03.2015)

ОБРИНСКАЯ Елена Константиновна

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Статья посвящена анализу государственной политики Российской Федерации в социокультурной сфере как направлению обеспечения национальной безопасности страны. В условиях глобализации национальная безопасность испытывает принципиально новые угрозы, предупреждение которых требует совершенствования деятельности органов государственной власти.

Ключевые слова: национальная безопасность, идентичность, глобализация, угрозы национальной безопасности, государственная политика, социальная политика, культурная политика, Стратегия национальной безопасности.

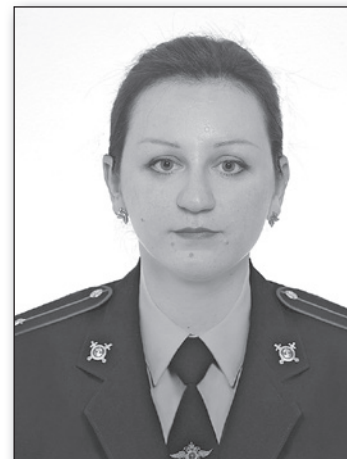
OBRINSKAYA Elena Konstantinovna

Ph.D. in political sciences, senior lecturer of State and Civil-law Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of Russia

RUSSIAN FEDERATION POLICY IN THE SOCIOCULTURAL SPHERE IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY ENSURING

Article is devoted to the analysis of Russian Federation state policy in the sociocultural sphere as direction of national security ensuring. In the conditions of globalization the national security experiences essentially new threats which warning requires enhancement of public authorities activities.

Keywords: national security, identity, globalization, national security treats, state policy, social policy, cultural policy, Strategy of national security.

Обринская Е. К.

Обеспечение национальной безопасности является основной задачей органов государственной власти любой страны, условием и залогом ее выживания в мировой цивилизации. Поэтому государственная политика в целом, по всем направлениям должна быть ориентирована в первую очередь на решение именно этой задачи.

Понятие и содержание национальной безопасности с течением времени существенно изменяется, но неизменной остается их зависимость от понятия и содержания угроз, которые ощущает на себе государство в тот или иной период времени. На современном этапе эти угрозы диверсифицируются, усложняя и систему национальной безопасности. Если первоначально безопасность подразумевала преимущественно военную сферу, то сегодня речь идет о комплексе разнообразных направлений деятельности. Одним из таких направлений является обеспечение духовной безопасности.

Особенно актуальным оказывается это направление обеспечения национальной безопасности в контексте актуализации инструментария «мягкой силы», используемого другими странами для реализации своей внешней политики и направленного против России, наносящего ощутимый ущерб ее национальным интересам. Этот процесс происходит не одно десятилетие, соответственно, технологии «мягкой силы» отработаны и отточены до совершенства. Как отмечает Р. П. Кошкин, «до Второй мировой войны США делали ставку на использование традиционных методов подрыва национальной безопасности своих партнеров «по новому мышлению», а именно: экономическое закабаление, угроза войной, сбор разведывательных данных, инспирирование межнациональных конфликтов, выращивание «агентов влияния», стимулирование эпидемий, проведение диверсионной работы и т.п. После окончания этой войны американские специалисты проанализировали ее результаты и всю тысячелетнюю историю Государства Российского и выработали новую стратегию под названием «культурная экспансия». Ее родоначальником считается Аллен Даллес, тогдашний руководитель

Центрального разведывательного управления США»¹. Стратегия «культурной экспансии» реализуется в самых разнообразных сферах – киноиндустрия, литература, политика, социальная сфера, мировоззрение и ценности общества. Такое всестороннее воздействие требует комплексной стратегии противостояния, которая должна выражаться в системной государственной политике в социокультурной сфере.

Важность социокультурного аспекта для обеспечения национальной безопасности зафиксирована во многих нормативно-правовых актах, например, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года. В соответствии с существующей нормативной базой формируется и государственная политика в социокультурной сфере, включающая разнообразные направления и реализующаяся различными ведомствами.

В частности, Министерство культуры в июле 2016 года начало реализацию проекта «Международный фестиваль российской культуры FEELRUSSIA» в Германии, имеющий целью «яркими штрихами дать представление о многообразии культуры нашей страны»². Подобные мероприятия в русле «мягкой силы» являются эффективным внешнеполитическим инструментом, так как, знакомя иностранную аудиторию с культурой народов России, делают российский народ и опосредованно российскую внешнюю политику понятнее, а значит – менее враждебными. Такая неагрессивная технология оказы-

- 1 Кошкин Р. П. Культура и безопасность в современном мире // Стратегические приоритеты. 2014. № 4. С. 21.
- 2 Международный фестиваль российской культуры FEELRUSSIA впервые пройдет в Баварии. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/mezhdunarodnyy-festival-rossiyskoy-kultury-feelrus> (дата обращения: 08.07.2016).

вается действенной еще и потому, что воздействие неочевидно, ему сложно противостоять.

25 июля в Крыму начала работу очередная профильная смена Всероссийского молодежного образовательного форума «Таврида», участниками которой стали «студенты исторических факультетов российских и иностранных университетов, аспиранты, молодые преподаватели истории, члены исторических клубов, а также авторы научных публикаций по исторической тематике»³. Мероприятие организовано Федеральным агентством по делам молодежи, Общественной палатой РФ и «Роспатриотцентром» при кураторстве Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам. Основной целью профильной смены форума является «поиск актуальных моделей преподавания истории в школах и вузах, а также популяризации исторического знания в обществе»⁴. Эта смена имеет особое значение не только как форма «общественной дипломатии» (коммуникация не правительство-правительство, а народ-народ), но и потому, что интерпретация прошлого, особенно в системе образования, закладывающей основы будущего – мощнейший внутри- и внешнеполитический инструмент.

Министерство труда и социальной политики Российской Федерации руководствуется в своей деятельности Концепцией государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. В Концепции основной ценностью провозглашается «большая многопоколенная семья...», в которой были налажены тесные взаимосвязи между несколькими поколениями родственников», а воспитательная стратегия «направлена на формирование у младшего поколения духовно-нравственных, этических ценностей и основана на уважении к родителям, а также людям старшего поколения». Помимо экономических сложностей, на которые наталкивается на современном этапе институт семьи (одной из которых является проблема жилья), угрозой является обесценивание самого понятия семьи – последние глобализационные процессы. Если в начале XX века естественным для российского государства (да и для подавляющего числа стран мира) было проживание в той местности, где человек родился, в течение всей жизни, то сегодня повсеместно дети стремятся вырваться из привычного окружения (с целью «посмотреть мир», в поисках «лучшей жизни» и т.д.). В отношениях между поколениями перенимается западная модель – дети не должны мешать жить родителям, а родители не должны вмешиваться в жизнь детей, причем это касается как взрослых, так и несовершеннолетних детей. В результате нарушаются связи между поколениями, искажается персональная и групповая идентичность, что приводит к серьезным психологическим проблемам личности и духовно-социальному кризису в обществе.

Поэтому Концепция государственной семейной политики декларирует, что «главными приоритетами успешного развития страны должны стать укрепление семьи как основы государства, а также формирование условий, при которых семья могла бы чувствовать уверенность в будущем, ощущала бы себя защищенной от рисков, связанных с появлением ребенка или нескольких детей в семье» и, соответственно «приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи». Эта задача еще далека от завершения, но сам факт признания существующих проблем и выработка стратегии их преодоления являются серьезными шагами на пути их решения. Сплочение семьи, укрепление связей между людьми способствуют не только оздоровлению общества, но и закладывают основы преодоления демографических проблем (снижение рождаемости, старение нации и т.п.).

Следует отметить, что государственная политика в социокультурной сфере наталкивается на системные препятствия. Это и недооценка серьезности угроз национальной безопасности в социальной и духовно-психологической сфере, и проблемы с распределением финансирования, и незнание, а потому неприятие российской политики и культуры за рубежом, существование устойчивых стереотипов о России.

Однако помимо этого есть еще и проблема полномочий в решении проблем именно в социокультурной сфере. Духовные и психологические вопросы традиционно относятся к категории «личного дела» индивида и вмешательство в эти дела рассматривается как посягательство на свободу личности.

Особенно болезненно это вмешательство воспринимается со стороны государства. Как отмечает В. Д. Рузин, «в развитых государствах объективно трудно стало насаждать свой суверенитет в культуре именно потому, что претензии власти на обладание данным суверенитетом стали входить в противоречие с аналогичными претензиями личности»⁵. Решить эту проблему не так просто. «Существует иллюзия, в частности, что если вдруг на каком-то популярном развлекательном телевизионном канале, который смотрят миллионы, вместо какого-то шоу начать показывать хорошие литературные чтения или «Лебединое озеро», то это станет намного популярнее, и эти миллионы будут смотреть то, что им предложат. Не будут они смотреть, к сожалению. Такая же тонкая на самом деле структура. Нужно пропагандировать – да, образовывать – да, каким-то образом пиарить – да, но навязывать... Навязывая, можно достичь совершенно обратного эффекта, отталкивающего»⁶. Поэтому именно в социокультурной сфере с учетом указанных проблем требуется особенно взвешенная и точная стратегия.

В целом в системе государственной власти Российской Федерации деятельность в социокультурной сфере реализуется одновременно многими ведомствами в рамках своей компетенции и в контексте обеспечения социокультурного аспекта национальной безопасности. Однако, по мнению автора, этой деятельности не достает системности непосредственно как способу обеспечения национальной безопасности России, залогом ее цивилизационного выживания, формирования основ благополучного будущего и, возможно создания базы для лидерства в мире.

Таким образом, очевидна необходимость выделения духовной и психологической безопасности в отдельное направление стратегии национальной безопасности России, объединяющее меры культурного, образовательного, духовного, социального характера. Эта необходимость диктуется как объективными тенденциями (глобализация), так и субъективными факторами (использование другими странами инструментария «мягкой силы», уязвимость по ряду причин российского общества для такого воздействия). Поэтому государственная социокультурная политика является неотъемлемой составляющей системы обеспечения национальной безопасности, не менее, если не более важной, чем военная сфера.

Пристатейный библиографический список

1. Кошкин Р. П. Культура и безопасность в современном мире // Стратегические приоритеты. 2014. № 4. С. 19-26.
2. Международный фестиваль российской культуры FEELRUSSIA впервые пройдет в Баварии. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <http://mkrf.ru/press-center/news/ministerstvo/mezhdunarodnyy-festival-rossiyskoj-kultury-feelrus> (дата обращения: 08.07.2016).
3. На «Тавриде» начала работу смена молодых преподавателей истории. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://fadm.gov.ru/news/30715>. (дата обращения: 26.07.2016).
4. Рузин В. Д. Стратегические приоритеты построения национального культурного суверенитета // Стратегические приоритеты. 2014. № 4. С. 55-66.

3 На «Тавриде» начала работу смена молодых преподавателей истории. [Электронный ресурс]. – режим доступа: <https://fadm.gov.ru/news/30715>. (дата обращения: 26.07.2016).

4 Там же.

5 Рузин В. Д. Стратегические приоритеты построения национального культурного суверенитета // Стратегические приоритеты. 2014. № 4. С. 58.

6 Там же. С. 61.

САФАРЯНОВ Ирик Фидаилевич

преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин Уфимский юридический институт МВД России

ПРАВОВАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Статья посвящена исследованию вопросов правовой и социальной защиты лиц, участвующих в борьбе с терроризмом. Анализируются виды правовой и социальной защиты.

Ключевые слова: борьба с терроризмом, защита, причинение вреда, возмещение вреда.

SAFARYANOV Irik Fidailevich

lecturer of Administrative-legal Disciplines sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

LEGAL AND SOCIAL PROTECTION OF PERSONS PARTICIPATING IN COMBATING TERRORISM

The article investigates the issues of legal and social protection of persons participating in combating terrorism. Analyzes the types of legal and social protection.

Keywords: terrorism, protection, harm, damages.

В последние годы в России и в других государствах мира проводится множество научных и научно-практических конференций, симпозиумов, «круглых столов» и других форм научных дискуссий по проблеме терроризма. Заключено множество двусторонних и многосторонних межгосударственных соглашений по координации деятельности по противодействию проявлениям терроризма. Тем не менее, сколько-нибудь эффективного решения этой проблемы ни в государственном, ни в мировом масштабах не найдено. Это говорит о том, что современный терроризм многолик и многомерен. Его виды, формы проявления и последствия практически невозможно прогнозировать, и, соответственно, невозможно выработать надежную методику противодействия¹.

Противодействие терроризму является комплексной задачей государства. Немаловажным аспектом в данной деятельности является правовая и социальная защита лиц, участвующих в борьбе с терроризмом. Федеральный закон от 6 марта 2006 года №35-ФЗ «О противодействии терроризму» устанавливает правовые и организационные основы минимизации и (или) ликвидации последствий проявления терроризма. В частности, в Федеральном законе определен порядок возмещения вреда причиненного в результате террористического акта, вопросы социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, и лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, категории лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, подлежащих правовой и социальной защите, а также условия возмещения вреда лицам, участвующим в борьбе с терроризмом, и меры их социальной защиты.

В своей работе мы остановимся на исследовании вопросов правовой и социальной защиты лиц, участвующих в борьбе с терроризмом.

Значимость социальной защиты сотрудников, принимающих участие в борьбе с терроризмом, обусловлена, во-первых, наличием конкретной угрозы их жизни и здоровью, во-вторых, государственной значимостью решаемых сотрудниками задач.

К категории лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, находящихся под защитой государства и подлежащих правовой и социальной защите относятся лица, указанные в статье 20 рассматриваемого Федерального закона: «Военнослужащие, сотрудники и специалисты федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов, осуществляющих борьбу с терроризмом; лица, содействующие на постоянной или временной основе федеральным органам исполнительной власти, осуществляющим борьбу с терроризмом, в выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии и расследовании террористических актов и минимизации их последствий; сотрудники Следственного комитета Российской Федерации, принимающие участие в выездах на места происшествия и документальном закреплении следов совершенных преступлений на территориях (перечне объектов), в пределах которых (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции; члены семей перечисленных выше лиц, если необходимость в обеспечении их защиты вызвана участием указанных лиц в борьбе с терроризмом»².

Законодательство устанавливает следующие виды правовой и социальной защиты для указанной категории лиц:

– возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу военнослужащих, участвующих в борьбе с терроризмом (п. 1 ст. 21 Федерального закона №35-ФЗ «О противодействии терроризму»);

– возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества военнослужащих, участвующих в борьбе с терроризмом (п. 5 ст. 21 Федерального закона №35-ФЗ «О противодействии терроризму»);

– установление периодов непосредственного участия военнослужащих в контртеррористических операциях, засчитываемых в выслугу лет на пенсию на льготных условиях (п. 2 ст. 23 Федерального закона №35-ФЗ «О противодействии терроризму»);

– установление военнослужащим, участвующим в борьбе с терроризмом, окладов по воинским должностям с учетом повышения, а также дополнительных гарантий и компенса-

1 Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. М., 2006. С. 1.

2 Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму»

ций (п. 3 ст. 23 Федерального закона №35-ФЗ «О противодействии терроризму»).

Возмещение вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу военнослужащих, участвующих в борьбе с терроризмом осуществляется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации³. Базовой нормой является п. 1 ст. 1064 ГК РФ, устанавливающий общие основания ответственности за причинение вреда. Данная норма содержит особый порядок по отношению к общей норме п. 1 ст. 15 ГК РФ, определяющей, что сотрудник, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненного ему вреда, если законом или договором не предусмотрено возмещение вреда в меньшем размере. Таким образом, законодательство определяет, что вред, причиненный личности или имуществу сотрудника, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Среди механизмов возмещения вреда эффективным страхование имеет важную роль, позволяя сократить бюджетные расходы, и своевременно получить выплату в счет компенсации вреда⁴.

Определенно, что все без исключения граждане имеют право на полное возмещение вреда, причиненного их здоровью. Впрочем, учитывая особую специфику работы данной категории граждан, государство установило для них дополнительные формы социальной защиты. В случае получения ими увечий при исполнении служебных обязанностей им выплачивают фиксированную сумму единовременного пособия. Эти виды правоотношений (правоотношения по возмещению вреда и правоотношения по выплате единовременного пособия) реализуются в объединенной по социальному значению сфере защиты жизни и здоровья указанной категории граждан.

Возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества военнослужащих, участвующих в борьбе с терроризмом, по данному виду стоимость имущества покрывается путем выплаты сотруднику денежной суммы федеральным органом исполнительной власти, в котором он проходит службу. Размер возмещения складывается исходя из расходов, нужных для восстановления поврежденного имущества, и размера уценки имущества ввиду его повреждения либо стоимости утраченного имущества по рыночной стоимости, действующей в конкретной местности на момент возмещения стоимости имущества, с учетом износа утраченного или поврежденного имущества.

Установление периодов непосредственного участия военнослужащих в контртеррористических операциях, засчитываемых в выслугу лет на пенсию на льготных условиях. Периоды службы, нужные для льготного подсчета выслуги лет в целях получения пенсии, конкретизированы в Постановлении Правительства РФ от 9 февраля 2004 года №65 «О дополнительных гарантиях и компенсациях военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти, участвующим в контртеррористических операциях и обеспечивающим правопорядок и общественную безопасность на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации». Данное Постановление распространяется на сотрудников и военнослужащих специальных сил по обнаружению и пресечению

деятельности террористических организаций и групп, их лидеров и лиц, участвующих в организации и осуществлении террористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, а также сотрудников и военнослужащих Объединенной группировки войск по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации:

– проходящих службу (военную службу) в воинских частях, учреждениях и подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также в органах внутренних дел Российской Федерации, учреждениях, органах и подразделениях уголовно-исполнительной системы, Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ (далее - воинские части и органы), дислоцированных на постоянной основе на территории Республики Дагестан, Республики Ингушетия и Чеченской Республики;

– командированных в названные воинские части и органы;

– направленных в Республику Дагестан, Республику Ингушетия и Чеченскую Республику в составе воинских частей, воинских формирований, подразделений, групп и органов (в т.ч. для выполнения задач по обустройству воинских частей и органов, дислоцированных на территориях указанных Республик);

– участвующих в контртеррористических операциях и обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность на административной границе с Чеченской Республикой в составе воинских частей, воинских формирований, подразделений, групп и органов по перечням, определяемым соответствующими федеральными органами исполнительной власти;

– проходящих службу (военную службу) в воинских частях и органах, дислоцированных на постоянной основе на территории Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики и Республики Северная Осетия - Алания;

– командированных в воинские части и органы, дислоцированные на постоянной основе на территории Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики и Республики Северная Осетия - Алания;

– направленных в Кабардино-Балкарскую Республику, Карачаево-Черкесскую Республику и Республику Северная Осетия - Алания в составе воинских частей, воинских формирований, подразделений, групп и органов (в т.ч. для выполнения задач по обустройству воинских частей и органов, дислоцированных на территориях указанных Республик).

Установление военнослужащим, участвующим в борьбе с терроризмом, окладов по воинским должностям с учетом повышения, а также дополнительных гарантий и компенсаций. Военнослужащим и сотрудникам федеральных органов исполнительной власти и иных государственных органов, на прямую связанных в борьбе с терроризмом, Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации устанавливаются оклады по воинским должностям (должностные оклады) с учетом повышения, а также могут устанавливаться дополнительные гарантии и компенсации. Данные льготы и компенсации установлены Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2011 года №1174 «О дополнительных выплатах отдельным категориям военнослужащих и

3 Постановление правительства РФ от 21.02.2008 №105 «О возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью лиц в связи с их участием в борьбе с терроризмом».

4 Игбаева Г. Р., Игбаева З. Р. Социальная природа обязательного государственного страхования // Российский юридический журнал. 2010. № 3 (72). С. 125-129.

сотрудников федеральных органов исполнительной власти». Данное Постановление работает в отношении сотрудников и военнослужащих специальных сил по обнаружению и пресечению деятельности террористических организаций и групп, их лидеров и лиц, участвующих в организации и осуществлении террористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации, а также сотрудников и военнослужащих Объединенной группировки войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации:

1) проходящих военную службу в воинских частях, учреждениях и подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также службу в органах внутренних дел Российской Федерации, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, дислоцированных на постоянной основе на территории Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Северная Осетия - Алания и Чеченской Республики;

2) командированных в указанные воинские части, учреждения, подразделения и органы;

3) направленных в Республику Дагестан, Республику Ингушетия, Кабардино-Балкарскую Республику, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Северная Осетия – Алания и Чеченскую Республику в составе воинских частей, воинских формирований, подразделений, групп и органов (в т.ч. для выполнения задач по обустройству воинских частей и органов, дислоцированных на территориях указанных Республик);

4) участвующих в контртеррористических операциях и обеспечивающих правопорядок и общественную безопасность на административной границе с Чеченской Республикой в составе воинских частей, воинских формирований, подразделений, групп и органов, включенных в перечни, определяемые соответствующими федеральными государственными органами.

Постановлением установлены следующие виды льгот и компенсаций:

1) для всех названных выше сотрудников и военнослужащих - выплаты:

а) сотрудникам и военнослужащим, проходящим военную службу по контракту, - ежемесячная надбавка к денежному довольствию в размере 2 месячных окладов в соответствии с замещаемой должностью (занимаемой воинской должностью);

б) военнослужащим, проходящим военную службу по призыву, - оклады по воинским должностям и выплаты в соответствии с ч. 8 ст. 2 и ч. 6 и 7 ст. 3 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат»;

2) дополнительные социальные гарантии сотрудникам и военнослужащим, не включенным в состав специальных сил и сил Объединенной группировки:

а) проходящим военную службу в воинских частях, учреждениях и подразделениях Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, а также службу в органах внутренних дел Российской Федерации, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и органах федеральной фельдъегерской связи, дислоцированных на постоянной основе на территории Республики Дагестан, Республики Ингушетия, Кабардино-Балкарской

Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Северная Осетия - Алания и Чеченской Республики;

б) командированным в воинские части, учреждения, подразделения и органы, указанные в подпункте «а»;

в) отдельным категориям сотрудников, выполняющим задачи по охране общественного порядка, защите конституционных прав граждан и пресечению деятельности незаконных формирований на территориях, сопредельных с территорией Чеченской Республики, проходящих службу в органах (подразделениях) внутренних дел Российской Федерации, входящих в перечень, определенный Министерством внутренних дел Российской Федерации, и дислоцированных на постоянной основе в Ставропольском крае (общей численностью 600 человек), а также командированных в эти органы (подразделения) для выполнения указанных задач.

Таким образом участие лиц в мероприятиях, связанных с противодействием терроризму, в том числе в контртеррористических операциях, непременно связано с большим риском для их жизни и здоровья. Для эффективного противодействия терроризму и предупреждения его акций, необходимы квалифицированные кадры, которые должны быть уверены, что государство обеспечит полную и проработанную систему правовой и социальной защиты данных лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 06.03.2006 №35-ФЗ (ред. от 06.07.2016) «О противодействии терроризму».
2. Постановление правительства РФ от 21.02.2008 №105 «О возмещении вреда, причиненного жизни и здоровью лиц в связи с их участием в борьбе с терроризмом».
3. Дикаев С. У. Террор, терроризм и преступления террористического характера. М., 2006.
4. Игбаева Г. Р., Игбаева З. Р. Социальная природа обязательного государственного страхования // Российский юридический журнал. 2010. № 3 (72). С. 125-129.

ШАРИФЗОДА З.

аспирант Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ИНТЕРНЕТА В ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

В статье рассматривается проблема использования Интернета в экстремистских и террористических целях. В статье также анализируется, как в пространстве Интернета проявляются новые факторы влияния на мировую политику и положение государств на планете.

Ключевые слова: Интернет, социальная сеть, терроризм, экстремизм, безопасность.

SHARIFZODA Z.

postgraduate student of Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

COUNTERING OF THE USE OF INTERNET FOR AN EXTREMIST AND TERRORIST PURPOSES

The article consider the problem of using the Internet for extremist and terrorist purposes. The article also analyses how in the Internet space appears new factors of influence on world politics and the position of countries in the world.

Keywords: Internet, social network, terrorism, extremism, security.

Шарифзода З.

Современные информационно-коммуникационные технологии являются одним из стратегических факторов, способствующих все более широкому использованию Интернета террористическими организациями и их сторонниками для решения широкого круга задач, включая вербовку, финансирование, пропаганду, подстрекательство в террористических целях.

Сам по себе Интернет – сложный феномен, не сводимый к единому определению. У него множество граней, включающих в себя технические, социальные и политические аспекты. Здесь и далее под терминами «интернет-пространство», «интернет» мы имеем в виду совокупность сетевых отношений, социальных институтов, технологий и технических средств, связанных внутри себя и друг с другом с помощью компьютерно-опосредованных линий, а также характеризующихся единым временем и пространством с особыми характеристиками¹.

В таком расширенном толковании Интернет включает в себя действительность, претендуя не только на виртуальность, но и часть традиционно понимаемой «реальности», в том числе на совокупность социальных и технологических сетей. Интернет приходит к своему дословному толкованию – «межсетевое пространство». Интернет практически становится местом пересечения всех крупных сетевых организаций. Сетевая организация подразумевает иное предназначение личности в организации, иную политическую роль отдельного человека. Требованием к сетевой эффективности является возможность получения и распространения информации, включая информационное действие в любом месте в любом объеме.

Один из теоретиков Интернета А. Абдуджалилов, исследуя правовую природу Интернета, обращает внимание на двойственную составляющую Интернета: «В самом деле, – пишет А. Абдуджалилов, – Интернет, объединяя компьютеры и серверы, создает новое виртуальное пространство в мировом масштабе, и это пространство является новой средой для общения людей. И основная функциональная задача Интернета как объединения сетей с точки зрения права – это не установление связей между компьютерами как таковыми в глобальном мировом масштабе, а между людьми, которые пользуются этими компьютерами для отношения между собой².

Интернет позволяет людям легко общаться с почти безграничной аудиторией в условиях относительной анонимности, быстро и эффективно преодолевая государственные границы.

В первой половине 1990-х гг. многие государства считали, что международные сетевые организации в конфликтных ситуациях представляют собой прямую угрозу национальной безопасности и пытались действовать прямыми силовыми средствами, однако по большей части применение силовых средств оказалось безуспешным.

Сетевая координация действий террористических групп позволяет им пережить военные удары, нанесенные по ее опорным базам в Афганистане и Сирии и других регионах мира. Перенеся свою коммуникацию в Интернет, они быстро обрастают мифами, а поразить миф или бренд гораздо сложнее, чем лагерь талибов и сторонников этих террористических групп. Бренды, мифы, слоганы стали дополнительным средством коммуникации, наряду с телефоном, интернетом или телевизором.

Сложность борьбы с сетевой организацией, в центре которой находится виртуальный бренд, заключается в том, что чем больше противоборствующей стороной раздувается «образ врага», тем более могущественным этот образ становится, привлекая к себе все новых сторонников, которые действительно делают его сильнее³.

В январе 2012 года сеть «Twitter» объявила о том, что она намерена внести изменения в свою политику, определяющую контент, и будет блокировать твит-сообщения в тех странах, где существует риск нарушения этими сообщениями местных законов⁴.

В конце 2014 года «Twitter», по имеющейся информации, приостановила действие, по меньшей мере 1000 аккаунтов, связанных с ИГИЛ⁵, что судя по сообщениям, спровоцировало угрозы со стороны ИГИЛ в ее адрес в 2015 году⁶.

В средствах массовой информации удивляются и даже насмехаются над тем, что исламисты так активны в интернете⁷.

1 Торкунов А. В., Тюлин И. Г. Мельвиль Ю. А. Современные международные отношения и мировая политика. – М.: Просвещение 2005, МГИМО. – С. 223.
2 Абдуджалилов А. Теоретические проблемы гражданских правоотношений в Интернете. – Душанбе, 2016. – С. 37.

3 Песков Д. Н. Интернет с мировой политикой: формы и вызовы. – М.: Просвещение, 2004.
4 Twitter, «Tweetmustflow» («Сообщения в сети должны по-прежнему передаваться»), 26 января 2012.
5 J. M. Bergerand Jonathon Morgan, «The ISIS Twitter census: defining and describing the population ISIS supporters on Twitter» (Дж. М. Бергер и Джонатон Морган «Перепись сторонников ИГИЛ-пользователей сети «Twitter: определение и описание контингента сторонников ИГИЛ в сети «Twitter»), Брукингский институт, № 20 (Washington. D. C., March 2015).
6 Michael Isikoff, Twitter under pressure to act more aggressively against terrorists» (Майкл Изикофф, сеть «Twitter» под давлением требований о более решительной борьбе с террористами», YahooNews, 18 февраля 2015 г.
7 Шмидт В. Клавиатура компьютера вместо автомата Калашникова: воины Аллаха онлайн, Март 2012 г.

Когда в мае 2011 г. талибы создали пользователя в «Twitter», для некоторых газет это стало поводом для высмеивания под девизом «бомбить государство каменного века с шариатом и одновременно быть в Twitter!» Это факт: джихадисты в первую очередь, молодые, выросшие на Западе, используют, само собой разумеется, технические ноу-хау и довольно часто все онлайн-каналы, на которые они могут попасть: форумы, блоги, социальные сети, видео порталы. Но дело заключается в том, что интернет предлагает каждому уголок: будь то расист, христианин или джихадист⁸.

Одним из основных направлений использования Интернета террористами является пропагандистская деятельность, осуществляемая путем распространения пропагандистских материалов, содержащих идеологические или практические наставления, разъяснения, оправдания или рекламу террористической деятельности.

Террористами широко используется и аккаунты в сети «Facebook», для распространения сообщений экстремистского содержания. «Facebook» активно реагирует на этот вызов, закрывая сотни аккаунтов, используемых для обмена насильственно-экстремистскими материалами, и усиливая мониторинг⁹.

Организация «Исламское Государство Ирака и Леванте» (ИГИЛ) воспользовалась в полной мере возможностями Интернета и социальных сетей для распространения своей идеологии, информирования о своей деятельности, сбора финансовых средств и разработки и координирования своих операций. Подсчитано, что за период с сентября по декабрь 2014 года сторонники ИГИЛ использовали примерно 46000 счетов в сети «Twitter»¹⁰.

ИГИЛ выпускает высококачественные пропагандистские видеоролики в духе современной поп-культуры, например с использованием сюжетов из кинофильмов и видеоигр, которые умело ориентированы на зрителей, относящихся к уязвимым группам населения. Это явление направлено на «узко ориентированное вещание» (т.е. создание веб-сайтов, которые рассчитаны на конкретную аудиторию, в том числе на женщин и детей). Кроме того, ИГИЛ развернуло в сети целенаправленные кампании по вербовке иностранных боевиков террористов, ориентированные на компьютерных хакеров веб-дизайнеров и разработчиков программ-приложений к мобильным телефонам и специализированных социально-сетевых платформ. Другие сетевые кампании вербовки нацелены на врачей, инженеров и квалифицированных представителей других профессий.

Анализ информационного поля Таджикистана свидетельствует о возрастающем масштабе использования Интернета в целях распространения экстремистских и террористических идей и призывов. Свыше 80% пользователей интернет-сайтов вольно или невольно получают посредством социальных сетей доступ к материалам экстремистского характера.

В своем послании к Маджлиси Оли Республики Таджикистан от 20 января 2016 года Президент Республики Таджикистан Э. Рахмон поручил «Генеральной прокуратуре совместно с другими соответствующими государственными органами как можно скорее разработать и представить Национальную стратегию Республики Таджикистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2016-2020 годы ... Для налаживания на необходимом уровне противодействия использованию сетей Интернета с экстремистскими и террористическими целями Министерству внутренних дел, Государственному комитету национальной безопасности, Генеральной прокуратуре и другим соответствующим органам необходимо представить Правительство обоснованное представление относительно создания центра борьбы против преступлений с использованием информационных технологий и кибертерроризма»¹¹.

В связи с растущими масштабами использования террористами информационно-коммуникационных технологий государственные органы страны проводят внутрисударственные меры пресечения. Государственными органами Республики Таджикистан проводится определенная работа по выявлению и блокировке сайтов, распространяющих экстремистские террористические материалы. Только в 2014 году в сетях «Youtube» и «Odnoklassniki» был выявлен и заблокирован доступ к 5 500 видеороликам, фото и другим экстремистским материалам. Комитетом по делам молодежи спорта и туризма при Правительстве Республики Таджикистан, Центром стратегических исследований, Генеральной прокуратурой, МВД, ГКНБ в сети Интернет распространяются материалы конференций, семинаров, круглых столов направленных на противодействие экстремизма и терроризма. В сети Интернет открыт специальный сайт «Авангард против террора», в котором публикуются антиэкстремистские и антитеррористические материалы. В правоохранительных органах созданы специализированные подразделения (отделы) по борьбе с киберпреступностью, которые призваны обеспечивать выявление и расследования преступлений с использованием информационных преступлений, в том числе преступлений террористического характера.

В силу своей юрисдикции каждое государство осуществляет контроль за серверами, расположенными на его территории, однако использование «облачной» среды, означает, что данные хранятся на серверах расположенных за пределами территориальной юрисдикции этого государства. В этой связи, необходимо укрепить международное сотрудничество в противодействии использованию Интернета и социальных сетей в террористических целях. Однако единый международный подход к регулированию Интернета и социальных сетей вряд ли возможен. Он затрудняется расхождением во мнениях по вопросам свободы слова и законного права блокировать контент и подвергать его цензуре, а также проблемами экстерриториальности оффшорных данных.

Происходящие в современном мире процессы глобализации требуют адекватного изменения политики взаимодействующих государств. Необходима последовательная интеграция антитеррористических усилий всех стран, совместная разработка и реализация проектов в области противодействия терроризму, что, в свою очередь, позволит сделать очередной шаг на пути развития единого антитеррористического, в том числе информационного пространства.

Пристатейный библиографический список

1. Абдуджалилов А. Теоретические проблемы гражданских правоотношений в Интернете. – Душанбе, 2016.
2. Доклады участников регионального семинара для экспертов Центральной Азии «Региональное сотрудничество и эффективные меры борьбы с иностранными боевиками-террористами». Душанбе, 24-26 февраля 2015 г.
3. Отчет группы по аналитической поддержке и наблюдению за санкциями, учрежденный резолюцией 1526, S/2015/358.
4. Песков Д. Н., Интернет в мировой политике: Формы и вызовы. – М.: МГИМО-Университет, Просвещение, 2005.
5. Послание Президента Таджикистана Э. Рахмона к Маджлиси Оли Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prezident.tj/ru/node/10587>
6. Рекомендации Круглого стола, проведенного в ОДКБ на тему «Информация и терроризм», [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/19/ekstremizm-site.html> (дата обращения-18.01.2015)
7. Торкунов А. В., Тюлин И. Г., Мельвиль Ю. А., Современные международные отношения и мировая политика. – М.: Просвещение 2005, МГИМО.
8. Шмидт Вольф. Клавиатура компьютера вместо автомата Калашникова: воины Аллаха онлайн, Март 2012 г.
9. Berger J.M. and Jonathon Morgan, "The ISIS Twitter census: defining and describing the population of ISIS supporters on Twitter, Analysis Paper N2 (Washington, D.C. Brooking Institutions, 2015)
10. Guistozzi Antonia. Koran, Kalashnikov and Laptop., Hurst and Company, London. 2007.

8 Там же.

9 Шив Маклик и другие, «ИГИЛ сражается с сетями «Twitter» и «Youtube» за распространение экстремистской пропаганды», Shiv Malik and others, "ISIS in duel with Twitter and Youtube to spread extremist propaganda, Guardian, 24. September 2014.

10 Berger J. M and Jonathon Morgan, "The ISIS Twitter census: defining and describing the population of ISIS supporters on Twitter, Analysis Paper N2 (Washington, D.C. Brooking Institutions, 2015)

11 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prezident.tj/ru/node/10587>

ШАРИФЗОДА З.

аспирант Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан

ГУЛАХМАДОВ Давлатшо

Первый секретарь Управления Стран Азии и Африки Министерства иностранных дел Республики Таджикистан

УГРОЗА МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПО БОРЬБЕ С НИМ

В статье рассматривается проблема угрозы международного терроризма в Центральной Азии, а также национальный подход в противодействии этой угрозе.

Ключевые слова: Центральная Азия, терроризм, экстремизм, талибан, радикализм.

SHARIFZODA Z.

postgraduate student of Institute of Philosophy, Political Science and Law of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan

GULAHMADOV Davlatsho

first secretary of the Department of Asian and African of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan

THE THREAT OF INTERNATIONAL TERRORISM IN CENTRAL ASIA AND NATIONAL APPROACH IN COUNTERING IT

The article consider the threat of international terrorism in Central Asia, and national approach in countering with this phenomenon.

Keywords: Central-Asia, terrorism, extremism, taliban, radicalism.

Центральная Азия представляет собой обширный регион, который включает в себя Афганистан, северные области Ирана, Индии и Пакистана, запад Китая, а также часть азиатской территории России и пять бывших советских республик – Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан. В силу своего уникального географического положения и новых геополитических реалий Центральная Азия в последнее время привлекает к себе все больше внимания.

Во-первых, в этом регионе, система безопасности которого неразрывно связана с глобальной системой безопасности, проблема «новых вызовов» стоит особенно остро. Длительная афганская проблема, рост радикальных религиозных течений, стремительное расслоение мирового сообщества на богатых и бедных особо отразилось на государствах региона, который изначально не относился к экономически развитому сектору мира. Эти обстоятельства послужили причиной того, что международный терроризм, религиозный экстремизм и этно-национальный сепаратизм, организованная преступность, незаконный оборот наркотических средств и оружия, нелегальная миграция нашли благодатную почву на территории Центральной Азии.

Аналитики в Таджикистане все чаще констатируют, что безопасность Центральной Азии неразрывно связана с положением дел в Афганистане. Таджикистан, имея самую протяженную в Центральной Азии границу с Афганистаном со сложным горным рельефом, рассматривает развитие событий в этой стране сквозь призму борьбы с терроризмом, экстремизмом и наркоторговлей¹.

1 Зарифи Х. Таджикистан в системе обеспечения региональной безопасности ОБСЕ. – Душанбе, Ирфон, 2011. – С. 32.

Шарифзода З.

Гулахмадов Д.

Ситуация в Афганистане, несмотря на усилия Международной антитеррористической коалиции и афганского правительства, остается критической и имеет тенденцию к еще большему обострению. Союзникам по антитеррористической коалиции в Афганистане не удалось достигнуть главной, официально поставленной цели – ликвидировать политико-идеологическую основу и материально-техническую базу движения Талибан, разгромить террористические структуры Аль-Каиды и изолировать лидеров преступного альянса. Талибы не только сумели восстановить свои силы и структуры, но и начали активно действовать по всей стране.

Трагические события 11 сентября 2001 года в США не стали неожиданностью для мирового сообщества. Еще до совершения этого террористического акта всем было хорошо известно, что режим талибов превратил Афганистан в рассадник международного терроризма и наркоторговли. В условиях полной бесконтрольности образовался конгломерат преступного сообщества и мировой центр подготовки международных террористов для борьбы с законными правительствами.

Продвижение боевиков движения «Талибан», «Аль-Каиды», «Исламского движения Узбекистана (ИДУ)» «Исламского движения Восточного Туркестана», Джамаат «Ансаруллах» и так называемого «Исламского государства (ИГИЛ)» к территориям, непосредственно прилегающим к государственными границам стран Центральной Азии, продолжает оставаться дестабилизирующим фактором и весьма опасным очагом военно-политического напряжения в регионе.

Во-вторых, ввиду богатых человеческих и природных ресурсов Центральная Азия представляет собой стратегически важный регион, где пересекаются интересы многих участников – таких государств глобального значения, как Россия, Китай и США, а также держав регионального значения, как Индия, Иран, Пакистан, Турция, Саудовская Аравия.

Центрально-Азиатский регион имеет свою специфику, заключающуюся в том, что здесь в межгосударственных отношениях продолжают сохраняться большие различия в политической, идеологической ориентации, имеются острые территориальные, экономические, национально-этнические, религиозные и другие противоречия, способные в определенных условиях перерасти в вооруженные конфликты². Естественно, ни одно государство не в состоянии локализовать эти угрозы в одиночку. Для устранения этих угроз и обеспечения безопасности могут способствовать международные и региональные организации, как Организация Объединенных Наций (ООН), Шанхайская Организация Сотрудничества (ШОС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе, (ОБСЕ) и др.

По оценкам экспертов, между странами Центральной Азии наблюдается только видимость тесного сотрудничества в военно-политической и экономической сферах через организации вроде ШОС и ОДКБ. Однако в реальности уровень внутрирегионального сотрудничества оставляет желать лучшего³.

Совокупность определенных исторических, геополитических, экономических, социально-культурных факторов показывают подверженность и уязвимость государств региона перед террористической угрозой. Неблагоприятные социально-экономические условия могут послужить благодатной почвой для роста недовольства, что неизбежно ведет к радикализации взглядов населения. До недавнего времени внимание международного сообщества было сосредоточено только на терроризме, не приводя при этом тщательного анализа и изучения причин, способствующих возникновению этой проблемы. На самом деле никто не рождается террористом. Радикализация и экстремизм, которым характерна крайность позиций и действий по достижению поставленных задач, отличаются по степени крайности идей и реальности их исполнения. При радикализации идеи и цели могут быть направлены на глубокие изменения, но не обязательно иметь экстремальный и действенный характер, тогда как при экстремизме идеи являются предельно жесткими, а намерения почти реализуемы. Распространяемая радикальная идеология нацелена на разжигание религиозной розни, расшатывание государственных устоев и изменение тем самым общественно-политического строя стран региона насильственными методами.

Сегодня важно отметить факторы, способствующие росту терроризма и экстремизма в странах Центральной Азии.

Подталкивающий фактор – где основной мотивацией вступления людей в террористические группы выступает финансовый стимул. Экономический и социальный кризис, безработица и обнищание значительной части населения может способствовать этому процессу.

Связь между бедностью и терроризмом действительно существует, но эта связь непрямая. Малообеспеченный, нуждающийся в пище, одежде, жилье человек может встать на путь насилия по двум причинам. Первая – потому что он не видит возможности найти легальный и стабильный источник заработка в условиях массовой безработицы, глубокого и длительного экономического кризиса в стране. Вторая – когда свободных рабочих мест хватает, но отсутствие знаний, квалификации, навыков, привычки к тяжелому физическому труду, а отсюда и желание работать, что свойственно преимущественно молодежи, толкает человека на поиск виновных на стороне.

Притягивающий фактор – главной мотивацией является идеология экстремистских и радикальных группировок. Большинство террористических групп опираются на идеологию, которая не только определяет их политические цели, но и содержит моральное оправдание применяемого насилия. Они считают оправданным использование насилия против коррумпированных властных структур, правительств, обогащающихся за счет простых людей. Идеологи экстремизма используют в своих интересах экономические трудности, отдельные проявления коррупции, недостаток надлежащего светского и религиозного образования населения.

Высокая уязвимость мусульманских общин в сторону религиозно-политического экстремизма имеет идеологические и мировоззренческие корни. Неоднозначность понимания и толкования основных положений источников исламского вероучения, а также разделение исламской религии на различные религиозно-правовые школы (суннизм и шиизм) и идейные течения (традиционализм, суфизм, фундаментализм, салафизм и т.д.) поощряет рост радикализма и экстремизма. Это обстоятельство предопределяет неизбежность политизации и радикализации ислама. Положение усугубляется также незнанием простыми людьми гуманистических, нравственных и социальных идей, содержащихся в первоисточниках исламского вероучения, что повышает риск их религиозного фанатизма и попадания в сети пропагандистов экстремистских идей.

Сложные взрывоопасные события на Ближнем Востоке и вокруг него образовали почву для теории о том, что основные противоречия сегодняшнего мира почва для теории о том, что основные противоречия сегодняшнего мира – цивилизационно-религиозные. Придерживающиеся этой теории политологи пошли еще дальше, утверждая, что на смену идеологическому разделу мира наступил цивилизационно-религиозный.

Такого рода раздел сегодня связывается с появлением на мировой арене международного терроризма, который якобы связан с исламом как с религией. Только невежды и хулители Ислама могут утверждать, будто одна из древнейших мировых религий, которую исповедует значительная часть населения земли, порождает терроризм⁴.

Сегодняшняя действительность, такова, что многие террористические организации, такие как «Аль-Каида», «ИГИЛ», действительно рядятся в исламские одежды, выдвигая в качестве своей задачи создание единого халифата на территории всех государств с мусульманским населением.

Одним из источников угроз усиления экстремизма в странах Центральной Азии выступает пропаганда радикальной идеологии, вовлечение молодежи в ряды террористических

2 Махмадов П. А. Безопасность в условиях трансформации общества. – Душанбе. «Андалеб Р», 2015.

3 Аналитический доклад «Центральная Азия -2020: взгляд изнутри». Часть 2. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iarex.ru/article/29105.html> (дата обращения: 01.10.2016).

4 Примаков Е. Конфиденциально: Ближний Восток на Сцене и за Кулисами – Москва: «Российская газета», 2012. – С. 406.

и экстремистических группировок для участия в боевых действиях на территории арабских государств Ирака и Сирии со стороны так называемого «Исламского Государства» (бывшее Исламское Государство Ирака и Леванта – ИГИЛ) и сотрудничающих с ним террористических организаций.

Процессы распространения терроризма и экстремизма во всем мире приобретают масштабный характер.

Продолжающаяся эскалация насилия в Сирии, Ираке, других странах Среднего и Ближнего Востока, где орудуют идеологически связанные с «Аль-Каидой», Исламского движения Узбекистан (ИДУ), Исламской движение Восточного Туркестана, группировки, включая «Джабхат ан Нусра» и так называемой «Исламские Государство Ирака и Леванта (ИГИЛ)» всплеск их активности происходит на фоне ослабленных или разрушенных, в том числе не извне, государственных институтов, а в отдельных случаях при поддержке со стороны различных внешних факторов. Их мощь значительно возрастает за счет «взаимовыгодного сотрудничества» с транснациональной организованной преступностью. Существенным источником дохода ряда террористических организаций стала нелегальная торговля нефтью.

Проблема международного терроризма является многоцелевым политическим инструментом. Под флагом войны с террором осуществляются многопрофильное сотрудничество, консолидация международного общественного мнения, мобилизация политической воли, реализация интересов различных государств.

После террористической атаки в США стало очевидно, что никакой самой богатой и мощной в военном отношении стране не по силам в одиночку справиться с новой угрозой международного терроризма. Нужны партнеры, союзники и принципиально более высокий уровень взаимодействия.

Для борьбы с терроризмом необходимо определить приоритетные цели, для достижения которых должно сосредоточиться все мировое сообщество. Условно это можно определить как четыре группы задач:

- 1) сжатие и ликвидация жизненного пространства терроризма;
- 2) пресечение финансовых потоков, питающих терроризм;
- 3) проникновение в подпольные террористические сети и их ликвидация;
- 4) разрушение связей между исламом и исламским экстремизмом.

Каждая из задач очень сложна, потребует выработки новых норм международного права, глубоких изменений в структуре и методах подготовки вооруженных сил и т. д.⁵

Страны Центральной Азии решительно осуждают экстремизм и терроризм во всех его формах и проявлениях и выступают за принятие коллективных усилий мирового сообщества по борьбе с этим явлением. Подход к проблеме борьбы с международным терроризмом должен быть комплексным. Сегодня становится более очевидным, что борьба с терроризмом заключается не только в жестких репрессивных мерах. Необходимо бороться с причинами и факторами, его порождающими, т.е. уделять больше внимания идеологии и социально-экономическим факторам.

Эволюция указанных угроз лишней раз подтверждает, что международное сотрудничество в борьбе с терроризмом должно быть выстроено на коллективных скоординированных началах при центральной роли ООН. И уж конечно, при непреклонном соблюдении международного права, основополагающих принципов Устава ООН.

Понимая что, борьба с международным терроризмом и экстремизмом требует взаимодействия государств на всех уровнях (глобальном, региональном и двустороннем), страны Центральной Азии подписали ряд международных и межгосударственных договоров и соглашений в данной сфере. Большое значение придается развитию регионального сотрудничества Региональной Антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества (РАТС), Антитеррористического центра Содружества Независимых Государств, а также в рамках предпринимаемых мер в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ). Страны Центральной Азии поддерживают Глобальную контртеррористическую стратегию ООН (ГКС ООН), которая обеспечивает прочную основу для эффективного противодействия международному терроризму.

Пристатейный библиографический список

1. Аналитический доклад «Центральная Азия-2020: взгляд изнутри». Часть 2. 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iarex.ru/article/29105.html> (дата обращения: 01.10.2016)
2. Зарифи Х. Таджикистан в системе обеспечения региональной безопасности ОБСЕ. – Душанбе, Ирфон, 2011.
3. Махмадов П. А. Безопасность в условиях трансформации общества. – Душанбе. «Андалеб Р», 2015.
4. Примаков Е. Конфиденциально: Ближний Восток на Сцене и за Кулисами. – Москва «Российская газета», 2012.
5. Торкунов А. В., Тюлин И. Г., Мельвиль Ю. А. Современные международные отношения и мировая политика. – М: Просвещение, 2005.

5 Торкунов А. В., Тюлин И. Г. Мельвиль Ю. А. Современные международные отношения и мировая политика. – М: Просвещение, 2005. – С. 289.

НАМСАРАЕВА Оксана Сергеевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Бурятского государственного университета

Намсараева О. С.

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ВУЗЕ

Автор рассуждает о содержательных и методических аспектах преподавания гражданского права. Выделены основные дидактические единицы дисциплины: гражданское законодательство как совокупность нормативных правовых актов, регулирующих имущественные и личные неимущественные общественные отношения, цивилистическая доктрина как источник гражданского права и правоприменительная практика как единство правоприменительной деятельности и правоприменительного опыта. Утверждается, что традиционные подходы к обучению в юридических вузах не в полной мере соответствуют современным требованиям. На основе обзора статей выделены актуальные аспекты совершенствования преподавания гражданского права: работа с терминологией, значимость сравнительно-правового подхода, внимание на цивилистическую доктрину и формирование общественной правовой культуры, опора на результаты научных исследований, активизация учебной деятельности студентов.

Указывается необходимость психологического сопровождения изучения гражданского права. В качестве эффективной педагогической технологии преподавания рассматривается интерактивное обучение, основанное на продуктивном взаимодействии за счет личностно-эмоционального включения. Отмечается, что в преподавании гражданского права занимают вопросы духовно-нравственного воспитания студентов. Поэтому существенные знания о роли морали, обычаев, религии и права должны быть гармонично интегрированы в образовательную деятельность будущих юристов. Для этого учебный предмет «Гражданское право» должен быть наполнен нравственно-ценностным содержанием. Студенты должны учиться оценивать юридически грамотно различные жизненные ситуации. Задача преподавателя состоит не только в том, чтобы передать определенную сумму знаний. Необходимо устанавливать эмоциональные контакты между студентами, развивать коммуникативные умения и навыки, учить работать в команде, прислушиваться к чужому мнению. Обращается внимание на технологию самопрезентации, позволяющей подготовить будущих юристов к публичным выступлениям.

Ключевые слова: гражданское право, преподавание, дидактические единицы, цивилистическая доктрина, терминология, правовая культура, психологическое сопровождение, интерактивное обучение, технология самопрезентации.

NAMSARAeva Oksana Sergeevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Civil Law and Process sub-faculty of the Law Faculty of the Buryat State University

SUBSTANTIAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS TEACHING THE CIVIL LAW IN HIGHER EDUCATION INSTITUTION

The author argues on substantial and methodical aspects of teaching the civil law. The main didactic units of discipline are allocated: the civil legislation as set of the regulatory legal acts governing the property and personal non-property public relations, the civil doctrine as a source of the civil law and law-enforcement practice as unity of law-enforcement activities and law-enforcement experience. Affirms that traditional approaches to training in law colleges not fully conform to modern requirements. On the basis of the overview of articles urgent aspects of enhancement of teaching the civil law are marked out: work with terminology, the importance of comparative and legal approach, attention to the civil doctrine and forming of public legal culture, a support on results of scientific research, activation of educational activities of students.

Need of psychological maintenance of studying of the civil law is specified. As effective pedagogical technology of teaching the interactive training based on productive interaction due to personal and emotional inclusion is considered. It is noted that in teaching the civil law occupy questions of spiritual and moral education of students. Therefore intrinsic knowledge of a role of morals, customs, religions and the rights shall be harmoniously integrated into educational activities of future lawyers. For this purpose the subject "Civil law" shall be filled with moral and valuable content. Students shall learn to assess legally competently various life situations. The task of the teacher consists not only in transferring a certain amount of knowledge. It is necessary to come into emotional contacts between students, to develop communicative skills, to learn to work in team, to listen to others opinion. The attention to technology of the self-presentation allowing to train future lawyers for public statements is paid.

Keywords: civil law, teaching, didactic units, civil doctrine, terminology, legal culture, psychological maintenance, interactive training, technology of the self-presentation.

В условиях возрастающих требований к подготовке юристов в вузе наметилась тенденция обновления научно-методического обеспечения учебного процесса, поскольку «... юриспруденция - ... своеобразная математика: здесь должна быть определенная структурированность, логика и, конечно, определенный склад ума, позволяющий систематизировать те знания, которые передаешь студентам»¹.

В условиях развития современного частного права в России значимое место в юридическом образовании занимает дисциплина «Гражданское право». Между тем, традиционные подходы к обучению в юридических вузах не в полной мере соответствуют потребностям сегодняшнего дня². Профессио-

1 Грудцына Л. Ю., Рагулин А. В., Кантюкова И. Т. Перспективы развития российского юридического образования. Интервью с д.ю.н., проф., заместителем первого проректора по учебной и методиче-

ской работе и заведующей кафедрой «Гражданское право» финансового университета при Правительстве Российской Федерации С. А. Ивановой // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 3 (10). – С. 7-11.
2 Бондаренко С. А. Тенденции развития учебного процесса по гражданскому праву // Успехи современного естествознания. – 2010. – №

нальное становление современного поколения юристов осуществлялось в тот период, когда «Советское право и науку мы отмели и отвергаем, зарубежное право изучать и читать соответствующую литературу не можем - языков не знаем и варимся в собственном соку, переписывая и цитируя одних и тех же авторов на протяжении 15-20 лет» (Е. А. Суханов).

Преподавание гражданского права требует особого внимания к терминологии, которая характеризуется обособленностью, специфичностью, многозначностью, поэтому исследователи-практики обращают внимание на необходимость овладения будущими юристами специально-правовой терминологией³.

Другие авторы подчеркивают значимость сравнительно-правового подхода к преподаванию университетских курсов гражданского процессуального права⁴.

В преподавании гражданского права можно выделить основные дидактические единицы: гражданское законодательство как совокупность нормативных правовых актов, регулирующих имущественные и личные неимущественные общественные отношения, цивилистическая доктрина как источник гражданского права и правоприменительная практика как единство правоприменительной деятельности и правоприменительного опыта. К сожалению, многие преподаватели ограничиваются изучением норм гражданского права и очень мало обращаются к практике применения. Хотя формирование навыков активной творческой правоприменительной деятельности является основой общественной правовой культуры⁵.

О необходимости по-новому определить предмет и систему преподавания гражданского права говорится уже много лет. Данная задача усложняется в условиях реформирования образования, которое привело к сокращению аудиторных часов. Но как студенты могут освоить цивилистическую доктрину, если не успевают полноценно изучить основы гражданского законодательства? Гражданское право — это фундаментальная юридическая дисциплина и ее преподавание не может сводиться только к изложению современного законодательства и комментированию действующих правовых норм. Основная роль цивилистической доктрины заключается в том, чтобы в правоприменительной деятельности структура и содержание юридического факта полностью вписывались в содержание правовой нормы; процесс правоприменения прошел не только стадию установления всех необходимых для разрешения дела юридических фактов, но и стадию их верной классификации⁶.

Нельзя согласиться с мнением известных ученых-педагогов, что для успешного обучения и получения фундаментальных знаний, необходимо в обучении опираться на результаты научных исследований⁷. В частности, как только меняется гражданское законодательство, что в нашем государстве носит частый, а порой и стремительный характер, знание одних только норм приведет к неэффективности образовательной деятельности.

С учебно-методической точки зрения, в программах по гражданскому праву имеет место изучение научных категорий, понятий, ознакомление с наиболее известными суждениями, теориями. Однако зачастую это носит информационный характер и заканчивается заучиванием разного рода ученых фамилий и их основных трудов. При этом речь не идет о научных школах, временных периодах, идеях и концепциях. Необходимо проработать учебно-методический материал с учетом исторических предпосылок зарождения какого-либо института гражданского права, знанием широкого круга литературы и авторов, стоящих у истоков формирования гражданского права, с учетом классики российской цивилистики и зарубежной литературы.

Далее хотелось бы остановиться на вопросах активизации учебной деятельности студентов, что представляет собой уже довольно известную проблему. Учитывая огромный объем материала по дисциплине, и положение преподавателя с учетом выделенных часов, отчетливо можно констатировать такие обстоятельства как невозможность за короткие промежутки времени детально разобрать важнейшие институты гражданского права, преподаватель вынужден за одну лекцию преподнести две, а порой и три темы. После неэффективной работы на семинарском занятии и отсутствии самостоятельной подготовки к семинарам, невозможно ожидать от студента успешного и продуктивного результата и соответственно, это тормозит формирование его профессиональных компетенций⁸.

Так, в преподавании гражданского права успешно используются метод проблемного обучения⁹, кейс-метод¹⁰, сравнительный метод¹¹ и др. В этом русле, хотелось бы предложить преподавателям усилить акцент на такую организацию учебного процесса, чтобы студенты могли продемонстрировать свои знания, повысить рейтинг по данной дисциплине. Преподаватель призван содействовать творческому развитию студента, раскрытию имеющихся у него возможностей и приобретению навыков исследователя. Например, организовав работу по подготовке стендового доклада, можно решить задачи: закрепить изученный материал (необходимо заранее разработать критерии подготовки доклада), развивать навыки публичного выступления. Такая практика полезна для будущей профессиональной деятельности: у студентов снижается психоэмоциональная нагрузка, растет уверенность, развиваются

3. – С. 56-57.

3 Серегина О. Л. Метод проблемного изложения в преподавании курса «Гражданское право» // Известия ВолГТУ. – 2013. – № 13 (116). – С. 127-129.

4 Ермакова Е. П. О значении изучения зарубежного гражданского процессуального права на современном этапе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2007. – № 5. – С. 69-71.

5 Щукин А. М. Правовая культура молодежи как объект социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 263-268.

6 Зиннатов Ф. Р. Роль цивилистической доктрины о юридических фактах в современной правоприменительной деятельности // Проблемы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 177-179.

7 Падеро Н.В. Формирование нравственных ценностей будущих юристов в системе высшего образования. – Монография. – Новокузнецк: Новокузнецкий фил.-ин-т гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Кемеровский гос. ун-т», 2010. – 281 с.

7 Сериков В. В. Механизмы влияния науки на практику образования // Известия ВГПУ. – 2009. – № 4. – С. 4-8.

8 Симаева Е. П. Совершенствование методики преподавания гражданского права в высших учебных заведениях // Вестник ВолГУ. Серия 6: Университетское образование. – 2010. – № 12. – С. 100-104.

9 Серегина О. Л. Метод проблемного изложения в преподавании курса «Гражданское право» // Известия ВолГТУ. – 2013. – № 13 (116). – С. 127-129.

10 Сосипатрова Н. Е. Case-метод как способ интерактивного обучения гражданскому праву // Вестник ННГУ. – 2014. – № 3-4. – С. 196-199.

11 Попова Ю. А. Сравнительный метод в правоведении как эффективное средство преподавания гражданского процессуального права и других юридических дисциплин // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 23. – С. 114-116.

коммуникативные навыки. Обсуждая научные статьи при изучении сложных тем, можно добиться активности аудитории. Тогда учебное занятие превратится в дискуссионный клуб, перейдет в игровую форму, что позволит не только формировать творческую активность студентов, но и вырабатывать способность вычленять главную мысль, совершенствовать привычки системного мышления.

Также стоит обратить внимание на методологию самообразования, самовоспитания, что очень не хватает в настоящее время и данный фактор отмечается многими преподавателями. Невозможно опустить вопросы, касающиеся организационно-методического характера, в частности факт сокращения лекционных часов и увеличение доли самостоятельной работы. Эти нововведения не учитывают готовности современных студентов к неформальному образованию. Считаю, что аудиторские занятия нужны для плодотворного и результативного обучения гражданского права.

Что касается психологического сопровождения изучения гражданского права, преподаватель должен обратить внимание на получение разного рода сведений, профессиональные предпочтения, мотивы учебной деятельности, обеспеченность семьи, уметь составить социальный портрет студента, вести мониторинг успеваемости. Психологическое сопровождение подразумевает мониторинг психоэмоционального состояния обучающихся, диагностика личностных особенностей, мониторинг адаптации, оценка эмоционального состояния и т.д.

Усиление психологической компоненты юридического образования позволит обеспечить личностно-профессиональное развитие будущего юриста за счет стимулирования познавательной активности, организаторских способностей, коммуникативных способностей, эмоционально-волевой устойчивости, профессиональной адаптации¹². Исходя из конкретной задачи, можно создать а) исследовательскую подгруппу, в которой используются академические методы обучения, б) практико-ориентированную подгруппу, в которой осуществляется обучение с применением интерактивных форм и методов.

Более подробно остановимся на интерактивных методах обучения, основанных на взаимодействии обучающихся между собой. Интерактивное обучение осуществляется в условиях совместной деятельности студентов. Все участники взаимодействуют друг с другом, обмениваются информацией, совместно решают проблемы, моделируют ситуации, оценивают действия других и свое собственное поведение, погружаются в реальную атмосферу делового сотрудничества по разрешению проблемы. Одна из целей состоит в создании комфортных условий обучения, таких, при которых студент чувствует свою успешность, свою интеллектуальную состоятельность, что делает продуктивным сам процесс обучения. Учебный процесс организован таким образом, что практически все обучающиеся оказываются вовлеченными в процесс познания, они имеют возможность понимать и рефлексировать по поводу того, что они знают и думают. Особенность интерактивных методов – это высокий уровень взаимно направленной активности субъектов взаимодействия, эмоциональное, духовное единение участников¹³.

Интерактивное обучение основано на продуктивном взаимодействии субъекта обучения со средой дистанционного обучения – это лучше получается у студентов и молодых преподавателей. Интерактивное обучение связано с активным участием обучающегося в процессе обучения, высокой мотивацией, полным личностно-эмоциональным включением всех субъектов образовательного процесса в продуктивную совместную деятельность и общение¹⁴.

В настоящее время разработано достаточно большое количество интерактивных технологий, среди которых можно выделить такие, как технология работы в парах или тройках, технология «Аквариум»; технология «Броуновское движение»; технология «Дерево решений», технология «Карусель»; технология «Мозговой штурм» и др. Все они направлены не только на то, чтобы передать определенную сумму знаний, но и способствуют установлению эмоциональных контактов между студентами; развитию коммуникативных умений и навыков; обеспечивают студентов необходимой информацией, без которой невозможно реализовывать совместную деятельность; приучают работать в команде, прислушиваться к чужому мнению. Формированию профессиональных компетенций способствует и технология самопрезентации. Сущность технологии самопрезентации состоит в том, чтобы с помощью специальных средств донести до сознания слушающего важную и необходимую информацию, аргументировано изложить свою позицию, мнение, точку зрения. Использование технологии самопрезентации определяется необходимостью подготовки будущего специалиста к публичным выступлениям и написанию текста о себе на этапе прохождения конкурсного отбора при трудоустройстве¹⁵.

Преподавателю теперь недостаточно быть просто компетентным в области своей дисциплины, передавая теоретические знания в аудитории. Необходимо несколько иначе подходить к современному учебному процессу.

Важное место в преподавании гражданского права занимают вопросы духовно-нравственного воспитания студентов, правовой культуры молодых юристов. В деятельности юриста право без нравственности, как и нравственность без права, не могут существовать и развиваться. Это вытекает уже из единства самой общественной жизни. Право и нравственность в их взаимодействии – сила, направляющая и корректирующая человеческие поступки, вносящая порядок во взаимоотношения людей.

Сущностные знания о роли морали, обычаев, религии и права должны быть гармонично интегрированы в образовательные, воспитательные программы. Бесспорно, воспитание любого человека начинается с семьи, однако жизнь показывает, что многое упускается на этом этапе, поэтому перед преподавателями стоит ещё одна нелегкая задача воспитать высоконравственного профессионала с высоким уровнем правосознания и правовой культуры.

Указанные задачи можно решать за счет наполнения учебных предметов нравственно-ценностным содержанием; применения личностно-ориентированных образовательных технологий, которым свойственны деятельностно-творческий характер, диалогичность, предоставление студентам свободы выбора в принятии самостоятельных решений, направленных

12 Гулидова Н. В. Психологические особенности подготовки юриста к деятельности в сфере правосудия // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2006. – № 13. – С. 178-183.

13 Гулакова М. В., Харченко Г. И. Интерактивные методы обучения в вузе как педагогическая инновация // Концепт. – 2013. – № 11 (ноябрь).

14 Рулиене Л. Н. Образовательный процесс современного университета: особенности, противоречия, тенденции развития. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. – 184 с.

15 Гулакова М. В., Харченко Г. И. Интерактивные методы обучения в вузе как педагогическая инновация // Концепт. – 2013. – № 11 (ноябрь).

ность на поддержку индивидуального развития обучающихся; создания атмосферы духовности в вузе путем построения субъект-субъектных отношений в диаде «преподаватель-студент» на нравственной основе. Так как именно на студенческой скамье студенты сталкиваются с различными жизненными ситуациями, которые они уже должны решать на основе знаний о праве и этическом воспитании юриста¹⁶.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко С. А. Тенденции развития учебного процесса по гражданскому праву // Успехи современного естествознания. – 2010. – № 3. – С. 56-57.
2. Грудцына Л. Ю., Рагулин А. В., Кантюкова И. Т. Перспективы развития российского юридического образования. Интервью с д.ю.н., проф., заместителем первого проректора по учебной и методической работе и заведующей кафедрой «Гражданское право» финансового университета при Правительстве Российской Федерации С. А. Ивановой // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 3 (10). – С. 7-11.
3. Гулакова М. В., Харченко Г. И. Интерактивные методы обучения в вузе как педагогическая инновация // Концепт. – 2013. – № 11 (ноябрь).
4. Гулидова Н. В. Психологические особенности подготовки юриста к деятельности в сфере правосудия // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2006. – №13. – С.178-183.
5. Ермакова Е. П. О значении изучения зарубежного гражданского процессуального права на современном этапе // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2007. – № 5. – С. 69-71.
6. Зиннатов Ф. Р. Роль цивилистической доктрины о юридических фактах в современной правоприменительной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 177-179.
7. Падеро Н. В. Формирование нравственных ценностей будущих юристов в системе высшего образования. – Монография. – Новокузнецк: Новокузнецкий фил.-ин-т гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Кемеровский гос. ун-т», 2010. – 281 с.
8. Попова Ю. А. Сравнительный метод в правоведении как эффективное средство преподавания гражданского процессуального права и других юридических дисциплин // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 23. – С. 114-116.
9. Рулиене Л. Н. Образовательный процесс современного университета: особенности, противоречия, тенденции развития. - Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2013. – 184 с.

10. Серегина О. Л. Метод проблемного изложения в преподавании курса «Гражданское право» // Известия ВолгГТУ. – 2013. – №13 (116). – С. 127-129.
11. Сериков В. В. Механизмы влияния науки на практику образования // Известия ВГПУ. – 2009. – № 4. – С. 4-8.
12. Симаева Е. П. Совершенствование методики преподавания гражданского права в высших учебных заведениях // Вестник ВолГУ. Серия 6: Университетское образование. – 2010. – № 12. – С. 100-104.
13. Сосипатрова Н. Е. Case-метод как способ интерактивного обучения гражданскому праву // Вестник ННГУ. – 2014. – № 3-4. – С. 196-199.
14. Шукин А.М. Правовая культура молодежи как объект социологического исследования // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2011. – № 3. – С. 263-268.

16 Падеро Н. В. Формирование нравственных ценностей будущих юристов в системе высшего образования. – Монография. – Новокузнецк: Новокузнецкий фил.-ин-т гос. образовательного учреждения высш. проф. образования «Кемеровский гос. ун-т», 2010. – 281 с.

ПОТАПОВА Лариса Витальевна

кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АКТИВНЫХ И ИНТЕРАКТИВНЫХ ФОРМ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЗАНЯТИЙ ПО ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫМ ДИСЦИПЛИНАМ В ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ МВД РОССИИ.

В данной статье автором проанализированы вопросы о системе подготовки сотрудников органов внутренних дел для различных сфер деятельности и об использовании активных и интерактивных форм обучения при проведении занятий по гражданско-правовым дисциплинам в высших образовательных учебных заведениях МВД России.

Ключевые слова: гражданско-правовые дисциплины, сотрудник органов внутренних дел, профессиональная подготовка, активные и интерактивных форм, занятие.

POTAPOVA Larisa Vitaljevna

Ph.D. in historical sciences, senior lecturer of State and Legal Law Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of the Krasnodar University of MIA of Russia

Потапова Л. В.

THE USE OF ACTIVE AND INTERACTIVE FORMS OF LEARNING DURING LESSONS ON CIVIL-LEGAL DISCIPLINES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MIA OF RUSSIA

In this article, the author analyzes the questions about the system of training of employees of internal Affairs bodies for different areas of activities and about the use of active and interactive forms of learning during lessons on civil-legal disciplines in higher educational institutions of the MIA of Russia.

Keywords : civil-law disciplines, employee of internal Affairs bodies, professional training, active and interactive forms, lesson.

Создание и развитие системы профессиональной подготовки, обеспечивающей потребности органов внутренних дел в высококвалифицированных кадрах, безусловно, является стратегической целью образовательной политики МВД России.

В современных условиях одним из главных направлений развития системы МВД России является ориентация на высококвалифицированные кадры, отвечающие высоким требованиям по уровню профессиональной компетентности. Профессиональная вузовская подготовка является сферой воспроизводства кадров для органов внутренних дел (далее ОВД). От того, какие профессиональные знания, умения, навыки, личностные качества получают курсанты, слушатели вузов зависит судьба системы органов внутренних дел. Поэтому профессиональное становление будущих специалистов как сотрудников органов внутренних дел является одной из важнейших задач в настоящее время¹

Формирование и становление профессиональных качеств, характеризующих профессиональную подготовку, как свидетельствуют опыт и специальные исследования, начинаются еще в период обучения в вузе и продолжается всю жизнь.

Профессиональная деятельность современных юристов — выпускников ведомственных высших образовательных учреждений МВД России является многофункциональной. Успешное осуществление разнообразных функций на практике требует обязательного владения специальной терминологией и понятиями, умения оперировать полученными знаниями и навыками в процессе практического обучения.

Образовательные программы высших учебных заведений МВД России включают в себя несколько взаимосвязанных и взаимодополняющих составных частей: во-первых, интеллектуальную и общеправовую подготовку; во-вторых, отраслевую юридическую подготовку; в-третьих, профильную подготовку; в-четвертых, узкопрофильную подготовку. Роль каждого из этих элементов необычайно важна, но нам представляется целесообразным остановиться на первом из них, так как именно он содержит весь комплекс правовых дисциплин, в частности гражданско-правовых, которые являются объектом рассмотрения сегодняшней темы.

Гражданско-правовые дисциплины являются обязательным элементом общеправовой подготовки курсантов и слушателей учебных заведений системы МВД России. Знание гражданского, трудового, экологического, земельного законодательства является необходимым для качественного исполнения сотрудниками своих функциональных обязанностей.

Инновации в образовательной деятельности - это использование новых знаний, приёмов, подходов, технологий. Отбор методов, средств и форм должен совмещаться с реализацией конкретной цели и отработкой системы контроля показателей обучения и воспитания. Этому и призвана помочь технологизация педагогического процесса.

Новые требования общества к уровню образованности и развития личности, приводят к необходимости изменения технологий обучения. Сегодня продуктивными являются технологии, позволяющие организовать учебный процесс с учетом профессиональной направленности обучения, а также ориентацией на личность обучаемого.

Реализация компетентного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся.

1 Потапова Л. В. Роль практического обучения в формировании профессиональных навыков курсантов // Вопросы гражданского права в деятельности правоохранительных органов: материалы 3-й Международной научно-практической конференции. — Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014.

Принятая и реализуемая в ВУЗах МВД России концепция преподавания указанных дисциплин исходит из важнейшего положения:

высокий уровень профессиональной подготовки сотрудника органов внутренних дел с необходимостью предполагает наличие знаний, навыков и умений, позволяющих осуществлять работу по юридической специальности в различных подразделениях органов внутренних дел;

способностью проводить сбор и подготовку материалов для осуществления претензионной и судебной защиты интересов сотрудников органов внутренних дел и членов их семей, органов внутренних дел, Министерства внутренних дел Российской Федерации;

способностью самостоятельно осуществлять деятельность по подготовке, согласованию и юридической экспертизе гражданско-правовых договоров в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации;

разработка на основе изучения практики и положительного опыта, поступающих предложений мер по совершенствованию правового обеспечения в органе (подразделении);

осуществление правового информирования, правовой пропаганды и правового консультирования сотрудников, федеральных государственных служащих и работников по вопросам нормативно-правового регулирования сферы внутренних дел;

сбор и обобщение сведений о состоянии правовой работы, анализ и учет ее результатов, направление отчетности по ней в вышестоящий орган.

Федеральные Государственные Образовательные Стандарты третьего поколения (ФГОС ВПО) разных направлений подготовки в пункте 7.3 «Требования к условиям реализации основных образовательных программ подготовки специалиста» следующим образом определяют образовательные технологии, обеспечивающие реализацию компетентного подхода: «Реализация компетентного подхода должна предусматривать широкое использование в учебном процессе активных и интерактивных форм проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой с целью формирования и развития профессиональных навыков обучающихся.

В рамках учебных курсов должны быть предусмотрены встречи с представителями правоохранительных, судебных органов, других органов государственной власти и управления, общественных организаций, участие специалистов в проведении аудиторных и внеаудиторных занятий. Удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, определяется главной целью ООП, особенностью контингента обучающихся и содержанием конкретных дисциплин. В целом, в учебном процессе они должны составлять не менее 30 процентов аудиторных занятий».

Согласно ФГОС, к интерактивным формам проведения занятий относятся компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, практикумы, психологические и иные тренинги, учения. Понятие «интерактивные технологии» рассматривается как современный этап развития активных методов обучения. Отличительными чертами интерактивной формы по сравнению с активной формой обучения рассматривают: способ организации взаимодействия преподавателя и обучающихся (это не только активная обратная связь между педагогом и обучающимися, но и организация взаимодействия обучающихся между собой, когда взаимодействие преобладает над воздействием), коллективное обучение (в малых группах), использование в обучении компьютера (использование ресурсов Интернета, а также электронных учебников и справочников, работой в режиме on-line).

В интерактивной форме должны проводиться:

проблемные лекции по данным дисциплинам у курсантов (слушателей) уголовно-правовой специализации;

семинарские занятия с элементами деловых и ролевых игр, разбор проблемных ситуаций на всех формах обучения; практические занятия, которые во всех случаях предусматривают разбор проблемных ситуаций, выполнение практикумов и иных заданий, предусматривающих активное взаимодействие обучающихся между собой, с целью формирования психологической готовности к решению правоприменительных задач и формированию навыков и умений ориентирования в действующем законодательстве, правоприменительной практике, выработке алгоритмов правильного принятия решений в конкретных типовых проблемных ситуациях и составлении гражданско-правовых документов.

Все дисциплины гражданско-правового цикла позволяют проводить практические занятия с использованием интерактивных форм обучения (кейс-технологии, тренинги, деловые игры и т.д.). Например, кейс-технологий а именно: сама задача (проблемная ситуация) – кейс, основывается либо на материалах судебной правоприменительной практики, либо практических ситуациях, возникающих в деятельности ОВД (например, в отношениях, по возмещению вреда сотрудником или самому сотруднику ОВД), берется из материалов СМИ, правовых информационных программ ТВ. В силу того, что большинство проблемных ситуаций не имеют однозначного решения (не получили окончательного судебного толкования), они позволяют организовать работу и дискуссию по их обсуждению в микрогруппах, сформированных по принципу «противоборствующих сторон» - истца и ответчика, роль суда может быть отведена наиболее компетентным обучающимся или преподавателю. Творческий и нестандартный подход данной форме работы придает ввод в процессе обсуждения новых дополнительных условий, их частичное изменение («многовариантность неизвестных»), возможность пользоваться имеющимися в распоряжении обучающихся интерактивными источниками. Данная интерактивная форма строится в соответствии с принципом «обсуждение важнее решения».

Современное образование без использования мультимедийных технологий практически не возможно. Эти технологии позволяют представить учебный материал не только в традиционном, но и в более доступном для восприятия курсантов виде. Наибольший эффект они приносят при их комплексном применении и в сочетании с традиционными видами учебной работы в процессе освоения гражданско-правовых дисциплин.

Вместе с тем, применение интерактивных форм обучения объективно ограничено такими факторами как технические возможности (оснащение аудитории), временные рамки проведения занятия, объективные способности и уровень активности обучающихся.

В связи с вышеизложенным надо отметить, что в современных условиях качество профессионального образования сотрудников органов внутренних дел приобретает большое значение. Система подготовки специалистов для различных сфер деятельности в новых условиях должна иметь эффективную схему обучения, при которой курсанты получают максимальное количество общетеоретических знаний в сочетании с практической отработкой навыков по применению полученных знаний. Это поможет обеспечить будущему специалисту социальную защищенность и более быструю и успешную адаптацию по окончании обучения.

Пристатейный библиографический список

1. Потапова Л. В. Роль практического обучения в формировании профессиональных навыков курсантов // Вопросы гражданского права в деятельности правоохранительных органов: материалы 3-й Международной научно-практической конференции – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2014.

ГАЛУШКИН Александр Александрович

кандидат юридических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории макроэкономического регулирования и планирования МИИГУ им. П.А. Столыпина, доцент кафедры таможенного права и организации таможенного дела Московского государственного университета путей сообщения им. Императора Николая II (МИИТ)

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ОЦЕНКИ ФИНАНСОВОГО СОСТОЯНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СТРУКТУР СФЕРЫ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ИХ РАЗВИТИЯ В РОССИИ

В статье автором рассматриваются теоретически и практические вопросы эффективности оценки финансового состояния предпринимательской структуры сферы образования и науки на современном этапе.

Ключевые слова: оценка, финансовое состояние, образование, наука, практика, проблематика.

GALUSHKIN Alexandr Alexandrovich

Ph.D. in Law, Chief researcher of the Laboratory of Macroeconomic Regulation and Planning of the Stolypin International Institute of Informatization and Public Administration, associate professor of Customs Law and Organization of Customs Affairs sub-faculty of the Emperor Nicholas II Moscow State University of Railway Engineering

Галушкин А. А.

EFFICACY EVALUATION OF THE FINANCIAL CONDITION OF ENTERPRISE STRUCTURES OF EDUCATORS AND SCIENCE AT THE PRESENT STAGE OF THEIR DEVELOPMENT IN RUSSIA

In article theoretical and practical questions of efficiency of assessment of a financial condition of entrepreneurial structure of education and science at the present stage are considered by the author.

Keywords: assessment, financial state, education, science, practice, perspective.

Сложившаяся практика свидетельствует о том, что прибыль получают практически все структуры сферы образования и науки, как субъекты гражданско-правовых отношений. В связи с этим интересно замечание Т. П. Кочновой, указывающей на перманентный характер прибыли по отношению к образовательной деятельности структуры сферы высшего образования¹. Очевидно, что в анализе финансового состояния структуры сферы образования и науки, активно ведущих предпринимательскую деятельность, могут использоваться коэффициенты: рентабельность активов, норма чистой прибыли. «Рентабельность активов характеризует степень эффективности использования имущества организации, профессиональную квалификацию менеджмента предприятия и определяется в процентах как отношение чистой прибыли (убытка) к совокупным активам организации. ... Норма чистой прибыли характеризует уровень доходности хозяйственной деятельности организации. Норма чистой прибыли измеряется в процентах и определяется как отношение чистой прибыли к выручке (нетто)»².

Следует заметить, что отличительной особенностью анализа так называемой предпринимательской деятельности структуры сферы образования и науки, созданной в организационно-правовой форме некоммерческой организации, будет являться упрощенный порядок определения чистой прибыли. Поскольку прибыль не подлежит распределению между

учредителями и относится на целевое финансирование его деятельности, чистая прибыль должна определяться путем вычитания из прибыли до налогообложения исключительно суммы уплачиваемого налога на прибыль. В предпринимательской структуре сферы образования и науки, созданной в организационно-правовой форме коммерческой организации этот показатель может определяться путем дополнительного вычитания доли прибыли, распределяемой между собственниками. В литературе встречаются достаточно обоснованные рекомендации относительно последовательности (алгоритма) проведения анализа финансово-хозяйственной деятельности государственных структур сферы образования и науки, к примеру, в совместной работе Н. Р. Кельчевской и М. В. Павловой³. Однако, по нашему мнению, недостаточно раскрыт вопрос отдельных проблемных моментов, возникающих на различных этапах такого анализа.

К примеру, традиционно в экономическом анализе оценку финансовых показателей производят путем сравнения рассчитанных показателей с рекомендуемыми нормативами. Однако на наш взгляд, применять в отношении предпринимательской структуры сферы образования и науки традиционную систему нормативных показателей не совсем справедливо и целесообразно, поскольку неправомерно сравнивать с построенным, исходя из одних и тех же принципов, шаблоном финансовых ресурсов предпринимательской структуры сферы образования и науки и финансовых ресурсов, например, крупного промышленного предприятия, крупного холдинга или банка.

1 Кочнова Т. П. Диверсификация и учет источников финансирования высшего учебного заведения (на примере учреждений высшего профессионального образования Дальневосточного региона). Диссертация ... кандидата экономических наук. Новосибирск: Сибирский институт финансов и банковского дела, 2002. С. 27.

2 Постановление Правительства Российской Федерации от 25 июня 2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // СПС «Консультант-Плюс», 2015.

3 Кельчевская Н. Р., Павлова М. В. Анализ финансово-хозяйственной деятельности государственного вуза как основа инновационных решений и программ (на примере УГТУ-УПИ) // Университетское управление: практика и анализ. 2000. № 4. С. 43-45.

Между тем проблема эта на сегодня остается неразрешимой и объективно обоснованные нормативные показатели финансов предпринимательской структуры сферы образования и науки отсутствуют, причем разрешение данной проблемы существенно затрудняется широким разбросом существующих сегодня предпринимательских структур сферы образования и науки по своему статусу, финансовому состоянию и стоящими перед ними целями и задачами.

Оценка является завершающим этапом любой разновидности экономического анализа⁴. Между тем сама оценка деятельности хозяйствующего субъекта, в особенности таких разноплановых, как предпринимательские структуры сферы образования и науки методологически сложна. Так, очевидно, что оценка финансового состояния предпринимательской структуры сферы образования и науки, с точки зрения сравнения с его прошлыми и плановыми показателями должна быть дополнена оценкой их соответствия нормативам (средним показателям по всей совокупности предпринимательских структур сферы образования и/или науки) и показателям других предпринимательских структур сферы образования и/или науки региона (межхозяйственный сравнительный анализ).

В этом случае сразу же возникает вопрос о критериях сопоставимости и возможности справедливой оценки финансового состояния предпринимательской структуры сферы образования и науки в группе других аналогичных объектов, в то время как сами предпринимательские структуры сферы образования и науки далеко неоднородны. Сегодня в отечественной практике среди структур сферы образования выделяют такие категории как университеты, академии и институты⁵, среди структур сферы науки выделяют такие категории как институты (как правило научно-исследовательские), центры, научно-производственные предприятия, научно-производственные объединения и др. Видится, что основным критерием различий здесь является объем выполненных структурами сферы образования и науки работ и оказанных услуг. Безусловно, что между такими показателями и финансовым состоянием предпринимательской структуры сферы образования и науки должна быть детерминационная связь, поскольку наличие дополнительных финансовых ресурсов позволяет предпринимательской структуре сферы образования и науки организовать реализацию большего количества товаров и/или предоставление большего количества услуг, повысить качество оказываемых услуг.

Присутствуют различные мнения о том, как же сравнить финансовое состояние различных структур сферы образования и науки, а также насколько справедливо ставить подобные вопросы вообще. По нашему мнению, выход из данной ситуации мог бы быть найден путем разработки научно обоснованных нормативов финансового состояния структуры сферы образования и науки, которые могли бы применяться наряду с иными критериями их дифференциации по видам. Для эффективной оценки финансового состояния предпринимательской структуры сферы образования и науки, кроме общих показателей, необходимо анализировать и приведенные. В связи с этим возникает проблема выбора критерия такого анализа. Как представляется, необходимо придерживаться точки зрения о целесообразности ранжирования значимости критериев. Так, например, пересчет показателей финансового состояния, на одну оказанную услугу и/или выполненную работу будет связан с характеристикой финансового состояния предпринимательской структуры сферы образования и науки от-

носителем главного результата его деятельности. Кроме того, важен пересчет и анализ показателей: на одного сотрудника (в том числе с учетом занимаемой ставки) и др.

Одним из проблемных моментов является временной период анализа. Известно, что наиболее активно операционная деятельность структуры сферы образования, а зачастую и структуры сферы науки осуществляется в течение «учебного года» (сентябрь – июнь), а июль – август является классическим временем отпусков как для профессорско-преподавательского состава, так и для научно-педагогических работников в целом, именно этим обусловлено избрание отдельными исследователями данного периода в качестве временной базы анализа, например, такая точка зрения присутствует в работе М. В. Ниязовой⁶.

Подобный подход видится в целом правильным и обоснованным, принимая во внимание, что по сложившейся практике профессорско-преподавательский состав с начала июля по конец августа (56 календарных дней) в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2015 № 466 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках»⁷ (ранее – Постановлением Правительства Российской Федерации от 01 октября 2002 № 724 «О продолжительности ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска, предоставляемого педагогическим работникам»⁸) находится в ежегодном оплачиваемом отпуске.

Таким образом, из 12 календарных месяцев, как минимум 2 месяца выпадают из рабочего времени, к этому необходимо добавить практически еще полный рабочий месяц, который складывается из праздничных нерабочих дней на протяжении всего года. К примеру, в 2016 году, в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2015 № 1017 «О переносе выходных дней в 2016 году»⁹ отмечается в справке Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, размещенной на сайте Правительства Российской Федерации, что в январе 2016 года будет десятидневный отдых, в феврале – трехдневный отдых, в марте – четырехдневный отдых – отмечает Интерфакс¹⁰.

Пристатейный библиографический список

1. Кочнова Т. П. Диверсификация и учет источников финансирования высшего учебного заведения (на примере учреждений высшего профессионального образования Дальневосточного региона). Диссертация ... кандидата экономических наук. Новосибирск: Сибирский институт финансов и банковского дела, 2002.
2. Ниязова М. В. Формирование системы оценочных показателей предпринимательской деятельности вуза. Диссертация ... кандидата экономических наук. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2003.
3. Ниязова М. В. Формирование системы оценочных показателей предпринимательской деятельности вуза. Диссертация ... кандидата экономических наук. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2003. С. 123.
4. Баканов М. И., Мельник М. В., Шеремет А. Д. Теория экономического анализа. М.: Финансы и статистика, 2006. С. 345.
5. Приказ Минобрнауки РФ от 29 июня 2000 № 1965 «Об утверждении Перечня показателей государственной аккредитации и критериальных значений показателей, используемых при установлении вида высшего учебного заведения» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
6. Ниязова М. В. Формирование системы оценочных показателей предпринимательской деятельности вуза. Диссертация ... кандидата экономических наук. Владивосток: Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, 2003. С. 123.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 14 мая 2015 № 466 «О ежегодных основных удлиненных оплачиваемых отпусках» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 01 октября 2002 № 72 «О продолжительности ежегодного основного удлиненного оплачиваемого отпуска, предоставляемого педагогическим работникам» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
9. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2015 № 1017 «О переносе выходных дней в 2016 году» // СПС «КонсультантПлюс», 2015.
10. Праздничные и выходные дни в 2016 году // 2015, Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/469373>

НУРМУХАМЕТОВА Ирина Фасхутовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии Башкирского государственного университета

НУРМУХАМЕТОВ Эрнест Альбертович

кандидат психологических наук, преподаватель кафедры общей психологии факультета психологии Башкирского государственного университета

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ВОЗДЕЙСТВИИ НА ЛИЧНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕКТ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ*

Статья посвящена анализу проблемы вовлечения людей в тоталитарные секты как определенные виды религиозных или псевдорелигиозных организаций, деятельность которых угрожает жизни и здоровью человека. Приводятся действующие деструктивные секты и культы в мире, оказывающие наиболее негативное воздействие на сознание и психику человека. Исследуется причина вхождения адекватной, психически здоровой личности в террористическую организацию. Анализируется проблема социально-психологического воздействия сект, деструктивных группировок на личность современного человека. Рассматриваются различные механизмы психологического воздействия на личность человека. Раскрывается общая схема поэтапного психологического воздействия «несущих Призыв» на личность.

Ключевые слова: религиозные течения, культ, секта, личность, вербовка, экстремизм, террористические организации.

NURMUKHAMETOVA Irina Faskhutovna

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of General Psychology sub-faculty of the Faculty of Psychology of the Bashkir State University

NURMUKHAMETOV Ernest Albertovich

Ph.D. in psychological sciences, associate professor of General Psychology sub-faculty of the Faculty of Psychology of the Bashkir State University

TO THE QUESTION OF SOCIO-PSYCHOLOGICAL INFLUENCE ON THE PERSONALITY OF SECTS AND TERRORIST ORGANIZATIONS

The article is devoted to analysis of problems involving people in totalitarian sects as certain religious or pseudo-religious organizations whose activities threaten the life and health of a person. Given the current destructive sects and cults in the world that have the most negative impact on the consciousness and the human psyche. We investigate the cause of occurrence adequate, mentally healthy person into a terrorist organization. Analyzes the problem of socio-psychological impact of cults and destructive groups on the personality of modern man. Examines the different mechanisms of psychological influence on the personality of the person. The General scheme of gradual psychological impact of "bearing the Call" on the person.

Key words: religious movement, cult, sect, person, recruitment, extremism, terrorist organization.

Нурмухаметова И. Ф.

Нурмухаметов Э. А.

Наблюдающаяся в России на сегодня нестабильность общества, возникшая на основе крушения культурных и нравственных ценностей, экономического и политического устоев прошлого, привела к росту национального, этнокультурного и религиозного самосознания. Произшедшие изменения обусловили активизацию деятельности деструктивных культов и тоталитарных сект, религиозных организаций экстремистского толка. Актуальность данной проблематики заключается в том, что благодаря четко отработанным способам и приемам психологического воздействия, как культы, так и секты умело вовлекают в свои ряды множество наших соотечественников (в основном в возрасте 15-35 лет), заставляя их по собственному желанию оставлять свои семьи и отречься от всего, что им дорого в этом мире.

Словосочетания «тоталитарная секта» и «тоталитарный культ» часто употреблялись за рубежом в 1930-х годах XX века для характеристики крайне правых политических движений и коммунизма. Впервые термин «тотализм» был задействован Р. J. Lifton в адрес организаций, желающих полного контроля над

человеческим поведением и мышлением, а так же движений, негосударственных, идеологических¹. Позже теории R. J. Lifton² и E. Schein³ о «тотализме» и «реформировании мышления» были адаптированы в работах M. Singer и S. Hassan в качестве опоры при анализе некоторых религиозных и иных групп⁴. Однако, с точки зрения D. Antony, большинством учёных, теории о насильственном вмешательстве религиозных групп в психику своих членов затем были признаны псевдонаучными⁵.

- 1 Lifton R. J. Thought reform and the psychology of totalism; a study of «brainwashing» in China. NY: Norton, 1961. 510 p.
- 2 Там же.
- 3 Schein E. H. Brainwashing and totalitarianization in modern society // World Politics, 1960. № 2. P. 430-441; Schein E. H. Coercive Persuasion. NY: Norton, 1961. 320 p.
- 4 Hassan S. Releasing The Bonds: Empowering People to Think for Themselves. USA: Aitan Publishing Company, 2000. 389 p.; Singer M., Lalich J., Lifton R. J. Cults in Our Midst. USA: Jossey-Bass, 1996. 374 p.
- 5 Anthony D. Pseudoscience and Minority Religions: An Evaluation of the Brainwashing Theories of Jean-Marie Abgrall // Social Justice Research. 1999, vol.12 (4). P. 421-456; Anthony D. Brainwashing Allegations And The Elizabeth Smart Abduction // CESNUR. 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cesnur.org/2003/smart_anthony.htm.

* Данная статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ научного проекта №15-18-00142 «Изучение социальных и психологических проблем молодежи и разработка способов предупреждения и преодоления межнациональных и межконфессиональных конфликтов».

По мнению ряда исследователей (Н. В. Петрова, И. Ю. Рыкова, А. И. Сидоренков), тоталитарные секты – это социально-институциональные новообразования современной религии, деятельность которых содержит элементы психического и физического насилия, действующие в оппозиции к традиционной религиозности, которые в разной степени разрушительны по отношению к природному, «сбалансированному» личностному состоянию человека, а также к конструктивным социальным традициям и нормам⁶.

В своих трудах Ленинградский и Ладожский митрополит отец Иоанн отмечает, что тоталитаризм в духовной сфере, так же, как и политический тоталитаризм, подразумевает под собой полный захват власти над обществом, однако средствами для достижения этого в данном случае будут религиозные верования⁷. Задействовав природную потребность человека в духовном, его желание постичь истину, тоталитарная секта или террористическая организация ставит перед собой задачу поработить не только человека, но и при этом заставить служить себе имя Бога.

С научной точки зрения одним из первых исследователей, проанализировавших вопрос о понятии «тоталитарная секта», является А. Л. Дворкин, впервые использовавший данный термин. Автор констатирует, что культы стали широко распространенным явлением и сделал акцент на необходимости законопроекта о миссионерской деятельности, который должен был запретить эту деятельность на территории другой организации. По его мнению, борьба с сектами должна происходить на правительственном уровне. А. Л. Дворкин полагает, что в борьбе с тоталитарными сектами инициатива должна исходить, прежде всего, от народа. Его (народа) недовольство будет подспорьем для органов местной власти, чтобы принять соответствующие меры по регуляции и устранению проблемы⁸.

С точки зрения R. Enroth, культы – это «религиозные организации, стремящиеся находиться вне основного потока доминантных религиозных форм, существующего в любом обществе»⁹. Тогда как по мнению А. W. Gomes, в христианстве, например, культ – это «... группа людей, которые, называя себя христианами, принимают конкретную систему верований, проповедуемую одним человеком, группой людей или организацией и отрицающую (явно или неявно) одно или несколько основополагающих учений христианской веры, изложенных в 66 книгах Библии»¹⁰. По мнению А. И. Хвьяля-Олинтер и С. А. Лукьянова¹¹, культ включает в себя следующие трактовки: чересчур сильное восхваление кого-либо или чего-либо вплоть до идолопоклонства этому объекту; изменения привычного уклада жизни и системы взглядов; множество воззрений, обрядов и ритуалов относительно объекта культового возвеличивания.

Наиболее негативное воздействие из действующих деструктивных сект и культов в мире и, в частности, в Российской Федерации, оказывают следующие: из американского происхождения – «Свидетели Иеговы» и «Общество Сторожевой башни»; «Церковь Саентологии» или «Дианетика»; «Семья» или «Дети Бога»; «Церковь Христа» (Бостонское движение); из южно-корейского происхождения – «Церковь Объединения» Муна или «Вузовская ассоциация по изучению Принципа»; из индийского происхождения – это «Всемирное Общество Сознания Кришны»; из шведского происхождения – это «Слово жизни»; из российского происхождения – это «Последователи Виссариона», «Богородичный Центр» или «Церковь Божьей Матери Преображающей»; из исламского происхождения – это запрещенная на территории России террористическая организация «ИГИЛ» и «Хезбалла», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Как было отмечено выше, особенно уязвимы перед сектами становятся лица в возрасте от 15 до 35 лет. По мнению Р. М. Грановской, «в мышлении подростка или молодого человека обнаруживается ряд отклонений от нормы в сторону примитивных подростковых форм. А это, в свою очередь, приводит к недостаточному отграничению существенных элементов от второстепенных, нарушению процесса обобщения, возвращению к детскому конкретно-ситуативному характеру мышления, его инерционности из-за затруднений в словесном обозначении понятий»¹². Иными словами, жертвами привлечения в секту становится тот, кто пребывает в состоянии разочарования и одиночества, у кого существуют проблемы, в первую очередь, личностного плана. В этом случае, в результате трудноразрешимого внутрличностного конфликта или внешней проблемной ситуации, человек ищет помощь на стороне и под влиянием отчаяния зачастую попадает под психическое воздействие со стороны вербовщиков.

Проявляющийся в реальности и не зависящий от воли молодого или зрелого человека страх, непростые социально-экономические обстоятельства и психологические проблемы, представляют его образцовой жертвой для всевозможных деструктивных групп, где ему предоставляется возможность «освободиться» от тревожащих его мыслей, разрешить здесь и сейчас все вопросы по принципу «no problem». Стремление человека вступить в террористическую организацию обуславливается обещанием исполнения многих его желаний со стороны «несущих Призыв» (вербовщики религиозных групп экстремистского толка), но то, что это всего лишь обещание, молодой или даже зрелый человек не могут осознать и не осознают. У людей, вошедших в тоталитарную секту или экстремистскую группировку, создается специфическое ощущение возникновения смысла в их жизни, чувства безопасности, принадлежности к группе, связанные с коллективным проведением времени (молитвы в общине, исполнение коллективных обрядов, собраний и совместного миссионерского служения). В итоге стремление личности заполнить имеющуюся психологическую нехватку в любви, востребованности, желание побороть внутреннюю тревогу, а для людей более зрелых возратить социальную значимость, раздвигая для этого горизонт возможностей с помощью вступления в экстремистскую группировку, оказывается ложным путем¹³. Иными словами, подобная ситуация лишает адептов «самости», они перестают быть личностями как таковыми.

Следовательно, дефицит психических и личностных ресурсов в процессе развития личности в онтогенезе приводит к возникновению сложных нерешенных психологических проблем, и, как следствие этого к негативным социально-экономическим обстоятельствам, что позволяет причислить их к лицам «группы риска», легко попадающим под психологическое влияние вербовщиков.

В общем смысле под термином «психологическое воздействие» понимается такое воздействие на психическую сферу человека, которое способно против воли вербуемого изменять его психическое состояние, идеи, установки, убеждения, потребности и тем самым существенным образом влиять на его поведение. Психологическое воздействие на личность осуществляется путем организации речевой коммуникации (вербальной или невербальной) таким образом, чтобы человек выбрал из числа возможных поступков тот, к которому его подталкивает вербовщик.

Несмотря на имеющиеся различные формы психологического воздействия, чаще применяется информационно-психологическое воздействие, которое включает в себя целый комплекс специальных психологических операций и действий с информационным материалом, которые реализуются в форме, например, пропаганды, призыва и пр. При таком воздействии информация доводится до человека или групп лиц опосредованно через информационные поля воздействия: интернет, печатные средства, радио- и телевидение, искусство, непосредственное общение и пр.

В самом общем виде механизм психологического воздействия на личность «несущего Призыв» можно представить следующим образом: привлечение внимания, поддержание интереса,

6 Большая энциклопедия: В 62 томах. М.: Терра, 2006. Т. 50. С. 427, 435.

7 Снычев И. М. Православная церковь. Современные ереси и секты в России / Под ред. митрополита С.-Петербургского и Ладожского Иоанна. СПб: Православная Русь, 1995. 346 с.

8 Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2007. 813 с.

9 Enroth R. Youth, brainwashing and the extremist cults. Grand Rapids: Zondervan Pub. House, 1977. P. 168.

10 Gomes A. W. Unmasking the cults. Grand Rapids: Zondervan Pub. House, 1998. P. 7.

11 Хвьяля-Олинтер А. И., Лукьянов С. А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1996. 82 с.

12 Грановская Р. М. Психология веры. СПб.: Речь, 2004. С. 496.

13 Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия // Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. М.: Харвест, 2002. С. 380-383.

проявление эмоций, убеждение (внушение, заражение и пр.), принятие решения, совершение действия. Это тонкий и обманчивый прием манипулирования сознанием при добровольном участии самого человека в процессе общения. На этапе привлечения внимания «несущие Призыв» (вербовщики) представляются как открытые, доброжелательные люди, которых волнуют проблемы не только будущего адепта, но и всех живущих в этой стране. Далее, увеличивая интенсивность общения, они становятся добрыми друзьями с будущим адептом, что означает начало этапа «поддержания интереса». На этапе «проявления эмоций» человека окружают вниманием, любовью, заботой. На следующем этапе (этап «применения методов психологического воздействия») шаг за шагом, постепенно, от встречи к встрече внедряется мысль: истина и спасение мира и самого адепта зависит от чистой и истинной веры в Аллаха, а также принятия Корана как священной книги мусульман. Но надо донести эту мысль до сознания каждого человека, а начать необходимо с себя, т.е. объявить большой джихад - борьбу с самим собой, своими пороками во имя Аллаха Великого и Всемогущего. Будущий адепт находит подтверждение всем словам своих наставников в священной книге мусульман: «Продолжай (о Пророк!) свой призыв к истине и передай Послание твоего Господа. Если же неверные будут противостоять твоему призыву и обижать верующих, то упорно борись с неверными посредством него (Корана)!» (сура «аль-Фуркан», аят 52). Далее идет этап принятия решения вербующим, которое, в основном, оказывается положительным. Он уже из Корана знает какими качествами должен обладать истинный мусульманин, и, следуя изложенному в хадисах Пророка объяснениям, стремится соответствовать этому образу, старается жить по законам шариата, как следует истинному мусульманину.

Таким образом, «несущие Призыв» (вербовщики из религиозных групп экстремистского толка) создали новую идентичность (личность), готовую и живущую по законам «справедливого» исламского образа жизни и исламского государства (халифата) и воплощения в нём исламской системы. Как итог, следует этап совершения действия. Перед новым адептом ставится вопрос: «Почему же вы не сражаетесь за прямой путь Аллаха, хотя слабые из мужчин, женщин и детей призывают вас на помощь и зывают к Аллаху, говоря: «Господи наш! Выведи нас из этого города (Мекки), где жители творят беззаконие, и помоги нам Своим могуществом и милостью быть под защитой уверовавших в Тебя людей, и пошли нам от Себя защитника и помощника?»» (смысл 75 аята суры «ан-Ниса»).

Для внедрения в сознание мысли новому адепту о том, что гибнут женщины, дети, старики под бомбами, для сбора ужасных доказательств никаких усилий «несущие Призыв» не прилагают – это делают за них практически все мировые СМИ. Вербовщикам остается лишь правильно расставить акценты в комментариях событий, и новообращенный в истинную веру приходит к мысли, что для спасения веры, угнетённых и слабых, необходимо братья за оружие, а «Бог благоволит к благочестивым, подвергающимся нападению неверующих и несправедливых. Всевышний создал борьбу между людьми как средство для подавления лжи. Иначе праведные верующие, не взявшие в руки оружие, будут уничтожены ложью, которая низвергнет культовые сооружения на всей земле. Этот вид джихада, будь он оборонительным или наступательным, является божественным повелением мусульманам в целях спасения угнетённых и слабых от тирании на том или ином этапе истории мира»¹⁴. И вот перед нами новый боец, муджахид, готовый к малому джихаду, будь он оборонительным или наступательным, уверенный, что борьба с оружием в руках является божественным повелением для всех истинных мусульман.

Реалии сегодняшнего дня таковы: лидеры экстремистских группировок все больше приходят к убеждению, что настоящую войну нужно вести за умы и сердца молодых. В такое непростое время, а именно в период социально-экономической и политической нестабильности, процесс социальной интеграции представителей молодежи осложняется еще и тем, что происходит в условиях кризиса социокультурной идентично-

сти, т.е. подростки и молодежь на данный момент времени являются самой социально незащищенной группой населения, подверженной успешному воздействию сотен и тысяч вербовщиков из различного рода деструктивных организаций, которые стремятся активно пополнять ряды террористических и деструктивных организаций. Проблема подверженности современного молодого поколения России к экстремизму, вхождению в различного рода деструктивные группировки, секты реальна, и потому требует пристального внимания и изучения.

Пристатейный библиографический список

1. Большая энциклопедия: В 62 томах. М.: Терра, 2006. Т. 50.
2. Вари М. И. Политико-психологические предвыборные и избирательные технологии: Учебно-методическое пособие. К.: Эльга, Ника-центр, 2003. 400 с.
3. Грановская Р. М. Психология веры. СПб.: Речь, 2004. 573 с.
4. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Н. Новгород: Христианская библиотека, 2007. 813 с.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
6. Заярная А. Как убедить массовую аудиторию: факторы эффективности пропаганды // Новая политика, 1999. № 1. С. 15-19.
7. Знаков В. В. Макиавеллизм, манипулятивное поведение и взаимопонимание в межличностном общении // Вопросы психологии 2002. № 6. С. 45-54.
8. Муткогло И. Джихад большой и малый. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/obshestvo/41418>.
9. Снычев И. М. Православная церковь. Современные ереси и секты в России / Под ред. митрополита С.-Петербургского и Ладжского Иоанна. СПб.: Православная Русь, 1995. 346 с.
10. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Социодинамическая психиатрия // Контроль сознания и методы подавления личности: Хрестоматия / Сост. К. В. Сельченко. М.: Харвест, 2002. С. 380-383.
11. Словарь терминов МЧС. 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http:// enc-dic.com/mchs/Akademija-grazhdansko-zaschit-mchs-rossii-3446.html](http://enc-dic.com/mchs/Akademija-grazhdansko-zaschit-mchs-rossii-3446.html).
12. Хвьяля-Олинтер А. И., Лукьянов С. А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1996. 82 с.
13. Anthony D. Pseudoscience and Minority Religions: An Evaluation of the Brainwashing Theories of Jean-Marie Abgrall // Social Justice Research. 1999, vol.12 (4). P. 421-456.
14. Anthony D. Brainwashing Allegations And The Elizabeth Smart Abduction // CESNUR. 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cesnur.org/2003/smart_anthony.htm.
15. Enroth R. Youth, brainwashing and the extremist cults. Grand Rapids: Zondervan Pub. House, 1977. 218 p.
16. Gomes A. W. Unmasking the cults. Grand Rapids: Zondervan Pub. House, 1998. 93 p.
17. Hassan S. Releasing The Bonds: Empowering People to Think for Themselves. USA: Aitan Publishing Company, 2000. 389 p.
18. Lifton R. J. Thought reform and the psychology of totalism; a study of «brainwashing» in China. NY: Norton, 1961. 510 p.
19. Schein E. H. Brainwashing and totalitarianization in modern society // World Politics, 1960. № 2. P. 430-441.
20. Schein E. H. Coercive Persuasion. NY: Norton, 1961. 320 p.
21. Singer M., Lalich J., Lifton R. J. Cults in Our Midst. USA: Jossey-Bass, 1996. 374 p.

14 Муткогло И. Джихад большой и малый. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islam.ru/content/obshestvo/41418>.

КАПУСТИНА Мария Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского государственного университета

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАТИВНОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ: НОРМЫ, ПРАВООТНОШЕНИЯ, ПРАВОСОЗНАНИЕ (ЕВРАЗИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ)

В статье раскрывается проблематика регулирования общественных отношений в контексте правовой интеграции, в частности, в рамках Евразийского сообщества. Исследуется роль и значение интегративной юриспруденции в формировании системной концепции правового регулирования. Особое внимание уделяется проблеме соотношения норм, правоотношений и ценностей правовой культуры (правосознания) в условиях экономической и правовой интеграции (прежде всего, в рамках Евразийского экономического союза). Анализируются взгляды российских и зарубежных ученых-правоведов и специалистов других отраслей знания с философских и иных позиций. Проводится детальный анализ понятийного аппарата, сопоставляются взгляды представителей различных научных школ, выявляются основные проблемы и тенденции развития концепции правового регулирования в едином правовом пространстве Российской Федерации, которое в культурологическом аспекте рассматривается частью Евразийского сообщества. По мнению автора, принцип единства, целостности явления вообще и правового явления, в частности, методологически связан с системным подходом, как исследовательским методом. В юриспруденции системный подход имеет своей целью формирование многоаспектного целостного понятия права, сложной динамичной системы правового регулирования, поэтому предполагает синтез (сочетание, объединение) методов познания, обоснованных нормативизмом, юснатурализмом, социологическим позитивизмом. Автор исходит из того, что системный характер исследования обеспечивает единство (интеграцию, систему) применяемых методов. При этом правовое регулирование предстает в качестве системного, т.е. целостного (интегративного) образования.

Ключевые слова: теория права и государства, интегративная юриспруденция, правовое регулирование, системный подход, правовая интеграция, Евразийское пространство.

KAPUSTINA Maria Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and History of Law and State sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

LEGAL REGULATION IN THE CONTEXT OF INTEGRATIVE JURISPRUDENCE: NORMS, LEGAL RELATIONSHIPS, LEGAL CONSCIOUSNESS (EURASIAN INFLUENCE)

The article reveals the problems of legal regulation in the context of integrative jurisprudence, in particular in the framework of the Eurasian community. The role and importance of integrative jurisprudence in forming of the systematic concept of legal regulation are researched in the article. Special attention is given to the problem of correlation of norms, legal relationships and values of legal culture (legal consciousness) under conditions of economic and legal integration (especially up within the Eurasian Economic Union). The views of Russian and foreign legal scholars and specialists from other disciplines with philosophical and other positions are being analyzed. A detailed analysis of the conceptual apparatus, compared the views of representatives of different scientific schools, identifies key issues and trends in the development of legal regulation of the concept of a common legal space of the Russian Federation, which is considered part of the cultural aspects of the Eurasian community. According to the authors, the principle of unity, integrity of the phenomenon in general and legal phenomenon, such as methodologically associated with a systemic approach as a research method. The legal system approach aims at the formation of multifaceted holistic concept of law, a complex dynamic system of legal regulation, therefore, involves the synthesis of (combination union) methods of knowledge, grounded with normativism, yusnaturalizmom, sociological positivism. The authors proceed from the fact that the systemic nature of the study provides unity (integration, system) the methods used. Legal regulation is presented as a system, i.e., holistic (integrative) education.

Keywords: Theory of Law and State, integrative jurisprudence, legal regulation, systematic approach, legal integration, Eurasian space.

Капустина М. А.

Обсуждение современных проблем законотворчества и правоприменения связано с необходимостью формирования системной концепции правового регулирования в едином правовом пространстве Российской Федерации, которое в культурологическом аспекте рассматривается частью Евразийского сообщества. Принцип единства, целостности явления вообще и правового явления, в частности, методологически связан с системным подходом, как исследовательским методом. В юриспруденции системный подход имеет своей целью формирование многоаспектного целостного понятия права, сложной динамичной системы правового регулирования, по-

этому предполагает синтез (сочетание, объединение) методов познания, обоснованных нормативизмом, юснатурализмом, социологическим позитивизмом. При этом системный характер исследования обеспечивает единство (интеграцию, систему) применяемых методов. Правовое регулирование предстает в качестве системного, т.е. целостного (интегративного) образования.

Современный системный анализ как совокупность методологических средств опирается на системный подход, а также ряд математических дисциплин, методы системной динамики, теории игр, эвристического программирования, имита-

ционного моделирования, современные методы управления. Поэтому в теории права он позволяет подготовить и обосновать с использованием электронно-вычислительных машин, компьютерных программ и других технических средств (электронных ресурсов) варианты решений сложных проблем правового регулирования. Системный анализ, в принципе, основан на построении обобщенной (конструируемой) научной модели (или ряда таких моделей) исследуемой системы, отображающей взаимосвязи и процессы реальной ситуации¹. Свойства правовой системы определяются главным образом особыми системообразующими (интегральными, интегративными) связями между элементами. Научная модель правовой системы, которая конструируется в теории права, должна отражать фактические процессы, происходящие в правовой действительности, и отношения между субъектами права. В результате, правовая система включает в себя принципы (ценности), нормы (законодательство) и правосознание субъектов правовых отношений, посредством которого легитимируются, т.е. признаются в качестве общеобязательных, соответствующие правовым принципам нормы.

В XX веке в юриспруденции наблюдается стремление к интегративному рассмотрению права как сложного социально-гуманитарного явления в аспекте правовой культуры (правосознания)². Для России в этом смысле актуализируется проблема евразийского культурно-правового пространства. В научный оборот термин «интегративная юриспруденция» ввел в 1997 году Дж. Холл, опубликовав одноименную работу. Интегративная юриспруденция в его концепции позволяет сочетать представления о праве как системе ценностей (естественно-правовая концепция), системе норм (нормативизм, юридический позитивизм) и фактических правоотношений (социология права, правовой реализм)³. При этом интегративная модель права, по мнению Дж. Холла, включает юридическую (правовую) и динамическую структуры. Правовая структура является стабильной константой, ее образуют нормы (система норм), которые устанавливают права и обязанности субъектов в социальных отношениях, выражающих признанные в обществе ценности. Динамическая структура права постоянно изменяется и проявляется в процессе правореализации⁴. Нормы существуют в психологических состояниях и одновременно получают свое внешнее проявление в поведении субъектов. Дж. Холл указывал на необходимость различения функционального предназначения норм как средств выражения значений и фактического характера норм⁵.

Структурно-функциональный анализ выступает одним из принципов исследования явлений и процессов как системы. Процессам социального регулирования, разновидностью которого является правовое регулирование общественных отношений, большое внимание уделено в структурно-функциональном анализе Т. Парсонса. Цель регулирования – исключить нежелательные для общества конфликты, резкие перемены и т.п. Важнейшим признаком нормального состояния социальной системы он считал ее равновесие, обеспечива-

емое средствами социального контроля, например, реакцией на поступки людей со стороны окружающих, деятельностью политических субъектов, и, конечно, средствами правового регулирования.

С точки зрения структурно-функционального исследования, структура социальной системы включает в себя ценности и нормы. Основу модели социальной системы Т. Парсонса образуют акты взаимодействия абстрактных индивидов, которые действуют на основе усвоенных ими общепринятых норм (стандартов) поведения. Образующие структуру общественного сознания нормы и ценности, усвоенные индивидами в процессе социализации, превращаются во внутренние мотивы поведения индивидов и тем самым определяют его характер (содержание), обеспечивают согласованность действий субъектов социальных отношений, выполнение ими своих социальных ролей. Однако в рамках евразийской культуры определение критериев общепризнанности стандартов поведения является проблематичным. Отношения между государствами (народами) в рамках Евразийского сообщества являются по своей природе международными отношениями. Поскольку «в целом, в международных отношениях отсутствует единый централизованный аппарат принуждения»⁶, постольку централизованно определить, какие правила поведения являются в настоящее время стандартными и, в этом смысле, нормальными, общеобязательными, затруднительно. Следует согласиться с И. З. Фархутдиновым в том, что международно-правовые отношения «имеют преимущественно координационный характер»⁷ и, следовательно, подлежат, прежде всего, договорному (автономному), а не авторитарному правовому регулированию. Представляется, что решить проблему определения критериев общепризнанности стандартов поведения возможно в контексте интегративной юриспруденции, позволяющей сформировать системную (интегративную) концепцию правового регулирования.

По мнению Дж. Холла, в правовой структуре (системе формально-определенных правоустановлений) обнаруживается статичная фаза правового опыта, константа, обеспечивающая стабильность правовой системы. Но право как система норм утрачивает свою стабильность в условиях динамической структуры правореализационной сферы. Поэтому, необходимо сочетание (интеграция) в едином социо-правовом комплексе константной юридической (нормативной) структуры и динамического право-процесса, т.е. системы реализующихся норм⁸. Нормативизм, определяя право как систему норм, рассматривал нормативные установления в отрыве от их фактической реализации и ценностного восприятия (легитимации) субъектами права. Социологическая юриспруденция, в частности, правовой реализм, акцентировала внимание на правоприменительном (прежде всего, судебном) процессе, пренебрегая, по сути, нормативной и ценностной составляющими права как системы правоотношений.

Исследуя юридическую (правовую) и динамическую структуры права, Дж. Холл, в результате, представляет право процессом, «в котором нормы, ценности и факты – и то, и другое, и третье – срastaются и актуализируются»⁹. Приобретая характер процесса, право в своей динамической структуре по-

1 См.: *Философский словарь* / Под ред. И. Т. Фролова. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1986. – С. 329-330.

2 See: *Rättslig integration och pluralism. Nordisk Rättskultur I Omvandling*. Stockholm: Institutet för Rättshistorisk Forskning, 2001; Baker J.H. *An Introduction to English legal history*. 3rd ed., Butterworths, 1990.

3 См.: Холл Дж. *Интегративная юриспруденция* // *Антология мировой правовой мысли: в 5 т.* – М., 1999. – Т. 3. – С. 739-741.

4 См.: Холл Дж. *Указ. соч.* С. 740.

5 См.: Там же. С. 741.

6 Фархутдинов И. З. *Международное право о самообороне государств* // *Евразийский юридический журнал*. – 2016. – № 1 (92). – С. 94.

7 Там же.

8 См.: Холл Дж. *Указ. соч.* С. 740-741.

9 Берман Г. Дж. *Вера и закон: примирение права и религии*. – М., 1999. – С. 343.

стоянно меняется и совершенствуется. Причем фактические изменения правопорядка, правовых институтов происходят в момент решения дела судьей. Независимо от того, открывает или творит норму судья, он, считал Дж. Холл, «не может применить прошлогоднюю норму права к сегодняшнему делу, потому что прошлогодняя норма права больше не существует; даже в простейших видах судебных решений что-то добавляется, и это обеспечивает ощутимо новое значение».¹⁰ Исследовательская концепция интегративной юриспруденции позволяет рассмотреть правовое регулирование в качестве целостной системы, синтезирующей (объединяющей) нормы права и правосознание, которым воспринимается правовой опыт, правовая культура, охватывающая собой представления (идеи) о ценностях и фактическое действие (применение, функционирование) норм.

Развитие Евразийского экономического сотрудничества в рамках ЕАЭС протекает в условиях юридической интеграции, охватывающей собой целостную систему элементов правового регулирования, начиная с унификации норм (законодательства) и заканчивая юрисдикционной деятельностью Суда Евразийского экономического союза. По мнению Аюповой З. К. и Кусаинова Д. У., ведущим юридическим процессом евразийской правовой интеграции является гармонизация права, которая «выражается в стандартизации элементов механизма правового регулирования в государствах для обеспечения правового равновесия и синхронизации поведения, а также упорядоченности, эффективности и компромисса интересов во взаимодействии государств и их правовых систем».¹¹

Интегративную философско-правовую концепцию на основе синтеза юридического позитивизма, теории естественного права и исторической школы обсуждает в конце XX века Г. Дж. Берман. Методом формирования интегративной концепции права, который мог бы примирить конкурирующие правовые школы, он считал диалектический метод анализа и синтеза. Диалектический метод как диалоговый способ рассуждений (познания мира) исторически восходит еще к древнегреческой философии, получил дальнейшее свое развитие среди юристов Древнего Рима. Позднее, в XI-XII веках диалектический метод анализа и синтеза использовался для примирения на основе правовых принципов и понятий («на все возрастающем уровне обобщения»¹²) противоречий, существовавших в средневековом праве между разными (соперничающими) элементами единой социальной структуры: церковное – светское, королевское – феодальное, городское – цеховое. Диалектический метод обоснования интегративной концепции права, считал Г. Дж. Берман, связан с осознанием целостности (единства) структуры общества и включает в себя не только рациональную составляющую (интеллектуальную), но и моральные принципы, что особенно актуально в условиях мультикультурализма евразийского сообщества. Применение диалектического метода анализа и синтеза, по его мнению, позволяет легитимировать каждый из элементов правовой структуры общества, преодолеть противоречия (конфликты) между ними «без уничтожения автономии тех фактов, кото-

рые их составляли»¹³, и в результате, примирить право и мораль, право и справедливость, свободу и равенство¹⁴.

Право в интегративной концепции Г. Дж. Бермана рассматривается в качестве социального явления (фактора, причины, с точки зрения социальной теории), которое взаимодействует с другими, такими как экономика, политика, мораль, религия. Право одновременно и отражает экономические и политические отношения конкретного общества и определяет (детерминирует) их. Так, развитие экономики и политики в Западной Европе XVII-XIX вв. было непосредственно связано с формированием в XII-XV вв. конституционного права, а также промышленного, договорного права, права собственности и других отраслей¹⁵. Поэтому сегодня правовое регулирование в условиях Евразийского экономического союза неверно рассматривать только через экономические условия существования государств-членов ЕАЭС, нужно акцентировать внимание на интеграции и взаимовлиянии ценностей правовых культур (правосознания) и взаимозависимости правовых и экономических интересов, на взаимодействии «духа и материи, идей и опыта»¹⁶.

Вслед за Дж. Холлом Г. Дж. Берман подчеркивает деятельностный (процессуальный, правореализационный) аспект права, позволяющий включить в интегративное (целостное) понятие правового регулирования правоустановление (законотворчество) и правоприменение (судебный процесс)¹⁷. Деятельностный аспект права неразрывно связан с его ценностной (идейной, идеологической) составляющей, т.е. системой согласованных друг с другом идей и ценностей (правовых и иных неправовых идей и ценностей) общества, «с его идеологией в целом»¹⁸. При этом правовой процесс (деятельностный аспект права, «право в действии»¹⁹) имеет приоритет перед нормативной составляющей права («правовыми правилами»²⁰). «Право в действии, – пишет Г. Дж. Берман, – включает правовые учреждения и процедуры, правовые ценности и правовые понятия и образ мыслей, равно как и правовые правила... Право в действии состоит из людей, занимающихся законотворчеством, отправлением правосудия, вынесением судебных решений, переговорами и другими правовыми действиями»²¹.

В результате, Г. Дж. Берман предлагает на основе синтеза юридического позитивизма, естественноправовой концепции и исторической школы права, интегративное, т.е. не одностороннее, узкое, а широкое определение понятия права, охватывающее собой и нормы (законодательство, позитивное право), и принципы (моральные критерии норм права), и традиции (обычаи конкретного народа или общества), живущие в общественной культуре и сознании²².

Интегративная юриспруденция позволяет сформировать системную (целостную) концепцию правового регулирования, которое приводит в условиях определенного социо-культур-

13 Там же. – С. 164.

14 См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – С. 124-164.

15 Там же. С. 56-57.

16 Там же. С. 57.

17 См.: Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999. – С. 342-343.

18 Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – С. 532.

19 Там же. С. 22.

20 Там же.

21 Там же.

22 См.: Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999. – С. 340-363; Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – С. 16-18, 22, 531-532.

10 Холл Дж. Указ. соч. С. 741-742.

11 Аюпова З. К., Кусаинов Д. У. Некоторые современные юридические процессы в рамках евразийской правовой интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 45.

12 Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998. – С. 158.

ного контекста, в частности, в условиях Евразийской культуры, к упорядочиванию (нормализации) и взаимосвязи общественных отношений в разных сферах жизнедеятельности в рамках интегрированного евразийского правового пространства. Обсуждение современной концепции правового регулирования в контексте интегративной юриспруденции выдвигает на первый план проблемы взаимодействия субъектов права, значения и взаимосвязи между нормами права, правосознанием и правовыми принципами в процессах передачи информации (взаимного влияния, воздействия) в правоотношениях. Для правового регулирования отношений в рамках ЕАЭС актуальным является в этой связи вопрос толкования Судом Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией норм национального права, универсальных международных договоров и решений органов интеграционного объединения, а также проблема единообразного применения государствами-участниками ЕАЭС международных договоров. Неясные нормативные положения актов Евразийского экономического союза затрудняют их применение к отношениям между субъектами экономических отношений в рамках Евразийского экономического пространства, т.е. затрудняют процесс правового воздействия (регулирующего)²³.

С точки зрения современной социологии науки, изучение, моделирование (конструирование) системы правового регулирования во многом определяется экономическими, политическими, историческими факторами, а также личностными (социально-психологическими) особенностями исследователя²⁴. Другими словами система правового регулирования и ее исследование определяются социокультурным контекстом. При этом в современном научном знании различают процессы воздействия, например, морального, психологического, идеологического, физического и др., и регулирования, например, технического, государственного, нормативно-правового и др. Правосознание и правовые принципы, правовые идеи и ценности правовой культуры, в частности, евразийской культуры, непосредственно не регулируют (не нормируют) поведение, деятельность субъектов, связи и отношения между ними. Они воздействуют (вливают) на характер нормативно-правового регулирования, определяют его эффективность. Правосознание субъектов опосредует практическое воплощение в жизнь всех элементов системного правового регулирования (воздействия).

Сам термин «воздействие» происходит от слова «действие» и означает влияние, т.е. активное действие в отношении субъекта, объекта, системы²⁵. Поэтому и в естественнонаучных, и в социально-гуманитарных исследованиях воздействие определяется как влияние, процесс передачи информации. При этом акцентируется внимание на направленности влияния (воздействия) и его результате, эффективности. Воздействие – это влияние, действие, приводящее в той или иной мере к изменениям в системе или субъекте (объекте), на которых оно было прямо или косвенно (частично) направлено. С точки зрения значения слова «воздействие» в русском языке, безре-

зультатного, т.е. не имеющего никакого эффекта, воздействия быть не может. Субъект, объект или система (природная или социальная), на которую направлено влияние (активное действие), оказывается под действием (воздействием). Изменения, которые произошли в системе в результате того или иного воздействия, например, изменения в определенном элементе (законодательстве или правоприменительной практике, или другом элементе) правовой системы, оказывают далее собственное влияние (воздействие) на функционирование данной системы, приводят к последующим изменениям в системе.

Обратная связь в процессе воздействия не рассматривается в качестве его обязательной характеристики, но может существовать. В случае наличия обратной связи осуществляется взаимодействие (взаимное влияние) оказывающего воздействие и испытывающего данное воздействие. Воздействие (влияние) проявляется в определенной зависимости свойств (поведения, состояния, характеристик и т.д.) субъекта, объекта, системы от испытываемого ими влияния. В результате воздействия на природную или социальную систему она может переходить из одного состояния в другое, изменять свои свойства, функциональные характеристики.

Выделяют различные виды воздействия. С точки зрения цели воздействия, оно может быть целенаправленным (управляющим) и не имеющим определенной цели влияния (действия), т.е. стихийным или, так называемым, «возмущающим»²⁶. Как тот, так и другой виды воздействия по характеру влияния (действия) могут осуществляться одновременно (однократно), периодически или постоянно. Повторяющееся воздействие может быть систематическим (регулярно повторяющимся) и случайным. В соответствии с характером влияния, его результаты предсказуемы (ожидаемы) с большей или меньшей степенью вероятности. По продолжительности во времени различают мгновенное (кратковременное) и длительно действующее. Последствия однократного действия в отношении системы (субъектов, объектов), как правило, наступают незамедлительно. Продолжающееся (длительно действующее) воздействие может иметь системный характер, представлять собой последовательную смену определенных стадий воздействия, направленных на поэтапное (последовательное) достижение конкретной цели (результата) воздействия.

Формой целенаправленного (управляющего) воздействия является регулирование. Регулирование может включать в себя задачу изменения отдельных свойств, характеристик системы, ее отдельных элементов. Но, даже стремясь произвести определенные изменения, регулирование, направленное на систему, должно быть ориентировано на поддержание в ней равновесия и сбалансированного развития. Отличает целенаправленное воздействие то, что регулирование осуществляется посредством включения в систему таких регуляторов, как нормы, правила. Правовое регулирование включает в себя общеобязательные предписания «для всех без исключения потребителей права»²⁷. Процесс регулирования предполагает определение структурных связей между элементами системы, целей и принципов ее функционирования. Правовое регулирование представляет собой управление (в разных формах, включая самоуправление) действиями, направленными (целями) деятельности и отношениями субъектов в раз-

23 См., например: Толстых В. Л. Развитие практики Суда Евразийского экономического союза (на примере дела «ИП Тарасик К. П. против Комиссии») // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 17-18.

24 См.: Честнов И. Л. Состояние методологии историко-правовой науки // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений: Коллект. моногр. / Отв. ред. А. А. Дорская. – СПб.: Астерион, 2012. – С. 311-312.

25 См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь. – М., 1992; Идеографический словарь русского языка. – М.: Издательство ЭТС, 1995.

26 См., например: Экономико-математический словарь: Словарь современной экономической науки. – М.: Дело, 2003.

27 Ермолина М. А., Немчинова Т. С. Судебная практика как источник права (о степени теоретической разработанности проблемы в гражданском процессуальном праве) // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94). – С. 175.

личных сферах жизнедеятельности²⁸. В отличие от стихийного воздействия, т.е. не имеющего определенной цели влияния, регулирование вообще и правовое регулирование (руководство), в частности, осуществляется посредством постановки задач, определения ожидаемого результата (эффективности воздействия) и способов его достижения. Будучи формой целенаправленного воздействия, правовое регулирование может выражаться как в прямом (непосредственном, директивном, приказном) руководстве поведением субъектов через постановку конкретных задач и указание путей их достижения, так и нормативном (абстрактном) регулировании, связанном с определением принципов и общих моделей (норм, правил) поведения и взаимодействия субъектов. Вероятно, правовое регулирование в условиях евразийской интеграции связано, прежде всего, с формированием и реализацией наиболее общих (принципиальных) конвенциональных модельных соглашений.

В российском правоведении интегративную юриспруденцию активно обсуждает В. Г. Графский. По его мнению, причины формирования интегративной юриспруденции коренятся в том, что сегодня существует большое разнообразие юридических и неюридических дисциплин, изучающих право под своим, зачастую, весьма односторонним и практически ориентированным углом зрения. Преодолеть подобную «разорванность» в правопонимании возможно, выделив в правоведении синтезированную (интегративную, интегральную) часть – общую юриспруденцию, которая выполняла бы роль интегральной (общетеоретической) концепции. С точки зрения интегральной юриспруденции, само право является «сложноорганизованным и многофакторным объектом познания, находящимся в состоянии динамики и постоянного обмена познавательными ракурсами и общениями между различными правоведческими подходами»²⁹. Наряду с интегральной (общей) юриспруденцией, по мнению В.Г. Графского, в современном правоведении должны быть еще две части: теоретическая юриспруденция (включающая в себя философию права, собственно теоретическую юриспруденцию и догматическую юриспруденцию) и практическая юриспруденция³⁰.

Интегративность российской юриспруденции сегодня проявляется, в частности, в том, что государственно-правовое регулирование осуществляется в условиях сотрудничества в рамках Евразийского сообщества. Интегративное правовое воздействие оказывает эффект целенаправленного (правового регулирования) и нецеленаправленного влияния одновременно в рамках единого (целостного, интегративного) правового пространства. Системный подход в теории права служит методологической основой теории правовой системы, обеспечивает интегративный (объединяющий, синтезирующий) характер юриспруденции. Интегративная юриспруденция, будучи общей (синтезированной) правовой теорией, должна обеспечить унификацию юридических знаний, выступить, в определенном смысле, философско-познавательной дисциплиной³¹. Универсализация знаний является в принципе одной из задач

науки. Кроме того, интегративная юриспруденция необходима с точки зрения системы юридического образования в России. Унификация, а значит, система правовых знаний имеет важное образовательное значение как для юридических, так и для неюридических специальностей³². В современных российских условиях, применительно к юридическим знаниям, интегративная (синтезированная) юриспруденция может решить задачу унификации принципов правоустановления и правоприменения в едином правовом пространстве Российской Федерации, формирования принципов политики права и обеспечения унифицированного (единого) правового регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Аюпова З. К., Кусаинов Д. У. Некоторые современные юридические процессы в рамках евразийской правовой интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92).
2. Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии. – М., 1999.
3. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М., 1998.
4. Графский В. Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. – М., 2006.
5. Графский В. Г. Интегральное правопонимание в историко-философской перспективе // Философия права в России: история и современность. – М., 2009.
6. Ермолина М. А., Немчинова Т. С. Судебная практика как источник права (о степени теоретической разработанности проблемы в гражданском процессуальном праве) // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94).
7. Капустина М. А. Источник права в генетическом смысле // Правоведение. – 2012. – № 2.
8. Толстых В. А. Развитие практики Суда Евразийского экономического союза (на примере дела «ИП Тарасик К. П. против Комиссии») // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3 (94).
9. Фархутдинов И. З. Международное право о самообороне государств // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92).
10. Холл Дж. Интегративная юриспруденция // Антология мировой правовой мысли: в 5 т. – М., 1999. – Т. 3.
11. Честнов И. Л. Состояние методологии историко-правовой науки // Наука теории и истории государства и права в поисках новых методологических решений: Коллект. моногр. / Отв. ред. А. А. Дорская. – СПб.: Астерион, 2012.
12. Baker J. H. An Introduction to English legal history. 3rd ed., Butterworths, 1990.
13. Rättslig integration och pluralism. Nordisk Rättskultur I Omvandling. Stockholm: Institutet för Rättshistorisk Forskning, 2001.

28 См.: Капустина М. А. Источник права в генетическом смысле // Правоведение. – 2012. – № 2. – С. 238-239.

29 Графский В. Г. Интегральная (общая, синтезированная) юриспруденция // Наш трудный путь к праву: Материалы философско-правовых чтений памяти академика В. С. Нерсесянца. – М., 2006. – С. 143.

30 Там же. С. 142-143.

31 См.: Графский В. Г. Интегральное правопонимание в историко-философской перспективе // Философия права в России: история и современность. – М., 2009. – С. 230.

32 Как свидетельствует опыт организации высшего образования в Санкт-Петербургском государственном университете, среди неюридических специальностей, наиболее остро испытывающих сегодня потребность в общих (интегральных) правовых знаниях, оказались медицинские и лингвистические дисциплины.

КОРОЛЕВ Сергей Викторович

доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН

ДВЕ МЕТА-ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В статье анализируются две фундаментальные дихотомии философии права, которые по необходимости генерируют «сверх-юридические» задачи для теории законодательства. В рамках небольшой рецензии на одну из работ Хилари Патнэма с позиций мировоззренческого холизма автор отрицает непреодолимость («позитивистской») границы между эпистемологией и онтологией права.

Ключевые слова: философия права, юридический позитивизм, теория законодательства, дихотомия, факт-норма, аналитическое суждение - синтетическое суждение.

KOROLEV Sergey Viktorovich

Ph.D. in Law, professor, chief researcher at the international law investigations department of State and Law Institute of the Russian Academy of Sciences

Королев С. В.

TWO META-PROBLEMS OF LEGISLATION THEORY

The article highlights two fundamental dichotomies of philosophy of law, which of necessity generate “extra-legal” tasks for legislation theory. The article is structured as a brief review of one of the works of Hilary Putnam. The tenor of the article is the holistic approach to legal phenomena, which challenges the insurmountability of (“positivist”) barriers between legal epistemology and legal ontology.

Keywords: philosophy of law, legal positivism, legislation theory, dichotomy, fact-value, analytic statement, synthetic statement.

1. Блеск и нищета дихотомии «факт – норма»

В данной статье я касаюсь двух взаимосвязанных мета-юридических проблем, которые обычно остаются за рамками изысканий теоретиков законодательства, ориентированных на быстрый практический результат. Хотя моя задача по определению преодолевает границы позитивистской юриспруденции, я опираюсь на авторитет едва ли не самого авторитетного позитивиста англо-американской правовой традиции Герберта Харта. Речь идёт о его эпистемологическом тезисе, согласно которому следует различать внутреннюю и внешнюю точку зрения на право (internal versus external point of view)¹.

По Харту, внутренний взгляд на законодательство (например, со стороны эксперта, подготовившего тот или иной законопроект) может быть дополнен и даже откорректирован внешним взглядом, например, со стороны социолога или со стороны будущих адресатов этого законопроекта. Так, критикуя порой бескомпромиссный «империализм права» Рональда Дворкина,² Харт отмечает следующее: «Мне трудно уловить (follow) чёткие причины (precise reasons), по которым Дворкин отвергает дескриптивную теорию права или ‘юриспруденцию’, как он её часто называет. Его центральное возражение, по-видимому, сводится к тому, что теория права должна принимать во внимание внутреннюю перспективу на право, что представляет собой точку зрения инсайдера или (профессионального – С. К.) участника правовой системы. Никакой адекватный отчёт в рамках такой внутренней перспективы не может быть предоставлен дескриптивной теорией, [основанной] на точке зрения внешнего наблюдателя, а не участника»³.

Ниже я попытаюсь доказать, что так называемая юридическая техника как генетический продукт юридического позитивизма разоблачает бесплодие его фундаментального «разделительного принципа». Начиная, по крайней мере, с Джона Остина (1790 – 1859), этот принцип, жёстко отграничивающий вопросы права от вопросов морали, истории, религии, социологии и т.п., является визитной карточкой классического юридического позитивизма: «Существование право(порядка) – это одна вещь; его достоинства или дефекты – другая. Одно дело спрашивать о его наличии или отсутствии; другое дело спрашивать о его соответствии принятому стандарту. Закон, который действительно существует, является законом, хотя случается, что нам он не по нраву...»⁴.

В качестве внешней перспективы на позитивистскую теорию законодательства я выбрал позицию Хилари Патнэма, которую он вынес в заглавие своей небольшой философской монографии. Собственно говоря, речь идёт даже о сборнике статей под общим названием «Крушение дихотомии «факт – ценность»⁵. Патнэм характеризует традиционное жёсткое противопоставление фактического и нормативного как «переходную дихотомию»⁶.

В указанной монографии Патнэм доказывает следующее: безоценочная описательность невозможна в принципе. Соответственно, любой факт, который мы регистрируем, уже вовлечен в нашу парадигму ценностей, как минимум, на уровне интуитивной аксиологии регистрирующего субъекта. Позвольте привести недавний пример: невысокая оплата труда провинциального школьного учителя воспринимается ими

1 Hart H. L. A. The Concept of Law. [1961]. 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1994. – pp. 89-91, 242-43, 254

2 Dworkin R. Law's Empire. – Cambridge (Ma.) etc.: Harvard UP, 1986. – pp. 13-4

3 Hart H. L. A. Op. cit. p. 242

4 Austin J. L. The Province of Jurisprudence Determined [1832]. Edited by Wilfrid E. Rumble. – Cambridge UP, 1995. P. 157

5 Putnam H. The Collapse of Fact/Value Dichotomy. – Harvard UP, 2002

6 Англ. over-inflated dichotomy

как монетарная дискредитация профессии, т.е. в духе слогана: «стыдно учителю так мало платить».

Однако с точки зрения председателя «Единой России» Дмитрия Анатольевича Медведева низкая оплата учительского труда находится в иной шкале ценностей. Это – монетарный символ подвижничества и как бы профессионального бескорыстия учителя, т.е. в духе слогана «стыдно учителю, в отличие от предпринимателя быть корыстолюбивым». Итак, фактические требования граждан к законодателю и фактическая позиция самого законодателя всегда предполагают уже состоявшиеся ценностные суждения и основаны на них. Таким образом, один и тот же факт уже в момент его регистрации («обнаружения») всегда аксиологически окрашен. Соответственно, так называемые ценностно нейтральные факты невозможны в принципе. Здесь можно сформулировать первое законотворческое правило: «Назови мне факты, на которые ты ссылаешься в защиту своих требований, и я узнаю твою систему ценностей».

Во-вторых, уже независимо от Патнэма, но вместе с Джоном Финнисом⁷ я полагаю, что не бывает чистых, абсолютно абстрактных оценок. Соответственно, всякое предписание, всякая прескрипция имеет дескриптивный аспект, т.е. так или иначе, опирается на какой-то оценочно релевантный факт. Например, католический принцип целибата, в конечном итоге, объективирует многочисленные факты, скажем так, гендерных искушений и соблазнов со стороны женщин для начинающих подвижников. Короче говоря, если у христианского подвижника есть наперсница, то он уже не подвижник.

Подобные факты, словами Георга Еллинека, сами притягивают к себе «нормативную силу».⁸ Здесь можно сформулировать второе законотворческое правило: «Назови мне принципы, которыми ты руководишься, и я узнаю, какие факты из реальной действительности ты склонен регистрировать, а, точнее, конструировать».

2. Блеск и нищета дихотомии «аналитическое суждение – синтетическое суждение»

Следующая дихотомия, чрезмерную жёсткость которой критикует Патнэм, была сформулирована ещё Иммануилом Кантом: «Во всех суждениях, в которых мыслится отношение субъекта к предикату /.../, такое отношение является двояко возможным. Либо предикат Б принадлежит субъекту А как что-то уже (скрыто) в нём содержащееся. Либо Б полностью лежит вне понятия А, хотя и находится с ним во взаимосвязи. В первом случае я называю суждение аналитическим, во втором – синтетическим. Аналитические высказывания (утверждающие) являются такими, в которых связь предиката с субъектом мыслится через идентичность. Те же высказывания, в которых эта связь мыслится без идентичности, будут называться синтетическими. Первые также можно назвать разъяснительными, а вторые – расширительными суждениями, потому что первые через предикат ничего не добавляют к понятию субъекта, а разделяют его на частичные понятия /.../. Напротив, последние прибавляют к понятию субъекта предикат, который в нём вообще не мыслится и который не может быть извлечён никаким разделением».⁹

Итак, речь идёт о знаменитом разграничении аналитических и синтетических суждений. Впервые указанная дихотомия была подвергнута сокрушительной критике ещё Уиллардом Куайном в далёком 1951 году.¹⁰ Патнэм же продолжает линию аргументации Куайна и доказывает, что указанная кантовская дихотомия в принципе представляет собой философский фундамент для уже рассмотренной и дискредитированной дихотомии «факт – норма». По мнению Патнэма, между аналитическими и синтетическими суждениями также нет непреодолимой грани. Всё это имеет прямое отношение к проблематике социальных норм вообще и легальных дефиниций, в частности (см. подробнее ниже).

Хрестоматийным примером аналитического суждения является утверждение: «Все холостяки – это неженатые мужчины». Здесь важно отметить следующие обстоятельства. Во-первых, с точки зрения кантианства все аналитические суждения представляют собой тавтологии. Практическая же эффективность тавтологий всегда дискуссионна, что нельзя не учитывать при проектировании любого закона. Во-вторых, согласно Канту истина аналитического суждения очевидна и не нуждается в обосновании посредством ссылок на какие-либо реальные факты или события. Другими словами, нанизывая друг на друга аналитические высказывания, мы вообще не покидаем ноуменальный мир, т.е. мир умопостигаемых сущностей. Короче говоря, никакие факты нам здесь якобы не нужны и нам не указ. Аналитические высказывания понятны и убедительны а priori, вне всякого опыта.

Иное дело синтетические суждения. В рамках кантианства они являются высказываниями a posteriori, т.е. основаны на последующем опыте наблюдателя. Будучи эмпирическими высказываниями, они становятся инструментом индукции и должны «расширять» наше знание о предмете познания. Этим они якобы принципиально отличаются от аналитических высказываний, представляющих собой тавтологии, заранее содержащие в своём объёме указание на предикат. Ясно, что в объём понятия «холостяк» уже заранее включены предикаты «мужчина» и «неженатый». Итак, по Канту структуру синтетического высказывания можно представить в виде центральной категории, на которую, как на своеобразный шампур нанизываются эмпирические признаки.

Социальные правила вообще и юридические нормы, в частности можно формулировать либо посредством (идеальной) типизации, либо посредством (казуальной) экзemplификации. Первый путь является визитной карточкой романо-германской традиции права, второй – характерен для англо-американской юриспруденции. В первом случае нормативная дефиниция формулируется посредством подведения видового понятия под ближайший род (definitio fit per genus proximum et differentiam specificam).¹¹ Например, «президент республики есть глава государства». Итак, метод идеальной типизации фактически идентичен аналитическим суждениям в духе Канта.

Во втором случае (при использовании метода экзemplификации) норма возникает посредством указания или перечисления релевантных фактов, подлежащих нормированию (запрету, предписанию, дозволению и т.п.). Например, десятая заповедь: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены

7 См. Финнис Дж. Естественное право и естественные права (пер. с англ. В. П. Гайдамака и А. В. Панихиной). – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012

8 Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. [1914]. Dritte Aufl. – Berlin: Springer, 1929. – S. 337ff

9 Kant I. Kritik der reinen Vernunft [1787]. Zweite Aufl. S. 26-7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wissensnavigator.com/documents/kritikderreinenvernunft.pdf>

10 Quine W. V. Main Trends in Recent Philosophy: Two Dogmas of Empiricism // The Philosophical Review, Vol. 60. No.1 (Jan., 1951). pp.20-43

11 Лат. «дефиниция возникает через ближайший род и видовое отличие»

ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего (курсив мой – С. К.)».

Как видим, метод экзemplификации генетически подходит для формирования синтетических суждений в духе Канта, где отдельные примеры не обязаны быть чисто гипотетическими; в случае 10-той заповеди они могут быть примерами отрицательного социального опыта. В современных США метод экзemplификации нередко применяется для формулирования т.н. смешных правил.

Так, в Хартфорде (штат Коннектикут) запрещено переходить дорогу на руках. В Оксфорде (штат Огайо) запрещено женщинам раздеваться, стоя перед портретом мужчины. В штате Айдахо запрещено рыбачить, сидя на верблюде. В штате Виктория обычные граждане даже в собственных домах не вправе самостоятельно менять перегоревшие электролампы. Это могут делать только лицензированные электрики. Штраф за нарушение – 20 долларов. В городе Спейдс (штат Индиана) запрещено использовать огнестрельное оружие для открывания консервных банок. За нарушение предусмотрена уголовная ответственность в виде трёх месяцев тюрьмы. В городе Форт-Мэдисон (штат Айова) пожарные обязаны провести 15-ти минутную тренировку перед каждым выездом на пожар и т.п.¹²

Все эти смешные запреты, так или иначе, основаны на реальных событиях, ставших примерами социально опасного поведения. Иначе говоря, вполне в духе прецедентного права эти необычные нормы первоначально возникали из судебных решений по конкретным делам. Некоторые из этих норм просто курьёзны, другие же вполне функциональны. Как бы то ни было, нормы, созданные посредством метода экзemplификации, можно подвести под категорию «синтетическое высказывание» в духе Канта. Трудно представить, что норма, устанавливающая запрет укладывать осла спать в ванне (штат Аризона), могла возникнуть до всякого опыта.

Итак, внутри кантовского дуализма легальные дефиниции могут быть либо аналитическими, либо синтетическими. Посмотрим, можно ли назвать синтетическим суждением в духе Канта легальную дефиницию «матери» в параграфе 1591 ГГУ: «Матерью ребёнка является женщина, которая его родила». Здесь в качестве признаков матери присутствуют два абстрактных признака: один из них эксплицитный (успешные роды), второй – имплицитный (стадия беременности). Как видим, формально параграф 1591 ГГУ представляет собой аналитическое, а не синтетическое суждение: понятие «матери ребёнка» подводится под понятие «роженница».

Однако нам здесь важно проверить утверждение Патнэма о том, что не бывает чисто аналитических и чисто синтетических суждений. Следовательно, возникает вопрос о том, возможно ли параграф 1591 ГГУ из аналитического суждения преобразовать в синтетическое, т.е. в такое высказывание, которое может указывать на ранее неизвестные обстоятельства. Действительно, на основании решения камерального суда Берлина (Kammergericht Berlin) от 30.10.2014 транссексуал (типа «из женщины в мужчину»), который после юридической смены своего полового статуса путём внесения соответствующего изменения в акты гражданского состояния, зачал и родил ребёнка, подлежит занесению в свидетельство о рождении

в качестве матери с указанием своего (прежнего) женского имени.¹³

Таким образом, формально аналитическое высказывание параграфа 1591 ГГУ («матерью ребёнка является женщина, которая его родила») теперь имеет расширенный объём и имплицитно включает в себя дополнительный эмпирический признак: «матерью ребёнка является женщина, которая его родила», даже если речь идёт о транссексуале типа «из женщины в мужчину». Притязание указанного транссексуала, из роженницы превратиться в «юридического отца» ребёнка, камеральный суд Берлина счёл несовместимым с принципом защиты детей, а также с принципом правовой стабильности, т.е. принципом предсказуемости правоотношений.

А propos, т.н. суррогатная мать в России в системе ценностей ГГУ является «юридической матерью», а т.н. лишь генетическая мать юридической не является. Данное обстоятельство, на мой взгляд, говорит о том, что не бывает безоценочных синтетических суждений. Здесь можно сформулировать третье законотворческое правило: «Пункт 1. Легальная дефиниция в форме аналитического суждения более изящна и поэтому более инструментальна, чем синтетическое суждение. Пункт 2. Легальная дефиниция в форме синтетического суждения всегда ближе к социальной действительности и поэтому лучше отображает или схватывает правовую реальность. Пункт 3: Если легальную дефиницию в форме изящного аналитического суждения не удаётся переформулировать в синтетическое, то такая дефиниция будет мало эффективной».

Пристатейный библиографический список

1. Финнис Дж. Естественное право и естественные права (пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной). – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012
2. Austin J. L. The Province of Jurisprudence Determined [1832]. Edited by Wilfrid E. Rumble. – Cambridge UP, 1995.
3. Dworkin R. Law's Empire. – Cambridge (Ma.) etc.: Harvard UP, 1986.
4. Hart H. L. A. The Concept of Law. [1961]. 2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1994.
5. Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. [1914]. Dritte Aufl. – Berlin: Springer, 1929.
6. Kant I. Kritik der reinen Vernunft [1787]. Zweite Aufl. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.wissensnavigator.com/documents/kritikderreinenvernunft.pdf> (дата обращения: 01.10.2016)
7. Putnam H. The Collapse of Fact/Value Dichotomy. – Harvard UP, 2002
8. Quine W.V. Main Trends in Recent Philosophy: Two Dogmas of Empiricism // The Philosophical Review, Vol. 60. No.1 (Jan., 1951).

12 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fin-lawyer.ru/2009/nekotorye-smeshnye-zakony-ssha/>

13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.iurado.de/?site=iurado&p=urteile&id=1685>

ИСХАКОВ Марат Зенфирович

юрисст правового отдела Уфимского юридического института МВД России

О СПЕЦИФИКЕ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья посвящена анализу социокультурных особенностей моделей гражданского общества, выявлению специфики построения гражданского общества в России.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, свобода, личность, демократия, культура, ценность, традиция.

ISKHAKOV Marat Zenfirovich

a layer of the Legal Department of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ABOUT THE SPECIFIC ORIGINS OF RUSSIAN CIVIL COMMUNITY

The article is devoted to the analyses of sociocultural models of a civil community, specific ways of creation a civil community in Russia.

Keywords: civil community, rule-of-law state, liberty, person, democracy, culture, value, tradition.

Исхаков М. З.

Проблема философско-методологической рефлексии становления и развития российского гражданского общества является сегодня одной из наиболее актуальных, ибо от модели построения гражданского общества зависит выработка стратегии целостно-конструктивного демократического развития страны. Между тем, при достаточно большом количестве определений, до сих пор нет общепринятого понимания даже сущности гражданского общества.

Гегель в своем произведении «Философия права» отмечает, что гражданское общество, будучи одной из высших ступеней развития человечества, представляет собой диалектическую систему личностных, семейных, социальных, государственных отношений, которые развиваются благодаря социально-политической активности человека. Оно включает осознание удовлетворения потребности единичного посредством всеобщего, защиту собственности посредством правосудия и заботу о правопорядке. «Особенность, ограниченная всеобщностью», — пишет он, — есть единственная мера, при помощи которой каждая особенность способует своему благу».¹

Наиболее широкое понимание гражданского общества представляет его как систему негосударственных, неполитических отношений.² Некоторые авторы считают принципиальным подчеркнуть, что гражданское общество — «это система внегосударственных общественных отношений и институтов».³ Иногда подчеркивается деятельностный характер гражданского общества, в котором «создается реальная возможность для самореализации личности и человеческих коллективов и тем самым устанавливается оптимальная мера вмешательства в экономический, социальный и духовный процесс».⁴

Следует, на наш взгляд, дифференцировать научно-позитивистский и философский подход к гражданскому обществу. Первый исследует исторически реальное гражданское общество, а второй — его сущность, то есть, каким оно должно быть. И. В. Бестужев-Лада, рассматривая философский смысл феномена гражданского общества, представляет его в качестве некоего «общественного идеала».⁵ Однако наличие в общественном сознании идеала не исключает ту или иную степень его воплощения в жизни.

Некоторые авторы подчеркивают невластный характер институтов гражданского общества.⁶ Вряд ли можно согласиться с мнением, что гражданское общество «образует как бы прокладку между базисом и надстройкой, производственными отношениями и государством».⁷ Думается, что анализ понятия «гражданское общество» вообще не должен идти в системе категорий «базис» и «надстройка», так как оно пронизывает и то, и другое.

Вряд ли можно согласиться, что гражданское общество, как особая сфера социального общения, сплачивает людей в сообщество на основе добровольных связей «независимо от экономических отношений».⁸ Как раз экономические отношения и интересы чаще всего и являются объединяющим фактором людей в гражданское общество. Гражданское общество понимается и как «совокупность независимых от государства производителей, саморегулирующихся организаций, вроде профсоюзов, политических партий, культурных организаций, научных ассоциаций, а также семьи и церкви».⁹

Следует подчеркнуть, что нашей исходной методологической посылкой является то, что гражданское общество представляет собой не просто союз людей, а общество личностей, ценящих свободу превыше всего и формирующих публичную власть с целью совершенствования условий совместной жизнедеятельности. Личность мы считаем важнейшим не только элементом, но и институтом гражданского общества. Именно свободная личность, определяющая правила собственного социально-политического бытия является ядром гражданского общества. Однако это — лишь исходная установка. Гражданское общество, как союз свободных личностей, ненасильственная форма организации публичной власти, должно быть институализировано посредством правовых норм. То есть гражданское общество «вынуждает» государство законодательно закрепить свои права.

Важнейшими критериями гражданского общества являются: экономическая и социальная свобода граждан, признание и реальная обеспеченность естественных, неотчуждаемых прав человека, самоуправляемость, самоорганизованность, инициативность его членов, открытость, гласность, свобода ин-

1 Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 228.

2 Мигранян А. М. Гражданское общество // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М.: Политиздат, 1989. С. 446.

3 Кочетков А. П. Россия на пороге XXI века. М.: МГУ, 1998. С. 12.

4 Зорькин В. Д., Кикоть В. А. Новая Конституция — путь к свободе. М., 1995. С. 4.

5 Бестужев-Лада К. Б. Сценарий будущего под иероглифом гражданского общества // Будь лицом: ценности гражданского общества. Томск, 1992. С. 81.

6 Славный Б. И. Проблема власти: новые измерения // Полис. 2001. № 5, 6. С. 45.

7 Красин Ю. С., Галкин А. Н. Гражданское общество: пути к стабильности // Диалог. 2012. № 3. С. 73.

8 Гуренко Е. Н., Шкаратан О. И. От этатизма к становлению гражданского общества // Рабочий класс и современный мир. 1990. № 3. С. 154, 155.

9 Карпов Л. Россия и правовое государство // Свободная мысль. 1992. № 9. С. 24.

формации, слова, верховенство права и закона, стабильность конституционного строя, демократический политический режим, политический и идеологический плюрализм. Как видим, практически все эти признаки совпадают с признаками правового государства. Именно поэтому эти категории называют дихотомичными, ибо один феномен не существует без другого.

Распространено мнение, что гражданское общество «не нуждается в государстве, поскольку создается за счет низовых инициатив, опираясь на рынок и общественность», что гражданское общество развивается независимо от государства, граждане получают возможность и право действовать самостоятельно, создавая условия своего существования.¹⁰ Однако, на наш взгляд, это не всегда так. Государство может и должно способствовать созданию и развитию институтов гражданского общества. В этом проявляется одна из культурных специфик построения российской модели гражданского общества, которое является средством решения противоречий между государством и личностью, а не трудом и капиталом, как в западно-европейском обществе.

Если гражданское общество способствует личностной самореализации граждан, то оно функционирует оптимально. В противном случае общество не будет устойчивым и политическая власть вскоре не сможет решать возложенные на нее задачи. В этом смысле государство и гражданское общество характеризуются взаимной зависимостью, одно дополняет другое. Государство должно осознать выгоду развития гражданского общества.

В правовом государстве власть и общество как бы «договариваются» о взаимоуважении и обязуются соблюдать определенные правила. Фактически государство, развиваясь, порождает гражданское общество, как средство собственной эволюции. Функционирование гражданского общества снимает необходимость революций, как средства решения антагонистических противоречий между классами. Поэтому в развитии гражданского общества заинтересовано, прежде всего, государство, не желающее быть смеленным в яростном порыве доведенных до крайности людей.

Обычно отмечают лишь одну сторону взаимодействия, а именно то, что в развитых странах гражданское общество контролирует действия власти. О другой стороне пишут гораздо реже. Интересны в этой связи не совсем привычные представления А. Грамши, считавшего, что гражданское общество, как и государство, служит господствующему классу в упрочении его власти. Взаимоотношения государства и гражданского общества зависят от зрелости последнего: если гражданское общество распылчато и примитивно, то государство является его «внешней формой»¹¹.

Гражданское общество в развитом состоянии пытается совершенствовать правовое общество как среду своего обитания. Зачем гражданскому обществу совершенствовать государство понятно, но для чего государству развивать и совершенствовать гражданское общество понятно далеко не всем, и, прежде всего, к сожалению, служащим государственного аппарата.

Часто подчеркивается, что гражданское общество предполагает разделенность политической и социальной сфер общества друг от друга, что оно должно заниматься преимущественно социальными проблемами. На наш взгляд, гражданское общество должно принимать участие в решении всех проблем, касающихся жизни страны. Другое дело, что в России оно, к сожалению, находится на достаточно низком уровне. «В такой ситуации социальная политика остается целиком прерогативой государственной власти, прямо зависит от того, насколько власть сострадательна к заботам и нуждам простых людей».¹² Однако это не означает, что гражданского общества в России вовсе не существует и государство может его полностью игнорировать. «Водворяясь в обществе, – писал Б. Чичерин, – политическая свобода должна тщательно избе-

гать всего, что может оскорбить народное чувство. Менее всего позволительно пренебрежение к тому, что дорого для масс»¹³.

Сегодня в условиях глобализации трансформируются и государства, и гражданские общества. Между тем, как меняется гражданское общество вследствие глобализации, какие появляются культурные модели его построения, практически не изучено. Современное российское государство оказалось перед необходимостью противостоять новым глобальным вызовам, поэтому большую актуальность приобретает вопрос о его роли в выстраивании диалога с народом. Среди отечественных исследований встречается множество мнений о том, что глобализация существенно уменьшила роль государства и государственных институтов в выстраивании такого диалога. «Прозрачность и взаимообусловленность, естественно, привели к совершенно новой трактовке статуса национальных государств. Они стали терять свою значимость, так сказать, зависать в пространстве и времени, теряя свою прежде полную власть над экономикой и культурой своих народов», – пишет Н. Покровский¹⁴.

Однако, несмотря ни на что, российское государство по-прежнему остается ключевым актором во внутренних делах. Во всяком случае, сегодня в России действие глобального гражданского общества, ТНК и многократно увеличившиеся объемы мировой торговли, финансовых и миграционных потоков не превратили государство в нефункциональный малоэффективный институт. Другое дело, что глобализация еще более актуализирует необходимость активизации многосторонних отношений между гражданским обществом и государством. Мы считаем, что одной из особенностей российского государства является именно способность и даже обязанность включения его в развитие институтов гражданского общества. Иначе будет разрушен сам государственный аппарат. А то, что нет ничего страшнее «русского бунта», мир знает не понаслышке.

Некоторые авторы считают, что специфика российского гражданского общества заключается в существовавшей крестьянской общине, и поэтому требуют ее восстановления, другие вообще отрицают существование когда-либо гражданского общества в России, подчеркивая, что его необходимо создавать впервые¹⁵. Говоря о специфике построения гражданского общества в России, следует отметить, прежде всего, огромную территорию с неоднородным этническим, социально-экономическим и образовательным составом. Вторая особенность России вытекает из первой. Это – исторически сильная централизованная власть, при ослаблении которой разрушалось государство. Исходя из этого, русские дореволюционные мыслители Б. Н. Чичерин, Е. Н. Трубецкой, П. И. Новгородцев, С. Л. Франк и другие подчеркивали другую особенность в построении российского гражданского общества – акцентированность не столько на правах, сколько на обязанностях личности по отношению к обществу. Часто в качестве специфики подчеркивается, что в историческом развитии российского гражданского общества наблюдается не столько стремление к свободе, сколько к нравственной организации жизни и «социальному обеспечению».

Гражданское общество в России исторически всегда нуждалось в организационной функции государства. Неуклонно шла этатизация общества, господство общей воли над частным интересом при очень слабом развитии гражданского общества через экономические формы, которому противостояло крепостное право. Согласно Б. Н. Чичерину, в конце XIX в. дворянство «могло занять пустующее место организованной буржуазии, ставшей на Западе основой гражданского общества. В противном случае ее место заняла бы бюрократия, усиливавшая давление правительства на общество»¹⁶. Так и произошло. После 1917 года мы наблюдаем все усиливающуюся роль бюрократии.

Согласно другой точке зрения, становлению гражданского общества в России могла бы способствовать «русская

10 Дарендорф Р. После 1989. Мораль, революция и гражданское общество. М., 2008. С. 89.

11 См.: Левин И. Б. Гражданское общество на Западе и в России // Полис. 2011. №5. С. 110.

12 Орлов И. Б. Государство социального гуманизма – от теории к практике. М., 2008. С. 159.

13 Чичерин Б. Собственность и государство. 1883. Ч. 2. С. 345.

14 Покровский Н. В зеркале глобализации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста. М., 2014. С. 57.

15 Черниловский З. М. Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право. 2012. № 6. С. 47.

16 Чичерин Б. Н. Русское дворянство // Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 104.

православная традиция рассматривать богатство как средство достижения возвышенных целей (например, благотворительность, вложение средств в церковь и т.п.), в отличие от протестантизма, рассматривавшего хозяйственный успех мирянам угодным Богу»¹⁷. Однако этого не произошло. Последующая бюрократизация и криминализация общества иллюстрирует, что весьма далеки мы от православных традиций.

Одной из важнейших национальных форм децентрализации власти в России было земство. Земские соборы собирались для выработки общего постановления по особо важным вопросам государственной жизни и для принятия членами собора ответственного кругового ружельства в исполнение соборного приговора. Однако земское представительство пало вследствие централизации управления и государственного закрепощения сословий, хотя они представляли собой одну из попыток реализовать идею гражданского общества «по-русски». Несмотря на ограниченность в правах, земства сыграли большую роль в просвещении крестьянства, стали первыми учреждениями, в которых крестьяне получили право выбора и где, несмотря на запреты, складывалась оппозиция самодержавию.

Так или иначе, российское общество конца XIX – начала XX вв. все-таки двигалось в направлении создания гражданского общества. Возможность стать конституционной монархией рухнула вследствие первой мировой войны. Реформы П. А. Столыпина заложили возможность «размывания» общины, препятствовавшей становлению гражданского общества, но и они захлебнулись. Февральская революция 1917 г. начала способствовать развитию гражданского общества: в России стали развиваться демократические институты свободы слова, собраний, организаций, вероисповедания, возникли политические и неполитические организации. Политические партии легализовались. Стали развиваться институты общественного самоуправления. Однако, как часто происходило в России, ослабление государственной власти вновь привело к возникновению угрозы анархии. Население не захотело мириться с цензовыми земскими собраниями, считая их рудиментами старого режима. Стало стремительно развиваться самоуправление. Однако большевистская партия сразу же монополизировала власть в стране. К сожалению, идея классовой борьбы вытеснила идею гражданского общества, появившиеся элементы которой окончательно добила бюрократизация.

Сегодня при развитии российского гражданского общества необходимо использовать исторически сложившиеся сильные государственные ресурсы.

Государство, способствуя развитию гражданского общества, может сохранить свое влияние, сохранив структуру социального государства, дополнив ее нормами и механизмами контроля над обществом в целях, например, обеспечения порядка и стабильности. Главное обеспечить функционирование системы сдерживания и противовесов.

Важным условием эволюции гражданского общества является возрастание значения человеческой личности. Человек превращается из подданного в свободного гражданина с определенными юридическими правами. Понятно, что и степень ответственности его значительно возрастает. Поэтому растет значимость права как меры свободы и справедливости. Общество становится гражданским лишь тогда, когда в нем признается самоценность гражданина, личности, а государство становится средством всестороннего развития человека. «О возникновении гражданского общества можно говорить, – подчеркивает К. С. Гаджиев, – когда появился гражданин как самостоятельный, сознающий себя таким, индивидуальный член общества, наделенный правами и несущий ответственность»¹⁸. То есть человек делает гражданином не столько права, сколько их осознание, определенный характер и уровень развития его сознания.

Гражданское общество – это не просто не государственное-правовое понятие, это – закономерный этап, высшая форма самореализации личности. В России идея гражданского

общества, на наш взгляд, должна стать парадигмой, определяющей направление социально-политической эволюции. При господстве государства и неразвитости гражданского общества подавляется личностная воля, что ведет к росту социальной напряженности, при слабости государства, его неспособности нормально выполнять свои функции вновь возникает угроза социально-политической дестабилизации и реставрации тоталитаризма. Если они находятся в равновесии, то государство эффективно обеспечивает потребности людей в правовой защите личности и ограничивается гражданским обществом.

Не секрет, что сегодня российское гражданское общество находится лишь в стадии формирования, функционируют лишь отдельные его элементы. Однако без легитимной власти, воли государства, без наличия государственно-правовой системы развитие в России институтов гражданского общества весьма проблематично. Теоретически возможно, по крайней мере, варианты государственной стратегии. Государство может навязать свои правила развития общества, используя возможности для максимального подавления активности масс. Может принять гражданские инициативы государственного совершенствования. И, наконец, государство может пойти по пути защиты своих интересов, представленных служащими госаппарата. В этом случае оно утрачивает функцию социального лидера и превращается в бюрократическую машину с самодовлеющими интересами и целями. Такой вариант самый губительный.

Государство может иногда выступать как представитель гражданского общества, соучаствуя в конструировании его институтов. Оно может создать благоприятный законодательный режим для развития институтов гражданского общества, предоставить финансовую поддержку общественным правозащитным организациям, фондам. Цель такой поддержки – помощь в разрешении социальных проблем. Возможна и косвенная поддержка государства институтам гражданского общества с помощью экономических, социально-политических и духовных факторов.

Пристатейный библиографический список

1. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 228.
2. Мигранян А. М. *Гражданское общество // 50/50. Опыт словаря нового мышления*. М.: Политиздат, 1989. С. 446.
3. Кочетков А. П. *Россия на пороге XXI века*. М.: МГУ, 1998. С. 12.
4. Зорькин В. Д., Кикоть В. А. *Новая Конституция – путь к свободе*. М., 1995. С. 4.
5. Бестужев-Лада К. Б. *Сценарий будущего под иероглифом гражданского общества // Будь лицом: ценности гражданского общества*. Томск, 1992. С. 81.
6. Славный Б. И. *Проблема власти: новые измерения // Полис*. 2001. № 5, 6. С. 45.
7. Красин Ю. С., Галкин А. Н. *Гражданское общество: пути к стабильности // Диалог*. 2012. № 3. С. 73.
8. Гуренко Е. Н., Шкартан О. И. *От этатизма к становлению гражданского общества // Рабочий класс и современный мир*. 1990. № 3. С. 154, 155.
9. Карпов Л. *Россия и правовое государство // Свободная мысль*. 1992. № 9. С. 24.
10. Дарендорф Р. *После 1989. Мораль, революция и гражданское общество*. М., 2008. С. 89.
11. Левин И. Б. *Гражданское общество на Западе и в России // Полис*. 2011. № 5. С. 110.
12. Орлов И. Б. *Государство социального гуманизма – от теории к практике*. М., 2008. С. 159.
13. Чичерин Б. *Собственность и государство*. 1883. Ч. 2. С. 345.
14. Покровский Н. В. *Зеркале глобализации // Сумерки глобализации. Настольная книга антиглобалиста*. М., 2014. С. 57.
15. Черниловский З. М. *Гражданское общество: опыт исследования // Государство и право*. 2012. № 6. С. 47.
16. Чичерин Б. Н. *Русское дворянство // Несколько современных вопросов*. М., 1862. С. 104.
17. Гаджиев К. С. *Политическая наука. М.: Международные отношения, 1994.*

17 Андреев А. Л. *Становление гражданского общества: российский вариант*. М., 2002. С. 22.

18 Гаджиев К. С. *Политическая наука. М.: Международные отношения, 1994.* С. 62.

РУСАНОВА Светлана Юрьевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Крымского филиала Краснодарского университета МВД России

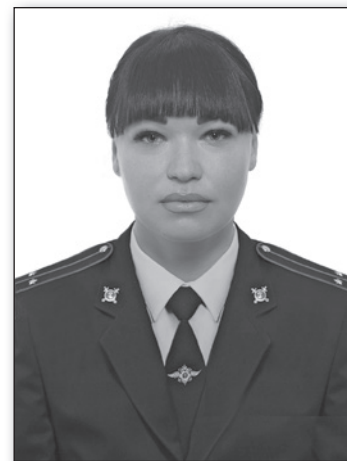
РОЛЬ РЕФЕРЕНДАРНОЙ ДЕМОКРАТИИ НА ПУТИ СТАНОВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

В статье анализируется роль института референдума в процессе становления государственности в Республике Крым в период вхождения полуострова в состав Российской Федерации. Автор проводит анализ понятия референдума как формы непосредственной демократии, а также исследует роль и социальное значение референдарной власти как инструмента реализации права народного суверенитета на легитимацию решений, принятых населением.

Ключевые слова: демократия, народовластие, непосредственная демократия, Республика Крым, референдум.

RUSANOVA Svetlana Yurjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of State and Civil-law Disciplines sub-faculty of the Crimean branch of Krasnodar University of the MIA of Russia

Русанова С. Ю.

ROLE OF REFERENDUM DEMOCRACY IN THE ESTABLISHMENT OF STATEHOOD IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

In the article the author analyzes the role of the referendum process in state formation in the Republic of Crimea in the period of occurrence of the peninsula in the Russian Federation. The author analyzes the concept of referendum as a form of direct democracy, and also examines the role and social importance by referendum power as a tool for the implementation of the right to popular sovereignty legitimacy decisions taken by the population.

Keywords: democracy, democracy, direct democracy, the Republic of Crimea, a referendum.

Одной из проблем, с которыми сталкивается современное общество, является возрождение демократических традиций, прерванных десятилетиями, и особое значение среди которых всё больше приобретает воспроизведение демократии на региональном уровне как основы широкого участия граждан в общественных делах, школы и базы для демократии в масштабах государства. В связи с этим перед российским обществом и государством стоит задача всестороннего развития и совершенствования не только форм непосредственного волеизъявления всего народа по решению вопросов общегосударственного масштаба, в частности общероссийского референдума, выборов депутатов, выборов Президента, но и форм региональной демократии, то есть волеизъявления граждан - членов соответствующих субъектов Российской Федерации по вопросам регионального значения.

Демократизация всех сторон общественной жизни в период «перестройки», движение общества в сторону реального расширения активности населения, появление и реализация на практике новых форм представительной и непосредственной демократии засвидетельствовали существенную необходимость расширения и углубления теоретических разработок референдарной власти. Стоит отметить, что к началу XIX в. референдумы преимущественно практиковались на локальном уровне, в том числе первый достоверно известный референдум был проведен в 1439 в швейцарском кантоне Берн¹. Сейчас институт референдума законодательно закреплен в конституциях и других нормативно-правовых актах многих стран мира: Швейцарии, Франции, Германии, США, Дании, Италии, Испании, Швеции, Норвегии и др., а в некоторых стра-

нах, включая США, референдумы применяются исключительно на уровне штатов и местных территориальных сообществ, а проведение референдумов в общенациональном масштабе вообще не предусмотрено.

При развитии России как демократического государства особое значение приобретает вопрос реализации учредительной власти народа, где власть народа только рассматривается как ведущая правовая категория, ключевое понятие современного конституционализма. В юридическом смысле это прежде всего проявляется в том, что учредительная власть народа является первичной по отношению к государственной власти, производной от народного суверенитета². Реальной возможностью реализации этой власти является закрепленное в ст. 3 Конституции Российской Федерации право граждан принимать непосредственное участие в решении важнейших вопросов общегосударственного и местного значения с помощью выборов, референдумов и других форм прямого народовластия. Учитывая эффективность осуществления народом своих властных функций приоритетное место среди других форм непосредственной демократии занимает институт референдума. По сравнению с другими формами прямого народовластия референдум предоставляет народу возможность напрямую влиять на решение широкого спектра вопросов государственного и общественного значения, причем воля народа в этом случае имеет решающее значение³. Он базируется на практической реализации права народов на самоопреде-

1 Ковлер А. И. Историческая форма демократии: проблемы политико-правовой теории. – М.: Наука, 1990. – С. 100-104.

2 Комарова В. В. Формы непосредственной демократии в России: Учеб. пособие. – М., 1998. – С. 19-29.

3 Вичева А. А. Система обеспечения прав человека // Современные проблемы инновационного развития науки. – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. С. 46.

ление, закрепленного в Уставе ООН (1945 г.), Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Декларации о принципах международного права от 24 октября 1970 г., Хельсинкском Заключительном акте 1975 года, Итоговом документе Венской встречи 1986 года, документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года и других международно-правовых актах⁴.

Необходимость определения референдума как самостоятельного государственно-правового института впервые отметил В. Дрогин. По определению автора, референдум заключается в непосредственном обращении к избирателям для решения законодательного или иного вопроса⁵. Позже, определяя референдум, В. Кабышев заметил, что это прежде всего всенародное голосование, направленное на принятие конституции, утверждение закона, установление формы государственного устройства, избрание главы государства и т.д.⁶ Существенным дополнением к характеристике содержания понятия референдума являются исследования Г. Барабашева и К. Шеремета, где референдум рассматривается как способ непосредственного решения населением тех или иных регионов различных вопросов государственной или общественной жизни⁷. В этом случае определение референдума как способа решения не только общегосударственных, но и местных вопросов позволяет осознать возможность широкого его применения на региональном уровне.

Рассматривать референдум необходимо с позиции его законодательной регламентации, поскольку без учета особенностей его законодательного регулирования нельзя в полной мере понять ту реальную положительную роль, которую он играет как доминирующая форма прямого народовластия. Законодательство о референдумах в каждом государстве отражает традиции, которые складывались в течение определенного времени эволюции этого государства, менталитет его народа, уровень демократизации и другие факторы, влияющие на становление и развитие системы непосредственной демократии. К тому же, определяя понятие референдума, необходимо учитывать разнообразие видов этой формы непосредственной демократии. Таким образом, референдум - это одна из приоритетных форм прямого народовластия, суть которой заключается в принятии гражданами, наделенными правом голоса, путем голосования, как правило, императивных решений общегосударственного и местного значения в пределах полномочий, определенных законодательством.

В общественно-политическую жизнь Российской Федерации референдарная демократия вошла сравнительно недавно, но получила широкое распространение, превратившись на политическую и правовую реальность нашего времени, как на общегосударственном уровне, так и на уровне субъектов России. Референдум субъекта Российской Федерации - это форма прямого волеизъявления граждан Российской Федерации по наиболее важным вопросам государственного значения

в целях принятия решений, осуществляемого посредством голосования граждан, обладающих правом на участие в референдуме. По своей сути субъектная референдарная демократия является формой прямой локальной демократии, осуществления публичной власти непосредственно гражданами в пределах соответствующего субъекта России.

В истории становления государственности в Крыму референдарная демократия сыграла немаловажную роль.

Конституционный переворот в начале 2014 года, итогом которого явилась смена власти в Украине, вызвал резкий всплеск протестной активности пророссийских сил в Крыму. В середине февраля в Крыму наблюдалась резкая гражданская активность жителей полуострова, направленная на недопущение ассоциации Украины с ЕС. Вышеуказанные события привели к принятию крымчанами оборонительных и правоохранительных мер в целях поддержания правопорядка и противодействия проникновению на полуостров членов радикальных украинских организаций. В те же дни произошла смена исполнительных органов власти Севастополя и тогда ещё Автономной Республики Крым.

Представительный орган - Верховный Совет Автономной Республики Крым принял заявление о ситуации в стране, в котором отметил, что в Крыму ожидают скорейшего разрешения кризиса, «подрывающего экономическую безопасность государства». Спустя несколько дней, Верховный Совет АР Крым назначил нового председателя правительства и принял решение о проведении 25 мая всекрымского референдума «по вопросам усовершенствования статуса и полномочий» региона. Постановление Верховного Совета АР Крым о проведении референдума предполагало вынесение на его решение следующего вопроса: «Автономная республика Крым обладает государственной самостоятельностью и входит в состав Украины на основе договоров и соглашений (да или нет)». Целью проведения референдума провозглашалось исключительно усовершенствование статуса АРК, чтобы права автономии были гарантированы при любых изменениях центральной власти или Конституции Украины. Следует отметить, что новая крымская власть нашла опору и поддержку со стороны руководства Российской Федерации.

Ввиду усиления конфликтной ситуации между Крымом и Украиной (переподчинения силовых структур республики и получения «содействия в обеспечении мира и спокойствия на территории АР Крым» со стороны Российской Федерации), с начала марта 2014 дата проведения общекрымского референдума была перенесена на 30 марта, а затем на 16 марта 2014 года. Притом изменения коснулись не только даты, но и формулы референдума. На референдум вынесли два вопроса: 1) присоединение Крыма к России на правах субъекта федерации; 2) восстановление Конституции 1992 года при сохранении Крыма в составе Украины. Возможность отрицательно ответить на оба вопроса и сохранить статус-кво (Конституцию Автономной Республики Крым 1998 года) организаторами референдума не предусматривалась.

11 марта 2014 года Верховный Совет Автономной Республики Крым и Севастопольский городской совет приняли декларацию о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя. В соответствии с декларацией, в случае принятия на референдуме решения о присоединении к России, Крым будет объявлен суверенной республикой и именно в таком статусе обратится к Российской Федерации с предложением о принятии на основе соответствующего межгосударственного договора в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта Российской Федерации.

4 Игнатьев В. В. Референдарный принцип как основа обеспечения региональной безопасности в свете международного опыта урегулирования конфликтов (молдо-приднестровское измерение) // Дипломатический вестник Приднестровья. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://vestnik.mid.gospmr.org/index.php?newsid=105>

5 Дрогин В. Суверенитет в советском государственном праве. - М., 1948. - С. 199.

6 Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве. - Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1974. - С. 106-107.

7 Барабашев Г. В., Шеремет К. Ф. Непосредственная демократия в СССР. - М.: Знание, 1984. - С. 33.

Референдум был проведён 16 марта 2014 года. По официально опубликованным данным, на территории АР Крым 96,77 % проголосовавших высказалось за присоединение Крыма к России, в Севастополе - 95,6 %. Явка составила 83,01% и 89,5% соответственно. По итогам референдума Верховный Совет Автономной Республики Крым провозгласил Крым независимым суверенным государством - Республикой Крым, в которой Севастополь имеет особый статус, - и обратился к Российской Федерации с предложением о принятии Республики Крым в состав Российской Федерации в качестве нового субъекта Российской Федерации со статусом республики. С аналогичным обращением выступил и Севастопольский горсовет, предложивший России принять Севастополь в состав РФ как город федерального значения. Президент России Владимир Путин подписал указ о признании независимости Республики Крым и одобрил проект договора о принятии в состав Российской Федерации Республики Крым.⁸ 18 марта в Георгиевском зале Кремля был подписан договор о воссоединении Крыма с Россией, согласно которому в составе РФ появляются новые субъекты - Республика Крым и город федерального значения Севастополь. С момента вхождения Республики Крым и города Севастополя в состав Российской Федерации на территории полуострова активизировался и конституционный процесс, в результате которого была принята Конституция Республики Крым.⁹

Таким образом, выход полуострова из состава Украины, провозглашение независимости и суверенитета Республики Крым и вхождение в состав Российской Федерации в качестве её субъекта стало возможным именно благодаря такому демократическому институту как референдум.

Можно сделать вывод, что основной задачей референдума 16 марта 2016 года, который был проведён в Республике Крым, являлось решение вопроса о статусе полуострова в интересах его населения путем свободного волеизъявления на основе максимального, объективного возможного осознания его участниками всех достоинств и недостатков вопросов, внесенных на голосование. Организаторам референдума необходимо было не допустить, чтобы референдум стал соперничеством во имя триумфа одних над другими, он должен был способствовать сотрудничеству в исследовании крайней выгоды для его участников, исключить конфронтацию и противостояние после окончания голосования. Исходя из вышеизложенных интересов, организаторы референдума преобразовали его в коллективный поиск наиболее рационального решения вопроса о судьбе полуострова.

Референдум в Крыму выступил в качестве основного инструмента реализации права народного суверенитета жителей полуострова на легитимизацию властных решений путем всенародного голосования. Воля государственных органов была легализована и легитимизована посредством использования истинной формы демократии. Референдум явился одной из основных форм реализации права национального суверенитета крымчан, поскольку через соблюдение определённой процедуры референдума и выполнение требований закона, граждане смогли решить конституционным способом вопрос о правовом статусе своей территории. Референдум в

Республике Крым явился одним из способов формирования истинного общественного мнения. В условиях демократического общества референдум в Крыму был использован народом как противовес решений органов государственной власти Украины, которые не удовлетворяли интересы граждан. Итоги крымского референдума дают нам право утверждать, что хорошо подготовленный референдум - это деловой и необходимый способ решения многих важных вопросов, четкий барометр волеизъявления граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 17 марта 2014 г. № 147 «О признании Республики Крым». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/70613384>
2. Барабашев Г. В., Шеремет К. Ф. Непосредственная демократия в СССР. – М.: Знание, 1984. – 64 с.
3. Вичева А. А. Система обеспечения прав человека // Современные проблемы инновационного развития науки. – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 46-48.
4. Дрогин В. Суверенитет в советском государственном праве. – М., 1948. – 278 с.
5. Игнатъев В. В. Референдарный принцип как основа обеспечения региональной безопасности в свете международного опыта урегулирования конфликтов (молдо-приднестровское измерение) // Дипломатический вестник Приднестровья. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.mid.gospmr.org/index.php?newsid=105>
6. Кабышев В. Т. Прямое народовластие в советском государстве. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1974. – 165 с.
7. Ковлер А. И. Историческая форма демократии: проблемы политико-правовой теории. – М.: Наука, 1990. – 256 с.
8. Комарова В. В. Формы непосредственной демократии в России: Учеб. пособие. – М., 1998. – 296 с.
9. Русанова С. Ю. Особенности конституционно - правового статуса Государственного Совета Республики Крым//Закономерности и тенденции развития науки: сборник статей Международной научно -практической конференции (18 ноября 2014 г., г. Уфа). – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. –С.126 .

8 Указ Президента РФ от 17 марта 2014 г. № 147 «О признании Республики Крым»

9 Русанова С. Ю. Особенности конституционно - правового статуса Государственного Совета Республики Крым // Закономерности и тенденции развития науки: сборник статей Международной научно -практической конференции (18 ноября 2014 г., г. Уфа). – Уфа: РИО МЦИИ ОМЕГА САЙНС, 2015. – С. 126 .

СТЕПАНОВА Марина Сергеевна

аспирант кафедры конституционного и муниципального права Института государства и права Тюменского государственного университета

К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРОННОМ СПОСОБЕ КОНСТРУКТИВНОГО ПРОТЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Статья рассматривает электронные способы выражения конструктивного протеста против решений и/или (без)действий органов публичной власти. Автор анализирует различия между конструктивным и неконструктивным протестным поведением граждан, основные характеристики конструктивных форм протеста, а также конституционно-правовые основы данного явления. Анализируя электронные способы выражения протеста в конструктивной форме, автор приходит к выводу о том, что информационно-коммуникационные технологии имеют значительный потенциал в области донесения мнения протестующих до органов публичного управления.

Ключевые слова: протестные отношения, конструктивный протест, участие в управлении делами государства, свобода слова, информационно-коммуникационные технологии.

Степанова М. С.

STEPANOVA Marina Sergeevna

postgraduate student of Constitutional and Municipal Law sub-faculty of the State and Law Institute of the Tyumen State University

REFLECTIONS ON ELECTRONIC MEANS OF PROTEST ACTIVITIES

This article analyses electronic means of expressing constructive protest against decisions and/or actions of public authorities or a lack thereof. The author analyzes the differences between constructive and non-constructive protest behavior of citizens, the main characteristics of constructive forms of protest, as well as the constitutional-legal bases of this phenomenon. Dealing with electronic means of expressing constructive protest, the author concludes that new communication technologies have a significant potential in making the authorities aware of the opinions of protesters

Keywords: legal relationships related to political protest, constructive protest, public participation, freedom of expression, new communication technologies.

Протестное поведение граждан представляет собой один из механизмов информирования общественности о необходимости решения насущных публично-правовых проблем¹. Реализуемое в конструктивной форме, протестное поведение граждан представляет собой один из способов участия граждан в управлении делами государства. Политический протест, в различных его проявлениях, сопровождал развитие общественных отношений на протяжении всей истории нашего государства. Процесс проведения реформ и контрреформ в России не раз приводился в движение после зрелищных протестных акций, принимавших как мирных протестов – петиций, обращений, гражданских движений, так и противоположных им акций гражданского неповиновения – революций, крестьянских восстаний, декабристских движений.

Социологи отмечают, что протестное поведение само по себе есть не что иное, как реакция граждан на различные формы нарушения их прав и свобод. Гражданский протест – это, скорее, симптом несовершенства социально-экономической политики, показатель недовольства граждан стратегией и тактикой государственного и муниципального управления².

С. А. Авакьян утверждает что, протестными следует считать общественные отношения, возникающие в связи с выражением самостоятельной позиции участника соответствующего отношения, означающей выступление против позиции

других участников данного общественного отношения³. Так политическим протестом можно назвать как мирное голосование «против всех» кандидатов на выборах, так и события, развернувшиеся в августе 1993 года, известные ныне как «августовский путч».

Действующая Конституция России запрещает захват власти, гарантируя гражданам целый ряд прав и свобод, позволяющих выразить несогласие с решениями и/или (без)действиями органов публичной власти в конструктивной форме (право на свободу слова и СМИ, право на мирные собрания, объединения и обращения и право на участие в управлении делами государства). Тем не менее, как видно, из приведенных примеров, каждый случай ненасильственного протестного поведения можно назвать конструктивным. Например, голосование против всех кандидатов, хотя и отвечая требованиям мирного протеста, не несет главного признака конструктивности, то есть, предложения собственного варианта решения конкретной проблемы. Протест в конструктивной форме предполагает сохранение существующих правоотношений, предложение путей решения конфликтной ситуации, выстраивание диалога между органами публичной власти и протестующими гражданами с целью достижения определенного результата. М. А. Ризькин описывает конструктивный протест как «мирный способ выдвижения «разумных» требований в рамках установленных законом процедур⁴. А. С. Григорьев под законностью понимает «соблюдение всеми субъектами

1 Статья подготовлена в рамках гранта Президента Российской Федерации «Конструктивный протест как механизм реализации права на участие в управлении делами государства» № МК-4880.2016.6.

2 Очкина А. Социальный протест в современной России: факторы и тенденции развития // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2016. № 4.

3 Авакьян С. А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1.

4 Ризькин М. А. Конструктивный протест в конституционном праве: идеализированный миф или потенциальная реальность? // Lex russica. 2014. № 5.

права законов и подзаконных актов»⁵. Исходя из этого, конструктивный протест предполагает соблюдение прав и иных лиц, например, не участвующих в протесте.

На современном этапе государственного развития, Российская Федерация, являясь демократическим правовым государством, предоставляет гражданам право «собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование» (статья 31 Конституции РФ⁶). Кроме этого, несогласие с политическим курсом может быть выражено через участие в управлении делами государства (непосредственно или через своих представителей) (статья 32), через создание общественных объединений (статья 30), или посредством обращений в органы власти (статья 33). Также важно отметить, что в Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова (статья 29).

Протестное поведение граждан в современный период реализуется посредством новых, электронных способов. Общество XXI века характеризуется активным использованием информационно-коммуникационных технологий. На сегодняшний день в России 73% граждан в возрасте от 18 лет и старше пользуются Интернетом, из них 47% опрошенных делают это ежедневно⁷. Граждане Российской Федерации связаны между собой посредством различных социальных сетей и иных современных средств коммуникации, посредством которых они «стремятся повлиять на принятие решений органами власти своих стран в самых разных вопросах, начиная от более полного удовлетворения бытовых потребностей населения и заканчивая вопросами изменения политического строя»⁸. Под их влиянием происходящие в Российской Федерации демократические процессы претерпевают значительные изменения, наблюдается более активное вовлечение граждан в политические процессы.

Электронные формы участия в управлении делами государства активно используются гражданами, создающими общественные и политические движения и придерживающимися активной гражданско-политической позиции. Информационно-коммуникационные технологии способны поднять общественную инициативу на более высокий уровень, они направлены на непрерывное общение населения и органов власти в режиме реального времени.

К настоящему моменту в сети Интернет можно найти богатую палитру веб-порталов и сайтов, предоставляющих пользователю возможность донести своё мнение (или свои требования) до органов власти – от просьбы отремонтировать яму во дворе до проектов глобальных реформ. Интернет-ресурсы способствуют формированию нового типа взаимодействия гражданина и государства, гражданского общества и властных институтов, которое, по мнению А. А. Чеснакова, «может перевернуть представления, как о системе обеспечения политической деятельности, так и о традиционных инструментах политического участия»⁹.

Особо следует отметить концепцию «Российской общественной инициативы»¹⁰, предусматривающую создание

портала для публичного представления законодательских предложений граждан с обязательным рассмотрением предложений, получивших поддержку не менее 100 тысячами граждан в течение одного года, в Правительстве Российской Федерации после проработки этих предложений экспертной рабочей группой. Проект был запущен в 2013 году. Данный проект позволяет гражданам Российской Федерации в законной форме направлять органам государственной власти свои предложения по совершенствованию законодательства и улучшению социально-экономической ситуации.

Среди протестных законодательных инициатив, размещенных на данном ресурсе можно выделить такие как: отмена государственной поддержки большого спорта, отмена транспортного налога, отмена процентов по ипотеке по всей России, а не только в Ингушетии, передача национальных богатств и природных ресурсов россиянам в бессрочное владение, и многие другие. По нашему мнению, данные инициативы являются конструктивным протестом населения против проводимой социально-экономической политики. Они содержат «разумные требования» и подаются в рамках установленных законом процедур.

В сети Интернет информация распространяется в десятки раз быстрее. Информационно-коммуникационная сеть имеет огромный потенциал в процессе донесения мнения протестующих до органов публичного управления. Таким образом, в информационно-коммуникационном обществе конституционно-обеспеченные возможности выражения протеста в конструктивной форме могут осуществляться современными электронными способами.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 № 183 (ред. от 23.06.2014) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019.
3. Авакьян С. А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 1.
4. Авдеев О.К. Электронная демократия как ответ на вызовы XXI века [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал клуба субъектов инновационного и технологического развития России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2013/03/авдеев.doc> (дата обращения: 12.10.2016).
5. Григорьев А. С. Юридическая техника: учебное пособие для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2016. С. 29.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
7. Количество пользователей интернета в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bizhit.ru/index/users_count/0-151 (дата обращения: 12.10.2016).
8. Авдеев О. К. Электронная демократия как ответ на вызовы XXI века [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал клуба субъектов инновационного и технологического развития России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2013/03/авдеев.doc> (дата обращения: 12.10.2016).
9. Чеснаков А. А. Ресурсы Интернет и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ: социология и политология. 1999. № 4.
10. Указ Президента Российской Федерации от 04.03.2013 № 183 (ред. от 23.06.2014) «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 10. Ст. 1019.

ЗАВУРБЕКОВ Фаридун Завурбекович

ассистент юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ДОКТРИНА ИМАМАТА И ВОПРОСЫ ВЕРХОВЕНСТВА ВЛАСТИ В ШИИТСКОМ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ

В статье рассматриваются особенности и причины разработки доктрины Имамата мусульманскими учеными-богословами, а также исследуются наиболее фундаментальные положения этой теории, касающиеся проблематики природы власти в исламском обществе. Кроме того, частично анализируется роль некоторых шиитских имамов в создании основополагающих принципов, нашедших свое отражение в доктрине Имамата.

Ключевые слова: Имам, доктрина Имамата, исламская политико-правовая мысль, ас-Садык, ислам, исламское право, власть.

ZAVURBEKOV Faridun Savarbekovich

assistant of the Law Faculty of the N. I. Lobachevskiy Nizhny Novgorod State University

Завурбеков Ф. З.

THE DOCTRINE OF THE IMAMATE AND RULE OF POWER IN SHIITE POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE

The article describes the features and causes of the development of the doctrine of the Imamate Muslim scholars-theologians, as well as investigates the most fundamental assumptions of the theory. In addition, partial analyzes the role of some of the Shiite Imams in the creation of the fundamental principles as reflected in the doctrine of the Imamate.

Keywords: Imam, the doctrine of the Imamate, the Islamic political and legal thought, al-Sadiq, Islam, Islamic law, authority.

Согласно мнению большинства современных исследователей-исламоведов, в мусульманском обществе религиозные представления и концепция власти существуют неразрывно друг от друга. Так, по первоначальным исламским представлениям халиф (т.е. глава государства)¹ обладал неоспоримым статусом религиозного лидера и выполнял роль наместника Бога на земле. Правящая власть выступала гарантом правильного развития мира и нормального функционирования общества. Подобные представления о роли главы государства видоизменились в связи с разделением исламского вероучения на различные течения и последующей плюрализацией концепций источников верховной власти. Длительное существование в исламском обществе идей о духовном и материальном возрождении выдающейся личности, принадлежащей к роду пророка, привело к появлению религиозных трудов, дающих им правовую оценку. В наиболее отчетливой форме подобные представления нашли свое отражение в шиитском ответвлении ислама.

Так, согласно Насиру ал-Дину ал-Туси, имам является средством передачи правоверным мусульманам божественных наставлений и благодати, поскольку «Он приближает людей к послушанию господу (Аллаха), и оберегает от неповиновения»². В суннитской религиозной традиции в определенный момент произошло отделение фигуры правителя от духовенства, которое стало выполнять более локальные функции. Подобного процесса не наблюдается в шиитском религиозно-политическом учении, согласно которому политический лидер и государственный лидер – одни и те же лица. Представление о сакральной природе власти накладывало на пра-

вителя определенные обязательства и полномочия, правитель одновременно выступал и светским, и священным лицом.

Наиболее полное отражение эта идея была раскрыта в исламской концепции имамата³, поскольку доктрина Имамата предусматривает возможность абсолютной и безграничной власти правителя над уммой (общиной) благодаря вере в объективность и неоспоримость его суждений, как воли ставленника Аллаха на земле. Отчасти, именно необходимость верного толкования божественного закона и определяла необходимость шиитского сообщества в имаме и, как следствие, разработке соответствующего правового обоснования.

Эта необходимость зародилась еще при жизни преемника пророка – имама Али, когда все его сторонники уже признали необходимость в авторитетном религиозном руководителе, поскольку были убеждены, что Коран – послание ислама – содержит сокровенные истины, которые не могут быть постигнуты разумом простого человека. Согласно сложившейся концепции имамата, легитимную власть над исламской общиной имеет лишь человек, принадлежащий к семье Пророка. Так, в период после аббасидского переворота состав ахл ал-байт (семьи пророка) включал в себя Али, Фатиму и нескольких их потомков.

С течением времени роль имама возросла и в вопросах формирования исламского права: если на ранних ступенях своего становления мусульманско-правовая доктрина в основном занималась поисками конкретных правил поведения на основе толкования Корана и сунны, а затем приступила к строгой систематизации рациональных приемов «извлечения» из них новых правовых норм, то по мере усиления неопределенности и запутанности выводов многочисленных толков и необходимости регулировать вновь возникающие обществен-

1 Kadi, Wadad; Shahin, Aram A. "Caliph, caliphate". The Princeton Encyclopedia of Islamic Political Thought. 2013. С. 81-86.

2 Hamid Dabashi, Shi'ism: Doctrines, Thought, and Spirituality, Suny press, 1988, page 401. С. 298.

3 Amir-Moezzi, Mohammad Ali. "SHI'ITE DOCTRINE". Encyclopædia Iranica. С. 1.

ные отношения, она сосредоточила свои основные усилия на разработке методологической и общетеоретической основы мусульманского права. Такая необходимость была связана с тем, что различные школы-толки при общности отправных позиций формулировали несовпадающие нормы в решении сходных вопросов.

К середине VIII века – расцвету периода «кодификации и имамов» – исламское право достигло такой ступени развития, что, кроме появления множества религиозно-правовых школ, различные его отрасли стали развиваться в качестве самостоятельных правовых дисциплин, таких, как международное, административное, финансовое, процессуальное право. Это происходило в тот период, когда в других странах практически не существовало четких концепций права как сферы, отличной от этики и политики. В этих условиях соперничающие шиитские группировки стремились к руководству именно своего имама, как наиболее авторитетного руководителя. Огромную роль в становлении исламского права сыграл Ал-Бакир⁴ – первый имам линии Хусайнидов, приверженцы которого рассматривали своего лидера в качестве единственного представителя легитимной религиозной власти того времени. В особенности почитался его талант передатчика хадисов, или рассказов о Пророке. Однако ал-Бакир и его сын и преемник Джа'фар ас-Садик взяли за правило толковать закон, положив в основу лишь собственный авторитет, не слишком считаясь с хадисами, переданными более ранними авторами. Именно с этого времени хадис стал передаваться со ссылкой на авторство имамов и, в дополнение к самому рассказу о Пророке, начал включать их изречения.

Каждый последующий имам также играл основополагающую роль в правовом генезисе. Тем не менее, логичная и последовательная доктрина верховной власти, разработанная имамом ас-Садыком, не помешала разделению шиитского политико-правового учения на несколько ответвлений. Причиной внутриконфессиональных разногласий стали различия во взглядах на порядок наследования титула Имама и, как следствие, разные представления о легитимности правления того или иного претендента. Таким образом, образовались течения зайдитов, имамитов и исмаилитов⁵. Вместе с тем, вновь образовавшиеся секты не изменили сколько-нибудь значительно фундаментальные положения доктрины Имамата.

В настоящее время доктрина Имамата признается большинством исламских ученых, как один из столпов шиитского Ислама. Будучи смысловым стержнем вероучения, она определяет не только базовые теологические и философские установки шиитского общества, но и основополагающие принципы верховенства власти. Религиозно-правовые доктрины Имамов и их последователей оказали первостепенное влияние как на формирование государственных институтов шиитских политико-правовых образований⁶, так и на формирование их судебной и исполнительных систем. Это, в свою очередь, оказало формирующее воздействие на направление идеологических приоритетов и структурирование социального пространства, как в форме генезиса и развития политических институтов, так и в формировании правовых норм.

В целом, можно отметить, что концепт имамата, как концепт верховной власти, сыграл важнейшую роль в становлении формы многих шиитских государств. Именно благодаря статусу безукоризненности имама и непрерываемой вере в справедливость его суждений были сформированы теократические государства Ирана, Йемена и Омана.

Пристатейный библиографический список

1. Завурбеков Ф. З. Роль института миссионеров ад-да'ва в создании государств Фатимидский Халифат и Аламут. Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38 (48).
2. Иран // Большая советская энциклопедия: [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
3. Amir-Moezzi, Mohammad Ali. "SHI'ITE DOCTRINE". Encyclopaedia Iranica.
4. Hamid Dabashi, Shi'ism: Doctrines, Thought, and Spirituality, Suny press, 1988, page 401.
5. Kadi, Wadad; Shahin, Aram A. "Caliph, caliphate". The Princeton Encyclopedia of Islamic Political Thought. 2013.
6. Peter Nosco. Dissent on Core Beliefs: Religious and Secular Perspectives. Cambridge University Press, 2015.
7. Tabatabai, Muhammad Husayn. Shiite Islam. Translated and Edited by Seyyed Hossein Nasr. State University of New York Press (1975).

4 Tabatabai, Muhammad Husayn. Shiite Islam. Translated and Edited by Seyyed Hossein Nasr. State University of New York Press (1975). С. 68.

5 Peter Nosco. Dissent on Core Beliefs: Religious and Secular Perspectives. Cambridge University Press, 2015. С. 146-151.

6 Завурбеков Ф. З. Роль института миссионеров ад-да'ва в создании государств Фатимидский Халифат и Аламут. Ученые записки юридического факультета. 2015. № 38 (48). С. 1.

БУРХАНОВА Елена Владимировна

преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩ

Статья посвящена рассмотрению аспектов функционирования политических прозвищ. Автором обозначены принципы определения речевых высказываний в рассматриваемом аспекте. Приведены примеры прозвищ в политическом дискурсе, обозначены понятия «прозвище/кличка». Определены позитивные цели использования политических прозвищ в средствах массовой информации. В статье приведено авторское определение категории «прозвище».

Ключевые слова: прозвища, политический дискурс, речевая агрессия, языковая агрессия, политические прозвища.

BURKHANOVA Elena Vladimirovna

lecturer of Foreign and Russian Languages sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

TO THE PROBLEM OF FUNCTIONING OF POLITICAL NICKNAMES

The article deals with various aspects of functioning of political nicknames. The author designates the principles of definition of speech utterances in the considered aspect. Examples of nicknames in political discourse are given and the notions of «nicknames» are indicated in this scientific paper. Positive aims of political nicknames' usage in mass media are also defined. The article cites the author's definition of the category «nickname».

Keywords: nicknames, political discourse, verbal aggression, language aggression, political nicknames.

Бурханова Е. В.

Аспекты функционирования политических прозвищ недостаточно изучены на сегодняшний день, однако используются довольно часто, чем и объясняется актуальность данного исследования.

Объектом исследования нашей работы является корпус прозвищ отечественных и зарубежных политических деятелей и характерные особенности их употребления.

В текстах средств массовой информации встречается множество прозвищ известных людей. Они даются для закрепления за человеком определённого имиджа. При этом, прозвище чаще всего несёт некую оценочную нагрузку, отражает определённое отношение к человеку со стороны общества. Политики, общественные деятели у всех на виду, а значит, и у всех на устах. Журналисты часто подхватывают и тиражируют в СМИ прозвища, данные политикам в народе, либо сами дают их.

Как известно, прозвища и клички могут выступать как средство речевой агрессии в политическом дискурсе.

По мнению Ю. В. Щербининой, «квалифицировать любое высказывание с точки зрения проявления в нем агрессии возможно только в том случае, если мы опираемся на контекст речевой ситуации», т.е. анализируем конкретные условия общения: место, время, состав участников, их намерения и отношения между ними. Она считает, что при речевой агрессии имеют место: отрицательное коммуникативное намерение говорящего (например, унижить адресата, выразить негативные чувства, эмоции и т.п.); несоответствие высказывания характеру общения и образу адресата (например, фамильярное обращение в официальной обстановке, обращение только к одному собеседнику при групповом общении, обидные намёки в адрес собеседника и т.п.); отрицательные эмоции - реакции адресата на данное высказывание (обида, гнев, раздражение и т.п.) и отражающие их ответные реплики (обвинение, упрёк, отказ, выражение протеста, несогласия, ответное оскорбление и т.п.)¹.

Как справедливо утверждает Г. А. Копнина, языковая агрессия – это одна из разновидностей речевого насилия, поскольку она осознаётся (ощущается) адресатом, на которого направлено воздействие. «Речевое манипулирование» и «речевая агрессия» разные, но связанные между собой понятия. Приёмы речевой агрессии (речевая агрессия может быть рассмотрена как страте-

гия / тактика) могут использоваться в качестве манипулятивных, например, с целью дискредитации того или иного общественно-го деятеля в глазах адресата/адресатов. К таким приёмам относят «навешивание ярлыков», использование дискредитирующих пресуппозиций и некоторые другие. Языковая агрессия может служить манипулятивной тактикой. Так, в СМИ средства речевой агрессии, используя по отношению к тому или иному человеку, в некоторых случаях являются орудием воздействия на массовую аудиторию. Но понятия языковой агрессии и языкового манипулирования не находятся в родовидовых отношениях².

В большинстве словарей лингвистической терминологии отсутствуют определения прозвища и клички.

Толковый словарь русского языка даёт следующее определение слова «прозвище»: «название, даваемое человеку по какой-нибудь характерной его черте, свойству»³. Прозвище, как правило, отражает заметные, значимые качества носителя и фиксирует, таким образом, особый смысл, который имели эти свойства и качества для окружающих. Функционируя в устной речи, прозвища неизменно появляются и в СМИ. А кличка во втором значении – «конспиративное или шутовое, насмешливое прозвище»⁴. Исходя из данных определений, можно утверждать, что в кличках/прозвищах актуализируется какой-либо аспект оценки обозначаемого.

Например: «Железная леди» прозвучала чисто политическую речь минут на 45, которую можно было бы озаглавить «Как мы разрушали Советский Союз» (За победу коммунистов и патриотов! Информационный бюллетень, 21.02.2007). Прозвище дано Маргарет Хильде Тэтчер, первой женщине премьер-министру Великобритании, за жёсткий стиль руководства, нежелание идти на компромиссы, твёрдость характера.

Определяя прозвище как «название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица», словарь под редакцией Д. Н. Ушакова иллюстрирует ее яркими примерами типичных прозвищ: «Николай I полу-

1 Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути её преодоления: Учеб. пособ. для студентов, преподавателей и учителей. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 11.

2 Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. - М.: Флинта: Наука, 2007. С. 29.

3 Даль В. И. Толковый словарь живого великого языка Владимира Даля [Электронный ресурс] / В. И. Даль; подгот. по 2-му печ. изд. 1880-1882 гг. - Электрон, дан. - М.: АСТ, 1998. С. 112.

4 Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 53-69.

чил прозвище Палкин, а последний из Романовых, Николай II, заклеен прозвищем Кровавый»; «Виленскому генерал-губернатору дано было прозвище Вещатель»; «А зовут меня Касьяном, а по прозвищу Блоха». Ср. также: кличка - «название, имя, даваемое домашним животным»; прозвище - «прозвание, которое дают какому-л. человеку в шутку, насмешку, а также с какой-л. специальной, например, конспиративной целью»⁵.

Прозвища мотивированы: в их основе лежат определенные мотивы номинации: физические особенности и недостатки, психические свойства, черты характера, особенности речи, род занятий, фамилия, имя, отчество и т.п. В частности, можно выделить прозвища, в которых обыгрываются особенности: имени (Крокодил Гена - Геннадий Зюганов), имени и отчества (Крокодил Крокодилович - депутат Геннадий Геннадьевич Москаль), отчества (Владимир Вольфович, Адольфович, Дьявольфович - Жириновский Владимир Вольфович), фамилии (Хлопша - губернатор Красноярского края А. Г. Хлопнин, Примус - Е. Примаков; Лужок - Ю. М. Лужков; Дядя Зю - Г. А. Зюганов; Килъкин - депутат Государственной Думы РФ Иван Рыбкин), фамилии, имени и отчества, их инициалов или отдельных частей (ЕБН - Ельцин Борис Николаевич)⁶.

Прозвище номинируется чаще одному лицу, т.е. оно индивидуально. Искл.: Прозвище Властелин колец (в основе - прецедентный текст - название популярного романа английского писателя Дж. Р. Р. Толкина в шести частях и трех книгах + фильма и компьютерной игры с этим же названием) носят Ю. Лужков (в связи со строительством третьего транспортного кольца в Москве) и мэр Красноярска П. Пимашков (за то, что ездит на служебной машине «Ауди» под номером 0001)⁷.

Клички даются по разным основаниям и с разными целями. Диапазон оценки, содержащийся в прозвище политика, широк: от нейтрального до крайне негативного. Соответственно, и цели, с которыми используются те или иные прозвища, многообразны. Позитивные цели - повысить рейтинг политика, уменьшить дистанцию между ним и определённой социальной группой. Негативные цели - очернить, принизить образ соперника, увеличить социальную дистанцию между ним и электоратом. Таким образом, клички и прозвища могут иметь большое значение в конкурентной борьбе.

Рассмотрим несколько примеров попыток реализации позитивной цели:

Б. Ельцина, пытаясь ему польстить, иногда называли царь Борис. Позднее в прессе его чаще всего называли ЕБН (аббревиатура его полного имени).

Президенту Туркменистана С. Ниязову законодательная палата Туркменистана утвердила в качестве официального имя Туркменбаши («Отец туркменского народа»).

Президент России Владимир Путин - Alpha-dog, как зовут его американские дипломаты (так следует из материалов, опубликованных порталом WikiLeaks), отечественные СМИ называют президента просто ВВП.

Бывший премьер-министр Нидерландов Ян Петер Балке Ненде - Гарри Поттер. Такое прозвище он приобрел за сходство с персонажем книги Джоан Роулинг.

Лидера Белоруссии Александр Лукашенко его довольные сограждане называют Бацька.

Однако значительно чаще и более эффективно клички употребляются для контрпропаганды, для «уничтожения» политических соперников. Чаще всего в негативных целях в качестве основания для прозвища используется фамилия (имя, отчество), особенности внешности, поведения, образа жизни, факты из биографии.

Так, М. М. Касьянова в свое время журналисты окрестили Мишка-два процента, Павла Грачева - Паша-Мерседес,

экс-мэра Москвы Ю. Лужкова - Властелин колец, А. Чубайса - Электриком.

Однако, в наклеивании негативных ярлыков нет равных зарубежным журналистам.

Тони Блэра британские СМИ «наградили» прозвищем Пудель Дж. Буша за некоторые особенности его внешней политики. Самого Дж. Буша-младшего европейские журналисты называли Ковбоем или Бубликом.

У всех американских президентов есть «корпоративное» прозвище- акроним POTUS (President of the United States), а у их супруг - FLOTUS (First lady of the United States).

М. С. Горбачёва из-за заметного родимого пятна называли Меченый, а западные журналисты дали ему прозвище Горби.

Н. С. Хрущёва за его пристрастие к разведению кукурузы в 1960-е годы называли Кукурузник.

Бывший президент Ирана Махмуд Ахмадинежад - Гитлер, как называют его американские дипломаты.

Бывший президент Франции Николя Саркози - Голый король, по версии американских дипломатов. Бывший премьер-министр Израиля Ариэль Шарон

- Арик Бульдозер. Это прозвище он получил за неоднократное разрушение домов террористов с помощью бульдозеров и за свой упорный характер.

Итак, прозвище/кличка - номинация, данная лицу помимо его имени и содержащая указание на какую-нибудь примечательную его черту внешности, характера, деятельности. Прозвища/клички мотивированны; номинируются чаще одному лицу; почти всегда выражены именами собственными; широко распространены в народных говорах, жаргонизированных вариантах разговорной речи, реже - в СМИ; для кличек важна конкретная жизненная ситуация. Они зачастую используются как средство речевой агрессии с целью речевого воздействия на адресата с интенцией дискредитировать, добиться его поражения в политической борьбе (в том числе в дискуссии) или изменить его личностные установки (ментальные, идеологические, оценочные и т.д.).

Анализируя прозвища политических деятелей, использующиеся в СМИ, можно сделать следующие заключения:

1. Прозвище в средствах массовой информации - важный дополнительный идентификатор личности, индивидуально характеризующий человека в социуме.

2. Из числа рассмотренных прозвищ шире представлены те, которые имеют негативную окраску. По-видимому, это происходит в силу того, что прозвища чаще всего даются в том случае, если внешний вид человека, черты его характера или поведение выходят за рамки общепринятых норм.

3. Зачастую, западные журналисты свободнее дают и гораздо шире используют прозвища политиков (как «своих», так и зарубежных). Скорее, это можно объяснить экстралингвистическими факторами, а не спецификой того или иного языка.

Пристатейный библиографический список

1. Щербинина Ю. В. Русский язык. Речевая агрессия и пути её преодоления: Учеб. пособ. для студентов, преподавателей и учителей. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.
2. Копнина Г. А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 176 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великого языка Владимира Даля [Электронный ресурс] / В. И. Даль; подгот. по 2-му печ. изд. 1880-1882 гг. - Электрон, дан. М.: АСТ, 1998. 211 с.
4. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Русские прозвища как объект лексикографии // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 53-69.
5. Толковый словарь русского языка; в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935-1940.
6. Мокиенко В. М., Walter Н. Большой словарь русских прозвищ. М.: Олма Медиа Групп, 2015. 704 с.
7. Фельде О. В. Прозвища политиков в свете теории языковой игры // Игра как приём текстопорождения: коллективная монография / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 210-215.

5 Толковый словарь русского языка; в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1935-1940. Мокиенко В. М., Walter Н. Большой словарь русских прозвищ. М.: Олма Медиа Групп, 2015. С. 51.

6 Там же.

7 Фельде О. В. Прозвища политиков в свете теории языковой игры // Игра как приём текстопорождения: коллективная монография / под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. С. 210-215.

ХАРИНА Регина Сулеймановна

преподаватель кафедры иностранных и русского языков Уфимского юридического института МВД России

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ВАРИАТИВНОСТЬ» КАК ЯЗЫКОВОЙ КАТЕГОРИИ

Статья посвящена рассмотрению понятия «вариативность» как языковой категории. В статье автор обращает внимание на эволюцию идеи вариативности, а также проблемы вариативности в лингвистике. Также рассматриваются признаки вариативности, определяются черты стилистической вариативности и структура типологической составляющей данной категории. Дается авторское определение понятия «вариативность» в языковой системе.

Ключевые слова: вариативность, понятие вариативности, языковая вариативность, языковая норма, языковая категория, единица языка, диалектика.

KHARINA Regina Suleymanovna

lecturer of Foreign and Russian languages sub-faculty of the Ufa Law Institute of the MIA of Russia

THE ANALYSIS OF THE CONCEPT OF "VARIABILITY" AS A LANGUAGE CATEGORY

The article is devoted to the "variability" of the concept as a linguistic category. The author draws attention to the evolution of the idea of variation and variability issues in linguistics, signs of variability are also considered a defining feature of stylistic variation and typological structure component of this category. The author's definition of "variability" in the language system.

Keywords: variability, variability of the concept, language variation, language norm, linguistic category, a unit of language, the dialectic.

Харина Р. С.

Вариативность – одно из неотъемлемых свойств языка. Она проявляется уже в самом факте функционирования огромного числа языков распределяющихся на генетические, типологические, ареальные группы и подгруппы. Но и каждый отдельно взятый язык также вариативен. В конкретных проявлениях дискурса отражаются в практическом применении и фиксации самые разные стороны заложенной в языке вариативности и соответственно использованы необходимые для данной коммуникативной ситуации средства.

Вариативность есть проявление сущностных свойств языка как системно-структурного образования¹, а потому она носит объективный, закономерный и неизбежный характер.

В узком смысле вариативность определяется как «характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии»². Такая трактовка понятия вариативности вводит в лингвистику общие принципы теории вариантности – инвариантности. Варианты «разные проявления одной и той же сущности»³, например, видоизменения одной и той же единицы, которая имеет инвариант и, изменяясь, всегда остается собой.

Одна из важных проблем изучения языковой вариативности – особенности варьирования единиц языка в различных формах его существования: диалектах, социолектах, стилях, испытывающих на себе различные формирующие влияния социокоммуникативного контекста. Проблема языковой вариативности в стилистически маркированных текстах решается в работах С. В. Андреевой, Н. А. Ведряковой, Д. С. Мухортова, И. Н. Пучковой и др.

Вариативность – это фундаментальное, универсальное свойство языка, заложенное в самом устройстве языковой системы, это способ существования всех единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня⁴.

В лингвистике понятие вариативности используется двояко⁵: 1) как характеристика всякой изменчивости, модификации, которая может быть результатом эволюции, использо-

вания разных языковых средств для обозначения сходных или одних и тех же явлений или результатом иных причин; 2) как характеристика способа существования и функционирования единиц языка в синхронии.

Идея вариативности предполагает, таким образом, изменчивость чего-либо при сохранении некоторых сущностных свойств этого «чего-либо». В. М. Солнцев считает, что вариативность – это такая изменчивость, которая не ведет к появлению новой сущности⁶. С этим нельзя полностью согласиться, так как, если понимать под «сущностью» какие-то новые языковые средства, то, как представляется, вариативное употребление языковых средств может приводить к вытеснению одних средств другими и тем самым к выбору языковой нормой (если она в этот период существует) наиболее адекватных средств, закреплению их в употреблении. В этом смысле можно говорить о появлении «новой сущности». Вариативность предполагает и изменчивость и постоянство, выступает как единство изменчивого и постоянного.

Проблема вариативности в лингвистике встает в следующих случаях:

- а) при изучении «механизма, «устройства языка», которые можно назвать вариантно-инвариантными;
- б) при изучении функционирования языка и перехода от языка к речи;
- в) при исследовании внутриязыковых факторов изменения и развития языка;
- г) при потребности объяснить разный обмен одних и тех же единиц или их форм;
- д) при социолингвистическом изучении варьирования нормы и использования разных проявлений одних и тех же единиц стилистических, экспрессивных и нормообразующих целей.

С другой стороны, в связи с изучением проблемы вариативности, в лингвистической литературе возникают следующие вопросы: онтология вариативности, факторы вариативности, роль вариативности в развитии и функционировании языковой системы, типология вариативности в различных звеньях языковой системы. Вариативность тесно связана с более широким понятием – понятием нормы. Она, как правило, и рассматривается по отношению к норме.

1 Виноградов В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 9.

2 Там же. С. 6.

3 Камчатов А. М. Лексическая вариативность и лексическое значение // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 23-25.

4 Костомаров В. Г. Книга об основах речевой культуры. Русский язык в национальной школе. М.: Просвещение, 1979. 116 с.

5 Семенюк Н. Н. Норма. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Дрофа, 1999. 671 с.

6 Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31-37.

7 Там же. С. 33.

Таким образом, вариативность обнаруживается на всех языковых уровнях. Для целей коммуникации коммуниканту предоставляется возможность выбирать из множества языковых средств те, которые отвечают коммуникативному намерению и соответствуют системе определенного языка.

Вариативности подвержены фонетические, морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, стилистические средства. Однако вариативностью характеризуются и более крупные, интегративные языковые подсистемы. Они имеют универсальный, выделяемый во всех языках характер. Рассмотрим некоторые примеры.

Территориальная вариативность включает вариантность плюрицентрических языков, имеющих распространение на территориях разных государств. Стандартные разновидности плюрицентрического языка представляют один язык, однако в соответствии с их индивидуальным развитием в определенных государственных границах имеют свои особенности и узу, и норма. В пределах одного государства выделяются отдельные территориальные разновидности – стандартный литературный язык, разговорный язык, региолекты, говоры, диалекты. Их вид, соотношение и значимость в отдельных языках различны, но в целом данное подразделение разновидностей языка выделяемо во всех развитых языках⁸.

Лингвистам всегда было интересно определить признаки, по которым можно типологически классифицировать все существующие языки. Наиболее эффективным в этих целях оказалось распределение по особенностям грамматического устройства языков. И в данном случае вариативность отражают самые различные типологические классификации. В. М. Солнцев включил в рассмотрение самые существенные свойства языковой структуры и распределил все языки по целеносистемному соотношению используемых в них средств морфологии и синтаксиса на два макротипа: формоизолирующие и формосвязывающие языки⁹.

Формосвязывающие, в свою очередь, характеризуются использованием или агглютинативных, или флективных средств, или различным сочетанием тех и других. Типологическая классификация может основываться на структурных, семантических, фонологических и прочих признаках языков. В принципе для выявления типологического разнообразия языков за основу классификации может быть взят любой языковой признак. Для каждого языка в целом, для отдельных связанных между собой групп носителей языка, для отдельных носителей языка характерна языковая картина мира, представляющая отражение в языке знаний об окружающем мире. В языке закрепляются концептуальные модели, которые в целом создают языковую картину мира, характеризующуюся определенностью, взаимосвязанными секторами, типичной моделируемостью¹⁰.

Стилистическая вариативность отражается также в таких разновидностях стилистики, как дескриптивная стилистика, стилистика текста, стилистика дискурса, прагматилистика и др. Языковые предпосылки для проявления выделенных итеративных видов вариативности создаются вариативностью отдельных конкретных языковых средств. Язык предоставляет безграничные возможности целенаправленного выбора необходимых для осуществления коммуникации средств. И функционально-стилистическое распределение, и выделение стилистических пластов в каждом территориальном варианте одного языка характеризуется своим набором языковых средств, отражающим территориальное развитие данного языка. Например, объединение диалектов немецкого языка алеманского происхождения в швейцарско-немецкий составляет разговорный вариант языка в Швейцарии, в то время как литературный немецкий язык составляет письменную

норму языка в названном государстве, при этом и данный вариант, естественно, имеет некоторые свои особенности¹¹.

Непосредственное отражение типологической вариативности языков наблюдается в семантической вариативности: в структурировании каждым языком языковой картины мира, передающей информацию об окружающем мире. В вербализованной системе концептов последние объективируются различными языковыми способами, актуализируя фрагменты языковой картины мира.

Многочисленные исследования показывают множество способов языкового структурирования отраженного в мозгу человека мира, что связано с внутренним устройством языка. С другой стороны, особенности культуры этноса также проявляются в построении языковой картины мира, и здесь наблюдается взаимосвязь различных аспектов вариативности - вариативного развития и отражения в языке этнокультурного компонента и вариативного построения языковой картины мира.

Вариативность концептуального структурирования составляет вариативность плана содержания языка. В данном виде вариативности отмечаются общие, универсальные черты структурирования отраженного опыта познания и черты индивидуальные.

Таким образом, вариативность языка безгранична. Но во всех аспектах вариативности можно обнаружить определенные закономерности проявления и развития вариативности, в том числе закономерности взаимодействия отдельных видов, аспектов вариативности, а в конечном счете – закономерности функционирования и развития языка. Аспекты вариативности могут затрагивать самые разные стороны языка как системы и отражаемого в нем и в когнитивном познании мира. Категория вариантности является весьма существенной для характеристики литературной нормы. Между нормой и вариантностью существует двусторонняя зависимость: если характер вариантности – в сочетании с целым рядом других признаков – определяет специфику норм литературного языка, то, с другой стороны, именно норма устанавливает число и типы допустимых вариантов, а также регулирует их употребление. И так, вариативность – это фундаментальное, универсальное свойство языка, заложенное в самом «устройстве» языковой системы, это способ существования всех единиц языка, обнаруживающего специфические черты в пределах каждого уровня.

Пристатейный библиографический список

1. Виноградов В. В. Проблемы культуры речи и некоторые задачи русского языкознания // Вопросы языкознания. 1964. № 3. С. 3-17.
2. Ермолаева Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Высшая школа, 1987. 371 с.
3. Исакова Н. Д. Соотношение типологических тенденций и особенностей проявления функционального стиля в современных германских языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 33 с.
4. Камчатов А. М. Лексическая вариативность и лексическое значение // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 23-25.
5. Костомаров В. Г. Книга об основах речевой культуры. Русский язык в национальной школе. М.: Просвещение, 1979. 116 с.
6. Кузнецов А. М. Лингвистические толкования правового смысла «преступления» и «наказания». Юридическая теория и бытовые стереотипы. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2012. 226 с.
7. Семенюк Н. Н. Норма. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Дрофа, 1999. 671 с.
8. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы // Вопросы языкознания. 1984. № 2. С. 31-37.
9. Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. В связи с общими особенностями человеческого языка. М.: Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 223 с.
10. Кузнецов А. М. Лингвистические толкования правового смысла «преступления» и «наказания». Юридическая теория и бытовые стереотипы. Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2012. 226 с.
- 8 Ермолаева Л. С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М.: Высшая школа, 1987. 371 с.
- 9 Солнцев В. М. Введение в теорию изолирующих языков. В связи с общими особенностями человеческого языка. М.: Издат. фирма «Восточная литература», РАН. 1995. 223 с.
- 10 Исакова Н. Д. Соотношение типологических тенденций и особенностей проявления функционального стиля в современных германских языках: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2001. 33 с.

БАРЫШНИКОВА Наталья Анатольевна

доктор экономических наук, профессор кафедры экономики Саратовской государственной юридической академии

ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена исследованию теоретико-методологических подходов к обеспечению финансовой безопасности государства. Рассмотрено содержание категории «финансовая безопасность», представлена развернутая классификация детерминант финансовой безопасности. Большое внимание уделено исследованию уровня и современных угроз финансовой безопасности России.

Ключевые слова: финансовая безопасность, финансовая система, глобализация.

BARYSHNIKOVA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in Economics, professor of Economics sub-faculty of the Saratov State Law Academy

EXTERNAL DETERMINANTS OF FINANCIAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONDITIONS OF GLOBALIZATION

The article is devoted to research of theoretical and methodological approaches to ensuring financial security of the state. Content of category «financial security» and detailed classification of determinants of financial security are considered. Much attention is given to the research of the level and the modern threats of financial security of Russia

Keywords: financial security, financial system, globalization.

Барышникова Н. А.

Основой обеспечения национальной безопасности современной России является Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. Главное ее назначение – закрепить национальные интересы и стратегические приоритеты Российской Федерации, а также меры, направленные на укрепление национальной безопасности. В этом документе национальная безопасность определяется как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации¹.

Законодательно закреплённая структура национальной безопасности включает государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, а также безопасность личности.

В свою очередь, экономическая безопасность государства в качестве важнейшего структурного элемента включает финансовую безопасность. Эта категория относительно нова, и можно утверждать, что система научных знаний о ней (включая теорию, методологию исследования, прикладные разработки) продолжает формироваться. С точки зрения методологии, при исследовании финансовой безопасности и ее детерминант важными являются следующие положения:

Многоаспектность и междисциплинарность категории: финансовая безопасность является предметом изучения не только экономической, политической, но и правовой науки. Обеспечение финансовой безопасности всегда осуществляется в рамках правового поля. Это означает, что планирование и реализация направлений повышения финансовой безопасности должны осуществляться в неразрывной связи с действующим законодательством. Даже прекрасное обоснованное с экономической точки зрения мероприятие может быть нивелировано в большей или меньшей степени отсутствием адекватной юридической подготовки и сопровождения, а также пробелами и несовершенствами общего правового поля, не учтенными при разработке мер финансовой безопасности.

Проблема обеспечения финансовой безопасности является комплексной и затрагивает бюджетную, налоговую, денежно-кредитную и другие сферы. Вследствие этого комплексный подход является основным при исследовании данной категории.

Финансовой безопасности присуща системность, то есть тесная взаимосвязь и взаимозависимость отдельных элементов финансовой сферы и экономики в целом. Финансы являются одним из элементов экономической системы любого государства, но они существуют не обособленно, а включены в другие сферы экономики и обеспечивают их нормальное функционирование с помощью финансовых ресурсов.

Финансовая безопасность может существовать и обеспечиваться на различных уровнях (глобальном, национальном, региональном, уровне организации, личном уровне), связанных между собой.

Далее обратимся к содержанию категории «финансовая безопасность». Анализ научной литературы дает основание сделать вывод, что подходы к определению финансовой без-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения: 28.09.2016).

Таблица 1. Теоретические подходы к дефиниции категории «финансовая безопасность»

Автор	Определение
Сенчагов В. К.	Система финансовых потоков бюджетной и внебюджетной сферы, банковской сферы, фондового и валютного рынков, других денежных фондов, при которой все сегменты финансовой сферы достаточны в своих размерах, в определенных пропорциях сбалансированы и соразмерны между собой, максимально возможно защищены от внутренних и внешних и способствуют развитию*.
Бурцев В. В.	Способность государственных органов обеспечивать устойчивость экономического развития государства, платежно-расчетной системы и основных финансово-экономических параметров; нейтрализовывать воздействие мировых финансовых кризисов и преднамеренных действий мировых финансовых субъектов, теневых структур на национальную экономическую и социально-политическую систему**.
Кондрат Е. Н.	Состояние защищенности финансово-экономических интересов государства, которое позволяет обеспечить финансовую стабильность государства на прогнозируемый период в любых условиях, в том числе минимизировать последствия кризиса денежной и финансово-кредитной систем, нейтрализует влияние мировых финансов и экономической экспансии зарубежных стран на национальную безопасность, удовлетворяет потребности общества в финансовых ресурсах и обеспечивает экономический рост...***.

* Сенчагов В. К. Обеспечение финансовой безопасности России в условиях глобализации // Вестник Российской академии естественных наук – 2011. – № 3. – С. 15.

** Бурцев В. В. Факторы финансовой безопасности России // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 1.

*** Кондрат Е. Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности России и пути противодействия: Монография. – М.: Форум, 2014. – С. 66.

опасности разнообразны. Исходным является понятие «безопасность», которое, согласно толковому словарю, трактуется, прежде всего, как «отсутствие опасности»². Отталкиваясь от этого понятия ведущие ученые, занимающиеся исследованием различных аспектов экономической и финансовой безопасности, определяют финансовую безопасность как состояние или свойство финансовой системы страны, при котором обеспечивается стабильность ее развития и устойчивость по отношению к разного рода угрозам (табл. 1).

На наш взгляд, категория «финансовая безопасность» должна трактоваться гораздо шире, чем просто надежность и защищенность национальной финансовой системы, поскольку цель функционирования финансовой системы не может лежать внутри категории финансов как таковых. Финансы составляют неотъемлемую часть экономической системы, а финансовая стабильность и устойчивость государства определяются не только и не столько эффективной системой финансового регулирования и контроля, но и во многом состоянием экономики страны в целом. Таким образом, в развитой стране с высокой конкурентоспособностью и темпами экономического роста финансовая система будет более устойчива к разного рода кризисам и потрясениям.

Говоря о детерминантах финансовой безопасности, следует отметить, что они делятся на внешние и внутренние (рис. 1). Не умаляя роли внутренних детерминант, считаем, что основные риски для финансовой безопасности России формируются сегодня за ее пределами. Кроме того, что внешние детерминанты носят серьезный, а зачастую критический характер, они также находятся вне влияния органов государственного управления России, что в еще большей степени усложняет их нейтрализацию. При этом часть детерминант носит глобальный характер, воздействуя на финансовые системы и финансовую безопасность разных стран мира, другие являются специфическими, влияющими исключительно на российскую экономическую и финансовую безопасность.

Среди внешних детерминант нами выделено три ключевых, воздействие которых уже привело к нарастанию угроз финансовой безопасности РФ и, как результат, к ее снижению: финансовая глобализация во всех формах ее проявления,

ограничительные меры, действующие против России, а также волатильность рынка энергоресурсов.

Главным фактором является *финансовая глобализация*, формы которой сегодня весьма и весьма разнообразны: рост объема капиталов и их мобильности на основе информационных технологий, повышение степени интеграции финансовых рынков разных стран, возрастающее влияние на финансовые системы стран межгосударственных организаций, а также субгосударственных субъектов (транснациональных корпораций и банков), увеличение количества финансовых инструментов, нарастание степени их динамизма. В эпоху глобальных финансов возникают и быстро распространяются кризисные тенденции, устойчивость мировой финансовой системы нарушается, в то время как международные финансовые институты оказываются не в состоянии контролировать эти процессы.

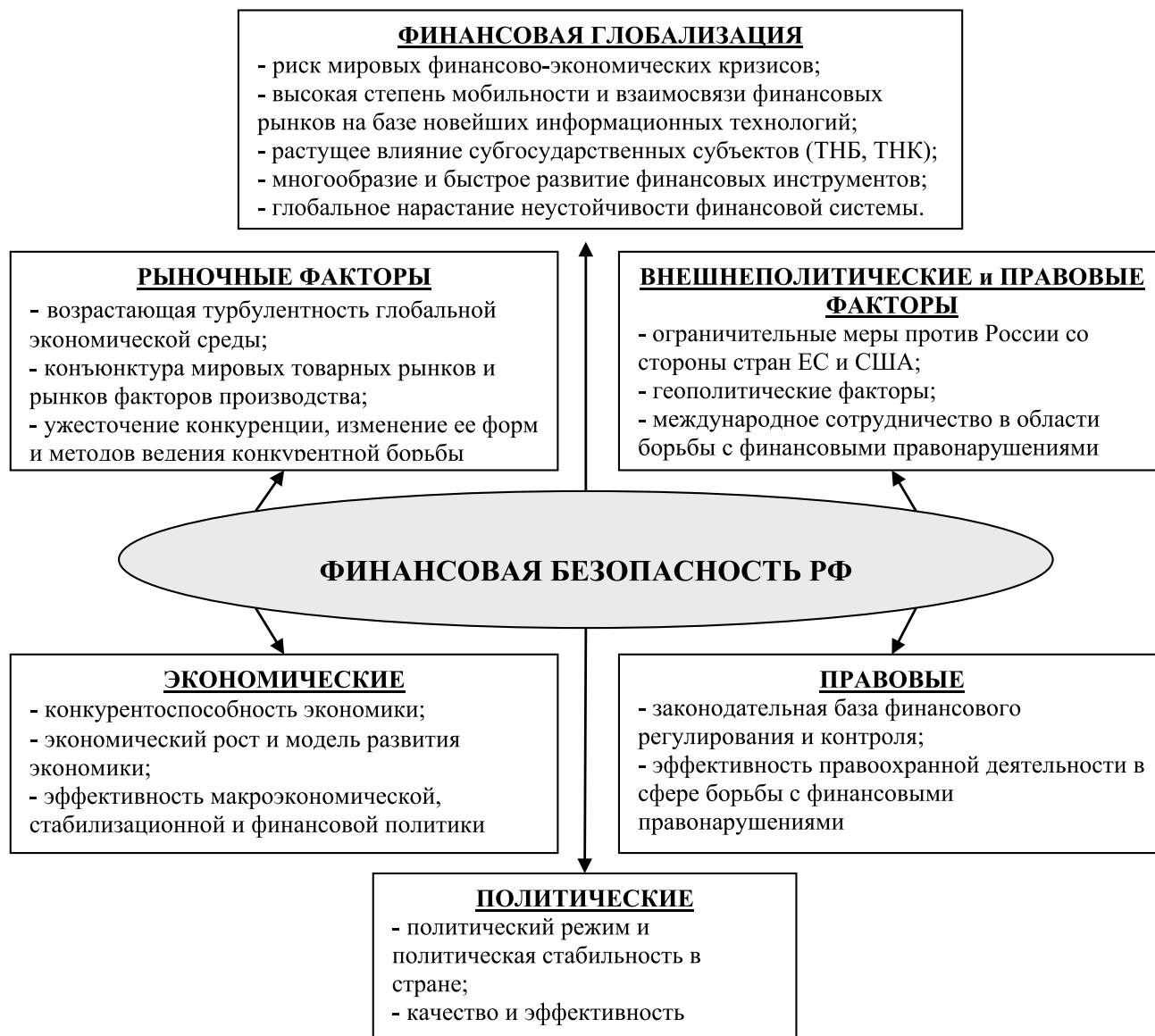
Как и экономическая глобализация в целом, финансовая глобализация создает как возможности, так и угрозы для отечественной финансовой системы, при этом соотношение ее издержек и выгод неоднозначно. С одной стороны, интеграция России в систему глобальных финансов означает развитие сотрудничества и взаимодействия нашей страны с международными финансовыми организациями, а также с другими государствами, что обеспечивает более эффективное решение как внешних, так и внутренних проблем финансовой безопасности. Однако, с другой стороны, финансовая глобализация оказывает значительное влияние на экономический рост страны, развитие национальной финансовой системы. Как и другие виды глобализации, финансовая глобализация обуславливает неравномерность развития стран и распределения финансовых ресурсов, влияя тем самым на национальную финансовую стабильность.

Специфическим проявлением финансовой глобализации является нарастание финансовой либерализации (ослабления ограничений для движения капитала через границы стран), что в особенной степени сказывается на стабильности национальных финансовых систем.

В результате финансовой глобализации в новой, более сложной финансовой среде для экономики России, уже сформировались как новые возможности, так и новые вызовы. К вызовам мы можем отнести отток капитала из страны; проникновение иностранного капитала в экономику России в масштабах, угрожающих экономической безопасности; осла-

2 Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. – М., 2007. – Т. 1. – С. 105.

ВНЕШНИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

ВНУТРЕННИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Рис. 1. Внешние и внутренние детерминанты финансовой безопасности Российской Федерации

бление позиций нашего государства на мировых финансовых рынках; расширение нелегального бизнеса в финансово-кредитной сфере; «отмывание» незаконно полученных средств; использование несовершенства отечественного законодательства и правоохранительной системы для отчуждения собственности и многие другие.

Следующий внешний фактор финансовой безопасности РФ – *ограничительные экономические меры*, введенные против Российской Федерации США и странами ЕС17 марта 2014 г. Поводом для санкций явилась ситуация в Украине и присоединение Крыма к России. Санкции были введены в отношении конкретных физических лиц (первый уровень), в отношении юридических лиц (второй уровень), а также в отношении секторов отечественной экономики (третий уровень, или секторальные санкции).

Часть ограничительных мер третьего уровня напрямую затрагивает финансовую систему России. Так, в санкционный список внесены крупнейшие системообразующие российские банки, которым ограничен доступ на зарубежные финансовые рынки: Сбербанк, ВТБ, Внешэкономбанк, Газпромбанк, Россельхозбанк. Европейским инвесторам запрещается приобретать на первичном и вторичном рынках во всем мире новые акции, облигации, а также схожие финансовые инструменты, выпущенные указанными финансовыми учреждениями (со сроком обращения свыше 90 дней).

Ярко выраженное негативное влияние санкции оказали на возможность привлечения внешних ресурсов для финансирования развития российской экономики. Доступ банков к зарубежным кредитным ресурсам был ограничен, в результате чего выросли ставки по кредитам и закономерно снизилась

Таблица 2. Индикаторы финансовой безопасности Российской Федерации*

Индикаторы	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Индекс ВВП, % к предыдущему году	4,0	4,3	3,4	1,3	0,6	-3,7
Уровень инфляции, %	8,8	6,1	6,6	6,5	11,4	12,9
Дефицит бюджета в % к ВВП	-3,4	1,5	0,4	-1,3	0,5	-2,6
Дефицит бюджета в % к ВВП (без учета нефтегазовых доходов)	-10,4	-6,4	-7,0	-8,3	-8,1	-7,5
Совокупный внешний долг РФ, млрд.дол.	488,5	538,9	636,4	728,9	599,0	515,2
Государственный долг РФ в % к ВВП	32,1	32,2	31,0	31,1	35,7	47,2
Международные резервы РФ, включая золото, млрд.дол. (на 1 января)**	483,0	480,7	498,0	537,4	510,5	386,2
Совокупный объем средств, находящихся в государственных бюджетных фондах, млрд. руб., в т.ч.:	4600,0	3470,7	3605,9	4576,3	5760,3	9333,6
Резервный фонд						
млрд.руб.	1830,5	775,2	811,5	1885,7	2859,7	4945,5
% к ВВП	4,7	1,7	1,4	3,0	4,3	6,9
Фонд национального благосостояния						
млрд.руб.	2769,0	2695,5	2794,4	2690,6	2900,6	4388,1
% к ВВП	7,1	5,8	5,0	4,3	4,4	6,1

* Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб./ Росстат. – М., 2015. – 728 с.

** Международные резервы Российской Федерации. Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrId=mrrf_7d (дата обращения 30.10.2016).

инвестиционная активность. Приток прямых иностранных инвестиций, важных с точки зрения их долгосрочного характера и трансферта передовых зарубежных технологий, в 2015 году сократился в 5 раз.

Системный эффект от введения санкций против России значителен: потери российской экономики, по разным оценкам, составят около \$170 млрд. в течение 2014-2017 гг. На официальном уровне сумма фактических потерь оценивается в \$20-25 млрд. Оценки совокупного экономического эффекта санкций варьируются в диапазоне от 1,1 до 2,2 процентного пункта недополученного роста ВВП³.

С другой стороны, как отмечают многие эксперты, санкции стали катализатором, запустившим структурные преобразования в народном хозяйстве⁴. Отечественная финансовая система также получила стимул для развития. К позитивным сдвигам в этой области мы можем отнести создание в 2014 году национальной системы платежных карт (НСПК), вместе с которой монополизм Visa и MasterCard ушел в прошлое. НСПК, 100 % акций которой принадлежит Центральному банку России, в 2015 году осуществила эмиссию платежных карт «Мир», а в настоящее время работает над развитием системы безопасности электронной коммерции 3D Secure версии 2.0.

К ключевым внешним детерминантам финансовой безопасности РФ нами также отнесена *волатильность мирового рынка нефти*. Снижение цен на нефть, которое многие аналитики считают закономерным, является безусловной угрозой для экономического развития всех стран-экспортеров. Так, специалисты Morgan Stanley полагают, что десятилетний суперцикл

высоких цен на нефть закончился в 2014 году⁵, и в ближайшем будущем восстановление цен на сырье маловероятно. Этому способствует и замедление темпов развития крупнейших экономик мира – потребителей сырой нефти (например, Китая). Аналитики из Citibank также считают, что эпоха трехзначных цен на нефть закончилась и к 2020 году стоимость 1 барреля нефти марки Brent составит не более 70-90 долларов за баррель⁶.

Для России падение цен на нефть является серьезной угрозой ее финансовой безопасности, поскольку вклад нефтегазовых доходов в формирование доходной части бюджета значителен. Так, в 2015 году объем нефтегазовых поступлений в федеральный бюджет страны составил 3856,2 млрд.руб. или 44,1 % всех доходов бюджета. В условиях падающих цен на нефть высока вероятность неисполнения доходной части бюджета в 2016 году, а значит, неизбежен и секвестр расходов.

Негативное воздействие внешних факторов на финансовую безопасность России во многом усугубляется внутренними факторами. На наш взгляд, главными стратегическими угрозами национальной безопасности в области экономики являются ее низкая конкурентоспособность, сохранение экспортно-сырьевой модели развития и высокая зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, отставание в разработке и внедрении перспективных технологий.

Каково же современное состояние финансовой безопасности России в результате воздействия перечисленных факторов? Анализ динамики ключевых индикаторов финансовой безопасности (табл. 2) свидетельствует о том, что восстановительный рост отечественной экономики после финансового кризиса 2008-2009 гг., в 2014-2015 гг. сменился рецессией, а затем экономическим

3 Expert online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2016/23/prosnulis/> (дата обращения: 01.10.2016).

4 Королева А. Санкции больше не эффективны. Expert online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2016/06/7/sanktsii-bolshe-neeffectivnyi/> (дата обращения: 01.10.2016).

5 Данные сайта Мировые финансы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://global-finances.ru/tsikl-vyisokih-tsen-na-neft-zakonchilsya/> (дата обращения: 01.10.2016).

6 Данные сайта Мировые финансы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://global-finances.ru/padenie-tsen-na-neft-prognoz-citiban/> (дата обращения: 01.10.2016).

Таблица 3. Долгосрочный кредитный рейтинг Российской Федерации по шкале ведущих рейтинговых агентств

Рейтинговое агентство	Рейтинг РФ
Standard & Poor's (от 16 сентября 2016 г.)	– долгосрочный кредитный рейтинг по обязательствам в иностранной валюте – «BB+» (прогноз – «стабильный»); – долгосрочный рейтинг по обязательствам в национальной валюте – «BBB» (прогноз – «стабильный»)
Moody's (от 22 апреля 2016 г.)	– кредитный рейтинг РФ по обязательствам, выраженным в иностранной валюте – «Ba1» (прогноз – «негативный»); – суверенный рейтинг с обязательствами в национальной валюте – «Ваа3» (прогноз – «негативный»)
Fitch (от 16 апреля 2016 г.)	– долгосрочный кредитный рейтинг РФ, выраженный в иностранной валюте – «BBB» (прогноз – «негативный»); – долгосрочный рейтинг с обязательствами в национальной валюте – «BBB» (прогноз – «негативный»)

спадом, в условиях которого российская экономика и финансовая система не смогли нивелировать угрозы.

В 2015 году Россия находилась под действием снижения мировых цен на нефть при сохраняющемся санкционном давлении со стороны ЕС и США. Снижение ВВП страны в 2015 году составило 3,4 % при уровне инфляции почти 13 %. Ухудшение ценовой конъюнктуры на сырьевом рынке привело к резкому снижению экспортных доходов страны и соответствующему сокращению доходов федерального бюджета, что обусловило нарастание бюджетных проблем: в 2015 году бюджетный дефицит составил 2,6 % ВВП, а дефицит бюджета без учета нефтегазовых доходов – 7,5 % ВВП. На общем негативном фоне можно отметить лишь одну положительную тенденцию 2015 года – сокращение совокупного внешнего долга РФ на 14 % по сравнению с 2014 годом.

В непростых экономических условиях «подушкой безопасности» отечественной экономики выступают государственные бюджетные фонды – Резервный фонд и Фонд национального благосостояния, источниками формирования которых являются нефтегазовые доходы государства, накопленные в период благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Цели бюджетных фондов – обеспечение стабильности экономического развития России, снижение инфляционного давления на экономику (Резервный фонд), а также обеспечение устойчивости национальной пенсионной системы (Фонд национального благосостояния).

По состоянию на 1 сентября 2016 г. объем средств Резервного фонда составляет 2,09 трлн.руб. (сокращение за август составило 18 %), Фонда национального благосостояния – 4,72 трлн.руб. (сокращение за август -2,1 %)⁷. Совокупный объем средств обоих фондов (6,81 трлн.руб.) является весьма значительным, однако, учитывая стратегические вызовы, стоящие перед Россией, а также скорость расходования средств фондов, при отсутствии серьезных структурных экономических реформ финансовые резервы могут быть израсходованы уже к концу 2017 года.

Кроме количественных индикаторов финансовую безопасность государства принято оценивать с помощью качественных методов, а именно, долгосрочного кредитного рейтинга по шкале международных рейтинговых агентств (табл.3).

Обозначенные выше тенденции экономического развития России – спад ВВП, рост дефицита бюджета, инфляция, сокращение резервных фондов и золотовалютных резервов – привели к тому, что кредитный рейтинг России по версии ведущих мировых рейтинговых агентств, является низким, причем два из трех агентств (Moody's и Fitch) прогнозируют дальнейшее ухудшение финансовой устойчивости, а значит, и безопасности России.

Подводя итог, можно отметить, что внешние условия, в которых функционирует российская экономика, динамично и

непредсказуемо изменяются и усложняются. В соответствии с этим должны трансформироваться и подходы к обеспечению финансовой безопасности государства, поскольку она оказывает существенное воздействие на безопасность в других сферах жизни общества. При прогнозирующихся в кратко- и среднесрочной перспективе угрозах (прогрессирующей финансовой глобализации, низких ценах на нефть и сохраняющихся секторальных санкциях ЕС и США, включая финансовые) актуальнейшей задачей государства является укрепление финансовой системы государства, ее стабильности и ее способности противостоять угрозам как внешнего, так и внутреннего характера.

Пристатейный библиографический список

1. Бурцев В. В. Факторы финансовой безопасности России // Менеджмент в России и за рубежом. – 2001. – № 1.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 томах. – М., 2007. – Т. 1.
3. Данные сайта Мировые финансы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://global-finances.ru/tsikl-vyisokih-tsen-na-neft-zakonchilsya/> (дата обращения: 01.10.2016).
4. Ефимов В. С., Бушуева Н. В. Методологические подходы к исследованию финансовой безопасности // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2014. – № 2(8).
5. Кондрат Е. Н. Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности России и пути противодействия: Монография. – М.: Форум, 2014.
6. Королева А. Санкции больше не эффективны. Expert online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/2016/06/7/sanktsii-bolshe-neeffectivnyi/> (дата обращения: 01.10.2016).
7. Международные резервы Российской Федерации. Официальный сайт Банка России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/hd_base/?PrtId=mrrf_7d (дата обращения 30.10.2016).
8. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=27067 (дата обращения 30.09.2016).
9. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. – М., 2006.
10. Российский статистический ежегодник. 2015: Стат. сб./ Росстат. – М., 2015.
11. Сенчагов В. К. Обеспечение финансовой безопасности России в условиях глобализации // Вестник Российской академии естественных наук. – 2011. – № 3.
12. Expert online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2016/23/prosnulis/> (дата обращения: 01.10.2016).

7 Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minfin.ru/ru/document/?id_4=27067 (дата обращения 30.09.2016).

ГУДКОВА Ольга Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, финансов и анализа филиала Московского психолого-социального университета в г. Брянске

ЕРМАКОВА Людмила Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и налогообложения Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского

КОВАЛЕВА Наталья Николаевна

кандидат экономических наук, декан финансово-экономического факультета Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского

МЕЛЬГУЙ Андрей Эдуардович

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и налогообложения Брянского государственного университета им. акад. И. Г. Петровского

Гудкова О. В.

Ермакова Л. В.

РАЗВИТИЕ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РЫНКЕ БАНКОВСКИХ УСЛУГ

В статье рассматривается значение инновационных технологий в банковской сфере и их роль в развитии банковской системы за период с момента распада СССР и перехода на рыночную систему хозяйствования до современных условий функционирования кредитных организаций.

Ключевые слова: рынок банковских услуг, коммерческие банки, современные инновационные банковские технологии, банковские продукты.

GUDKOVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Economics, Finance and Analysis sub-faculty in the branch of "Moscow Psychological-social University" in the city of Bryansk

ERMAKOVA Lyudmila Vladimirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Taxation sub-faculty of the acad. I. G. Petrovskiy Bryansk State University

KOVALEVA Natalya Nikolaevna

Ph.D. in Economics, associate professor, Dean of Economic Faculty of the acad. I. G. Petrovskiy Bryansk State University

MELGUI Andrey Eduardovich

Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Taxation sub-faculty of the acad. I. G. Petrovskiy Bryansk State University

Ковалева Н. Н.

Мельгуй А. Э.

THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN THE MARKET OF BANKING SERVICES

In article value of innovative technologies in the bank sphere and their role in development of a bank system from the moment of the collapse of the USSR and transition to market system of managing to modern operating conditions of credit institutions is considered.

Keywords: market of banking services, commercial banks, modern innovative banking technologies, banking products.

Одним из важнейших критериев в устойчивом функционировании и профессионализме работы коммерческого банка является использование новых инновационных банковских технологий. Понятие «новые банковские технологии» относительно недавно вошло в деловую практику и направлено на развитие этого сегмента предоставления рыночных финансовых услуг.

Разработка инновационных банковских технологий стала активно использоваться при переходе отечественных кредитных организаций к рыночной экономике, при этом исполь-

зовался опыт зарубежных коллег и современные на данном этапе развития банковской сферы услуги технические средства.

Поэтому, считаем важным, рассмотреть основные принципы и формы внедрения инновационных технологий в современную банковскую структуру.

Государственный стандарт РФ (ГОСТ Р 8.561-95) так определяет понятие банковская технология – это упорядоченная совокупность функционально и информационно взаимосвязанных операций, действий, работ и процедур, обеспеченных необходимыми ресурсами реализуемых технологическими и

человеко-машинными системами и направленными на достижение эффективности банковских операций.

Политика постоянных нововведений и использование новейших технических средств, при оказании банковских услуг является определяющим фактором успешной деятельности банка.

На данном этапе развития банковских структур характерным является введение новых форм организации бизнеса. Современные экономические условия требуют внедрения новых инновационных методов работы на финансовом рынке, новых пакетов услуг и финансовых инструментов, а так же более высокое качество предоставляемых коммерческим банком услуг¹.

Перед отечественными банковскими структурами стоят три задачи, решение которых является основополагающим на данный исторический момент:

– максимальное расширение пакета предоставляемых банковских услуг, которое должно способствовать расширению клиентской базы;

– адаптация в хозяйственно-финансовую деятельность новейшего высокотехнологичного оборудования и современных специализированных компьютерных программ²;

– грамотная кадровая политика, высокий профессионализм банковских менеджеров.

Важной составляющей эффективного функционирования коммерческого банка являются банковские инновации, которые представляют собой успешно внедренный в финансово-хозяйственную деятельность новый перспективный банковский продукт, позволяющий существенно повлиять в положительную сторону на эффективность деятельности кредитной организации.

При этом к банковским продуктам можно отнести материально оформленную, и уже одобренную покупателем предлагаемую коммерческим банком услугу (например, оформленная клиентом сберегательная книжка, или созданный клиентом электронный кошелек и т.д.). Созданный и юридически подтвержденный клиентом банковский продукт может классифицироваться на единичный и массовый.

Единичный продукт выпускается для конкретных потребителей. Это индивидуальный продукт, с характерными только ему особенностями, например: конкретная облигация, монета, недвижимость.

Для широкого круга потребителей и инвесторов выпускается массовый финансовый продукт. Он не несет в себе ярко выраженной индивидуальности, не имеет характерных черт, например банковский счет, депозит, облигации всех видов займов и т.д. Новый банковский продукт классифицируется на лимитированный и не лимитированный.

Строго котируемый банковский продукт является лимитированным. Его объем определяется многими факторами: спросом покупателей, размером уставного капитала банка и т.д. Данный продукт выпускается в расчете на конкретного покупателя и включает в себя акции, облигации, кредитные соглашения.

Лимитированный банковский продукт при его выпуске не ограничивается никакими законодательными нормами,

контролирующими органами и квотами. Он выпускается в расчете на потенциального покупателя – это пластиковые расчетные и кредитные карты, банковские счета и т.п. Взаимодействие «банк - банковская технология» является ключевым при создании новых банковских технологий. Решающими факторами при таком взаимодействии являются:

– принятые коммерческим банком принципы позиционирования на финансовом рынке;

– сформированная и одобренная советом директоров миссия коммерческого банка, определяющая его деятельность в рыночном пространстве;

– условия функционирования коммерческого банка, при которых будут соблюдены интересы его основных акционеров.

Для коммерческой кредитной организации эти факторы имеют как стратегическое, так и тактическое значение. Так же важно, чтобы новые банковские инновационные технологии не вступали в противоречие с целями коммерческого банка, правильно расставляли намеченные приоритеты и обеспечивали успешное развитие банка.

Коммерческий банк, ориентированный на обслуживание частных клиентов всех категорий, возводит в приоритет технологии массового производства и тиражирование продуктов с минимальными издержками.

Коммерческие банки, обслуживающие финансовые потоки основных акционеров и входящие в финансово-промышленную группу, отдают предпочтение «штучным» технологиям, предназначенным для интересов заранее известных клиентов.

Конфликт интересов может возникнуть, если внедрение новых технологий не соответствует интересам коммерческого банка и расходится с его имиджем. Это может привести к тому, что на рынке финансовых услуг коммерческий банк потеряет свои позиции, произойдет распыление внутренних ресурсов, и как итог ухудшится качество обслуживания клиентов по всем направлениям.

При внедрении любой новой инновационной технологии в сфере банковской деятельности необходимо тщательно и всесторонне учитывать факторы не только политики коммерческого банка, но и факторы внешней сферы. Необходимо принимать в расчет следующие существенные моменты:

– законодательную и нормативно-правовую базу, защищающую и поддерживающую интересы всех участников финансово-кредитной деятельности;

– перспективные возможности развития банковской системы в современных экономических и геополитических условиях;

– информационно-технологические условия, заключающиеся в наличии программно-аппаратных средств, необходимых для успешного функционирования кредитной организации³.

Для каждой банковской технологии значение вышперечисленных факторов может быть различно и глубоко индивидуально. Например, для «штучных» продуктов наличие инновационной информационной технологии большого значения не имеет, но законодательные и экономические факторы имеют огромное значение вследствие большого объема сделок и отсутствия распределения риска.

С другой стороны информационно-технологический фактор является крайне важным для эффективного развития

1 Гудкова О. В., Ермакова Л. В., Мельгуй А. Э. Роль информационных технологий в построении учетно-аналитической системы предприятия // Бюллетень науки и практики. 2016. № 5 (6). С. 116-121.

2 Мельгуй А. Э., Дворецкая Ю. А., Ковалева Н. Н. Актуальные вопросы организации системы управленческого учета на предприятии // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 7 (58). С. 38-41.

3 Ермакова Л. В., Дворецкая Ю. А., Мельгуй А. Э. Роль учетной информации в конкурентоспособности бизнеса // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6 (62). С. 381-384.

бизнеса на рынке массовых розничных продуктов. Доставка банковского продукта целевой аудитории будет под угрозой при недостаточном учете в финансово-экономической деятельности кредитной организации информационных факторов.

Достичь положительного экономического и стратегического эффекта можно применяя новые банковские технологии во всех сферах функционирования банка. Успешным итогом нововведения следует считать увеличение доли рынка, прирост клиентской базы банка, сокращение издержек на проведение определенных видов операций и т.д.⁴.

С экономической точки зрения новые технологии в кредитной сфере деятельности коммерческого банка подразделяются на две сферы, первая из которых включает технологические новации, а вторая – предлагаемые инновационные продукты.

Банковские карты всех видов, электронные переводы денежных средств можно отнести к технологическим нововведениям.

Изменение условий регулирования банковских операций, новые банковские продукты, связанные с новыми операциями и услугами относятся к продуктовым нововведениям.

В соответствии с международной банковской практикой, инновационные банковские технологии классифицируются по следующим целям, в зависимости от достигнутых результатов:

- улучшение позиций коммерческого банка на глобальном денежно-финансовом рынке;
- адаптация к современным хозяйственным условиям операций, связанных с управлением денежной наличностью;
- инновационная деятельность на рынке ссудных капиталов⁵.

Сейчас в России широко внедряется большой спектр банковских услуг, основными из которых являются:

- информационное и консультативное сопровождение финансовых операций экономического субъекта;
- операции с драгоценными металлами;
- сдача в аренду сейфов для хранения ценностей и документов;
- покупка права требования задолженности экономических субъектов у настоящих кредиторов.

При этом следует отметить, что отечественная практика внедрения инновационных информационных технологий в банковский сектор, имеет ряд особенностей, которые заключаются в следующем:

1) российский опыт разработки банковских технологий опирается на мировую практику и банковское законодательство России. По своей сути коммерческий банк является единственным экономическим субъектом, системно управляющим всеми функциями денег (мера стоимости, функции платежа, накоплений и обращения) и выполняет функцию продавца банковских услуг на финансово-кредитном рынке;

2) научно-технический прогресс определяет основную долю инноваций в российском банковском деле. Внедрение и использование новейших технологий требует огромных затрат со стороны коммерческого банка и может реализоваться только крупными финансовыми структурами. Конкурентоспособность мелких и средних банков снижается и происходит их поглощение крупными кредитными организациями. В итоге благодаря технологическим инновациям снижается конкуренция между кредитными организациями, что ведет к централизации банковской системы России. Внедрение банками новых продуктовых инноваций, в свою очередь, наоборот способствуют возникновению конкуренции, что ведет к развитию экономики страны⁶;

3) коммерческие кредитные организации осуществляют свою деятельность в условиях постоянно меняющихся внешних факторов. Это требует соответствующей реакции со стороны банка – незамедлительного анализа финансовой и макроэкономической политики в условиях изменяющейся экономической, социальной и геополитической среды, влияющей на условия его функционирования, использования новых технологий для создания прибавочного продукта.

Создание и внедрение нового банковского продукта – это длительный процесс, требующий выполнения соответствующего объема работ в каждом конкретном случае. Его разработка предусматривает следующие этапы развития:

- новая идея или усовершенствование разрабатываемого коммерческим банком инновационного продукта;
- аккумулярование наиболее перспективных инновационных предложений и внедрение в финансово-хозяйственную практику лучших разработок;
- организация маркетинговых исследований в наиболее перспективных направлениях осуществления банковских услуг;
- концентрация инновационной мысли в прорывных сферах разработки качественно нового продукта для интенсификации банковской деятельности и осуществление административной работы для его «брендинга» и продвижения на финансовые рынки.

Все стадии жизненного цикла продукта определяются конкретным характером инновации. Так в период перехода от административно-командной системы управления к рыночной экономике после распада СССР, для отечественной банковской системе новыми являлись следующие банковские продукты, в настоящий момент уже относящиеся к категории традиционных.

Лизинг – наиболее популярная форма предоставления финансовых услуг коммерческими банками, которая сопровождает значительную часть приобретения экономическими субъектами дорогостоящих основных средств.

Наиболее адекватная формулировка этой финансовой операции заключается в том, что предприятие не может осуществить единовременный платеж по приобретению дорогостоящего основного средства, и вынуждено распределить платежи за него на достаточно длительный период времени с переплатой в пользу лизинговой компании. Лизинговая компания, как правило, являющаяся дочерней организацией крупного коммерческого банка, оплачивает покупку данного объекта и имеет маржу с конечного покупателя за отсрочку платежа.

4 Кузнецова О. Н., Гарькавенко О. Ю. Выбор оптимальной структуры источников финансирования экономического субъекта // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 614-617.

5 Учетно-контрольные системы и бизнес-аналитика в инновационном развитии организаций: модели, схемы и способы практической реализации / Катков Ю. Н., Ковалева Н. Н., Мельгуй А. Э., Дворецкая Ю. А., Дедова О. В., Куликова Г. А., Каткова Е. А., Калининичева В. Н., Кузнецова О. Н., Ложкина С. Л., Ермакова Л. В., Ермашквич Н. И., Афонченко (Никитина) С. В., Щеликова Н. Ю. / Монография. Под научной редакцией Ю. Н. Каткова, Н.Н. Ковалевой. Брянск, 2015.

6 Ермакова Л. В., Гудкова О. В. Анализ инвестиционной привлекательности Брянской области // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 3. С. 252-258.

Развитие лизинга в РФ началось в средние годы последнего десятилетия XX века. Лизинговая деятельность стала успешно развиваться и сейчас приобрела довольно крупные масштабы⁷.

Ипотека – кредит на приобретение недвижимости под ее же залог для обеспечения обязательств перед банком.

В банковской деятельности существует практика предоставления ипотечного кредита без уплаты первоначального взноса, но она имеет повышенный риск, как для кредитной организации, так и для заемщика. В основном ипотечные отношения распространяются не на всю, хотя и на большую, стоимость приобретаемого жилья, остальная часть стоимости приобретаемой недвижимости погашается первоначальным взносом.

В разных коммерческих банках применяются различные условия ипотеки, разрабатываются перспективные программы продвижения ипотечного кредитования. При этом абсолютно все ипотечные сделки должны осуществляться строго в рамках существующих норм законодательства в этой сфере финансовой деятельности.

Перспективные программы по ипотечному кредитованию имеют много плюсов:

- клиент сам выбирает устраивающие его условия в рамках той или иной ипотечной программы;
- уменьшается объем количества справок и прочей сопровождающей сделку документации;
- в зависимости от доходов, сроков займа и вида приобретаемого жилья процентные ставки могут быть разными.

На данном этапе развития банковских технологий во всем мире и на российском рынке банковских услуг лидирующие позиции занимают три важнейших инновационных направления:

- бурный рост в сегменте технологий, связанных с информационным обеспечением и кибернетикой;
- внедрение клиенто-ориентированных моделей ведения банковского бизнеса;
- серьезная работа кредитных организаций по оптимизации своих бизнес-процессов, направленная на повышение эффективности и привлекательности предоставляемых финансовых услуг.

Таким образом, коммерческие банки пересматривают существующую практику ведения бизнеса и максимально внедряют клиентоориентированные технологии. Основным вектором развития банковской системы является активизация процессов в сфере банковских информационных технологий, связанная с глобализацией финансовых потоков и необходимостью кредитных организацией встраиваться в единое кибернетическое пространство. Одним из таких направлений является интернет-банкинг, эффективная организация которого значительно усиливает позиции коммерческого банка в плане его конкурентоспособности.

Финансовые рынки представляют собой сложную и высокотехнологическую среду. Для продажи дополнительных продуктов банк должен владеть максимальным объемом информации, уметь ее анализировать и использовать. На сегодняшний день широко используется система дистанционного банковского обслуживания, посредством интернет-банкинга, мобильного банка, внешних сервисов, телефонного банкинга.

Вопросы безопасности функционирования кредитной организации так же являются важным инновационным направлением и имеют большие перспективы роста. Российское

законодательство делает много шагов навстречу банковскому бизнесу. Принятие ряда законов (контролирующих клиринг, ликвидационный неттинг и т.д.) способствует беспрепятственному масштабному распространению новых финансовых продуктов и услуг на российском финансовом рынке.

Смещение акцента с ценовых и количественных характеристик финансовых продуктов на сервисные и качественные характеристики является основной тенденцией развития банковских инноваций, актуальными становятся скорость и качество обслуживания, индивидуальный подход и клиенту. Общедоступность, множественность каналов доступа, минимизация ручной отработки операций, осуществление операций в режиме реального времени, в независимости от местонахождения и времени суток – это часть запросов клиентов, которые банки стремятся выполнять, так как это приносит конкурентные преимущества. Только применение новых инновационных банковских технологий может позволить кредитной организации удовлетворить большую часть запросов, выдаваемых к ней потребителями банковских услуг.

Таким образом, развитие новых информационных технологий предполагает реализацию инновационных решений участниками банковского бизнеса, что повышает эффективность работы кредитной организации и стимулирует появление определенных нововведений и перспективных банковских продуктов и услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Гудкова О. В., Ермакова Л. В., Мельгуй А. Э. Роль информационных технологий в построении учетно-аналитической системы предприятия // Бюллетень науки и практики. 2016. № 5 (6). С. 116-121.
2. Ермакова Л. В., Гудкова О. В. Анализ инвестиционной привлекательности Брянской области // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 3. С. 252-258.
3. Ермакова Л. В., Дворецкая Ю. А., Мельгуй А. Э. Роль учетной информации в конкурентоспособности бизнеса // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 6 (62). С. 381-384.
4. Ковалева Н. Н., Донцова Л. В., Ковалев А. Ф., Дворецкая Ю. А. Проблемы и перспективы сублизинговых отношений в аграрном сегменте экономики России // Лизинг. 2016. №3. С. 37-44.
5. Кузнецова О. Н., Гарькавенко О. Ю. Выбор оптимальной структуры источников финансирования экономического субъекта // Молодой ученый. 2016. № 9 (113). С. 614-617.
6. Мельгуй А. Э., Дворецкая Ю. А., Ковалева Н. Н. Актуальные вопросы организации системы управленческого учета на предприятии // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 7 (58). С. 38-41.
7. Учетно-контрольные системы и бизнес-аналитика в инновационном развитии организаций: модели, схемы и способы практической реализации / Катков Ю. Н., Ковалева Н. Н., Мельгуй А. Э., Дворецкая Ю. А., Дедова О. В., Куликова Г. А., Каткова Е. А., Калининчева В. Н., Кузнецова О. Н., Ложкина С. Л., Ермакова Л. В., Ермашквич Н. И., Афонченко (Никитина) С. В., Щеликова Н. Ю. / Монография. Под научной редакцией Ю. Н. Каткова, Н.Н. Ковалевой. Брянск, 2015.

7 Ковалева Н. Н., Донцова Л. В., Ковалев А. Ф., Дворецкая Ю. А. Проблемы и перспективы сублизинговых отношений в аграрном сегменте экономики России // Лизинг. 2016. №3. С. 37-44.

ЗАЙЦЕВА Александра Олеговна

магистр экономики, главный специалист дирекции сводной отчетности, ПАО «Банк УРАЛСИБ»

РУДНЕВА Юлия Ринатовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛЕЕВА Нелли Наильевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЭВОЛЮЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

Грамотная оценка эффективности функционирования коммерческого банка позволяет правильно оценить его текущее состояние и перспективы развития. Кроме того, она дает возможность выявить признаки ухудшения финансового состояния банка и предотвратить его банкротство, что особенно актуально в современной экономической ситуации в России. В работе рассмотрена эволюция нормативной базы изменения набора показателей, учитываемых при оценке эффективности банков.

Ключевые слова: показатели эффективности, оценка эффективности, коммерческие банки, финансовая устойчивость.

ZAITSEVA Alexandra Olegovna

master of Economics, chief specialist of the Directorate consolidated financial statements PJSC "Bank URALSIB"

RUDNEVA Yuliya Rinatovna

Ph.D. in Law, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

GALEEVA Nelli Nailjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

EVOLUTION OF THE PERFORMANCE INDICATORS OF THE COMMERCIAL BANK

Competent assessment of efficiency of functioning of commercial bank allows to estimate correctly its current state and the prospects of development. In addition, it provides an opportunity to identify the signs of deterioration in the bank's financial condition and prevent it from bankruptcy, which is especially important in the current economic situation in Russia. The paper considers the evolution of regulatory base of changes in the set of indicators taken into account when evaluating the performance of banks.

Keywords: efficiency indicators, efficiency assessment, commercial banks, financial stability.

Современная модель оценки эффективности кредитной организации, применяемая Банком России как надзорным органом, формировалась постепенно на основе изучения и использования зарубежного опыта, а также накопления собственной практики проведения такой оценки.

До 1995 года для оценки деятельности использовались в основном количественные показатели: общая сумма активов, оплаченный уставный капитал, прибыль и собственный капитал банка. Такой подход к оценке банков отвечал, прежде всего, задаче формирования второго уровня банковской системы, которое началось в 90-е годы двадцатого века. В эти годы Банк России главное внимание уделял количественному росту числа банков, объему их активов и уставного капитала. Оценка качественных сторон деятельности банков и эффективности их деятельности не шла.

Впервые систематизированная методика Банка России по оценке финансового состояния кредитных организаций появилась в 1995 году, когда были разработаны Методические рекомендации по выявлению проблемных банков в рамках

системы раннего реагирования (письмо Банка России от 9 октября 1995г. №15-3-3/668). Согласно этой методике банки ранжировались с использованием четырех основных параметров: достаточности собственного капитала, качества активов, доходности и ликвидности. Построение этой модели базировалось на использовании принципов CAMELS и отвечало потребностям российской экономики.

В начале 1996 года была принята новая методика определения степени проблемности банков (письмо Банка России от 2 апреля 1996 г. № 265), которая расширяла круг показателей, подвергающихся оценке. Таким образом, наряду с оценкой достаточности капитала, финансового результата деятельности рекомендовалось оценивать формирование обязательных

Зайцева А. О.

Руднева Ю. Р.

Галеева Н. Н.

резервов, наличие неоплаченных документов клиентов, уровня просроченной задолженности по ссудам. Эти показатели характеризовали наличие реальных рисков у банков и степень защиты от них посредством оценки полноты и своевременности создания фонда обязательного резервирования. То есть зарождались элементы риск ориентированного надзора в связи с необходимостью скорейшего выздоровления финансовой устойчивости банковской системы России после кризиса 1995 года.

В тот период эти элементы не носили комплексного характера, а касались отдельных внешних проявлений проблем банков.

Но в указанной методике были новации, отражающие совершенствование подхода к оценке финансового состояния банков. К примеру:

- включение в состав критериев оценки резкие изменения собственников или руководителей банка, а также отсутствие положительного аудиторского заключения;
- расширение методического инструментария оценки – динамического ряда анализируемых показателей;
- использование в процессе оценки отдельных сторон финансового состояния нормативных значений показателей.

В результате оценки выделялись две категории банков: финансово устойчивые и проблемные банки.

Можно отметить еще одну отличительную черту начального периода формирования методов оценки финансовой устойчивости банков. Поскольку разрабатываемые Банком России методики носили рекомендательный характер, многие главные территориальные управления Банка России стали искать собственные подходы к определению проблемности банков, что позволило впоследствии найти оптимальную модель, которая отвечает потребностям российской банковской системы.

Так, Главное управление Банком России по Челябинской области в качестве основного показателя стало использовать стабильность роста месячной прибыли банка с учетом инфляционного фактора, выделяя пять типов банков, у которых наблюдается:

- стабилизация динамики прибыли при исходных значительных ее колебаниях;
- усиление колеблемости прибыли при исходном сравнительно стабильном ее значении;
- стабильный рост прибыли;
- стабильное снижение прибыли;
- сравнительно стабильный уровень прибыли.

Главное управление банка России по г. Москве в качестве основного показателя использовало состояние собственного капитала банка.

Национальный банк Башкортостана разработал собственную методику на основе системы CAMELS, адаптировав ее к местным условиям. В отличие от других методик эта методика являлась попыткой создания модели комплексного анализа финансового состояния банков, что впоследствии стало базовым принципом аналитической работы.

В 1997 ЦБ РФ ввел новый порядок оценки финансовой устойчивости кредитных организаций (письмо Банка России от 28.05.1997 г. № 457). Впервые появился нормативный акт, предусматривающий регулярную оценку финансового состояния банков.

Основные положения этой методики следующие.

1 Банки классифицируются на две группы: финансово стабильные и проблемные. В каждой категории выделялись по две группы. Финансово стабильные делились на банки без

признаков финансовых затруднений и банки, имеющие отдельные недостатки. В категории проблемных банков выделялись банки, испытывающие серьезные финансовые трудности, и банки, находящиеся в критическом финансовом положении.

2 В документе давалось описание каждой группы, исходя из комплексного анализа установленных критериев. Сводная оценка проводилась экспертным путем на основе изучения широкого круга формализованных и неформализованных показателей.

3 Критерии классификации банков:

- выполнение действующего законодательства и нормативных актов Банка России;
- своевременность и полнота осуществления платежей клиентов с корреспондентского счета банка;
- динамика абсолютной величины собственных средств банка;
- состояние бухгалтерского учета и отчетности;
- жалобы кредиторов и клиентов на деятельность банка или его филиала;
- неблагоприятное изменение в положении или составе участников и руководителей банка, в частности привлечение капитала сомнительного происхождения.

Таким образом, посредством анализа и оценки состояния экономических нормативов определялось наличие риска платежеспособности, риска ликвидности (нормативы ликвидности), крупных кредитных рисков, депозитного риска и т.д.

Проводилась попытка оценить операционные риски благодаря оценке бухгалтерского учета и отчетности. Впервые Банк России обращает внимание на качество сформированного капитала и финансовое состояние учредителей. Также произведена попытка выявить капитал сомнительного происхождения.

Недостатками методики оставались: слабость комплексного анализа всех сторон деятельности банка (в частности, анализу не подвергалась даже динамика финансового результата); недостаточное внимание качественным аспектам деятельности банка; отсутствие методов оценки качества внутреннего управления и контроля.

Следующий шаг в формировании современной методики стала методика, принятая Банком России под названием «О критериях определения финансового состояния кредитных организаций» (Указание Банка России от 31 марта 2000 г. №766-У).

Особенности такого подхода следующие:

- аналитическая работа Банка России превращена в аналитический процесс на основе изучения ежемесячной отчетности, что позволяет более оперативно выявлять проблемы в банковском секторе и проблемные банки;
- попытка перейти от формальной оценки финансового состояния кредитной организации к содержательной на основе мотивированного суждения;
- попытка усилить внимание к выявлению основных банковских рисков, системе управления ими, организации внутреннего контроля.

Недостатком является отсутствие рекомендаций по анализу качества активов и прибыльности, т.е. факторов, которым в зарубежных методиках уделялось серьезное внимание. В то же время обращалось внимание на такие организационные аспекты, как своевременность представления отчетности в Банк России, выполнение в установленные сроки требований Банка России, а также взятых на себя обязательств по устранению недостатков в деятельности.

В качестве совершенствования методики оценки в 2000 году был разработан программный комплекс «Анализ финансового состояния банка», основанный на использовании передового международного опыта, в частности системы CAMELS. Но этот документ не находил своего логического завершения в рекомендациях Банка России по оценке финансовой устойчивости банка. Он оставался рабочим аналитическим документом.

В январе 2004 года был сделан первый шаг в увязке рекомендаций по анализу и оценке финансовой устойчивости банка, когда банк России издал Указание от 16 января 2004 года № 1379-У «Об оценке финансовой устойчивости банка в целях признания ее достаточной для участия в системе страхования вкладов». Основными новациями в новой модели определения финансовой устойчивости банка стали:

- определение критериев и показателей оценки финансовой устойчивости;
- установление нормативных значений каждого показателя, исходя из четырехбалльной шкалы;
- введение формализованного порядка определения обобщающего балла по каждому из критериев и сводной оценки банка по всем критериям;
- формирования мотивированного суждения по результатам оценки.

Впервые стало оцениваться качество управления. Для этого использовались следующие компоненты: показатель прозрачности структуры собственности; организация системы управления рисками и службы внутреннего контроля. Состояние этих компонентов изучается путем анкетирования каждого банка, а также путем инспектирования отдельных банков, что дает возможность оценить реальную ситуацию в сфере управления банком и его рисками. Оценка осуществляется по четырехбалльной системе.

Данная модель была предназначена для принятия решения о допуске соответствующего банка в систему страхования вкладов после принятия Федерального закона от 23 декабря 2003 года № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках РФ». Банки, вступившие в эту систему, продолжали дифференцироваться по степени проблемности на основе Указания Банка России № 766-У.

Банки, вступившие в систему страхования вкладов, продолжали дифференцироваться по степени проблемности на основе Указания № 766-У. И могло получиться так, что банк, отнесенный к числу финансово стабильных, мог быть признан несоответствующим необходимым требованиям для вступления в систему страхования депозитов.

Факторами, приводящими к такому несоответствию, были:

- оценка состояния системы управления банком, в том числе управление рисками и организация внутреннего контроля, которой уделялось особое внимание при решении вопроса о вступлении банка в систему страхования вкладов;
- отсутствие в Указании банка России №1379-У критериев классификации банков по степени проблемности вследствие предназначения этого документа только для целей обоснования допустимости или недопустимости банка в систему страхования вкладов.

В апреле 2008 года вышло Указание Банка России от 30.04.2008 г. № 2005-У «Об оценке экономического положения банков», которое нормативно закрепило сложившиеся элементы модели оценки финансовой устойчивости Российских банков. Отличие последней модели оценки от предыдущей касается следующих деталей:

1 Расширен и уточнен круг показателей, включаемых в анализ. Была добавлена оценка системы управления рисками, состояния внутреннего контроля и управления стратегическим риском. Оценка управления стратегическим риском впервые подвергается анализу и оценке. Внесены уточнения в оценку показателей ликвидности.

2 В модель включен раздел, посвященный балльной и весовой оценке каждого показателя и их весовые значения, необходимые для формирования сводной оценки. Как указывалось выше, данная методика учитывала прогнозные состояния капитала и доходности при определении сводной оценки.

3 Модель содержит описание требований к отнесению банка к одной из пяти групп экономического состояния. В ранее действовавшей модели имелись четыре группы с подразделением их на две категории: финансово стабильные и проблемные банки. В настоящее время выделение двух категорий банков не предусмотрено.

4 Введено положение и рекомендации доведения единоличным исполнительным органом банка информации Банка России об отнесении банка к определенной классификационной группе и о недостатках в его деятельности до членов совета директоров (наблюдательного совета) и коллегиального исполнительного органа банка.

Таким образом, можно выделить четыре укрупненных этапа формирования современной модели оценки ЦБ РФ эффективности и финансовой устойчивости банков.

I этап – до 1995 г. В это время проводилась количественная оценка деятельности банков, ранжирования банков по степени проблемности не проводилась.

II этап – октябрь 1995 г. - февраль 2000 г. Банк России приступил к выявлению проблемных банков, для этого использовал систему показателей: соблюдение законодательства и нормативных актов Банка России; состояние собственного капитала, ликвидности, своевременность формирования обязательных резервов.

III этап – март 2000 г. - 2008г. Введен расчет сводной оценки по всем критериям.

IV этап – с 2008г. по настоящее время. Адаптация к требованиям Базеля III.

РЕДЬКИНА Татьяна Марковна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационных технологий и управления в государственной сфере и бизнесе Российского государственного гидрометеорологического университета

ПУДОВКИНА Ольга Игоревна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационных технологий и управления в государственной сфере и бизнесе Российского государственного гидрометеорологического университета

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО РЫНКА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

В статье раскрываются особенности современного развития экономики России с учетом влияния санкций, а также определяются перспективы российского рынка. Анализируются проект «Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2017-2019 годы» и другие источники.

Ключевые слова: санкции, экономика, денежно-кредитная политика.

REDKINA Tatyana Markovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Innovative Technologies and Management in the Public Sector and Business sub-faculty of the Russian State Hydrometeorological University

PUDOVKINA Olga Igorevna

Ph.D. in Economics, associate professor of Innovative Technologies and Management in the Public Sector and Business sub-faculty of the Russian State Hydrometeorological University

PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN MARKET IN TERMS OF SANCTIONS

The article reveals the peculiarities of modern development of Russian economy taking into account the impact of the sanctions and defines the prospects for the Russian market. The authors analyze the project "The main directions of the single monetary policy for the years 2017-2019" and other sources.

Keywords: sanctions, economy, monetary policy.

Редькина Т. М.

Пудовкина О. И.

Современное развитие экономически развитых стран подразумевает налаживание эффективных взаимодействий во всех отраслях и сферах деятельности¹. Прежде всего, данное положение позволяет оптимизировать процесс производства, распределения ресурсов и, в конечном итоге, обеспечить занятие прочного конкурентоспособного положения на мировом рынке. Отсюда следует, что современный мировой тренд развития направлен не на обособление экономик и, как ее сопутствующий фактор, повышение конкурентоспособности отдельно взятой страны, а на всемерную глобализацию. Очевидно, что в этих условиях вводимые санкции против России отодвигают ее от дальнейшего участия в этом процессе.

Тем не менее, как отмечают представители Центрального банка Российской Федерации², и согласно данным, полученным по итогам первого и второго кварталов 2016 года, Европейский Союз и США всё меньше оказывают влияние на развитие корпоративного сектора. Как указано в источнике³, российские компании и банки произвели успешное рефинансирование существенной доли внешней задолженности и сократили иностранные обязательства.

1 Проблемы развития экономики и общества: Колл. моногр. / Ермолина М. А., Кирьянов И. В., Кочегарова Е. Д. и др. – St. Louis, 2013. – С. 154.

2 ЦБ прогнозирует снижение влияния санкций на экономику России // Газета.ру [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/business/news/2016/09/16/n_9119357.shtml (дата обращения: 29.09.2016).

3 Там же.

Кроме того, у мегарегулятора появится возможность увеличить международные резервы до \$500 млрд.⁴ Это становится возможным посредством возобновления покупок иностранной валюты у Банка России. Отметим, что данное положение базируется на реализации оптимистического сценария проекта «Основные направления единой денежно-кредитной политики на 2017-2019 годы».

Согласно данному сценарию, будет осуществлен постепенный рост цены на нефть до \$55 за баррель к 2019 году. Подчеркнуто, что для достижения поставленных целевых ориентиров необходимы динамичный и сбалансированный рост глобальной экономики, а также снижение рисков для экономик развивающихся стран. Для пополнения золотовалютных резервов Банка России, ему необходимо купить на внутреннем рынке более \$100 млрд. По словам расчетного аналитика Райффайзенбанка Дениса Порывая, для роста объема годового сальдо текущих операций достаточно, чтобы курс рубля к доллару не изменился при растущей цене нефти, что становится возможным при запуске валютных интервенций со стороны мегарегулятора.

Следует заметить, что в настоящее время зависимость курса национальной валюты от цены на нефть становится всё меньше. Поэтому дальнейшие изменения одного из показате-

4 ЦБ назвал условие покупки валюты в резервы. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/finances/28/09/2016/57eb95f19a7947a888baad79> (дата обращения: 29.09.2016).

телей не всегда будут вести к прогнозируемым изменениям другого. Мало того, данную тенденцию в дальнейшем следует сводить к минимуму. Кроме того, проведение валютных интервенций в одностороннем порядке не приводит к желаемым показателям. При этом в 2016 году Банком России ещё не проводились валютные интервенции⁵. В 2015 году мегарегулятором было куплено валюты на сумму \$10122 млн., а продано – \$2920 млн. В 2014 году Банком России осуществлялась только продажа валютных интервенций.

По тем же источникам, даже незначительный спрос на валюту со стороны Центрального банка Российской Федерации в условиях низких цен на нефть приведет к заметному ослаблению рубля и, как следствие, усилению инфляции. Такое развитие событий не отвечает интересам Центрального банка. В связи с этим валютные интервенции целесообразно проводить мегарегулятору только при устойчиво высоких ценах на нефть.

По заявлению первого зампреда Банка России Дмитрия Тулина, мегарегулятор не определяет точно зависимость наращивания валютных резервов от цен на нефть⁶. В целом, согласно базовому сценарию Центрального банка, поступающей в страну валюты будет достаточно для обслуживания компаниями и банками внешних долгов. Однако в случае негативного сценария при цене на нефть \$25 за баррель мегарегулятор ожидает сокращения международных резервов к 2020 году до \$361 млрд.

Согласно источнику⁷, под «интервенцией» следует понимать процесс совместного взаиморегулирования валютных взаимоотношений, возникающий между странами-участницами, которое выражается в осуществлении единой валютной политики в отношении третьих стран. Отметим в связи с этим, что валютная интервенция осуществляется при активном участии и содействии государств-участников региональных зон, в пределах которых обеспечивается относительно стабильное соотношение курсов валют.

Для операций на валютном рынке используются центральные банки стран-участниц. В целом валютные интервенции проводят с целью воздействия на курс национальной валюты посредством осуществления ее купли-продажи. По своей сути валютная интервенция представляет собой крупную по масштабам валютную операцию, проводимую в рамках обычно кратковременного периода. Однако в условиях усиления глобализации появилась возможность проведения крупномасштабных спекулятивных интервенций.

Таким образом, необходимость проведения валютных интервенций свидетельствует о наличии режима плавающих курсов валют. Также валютные интервенции могут использоваться для контроля за изменчивостью курса, снижения скорости его изменения, поддержания ликвидности валютного рынка, противодействия или содействия ввозу или вывозу капитала и накопления резервов Центрального банка в определенной валюте. В целом валютные интервенции можно характеризовать как поддержание искусственного спроса на

валюту. Критерием успеха интервенции считается ее доходность⁸.

Планируемый рост резервов Центральный банк Российской Федерации связывает с покупкой золота, уменьшением задолженности кредитных организаций перед Банком России по сделкам валютного РЕПО, а также с влиянием переоценки и доходов от инвестирования. Как отмечает первый зампреда Банка России Дмитрий Тулин⁹, дальнейшие действия мегарегулятора по осуществлению валютных интервенций будут согласованы с Минфином Российской Федерации.

Таким образом, на сегодняшний день представляется затруднительным верно оценить действия Центрального банка Российской Федерации в области проводимой им денежно-кредитной политики и влияние мегарегулятора на развитие экономики страны в целом. При этом следует учитывать, что определенный на ближайшую перспективу курс нацелен на активное содействие развитию конкуренции согласно Национальному плану развития конкуренции на 2017-2018 годы¹⁰.

Утверждение данного документа, на наш взгляд, будет свидетельствовать об обоснованности дальнейшего развития экономики России согласно складывающимся тенденциям внутреннего рынка и об отсутствии переориентации на международный рынок. Полагаем, что в таких условиях влияние санкций на развитие экономики будет не существенным, и стремление к их преодолению не будет являться первоочередной задачей к выходу России из финансового кризиса и налаживания эффективного взаимодействия с развитыми странами. Очевидно, что такой подход делает малоперспективным российский рынок для иностранных инвесторов и приводит к необходимости проведения жесткого государственного регулирования¹¹.

Пристатейный библиографический список

1. Проблемы развития экономики и общества: Колл. моногр. / Ермолина М. А., Кирьянов И. В., Кочегарова Е. Д. и др. – St. Louis, 2013.
2. Фархутдинов И. З. Правовые основы и тенденции развития евразийской экономической интеграции: сравнительный анализ междисциплинарного взаимодействия специалистов и ученых в области права государств - членов евразийского экономического союза и СНГ (на основе деятельности Евразийского юридического журнала в 2007-2016 годах) // Евразийская экономическая перспектива: Сб. докл. / Под ред. И. А. Максимцева. – М., 2016.

5 Данные по интервенциям Банка России на внутреннем валютном рынке. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.cbr.ru/hd_base/Default.aspx?Prtid=valint_day (дата обращения: 29.09.2016).

6 Там же.

7 Интервенция_Intervention_это. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://forexaw.com/TERMs/Economic_terms_and_concepts/Economic_and_legal_terminology/l852_ (дата обращения: 29.09.2016).

8 Проблемы развития экономики и общества: Колл. моногр. / Ермолина М. А., Кирьянов И. В., Кочегарова Е. Д. и др. – St. Louis, 2013. – С. 134.

9 Там же.

10 ФАС пропишет план развития конкуренции в президентском указе. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://pravo.ru/news/view/131833/> (дата посещения: 29.09.2016).

11 Фархутдинов И. З. Правовые основы и тенденции развития евразийской экономической интеграции: сравнительный анализ междисциплинарного взаимодействия специалистов и ученых в области права государств-членов евразийского экономического союза и СНГ (на основе деятельности Евразийского юридического журнала в 2007-2016 годах) // Евразийская экономическая перспектива: Сб. докл. / Под ред. И. А. Максимцева. – М., 2016. – С. 156-166.

РЕДЬКИНА Татьяна Марковна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационных технологий и управления в государственной сфере и бизнесе Российского государственного гидрометеорологического университета

САБАНЧИЕВА Динара Хазраталиевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры инновационных технологий и управления в государственной сфере и бизнесе Российского государственного гидрометеорологического университета

СТИМУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В РОССИЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье раскрываются современные проблемы российского рынка, ограниченного количеством иностранных инвестиций.

Ключевые слова: российская экономика, выручка, зарубежные инвестиции, возможности роста инвестиционной активности в России.

REDKINA Tatyana Markovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Innovative Technologies and Management in the Public Sector and Business sub-faculty of the Russian State Hydrometeorological University

SABANCHIEVA Dinara Hazrataliyeva

Ph.D. in Economics, associate professor of Innovative Technologies and Management in the Public Sector and Business sub-faculty of the Russian State Hydrometeorological University

ENCOURAGING OF FOREIGN INVESTMENT IN RUSSIA IN MODERN CONDITIONS

The article is devoted the modern problems of the Russian market, a limited amount of foreign investment.

Keywords: Russian economy, revenues, foreign investment, growth of investment activity in Russia.

Редькина Т. М.

Сабанчиева Д. Х.

Складывающиеся тенденции развития российской экономики свидетельствуют о том, что в настоящее время настал момент определения дальнейшего тренда экономики страны¹. Обоснование необходимости активизации инвестиционной деятельности в России встречается в работах ведущих ученых². Набор реализуемых на различных уровнях управления решений будет способствовать дальнейшему росту или спаду экономического развития, согласовывающегося с инвестиционной активностью³.

Приводимая статистика характеризуется неоднозначностью оцениваемых показателей. Так, общее падение экономики страны, которое было зафиксировано, начиная с 2009 года, способствовало росту выручки и прибыли многих крупных петербургских компаний из обновленного рейтинга РБК 500⁴.

Совокупная выручка 39 попавших в рейтинг петербургских компаний (1801,9 млрд. руб.) за 2015 год увеличилась на 14,2% (в 2014 году выручка тех же компаний составляла 1578,0 млрд. рублей), в то время как выручка всех 500 компаний рейтинга выросла на 15,1%. Чистая прибыль топ-39 петербургского бизнеса, увеличившаяся за 2015 год на 83% (с 48,889 млрд. руб. в 2014 году до 89,248 млрд. руб. в 2015 году), также выросла меньше, чем у топ-500 по России, где рост составил почти 100%. При этом изменился список крупнейших, петербургских компаний за 2015 год. Наблюдавшийся рост был не столько количественный, сколько качественный. Таким тенденциям способствовала как общеэкономическая ситуация в России, так и межотраслевая региональная дифференциация. В Санкт-Петербурге девальвации рубля привела к улучшению условий для осуществления экспорта. Кроме того, инфляция, сопровождающая развитие бизнеса в 2014 и особенно в 2015 годах привела к росту выручки в сетевой рознице, особенно в торговле продуктами питания. Например, лесопромышленной группе «Илим» значимая доля экспорта позволила выйти из убытков 2014 года, более чем на 40% и увеличить выручку в 2015 году. Однако не все хозяйствующие субъекты смогли эффективно использовать вновь образовавшиеся возможности. Главным сдерживающим фактором, например, для автосборочного предприятия «Ниссан Мэнюфэкчуринг Рус» стал недостаточно высокий, около 30% уровень локализации предприятия. Ключевую роль для компании сыграло резкое, в семь раз, увеличение убытков в 2015 году, что привело к снижению производства и падению выручки на 36%.

Падение спроса на употребление пивных напитков в 2015 году привело к уменьшению прибыли «Пивоваренной компа-

- 1 Фархутдинов И. З. Роль России в евразийской интеграции. Интервью с З. М. Фаткудиновым, государственным советником российской федерации 2-го класса, доктором юридических наук, профессором, членом союза писателей СССР и России // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 11 (54). – С. 5-10.
- 2 Фирова И. П., Бикезина Т. В., Михеев В. Л. Новые подходы к регулированию финансовой системы России с учетом рисков непредсказуемости международных финансовых институтов // Экономика и управление. – 2016. – № 7 (129). – С. 43-46; Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право: доктринальные проблемы // Московский журнал международного права. – 2009. – № 4 (76). – С. 163-182.
- 3 Проблемы развития экономики и общества: Колл. моногр. / Ермолина М. А., Кирьянов И. В., Кочегарова Е. Д. и др. – St. Louis, 2013. – С. 89.
- 4 РБК-500: как кризис влияет на развитие крупного петербургского бизнеса. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.rbc.ru/spb_sz/29/09/2016/57ecd59a79477203c5c401?from=main (дата обращения: 29.09.2016).

нии «Балтика» на 28% по сравнению с предыдущим периодом. При этом отмечается рост выручки на 4%⁵. Безусловным лидером в торговой сети за последние три года стала «Лента». В целом, в последние годы для всех крупных продовольственных сетей был характерен рост выручки. Таким образом, несмотря на падение реальных доходов населения, которое, по данным Росстата, составило 4,3%, у продуктовых сетевых магазинов наблюдался рост экономических показателей.

В связи с падением спроса на рынке жилья наблюдались негативные тенденции. Та же тенденция была характерна для продавца бытовой техникой «Юлмарт» и DIY-ритейлера «Максидом». Выручка последнего сократилась на 9%.

В банковской сфере «Акционерный банк Россия» продемонстрировал более энергичный рост выручки, чем конкурент «Банк Санкт-Петербург». Также следует выделить и те компании, которые ранее не присутствовали на рынке и в складывающихся условиях смогли упрочить свои позиции. К ним, в частности, относятся «Полушка», негосударственный пенсионный фонд холдинга «Кит Финанс», поставщик лекарств и товаров медицинского назначения в больницы, аптеки и аптечные сети ГК «БСС», широкопрофильный IT-дистрибутор «Марвел-Дистрибуция», турецкий девелопер, специализирующийся на коммерческой недвижимости (отели, торговые комплексы, заводы и т.п.) и инфраструктуре «Ренессанс Констракшн», нефтяной стивидор «Усть-Луга Ойл», производитель газетной бумаги на «Кондопожском ЦБК» компания «Карелия Палп», грузоперевозочная компания «Деловые линии». Характерно, что треть этих компаний продемонстрировала достаточно энергичный рост выручки.

В целом, как отмечает госсекретарь Министерства экономики, энергетики, промышленности, среднего бизнеса и ремесленничества федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия доктор Гюнтер Хорцецки⁶, санкции стали лишь одной из причин того, что сотрудничество с Россией иностранных партнеров стало не таким активным. Другой важной причиной является современное экономическое развитие России, для которого характерно падение цен на сырье, сопровождающееся падением курса национальной валюты. Согласно источнику⁷, для современных условий характерными негативными моментами становятся спад инвестиций и падение объемов продаж. Положительная тенденция – адаптация к сложившимся условиям. Так, количество немецких предприятий в России сократилось с 6000 в 2015 году до 5600 в 2016 году, что не является критическим и позволяет надеяться на дальнейшее сотрудничество. При этом существенно уменьшился объем двусторонних торговых связей между Северным Рейном – Вестфалией с 9,7 млрд. евро в 2014 году до 7,1 млрд. евро в 2015 году. По мнению Г. Хорцецки⁸, Россия по-прежнему представляет собой гигантский и платежеспособный рынок. При этом дальнейшая модернизация российской экономики возможна за счет инвестиций в промышленные товары. Потребность в таком сотрудничестве, в частности, есть у Вестфалии⁹.

Отметим в связи с этим, что 17 октября 2016 года в Москве пройдет ежегодное заседание Консультативного совета по иностранным инвестициям (КСИИ). Крупнейшие иностранные инвесторы, представленные такими компаниями, как BP, Metro AG, Total S.A., Unilever, встретятся с российским премьером Дмитрием Медведевым для обсуждения своих по-

желаний и проблем¹⁰. Важно заметить, что впервые, начиная с 2014 года, состав совета будет практически полным. Два года назад в аналогичной встрече приняли участие только 29 компаний из 51 участника КСИИ. В этом году в Москву приедут уже 42 члена совета (полный состав 2016 года – 54 компании). Согласно данным ЦБ РФ, в 2014 году был зафиксирован рекордный отток капитала из России – более \$150 млрд.¹¹ По мнению Управляющего партнера E&Y в России Александра Ивлева, сегодняшние тенденции свидетельствуют о положительном сдвиге в экономическом взаимодействии между Россией и странами Запада, несмотря на происходящие в стране преобразования.

Аналитиками «Ренессанс Капитал» среди точек потенциального роста выделяются такие направления, как въездной туризм и сельское хозяйство¹². В свою очередь, способствовать снижению уровня инфляции должно увеличение темпов роста кредитования.

По-видимому, способствовать ускорению возвращения России с неинвестиционного уровня ВВ+ на инвестиционный уровень может только внезапный рост цен на нефть¹³. Старший директор по суверенным рейтингам агентства Standard & Poor's Кристиан Эстерсреди одной из важнейших проблем, требующих скорейшего решения, выделил ограниченный доступ к международным рынкам капитала¹⁴.

Таким образом, дальнейшее налаживание экономических взаимодействий с участниками стран Запада становится возможным в условиях стремления России к такому содействию, а, следовательно, и следованию единым правилам, распространяющимся на всех участников такого взаимодействия. Представляется, что единственным стимулом к привлечению иностранного капитала в различные сферы и отрасли России являются внутренние государственные стимулы, заключающиеся в согласии России с требованиями, предъявляемыми мировыми экономикими.

Пристатейный библиографический список

1. Проблемы развития экономики и общества: Колл. моногр. / Ермолина М. А., Кирьянов И. В., Кочегарова Е. Д. и др. – St. Louis, 2013.
2. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право: доктринальные проблемы // Московский журнал международного права. – 2009. – № 4 (76).
3. Фархутдинов И. З. Роль России в евразийской интеграции. Интервью с З. М. Фаткудиновым, государственным советником российской федерации 2-го класса, доктором юридических наук, профессором, членом союза писателей СССР и России // Евразийский юридический журнал. – 2012. – №11 (54).
4. Фирова И. П., Бикезина Т. В., Михеев В. Л. Новые подходы к регулированию финансовой системы России с учетом рисков непредсказуемости международных финансовых институтов // Экономика и управление. – 2016. – № 7 (129).

10 Медведев впервые с 2014 года соберет почти всех иностранных инвесторов. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/business/26/09/2016/57e3fc9f9a79476a50e6483e> (дата обращения: 29.09.2016).

11 Там же.

12 Экономисты увидели предпосылки для «новой перестройки» в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/25/09/2016/57e6ddd39a7947904ca55fd> (дата посещения: 29.09.2016 г.)

13 S&P назвало маловероятным скорое улучшение кредитного рейтинга России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/economics/21/09/2016/57e296249a79474e4286663a> (дата обращения: 29.09.2016 г.)

14 Там же.

5 Там же.

6 «Россия – гигантский и платежеспособный рынок». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbcplus.ru/news/57e8324f7a8aa9715bc1c2a7> (дата обращения: 29.09.2016).

7 Там же.

8 Там же.

9 «Россия – гигантский и платежеспособный рынок». [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rbcplus.ru/news/57e8324f7a8aa9715bc1c2a7> (дата обращения: 29.09.2016).

СПАССКАЯ Наталья Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета

SWOT-АНАЛИЗ МЕХАНИЗМА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье определяются сильные и слабые стороны, а так же возможности и угрозы механизма функционирования Инвестиционного фонда Российской Федерации.

Ключевые слова: инвестиционный фонд РФ, бюджетные инвестиции.

SPASSKAYA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of the Theory and History of Economics sub-faculty of the Orel State University

SWOT-ANALYSIS OF MECHANISMS OF FUNCTIONING OF RUSSIAN FEDERATION INVESTMENT FUND

The article identifies strengths and weaknesses, as well as opportunities and threats of the mechanism of functioning of the Russian Federation Investment Fund.

Keywords: Russian Investment Fund, budget investments.

Спасская Н. В.

Согласно ст. 179.2 Бюджетного кодекса РФ инвестиционный фонд Российской Федерации представляет собой часть средств федерального бюджета, подлежащую использованию в целях реализации инвестиционных проектов, осуществляемых на принципах государственно-частного партнерства.

Бюджетные ассигнования Фонда предоставляются исключительно для финансирования создания и (или) развития объектов капитального строительства транспортной, энергетической и инженерной инфраструктуры, а также для реализации концессионных проектов.

Предоставление бюджетных инвестиций за счёт средств инвестиционного фонда РФ регулируется Постановлением Правительства РФ от 01.03.2008 г. №134 (ред. от 07.12.2015), где утверждены Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации.¹

Согласно Правилам инвестором проекта, претендующего на получение финансирования, не могут выступать государственные или муниципальные унитарные предприятия, а также хозяйственные товарищества и общества, доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации либо муниципального образования в уставных (складочных) капиталах которых превышает 25 процентов, а также их дочерние общества.

Законом предусмотрены следующие формы предоставления бюджетных ассигнований:

а) бюджетные инвестиции в объекты капитального строительства государственной собственности Российской Федерации, включая финансирование разработки проектной документации на объекты капитального строительства, подготовки и проведения конкурсов на право заключения концессионного соглашения, в том числе подготовки конкурсной докумен-

ции, а также финансирование работ по подготовке территории строительства, включая выкуп земельных участков;

б) субсидии бюджетам субъектов Российской Федерации на софинансирование объектов капитального строительства государственной собственности субъектов Российской Федерации, бюджетные инвестиции в которые осуществляются из бюджетов субъектов Российской Федерации, или на предоставление соответствующих субсидий из бюджетов субъектов Российской Федерации местным бюджетам на софинансирование объектов капитального строительства муниципальной собственности, бюджетные инвестиции в которые осуществляются из местных бюджетов;

в) субсидии на софинансирование разработки проектной документации на объекты капитального строительства государственной собственности субъектов Российской Федерации, предполагаемые к реализации в рамках концессионных соглашений, или предоставления соответствующих субсидий из бюджетов субъектов Российской Федерации на софинансирование разработки проектной документации на объекты капитального строительства муниципальной собственности, предполагаемые к реализации в рамках концессионных соглашений;

г) бюджетные ассигнования в уставные капиталы открытых акционерных обществ, в том числе путем участия в их учреждении;

д) субсидии на осуществление Государственной компанией «Российские автомобильные дороги» деятельности по организации строительства и реконструкции автомобильных дорог, в том числе при реализации концессионных проектов (подпункт дополнительно включен Постановлением Правительства Российской Федерации №647²).

1 Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного (ред. от 07.12.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902089948>.

2 Постановление Правительства Российской Федерации №647 от 23 августа 2010 г. «О внесении изменений в Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации». <http://docs.cntd.ru/document/902231284>

Таблица 1. SWOT-анализ механизма функционирования Инвестиционного фонда Российской Федерации

Сильные стороны	Слабые стороны
<ul style="list-style-type: none"> • Безвозвратность средств. Отличие средств Инвестфонда от средств, привлекаемых инвестором в кредитных организациях, состоит в том, что инвестор не возвращает деньги государству и не уплачивает процент за их использование. • Одна процедура для получения всего объема требуемых бюджетных ассигнований. В отличие от таких ГЧП-инструментов, как, например, ФЦП, через Инвестфонд РФ можно запрашивать средства на финансирование всего мегапроекта, а не отдельных его составляющих. Это существенно упрощает организационные затраты и сокращает сроки получения проектного финансирования. • Оптимальное разделение рисков между участниками проектов. Правилами об Инвестфонде предусмотрено, что риски, связанные с участием в инвестиционном проекте, должны быть сбалансированы между государством и бизнесом. Оптимальным признается разделение рисков 50х50. • Гарантии исполнения обязательств. Инвестиционное соглашение, подписываемое сторонами, в силу своей гражданско-правовой природы гарантирует исполнение сторонами своих обязательств по инвестиционному проекту. • Справедливое разделение выгод между государством и бизнесом: инвестор получает финансирование, а государство – вложение дополнительных средств (инвестора) в приоритетные сферы экономики. • Предоставление бюджетных средств путем их направления в уставные капиталы АО, в том числе путем участия в их учреждении (одна из форм предоставления бюджетных ассигнований Инвестфонда). • Возможность получать средства не только на инфраструктурные, институциональные, но и инновационные проекты. • Возможность укрупнения бизнеса (все вышеперечисленные факторы в комплексе ведут к возможному укрупнению бизнеса инвестора). 	<ul style="list-style-type: none"> • Длительность процедуры получения средств. По опыту сопровождения инвестиционных проектов длительность процедуры получения средств Инвестфонда составляет в среднем около года. • Ограниченный срок предоставления государственной поддержки (5 лет). • Альтернативный характер предоставления бюджетных ассигнований. Сочетание разных форм бюджетных ассигнований в рамках одного проекта запрещено. Так, нельзя запрашивать государственную поддержку одновременно через Инвестфонд и ФЦП/ФАИП. • Правовые ограничения (Бюджетный кодекс РФ, закон № 94-ФЗ) на проведение конкурсного отбора исполнителей работ (услуг), финансируемых за счет бюджетных ассигнований Инвестфонда. Данные ограничения не распространяются на выделение ассигнований в виде взноса в уставный капитал. • Несоответствие некоторых инвестиционных соглашений паспортам проектов. • Низкий уровень освоения бюджетных средств, направленных на реализацию инвестиционных проектов, имеющих общегосударственное значение. • Низкий уровень исполнения обязательств инвесторами.
Возможности	Угрозы
<ul style="list-style-type: none"> • Возможность сочетания ГЧП-инструментов в рамках инвестиционного проекта. Например, при сочетании «Инвестфонд+концессии» за счет бюджетных ассигнований фонда можно финансировать разработку проектной документации по концессионным проектам, а возведение запланированных объектов может быть осуществлено с применением механизмов концессии. При этом инвестор сначала проходит процедуру рассмотрения заявки в Инвестфонде и при принятии положительного решения по ней получает средства Инвестфонда на разработку ПСД, а затем проходит конкурс на заключение концессионного соглашения. • Возможность индексации объема бюджетных ассигнований Инвестфонда на дефляторы, определенные Минэкономразвития. Эта возможность возникнет в будущем. По дефляторам пока только принято решение. 	<ul style="list-style-type: none"> • Угроза несвоевременного финансирования. Возможны ситуации, когда вместо ассигнований в начале финансового года реальное выделение средств может произойти лишь в конце года. • Угроза непрофильного проекта. В случае, если проект заявителя по объективным параметрам не соответствует критериям финансирования проектов через Инвестфонд или его социальная значимость, экономический эффект от его реализации недостаточно обоснованы, проект может не получить финансирования.

Субсидирование региональных инвестиционных проектов осуществляется в пределах утверждаемых ежегодно квот на каждый из субъектов Российской Федерации.

Для получения средств Инвестиционного фонда Российской Федерации должны соблюдаться требования к доле финансирования за счет инвестора (инвесторов):

- для проектов общегосударственного значения не менее 25 процентов;
- для реализации региональных инвестиционных проектов не менее 50 процентов.

Заявителями по проектам общегосударственного значения являются инвесторы, а по проектам регионального значения – высшие органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Для участия в отборе проектов на предоставление бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации заявитель должен предоставить заявку в составе документов, предусмотренных п. 18 (для концессионных проектов п.19) Правил.

SWOT-анализ механизма функционирования Инвестиционного фонда Российской Федерации приведен в таблице 1.

Таким образом, формула поддержки приоритетных инвестиционных проектов государственного и регионального значения нуждается в корректировке. Вместе с тем, потребность в

федеральном институте развития, несомненно, останется. Вне всякого сомнения, государственное управление инвестиционным процессом – одна из ведущих составляющих борьбы за экономическое пространство. По какому бы пути ни пошел процесс экономической модернизации, он нуждается в крупных инвестициях. Совершенно очевидно, что их источником, а значит, и двигателем процесса модернизации, могут в настоящее время выступать лишь собственные, внутренние резервы страны и регионов.

Пристатейный библиографический список

1. Постановление Правительства Российской Федерации №647 от 23 августа 2010 г. «О внесении изменений в Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902231284>.
2. Правила формирования и использования бюджетных ассигнований Инвестиционного фонда (ред. от 07.12.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902089948>.

КОКУШКИНА Ирина Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Санкт-Петербургского государственного университета

СОСТОЯНИЕ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ: РЕАЛИИ И ПРОБЛЕМЫ XXI ВЕКА

В статье раскрываются особенности и характеристики инвестиционных процессов, которые складываются в современной России под влиянием внутренних и внешних политических и экономических факторов и рисков. Автор определяет важнейшие проблемы в сфере правового регулирования инвестиционных отношений и пути их решения.

Ключевые слова: инвестиции, прямые иностранные инвестиции, ПИИ, право, законодательство, инвестиционный климат, глобализация, Россия.

KOKYSHKINA Irina Vladimirovna

Ph.D. in Economics, associate professor of World Economics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

Кокушкина И. В.

THE CONDITION AND LEGAL REGULATION OF INVESTMENT PROCESSES IN RUSSIA: REALITY AND PROBLEMS OF XXI CENTURY

The article reveals features and characteristics of investment processes, which develop in modern Russia under the influence of external and internal political and economic factors and risks. The author defines the major problems in the area of legal regulation of the investment relations as well as ways of their decision.

Keywords: Investment, foreign direct investment, FDI, law, legislation, investment climate, globalization, Russia.

В XXI веке глобализация способствует не только расширению и активизации мирохозяйственных связей в сферах производства, торговли, финансов, инвестиций и технологического обмена, но и возникновению их принципиально новых качеств.

Кроме того, с конца 90-х-начала 2000-х годов многие исследователи¹ отмечают и обосновывают формирование в наиболее развитых государствах так называемой «новой экономики» или «экономики, основанной на знаниях»². В качестве одного из ведущих звеньев «новой экономики» выступает ее финансовая составляющая, которая характеризуется широким использованием инновационных информационно-технологических инструментов в обеспечении функционирования валютно-финансовых систем разного уровня и международного движения капиталов (инвестиций). В этих условиях изменяются и инвестиционные приоритеты, как самих инвесторов, так и стран-реципиентов: наиболее востребованными становятся прямые инвестиции в высокотехнологичные отрасли и инновационные проекты.

Все это происходит при одновременном действии двух процессов: усиления взаимозависимости и взаимосвязанности государств и их национальных хозяйств и в то же время обострения противоречий и конкуренции на мировых рынках, выходящих зачастую в сферу геополитики.

В связи с беспрецедентным всесторонним давлением, которое пытаются оказать на Россию западные партнеры, озабоченные ростом ее влияния в мировой геополитике, насущной необходимостью является переоценка эффективности суще-

ствующих факторов роста, в том числе прямых иностранных инвестиций, и выявления принципиально новых их аспектов.

Перечисленное выше ставит перед нашей страной масштабные задачи ускоренной реструктуризации и модернизации экономики и систем управления, поиска «локомотивов» развития, что предопределяет острую необходимость в инвестиционных ресурсах, в том числе иностранных.

Хотя в начале XXI века экономическое пространство России стало намного более открытым для международной торговли и потоков зарубежного капитала, инвесторы все еще сталкиваются с множеством проблем, негативное восприятие которых усугубляется политическим давлением со стороны своих правительств (экономические санкции, введенные против России), что в совокупности существенно снижает их инвестиционную активность.

Это подтверждается небольшим относительно масштабов российской экономики притоком прямых иностранных инвестиций в 2010-е годы: 2010 г. – 44,6 млрд. долл., 2011 г. – 55 млрд. долл., 2012 г. – 50,5 млрд. долл., 2013 г. – 69,2 млрд. долл., а вот в 2014 году произошло существенное снижение (почти на 70%) до 29,9 млрд. долл.³ в связи с ухудшением экономической конъюнктуры внутреннего рынка и повышением страновых рисков (вследствие падения мировых цен на энергоресурсы, санкций против России, нарастания и обострения политических противоречий в международных отношениях).

В 2015 г. ПИИ в небанковский сектор российской экономики составили, по данным Банка России, всего 6,7 млрд. долл.,

1 См. например: Drucker P. Managing in a Time of Great Change. NY, 1995.

2 Базылев Н. И., Грибанова Н. А. «Новая экономика», ее движущие силы и тенденции развития // Проблемы современной экономики. 2006. №1/2 (17/18).

3 Российский статистический ежегодник 2011-2014. Стат. сб. Росстат. Р.24. Инвестиции. М. 2011-2014; Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения: 29.09.2016 г.).

что в 2,8 раза меньше уровня 2014 г.⁴ При этом, по данным Росстата и Центрального Банка, основной приток инвестиций поступает из оффшорных юрисдикций, что по существу представляет собой возврат некоторой части нелегального оттока капитала из России. Отток капитала из российской экономики составил в 2014 г. 153 млрд. долл., что является максимальным значением за всю историю ведения ЦБ такой статистики — с 1994 г.⁵

Следует отметить, что, согласно данным Доклада о мировых прямых инвестициях ЮНКТАД-2014 и 2015, Россия в 2013 г. занимала 5-е место в мире по притоку ПИИ (первые места занимали США и Китай — 213 и 124 млрд. долл. соответственно). Однако в 2014 г. Россия оказалась только на 16-м месте (из первых 20)⁶. Также в 2013 г., по данным А.Т. Kearney, Россия занимала 11-е место в мире по «Индексу доверия прямых инвесторов», тогда как в 2014 г. и 2015 г. она не вошла даже в первые 25 стран⁷. В соответствии с рейтингом BDO International Business Compass-2015⁸, также демонстрирующим предпочтения инвесторов, из 174 стран Россия заняла только 100-ю строчку (впереди Вьетнам, Никарагуа, Парагвай).

Неудовлетворительна в 2010-е гг. и отраслевая структура инвестиций как отечественных, так и иностранных. Наибольшие объемы ПИИ в 2010 – 2013 гг. поступали в финансовую деятельность и страхование, добычу нефти и газа, оптовую и розничную торговлю, обрабатывающую промышленность. Но уже в 2014 г. произошло снижение притока инвестиций в обрабатывающие производства⁹. Привлекательным для иностранных инвесторов в 2010-е годы является сектор транспорта и связи, а вот сферы образования, НИОКР и фундаментальной науки, а также социальные проекты не вызывают интереса: в 2013 г. – 1 млн. долл., 0,3 млн. и 0 соответственно. В 2014 – 2015 гг. даже эти небольшие суммы снизились до вообще несущественных. Инвесторы предпочитают приглашать наших ученых и специалистов за рубежом.

Очевидно, что концентрация иностранного капитала лишь в нескольких отраслях усиливает и так неравномерное развитие экономики в отраслевом разрезе.

Нерациональна также региональная структура ПИИ, несмотря на то, что многие российские регионы обладают огромным потенциалом привлечения инвестиций. Свыше 70% всех прямых иностранных инвестиций приходится всего на 10 субъектов федерации, в том числе в первую очередь на

Москву, Московскую область, Санкт-Петербург, Ленинградскую область, а также нефтегазовые регионы¹⁰.

Таким образом, очевидно, что в 2014–2016 годах инвестиционные позиции России (как по притоку ПИИ, так и по качеству участия страны в мировых инвестиционных процессах) серьезно ухудшились. Поэтому со всей очевидностью встает проблема разработки новых правовых и экономических механизмов и моделей привлечения прямых иностранных инвестиций в определенные виды экономической деятельности, чтобы перенаправить потоки инвестиционных ресурсов в направления, благоприятные в первую очередь для развития бизнеса в России, в том числе стимулирования экспорта и импортозамещения и реализации национальных интересов. Но, несмотря на существование ряда программ по привлечению зарубежных инвестиций, на общегосударственном уровне еще не сложилось единого концептуального понимания по вопросам о стратегических целях, задачах, региональных приоритетах и структуре импорта инвестиций из-за рубежа. Не менее важным является вопрос об эффективных формах и методах использования привлеченного капитала.

Многообразие указанных выше проблем предопределяет вывод, что для координации, упорядочивания и контроля в инвестиционной сфере России необходима государственная система правового регулирования в сфере привлечения и использования иностранных инвестиций, отвечающая целям создания действенной государственной инвестиционной политики, требованиям развития национальной экономики в русле модернизации, а также реалиям современных международных отношений.

Основным требованием к инвестиционной политике с позиций реализации народнохозяйственных интересов является создание таких правовых и иных условий участникам инвестиционных отношений, которые независимо от субъективных причин (или форс-мажорных обстоятельств) стимулировали бы инвестирование как отечественного, так и зарубежного капитала в наиболее важные для экономического развития страны сферы.

При этом важно подчеркнуть, что в основе инвестиционной политики лежит правовое регулирование отношений собственности с позиций согласования интересов всех собственников — участников инвестиционных отношений¹¹.

Инвестиционная политика современной России формировалась одновременно с развитием рыночной экономики, то есть после 1991 г. Поэтому ее направления, правовая составляющая и механизм реализации только в начале XXI в. приобретают черты, адекватные требованиям этого типа хозяйствования.

Анализируя существующую в России систему правовых актов в инвестиционной сфере¹², можно сделать заключение, что она требует значительной доработки.

4 INTERFAX. Экономика. 02.01.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/490190> (дата обращения: 29.09.2016 г.).

5 Прудникова А., Игнатова О. Инвестиционный процесс в России: влияние геополитических и геоэкономических рисков. // Проблемы теории и практики управления. 2016. №2. С.58.

6 Доклад о мировых инвестициях 2015. «Реформирование управления международными инвестициями». Диаграмма 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldinvestmentreport.org/ru/доклад> (дата обращения: 29.09.2016 г.).

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.atkearney.com/documents/FDI_Confidence_Index (дата обращения: 29.09.2016 г.).

8 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bdo-ibc.com/index/global-comparison> (дата обращения: 29.09.2016 г.).

9 Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения: 29.09.2016 г.).

10 См. подробнее: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wcm/investment> (дата обращения: 29.09.2016 г.); Прямые иностранные инвестиции в России: региональный аспект. Национальное рейтинговое агентство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ra-national.ru> (дата обращения: 29.09.2016 г.).

11 Еще в 1876 г. И.Бентам отмечал: «Собственность и право рождены вместе. До права не было собственности: уберите право и вся собственность исчезнет». – См.: Бентам И. Принципы гражданского кодекса. Цит. по: Гитман Л., Джионк М. Основы инвестирования. СПб, 1999. С.26.

12 См. например: Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право: теория и практика применения.

Многочисленные научные исследования, опросы инвесторов и публикации в текущей прессе называют в течение последних лет практически одни и те же проблемы, с которыми сталкиваются в правовом поле иностранные инвесторы. Это недостаточная разработанность правовой системы регулирования инвестиционной деятельности, недостаток правовых институтов в этой сфере, неточность толкования норм в законах и других правовых документах, волюнтаризм и коррупция в сфере правоприменения, сложности с реализацией государственных гарантий, недостаточность правовой базы регулирования на региональном уровне и т. п.

Учитывая указанные выше существующие в рассматриваемой сфере внутригосударственные проблемы, а также возникшие в последние годы внешние экономические и политические риски (санкции, напряженность и отсутствие взаимопонимания с западными партнерами, что серьезно ухудшает мировую общехозяйственную конъюнктуру), можно определить следующие направления совершенствования правовой составляющей российской инвестиционной политики¹³.

1. Усиление роли государства как гаранта осуществления благоприятного нормативно-правового режима хозяйственной деятельности отечественных и зарубежных инвесторов, в том числе: обеспечение законодательных гарантий инвесторам в сохранении стабильных условий хозяйствования (так, в частности, А.С. Бутузова и Е.В. Афанасьева предлагают введение «стабилизационной оговорки, в которой была бы реализована полноценная гарантия от вступления в силу федеральных законов и иных нормативно-правовых актов», изменяющих условия их хозяйствования в течение всего периода инвестиционного проекта¹⁴); отказ от избыточного нормативного вмешательства в дела бизнеса; введение действенных законодательных и практических механизмов защиты интересов и прав инвесторов при реализации инвестиционных проектов (возможно, создание специальных арбитражных судов); полное устранение нестыковок между федеральной и региональной нормативно-законодательными базами; действенная правовая защита коммерческой и личной информации и др.

2. Снижение коммерческих и некоммерческих рисков отечественных и иностранных инвестиций¹⁵, что требует: использовать в полной мере преимущества международной правовой среды; осуществлять дальнейшую обоснованную либерализацию внешнеторгового и налогового режимов для ввоза в Россию современного оборудования, необходимого для модернизации действующих предприятий; решить вопросы о собственности на землю под приватизированными зданиями; разработать четкие правовые и экономические критерии пре-

доставления льгот для инвестиционных проектов, обеспечивающих максимальный экономический народнохозяйственный эффект; разработать новые механизмы страхования в сфере инвестиционной деятельности и др.

3. Создание долгосрочных взаимосвязанных федеральных и региональных концепций и программ развития инвестиционных отношений, для чего необходимо: определение стратегических целей и приоритетов привлечения ПИИ; выявление наиболее целесообразных в различных социально-экономических условиях форм и методов регулирования; установление жесткой правовой ответственности за неисполнение мероприятий и нецелевое расходование финансовых средств, выделенным государством для обеспечения таких программ и др.

Важнейшие задачи инвестиционной политики государства в среднесрочной и долгосрочной перспективе должны быть связаны с решением комплекса проблем в рамках следующих направлений:

- восстановление инвестиционного потенциала и внутренних инвестиционных ресурсов национальной экономики;
- развитие институтов коллективного инвестирования, в том числе негосударственных пенсионных фондов, страховых компаний и паевых инвестиционных фондов;
- выравнивание социально-экономических характеристик регионов;

- решение комплекса связанных проблем: формирование современной социальной инфраструктуры; повышение уровня жизни; улучшение социально-демографической ситуации и т. д.;

- использование преимуществ международной интеграции не только в рамках СНГ (прежде всего в составе Таможенного союза и ЕАЭС), но также ШОС и БРИКС.

- продвижение российских инвестиционных проектов на зарубежные рынки, в том числе в страны СНГ, Китай и другие страны БРИКС¹⁶ и др.

Не менее важное значение имеют следующие задачи:

Привлечение стратегических инвесторов, для чего необходимо: обеспечение общей стабильности; стимулирование привлечения инвестиций в реальный сектор и особо важные для страны инфраструктурные объекты, кластеры, способствующие инновационно-технологическому прорыву России; проекты, обеспечивающие экологическую безопасность и достижение социальных целей (повышение доходов населения) и т. д.

Формирование привлекательного инвестиционного имиджа России. Для этого необходимо: осуществлять постоянный мониторинг мнений и проблем инвесторов; начать наконец действительную борьбу с коррупцией¹⁷; усилить позитивное представление России в зарубежных средствах массовой информации; способствовать развитию социальной ответственности и патриотизма отечественного бизнеса и т. д. Безусловно, данное направление в современных реалиях представляет особую сложность.

Кроме того, следует усилить государственный контроль за соблюдением иностранными компаниями инвестиционных обязательств. Первоочередной задачей также является и переход от ничем не ограниченного привлечения иностранного капитала к

М., 2005. С.309-362; Фархутдинов И.З. Международное инвестиционное право и процесс. М.: Волтерс-Клувер, 2010. С.77-83; 91-101; Саркисян Г.Р. Особенности правового режима иностранных инвестиций в России // Право и политика. 2006. №11; Алексеев А.П. К вопросу о методе правового регулирования прямых иностранных инвестиций // Актуальные проблемы права. Сб. науч. трудов / под ред. Филяниной И. М., Гарбара А.В. Вып.2 Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2013. С.6-16.

13 Кокушкина И. В. Управление инвестиционным процессом в России: правовые аспекты // Юридическая мысль. 2010. №2 (58). С. 66-74.

14 Бутузова А. С., Афанасьева Е. В. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России // Молодой ученый. 2015. №8. С. 713.

15 Каюмов Р. И. Политические риски: как обезопасить от них иностранные инвестиции? // Право и политика. 2006. №6.

16 См.: Бек М. А. Сравнительный анализ экономического развития стран БРИКС: роль инвестиций, инноваций, менеджмента и институтов // Grebennikov: Business Career. 2013. №3. С. 190-204; Хейфец Б. Дорожная карта инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // МЭ и МО. 2013. №6. С. 19-28; и др.

17 Так, по Индексу восприятия коррупции (The Corruption Perceptions Index) Transparency International 2015 (168 стран) Россия занимает 119-е место (2014 г. – 136-е).

выборочному, с учетом прежде всего качественных характеристик инвестиционных проектов (как делается, например, в Китае).

Очевидно, что реализация указанных направлений требует дополнений в соответствующих отраслях права (гражданского, земельного, экологического, уголовного и др.).

Анализируя тенденции развития инвестиционных процессов в экономике Российской Федерации в начале XXI в.¹⁸, можно сделать вывод, что масштабы привлечения иностранного капитала, его отраслевая, региональная и видовая структура неудовлетворительны¹⁹, если исходить из потенциальных возможностей такой огромной страны, как Россия. Оптимизация размещения в российской экономике прямых иностранных инвестиций предполагает выбор обоснованной и долгосрочной несырьевой экономической специализации страны, обеспечивающей ее национальную безопасность. При этом необходимо стремиться к тому, чтобы позитивные итоги иностранного присутствия перевешивали в сложных современных геополитических и геоэкономических условиях негативные.

В контексте данного исследования необходимо подчеркнуть, что, несмотря на показанные выше проблемы, логика развития современных экономических и политических процессов позволяет с осторожным оптимизмом утверждать, что с 2017 года негативные тенденции развития инвестиционных процессов в России ослабнут, и начнется постепенное улучшение всех их характеристик²⁰.

В заключение отметим, что реализация очерченных выше целей требует незамедлительных, значительных и масштабных действий во всех сферах общественной жизни России, в политике и экономике и, прежде всего, формирования современной правовой системы как основы необходимых преобразований.

Пристатейный библиографический список

- Алексеев А. П. К вопросу о методе правового регулирования прямых иностранных инвестиций // Актуальные проблемы права. Сб. науч. трудов / под ред. Филяниной И. М., Гарбара А. В. Вып. 2 Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2013. С. 6-16.
- Базылев Н. И., Грибанова Н. А. «Новая экономика», ее движущие силы и тенденции развития // Проблемы современной экономики. 2006. №1/2 (17/18).
- Бек М. А. Сравнительный анализ экономического развития стран БРИКС: роль инвестиций, инноваций, менеджмента и институтов // Grebennikov: Business Career. 2013. №3. С. 190-204.
- Бентам И. Принципы гражданского кодекса. Цит. по: Гитман Л., Джионк М. Основы инвестирования. СПб, 1999. С. 26
- См., например: Доклад Минэкономразвития РФ. Текущее состояние инвестиционного климата и бизнес-среды в России. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- Так, в 2010–2015 гг. в структуре привлеченных инвестиций преобладают прочие — в среднем 80% от их общего объема. – См.: Инвестиции. Российский статистический ежегодник. 2011–2014. Стат. сб. Росстат. М. 2011–2014. Р. 23, 24; Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- См., например: Могилат А. Н. Прямые иностранные инвестиции в реальный сектор российской экономики: взгляд с микроуровня и прогноз до 2017 г. // Вопросы экономики. 2015. №6.
- Бутузова А. С., Афанасьева Е. В. Правовое регулирование иностранных инвестиций в России // Молодой ученый. 2015. №8. С. 713.
- Доклад Минэкономразвития РФ. Текущее состояние инвестиционного климата и бизнес-среды в России. 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru> (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- Доклад о мировых инвестициях 2015. «Реформирование управления международными инвестициями». Диаграмма 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldinvestmentreport.org/ru/доклад> (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- Каюмов Р. И. Политические риски: как обезопасить от них иностранные инвестиции? // Право и политика. 2006. №6.
- Кокушкина И. В. Управление инвестиционным процессом в России: правовые аспекты // Юридическая мысль. 2010. №2 (58). С. 66-74.
- Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- Инвестиции. Российский статистический ежегодник. 2011–2014. Стат. сб. Росстат. М. 2011–2014. Р. 23, 24.
- Могилат А. Н. Прямые иностранные инвестиции в реальный сектор российской экономики: взгляд с микроуровня и прогноз до 2017 г. // Вопросы экономики. 2015. №6.
- Российский статистический ежегодник 2011 – 2014. Стат. сб. Росстат. Р. 24. Инвестиции. М. 2011–2014; Официальный сайт Центрального Банка Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics> (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- Прудникова А., Игнатова О. Инвестиционный процесс в России: влияние геополитических и геоэкономических рисков // Проблемы теории и практики управления. 2016. №2. С. 58.
- Саркисян Г. Р. Особенности правового режима иностранных инвестиций в России // Право и политика. 2006. № 11.
- Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право и процесс. М.: Волтерс-Клувер, 2010.
- Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право: теория и практика применения. М., 2005.
- Хейфец Б. Дорожная карта инвестиционного сотрудничества стран БРИКС // МЭ и МО. 2013. №6. С. 19-28.
- Drucker P. Managing in a Time of Great Change. NY, 1995.
- INTERFAX. Экономика. 02.01.2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.interfax.ru/business/490190> (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.atkearney.com/documents/FDI_Confidence_Index (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bdo-ibc.com/index/global-comparison> (дата обращения: 29.09.2016 г.).
- [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/wcm/investment> (дата обращения: 29.09.2016 г.); Прямые иностранные инвестиции в России: региональный аспект. Национальное рейтинговое агентство. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ra-national.ru> (дата обращения: 29.09.2016 г.).

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЧЕРВЯКОВА Кристина Александровна

магистр кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕТА ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ЗАТРАТ ГЕОЛОГОРАЗВЕДОЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассмотрены особенности организации учета производственных затрат геологоразведочного предприятия, на которую непосредственное влияние оказывают территориальные, горно-геологические, климатические и других факторы. Особое значение для порядка отражения затрат геологоразведочного предприятия имеет геологический риск, под которым понимается возможный финансовый ущерб, наступающий при не подтверждении запасов полезных ископаемых определенных категорий. Проанализированы отечественные и международные стандарты бухгалтерского учета, регламентирующие учет затрат геологоразведочного предприятия.

Рассмотрены вопросы, подлежащие раскрытию в учетной политике предприятия подлежащих раскрытию в учетной политике при осуществлении затрат на геологоразведку.

Ключевые слова: Геологоразведочное предприятие, производственные затраты, учет затрат, учетная политика, затраты на геологоразведку, стандарты бухгалтерского учета.

GAREEVA Zemfira Anisovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

CHERVYAKOVA Kristina Alexandrovna

magister of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

PECULIARITIES OF ORGANIZATION OF ACCOUNTING OF PRODUCTION EXPENSES EXPLORATION ENTERPRISE

In the article the peculiarities of organization of accounting of production costs exploration enterprise that is directly influenced by territorial, geological, climatic and other factors. Of particular importance for the reflection order of the exploration costs of the company has the geological risk, which refers to the possible financial detriment occurring in the non-confirmation of mineral reserves categories. Analyzed domestic and international accounting standards governing the accounting for costs of exploration company.

The issues subject to disclosure in accounting policy should be disclosed in the accounting policies in the implementation of the exploration costs.

Key words: Exploration company, production costs, cost accounting, accounting policy, exploration and evaluation assets. accounting standards.

Гареева З. А.

Червякова К. А.

Геологоразведочные предприятия характеризуются значительными объемами капитальных и текущих затрат, их зависимостью от территориальных, горно-геологических, климатических и других факторов, которые также оказывают влияние на учет затрат.

Геологоразведочные работы осуществляются в несколько этапов, представленных на рисунке 1. Это связано с технологическими особенностями деятельности геологоразведочного производства. Они оказывают непосредственное влияние на структуру производственных затрат.

Так, необходимость наличия права на пользование недрами приводит к затратам, осуществляемым в целях приобретения лицензии, без которой невозможно проведение работ и получение которой возможно лишь на конкурсной основе. С этим связаны затраты на приобретение лицензии, разработку проекта работ, на участие в конкурсе и другие. Затраты, формирующие стоимость лицензии, будут относиться к

капитализированным затратам и в себестоимость геологоразведочных работ попадут только через амортизацию. Именно на этом этапе формируется стоимость поисковых активов, это затраты так называемого этапа предварительных работ. Этап непосредственно геологоразведочных работ так же влияет на организацию учета затрат.

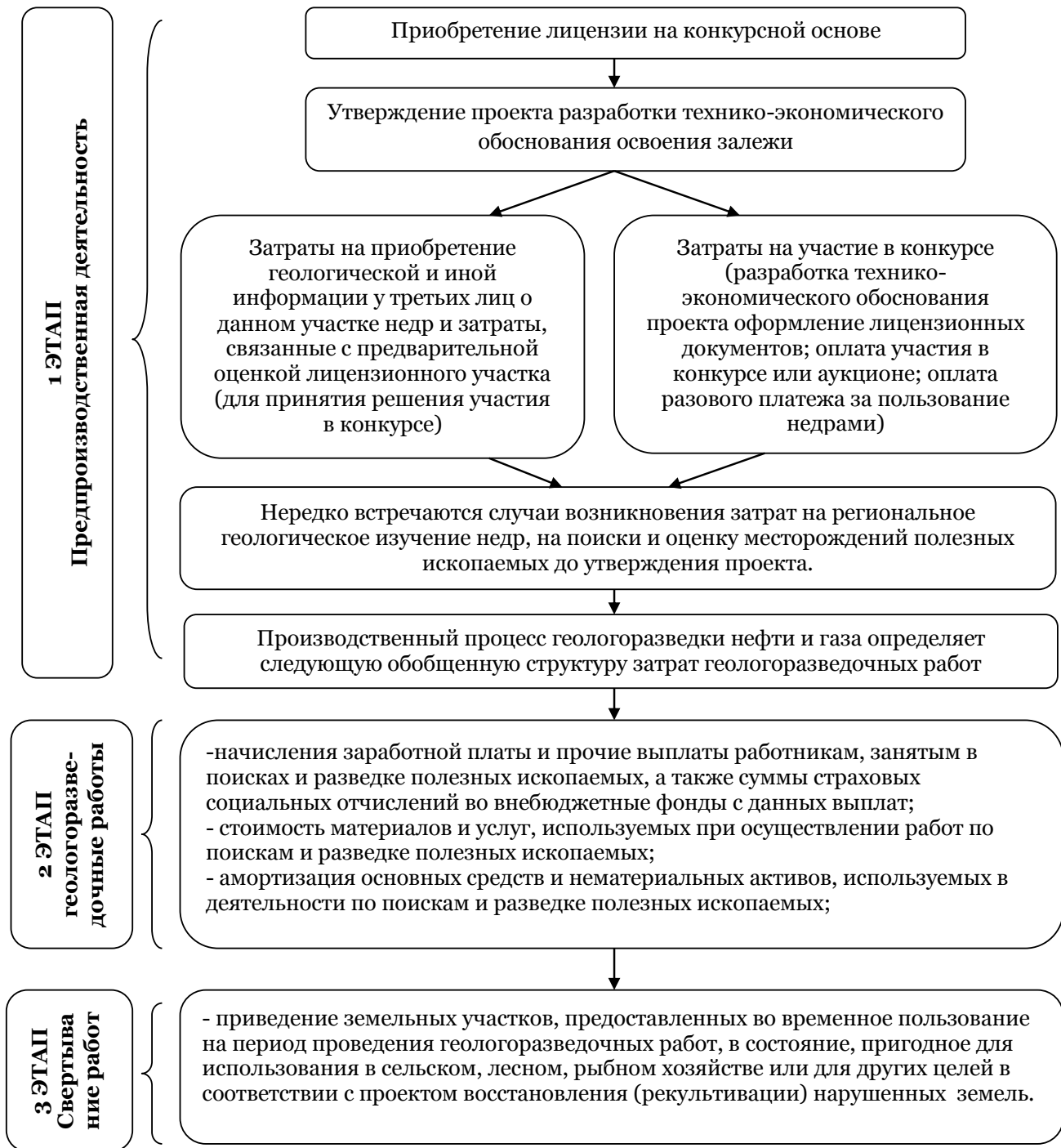
После осуществления геологоразведочных работ, согласно закону «О недрах»¹ возникает необходимость осуществления затрат на восстановление земель. Такие затраты мы отнесли к этапу свертывания работ.

Выявленные нами особенности осуществления геологоразведочных работ, влияющих на организацию учета затрат геологоразведочных работ представлены на рисунке 2. К ним

1 ФЗ «О недрах» (в редакции Федерального закона от 3 марта 1995 года N 27-ФЗ) (с изменениями на 3 июля 2016 года) (редакция, действующая с 3 октября 2016 года)

Рисунок 1. Последовательность осуществления затрат геологоразведочного предприятия

относится необходимость учета отдаленности объектов исследования, сезонности работ и обособленного учета затрат на разработку скважин.

Учет указанных затрат геологоразведочного предприятия может осуществляться по элементам и статьям калькуляции, представленным в таблице 1.

Видно, что перечень статей калькуляции отражает специфику геологоразведочных работ и включает затраты, перечисленные нами ранее, например на оплату труда рабочих с учетом полевого довольствия или надбавок за вахтовый метод работ; амортизацию оборудования и лицензии, природоохранные мероприятия.

Порядок учета расходов связанных с геологоразведочными работами для целей налогообложения прибыли определен статьями 261,325 глава 25 НК РФ. Расходы на освоение природ-

ных ресурсов признаются для целей налогообложения с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором завершены данные работы (этапы работ), и включаются в состав прочих расходов в следующем порядке представленном в таблице 2.

Учет затрат на геологоразведочные работы регламентируется непосредственно ПБУ 24/2011 «Учет затрат на освоение природных ресурсов»², а так же международными стандартами. Стандарты МСФО, регламентирующие учет затрат геологоразведочного предприятия представлены в таблице 3.

2 Положение по бухгалтерскому учету «Учет затрат на освоение природных ресурсов» (ПБУ 24/2011) (утв. приказом Минфина РФ от 6 октября 2011 г. N 125н) Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12192402/#block_1000#ixzz4N9Nmy4fe

Рисунок 2. Особенности геологоразведочных работ, влияющих на организацию учета затрат непосредственно геологоразведочных работ

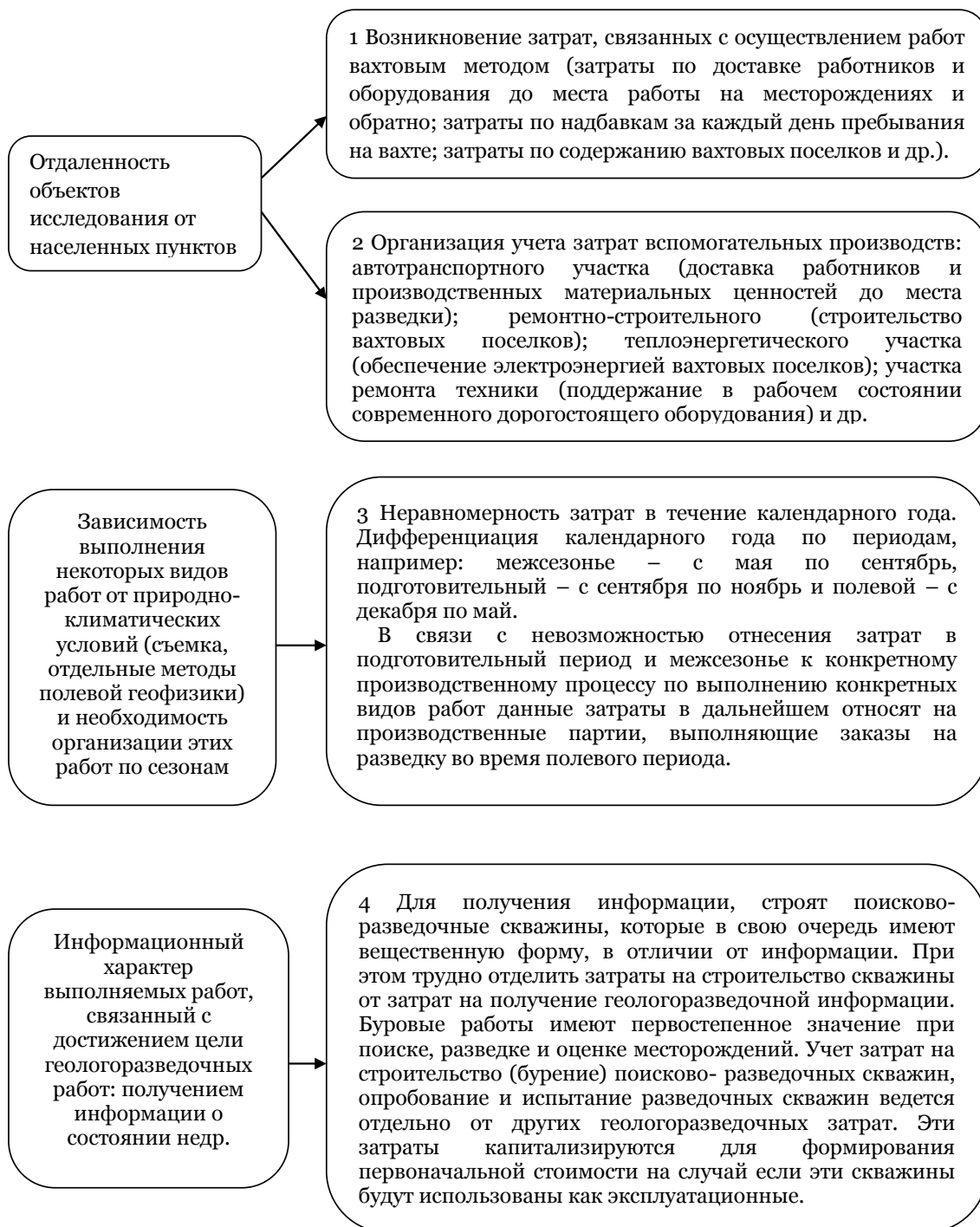

Таблица 1. Классификация затрат геологоразведочного предприятия по элементам и статьям калькуляции

Классификация затрат		
Элементы затрат (носит обязательный характер)		Статьи калькуляции (носит рекомендательный характер)
В ПБУ 10/99	В НК РФ	В отраслевых методических рекомендациях
<ul style="list-style-type: none"> - материальные затраты; - затраты на оплату труда; - отчисления на соц. нужды; - амортизация; - прочие затраты. 	<ul style="list-style-type: none"> - материальные расходы; - расходы на оплату труда; - сумма начисленной амортизации; - прочие расходы. 	<ul style="list-style-type: none"> - материалы, электроэнергия; - основная заработная плата (с учетом полевого довольствия или надбавок за вахтовый метод работ); - отчисления на социальное страхование; - амортизация (оборудования и лицензии); - услуги вспомогательных производств; - сторонние услуги (транспортные, природоохранные); - лабораторные работы (исследования результатов разведки); - прочие производственные затраты; - накладные расходы.

Таблица 2 – Порядок признания прочих расходов связанных с освоением природных ресурсов, включаемых в состав прочих расходов

Перечень расходов	Порядок включения в состав расходов
Расходы на поиски разведку полезных ископаемых, а также расходы на приобретение геологической информации и иной информации у третьих лиц	Включаются в состав расходов равномерно в течение 12 месяцев;
Расходы на подготовку территории к ведению горных, строительных и других работ работ в соответствии с установленными требованиями к безопасности, охране земель, недр и других природных ресурсов и окружающей среды.	Включаются в состав прочих расходов в течение 5 лет, но не более срока эксплуатации
Расходы на возмещение комплексного ущерба, наносимого природным ресурсам землепользователями в процессе строительства и эксплуатации объектов, на переселение и выплату компенсаций за снос жилья в процессе разработки месторождений, а также на возмещение потерь сельскохозяйственного производства при изъятии земель для нужд, не связанных с сельскохозяйственным производством, при уничтожении, порче оленьих пастбищ	Включаются в состав прочих расходов в течение 5 лет, но не более срока эксплуатации
Если освоение природных ресурсов по соответствующему участку недр оказались безрезультатными, то произведенные расходы признаются для целей налогообложения с 1-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором налогоплательщик уведомил федеральный орган управления государственным фондом недр или его территориальное подразделение о прекращении дальнейших геолого-поисковых, геологоразведочных и иных работ на этом участке, в связи с их бесперспективностью.	

Таблица 3 – Стандарты МСФО, регламентирующие учет затрат геологоразведочного предприятия

Элемент	IFRS 6
Предназначение	Регулирование порядка учета затрат, связанных с разведкой и оценкой полезных ископаемых у компаний добывающих отраслей в части вопросов, не охваченных IAS 16 «Основные средства» и IAS 38 «нематериальные активы»
Сфера действия	Порядок учета и раскрытия информации о затратах, связанных с разведкой и оценкой полезных ископаемых, понесенных организациями после получения законных прав на разведку и оценку в данной области, но до определения технической осуществимости и рентабельности месторождения.
Раскрытие информации финансовой отчетности	Предприятие должно раскрывать следующую информацию: - учетную политику предприятия в отношении затрат, связанных с разведкой и оценкой, включая признание активов, связанных с разведкой и оценкой. - суммы активов, обязательств, доходов и расходов, а также движения денежных средств от операционной и инвестиционной деятельности, возникающие в результате разведки и оценки запасов полезных ископаемых. Предприятие должно рассматривать активы, связанные с разведкой и оценкой, в качестве отдельного вида активов и раскрывать информацию в соответствии с требованиями либо МСФО (IAS) 16, либо МСФО (IAS) 38 в зависимости от того, как классифицированы данные активы

Пункт 29 ПБУ 24 определяет перечень вопросов, подлежащих раскрытию в учетной политике при осуществлении затрат на геологоразведку. По нашему мнению, стандарты во всех существенных аспектах схожи и формирование разумной учетной политики предприятия позволяет избежать корректировок при трансформации отчетности.

Пристатейный библиографический список

1. ФЗ «О недрах» (в редакции Федерального закона от 3 марта 1995 года N 27-ФЗ) (с изменениями на 3 июля 2016 года) (редакция, действующая с 3 октября 2016 года)
2. Положение по бухгалтерскому учету «Учет затрат на освоение природных ресурсов» (ПБУ 24/2011) (утв. приказом Минфина РФ от 6 октября 2011 г. N 125н) Система ГАРАНТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.garant.ru/12192402/#block_1000#ixzz4N9Nmy4fe
3. Умаров Х.С. Возможности и перспективы исламской модели бухгалтерского учета в России / Х.С. Умаров // Финансовый бизнес. 2016. № 1 (180). С. 27-32.
4. Умаров Х.С. О бухгалтерской отчетности в исламских страховых компаниях: стандарт СФУ 12 АА-ОИФИ/ Х.С. Умаров // Страховое дело. 2013. № 6 (243). С. 52-57.
5. Умаров Х.С. Формирование методики адаптации исламского бухгалтерского учета к РСБУ / Х.С. Умаров // Аудитор. 2015. Т. 1. № 4. С. 58-63.

ГАРЕЕВА Земфира Анисовна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ГАЛИЕВ Аяз Альбертович

магистр кафедры бухгалтерского учета и аудита, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТРУМЕНТАРИЯ КОНТРОЛЛИНГА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ПРЕДПРИЯТИЙ НЕФТЯНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аннотация: основной задачей контроллинга инвестиций является достижение целей предприятия в сфере инвестиционной деятельности. Для решения этой задачи предлагается организация инвестиционной деятельности с учетом методологических принципов и концепции контроллинга. Важным достоинством организации цикла контроллинга инвестиций является возможность осуществлять оперативный анализ состояния инвестиционного проекта и коррекции целевых ориентиров его реализации. Так же рассматривается возможность использования предприятиями нефтегазового комплекса имитационных моделей в своей деятельности для контроля за реализацией инвестиционных проектов. Данные модели позволяют оптимизировать результаты производственно-хозяйственной деятельности, перераспределяя ресурсы и таким образом осуществлять оперативный контроль реализации проектов.

Ключевые слова: контроллинг, инвестиции, нефтегазовая отрасль, имитационная модель.

GAREEVA Zemfira Anisovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty, Ufa State Petroleum Technological University

GALIEV Ayaz Albertovich

master of Accounting and Audit sub-faculty, Ufa State Petroleum Technological University

CONTROLLING THE USE OF TOOLS IN PROJECTS OF OIL INDUSTRY

The main objective of controlling investments is to achieve the objectives of the enterprise in the field of investment activity. To solve this problem the organization of investment activities, taking into account the methodological principles and controlling concept. An important advantage of the organization controlling the cycle of investment is an opportunity to implement an operational analysis of the use of oil and gas complex simulation models in their activities to monitor the implementation of investment projects. These models allow you to optimize the results of production and business activities, reallocating resources and thus to exercise operational control projects.

Keywords: controlling, investment, oil and gas, the simulation model.

В качестве основных задач контроллинга инвестиций выделяется конкретизация и достижение целей предприятия в сфере инвестиционной деятельности, обеспечение информационной поддержки для принятия верных управленческих решений по вариантам инвестиций. Возможность применения концепции контроллинга в инвестиционной деятельности предприятия обсуждается многими российскими и зарубежными исследователями, рассматриваются особенности внедрения и функционирования этой концепции в рассматриваемой специфической деятельности предприятия¹. Так, в рамках внедрения концепции контроллинга в инвестиционную деятельность оптимальным образом решается целый ряд актуальных задач за счет организации инвестиционной

деятельности с помощью цикла контроллинга² с учетом методологических принципов концепции контроллинга.

Данное решение может быть успешно реализовано и в рамках контроллинга инвестиций на предприятиях ТЭК. Отмечается, что важным достоинством организации цикла контроллинга инвестиций является возможность осуществлять оперативный анализ состояния инвестиционного проекта и коррекции при необходимости целевых ориентиров его реализации. Алгоритм коррекции состояния инвестиционных проектов позволяет оперативно принимать необходимые решения компетентным уровнем инвестиционного менеджмента и использовать накопленную релевантную информацию.

Привлечение инвестиций в нефтяную отрасль предполагает необходимость использования предприятиями нефтегазового комплекса имитационных моделей в своей деятельности для контроля за реализацией инвестиционных проектов.

Гареева З. А.

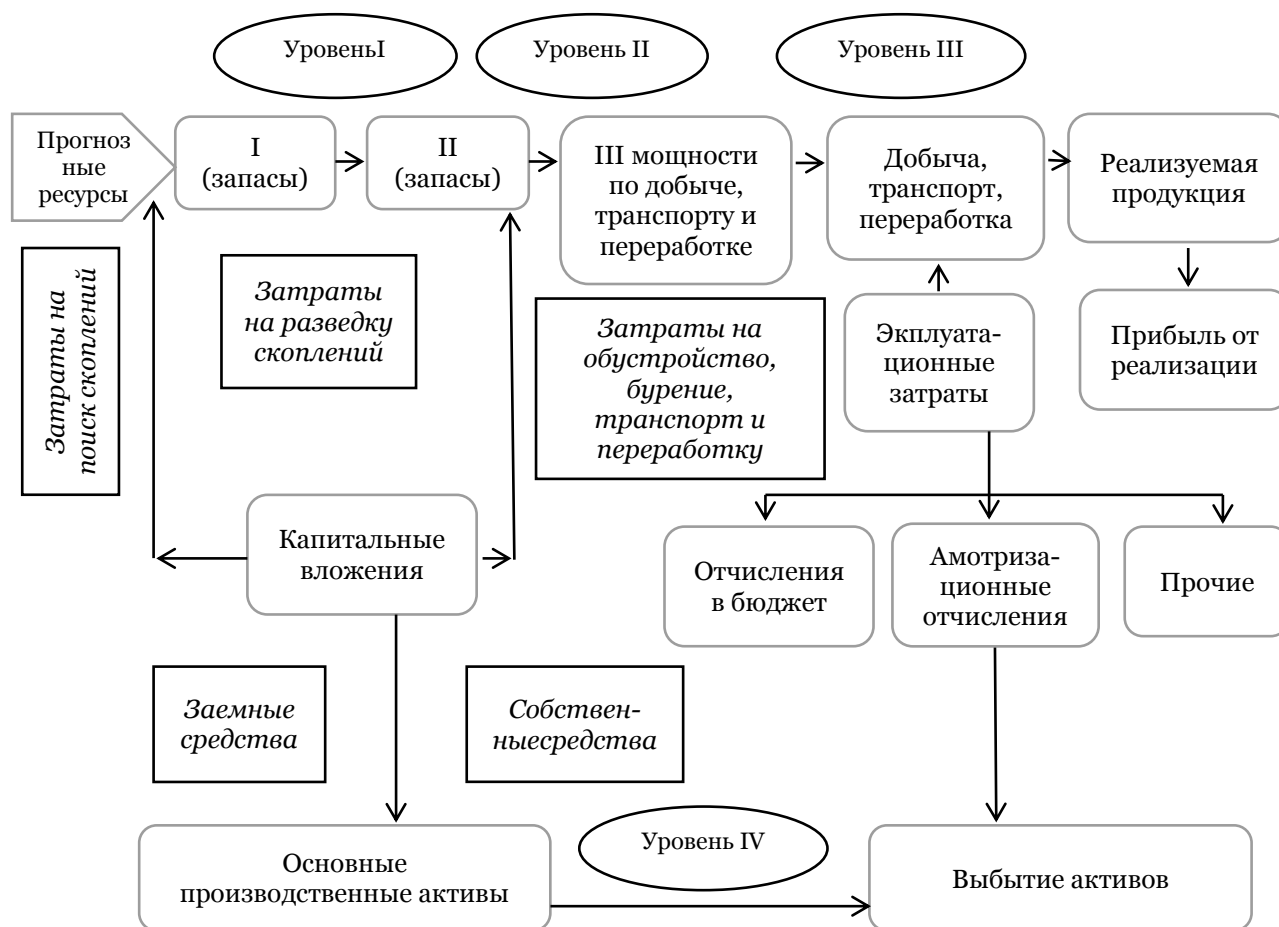

Галиев А. А.

1 Осташкин М. А. Контроллинг в системе управления предприятий топливно-энергетического комплекса (ТЭК) – М.: ЭЛИТ, 2013. – 208 с.

2 Медведев А. В. Замкнутый цикл контроллинга инвестиций: технология и инструментарий // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2010. № 1 С. 123-129.

Рисунок 1. Блок-схема агрегированной модели развития предприятия нефтяной промышленности

Данные модели позволяют оптимизировать результаты производственно-хозяйственной деятельности, перераспределяя ресурсы и таким образом осуществлять оперативный контроль реализации проектов.

С помощью подобных моделей возможно построение структурной схемы на основе производственных процессов, включающих поиск, разведку, разработку, добычу, транспортировку и нефтепереработку. Ожидается, что в период до 2025 г. основной объем инвестиций в нефтеперерабатывающую промышленность мира будет направляться на совершенствование действующих мощностей с учетом растущих требований по охране окружающей среды³.

Структура имитационной модели состоит из следующих основных элементов:

1. Уровня, характеризующего накопление ресурса производства (запасы, основные активы и т.д.) по отдельным объектам (месторождениям, предприятиям, отдельным районам и т.д.);
2. Потока, перемещающего содержание одного уровня к другому;
3. Функции, регулирующей темпы потока ресурсов;
4. Канала информации, соединяющего функции решения с уровнями.

Для учета лаговых смещений и запаздываний в модели используются специальные уровни – задержки, в которых темпы входящих потоков не соответствуют темпам выходящих

потоков. В результате этих процессов уровни могут равномерно наполняться и периодически освобождаться. Этот элемент играет весьма важную роль в моделировании воспроизводственных процессов, так как при осуществлении капитального строительства строящиеся объекты в течение определенного времени поглощают капитальные вложения и другие ресурсы, а после завершения строительства одновременно или постепенно вводятся в эксплуатацию. Количество ресурса, находящегося в задержке, определяется как произведение входящего потока на величину запаздывания.

В качестве уровней в нефтяной промышленности рассматриваются: объемы запасов углеводородного сырья по категориям, производственные мощности по добыче, подготовке и транспорту газа, нефти, конденсата, основные производственные активы и т.д. В качестве потоков в модели выступают добыча углеводородов, строительство и ввод в эксплуатацию добывающих скважин, капитальные вложения, финансируемые из собственных и заемных источников, балансовая и чистая прибыль и др. Функции решения описывают управляющие воздействия по распределению добычи нефти по районам нефтедобычи, установлению объемов прироста запасов по категориям, изменению темпов других потоков ресурсов. По каналам информации органы управления отраслью обеспечиваются сведениями о состоянии использования ресурсов и результатах производства, их соответствии программам работ и установленным заданиям.

Блок-схема модели состоит из четырех уровней и соответствующих потоков, соединяющих смежные уровни и потоки ресурсов (рисунок 1). Каналы информации, в свою очередь, соединяют уровни и функции решений.

3 Литвинюк И. И. Экономические предпосылки развития нефтеперерабатывающей промышленности мира // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 84-87.

Уровень I обозначает запасы нефти категории, в который вливается поток из прогнозных ресурсов на перспективных объектах в соответствии с выделяемыми средствами на поиски скоплений углеводородов и удельными затратами на прирост единицы запасов.

Из уровня I к уровню II направляется поток I II, характеризующий восполнение запасов углеводородов категорий + за счет капитальных вложений на разведку открытых скоплений.

С помощью потока II – III уровень II соединяется с III уровнем, который отражает состояние мощностей по добыче сырья, восполняемых за счет ввода новых мощностей при соответствующих капитальных вложениях в обустройство месторождений и бурение скважин.

Из уровня III выходит поток, характеризующий добычу углеводородов и переходящий в поток реализуемой продукции, который, в свою очередь, разделяется на поток эксплуатационных затрат (себестоимости) и поток прибыли от реализации продукции.

Параллельно с поисково-разведочными работами и воспроизводством производственных мощностей происходит процесс воспроизводства основных активов (уровень IV) с помощью входящего потока капитальных вложений, финансируемых из собственных (амортизационные отчисления и часть чистой прибыли) и заемных источников, и выходящего потока, отражающего процесс выбытия основных активов в соответствии с темпами их списания.

Рассматриваемая модель учитывает связи, присущие каждому нефтедобывающему району. Уровни и потоки описываются системой уравнений, в которых отражаются во времени основные взаимодействия переменных имитируемой системы. Сначала составляются разностные уравнения уровней, а затем уравнения темпов потоков.

Реальное функционирование системы происходит в условиях, осложненных наличием различного рода лаговых смещений и запаздываний, вызывающих отклонения в темпах потоков ресурсов. К таким задержкам относятся временные (лаговые), общерайонные, транспортные и другие задержки.

Временные (лаговые) запаздывания характеризуются смещением выходящего потока по сравнению со временем входящего потока и уровнем задержки на величину продолжительности лага. Например, продолжительность поисковых и разведочных работ на месторождении может составлять порядка 5-10 лет в зависимости от сложности геологического строения объекта, его географического расположения и других факторов.

Поэтому затраты, осуществляемые на протяжении этого периода, принесут эффект в виде прироста запасов лишь по окончании поисково-разведочных работ.

Таким образом, использование имитационных моделей в контроллинге инвестиционных проектов позволяют:

- разрабатывать перспективные и текущие планы развития предприятия;
- выбирать наилучшие варианты плановых решений;
- осуществлять постоянный контроль за их реализацией;
- проводить факторный экономический анализ развития отрасли, региона, предприятия.

Имитационные модели универсальны, наглядны и достаточно просты, сохраняют многие достоинства математических моделей, описывают достаточно сложные динамические процессы и обеспечивают воспроизведение поведения сложных экономических систем.

Реализация модели в режиме проигрывания заключается в изменении управляющих параметров и многократном вос-

произведении вариантов поведения системы и постепенном приближении к желаемому состоянию. Реализация модели в процессе контроля за состоянием системы производится путем определения отклонения фактического состояния от принятого варианта, анализа причин этих отклонений, корректировки управляющих параметров на последующий период.

Важно, что данная модель учитывает не только возмещение основных производственных активов, выбывающих из эксплуатации по мере износа, но и охватывает весь процесс освоения ресурсов углеводорода, начиная от поисково-разведочных работ и кончая реализацией продуктов конечным потребителям.

Пристатейный библиографический список

1. Литвинюк И. И. Экономические предпосылки развития нефтеперерабатывающей промышленности мира // Евразийский юридический журнал. 2016. № 2 (93). С. 84-87.

ЗЮЗЬКО Юлия Анатольевна

аспирант Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета

БАХИТОВА Раиля Хурматовна

доктор экономических наук, заведующая кафедрой математических методов в экономике Института экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета

ПРОБЛЕМА РЕФОРМИРОВАНИЯ УЧЕТА ТЕРРИТОРИАЛЬНО-СЕТЕВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Проведен кластерный анализ группировки территориально-сетевых организаций, исследованы механизмы регулирования инновационной модернизации региональной энергосистемы на примере Республики Башкортостан.

Ключевые слова: электроэнергетика, территориально-сетевые организации, кластерный анализ, энергопотребление, энергосистема.

ZYUZKO Yuliyua Anatoljevna

postgraduate student of the Institute of Economics, Finance and Business of the Bashkir State University

BAKHITOVA Railya Nurmatovna

Ph.D. in Economics, Head of Mathematical methods in Economics sub-faculty of the Institute of Economics, Finance and business of the Bashkir State University

THE PROBLEM OF REFORMING THE ACCOUNTING TERRITORIAL NETWORK ORGANIZATIONS

A cluster analysis grouping of territorial grid companies, investigated the mechanisms of regulation of innovative modernization of the regional energy system on the example of the Republic of Bashkortostan.

Keywords: power, geographically-network organizations, cluster analysis, power consumption, the power system.

Зюзько Ю. А.

Бахитова Р. Х.

Экономическая эффективность функционирования и темпы развития энергосистемы РБ за последние 20 лет существенно снизились. Основными причинами этого являются использование на электростанциях и в электрических сетях морально и физически устаревшего энергооборудования, отсталых энергетических технологий, а также резкое сокращение научно-технического потенциала компании. Ситуация усугубляется отсутствием необходимого объема инвестиций, низким уровнем платежей потребителей за передаваемую энергию, недостатком тарифной политики¹.

На сегодняшний день чрезвычайно актуально построение конкурентного регионального рынка энергообеспечения. Несовершенство механизмов регулирования местного энергетического монополиста привело к нарушению экономических интересов агентов территориального энергетического рынка. На территории РБ на рынке электроэнергии вместе с ОАО «Башкирэнерго» присутствуют около 60 территориально сетевых организаций (ТСО). Примерно 50% ТСО не могут справиться со своими основными функциями. ТСО - это коммерческая организация, занимающаяся оказанием услуг по передаче электрической энергии с использованием объектов электросетевого хозяйства, не относящихся к единой национальной электрической сети². Учетные в тарифе затраты, связанные с реализацией инвестиционных проектов, не достаточны для масштабной модернизации и, как правило, рас-

ходятся на текущую экономическую деятельность. Для выхода из сложившейся ситуации Правительством РФ предложено ввести критерии отнесения объектов электросетевого хозяйства к ТСО, согласно которым многие организации не смогут подтвердить свой статус, тем самым присоединиться к более крупным³. Согласно данному постановлению, основными критериями для отнесения к ТСО являются наличие трансформаторов высокого напряжения 110 кВ и выше, а также наличие выделенного абонентского номера для обращений потребителей услуг по передаче электрической энергии и техническому присоединению. Введенные технические критерии не учитывают реального экономического состояния ТСО. Возникают вопросы: не могут ли лишиться права функционирования экономически эффективные компании и, тем самым, не останутся ли на рынке относительно слабые организации? Насколько объективно данные критерии отражают экономическую ситуацию, сложившуюся на рынке ТСО? Для выяснения данных вопросов нами был произведен кластерный анализ группировки ТСО. В качестве определяющих параметров были выбраны: необходимая валовая выручка, отпуск полезной электроэнергии, отпуск полезной мощности. В таблице 1 представлен фрагмент исходных данных.

С помощью программного продукта Deductor выборка была разделена на 5 кластеров (рис.1).

Лидирующую позицию заняли ООО «Башкирская сетевая компания» и ОАО «Башкирэнерго». Их отпуск полезной электроэнергии 19 042 кВт.ч, что подтверждает высокую мощ-

1 Зюзько Ю. А. Анализ ценообразования в электроэнергетике с учетом региональных особенностей электроснабжения потребителей // Вестник Самарского государственного экономического университета. №12 (134). 2015г. С.10-16.

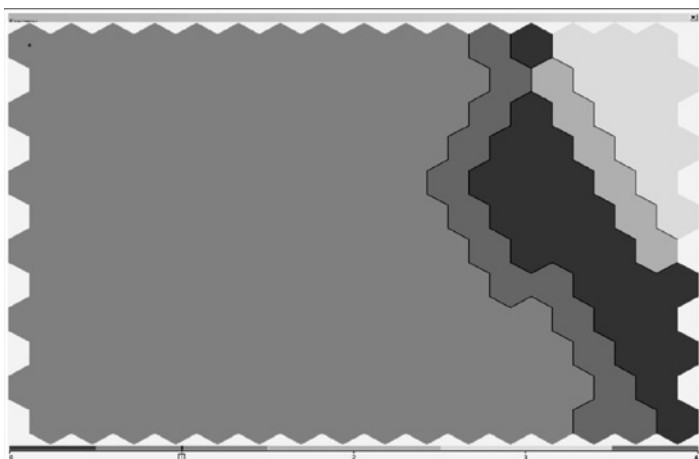
2 Карпухин А. И. Тарифы и эффективность энергетики в регионе. Инвестиции в энергетику: механизмы и результаты // XV Российский энергетический форум. М., 2015.

3 Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям: Постановление Правительства РФ от 28.02.2015 г. № 184.

Таблица 1. Фрагмент исходных данных

Наименование	НВВ	Отпуск полезной электроэнергии (кВт.ч)	Отпуск полезной мощности (мВт.ч)
ОАО «БЭСК» (ООО «БСК»+ООО «Башкирэнерго»)	9144095,982	19 079,87	2 795,99
ЗАО «Электросеть»	36853,66	59,53	380,46
МУП «Ишимбайэлектросети» РБ	69948,02	17,65	93,55
ОАО «Октябрьские электрические сети»	140 547,65	40,00	211,58
ОАО «Туймазинские городские электрические сети»	103 288,81	29,93	169,84
ОАО «Учалинские электрические сети»	81 408,32	19,81	91,12
ООО «Янаульские электрические сети»	45 402,05	8,58	54,60
Приуральский филиал ООО «Газпром энерго»	51 494,38	11,31	55,11
Горьковская дирекция ОАО «РЖД»	236,29	0,45	1,86
Куйбышевская дирекция по энергообеспечению - структурное подразделение Трансэнерго - филиала ОАО «РЖД»	47 555,33	80,58	490,27

Рисунок 1. Кластеризация ТСО

ность данных предприятий ввиду их монопольного положения на региональном рынке. Во вторую, третью и четвертую группы вошли организации, отпуск полезной электроэнергии которых существенно ниже и колеблется от 30 до 80 кВт.ч. Из общего количества организаций около 70 % вошли в пятую группу, которая характеризуется как неспособная справляться со своими основными функциями. Общий объем полезной отпускаемой электроэнергии предприятий, входящих в эту группу, составил 174кВт, а общий объем отпускаемой полезной мощности 963 мВт. Если данные критерии вступят в силу, то на территории Республики Башкортостан примерно 42 ТСО лишатся права функционирования как сетевые организации, что подтверждается результатами кластерного анализа, так как эта группа входит в пятый кластер.

С учетом полученных данных и в случае принятия проекта могут быть затронуты интересы ТСО. На практике существует риск увеличения количества бесхозных объектов электрического хозяйства. Кроме того, на сегодняшний день механизм включения в хозяйственный оборот бесхозных объектов очень сложен и требует привлечения органов местного самоуправления. Проблема отказа в установлении тарифа на услуги по передачи электроэнергии может затронуть более 70% хозяйственных субъектов, владеющих транзитными электрическими сетями и объектами по производству электрической энергии, что может привести к дополнительным необоснованным расходам в размере 0,5-2,0 млрд. рублей. Существуют риски для генерирующих компаний невозможности компенсации затрат на эксплуатацию распределительных устройств (РУ) и стоимости потерь электроэнергии. Следует отметить, что РУ генерирующих компаний используется организациями в целях транзита электрической энергии конечным потребителям. Генерирующие компании вынуждены

нести расходы по эксплуатации РУ и компенсации потерь электрической энергии с целью удовлетворения соответствующих потребностей других лиц, а не для обеспечения выработки электрической энергии.

Возможности генерирующих компаний по компенсации затрат на эксплуатацию РУ и стоимости потерь электроэнергии, возникающих в РУ, на оптовом рынке электроэнергии (мощности) ограничены. На рынке на сутки вперед невозможно компенсировать соответствующие затраты, что обусловлено проблемой «ценопринимания», выражающейся в формировании «нулевых» цен или цен, не позволяющих компенсировать даже топливные затраты станций, обязанных подавать ценопринимательские заявки. Компенсировать рассматриваемые затраты не могут также и станции, находящиеся в холодном резерве. Одновременно наличие в составе расходов генерирующих компаний затрат на сетевое оборудование, используемое для обеспечения выработки электроэнергии поставщиком, а равно и затрат на «транзитное» сетевое оборудование, приводит к ухудшению конкурентного положения генерирующих компаний и к искажению результатов конкурентного отбора.

Таким образом, в сопоставимых условиях более эффективной окажется та станция, схема выдачи мощности которой потребовала меньших инвестиций. В результате генерирующая компания, вложившая в развитие электросетевого хозяйства больше денежных средств, заплатит за это снижением своей конкурентоспособности как на рынке электрической энергии, так и на рынке мощности.

Пристатейный библиографический список

1. Об электроэнергетике: Федеральный закон №35-ФЗ от 26.03.2014 №542. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Об организации управления электроэнергетическим комплексом Российской Федерации в условиях приватизации: Постановление Правительства РФ от 15.08.1992. № 923.
3. Об отнесении владельцев объектов электросетевого хозяйства к территориальным сетевым организациям: Постановление Правительства РФ от 28.02.2015. № 184.
4. Зюзько Ю. А. Анализ ценообразования в электроэнергетике с учетом региональных особенностей электроснабжения потребителей // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2015. № 12 (134). С. 10-16.
5. Карпунин А. И. Тарифы и эффективность энергетики в регионе. Инвестиции в энергетику: механизмы и результаты // XV Российский энергетический форум. М., 2015.

РОГАЧЕВА Анастасия Михайловна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛЕЕВА Нелли Наильевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛИУЛЛИНА Регина Рустемовна

магистр кафедры бухгалтерского учета и аудита Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЭТАПЫ СОЗДАНИЯ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ

В статье описаны этапы развития системы мониторинга применения налоговых льгот и оценки их результатов.

Ключевые слова: элемент налога, налоговая льгота, оценка эффективности, налоговое администрирование.

ROGACHEVA Anastasiya Mikhailovna

Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

GALEEVA Nelly Nailevna

Ph.D. in Economics, associate professor of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

GALIULLINA Regina Rustemovna

magister of Accounting and Audit sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

STAGES OF CREATION OF SYSTEM OF MONITORING OF APPLICATION OF TAX BENEFITS

In article stages of development of system of monitoring of application of tax benefits and assessment of their results are described.

Keywords: tax element, tax benefit, efficiency assessment, tax administration

Для успешного развития экономики страны необходимо формирование эффективной системы налогообложения, которая может быть реализована через организационно-правовой механизм взаимоотношений государства с обязанными лицами. Государство определяет основные элементы этого механизма: субъекты, объект, методы, формы, порядок и характер деятельности уполномоченных органов. Данный механизм представляет собой налоговый контроль, имеющий важнейшее значение для обеспечения сбалансированности налогообложения и поступления денежных средств в бюджеты всех уровней. Закрепление форм и методов осуществления контрольной деятельности имеет существенное значение для регулирования отношений между плательщиком и государством, в лице налоговых органов. Внешнее выражение практической реализации контрольной деятельности налоговых органов установлено в виде различных форм проведения налогового контроля¹,

к основной из которых относятся налоговые проверки. К процедурам проведения проверки, их порядку предъявляются серьезные требования. Проверка обоснованности применения налоговых льгот так же осуществляется в ходе налоговых проверок

Льготы являются одним из основных элементов налога, а также одним из самых важных элементов в системе налогового регулирования экономики страны.

Посредством льгот государство может оказывать влияние на процессы, происходящие в экономике, либо стимулируя их, либо угнетая.

В статье представлен анализ развития системы мониторинга применения налоговых льгот и оценки результатов их деятельности. Было выделено три этапа.

Первым этапом по созданию системы мониторинга было поручено Минэкономразвития России совместно с Минфином

Рогачева А. М.

Галеева Н. Н.

Галиуллина Р. Р.

1 Ванчухина Л. И., Гареева З. А. Организация и методика налоговых проверок учебное пособие для студентов, обучающихся по специальности «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и «Налоги и налогообложение»; Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Уфимский гос. нефтяной технический ун-т». Уфа, 2008.

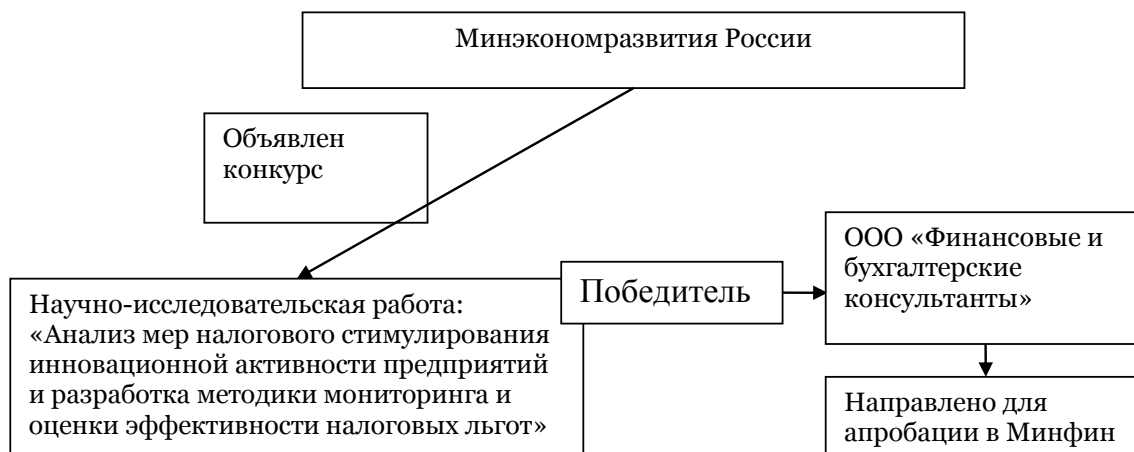
Рисунок 1. Первый этап создания системы мониторинга применения налоговых льгот и оценки результатов их деятельности

Рисунок 2 – Второй этап создания системы мониторинга применения налоговых льгот и оценки результатов их деятельности

Рисунок 3. Третий этап создания системы мониторинга применения налоговых льгот и оценки результатов их деятельности

России, ФНС России, Правительством РФ провести анализ эффективности льгот, систематизацию действующих налоговых льгот и оценку на предмет согласованности и проблем администрирования (рисунок 1).

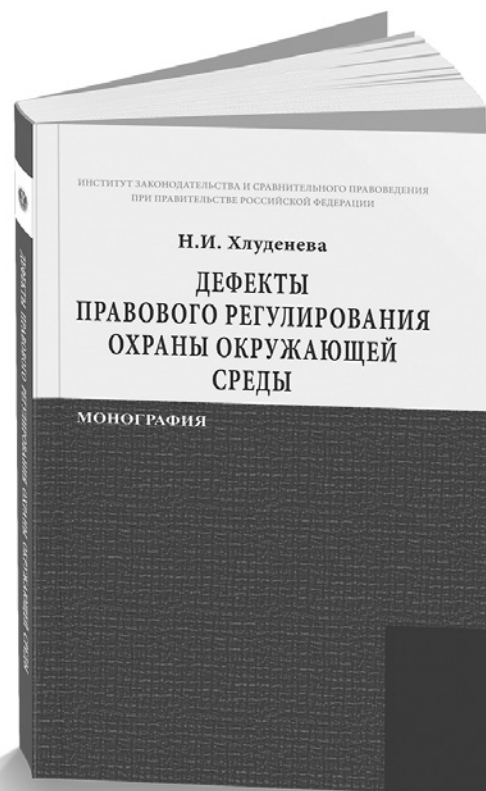
По окончании анализа был направлен доклад, в котором сообщалось, что проведенный анализ позволил определить льготы, активно применяемые налогоплательщиками, применение которых не вызывает затруднений, а так же применяемые льготы, но их применение связано с рядом трудностей. Однако данное контрольное мероприятие носило разовый характер.

Вторым этапом по созданию оценки эффективности так же было Постановление Правительства РФ. Минэкономразвития России совместно с Минфином России должны разработать методику оценки эффективности налоговых льгот (рисунок 2). В целях оценки эффективности было предложено закрепить в методике следующие направления анализа:

- востребованность льгот;
- простота применения;
- бюджетно-финансовый эффект;
- социально-экономический эффект.

Однако данная методика не была разработана в срок.

Третьим этапом служил конкурс на научно-исследовательскую работу на тему «Анализ мер налогового стимулирования инновационной активности предприятий и разработка методики мониторинга и оценки эффективности налоговых льгот. Победителями конкурса стали ООО «Финансовые и бухгалтерские консультанты» (рисунок 3). Ими была разработана методика, которая в дальнейшем была направлена в Минфин России для апробации. Другие мероприятия по разработке методики не проводились.

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич

доктор философских наук, заведующий сектором философских проблем естествознания Института философии Российской академии наук

РЕАЛЬНОСТЬ И ПРИЧИННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКЕ*

Работа посвящена проблемам реальности и причинности в квантовой теории. В рамках многомодусного, модального подхода актуальная реальность, или наблюдаемое (феномен) рассматривается как воипостазирование сущности, как процесс, исход которого однозначно определен. Показано отсутствие индетерминизма этой теории, когда процесс рассматривается как целый, законченный.

Ключевые слова: онтология, квантовая механика, причинность, индетерминизм, модусы бытия, четыре причины, становление, феномен.

SEVALNIKOV Andrey Yurjevich

Ph.D. in Philosophy, Head of the Department of philosophical problems in Natural Science of the Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences

Севальников А. Ю.

REALITY AND CAUSALITY IN MODERN PHYSICS

The paper is concerned with the problem of reality and causality in quantum theory. By means of the multi-modi, modal approach the actual reality or observed (phenomenon) is regarded as the hypostatization of essence, as the process which outcome is unambiguously defined. The absence of indeterminacy of this theory is shown, when the process is viewed as a whole, complete.

Keywords: ontology, quantum mechanics, causality, indeterminism, modes of being are four reasons why becoming a phenomenon.

В первой части этой работы¹ нами утверждалось, что язык традиционной метафизики, а именно метафизики Аристотеля, является наиболее адекватным для интерпретаций явлений квантового механики. В этой части данной работы мы постараемся более подробно обосновать данный тезис, и показать, как понятие реальности теснейшим образом связано с понятием причинности, если их рассматривать с точки зрения модального подхода.

Ключевым для нас является понятие «бытие в возможности» (δύναμις). Кратко суть такого подхода сводится к трем утверждениям.

1. КМ механика описывает существование микробъектов при помощи волновой функции, которая задает вероятность (возможность) нахождения ее в некотором состоянии. Это некоторое возможное состояние. Мы утверждаем и настаиваем, что бытие квантовых объектов отнесено к этому модусу бытия.

2. Этот модус бытия *не связан с пространством*. Как теоретический уровень описания квантовой реальности, так и эмпирический указывают на то, что атомные объекты «не существуют» определенным образом до «наблюдения». Это «не существование» означает простой факт, что «до наблюдения» их бытие связано с иным, до-пространственным «слоем» реальности, что уже очень хорошо понимал А. Эйнштейн, и чего он не мог никак признать. Именно с этим и связан и его знаменитый вопрос: «Существует ли Луна, покуда на нее не смотрит мышь?», и вывод из ЭПР-парадокса о «несуществовании» параметров, связанных с некоммутирующими операторами.

3. Измерение, или то, что называют наблюдением, переводит потенциальное в актуальное. Квантовый объект не существует определенным образом до измерения. С точки зрения традиционной философии это «не существование», и есть

потенциальное, меональное, то самое «недобытие», «Noch-nicht-Sein», которое «ждет» своего воплощения, явления. Это и иллюстрирует тезис Уилера утверждавшего, что «никакой квантовый феномен не является таковым, пока он не является наблюдаемым (региструемым) фотоном».

Актуализация события дает явленное, феноменальное. Феномен, или явление есть актуализация возможности, но возможность не существует сама по себе. Феноменальное является актуализацией чего-то, а именно сущности, для целей чего и служит возможность. *Осуществленное, ставшее* в рамках западной метафизики есть *энтелехия*, т.е. то целое, что получило свое завершение. *Сущностное*, или то, что выходит к завершению, описывается необходимым образом в терминах целевой причины. При описании природного, мира физического, понимаемого как принципиально становящегося, того мира, где понятие движения, понимаемого в самом широком смысле, становится на первом месте, одной причины действующей становится недостаточным (причем в классическом смысле), если рассматривать протекание квантовых процессов в пространстве и времени. Это связано с невозможностью введения т.н. «скрытых параметров», что препятствует построению того рода «детерминистической» квантовой теории, на которую так рассчитывал Эйнштейн. Необходимо иное понимание действующей причины, которая становится трансцендентной по отношению к наблюдаемому трехмерному пространству, как возможное трансцендентно по отношению к осуществившемуся. В квантовой механике мы имеем дело с функцией состояния, описывающее возможное, еще не осуществившееся, то, что не вышло еще «не вышло на свет» (ans Licht kommen), не «всплыло из потаенности» (ληθη) в не-потаенность (α-ληθεια), из отсутствия (αλ-ουσια) в присутствие (παρ-ουσια). Я здесь специально использовал язык Хайдеггера, чтобы показать, хоть и бегло и без раскрытия, как «язык греков» оказывается пригодным для истолкования мира квантов. Вовсе не случайно, что и Гейзенберг, и Шредингер обратили свои взоры к античной философии.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ. «Проблема новой онтологии в современном физическом познании», проект № 14-03-00452а.

1 Севальников А. Ю. Реальность и причинность в современной физике // Евразийский юридический журнал. № 12(91). 2015. С. 367-370.

Итак, «волновая функция» задает состояние, состояние потенциальное. Она задает и осуществляет *наблюдаемое*. Но логика этого осуществления иная, нежели чем в классической науке. Начиная с Декарта, мы ищем причины лежащие *здесь*, где одно явление предопределяет другое. Мир квантовой механики повторим, скорее, мир греков. Феноменальное, явленное определяется нечто таким, что *не принадлежит* горизонту последнего. Причины заданы не здесь, поэтому вы и не введете их в рамки пространственно-временного описания, как на это надеялся Эйнштейн. То, что их нельзя ввести не означает, повторим, их отсутствия. Волновая функция задает, то, что будет наблюдаться как целое, выход же к осуществленности и задается формальным математическим аппаратом квантовой механики. Весьма примечателен и показателен формализм S-матрицы.

Метод S-матрицы был развит в 60-е годы прошлого столетия. Изначальные идеи были предложены Дж. А. Уиллером и В. Гейзенбергом, а затем развиты целой плеядой выдающихся физиков-теоретиков XX столетия. Именно в этом подходе оказались четко обозначены две основные проблемы квантовой теории – проблема причинности и проблема существования квантовых объектов. Наиболее четко в рамках этого подхода видна проблематичность классического (новоевропейского) понимания причинности. Здесь задаются только *начальные*, и только *конечные* состояния системы. При этом игнорируются *все промежуточные* состояния. При интерпретации этого математического подхода радикально опять же изменяется понятие действующей причины. Последовательное описание процесса в рамках процесса, протекающего от точки к точке, собственно и предполагающий наличие действующей причины, оказывается излишним, что еще в свое заметил Р. Фейнман.

К сожалению, последовательный разговор о методе S-матрицы может быть дан в рамках математики. Этот метод предполагает т.н. условие *аналитичности*. Здесь особое значение приобрели методы анализа комплексных переменных, элементы S-матрицы задаются на поле комплекснозначных величин. Это неизбежно приводит следующему выводу. На поле комплексных переменных нельзя ввести понятия «больше – меньше». Как таковое понятие «пространства» уходит здесь на второй план. Известный американский физик-теоретик Джеффри Чью в начале 60-ых годов написал работу под примечательным названием «Сомнительная роль пространственно-временного континуума в микроскопической физике». В этой статье он пишет следующее: «Как только аналитичность полагается базисным принципом, из нее вытекает невероятное число следствий. Стапп показал, что все общие симметрии, до этого следовавшие из теории поля, могут быть выведены из аналитичности. Более того, предписания, которые составляют квантовую электродинамику, также могут быть выведены. Фактически, *все* предсказательные возможности, даваемые теорией поля, могут быть воспроизведены аналитической S-матрицей без какого-либо упоминания пространства-времени или полей. Это положение было впервые высказано Гелл-Манном в 1956 году и проверено большой серией последующих исследований, проведенных такими авторами, как Голдбергер, Лоу, Мандельстам, Нишиджима, Ландау, Кутковский, Фройсат, Стапп, Полкингтон и Гунсон»².

Итак, по крайней мере, начиная с 1956 года, в физике высказываются идеи о возможности непрерывности пространства-времени. Позднее аналогичные идеи высказываются Уиллером в его концепции «предгеометрии». Эти же идеи подхватываются и развиваются Р. Пенроузом, который показал, как исходя из комплекснозначных спинорных величин – твисторов, можно получить евклидово пространство-время.

Джеффри Чью в цитируемой работе поднял принципиальный вопрос о приоритете координатного или импульсного представлений в квантовой физике. Ранее нами также многократно понимался этот концептуальный вопрос³. Впервые эта симметрия возникла в уравнениях классической аналитической механики. Квантовая механика и квантовая теория поля принципиально строятся в рамках симметрии координатного и импульсного представлений. Она проявляется в принципе неопределенностей и перестановочных соотношениях. Этот же принцип мы найдем в основаниях статистической механики. При изначальной симметрии наблюдается любопытная вещь. В рамках импульсных представлений уравнения становятся проще и изящнее. Впервые это еще отметил Вольфганг Паули. «Этот факт даже заставил некоторых видных физиков-теоретиков поставить вопрос о том, что в физике следует считать более фундаментальным (первичным): координаты (координатное пространство-время) или импульсы (импульсное пространство)?»⁴.

Джеффри Чью высказывался за приоритет импульсного представления в физике, основываясь как раз на теории S-матрицы. Его основной вывод весьма категоричен: «концепция пространства и времени играет в современной физике микромра роль, аналогичную той, что играл эфир в макроскопической физике XIX века»⁵. Вообще такой вывод для физики середины XX столетия был не нов, еще в 1936 году тот же Эйнштейн писал: «Необходимо отметить, ... что введение пространственно-временного континуума может считаться противостоестественным, если иметь в виду молекулярную структуру всего происходящего в микромире. Утверждают, что успех метода Гейзенберга может быть приведен к чисто алгебраическому методу описанию природы, т.е. исключению из физики непрерывных функций. Но тогда нужно будет в принципе отказаться от пространственно-временного континуума. Можно думать, что человеческая изобретательность в конце концов найдет методы, которые позволят следовать этому пути. Но в настоящее время такая программа смахивает на попытку дышать в безвоздушном пространстве»⁶. Ситуация по сравнению с 1936-ым годом радикально изменилась. На данный момент существует ряд программ, в рамках которых успешно реализуется то, что казалось невозможным Эйнштейну.

Одним из подступов к этим программам и была теория S-матрицы. В контексте нашей работы она и интересна тем, что 1) заставляет обратить внимание на существенность не-пространственного объяснения физических явлений и 2) указывает одновременно на возможность иного понимания причинности. В теории S-матрицы, повторим, существенны только начальные и конечные состояния системы. На языке метафизики мы имеем дело как бы с действующей и целевой причинами. Но... Действительно только «как бы». В матричном формализме S-матрицы начало и конец квантового явления «сшиты» в едином формализме, как и в изначальном матричном формализме Гейзенберга, так и в последующем формализме векторов (бра) и со-векторов (кет) Дирака, которые и задают элементарное событие по Фейнману $\psi_{ab} = \langle a | b \rangle$, или амплитуду вероятности перехода из состояния $|a\rangle$ в состояние $|b\rangle$.

2 Цит. по Владимиров Ю. С. Метафизика. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2002. С. 194.

3 Севальников А. Ю. Понимание сущего и принцип взаимности в физике // Эйнштейн и перспективы развития науки. М.: Репроникс, 2007 г. С. 160-167; Севальников А. Ю. Принцип взаимности и финслеровское обобщение физических принципов // Гиперкомплексные числа в геометрии и физике. № 1(7), Т. 4 (2007). С. 98-108; Севальников А. Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. URSS, Книжный дом «Либроком». 2009.

4 Владимиров Ю. С. Там же. С. 195.

5 Владимиров Ю. С. Там же. С. 195.

6 Эйнштейн А. Физика и реальность // Мир и физика. М.: Тайдек Ко, 2003. С. 118-119.

Вот здесь и имеется одна тонкость. Эти состояния не принадлежат горизонту явленного, они отнесены к модусу бытия возможного. Да, мы можем приготовить некоторое начальное состояние, скажем, электрон в электронной пушке с определенным импульсом. Можем говорить о его классическом состоянии, например, то, что он в данный момент имеет данный импульс p . Однако нельзя забывать, что мы имеем дело все-таки с квантовым объектом, и никто не отменял принцип неопределенности. Этот электрон приготовлен в электронной пушке, она имеет определенные размеры. Изначально существует неопределенность положения электрона Δx , и более верным оказывается говорить о волновой функции электрона в определенном импульсном состоянии $\Psi(p)$. Такие электроны мы можем направить на двухщелевой экран, после которого они попадают на стенку, где могут регистрироваться. Проблема с классическим пониманием причинности состоит в следующем. Несмотря на то, что электроны приготовлены в определенном состоянии, на стенке они локализируются с определенной вероятностью. Заранее невозможно предсказать, где появиться тот или иной электрон, выпущенный из пушки, что противоречит ожиданиям классической механики. В её рамках, частица, приготовленная в определенном состоянии, всегда должна приходиться в одно и то же место. Несмотря на видимое случайное поведение электронов, индетерминизм все же отсутствует. Поведение электронов задается волновой функцией, и распределение электронов на экране точно ей соответствует. Конечное состояние, получаемое в эксперименте, выводится и *однозначно* задается уравнениями квантовой механики. Об индетерминизме, в этом смысле, говорить не приходится. Но не работает и классическое понимание действующей причины. При этом если учесть, что в квантовой механике мы имеем дело только фактически с начальными и конечными состояниями, и конечное состояние *как целое* однозначно определено, возникает соблазн ввести понятие целевой причины. Ранее я уже касался этой темы⁷. Вывод, который нами делался, перекликается с выводами П. П. Гайденко, также касавшейся этой темы: «что для достижения... целесообразности не надо насильственно навязывать природе цели там, где их не удастся обнаружить: такая «телеология» гибельна для науки»⁸. Более конкретно, нами было показано, что при введении телеологической причины следуют несколько выводов, с которыми трудно согласиться. В частности,

Первое. Универсум при наличии законов с имманентной им целевой причиной оказывается жестко детерминированным миром.

Второе. В таком мире заранее предопределено появление любого сущего, и из этого следует третий вывод, что в таком мире принципиально отсутствуют качественные переходы, скачки.

Такие выводы неизбежны, если мы рассматриваем *причину целевую, как действующую*, что обычно и делается в современном естествознании. Например, в синергетике часто утверждается, что «будущее времени настоящее». Здесь целевая причина связывается с формой будущего времени, *цель* в такой оптике как бы задает из будущего протекание событий в настоящем. Мы не склонны к такой точке зрения. Логика рассуждений в развиваемой работе иная. Да, в современном естествознании как в физике, космологии и в биологии особенно, эмпирические данные настоятельно говорят о необходимости изменения причинности. И мы примыкаем к выводу П. П. Гайденко в цитированной нами выше работе, что в науке либо принципиальным образом должен меняться тип рациональ-

ности, либо неполна сама наука, поскольку внутри самой себя она не может формализовать, описать некоторые основные, необходимые принципы. На самом деле должны меняться как принципы рациональности, так и базовые принципы науки.

То, что нами предлагается, связано, прежде всего, с базовыми, онтологическими принципами науки. Новая онтология требует и иного понимания причинности, в данном случае, изменения понимания *действующей причины*. Действующую причину мы понимаем всегда в самом широком смысле, как некоторое «начало движения», которое затем приводит к некоторому результату. Если соотносить её только с горизонтом явленного, того, что находится только в пространстве, мы никогда не сможем понять происходящего в рамках квантовой теории. Если же соотнести действующую причину не только с тем конкретным истоком, находящемся «здесь и сейчас», но и ещё и с чем-то «иным», то суть квантовых феноменов становится прозрачной. Тут самое время опять вернуться к определению *возможного* в аристотелевской метафизике. Оно гласит: «Возможностью называется начало движения, которое находится в ином, или само есть иное» (Метафизика, V, 12). Итак, это «начало движения», находящееся в ином и которое само есть иное. Начальное состояние, задаваемое в квантовой области, в той же самой электронной пушке, рассмотренной выше, не принадлежит парадоксальным образом, самой области «здесь и сейчас». Явление задается «здесь», но не принадлежит *этому* бытийному горизонту. Оно характеризуется некоторой волновой функцией, которую мы и соотносим с бытием потенциальным. Получается четкое соответствие с аристотелевской формулировкой, что это начало движения, которое «находится в ином и само есть иное». Начальное состояние, которое «коренится в ином», скажем в электронной пушке, т.е. находится «здесь и сейчас», но само оно – вектор начального состояния $\langle a |$, есть *иное*, т.е. принадлежит потенциальному, иной модальности бытия.

Данная Аристотелем формулировка «движения», понимаемая им как становление, оказывается максимально симметричной к различным модусам бытия. Изначально данная для опосредования между эйдетическим началом и материей, понимаемой греками как абсолютной противоположностью бытия, она оказывается применимой и для рассмотрения более частных видов движения, как и в рассматриваемом случае.

Изменение понятия только одной действующей причины оказывается, вообще говоря, недостаточным. Да, квантовое явление в рамках такого рассмотрения, формируется «иным». Если не говорить на языке философии, и «спуститься» в область физики, то здесь уместно использовать терминологию трактовки квантовой механики Дэвида Бом. Можно ввести понятие «квантового потенциала», который и формирует наблюдаемому картинку, но который сам не принадлежит этому наблюдаемому модусу реальности, он находится «за ней». Его можно рассматривать на уровне «имплицитного порядка», того скрытого порядка вещей, который и вводил Бом, для объяснения квантовых явлений. В примере с электронной пушкой «квантовый потенциал» и формирует наблюдаемое явление, которое и есть целевая причина. Целевая причина в такой схеме возникает естественно, как реализация потенциала. То, что мы получаем в опыте, и есть цель, и её не надо путать с той целевой причиной, рассматриваемый как некоторый «притягивающий аттрактор», то «будущее, что времени настоящее», о чем нами говорилось уже выше.

Цель, оно же целое, есть *осуществившееся*, и оно связано именно с прошлой формой времени, а не будущего, как это стало пониматься в настоящее время. Мир феноменальный, вещи связаны с прошлым, об этом говорит вся метафизика, от Аристотеля до Гегеля. Ставшее, по Аристотелю есть *энтелехия*, т.е. «сущность, находящаяся в состоянии осуществленности» (Метафизика, 1039 a17). Энтелехия есть «вышедшее к

7 Севальников А. Ю. Телеологический принцип и современная наука // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. М., Наука. 2002. С. 73-86.

8 Гайденко П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. N 6. 1991. С. 12.

цели, к концу, к завершенности». Но становится *что-то*, приходит к бытию то, чего в нем еще *не стало быть*. Это и есть сущность. В данной работе мы не будем исследовать диалектику сущности, связь ее с наличным бытием, лишь отметим определенную близость нашего взгляда к позиции А. Ф. Лосева⁹. При таком подходе сущность есть определенность бытия, *но без самого бытия*, «отражение бытия в иную область». Одно из известных определений сущности у Аристотеля дается им как *to ti n' einai* – «тем, что было быть». Терминологически это близко к гегелевскому пониманию сущности. *Wesen* (сущность) указывает на прошедшее время: сущность есть как бы то, что было (*gewesen*). «такая связь сущности с прошедшим несколько не случайна. Ведь что такое прошедшее? Прошедшее – то, что лишилось возможности быть в настоящем. Оно очень даже продолжает быть, но только не в качестве бытия, и в частности наличного бытия, но именно в качестве сущности. Вещи миновали, умерли, исчезли; но – осталась их сущность. И в качестве сущности они существуют и теперь, хотя в качестве бытия их теперь уже нет»¹⁰. Таким образом, корректное рассмотрение причинного возникновения любого феномена требует введения уже трех форм причинности – сущности (эйдетического), действующей причины и целевой, как того, что стало, воплотилось.

И, наконец, последний элемент. То, что становится, имеет определенный субстрат, мы не можем элиминировать саму материю. Уран в радиоактивном распаде превращается в свинец, в двухщелевом эксперименте наблюдается некоторое распределение электронов, свет в призме разлагается в определенный спектр. Мы всегда имеем дело с материальным, природным. Природное же – это феноменальное, понимаемое в первичном смысле. Слово *феномен*, происходит от др.-греческого глагола *φαίνο*, означающего *являться, показываться, обнаруживаться, делаться видимым, оказываться на самом деле*. Хайдеггер в своей трактовке античной философии, в том числе и Аристотеля, указывает именно на этот аспект *природного*, а именно того, что *вышло к осуществлению*, что Хайдеггером характеризуется как *прибытие*. Это самое осуществление может происходить по-разному, так как в основе *природного* лежит, если говорить современным языком, относительная материя. Материя, меон, есть некоторый вид небытия. Она выступает как нечто относительное, так как это не просто небытие вообще, в самом широком смысле, а небытие чего-то, той вещи, которая возникает (благодаря материи) при содействии причин, на которые мы уже указали выше – формальной, целевой и действующей. Нечто индивидуальное выходит к осуществлению, получает конкретное существование благодаря материи. Это известный *принцип индивидуации*, введенный впервые еще Аристотелем, и игравший впоследствии одну из существенных ролей в томистской философии. Принцип индивидуации решает сложную философскую проблему – соотношения «единого-многого», как и каким образом единая сущность воплощается во множестве конкретных, индивидуальных вещах. История философии дает несколько возможных ответов на этот вопрос, но все они, так или иначе связаны с аристотелевским принципом индивидуации. Согласно Аристотелю форма (*эйдос*, сущность вещи) не может сама по себе служить индивидуализирующим началом конкретной единичной вещи. Аристотель указывает на то, что *индивидуальное, вещи одной формы* обязаны материи. Благодаря материи вещи во-ипостазируются, если использовать более поздний язык, различным, конкретным образом. Но именно с этим мы и сталкиваемся в квантовой механике! Единая сущность, скажем электрон, благодаря различному материальному окружению, проявляет себя по-разному, либо корпускулярным, либо волновым характером. Характер этого поведения зависит от конкретного материального окружения. Это и есть

та самая «относительность к средствам наблюдения», о которой говорил академик В. А. Фок, зависимость выхода квантового явления от способа постановки «экспериментального вопроса», которую Уиллер демонстрировал в знаменитой «игре в 20 вопросов». И дело вовсе не в пресловутом «наблюдателе», а в том, что вещи, или если говорить о квантовой физике, локальные свойства и закономерности частиц обусловлены «закономерностями и распределением всей материи мира, т.е. глобальными свойствами мира»¹¹. Это составляет суть т.н. «принципа Маха» в реляционно-статистическом подходе к трактовке квантовых явлений. То, как и каким образом реализуется вещь, зависит от распределения материи. «Принцип Маха» это глобальный, всеобщий принцип. В квантовой механике он находит отражение в двух положениях, сформулированных Фейнманом. Существует два и только два способа реализации квантовой сущности, и связано это с определенной двойственностью материи, что находит свое отражение в том, что она описывается двумя некоммутирующими операторами. Выход к осуществленности квантового явления – это два возможных сценария актуализации взаимоисключающих альтернатив. И эти два сценария зависят в соответствии с «принципом Маха» от макроскопической обстановки, которую уже и может осуществить «наблюдатель» тем или иным способом в своей лаборатории. Это же самое явление может происходить, да и происходит в любом уголке Вселенной, причем независимо от того, есть «наблюдатель» или нет.

Подводя итог, можно констатировать, что наблюдаемое конечное явление формируется не только «источком», не только действующей причиной, как в классической науке, оно задается «игрой» четырех начал. И если отвечать на вопрос, поставленный Эйнштейном: «Играет ли Бог в кости?», то наш однозначный ответ: «Нет, не играет!». Осуществляется то, что предопределено к во-осуществлению. В природе становится то, что задано сущностным, эйдетическим. Да, в процессе становления вы не скажите, какой атом урана распадется, и в какой момент времени. Но вы точно, в соответствии с правилами квантовой механики, предскажете, через какое время он превратится в свинец, причем только в свинец, а не в какой-то иной элемент. Задано всегда конечное, целое и игра случая здесь исключена.

Пристатейный библиографический список

1. Владимиров Ю. С. Метафизика / Предисл. В. Д. Захарова. М.: БИНОМ, 2002. 550 с.
2. Гайденок П. П. Проблема рациональности на исходе XX века // Вопросы философии. № 6. 1991.
3. Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. М.: Мысль, 1994. 919 с.
4. Севальников А. Ю. Телеологический принцип и современная наука // Причинность и телеономизм в современной естественно-научной парадигме. М.: Наука, 2002.
5. Севальников А. Ю. Принцип взаимности и финслеровское обобщение физических принципов // Гиперкомплексные числа в геометрии и физике. № 1(7). Т. 4. 2007.
6. Севальников А. Ю. Понимание сущего и принцип взаимности в физике // Эйнштейн и перспективы развития науки. М.: Репроникс, 2007.
7. Севальников А. Ю. Интерпретации квантовой механики. В поисках новой онтологии. URSS, Книжный дом «Либроком». 2009 г. 192 с.
8. Эйнштейн А. Физика и реальность // Мир и физика. М.: Тайдекс Ко, 2003 г. 296 с.

9 Лосев А. Ф. Миф, число, сущность. М.: Мысль, 1994.

10 Лосев А. Ф. Там же. С. 464.

11 Владимиров Ю. С. Метафизика. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2002. С. 359.

ВИЛЬДАНОВА Гюзель Булатовна

доктор философских наук, профессор кафедры социальной работы факультета философии социологии Башкирского государственного университета

ВИЛЬДАНОВ Урал Салимович

доктор философских наук, профессор кафедры социальной работы факультета философии социологии Башкирского государственного университета

РЕЛИГИОЗНОСТЬ И КОНФОРМИЗМ*

Сознательное восприятие человеком объективной социальной реальности формируется благодаря жизни в обществе и может меняться, искажаться под влиянием мнения большинства. Насколько наше окружение: другие люди, их сознание, их поведение влияют на нас? Поведение, а значит и мировоззрение, и жизненные принципы, и ценности в большинстве своем детерминированы социумом, нашим окружением. Насколько человек конформен, т.е. следует мнению большинства, в вопросах религии, веры, чтения Священного Писания? Межрелигиозные отношения по смыслу близки к межэтническим взаимоотношениям, но не идентичны, ибо мировые религии не имеют национального характера.

Ключевые слова: конформизм, религия, вера, мировоззрение, ценности и установки.

VILDANOVA Gyuzel Bulatovna

Ph.D. in Philosophy, professor of Social Work sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

VILDANOV Ural Salimovich

Ph.D. in Philosophy, professor of Social Work sub-faculty of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

RELIGIOSITY AND CONFORMISM

Conscious human perception of objective social reality is formed through life in society and may change, be distorted under the influence of the majority opinion. How our surroundings: other people, their consciousness, their behavior affect us? Behavior, and therefore the worldview and life principles, and values are mostly determined by society, our environment. How a person is conformal, i.e., follows the majority opinion in matters of religion, faith, reading the Scriptures? Interreligious relations in the sense close to that of ethnic relations, but not identical, for the religions of the world have no national character.

Keywords: conformism, religion, faith, world view, values and attitudes.

Вильданова Г. Б.

Вильданов У. С.

Актуальность изучения такого социально-психологического явления как конформизм в формировании религиозного мировоззрения обусловлена тем, что проблема конформности с философской точки зрения мало изучена. «Конформность – это тенденция индивида в группе поддаваться влиянию остальных, некритически изменять свое поведение в соответствии с требованиями большинства»¹. На быденном языке понятие «конформизм» понимается как «приспособленчество». Таким образом, наше сознательное восприятие объективной реальности формируется и может меняться, искажаться под влиянием мнения большинства. Другие люди, их сознание, их поведение влияют на нас. Другими словами, поведение, а значит и мировоззрение, и жизненные принципы, и ценности в большинстве своем детерминированы социумом, нашим окружением. Многие люди застревают на этом уровне: отождествляют истинное бытие со своим внутренним миром мыслей, со своим мировоззрением. Чем больше чело-

век идентифицирует себя со своими убеждениями (мыслями), мировоззрением, тем больше он конформен. Неосознанное отождествление с системой верований и убеждений, которых человек принимает как абсолютную истину, является началом конформизма. Если человек «застрянет» на этом уровне, полностью отождествляясь с миром мыслей, претендуя на эксклюзивное обладание истиной – все это будет приводить к неосознанной попытке под любым предлогом защищать свою личность. Такой человек не осознает ограничений собственных мыслей, он полагает, что все те, кто думает или верит в Бога не толь-в-точь как он – неправы.

Поведение человека обусловлено его миром мыслей, его характером, его мировоззрением. Мировоззрение человека – явление многослойное; оно формируется в период осознанного индивидуального становления человека, его социализации, а коллективное мировоззрение оформляется и обновляется в течение нескольких столетий, самый малый промежуток для внесения каких-либо изменений в коллективное мировоззрение – 25 лет, смена одного поколения. Так как мировоззрение – результат человеческой психики, сознания, это довольно гибкое, изменяемое явление, но часто после определенного времени (к 30-40 годам) сформированное мировоззрение становится застывшим и практически не изменяемым, если

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ научного проекта № 15-18-00-142.

1 Психологический словарь / Под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др.; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.

Таблица 1. Влияние на уровень религиозности респондентов различных семейных и вне семейных факторов

	Частота чтения Священного Писания	Частота молитв	Посещение религиозных занятий (вне школы)	Частота посещения богослужений
Частота посещения богослужений матерью	0.255836	0.325394	0.143497	0.645338
Частота посещения богослужений отцом	0.308851	0.312833	0.175222	0.556001
Мои друзья повлияли на мои взгляды на религию	0.190344	0.084928	0.102476	0.006584
Мой отец повлиял на мои взгляды на религию	0.252948	0.141150	0.091174	0.178890
Моя мать повлияла на мои взгляды на религию	0.278958	0.209943	0.102308	0.220626
Телевидение повлияло на мои взгляды на религию	0.172598	0.056698	0.074277	0.024177
Интернет повлиял на мои взгляды на религию	0.087404	0.017473	0.031149	0.039597

Примечание: статистически значимые взаимосвязи выделены жирным шрифтом.

у человека нет гибкости мышления. Мировоззрение, в узком смысле, представляет собой эго человека, его жизненные, моральные принципы, представления о самом себе, о своем народе, культуре и т.п. Многие люди практически не осознают такого факта: то, что сформировалось от рождения по сей день, то, что они считают собственным мировоззрением, оформилось не по их воле, а по воле тех, кто формируют для человека главные жизненные ценности: средства массовой информации, родители, интернет, друзья и т.д.

В целях выяснения истоков обретения молодым человеком религиозных знаний, мы - небольшая группа ученых из Башкирского государственного университета проводили исследования на территории Республики Башкортостан. Были проанкетированы 1428 учеников и молодых людей в возрасте с 14 до 35 лет.

Исследование проведено на территории Башкортостана в мае-июне 2016 года. Всего опрошено 1428 человек. Выборка состоит из трех подвыборок: учащиеся 8-11 классов основных и полных средних дневных государственных и муниципальных учебных заведений (942 человека); студенты вузов (290 человек); общественно активная молодежь (196 человек).

Как видно из таблицы ни друзья, ни советы родителей, ни телевидение, ни интернет так не влияют на частоту молитв и частоту посещения богослужений, как поведение самих родителей. Это говорит о том, что ни сколько слова, а скорее образ жизни и совершаемые дела, поведение родителей оказывают наибольшее влияние на молодого человека.

Характеризуя религиозную идентичность молодежи, проживающей на территории Республики Башкортостан, можно выделить следующие «ключевые вопросы», которые показывают связь этнической и религиозной идентичности. Анализируя результаты, проведенного исследования, можно отметить, что этническая и религиозная идентичности не пропорциональны. Так, большую долю опрошиваемых – 69,4 % - составили башкиры и татары: башкиры – 37,3 %, татары – 32,1 %, следовательно, среди респондентов должно быть около 69 % мусульман. Но на вопрос: «Считаете ли Вы себя верующим (ей), и если да, то к какому вероисповеданию себя относите?» к исламу себя отнесли лишь 39,8 % респондентов.

Весьма интересным являются ответы на следующие вопросы:

– Как часто вы читаете Священное Писание (например, Библию, Коран)? 63.0% - никогда не читали религиозный первоисточник – Коран.

– Вы посещаете какие-либо религиозные занятия вне школы, такие, например, как воскресная школа или медресе? Отрицательный ответ дали 1147 человек – это 93,4 % из всех респондентов.

Факт того, что человек относит себя к той или иной религии, но ни разу не прочитал Коран или Библию, является ярким показателем религиозной безграмотности. Полагаем, что и среди более взрослого населения цифра бы не особо отличалась. Ни для кого не секрет, что в советское время, получение религиозного образования было под запретом, но за четверть века в после разрушения Советского Союза, получение системного религиозного образования так же не является обязательным условием. Молодой человек, не знакомый с основами той религии, которой придерживались его предки, часто относит себя к той или иной религии только по этнической принадлежности, бессознательно, следуя большинству, конформно. Обязательного религиозного образования, согласно государственным стандартам Министерства образования Российской Федерации, на сегодняшний день не существует. Этот момент является ключевым отличительным пунктом в системе образования Англии и России. Ибо в Англии религиозное образование получают уже со школьной скамьи: «В Англии, Уэльсе и Шотландии все школы в обязательном порядке преподают предмет, в котором детей знакомят с основными мировыми религиями. При этом в курсе делается акцент на христианство и терпимость к представителям других вероисповеданий»².

Каким образом человек становится верующим, или он рождается с врожденным чувством чего-то большего, чем он сам, его ум? Или окружение человека: семья, друзья, школа делают за него выбор, и всю оставшуюся жизнь человек живет по инерции: «все так считают, все так поступают, поэтому и я так поступаю»? Где же проходит тонкая грань между человеком, который живет по божественным принципам, и человеком, который готов убивать за веру? Почему же формирование религиозного мировоззрения в настоящее время требует особого внимания? В своей публикации мы отметим несколько ключевых моментов, отвечающих на эти вопросы.

Итак, мировоззрение не является чисто философской проблемой, это проблема и социальная, и даже политическая. Деформированный строй психики, мировоззрения человека,

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uk.ru/religion/> (дата обращения: 29.10.2016).

является основой большинства социально-политических проблем. Человек с деформированными мировоззренческими установками оставляет за собой только негатив: разбои, насилие, разврат, распад семьи, детей сирот. Социум, как продукт общественных отношений, состоит из индивидов. Индивид – это конкретный человек со своим индивидуальным взглядом на мир, на свое место в нем, без комплексного подхода к пониманию мировоззренческих, социально-психологических проблем. Современная социально-философская наука все больше будет приближаться к тупику, если не найдет тот единственный выход: признание взаимозависимости всех наук, и что в центре всех исканий – будь-то технические, политические, экономические или социально-философские проблемы – находится человек (индивид), вернее его сознание, мировоззрение³. Для решения мировоззренческих вопросов, которые являются прерогативой философской науки, ей необходимо интегрироваться с концепциями различных антропологических, психологических наук.

Весьма интересный социальный эксперимент о следовании авторитету большинства, даже если это противоречит твоим внутренним, моральным принципам, продемонстрировал еще в середине XX века американский ученый Самюэль Аш. Социально-психологические исследования Аша констатируют, что жизнь в обществе подразумевает консенсус как необходимое условие. Но консенсус, по сути своей продуктивный, все же, требует от человека, чтобы он жертвовал независимостью собственных мыслей и поступков. Когда консенсус приводит к доминированию конформности, социальные процессы в обществе искажаются и индивид становится зависимым от тех сил, которые определяют его чувства и мысли. Здесь мы обнаружили, что тенденция к конформности в нашем обществе столь сильна, что вполне образованные и умные молодые люди по этой причине называют белое черным⁴.

Исходя из экспериментов социальных психологов, можно сделать следующий вывод: ум человека – явление скорее социальное, чем индивидуальное. Сам ум – является одновременно и тюрьмой, и надсмотрщиком в этой тюрьме. Только благодаря осознанности и мудрости, внутренней духовной дисциплине, человек начинает приобретать власть над собственным умом, а не ум над ним. В данном случае можно констатировать, что зрелый ум – мудр, он не конформен, и он сам вырабатывает свою жизненную концепцию, ценности, но они не выходят за пределы гармоничных (религиозных) моральных ценностей.

В большинстве случаев, любой человек может быть определен как конформист, и это объясняется тем, что мы одновременно состоим во множестве различных социальных групп и придерживаемся мнения большинства во многих из них по причине приемлемости традиций и систем мировоззрения, а также из желания быть принятыми в определенном обществе для отстаивания своих интересов единой силой всех соучастников.

Решение любой житейской или научной проблемы начинается с признания факта наличия сложной ситуации. Проблемы, возникающие перед обществом, не могут быть решены на том же уровне, на котором они возникают. Мно-

гие социальные проблемы имеют мировоззренческие корни. Основа всякого преобразования как духовного (внутреннего), так и социального (внешнего) – это осознанность, понимание того что «голос в твоей голове» – это не ты. С этого понимания начинается расширение сознания, открывание божественной мудрости. Поэтому трансформация сознания человека – это ключ к изменению не только ментальной и духовной сферы человеческой жизни, но других сфер общественного бытия. Эти сферы тесно переплетены.

Таким образом, на основе проведенного исследования выяснилось, что связь с этнической и религиозной идентичностью у опрошенных молодых людей не совпадают, 27,5 % респондентов не считают себя верующими, а 11,7 % – затруднились ответить на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим (ей), если да, то к какому вероисповеданию себя относите?»

Сознательное восприятие объективной реальности формируется и может меняться, искажаться под влиянием мнения большинства. Другие люди, их сознание, их поведение, средства массовой информации (телевидение, интернет) влияют на нас. Другими словами, поведение, а значит и мировоззрение, и жизненные принципы, и ценности детерминированы социумом, нашим окружением и без критического осознанного переосмысления которых, человек не может быть ответственным и свободным человеком. Свободным выбирать. Выбирать между бессознательной, конформной религиозностью (этническая религиозность) и истинным осмыслением принципа «жить согласно божественным принципам». Благо, если осознание, критическое переосмысление тех ценностей, которые человек впитывал с детства, совпадут с божественными принципами, и станут здоровой жизненной позицией человека. Конформизм – это не хорошо, не плохо, это – факт. Мы все – социальные существа, живя в обществе быть свободным от общества не возможно. Только осознав ключевую мысль, что мысли в голове (мое годами накопленное мировоззрение) и мое истинное «Я» - нетождественны, человек становится мудрецом. Такой человек не конформен и не неконформен, он просто живет радостью бытия.

Пристатейный библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/asch2.htm> (дата обращения: 23.10.2016).
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.uk.ru/religion/> (дата обращения: 29.10.2016).
3. Вильданова Г. Б., Вильданов У. С. О взаимосвязи межконфессиональных и межэтнических отношений // Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 130-летию со дня рождения С.И. Руденко. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 239-247.
4. Психологический словарь / Под. ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова и др.; Науч.-исслед. ин-т общей и педагогической психологии Акад. пед. наук СССР. – М.: Педагогика, 1983. – 448 с.

3 Вильданова Г. Б., Вильданов У. С. О взаимосвязи межконфессиональных и межэтнических отношений // Материалы Всероссийской конференции с международным участием, посвященной 130-летию со дня рождения С.И. Руденко. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – С. 241.

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/asch2.htm> (дата обращения: 23.10.2016).

ВИЛЬДАНОВ Ханиф Салимович

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

ГАЛИЕВ Гали Талхиевич

доктор социологических наук, профессор Уфимского государственного нефтяного технического университета

ЭТНИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БАШКОРТОСТАНЕ (ЧАСТЬ 1)

В статье исследуется сущность содержания и состояния межнациональных отношений в поликультурной, многонациональной Республике Башкортостан. На основе анализа доступности административной и политической власти, степени экономической самостоятельности, уровня духовной и культурной свободы, доступности образования на родном языке, функциональности национальных общественных организаций и средств массовой информации показывается взаимосвязь и взаимообусловленность состояния межнациональных отношений с показателями этнической стратификации, которые определяют социальный статус этноса в многонациональном и поликультурном пространстве.

Ключевые слова: этнос, этническая стратификация, межнациональные отношения, полиэтничное культурное пространство, социально-экономическое, политико-правовое, культурное развитие региона.

VILDANOV Khanif Salimovich

Ph.D. in Philosophy, Head of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technological University

GALIEV Ghali Talhievich

Ph.D. in sociological sciences, professor of the Ufa State Petroleum Technological University

ETHNIC STRATIFICATION AND FEATURES OF INTERETHNIC RELATIONS IN BASHKORTOSTAN (PART 1)

In the article the essence of the content and state of interethnic relations in a multicultural, multi-ethnic Republic of Bashkortostan. On the basis of the availability of administrative and political power, the degree of economic independence, the level of spiritual and cultural freedom, access to education in their native language, the functionality of the national non-governmental organizations and the media shows the interconnection and interdependence of the state of interethnic relations with indicators of ethnic stratification, which define social ethnic status in a multinational and multicultural environment.

Keywords: ethnicity, ethnic stratification, international relations, multi-ethnic cultural environment, socio-economic, political, legal, cultural development of the region.

Вильданов Х. С.

Галиев Г. Т.

Особенности межнациональных отношений в Республике Башкортостан отчетливо проявляется в характеристиках этнической стратификации в республике. Именно этническая стратификация позволяет более подробно раскрыть сущность содержания и состояния межнациональных отношений в поликультурной, многонациональной социальной среде. Научная ценность изучения социальной среды через этническую стратификацию заключается в том, что она показывает многосторонность и многофакторность дифференциации полиэтничного общества. Социальный статус этноса в многонациональном и поликультурном пространстве определяется множеством факторов, критериями которых выступают доступность административной и политической власти, степень экономической самостоятельности, уровень духовной и культурной свободы, доступность образования на родном языке, функциональность национальных общественных организаций и средств массовой информации и т.д.¹. Данные критерии этнической стратификации в социально-экономической, поли-

тико-правовой, культурной и духовной сферах, выступающие вторичными факторами индивидуальной жизнедеятельности при стабильном развитии многонационального общества, в условиях обострения межнациональных противоречий приобретают особую значимость. Поэтому только возможность управления и регулирования в названных выше сферах может гарантировать и обеспечивать межнациональное согласие и стабильное развитие многонациональных социальных образований.

Исследуя межнациональные отношения и процессы, принято этническую стратификацию многонациональных и поликультурных образований условно разделять на внутреннюю и внешнюю. Подобное разделение актуально и при исследовании этнической стратификации в Республике Башкортостан. Особенность анализа внешней этнической стратификации заключается в том, что сопоставление по определенным критериям осуществляется с другими социальными образованиями, находящимися за пределами исследуемого соци-

1 Вильданов Х. С. Этнокультурная и национальная самоидентификация индивида и ее детерминация национальными ценностями

ми// Ценности и интересы современного общества: Международная научно-практическая конференция. 2014. С. 36.

ального пространства, при этом население данного многонационального социального пространства рассматривается как единое образование, без этнического разделения. Обращаясь к стратификационным характеристикам республики, следует выделить несколько особенностей. Внешняя этническая стратификация выражается в том, что по многим показателям этнического, национально-культурного, духовного и иного развития народы Башкортостана имеют более низкие показатели, чем этносы ряда стран бывшего Советского Союза, некоторых республик Российской Федерации и населения некоторых ее областей. Внешняя этническая стратификация характеризует соотношение уровня национально-культурного и иного этнического развития всех народов Башкортостана по сравнению с этносами других стран СНГ, республик и областей России. Эта стратификация сложилась в процессе длительного пребывания народов Башкортостана в составе Российской империи, СССР, Российской Федерации. Так, в начале 90-х годов по объему промышленного производства Башкортостан занимал 10-е, сельскохозяйственного производства - 6-е место среди республик и областей Российской Федерации; по выработке совокупного общественного продукта опережал все бывшие автономные республики, а в расчете национального дохода на душу населения опережал такие бывшие союзные республики, как Украина, Узбекистан, Казахстан, Грузия, Азербайджан, Молдова, Кыргызстан, Таджикистан, Армения, Туркмения. В то же время по многим показателям удовлетворения социальных потребностей Башкортостан занимал 60-70-е место. В 2000-х и 2010-х гг. Республике Башкортостан удалось сохранить, а по некоторым позициям повысить показатели, улучшая свое положение среди субъектов РФ. Например, по сведениям ИА «Башинформ» в 2013 году в промышленном производстве удалось достигнуть 2,8% общероссийского объема, что позволило занять седьмое место среди субъектов РФ. Но в 2015 г. показатели составили 2,7%, что определило девятое место среди регионов России². При этом показатели удовлетворения социальных потребностей также остались на более низких позициях, чем в других регионах страны.

Одним из показателей уровня развития населения и этноса служит структура городского и сельского населения общества. Общепринято считать, что чем выше уровень развития экономики, научно-технического прогресса, тем выше удельный вес городского населения. Среди 8 республик и областей Уральского экономического района Башкортостан занимало 7-е место по удельному весу городского населения, уступая Татарстану, Удмуртии и всем областям, кроме Курганской. По данным переписи населения 2012 года Республика Башкортостан среди 14 субъектов Приволжского федерального округа занимает 12 место, опережая Чувашскую Республику и Оренбургскую область. Эти данные говорят, что Республика Башкортостан остается регионом, где сельское население имеет высокий удельный вес: средние показатели сельского населения в ПФО составляют 29,0%, а Республике Башкортостан - 38,9%. Если рассматривать соотношение сельского населения РФ в целом и РБ, показатели республики оказываются еще выше - 38,9% против 26,0%. Из всех субъектов РФ по показателям удельного веса сельского населения республика занимает 16 позицию с низу, опережая только регионы Северо-

Кавказского и Сибирского федеральных округов. К тому же в республике наблюдается обратный урбанизации процесс - в 1990 году городское население РБ составляло 64,4%, а в 2012 году - 61,1%³.

Внутренняя этническая стратификация выражается в неодинаковом уровне национально-культурного и в целом этнического развития наций, проживающих в Башкортостане. Необходимость выявления внутренней этнической стратификации многонациональных и поликультурных образований связано с потребностью управления этническими процессами, формированием условий и предпосылок оптимизации этно-культурного, демографического развития наций в обстановке многофакторного внутреннего и внешнего воздействия на данную социальную реальность. Формирование условий и предпосылок этно-культурного, демографического развития наций требует определения не только основных критериев, влияющих на стратификационные процессы, но и детального рассмотрения параметров этнического развития, позволяющих выстраивать позиции конкретных этнических групп в структуре многонационального и поликультурного социального образования. Выявление критериев и параметров этнической стратификации направлено на разработку стратегий выравнивания уровней национально-культурного, социально-экономического, политико-правового развития каждого этноса многонационального образования. Задача заключается в том, чтобы на основе анализа конкретных выражений этнической стратификации определить направления деятельности, векторы развития и конкретные меры по ее оптимизации. Выравнивание показателей этнической стратификации и направленные на достижение данных показателей конкретные меры, предполагают выстраивания регулятивных процессов и деятельности на принципах равных возможностей, социальной и национальной справедливости, позволяющих не только преодолевать межнациональные дистанции в показателях этнической стратификации многонациональных образований и ликвидировать источники конфликтного противостояния этнических интересов, но и улучшить условия сосуществования народов и межнационального сотрудничества. Проблемы, связанные с состоянием этнической стратификации многонациональных образований, представляют собой двуединство национального и межнационального. Национальный аспект проблемы связан с решением таких вопросов, как ускорение темпов национально-духовного, демографического, этнокультурного развития конкретного этноса в рамках межнационального образования. Межнациональный аспект проблемы требует преодоления противоречий в области соотношения показателей развития народов в структуре этнической стратификации. Следовательно, поиск решения данной проблемы должен лежать в общей плоскости интересов каждого этноса многонационального образования. Преференции и особые условия развития конкретного этноса в рамках многонационального образования, создаваемые в процессе решения проблемы преодоления разрывов в этнической стратификации, требуют не только логической и объективной обоснованности, но и доступности в понимании представителями других этносов целесообразности и необходимости данных мер в социальном развитии всего сообщества. Выравнивание или преодоление

2 Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Валовой региональный продукт по видам экономической деятельности. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/

3 Федеральная служба государственной статистики. Бюллетень «Численность населения Российской Федерации по городам, поселкам городского типа и районам». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force

разрывов показателей этнической стратификации конкретного этноса в рамках многонационального образования основывается на изменениях соотношений удельного веса других этносов в общей структуре социальных показателей общества. Подобная восходящая трансформация показателей этнической стратификации конкретного этноса непосредственно оказывается в сфере интересов остальных этносов, уменьшая их удельный вес в общей структуре этнической стратификации. Например, рост представительства одного или нескольких этносов в управленческой сфере пропорционально приводит к уменьшению представительства остальных этносов в данной структуре. Из сказанного следует, что как игнорирование интересов этноса в единой структуре этнической стратификации многонационального образования, так и необдуманное вмешательство в общественные, в том числе и этнические, стратификационные процессы чреваты обострением и ростом противоречий в межнациональных отношениях. Безусловно, решение большинства противоречий межнациональных отношений в многонациональных образованиях лежит в плоскости стратификационных процессов и соотношения показателей этносов в общей структуре стратификации общества⁴. Следовательно, решение национальных и межэтнических проблем в многонациональных образованиях требует научно обоснованного подхода к управлению процессами этнической стратификации, обусловленного взвешенным, основанным на принципах равных возможностей, социальной и национальной справедливости, пониманием социально-экономического, политико-правового, этнокультурного развития каждого этноса. В противном случае, может не только произойти замедление темпов национально-культурного развития этносов в многонациональном образовании, но и ухудшение межнациональных отношений, обострение межнациональных конфликтов.

Одной из характеристик уровня развития этноса, показателем его включенности в научно-технический прогресс является стратно-классовая структура общества. Чем выше уровень развития экономики, научно-технического прогресса, тем выше удельный вес рабочих, интеллигенции и служащих в общей структуре населения. Башкортостан уступает по этому показателю многим государствам бывшего Советского Союза, областям и республикам Российской Федерации. Сопоставление динамики развития РБ по отраслям экономики и занятости населения в данных отраслях позволяет говорить в общем об обратных тенденциях в показателях. Так, в 1990 году структура занятости показывала в промышленности – 29,9%, в сельском хозяйстве – 16,3%, в строительстве – 12,9%, в здравоохранении – 5,4%, в образовании – 12,8%, в торговле – 7,2%. Позитивные изменения в показателях настоящего времени наблюдаются только в сферах оптовой и розничной торговли, где рост составляет больше 200%. и здравоохранения с ростом 1,3%. Во всех остальных отраслях экономики происходит снижение занятости населения, и больше всего снижение происходит в промышленности – на 11,6 %⁵. По приведенным отраслям экономики и занятости населения в данных отраслях в общей структуре этнической стратификации, народы РБ

уступают многим народам РФ. По данным Федеральной службы государственной статистики за последние 10 лет по всем отраслям экономики наблюдается рост показателей, кроме обрабатывающего производства и сельского хозяйства, в которых падение составляет 3,9 %, (от 18,2 % к 14,3 %) и 3,4 %, (от 10,1 к 6,7 %) соответственно⁶. Данные по отраслям экономики и занятости населения в данных отраслях, если учитывать основу экономики районов республики и их этнического состава, являются и показателями внутренней этнической стратификации народов РБ. К тому же, по данным Башкортостанстата, в республике наблюдается рост бедности и увеличение доли населения с доходами ниже величины прожиточного минимума: с 10,4% в 2013 году до 10,8% в 2014 году и до 10,9% в 2015 году. А в этом году уже официальным показателем является цифра 12,6%⁷.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Проблемы социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в постинтернатный период (социально-правовой аспект) // Евразийский юридический журнал. 2015. № 7 (86). С. 295-297.
2. Бондаренко А. В. Сильная Россия - залог региональной стабильности и безопасности // Евразийский юридический журнал. 2014. № 7. С. 8-10.
3. Вильданов Х. С. К проблеме корреляции этнокультурной стабильности регионов с процессами адаптации и интеграции мигрантов // Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 16 частях. 2015. С. 21-23.
4. Вильданов Х. С. Этнокультурная и национальная самоидентификация индивида и ее детерминация национальными ценностями // Ценности и интересы современного общества: Международная научно-практическая конференция. 2014. С. 35-39.
5. Министерство труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. Итоги деятельности в 2015 году и задачи на 2016 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mintrudrb.ru/upload/docs/sbornik_2015.pdf
6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан. Среднемесячная заработная плата работников предприятий и организаций в Республике Башкортостан по видам экономической деятельности январь-август 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/.
7. Федеральная служба государственной статистики. Рынок труда, занятость и заработная плата. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force

4 Вильданов Х. С. К проблеме корреляции этнокультурной стабильности регионов с процессами адаптации и интеграции мигрантов // Современное общество, образование и наука: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 16 частях. 2015. С. 21.

5 Министерство труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. Итоги деятельности в 2015 году и задачи на 2016 год // http://mintrudrb.ru/upload/docs/sbornik_2015.pdf

6 Федеральная служба государственной статистики. Регионы России. Социально-экономические показатели // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force

7 Министерство труда и социальной защиты населения Республики Башкортостан. Итоги деятельности в 2015 году и задачи на 2016 год // http://mintrudrb.ru/upload/docs/sbornik_2015.pdf

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович

кандидат философских наук, заведующий кафедрой Богословия и философии Нижегородской духовной семинарии

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ПРИРОДА» В ТВОРЧЕСТВЕ РАЙНХОЛЬДА НИБУРА

В статье исследуется антропологическое осмысление концепта «природа» в творчестве американского представителя протестантского христианского реализма Райнхольда Нибура. Показано, что концепт «природа», наряду с концептами «ум» и «дух», является одним из основных в конституировании образа человека.

Ключевые слова: Райнхольд Нибур, антропология, природа, теология, тело, витальность.

VOROKHOBOV Alexandr Vladimirovich

Ph.D. in Philosophy, Head of Theology and Philosophy sub-faculty of the Nizhny Novgorod Theological Seminary

ANTHROPOLOGICAL UNDERSTANDING THE CONCEPT OF "NATURE" IN CREATIVE WORK OF REINHOLD NIEBUHR

The article examines anthropological understanding of "nature" concept in the works of Reinhold Niebuhr, who was the representative of the Protestant Christian realism in America. It was shown that the concept of "nature", along with the concepts of "mind" and "spirit," is one of the main in the constitution of the human image.

Keywords: Reinhold Niebuhr, anthropology, nature, theology, body, vitality.

Ворохобов А. В.

Райнхольд Нибур – один из наиболее известных религиозных философов и теологов США XX в. Сам себя он считал проповедником и общественным деятелем, но его влияние на социальную этику сделало его значимой интеллектуальной фигурой современности. Термины «природа» и «тело» имеют важное значение в антропологическом мышлении Р. Нибура, будучи составной частью его целостной концепции личности. Это обусловлено логикой подхода самого мыслителя, который предпочитал начинать рассмотрение любого предмета с очевидных истин непосредственного опыта, с того, что является меньшим, чем ультимативное и окончательное, что проявляется наиболее ясно и может быть описано наиболее четко¹.

Понятие «природа» у Р. Нибура является одной из трех зависимых категорий, составляющих личность. Ограниченность предполагает деривацию, зависимость, детерминированность и недостаточность. Р. Нибур отмечает, что хотя личность и «рассматривается как целостный мир и побуждает в качестве кандидатуры на божественность расценивать себя как отчасти превосходящую свое тело, она все же сама остается весьма зависимой»². Человек вовлечен в «необходимости и контингентности природы»³. Природа – это мир «естественной необходимости»⁴. Человек и его мир ограничен множеством различных факторов. Наиболее показательным здесь является окружающий его физический и биологический

мир, то есть пространство материального и неорганического и органическо-физиологических процессов, связанных с последним. Природа как каузальность и упорядоченная последовательность имеет для понимания мысли Р. Нибура весьма важное значение. Речь идет о ее повторяющихся, циклических и механистических аспектах. Человеческое превосходство «является основой человеческой истории с ее прогрессивным изменением форм, что отличает ее от природы, которая не знает истории, но лишь бесконечное повторение в пределах каждой конкретной формы»⁵. В одном из своих ранних трудов Р. Нибур отмечает, что только мифу под силу «обнаружить глубинное измерение в реальности и указать на сферу сущности за пределами поверхностной истории, в которой имеют место открываемые и анализируемые наукой чередования причин и следствий»⁶. Человек и его мир ограничен множеством различных факторов. Наиболее показательным здесь является окружающий его физический и биологический мир, то есть пространство материального и неорганического и органическо-физиологических процессов, связанных с последним. Природа относится к неорганическому миру, где «вещество и силы объединены и разделены... с математической точностью»⁷, а также к органическому миру, где растительная жизнь образует собой огромное единое царство, а растения, умирая, переходят в неорганическое состояние. Высшим уровнем органического мира является жизнь животных, являющаяся «специфическим центром общей взаимозависимости, цен-

1 См.: Niebuhr R. Faith and History: A Comparison of Christian and Modern Views of History. New York, Scribner's, 1949. P. 152-165.

2 Niebuhr R. The Nature and Destiny of Man, which was based on his Gifford lectures delivered at Edinburgh in 1939. Volume 1-2. 1964 by Prentice-Hall, Inc. Reprinted by permission of Simon & Schuster. Introduction @ 1996 Westminster John Knox Press Reprinted from the English Edition by Westminster John Knox Press. Volume 1. 1996. P. 170.

3 Ibidem. P. 181-182.

4 Niebuhr R. Faith and History: A Comparison of Christian and Modern Views of History. New York, Scribner's, 1949. P. 79.

5 Ibidem. P. 69.

6 Нибур Р. Опыт интерпретации христианской этики // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: «Юристъ». С. 382.

7 Niebuhr R. The Nature and Destiny of Man, which was based on his Gifford lectures delivered at Edinburgh in 1939. Volume 1-2. 1964 by Prentice-Hall, Inc. Reprinted by permission of Simon & Schuster. Introduction @ 1996 Westminster John Knox Press Reprinted from the English Edition by Westminster John Knox Press. Volume 1. 1996. P. 54.

тральной нервной системой»⁸. Р. Нибуэр, таким образом, отсылает к «миру естественной необходимости» с «его биологическими структурами»⁹. Сюда входят такие детерминации, как: пожары, наводнения, болезни, родовые увечья и условия рождения (местоположение, национальность, топография), половая идентификация, расовая принадлежность и место в социо-экономической структуре определенного общества.

Среди множества понятий, с помощью которых Р. Нибуэр описывает сферу природы, самым важным, и, вероятно, наиболее комплексным, является понятие «витальность» или же «природная витальность», которая представляет собой важный аспект природы, представляя собой динамическую и энергетическую силу в биологических и органических объектах¹⁰. Это понятие важно по нескольким причинам. Во-первых, «витальность», наряду со своим коррелятом «форма» является основой для рассмотрения Р. Нибуэром личности, поскольку личность является объединением витальности и формы. Реальная личность совершенно витальна и совершенно формальна. Во-вторых, определение Р. Нибуэром Бога и Его встречи с человеком, коренится в его анализе витальности, формы и трансцендентности Бога в их отношении. В-третьих, Р. Нибуэр связывает термин «креативность» с его обсуждением витальности, формы и трансцендентности. Витальность и форма являются основанием для любой попытки объединения базовых категорий (природа, разум, дух) в понятиях «личность» и «креативность». Говоря о витальности, Р. Нибуэр имеет в виду устойчивую и неустрашимую силу, изначально присущую био-органической природе, которая, подвергаясь периферийным модификациям, в сути своей остается такой, какой была всегда. В этом смысле одной из основных функций витальности является то, что она ограничивает человека, и это ограничение он не может полностью изменить или отменить. Это одна из данностей существования. Витальность в этом смысле – неизменное врожденное стремление к животной части своей жизни. При этом нельзя говорить, что витальность обуславливает ограниченность человека. Механистический аспект природы связан с ее «формами и сочлененностями», с ее «детерминациями» и с ее нуждой во «врожденном порядке и единстве биологического импульса»¹¹. Природная витальность имеет предсказуемые, повторяющиеся и неизменные механистические характеристики.

Понимание Р. Нибуэром «органического» состоит в том, что это просто рост и развитие жизни растений и животных на основе присущей им энтелехии. Это развитие полностью предсказуемо от появления до смерти. Чем меньшей является предсказуемость, тем менее «природным» процесс. Эта врожденная направленность и есть форма и единство природы. Его понимание природы объясняет многие связанные с ней понятия, такие как, «конечность», «тварность» и «тело», каждое из которых является диалектическим. Конечность или ограниченность находится в диалектическом отношении к свободе, творение и тварность к Творцу, а тело к духу.

Понимание Р. Нибуэром «органического» состоит в том, что это просто рост и развитие жизни растений и животных на основе присущей им энтелехии. Это развитие полностью предсказуемо от появления до смерти. Чем меньшей является предсказуемость, тем менее «природным» процесс. Эта врожденная направленность и есть форма и единство природы¹². Его понимание природы объясняет многие связанные с ней понятия, такие как, «конечность», «тварность» и «тело», каждое из которых является диалектическим. Конечность или ограниченность находится в диалектическом отношении к свободе, творение и тварность к Творцу, а тело к духу.

Прилагательное «конечный», или существительное «конечность» являются словами, описывающими у Р. Нибуэра некоторые антропологические аспекты. Речь идет о конечности и свободе, природе и духе. Все что может быть сказано относительно природы, может быть сказано и относительно конечности. В связи с этим Р. Нибуэр говорит о «парадоксе свободы и ограниченности» или о «противоречиях свободы и ограниченности»¹³. Кроме того, о природе может быть сказано еще и то, что, несмотря на множество индивидуальных точек зрения, человек не является всемогущим и всезнающим. Напротив, «человеческие перспективы всегда частичны и финитны»¹⁴, но, при этом все люди заняты «опровержением финитности нашего знания»¹⁵. Конечность также является «неполнотой» в том смысле, что человек сам по себе недостаточен для осуществления своей собственной природы. В процессе дискуссии о половых различиях и грехе Р. Нибуэр отмечает: «продолжение рода очевидно нуждается в финитной экзистенции... в неполноте мужчины и женщины друг без друга, что является наиболее ярким примером недостаточности и зависимости одной жизни от другой»¹⁶. В этом смысле, конечность можно назвать зависимым характером человеческой жизни.

Как и понятие «конечность», также и концепция человека как творения, у Р. Нибуэра получает свое значение из его концепта «природа». Все, что может быть сказано о природе, может быть сказано и о творении. «Творение» - библейский эквивалент понятию «природа», также как термин «творец» родственен слову «дух», а отношения между человеком как творением и человеком как творцом определяются отношениями между природой и духом. Термин «творение» устанавливает связь между антропологией и нравственностью в творчестве Р. Нибуэра, с одной стороны, и его приверженностью к библейским моделям и языковым выражениям, с другой стороны.

Понятие «тело» у Р. Нибуэра связано с понятием «природа», так что все то, что может быть сказано о природе, может быть сказано и о теле. Однако понятие «тело» у Р. Нибуэра преимущественно имеет отношение к концепту «личность». Таким образом, тело является природным аспектом индивидуальности. Человек живет в соединении природы и духа, будучи укоренен в природе. Но, однако, только у личности есть тело. Нибуэрово определение тела, отдавая должное природе, делает акцент на конкретность и на органическое единство с духом. Люди существуют как дискретные единицы или объекты, противопоставленные миру, и они знают об этой разобщенности. Человеческая индивидуальность обусловлена этими двумя фактами, являясь «плодом и природы, и духа. Она

8 Ibidem. P. 55.

9 Niebuhr R. The Tyranny of Science // Theology Today. Vol. 10, January 1954. P. 466.

10 Niebuhr R. Moral Man in Immoral Society: A Study in Ethics and Politics. New York, Scribner's, 1932. P. 25.

11 Niebuhr R. The Nature and Destiny of Man, which was based on his Gifford lectures delivered at Edinburgh in 1939. Volume 1-2. 1964 by Prentice-Hall, Inc. Reprinted by permission of Simon & Schuster. Introduction @ 1996 Westminster John Knox Press Reprinted from the English Edition by Westminster John Knox Press. Volume 1. 1996. P. 27, 40.

12 Ibidem. p. 142.

13 Ibidem. P. 179, 182.

14 Ibidem. P. 179, 151.

15 Ibidem. P. 215.

16 Ibidem. P. 171.

– плод природы, поскольку основание личности заложено в партикулярности тела»¹⁷. Тело же является индивидуализированным и ясно различимым сегментом природы. Именно телу Р. Нибура приписывает все аспекты природной витальности и при этом, одновременно, он видит в нем подлинную человечность – индивидуальность и уникальность каждой отдельно взятой человеческой персональности. Уникальность всякой личности отчасти обуславливается тем, что ее тело никогда не является полностью идентичным с каким-либо другим телом. Между природой и телом существует континуальность, что позволяет Р. Нибуру относить к сфере тела сексуальные импульсы человека (стремление к размножению), а также импульсы выживания и самосохранения. Телу, таким образом, принадлежат витальные импульсы человека, а также посредством него он осознает свою конечность и свое тварное бытие. Тем не менее, поскольку для Р. Нибура не существует «чистой» природы, то не существует и тела обособленного от духа и ума. То есть, отношения духа и тела в личности являются не сепарированными, а объединенными. Это означает, что личность существует в переживании континуальности самой себя и своего тела, так что свое тело никогда не воспринимается как просто объект наряду с другими объектами, но при этом сохраняется подлинная объективность в отношении к телу (в смысле превосходства).

Подводя итог, можно констатировать, что концепт «природа» у Р. Нибура принадлежит к общим качествам как принцип, определяющий и идентифицирующий человеческую личность. Кроме того, природа может быть определена и в более узком смысле, как то, что специфически ограничивает человека и его универсум. Мир природы характеризуется детерминированностью и, как следствие, отсутствием свободы.

17 Ibidem. P. 54.

Наиболее характерным термином для «природного» является «витальность», целью которой является распространение присущей ей формы существования. В человеке витальность проявляется в виде половых импульсов, будучи направляемой присущей ей формой. Человек, как существо телесное, принадлежит миру природы, обладает всеми ограничениями, которые свойственны природе. Речь, в первую очередь, идет о его конечности. Человек сотворен, а, следовательно, не абсолютен. Примечательно, что именно принцип телесности делает, помимо прочего, человека неповторимой индивидуальностью. Человек – не просто тело, ум и дух, но целостное живое существо, где ментальное, духовное и телесное неразрывно связаны.

Пристатейный библиографический список

1. Нибура Р. Опыт интерпретации христианской этики // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура. М.: «Юристъ». С. 375-514.
2. Niebuhr R. Faith and History: A Comparison of Christian and Modern Views of History. New York, Scribner's, 1949. 275 p.
3. Niebuhr R. The Nature and Destiny of Man, which was based on his Gifford lectures delivered at Edinburgh in 1939. Volume 1-2. 1964 by Prentice-Hall, Inc. Reprinted by permission of Simon & Schuster. Introduction @ 1996 Westminster John Knox Press Reprinted from the English Edition by Westminster John Knox Press. Volume 1. 1996. 306 p.
4. Niebuhr R. The Tyranny of Science // Theology Today. Vol. 10, January 1954. P. 464-473.
5. Niebuhr R. Moral Man in Immoral Society: A Study in Ethics and Politics. New York, Scribner's, 1932. 284 p.

Воронцова О.В.

Общественный Экологический Контроль

ВОРОНЦОВА
Оксана Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-
правовых дисциплин,
декан юридического факультета
ГОУ ВО «Юри» республиканская
академия государственной
службы и управления.
Монография представляет собой
первое комплексное исследование
правовых проблем, возникающих в
сфере общественного
экологического контроля.
Автор будет признателен
за любые отзывы:
mar.73@list.ru

ПОЗДЯЕВА Светлана Михайловна

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и политологии Башкирского государственного университета

КУЛЬТУРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье раскрывается проблематика реализации культурной модернизации в современной России и ее социальные последствия. Особое внимание уделяется изменению системы ценностей современного российского общества в условиях глобализации.

Ключевые слова: культурная модернизация, система ценностей, традиционные ценности, культурная идентичность, модернизационная элита, глобализация, субъекты модернизации, государственное управление.

POZDYAEVA Svetlana Mikhailovna

Ph.D. in Philosophy, professor of Philosophy and Political Sciences sub-faculty of the Bashkir State University

THE CULTURAL MODERNIZATION AS AN IMPORTANT DIRECTION SOCIAL REFORM IN MODERN RUSSIA

The article deals with the problems of the implementation of cultural modernization in contemporary Russia and its social consequences. Particular attention is paid to changes in the value system of a modern Russian society in the conditions of globalization.

Keywords: cultural modernization, system of values, traditional values, cultural identity, modernization elite, globalization, subjects of modernization, public administration.

Поздьева С. М.

В условиях экономических, политических, социальных и культурных реформ, происходящих в современной России, перед модернизационной элитой встают новые проблемы, требующие своевременного решения. Сегодня это задачи, связанные с необходимостью осуществить культурную модернизацию.

Дефиниции, с помощью которых западные авторы пытались очертить параметры модернизированного общества, затрагивали разные аспекты социального бытия. Так, Нейл Селзер описывал модернизацию как комплексное, многомерное изменение, охватывающее шесть областей. «В экономике отмечаются: появление новых технологий; движение от сельского хозяйства как средства к существованию к коммерческому сельскому хозяйству; замена использования мускульной силы человека и животных «неодушевленной энергией» и механизмами; распространение городских типов поселений и пространственная концентрация рабочей силы. В политической сфере модернизация означает переход от авторитета вождя племени к системе избирательного права, представительства, политических партий и демократического правления. В сфере образования под модернизацией мыслится ликвидация неграмотности, рост ценности знания и квалифицированного труда. В религиозной сфере она выражается в освобождении от влияния церкви; в области семейно-брачных отношений - в ослаблении внутрисемейных связей и все большей функциональной специализацией семьи; в области стратификации - в усилении значения мобильности, индивидуального успеха и ослаблении предписаний в зависимости от занимаемого положения»¹.

Как видим, на макроуровне модернизация - комплексный процесс. Он охватывает все сферы общественной жизни -

экономическую, социальную, политическую, правовую, культурную и т.п. Поэтому можно говорить об одновременности этих модернизаций - экономической, политической, социальной, правовой и др. Изменения в этих сферах связаны между собой и влияют друг на друга. Если же между процессами модернизации происходит разбалансировка, то ее результаты оказываются частичными, ограниченными. Особое место в процессе превращения традиционного общества в современное занимает культурная модернизация.

Большая часть авторов, работающих в модернизационной парадигме, полагает, что в отличие от политической, экономической, социальной модернизаций, культурная модернизация - это более длительный во времени процесс, который может затрагивать жизнь нескольких поколений людей². Другая часть авторов настаивает, что характер модернизационных изменений настолько быстр, что сегодня, в течение жизни одного поколения, меняются не только культурные ценности, но и значительно трансформируются культурные стереотипы и нормы; этому способствует сеть Интернет³.

Однако и те, и другие согласны в том, что в условиях глобализации, оказывающей существенное влияние на модернизационные процессы, особенно остро ставится проблема сохранения традиционных культурных ценностей и национально-культурной идентичности⁴. Это с необходимостью тре-

1 Штомка П. Социология социальных изменений. - М., 1996. - С. 174.

2 Поздьева С. М. Социальные последствия модернизации в России // Вестник Башкирского университета. Научный журнал. - Уфа, 2012. - Т. 17. - №1 (I). - С. 657.

3 Соколова А. С. Современная российская молодежь как участник сетевого обучения // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность. Материалы Международной научной конференции. - Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. - С. 136.

4 Поздьева С. М. Изменение социальной идентичности как условие формирования разного отношения к современной модернизации в

бует воспроизводства соответствующего культурного поля для формирования и развития нынешних и будущих поколений россиян.

Специфика российской модернизации, по нашему мнению, состоит в сложном переплетении двух социально-культурных факторов. Один из них – историко-культурная традиция, а второй – наследие советского прошлого. Российскому обществу предстоит решить, что больше мешает нашему продвижению к современности: то, что унаследовано из общинного прошлого, патернализма, традиционализма, или же то, что связано с нетерпимостью к чужим взглядам, способам действий, позициям, стремлением во что бы то ни стало утвердить свою собственную правоту и свой образ мыслей, что еще в таком недалеком прошлом являлось отражением сути советской идеологии.

Принципиальное значение имеет также вопрос о том, какие силы приводят в действие процесс культурной модернизации: а) происходит она в условиях прямого подчинения внешним воздействиям (в данном случае, западной системе ценностей); б) вводится «сверху» действиями властей (государства) через новую идеологию, пропагандирующую иные культурные образцы, в) осуществляется определенными социальными группами (или слоями), созревшими к освоению новых ценностей и нового образа жизни.

В свое время, мы выделили следующие группы, концентрирующие позиции разных субъектов модернизации: 1) идеологи модернизации - модернизационная элита; 2) сторонники модернизации; 3) наблюдатели; 4) противники модернизации - консерваторы⁵.

Сравнивая ценностные ориентации этих групп, мы увидим, что, с одной стороны, наблюдается стремление элиты и сторонников модернизации активно копировать западные культурные образцы, но с другой, происходит полное отрицание этих образцов у консерваторов.

Мы также обнаружим значительную разницу в культурных ориентирах жителей крупных мегаполисов (так называемых «русских европейцев», сторонников модернизации) и у жителей дотационных регионов (в наших терминах - наблюдателей и консерваторов), что весьма доказательно обосновала Н. В. Зубаревич, разделив нашу страну на «четыре России»⁶.

Мы фиксируем разницу в использовании культурных норм материально обеспеченных групп населения (это – сторонники модернизации) и находящихся за границами выживания бедняков – противников модернизации, культивирующих традиционные нормы и даже архаические каноны преступного мира.

Эти и многие другие оппозиции приводят нас к выводу о формировании противоречия между ожиданиями субъектов по отношению к процессу культурной модернизации и конкретными результатами проведенных преобразований.

Пытаясь выявить источник общественных изменений, Б. С. Ерасов полагает, что основное противоречие модернизационного процесса – это «наложение и столкновение крайне несходных типов социокультурного устройства»⁷. Это противоречие для него превращается в тройное противостояние, проявляющееся как:

1. Столкновение традиции и современности – между сложившимся в обществе традиционным достоянием, мало отвечающим требованиям вхождения в мировую цивилизацию, обремененным устаревшими структурами, принципами и нормами, - и новым, означающим открытие путей развития, оживление общественной жизни, устремленность к переменам, освоение новым форм деятельности и мышления.

2. Столкновение между привносимыми западными социокультурными и политическими принципами, приспособленными к развитой буржуазной цивилизации и собственным достоянием, обеспечивающим выживание огромных масс населения. В этом измерении Запад предстает как носитель пагубного и разрушительного начала, а свое сложившееся национальное и религиозное достояние - как основа самостоятельности общества, его самобытности и культурного самоопределения.

3. Столкновение между стремлением к переменам, без которых невозможно поддерживать существованием общества в мире современных международных отношений, и к стабильности, нарушение которой чревато резкими социальными потрясениями и откатами⁸.

Как видим, все виды выделенных противоречий фактически сводятся к одному - столкновению между прошлым, которое воспроизводит устоявшуюся структуру и эталоны жизни, и будущим, ведущим общество к совершенно иным целям и образу жизни.

На фоне этих рассуждений становятся более понятными трудности осуществления очередной модернизации в России. Дело в том, что у нашей страны иные стартовые позиции и иной характер развития по сравнению с «первым эшеленом» модернизированных обществ. И хотя импульс на движение к модернизированному обществу в значительной мере исходит от ушедшего вперед Запада, последний сегодня выступает не в качестве примера для подражания, а в качестве внешней угрозы.

Почему же культурная модернизация в России затянулась?

Во-первых, модернизационные преобразования шли главным образом «сверху», не получая обратного импульса от «низов». Поэтому в России плохо приживались такие ценности как «рыночное общество», «частная собственность», «накопление капитала», «норма права», «гражданское общество». Они пропагандировались на уровне общественного сознания, но им до сих пор не хватило исторического времени, чтобы в нем закрепиться.

Во-вторых, если учесть полиэтничность страны, то надо признать, что в силу перечисленных исторических предпосылок в России не сложилась достаточно крепкая, развитая традиционная культура. Самый главный, на наш взгляд, показатель ее недостаточной развитости – давний, глубокий разрыв между сравнительно узкой управленческой и модернизированной элитой и остальным населением (вспомним хотя

России // Вестник ВЭГУ. Научный журнал. – Уфа, 2012. – №3 (59). – С. 110.

5 Поздеева С. М. Субъекты российской модернизации: сторонники и противники реформ // О вечном и преходящем: Сборник научных статей / Отв. ред. Р. Х. Лукманова. Выпуск 2. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С. 21.

6 Зубаревич Н. В. Территориальный ракурс модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 2 / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 272 с. – С. 222-223.

7 Ерасов Б. С. Социальная культурология. – М.: Аспект Пресс, 1997. – С. 461.

8 Там же. – С. 462-463.

бы культурные преобразования Петра I и его последователей). Этот разрыв ощущался не только как статусный, но и как социальный, и имущественный, и образовательный.

Исследователи полагают, что недостаточно развитая традиционная культура не только слабо порождает внутри себя элементы самоизменения, но и является ломкой, подверженной периодическим деструкциям в сторону архаики. Кроме того, Россия дала один из самых ярких примеров той закономерности «догоняющей модернизации», которая заключается в тенденции социально-культурной люмпенизации общества, быстрого разрушения традиционных институтов и ценностей без появления новых. Культурный распад усилился в эпоху трех революций начала XX в., мировой и гражданской войны. Именно социально-культурное люмпенство стало потом опорой сталинского режима⁹. Последний продолжил люмпенизацию общества уже сознательно (разрушение религии, крестьянского уклада, научных традиций и пр.).

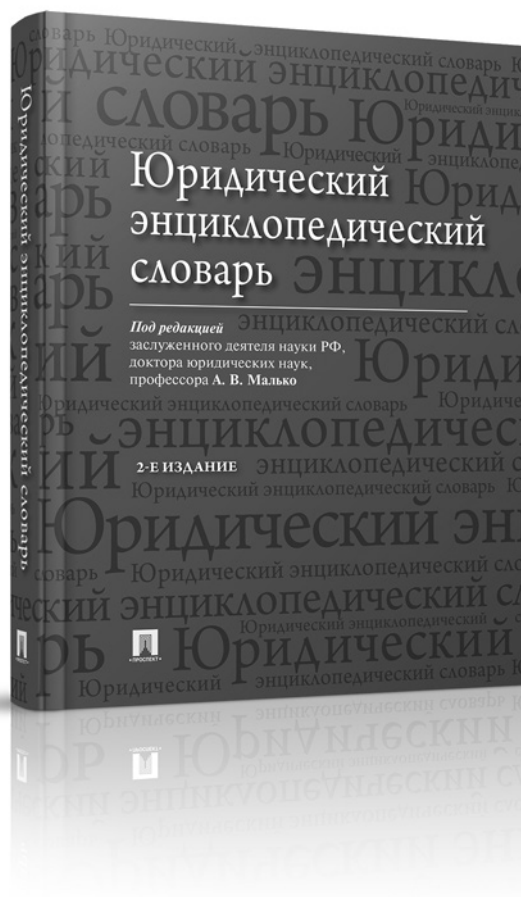
В-третьих, основные трудности культурной модернизации состоят в том, что по способам своего бытия ценности имеют сложнейший, многоуровневый характер и ярко выраженную социальную динамику. Они существуют и функционируют объективно в практике реальных социальных отношений и субъективно осознаются и переживаются людьми как ценностные понятия, нормы, императивы, цели и идеалы, которые, в свою очередь, через сознание социальных общностей оказывают обратное воздействие на все сферы человеческой жизни. Если этого не происходит, говорить о каких-либо результатах культурной модернизации не представляется возможным.

Будем надеяться, что осуществление не только политической, экономической, социальной, но и культурной модернизации в России поможет нам создать такую модель справедливого жизнеустройства, при которой станет возможным реальное смягчение социальных противоречий, создано культурное пространство для формирования будущих поколений, а свободное развитие каждого будет условием для свободного развития всех.

Пристатейный библиографический список

1. Ерасов Б. С. Социальная культурология. – М.: Аспект Пресс, 1997.
2. Зубаревич Н. В. Территориальный ракурс модернизации // Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. Сборник статей и материалов. Выпуск 2 / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2009. – 272 с.
3. Поздьева С. М. Изменение социальной идентичности как условие формирования разного отношения к современной модернизации в России // Вестник ВЭГУ. Научный журнал. – Уфа, 2012. – №3(59). – С. 105-110.
4. Поздьева С. М. Социальные последствия модернизации в России // Вестник Башкирского университета. Научный журнал. – Уфа, 2012. – Т. 17. – №1 (I). С. 657-661.

5. Поздьева С. М. Субъекты российской модернизации: сторонники и противники реформ // О вечном и преходящем: Сборник научных статей / Отв. ред. Р. Х. Лукманова. Выпуск 2. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. – С. 11-21.
6. Поздьева С. М., Фролова И. В. Социальная утопия: тип сознания, идеал, эксперимент. – Уфа, Изд-во БашГУ, 1997. – 150 с.
7. Соколова А. С. Современная российская молодежь как участник сетевого обучения // Культура и глобализация: традиция, память, идентичность. Материалы Международной научной конференции. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2015. – С. 136-140.
8. Штомка П. Социология социальных изменений. – М., 1996.

⁹ Поздьева С. М., Фролова И. В. Социальная утопия: тип сознания, идеал, эксперимент. – Уфа, Изд-во БашГУ, 1997. – С. 132.

ПОПОВ Виталий Владимирович

доктор философских наук, профессор кафедры теории и философии права Ростовского государственного экономического университета

КИСЕЛЕВ Сергей Александрович

аспирант кафедры теории и философии права Ростовского государственного экономического университета

УКОЛОВ Андрей Олегович

аспирант кафедры теории и философии права Ростовского государственного экономического университета

СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ*

В статье исследуются особенности сегментов темпоральных структур, используемых в социальном развитии. Представляются концептуальные аспекты конструирования сегментов времени в контексте социальных процессов. Рассматриваются характеристики и структура индивидуального времени. Показываются методологические особенности многоуровневости настоящего времени.

Ключевые слова: темпоральность, социальное развитие, социальный процесс, оценка, темпоральные сегменты, период транзита, динамические категории, феномен настоящего времени, будущее.

POPOV Vitaliy Vladimirovich

Ph.D. in Philosophy, professor of Theory and Philosophy of Law sub-faculty of the Rostov State Economic University

KISELEV Sergey Aleksandrovich

postgraduate student of Theory and Philosophy of Law sub-faculty of the Rostov State Economic University

UKOLOV Andrey Olegovich

postgraduate student of Theory and Philosophy of Law sub-faculty of the Rostov State Economic University

SOCIAL TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF SOCIAL PROCESSES

In article features of segments of the temporal structures used in social development are investigated. Conceptual aspects of designing of segments of time in the context of social processes are represented. Characteristics and structure of individual time are considered. Methodological features of a multilevelness of the present are shown.

Keywords: temporalnost, social development, social process, assessment, temporal segments, transit period, dynamic categories, present phenomenon, future.

В современных социально-философских работах исследование особенностей сегментов темпоральных структур особенно интенсивно проходит при изучении различных сторон социального процесса. Выделение ступеней осознания возможностей социального субъекта позволяет от дядщегося настоящего не просто определить и вывести альтернативы будущего развития, но и наметить целый ряд исторических возможностей, возможно конкурирующих между собой, но эти исторические возможности как раз и будут тем прямым путем, который будет связывать сегмент настоящего с сегментом будущего.

Достаточно близко к этой проблеме подходит малоизученная в социально-философской литературе проблема особенностей и структуры индивидуального времени. Фактически, в данной ситуации исследователь, конечно, работает сразу с тремя сегментами: сегментом прошлого времени, сегментом настоящего и сегментом будущего времени. В какой-то степени было бы справедливо сказать, что вполне естественно рассмотрение бытия социального субъекта, конечно, на первое место выводит самого человека, соотносящегося с бытием настоящим. Однако, если вновь вспомнить о том, что в рамках истории философии достаточно активно обсуждалась стрела индивидуального времени, то в данном случае отсутствие жесткого выделения прошлого, настоящего и будущего при-

ведет к тому, что подобная стрела фактически не будет иметь ни начала, ни конца, что с нашей позиции выглядит не совсем правильно. Поэтому можно принять своеобразную идеализацию, которая даст возможность наиболее точно и четко зафиксировать то, что происходит в рамках индивидуально-времени социального субъекта в сегменте настоящего. Конечно, социальный процесс продолжается, существует его длительность, структура, но тогда сама структура безусловно будет делиться на моменты и интервалы времени, потому что необходимо рассматривать как те или иные состояния, так и те или иные процессы, что предполагает разную темпоральную референцию.

Длительность в рамках настоящего времени будет определяться как длительностью с точки зрения непрерывности, так и некоторой конечностью, которая будет образовывать те или иные границы между различными интервалами или между моментами. Поэтому выбираем двухуровневую структуру сегмента настоящего, в рамках которого рассматривается осознание человеком своего собственного бытия. Т.е., с одной стороны, идет рассуждение о непрерывности подобного сознания и о том, что такая непрерывность рассматривается сквозь призму различных человеческих интенций на основе интервальной концепции времени. Человек как исследователь может фиксировать, делать определенные огрубления в отношении подобного процесса и тогда на первый план выходят моменты, метамоменты, выходит определенная конечность и, соответственно, возникает двойная темпоральная онтология. Поэтому, чтобы не было в рамках сегмента настоящего време-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта "Трансформация стратегий исследования динамики социальной реальности", № 16-33-00003.

ни феноменологических разрывов, удобно использовать термин 'стадия'. Стадия будет выполнять две функции: с одной стороны, в рамках стадии будет осуществляться тот или иной моментно-интервальный процесс, а, с другой стороны, стадии свяжут конечные точки интервалов. Т.е. настоящее время лишится каких-либо разрывов. Это действительно давняя проблема, которая поднималась еще Аристотелем и Петром Испанским и касалась того, стоит ли говорить о том, что между различными частями исторического процесса есть какие-то разрывы, или есть какие-то точки, ведь любой исследователь может рассмотреть этот разрыв, или эту точку таким образом, что она у него разрастется до интервала и тогда следует рассматривать исключительно дискретные позиции, а это не всегда нужно, не всегда желательно, потому что начинают работать аристотелевские сентенции типа: «начинает быть так, что», «прекращает быть так, что».

Необходимо иметь такой инструментарий, чтобы определить, когда в данном интервале имеется последний момент и когда в следующем интервале появляется первый момент. Если вводить понятие стадии, то она перекрывает два эти момента и фактически одно перетекает в другое, образуется непрерывность в реализации человеком своего собственного бытия. Данные вопросы не нашли широкого распространения в рамках социальной философии, однако правомерно отметить, что прошлое, настоящее и будущее следует рассматривать в рамках такого комплекса, когда в рамках прошлого, т.е. подхода к изучению настоящего с точки зрения реализации бытия человека, на первый план выходит, допустим, внутренняя определенность, различные качества, отношения, именно с этих позиций будет в рамках настоящего времени рассматриваться человек.

Исходно предполагаем наличие в рамках настоящего времени качественных характеристик социального субъекта. При этом любой переход, как от прошлого к настоящему, так и от настоящего к будущему претерпевает различные изменения. Поэтому социальный субъект как исследователь должен всегда иметь ввиду то, что относительно своеобразных границ между прошлым и настоящим всегда может быть корректировка не только качественных, но и количественных характеристик, что приведет к возможным изменениям в рассмотрении исторического процесса.

Более того, когда социальный субъект рассматривает настоящее время с позиций того, что он взял в прошлом для настоящего времени, он реализовывает тот свой уровень социального бытия, который называется оценочным уровнем, в классическом варианте периода транзита - это есть определенный уровень, на котором реализуется одна из оценочных версий социального бытия. Однако существует и вторая сторона в данной ситуации. Тогда, когда идет переход уже от сегмента настоящего времени к сегменту будущего времени. Конечно, это уже не оценочный уровень, а это уровень перспектив, уровень предопределенностей. Исследователь может рассуждать о том, что он в какой-то мере завершает изучение социального процесса с точки зрения его структуры и других содержательных интенций по отношению к сегменту настоящего времени, но, с другой стороны, он обязательно должен сказать о том, происходит ли изменение параметров в отношении усложнения. Это касается и линейных представлений исторического развития, это касается и спиралеобразных, и цивилизационных, и особенно это касается социальной синергетики. Поэтому, когда от прошлого осуществляется переход к фрагменту будущего, то сам уровень перспектив позволяет исследователю выйти на новый уровень. Если это детерминист-

ская позиция, то это будет тот уровень, который определен всем предшествующим историческим процессом, если это будет синергетическая позиция, то начнется определенный новый цикл бифуркационного поля. Объект уже будет восприниматься как сложная социальная система, выходящая на свой новый уровень.

Обратим внимание на то, что в научной литературе такие понятия возможности, перспективы и тенденции не имеют четкого концептуального различия. Между тем, по нашему мнению, это приоритетный вопрос, когда дело касается конструирования будущего времени. Автор данного исследования, конечно, представляет себе семантики возможных миров, например, в духе С. Крипке или Я. Хинтикки, и вполне поддерживает их идеи относительно определенной корреляции реальности и возможности. Однако возникает вопрос относительно того, насколько корректно сами миры, понимаемые как возможные реализации настоящей реальности, будут представляться в качестве перспектив сегментов будущего.

Когда рассматривается социальный процесс, то на приоритетные позиции выступает такая ситуация, при которой момент, связанный с настоящим, нередко конструируют в целом, в качестве сегмента настоящего. Возникает некоторая двухсортная онтология, связанная с тем, что исследователь представляет себе определенный параметр, касающийся настоящего времени, причем этот параметр находится на определенной хронологии. С другой стороны, берется фрагмент настоящего, возможно даже длящегося настоящего, и тогда это дает возможности уже более углубленного рассмотрения самого настоящего времени. Т.е. возникает некоторое противоречие между тем как на шкале времени ставить определенные границы между теми или иными сегментами социального процесса, и теми пластами социального процесса, которые учитываются с точки зрения, допустим, определенного комплекса социальных событий.

Подобная ситуация не имеет критической противоречивой ситуации, т.к. всегда можно найти корреляцию между определенной границей момента, даже достроить его до метамомента, но представлять себе фрагмент или пласт настоящего времени, который может представлять из себя перспективу в будущем - это видимо будет уже достаточно серьезная идеализация. Конечно, в таком направлении рассуждение проходит относительно того, что когда-то в сегменте прошлого времени находились комплексы социально-исторических событий. Но, в данном случае, не стоит проводить достаточно сильные идеализации в отношении такого предположения, т.к. нет никаких оснований говорить о том, что эти сегменты не просто завершились в прошлом, они могли завершиться к настоящему, они могли перейти через настоящее в будущее, в конце концов, даже можем предположить, что те комплексы социальных событий, которые зародились в каком-то прошлом времени, могут вполне пройти сквозь настоящее и перейти в будущее.

Другое дело, что получают ли они в будущем свою оценку и какая это будет оценка - корректная оценка, валидная, получают ли они какую-то значимость, или нечто другое. При подобном понимании, сегмент будущего времени получает своеобразную двойную смысловую нагрузку: с одной стороны, он как раз является тем полем, где образуются комплексы социальных событий, прошедшие через социально-исторические процессы, а с другой, в этот момент будущего времени могут переходить комплексы социальных событий, которые возможно получили свое развитие только в настоящем времени, а в будущем получают определенную оценку.

Имеются и локальные социальные события, относящиеся к фрагменту будущего времени, причем они эту оценку получают действительно в будущем времени, не имея такой в настоящем времени. Это несколько парадоксальная ситуация, однако борьба, конкуренция, соперничество тенденций, альтернатив в рамках периодов перехода, в контексте настоящего времени могут дать любые варианты по отношению к фрагменту будущего времени.

Пристатейный библиографический список

- Музыка О. А., Попов В. В., Фатыхова Е. М. Особенности оценки противоречий и переходных периодов в трансформациях современного российского общества // *Фундаментальные исследования*. 2011. № 8-1. С. 190-194.
- Попов В. В. К логической проблеме изменений во времени // *Философские науки*. 1991. № 5. С. 174-177.
- Попов В. В. Концепция прошлого в контексте исторического процесса // *Философия права*. Ростов н/Д, 2010. № 5. С. 72-76.
- Попов В. В. Логические и теоретические модельные аспекты исследования темпоральности в социально-философском дискурсе // *Научная мысль Кавказа*. Спецвыпуск. № 1. Ростов н/Д, 2006. С. 24-27.
- Попов В. В. Методологические аспекты анализа переходных состояний // *Научные исследования: информация, анализ, прогноз*. Воронеж, 2003. С. 182-189.
- Попов В. В. Фактор времени в детерминистских и индетерминистских теориях исторического процесса // *Философия права*. Ростов н/Д, 2011. № 4. С. 86-90.
- Попов В. В. Философия истории: постнеклассический дискурс // *Современные наукоемкие технологии*. 2014. № 3. С. 158-162.
- Попов В. В., Тимофеев В. А. Методологические особенности периода транзита в догоняющем государстве // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2-25. С. 5743-5747.
- Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А. Противоречия в контексте переходных периодов транзитивного общества // *Международный журнал экспериментального образования*. 2016. № 7. С. 111-114.
- Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А., Уколов А. О. Особенности глобализации в контексте социальной синергетики // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 8-2. С. 307-310.
- Попов В. В., Музыка О. А., Тимофеев В. А., Уколов А. О. Темпоральность и транзитивность в историческом процессе // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2016. № 7-6. С. 1110-1113.

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики

МОНОГРАФИЯ

Монография «Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики»

Противодействие экстремизму и терроризму в Крымском федеральном округе: проблемы теории и практики: монография / под общей редакцией С.А. Буткевича. – Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2015. – 328 с.

Монография посвящена анализу современных проявлений экстремизма и терроризма. Приведены законодательные и доктринальные определения экстремизма и терроризма, охарактеризованы основные формы и методы экстремистской и террористической деятельности. Определены характерные черты международного экстремизма и терроризма, разработаны предложения и рекомендации по усовершенствованию приемов и способов противодействия данным явлениям, оптимизации форм и методов деятельности субъектов борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Предназначена для профессорско-преподавательского состава и научных сотрудников образовательных и научно-исследовательских организаций системы МВД России, сотрудников правоохранительных органов и работников правозащитных организаций.

ВАЛИУЛЛИНА Зайнаб Рахимьяновна

кандидат философских наук, доцент факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

ХАНОВА Руфина Вильсоновна

кандидат философских наук, доцент факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

СУФИЗМ В КОНТЕКСТЕ МУСУЛЬМАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Суфизм как мощное духовное движение выразил своеобразные черты культуры мусульманского мира. Суфизм в контексте ислама представляет мистико-аскетическое, религиозно-философское течение в исламе, субкультурный феномен, сложившийся в контексте целостной системы арабо-мусульманской культуры, обладающий общечеловеческими духовно-культурными ценностями.

Ключевые слова. Суфизм, культура, ислам, религиозно-философское учение, духовность, ценность, аскетизм, мистицизм, Бог, самосовершенствование.

VALIULLINA Zainab Rakhimyanovna

Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

KHANOVA Rufina Vilsonova

Ph.D. in Philosophy, associate professor of the Faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

SUFISM IN CONTEXT OF MUSLIM CULTURE

Abstract. Sufism as a powerful spiritual movement expressed the peculiar features of the culture of the Muslim world. Sufism in the context of Islam is a mystical-ascetic religious and philosophical movement in Islam, a subcultural phenomenon that emerged in the context of an integrated system of Arab-Muslim culture that has universal spiritual and cultural values.

Keywords. Sufism, culture, Islam, religious and philosophical doctrine, spirituality, values, asceticism, mysticism, God, self-improvement.

Валиуллина З. Р.

Ханова Р. В.

Одной из актуальных проблем осмысления культурного наследия исламского мира является проблема суфизма, оказывающего влияние на всю духовную культуру мусульманского мира, на его научную мысль, философию, литературу, поэзию.

Суфизм занимает особое место в мусульманской культуре. Суфизм (тасаввуф) включает в себя мистицизм, философию ислама, научные и религиозные концепции познания мира, литературные и поэтические формы выражения мировоззрения. Суфизм включает в себя мистицизм, философию ислама, научные и религиозные концепции познания мира, литературные и поэтические формы выражения мировоззрения. Цель суфизма – путем особого образа жизни и психотехник достигнуть стадии хакикат (истина), на которой исчезает разделение на добро и зло, истину и ложь, угасают все интересы, кроме жажды Божественного, исчезает свое «Я», погружаясь и растворяясь в Боге – Аллахе. Основные положения философского суфизма сформулировал в своих трудах Ибн аль-Араби, богослов и поэт из мусульманской Испании, создавший учение о «единстве бытия», согласно которому бытие Бога сливалось с бытием его творения.

Являясь религиозно – философским учением о правилах поведения и послушания суфия (путника), ищущего истину и стремящегося к ее постижению, суфизм восполнил и развил те институты ислама, которые апеллировали к сфере его культуры. Важную роль сыграло и то обстоятельство, что су-

физм освоил те культурные ценности, которые были внесены в формировавшуюся мусульманскую культуру доисламскими цивилизациями.

Суфий («путник») должен пройти трудный и долгий путь религиозно – нравственного самоусовершенствования, духовного очищения и самоуглубления, отрешения от мирского «я». «Путник» лично сам сближается с богом, проходя несколько стадий, или «стоянок» (макам), духовного совершенствования. Число этапов «пути» суфия принималось разное, но чаще учили о четырех стадиях: 1) шариат – «прямой путь», которым нужно следовать, руководствуясь установлениями веры; это – условие или подготовительная стадия; 2) тарикат (араб. – тропа, путь к истине) – метод морально – психологической подготовки, состоящей в отречении суфия от жизненных благ; человек находит себе учителя и под его духовным руководством проходит все стадии изменения сознания («стоянки»), после чего выходит из своей прежней сущности и ему открывается пространство и время духовного мира; 3) мари-фат (мудрость) есть собственно мистическое познание, путь к нему, когда, отрешившись от собственного «Я» и впад в состояние экстаза. Суфий может в отдельные моменты иметь «единение» с Богом; 4) хакикат (истина) – выражается в полном слиянии суфия с «абсолютной истиной», с Богом¹.

1 Петраш Ю. Г. Ислам: происхождение, вероучение, современность (Философско-культурологический взгляд). М.: Республика, 2005. С. 165.

Категория пути, странствия к постижению истины, а также понятие Света, воплощающее единство духовно прекрасного и божественного всегда оставались главными для суфизма. «Божественный свет» исходит от Аллаха, который несет в себе часть души человека – «тайник сердца», обращенный к Богу. На основе положения Корана о том, что только любимые Богом открывают путь к нему, в суфизме одно из главных мест заняла категория любви, олицетворявшая полноту слияния человека с божественным. Достижение любви значило осознание единства – Божий свет, просиявший во всех темных уголках Земли, сотворенной единой обителью для всех верующих². Любовь к Богу, являясь ведущей идеей суфизма, может принимать характер исступления, «опьянения» Богом (метафоры вина и опьянения постоянно встречаются в суфийских текстах). Суфий – влюбленный, он весь во власти своей «Возлюбленной». Но эта влюбленность, любовная одержимость Богом ведет к познанию, гнозису, который и остается целью суфия, называющегося «познавшим». Таким образом, суфизм предполагает познание Бога через любовь к Нему, причем богопознание реализуется через единение или слияние с Богом, растворение в Боге, достигаемое в любви. Причем, Бог в суфизме есть Истина, надличностная Сущность, отсюда любовь к Богу – любовь к Истине, и наоборот. Хотя ислам является «мужской» религией, но в суфизме Бог – Возлюбленная, Женственность. Бог есть Дух, а Дух по – арабски (рух) – слово женского рода. Суфий, достигший мистического экстаза, уже не разделяет мир на верных и неверных, на добро и зло. Он постигает основу мира и основа эта – Бог. Дух веротерпимости, соединенный с поиском вина восторга от познания Истины, – подлинный дух суфизма. «Прежде чем в этом мире появился сад, виноградная лоза и виноград, наши души уже были пьяны от вина бессмертия», – говорил Джалал ад – дин – Руми³. Практически все религии обладают своими, выработанными веками психотехниками, приводящими к откровению. Для суфиев – это зикр (араб.: упоминание). Необходимость зикра обоснована Кораном: «О те, которые уверовали! Помните Аллаха частым упованием и прославляйте его утром и вечером!» Цель зикра – погружение в созерцание Аллаха в состоянии трансa. Практика суфизма состоит из различного рода медитаций, особых духовных упражнений, рецитации определенных формул и молитв, специфических движений, музыки, танцев, позволяя участникам приблизиться к божественной реальности. Суть этих приемов одна: небывалый подъем духа человека, выход на принципиально новый уровень познания – обретение истины. Суфийский мистицизм отличают четыре формы познания, символами которых выступают четыре жидкости⁴. Первая форма – восприятие явлений окружающего мира с помощью пяти органов чувств и разума – доступна практически каждому человеку без особой подготовки. Именно эта форма породила науку. Символом такого восприятия является прозрачная вода. Она легко усваивается, но мало что дает человеку, хотя жизнь без нее абсолютно невозможна. Второй формой, символом которой является молоко, жидкость более питательная, чем вода, является интуитивное познание, главную роль в котором играет воображение человека, умение ловить отголоски иных миров в сознании и облекать их в слова, образы, звуки, цвет. Из этой формы познания вырастают искусство, литература и вообще мышление.

2 Максуд Р. Ислам. М.: ФАИР – ПРЕСС, 2001. С.170.

3 Шелковая Н. В. Введение в религиоведение. Ростов н/Д., Феникс, 2007. С. 342.

4 Там же. С. 339 –340.

Третьей формой познания, символом которой является мед как жидкость питательная и приятная на вкус, считается изучение опыта пророков и мистиков, выраженного в созданных ими учениях и существенно отличающихся от опыта эмпирического, непосредственного восприятия мира. Пророк имеет дело с реальностью, не оказывающей воздействия на органы чувств, не имеющей ни вкуса, ни вида, ни запаха, но дающей необыкновенно яркие ощущения. На этой почве развилась мистическая философия ислама. Четвертая форма познания, символом которой является вино (разрушающее границы человеческого «Я», вино божественной мудрости), представляет прямое переживание высшей реальности, недоступной ни для органов чувств, ни для интуиции. Познавать мир, таким образом, может лишь особо подготовленный человек, развивший в себе способность духовного восприятия. Тогда познание из последовательного, логического акта становится откровением, божественным озарением.

Суфизм, являясь одним из важнейших духовно-культурных явлений жизни народов мусульманского Востока, имеет свои особенности распространения и функционирования в России. В частности, суфизм получил достаточно широко распространение в истории и культуре народов Северо-Восточного Кавказа. Эскарханов Г. Л., проводя историко-философский анализ эволюции региональных особенностей суфизма на Северо-Восточном Кавказе, раскрывает нравственно-гуманистические и религиозно-философские идеи, которые отражены в суфийских сочинениях, бытующих на Северном Кавказе⁵. Эскарханов Г. Л. отмечает, что суфийские нравственно-гуманистические идеи о благородстве, храбрости, сострадании к слабому (или даже неверующему), щедрости, прощении других людей, послушании родителям и учителям, уважении к старшим, правдивости в речах, разборчивости в питье и пище, смиренности, молчании, терпеливости, непричинении зла, самоконтроле, любви и т.п. занимают довольно важную часть в арабографическом наследии северокавказских народов. Эти идеи и мысли не устарели и сегодня, так как они представляют собой общечеловеческое понимание нравственного поведения и культуры всех людей мира. Нравственные идеи, которые содержатся в этих текстах, затрагивают такие категории как: адаб (поведение) мурида по отношению к Богу (Аллаху); адаб мурида по отношению к своему учителю (шейху, устазу); адаб мурида в общем (т.е. каким образом вообще мурид-послушник должен вести себя), и многое другое из этики и морали⁶.

Суфизм оказал влияние и на культуру башкир (ныне суфизм потерял свои позиции). Наряду с ортодоксальным исламом среди башкир бытовал также суфизм (в нахшбандийской ветви), проникший в Башкортостан в XVII – XIX вв. с территории Средней Азии. Если в странах Востока появление суфизма связано с отражением «в общественном сознании экономических невзгод народа, социальных катаклизмов», то и в Башкортостане «подавление народных восстаний усугубляло и без того крайне тяжелое положение крестьян, привело к усилению колониального гнета и бесправия обездоленных масс»⁷. «Обращаясь к Богу, суфии взывали к состраданию и милосер-

5 Эскарханов Г. Л. Суфизм на северо-восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика: автореф. дис. ... канд. филос. наук, Грозный, 2011. С. 19.

6 Там же.

7 Азаматов Д. М. История общественной и философской мысли в Башкортостане как предмет исследования // Философская мысль и философское образование в Республике Башкортостан: история и современность. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – С.19.

дию, религиозному равенству, – отмечает Д. М. Азаматов. – Башкирский суфизм отличается от ортодоксального тем, что в нем мусульманское часто перерастает в нечто гражданское, а сострадание и сочувствие к бедным – иногда в смелую критику несправедливого общества»⁸. В конце XIX и начале XX веков большую известность получил башкирский ишан (суфийские шейхи (духовные наставники, учителя) именовались на туркестанский манер ишанами) Зайнулла Расулев (1833-1917). Расулев стал интересоваться суфизмом, когда учился в медресе. Методы мистического познания истины осваивал в Стамбуле в 1869 – 1870 гг., где получил иджазу (разрешение) на преподавание учения суфия Накшбандия. З. Расулев был последователем суфийского братства Халидия – Накшбандия, в котором «делалось ударение на умеренность в духовной практике и тесную связь с шариатом». З. Расулев и его ученики практиковали громкий зикр. Зикр (букв. «понимание») – духовное упражнение, целью которого является ощущение внутри себя Божественного присутствия, прославление имени Бога для достижения духовной сосредоточенности⁹. В суфизме непосредственное духовное общение с Богом достигается путем достижения состояния экстаза или внутреннего озарения, ниспосланные человеку, идущему по пути к Богу с любовью к нему в сердце¹⁰. Последователи братства Накшбандия, как правило, были приверженцами молчаливого зикра, но один из соотечественников З. Расулева писал, что «в кругу З. Расулева можно было услышать мистические крики...», которые являются «отличительной чертой метода Халидия, и эти крики возникают от зикра, исполняемого в состоянии вдохновения сердца». Очевидно, крики возникали после молчаливого исполнения зикра, это могло быть тем выражением, которое достигалось громким, произносимым вслух зикром (Х. Алгар). По доносу представителей ортодоксального ислама З. Расулев, обвиненный в ереси и враждебной деятельности против властей, был сослан в 1873 г. В Вологодскую губернию. В 1881 г. З. Расулев вернулся из ссылки в Троицк в качестве имама. Здесь же открыл мусульманское учебное заведение – медресе «Расулия», котором преподавали как богословско-теологические, так и светские дисциплины. Медресе, в котором обучали башкир, татар, казахов, стало одним из лучших институтов, в котором обучались мусульмане из подвластных России территорий. Расулев стал одним из теоретиков и практиков джадидизма, который внедрил новые педагогические методы, в частности, фонетический метод изучения языков, соединив традиции и новаторство. З. Расулев внес значительный вклад в культуру не только башкир, но и тюркских народов России. «Пожалуй, нельзя назвать ни одного представителя башкирской культуры конца XIX – начала XX в., который не испытал бы духовного влияния этого религиозного деятеля, педагога и просветителя», – отмечает Л. А. Иткулова¹¹. Благодаря глубоким познаниям в богословии, суфизме, шариате, способности врачевания гипнозом, владению приемами тибетской медицины, а также дару пророчества З. Расулев приобрел популярность и приобрел многих последователей.

В целом, суфизм выступил как чрезвычайно многостороннее явление, в котором сосуществовали самые разные общественно – политические и духовно – нравственные ориентации: от превознесения нищеты до благославления богатства, от анархического неприятия государства до активной его поддержки, от граничащей с индифферентизмом веротерпимости до усердного распространения ислама силой оружия, от увлечения спекулятивным теоретизированием до острого неприятия дискурсивного мышления как сухого умствования, становящегося барьером между Богом и томящимся в любовной тоске по Нему мистиком¹².

Пристатейный библиографический список

1. Азаматов Д. М. История общественной и философской мысли в Башкортостане как предмет исследования // Философская мысль и философское образование в Республике Башкортостан: история и современность. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С.14-23.
2. Вильданов У. С. Человек в трансцендентально – философской мысли Востока: гносеологический анализ. – Уфа: изд-во БашГУ, 2006. 418 с.
3. Иткулова Л. А. Зайнулла Расулев как духовный наставник (по «Воспоминаниям Ахметзаки Валиди – Тогана») // Зайнулла Расулев – выдающийся мыслитель – философ, теолог и педагог – просветитель мусульманского мира. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 34-37.
4. Культурология: История мировой культуры / Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 607 с.
5. Максуд Р. Ислам. М.: ФАИР – ПРЕСС, 2001. 304 с.
6. Можейко М. А. Суфизм // Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Мн.: Изд. В. М. Скакун, 1998. С. 689-691 .
7. Петраш Ю. Г. Ислам: происхождение, вероучение, современность (Философско-культурологический взгляд). М.: Республика, 2005. 350 с.
8. Шелковая Н. В. Введение в религиоведение. Ростов н/Д., Феникс, 2007. 416 с.
9. Эскарханов Г. Л. Суфизм на северо-восточном Кавказе: возникновение, идеология, практика: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Грозный, 2011. 20 с.
10. Янгузин А. Р. Суфийская мысль как один из архетипов духовности башкир // Философская мысль и философское образование в Республике Башкортостан: история и современность. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 33-36.

⁸ Там же.

⁹ Вильданов У. С. Человек в трансцендентально – философской мысли Востока: гносеологический анализ. – Уфа: изд-во БашГУ, 2006. С. 304.

¹⁰ Там же. С. 320.

¹¹ Иткулова Л. А. Зайнулла Расулев как духовный наставник (по «Воспоминаниям Ахметзаки Валиди – Тогана») // Зайнулла Расулев – выдающийся мыслитель – философ, теолог и педагог – просветитель мусульманского мира. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С. 34.

¹² Культурология: История мировой культуры / Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 487.

ВАСИЛЬЕВА Наталия Алексеевна

доктор философских наук, профессор кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА ЖИЗНЬ В ПОСТСОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

За последнее десятилетие произошли серьезные изменения, связанные с развитием международного сотрудничества по гуманитарным вопросам, что требует философского анализа и проработки новых концептуальных подходов к формированию международно-правовых норм в области права человека на жизнь. Представляется интересным в данном контексте рассмотреть особенности реализации права на жизнь в постсоветских республиках Центральной Азии.

Ключевые слова: философский анализ, право человека на жизнь, международно-правовые нормы, постсоветские республики Центральной Азии.

VASILYEVA Nataliya Alekseevna

Ph.D. in Philosophy, professor of World Politics sub-faculty of the Saint-Petersburg State University

Васильева Н. А.

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS AND CONTEMPORARY REALIZATION OF THE RIGHT TO LIFE IN THE FORMER SOVIET REPUBLICS OF CENTRAL ASIA

Over the last decade there have been major changes related to the development of international cooperation on humanitarian Affairs, which requires philosophical analysis, and elaboration of new conceptual approaches to the formation of international legal norms in the field of the human right to life. It is interesting in this context to consider features of realization of the right to life in the former Soviet republics of Central Asia.

Keywords: philosophical analysis, human right to life, international law, post-Soviet republics of Central Asia.

В современных условиях XXI века резко возросла опасность исчезновения жизни на Земле в результате катастрофической по своим масштабам преобразующей природную среду деятельности человека. Но не только экологические проблемы свидетельствуют о пренебрежительном отношении к жизненным средам обитания человека, но и само существование человека в политико-экономическом и социальном пространстве современного мира становится все более небезопасным (техногенные катастрофы, экономические кризисы, угроза терроризма и глобальных эпидемий). Поэтому столь актуально звучит идея всесторонней политико-правовой проработки положений Всеобщей декларации прав человека (1948), где говорится о том, что каждый человек имеет право на жизнь¹, что предполагает право человека на достойное человеческое существование, гарантии права на труд, образование, здравоохранение и т.п.

Первые формулировки права на жизнь можно найти еще в трудах античных ученых, в частности в работах Аристотеля², который признавал, что право на жизнь принадлежит человеку от рождения, но при этом несвобода рабов, отсутствие у них права на распоряжение своей жизнью также определена самой природой. Таким образом, Аристотель рассматривает рабство в качестве неотъемлемой характеристики общественных отношений античной эпохи. Сходные позиции по данному вопросу были характерны и для римских мыслителей, например, Цицерона, который право на жизнь отождествлял с разумными законами природы, следование которым и долж-

но входить в обязанности государственных мужей, ибо сама природа устанавливает право, а государство лишь его отражает³.

В период расцвета средневековой схоластики человек и его жизнь стали рассматриваться исключительно в категориях божественного закона, где право на жизнь трактуется как право на достижение райского блаженства, а потому земная жизнь фактически лишается ценности. Главенствует идея должностования, и жизнь определяется как путь к высшей цели жизни после смерти. В эпоху Возрождения и Реформации идея прав человека, его достоинства стала освобождаться от религиозных догм. В этот период в европейских политико-философских концепциях прав человека на жизнь в основу всего ставится принцип свободного выбора, поиск смысла жизни в отличие от религиозного мировоззрения. С этого времени все основательнее утверждается представление о формальном равенстве людей перед законом как о способе обеспечения их достоинства. Эта политико-правовая тенденция получила свое наибольшее развитие уже в период Нового времени, когда права человека стали не просто предметом философских размышлений, а вошли в практику общественно-политической и экономической жизни. Так, философские выводы Дж. Локка о том, что право на свободу, право на жизнь и право на собственность не выступают как внешние друг другу, рядоположенные принципы, а представляют собой элементарную систему прав⁴, стали основой конституционных установлений

1 Всеобщая декларация прав человека 1948 года / Международные акты о правах человека. – М., 2002. – С. 38.

2 Аристотель. Афинская политика. Государственное устройство афинян. – Изд. 3-е. – М., 2007.

3 Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах [Перевод В. О. Горенштейна]. – М., 1966. – С. 176.

4 Локк Дж. Трактат о государственном правлении / Избр. фил. про- изв. в 2-х т. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 2. – С. 26.

как европейских стран, так и США в период их формирования как суверенных демократических государств.

В условиях активного развития индустриального, а затем и постиндустриального общества философская проблематика прав человека на жизнь приобретает новые черты, что во многом было детерминировано особенностями проявлений такого феномена социально-экономического развития, как общество массового потребления. Интересен в этом контексте взгляд Э. Фромма на трансформацию отношения современного человека к живому и неживому, что дает возможность охарактеризовать и самого человека как любящего живое (биофил) и любящего неживое (некрофил). Если людям типа «биофил» свойственна любовь к жизни, как неконтролируемому, спонтанному процессу, то для людей типа «некрофил» свойственна склонность к предсказуемости, неподвижности. Поскольку живое по своей сути всегда включает элемент непредсказуемости и никогда не является до конца контролируемым, а значит подвластным, то для полного его подчинения необходимо умертвить живое. Таким образом, приверженность современного человека к вещам, машинам, различным артефактам (неживое) в ущерб привязанности к животным, растениям, людям (живое)⁵ можно рассматривать как имманентную причину многих кризисных явлений в сознании и поведении людей XXI века: разрушение флоры и фауны и отрицание того постулата, что жизнь каждого человека есть величайшая ценность.

В связи с этим уместно вспомнить учение В. И. Вернадского о ноосфере и живом веществе. По мнению российского ученого, ноосфера является сферой разума, где гармонично взаимодействуют природа и общества. «Биосфера как «земной и космический организм» связывается в единое целое живым. Именно живое вещество является носителем и создателем свободной энергии в таком масштабе, что она охватывает всю биосферу и определяет в основном всю ее историю»⁶. Поэтому именно разумная деятельность человека должна определять ценностный каркас мира, в котором мы живем. Фактически в современных условиях ставится задача решения глобальных проблем человечества как универсальная проблема сохранения жизни на Земле. Последнее обстоятельство особенно важно, потому что, как отмечал христианский философ-богослов П. Тиллих, самыми катастрофичными последствиями современного общественного развития стали бездушность и секуляризация, в результате чего исчезло религиозное восприятие таинства жизни. А потому изгнанные в божественных формах, иррациональные символы вернутся в «демонических» образах⁷. Данное утверждение П. Тиллиха нашло четкое подтверждение в фундаменталистских религиозных и псевдорелигиозных движениях (особенно в мусульманском мире), в рамках которых так называемые шахиды становятся живыми бомбами и вместе с собой лишают жизни многих невинных людей в угоду политическим амбициям своих радикальных лидеров.

К сожалению, после распада СССР в бывших советских республиках Центральной Азии получили развитие именно эти экстремистские религиозные течения, хотя в основе традиционного ислама, всегда определявшего мировоззрение народов Центральной Азии, лежит идея милосердной жизни, которая строится по предписаниям Аллаха, обязывавшего че-

ловека вести себя праведно. Именно с учетом этих важнейших характеристиках истинного ислама, как религии, уважающей жизнь, строится мировоззренческая политика государств Центральной Азии, перед которыми стоит сложная задача осуществить модернизацию экономики, но беря во внимание этноконфессиональные особенности жизни населения.

С одной стороны, Центральная Азия географически представляет собой единый и исторически взаимосвязанный регион, но, с другой стороны, сложный процесс суверенизации независимых государств Центральной Азии за последние 25 лет способствовал децентрализации единого культурно-исторического и социально-экономического пространства. Однако существуют объективные причины для возрождения региона как единого целого, связанного общностью задач осуществления на практике права на жизнь миллионов граждан центрально-азиатских республик. В связи с этим важно подчеркнуть, что право на жизнь означает не просто биологическое существование человека, а включает в себя целый комплекс социально-политических прав человека на достойную жизнь, отвечающую всем критериям цивилизационного развития первой четверти XXI века, что подразумевает право на здоровье, на достаточное питание, чистую питьевую воду, адекватную экологическую обстановку, право на мир, право на образование, медицинское обслуживание и достаточное жилище. Повышение показателей качества жизни, являющихся одними из главных характеристик развития страны, должно быть задачей первостепенной важности. В условиях становления «общества знаний» право человека на качественные условия жизни в наибольшей степени соответствует цели мирового сообщества выйти на новый уровень цивилизационного развития. Ведь в условиях цивилизации знаний наряду с экономическими критериями на первый план выходят критерии качества и уровня жизни, что в первую очередь становится индикатором эффективной политики государства в области развития человеческих ресурсов.

Наращивание человеческого капитала, его эффективное использование становится важнейшим условием борьбы с экономическим кризисом, который достаточно сильно затронул и страны Центральной Азии. Именно поэтому столь востребованы разработки ООН по унификации подходов к оценке уровня человеческого развития, что дает возможность проведения научного сравнительного анализа уровня реализации права человека на жизнь во всех странах мира. Именно Организация Объединенных Наций, с одной стороны, создаст международно-правовой базис для реализации права на жизнь, а с другой стороны, осуществляет контроль исполнения принятых международных соглашений.

Необходимо в связи с этим упомянуть о проекте определения Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП) в рамках Программы развития ООН (ПРООН), который был начат еще в 1990 году по инициативе пакистанского ученого Махбуба-уль-Хака, так сформулировавшего свой главный мировоззренческий тезис: «Сегодня почти повсеместно признано, что успех страны или благосостояние индивида не могут измеряться только в деньгах. Доход, разумеется, имеет огромное значение: без ресурсов любой прогресс будет затруднен. Тем не менее, мы должны также оценить, имеют ли люди возможность вести долгую и здоровую жизнь, могут ли они получить образование и вольны ли они использовать свои знания и таланты для формирования собственной судьбы»⁸. Главная

5 См.: Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990; Иметь или Быть. – М., 1997.

6 Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн.2. – М., 1977. – С. 95.

7 Tillich P. The Shaking of the Foundations. Harmonds-worth. 1963.

8 Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Доклад о развитии человека 2010. 20-е, юбилейное издание. Опубликована

идея нового проекта ООН состояла в том, чтобы развитие стран мира определять не только по национальному доходу на душу населения, а учитывать такие показатели, как ожидаемая продолжительность жизни и уровень грамотности. ИРЧП рассчитывается как среднеарифметическая величина трех равнозначных компонентов:

– дохода, определяемого показателем валового национального продукта по паритету покупательной способности (ППС) в долларах США на душу населения;

– уровня грамотности населения страны (среднее количество лет, потраченных на обучение) и ожидаемой продолжительности обучения (количество лет образования, которое, как ожидается, может получить ребенок, достигший официально установленного возраста поступления в школу, если в течение его жизни сохранятся преобладающие тенденции в области показателей охвата населения);

– долголетия, определяемого через продолжительность предстоящей жизни при рождении.

ООН рекомендовала всем странам мира в качестве нормативов ИРЧП применять максимальную продолжительность жизни (85 лет) и минимальную (25 лет) при расчете развития человеческого потенциала. Ведется сравнение фактической продолжительности жизни человека с максимальной и минимальной нормой. Уровень ВВП также имеет свои границы (от 100 долларов США до 40000 долларов на душу населения). Все страны в рейтинге классифицируются по четырем категориям: страны с очень высоким уровнем ИЧР; страны с высоким уровнем ИЧР; страны со средним уровнем ИЧР; страны с низким уровнем ИЧР.

Если в целом оценить важность данного глобального проекта ПРООН для стран Центральной Азии, то надо отметить желание и способность руководства бывших советских центрально-азиатских республик сделать многое для повышения качества жизни населения, несмотря на экономические и социально-политические трудности осуществления модернизации своих стран. В государствах Центральной Азии – Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане проживают почти 65 миллионов человек (2012 год). Страны региона, расположенные в центре обширного Евразийского континента, привлекают пристальное международное внимание в силу своего геополитического и экономического значения, природных и человеческих ресурсов⁹. Например, Казахстан обладает наибольшей площадью и наименьшей плотностью населения, на него приходится примерно 51% суммарного регионального ВВП, большая часть которого страна получает благодаря крупным запасам нефти. В Узбекистане самая большая численность населения – 29,78 млн. Жители страны составляют 45% всего населения региона. Кыргызстан и Туркменистан имеют почти одинаковое население – примерно по 5,5 млн. и 5,1 млн. человек соответственно; однако на этом сходство заканчивается. Туркменистан – пустынная страна с крупными энергетическими запасами, особенно запасами природного газа, который дает 16% регионального – ВВП. Кыргызстан – небольшая горная страна с незначительными природными ресурсами, за исключением водных ресурсов, ги-

дроэнергетики и некоторого количества золота, что дает примерно 5% регионального ВВП. Таджикистан в основном похож на Кыргызстан с точки зрения ресурсов и размера¹⁰.

Прошедшие с момента обретения независимости 25 лет стали для центрально-азиатских республик важным этапом на пути борьбы за улучшение качества жизни населения в соответствии с показателями Индекса человеческого развития. Если анализировать показатель, касающийся уровня доходов на душу населения, то этот показатель испытывает значительные колебания в зависимости от мировой экономической ситуации, в частности, от цен на сырьевые товары, финансовые поступления от экспорта которых значительно влияют на уровень доходов государств ЦА и их граждан. Но вместе с тем ряд государств ЦА ставит перед собой достаточно амбициозные цели. Так, одной из составляющих качественного и устойчивого развития Казахстана, как отмечено в «Стратегии вхождения Казахстана в число пятидесяти наиболее конкурентоспособных стран мира», является «высокое качество и передовые социальные стандарты жизни всех слоев населения»¹¹.

Если касаться такого показателя, как индекс образования, то все страны Центральной Азии имеют более высокий индекс образования, чем можно было ожидать при их уровне экономического развития. Для таких стран, как Кыргызстан и Таджикистан, обладающих незначительными природными ресурсами, человеческие ресурсы являются одним из важнейших активов. Однако снижение финансирования образования и стандартов обучения постоянно уменьшает это преимущество. Как результат, граждане, особенно молодые не могут найти работу даже при наличии высшего образования. Поэтому, например, в период с 1990 по 1997 год страны столкнулись с непрекращающейся эмиграцией ученых, инженеров, врачей и других квалифицированных специалистов в Россию, Турцию, США и Европу. Узбекистан терял около 10% интеллектуальной элиты ежегодно в течение первых четырех лет независимости. Отток населения особенно был заметен в городах Ангрэн, Алмалык, Чирчик и Фергана¹².

Во всем мире образование рассматривается как один из ведущих факторов улучшения качества жизни в контексте права на жизнь. Для того чтобы переломить негативную тенденцию оттока человеческого капитала, в странах Центральной Азии начаты процессы реформирования сферы образования, существенно увеличены доли платных форм обучения, возросла престижность образования. Прослеживается корреляция между уровнями образования и экономического развития. Как отмечает Е. В. Литвинова, «перед национальной сферой образования Туркменистана сегодня стоит задача создания благоприятных условий для дальнейшей модернизации и выхода на уровень современных требований мировых образовательных стандартов»¹³. В Туркменистане с 2007 года

10 Бабурин В. Л. и др. Двадцать лет разделенного единства: экспедиционные записки. – Смоленск, Ойкумена, 2012.

11 Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан 2050». Новый политический курс состоявшегося государства. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.inform.kz/kz/poslanie-prezidenta-rk-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyy-politicheskiy-kurs-sostoyavshegosya-gosudarstva_a2436492 (дата обращения: 30.08.2016).

12 Салиев А. С., Янчук С. Л. Размещение производительных сил и поляризованное развитие экономики Республики Узбекистан. – Ташкент, 2005.

13 Литвинова Е. В. Развитие системы образования в республике Туркменистан // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2014. – № 4. – С. 91. [Электронный ресурс] – Режим доступа: – <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-sistemy-obrazovaniya-v-respublike-turkmenistan> (дата обращения: 30.08.2016).

но для Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) Издательство: «Весь Мир», 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2010_RU_Content_reprint.pdf. С.4 (дата обращения: 30.08.2016).

9 Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92). – С. 177-181.

была начата реформирование системы образования, которая принесла определенные успехи в этой области. Правительство Туркменистана увеличило продолжительность обязательного начального образования с 9 до 10 лет, начиная с 2013 года, продолжительность образования увеличилась до 12 лет. В 2007 году охват начальным обучением составлял 99%, тогда как в странах Центральной Азии вместе взятых этот показатель составил — 92%, аналогично со странами Восточной, Центральной Европы и странами СНГ вместе взятых. Цель увеличения продолжительности обучения в Туркменистане состоит в гармонизации системы образования страны с международными стандартами. Туркменистан стал пятой из постсоветских странах после трех прибалтийских государств и Грузии, реформировавших советскую систему 11-летнего начального и среднего образования¹⁴. Что касается уровня образования в Киргизии, то выпускники вузов представляют одну из самых многочисленных групп дипломированных специалистов в стране. А в Узбекистане ситуация прямо противоположная, поскольку примерно 10% населения имеют высшее образование. В целом одной из наиболее острых проблем, касающихся всех стран ЦА, является проблема рабочей миграции, что говорит о качестве жизни в Таджикистане, Узбекистане и Киргизии. Граждане этих стран работают сезонно или на долгосрочной основе в таких странах, как Казахстан или Россия. В целом эмиграция специалистов (утечка мозгов) в Европу, США, Россию представляет серьезную проблему для экономики этих стран.

Одним из важнейших показателей Индекса человеческого развития является ожидаемая продолжительность жизни. Этот показатель характеризует целый комплекс условий, которые определяют продолжительность жизни сегодня родившегося человека. Этот параметр очень сильно варьирует в гендерном плане, поскольку женщины на данном этапе живут дольше мужчин. Кроме того, нужно учесть экологическую составляющую и ее влияние на право человека на долгую и качественную жизнь. К сожалению, страны ЦА во многом неэффективно используют энергоресурсы и устаревшие технологии их переработки, что ведет к высокому уровню загрязнения воздуха. Особо сложная проблема связана с постепенным исчезновением Аральского моря в результате многолетней разрушительной эксплуатации водных бассейнов Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Данная экологическая катастрофа может привести к серьезнейшим последствиям для населения региона, поэтому, как справедливо отмечается в одной из работ, необходимы совместные усилия всех стран. Кроме того, в регионе ЦА возрастает нехватка воды, что также сказывается на ухудшении качества жизни и, практически ставит под вопрос само право человека на жизнь, поскольку вода является важнейшим жизненным ресурсом. По мнению экспертов ООН, только изменение образа жизни человека, сложившихся традиций, запрет на деятельность людей в ряде производственных сфер позволит избежать экологической катастрофы в регионе ЦА. В связи с этим право на жизнь человека можно рассматривать в контексте четвертого поколения прав человека, что подразумевает право на сохранение устойчивой окружающей среды. Данный мировоззренческий подход был сформулирован еще в прошлом веке как концепция устойчивого развития, что означало новое направление развития научной мысли в области охраны жизни человека и окружающей его природной среды.

Но наряду с экологической проблематикой возникает еще одна важная составляющая показателя продолжительности жизни, связанная с успехами медицины, биотехнологий, генетики и пр. наук. К сожалению, в условиях современных успехов биологии и смежных с ней наук можно говорить о том, что жизнь становится ставкой в политической игре, что и отмечал в своих работах создатель понятия «биополитика» М. Фуко. Он исходил при определении биополитики из того факта, что природная жизнь человека стала иметь все возрастающее значение внутри механизмов и расчетов власти: «На протяжении тысячелетий человек оставался тем, чем он был для Аристотеля: живущим животным, способным, кроме того, к политическому существованию; современный же человек — это животное, в политике которого его жизнь как живущего существа ставится под вопрос»¹⁵. Фактически речь идет о том, что человек в результате развития современных медицинских технологий, науки и техники становится заложником экономических интересов глобальных компаний, зарабатывающих на здоровье людей. Зачастую медицинские услуги оказываются очень дорогостоящими, но при этом не обеспечивающие пролонгацию здоровой жизни. Если касаться в связи с этим показателей продолжительности жизни в странах ЦА, то за первые годы независимости основные индикаторы здоровья в Центральной Азии ухудшились. Растущая бедность, упадок системы социальной защиты, а также растущее число инфекционных и неинфекционных заболеваний резко сократили показатели средней продолжительности жизни, хотя они и стали улучшаться с конца 1990-х гг. Например, за 7 лет (с 1995 по 2012 гг.) продолжительность жизни в Узбекистане выросла на 1,1 года, аналогичный показатель в Кыргызстане составил 0,1 года. Анализируя среднюю продолжительность жизни населения в Республике Казахстан, следует отметить, что за период с 1999 по 2011 гг. ожидаемая продолжительность жизни в республике увеличилась с 65,7 лет в 1999 году до 69,0 в 2011 году. За последнее десятилетие, т.е. межпереписной период 1999-2009 гг., средняя продолжительность предстоящей жизни увеличилась в целом по республике на 3 года, среди мужчин — на 3 года, а среди женщин на 2,6 лет (соответственно в 2009 году продолжительность жизни всего населения — 68,6, мужчин — 63,6, женщин 73,5 лет)¹⁶.

Подводя некоторый итог исследованию применения Индекса человеческого потенциала в постсоветских странах Центральной Азии, можно констатировать, что право на качественную жизнь соответствующую современным мировым стандартам в этих республиках пока еще не осуществлено в полном объеме. Однако заметна тенденция по модернизации экономики и социальной сферы, что дает определенную надежду на достижение экологического равновесия в регионе и формирование условий для продолжительной и здоровой жизни граждан центрально-азиатских стран. Достаточно высокий средний уровень образования создает предпосылки для постепенного формирования «экономики знаний».

Таким образом, можно прийти к выводу, что исследование различных аспектов права на жизнь представляет собой одно из важнейших направлений современных гуманитарных наук. В настоящее время происходит ужесточение кризисных явлений во взаимоотношениях человека с природной средой,

14 Реформы образования в Туркменистане: благие намерения, слабое содержание? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/7907> (дата обращения: 30.08.2016).

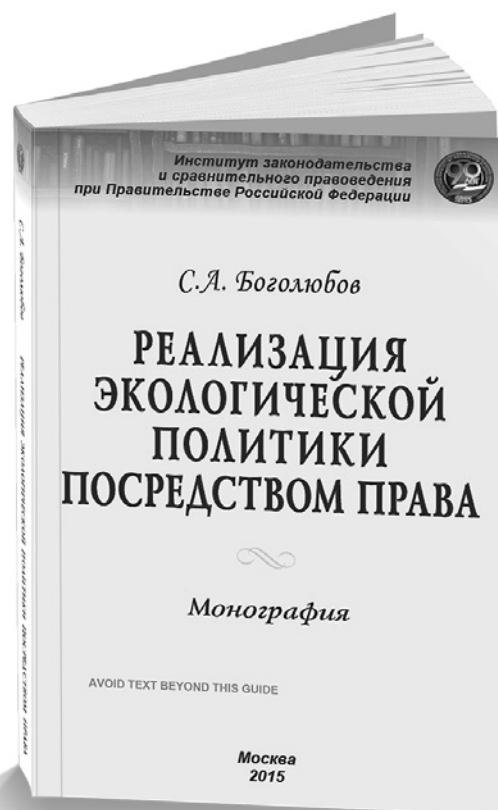
15 Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – С. 247.

16 Положение стран Центральной Азии в международном рейтинге стран по индексу развития человеческого потенциала. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ce-sauran.kz/rubriki/politika/143-hdi-central-asia.html> (дата обращения: 30.08.2016).

а также возрастание опасности, как техногенных, так и политико-экономических и социальных глобальных проблем. Поэтому как никогда важно экспертному сообществу в рамках ООН уделить пристальное внимание разработке комплексной системы международно-правовых норм по сохранению жизни на Земле. Данная работа может вестись как на уровне универсальных организаций «семьи ООН», так и на уровне региональных организаций (как межгосударственных, так и неправительственных), что создаст необходимые условия для взаимодействия основных акторов мировой политики на всех уровнях и во всех странах мирового сообщества для решения важнейшей задачи обеспечения права на жизнь всех обитателей нашей планеты.

Пристатейный библиографический список

1. Алимов А. А., Ермолина М. А. Перспективы участия России в международном сотрудничестве в сфере охраны окружающей среды в рамках развития евразийской экономической интеграции // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 1 (92).
2. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян. – Изд. 3-е. – М., 2007.
3. Бабурин В. Л. и др. Двадцать лет разделенного единства: экспедиционные записки. – Смоленск, Ойкумена, 2012.
4. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. Кн. 2. – М., 1977.
5. Всеобщая декларация прав человека 1948 года / Международные акты о правах человека. – М., 2002.
6. Литвинова Е. В. Развитие системы образования в республике Туркменистан // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2014. – № 4. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-obrazovaniya-v-respublike-turkmenistan> (дата обращения: 30.08.2016).
7. Локк Дж. Трактат о государственном правлении / Избр. фил. произв. в 2-х т. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 2.
8. Положение стран Центральной Азии в международном рейтинге стран по индексу развития человеческого потенциала. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cc-sauran.kz/rubriki/politika/143-hdi-central-asia.html> (дата обращения: 30.08.2016).
9. Послание Президента Республики Казахстан – Лидера нации Н. А. Назарбаева народу Казахстана. Стратегия «Казахстан 2050». Новый политический курс состоявшегося государства. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.inform.kz/kz/poslanie-prezidenta-rk-narodu-kazahstana-strategiya-kazahstan-2050-novyy-politicheskiy-kurs-sostoyavshegosya-gosudarstva_a2436492 (дата обращения: 30.08.2016).
10. Реальное богатство народов: пути к развитию человека. Доклад о развитии человека 2010. 20-е, юбилейное издание. Опубликовано для Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) – М.: Издательство: «Весь Мир», 2010. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2010_RU_Contents_reprint.pdf. (дата обращения: 30.08.2016).
11. Реформы образования в Туркменистане: благие намерения, слабое содержание? [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.fergananews.com/articles/7907> (дата обращения: 30.08.2016).
12. Салиев А. С., Янчук С. Л. Размещение производительных сил и поляризованное развитие экономики Республики Узбекистан. – Ташкент, 2005. (дата обращения: 30.08.2016).
13. Фромм Э. Бегство от свободы. – М., 1990; Иметь или Быть. – М., 1997.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996.
15. Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах [Перевод В. О. Горенштейна]. – М., 1966.
16. Tillich P. The Shaking of the Foundations. Harmondsworth. 1963.

ГУЛГЕНОВА Арюна Цыденжабовна

кандидат исторических наук, консультант информационно-аналитического отдела Министерства социальной защиты населения Республики Бурятия

ФИЛОСОФСКОЕ УЧЕНИЕ ЙОГАЧАРЫ СОГЛАСНО СИДДХАНТЕ КУНЧЕНА ЖАМЬЯНА ШАДПЫ

В данной статье представлены религиозно-философские воззрения махаянской школы йогачара, ставшей, своеобразным мостом между абхидхармическим учением раннебуддийских школ и праджняпарамитской философией буддийской школы мадхьямики-прасангики. Йогачара, являясь воплощением махаянской абхидхармы, разработала новую систему сотериологических подходов, представленных в сутрах праджняпарамиты. На примере сравнительного анализа хинаянских и махаянских подходов к абхидхармическому учению автором представлена трансформирующая роль данной буддийской школы. Сиддханта Кунчена Жамьяна Шадпы послужила в данной статье основной источниковой базой, позволившей раскрыть суть философского учения исследуемой школы. Статья имеет практическую значимость в области буддологии, востоковедения, религиоведения, а также представляет научный интерес для широкого круга читателей, интересующихся буддизмом.

Ключевые слова: сиддханта, йогачара, абхидхарма, хинаяна, махаяна, праджняпарамита, Ламрим, алаявиджняна, татхагатагарбха.

GULGENOVA Aryuna Tsydendzabovna

Ph.D. in historical sciences, consultant of the informational-analytical department of The Ministry of social protection of population of the Republic of Buryatia

THE PHILOSOPHICAL TEACHINGS OF YOGACHARA ACCORDING TO THE SIDDHANTA OF KUNCHEN ZHAMYAN SHADPA

This article provides religious and philosophical views of Mahayana's school yogachara, which became, a bridge between the teaching of abhidharma of early Buddhist schools and philosophy of the prajnyaparamita of madhyamika-prasangika. Yogachara, being the embodiment of Mahayana Abhidharma has developed a new soteriological system of approaches represented in the Prajnaparamita sutras. The role of this Buddhist schools as transformer is presented by the author by means of comparative analysis of Hinayana and Mahayana approaches to abhidharmic teaching. Siddhanta of Kunchen Zhamyan Shadpa served in this article the main source base, which reveal the essence of philosophical teachings this researched school. Article is of practical significance in the field of buddology, Oriental Studies, religious studies, and scientific interest for wide range of readers interested in Buddhism.

Keywords: siddhanta, yogachara, Abhidharma, Hinayana, Mahayana, prajnyaparamita, Lamrim, alayavijhnyana, tathagatagarbha sutras.

Гулгенова А. Ц.

Философское учение сутр третьего поворота колеса, совершенного Буддой в г. Вайшали: «Сутра распутывания замысла Будды» («Самдхинирмочана-сутра»), «Татхагатагарбха-сутра» и «Ланкаватара-сутра» – явилось источниковой основой махаянской школы йогачара, созданной Асангой в IV - V веках н. э. Эта система представлена двумя школами: 1) последователями Арьясанги, придерживающимися текстов священнописания, и 2) последователями Дигнаги, следующими логическим рассуждениям.

Абхидхармическое влияние хинаянской традиции не обошло стороной йогачаров. Поэтому идеалистические воззрения первой ее школы, также как и вайбхашиков и саутрантиков, основывались на интерпретации абхидхармического учения. Арьясанга составил махаянскую теорию абхидхармы, в которой число дхарм возросло с 75 до 100. Введенная им «алая-виджняна¹ является здесь новым элементом, сокровищницей, истинной житницей всего, где содержатся семена всех будущих идей и следы всех прошлых деяний»². Однако, согласно йогачарам, всеохраняющее сознание не является

абсолютом, так как принадлежит к феноменальной части бытия, поскольку все результаты кармы сохранены и вмещаются в нем. В системе йогачара всеохраняющее сознание занимает положение аналогичное первичной материи школы санхья, где все индивидуальные объекты и идеи, рассматриваются как ее модификации. Согласно историко-философскому сочинению Кунчена Жамьяна Шадпы Дорже «Дубта ченпо», типология ментальных феноменов в учении йогачаров представлена шестичленной классификацией, состоящей из 5 сенсорных переживаний: ощущения зрения, слуха, запаха, вкуса, обоняния и ментальности. Здесь «ментальность» покрывает широкий спектр ментальных состояний – от памяти, желания и волевого акта до воображения. К этой классификации йогачары добавляют еще два пункта – так называемое «базовое сознание» (алая-виджняну) и инстинктивную мысль «Я есть», которую йогачара рассматривает как особую составляющую сознания, удостоверяющую онтологию и гносеологию.

«Йогачары также рассматривают все отдельные идеи как модификации их всеохраняющего сознания, а это представляет собой скрытый возврат от теории потока сознания к субстанциональной душе»³. В потоке сознания каждый пред-

1 Алая-виджняна – всеохраняющее сознание как ступень в эволюции и «таковости», в которой пробуждается сознание.

2 Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму – М.: «Наука», 1988. С. 231.

3 Stcherbatsky Th. The Central conception of Buddhist Nirvana. — London: Royal Asiatic Society, 1923, P. 35.

шествующий момент является причиной последующего. В отличие от системы санкхья, в которой первичная материя и ее модификации реальны. Йогачары рассматривают их как нереальные. От своих предшественников — мадхьямиков они заимствовали теорию относительности с вытекающим отсюда выводом о нереальности всякого индивидуального бытия, всей множественности, с той лишь разницей, что они ввели различные степени этой нереальности⁴, такие как: неотъемлемая нереальность, причинная нереальность или относительность, абсолютная нереальность. Так, индивидуальные идеи были признаны нереальными, поскольку являются логическими построениями, не имеющими соответствий во внешнем мире. В связи с этим были названы их неотъемлемой нереальностью и объявлены условно реальными в том смысле, что они подчинены законам причинности. Данный аспект был назван их причинной нереальностью или относительностью. Поскольку они нереальны индивидуально, так как слиты в единственной реальности абсолюта, были названы их абсолютной нереальностью, как индивидуальных сущностей. Однако это, то же самое, что их реальность в абсолюте. Таким образом, абсолют становился имманентным феноменальному миру, он не отличен от него, но и не тождествен ему. Как собрание индивидуальных идей он не совпадал с ним, но, рассматриваемый как органическое целое он делался с ним идентичным. Это духовный абсолют, чистое сознание, недифференцированное на субъект и объект. Представляя собой сущность реальности, он отождествлялся с «Космическим Телом Будды»⁵.

Понятие «состояние Будды» или «Татхагата», имеет важнейшее значение в традиции йогачара. В особенности с точки зрения этой традиции буддизма концептуализация именно состояния Будды и сущности буддства имеет принципиальное значение для обоснования конечного Прибежища и понимания спасительных функций Прибежища. Здесь, теория спасения, переход из сансары в нирвану, и феноменального мира в абсолют — подверглась полному изменению вследствие изменения онтологического взгляда. Хинаянское видение сансары и нирваны как реальности, в Махаянской традиции претерпело существенные изменения.

Великое изменение, произведенное махаяной, состоит в том, что абсолют имманентен миру. В соответствии с этим взглядом не было нужды превращать элементы феноменального мира в вечные элементы, сансару в нирвану. Это изменение состояло в перемене аспекта. Согласно йогачарам, хинаянская концепция отдельных элементов — дхарм, которые были активны в феноменальной жизни и успокоены или погашены в нирване, противоречила разуму. По их мнению, если бы дхармы были реальны, то они не могли бы исчезнуть совершенно. В соответствии с этим было сформулировано положение о том, что они всегда находятся в состоянии покоя или являются угасшими изначально. Эта идея, в трансцендентальном смысле является иллюзией. Именно в этом смысле можно утверждать, что нирвана реальна, а сансара нереальна.

Если в хинаянской абхидхармистской традиции акцент ставится на систематическое отсечение привязанности и производных клеш, основанное на системе знаний о «корнях неблагого» в каждой из трех сфер циклического бытия, то в махаянской абхидхарме, в частности предложенной йогачарами,

исследование, медитативное созерцание и видение Четырех Истин, в том числе, истины источника, предпринимаются с целью устранения привязанности к «Я», ложно понимаемому и субстанциализируемому. Поэтому, Кунчен Жамьян Шадпа в своей сиддханте «Дубта ченпо» утверждает, что исследование и медитация любых групп клеш подчиняется этой цели и представляет, по сути, отбрасывание оснований ложных воззрений, являющихся «корнями неблагого»⁶.

Структура пути, как она объясняется в хинаянской традиции абхидхармы школами вайбхашика и саутрантика, отличается от структуры пути в махаянской версии абхидхармы, предложенной йогачарами. В первом варианте предлагается очень подробная, основанная на теории аффектов абхидхармы, многоэтапная схема созерцания и устранения клеш и форм аффективной предрасположенности. В отличие от хинаянского варианта, Путь Видения махаянских школ основан на способе медитации, объясняемом в трансцендентальном учении праджняпарамиты. Практикуемая в хинаяне медитация пустоты не считается — с точки зрения махаяны и понимания полного смысла учения Будды — высшей формой буддийской медитации. Но, тем не менее, Путь Видения имеет предпосылкой особое исследование природы реальности, осуществляемое в абсолютном и относительном аспектах.

При медитации пустоты объект отрицания в низших школах: вайбхашике и саутрантике, является «грубым», поэтому производимое ими отрицание при медитации пустоты является неполным и, служит лишь устранению грубых клеш, но не тонких загрязнений сознания. Соответственно медитация бессамостности здесь отсекает лишь «грубое» цепляние за «Я». Так, методы медитации вайбхашиков отсекают цепляние за существование «Я» как атмана. Методы саутрантиков устраняют цепляние за «Я» как независимое субстанциальное бытие. Методы йогачаров отсекают цепляние за самобытие внешних вещей, но не в силах отсечь цепляние за истинно существующее сознание. Согласно Кунчену Жамьяну Шадпе, медитативные методы школы мадхьямика-сватантрика отсекают цепляние за объективное существование всех феноменов, в том числе «Я», как независимых от наименования, данного им сознанием, но не в состоянии полностью устранить тончайшие формы неведения, поскольку допускают некий остаток субстанциальности в виде так называемых «собственных характеристик». Он утверждает, что в традиции Цзонхавы доказывается, что только мадхьямика-прасангика, чье философское воззрение является самым «тонким», дает «тонкую» презентацию всех Четырех Истин и радикальный метод устранения всех омрачений и завес к всеведению. Согласно Его Святейшеству Далай-ламе XIV, все четыре философские школы буддизма: вайбхашика, саутрантика, йогачара, мадхьямика — не имеют между собой различий с точки зрения принятия Прибежища в Будде. Их различия обусловлены тем, что Будда объяснял Дхарму с учетом различий в склонностях учеников, особенностей их типа ментальности, места, времени, социальных условий, культурных традиций⁷ и т. д. Этот аспект достаточно подробно отражен в разделе, посвященной системе йогачара, изложенной в «Дубта ченпо» Кунченом Жамьяном Шадпой.

4 Taranatha's Geschichte des Buddhismus in Indien aus dem Tibetischen uebers. / A. Schiefner. — SPb., 1869. P. 312.

5 Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму — М.: «Наука», 1988. С. 232.

6 Урбанаева И. С. Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте (на основе индо-тибетских текстов и живой традиции тибетского буддизма). — Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. — С. 203.

7 Из учения Его Святейшества Далай-ламы XIV для российских буддистов (г. Дели, 21–23 декабря 2013 г.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://goldenshara.org/viewtopic.php?t=16058654>

Попытки объяснения иллюзии внешнего мира в абхидхармической теории, построенной на хинаянистическом рациональном описании дхарм, оказались недостаточными при объяснении методов и путей избавления от иллюзии для всех и каждого. Эти ответы содержались в учении Праджняпарамиты. Самые ранние тексты махаяны, содержащиеся в праджняпарамитских сутрах, в своей сотериологической части выдвинули культ бодхисаттвы, призванной помочь всем стремящимся к нирване, а в философской части – учение о пустоте. Согласно Л. Е. Янгутову, в махаянских текстах праджняпарамита объявила дхармы, объединенные в 5 скандх, 12 аятан и 18 дхату, пустыми и иллюзорными и выдвинула на передний план проблему истины, так как пафос достижения нирваны, в конечном итоге, был сведен к постижению или же непосредственному переживанию истинно существующего. Истинно существующее в праджняпарамитских текстах не понималось как внешнее по отношению к феноменальному и мыслилось как содержащееся в нем. В связи с этим выдвигалось учение о татхате, в котором истинно существующее рассматривалось в контексте феноменального. Идея единства и тождества истинного и феноменального стала главным лейтмотивом праджняпарамитской философии махаяны⁸.

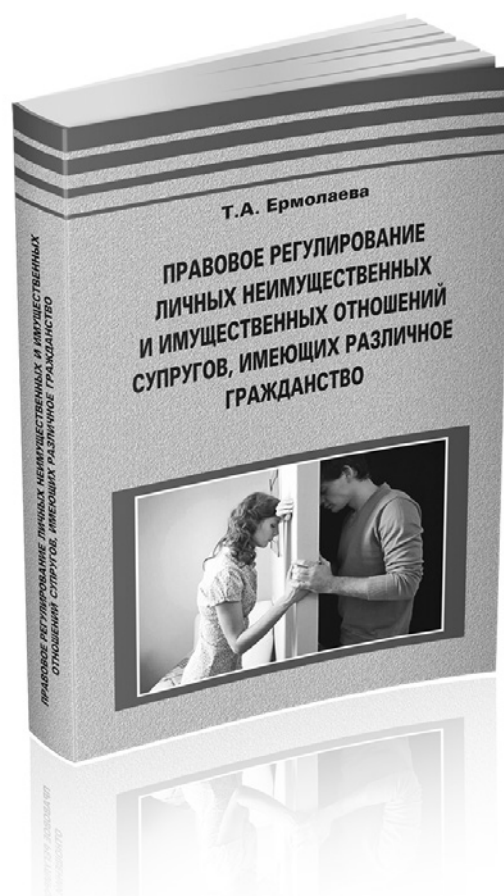
Индо-тибетская система философии и медитации, объединяющая методы хинаяны и махаяны, в виде пути парамитааны была названа «Ламримом». Так, махаянские учения о пустоте (Нагарджуны) и учения о пути бодхисаттв (Асанги), изначально передаваемые по двум разным линиям преемственности, были объединены и распространены в Тибете реализованным учителем Атишей в виде традиции Ламрим, впоследствии успешно развиты основателем традиции гелугпа Цзонхавой и его последователями, в частности Кунченом Жамьяном Шадпой.

На наш взгляд, йогачара стала своеобразным мостом между абхидхармическим учением раннебуддийских школ и праджняпарамитской философией самой сложной и «высокой» буддийской школы мадхьямики-прасангики. Поскольку учение йогачаров, во-первых, является воплощением махаянской абхидхармы, опирающейся на трактат «Абхидхармасамуччая» Асанги, а, во-вторых, представляет собой новую систему сотериологических подходов, представленных в сутрах праджняпарамиты. Таким образом, учение школы йогачара рассматривается как органическое развитие буддийской мысли, непротиворечивое в философском плане и дополняющее в сотериологическом смысле, акцентирующее внимание, прежде всего, на методах освобождения от сансары. Еще одним важным моментом этого синтеза явилось сближение учения об алаявиджняне «сознание-сокровищница» – базового в махаянской абхидхарме – с учением о татхагатагарбхе, составляющим основу учений позднемахаянских школ.

По мнению Кунчена Жамьяна Шадпы, как и многих последователей Цзонхавы (1357–1419), в лице приверженцев йогачары представлен компромиссный вариант учения об отсутствии «Я» для тех, для кого воззрения сутр праджняпарамиты оказались слишком радикальны и сложны для понимания. Одним из существенных элементов этого учения является доктрина татхагатагарбхи. Это положение лежит в основе теоретического обоснования образовательной системы гелугпинских монастырей, получившей широкое распространение и за пределами Тибета.

Пристатейный библиографический список

1. Урбанаева И. С. Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте (на основе индо-тибетских текстов и живой традиции тибетского буддизма). – Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. – 376 с.
2. Учение Его Святейшества Далай-ламы XIV для российских буддистов (г. Дели, 21–23 декабря 2013 г.): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://goldenshara.org/viewtopic.php?t=16058654>
3. Щербатской Ф. И. Избранные труды по буддизму – М.: Наука, 1988. – 426 с.
4. Янгутов Л. Е. Традиции Праджняпарамиты в Китае. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007. – 272 с.
5. Stcherbatsky Th. The Central conception of Buddhist Nirvana. – London: Royal Asiatic Society, 1923. – 112 p.
6. Taranatha's Geschichte des Buddhismus in Indien aus dem Tibetischen uebers / A. Schiefner. – SPb., 1869. – 405 p.

8 Янгутов Л. Е. Традиции Праджняпарамиты в Китае. / Л.Е. Янгутов. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2007, С.8-9.

КАНЫШЕВА Ольга Альбертовна

доцент кафедры социально-гуманитарных наук Российского государственного гидрометеорологического университета

ПРОБЛЕМА МЕТАФИЗИКИ ЛЮБВИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Философия постмодернизма отказалась от путей метафизики. Существует проблема понимания метафизики в постсоветской философии. Одновременно с утерей метафизики современная философия испытывает проблему понимания любви.

Ключевые слова: Метафизика, Эрот, воля, разум, божественное, философия, интуиция, Красота, любовь, дух, мораль, душа, Путь, Смысл любви, русская философия, постсоветская философия, Вторая навигация, Метафизический крах, Европа.

KANYSHEVA Olga Albertovna

associate professor of Social and Human Sciences sub-faculty of the Russian State Hydrometeorological University

PROBLEM OF METAPHYSICS OF LOVE IN POST-SOVIET PHILOSOPHY

The philosophy of postmodernism abandoned ways of metaphysics. There is a problem of understanding of metaphysics in post-Soviet philosophy. Along with the loss of metaphysics modern philosophy is experiencing the problem of understanding of love.

Keywords: Metaphysics, Eros, will, mind, divine, philosophy, intuition, beauty, love, spirit, morality, the soul, the Way, Meaning of Love, Russian philosophy, post-Soviet philosophy, second navigation, Metaphysical collapse, Europe.

Каньшева О. А.

*Метафизика – слово настолько абстрактное
и многозначительное, что от него каждый
бежит как от чумы.
Гегель Г. В. Ф.*

Проблема современной постсоветской философии заключается в отсутствии четко понимания, что есть философия без идеологического влияния со стороны марксистско-ленинской философии. В то время как философия и есть метафизика по мнению древнегреческих философов.

«Метафизика» буквально переводится «то, что за пределами чувств». «Мета» – сверх, по ту сторону; а «Физика» означают природу. «Метафизика – это вопрошание, обращенное за пределы сущего, чтобы сделать его доступным умозрению как таковое во всей полноте»¹. «Философия» переводится как «любовь к мудрости». Обычно, сразу подразумевается житейская мудрость, или мудрец как идеал философского совершенства. Скорее всего, нужно сказать так: «Философия есть метафизика». Мудрость как предмет любви философа означает божественное знание причин самой природы как предмета удивления. Сама причина всего существующего является мудрым знанием, которое лежит по ту сторону мира. Разве может объяснить мир себя через себя, или из самого себя? Миру нужен кто-то, или что-то, что видит его во всей целостности. «Она сама есть только тогда когда мы философствуем. Философия есть философствование»².

Любовь к миру рождает удивление как путь познания мира. Эрот – древнейший бог любви в Древней Греции, удивляется красоте мира и как результат этого удивления, появляется желание обретения этой красоты. «Вот каким путем нуж-

но идти в любви – самому или под чьим-либо руководством: начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх – от одного прекрасного тела к двум, от двух – ко всем, а затем от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое и есть учение о самом прекрасном, и не познаешь наконец, что же это – прекрасное»³. Красота шаг за шагом у Сократа в «Пире» Платона обретает метафизический смысл. Соотнесение одной красоты с другой порождает сравнение как метод и обнаруживается как совершенство мира, так и его несовершенство: появляется менее совершенное, и более совершенное ... Одно отрицает другое, и так – до бесконечности. Несовершенное разочаровывает своей временностью. Поиск постоянства как условия красоты приводит по лестнице Платона к Уму, как наисовершеннейшему. Ум божественен, так как является красотой самой по себе ни с чем не сравнимой, можно сказать, равной. Умопостигаемая Красота есть Метафизика. Платон называет Благо высшей целью Эрота. Его ученик, Аристотель считает благом знание причин и начал, потому что это знание божественного. Та наука наивысшая, которая владеет божественным. Аристотель в «Метафизике» предложил другую лестницу совершенств. «... (Ч)еловек, имеющий опыт, считается более мудрым, нежели те, кто имеет лишь чувственное восприятие, а владеющий искусством – более мудрым, нежели имеющий опыт, наставник – более мудрым, нежели ремесленник, а науки об умозрительном – выше искусств творения. Таким образом, ясно, что мудрость есть наука об определенных причинах и началах»⁴. Метафизика есть царство Любви, если любовь есть искусство

1 Хайдеггер М. Лекции о метафизике. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 35.

2 Хайдеггер М. Что такое метафизика? – М: Академ. проект, 2013. – С. 85.

3 Платон. Собр. соч. в 4-х тт. – М.: Мысль, 1993. –Т. 2. – С. 121-122.

4 Аристотель. Метафизика. Собр. соч. в 4-х тт. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1. – С. 67.

соединять все со всем. Бог есть любовь. Высшее единство есть единство бога и человека.

В средневековый период метафизика становится богословием. «Так теология, которая у Аристотеля была синонимом метафизики, становится богословием»⁵. Здесь появляется своя лестница, связанная с духовными совершенствами людей. «Первую из них составляют «плотские» люди. Это язычники, привязанные к своим страстям и злым побуждениям, неспособные подняться над ними и осужденные на гибель. Вторая – люди «душевные», способные как ко злу, так и к добру. Ее составляют большинство иудеев и христиан, ставших на путь раскаяния, диктуемый совестью, а тем самым и спасения. Но даже от них отличаются те немногие избранные, которых Валентин называет «духовными». Они и есть собственно гностики. Полностью познавшие – в отличие от психиков – подлинного Бога. Только они спасаются»⁶.

Эпоха Возрождения предлагает уже гносеологическую лестницу, согласно которой, существуют разные уровни познания: чувственный, рассудочный, разумный и мистический. Н. Кузанский в эпоху Возрождения говорит о мистическом элементе в познании, согласно которому выше разума, рассудка и чувства является сверхразумное созерцание, которое он называет интуицией, когда совпадают, сливаются человеческая душа и бог. «Мистический элемент теории познания Кузанского состоит в том, что он ставит выше разума сверхразумное созерцание (называя его иногда интуицией) как способность человека мыслить совпадение противоположностей в боге путем слияния с богом человеческой души, когда совпадает сама противоположность субъекта и объекта»⁷.

В Новое время Гегель Г. В. Ф. предлагает лестницу Абсолютного Духа, где науки эстетика, религия и философия выстраиваются в иерархический порядок по степени совершенства.

Русский философ В. С. Соловьев накануне Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года в работе «Смысл любви» пишет о главной цели любви, которая обозначена словом «сизигия». Такое соединение возможно на метафизическом уровне. При этом В. Соловьев ставит любовь выше разума. «Любовь для человека есть пока то же, что был разум для мира животного: она существует в своих зачатках или задатках, но еще не на самом деле»⁸. Возможно, сам разум возможен благодаря любви.

Поставить себе главной задачей исследования в постсоветский период постижение смысла сказанного В. Соловьевым, что «любовь для нас как разум для аборигенов», и начать построение некоторой системы ценностей. Можно предположить, что «любовь есть понятие». Т.е., любовь есть всеобщность, где ее моментами являются единство всеобщности, частности и единичности. Суждение о любви образуется каждым индивидом по причине приобщенности индивидуального знания к всеобщему, что выражается в схватывании всеобщего понимания в единичном суждении о любви. Особенностью любви является признание ее наличия. Суждение о любви подтверждает ее присутствие во всеобщей жизни. Всеобщность любви переживается и осмысливается через чувствен-

ность. Всеобщность любви есть непосредственная тотальная чувственность всего живого.

Искусство, религия, наука и философия есть формы духа, где движущей силой являются формы чувственности: Эрот, Агапе, Сторге, Филия. Сама чувственность, или желание есть Эрот, и красота эротической любви выражается в ее устремленности к Красоте самой по себе.

Вера есть устремленность к единству с Богом и она обозначена как Агапе, красота которой заключена в самой устремленности к этому единству через осмысление единства как идеала веры. Сторге есть чувство – признание, уважение равенства другого с самим собой, поскольку рождение понятия вызывает ровную, умеренную любовь к знанию через постижение сущности в форме знания. Чувство Филия есть язык, который порождает диалектику смыслов. Язык есть единство бытия и сознания, которое выражает любовь к сознанию и миру через осмысление и самоосмысление мира и себя самого в мире, что выражает сущность любви – Филия.

Все формы чувственности есть эволюция диалога в восхождении к своей сущности, которой является сознание. Я есть Альфа и Омега становления духа и его форм чувственности, где в процессе саморазвития оно приходит к высшему в себе: от чувства-сознания, к рассудку-самосознанию, и от него – к разуму, как достоверности единства субъективного и объективного в объективации искусства, религии и науки.

Я благодаря любви обретает способность мыслить. Эта способность зависит от возможностей этого Я: эпохальное развитие показывает границы мышления и любви. Опыт существует в снятом виде. Каждое Я оперирует знаками, которые фиксируют границы познания: index, icon, symbol, simulakr.

Любовь есть связь Я и предмета. Эта связь или отношение в философии определяется как диалог. Любовь это сила, соединяющая Я и предметы. Без нее невозможен сам процесс познания. Удивление есть начало всякого познания. Удивление есть восхищение, потрясение, неожиданность, манкость, соблазн ... и, как правило, он вызывается Красотой, которая включает в себя.

Метафизика любви задается вопросом: что есть сущность любви? Есть ли любовь?

Метафизика – вторая навигация по Платону, становится основной проблемой современной, постсоветской философии, где сама метафизика до сих пор понимается как нечто одностороннее, даже можно сказать буржуазное понятие. Для древних мореплавателей, когда утихал ветер, и не функционировали паруса, судно переходило на управление веслами, и это называлось второй навигацией. У Платона первая навигация – ход философии по ветру натуралистической мысли. Ясно, что вторая – есть результат его собственных усилий. Умозрение есть движение мысли: ум движет сам себя. Любовь более высокого порядка есть творчество. Сократ в диалоге Платона «Федон»: «Иные из них губят себе глаза, если смотрят прямо на Солнце. А не на его образ в воде или еще в чем-нибудь подобном, – вот и я думал со страхом, как бы мне совершенно не ослепнуть душою, рассматривая вещи глазами и пытаясь коснуться их при помощи того или иного из чувств. Я решил, что надо прибегнуть к отвлеченным понятиям и в них рассматривать истину бытия, хотя уподобление, которым я при этом пользуюсь, в чем-то, пожалуй, и ущербно. Правда, я не очень согласен, что тот, кто рассматривает бытие в понятиях, лучше видит его в уподоблении, чем если рассматривать его в осуществлении. Как бы там ни было, именно этим путем двинулся я вперед, каждый раз полагая в основу понятие, которое считал самым надежным; и то, что, как мне кажется,

5 Соколов В. В. Средневековая философия: Учеб. пособ. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – С. 21.

6 Там же. – С. 23.

7 Соколов В. В. Очерки философии эпохи Возрождения. – М.: Высшая школа, 1962. – С. 53.

8 Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения. – М.: Современник, 1991. – С. 145.

согласуется с этим понятием, я принимаю за истинное – идет ли речь о причине или о чем бы то ни было ином, – а что не согласно с ним, то считаю неистинным»⁹. В дальнейшем Р. Декарт скажет, что метафизика есть основание всех наук, а И. Кант свяжет метафизику с природными задатками у человека. «Таким образом, вся философия подобна дереву, корни которого – метафизика, ствол – физика, а ветви, исходящие от этого ствола, – все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике»¹⁰. Метафизика в ее истории есть восхождение любви к сущности самой себя. Ведь любовь есть целостность, или сущностность тоже.

Путь к мышлению связан с преодолением яйности, или эгоизма и приобщение к всеобщности в форме мирности. «И только способность слышать даль дает со временем в присутствии как самости пробудиться ответу соприсутствия, в событии с которым оно способно поступиться своим ячеством, чтобы обрести себя как собственную самость»¹¹. М. Хайдеггер говорит о человеке, как о «существе из дали»¹², т.к. только тогда возможна «истинная близость к вещам»¹³. История трансовых состояний уходит в древность, когда были жрецы, колдуны и шаманы.

Принцип единства души и духа как некий закон трансa, есть закон любви. «Путь» в философии Древнего Китая есть восхождение к Трансу. Тяга к метафизике есть выражение сущности человека, и она выражена в чувстве любви мечте, которую любовь пробуждает как некоторую тайну. Когда В. Соловьев писал о детскости любви современного человека, как о недоразвитости самой любви, то в то же время он указывал на необходимость следования в любви за ее зовом, как некоторым тайным путем к когда-то возможной осуществиться сизигии. «... (В)ысшая задача любви уже предуказана в самом любовном чувстве...»¹⁴. Этот путь Любви есть путь к метафизике, где любовь и метафизика обретают тождественные понятия. «Сила любви, переходя в свет, преобразуя и одухотворяя форму внешних явлений, открывает нам объективную мощь, но затем уже дело за нами: мы сами должны понять это откровение и воспользоваться им, чтобы оно осталось мимолетным и загадочным проблемком какой-то тайны»¹⁵. В. Соловьев говорит о лестнице, ведущей от пассивной восприимчивости чувства, к деятельной вере, сопровождающейся нравственным подвигом и трудом, для удержания дара светлой и творческой любви, и как результат, воплощение в себе и в другом образа Божия. Любовь есть метафизическое чувство. В отличие от Платона, В.Соловьев ставит задачей любви не только восхождение, но и нисхождение. Тогда как у Платона Афродита Небесная и Афродита Пошлая, для толпы несовместимы. «Для Бога Его другое (т.е. вселенная) имеет от века образ совершенной Женственности, но Он хочет, чтобы этот образ был не только для Него, но чтобы он реализовался и воплотился для каждого индивидуального существа, способного с ним соединиться»¹⁶. Эта ренессансная идея, воплощающая принцип пантеизма, где эманация (истечение) божества приводит к слиянию бо-

жественного и материального миров. «Важнейшие черты натурфилософских концепций состоят:

– в учении о бесконечности вселенной и о множестве составляющих ее миров, нанесшем один из наиболее сильных ударов по схоластическому пониманию вселенной как ограниченной в пространстве и богом созданной;

– в органистическом взгляде на мир как на нечто живое и одушевленное как в своем целом, так и в частях (гилозоизм);

– в элементах диалектики, выразившихся в понимании мира как связанного единого целого и в учении о противоположностях, лежащих в основе всех его процессов;

– в понимании человека (микрокосмоса) как части природы (макрокосмоса), разбиравшем схоластическо-теологическое отделение человека от природы и открывавшем путь для натуралистического и материалистического истолкования человека»¹⁷.

Сизигия по В. Соловьеву означает воссоединение человеческой индивидуальности в личной, общественной и природной сферах любовным взаимодействием, «чтобы мы относились к социальной и всемирной среде как к действительному живому существу, с которым мы, никогда не сливаясь до безразличия, находимся в самом тесном и полном взаимодействии»¹⁸. Идея всеединства означает у В.Соловьева «установление истинного любовного, или сизигического, отношения человека не только к его социальной, но и к его природной и всемирной среде...»¹⁹. Не господство и не подчинение, а творческий союз всего со всем есть цель любви и метафизики. Для м. Хайдеггера это означает быть повсюду дома. «... быть дома повсюду значит: всегда и, главное, в целом. Это «в целом» и его целое мы называем миром ... Это «в целом» есть мир»²⁰. Женщина и мужчина в метафизическом плане символизируют Инь – Ян, как единичное и всеобщее, где особенностью обоих является дух.

Проблема метафизики в европейской философии заключается в том, что она изначально была неоднозначно понята. Метафизику до XVIII века отождествляли с философией. В XIX веке позитивистская волна выбросила метафизику из сферы научной деятельности. «Скепсис в отношении возможности метафизики, крушение веры в универсальную философию, способную дать руководство новому человеку, говорит именно о крушении веры в «разум», понятый в том смысле, в каком в древности «эпистема» противопоставлялось «докса». Только разум в конечном счете придает всему, что считают сущим. Всем вещам, ценностям, целям их смысл. А именно их нормативную соотнесенность с тем, что со времени начала философии обозначается словом «истина» – истина по себе – и коррелятивным ему словом «сущее» – истинно сущее»²¹.

Постмодернизм в XX-XXI вв. принимает ее за классическую философию, а затем постепенно приходит к полному отказу от ее надобности, избегает ее, «упрощая до крайности, мы считаем «постмодернизмом» недоверие в отношении метарассказов»²². Можно сказать, что Европа переживает мета-

9 Платон. Собр. соч. в 4-х тт. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2. – С. 58-59.

10 Декарт Р. Первоначала философии. Собр. соч. в 2-х тт. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 309.

11 Хайдеггер М. Что такое метафизика? – М: Академ. проект, 2013. – С. 219.

12 Там же. С. 219.

13 Там же.

14 Соловьев В. С. Указ. соч. – С. 148

15 Там же. С. 149.

16 Там же. С. 168.

17 Соколов В. В. Очерки философии эпохи Возрождения. – М.: Высшая школа, 1962. – С. 163-164.

18 Там же. С. 180.

19 Там же. С. 181.

20 Хайдеггер М. Что такое метафизика? – М: Академ. проект, 2013. – С. 86.

21 Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. – СПб: «Владимир Даль», 2004. – С. 28.

22 Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна. – СПб: Алетейя, 2013. – С. 10.

физический крах, «кризис метафизической философии, а также кризис зависящей от нее университетской институции»²³.

Русская философия по причине своей молодости: ее начало датируют с творческой деятельностью П. Я. Чаадаева, хотя были Скворода Г. С., Радищев А. Н., Ломоносов М. В. и др., и в работах Соловьева В. С. намечается план спасения метафизики, что становится актуально и в период постсоветской философии. Возможно, это является ближайшей задачей сохранения и развития русской традиции в современной России. «И все же рационализму, со всеми его «аргументациями из следствий» и угрозами сумасшедшего дома, не дано заглушить живущую в людях смутного чувства, что последняя истина, та истина, которую наши прародители так неудачно искали в раю, лежит по ту сторону разума, и разумом постижимого, и что найти ее в том мертвом неподвижном мире, в котором только и умеет властвовать рационализм, невозможно»²⁴.

Первоначальная связь метафизики и онтологии вносит некоторую путаницу в определении и разведении понятий, т.к. до критики И.Канта они совпадают по содержанию при определении классической философии. Современная философия разрушает связи и принципы, обесценивает философию, метафизику, онтологию. Обесценивание метафизики ведет к обесцениванию любви. Метафизический запас есть условие всякого осмысления мира и его преобразования. Творчество бытия невозможно без трансцендирования. Дистанция необходима для более глубокого всматривания. Это бинарная позиция мира, которую подвергает критике постмодернизм. Условием всякого познания является сравнение. Об этом пишет Аристотель в «Метафизике», где сравнение есть фундаментальный принцип познания. Любовь есть бинарность и единство одновременно. Платон в «Пире» видит Эрота: то одного Эрота, то двух Эротов: пошлого и небесного. Он определяет природу любви как стремление к целостности, и как стремление к пошлому и небесному. Красота есть Благо. А благо есть Логос. Стремление Эрота есть преодоление бинарности и обретение единства. Состояние единства есть «нежность. Рассудительность, креативность» души, как схваченное единство тела и духа. Эрот и Логос, любовь и метафизика есть два сопряженных понятия в творчестве Платона.

Тотальность Эрота: он в природе, в космосе, в творчестве, в науке и ремеслах, в метафизике, в обществе, на войне, в преодолении рода, в философии, в музыке, в нежных душах, в рассудке и т.д. Повсеместность Эрота предполагает его метафизичность. Эрот выступает как всевязь, закономерность, или принцип. Эрот соединяет все со всем: принижает надменного и возвышает униженного, соединяет две половинки в андрогина, посредствует между богами и людьми, тклет рассуждения. Философ, подражая всевязи космической, рассуждая, соединяет все со всем. Сократ: «Я не смыслю ни в чем, кроме любви».

Не произошло ли слово «мораль» от «амур»? Моральность у И. Канта есть та же любовь через разумность и добрую волю. «Добрая воля» И. Канта напоминает Эрота Агафона. Эрот рассудителен, насилия избегает, пошлости избегает, разврата избегает, живет там, где цветы; входит в души босыми ногами. Вызывая нежность; рождает мир знаний и опыта; сильнее бога Ареса, т.к. побеждает без всякого насилия, искусен и разумен. «Добрая воля» И. Канта есть «Эрот» Агафона. Эрот есть цель сама по себе, как разумность и безусловность. Свобода Эрота вне принуждения, т.е. заставить Эрота, означает потерять его. У М. Хайдеггера «мораль» и «амур» связаны волей, которая стремится к тому, чтобы сделать людей нравственными и прекрасными одновремен-

но. «Амур – любовь – не что-то сентиментальное, она понимается метафизически как воля, которая хочет, чтобы возлюбленные были тем, кто они есть по своей сущности»²⁵.

Идея метафизики связана с удвоением мира: мира природы и мира духа. Дух есть то, что существует до, вне, после природы. Отношение к духовному плану неоднозначно в истории цивилизации. Но, в любом случае, появление человека и его приход в этот мир связан с открытием метафизики. Человек есть метафизическое существо. «Метафизика – это предельное вопрошание»²⁶. Миф, религия. Наука, философия есть формы метафизики.

Уже учение о душе, или анимизм был связан с удвоением человека: «в большом звере живет маленький зверь», или в большом теле живет маленькое тело и т.д. Это напоминает русскую матрешку, в которой есть ряд уменьшающихся матрешек. Жизнь души и тела различается, расходится, разнится. Душа, родственная духам природы, вездесуща. Душа может вступать в конфликт с телом. Гармония между душой и телом есть гармония между человеком и природой. Магическая связь определяет воздействие души на тело: тело воскрешают, усыпляют, настраивают, зомбируют. Тело выполняет указания души и наоборот. Душа переживает любовь к природе (пилозоизм, синкретизм): тело растворяется в душе, душа растворяется в теле. Симбиотическая связь обозначается как зависимость человека от природы, когда человек отождествляет себя и природу. Будучи зависимым от природы, он мнит себя при этом героем, порождая адетерминизм, делая свою волю и желания могущественными. Как это возможно? Духи есть сущности, которые обретают образность, подвижность, силу, власть. Они живут своей жизнью, вступают в диалог с человеком. Так и сегодня, в постсоветский период философии мы допускаем в свое сознание веру в чудеса, показывая, тем самым метафизическую сущность человека, и при этом остаемся строгими поклонниками исторического и диалектического материализма, который в СССР играл роль идеологии.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель. Метафизика. Собр. соч. в 4-х тт. – М.: Мысль, 1976. – Т. 1.
2. Декарт Р. Первоначала философии. Собр. соч. в 2-х тт. – М.: Мысль, 1989. – Т. 1.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. – СПб: «Владимир Даль», 2004.
4. Лиотар Жан-Франсуа. Состояние постмодерна. – СПб: Алетейя, 2013.
5. Платон. Собр. соч. в 4-х тт. – М.: Мысль, 1993. – Т. 2.
6. Соколов В. В. Очерки философии эпохи Возрождения. – М.: Высшая школа, 1962.
7. Соколов В. В. Средневековая философия: Учеб. пособ. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
8. Соловьев В. С. Смысл любви: Избранные произведения. – М.: Современник, 1991.
9. Хайдеггер М. Лекции о метафизике. – М.: Языки славянской культуры, 2014.
10. Хайдеггер М. Что такое метафизика? – М: Академ. проект, 2013.
11. Шестов Л. По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля / Э. Гуссерль. Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994.

23 Там же. – С. 14.

24 Шестов Л. По поводу теории познания Эдмунда Гуссерля / Э. Гуссерль. Философия как строгая наука. - Новочеркасск, 1994. – С. 48.

25 Хайдеггер М. Лекции о метафизике. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 155.

26 Хайдеггер М. Что такое метафизика? – М: Академ. проект, 2013. – С. 113.

РОСТОВА Антонина Тимофеевна

кандидат физико-математических наук, доцент, докторант

МАЦНЕВ Александр Александрович

соискатель Невинномысского государственного гуманитарно-технического института

ГРИШАЙ Владимир Николаевич

доктор социологических наук, профессор кафедры экономики Эссентукского института управления, бизнеса и права

СИМВОЛИЗМ КОРРУПЦИИ В ПРОТИВОРЕЧИЯХ СОЦИАЛЬНОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются актуальные для современной социальной философии вопросы коррупционных проявлений в системе социальных и профессиональных коммуникаций. Раскрываются современные аспекты проблемы взаимодействия власти и общества в перспективах социального воспроизводства в современных условиях.

Ключевые слова: власть, общество, коррупция, коммуникация, философия символизма.

ROSTOVA Antonina Timofeevna

Ph.D. in Physico-mathematical Sciences, associate professor, doctoral student

MATSNEV Alexandr Alexandrovich

competitor of the Nevinnomyssk State Humanitarian-technical Institute

GRISHAY Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in sociological sciences, professor of Economics sub-faculty of the Essentuki Institute of management, business and law

THE SYMBOLISM OF CORRUPTION IN CONTRADICTIONS SOCIAL REPRODUCTION

The article considers relevant for modern social philosophy issues of corruption in the system of social and professional communications. Describes the modern aspects of the problem of interaction between authorities and society in perspective of social reproduction in modern conditions.

Keywords: power, society, corruption, communication, philosophy of symbolism.

Как и вся система криминальной теории и практики, сфера преступности и коррупция эволюционировали вместе с обществом, его структурами и институтами. Для современных исследований в сфере социальной философии важной целью познания становится теоретический, методологический, общеправовой анализ проблем сущности социального воспроизводства в контексте противодействия коррупции.

Коррупция создаёт одну из сложнейших проблем взаимодействия власти и общества в современной России. Так, по отдельным признакам, коррупционная составляющая во всех сферах жизни общества приобретает институциональные масштабы. В общественном мнении, на уровне так называемой «народной экспертизы», процессы создания новых законов и проектов власти по борьбе с коррупцией воспринимаются преимущественно скептически. Правовой нигилизм не только сохраняет свою масштабную роль в массовом сознании, но и формирует основу внеправового восприятия представителей власти всех уровней, как людей, наделённых особыми правами и привилегиями.

В общем случае, при формировании правовых норм, субъекты правотворчества современной России должны наделять их качеством и признаками рационализма. Прежде всего это обусловлено тем, что недостатки индивидуального и массового правосознания характерны как для рядовых граждан, так и для субъектов современной правотворческой деятельности в государственно организованном российском обществе. Тем не менее, к правилам рассмотрения и разрешения гражданских дел судами общей юрисдикции в Российской Федерации отечественное законодательство обращается регулярно.

По мнению О. Ю. Рыбакова, связано это с тем, что - «...Человек – это сложная, многомерная физиологическая, психоэмоциональная конструкция, отражающая общие и специфические черты его социальности, развитости определённых качеств, рациональное и иррациональное в своём поведении»¹. Соответственно, полагаем, что в указанном аспекте реализация права зависит не только от наличия самих прав в системе правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации². Но и от профессиональных действий должностных лиц, авторитета власти. В контексте социальной коммуникации антикоррупционная работа представляет собой деятельность по принятию и реализации правовых отношений особого рода. Эффективность правовых актов в преодолении коррупции предполагает учёт нормативных предписаний как в сфере реализации санкций, так и в перспективной диспозиции правовой нормы. В комплексе указанных обстоятельств философскому исследованию подлежит понятие «противодействие коррупции», поскольку его осмысление позволит эффективно претворить в общественную практику ценности осуществления прав и законных интересов граждан. Так же как и несовершенство правовой ре-

1 См.: Рыбаков О. Ю. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.2. Ответ. ред. Ю. Н. Давыдов. - М., Канон, 1997. - С. 371.

2 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.03.2016).

гламентации противодействия коррупции способно ослабить государство.

В научных определениях коррупция представляет собой наиболее общее понятие, в высокой степени чувствительное к нормам законодательства и общественной нравственности. В качестве важнейшей превентивной функции противодействия коррупции выступает развитие таких субъектов деятельности, как граждане, коллективы и объединения граждан, а также компетентные органы, профессионально призванные к рассматриваемой деятельности. Для всех уровней анализируемой проблемы сущностное значение имеет Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.03.2016) в трактовке Статьи 55. «Доказательства». Так, доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

На этом фоне отечественные исследователи отмечают существенные изменения по векторам отношений между взяткодателями и взяткополучателями. Предметно возросла заинтересованность обеих сторон в сокрытии фактов взяточничества. Это ограничивает возможности правоохранительных органов в выявлении преступлений, функционально сужает возможность сбора доказательств по уголовным делам. Для привлечения лица к уголовной ответственности за взяточничество необходимо установить такие элементы виновности, как дачу-получение имущества (или права на имущество) и выполнение (невыполнение) каких-либо действий, определяемых служебными полномочиями должностного лица. Однако необходимые по условиям неоспоримости юридических фактов параметры полноты, своевременности, достаточности, убедительности и точности законодательных решений остаются недостижимыми. Активную роль в рассматриваемой противоправной деятельности играют посредники, а также различные по ролевому и должностному статусу лица, как равнодушные, так и в разной степени заинтересованные в неразглашении известной им информации. Всё это существенно затрудняет выявление и расследование фактов, образующих систему взяточничества и коррупции.

Типичными причинами и сопутствующими условиями нейтрального или даже одобрительного восприятия коррупции остаются низкий уровень правосознания, фрагментарное восприятие законов, примеры решения правовых споров (ситуаций, проблем) неправовыми регуляторами. В свою очередь, статистика по рассматриваемой тематике уверенно свидетельствует, что в общественном сознании граждан России сохраняются приоритеты моральных норм, ожидания справедливости в развитии рыночных отношений, политической, социальной, духовной сфер современного общества. Высокий уровень моральной и правовой ответственности относится к сфере интегральной коммуникации гражданского общества и государства. В современной России такой уровень интеграции остаётся недостижим по критериям несовершенства норм и форм правовой ответственности, социальной ответственности, индивидуальной свободы и независимости развития личности. Описание каждого процесса с соблюдением логики построения и статистической достоверности, позволяет ис-

следователю выявлять и решать актуальные и перспективные проблемы.

Понимание источника права через посредство ограничений для незаконной деятельности несёт ряд проблем, связанных со спецификой оформления доказательной базы коррупционных проявлений. Профессиональные и правовые возможности должностных и иных лиц определяют служебные и социальные ограничения, позволяющие длительное время скрывать как факты, так и системы коррупционного произвола. Такие субъекты, организации и схемы коррупционной коммуникации предполагают потенциальную способность нарушения правовых отношений, прав и законных интересов граждан, коллективов и организаций. Здесь степень антикоррупционной эффективности определяется признаками достижения в реальной жизни тех целей, которые выделяет законодатель по степеням возможностей нации и уровням готовности общества к преодолению коррупции.

Так, статья 56. «Обязанность доказывания» прямо трактует, что каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом. Соответственно, суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались³. Отметим, что отечественные фрагменты превентивной функции права и судебной практики в преследовании коррупции, часто успешно сопоставимы с международными правовыми актами. Так, Л. С. Мамут определяет, что по основным параметрам, правовое государство – это, прежде всего, такая организация власти и общества, при которой ведущие права и обязанности, ответственность, блага, свободы человека защищаются Конституцией, определяются законодательством. Институты публичной власти имеют положительную историю, легитимны, легализованы по критериям разделения властей и независимости суда⁴.

Формирование основ научного понимания противодействия коррупции в общественном сознании предполагает следующие направления теоретических исследований и практической деятельности:

- определение основных и вспомогательных факторов антикоррупционного сознания граждан и общественных групп;
- критериальное масштабирование проблемы коррупции в контексте осуществления прав и законных интересов граждан современного общества;
- обоснование вариативного подхода при исследовании правовых характеристик антикоррупционного законодательства;
- выявление условий несовершенства социальных отношений и распределителей благ, позволяющих паразитировать в формате должности, статуса, социальной или профессиональной роли;
- анализ проблем согласования воли и интересов власти и граждан в процессе правотворчества для антикоррупционного законодательства современной России;
- выявление и научная аргументация перспектив законодательства в перспективах противодействия коррупции.

3 Задачи гражданского судопроизводства. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ. - Статья 56. Обязанность доказывания.

4 Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. - 2001. - № 7. - С. 13.

Уместно предположить, что в системе антикоррупционной диагностики для современного общества возрастающее значение имеет индивидуальный правовой статус, возникающий на пересечении общего для всех правового статуса и совокупности прав и обязанностей конкретного должностного лица. По сопутствующим обстоятельствам отечественные авторы предлагают включать в правовой статус субъективные права и обязанности, определяемые вне правоотношений, характерных для статистики правового состояния лица⁵. В развитие такого подхода отметим, что в философии уместно рассматривать правовой статус конкретного человека, наделённого специфическими признаками индивидуальности, социального, родственного и семейного положения. В этом же ряду находим актуальные для нашей темы особенности служебной карьеры, профессионального роста, должностного положения. Именно они предопределяют дихотомию выбора между чиновничьим произволом и государственными интересами в масштабах всего общества.

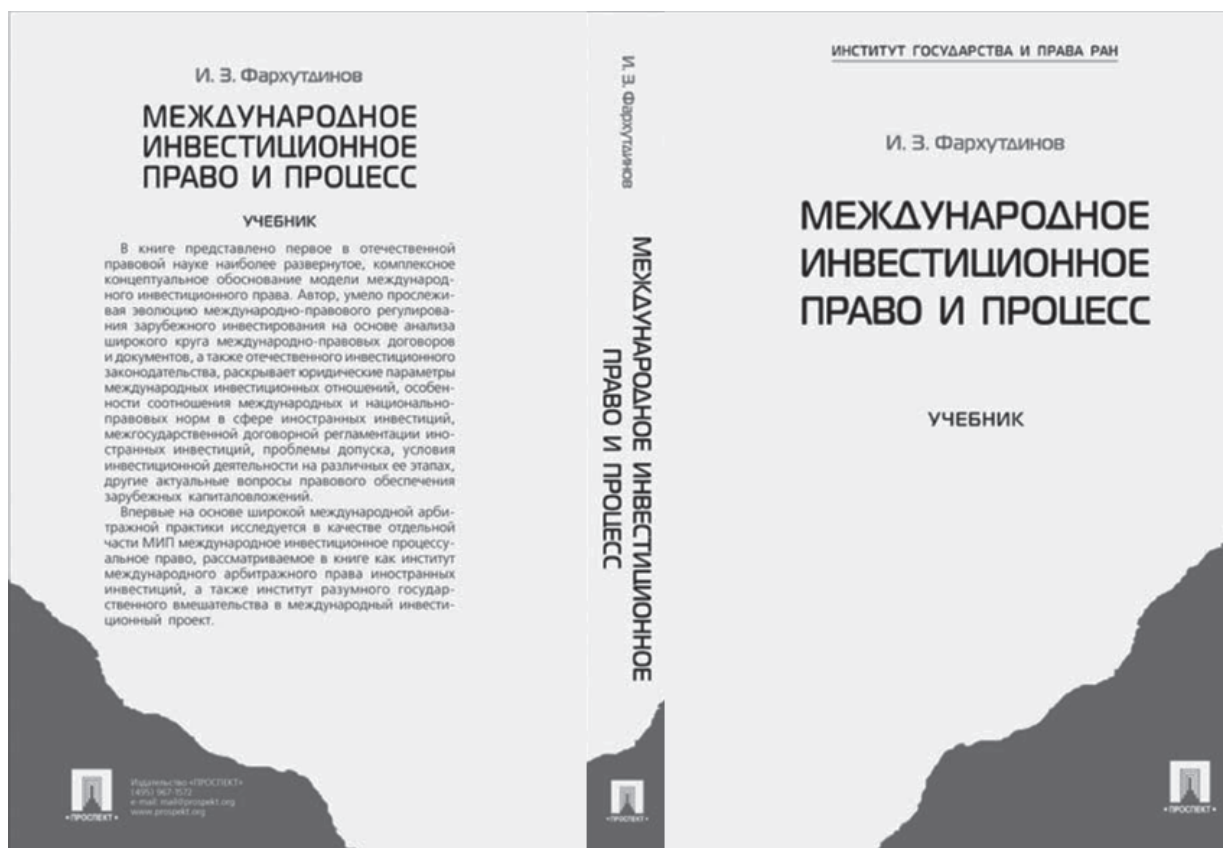
Выводы. По условиям восприятия коррупционных проявлений в общественном и правовом сознании, обычаи, традиции, законы и сопутствующие им оценки формируют пространство равенства перед законом и судом всех граждан, при обязательном соблюдении условия осуществления правосудия только судами. Таким образом, полагаем очевидным,

5 См., например: Теория государства и права / Под ред. проф. К. А. Мокичева. - М.: Юрид. лит. 1965. - С. 486-487; Ямпольская Ц. А. О субъективных правах граждан и их гарантиях // Вопросы государственного права. - М.: АН СССР, 1959; и др.

что противодействие коррупции должно рассматриваться в составе перспектив осуществления прав и законных интересов граждан. Правовые меры для ограничения коррупции как специфического по условиям реализации корыстного произвола чиновников должна принимать государственная власть. То есть, как доказывает успешный мировой и отечественный опыт, волевые усилия чиновников высшего уровня позволяют эффективно сократить коррупционные правонарушения как по количеству, так и по сценариям их реализации.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 02.03.2016).
2. Задачи гражданского судопроизводства. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ. - Статья 56. Обязанность доказывания.
3. Мамут Л. С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. - 2001. - № 7. - С. 13.
4. Рыбаков О. Ю. История теоретической социологии. В 4-х т. Т.2. Ответ. ред. Ю. Н. Давыдов. - М., Канон, 1997. - С. 371.
5. Теория государства и права / Под ред. проф. К. А. Мокичева. - М.: Юрид. лит. 1965. - С. 486-487; Ямпольская Ц. А. О субъективных правах граждан и их гарантиях // Вопросы государственного права. - М.: АН СССР, 1959.

СЫПАЧЕВ Сергей Владимирович

заместитель руководителя военного следственного управления по Центральному военному округу, г. Екатеринбург

АБРАМОВ Максим Алексеевич

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права

БАШТОВОЙ Владимир Юрьевич

кандидат социологических наук, преподаватель кафедры общевоенных дисциплин Военного учебно-научного центра Военно-воздушных сил Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина, филиал в г. Краснодаре

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОНФЛИКТНОСТИ

В тексте статьи производится социологический анализ проблемы возникновения и культурной представленности межнациональных конфликтов. В статье обосновывается, что возникновению межэтнической конфликтности способствуют такие тенденции, как социальное и экономическое неравенства, объясняемые в первую очередь сложностями культурной и языковой ассимиляции и характерные для общества с высоким миграционным потенциалом. Основной задачей исследования является социокультурное обоснование предупреждающей стратегии пресечения межнациональных конфликтов, согласно которой, недопущение конфликта является более продуктивным решением, чем его разрешение.

Ключевые слова: межнациональный конфликт, ассимиляция, разрешение конфликтов, диалог, государство, регулирование, культура разрешения конфликта.

СЫРАЧЕВ Sergey Vladimirovich

Deputy Head of the Military investigation department for the Central military district, Ekaterinburg

ABRAMOV Maxim Alekseevich

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Humanities and Natural Sciences sub-faculty of the Essentuki Institute of Management, Business and Law, Essentuki

BASHTOVOY Vladimir Yurevich

Ph.D. in sociological sciences, lecturer of General-military Training Disciplines sub-faculty of the Military educational and scientific center of the air force of the professor N. E. Zhukovskiy and Yu. A. Gagarin Air Force Academy, branch in Krasnodar

SOCIO-CULTURAL DIMENSION OF ETHNIC CONFLICT

The article is a sociological analysis of the problem of the origin and cultural representation of ethnic conflicts. The article explains that the emergence of ethnic conflicts contribute to trends such as social and economic inequality is explained primarily by the difficulties of cultural and linguistic assimilation and characteristic of companies with high migration potential. The main objective of the study is socio-cultural rationale for the warning strategy for the elimination of international conflicts, according to which, the prevention of conflict is more productive than its resolution.

Keywords: ethnic conflict, assimilation, conflict resolution, dialogue, state, regulation, culture of conflict resolution.

Развитие и гармонизация межнациональных отношений требует от современного общества своевременных разносторонних решений, позволяющих сохранить стабильность и культуру конструктивного сотрудничества. В то время как ситуация конфликтности отбрасывает общественное развитие на примитивный, неэффективный уровень взаимодействия. Показательно, что наличие межнациональных конфликтов порождает воспроизведение противоречия как в пространстве (с распространением информации) так и во времени (память поколений).

Для начала, стоит подробнее остановиться на вопросе отношения понятий «транснациональное пространство» и «диаспора». Здесь показательны исследования западноевропейского социолога Томаса Файста, который полагал, что «современные процессы глобализации способствуют развитию ряда условий, тесно связывающие различные общности внутри или между национальными государствами»¹. В качестве

таких условий, согласно его изысканиям, в первую очередь выступает такой феномен, как «перемещение мигрантов и беженцев и появление миграционных сообществ»². Таким образом, и образуются транснациональные пространства, возникающие в процессе установления связей беженцев, мигрантов и их сообществ в таких социальных сферах, как политика, культура, экономика. В то же время сущность транснациональных пространств могут наполнять сочетания социальных и символических связей, здесь же существенную роль играют позиции социума и общественных организаций. Согласно утверждению Т. Файста, транснациональные пространства служат обозначением динамических процессов, которые представляют собой протекание постоянных миграционных потоков и перемещение ресурсов.

1 Faist, Th. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. - Oxford, 2000. - P. 380; Дейко С. Ю., Филобок А. А. Теория, причины, этапы развития

межэтнических конфликтов и специфика Краснодарского края // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. - 2013. - № 3 (122). - С. 74-79.

2 Там же.

В результате интенсификация этих процессов приводит к возрастанию государственного контроля за социальными сферами, в которых могут осуществлять активную деятельность различные этнические группы.

Согласно Т. Файсту, формирующим признаком транснациональных пространств выступают взаимоотношения пяти основных субъектов: правительства иммиграционной и эмиграционной стран, гражданское общество того и другого государства и непосредственно сами транснациональные группы (беженцы, мигранты и их сообщества)³.

Транснациональные пространства формируются в два этапа. Вначале образующую роль в возникновении транснационального пространства играют первые мигранты, которые переезжают на новое место жительства. Как уже было отмечено выше, первые мигранты сохраняют устойчивые социальные связи со страной исхода, формируя общее социальное поле для этнических общностей, находящихся на различном удалении друг от друга. Параллельно этому процессу происходит обрастание социальными связями с различными институтами, организациями, функционирующими как в стране исхода, так и в стране проживания. Таким образом, возникает база для новых этнических сообществ, соответствующих признаками понятию диаспоры. Эти процессы представляют собой первый этап формирования транснационального пространства.

Второй этап продолжает развитие транснационального пространства путем деятельности последующих поколений мигрантов. В процессе их миграции происходит развитие и видоизменение связей между страной исхода и принимающим государством, путем комбинирования различных факторов, в первую очередь – культурных. На данном этапе в рамках совмещения традиций может происходить принятие мигрантами культурных и прочих социальных традиций принимающей страны, что отражается на их стиле жизни⁴.

В современной социологической теории принято выделять три разновидности транснациональных пространств по критерию масштабности. Первый тип представляет собой малые транснациональные группы, зачастую ограничивающиеся родственными рамками. Такие типы групп характерны для транснациональных пространств на первом этапе формирования, когда взаимодействуют мигранты первого поколения. В таких ситуациях чаще всего целью миграции выступает улучшение финансового положения. Само переселение осуществляется по экономическим соображениям. Для современной России таких примеров можно привести достаточно много. В основном, это трудовые мигранты из бывших республик Советского Союза, которые приезжают в столицу и в крупные города России на заработки и отсылают заработанное на историческую родину родственникам. Согласно статистическим данным, только в 2014 году из стран СНГ в Российскую Федерацию со служебной целью въехало 3 044 410 человек, а официальный миграционный прирост из стран СНГ по городам и сельским поселениям составил 260 156 человек⁵.

В данном типе транснациональные связи происходят в рамках транснациональных семей, а также связей таких семей друг с другом. Зачастую такие связи функционируют между членами семьи, живущими и работающими в разных государствах (дети и родители, супруги и т.п.). В таких случаях общение ограничивается телефонными и интернет-коммуникациями. Подобный тип транснациональных пространств носит временный характер и ограничен перемещением членов семей (когда вся семья оказывается в одном государстве, транснациональное пространство такого типа перестает функционировать).

Второй тип существования транснациональных пространств – это транснациональные сети связей. Основными создателями таких связей выступают предприниматели, занимающиеся международным бизнесом и обеспечивающие циркуляцию товаров, услуг, людей, информации через национальные границы. Этот вид социального пространства сопровождается процессом социальной и экономической адаптации к различным условиям, культурным традициям принимающей страны, но в то же время и к восстановлению прежних условий в стране исхода. Однако, по мнению исследователей, уже в рамках данного типа транснациональных пространств, просматриваются отдельные характеристики, позволяющие отметить начало формирования отдельных диаспор. В первую очередь, это такие условия, «способствующие адаптации и подготавливающие материальную, юридическую и социокультурную базу для успешного ведения бизнеса и пересечению культурных и национальных границ»⁶.

В качестве третьего типа организации транснациональных пространств выступают транснациональные сообщества. Для таких сообществ характерны крепкие социальные и символические узы, которые связывают через время и пространством мигрантов и членов их социальных групп, оставшихся в стране исхода, создавая прочные сети связей как внутри страны, так и между несколькими государствами. Примером таких транснациональных сообществ и является диаспора. Именно в данном типе связей возникает взаимодействие, позволяющее достигать высокого уровня солидарности, сплоченности и вырабатывать общую идеологическую и культурную модель. В то же время ряд специалистов, включая Т. Файста, отмечают, что «транснациональные сообщества могут быть названы диаспорой только в том случае, если их члены сохраняют и поддерживают значительные социальные и символические связи с принимающей страной. В противном случае сообщество, которое нельзя назвать диаспорой, концентрирует всю свою энергию на стране происхождения, живя мифом о возвращении на свою истинную родину»⁷. В подтверждение этой теории можно привести пример так называемой «белой эмиграции», в начале XX века переехавшей из России в США, которые большинством исследователей не считаются диаспорой. К примеру, советский исследователь Эдуард Дмитриевич Лозанский считал, что русские эмигранты первой волны так и

3 Там же.

4 Осеян А. К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник ОГУ. - 2013. - № 7 (156). - С. 68-76.

5 Статистические данные взяты с официального портала Федеральной службы государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906.

6 Там же.

7 Faist, Th. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. Oxford, 2000. - P. 380; Дейко С. Ю., Филобок А. А. Теория, причины, этапы развития межэтнических конфликтов и специфика Краснодарского края // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. - 2013. - № 3 (122). - С. 74-79.

не образовали диаспору, ввиду отрицания связей со страной исхода⁸.

Глобализация в современном мире привела к тому, что миграционные потоки стали все более интенсивными. В то же время культурные и языковые различия способствуют возникновению межэтнических конфликтов даже в развитых обществах.

Возникновению межэтнической конфликтности способствуют такие тенденции, как социальное и экономическое неравенства, объясняемые в первую очередь сложностями культурной и языковой ассимиляции и характерные для общества с высоким миграционным потенциалом. В таких ситуациях совмещаются классовый и этнический конфликт, усугубляя тем самым конфликтный фон социального пространства. В то же время вместе с процессом изменения национального состава по причине миграции в обществе изменяется трудовая сфера по этническому признаку, что обостряет соперничество отдельных социальных групп. К тому же, когда социально-экономическое развитие ускоряется, обостряется соперничество за ресурсы, блага и привилегии, что приводит к усилению этнического обособления и соответственно повышению конфликтного фона в социуме⁹.

В рамках такой ситуации важную роль играет государственное регулирование межэтнических отношений, что в свою очередь представляет собой достаточно щепетильный и не до конца решенный вопрос. Поэтому зачастую именно отсутствие четких скоординированных действий региональных и местных властей в рамках миграционной политики приводит к нестабильности социальных сфер общества, возникновению конфликтов как между мигрантами и властью, так и между мигрантами и местным населением.

Очевидно, что в границах современной России миграционные процессы проходят достаточно неоднородно, что объясняется географическими, экономическими, политическими причинами. Наиболее интенсивные миграционные процессы характерны для юга России, что приводит к значительной этнической разнородности и возникающим на этой почве конфликтам. В то же время этническая напряженность, характерная для Южного Федерального округа, имеет определенную специфику, диктуемую региональными особенностями.

В то же время, по данным исследователей Института социологии РАН, за прошедшие десятилетия конфликтогенные факторы межэтнических разногласий претерпели значительную трансформацию. «Если раньше, в первое постсоветское десятилетие, доминировали конфликтогенные факторы исторического характера, связанные с насильственным переселением народов, репрессиями и т.д., то в текущем десятилетии конфликтогенные процессы в регионе определяются, прежде всего, факторами миграции, безработицы, бедности, неопределенности будущей перспективы населения юга России»¹⁰. Открытыми являются и вопросы социальной представленности

этносов, о чем более подробно пишут современные исследователи¹¹.

По замечанию профессора М. В. Столярова, «несмотря на то, что в настоящее время в Российской Федерации действует более 230 нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы миграции (в том числе 57 федеральных законов), единая и четкая система воздействия на миграционные процессы пока не создана»¹². В качестве же одной из самых слабых сторон работы основного органа по работе с мигрантами – ФМС России – ученые отмечают отсутствие диалога с правозащитниками и этническими организациями. «Деятельность ФМС МВД России перестала быть транспарантной, была утрачена преемственность в деятельности миграционной службы, резко снизилась квалификация ее работников, еще более осложнились отношения ведомства с организациями «третьего сектора», оставяло желать лучшего сотрудничество с наукой», – пишет В. А. Волох¹³, отмечая основные недостатки деятельности ФМС.

Современное общество диктует необходимость усилить государственное участие в миграционной политике страны, которая должна способствовать адекватной адаптации мигрантов, снижая конфликтный фон в межэтническом социуме.

Здесь также стоит сказать об особенном положении юга России и Северного Кавказа, который представляет собой своего рода перекресток цивилизаций, где взаимодействуют разнообразные этнические, политические и экономические процессы. Ввиду специфической истории, географического положения и т.п. южные регионы обладают собственным региональным конфликтогенным потенциалом, что усугубляется интенсивными потоками мигрантов, рассматривающих юг России как надежное укрытие от политической, экономической, социальной неустроенности собственной исторической родины. Таким образом, возникает необходимость в оптимизации региональной системы безопасности и стабилизации межэтнической обстановки¹⁴.

В настоящее время Северный Кавказ характеризуется возросшими проблемами в сфере незаконной миграции. В то же время здесь функционируют крупные иммиграционные общины, сформированные преимущественно из вынужденных переселенцев. Являясь одной из самых обиженных и незащищенных категорий мигрантов, беженцы являются самыми уязвимыми, что способствует обострению этнических конфликтов. И решение подобных конфликтов имеет существенное влияние не только на стабилизацию внутренней региональной обстановки, но и на глобальном уровне на динамику тех условий, которые привели к вынужденному переселению данной группы мигрантов (война, социальная, экономическая, политическая нестабильность и т.д.).

Своевременная реакция, как со стороны политической власти, так и со стороны гражданского общества, на деструктивные последствия миграции населения, а также конструк-

8 Лозанский Э. Д. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. - М., 2004. - С. 233.

9 Мукомоль В. И. Миграционная политика России: постсоветские контексты / Институт социологии РАН. - М., 2005.

10 Дмитриев А. В. Миграция и цивилизованный разлом // Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования. - Ростов н/Д, 2008.

11 Маркин В. В., Кубякин Е. О., Плотников В. В. Дискурс феномена этнорегиональной идентификации в модельном Южнороссийском регионе (аналитический обзор социологических исследований в Краснодарском крае) // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сборник статей. - М., 2016. - С. 85-103.

12 Волох В. А. Формирование и реализация государственной политики Российской Федерации в сфере вынужденной миграции (на примере института предоставления убежища): автореф. дис. ... канд. полит. наук. - М., 2007.

13 Там же.

14 Осепян А. К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник ОГУ. - 2013. - № 7 (156). - С. 68-76.

тивная система координации и регуляции миграционных потоков должны своевременно помогать предупреждать или решать уже возникшие межэтнические конфликты.

Таким образом, развитие и регулирование этнических конфликтов в современном обществе является одним из ведущих направлений социальной и национальной политики государства. В то же время данная сфера имеет ряд особенностей. «Этнические конфликты как особая разновидность социальных конфликтов обладают специфическими особенностями. К ним относятся: эмоционально-иррациональный характер протекания конфликта, формирование участников по принципу противопоставления «МЫ – ОНИ»; наличие глубоких исторических корней, противоречивость природы этнических конфликтов и многообразие форм их проявления; возникновение существенных различий в протекании этнических столкновений в одном и том же регионе; отсутствие типовых средств урегулирования этнических конфликтов»¹⁵. Не стоит также списывать со счетов тот факт, что этнические конфликты носят комплексный характер – в качестве первопричин конфликтов могут быть определены как социальные, экономические, правовые, политические, территориальные проблемы и даже целый комплекс проблем.

Вышеперечисленные особенности делают разрешение межэтнических конфликтов затруднительным, осложняя саму процедуру исследования причин конфликта. В то же время предупреждение конфликта является более продуктивным решением, чем его разрешение, что находит отражение и в нормативно-правовой системе государства.

Пристатейный библиографический список

1. Волох В. А. Формирование и реализация государственной политики Российской Федерации в сфере вынужденной миграции (на примере института предоставления убежища): автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007.
2. Горбунова А. А., Максимова С. Г. Регулирование межэтнических отношений // Известия АлтГУ. – 2015. – №3(87). – С.163-166. Научная библиотека КиберЛенинка. - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/regulirovanie-mezhetnicheskih-otnosheniy-po-materialam-issledovaniya-v-altayskom-krae#ixzz48H99H2xf>.

3. Дейко С. Ю., Филобок А. А. Теория, причины, этапы развития межэтнических конфликтов и специфика Краснодарского края // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. – 2013. – № 3 (122). – С. 74-79.
4. Дмитриев А. В. Миграция и цивилизованный разлом // Современные миграционные процессы: состояние, проблемы, опыт государственного и общественного регулирования. – Ростов н/Д, 2008.
5. Красина О. В. Конструирование транснационального пространства как теоретико-методологическая проблема в современной теории мировой политики // Власть. – 2010. – № 11. – С. 69-74.
6. Лозанский Э. Д. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. – М., 2004. – С. 233.
7. Маркин В. В., Кубякин Е. О., Плотников В. В. Дискурс феномена этнорегиональной идентификации в модельном Южнороссийском регионе (аналитический обзор социологических исследований в Краснодарском крае) // Диаспоры и землячества: опыт регионального измерения: сборник статей. – М., 2016. – С. 85-103.
8. Мукомоль В. И. Миграционная политика России: постсоветские контекст / Институт социологии РАН. – М., 2005.
9. Осемян А. К. Концепты и характеристики диаспоры в классическом и современном виде // Вестник ОГУ. – 2013. – № 7 (156). – С. 68-76.
10. Статистические данные взяты с официального портала Федеральной службы государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140096034906.
11. Faist, Th. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. – Oxford, 2000. – P. 380.

¹⁵ Faist, Th. The Volume and Dynamics of International Migration and Transnational Social Spaces. – Oxford, 2000. – P. 380; Дейко С. Ю., Филобок А. А. Теория, причины, этапы развития межэтнических конфликтов и специфика Краснодарского края // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. – 2013. – № 3 (122). – С. 74-79.

ТАГИРОВ Филипп Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов

ПРЕФЕРЕНЦИИ ПОЛА И ВТОРАЯ БИНАРНОСТЬ СЕКСУАЛЬНОГО

Статья посвящена проблеме гендерной идентичности, выстраиваемой на основании выбора сексуального объекта. Рассматриваются бинарность мужское–женское, также анализируются различные аспекты эссенциалистского (субстанциального) и конструктивистского (несубстанциального) подходов к гетеросексуальному и негетеросексуальному желанию. Кроме этого, автор уделяет внимание вопросам парафилийности однополого влечения и фактической состоятельности бинарной гендерной десигнации.

Ключевые слова: бинарность, гендер, дискурс, идентичность, парафилия, пол, сексуальность, эрос.

TAGIROV Filipp Vladimirovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor of Social Philosophy sub-faculty of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the Peoples' Friendship University of Russia

SEXUAL PREFERENCES AND THE SECOND BINARITY OF SEXUALITY

The article studies gender identity built upon the choice of sexual object. It analyzes the binarity of male and female and also different aspects of essentialists (substantialistic) and constructivists (non-substantialistic) approaches to heterosexual and non-heterosexual desire. Besides that, the author pays his attention to the problem of paraphilic status same-sexual attraction and factual validity of binary gender designation.

Keywords: binarity, eros, gender, humanism, identity, paraphilia, sex, sexuality.

Бинарность мужского и женского как одна из важнейших структурных диспозиций социального порядка уходит своими корнями в доисторические времена. Она стояла за распределением смыслов, символов, социальных возможностей и предписаний как в малых группах вроде семьи, атомарной ячейки общества, так и между классами мужчин и женщин как таковыми. При этом не только сама эта бинарность имеет долгую историю, но также и практика периодически предпринимаемых попыток ее снятия, хотя бы частичного, отмены, вынесения за скобки. Мифологические образы различных культур часто очень ярко демонстрируют убежденность древнего человека в возможности трансцендировать границы пола. В качестве примера можно вспомнить предание об озере, где жила нимфа Салмакида: влюбленная в юного Гермафродита, она, как известно, взмолилась богам о том, чтобы никогда с ним не расставаться, и боги, откликнувшись на ее мольбы, превратили их в единое двуполое существо. С тех пор всякий мужчина, искупавшись в этом озере, обретал женственность или, как пишет Овидий, становился «полумужем»¹.

Очевидно, что традиционно мужское отличается от женского не только самим субъектом, но и объектом его (ее) желания, которым для мужчин, как правило, выступают женщины, и наоборот². Во многих древних обществах существовал институт сакральной проституции, из которого впоследствии возникла проституция профанная. Исполнение установленных социальных ролей зачастую подразумевало вступление в сексуальные отношения с людьми своего пола, что делало различие между мужчинами и женщинами сообразно предпи-

санному им объекту желания в этих обстоятельствах лишенным функциональной значимости³.

Ирокезы и другие племена североамериканских индейцев наряду с мужским и женским полом выделяли также людей третьего пола – бердашей⁴. Считалось, что это люди, наделенные особым даром, который достался им от птиц и животных. Присутствие в их теле духа противоположного пола служило основанием для сакрализации их положения. Как отмечают исследователи, в частности, Э. Гилден, категории маскулинного и феминного обладали равным социальным статусом, а дети пользовались нетипичной, скажем, для европейца автономией в самоопределении, в том числе гендерном⁵. Бердаши, чей биологический пол был, например, мужским, выполняли роли, традиционно закрепленные за женщинами, однако, как правило, это не превращало их в «женщин», а определяло в отдельную группу. Сексуальные отношения с другими мужчинами (а в случае женщин-бердашей – с другими женщинами) не рассматривались как однополые, при этом у них существовало собственное «табу» на «гомосексуальную» близость: бердашам строжайше запрещалось вступать в половую связь с другими бердашами⁶. «Отмеченные духами» бердаши часто выполняли ритуально-религиозные функции. Схожая трансгендерность обнаруживается в различных шаманских культурах, где шаман – уже больше не мужчина и не женщина, а

1 Овидий Публий Назон. Метаморфозы. – М.: Художественная литература, 1983. С. 370–385.

2 Тагиров Ф.В. Пол и идентичность: от бинарной логики к гуманизму плюральности? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 31.

3 Кон И. Кон И. Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. – М.: Олимп, 2003. С. 106.

4 Williams, Walter L. The Spirit and the Flesh: Sexual Diversity in American Indian Culture Paperback, 1992. Part 1.

5 Gilden, Andrew. Preserving the Seeds of Gender Fluidity: Tribal Courts and the Berdache Tradition, 13 Mich. J. Gender & L. 237 (2007). Part 2. С. 242–245.

6 Мондимер Ф. Гомосексуальность. Естественная история. – Екатеринбург, 2002. С. 27.

субъект, превзошедший границы человеческого, в том числе и пределы пола⁷.

Если в определенных случаях, например, в ритуальных инициатических практиках, тождество пола у участников рассматривалось как необходимое условие обретения вирильности (подобное через подобное)⁸, что означало как раз реактуализацию бинарности мужского/женского, то другие обряды, напротив, демонстрировали относительную транзитивность половых границ, утверждая либо их подвижность, динамичность, либо потенциальную двуполость, андрогинность человеческого существа. Хотя в большинстве случаев, насколько мы можем судить, эти культурные практики не отменяли существование двух порядков – мужского и женского – и порядок, выстроенный из их сопоставления (соподчинения?), они давали пример социальных структур, где данная бинарность не являлась одной из системообразующих.

Исторически однополые отношения по своей гендерной репрезентативности претерпевают существенные трансформации. Однополость, к примеру, греческой связки «эраст» и «эромен» как тенденция выведения женщины (по крайней мере, «приличной» женщины) и из сферы эротики (как она ранее была выведена – или не была в них включена? – из сферы публичной жизни, политики, воинского дела, искусства и т.д.) принципиально отличается от современного однополого дискурса, в котором голоса женщин слышны едва ли не громче, чем голоса их мужских единомышленников. И хотя нам не следует забывать, что если голоса мужчин раздаются против «дискриминации» со стороны гетеросексуального большинства, то женщины в этом дискурсе выступают против «двойного угнетения» (в марксистском феминизме – тройного, если это женщина–рабочий, оказывающаяся объектом еще и капиталистического угнетения): как лесбиянка, подавляемая «матрицей принудительной гетеросексуальности», и как женщина, по-прежнему, ощущающая гнёт патриархального неравноправия, обозначенная динамика позволяет ставить вопрос об имеющейся тенденции выравнивания степени дискурсивной субъектности у мужчин и женщин.

В каждом обществе существуют институты, которые по своему гендерному составу могут быть определены как гомосоциальные. Примерами таких институтов могут служить монастыри, тюрьмы, учебные заведения с разделением учащихся по половому признаку. С одной стороны, гомосоциальные институты очевидно построены на исходном разделении мужчин и женщин («мальчики налево, девочки направо»), с другой – на функциональных, интеллектуальных, эстетических и даже эротических отношениях вне (или до) этой бинарности, когда обнаруживается, что для выстраивания подобных отношений (функциональных, интеллектуальных, эстетических и эротических) категории мужского и женского как ключевые для первой бинарности сексуального не являются принципиально значимой.

Вместе с натурализацией, медикализацией⁹ и, как следствие, субстанциализацией желания происходит выделение особой группы (вида), куда включаются индивиды на основании выбора схожего/отличного объекта их полового интереса, и закрепляется вторая бинарность сексуального, разделившая и противопоставившая гетеросексуальность («принудитель-

ную гетеросексуальность») и гомосексуальность. Эффект субстанциализации этой новой бинарности оказывается исторически неоднородным: изначально натурализация гетеросексуального меньшинства послужила основанием, «подтвержденным» тогдашней медициной и одобренным обществом, для выделения этих людей в категорию второго сорта, впоследствии же именно эссенциалистская позиция позволила сформироваться особому культурному и политическому дискурсу, выступающему за защиту прав людей, объединенных общей – и, как утверждается, сущностной, природной – инаковостью¹⁰. Субстанциализация желания, как правило, происходит вместе с его политизацией, то есть осуществляется, исходя из политического контекста. Выделение особой группы людей с фиксированной к ней принадлежностью становится своего рода политическим рычагом, сопряженным с обвинением в гомофилии, стигматизацией по признаку сексуальной ориентации, которая начинается как внешняя, но достаточно скоро (начиная еще с детства) интериоризируется субъектом и в случае возникновения желания, отличающегося от предписываемого существующими в обществе механизмами нормализации закрепляется уже как внутренняя стигматизация, самостигматизация¹¹. Самостигматизация рождает идентификационный конфликт, который впоследствии ищет своего разрешения либо в агрессивной гетеросексуальности (в том числе активно–гомофобной), либо в асексуальности, оказывающейся «капитуляцией» перед стигмой, триумфом Танатоса над Эросом, говоря категориями Фрейда, когда субъект предпочитает вообще ничего не желать, нежели желать «неправильно», либо, наконец, в «бунтарской» гомосексуальности, где сексуальная ориентация становится средством самоутверждения, а гендерная идентичность начинает вытеснять любые прочие идентичности субъекта. Натурализация выбора сексуального объекта лежит и в основе существующей сегодня тенденции превращения политического рычага «обвинения в гомофилии» в рычаг «обвинения в гомофобии», которое порой становится синонимом обвинения в отсталости, нетолерантности, антидемократичности и фашизме.

Современная теория давно изжила концепт «дегенерации», вырождения, который ранее использовался для дискурсивной локализации субъектов «нетипичного» желания, понятие «перверсия» постепенно вытесняется более нейтральным термином «парафилия». Но, как и «перверсия» в прошлом, наследующее ей понятие «парафилия» охватывая все поле атипичной сексуальности, включает в себя достаточно обширный перечень форм «отклоняющегося» желания. Здесь необходимо отметить, что, не смотря на историческую динамику границ нормального/отклоняющегося и постепенное расширение этих границ посредством включения в категорию нормы многих ранее маргинальных, а порой даже юридически преследуемых форм сексуальности, «потустороннего» границам «нормального» по-прежнему остается больше, чем включенного в его пределы. Возможно даже, что количество потенциально возможных форм сексуального принципиально нефиксированно, а открывается/изобретается человеком по мере расширения области «нормального», и тогда никакое смягчение нормы не сможет привести к преобладанию числа «нормальных» форм сексуальности над числом отклоняющихся – по крайней мере до тех пор, пока общество не потеряет

7 Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. – Киев: София, 1998. С. 65 и далее; комментарий к с.102; с.194, 245, 263.

8 Кон И. Кон И. Лики и маски однополый любви. Лунный свет на заре. – М.: Олимп, 2003. С. 112-116.

9 Фуко М. Воля к истине – по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. С. 142-149.

10 Callis, April S. Playing with Butler and Foucault: bisexuality and queer theory // Journal of Bisexuality, 9:213–233, 2009.

11 Мондимер Ф. Гомосексуальность. Естественная история. – Екатеринбург, 2002. С. 230-231.

интерес к сексуальности как таковой (напомним, что, в частности, согласно Ж. Батаю, запретны не какие-то отдельные формы сексуальности, запретна сама сексуальность – в которой человек боится утратить собственно человеческое, уступив животному, – а дозволенные ее формы дозволяются не в силу своей «правильности» или «нормальности», а только как легитимированные формы трансгрессивного нарушения общего запрета)¹².

Вопрос о парафилийном характере гомосексуальности любопытен не только с точки зрения большей аксиологической нейтральности этого понятия (по сравнению с термином «перверсия», извращение), но и поскольку сама его постановка сегодня во многом значит уже не то, что прежде. В условиях жестко доминирующего гетеросексуального дискурса определение гомосексуальности как парафилии или перверсии выступает основанием для искоренения данного феномена как извращенного и недопустимого или же, по крайней мере, его маргинализации, табуирования, сокрытия, разного рода вуалирования. В условиях публичного, научного и даже юридического сосуществования гетеросексуального дискурса с оппозиционным ему дискурсом гомосексуального меньшинства признание гомосексуальности (в значительной степени легитимированной) парафилией может уже не столько послужить пружиной ее делегитимации, сколько – неожиданным образом – послужить аргументом для пересмотра статуса прочих «парафилий» в направлении их демаргинализации, а также консолидации субъектов тех или иных «парафилий» в политические объединения с целью эмансипации и признания их прав наравне с правами «большинства», как это ранее в ряде обществ было уже достигнуто гомосексуальным меньшинством. Интересно, что акцентуация в современных сравнительных исследованиях гомосексуальности и парафилии, например, у Дж. Кантора, в отличие от их предшественников столетней давности, подчеркивает уже не принадлежность гомосексуальности к «отклоняющимся» формам сексуальности, а в первую очередь ее отличность от парафилийных форм или, по крайней мере, ее принципиальную специфичность в их ряду¹³. Если рассматривать парафилию как сексуальный интерес, атипичный для пола, рассуждает Дж. Кантор, то гомосексуальность оказывается парафилией, но если – как сексуальный интерес, атипичный для вида, то гомосексуальность не парафилийна. На основании эмпирических исследований и сопоставления рассматриваемых явлений по целому ряду показателей (начиная от специфичности организации мозга и заканчивая наличием старших братьев, праворукостью/леворукостью и ростом) Дж. Кантор предполагает наличие различной этиологии у гомосексуальности и «парафилий». Правда, он допускает, что и многие «парафилии» также могут иметь несхожее происхождение. Однако признание прочих сексуальных интересов в качестве основания для идентичности наряду с гетеросексуальной и гомосексуальной идентичностями поставило бы под вопрос бинарность гетеросексуального/гомосексуального, что в свою очередь могло бы привести к постепенной диссипации и самих этих идентичностей, в настоящее время определяющих себя через другого (подобно тому, как в первой бинарности мужчины определяют себя через женщин или женщины – через мужчин).

Проблема бинарности гетеросексуального/гомосексуального заключается также в том, что, по мнению многих исследователей, само понятие гомосексуальности неоднородно по своему содержанию, поскольку не существует какой-то одной гомосексуальности, и, по меньшей мере, следует различать гомосексуальность мужскую и женскую. Отмечается, что, например, статистически среди мужчин значительно чаще встречаются гомосексуально ориентированные, чем бисексуалы, в то время, как среди женщин картина наблюдается прямо противоположная. Кроме того, как замечает, в частности Дж. Кантор, у мужчин в принципе намного чаще, чем у женщин, наблюдаются парафилийные интересы, за исключением мазохистского (в широком смысле) поведения, которое у женщин встречается сопоставимо часто по сравнению с мазохистским поведением у мужчин. Ученые признаются, что на данном этапе развития научного знания, нет оснований утверждать, что под «гомосексуальностью» мужчин и «гомосексуальностью» женщин лежат одни и те же причины¹⁴, а стало быть, что существует такая вещь как гомосексуальность вообще, а само понятие включает в себя явления, объединенные как-то иначе, более «сущностно», чем просто по внешнему формальному признаку. Вместо бинарности мы получаем, как минимум, триаду (гетеросексуал / гомосексуальный мужчина / гомосексуальная женщина), которая может оказаться четырехчленной структурой, если мы зададимся вопросом, не сводим ли мы мужчину и женщину в одно, предполагая, что гетеросексуальность одна и для тех, и для других? Не только анатомические признаки и физиологические процессы, но и опыт, передаваемый человеку другого пола, по сути делают довольно проблематичным обобщающее утверждение, основанное на сводимости мужской и женской гетеросексуальности в одну «общую» гетеросексуальность.

Вызов второй бинарности сексуального (а вместе с тем и производной от нее удвоенной бинарности, обозначенной выше) бросает и проблема транссексуальности. Представляя себя женщиной и вступая в связь с (другой) женщиной, становится ли мужчина-транссексуал гомосексуалистом? На уровне ориентации, понимаемой внешне и формально – вроде бы нет, а на уровне идентичности? И мы снова приходим к вопросу: является ли формальная ориентация принципиальной для идентичности? Ведь если отделять первую от последней и определять ее по объективному факту отношений с партнером того же пола, то сюда необходимо было бы включить и тех, кто вступал в подобные отношения, лишь экспериментируя или по принуждению (физическому, экономическому, социальному, какому угодно). Если же помимо фактического уровня принимать во внимание также и вопрос желания субъекта, то мы вынуждены обращаться к тому, как сам индивид определяет себя в контексте своего желания, а желание – в контексте того, как он представляет себя, то есть к вопросу идентичности. Возьмем обратный случай, когда мужчина, представляя себя женщиной, вступает в сексуальные отношения с другим мужчиной – можем ли мы рассматривать его как гомосексуалиста? С формальной точки зрения – безусловно, но будет ли его идентичность гомосексуальна, если в его представлениях он гетеросексуальная женщина? Аналогичные проблемы мы, разумеется, встречаем, если рассматриваем случай женщины, которая спит с другой женщиной, но при этом имеет строго-маскулинную идентичность, или женщины, переживающей близость с мужчиной, при этом представляя себя мужчиной-гомосексуалистом. Если же мы обратимся к ситуации сек-

12 Батай Ж. История эротизма. – М., 2007. С.34, 37-45.

13 Cantor, James M. Is Homosexuality a Paraphilia? The Evidence For and Against. // Archives of Sexual Behavior 41(1):237-47, January 2012. С. 237.

14 Op. cit.

суального контакта двух транссексуалов, то формально-физиологически она, конечно, должна была бы оказаться либо гетеросексуальной, либо гомосексуальной, однако насколько в принципе эти категории применимы к их идентичности, если, предположим, каждому из них другой (другая) интересен (интересна) не как мужчина или женщина, а в первую очередь как транссексуал?

Можно обозначить различие между гомосексуальностью и транссексуальностью, признав в гомосексуальности приоритет отношения к другому, а в транссексуальности – приоритет отношения к себе. Но возможно ли определить человека как гомосексуалиста безотносительно к его отношению к себе? Не смотря на то, что транссексуальные субъекты представляют собой меньшинство по отношению к гетеросексуальному большинству и, вероятно, по отношению к меньшинству гомосексуальному, а также не взирая на факт, что в настоящее время транссексуальность официально рассматривается в качестве «расстройства» (в чем сравнительно недавно врачи могли быть солидарны и относительно гомосексуальности), транссексуальная (или трансгендерная) идентичность уже не укладывается в бинарность гетеросексуального/гомосексуального. И снова возникает вопрос: при пристальном и внимательном подходе не окажутся ли гетеросексуальная и гомосексуальная идентичности лишь формальными (и, в результате, бессодержательными) идентичностями?

Одной из попыток спасти данную бинарную оппозицию, пусть и ценой ее частичной мутации, является переход от идентичности через собственный пол (встающий в отношение к полу другого) к объектно-ориентированной идентичности через пол объекта твоего желания вне зависимости от пола, с которым ты родился. Категории «гетеросексуальность» и «гомосексуальность» заменяются несовпадающими с ними, но по прежнему парными категориями «андрофилия» и «гинофилия», где к андрофилам относятся все (и мужчины и женщины), для кого объектом их желания выступают мужчины, а к гинофилам – те, кто предпочитает женщин¹⁵. Происходит как бы удвоение бинарной структуры, подобное которому мы уже могли видеть при допущении того, что для мужчин и женщин не существует «общей» гетеросексуальности и «общей» гомосексуальности. В этом случае вместо гетеросексуалов и гомосексуалов появляются мужчины-гинофилы и женщины-андрофилы, а также мужчины-андрофилы и женщины-гинофилы. В конечном итоге, признавая, что субъектом желания может быть и транссексуал и субъект с «плавающей», «размытой» половой идентичностью, мы должны согласиться с тем, что открывается возможность для утверждения принципиально новой идентичности: я-андрофил или я-гинофил.

В определенном смысле это могло бы рассматриваться как шаг к освобождению от фиксированной идентичности субъекта, но, с другой стороны, не имеем ли мы дело просто с возвращением к первой бинарности (мужчина/женщина), только в перевернутом, отзеркаленном виде (любящий(ая) мужчин/ любящий(ая) женщин)? И опять же, как быть с желанием, объектом которого оказывается транссексуал, а не мужчина или женщина? И существуют ли опять же для нашего желания «транссексуалы вообще»? И если нет, а есть, по крайней мере, транссексуалы-мужчины и транссексуалы-женщины, можно ли говорить о желании, объектом которого выступает транссексуал-мужчина, что оно такое же, как то, объект которого транссексуал-женщина? А подобно ли желание,

направленное на транссексуала-мужчину-андрофила, например, желанию, обращенному на транссексуала-мужчину-гинофила, или, наконец, желанию, чьим объектом стал транссексуал, не являющийся ни андрофилом, ни гинофилом, а желающий другого транссексуала? Не кажется ли нам, что мы начинаем проваливаться в какую-то дурную бесконечность? Не стоит ли отбросить все частные и индивидуальные возможности, все статистические «меньшинства», все специфическое и сосредоточиться на сохранении приверженности предельно общим категориям, проверенным, как нам кажется, временем, эффективно включаемым в социальные, политические, экономические механизмы? Но не думается ли вместе с тем, что, возможно, подобное проседание в дурную бесконечность должно навести нас на осознание или хотя бы предчувствие, что проседает не наша излишне пытливая, или, быть может, слишком софистически настроенная мысль – проседают, скорее, сами категории, вокруг которых выстраивается данная бинарность¹⁶?

Пристатейный библиографический список

1. Батай Ж. История эротизма. – М., 2007.
2. Овидий Публий Назон. Метаморфозы. – М.: Художественная литература, 1983.
3. Кон И. Лики и маски однополой любви. Лунный свет на заре. – М.: Олимп, 2003.
4. Мондимер Ф. Гомосексуальность. Естественная история. – Екатеринбург, 2002.
5. Тагиров Ф.В. Пол и идентичность: от бинарной логики к гуманизму плюральности? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016, № 2.
6. Фуко М. Воля к истине - по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996.
7. Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза. – Киев: София, 1998.
8. Butler, Judith P. Gender trouble: feminism and the subversion of identity. – New York, 1990.
9. Callis, April S. Playing with Butler and Foucault: bisexuality and queer theory // Journal of Bisexuality, 9:213–233, 2009.
10. Cantor, James M. Is Homosexuality a Paraphilia? The Evidence For and Against. // Archives of Sexual Behavior 41(1):237-47, January 2012.
11. Gilden, Andrew. Preserving the Seeds of Gender Fluidity: Tribal Courts and the Berdache Tradition, 13 Mich. J. Gender & L. 237 (2007). Part 2.
12. Williams, Walter L. The Spirit and the Flesh: Sexual Diversity in American Indian Culture Paperback, 1992. Part 1.

15 Мондимер Ф. Гомосексуальность. Естественная история. – Екатеринбург, 2002. С.253.

16 Тагиров Ф. В. Пол и идентичность: от бинарной логики к гуманизму плюральности? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2016. № 2.

ШУГУРОВ Марк Владимирович

доктор философских наук, профессор кафедры философии Саратовской государственной юридической академии

ФЕНОМЕН ИДЕИ ПРАВА: ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Статья посвящена обоснованию концептуального подхода к анализу идеи права как феномена правовой реальности. Особое внимание автор уделяет пониманию идеи в качестве инструмента познания и преобразования действующего права. Ключевое значение придается исследованию перспектив концептуализации идеи права в качестве парадигмального метаобраза, который сочетает в себе смысло-ценностные и абстрактно-понятийные моменты. В статье демонстрируется взаимодействие идеи права с другими феноменами правосознания – правовым идеалом, принципами права и понятием права. Проводится мысль о том, что идея права является специфическим выражением общесоциальных идей и в широком смысле является интегральным единством разнообразных правовых идей.

Ключевые слова: правовая реальность, правопонимание, парадигма, концепт, позитивное право, идея, идеал, правосознание, правовой идеал.

SHUGUROV Mark Vladimirovich

Ph.D. in Philosophy, professor of Philosophy sub-faculty of the Saratov State Law Academy

PHENOMENON OF THE IDEA OF LAW: EXPERIENCE OF CONCEPTUALIZING

The article is devoted to justifying the conceptual approach to analysis of the idea of law as a phenomenon of the legal reality. The special attention is paid by the author to understanding the idea of law in a kind of instrument of the cognition and the change of the positive law. A key importance is given to examining some perspectives of considering the idea of law as the paradigm and the fundamental image that combines the axiological and logical moments of the legal reality. In the article there is being demonstrated the interrelation between the idea, on the one hand, and the other legal phenomena, such as legal ideal, legal principles, notion of law, on the other hand. There have been conducted the thought on that the idea of law is a particular expression of general social ideas, and is, in a broad sense, an integrated unity of various legal ideas.

Keywords: legal reality, understanding the law, paradigm, concept, positive law, idea, legal ideal, sense of justice.

Шугуров М. В.

Вопрос о том, что такое идея права как элемент правовой реальности и какова ее правовая природа следует рассматривать как один из центральных вопросов философии и теории права, тесно связанный с другим более общим вопросом о том, «что такое право?». Безусловно, постижение идеи права в качестве правового феномена особенно в условиях развития права в XXI веке – чрезвычайно сложный процесс. С нашей точки зрения, в настоящее время к идее права следует подходить в контексте постнеклассической парадигмы познания, обосновываемой в современной философии. Согласно последней, любое общество и любое социальное явление представляет собой объект исследования, для которого характерно огромное количество компонентов и связей, а закономерности его исторической организации имеют множество качественных уровней изучения. Феномен идеи права имеет все основания рассматриваться именно в качестве такого сверхсложного явления, существующих в единстве с другими правовыми явлениями, такими как правосознание, принципы и ценности права, правовая система общества и т.д.

В добавление к сказанному – постнеклассическая парадигма познания достаточно интенсивно оперирует такими понятиями, как «концепт», «концептуализация» и, наконец, – «концептуальный подход». Несмотря на то, что данные понятия чрезвычайно широко распространены в современном дискурсе социо-гуманитарных наук, в него вкладывается различное содержание со стороны философии, психологии, когнитивной лингвистики. Тем не менее, несмотря на это многообразие, можно выделить некое смысловое ядро, в соответствии с которым концептуализация рассматривается как первичная теоретическая форма познания, процесс (процессу)

дуры) первоначальной организации эмпирического материала и экспликации теоретического смысла слов и феноменов, представляющих собой первоначальное, во многом интуитивное «схватывание» смыслов со стороны субъекта познания, которые далее превращаются в понятие, чем, собственно, более детально занимается категориальное познание. Из сказанного вполне очевидно, что концептуализация и концептуальное знание имеет поисковый характер, оно тесно связано с эмпирией, но одновременно представляет собой первоначальную ступень в абстрактной – понятийной – форме осмысления как реальных феноменов, так и соответствующих им понятий.

Необходимо отметить, что пути концептуализации идеи права преуспела более всего философия права, нежели теория права. Во многом это связано с предложенным Гегелем видением предмета философии права, в качестве которого вступает идея права. Как таковая философско-правовая концептуализация идеи права укоренена в общеправовом контексте. Даже в том случае, если предлагается новая концептуализация, она представляет собой преломление того или иного философского учения или философски насыщенного типа правопонимания в отношении проблематики идеи права. Наибольшие достижения в концептуализации феномена идеи права были сделаны в рамках гегельянской и кантовской традиции в философии права, соответственно, являющихся двумя альтернативными подходами к обоснованию идеи права – как субстанции и как трансцендентального регулятива. Это не означает, что помимо естественно-правовой традиции в правопонимании, другие типы правопонимания, такие как позитивистское, экзистенциально-психологическое или коммуникативное, не привнесли ничего нового в рассма-

триваемую проблематику. Однако этот вклад касается содержательного наполнения идеи права, а не экспликации содержания понятия «идея права».

Выполнение задачи концептуализации права необходимо начать с своего рода «археологических» изысканий коннотаций понятий «идея» и «идея права». В качестве первого шага укажем на изначальную многозначность слова, а также понятия «идея». Конечно, с одной стороны, это позволяет понятию «идея права» быть гибким и весьма эвристичным, но с другой – приводит к целому ряду затруднений в отношении совмещения различных элементов в составе единого целого.

Итак, идея интерпретируется в качестве, во-первых, сложного понятия, представления, отражающего обобщения опыта и выражающего отношение к действительности. Во-вторых, идея – это главная мысль, замысел, определяющий содержание чего-то¹. Если же обращаться к философским словарям, то и в них воспроизводится некий сущностный дуализм феномена идеи. Это находит свое выражение в признании того, что идея – это форма мысленного (абстрактного) постижения объективной реальности в целом и ее явлений в частности. Но помимо этого также признается, что идея включает в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира. На первый взгляд, совместить в рамках одного представления об идее такие ее моменты как «отражение действительности», а с другой – «проецирование и преобразование действительности» – сложно или практически невозможно.

Однако надо помнить о мощи человеческой мысли, которая не только познает и покорно отражает то, что есть, но и способна к опережающему отражению, в том числе к созданию/конструированию предмета мысли, который далее превращается в конкретную эмпирическую реальность. Именно это позволяет человеку как таковому быть практическим, т.е. преобразующим существом. А на этой основе – быть правовым субъектом, который относится к праву как родовой форме социального бытия не только как к данности, формирующейся сама по себе, т.е. по непонятным законам, а субъектом, вступающим с ней в активное взаимодействие с целью ее модификации и конституирования, опосредуемого межсубъектной коммуникацией.

Таким образом, у истоков философско-правовой проблематики идеи права, в сущности, находятся общефилософские вопросы соотношения мысли и бытия, природы и границ человеческого познания и преобразования. Отсюда достижения философии права в познании идеи права и создании ее теоретического образа возможны на основании общефилософского синтеза в отношении, в сущности, взаимодополнительности двух основных векторов человеческого познания – обобщения «данного» и проецирования «заданного». С точки зрения И. Д. Невважай, речь может идти о взаимодополнительности реализма и конструктивизма как альтернативных концепций познания, исходящих по сути, из разных модусов сознания – интенциональности и респонсивности².

Кстати говоря, в современной теории права вполне заметны тенденции, достаточно радикальные, связанные с принятием во внимание конструктивизма в познавательном процессе, хотя данная проблематика обсуждается в иных, но близких по смыслу терминах «номинализм» и «реализм». Так, Е. В. Тимошина отмечает, что «теоретико-правовое знание едва ли может рассматриваться как отображение объекта (права) в адекватном ему мыслительном образе, но представляет собой протекающую в определенном социокультурном контексте опосредуемую языком интерсубъективную деятельность по

рациональному конструированию предмета познания, что обуславливает его контекстуальность, историчность, вариативность, принципиальную незавершенность»³.

В содержании самого понятия идея закодирована взаимодополнительность элементов, которая только с поверхностной точки зрения может восприниматься как дуализм. При этом надо отдавать отчет в том, что идея права для философии права – это такой предмет мысли, который сам имеет мыслительную природу (идея как мыслеобраз права). Адекватно понять идею права и далее его концептуализировать как феномен правосознания, совмещающий отражение/обобщение и проецирование, можно только на основе совмещения обобщающего и конструирующего подхода к нему. Если говорить более простым языком, то идея права познается философией не только в форме отражения, но и форме проецирования: идея – такой аспект правовой реальности, который не просто воссоздается (копируется) в форме концептуальных представлений, но и генерируется.

Мы специально остановились на данном аспекте прежде всего потому, что зачастую в литературе акцент ставится на воплощении идеи права в нормах и принципах действующего права. Однако, для того, чтобы быть воплощенной/преломленной, она должна быть более или менее отрефлексирована, пропущена сквозь призму не только юридико-теоретического, но и философско-правового осмысления. Как бы то ни было, процесс воплощения в правовой материи, понимаемое как правообразование (а в его составе – в правовых конструкциях) и правоприменение, происходит опосредованным образом, т.е. через «включение» правосознания, что еще раз говорит о праве как открытой реальности – предмете моделирующего воздействия со стороны его субъектов. В результате, идея права предстает как мысленный мета-образ, открытый для концептуализации и который, как обобщает право, понятие достаточно широко – не столько как действующее право, сколько как правовую реальность в целом, – так и моделирует его на основании опережающего отражения и с учетом имеющегося положения дел. По большому счету, все указанные аспекты были учтены в развернутом определении, которое приводит А. С. Краснов, хотя оно и не сопровождается развернутыми комментариями⁴.

Если обратиться к классике, то присутствие в составе идеи различных компонентов послужило формированию различных концептуальных конструкций – субстанционализма и трансцендентализма. Так, субстанциональный подход характерен для Гегеля, что нашло конкретизацию в его представлении об идее права. Напомним, что по Гегелю право – это сфера объективного духа и форма объективации свободы. Идея в его понимании – это единство права и его осуществления. В результате, вопрос о праве как идее и реальности находил своеобразное решение. Идея не есть то, что отражает реальность, данную в опыте и не являющуюся идеей, реальность права – и есть воплощенная идея.

У Канта идея права в целом понимается в несубстанциональном смысле, а именно в качестве регулятивного начала разума, обладающего чертами «вещи в себе». Включение в понятие права элементов идеи было свойственно также для философско-правовой концепции Р. Штаммлера. Данный крупнейший философ права неокантианской ориентации признавал правовую идею, или мысль, основным элементом своего понятия «правомерного права». По его определению, правомерным правом является то право, которое в каждом

1 Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М: Наука, 1990. – С. 239.

2 Невважай И. Д. Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – С. 83-97.

3 Тимошина Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государственного права РАН. – 2013. – № 4. – С. 75.

4 Краснов А. С. Проблема содержания идеи современного российского права // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 94.

особом положении согласуется с основной мыслью права вообще, являющейся трансцендентальной величиной.

С нашей точки зрения, следуя за Гегелем, можно рассматривать идею права как объективное, саморазвивающееся явление, воплощающееся в нормах и принципах права, но при этом следует одновременно помнить, что она есть не субстанция, а регулятивное (целеориентирующее) начало правосознания («правового разума») в духе Канта. Однако дело обстоит не так просто, как кажется на первый взгляд. В частности, одним из ключевых моментов философско-правового осмысления феномена идеи права является ее соотношение с позитивным правом. Если исходить из существующего в философии права выделения форм, или уровней правовой реальности (мир идей, мир знаковых форм, правоотношения и т.д.), то соотношение идеи права и позитивного права – это соотношение форм. Но весь вопрос в том, существует ли между ними непреходимая демаркационная черта, которая, например, не позволяет, идее права воплощаться в действующем праве. Согласно гегелевской методологии, воплощение не только возможно, но и более того, само действующее право в целом – воплощенная идея. В рамках же кантовской методологии ни о каком воплощении речи не идет, ибо идея права – трансцендентальный регулятив. Нельзя не напомнить, что вопрос о соотношении идеи права и позитивного права очень часто приобретал и продолжает приобретать форму вопроса о соотношении естественного права и права позитивного. В одном случае, имело место признание воплощаемости, в другом – воплощение не признавалось.

Идея права в категориальном смысле, не будучи позитивным правом, является формой правовой реальности (своего рода его «энтелехией»). Субстратом идеи является правосознание, а оно, как известно, выполняет разнообразные функции – не только является ментальным и интеллектуальным восприятием действующего права как более или менее упорядоченной и сбалансированной нормативной системы, но активнейшим образом присутствует на уровне правоотношений, а также в правообразовании и правореализации, включая правоприменение. Идея права служит не только средством познания права, выступая также итогом познавательного процесса, но и средством и итогом его понимания, тесно связанного с процессами интерпретации и толкования. Таким образом, идея, присутствуя в правосознании, через него присутствует в собственно юридической сфере, приобретая черты юридического феномена.

Как отмечается в современной философско-правовой литературе, правовые идеи не являются в строгом смысле слова юридическими феноменами, «но присутствуют в снятом виде, приобретая юридическое и нормативное значение как в правовых нормах, конструкциях, нормативных правовых актах, так и в виде юридически закрепленных принципах, определяющих закономерности правового регулирования»⁵. Разумеется, в приведенной цитате, постулирующей возможность и реальность перехода из неюридической сферы в сферу юридическую, в том числе в область функционирующих правовых механизмов, речь идет не об идее права, а о правовых идеях.

С нашей точки зрения, идея права, определяемая как интегративная целостность данных идей, выражающая их коррелятивность, претерпевает юридизацию через данные идеи, представляющие собой определенную вертикаль ((общие (общеправовые) идеи – частные (отраслевые) идеи)). И самое главное – ее надо понимать как некий парадигмальный мыслеобраз – предельное духовное основание бытия права, которое, как будет аргументировано ниже, включает в себя как

интеллектуально-рациональные, так и ценностно-смысловые аспекты.

В дополнение к сказанному, идею права можно мыслить не только в онтологическом, но и эпистемологическом значении, т.е. в таком, в каком понятие «парадигма» мыслил Т. Кун – модель теоретического, в нашем случае правового мышления, способ его организации, предполагающего мировоззренческие импликации. Из признания того, что идея права имеет парадигмальный статус, следует признание трудностей ее постижения. Будучи активным духовно-идеальным компонентом правовой реальности, а не просто понятием права, она не познаваема лишь с помощью логических, т.е. исключительно рациональных способов познания. А это в свою очередь открывает возможность парадигмального характера правового мышления, особенно ярко проявляющегося в философско-правовом дискурсе.

Обоснование концептуализации идеи права в качестве парадигмы означает ее понимание как образа. Разумеется, здесь существует целая масса трудностей. В частности, к определению понятия образа можно подходить и с точки синергетической методологии, достаточно интенсивно используемой в философско-правовых и юридико-научных исследованиях, так и с точки зрения столь же широко распространенной герменевтической методологии. В первом случае, образ можно проинтерпретировать как аттрактор, а во втором – как модель (матрицу), в которой реальность, являющаяся по природе своей текстовой (знаково-символической), присутствует в свернутом виде. Интересно, что данная матрица, которую надлежит истолковывать и проинтерпретировать, выступает аттрактором – точкой притяжения, т.е. фактором, задающим собранность, системную организованность реальности (в нашем случае правовой) в процессе ее существования и развития.

В интегральном понимании, сформированным в рамках психологии, науках о культуре, философии, образ – это феномен сознания и психики (ментальная структура), своего рода представление о реальности, воспринимаемой субъектом в силу погруженности в нее и взаимодействия с ней; это своего рода неотчуждаемое от субъекта впечатление, созданное силой воображения и формируемое на уровне чувственного познания и далее облекаемого на уровне абстрактного мышления в понятие. «Понятие, в отличие от образа, не включает в себя весь массив чувственно-эмоциональных компонентов, интуитивных элементов и коллективного бессознательного, позволяющего в полной мере понять различные проявления сознания социума. Образ же включает в себя экзистенциальные, социально-психологические, ментальные характеристики»⁶.

Иначе говоря, образ соединяет в себе чувственное и абстрактное. Это соединение характерно и для образа права, возникающего в правосознании, включающего практически в одинаковой пропорции (если, конечно, она не нарушена логоцентризмом) понятийные и ментальные уровни, чем, скажем, для художественного сознания и мышления. Идея-образ, будучи сформирована субъектами социальных процессов в результате их коммуникации, приобретает черты некой самодостаточной сущности – особого регулятива, задающего стандарты и правила поведения. Но идея и идеи правят миром не в качестве особого рода субъектов, а через установки социальных субъектов.

Образ-идея права является результатом субъективной активности в процессе правовой коммуникации, т.е. жизни в праве. Эта форма знания права, как и иные разновидности социальных образов, в силу своей смысловой емкости и универсальности предоставляют возможности как для понимания процессов, происходящих в системе права и трансформаций

5 Таймасханов У. Ш. Правовой идеал и правовая идея в контексте правообразования, правореализации и толкования права // Философия права. – 2014. – № 2. – С. 116.

6 Сильнова Е. И. Социальный образ: начала концептуализации // Известия Саратовского университета. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14. – Вып. 3. – С. 44.

правосознания, так и их объяснения, создавая возможность не только для фиксации (кодирования) устойчивых параметров правовой реальности, но и для их преобразования. Формирование образа-идеи права, обладающей статусом парадигмы реальности и мышления только в случае полномасштабного воздействия на социально-правовую практику и при условии развертывания в систему концептуальных представлений, идей и теорий, является ответом на обостренное переживание необходимости дать ответ на вопрос о том, что такое право, понять его с тем, чтобы осмысленно в нем действовать, прояснить смысл и цель такого действия. Это особо необходимо и для обоснования прогнозов и стратегий правового развития в рамках правовой политики, а равным образом и для выработки стратегий дальнейшего социо-культурного развития в XXI веке.

В контексте темы данной статьи хотелось бы обратить внимание на один нюанс. В своем предисловии к монографии П. А. Оля, посвященной правопониманию, Р. А. Ромашов акцентирует внимание на решении такой фундаментальной проблемы юриспруденции, как проблема правопонимания, в русле формирования интегрального образа права, коренящегося в восприятии самого права⁷. Интегральный образ – это синтез двух образов права – инструментального, отражающего регулятивный характер права, и культурологического, отражающего его ценностное измерение. Причем второй образ, как показывает П. Оля в своей монографии, предполагает первый. Но в связи с тем, что данная работа является теоретико-правовой, то понимание права трактуется через призму понятия права, а не идеи права. В результате можно говорить о том, что образ права оказывается редуцированным к его интеллектуально-логическим составляющим: конкуренция пониманий права означает конкуренцию определений сущности права.

Сделанные выводы подтверждают справедливость замечаний, высказанных Г. А. Гаджиевым. В частности, он отмечает, что вопрос об образах в праве имеет существенно значение для современной онтологии права (раздела философии права – М. Ш.), тогда как «в теории права этим практически не занимаются. А, между тем, думается, образы в праве существуют, более того, их следует рассматривать как нечто важное для онтологии права»⁸. В качестве примера им приводятся взгляды Гегеля, в соответствии с которыми образы – ступени Духа, имеющие самодовлеющее значение. В качестве таковых они выступают незримыми и невесомыми деятелями, которые незаметно направляют людей к свободе.

Настало время сформулировать некоторые уточняющие моменты. Выше были предприняты попытки по обоснованию наиболее продуктивных, на наш взгляд, методологических подходов к постижению идеи права, в частности, акцент был поставлен на концептуальной форме ее познания, сочетающей чувственное и рациональное познание. Но что представляет собой сама идея права как объективный феномен правосознания, как не некий концепт (именно концепт, а не понятие) права, присутствующий в множестве учений об идее права, воплощающих и конкретизирующих его? Подобное познается подобным. Поэтому идея права, презюмируемая нами как его концепт, должна подлежать, как объект познания, процедурам концептуализации с последующей понятийно-категориальной «обработкой». Идея права как концепт как раз и предполагает ее статус в качестве образа, или парадигмы, понимаемой как творческая форма бытия.

Действительно, понятие права требует своего определения, формирующего явное знание. Идея в силу ее многокомпонентности как образа правовой реальности не требует определений, которые стремились бы поставить точку в вопросе о том, что есть право как реальность долженствования. Сказанное не означает, что мы настаиваем на отрыве идеи права от понятия права и переходе к оппозиции «идея права – понятие права». Это не позволяет сделать само содержательное наполнение феномена идеи, понятие которого обладает парадигмальным статусом. Однако нам хотелось бы подчеркнуть наличие в ней такого компонента, как неявное знание, которое нельзя полностью редуцировать к знанию явному, выраженному в понятийно-логической форме. Отмеченные обстоятельства нуждаются в обосновании.

В связи с тем, что человек по природе своей является правовым и одновременно разумным существом (пусть и недостаточно использующим потенциал разумности), для него характерна такая специфическая способность сознания и мышления к опережающему отражению, а также способность не только познавать суть вещей, но и наделять их смыслом. А поскольку право всецело может быть отнесено к так называемым рефлексивным системам, то это накладывает отпечаток на понимание роли образа в праве (правовой реальности, права как системы). В свете сказанного, образ – это не простое отражение существующего, или сущего, в нашем случае – правовой реальности, которая выступает в качестве чего-то внешнего по отношению к образу, а ее опережающее отражение. Идея – это не столько то, что уже есть, а то, что должно быть. Она – наиболее общее понятие о праве, его сущности, но такое, которое не только отражает сущее, но и включает проект должного состояния сущего, т.е. некое правильное право, которая призвано стать реальностью, данной в опыте.

Как известно, долженствование как таковое – имманентный момент правовой реальности как рефлексивной системы, предполагающей активную роль правосознания в процессе нормативного упорядочения социального бытия. В этом контексте идея права – образ должного права как родовой формы социального бытия. Одновременно образ – это не запредельная субстанциальная основа, которая не поддается обратному воздействию. В положительном ключе образ, если использовать синергетический понятийный аппарат, – это важнейший момент (аттрактор) самоорганизации системы правовой реальности, представленной сложным миром взаимодействующих правовых явлений.

Представляется, что одной только синергетической методологии для обоснования релевантности идеи в качестве важнейшего понятия правовых исследований и всеобщей категории правосознания явно недостаточно, так как функциональное право представляет собой специфический тип коммуникации субъектов, которые должны понимать, как среду, в которой они коммуницируют, так и свои собственные действия. Поэтому представление об идее как необходимом элементе права как самоорганизующейся системе должно быть дополнено герменевтическим представлением об идее как смысловом, а точнее смысло-ценностном образе.

В результате такого подхода можно говорить не только о сущности идеи, т.е. ее неотъемлемых свойствах, на которых мы уже подробно останавливались, но и наиболее общих смыслах идеи права, являющейся тем, на что направлено наше понимание, всегда работающее со смыслами. Идея права как идеальное измерение правового бытия, не только предмет познания, но и феномен, который надлежит осмыслить. Из этого может обоснованно следовать вывод о том, что правовое бытие предполагает понимающее, т.е. осмысленное существование в нем, что как раз и оправдывает представление о философии права как, в том числе, постижении смысла и предназначения права. В данном случае понятие идеи в качестве духовной основы

7 Ромашов Р. А. Право: в поисках образа. Предисловие к книге: Оля П.А. Правопонимание: от плюрализму к двуединству. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005. – С. 3.

8 Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – С. 64.

бытия права, включающего в себя правовое бытие человека, начинает наполняться конкретным содержанием, но, разумеется, на этом не останавливается.

Следует напомнить, что понятие «смысл» отражает очень сложный феномен, универсальное познание которого, при всем нашем уважении к психологии, возможно только на уровне философии. Это связано с тем, что феномен смысла как измерения духовности человеческого бытия с трудом поддается концептуализации и зачастую воспринимаемый как метафора. Многозначность данного понятия определяется тем, что, с одной стороны, смысл – это некое предназначение (представление о предназначении), стремление к которому позволяет трансцендировать содержательные границы наличного сущего, обеспечивая тем самым развитие субъективной и объективной реальности. С другой – смысл является механизмом саморегулирования поведения субъекта. При этом два аспекта смысла взаимосвязаны друг с другом.

В юриспруденции понятие смысла наиболее широко используется в рамках проблемы толкования нормативных правовых текстов. Однако в последнее время предпринимаются попытки превратить данное понятие в методологический инструмент правопонимания. Введение понятия смысла в пространство постижения права определяется его тесной связью с правовым феноменом ценности, составляющей ядро смыслов права. Использование понятия «смысл» позволяет понять право как субъектно-объективный универсум, наполненный смыслом права, принадлежащих его субъектам. В определении Ю. А. Гавриловой, «смысл права одновременно является результатом как целостного нерасчлененного отражения объектов мира права в «свернутом» виде, так и активной интерпретации (переработки) в сознании отраженной информации и создания человеком собственной правовой картины мира (а также собственно картины правового мира – это М. Ш.)»⁹. Отсюда право предстает не как внешняя реальность, а как реальность, необходимая и достаточная для удовлетворения базовых потребностей человека – в свободе, благополучии, счастье и т.д.¹⁰ Если рассматривать право в данном аспекте, то в него включается соотносительность с правовой реальностью на основе ценностей. Ценности, будучи ядром смыслов права, задают разнообразные модели смыслового понимания права.

Применительно к проблематике правового бытия смысл – это, прежде всего, не идейно-концептуальное, а ментальное образование, представляющее собой уверенность в наличии сокровенного предназначения права, что одновременно является условием возможности рационального поведения в рамках правовой реальности. Одновременно понимание права не только открывает его смысл (смыслы), но и создает его (их). В результате право предстает как в меру понятная, т.е. прозрачная и открытая, а также по большому счету легитимная (т.е. признаваемая и одобряемая) реальность, в которой человек не теряет, а, напротив, обретает себя.

Думается, что одним из оснований и даже доводов в пользу такой уверенности выступает несомненная мера рациональной постижимости права и предусматриваемая им рациональность поведения, т.е. четко выстроенная система целей и задач, достигаемых посредством правовых средств. Следует отдавать отчет в том, что идея как предельный образ должного т.е. «правильного права» является системой, включающей помимо смысло-ценностных, т.е. по большей части интуитивных и экзистенциальных моментов, также моменты рационально-концептуальные. Именно благодаря рациональному постижению стали возможными представления о сущности права как

системе его наиболее существенных атрибутивных признаков, отличающих право от других форм социального бытия и соответствующих им нормативных систем, прежде всего, от морали.

Конечно, смысл права в отличие, скажем, от его сущности – это во многом субъективный феномен, который, тем не менее, присущ вполне объективно существующему правовому сознанию и не менее объективно существующему праву. В этом свете идея права – это системное образование, которая включает в себя смысло-ценностные интуиции, а также их концептуализацию, с одной стороны, и концептуально-теоретические представления о сущности права.

В рамках данной статьи хотелось бы высказать мысль о том, что идея права и сущность права как категории правовой реальности ни в коем случае не могут быть отождествлены. Сущность права – это главным образом онтологическая категория, отражающая право как сущее. Идея права также может быть понята как онтологическая категория, в которой над представлением о сущей сущности праве возвышается представление о должном праве и его должной сущности. В результате, идея права не может рассматриваться как оторванная от понятия права, обобщающего его наиболее существенные характеристики, его сущность.

Известно, что понятие права является ключевым для теории права. Как писал М. И. Байтин, «вопрос о понятии права – исходный, ключевой (*sancta sanctorum, punctum saliens*) в теории права. В прямой зависимости от его решения понимаются и трактуются все другие правовые явления – правосознание, норма права, форма(источник) права, соотношение права и закона...»¹¹. От решения данного вопроса зависит формирование той или иной версии правопонимания. При этом надо учитывать, что определить право – чрезвычайно сложно. Дело в том, что, как объясняет Г. Радбрух, теория права стремится вывести понятие права индуктивным образом из отдельных правовых явлений, но таких определений может быть множество¹². Тем не менее, как представляется, идея права обеспечивает сопряжение понятия права с миром ценностей. Со своей стороны, понятие права обеспечивает сопряжение с действующим правом. И если понятие права включает в себя идейный компонент, то идея права включает понятийный, т.е. сочетает в себя представление о сущем и представление о должном. В противном случае она вряд ли могла бы наряду с идеалом являться ориентиром в преобразовании действующего права, позволяющего понять его незавершенный характер.

Обратим внимание на то, что у идеи как особого рода понятия есть онтологические основания. Так, Лапина Т. С. полагает, что в самой сущности права соперничает должное и сущее, что позволяет прийти к мысли о неоднозначности понимания права как нормативной регламентации поведения и деятельности людей, а также общественных отношений¹³. Ясно, что регламентация будет носить искусственный характер, если не будет решен вопрос о том, ради чего она существует. А это уже вопрос о ценностной основе права. При этом в идее права как парадигмальном образе данные свойства находятся в свернутом состоянии, что позволяет им находиться в сопряжении со смыслами и ценностями права.

Иными словами, мета-образ – это не только то, с помощью чего право познается и интерпретируется, но и то, с помощью чего оно конституируется и преобразуется. Идея, оформляя действующее право с точки зрения должного, де-

9 Гаврилова Ю. А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 3. – С. 38.

10 Гаврилова Ю. А. Нормативно-ценностные основания смысла права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2010. – № 2(13). – С. 26.

11 Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – С. 57 – 58.

12 Радбрух Г. Философия права. – М.: Международные отношения, 2004. – С. 41.

13 Лапина Т. С. Право как предмет философского осмысления // Философия и общество. – 2013. – № 2. – С. 46.

лает это оформление открытым для будущего, поскольку в праве, как и в других проявлениях человеческого гения, нет пределов совершенства. Тот компонент идеи, который вынесен в будущее, представляет собой правовой идеал. Базовой матрицей данного идеала является, например, восприятие права как правильности, а также иные связанные с ней коннотации. Думается, что в некоторой степени можно согласиться с выводами о том, что «в отличие от идеала, идея – это форма знания, в которой хотя и выражено отношение к познаваемому объекту, но оно не является определяющим. Если идеал представляет собой форму рационализации ценности, перевод ее в сферу должного, то идея есть не что иное, как знание, выраженное посредством сложного понятия, которое по своему содержанию, поскольку оно отражает объект, является объективным»¹⁴. Однако вызывает несогласие подход к данным феноменам, согласно которому идеал есть представление о должном, а идея, хотя и содержит в себе отношение к действительности, ориентирована на раскрытие ее наиболее существенных характеристик.

Еще раз напомним, что идея включает в себя некие проекции должного, обращенные в будущее, одновременно оказывая мощное системно-проецирующее воздействие на оформление содержания юридической нормативности. Данного рода импульс во многом придается ей правовым идеалом, но духовно-ценностное содержание последнего, его смыслы и высшие цели транслируются в юридическую действительность посредством идеи. Сказанное дает возможность понять, что идея права не является статичным феноменом: в ней очень много проективных моментов, устремленных в будущее.

Подход к праву как родовой форме социального бытия одновременно предполагает его соотнесенность с другими формами – моралью, религией, искусством, политикой. В ракурсе предмета настоящей статьи это означает, что формирование и существование идеи права не может быть изолированным от базовых общесоциальных идей. По большому счету, идея права и, соответственно, правовые идеи не привносят ничего нового в спектр данных идей (свобода, справедливость, благо, добросовестность, разумность, ответственность, гуманизм, равенство и т.д.), которые в специфической для права форме выражаются в общих и отраслевых принципах права. В соответствии с формулировками теории права, принципы права – это идеи права, выражающие его сущность и являющиеся руководящими положениями правовой системы.

История правовой мысли знает немало случаев, когда именно одна из общесоциальных идей на уровне философско-правовой мысли преподносилась как идея права, в особенности это касалось идей свободы и справедливости¹⁵. Казалось бы, что это говорит не только об открытом характере идейного блока права, воспринимающего все новые и новые идейные конструкты (например, устойчивое развитие и ненасилие), но и его дериватности. Но, с другой стороны, данные базовые идеи представляют собой специфическую трансформацию идей социальных, к числу которых право творчески прибавляет, например, идею господства права. Более того, право следует рассматривать не только как среду, преломляющую данные идеи, но и механизм их утверждения в социальной жизни общества.

Составной частью данного механизма выступает реализация собственно юридической идеи, что становится возможным через самореализацию личности в праве не только через общеправовые, но и специально-правовые категории. К собственно юридическим идеям можно отнести идею правомерности принуждения, идею законности, идею недопустимости злоупотребления правом и т.д. Но во всяком случае именно

подобного рода идеи обеспечивают воздействие идеи права на нормы и принципы позитивного права как публичного, так и частного. Другими словами, трудно себе представить существование порядка общества на основе указанных постоянно обновляющихся идей и, соответственно, принципов без их правового подкрепления, возможного благодаря проявлению волевых аспектов правовой реальности, возникающих из волевых качеств субъектов права в самом их широком понимании. Идеи права, становясь принципами, утрачивают характер желательности и приобретают все черты обязательности.

В заключении статьи в качестве общего итога представленной в ней концептуализации идеи права подчеркнем, что идея права, во всей ее комплексной сложности обладая ценностно-смысловым и мировоззренческим содержанием и не будучи действующим правом, становится таковым в лице главнейших форм своего воплощения – принципов. Именно в этом заключается секрет идеи права как способа конструирования правовой реальности. Но как же в таком случае быть с идеей права как таковой, если исходить из того, что она не может быть сведена к какой-то конкретной правовой идее? На наш взгляд, о ней следует говорить как об интегральном единстве правовых идей, что как раз и свидетельствует о ее бытийном статусе в качестве формы правовой реальности, что не позволяет рассматривать ее в качестве некоторого неопределенного правового феномена.

Пристатейный библиографический список

1. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Изд. 2-е, доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005.
2. Баранов В. М., Денисов С. А. Об интегративности идеи в философии права // Философия права. – 2011. – № 2.
3. Гаврилова Ю. А. Правовые ценности и смысл права // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – № 3.
4. Гаджиев Г. А. Онтология права: (критическое исследование юридического концепта действительности). – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
5. Краснов А. С. Проблема содержания идеи современного российского права // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 1.
6. Лапина Т. С. Право как предмет философского осмысления // Философия и общество. – 2013. – № 2.
7. Ллойд Дж. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость? 5-е изд. – М.: Книгодел, 2008.
8. Невважай И. Д. Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII.
9. Оль П. А. Правопонимание: от плюрализму к двуединству. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2005.
10. Радбрух Г. Философия права. – М.: Международные отношения, 2004.
11. Сильнова Е. И. Социальный образ: начала концептуализации // Известия Саратовского университета. Новая серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2014. – Т. 14. – Вып. 3.
12. Таймасханов У. Ш. Правовой идеал и правовая идея в контексте правообразования, правореализации и толкования права // Философия права. – 2014. – № 2.
13. Тимошина Е. В. Право как «идея», как «фикция» и как «факт»: о номинализме и реализме в теории права // Труды Института государства и права РАН. – 2013. – № 4.

14 Таймасханов У. Ш. Указ. соч. – С. 117.

15 Ллойд Дж. Идея права. Репрессивное зло или социальная необходимость? 5-е изд. – М.: Книгодел, 2008. – С. 118.

КАЗАНЦЕВА Маргарита Александровна

аспирант кафедры этики, культурологии и связей с общественностью факультета философии и социологии Башкирского государственного университета

КСЕНОФОБИЯ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ: СУЩНОСТЬ, СВОЕОБРАЗИЕ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме ксенофобии. Основное внимание уделено рассмотрению понятия «ксенофобия», анализируются виды фобий, процессы формирования ксенофобных установок, факторов и их специфика. Целью является сформулировать рекомендации формирования этической толерантности.

Ключевые слова: ксенофобия, фобия, страх, человек, общество.

KAZANTSEVA Margarita Aleksandrovna

postgraduate student of Ethics, Culture and Public Relations sub-faculty of the faculty of Philosophy and Sociology of the Bashkir State University

XENOPHOBIA AS A SOCIAL PHENOMENON: THE NATURE, IDENTITY AND FORMS OF MANIFESTATION

The article is dedicated to the problem of xenophobia. Main attention is paid to the concept of "xenophobia"; there is also analysis of the phobia types, the processes of formation of xenophobic settings, the look on the main factors and their specificity. The purpose is to formulate recommendations for the ethical tolerance formation.

Keywords: xenophobia, phobia, fear, people, society.

Казанцева М. А.

Ситуация строительства российского гражданского общества обусловила рост осознания как отдельными людьми, так и социальными группами своего места в окружающем мире, прежде всего в системе социально-экономических, этнических, культурных и политических отношений. Этот процесс сопровождается усилением проявлений в массовом сознании различных предрассудков и страхов, включая и негативную как реакцию на встречу с чужим человеком, культурой, приводящую зачастую к ущемлению прав человека, национализму, дискриминации и связанной с ними нетерпимости. При этом нетерпимость, неприятие другого человека, неготовность к сосуществованию с другими людьми являются первопричинами распространения в современном обществе такого опасного явления как ксенофобия.

Понятие «ксенофобия» происходит от двух греческих слов: *xenos* – чужой, посторонний, и *phobos* – страх. Помимо характеристики этого явления как негативной установки, иррационального страха, ксенофобия подразумевает также ненависть к чему-то чуждому, незнакомому, непривычному, восприятие чужого как непонятого, непостижимого и поэтому опасного и враждебного¹.

В настоящее время объектом нападок часто становятся мигранты, приехавшие на заработки в чужую страну, другой регион. Именно они, по мнению коренных жителей, создают неблагоприятную обстановку в обществе, являются преступниками и нарушают принятые порядки. Несмотря на то, что формы проявления агрессии к «чужим» изменились, психологическая составляющая осталась прежней: «вы враги, виновные во всем». Ксенофоб своими проявлениями пытается избавиться от собственной неполноценности и частично, справиться со своими страхами.

Психиатры приравнивают фобии к психическим расстройствам и ставят на одну линию с тревожными расстройствами сознания. Чаще всего ученые, рассматривающие данную проблему, утверждают, что страх – это состояние психики, возникающее вследствие реальной угрозы, тревога же не несет реального объяснения. По мнению З. Фрейда, тревога может быть как реального, так и невротического происхождения. Реальная тревога формирует осознание психического состояния страха, подтверждаемое внешними событиями, а невротическая угроза

подтверждается только угрозой, но угрозой, не осознаваемой на данный момент². Е. Г. Дозорцева разграничила понятия тревоги и страха, отталкиваясь от их разной феноменологии. Тревога, по её мнению, включает длительное по продолжительности чувство волнения как нечто беспричинное. Страх же относится к более конкретной ситуации, но скрытой и неизвестной³.

Ксенофобия, как некий вид фобии, – сложный комплекс негативных эмоциональных, психологических и социальных проявлений. Его основу составляет чувство враждебности, включающее эмоции страха, отвращения и презрения (ощущение собственного превосходства) к «чужакам», объективирующиеся в конкретных формах социального поведения.

Человек, обладающий позитивной идентичностью, не воспринимает мир как угрожающий, он толерантен по отношению к другим группам, и для него не характерны ксенофобические установки. Гипертрофированное стремление человека отождествить себя исключительно с одной группой приводит к формированию групповой гиперидентичности, для структуры которой характерен выраженный дисбаланс в пользу позитивного образа своей группы, убежденности в ее превосходстве над «чужими» группами. Главную угрозу своей идентичности индивид видит в чужаках, обладающих другой идентичностью. При этом негативные стереотипы по отношению к какой-либо группе значительно повышают вероятность наличия негативных стереотипов и по отношению к другим группам. Выполняя функцию изоляции, ксенофобия мешает развитию конструктивного межкультурного диалога, порождает насилие, конфликты, конфронтации, терроризм.

Ксенофобия в современном мире распространяется на обширные группы объектов. И, соответственно, выделяя ее разновидности:

– этнофобии, проявляющиеся в отношении к лицам, принадлежащим к другой расе или этнической группе (например, белый и черный расизм, антисемитизм и т. д.);

1 Муравьев А. Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. М.: 2011. №4 (19). С. 11.

2 Гурина О. Д., Дозорцева Е. Г. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи // Психологическая наука и образование. 2013. № 2. С. 51.

3 Дозорцева Е. Г., Маланцева О. Д. Психологические особенности подростков, склонных к ксенофобии // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 44-53.

– религиозные фобии, связанные с нетерпимостью к представителям других религий;

– фобии, распространяющиеся на группы, которые отличаются по социальным, культурным, материальным и физическим признакам⁴.

Последний вид фобий насчитывает значительное количество разновидностей, многие из которых уже исследуются учеными и получили общепринятые названия. Это, например, мигрантофобия – предубеждение против беженцев, вынужденных переселенцев, лиц, ищущих убежище и их дискриминация; гандикапизм – фобия и предубеждение против индивидов с физическими ограничениями (с физическими недостатками, увечьями и др.); эйджизм – предубежденность и дискриминация, вызванные возрастом человека; сексизм – предубежденность и дискриминация на основе половой принадлежности и другие. Число таких предубеждений особенно увеличивается в кризисных социальных ситуациях, когда ксенофобия может приобрести массовый характер⁵.

Предпосылками формирования ксенофобии на уровне больших социальных групп являются доминирующие идеология, обычаи и традиции, а также социально-экономические, политические и демографические процессы. При этом социальные проблемы этнизируются, вину и ответственность за них возлагают на «чужие» этнические общности.

К ксенообразующим факторам можно отнести:

– цивилизационный (исторически сложившиеся культурные стереотипы взаимодействия различных культур);

– исторический (эволюция образов «врагов» и «соседей»);

– дифференциальный (внутренняя дифференциация некоторых этносов в зависимости от различных факторов).

В современной России в формировании ксенофобии существенную роль играют проявления социального и идеологического неблагополучия, в проецирующиеся на межнациональную ситуацию:

– качественное ухудшение социально – экономического положения населения;

– наличие негативной исторической памяти (связанной с конфликтами) в противовес традициям и ценностям дружбы народов;

– крайняя форма политизации национальных проблем;

– отсутствие правовых традиций и гарантий, позволяющих обеспечить позитивное управление национальными и межнациональными отношениями и преодоление межнациональных конфликтов⁶. В силу этого ксенофобия становится массовым феноменом. У россиян наиболее выражены страхи утраты ресурсов и идентичности, также агрессивные установки по отношению к «чужим», возникающие под влиянием внешних событий и внутренних обстоятельств.

Ксенофобные установки и стереотипы формируются спонтанно, в процессе социализации индивида и межличностного общения и воспроизводятся путем передачи социального опыта от одного поколения к другому. Возможно также и целенаправленное формирование идеологических ксенофобных установок. Ксенофобия формирует специфическую этнокультурную картину мира, представляющую собой искаженный образ окружающей действительности.

Ксенофобия как социальная фобия чаще всего возникает в детстве или в момент полового созревания. Многочисленные исследования, связанные с мониторингом толерантности и ксенофобии, констатировали, что наименее толерантная и наиболее склонная к ксенофобическим установкам часть общества – старшие школьники и молодежь⁷. Именно в этот период закладываются основы ксенофобического мышления. Предубеждения появляются еще в детском возрасте: малыш понимает различия в цвете кожи, гордится или страдает от этого. В подростковом возрасте

приобретаются стереотипы о расовых, этнических и религиозных группах, по отношению к которым оправдывается и обосновывается ненависть. Достаточно ярко ксенофобия выражена у молодых людей, проживающих в малых, преимущественно однородных по этническому составу городах, или, наоборот, в плотно населенных мегаполисах, где довольно часто проявляются различные формы дискриминации, случаются социальные конфликты, порожденные сформировавшимися негативными стереотипами, предубеждениями и отталкивающими образами врага. Следовательно, особую значимость приобретают педагогические усилия по преодолению ксенофобии именно в молодежной среде.

Крайне актуальным содержательным направлением становится формирование этнической толерантности посредством воспитания интернационализма, патриотизма, устойчивости к этническим различиям, уважения к традициям, обычаям и культуре других народов, а также повышение уровня информированности в вопросах межкультурного взаимодействия и межконфессионального мира и согласия. Для этого необходима реализация механизмов педагогической поддержки культурной адаптации в мультикультурном социуме, проведение социально-психологических тренингов этнической толерантности и межкультурной компетентности, осуществление кросс – культурной проектной деятельности⁸.

Практические рекомендации формирования этнической толерантности граждан России заключаются в том, что не только органами государственной власти, но и социальными институтами, ответственными за мировоззренческое просвещение и духовное воспитание особенно подрастающего поколения (семья, системы образования, сфера культуры, СМИ, молодежи и религиозные организации и др.) должен реализовываться комплекс мероприятий по повышению роли социально-культурного воспитания молодежи в снижении ксенофобной напряженности в обществе и в формировании толерантности и мультикультурного самосознания. В социально – культурной практике необходимо внедрение норм и стандартов этно толерантного поведения. Для этого культурно – досуговые программы должны быть направлены на систематическое знакомство с культурой своего народа и многообразными особенностями культур народов России и мира, на формирование опыта положительного взаимодействия с представителями других культур.

В структуре современных программ социально-культурной деятельности содержательные приоритеты приобретает профилактика социально опасных форм ксенофобии среди молодежи, что требует системного теоретико-методического обоснования наиболее актуальных и действенных подходов к преодолению проявлений социальной розни.

Пристатейный библиографический список

1. Муравьев А. Ксенофобия: от инстинкта к идее // Отечественные записки. М.: 2011. № 4 (19).
2. Гурина О. Д. Дозорцева Е. Г. Ксенофобия и молодежный экстремизм: истоки и взаимосвязи // Психологическая наука и образование. 2013. № 2.
3. Дозорцева Е. Г., Маланцева О. Д. Психологические особенности подростков, склонных к ксенофобии // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 44-53.
4. Паин Э. А. Способна ли демократия противостоять ксенофобии? Сравнение опыта США и России // Россия в глобальной политике. 2012. № 6. С. 35-47.
5. Шевченко О. М. Ксенофобия как предмет теоретической рефлексии в социальном познании // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 124-136.
6. Солдатова Г. У., Макаручук А. В. Может ли другой стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М., 2012. С. 87.
7. Асмолов А. Г. На пути к толерантному сознанию. М., 2002. С. 119-120.
8. Гладкова А. Русская культурная семантика: эмоции, ценности, жизненные установки. М.: Языки славянской культуры, 2010. С. 21.

ЯРКЕЕВ Алексей Владимирович

старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук

СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ «ОПАСНОГО ИНДИВИДА» В СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья рассматривает бытие социальной реальности как объекта биополитики. Из потребности обеспечивать жизнедеятельность населения рождается всеобщая медицинализация как управленческая стратегия. На стыке права и медицины конституируется судебно-правовая дискурсивность, продуцирующая фигуру «опасного индивида». Показывается парадоксальность данной фигуры, существующей на пределе как правового, так и медицинского дискурса. Презумпция опасности, закрепляемая за каждым человеком в рамках современной политики безопасности, учреждает бытие социального в состоянии чрезвычайного положения и тем самым ставит под угрозу само существование общества.

Ключевые слова: опасный индивид, судебно-медицинский дискурс, безумие, преступление, биополитика, право, безопасность, зло.

Яркеев А. В.

YARKEEV Alexey Vladimirovich

senior lecturer of the Udmurt branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences

THE SOCIAL CONSTRUCTION OF "DANGEROUS INDIVIDUAL" IN THE MEDICO-LEGAL DISCOURSE

The article examines the genesis of social reality as an object of biopolitics. The universal medicalization is born as a management strategy out of the need to ensure the viability of the population. At the intersection of law and medicine judicial discursiveness is constituted which produces the figure of the "dangerous individual". It shows the paradox of this shape, existing at the limit of both legal and medical discourse. The presumption of risk allocated to each person in the context of contemporary security policy establishes a social being in a state of emergency and thereby endangers the very existence of society.

Key words: dangerous individual, medico-legal discourse, madness, crime, biopolitics, law, security, evil.

Современное существование социальной реальности задается в терминах биополитики, или «политики жизни». В рамках биополитики прежняя дисциплинарная власть над людьми как полезными и послушными индивидами-телами дополняется и модифицируется новой технологией, которая применяется к самой жизни человека. Объектом такой власти является человеческая множественность, взятая в качестве биомассы, характеризующейся через различные процессы жизни (рождаемость, воспроизводство, болезни, смерть, миграция и т.п.). В биополитике жизнедеятельность социального тела является реальностью не столько политико-юридической, сколько медицинской и биологической.

Традиционно в компетенцию правосудия входили задачи установления преступных деяний, определения злоумышленников и санкций, предусмотренных законом. Примерно с первой половины 19 в. отмечаются первые случаи вмешательства психиатрии в вопросы судебной сферы. Психиатрия функционирует в качестве одного из элементов системы здравоохранения, чьей заботой является поддержание и улучшение жизнедеятельности населения. В связи с любым преступлением психиатрия задается вопросом, не явилось ли оно следствием болезни. Если право оперирует различием правовое/не-правовое (законное/противозаконное), то психиатрическая медицина – различием нормальное/ненормальное. Их взаимоложение позволяет отождествить законное с нормальным, а противозаконное с ненормальным. Так как противозаконное предполагает наказание, а ненормальное как болезнь требует лечения, исцеления, нормализации, отсюда вытекает

новое представление о наказании как об исцелении. В этой пограничной зоне между правосудием и психиатрией конституируется судебная психиатрия, которая является не столько результатом расширения границ знания, сколько оправданием определенной модальности власти. Тем самым преступление обретает собственную «природу»: преступник суть естественное существо, природа которого состоит в криминальности. Включение криминальности в контекст природности обосновывается в трудах итальянской школы криминальной антропологии, наиболее заметной фигурой которой был Ч. Ломброзо. Судебно-психиатрическая медицина задается вопросом: а не является ли данный правонарушитель ненормальным? Действительно, природа преступного интереса такова, что идет вразрез с интересами всех остальных и в качестве ответной реакции со стороны общества сталкивается со злом в отношении самой себя (наказание). Данный интерес противоречит самому себе; это такая естественность, которая является противоположностью естественной, в том и заключается ее монструозность, безумие.

Понятие человеческого монстра имеет область своей референции юридическо-биологическое поле: монстр, сочетая в себе невозможное и запрещенное, одновременно является исключением из порядка природы и порядка юридического закона. На смену естественно-юридическому понятию монструозности приходит морально-юридическое представление о монструозности поведения, а не соматической аномалии. Тем самым монструозность выводится из поля естественно-соматического расстройства и включается целиком в сферу криминальности в качестве монструозной преступности. Фи-

гура злодея как морального и преступного монстра возникает в конце 18-го в., и наиболее ярким философско-литературным воплощением этой фигуры в то время являются тексты де Сада. Если монструозность, имеющая своим истоком ошибку природы, потенциально включала в себя элемент криминальности, то начиная с 19-го в. это отношение переворачивается: за всякой криминальностью подозревается монструозность. «Отныне любой преступник может быть монстром, так же как прежде монстр имел все шансы оказаться преступником»¹. Иными словами, раньше ошибка природы могла стать преступностью, но сама преступность – даже в крайней степени – не подозревалась в просчете природы. Причину этой трансформации М. Фуко усматривает в изменении сущности и технологии карательной власти.

В рамках биополитического права, ушедшего от избирательного правосудия монархической власти к непрерывному судебному-полицейскому контролю и надзору над общественным телом, происходит попытка установить максимально большую дистанцию между «беспристрастным» поиском истины и насилием внутри наказания. Истина и наказание должны быть связаны отношением необходимого следования, а не произвола. Власть стремится полностью исключить свою виновность в налагаемом ею наказании и превратить власть наказывать в некий фатальный и необходимый закон, довлеющий над всеми равным образом.

Отношения между подданным и сувереном в классическом праве являются всегда личным, субъективным отношением, поэтому связь между преступлением и наказанием тоже носит субъективный характер. В биополитике отношения между преступником и действием, с одной стороны, а также между преступным действием и наказанием, с другой стороны, полностью объективированы. Болезнь есть то, что не зависит от личности преступника. Всякая болезнь «объективно» предполагает соответствующее лечение, поэтому налагаемое наказание в качестве исцеления тоже не зависит от субъективности власти. Преступление и наказание оказываются объективно связанными причинно-следственным отношением естественной необходимости. Власть «надзирать и наказывать» предъясняется в качестве анонимной и беспристрастной научной экспертизы.

Таким образом, как мы видим, психиатрическая медицина проникает в право через отождествление преступления с болезнью и вследствие этого отождествление наказания с нормализацией и исправлением индивидов. Исправление призвано улучшать, побуждать к раскаянию и реанимировать у индивида «добрые чувства». Нормализующая медиализация и психиатризация производит таксономию социальных индивидов, построенную в виде градации от нормальности к ненормальности, от возможности исправления к невозможности исправления, и т.п. Психиатрическо-криминологический континуум позволяет описывать и анализировать в медицинско-юридических терминах все разновидности поведения, нарушающие и не нарушающие право, устанавливая степень их криминальности.

Вмешательство психиатрии было обусловлено новой проблемой серьезных преступлений, которым не предшествовали и которые не сопровождали общепризнанные симптомы безумия или вспышки ярости. При этом преступления характеризовались странной и/или изощренной жестокостью без

каких-либо видимых на то причин и мотивов. Здесь безумие проявляется лишь как жуткое преступление, а преступление предстает в облике жуткого безумия, является его единственным симптомом, исчезающим после совершения преступления: «...если некто совершил преступление без всякого мотива, без всякого основания, без всякой выгоды для себя, просто так, то не есть ли это симптом болезни, самой сущностью которой и является преступление? Некой моносимптомной болезнью, проявляющейся единожды, только одним признаком, и при этом тождественной преступлению?»². Такие деяния носят сугубо спонтанный характер, исключающий предварительную подготовку или предшествующие признаки безумия. Это преступное безумие и безумное преступление: преступление, являющееся в то же время безумием, и безумие, являющееся вместе с тем и преступлением. Тождество безумия и преступления приводит к тому, что всякий преступник начинает подозреваться в безумии, а всякий безумец пониматься как потенциальный преступник. Иными словами, на пределе преступления возникает безумие, а у всяких пределов безумия располагается абсолютное преступление, нарушающее все законы природы и общества.

Преступление предполагает субъекта, вменяемого, признающего свою вину и способного нести личную ответственность за совершенное преступление; безумие предполагает лицо невменяемое, не способное нести личную ответственность, а значит невиновное. Продуцируется парадоксальная фигура, существующая на границе уголовно-правовой и медико-психиатрической дискурсивности. Иными словами, речь идет о таких преступлениях, у которых основание, виновность и юридическая ответственность оказываются за пределами личной ответственности субъекта. Состояние умопомешательства несовместимо с ответственностью и исключает ее последствия.

Привязка безумия к преступлению (а в пределе привязка безумия ко всякому преступлению) позволяет обосновать психиатрическую власть не в терминах истины, а в терминах опасности. Задача психиатрии состоит в том, чтобы защищать общество и предотвращать опасность, исходящую от безумцев, ибо во всяком безумии скрывается возможность преступления. Поскольку безумие может быть чрезвычайно опасным, но невидимым до момента его проявления в виде совершенного преступления, постольку требуется специальное знание и опыт, позволяющие его идентифицировать и предвидеть. Как отмечает М. Фуко, «в ходе этой дискуссии о чудовищных преступлениях, о преступлениях “без причины”, идея всегда возможного родства между безумием и правонарушениями постепенно привилась и стала привычной для самих судебных институтов»³.

Традиционно право ограничивалось установлением лица, совершившего преступление, и его наказанием. С момента проникновения психиатрического знания в механизм правосудия право начинает обращаться к тому, кто совершил преступление, задаваясь вопросом о том, почему он это сделал. Психологизация личности преступника разворачивается в русле всеобщей медиализации жизни, центрированной вокруг понятия «норма». Если в прежней системе отправления правосудия наказание зависело исключительно от тяжести совершенного преступления, то очевидно, что исправление и

1 Фуко М. Ненормальные. СПб.: Наука, 2005. С. 107.

2 Фуко М. Психиатрическая власть. СПб.: Наука, 2007. С. 290.

3 Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 123-124.

нормализация имеют отношение уже не к самому преступлению, а к личности самого преступника, то есть прежде всего к тому, что делает его таковым (мотивы, инстинкты, комплексы и т.п.). Наказание начинает соотноситься с характером самого преступника.

Отсюда видно, что крупные преступления, совершенные без причины, ставят перед правосудием серьезную проблему: как судить и наказывать того, чьи мотивы неизвестны? Если наказание ставится в зависимость от причин, приведших к преступлению, то как наказывать того, у кого нет ни мотива, ни интереса, ни злонамеренности? С одной стороны, факт преступления налицо, и требуется наказание, с другой – нет никаких причин для совершения преступления, поэтому непонятно, за что следует наказывать. То есть невозможно интегрировать преступное деяние в личность субъекта как целое. «Чем лучше кажется эта интеграция, тем более наказуемым представляется субъект. Чем менее очевидной она будет, тем в большей степени кажется, будто проступок внедряется в субъекта как внезапный и неодолимый механизм, и кажется, что субъект не заслуживает наказания»⁴.

Из невозможности объяснить поступок через обращение к мотивам и интересам совершившего его лица рождается техника психиатризации и биографизации индивида и происходит обращение к понятию инстинкта как некоего монструозного и патологического фактора, который не вписывается в модель рационального объяснения поведения и не отвечает никаким интересам. Постепенно психиатрия патологических процессов, вызывающих поведенческие отклонения, замещается психиатрией постоянного состояния, детерминирующего неискоренимое отклонение. Зло связывается с тем, что индивид не способен противостоять чрезмерности инстинктивной динамики, с тем, что его моральные чувства оказываются повреждены. Исключая в системе ответственности элемент вины, биополитическое право вводит понятие причинной вероятности и риска. Это позволяет определить ответственность без установления вины, лишь оценивая создаваемый риск, от которого необходимо защищаться без возможности его полного устранения. Тогда «опасный индивид» – это тот, кто обладает трудно выявляемой причинно-следственной связью с высокой вероятностью совершения преступления. Он несет ответственность, поскольку одним своим существованием создает риск и даже в том случае, если он невиновен, – так как не способен в полной свободе воли выбрать между добром и злом. Следовательно, целью санкции будет уменьшить риск совершения преступления, связанный с тем или иным индивидом.

Таким образом, понятие «опасного индивида», возникшее в рамках судебно-медицинской дискурсивности, утверждается в качестве организующего принципа биополитического общества, доминирующей стратегией которого становится безопасность и профилактика. В конечном счете это приводит к конституированию чрезвычайного положения как перманентной формы социального бытия⁵. В ситуации чрезвычайного положения включается превентивное право, приостанавливающее действие всех гражданских прав. Поскольку каждый индивид рассматривается как потенциальная угроза обществу (как опасный индивид), постольку он может быть арестован, подвергнут пыткам и убит, даже если не нарушил никакого закона. Чрезвычайное положение как пространство приостан-

новки действия права открывает «серую зону», в которой человеческое бытие подвергается сомнению и продуцируются фигуры бесправного существования. Можно заключить, что происходящая в наши дни экстраполяция конструкции опасности и угрозы на всю человеческую множественность, как мы полагаем, сама подвергает общество опасности, угрозе и риску уничтожения.

Пристатейный библиографический список

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. 148 с.
2. Ломброзо Ч. Преступный человек. М.: Мидгард, 2005. 874 с.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. 320 с.
4. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 477 с.
5. Фуко М. Ненормальные. СПб.: Наука, 2005. 432 с.
6. Фуко М. Психиатрическая власть. СПб.: Наука, 2007. 450 с.

⁴ Там же. С. 127-128

⁵ Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Европа, 2011. С. 9.

МАЛЕЕВ Юрий Николаевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права
МГИМО (У) МИД России

**ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ МИГРАНТЫ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ КОНТЕКСТЕ
РЕЦЕНЗИЯ – КОММЕНТАРИЙ К МОНОГРАФИИ: IVANOV D. V., BEKYASHEV
D. K. «ENVIRONMENTAL MIGRATION IN INTERNARIONAL LAW» (CAMBRIDGE,
CAMBRIDGE SCHOLARS PUBLISHING, 2016. – 178 P.)**

В статье оценивается актуальность и новизна монографии Иванова Д. В. и Бекашева Д. К. «*Environmental Migration in International Law*», представляющей собой англоязычный вариант творчески переработанного издания на русском языке Иванова Д. В., Бекашев Д. К. *Экологическая миграция населения: Международно-правовые аспекты: Научное издание / Д. В. Иванов, Д. К. Бекашев. – М.: Аспект Пресс, 2013. – 176 с. Отмечены достоинства и недостатки монографии «Environmental Migration in International Law». По итогам статьи делается вывод о значении данной монографии с теоретической и практической точек зрения и возможной роли в отечественной и зарубежной науке международного права.*

Ключевые слова: экологические мигранты; международное право; монография, рецензия, комментарий

MALEEV Yuriy Nikolaevich

Ph.D. in Law, professor of the International Law sub-faculty of the MGIMO (U) MFA of Russia

**ENVIRONMENTAL MIGRANTS IN THE INTERNATIONAL LAW CONTEXT REVIEW – COMMENT TO THE
MONOGRAPH: IVANOV D. V., BEKYASHEV D. K. «ENVIRONMENTAL MIGRATION IN INTERNARIONAL LAW»
(CAMBRIDGE, CAMBRIDGE SCHOLARS PUBLISHING, 2016. – 178 P.)**

The article describes the relevance and novelty of the monograph Ivanov D. V., Bekyashev D. K. «Environmental Migration in International Law». This book is the creatively revised English version of the monograph in Russian Ivanov D. V., Bekyashev D. K. Environmental migration: International law aspects: Scientific publication / D. V. Ivanov, D. K. Bekyashev. - M.: Aspect Press, 2013 - 176 p. The advantages and disadvantages of the monograph «Environmental Migration in International Law» are marked. The conclusion about the meaning of the book from theoretical and practical points of view and possible role in Russian and foreign science of international law is made.

Keywords: environmental migrants; international law; monograph, review, comment.

Малеев Ю. Н.

Авторами рецензируемой монографии являются известные российские специалисты в области международно-правового регулирования миграции населения: кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права МГИМО (У) МИД России Д. В. Иванов и кандидат юридических наук, доцент этой кафедры Д. К. Бекашев. Это не первая совместная книга данных авторов по указанной проблематике. Так, ранее ими, кроме прочего, была издана совместная монография «Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции» (М., Проспект, 2013. – 392 с.).

Авторы, надо сказать, довольно смело вторгаются в тесно заполненный «рынок» (позволим себе употребить этот термин) экологических правовых публикаций, где американский эколог У. Вогт употребил термин «экологический беженец» еще в 1948 году. Но где, несмотря на это, как отмечают авторы, только в настоящее время экологическая миграция только начинает осознаваться как проблема, а термин «экологическая миграция» и поныне продолжает обретать правовое содержание, встречаясь все чаще и чаще.

В этом контексте, как отмечается в монографии, Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) выработало позицию, согласно которой термин «беженец» некорректно использовать для обозначения лиц, перемещенных по экологическим причинам. В связи с этим, следует именовать их экологическими мигрантами (с чем авторы согласны, см. ниже).

Насколько можно понять, авторы не пытаются предложить собственное определение анализируемого понятия, а

опираются на то, которое выработано Международной организацией по миграции (МОМ): «Экологические мигранты — это лица или группы лиц, которые по серьезным причинам внезапного или постепенного изменения окружающей среды, негативно сказывающегося на их жизнедеятельности или условиях жизни, вынуждены покинуть свое обычное место жительства или по своему желанию покидают его на определенное или неопределенное время и мигрируют в пределах своей страны или за ее пределы».

Что ж, попытка полезная, придающая «вес» всей работе. С учетом убедительно обоснованного авторами подхода, в соответствии с которым встречающийся термин «климатический беженец /мигрант» – более узок по сравнению с термином «экологический беженец/мигрант».

Авторы делают вывод о том, что экологическая причина миграции должна быть основной, чтобы причислить лицо к экологическим мигрантам. (В конкретных случаях причин может быть две и несколько).

Стоит поддержать призыв авторов разработать единое юридическое понятие для обозначения лиц, мигрирующих по экологическим причинам. Собственно, в этом плане они повторяют то, что высказывалось и до них и чем сравнительно давно занимаются в рамках ряда международных институтов, основным из которых стало УВКБ ООН, а также ГА ООН и ЭКОСОС, а также Исполнительный комитет по Программе Верховного комиссара, созданный еще в 1957 г.

В монографии упомянуты общие документы по делам беженцев, принятые ГА и ЭКОСОС, отмечена особая важность

системы предоставления УВКБ ООН «добрых услуг», в рамках которой оказывается помощь соответствующим группам беженцев — в том числе тем, защита которых не входит в его компетенцию (*т.е. и «экологическим»*). Авторы обращают особое внимание на тот факт, что в определенный момент УВКБ ООН было вынуждено ввести практику так называемого *группового подхода*. В этом случае беженцами признавались не отдельные лица, а целая группа лиц, т.е. речь идет о так называемых случаях массового притока (*large-scale influx*), или исхода, (*mass exodus*) беженцев. В связи с этим Исполнительный комитет УВКБ ООН принял соответствующее заключение — «Защита лиц, ищущих убежища, в ситуациях их массового притока», в котором установил основные правила обращения с данной категорией лиц. Согласитесь, что «массовость притока» при негативных экологических воздействиях — типичное явление. Но следует ли уделять ему приоритетное внимание по сравнению с «индивидуальным притоком»? Или права человека должны соблюдаться «на равных»? Авторы монографии предпочитают не затрагивать это «соотношение». А напрасно.

Но вместе с тем УВКБ ООН указало, что установление в качестве одного из критериев «большого числа» «может привести к субъективной оценке, которая в свою очередь привнесет элемент неточности». Некоторые организации заявили, что определение, содержащееся в аналитическом докладе, является неоправданно узким и не охватывает ряд лиц или группы лиц, нуждающихся в защите. Международная организация по миграции (МОМ) также выступила против исключения из рабочего определения небольших групп лиц, поскольку, права, которые затрагиваются, являются в основе своей правами личности¹.

Где здесь авторская позиция? — неясно. Читатель вправе рассчитывать на нее.

Далее. В авторском понимании, именно уважая права человека, не абсолютизируя наличие международного элемента, со временем УВКБ ООН стало оказывать помощь и лицам, перемещенным внутри страны. В частности, в своем Заключении «Лица, перемещенные внутри страны» оно признало, что «резолюция 48/116, принятая ГА ООН 20 декабря 1993 года и вновь подтвердившая поддержку усилий Верховного комиссара, особенно там, где такие усилия могли бы способствовать предотвращению или решению проблем беженцев, по-прежнему служит надлежащими рамками для участия Верховного комиссара в ситуациях внутреннего перемещения»².

В 1993 г. в документе «Положение беженцев в мире» УВКБ ООН определило *четыре основные причины появления потоков беженцев*, в которые входит и ухудшение состояния окружающей среды³.

Данный документ, по сути дела, лежит в основе всей работы. Но вызывает сожаление, что, отмечая фактор ухудшения качества окружающей среды, как способствующий вынужденной миграции, авторы просто упоминают про исключительную важность *предотвращения* негативных факторов, не пытаясь даже минимально остановиться на конкретных способах такого предотвращения. А ведь это все равно, что предотвращать болезнь, вместо того, чтобы бороться с ней, когда она уже наступила.

Можно сказать, что в определенной мере этот недостаток компенсирован авторами в том разделе, где анализируется работа конференций в Киото в 1997г. и в Гааге в 2000г., рассматривших вопрос о рисках интенсивной миграции в связи с глобальным потеплением⁴. А также на Всемирной встрече на высшем уровне по устойчивому развитию в Йоханнесбурге 2002г.⁵ На последней встрече были выработаны, кроме прочего, предложения оказывать финансовую и техническую помощь укреплению потенциала африканских стран, в том числе организационного и человеческого, в частности на местном уровне, не только для эффективной борьбы с *последствиями* стихийных бедствий, но и поддержания систем *наблюдения и раннего предупреждения*.

Отметим положительный факт того, что авторы «не забывают» это событие. Но где, опять же, сами они со своим оценочным мнением? — невольно возникает вопрос. Ведь «предупреждать» — значит вкладывать огромный материальный, технический и человеческий ресурс в соответствующие меры. Что в этом плане делается? Или это — общие слова представителей соответствующих стран. Как и в отношении *последствий* стихийных бедствий (на указанной Встрече в этом плане говорилось о необходимости: проведения оценок; принятия ответных мер по восстановлению; оказания поддержки странам Африки, с тем, чтобы они могли более эффективно решать проблемы перемещения населения в результате стихийных бедствий; оказания поддержки принимающим беженцев странам в улучшении состояния инфраструктуры и окружающей среды, включая экосистемы и среду обитания, которым причинен ущерб в процессе приема и расселения беженцев).

Логично предположить, что если бы указанные меры, мероприятия действительно эффективно проводились или хотя бы очевидно было их наметившееся проведение, то экологические мигранты вообще исчезли бы. Нет смысла бежать оттуда, где экологически и так все замечательно. Скорее надо переходить на приглашение «экологических туристов», зарабатывая на этом деньги.

Важную роль в развитии проблематики экологической миграции играют конференции государств-участников Рамочной конвенции об изменении климата. Основная работа в данном направлении была на чата в рамках Специальной рабочей группы по долгосрочному сотрудничеству, которая была создана в ходе встречи на Бали в 2007 г.⁶ и которая в соответствии с Планом действий, принятым в ходе конференции на Бали, разработала документ «Идеи и предложения по пункту 1 Плана действий Бали»⁷.

Авторы дают краткую (в целом, положительную) оценку объединению усилий между родных организаций в данной сфере. Так, в апреле 2008 г. Институт по окружающей среде и безопасности человека (Университет) ООН, ЮНЕП, МОМ учредили Альянс по изменению климата, окружающей среде и миграции. Цель деятельности Альянса — проведение исследований и повышение информированности о миграции по экологическим причинам с целью привлечения внимания международных организаций к этой проблеме⁸. В 2010 г. на конференции в Канкуне были одобрены результаты работы

1 Всеобъемлющее исследование по вопросам прав человека, относящимся к лицам, перемещенным внутри страны. Подготовлено представителем Генерального секретаря ООН г-ном Франсисом М. Дентом во исполнение резолюции 1992/73 Комиссии по правам человека: 21.01.1993. E/CN.4/1993/35. С. 34-35. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-ods.un.org/TMP/4900326.html> (дата обращения: 30.12.2010).

2 Лица, перемещенные внутри страны: Заключение Исполнительного комитета УВКБ ООН от 1994 г. № 75 (XLV). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.imhcr.ru/doc/75-1994.doc> (дата обращения: 12.04.2011).

3 Rintan F. Environmental Refugees — A Misnomer or A Reality? // A contribution to the Wilton Park Conference Report on Environmental Security and Conflict Prevention. 2001. March 1st — 3rd. P. 1.

4 Gonin R., Lassatly-Jacob V. Les rdfugids de l'environnement. Une nouvelle catgorie de migrants forcds? // Revue europdenne des migrations internationales. 2002. No 2. Vol. 18. — P. 142.

5 План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. Резолюция 2. A/CONF.199/20. — С. 56.

6 Bali Action Plan. Decision 1/CP.13 8th plenary meeting 14-15 December 2007 // FCCC/ CP/2007/6/Add.1. — P. 5.

7 Ideas and proposals on paragraph 1 of the Bali Action Plan. FCCC/ AW-GLCA/2008/16/ Rev.1, 2008. — P.49,76-77.

8 UNU-EHS Workshop Establishes Environmental-Induced Migration Alliance // United Nations University Institute for Environment and Human Security. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ehs.unu.edu/article/read/492> (accessed: 01.05.2012).

Специальной группы и принят План по адаптации, согласованный сторонами⁹.

Но в конкретных ситуациях эти «институциональные» усилия нередко оказываются неэффективными. Например, это касается мер по защите ЛПВС в ситуациях стихийных бедствий. УВКПЧ, УВКБ ООН и ЮНИСЕФ до сих пор сталкиваются с **трудностями при развертывании** потенциала на местах, который соответствовал бы обязательству возглавить усилия по предоставлению защиты в ситуациях стихийных бедствий, взятому ими на себя в 2005 г. при реализации инициативы по реформированию гуманитарной деятельности. В этой связи УВКБ ООН взяло на себя обязательство заполнить этот пробел на основе проведения консультаций с ЮНИСЕФ и УВКПЧ и выразило надежду, что его возможности будут должным образом усилены¹⁰.

Опять же, политизированный язык, помогающим указанным институтам и далее «надеяться». Не более того. Или авторы не владеют информацией по конкретным проводимым мероприятиям?

Оправданно значительное внимание уделено экологической миграции на региональном уровне (пар.2.1.). Очень полезная «кумулятивная» информация, приведу подробно. Конкретно:

Африканский регион:

– в 1969 году в рамках Организации африканского единства (ОАЕ) принята Конвенция, регулирующая конкретные аспекты проблемы беженцев в Африке, в которой дано расширительное определение понятия «беженец» (ст. 1);

– в 1994 г. на симпозиуме ОАЕ и ООН по беженцам и вынужденному перемещению населения в Африке отмечено, что во многих африканских государствах имеет место борьба за обладание природными ресурсами, при этом качество окружающей среды ухудшается. Некоторые государства уже не могут осуществлять основные управленческие функции, включая контроль над национальной территорией; контролировать национальные ресурсы, предоставлять базовые услуги в области санитарного контроля и т.п. На симпозиуме были подведены итоги имплементации положений Конвенции 1969 г. Оказалось, что, несмотря на положительные политические события в некоторых регионах континента, все еще сохраняется большое количество вооруженных конфликтов, насилия и систематических, массовых и грубых нарушений прав человека, кроме прочего, в связи с ухудшением экологической обстановки в регионе;

– сама миграция может вызвать ухудшение качества окружающей среды и нехватку ресурсов в стране, которая принимает мигрантов (восьмая рекомендация, принятая на симпозиуме);

– Африка стала первым континентом, государства которого приняли решение о создании своей собственной системы защиты ЛПВС (лица, перемещенные внутри страны) на основе международного договора;

– в 2004 г. в ходе работы Международной конференции по миру, безопасности, демократии и развитию в районе Великих озер отмечено, что состояние незащищенности во многом порождено незаконной эксплуатацией природных ресурсов, деградацией экосистем¹¹.

Отмечен и обратный эффект: влияние вооруженных конфликтов на окружающую среду, а именно потоков беженцев и ЛПВС на экосистему бассейна реки Конго и района Вели-

ких озер. Указано на стандарты, закрепленные в Руководящих принципах, в частности тех из них, которые касаются защиты лиц, пострадавших от природных катастроф. Кроме того, они должны создать механизм по предотвращению и борьбе с природными и антропогенными катастрофами, а также принять меры по восстановлению окружающей среды в областях, которые пострадали из-за массового притока беженцев и перемещенного населения;

– в 2009 г. в ходе саммита принята Декларация о беженцах, возвращенных лицах и ЛПВС в Африке¹², в которой в качестве основных причин перемещений на континенте названы, среди прочего, природные бедствия, отмечены рост негативного влияния изменения климата и увеличение числа лиц, мигрировавших по экологическим причинам;

– но наиболее знаменательным событием, завершившим переговоры по принятию международного договора о вынужденной миграции внутри страны, стало принятие Конвенции Африканского союза о защите лиц, перемещенных внутри страны, и оказании им помощи в Африке от 23 октября 2009 г.¹³

Конвенция отражает общую тенденцию расширения правового содержания терминов, используемых для обозначения различных категорий вынужденных мигрантов, и закрепляет экологические причины перемещения.

Американский континент:

– в 80-х годах XX в. вспышка гражданских конфликтов в Центральной Америке привела к «массовому исходу» почти 1 млн. человек, создав серьезные экономические, социальные и экологические проблемы для стран, в которые направлялись массовые потоки мигрантов. В 1984 г. эти «принимающие» страны приняли Картахенскую декларацию о беженцах¹⁴, в которой устанавливались правовые основы обращения с центральными-американскими беженцами;

– в Декларации экологические причины миграции не были прямо закреплены. Кроме того, на рассматриваемом континенте эта причина перемещений не играет такой важной роли, как в Африке¹⁵.

Европейский союз (ЕС):

– здесь данная проблематика до недавнего времени не слишком активно прорабатывалась, несмотря на известную активность «партии зеленых»;

– в апреле 2007 г. с целью борьбы с изменением климата Европейский парламент принял решение о создании Временного комитета по изменению климата. Его целью стала разработка предложений по будущей политике ЕС в области изменения климата и координирование позиции Парламента в ходе переговоров по данной теме¹⁶;

9 See: Warner K. Climate and environmental change, human migration and displacement: Recent policy developments and research gaps. United Nations University – Institute for Environment and Human Security (UNU-EHS), 2011.

10 Доклад Представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека внутренне перемещенных лиц Вальтера Келина: A/HRC/13/21 от 05.01.2010. С. 20. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www2.ohchr.org/enghsh/bodies/hrCouncil/docs/13session/A-HRC-13-21_ru.pdf (дата обращения: 15.05.2012).

11 On Peace, Security, Democracy and Development in the Great Lakes: Declaration of 20.11.2004. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.grip.org/bdg/pdf/g4226.pdf> (accessed 01.05.2012).

12 On Refugees, Returnees and Internally Displaced Persons in Africa: Kampala Declaration of 23.11.2009, Ext/Assembly/AU/PA/Draft/Decl. (I) Rev. 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4af0623d2.html> (accessed: 01.05.2012).

13 African Union Convention for the Protection and Assistance of Internally Displaced Persons in Africa («Kampala Convention»): 22.10.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4ae572d82.html> (accessed: 27.05.2012).

14 Картахенская декларация о беженцах, принятая на коллоквиуме по теме «Международная защита беженцев в Центральной Америке, Мексике и Панаме: юридические и гуманитарные проблемы», проходившем в Картахене (Колумбия) с 19 по 22 ноября 1984 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.unhcr.org/doc/1984-kartah.doc (дата обращения: 01.05.2012).

15 See: Persons covered by the OAU Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa and by the Cartagena Declaration on Refugees: Submitted by the African Group and the Latin American Group, 6 April 1992, EC/1992/SCP/CRP.6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae68cd214.html> (accessed: 07.05.2012).

16 Sgro A. Towards recognition of environmental refugees by the European Union // REVUE Asylon(s). 2008. November. No 6. Exodes bcologiques. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.reseau-terra.eu/article844.html> (accessed: 07.05.2012).

– впоследствии и другие институты ЕС выражали свою обеспокоенность в связи с появлением в ЕС мигрантов, спасающихся, кроме прочего, от природных бедствий. Авторы называют и кратко оценивают соответствующие инициативы вплоть до новейших времен, в том числе: решение Европейской комиссии о финансировании проекта «Изменение окружающей среды и сценарии вынужденной миграции»¹⁷, внимание (хотя и не такое пристальное, по выражению авторов статьи) Совета Европы, Комитете министров Совета Европы, Комитета по миграции, беженцам и населению Парламентской ассамблеи к проблеме экологической миграции.

Государствам было рекомендовано признать в качестве основы для своей политики, что Руководящие принципы и иные международные документы о правах человека и гуманитарное право должны применяться ко всем ЛПВС, включая лиц, покинувших свое жилище или обычное место жительства по причине природных или антропогенных бедствий.

Отмечая, как признает большинство ученых, что именно развитые европейские государства в основном несут ответственность за изменение климата, авторы настоящей статьи настаивают на том, что возложение такой ответственности было бы правоммерным только в конкретных случаях нанесения ущерба. Возложение же всего бремени ответственности на эти государства кажется не справедливым, тем более в контексте миграции, приема большого количества беженцев и их обустройства. Скорее государства согласятся на оказание помощи в ликвидации последствий природных и антропогенных бедствий. Европейские государства все еще не готовы и вряд ли будут готовы «открыть двери» экологическим мигрантам, когда они в ряде случаев не могут справиться с потоками беженцев в традиционном международно-правовом понимании данного термина. (*Современная «миграционная реальность» в Европе служит в этом плане полезным, хотя и весьма болезненным, уроком не только для Европы*).

Глава 3 работы называется «Теоретические основы международно-правового регулирования экологической миграции». И начинается она с определения понятия «экологические мигранты» (пар. 3.1). Вообще говоря, работу можно было начать именно с этой темы, чтобы было ясно, о чем авторы ведут разговор. Поневоле им пришлось затрагивать ее (см. выше). Что ж, это редакционный прием, и он несколько не снижает качество проведенного здесь авторами исследования. С чем же «полезным» читатель встретится здесь:

Для обозначения лиц, спасающихся от природных катаклизмов, существуют различные дефиниции. Ученые все еще не пришли к единому мнению по данному вопросу. Единственное, с чем согласно все международное сообщество, — это сложность поиска исчерпывающего определения;

Кроме того, не существует единства мнений и по поводу наименования самого термина. Наиболее часто используются следующие термины:

- *экологический беженец/перемещенное лицо* (environmental refugee/environmentally displaced person);
- *экологический мигрант* (environmental migrant);
- *вынужденный экологический мигрант* (forced environmental migrant);
- *мигрант по экологическим мотивам* (environmentally motivated migrant);
- *мигрант/беженец/перемещенное лицо, мигрирующее в связи с реализацией проектов развития*;
- *климатический мигрант/беженец/перемещенное лицо* (climate migrant/refugee/displaced person);
- *мигрант/беженец/перемещенное лицо в связи с изменением климата* (climate change migrant/refugee/displaced person);
- *экомигрант/беженец* (eco-migrant/refugee);
- *будущий экологический беженец* (environmental refugee-to-be).

Как представляется, многие с удивлением узнают о таком «многообразии», в котором так или иначе сочетаются два компонента: «миграционный» и «экологический». Для формулирования наиболее полного определения, как полагают авторы, необходимо выяснить, что подразумевают под собой оба компонента, а именно: определить, что подразумевается под наименованиями «мигрант», «беженец», «перемещенное лицо», с одной стороны, «экология», «климат», «природное бедствие» — с другой.

Эту попытку с энтузиазмом и предпринимает авторы данной монографии.

«Миграционный компонент» представляет определенную сложность для интерпретации, поскольку в международном праве слово «мигрант» означает лицо, которое мигрирует добровольно. Возникает вопрос: должна ли экологическая миграция быть обязательно добро вольной? Судя по всему, нет. (См. в этом плане определение МОМ выше)¹⁸.

Также необходимо выяснить, какой термин наиболее точно подходит для ситуации, в которой находятся лица, покинувшие свой дом по экологическим причинам: «беженец», «мигрант», «перемещенное лицо».

Как известно, понятие «беженца», предусмотренное в Конвенции 1951 г., не предполагает его распространение на вышеуказанную категорию лиц. Такова и позиция УВКБ ООН. Удобнее было бы расширить понятие «мигрант», не ограничивая его только добровольной миграцией, применительно к экологическим перемещениям.

Для уяснения того, что же представляет собой «экологический компонент», необходимо определить такие понятия, как: экология, окружающая среда и климат. Что и делают авторы, отмечая, что термин «*климатический беженец/ мигрант*» более узкий по сравнению с термином «*экологический беженец/мигрант*».

15 декабря 2006 г. в рамках Международной конференции по району Великих озер в Африке был принят Пакт о безопасности, стабильности и развитии в районе Великих озер¹⁹. Статья 12 Пакта предусматривает принятие Протокола по вопросу защиты ЛПВС и оказания им помощи. Согласно ст. 1 Протокола перемещенными внутри страны лицами счи таются лица или группы лиц, которых заставили или вынудили бросить или покинуть, свои дома или места обычного проживания, кроме прочего, в результате или во избежание *стихийных* или

17 Declaration on climate migrations // Conference on Climate migrations organised in the European Parliament, Brussels, on June 11th 2008 by the Greens/EFA group. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.csf-desertification.org/index.php/bibliotheque/autres-publications/2008/doc_download/91-anonymous-2008-declaration-on-climate-migrations (accessed: 07.05.2012); Synthesis Report: EACH-FOR. Environmental Change and Forced Migration Scenarios. Specific Targeted Project Scientific support to policies — SSPD.3.4. P.23. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.each-for.eu/documents/EACH-FOR_Synthesis_Report_090515.pdf (accessed: 07.05.2012); Schmeding T. Environmental migration: a global issue under European Union leadership? // Master thesis. 2010-2011. P. 28, 39; CM(2006)36addE / 08 March 2006. Ad hoc Committee of Experts on the Legal Aspects of Territorial Asylum, Refugees and Stateless Persons (CAHAR) — b. Draft Recommendation Rec(2006). of the Committee of Ministers to member states on internally displaced persons — Explanatory memorandum [961 meeting]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CM\(2006\)36&Language=lanEnglish&Ver=add&Site=CM&BackColorIntemet=DBDCF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FD C864#Pll126](https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CM(2006)36&Language=lanEnglish&Ver=add&Site=CM&BackColorIntemet=DBDCF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FD C864#Pll126) (accessed: 07.05.2012).

18 Migration, Climate Change and the Environment. A Complex Nexus. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iom.int/jahia/Jahia/complex-nexus#forced> (accessed: 15.05.2012).

19 On Security, Stability and Development for the Great Lakes: Pact of 15.12.2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.hitemal-displacement.org/8025708F004BE3Bl/\(httpInfoFiles\)/60ECE277A8EDA2DDC12572FB002BBD77/file/Great%20Lakes%20pact_en.pdf](http://www.hitemal-displacement.org/8025708F004BE3Bl/(httpInfoFiles)/60ECE277A8EDA2DDC12572FB002BBD77/file/Great%20Lakes%20pact_en.pdf) (accessed: 17.05.2012).

вызванных деятельностью человека бедствий, и которые не пересекали международно признанных государственных границ.

Если Пакт о безопасности, стабильности и развитии в районе Великих озер и Протокол по вопросу защиты ЛПВС и оказания им помощи являются, по сути, субрегиональными документами, то упомянутая выше Конвенция Африканского союза от 23 октября 2009 г., если ее ратифицируют все страны—члены Африканского союза, будет иметь более широкую сферу применения и приобретет региональный характер.

Конвенция содержит широкий спектр оснований перемещения внутри страны, которые включают природные бедствия, антропогенные катастрофы, изменение климата, осуществление проектов в области развития.

Определение, используемое странами *Латинской Америки*, основано на определениях, закрепленных в Конвенции 1951 г. и Протоколе 1967 г., а также Конвенции ОАЕ 1969 г. Это значит, что оно не включает прямо такие основания для признания лица беженцем, как экологические причины. Однако эксперты УВКБ ООН считают, что оно является достаточным для данного региона, поскольку включает все обстоятельства, которые могут повлиять на общественный порядок настолько, что жизнь, безопасность и свобода личности могут оказаться под серьезной угрозой. Было признано, что хотя экологические факторы и играют определенную роль в Центральной Америке, они не носят столь серьезный характер, который угрожал бы физической неприкосновенности личности в странах региона.

С этим утверждением авторы данной монографии, убедительно мотивируя свою позицию, не могут согласиться. Пример Фукусимы показал, что природные и антропогенные катастрофы могут приобретать универсальный характер и затрагивать многие, а в долгосрочной перспективе все государства. Поэтому наиболее удачной, как полагают авторы, следует признать формулировку, которая включала бы наибольшее количество возможных ситуаций, влекущих за собой появление значительных потоков беженцев. С другой стороны, не все государства готовы согласиться с таким широким определением, поскольку не заинтересованы в предоставлении статуса беженцев столь многочисленной массе людей.

Вместе с тем, эксперты УВКБ ООН признали, что международному сообществу необходимо разработать и принять универсальное определение понятия «беженец», которое основывалось бы на Конвенции 1951 г., Протоколе 1967 г., Конвенции ОАЕ 1969 г. и Картахенской декларации 1984 г. Так или иначе, отрицать, что природное бедствие в ряде случаев может привести к серьезному нарушению общественно го порядка нельзя.

Определение понятия «экологический мигрант» также разрабатывалось различными международными организациями. Наиболее часто цитируемым определением является определение, разработанное в рамках ЮНЕП и предложенное Эссамом эль-Гиннави, согласно которому экологические беженцы — это лица, которые были вынуждены покинуть свое обычное место жительства временно или на неопределенное время по причине причинения значительного вреда окружающей среде (природных катастроф и/или антропогенных катастроф), подвергающего опасности их жизнь и/или оказывающего серьезное влияние на качество их жизни.

Экологические причины перемещения могут существовать и наряду с другими причинами. Например, если беженец покидает свою страну не только по причине преследования, но и в связи с наводнением. Однако при этом экологическая причина должна быть основной. Именно она позволяет причислить данное лицо к экологическим мигрантам, а преследование по соответствующим признакам позволяет ему требовать предоставления статуса беженца.

УВКБ ООН, МОМ и Группа по политике в отношении беженцев избрали данный термин для использования в своей

работе как наиболее удачный²⁰. Ведь термин «беженец» подразумевает наличие у лица ряда прав и обязанностей, предусмотренных международным правом, тогда как статус экологических мигрантов не определен.

Проблема вынужденных мигрантов, появившихся после распада СССР, стала предметом обсуждения на Конференции СНГ по проблеме беженцев и мигрантов, проходившей в 1996 г. На Конференции особенно много дискуссий вызвала терминология. В рамках Конференции под экологическими мигрантами понимались лица, которые вынуждены покинуть места своего постоянного проживания и перемещаются в пределах своей страны или пересекают ее границу вследствие резкого ухудшения состояния окружающей среды или экологических катастроф²¹.

Общий вывод авторов: если следовать традициям международного права и практике, принятой ведущими международными организациями в области миграции, следует признать, что наиболее адекватным термином для обозначения лиц, мигрирующих по причинам изменения окружающей среды, является «лица, перемещенные по экологическим причинам».

Отдельное место в книге уделено вопросам *трудоустройства*, обусловленной экологическими факторами. Авторы справедливо указывают, что в данный момент отсутствует какой-либо международно-правовой акт, который регулировал бы непосредственно отношения, связанные с экологической трудовой миграцией. Более того, ни в одном из действующих международно-правовых актов нет упоминания о таких мигрантах. В связи с этим, в книге разработаны рекомендации по устранению существующих пробелов в международном праве. Авторы предлагают также собственное определение понятий «внешний экологический трудовой мигрант» и «внешняя экологическая трудовая миграция».

Книга содержит приложения, в которых объединены наиболее важные международные акты, регулирующие различные аспекты вынужденной и трудовой миграции. Безусловно, данная монография будет полезна юристам-международникам, студентам, аспирантам, исследователям и широкому кругу читателей, заинтересованных в международном миграционном праве.

Научное издание состоит из трех глав, заключения и приложения. Структура монографии выстроена логично, что позволяет иметь четкое представление о рассматриваемых проблемах.

Рецензируемая книга появилась в науке международного права чрезвычайно вовремя. Актуальность монографии несомненна. Миграция населения признается одной из наиболее активно развивающихся глобальных проблем в настоящее время, так как все большее количество людей пересекают границу своего государства по той или иной причине. Это подтверждает, в частности, *принятие Генеральной Ассамблеей ООН 19 сентября 2016 г. Нью-Йоркской декларации о беженцах и мигрантах*. В ней отмечается, что миграция — это явление, которое носит глобальный характер, что требует применения глобальных подходов и принятия глобальных решений, а также то, что ни одно государство не может справиться с такими перемещениями самостоятельно.

В связи с существенным увеличением роста миграции по экологическим причинам встает вопрос о ее более детальном и эффективном международно-правовом регулировании. Исследование данных проблем с позиций международного права в своем наиболее полном виде представляет собой существенный вклад в науку и несет безусловный интерес с практической точки зрения.

20 Protecting the Rights of the Stateless. Preparing for Environmental “Refugees” III. Addressing the needs of Urban Refugees//UNHCR. P. 12.

21 Программа действий: принята в г. Женеве 31.05.1996 Международной конференцией по проблемам беженцев и мигрантов в странах СНГ. Доступ из справ. — прав. системы «КонсультантПлюс».

Следует отметить, что до Д. В. Иванова и Д. К. Бекишева в России и на постсоветском пространстве никто не исследовал проблему экологической миграции населения в контексте международного права. Кроме того, как уже было отмечено, в отличие от некоторых зарубежных авторов, проблема рассмотрена не только в части, касающейся вынужденной миграции, но и в отношении трудовой миграции. В этом состоит новация не только в российской, но и в мировой доктрине международного права.

Издание монографии на английском языке российскими учеными представляется крайне важным. Отечественная школа международного права, при всей ее значимости и достижениях, к сожалению, в последнее время не слишком известна за рубежом. Это связано с объективными причинами, прежде всего с тем, что она выражена в изданиях, опубликованных на русском языке, что естественно, делает крайне затруднительным ее продвижение в других странах. Как представляется, опубликование монографии «Environmental Migration in International Law» в известном и авторитетном британском издательстве будет способствовать продвижению российской школы международного права и повышению ее авторитета.

Монография «Environmental Migration in International Law» является первой монографией по указанным проблемам, изданной на английском языке российскими специалистами.

В своей работе авторы ставят проблему шире, чем это традиционно делалось в рамках международно-правовой защиты прав мигрантов.

Эта книга объединяет исследования по различным аспектам экологической миграции населения в контексте международного права, с особым акцентом на возникновение и развитие правового регулирования в области экологической миграции на глобальном и региональном уровнях.

Высказываю сожаление, что авторы практически не уделили внимания проблематике *обязанностей мигрантов* на иностранной территории. Тема, можно сказать, болезненная, особенно для современной Европы. В этом плане, видимо, им будет полезна моя статья «К вопросу о международном Пакте об обязанностях человека», помещенная в Московском журнале международного права. 2014. № 3. С. 65-81.

Пристатейный библиографический список

1. Всеобъемлющее исследование по вопросам прав человека, относящимся к лицам, перемещенным внутри страны. Подготовлено представителем Генерального секретаря ООН г-ном Франсисом М. Дентом во исполнение резолюции 1992/73 Комиссии по правам человека: 21.01.1993. E/CN.4/1993/35. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://daccess-ods.un.org/TMP/4900326.html> (дата обращения: 30.12.2010).
2. Доклад Представителя Генерального секретаря по вопросу о правах человека внутренне перемещенных лиц Вальтера Келина: A/HRC/13/21 от 05.01.2010. С. 20. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/13session/A-HRC-13-21.ru.pdf> (дата обращения: 15.05.2012).
3. Лица, перемещенные внутри страны: Заключение Исполнительного комитета УВКБ ООН от 1994 г. № 75 (XLV). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.imhcr.ru/doc/75-1994.doc> (дата обращения: 12.04.2011).
4. *Sgro A.* Towards recognition of environmental refugees by the European Union // REVUE Asylon(s). 2008. November. No 6. Exodes biologiques. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.reseau-terra.eu/article844.html> (accessed: 07.05.2012).
5. Bali Action Plan. Decision 1/CP.13 8th plenary meeting 14-15 December 2007 // FCCC/CP/2007/6/Add.1.
6. *Gonin R, Lassatilly-Jacob V.* Les réfugiés de l'environnement. Une nouvelle catégorie de migrants forcés? // Revue européenne des migrations internationales. 2002. No 2. Vol. 18.

7. Ideas and proposals on paragraph 1 of the Bali Action Plan. FCCC/AWGLCA/2008/16/ Rev.1, 2008.
8. Migration, Climate Change and the Environment. A Complex Nexus. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.iom.int/jahia/Jahia/complex-nexus#forced> (accessed: 15.05.2012).
9. On Peace, Security, Democracy and Development in the Great Lakes: Declaration of 20.11.2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.grip.org/bdg/pdf/g4226.pdf> (accessed 01.05. 2012).
10. On Refugees, Returnees and Internally Displaced Persons in Africa: Kampala Declaration of 23.11.2009, Ext/Assembly/AU/PA/Draft/Decl.(I) Rev. 1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/4af0623d.html> (accessed: 01.05.2012).
11. On Security, Stability and Development for the Great Lakes: Pact of 15.12.2006. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.hitemal-displacement.org/8025708F004BE3B1/\(httpInfoFiles\)/60ECE277A8EDA2DDC12572FB002BBDA7/\\$file/Great%20Lakes%20pact_en.pdf](http://www.hitemal-displacement.org/8025708F004BE3B1/(httpInfoFiles)/60ECE277A8EDA2DDC12572FB002BBDA7/$file/Great%20Lakes%20pact_en.pdf) (accessed: 17.05.2012).
12. Persons covered by the OAU Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa and by the Cartagena Declaration on Refugees: Submitted by the African Group and the Latin American Group, 6 April 1992, EC/1992/SCP/CRP.6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae68cd214.html> (accessed: 07.05.2012).
13. Persons covered by the OAU Convention Governing the Specific Aspects of Refugee Problems in Africa and by the Cartagena Declaration on Refugees: Submitted by the African Group and the Latin American Group, 6 April 1992, EC/1992/SCP/CRP.6. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3ae68cd214.html> (accessed: 19.05.2012).
14. Protecting the Rights of the Stateless. Preparing for Environmental "Refugees" III. Addressing the needs of Urban Refugees//UNHCR. P. 12.
15. *Rintan F.* Environmental Refugees — A Misnomer or A Reality? // A contribution to the Wilton Park Conference Report on Environmental Security and Conflict Prevention. 2001. March 1st — 3rd.
16. *Schmeding T.* Environmental migration: a global issue under European Union leadership? // Master thesis. 2010-2011. P. 28, 39; CM(2006)36addE / 08 March 2006. Ad hoc Committee of Experts on the Legal Aspects of Territorial Asylum, Refugees and Stateless Persons (CAHAR) — b. Draft Recommendation Rec(2006). of the Committee of Ministers to member states on internally displaced persons — Explanatory memorandum [961 meeting]. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CM\(2006\)36&Language=lanEngsh&Ver=add&Site=CM&BackColorInternet=DBD CF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC 864#P11 126](https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=CM(2006)36&Language=lanEngsh&Ver=add&Site=CM&BackColorInternet=DBD CF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC 864#P11 126) (accessed: 07.05.2012).
17. Synthesis Report: EACH-FOR. Environmental Change and Forced Migration Scenarios. Specific Targeted Project Scientific support to policies — SSPD.3.4. P.23. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.each-for.eu/documents/EACH-FOR_Synthesis_Report_090515.pdf (accessed: 07.05.2012).
18. UNU-EHS Workshop Establishes Environmental-Induced Migration Alliance // United Nations University Institute for Environment and Human Security. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ehs.unu.edu/article/read/492> (accessed: 01.05.2012).
19. Warner K. Climate and environmental change, human migration and displacement: Recent policy developments and research gaps. United Nations University — Institute for Environment and Human Security (UNU-EHS), 2011.

АБАНИНА Елена Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и земельного права Саратовской государственной юридической академии

СОРОКИНА Юлия Викторовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и земельного права Саратовской государственной юридической академии

ШВЕЦОВА Ирина Васильевна

преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии, заведующая сектором научно-исследовательской работы студентов службы проректора по научной работе

VII SARATOVSKIE PRAVOVYE CHTENIYA «PRAVO, NAUKA, OBRAZOVANIE: TRADITSII I PERSPEKTIVY», POSVYASHCHENNYE 85-LETIU OBRAZOVANIYA SARATOVSKOY GOSUDARSTVENNOY YURIDICHESKOY AKADEMII

Мероприятие, которому посвящен данный очерк, было организовано в рамках праздничных торжеств, посвященных 85-летию СГЮА. На базе СГЮА одновременно прошли масштабные международные и всероссийские научные мероприятия. В рамках VII Саратовских правовых чтений была организована насыщенная программа: работа научно-практической конференции, дискуссионных площадок, экскурсии и многое другое. Готовы к опубликованию 500 научных статей и тезисов.

Ключевые слова: право, законодательство, актуальные проблемы права, СГЮА.

ABANINA Elena Nicolaevna

PhD in Law, associate professor of Environmental and Land Law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

SOROKINA Yuliya Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor of Environmental and Land Law sub-faculty of the Saratov State Law Academy

SHVETSOVA Irina Vasiljevna

lecturer of Financial, Banking and Customs Law sub-faculty of the Saratov State Law Academy, the manager of sector of research work of students of service of the vice rector for scientific work

VII SARATOV LEGAL READINGS «RIGHT, SCIENCE, EDUCATION: TRADITIONS AND PROSPECTS», THE FORMATIONS OF THE SARATOV STATE LAW ACADEMY DEVOTED TO THE 85 ANNIVERSARY

The action to which this sketch is devoted was organized within the festive actions devoted to the 85 anniversary of SSLA. Based on SSLA there took place several large-scale international and All-Russian scientific actions. Within the VII Saratov legal readings the highly topical program was organized: work of a scientific and practical conference, discussion platforms, excursions and many other things. Are ready to publication of 500 scientific articles and theses.

Keywords: right, legislation, urgent problems of the right, SSLA.

VII Саратовские правовые чтения «Право, наука, образование: традиции и перспективы», посвященные 85-летию Саратовской государственной юридической академии, состоявшиеся 29-30 сентября 2016 г., стали заметным событием не только в российской, но евразийской научной жизни. В конференции приняли участие более 1 000 человек, включая около 200 иногородних и 80 иностранных участников. География зарубежных гостей была широко представлена учеными из стран СНГ (Республики Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Азербайджан), а также участниками из Болгарии, Германии, Италии, Франции, Чехии и др.

На торжественных мероприятиях по случаю юбилея СГЮА собрались руководители федеральных и областных правоохранительных структур, органов государственной власти, ректоры российских вузов, политики, общественники,

преподаватели, студенты и выпускники СГЮА. Академию приехали поздравить: заместитель Генерального прокурора РФ **Юрий Пonomарев**, ректор Московского государственного юридического университета (МГЮА) **Виктор Блажеев**, декан Юридического факультета Московского госуниверситета им. М. В. Ломоносова **Александр Голиченков**, президент Уральского государственного юридического университета (УрГЮА) **Виктор Перевалов**, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук **Борис Эбзеев**, депутат Государственной думы РФ **Николай Макаров** и многие другие.

Абанина Е. Н.

Сорокина Ю. В.

Швецова И. В.

Фото 1. Ректор СГЮА Сергей Борисович Суоров

Открыл VII Саратовские правовые чтения ректор СГЮА, доктор социологических наук, депутат Саратовской областной думы, профессор **Сергей Суоров**. Сергей Борисович отметил особую важность проведения данной конференции в год юбилея Академии, когда ей исполняется 85 лет: «Наша альма-матер может гордиться функционированием научных школ, многонациональным братством студентов и талантливым коллективом преподавателей, молодых ученых, успешно реализующих себя в исследовательской работе».

На официальном открытии были заслушаны доклады директора Саратовского филиала Российской Академии наук, заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора **Александра Малько**, директора института Восточно-Европейского права Кильского университета (Германия), сопредседателя РГЮИ, доктора юридических наук **Александра Трунка**, президента ассоциации «Франко-российский диалог», председателя Общества памяти императорской гвардии **Александра Трубецкого** (Франция).

В рамках конференции были организованы 23 секции, на которых с докладами выступили именитые ученые. Многие поднятые ими вопросы касались проблем международного, и, в частности, евразийского сотрудничества, что непосредственно является предметом неустанныго интереса журнала.

Так, в эти праздничные дни состоялась открытая лекция на тему «Актуальные проблемы гражданского процессуального права Чехии» кандидата юридических наук, помощника судьи Конституционного Суда Чешской Республики, доцента кафедры гражданского права университета им. Масарика в г. Брно Чешской Республики **Давида Радована**. В ходе своего выступления Радован Давид проанализировал основные отличия законодательства, регламентирующего судопроизводство по гражданским делам в Чешской Республике, от аналогичных вопросов в российском праве. Выступая перед участниками этой встречи, проректор по научной работе СГЮА, доктор юридических наук, профессор Е. В. Вавилин подчеркнул необходимость межвузовского взаимодействия, в том числе с иностранными учебными заведениями.

Депутат национального собрания Франции, член комиссии национального собрания Франции по обороне и вооруженным силам, мер города Бриен-ле-Шато, **Николя Дюик** обратился к молодым студентам, которые только начинают свой путь. По его мнению, чтобы добиться поставленных целей, необходимо идти по жизни с желанием решить проблемы, ключ к которым до них еще никто не нашел. Тогда их деятельность будет востребована и плодотворна.

Фото 2 . Давид Радован

Заведующий отделом Института Философии и Права НАН Азербайджана доктор юридических наук, профессор **Г. С. Курбанов**, в докладе «Перспективы развития главы 8 Уголовного Кодекса Азербайджанской Республики» обозначил тенденции дальнейшего развития главы 8 УК Азербайджана, регламентирующей институт обстоятельств, исключающих преступность деяния: первая – расширение круга обстоятельств, исключающих преступность деяния за счет включения в их число новых, не предусмотренных в настоящее время в законе обстоятельств, и вторая – уточнение законодательных формулировок путем дальнейшего повышения уровня законодательной техники.

Доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права СГЮА **О. Ю. Бакаева** в докладе «Особенности правотворческой деятельности Евразийской экономической комиссии» (далее – ЕЭК) обратила внимание на особое место Евразийской экономической комиссии в системе органов Евразийского экономического союза. Важное место ЕЭК предопределено тем, что это постоянно действующий регулирующий орган, ставший в 2012 году правопреемником Комиссии Таможенного союза. Ее основные задачи заключаются в обеспечении условий функционирования и развития Союза, а также выработке предложений в сфере экономической интеграции в рамках ЕАЭС. Кроме положительных отмечены были и проблемные аспекты правотворческой деятельности ЕЭК. Например, «в настоящее время правовой механизм принятия ЕЭК решений, включающий их общественное обсуждение и оценку регулирующего воздействия, не достаточно широко освещен в средствах массовой информации, в том числе на интернет-ресурсах. К сожалению, до сих пор не разработан механизм контроля за нормотворческой деятельностью ЕЭК. Обжаловать такие решения можно только в Суд ЕАЭС». В заключение Ольга Юрьевна подчеркнула, что развитие интеграционных процессов, основанных на функционировании Евразийского экономического союза, обуславливает не только необходимость совершенствования правовой базы, но и оптимизацию организационной структуры органов управления на наднациональном уровне. Осуществление рядом этих органов функции нормотворчества требует основательного подхода к разработке правового механизма реализации этой функции.

Доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой конституционного и международного права Поволжского института управления им. П. А. Столыпина (филиал РАН-ХиГС, г. Саратов) **Д. С. Велиева** в докладе «Общепризнанные принципы и нормы и международные договоры в системе

Фото 3. Никола Дюик

источников конституционного права» обратила внимание, что в юридической науке не выработана единая позиция в отношении определения общепризнанных принципов и норм международного права, также такое единство отсутствует и в международно-правовой доктрине. Место общепризнанных принципов и норм международного права в системе источников конституционного права определяется непосредственно самой Конституцией РФ, согласно которой они являются составной частью ее правовой системы. В отношении юридической силы международных договоров докладчик подчеркнула, что международный договор РФ, устанавливающий иные по сравнению с национальными нормами правила, не отменяет действия последних. Его преимущественная сила может проявляться только на стадии правоприменения. Несоответствие норм внутригосударственного закона и международного договора РФ не ведет к автоматической отмене или неприменимости этого закона. В силу части 6 ст. 125 Конституции РФ приоритет международных договоров РФ не может быть исключительным, поскольку международные договоры РФ, не соответствующие Конституции РФ, не подлежат введению в действие и применению.

Доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и международного права СГЮА В. С. Хижняк рассказала о международно-правовой политике в области защиты прав детей. Она отметила как положительные, так и отрицательные черты современной международно-правовой политики в этой области. Так, одной из проблем международно-правовой политики в области прав детей, на взгляд докладчика, является проникновение в международное право идей раннего сексуального воспитания, пропаганды однополых браков, толерантного отношения к педофилии и т. д. Подобные идеи часто идут в разрез с традиционными ценностями, подрывают основы семьи и представляют опасность для физического и психического здоровья ребенка. Примером здесь являются Стандарты сексуального образования в Европе, в которых предполагается, что четырехлетний ребенок должен знать о всех формах любви. По мнению В. С. Хижняк, такие международные стандарты не имеют ничего общего с защитой прав детей и международно-правовая политика должна быть направлена на противодействие закреплению подобных норм как в международном, так и во внутригосударственном праве. Российская Федерация традиционно следует в своей конституционно-правовой политике дуалистической концепции соотношения международного и внутригосударственного права, согласно которой нормы международного права не могут стоять выше, чем нормы Конституции РФ. Это дает России

возможность закрыть свою правовую систему от влияния подобных норм.

В выступлении кандидата юридических наук, доцента, заведующего кафедрой европейского права и сравнительного правоведения СГЮА Д. В. Красикова рассматривались вопросы исполнения арбитражных решений по межгосударственным и инвестиционным спорам: основные препятствия и международно-правовые средства их преодоления. Основным тезисом выступления состоял в том, что, хотя препятствия для исполнения арбитражных решений по межгосударственным и инвестиционным спорам существуют как на международном, так и на внутригосударственном уровне, основные пути их преодоления лежат в сфере международного права. Такими препятствиями являются крайне ограниченный круг возможностей обеспечения исполнения данных решений на международном уровне, а также действие на внутригосударственном уровне иммунитетов государств от юрисдикции и от принудительных мер. Данные проблемы рассматривались с учетом соответствующих различий в арбитражных решениях, а также с указанием на возможные пути их разрешения. Подводя итог, докладчик заключил «основные пути преодоления проблем исполнения арбитражных решений по межгосударственным или инвестиционным спорам лежат в сфере международного права и включают в себя более активное привлечение международных организаций в процесс побуждения к исполнению таких решений, включение в международные соглашения гарантий судебного контроля за исполнением арбитражных решений, обеспечение возможности исполнения соответствующих арбитражных решений на международном уровне, включение в международные и иные соглашения условий о согласии участвующих государств на осуществление в их отношении юрисдикции и применение принудительных мер».

Также на конференции обсуждались вопросы, характерные не только для национальных отраслей права, но и представляющие интерес и для читателей стран евразийского научного сообщества.

Доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе СГЮА Е. В. Вавилин в докладе «Целеполагающие принципы и принципы-методы осуществления гражданских прав», отметил, что благоприятная правовая среда – это оптимальное состояние системных правовых связей (совокупности условий и правовых средств), наиболее позитивно воздействующих на осуществление прав и исполнение обязанностей и стимулирующих гражданский оборот. Поэтому кроме раскрытых им в ходе доклада факторов существенной основой гарантированности является и адекватное толкование права, от чего напрямую зависит качество работы суда, а также эффективные механизмы защиты субъективных гражданских прав. В конце доклада он резюмировал, что принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей должен быть признан главенствующим началом системы принципов осуществления. Он представляет собой требование к изысканию мер, направленных на достижение экономических, юридических, материальных, организационных гарантий осуществления прав и исполнения обязанностей, в том числе и на устранение всевозможных препятствий. Наиболее существенным правовым фактором создания гарантий является формирование благоприятной правовой среды. С этой целью необходимо зафиксировать наряду с другими писаными принципами гражданского права принцип гарантированного осуществления прав и исполнения обязанностей, включив его в ст. 1 ГК РФ.

Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой, финансового, банковского и таможенного права СГЮА **Е. В. Покачлова** заострила свое внимание на долговой финансово-правовой политике как основе повышения эффективности финансово-правового регулирования в сфере публичного долга и развития финансового права как отрасли права и отрасли законодательства. В настоящее время указанная политика играет особую роль не только в формировании адекватного правового регулирования сферы публичного долга как одного из важнейших структурных элементов российской финансовой системы и одного из сложнейших институтов финансового права Российской Федерации, но и в реализации государством мер по преодолению последствий современного мирового финансово-экономического кризиса. Последнее обусловлено тем, что именно долговая правовая политика напрямую связана с управлением финансовыми ресурсами страны и является одним из финансово-правовых механизмов пополнения доходов бюджетов всех уровней бюджетной системы РФ.

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права СГЮА **А. Г. Блинов** раскрыл социальную результативность регулятивных и охранительных правоотношений в сфере оказания фармацевтических услуг, подчеркнув: механизм межотраслевого взаимодействия юридических норм в сфере оказания фармацевтических услуг основан на принципе приоритетного регулирования и субсидиарной охраны отношений между их субъектами; потенциал регулятивных и охранительных правоотношений в сфере обращения лекарственных средств направлен на удовлетворение интересов участников фармацевтических отношений; повышению качества уголовно-правовой охраны фармацевтических отношений должна способствовать нормотворческая работа. Обобщение материалов правоисполнительной и правоприменительной практики свидетельствует о том, что существует необходимость в расширении объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, за счет включения в ее диспозицию признаков изготовления, хранения, перевозки фальсифицированных лекарственных средств или медицинских изделий.

В рамках VII Саратовских правовых чтений «Право, наука, образование: традиции и перспективы», посвященных юбилею академии, отпраздновала свое 70-летие кафедра земельного и экологического права СГЮА.

История образования кафедры земельного и экологического права берет свое начало в сентябре 1946 года. Именно тогда кафедра в составе старейшего Саратовского юридического института им. Д.И. Курского начала свою работу и именовалась кафедрой земельного и колхозного права. Первым заведующим кафедры был известный ученый-юрист, доктор юридических наук, профессор **Иван Васильевич Павлов**. Сейчас кафедру возглавляет заслуженный юрист РФ, канди-

дат юридических наук, профессор **Константин Григорьевич Пандаков**.

Участники круглого стола, представители различных вузов страны и ближнего зарубежья в своих докладах затронули различные аспекты развития современного земельного, экологического и аграрного права.

Доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом экологического законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации **С. А. Боголюбов** в рамках своего выступления обозначил вопросы совершенствования российского аграрного, земельного и экологического права. Отметил Саратовский вклад в развитие земельно-правовой и эколого-правовой науки, подчеркнул, что кафедра земельного и экологического права не сторонится конструктивного и объективного изучения «интерэкоправа» (основоположником которой считается Е. А. Высторобец – прим. Е. А.), оправдавшего себя позитивного зарубежного и международного опыта, имплементации его в российское законодательство с учетом, уважением национальных традиций, привычек и менталитета россиян исходя из приоритетности подписанных и ратифицированных договоров России, включенности, присутствия их в ее правовой системе и высшей силы категорий, норм, институтов Конституции Российской Федерации.

Доктор юридических наук, зав. сектором аграрного и земельного права Института государства и права РАН (г. Москва), профессор **В. В. Устюкова** обратила внимание присутствующих на проблемы применения нового порядка изъятия земельных участков сельскохозяйственного назначения в связи с их неиспользованием. В своем докладе она рассмотрела один из аспектов нового порядка принудительного изъятия земель сельскохозяйственного назначения (и прекращения прав на них) – их неиспользования по целевому назначению, подробно остановившись на проблеме правильного исчисления срока неиспользования земельного участка сельскохозяйственного назначения. Также она отметила, что с принятием новой редакции статьи 6 Закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (ред. от 3 июля 2016 г.) остался нерешенным обсужда-

Фото 4. Круглый стол кафедры земельного и экологического права

фото: Наталья Раевской

шийся в науке и практике вопрос о том, как быть, если сельскохозяйственная организация или фермерское хозяйство не используют лишь часть предоставленного земельного участка. С одной стороны, изымать в таких случаях весь земельный участок нерационально, так как это отрицательно скажется на деятельности сельскохозяйственных товаропроизводителей и обеспечении продовольственной безопасности. Но механизмов изъятия частей неиспользуемых участков (равно как и ответственности за такие деяния) действующее законодательство не предусматривает.

Кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, земельного и экологического права Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына **А. А. Кадыров** представил доклад о современном состоянии экологического права и законодательства Кыргызстана.

В докладе ассоциированного профессора кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан) **Ж. И. Ибрагимова** (заочное участие) рассматривались проблемы и перспективы развития современного земельного законодательства Республики Казахстан. Республика Казахстана по площади земли (272,5 млн.га) занимает девятое место в мире. Сельскохозяйственные угодья составляют в ней 222 млн. га и определяют значение этих земель, как для формирования национальной специализации и валового национального продукта, так и в общей работе по охране земельного фонда государства и его эффективного использования. Земельная реформа в Республике Казахстан, ликвидация монополии государственной собственности на землю и утверждение частной земельной собственности, реорганизация крупных коллективных сельскохозяйственных предприятий при недостаточности законодательных актов, регулирующих правовые, экономические, организационные, территориальные и другие аспекты государственного управления земельными ресурсами, а также необходимость преобразования системы земельных отношений поставили задачу завершения земельных преобразований и создания системы сельскохозяйственного землепользования, способного обеспечить эффективное использование земли и превращение ее в один из определяющих факторов экономического роста.

Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Волгоградского института бизнеса, профессор **А. П. Анисимов** – о теории «соседского права» в контексте современных экологических угроз в Российской Федерации; доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова **Г. А. Волков** рассказал о взаимосвязи правовых институтов в земельном праве; доктор юридических наук, доцент кафедры природоресурсного, земельного и экологического права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета **Е. С. Болтанова** – об изъятии земельных участков для публичных нужд; доктор юридических наук, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия **Н. Д. Вершило** – о теоретико-правовых основах устойчивого развития лесопользования; доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права и процесса Российского государственного социального университета **В. С. Елисеев** – об агропродовольственных рынках; доктор экономических наук, зав. кафедрой земельного права Государственного уни-

верситета по землеустройству, доцент по кафедре земельного права **С. А. Липски** – о проблемах сложившегося механизма выявления и изъятия неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения и мерах по его совершенствованию; кандидат юридических наук, заведующая кафедрой государственно-правовых дисциплин ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и управления» доцент **К. Н. Аверина** – об экологической конфликтологии; кандидат юридических наук, декан юридического факультета ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и управления» **О. В. Воронцова** – об отдельных правовых проблемах, возникающих в работе органов местного самоуправления Республики Коми, осуществляющих экологические функции; кандидат юридических наук, и.о. заведующего отделом природоресурсного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП) **Е. А. Галиновская** – о правовом регулировании использования природных ресурсов в системе стратегического планирования в Российской Федерации; кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) **О. А. Зиновьева** – об изменениях законодательства, в части возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам; кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела экологического законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП) **М. В. Пономарев** – о трансформации права на благоприятную окружающую среду в условиях модернизации экологического законодательства; кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и природоресурсного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) **О. А. Романова** – о проблемных вопросах ограничения оборотоспособности земель; кандидат юридических наук, доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова **Д. В. Хаустов** – об актуальных правовых проблемах гарантий прав собственников застроенных земельных участков, расположенных в охранных зонах линейных инженерных сооружений.

В рамках праздничных мероприятий, посвященных 85-летию Саратовской государственной юридической академии, работали не только секции основной конференции «Право, наука, образование: традиции и перспективы», но и самостоятельные конференции: Международная научно-практическая конференция «Участники арбитражного судопроизводства: проблемы правового статуса и его реализации»; Международная научно-практическая конференция «Финансовые правоотношения: доктринальный и правоприменительный аспекты», а также дискуссионная площадка «Роль активной жизненной позиции молодежи в развитии Российской Федерации».

По итогам Конференции планируется опубликовать сборник научных работ, включающий более 500 тезисов докладов и научных статей.

СМИРНОВА Ольга Михайловна

кандидат философских наук, доцент, зам. зав. кафедрой философии и социально-политических технологий Российского государственного университета нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина

БОНДАРЕНКО Александр Викторович

кандидат философских наук, доцент, зам. зав. кафедрой философии Уфимского государственного нефтяного технического университета

ОБЗОР МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАУКА, ОБРАЗОВАНИЕ, МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ» (МОСКВА, 26 МАЯ 2016 Г.)

SMIRNOVA Olga Mikhailovna

Ph.D. in Philosophy, associate professor, Deputy Head of Philosophy and Socio-political Technologies sub-faculty of the I. M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

BONDARENKO Alexandr Viktorovich

Ph.D. in Philosophy, associate professor, Deputy Head of Philosophy sub-faculty of the Ufa State Petroleum Technical University

REVIEW OF MATERIALS INTERNATIONAL SOCIO-SCIENTIFIC CONFERENCE "SCIENCE, EDUCATION, YOUNG PEOPLE IN THE MODERN WORLD" (MOSCOW, 26 MAY 2016).

26 апреля 2016 г. в Российском государственном университете нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина прошла Международная научно-методическая конференция «Наука, образование, молодежь в современном мире». Инициаторами конференции выступили кафедра философии и социально-политических технологий РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина и кафедра философии Уфимского государственного нефтяного технического университета.

Современное высшее образование является одной из важнейших сфер социальной жизни и требует к себе постоянного внимания как общества в целом, так и ученых, ведущих преподавательскую деятельность. Социальная функция высшего образования быстро эволюционирует. Современные «вызовы истории», связанные с развитием информационного общества, быстрыми изменениями в технике и технологии, процессами глобализации и т.д. требует рассматривать высшее образование как определяющий фактор социального и экономического прогресса.

Организаторами конференции были предложен обширный перечень направлений для дискуссий: междисциплинарные подходы к реализации образовательных программ: пути интеграции гуманитарных и технических дисциплин; научные и образовательные императивы современного мира; инженерная парадигма XXI века; технологии; наука; философия; общие проблемы философии науки и науковедения; миграционные процессы и трудовые ресурсы; психолого-педагогическое и научно-методическое сопровождение процесса формирования общекультурных и профессиональных компетенций студентов технических направлений подготовки; инновационные системы обучения дисциплинам гуманитарного цикла в техническом вузе; содержательные аспекты реализации гуманитарной стратегии на разных ступенях образовательной практики; региональное измерение межэтнических отношений и этнокультурных процессов; формирование воспитательной составляющей гуманитарной образовательной среды; экологическая культура; физическая культура; феномен гуманитарной культуры; возрастание роли гуманитарных наук в системе

инженерного технического образования; когнитивные науки, социокультурные функции науки; современные педагогические теории гуманизации и гуманитаризации технического образования; коммуникации будущего – этика, культура, ответственность.

В конференции приняли участие профессора, доценты, преподаватели, аспиранты из двадцати восьми вузов России, Беларуси, Украины, Таджикистана. Всего было представлено сто восемь работ.

Работы участников конференции отразили диапазон исследований и практических наработок вузовских преподавателей. В центре внимания участников конференции оказались как теоретические, так и практические вопросы, связанные с тематикой конференции.

Преподавательское сообщество не может не волновать положение дел в современном образовании России. При этом выявляется положительная тенденция: переход от критики к конкретным конструктивным предложениям.

Так, обращается внимание на важность «деликатного» проведения инновации в вузе, сочетая классические традиции с современными научными достижениями (профессор Елхова О. И. – Башкирский государственный университет); рассматриваются возможности развития социокультурной среды вуза средствами педагогического менеджмента (профессор Филатова М. Н. – РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина); обосновывается необходимость формирования инновационно-ориентированной парадигмы высшей технической школы (профессор Беленкова О. А. – Уфимский государственный нефтяной технический университет); делается вывод о необходимости диалога между государством и педагогическим сообществом (доцент Волкова Л. В. – РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина); подчеркивается необходимость взвешенного

Смирнова О. М.

Бондаренко А. В.

использования технологических подходов к обучению (доцент Смирнова О.М. – РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина).

Участниками конференции было уделено большое внимание возрастанию роли гуманитарных наук в системе инженерного технического образования: обосновывается значимость комплекса социально-гуманитарных наук для формирования в системе образования целостного специалиста (профессор Виноградова Н. А. – Волгоградский государственный технический университет); отмечается возрастание роли гуманитарной составляющей в корректировке как духовно-личностных, так и профессиональных ценностей будущих специалистов (профессор Бодрова Е. В. – Московский технологический университет; профессор Калинов В. В. – РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина).

Разработка идей междисциплинарного подхода к реализации образовательных программ приобретает особый контекст в наши дни, когда происходит расширение многофункциональности труда, расширение полифункциональных знаний. При интеграции наук следует не только сохранять и передавать накопленные знания, ценности мировой и национальной культуры, но и постоянно актуализировать взаимодействие между учебными заведениями, тем самым происходит модернизация и инновационное продвижения (начальник отдела научно-исследовательской работы и инновационного развития Опарин А. Ю., доцент Гончарова О. В. – Северо-Кавказский филиал Московского технического университета связи и информатики); Переход на компетентностную модель формирования специалиста требует применения активных и интерактивных методов обучения, наличия междисциплинарных связей (доцент Фефелова Г. Г. – Уфимский государственный нефтяной технический университет); интегрированная педагогическая система призвана обеспечить преемственность между изучаемыми дисциплинами и стимулировать универсальное применение методов познания (доцент Горохова Н. Э. – Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов).

Участники конференции обратились не только к проблемам образования, но и к проблемам науки. Прозвучали такие темы как «Постнеклассические парадигмы сознания (к вопросу об онтологическом статусе феноменов сознания)» (доцент Семенова Т. Н. – РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина); «Перечитывая работу Т. Куна «Структура научных революций» в XXI веке» (доцент Юдина М. Е. – РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина); «О правовых аспектах регулирования государственной поддержки предпринимательства и ответственности в некоторых странах

СНГ» (доцент Самадов Б. О. – Таджикский государственный университет коммерции) и др.

Наибольший интерес у участников конференции вызвала тема «Психолого-педагогическое и научно-методическое сопровождение процесса формирования общекультурных и профессиональных компетенций студентов». Данная проблематика ближе всего преподавательскому сообществу, т.к. касается непосредственно преподавательской деятельности. Было высказано мнение, о том, каждой категории учебной цели соответствует определенный вид работы, ее выполнение обеспечивает реализацию двух подходов к обучению: технологического, ориентированного на воспроизводство знания и поискового ориентированного на производство нового знания (доцент Денисова Н. Ю. – Саратовская государственная юридическая академия); дано обоснование универсальности проектного метода в организации самостоятельной работы студентов (доцент Балычева М. Б. – РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина); описана образовательная технология «перевернутый класс» при обучении иностранному языку (доцент Агеева Н. В. – РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина); проанализировано освоение профессиональной лексики как необходимого элемента становления профессионала в системе высшего образования (доцент Фефелова Г. Г. – Уфимский государственный нефтяной технический университет); описан феномен формирования «образа профессионала», который имеет исключительное значение, как для развития «профессиональной Я – концепции», так и решения ряда прикладных задач (профессор Вишнева В. П. – Институт национальной безопасности Республики Беларусь); рассмотрены внешние, социально-исторические, социально-психологические предпосылки формирования образа ученого (доцент Ермолович Д. В. – Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники).

В качестве подведения итогов можно констатировать, что создание условий для дальнейшего, инновационного развития высшего образования требует участия не только государственных структур, но и научного сообщества. Научно-методологические конференции становятся необходимой площадкой для обмена мнениями, перениманием опыта, активизацией научного и педагогического творчества в преподавательской среде высшей школы.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или вернуть автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮж по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные автором на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.